

Марія Берестова

В поасках
соднѣа

Annotation

Дерек бежит от друга-тирана, одиночества и нелюбви, чтобы построить новую жизнь по своим правилам. В процессе он обретает настоящих друзей — таких же беглецов, которым бесконечно не хватало тепла. Роман, который согреет душу и даст пищу уму.

Книга первая. Морские ветра. I. Побег. 1. Как выбраться из Цитадели?

Посвящается двум крыльям моей души -
Марине Керре и Максиму Алиеву
Книга первая. Морские ветра

I. Побег
637 год, осень. Столица Ньюна

I turned away. I choose the path that I believe in. I stand today Above the shady nights me. I fear nothing, But the fact that I'm afraid of everything. I knew my name — Would only be for lonely riding.
Sunrise Avenue «Choose to be me» [1]

1. Как выбраться из Цитадели?

По совести сказать, Дереку даже нечего было собирать. Своих вещей у него не было — только то, чем он пользовался в быту и что своим не очень-то и считал. Он, однако, решительно нахлобучил широкополую фетровую шляпу, ответственно порылся в бумагах на столе и откопал там таблицу времён и продуктивных основ — раз уж едешь в другую страну, то неплохо бы заняться её языком! — и машинально припрятал в карман ключ от ящика стола.

Увязав в куртку запасную одежду и прихватив нож, он растеряно оглядел комнату, в которой провёл почти восемь лет своей жизни.

Комната казалась чужой и пустой — Дерек в ней только спал, а обживаться ему было особо нечем. Вся его жизнь заключалась в служении Грэхарду, и на себя никогда не оставалось ни сил, ни времени.

В открытое окно задувал пронзительный осенний ветер с залива, приятно холодя повреждённую сторону лица. Огромный синячище, оставшийся после удара Грэхарда, непрерывно ныл, вторя сжимающей сердце тоске.

Дерек присел на свою постель, не зная, что делать дальше. Днём им овладела совершенно безумная мысль — уехать на рассвете с отплывающими анжельскими купцами. Начать новую жизнь. Забыть Грэхарда, как страшный сон. Никогда больше не видеть его. Стать свободным.

Он никогда не думал о свободе — потому что даже вообразить себе не мог, что когда-нибудь захочет оставить Грэхарда. Он и сейчас, если уж начистоту...

Сердце Дерекса сжалось болью и тоской.

— Безумие! — пробормотал он, решительно откладывая узелок с курткой и снимая шляпу.

Что он, в самом деле, удумал? Ну какие побег! Он и анжельский язык знает не так чтобы хорошо, и как, вообще, он может оставить Грэхарда?..

Он нахмурился, и щёку дёрнуло болью, напоминая о синяке.

В полумраке комнаты Дерек отчётливо увидел яростные глаза Грэхарда, чеканящего: «Ты. Будешь. Выполнять. Мои. Приказы» — и летящий вслед за этими словами ему в лицо кулак.

Подскочив, он решительно нахлобучил шляпу и снова схватился за узелок, не замечая, что глаза стали мокрыми от слёз.

Рванув к двери, он, впрочем, остановился перед ней, сообразив, что не может просто выскочить в коридор и понестись на выход. Стража, стража, бесчисленная стража на этом пути... пропустила бы его.

Конечно, пропустила бы!

Он же — доверенное лицо владыки! Кто бы посмел его спрашивать, куда он несётся?

...и никто не помешал бы следующим же утром нагнать корабль анжельских купцов и силой вернуть его на место, как только выяснится, что он куда-то пропал, и стража доложит, что его видели несущимся в порт...

Дерек сел и задумался, ища выход из этого положения.

Он находился в центре охраняемой крепости, в Цитадели владыки, да ещё и в самом охраняемом внутри неё дворце — дворце владыки. Не существовало ни единого шанса выскользнуть в город мимо мощной охраны. Грэхард был параноиком; и кто, как не Дерек, знал, насколько хороша система внутренней безопасности его крепости?

Несколько минут понадобилось Дереку на то, чтобы осознать, что у него нет ни одного шанса. Он может выйти наружу, да, но куда ему деваться потом? Утром же по его следу пойдут лучшие ищейки владыки — и непременно его обнаружат.

Постепенно — перебирая самые безумные способы побега в голове — Дерек погружался во всё большее отчаяние. Наконец, вновь отбросив вещи, он улёгся на свою кровать и сжался унылым комочком. Щека, коснувшись подушки, вскипела болью; зашипев сквозь зубы, он сел, обхватывая колени руками и пялясь в темноту.

— Грэхард никогда не отдаст своё, — тихо напомнил сам себе Дерек.

«А я принадлежу Грэхарду», — мелькнула мысль, вызывающая острый и глубокий протест.

«Ты. Будешь. Выполнять. Мои. Приказы» — стрельнули в голове злые и уверенные слова владыки.

Куда он денется? Конечно, будет. И сегодня, и всегда — всю свою жизнь.

Грэхард для того и купил его, чтобы он выполнял его приказы — а если глупышке-Дереку и казалось, что между ними завязалась дружба, так это чисто от богатого воображения! Разве грозный владыка умеет дружить?

Дерек даже чуть насмешливо фыркнул: такое сентиментальное слово, как «дружба», совсем не сочеталось в одном контексте с такой мрачной бесчувственной громадой, как Грэхард.

— Конечно, я буду выполнять его приказы, — обиженно буркнул он.

От безнадёжности в глазах закололо. У него не было даже иллюзии выбора — уехать или остаться — потому что он не мог, не имел ни малейшего шанса уехать.

Дерек рассеяно сжал край откинутой шляпы. Неужели нет никакого выхода? Неужели он, действительно, обречён остаться здесь, и всю свою жизнь продолжать носиться за Грэхардом, выполняя его прихоти и предугадывая его желания?

«По крайней мере, из дворца я могу выйти через кухню», — напомнил сам себе Дерек.

Это не решит проблему с самой крепостью — как выбраться из неё, было по-прежнему

неясно, — но, может, выйдя из дворца, он хоть что-то придумает?

...Дерек знал, что ничего придумать не сможет: Цитадель была неприступна. Но сидеть дальше в темноте и перебирать мысли о том, что он обречён всю свою жизнь провести при Грэхарде, было невыносимо.

«Я всё-таки попробую что-то придумать!» — оптимистично постановил Дерек, нахлобучивая шляпу, туша свечи на столе и выходя.

В коридоре было темно и холодно. Из-за угла слабо доносился свет факела — там стоял кордон у дверей владыки. Дерек нервно сглотнул, испугавшись, что его хватятся прямо сейчас, и быстрым шагом отправился в противоположную сторону, во тьму узких коридоров — на кухню.

Там был чёрный выход, который запирался изнутри, поэтому не охранялся. Дерек хотел выскользнуть через него, а там...

Что там — он не знал. Несколько запертых ворот и стража у них. Один кордон ещё можно было надеяться проскользнуть на везении — но четыре?

За этими безнадежными мыслями он не заметил, как добрался до кухни. Однако, успев сделать несколько шагов к двери, он заметил, что она приоткрыта — снаружи доносился слабый свет факела.

«Кто здесь может быть?» — заполошно подумал Дерек, машинально отшатываясь.

Сердце зашлось бешеным стуком: это что же, Грэхард и сюда охрану выставил?!

Прежде, чем Дерек успел окончательно сбежать обратно в коридор, дверь совсем распахнулась, и на пороге возникла массивная фигура с факелом в руках. Дерек прижмурился от неожиданно яркого света.

— Это ещё что!.. — басовито рявкнула фигура, углядев в свете незваного визитёра, но быстро подобрела: — А! Ты, что ли?

Дерек перевёл дух, узнав голос дядьки Брюка — хозяйственника, который обеспечивал мелкие бытовые нужды Цитадели вроде «там прибить, там зашпаклевать, там закопать».

Не стража!

Однако своё появление на кухне нужно было как-то объяснить.

— Мёд ищу, — лаконично заявил Дерек, забыв, что его шляпа не очень-то вписывается в эту версию.

По осени Грэхард регулярно простужался, и именно Дерек был тем, кто умудрялся спаивать не желающему лечиться владыке целебные настои.

Брюк согласно покивал, принимая эту версию, и двинулся к полке, где лежал мёд — помочь. По дороге к ней он сместился так, что свет факела ровно лёг на левую половину лица Дерек, разукрашенную огромным синяком.

— Эт-то ещё что! — споткнувшись, изумлённо вытаращил дядька глаза. Дерек был доверенным лицом владыки и предположить, что какой-то безумец мог посметь поднять на него руку, казалось совершенно невозможным.

Дерек досадливо поморщился, чувствуя, как всё внутри снова переполняется тягучим выжигающим душу стыдом. Врать про падение с чердака не хотелось, говорить правду — что это Грэхард его ударил — было совершенно мучительно. Поэтому он резво перевёл тему:

— А ты тут чего в такое время?..

Дворец уже погрузился в сон; какие у него могли остаться дела?

Брюк нахмурился, потому что догадался как о происхождении синяка, так и о причинах,

по которым Дерек не хотел его обсуждать. Не желая ставить приятеля в ещё более неловкое положение, он поддержал перевод темы:

— Так мусор вывезти надо.

У Дерека в голове мелькнуло озарение: вот он, его шанс!

Телегу с отходами, конечно, никто обыскивать не будет!

Если он спрячется в ней — то выйдет из Цитадели незамеченным. И, когда завтра обнаружат его отсутствие — его долго и вдумчиво будут искать внутри. И, если повезёт, лишь через несколько дней догадаются, что внутри его нет — а тогда никакая погоня уже не достанет его корабль!

От воодушевления и счастья у Дерека перехватило дух. Он подумал, что Сам Бог, видно, ему помогает, и оставил такой потрясающий шанс на идеальный побег!

Нужно было только отвлечь Брюка — послать за чем-нибудь, например, — и, пока он будет занят, припрятаться в повозке. И — вот она, свобода!

Дерек стал лихорадочно придумывать, куда бы услать Брюка, причём так, чтобы тот не удивился, по возвращении обнаружив пустую кухню. В голове его бешеным потоком неслись предложения разного рода, которые он не успевал толком обдумать...

— Задумал что, что ль? — прервал эти размышления Брюк, с недоумением разглядывая нервное и напряжённое лицо Дерека и отмечая, наконец, и походную шляпу, и узелок с вещами.

Застигнутый врасплох Дерек вздрогнул. Его явный испуг весьма удивил Брюка: это было совершенно нетипичным поведением для обычно дружелюбного, общительного и оптимистичного Дерека.

— Что ты мутишь? — прогудел дядька недовольно. — Говори, что задумал, как есть, что ли.

Дерек замялся.

Говорить прямо не хотелось, потому что Брюк, конечно, откажет. Не сумасшедший же он — способствовать побегу личного ординарца и помощника грозного владыки! Тут головы не сносить...

Во рту вмиг пересохло: Дерек осознал, что, если он сейчас воспользуется той повозкой, на которой Брюк каждую ночь вывозит отходы за пределы Цитадели, — разведка Грэхарда, соображая, каким именно способом Дерек сумел выбраться наружу, установит истину в кратчайшие сроки, и Брюк гнева владыки не переживёт.

Вспыхнувшая было надежда погасла в Дереке; он не был готов оплачивать свою свободу чужой жизнью.

«Просто твоя судьба — здесь, — горько напомнил сам себе Дерек, не в силах справиться с разочарованием. — Ты должен быть при Грэхарде — и будешь впредь».

Его тяжёлые размышления, которые весьма красочно отражались на его лице, не укрылись от Брюка.

— Дер, — встревоженно обратился он, и в голосе его звучало беспокойство: — Что с тобой?

— Ничего, — сухо ответил Дерек, принимая горькое решение и отправляясь обратно в тьму коридоров. Однако между ним и выходом стоял Брюк; и он, решительно хмурия брови, и не подумал освободить дорогу.

— Дер, — сложив руки на груди, не отступил он, — в другом месте воду мути.

Дерек скривился; тут же выругался от уже привычно стрельнувшей в щеку боли.

Брюк, бывший мужиком неглупым, связал воедино все детали: синяк, оставшийся явно после удара владыки, походный костюм, прихваченные вещички и нежелание откровенничать.

«Дела!» — потрясённо подумал он.

В Цитадели никто не воспринимал Дерёка отдельно от Грэхарда; они всегда были неразлучны, и казалось совершенно невозможным, чтобы один из них мог существовать без другого.

Однако скверный характер владыки был известен; и Брюк легко мог вообразить, что даже у бесконечно любящего владыку Дерёка могло попросту закончиться терпение.

В этом конфликте Брюк, не раздумывая, встал на сторону Дерёка: они часто сталкивались и по рабочим вопросам, и по личным, и именно Дерёк когда-то выбил из владыки приданое для дочери Брюка, так что он помнил об этой услуге и был благодарен. К тому же, у него у самого были причины желать бросить нынешнюю работу: старость его была не за горами, и морские ветра беспокоили его весьма отчётливо.

— Найдётся мне дело где-нибудь на равнине? — прямо спросил Брюк, взглядываясь в лицо Дерёка.

Тот, не сразу сообразив, в чём суть вопроса, растерянно поморгал; впрочем, лицо его почти сразу застыло: он осознал, что всё-таки сможет сбежать в повозке, если и Брюк после затеряется где-то в дальних краях.

Связи Дерёка были самыми широкими: он постоянно помогал работникам Цитадели устроиться самим или устроить своих родственников, и именно через него проходили все рекомендации.

Сердце снова оживилось надеждой; призрак свободы замаячил на горизонте.

Быстро обговорив, куда Брюк сможет податься с рекомендацией Дерёка, они приступили к выполнению плана.

Повозка с отходами представляла собой зрелище ни капли не аппетитное. По правде сказать, до такой степени неаппетитное — да и амбре от неё исходило соответствующее! — что Дерёк невольно содрогнулся и подумал было, что зря он мутит такие шпионские игры, и стоит вернуться к варианту «просто выйти наружу».

Заметив, как перекосило сообщника, дядька Брюк успокаивающе махнул рукой:

— Сча я тебе дам дерюжку, завернёшься под картофельные очистки и прекрасно доедешь.

Пока дядька расчищал место, куда можно было бы припрятать целого человека, Дерёк вертел так и сяк выданную ему дерюжку — материал сильно изгвазденный, но, по крайней мере, чище всего того, что было в повозке.

— Так, смотри, — дядька ткнул Дерёку в угол повозки, — ложись так, чтобы вон там в щель смог дышать.

Дерёк подчинился, поморщившись: дно повозки пахло соответствующе. Дядька накрыл его дерюжкой, заботливо подоткнул со всех сторон, кроме головы, и принялся аккуратно засыпать сверху объедками, явно стремясь сохранить естественность композиции.

— Не дрейфь, — успокоительно прогудел он, закончив. — Они на выход никогда не проверяют, что везёшь, только на вход осматривают.

Устроившись на привычном месте спереди — почти над Дерёком — дядька причмокнул губами и направил свою кобылку вперёд.

Скрипели колёса, всхрапывала лошадь, что-то напевал себе под нос дядька.

Приноровившись дышать через раз, чтобы меньше ощущать досужий запах, Дерек печально размышлял о том, насколько же он привык к элементарному комфорту. Всего-то ничего полежал на жёстких досках — уже тело ноет, не говоря уж о брезгливости, которая настойчиво дёргала подсознание, побуждая поскорее вскочить и нестись в баню отмываться.

Мысль о пропаренной бане и тёплой мягкой постели заставила Дерека беззвучно вздохнуть. С присущей ему иронией он подумал, как же нелепа и приземлена натура человека! На фоне всех тех высоких понятий, которые он отбросил, как мусор, решившись на свой побег, сильнее всего удерживало и манило его назад — стремление к комфорту.

Стремление к тёплой, сытой, чистой и безопасной жизни — ведь, при всех недостатках служения Грэхарду, уровень комфорта ему был обеспечен не меньший, чем тот, каким пользовался и сам владыка.

Дерек привык к этому комфорту и дорожил им. Мысль о неизвестности, которая ждала его впереди, пугала: он не представлял себе, как сможет устроиться в одиночку в чужой стране. Он даже не знал толком, чем будет заниматься и как станет зарабатывать себе на жизнь.

«Деньги!» — вдруг мелькнула в голове Дерека паническая мысль.

Он не взял с собой денег — потому что у него их и не было. Максимум, какой ему приходилось держать в руках — мелкие монетки, которые он раздавал как милостыню от имени владыки, ежели тот шествовал, например, в храм. Чего-то хоть сколько-нибудь ценного тоже не было — а если бы и было, Дерек знать себе не представлял, где и как это продать, да ещё ночью.

А проезд на корабле, разумеется, стоил денег.

От волнения Дерек задышал глубоко и часто — в лёгкие его рванул тошнотворный запах отходов, и он отчаянно, глухо закашлялся, и, пытаясь подавить этот кашель, заткнул себе рот кулаком.

Услышав его, дядька повысил голос, напевая свою песенку: он как раз преодолевал одни из ворот на своём пути, и кашель Дерека был совсем некстати.

Замерев от ужаса, Дерек вжался в дно повозки, молясь, чтобы стража не обнаружила его присутствия. Ему казалось, что стук его бешено колотящегося сердца будет отчётливо слышен, что его заметят, откопают и с позором препроводят под мрачные очи Грэхарда.

Дерек вообразил это как наяву: как выдернутый из постели владыка, и без того славящийся своим дурным нравом, мрачно выслушает доклад о несостоявшемся побеге...

Перед внутренним взором встали живые, яркие, полные недоумения и вопроса глаза Грэхарда, когда он взглянет на него, чтобы услышать, как друг опровергает этот несусветный бред. Какой ещё побег? Кому могла прийти в голову такая идиотская мысль?!

Тоска, отчаяние и боль полностью захватили Дерека; всем сердцем он рванул туда, обратно, в Цитадель, к своему грозному и мрачному другу. Как ему вообще могла прийти в голову отвратительная, мерзкая, предательская мысль — оставить его!

...к счастью, дёрнувшись, Дерек угодил синяком прямо по бортику повозки. Острая яркая боль отрезвила его.

Грэхард был ему другом. Когда-то давно. Когда-то, когда он был всего лишь младшим ньонским принцем, когда он не стремился к власти, когда они были юны и полны оптимизма.

Но это уже осталось в прошлом.

Это стало отходить в прошлое ещё восемь лет назад — когда Грэхард убил своего

старшего брата и сам занял трон.

И с тех пор, день за днём, год за годом их дружба умирала — и умерла сегодня.

В тот момент, когда кулак Грэхарда встретился с лицом Дереха.

...за этими горькими размышлениями Дерек упустил тот момент, когда они выехали за пределы Цитадели.

Проехав пару переулков по дороге к свалке, Брюк остановился и принялся выкапывать Дереха.

— Ну вот и всё, что ль, — грустно улыбнувшись, подал он ему руку, помогая выбраться наружу.

Дерек, ухватившись одной рукой за него, а в другую захватив свою припрятанную под бок котомку, выкатился на землю.

Не глядя на него, дядька принялся тщательно складывать дерюжку — пригодится ещё.

— Спасибо, Брюк, — проникновенно поблагодарил Дерек.

Глянув на него искоса, дядька кивнул и степенно попрощался:

— Бывай!

Забравшись обратно в повозку, тронул поводья.

Дерек с минуту смотрел ему вслед, затем оглянулся.

Вокруг, в зыбком свете мутной луны, простиралась ночная столица, насквозь продуваемая холодным морским ветром.

Точно таким же ветром теперь продувало и саму душу Дереха.

1. Я отвернулся.

Я выбрал тот путь, в который верю.

Я стою теперь

Над своими темными ночами.

Я не боюсь ничего,

Но факт в том, что я всем напуган.

Я знал свое имя -

Быть созданным для одинокого пути.

2. Где раздобыть денег посреди ночи?

От Цитадели до порта было рукой подать — но Дерек не решился пройти по центральной улице города. Она просматривалась с башен крепости, его могли заметить, и все ухищрения пошли бы псу под хвост.

Дерек побрёл в порт переулками; тёмными, страшными и безлюдными. Стояла глухая ночь.

Ковыляя в свете луны и поминутно оглядываясь — не видно ли его с башен? — Дерек лихорадочно размышлял, где взять денег.

У него было достаточно богатых знакомых, но к кому он мог заявиться посреди ночи?

Сперва Дерек подумал про пару князей, которым весьма симпатизировал, и с которыми его связывали длительные и тёплые отношения. Но князья эти жили в основном за чертой города, в больших особняках, с внушительной охраной — никто ночью не впустил бы внутрь странного бродягу и тем более не стал бы будить ради него господина.

Связи среди купцов у Дерека тоже были весьма обширны — но большая часть купцов не сидела в столице, а прийти к ним на дом и уверять... кого? Жён, детей, управляющих? Что такой-то, конечно, дал бы ему, Дереку, денег? Смешно звучит!

Сумма для длительной поездки на корабле, по мнению Дерека, должна была быть весьма внушительной, поэтому ему даже в голову не пришло обращаться к знакомым ремесленникам и людям победнее — такая просьба слишком бы их обременила.

Скрипнув зубами, Дерек пришёл к выводу, что придётся проситься на корабль так — обещая потом отработать — но это, конечно, существенно понижало его шансы на побег. Анжельские купцы наверняка не глупы, и им тоже не с руки ссориться с Грэхардом — а ну как он узнает, кто именно помог Дереку сбежать? Так что лучше бы ему прийти как честному пассажиру, с деньгами, и лучше даже — с суммой побольше.

Перебирая знакомых, которые были сейчас в столице и обладали должным богатством, Дерек вспомнил про Милдара — советника Грэхарда по просветительским вопросам. В конце концов, именно сегодняшний — точнее, уже вчерашний! — разговор с Милдаром и надоумил его обратиться к анжельцам!

...но к Милдару идти было стыдно. Милдар сам был анжельцем, который давно и прочно осел в Ньюне и посвятил свою жизнь служению Ньюну. Как Дерек бы смог, глядя ему в глаза, сказать, что намерен оставить Ньюн и свою службу? Не говоря уж о том, что Милдар, возможно, и не стал бы ему помогать!

Дерек зажмурился от отчаяния и безнадёжной глухой обиды. Он был уверен, что Милдар, глядя на него своими рассеянными светлыми глазами, начнёт вдохновенно вещать о том, как важен для человека долг, как важно хранить верность своим идеалам, и прочая, и прочая...

Вообразив этот возможный монолог, Дерек так проникся, что аж встал на месте. Ладони его вспотели, в ушах звенело напряжение. Куда он, в самом деле, собрался? Как трусливо, как низко, как эгоистично!..

Закусив губу, Дерек развернулся и решительно отправился обратно. Что он тут устраивает за драмы, право!

На фоне высоких рассуждений о долге и самоотречении обида на Грэхарда стала казаться смешной, мелкой и глупой. Ну, подумаешь, ударил! В конце концов, он, Дерек, сам

был виноват! Видел же, что владыка на взводе! Прекрасно видел — но продолжил настаивать на своём! И получил — вполне заслуженно получил, надо сказать! Его задача — выполнять приказы Грэхарда, а не кочевряжиться и пытаться его переубедить!

Пыхтя от недовольства, сдобренного изрядной долей горечи и разочарования, Дерек стремительным шагом двигался к Цитадели, но...

Вдруг размышления его были прерваны громким смехом.

Дерек настороженно остановился.

К смеху присоединились басовитые пьяные голоса: навстречу ему явно двигалось несколько человек.

Дерек замер, машинально нащупывая нож и растерянно моргая. Он чувствовал себя непривычно, фатально незащищённым.

Долгие годы он находился в тени владыки Ньюна, и такое положение обеспечивало ему максимально возможную безопасность. Он привык к этому перманентному чувству безопасности, и теперь совершенно не знал, как поступить. Это же нормально, да, в ночном переулке наткнуться на пьяную компанию?

Шум и смех приближались; Дерек замотал головой по сторонам в поисках укрытия. Переулок таковыми не баловал: дома стояли вплитык, никакой растительности не наблюдалось.

Пытаться убежать назад вроде как было не с чего, но оставаться на месте было страшно. Поморгав, теряя при этом драгоценные секунды, Дерек пришёл к выводу, что не хочет на своей шкуре испытать, чем ему грозит столкновение такого рода.

Развернувшись, он скорым шагом направился назад; компания, слава Богу, ковыляла медленно, так что драпать и не пришлось.

Переведя дух, Дерек осознал, что, скрываясь от пьяниц, дошёл почти до порта. Сердце снова нырнуло туда, в сокровенную мечту: уехать, скрыться, начать новую жизнь!..

Он остановился, сжимая кулаки и пытаясь удержать горькие слёзы.

Его разрывали на части две равно могучие силы: чувство предопределённости, нашептывающее ему, что его место здесь, при Грэхарде, — и иступлённая, неистовая надежда, что для него всё-таки возможна ещё какая-то другая жизнь, не связанная с Грэхардом, не подчиняющаяся ему.

Ему отчаянно, остро, до физической боли хотелось верить, что такая жизнь — возможна.

Он бесконечно устал.

За те пятнадцать лет, что прошли с того момента, как пираты разграбили его посёлок, а его самого — продали в рабство, он привык быть тенью Грэхарда. Он совершенно слился со своим служением и теперь не мог поверить и принять, что в нём есть что-то ещё, своё собственное, не относящееся к Грэхарду.

Но оно, это своё собственное, было — и иступлённо рвалось наружу.

Оно пробудилось в нём в последние месяцы — возможно, благодаря Эсне, которая увидела в нём нечто большее, чем тень Грэхарда, — и теперь не хотело засыпать обратно, и отчаянно боролось за своё право быть, и крушило всё старое, наносное, навязанное, мешающее ему быть.

Дерек не был готов к той буре, которая бушевала теперь в его душе. Он сел прямо на землю и попытался спрятать лицо в ладонях: лицо опять стрельнуло болью.

Обида и горечь совсем захватили его. Зачем, за что Грэхард его ударил?! Он всего лишь

хотел защитить Эсну! Всего лишь хотел защитить Эсну! Разве не это ему поручил сам Грэхард?!

Невозможно, это было совершенно невозможно терпеть! Вихрь боли и отчаяния поглотил Дерека. Он чётко осознал внутри себя, что живым — не вернётся. Никогда, ни за что. Пусть его лучше убьют при попытках поймать!

Но он не желает, он не может туда возвращаться!

Вскочив и решительно подхватив свои вещи, Дерек отправился к первому же знакомому дому. Тут, у порта, часто селились иноземные купцы, и им он наверняка мог предложить информацию, которая стоила больших денег!

Он уже совсем не думал, что такой купец может его выдать в надежде получить у Грэхарда вознаграждение — у него не осталось моральных сил всё взвешивать и рассчитывать. Нужно было ехать — сегодня, сейчас! — ему нужны были деньги — много, и быстро! — и он не желал всё перепроверять сто раз, боясь, что что-то может сложиться не так.

Он больше не желал бояться.

И он был готов бороться за жизнь, в которой страха больше не будет.

3. О чём думает Этрэн Дранкар?

До рассвета оставалось около часа, и Этрэн пребывал в том особом состоянии, какое возникает у человека, хорошо сделавшего свою работу и, наконец, готового вернуться домой.

Анжельский торговый дом в основном ещё спал, хотя местами слышались лёгкий шаги, тихий смех, стуки дверей, скрип передвигаемых вещей — это собирались люди Этрэна. Сам же он вышел на балкончик второго этажа, насладиться последними моментами перед отъездом.

Балкончик удачно выходил на припортовую площадь. Горизонт, конечно, не просматривался, поскольку его загораживали постройки верфи и корабли, но далёкое зарево уже угадывалось, делая непроглядную ночь зыбкой и прозрачной. Воздух пах совершенно особо — так пахнет только на рассвете, и только в порту. Солёный ветер с нотками свежеобработанного дерева, влага и мох для конопатки, масло для рельсов верфи — и что-то особенное, утреннее, свежее и пронзительное.

Этрэн удовлетворённо прижмурился, проводя пальцами по гладким деревянным перилам и вдыхая всю эту рассветную симфонию запахов. Поездка выдалась удачной — даже удачнее, чем он рассчитывал сперва, — и теперь он с удовольствием припоминал продуктивные встречи, повторял внутри своей головы особенно яркие нюансы сделок и мысленно перебирал свои дальнейшие планы. Внутренняя речь его выстраивалась так, как будто всё это он рассказывает супруге; ему нравилось мыслить именно таким образом, потому что это создавало ощущение её присутствия.

Сегодня этот привычный внутренний разговор был окрашен нотками предвкушения — он планировал провести дома не меньше месяца, переживая период зимних штормов на суше.

Насладившись последними моментами одиночества, Этрэн пристукнул по перилам, заканчивая, тем самым, свои разговоры-воспоминания, кивнул сам себе и отправился на выход.

На первом этаже его перехватил сонно зевающий Кайтар — торговый представитель Анджелии в Ньюне. Зажатый в его руке цветной фонарь бросал на стены и предметы красивые блики.

Вообще-то, они уже попрощались вчера вечером, как и с другими членами торгового дома, как раз чтобы остающимся в Ньюне не пришлось вставать в такую рань. Но Кайтар, конечно, был слишком непоседлив, чтобы просто проспать отъезд товарища, поэтому вскочил, толком не проснувшись, пожать руку и ещё раз проговорить все положенные в этом случае приятности.

Этрэн руку пожал с большим удовольствием, и от приятностей действительно почувствовал самые тёплые ощущения в душе.

— Ну, до весны? — сонно прищурился Кайтар.

— До весны, — благостно согласился Этрэн, ещё раз пожимая руку.

В итоге Кайтар проводил его до дверей и даже помахал вслед, и лишь потом отправился досыпать.

Этрэн сентиментально улыбнулся. Эта привычка старого друга была ему особенно по нраву. Он, разумеется, всякий раз отнекивался накануне и требовал: «Нет, ты в этот раз не вздумай вскакивать», — но на душе разливалось особенное тепло, когда в полумраке ещё

спящего дома возникало знакомое, невыспавшееся, но радостное лицо.

Так, с оставшейся после встречи улыбкой, он и отправился было в порт — но вдруг обнаружил, что его поджидают.

Дело, в общем-то, нередкое — у Этрэна по жизни была репутация человека, который умеет разруливать проблемы и устраивать нужные встречи и подходящие обстоятельства. Многочисленные знакомые посылали к нему своих знакомых, и, пожалуй, в такой востребованности Этрэн видел признак успешности самой своей жизни.

Проблема была с личностью ожидавшего: доверенный ординарец владыки Ньона — это точно не тот человек, которого заморский купец будет рад видеть в день своего отъезда.

Тем более — Этрэн недоверчиво моргнул — мрачный и побитый ординарец.

Не то чтобы они с Дерекком сталкивались часто — точно не в каждый приезд анжельских купцов в Ньон — но всё же достаточно для того, чтобы наблюдательный Этрэн успел сделать некоторые выводы о его характере. И мрачность в эти выводы как-то не вписывалась. Точнее, вписывалась, — но только в каких-то исключительно неприятных для анжельца контекстах.

— Глас владыки? — остановился Этрэн возле визитёра, даже не пытаясь убрать из голоса тревогу. Лучше уж сразу узнать, чем они тут не угодили грозному ньонскому повелителю!

Дерек усмехнулся правой стороной лица и поправил:

— Свой собственный. — И тут же уточнил: — Глас, в смысле.

«Тогда уж не только глас», — логично поправил внутри своей головы Этрэн, но озвучивать поправку не стал, поскольку был человеком вежливым. Собственно, именно эта вежливость заставила его махнуть рукой в сторону покинутого было торгового дома и предложить:

— Пройдёте, господин?.. — вопросительной интонацией предлагая дополнить фамилию.

Неожиданный визитёр проследил взглядом за движением руки, машинально ответил:

— Просто Дерек, — и покачал головой.

На лице его ощутимо отразились растерянность и смущение.

Заметив это, Этрэн непринуждённо предложил:

— Тогда составите мне компанию? Я в порт, — уточнил он.

Они, собственно, уже были в порту, но своими словами Этрэн скорее хотел намекнуть на то обстоятельство, что ему пора бы и на корабль.

— Да, в самом деле, — спохватился Дерек и всё-таки озвучил цель визита: — Я и хотел... — он слегка нахмурился, но подробностей его мимики в рассветном сумраке было не разглядеть. — Отплыть с вами, — выразил, наконец, он, и тут же поспешно добавил, испугавшись, что его неправильно поймут: — Я заплачу!

Этрэн сморгнул, связывая в одно все странные детали — неожиданное появление, мрачность, синяк в пол-лица, «свой собственный» и желание отплыть — и сделал выводы, поразительно близкие к истинным событиям. Интуиция и быстрая соображалка редко его подводили; и в этот раз он успел в пять секунд сообразить не только причины, но и возможные выгоды или невыгоды такого предприятия. Вторые заставили его помрачнеть и с некоторой даже холодностью уточнить:

— И не придётся ли нам после этого удирать от всего ньонского флота, господин Свой-собственный?

На лице Дерек проскользнула оскорблённость, отчётливо читаемая даже в зыбком свете ещё не вставшего над горизонтом солнца.

— Он не знает и не узнает, — сухо обрисовал он своё видение ситуации. — Я позаботился об этом.

Ненадолго повисла тишина. Этрэн колебался. Связываться с ньонским владыкой не хотелось, и можно ли доверять словам просителя, который от этого ньонского владыки удирает, — тот ещё вопрос. Впрочем, за те несколько встреч, что между ними произошли, Дерек произвёл на него впечатление умного человека, да и местные знакомцы отзывались о нём так.

Ситуация была сомнительная, а Этрэн привык в таких случаях полагаться больше на интуицию, чем на аналитические выкладки. Краем глаза — не желая смутить собеседника прямым разглядыванием — он отметил помятый внешний вид последнего, нервные пальцы, сильно сжимающие кулёк из куртки, в которую что-то было завёрнуто, отчаянные попытки спрятать в тени пострадавшую часть лица.

— Пойдёмте скорее, вас не должны видеть, — решил, наконец, Этрэн, резво выдвигаясь к пристани.

— Я... — попытался было сказать что-то едва поспевающий за его стремительным шагом Дерек, но был перебит:

— Решим все вопросы на корабле.

Рассветало, и порт начинал просыпаться. Медлить было опасно — разукрашенная синяком физиономия Дерек была слишком приметна.

Несмотря на скорость передвижения, Этрэн умудрялся ещё и поглядывать по сторонам, убеждаясь в отсутствии любопытных празднующихся. Так, вон там на ящике поглощает свой нехитрый завтрак грузчик — нет, этому не до них, вон как занят своей лепёшкой. Неподалёку трётся бездомный мальчишка — ага, приглядывается к дверям храма в надежде, что что-то обломится, этому тоже не до них. Прохожий справа... слишком далеко, да и между ним и довольно щуплым Дерек как раз вышагивает вполне себе массивный Этрэн, едва ли что разглядишь.

— Давайте, давайте, и сразу внутрь! — подтолкнул он Дерек на трап и ещё раз, прищурившись, оглядел пристань и порт.

Коварных соглядатаев не обнаружил. Верфь начинала работать несколько позже, торговая площадь раскинется только через пару часов, а для ночных прогулок в городе найдутся места поинтереснее.

Взойдя на борт, Этрэн оглядел также и корабли вокруг: тёмные, пустые, они покачивались на волнах, с убранными парусами, иные — со следами ведущихся работ по починке. Даже если на одном из них и были часовые или рабочие, издали подробностей не разглядишь, да и кому какое дело — грузятся анжельские купцы на свой неф, и всё тут, чего к ним приглядываться.

— Все? — уточнил Этрэн у капитана, который следил за тем, чтобы не забыть кого на берегу.

— Так точно, господин Дранкар! — бодро отрапортовал тот.

Несмотря на ранний час, он был собран и готов к работе.

— Тогда отчаливайте, — кивнул Этрэн и резво направился на ют. Прихватив там Дерек, он решительным жестом повлёк его за собой — в расположенную тут же маленькую

кают-компанию. Сидевший там за столом с книгой офицер по знаку начальства понятливо кивнул и вышел на верхнюю палубу.

— Подозреваю, что вы не успели позавтракать, — самым светским тоном заметил Этрэн, доставая из продуктового шкафа кое-какую снедь и умело сооружая из неё бутерброды. — Так что сперва — завтрак, потом — разговор.

— Спасибо, — совершенно смутился Дерек, только сейчас осознавший, что ужасно голоден.

Он попытался вспомнить, когда ел в последний раз, — кажется, это было в полдень? После совета вроде, да?

Пока гость утолял голод, Этрэн времени даром не терял: достал из другого шкафа какую-то карту и разложил её на своей части стола.

Карта была приятная — чёткая, яркая, выполненная на дорогом пергаменте. Водить по ней пальцем было одно удовольствие, и именно поэтому Этрэн так и делал, хотя особой нужды в этом не было: путь ему был прекрасно знаком, да и не он занимался навигацией. Однако ж время трапезы нужно было чем-то занять, поэтому он и занял, с большим удовольствием разглядывая тщательно прорисованный берег, любовно выведенные каллиграфические названия и чёткие, радующие глаз, значки.

Краем глаза отметив, что Дерек позавтракал, Этрэн с некоторым сожалением отложил карту и начал разговор:

— Ну что, господин Свой-собственный, — довольно дружелюбно подался он к собеседнику. — Рассказывайте!

Глаза его горели теплом и любопытством. Разглядывая карту, он успел уже взвесить внутри себя все «за» и «против» и прийти к промежуточным выводам, которые вызвали в нём некоторый азарт: он подумал, что беглый ньонский ординарец может стать неплохим приобретением, если пристроить его к делу, и теперь хотел выяснить, каковы вообще планы этого ординарца и как именно эти планы можно использовать в своих целях.

Пристраивать людей к делу было любимым занятием Этрэна Дранкара — даже более любимым, чем собственно торговля.

4. Как продать себя, не предавая себя?

Дерек растерянно моргнул, глядя на анжельца перед собой.

Начинался самый тяжёлый этап переговоров — торги — и перед Дерекком во всю ширь встал вопрос, как и что рассказать, чтобы произвести о себе благоприятное впечатление и доказать свою полезность. Сбежать в Анджелию — это же ещё даже и не полдела. Устроиться там — вот что гораздо сложнее.

— Вы ведь держите путь в Аньтье? — уточнил Дерек, чтобы с чего-то начать разговор.

— Именно, — степенно кивнул Этрэн.

В глазах его мелькнули мечтательные искорки. Аньтье был его родным городом, небольшим портом на южном побережье Анджелии, почти на границе с Джотандой — то есть, максимально удалённый от Ньюна.

Дерек не был ремесленником; многочисленные обязанности, которые он исполнял при Грэхарде, принадлежали в основном к сфере управления и документооборота. Чтобы претендовать на должность такого типа, нужно было иметь рекомендации, и в настоящий момент единственным человеком, который мог бы отрекомендовать Дерекка в Аньтье, был, собственно, Этрэн.

Оба понимали, что это выходит за рамки чисто денежного «я плачу вам за место на вашем корабле» и вступает в сферу «услуга за услугу».

Главным и, пожалуй, единственным пригодным для этого контекста капиталом Дерекка была информированность. Он обладал столь полным набором сведений обо всех планах ньонского владыки, что его с руками оторвали бы что при дворе нийского короля, что в анжельском Парламенте, что в даркийском правительстве.

— И из Аньтье вы планируете в столицу? — непринуждённо уточнил Этрэн, внутри своей головы раскручивая именно цепочку такого типа.

Ответный взгляд, полный самого искреннего недоумения, говорил либо о большом актёрском таланте, либо о том, что такой вариант собеседник не просто не рассматривал — вообще не предполагал.

— Зачем?.. — спросил было Дерек, не сразу осознав подоплёку вопроса, но тут же до него дошло, и он мучительно покраснел и открестился: — Нет, я планирую устроиться в Аньтье.

Этрэн слегка приподнял брови. Его любопытство усилилось.

Откинувшись на спинку стула, он, глядя в потолок каюты, деланно безразлично отметил:

— Это, конечно, не моё дело, но правитель Аньтье не заинтересован в политических беженцах из Ньюна, — бросив беглый и острый взгляд на собеседника, он снова обратил взор к потолку.

Дерек дёрнулся, машинально подтягивая манжеты рубашки пониже. Под рубашкой, на запястьях, были расположены вполне себе характерные татуировки, которые утверждали, что никакой он не свой собственный, а не вполне законных основаниях принадлежащий Грэхарду из рода Раннидов.

Поэтому даже до гордого звания «политического беженца» он, определённо, не

дотягивал. По ньонским законам, он мог бы считать свободным гражданином Ньона только при наличии подтверждающего документа, подписанного Грэхардом, а такого документа у него никогда и не было.

Дёрганья собеседника Этрэн расценил правильно, но скрыть своё удивление сумел.

«До чего же любопытно», — подумал он, рассматривая так неожиданно свалившегося на него субъекта и мысленно предлагая жене поудивляться вместе с ним, что происходит в голове у владыки Ньона и как он умудрился сперва сделать раба своим доверенным лицом, а после довести его до такого состояния, чтобы тот сбежал со всеми его секретами.

Последнее соображение вызвало у Этрэна серьёзную тревогу: на месте ньонского владыки он приложил бы все усилия, чтобы изловить беглеца раньше, чем он успеет эти секреты выдать.

С минуту стояла тишина, за время которой Этрэн взвешивал и перебирал в голове решения.

— Нда, — резюмировал он свои размышления, — лучше бы, господин Свой-собственный, чтобы в Аньтье о предыдущих вехах вашей биографии не узнали.

Дерек слегка усмехнулся и подтвердил:

— Я и не собираюсь об этом болтать.

У Этрэна начала вырисовываться в голове интрига, но он ещё не был уверен, что сидящий перед ним человек именно таков, как ему показалось.

Побарабанив по столу пальцами, он встал, прошёлся взад-вперёд по каюте, остановился возле начищенной медной астролябии и принялся задумчиво водить по ней пальцами.

— А что, — не оборачиваясь, равнодушным тоном спросил он, — как вы полагаете, каравеллы вашего господина нас не нагонят?

Дерек внутренне подобрался, чувствуя, что они перешли к делу, и пришло время доказывать свою ценность.

— Едва ли, — медленно ответил он. — Неф легко обставит любую каравеллу, если уходить по ветру. Вот если оснастить каравеллу прямыми парусами — тут, полагаю, у нефа нет шанса. Но пока, — подчеркнул он, — все ньонские каравеллы ходят исключительно под косым парусом.

— Но препятствий поставить прямые паруса нет? — продолжая возиться с астролябией, спросил Этрэн.

— Никаких препятствий, — заверил Дерек. — Адмирал Кьерин как раз и предлагает заменить паруса на фоке и гроте.

— Адмирал Кьерин! — резко развернулся Этрэн, обращая на собеседника взгляд глубокий и пронизательный. — Правда ли, что его дочь имеет некоторое влияние на его повелительство?

Он присутствовал на приёме анжельских купцов на каравелле, и был более чем удивлён участием в этом мероприятии Эсны. Жена ньонского владыки, принимающая иноземных купцов наравне с мужем! Это событие из ряда вон выходило. Этрэн, конечно, пытался навести некоторые справки через знакомых, но источник, который сидел ныне перед ним, обладал явно более полной информацией по этому щекотливому вопросу.

Лицо Дерек закаменело. Несколько сухо он ответил:

— Это так. Владыка склонен... прислушиваться к её просьбам.

Этрэн запустил пальцы в бороду и призадумался. Эсна произвела на него самое благоприятное впечатление, и возможность завоевать её расположение и тем укрепить свои

позиции в Ньюне виделась ему весьма заманчивой.

Вернувшись за стол, он наклонился к собеседнику и поинтересовался:

— Говорят, её интересуют просветительские проекты?

— Это правда, — немного настороженно ответил Дерек и торопливо прибавил: — По инициативе солнечной госпожи в столице организуют школу для девочек из бедных семей.

Брови Этрэна неудержимо поползли вверх. Вот так новости! Чтобы в дремучем патриархальном Ньюне — и устраивали такие проекты!

Пораскачивав головой, он сухо отметил:

— Полагаю, влияние госпожи на владыку куда как выше, чем об этом говорят.

Дерек повёл плечом и усмехнулся, что можно было расценить как согласие.

Постучав пальцами по столу, Этрэн продолжил допрос:

— И что бы вы, господин Свой-собственный, посоветовали анжельскому купцу, которые желает добиться расположения солнечной госпожи?

Дерек ответил ему прямым открытым взглядом и принялся рассказывать:

— Солнечная госпожа любит науки, в особенности историю. Редкая рукопись или документ приведут её в восторг. Также она весьма обеспокоена положением женщин в Ньюне, и с большим вниманием относится к Анджелии как к соседу, показывающему положительный пример в этом деле. Думаю, — он слегка склонил голову к плечу, — талантливая анжелка в качестве компаньонки была бы принята ею с восторгом. Кроме того, — продолжил он, — госпожа увлекается резьбой по дереву, и редкие породы анжельских древесин тоже станут прекрасным даром.

Прищурившись, Этрэн кивнул сам себе. Внутри него вопрос был решён однозначно в пользу нового знакомого: информация об Эсне открывала выход на новые перспективы.

— Древесина, рукописи, конечно, — покивал он, принимая к сведению. — Но компаньонка? Разве владыка допустит? — испытующе взглянул он.

Раздумчиво постучав пальцами по столу, Дерек покачал головой:

— Заслать в Цитадель шпиона вы таким образом не сумеете. Владыка склонен к паранойе, а у солнечной госпожи прекрасное чувство людей, неискренность она сразу раскусит. Но женщина, действительно заинтересованная в просветительских проектах и готовая работать над ними на благо Ньюна, наверняка заинтересует солнечную. Не знаю, приблизит ли она её к себе, но, однозначно, это укрепит её симпатии к Анджелии.

Постучав себя по губам, Этрэн уточнил:

— Если не ошибаюсь, её первым супругом был господин Веймар?

Дерек кивнул и поспешно прибавил:

— Но с нынешним главой семьи она в дурных отношениях.

Этрэн поморщился:

— С ним и мы в дурных отношениях.

Уложив внутри своей головы полученные сведения, он окончательно перевёл беглого ординарца в список удачных приобретений. Оставалось уяснить, что он за человек, чтобы делать выводы о том, как и куда его можно пристроить.

— Что ж, — резюмировал свои мысли Этрэн и резким движением придвинул к себе забытую было карту. — Остаётся прояснить только один вопрос.

Развернув карту к собеседнику, он с непроницаемым выражением лица спросил:

— Правда ли, что его повелительство планирует захватить Кес?

По враз закаменевшему лицу Дереха он понял — правда.

Кес был одним из островов Многоземного моря. Формально он принадлежал Сиру, но пользовался почти полной автономией и служил перевалочным пунктом для анжельских, нийский и ньонских судов. В настоящий момент наблюдалось некоторое равновесие, которое устраивало все три стороны. Если же Кес станет ньонским, это существенно изменит соотношение сил.

Хотя Грэхард по большей части был занят проработкой кампаний против Мариана, про морские бои он тоже не забывал. Захват Кеса планировался уже несколько лет, но подготовка к нему шла медленно и тайно. Этрэн разжился кое-какими слухами через ньонских знакомых, но слухи эти были слишком зыбкими и неопределёнными, что внушало тревогу и не давало никакой уверенности.

— Мне ничего об этом неизвестно, — сквозь зубы открестился Дерек. — Его повелительство не обсуждал со мной своих военных планов.

Рогра-с-два не обсуждал! Конечно, Дерек первым оказывался в курсе планов Грэхарда — ещё на том этапе, когда они не планами были, а лишь дерзкими мечтами. И эмоциональный монолог на тему: «Вот приберём Кес к своим рукам — и Многоземное море станет нашим!» — помнил прекрасно. И тайный совет, посвящённый разработке самой кампании, конечно, тоже. В конце-то концов, он Грэхарду ту карту наступления вычерчивать помогал!

Но, одно дело, — рассказывать о том, как понравиться солнечной госпоже и пролоббировать через неё интересы Анджелии.

Совсем другое — делиться стратегической информацией о планируемых военных действиях.

Испытующе взглянув на Дереха, Этрэн пожал плечами и резюмировал:

— Жаль. — И словно вскользь отметил. — А ведь правитель Аньтье, пожалуй, мог бы по дружбе прислушаться к моей просьбе и... оформить некоторые необходимые вам документы.

Как ни тщательно, пусть и искоса, разглядывал Этрэн лицо нового знакомца — ни тени сомнения там не обнаружил.

— Увы, — холодно сказал Дерек. — Этими сведениями я не обладаю.

Было абсолютно очевидно, что он лжёт, но Этрэну скорее понравилась эта ложь, так же, как понравилось и то обстоятельство, что беглец не ищет способа продаться властителям мира сего.

— Как интересно у вас расставлены приоритеты, господин Не-совсем-свой-собственный! — решил добавить провокации Этрэн. — Ведь не то чтобы вы были в том положении, когда можете себе позволить хранить секреты вашего хозяина.

И без того холодное лицо Дереха сделалось совсем закрытым. Он откинулся на спинку стула, сложил руки на груди и сухо парировал:

— Со своими приоритетами, равно как и со своим положением, я разберусь без вашей помощи, господин Дранкар.

— Подумать только! — Этрэн встал и снова принялся расхаживать по каюте, разглядывая собеседника с весёлым удивлением. — Столько сложностей на вашу голову — и всего лишь от того, что вам, видите ли, никак не припомнится, заслал ли ваш повелитель на Кес своих провокаторов.

Взгляд Дереха на секунду метнулся в сторону, но он тут же овладел собой. Однако

секунды этой растерянности хватило на то, чтобы Этрэн сделал правильные выводы.

Вернувшись к столу, он опёрся на него руками, наклонился вперёд и несколько смущённо признал:

— Нет, это невозможно! Как ребёнка обманывать. У вас же всё на лице написано, сударь! И как вы только умудрились столько прожить при дворе и не овладеть базовыми навыками элементарного лицемерия?

Дерек нервно дёрнул правой щекой и парировал:

— Навыки лицемерия от меня не требовались.

— В самом деле? — хмыкнул Этрэн и весьма красноречиво уставился на повреждённую половину лица собеседника. — Кажется, именно отсутствие навыков лицемерия вас и подвело.

— Я не считаю своё текущее положение неудачей, — ледяным тоном парировал Дерек, вставая и копаясь в своём кулке из куртки и одежды. — Предлагаю закрыть этот пустой разговор и перейти к решению финансовых вопросов.

«А, всё-таки умеет кусаться!» — воскликнул внутри себя Этрэн, чувствуя, как та часть его натуры, которая любит коллекционировать интересных людей, мурчит от удовольствия.

— Извольте, — с энтузиазмом покивал он и выкопал откуда-то из шкафчика бумагу и чернильный прибор. Отчаливший корабль уже ощутимо покачивало, что могло бы помешать менее опытному человеку справляться с ровными строчками, но Этрэн, явно привыкший к качке, умудрялся писать быстро и красиво.

В растерянности Дерек сел обратно, пытаясь понять, что происходит.

Не отвлекаясь от написания, Этрэн спросил:

— Сколько там у вас?

— Пятьдесят, — бесхитростно ответил Дерек, который не очень умел в торговлю.

— Ньонских?

— Да.

Закончив писанину залихватским росчерком, Этрэн пододвинул законченный лист Дереку и взялся за новый, снова погрузившись в какие-то строчки.

Дерек растеряно взял предложенную бумагу, в которой значилось, что анжельский купец первой гильдии Этрэн Дранкар принимает у некоего Деркэна Анодара пятьдесят ньонских монет на хранение и обязуется вернуть их по прибытии в Аньтье.

Расписка вызывала целое море вопросов. И если с «Анодаром» всё было ещё более или менее понятно — тот самый «Свой собственный», переведённый на анжельский и снабжённый соответствующим суффиксом, — то в остальном Дерек совершенно запутался.

Вместо того, чтобы спросить что-то дельное, он невольно удивился вслух:

— А почему «честный куст»?

Этрэн оторвал взгляд от очередной строчки, строго поправил:

— Не «честный куст», а «идуший к солнцу», — и вернулся к своему занятию.

Дерек захлопал глазами, пытаясь вникнуть в тонкости анжельского языка. Хотя он и неплохо разговаривал на нём — в своё время, будучи принцем, Грэхард провёл в Анджелии почти три года, — но понять, как из куста («дэрк») и чести («эн») получается «идуший к солнцу», было выше его сил [1].

Пока он размышлял над этими лингвистическими изысками, Этрэн дописал, удовлетворённо кивнул сам себе, перечитывая, и протянул Дереку не только лист, но и перо,

со словами:

— Вот там подпишите, и, пожалуйста, новым именем.

Взяв предложенное, Дерек с удивлением вчитался в расписку, в которой этот самый Деркэн Анодар обязуется выплатить купцу первой гильдии Этрэну Дранкару тридцать ньонских монет такого-то числа такого-то года — получалось, что где-то аж будущей осенью.

Должно быть, вся глубина его непонимания вполне отражалась на его лице, потому что Этрэн вздохнул и принялся терпеливо объяснять.

— Смотрите, — ткнул он пальцем в первую расписку, — вас сейчас устроят на средней палубе. Деньги там хранить негде, всё помещение — общее, так что ваши средства вы оставите мне, а в Аньтье я их вам верну. А за проезд расплатитесь через год, — кивнул он на вторую расписку.

— Но я... — попытался возразить Дерек и был строго перебит:

— Вы, в самом деле, меня оскорбить желаете, сударь? — и совершенно железным тоном, не терпящим возражений: — Расплатитесь через год. Когда на ноги встанете.

Дерек покраснел, пробормотал слова благодарности, подписался новым именем и отдал анжельцу мешочек с монетами, полученными от знакомого купца. Тот тщательно пересчитал, убедился, что монет действительно ровно пятьдесят, кивнул и, повысив голос, позвал:

— Хентэн!

Вышедший в самом начале разговора офицер вернулся в каюту.

— Обустрой господина Анодара на средней палубе, он будет нашим пассажиром, — велел Этрэн, вставая и словно бы невзначай потирая уголок глаза.

Офицер прищурился и кивнул.

— Прошу вас! — пригласил он Дерекка наружу.

Пропустив его в дверях, обернулся и вопросительно приподнял бровь.

Этрэн неопределённо помотал рукой в воздухе.

Офицер кивнул и вышел. В принятой между ними системе сигналов эту пантомиму следовало понимать как: «Присмотрись-ка, что вообще за человек, а то я пока не определился, куда его пристроить».

1. Имена и названия в анжельском чаще всего имеют двойное ударение, поэтому правомерно было бы писать их как Эт-Рэн, Дран-Кар, Ань-ТЬе, Дер-Кэн, Ано-Дар итд. Однако текст максимально русифицирован, так что пишется так, как привычнее в нашей традиции. В таком случае основным ударением считается то, которое на суффиксе (-эн, — ар). Однако, ежели вам того угодно, можете ударять и на первый слог. Так, например, даркийцы делают, сойдёте за местного.

«Эн» в анжельском переводится как «честь» только в тех случаях, когда выступает в качестве самостоятельного слова. Если «эн» становится суффиксом, его правомернее переводить как «здоровый» или «правильный». А если, ко всему, он становится имяобразующим суффиксом, то начинаются фантастические смысловые метаморфозы: он становится признаком по действию (то есть, причастием), а корень-существительное в таких случаях принято максимально абстрактизировать. Вот и выходит, что из куста («дерк») и чести («эн») мы имеем сперва «здоровый куст», а дальше, если оно таки становится именем — «объект, которому нужно солнце, чтобы здороветь». Этрэн красиво перевёл эту формулу

на ньонский как «идуший к солнцу». Столь же правомерны варианты «любящий солнце» «ищуший солнце», «солнцезависимый» итд, в меру вашей фантазии.

Прощание

На верхней палубе Дерек огляделся.

Рассвет уже вступал в свои права, и ньонская столица высвечивалась им вполне ощутимо. Неф уверенно выходил из залива, разворачиваясь носом на восток, а за кормой оставлял позади грозную Цитадель.

Она, выпирая в разные стороны восемью своими башнями, выглядела как уродливый колченогий паук, карабкающийся по горному склону. Дерек никогда раньше не замечал, насколько же отвратительно она выглядит со стороны залива — да и нечасто ему приходилось видеть её с такого ракурса.

С удивлением Дерек понял, что всего только сутки назад он в этот же час шёл по коридорам этой уродливой громадины, чтобы приветствовать Грэхарда и сопроводить его на совет. Тогда он и подумать не мог, что это последние его часы в Цитадели, и на другое утро он будет стоять на анжельском корабле, уплывая навсегда.

Сердце Дерек зааныло.

«Грэхард, должно быть, как раз меня дожидается», — прищурился он.

С такого расстояния рассмотреть Верхний дворец было ощутимо сложно, тем паче не представлялось возможным углядеть в нём те самые окна, за которыми сейчас нервно расхаживал владыка Ньона. Но Дерек, прекрасно изучивший привычки своего господина, безошибочно мог вообразить себе эту картину.

Он крепко сжал зубы, от чего челюсть перекосило, а повреждённая щека стрельнула болью, напоминая о причинах, побудивших его к побегу. Но, несмотря на эту боль, несмотря на терзающую сердце горечь, несмотря на отчаянную усталость, — Дереку исступлённо захотелось чудесным образом переместиться сейчас туда, на своё место, открыть дверь в покои владыки с привычной улыбкой, высказать лёгкую шутку — какая первая придёт на ум! — встретить мрачный взгляд, теплеющий прямо на глазах...

Тут он припомнил, что нарисованная ему в воображении картина была совершенно невозможна. После случившегося между ними конфликта не вышло бы просто сделать вид, что ничего не было. И лёгкие шуточки на ум бы не пришли, и старина-Грэхард, скорее всего, ударился бы в замкнутый тип переживания своего мрачного гнева, ведь извиняться и признавать свои ошибки он не умел.

Со вздохом Дерек скользнул взглядом по Цитадели; невольно зацепился за почти невидную за укреплениями крышу Нижнего.

«Идущий за солнцем! — фыркнул он насмешливо над выбранным Этрэном именем. — Солнце моё остаётся здесь...»

Он поскорее отвернулся. Если думать о Грэхарде было просто мучительно, то вспоминать Эсну — и вовсе нестерпимо.

Офицер, если и удивился проволочке, ничего не сказал, тихо ожидая, когда Дерек насмотрится.

Поймав его взгляд и убедившись, что он готов следовать дальше, с призывающим кивком продолжил путь к трапу на среднюю палубу.

Словно между делом невзначай обмолвился:

— Мы сюда вернёмся весной.

Дерек передёрнул плечом. Он знал, что никогда не вернётся.

II. Испытания. 1. Чем заняться на корабле?

II. Испытания

637-638 года. Море — Аньтэ

Мой первый долг — не возвращаться никогда, И ты, мой друг, не возвращайся, уходя. Пойми: всё то, что пел я раньше, — ерунда, Все песни — вздор, и жить лишь рифмами — нельзя! Стезя открыта, вместо плуга — зуб дарёного коня, Дожить до завтрашнего дня трудней, чем стать самим собой.

Зимовье зверей «Снова в космос»

1. Чем заняться на корабле?

Плавание от столицы Ньона до Аньтэ должно было занять у анжельского нефа «Дельфин» около двух месяцев. Судно двигалось каботажем, заходя в каждый подходящий порт, а в некоторых ещё и останавливалось на пару дней — Этрэн умудрялся там поторговать.

Для Дерека опыт такого путешествия был первым, хотя по морю ему ходить приходилось. Но в юности он пользовался рыбацкими лодками и яхтами, пираты, разграбившие его посёлок, везли его в Ньон в трюме, а с Грэхардом он был привилегированным обитателем своей собственной каюты на юте. Здесь же он жил со всеми, на средней палубе, в простом корабельном гамаке — надо сказать, что в первый день он смог уснуть в нём только ввиду крайней степени усталости, а вот пару следующих ночей пришлось привыкать к такому нетипичному месту ночлега. Не говоря уж о том, что первые дни его ощутимо укачивало, что тоже не добавляло оптимизма.

Неф Этрэна был достаточно объёмный, трёхпалубный и трёхмачтовый, но большую часть пространства в нём занимали товары. Для такого большого судна команда была скромной — порядка двух десятков моряков, около четырёх десятков наёмников-охранников и десятков помощников в торговых делах. В каютах на юте размещались купцы, офицеры и командование корабля, дальше на средней палубе теснились гамаки охраны и, ближе всего к носу, размещалась сама команда. Дерек отправили именно туда — там были свободные гамаки.

Хотя Этрэн и относился к числу заботливых хозяев, и его корабль был несколько чище, чем это обычно бывает, и кормили на нём несколько лучше, в целом, тяжесть условий морской жизни весьма дезориентировала Дерека. Простое и однообразное питание на фоне дворцовых изысков, невозможность нормально помыться, постоянный угнетающий полумрак, характерный корабельный запах, сон в неудобном положении среди толпы храпящих, сопящих, шлёпающих губами людей... и изматывающая скука.

Дерек не привык к безделью. Ему всегда было, чем заняться, он крутился волчком, бегая по всевозможным поручениям и выполняя сотни мелких задач. У него была привычка, ложась спать, перечислять внутри себя дела на завтра, и, просыпаясь, он тут же планировал свой весьма плотный график.

С одной стороны, он безумно устал от этой постоянной гонки; с другой — он не умел по-другому, и теперь, вырванный из привычной среды, чувствовал себя потерянно и тревожно. Казалось, он постоянно забывает что-то важное, что-то упускает из виду... Чувство преступности безделья не давало ему покоя.

На судне он был пассажиром, и это предполагало полное отсутствие каких-либо обязанностей. И это угнетало его до такой степени, что он начал подсознательно себе эти обязанности придумывать — к тому же, не отвлечённый никаким делом, он снова и снова возвращался мыслями к Грэхарду, и это безмерно его мучило. Ему теперь, когда он уж сбежал, вспоминалось исключительно хорошее, и это хорошее жгло его сердце раскаянием. Он гнал от себя воспоминания, нарочно разрисовывал Грэхарда чёрными красками — но сердце всё равно ныло. Если бы он мог забыться хотя бы за делом!

Не то чтобы чёткий распорядок жизни на судне радовал вариативностью никем не исполняемых обязанностей: конечно же, всё, что должны было выполняться, выполнялось в срок именно теми людьми, которые должны были это делать.

Три вахтенные команды сменяли друг друга каждые четыре часа. Четыре часа на вахте, четыре — хозяйственных работ, четыре — поспать, и снова — на вахту. Для Дерека, который привык спать один раз в сутки, такой распорядок был странным, тем паче, что он-то ни к одной команде не принадлежал и просто наблюдал, как они меняют одна другую.

Больше всего бездельничали наёмники. Во время плаванья их обязанностью была караульная служба на ключевых постах; двое из них всегда торчали на марсах на гроте и фокее — высматривали на горизонте пиратов. Основная их работа велась при заходе в порт, вот там-то для них начинались трудовые будни. А вот на судне они только и делали, что играли в кости да карты и горланили песни. От них Дерек предпочитал держаться подальше.

Собственно команда, напротив, всегда была при деле и в помощи не нуждалась. Дерек пару раз сунулся было к боцману, но тот отнёсся к его желанию чем-то помочь весьма скептически и вежливо объяснил, что господин пассажир может заниматься своими делами, поскольку на корабле все устроено и без него.

Своих дел у Дерека не было.

Совсем.

Поскольку к третьей когорте людей на борту — купцам — подходить было уж слишком боязно. Хотя именно они больше бы соответствовали Дереку по характеру дел, которыми занимались: у них хватало аналитики и бумажной работы, и их досуг был явно более интеллектуальным, что у матросов и наёмников.

Но Дерек совершенно не был способен оценивать себя здраво и трезво. В его собственных глазах он виделся слишком незначительным и глупым лицом, чтобы навязывать своё общество кругу, который представлялось ему как «высший», и в котором, если смотреть объективно, он стоял бы вровень с местной «верхушкой» — дать ему фору могли бы разве что сам Этрэн и пара его товарищей.

В итоге уже на вторую неделю плаванья Дерек вымотался своим бездельем вконец, вследствие чего нашёл на свою голову занятие весьма странное для тридцатилетнего мужчины, который сбежал от сытой и спокойной жизни со словами «устал быть мальчиком на побегушках»: начал носиться по всему кораблю с мелкими поручениями.

Всё началось с того, что наёмник из гамака неподалёку сетовал, что забыл свою колоду карт на бочке в трюме, где нёс караул. Со скуки Дерек вызвался сбежать и принести.

...не прошло и двух дней, как неожиданно выяснилось, что на корабле есть десятки поводов куда-то сбегать. Что-то принести, кому-то что-то передать, что-то проверить... Наёмники и команда быстро уяснили, что шустрый безотказный паренёк только рад угодить, и стали гонять его почём зря.

Дерек, к слову, почувствовал себя если не счастливым, то, во всяком случае, довольным. Привычная беготня избавила его от разъедающей тревоги; он снова чувствовал себя при деле, нужным и значимым. Вернулась его фирменная лёгкость, яркая улыбка и постоянные шуточки — всё это в совокупности привело к тому, что за пару недель все привыкли обращаться с ним по-свойски, и он почувствовал себя принятым.

— Нда, — только и прокомментировал сложившуюся ситуацию Этрэн, которому приставленный к Дереку офицер доложил о своих наблюдениях.

Стоя на шканцах, он наблюдал, как Дерек несколько неуверенно карабкается по вантам — передать часовому в марсе лепёшку. Снизу его подбадривали наёмники; боцман, вместо того, чтобы пресечь безобразие, восклицал что-то одобрительное и постоянно басовито напоминал:

— Три точки опоры! Всегда три точки, Дер!

Вопреки опасениям, тот умудрился не свалиться, передать лепёшку и вернуться на палубу, где его тут же одобрительно захлопали по плечам.

— Нда, — с некоторой досадой повторил Этрэн.

Казавшееся перспективным приобретение резко теряло свою ценность в его глазах.

«Говорить с ним бесполезно, — размышлял вечером в своей каюте купец, анализируя полученные сведения и собственные наблюдения. — Привычку прогибаться не распрямишь».

Он любил помогать людям обрести своё место в жизни, но, совершенно точно, не имел привычки тратить время на то, чтобы распутывать чужие психологические проблемы.

Постучав пальцами по порту, он вздохнул. Было весьма досадно: он увидел в Дереке некоторый потенциал и теперь с осязаемой жалостью ставил на этом потенциале крест.

— Досадно, досадно, — проворчал себе под нос он, хмурясь.

Конечно, пристроить такого типа будет куда как проще — кому не нужен расторопный и желающий всячески угодить помощник? — но всё-таки...

— Всё-таки крайне досадно... — повторил тихо Этрэн, шурясь и пытаясь понять, не упускает ли он из виду какой-то простой выход.

Пара минут раздумий привела к тому, что выход, пусть и весьма неочевидный, в его голову забрёл.

Приняв решение, он выглянул наружу, в кают-компанию, и позвал:

— Тэн!

От группы что-то жарко обсуждающих купцов и офицеров отделился молодой человек с недлинными слегка вьющимися тёмными волосами.

— Дядюшка? — с некоторым недовольством переспросил он — уж очень увлёкся спором и не хотел отвлекаться.

На самом деле, они не приходились друг другу родственниками, но семьи их были весьма близки, отсюда и вошло в привычку это обращение.

— Зайди-ка, — кивнул к себе Этрэн.

Молодой человек с сожалением обернулся на оставленный им галдёж и подчинился.

2. Кто такой Райтэн Тогнар?

За тридцать лет своей жизни Райтэн твёрдо уяснил одну вещь: хочешь, чтобы какое-то дело было сделано хорошо, — сделай его сам. Во всяком случае, любая попытка делегировать кому бы то ни было какие бы то ни было задачи всегда вызывала у него досаду: всё делалось не так, не в срок, не тем способом, приводило не к тому результату.

Связано это было не столько с тем, что Райтэну попадались бестолковые исполнители, и даже не с тем, чтобы был он так уж требователен. Дело скорее упиралось в необычный творческий тип мышления, в виду которого Райтэн ненавидел готовые стандартные решения и постоянно изобретал новые пути и методы.

Но в большом деле, как ни крути, в одиночку не справишься. Поэтому, ворча, скрипя и обзывая (чаще про себя, а порою и вслух) исполнителей идиотами и дегенератами, Райтэн всё-таки спихивал часть рутины на тех, кто подвернётся.

Узнав от Этрэна, что на корабле есть пассажир, который может писать по-ангельски, Райтэн отнёсся к информации весьма скептически. Он заранее был уверен, что из этой затеи ничего толкового не выйдет, но морская жизнь стесняла его в поисках помощников, поэтому лучше уж попробовать дурного иностранца, чем копать самому.

Прищурившись, Райтэн понаблюдал со шканцев, как Дерек носится между капитаном и боцманом, передавая какую-то информацию, и, в конце концов, прервал его очередной заход тем, что попросту встал у него на пути, протянул ладонь для рукопожатия и представился:

— Райтэн Тогнар.

Разогнавшийся было Дерек чуть не врезался в него, но вовремя успел притормозить, сориентироваться и пожать руку с ответным:

— Деркэн Анодар.

Новое имя не вызывало у него никаких запинок и проблем. Фамилии у него и вовсе отродясь не было — в Даркии звали по отцу, в Ньоне надобности в ней не возникало. А переделанное на анжельский манер имя звучало, на его вкус, вполне неплохо. В целом же, в общем сочетании, он чувствовал какую-то законченность и гармоничность, которой ему не хватало раньше, и это даже добавляло ему в его собственных глазах веса. Знаете ли, весьма велика разница между «просто Дерек» и целым господином с анжельскими суффиксами!

— Говорят, — с любопытством склонил голову набок Райтэн, рассматривая нового знакомого, — вы пишете и читаете по-ангельски?

— Как иностранец, — то ли подтвердил, то ли опроверг Дерек с лёгким смешком.

В самом деле, анжельский язык был достаточно сложен в освоении, и тому, кто не был рождён в Анджелии и не привык говорить и думать на нём с детства, не так-то просто было зайти дальше основ.

— А! — кивнул сам себе Райтэн и как будто делая вывод из только что сказанного, уверенно подтвердил: — На море нынче зыбь, да! [1]

Дерек честно попытался подхватить мысль — анжельцы славились своими погодными диалогами — и, как ему казалось, высказался в тему:

— Жаль, что солнце почти не греет.

Райтэн несколько секунд смотрел на него в упор с некоторым удивлением; потом уголок его губ дрогнул — он явно подавлял смех — но смех этот всё же отразился в его голосе, когда он отметил:

— Да, теперь вижу, что как иностранец.

В любом приличном обществе, вне зависимости от страны, разговоры о погоде были приняты как уместный способ наладить контакт. Но анжельцы в этом искусстве дошли до невиданных высот. Пользуясь метафоричностью своего языка, они с помощью разговора о погоде могли провести полноценную беседу, затрагивающую самые сложные аспекты как бытовых, так и абстрактных вопросов.

Будучи в Анджелии и наблюдая, как анжельцы разговаривают между собой в Ньюне, Дерек отметил, что погодным разговорам уделяется много времени, но понять принцип, по которому они строятся, так и не смог.

— Глупость сморозил? — уточнил Дерек, надеясь внутри себя, что это всё-таки получилась глупость, а не что-нибудь оскорбительное.

Райтэн покусал губы; в глазах его зажглись смешки.

— В деловом контексте, — объяснил он, — замечая недостаток солнца, лучше говорите «зато солнце не слепит глаза», или, напротив, «без солнца стало плохо видно». Говорить о недостатке или избытке тепла... — он прикусил губу, слегка хмыкнул и выбрал слово: — Неуместно.

— Спасибо, я запомню, — обезоруживающе улыбнулся Дерек, довольный, что выяснил, по крайней мере, что у погодных разговоров есть зависимость от контекста отношений между говорящими.

— В любом случае, — чуть помолчав, вернулся к своему делу Райтэн, — погодных нюансов у меня там нет, так что, думаю, разберётесь. Пройдёмте?

Он махнул головой в сторону юта, так и не объяснив, что ему, собственно, требуется. Однако Дерек это ни капли не смутило — он, напротив, был чрезвычайно рад, что у кого-то из «высшего круга» на корабле нашлась для него задача — ведь это позволяет завести связи, которые, возможно, пригодятся.

Тесная каюта-закуток, в которой ютился Райтэн, едва вмещала в себя кушетку, столик и стул. Зато в открытый порт проникало достаточно солнца, чтобы за столом можно было вести какую-никакую работу — в светлое время суток. Засадив Дерек на стул, Райтэн забрался на койку — иначе подлезть и объяснить что-то о бумагах на столе было невозможно — и взялся за огромный лист, на котором была начертана таблица, заполненная лишь на пару строк.

— Смотрите, — пододвинул он лист Дереку, — вот это мне нужно оформить. Названия корабля, — ткнул он пальцем в первую графу, — а дальше пошло-поехало. Водоизмещение, количество палуб, матч, длина-ширина, осадка, год спуска на воду, верфь, на которой строили... — в общем, он озвучил все столбцы, коих было пару десятков, и завершил их странным: — И здесь вот — сколько было столкновений с пиратами, и кто ушёл, кто попался.

Дерек, сосредоточенно слушавший, поняливо кивнул. Касательно всех этих деталей анжельский язык явно не представлял метафорических сложностей.

— Теперь, — Райтэн принялся выгребать бумаги откуда-то из-под подушки, из-за койки, из какой-то щели. — Вот здесь...

У него оказалась целая гора самых разномастных документов, которые содержали сведения о самых разнообразных кораблях. Они были написаны на анжельском и нийском,

ньонском и даркийском, джотандском и либерийском, на пергаменте и дешёвой бумаге, мятые и официального вида, с печатями и без, потрёпанные и рваные, с понятными ровными строчками и явно писанные второпях.

— Вот этих языков не знаю, — смущённо признался Дерек, откладывая джотандские и либерийские.

Райтэн с досадой щёлкнул языком:

— Ладно, эти я сам! — и принялся, что-то бурча, выгребать соответствующие из общей кучи.

На следующие три часа они плотно погрузились в работу. Дерек методично обрабатывал полученные листы, заноса информацию из них в таблицу. Райтэн, шелестя бумагами и откуда-то вытащенными книгами, хмуро бормотал себе под нос, временами восклицал, и непрерывно делал пометки карандашом в пухлом блокноте, из которого торчали разномастные закладки, бумажки и прочая дребедень.

Дерек крайне увлёкся пусть монотонной, но довольно интересной работой, поэтому вздрогнул, когда Райтэн вдруг воскликнул:

— Он отлично горит!

Из-за двери раздался хоровой вздох.

Вскочив, Райтэн выглянул наружу и почти гневно повторил:

— Отлично горит! Не хуже дров!

— Но ужасно дымит, — со смехом ответил ему кто-то.

— Так сперва коксовать надо! — пылко возразил Райтэн, выскакивая в кают-компанию.

Дверь он закрывать не стал, поэтому некоторое время Дерек отвлекал от работы бурный и горячий спор на тему того, можно ли вместо дров использовать некий неизвестный Дереку... камень? Увы, здесь, кажется, уже начинались его проблемы с анжельским, потому что слово «камень» он явно узнал, а вот как этот самый камень может гореть — не понял.

Вскоре Райтэн вернулся. Громко хлопнув дверью напоследок, он резюмировал сквозь зубы:

— Ну дебилы... — наткнулся взглядом на Дерек, вспомнил, что не один, досадливо поморщился и вернулся к своим бумагам, некоторое время всё ещё бормоча себе под нос ругательства в адрес товарищей, не оценивших весь потенциал растопки печей каменным углём.

Хотя он явно пытался сдержать поток своего негодования и погрузиться в дело, эмоции заметно брали над ним верх, и, наконец, не выдержав, он возмущённо заявил Дереку:

— Нет, ты представляешь! Они реально думают, что приготовленная на нём еда отравлена!

Дерек замялся, не зная, как реагировать, потому что сути возмущения он так и не уловил, хотя и предположил, что речь всё ещё идёт о каком-то непонятном ему камне.

К счастью, Райтэну и не нужен был активный собеседник — ему требовался благодарный слушатель.

В следующие пятнадцать минут Дерек услышал весьма толковую, пусть и крайне эмоциональную, лекцию, суть которой сводилась к тому, что каменный уголь — отличная замена дровам, только его надо коксовать, чтобы не дымил, и всё тогда будет отлично, и уж тем паче ничего он не отравляет, что бы там всякие тупицы себе ни воображали...

— Вот и пусть платят втридорога, — неожиданно закончил свой страстный монолог

ехидным выводом Райтэн. — Раз налог на глупость так и не ввели официально, будут расплачиваться так!

Дерек не нашёл ничего лучше, чем уточнить, что значит «коксовать».

...На обед ему всё же удалось попасть только потому, что увлékшегося Райтэна чуть ни за уши вытащил наружу старпом.

— Да парень как парень! — резюмировал вечером Райтэн на вопрос Этрэна.

Тот слегка наклонил голову и выгнул бровь. Отсутствие в характеристике таких обозначений, как «дебил», «тупица» или «тормоз» было непривычно.

— Во всяком случае, мозги у него есть, — расщедрился на лестную характеристику Райтэн.

Такой многообещающий вывод он сделал на основе робкого замечания Дерекка о том, что если каменный уголь после коксования горит не хуже дров, а стоит дешевле, то использовать его вполне разумно.

— Чуть побольше, чем у курицы, — спохватился Райтэн, который в целом был настроен к людям критично. — Но, Великое ты мое Пламя, он же совершенно неживой какой-то!

«Неживым» в его системе координат Дерек стал потому, что сидел тихо, работал молча, вопросов не задавал, не спорил, не ругался, просто делал, что сказали.

Райтэн однозначно считал, что «тупо делать, что сказали» — один из самых страшных недостатков человечества, и даже разумное отношение к использованию каменного угля этого недостатка компенсировать не смогло бы.

Этрэн развёл руками: мол, ну вот такой вот, какой есть.

— В общем, если умеет хорошо считать, — вернулся к теме Райтэн, — то можно и в счетоводы отдать. Не умеет, так в переписчики.

Вздыхнув, Этрэн уточнил:

— А тебе самому переписчик-то не нужен? Раз уж с мозгами.

Эмоционально взмахнув руками, Райтэн горячо воскликнул:

— Мне нужен столяр! Нормальный, адекватный столяр! Переписать я и сам могу!

Насмешливый фырк не заставил его смутиться. Конечно, он не переносил необходимость что-то переписывать; но был совершенно уверен, что любой другой допустит сотню ошибок на ровном месте, поэтому лучше уж — самому.

1. Есть несколько причин, по которым разговоры о погоде возведены в Анджелии в ранг высокого искусства. В представленном контексте важна такая особенность, как изменение существительных по родам. В анжельском существительные не образуют родовые пары, как у нас (кот-кошка), а именно изменяются по родам (как наши прилагательные). Значение слова остаётся неизменным, меняется его сочетаемость. Довольно часто те существительные, которые в мужском роде относятся к миру физическому, в женском роде переходят в мир эмоций и абстрактных понятий. Разговоры о погоде предполагают использование существительных мужского рода, но в своём подсознании анжельцы постоянно достраивают смысл, какой получила бы фраза, если изменить род. Так, "зыбь" в мужском роде употребляется по отношению к состоянию моря. Но "зыбь" женского рода — это душевное состояние, которое мы бы назвали тревогой, колебаниями, сомнениями. Поэтому фраза "на море нынче зыбь" воспринимается коренным анжельцем как целый

комплекс смыслов, от "вы, кажется, тревожитесь" до "что-то я сомневаюсь". Соответственно, "тепло" мужского рода — это состояние окружающей среды, "тепло" женского рода — состояние души. Фразу о том, что солнце не греет, анжелец поймёт примерно как жалобу "никто меня не любит" или "никому я не нужен". Райтэну смешно, потому что подобные заходы анжельцы используют обычно, когда подкатывают к девушкам, знаете, в этакой печоринской манере: "Меня никто не понял: и я выучился ненавидеть". Ну или наоборот, это аналог нашего девичьего "что-то холодно, кто б согрел?"

3. Как устроиться в незнакомом городе?

Порт оглушал.

Разгружались торговые корабли. Массивные грузчики, обливаясь потом, волокли сундуки и мешки, разражались всплесками брани в тех случаях, когда пересекались траекториями. Специальные сигнальные рожки пронзительно разрезали воздух своими резкими звуками, организуя ход причаливающего корабля. Неподалеку у склада надрывались собаки хорovým ором. С другой стороны зазывали-торговцы расхваливали свои товары. Перебить их надрывно пытался уличный музыкант, который со своей гундосой трубой хотел заработать несколько монет. Неподалёку, на верфи, раздавался стук молотков и визг пил, и иногда, ровно, мерно, глухой мощный бух чего-то тяжёлого.

Только сошедший с трапа и стоящий посреди всего этого оглушающего бедлама Дерек нервно сглотнул. Его, ко всему, ещё и покачивало после долгого водного пути — тело не могло так резко осознать, что под ногами уже твёрдая земля, а не палуба.

Он сделал несколько неуверенных шагов по припортовой площади. Почти-товарищи, ставшие отчасти знакомыми благодаря плаванью, весело расходились кто куда — некоторые и сами жили в Аньтэ, иные планировали дальнейшую поездку вглубь страны, домой, третьи собирались перекантоваться некоторое время и уйти в следующее плавание — к берегам Либерии, на юг.

Среди них Дерек один был неприкаянным.

У него, впрочем, было предложение попробовать себя в качестве юнги от боцмана, письменная рекомендация от Этрэна и дружелюбное «заходи, вместе прошвырнёмся по притонам» от одного из наёмников.

В общем и целом это никак не отвечало на вопрос, куда податься и что делать.

Дерек, заплетаясь нога за ногу, проковылял до конца площади, чувствуя, как страх всё сильнее овладевает им.

Он впервые оказался в ситуации столь неконтролируемой и зыбкой. Детство и юность он провёл в родном посёлке, где каждый знал каждого и мог посчитаться на десять поколений назад знакомствами. Там он всегда мог рассчитывать на помощь и поддержку.

После он оказался при Грэхарде, и здесь ему вообще больше ни о чём не нужно было беспокоиться.

Даже собственно сам побег не был таким страшным там и тогда: в Ньоне у него было множество знакомых, к которым так или иначе можно было обратиться.

Здесь же у него не было никого, и он совершенно не знал, куда идти.

Ему было страшно. Его оглушал город, а ещё больше — оглушала неизвестность, тотальная и неконтролируемая неизвестность. Где заночевать, что поесть, как раздобыть денег, как, в конце концов, устроиться? Он даже не знал, что вообще есть в Аньтэ, какие люди тут живут, где можно искать работы или пристанища.

Три вопроса беспокоили его более всего остального: как бы не отняли имеющиеся у него деньги, где бы переночевать и как найти работу.

Начать он решил с того, чтобы обменять ньонские монеты на анжельские. В порту, наверно, и за ньонские можно что-то купить, но в городе-то точно в ходу местные.

Узнать у прохожих, где найти лавку банкира, оказалось несложно. Вот заходить было страшновато — и ну как прям там и ограбят?

Однако дело прошло без проволочек, и вскоре Дерек стал счастливым обладателем местной валюты.

Ну как — счастливым. По-прежнему над ним висела постоянная опасность быть ограбленным. Нда, он никогда до этого не задумывался, что в том, чтобы вообще не иметь денег, есть свои очевидные плюсы: тебя точно не ограбят. Теперь же приходилось как-то нести монеты, стараясь при этом не показать, что они у тебя есть, и притом думать, куда их припрятать, если где-то устроится. По всему выходило — только с собой носить, а значит, продолжать поминутно опасаться быть ограбленным.

Разовый ночлег в условиях наличия денег не представлял особой сложности, но Дерек справедливо рассудил, что, покуда работы у него нет, нужно экономить, поэтому и ночлег лучше поискать подешевле.

Не то чтобы он в принципе представлял себе, как ищут ночлег подешевле. Мысль о том, что люди сдают дома, комнаты и даже углы в комнатах, ему в голову не пришла. Он искренне полагал, что единственный способ заночевать — это постоялый двор. Но зато однозначно решил, что рядом с портом и трактом такие дворы самые дорогие, и нужно искать где-то в стороне, поэтому углубился в узкие улочки.

Там он ожидаемо заблудился, в особенности по той причине, что пугался каждого прохожего, предполагая, что тот может быть грабителем, а потому, желая избегать встреч, постоянно куда-то сворачивал и нырял.

Так что когда впервые за всё время этих блужданий он обнаружил вывеску гостиницы, то тут же радостно и устремился туда. Посчитав цену приемлемой, Дерек снял комнатку на неделю, пообедал и снова отправился блуждать — теперь уже в поисках работы.

Искать работу, как легко можно догадаться, он тоже не умел.

Сперва он просто шёл-шёл по городу, и ходил так часа три, даже начал слегка ориентироваться. Потом до него дошло, что работа не падает на тебя с неба сама по себе, и недурно было бы приложить кое-какие усилия.

Наткнувшись на первую попавшуюся лавочку — она принадлежала скобянщику — Дерек зашёл внутрь.

Скобянщик был занят: вчитывался в пыльный талмуд. Хмуро смерив посетителя взглядом из-под бровей, он вернулся к чтению.

Дерек поразглядывал замки и петли.

«Может, спросить, не нужен ли ему... конторщик?» — растеряно поморгал он, пытаясь понять, какая вообще работа существует, на какую он может претендовать и как заводят разговоры такого толка.

Он искоса поглядел на скобянщика — словно бы в надежде, что тот сам догадается о цели его визита.

Скобянщик догадался, но явно не о том, и ответил весьма хмурым прищуром: зевака, который блуждающим взглядом осматривает явно ненужные ему товары и косится на хозяина лавки — всяко крайне подозрительный субъект!

— Хотели что-то, господин хороший? — весьма и весьма недружелюбно поинтересовался скобянщик.

Дерек помотал головой.

Скобянщик выразительно поднял брови.

Не найдя ничего лучше, Дерек ретировался.

Скобянщик вышел на крыльцо и долго смотрел ему вслед, убеждаясь, что подозрительный тип ушёл своей дорогой.

...до вечера Дерек так и продолжил ходить по всем лавочкам подряд, но везде повторялась примерно одна и та же история. Когда начало темнеть, лавки стали закрываться, и Дерек понял, что нужно возвращаться на постоянный двор, но...

Не смог вспомнить, куда идти.

Учитывая, сколько он бродил сперва, пока выбрел к этому двору, и сколько он бродил после, — немудрено.

Аньтье не был большим городом, но человеку, который оказался там впервые, всё же сложно ориентироваться в местных улочках. Застраивалось тут всё бессистемно, ровных дорог не было, кварталы лепились друг на друга причудливо и прихотливо...

Дерек, к тому же, вместо того, чтобы пытаться прочесать город методично или, на худой конец, поспрашивать (прохожих он по-прежнему боялся и избегал), просто пытался тыркаться то в один, то в другой переулок, в надежде наткнуться на знакомые ориентиры. Те, в самом деле, попадались, — приметные дома, вывески, флюгеры, деревья, — но беда была в том, что он не помнил соотношение этих ориентиров с той точкой, которую искал. Просто помнил, что уже проходил мимо, и всё.

Темнело. Людей на улицах почти не осталось, запирались двери, закрывались ставни, гасли огни. На город спускалась тишина, нарушаемая иногда собачьим лаем или боем часов где-то далеко. И раньше промозглый ветер, задувавший с моря, становился пронзительно-ледяным.

На Анджелию опускалась зима, а у Дерека была только его ньонская куртка — учитывая жаркий климат Ньона, не очень-то она помогала.

Ко всему, ноги с непривычки ужасно устали. Он весь день провёл в своих блужданиях, после морского путешествия с трудом привыкая к земле и постоянно спотыкаясь на каждом втором булыжнике мостовой. Сил никаких не осталось.

В отчаянии он присел на чьё-то крыльцо и спрятал лицо в ладонях.

Хотелось пить, и есть, и спать. Было холодно и больно, и он совершенно не представлял, что делать дальше. От усталости и досады из глаз полились слёзы.

Сам себе он сейчас виделся совершенно никчёмным и ни к чему не годным. Он с несомненной отчётливостью понимал, что крайне глуп: как можно было не запомнить, где именно ты снял комнату? Это не говоря уж о ситуации в целом. Вот зачем было действовать так импульсивно? У него ведь было полно времени, чтобы всё хорошенько спланировать, подготовить себе пути отхода... Да что там! Зачем было сразу нестись в чужую незнакомую страну? Мог бы и в Ньоне перекантоваться первое время, не настолько Грэхард и всевидящий, не нашёл бы.

«С чего я вообще взял, что он будет меня искать? — недоумевал теперь Дерек, который сам себе казался слишком ничтожным, чтобы ради него кто-то стал бы устраивать масштабные поиски. — Затаился бы где-нибудь на севере, а если что, там и до Ниии рукой подать».

Решительно, если бы сейчас из-за угла вдруг появился невесть откуда взявшийся ньонский стражник, посланный по его, Дерека, душу, он бы даже, пожалуй, обрадовался и, не задумываясь, сдался бы. Просто на радостях, что он кому-то настолько нужен, чтобы выискивать его на другом конце Материка.

Посидев минут десять и окоченев до дрожи, Дерек вытер слёзы и пришёл к выводу, что нужно что-то делать. И, раз уж он не может найти свой постоянный двор, имеет смысл поискать другой. Денег, конечно, жалко, но — сам растяпа.

Со вздохом встав, Дерек завертел головой, выбирая направление, которое казалось более перспективным. Забрёл он уже в какую-то несусветную глушь, где даже собаки не лаяли, а уж тем паче не пахло никакими постоянными дворами.

На его счастье, далеко-далеко пробили часы, отсчитывая полночь. Кивнув сам себе, Дерек пошёл на звук, надеясь, что наткнётся на что-то подходящее побыстрее.

Ходьба его немного согрела, да и перспектива где-то всё же устроиться грела сердце, поэтому в нём стал просыпаться его обычный оптимизм. Он уже размышлял сам с собой, что предпримет завтра, и пытался понять, что, вообще, стоит сделать в первую очередь.

Жизнь наладилась окончательно, когда он увидел в конце очередного переулочка свет в окнах — это обещало возможность найти, наконец, ночлег.

Устало ввалившись в гостиницу, Дерек замер.

Это был тот самый постоянный двор, где он и остановился.

Растерянно поморгав, Дерек вознёс благодарность Богу и расставил приоритеты: сперва поужинать — потом поспать.

Тут, правда, удача его закончилась. В его воображении ужин виделся вкусным и сытным, а в итоге то, что ему предложили, оказалось скорее оставшимися от обеда объедками. Впрочем, есть хотелось очень, поэтому он проглотил всё, что дали. Но и ночной отдых тоже не задался — во-первых, было ужасно холодно, во-вторых, несмотря на холод, местные комары не давали спасу (это Дерек ещё не знал о существовании таких неприятностей, как клопы и вши; тут ему повезло, подвернувшийся ему двор за такими делами старался следить).

В общем, утро тоже было недоброе — холодно, промозгло, завтрак он проспал, а специально тут никто не готовил, выспаться не удалось... В поисках какого-нибудь уличного пирожка Дерек снова забродил по улицам — теперь уж больше внимания уделяя ориентирам и запоминая дорогу — и проводя в голове работу над ошибками.

В своей вчерашней тактике поиска работы он увидел две основные ошибки: во-первых, он не придумал, кем он может работать, во-вторых, имело смысл всё-таки заговаривать с теми, к кому он заходил. Как бы это же очевидно: если не спросить — то и не узнаешь, нужен ли работник.

Ближе к центральной улице пирожок нашёлся, и гораздо более довольный Дерек приободрился и преисполнился оптимистичной готовности покорять местные лавочки — почему-то это был единственный пришедший ему в голову план по трудоустройству.

В этот раз первым у него на пути оказался портной.

Зайдя в лавку, Дерек тут же и оробел. Мысль о том, чтобы подойти к незнакомому человеку и спросить, не нужен ли ему работник, вызвала внутри панический приступ.

Меж тем, портной, вполне довольный и своей жизнью вообще, и своим ремеслом в частности, приветливо улыбнулся и поинтересовался:

— Чего изволите-с?

Дерек вздохнул. Заведя руки за спину, вцепился сам себе в пальцы, пытаясь совладать с робостью, стыдом и страхом. Ему, по какому-то странному выверту психики, казалось, что спросить о работе — это значит навязываться и даже попрошайничать.

«Просто озвучь уже!» — со злостью потребовал он от самого себя, и на чистом волевом усилии заставил свои губы выговорить:

— Работник не требуется?

Портной поправил очки и вполне дружелюбно ответил:

— Разве что швея. Но вы ведь не?..

— Нет, — покачал головой Дерек даже с облегчением, попрощался и поскорее сбежал.

На улице ему пришлось постоять, чтобы отдышаться и утихомирить сердцебиение.

Дальше дело пошло проще: преодолев себя однажды, он понял принцип, по которому это работает. Да, было по-прежнему стыдно и страшно, но, во всяком случае, получалось задать вопрос.

Вот только ответы его совсем не радовали. Чаще всего оказывалось, что работник не требуется, а если и требуется — то обладающий каким-то специфическими навыками. Коих у Дерека, разумеется, не было.

Скорее всего, последняя проблема крылась в выборке потенциальных работодателей: Дерек упорно ходил по лавочкам ремесленников, а тем, естественно, требовались подмастерья всех сортов, знакомые хотя бы с основами своего ремесла.

Сменить способ поиска ему в голову и не пришло, зато, с присущим ему педантизмом и упрямством, он обошел буквально все лавочки Аньтье. Потребовалось ему на это всего шесть дней — и это скорее от того, что сперва он плохо ориентировался в пространстве и много блуждал.

Наконец, ему пришлось признать, что дело явно не задалось. Это стало очевидно, когда, замыкая круг поисков, он опять выбрел на центральную улицу.

Присев на какой-то верстовой булыжник — ноги после стольких дней ходьбы ощутимо гудели — он крепко задумался.

Как вариант, можно было попытаться счастья в другом городе, но Дерек плохо себе представлял, во что это выльется: раз он здесь не нашёл работу, то и там вряд ли найдёт. Другой способ — попытаться овладеть каким-то ремеслом, но как это сделать с учётом скудности его средств?

Можно бы воспользоваться советом боцмана и наняться юнгой, но знакомая команда наверняка уже отчалила в следующее путешествие, а как устроиться к незнакомцам — он не представлял.

Вариант «попросить помощи у Этрэна» он даже и не рассматривал — скорее всего, из гордости.

Пока он от отчаяния размышлял, возьмут ли его в наёмники — хлипковат он был для такой роли, хоть и владел оружием неплохо, Грэхард поднатаскал под хорошее настроение, — его размышления прервал тот самый портной, к которому он обращался первым.

— Всё нанимаетесь? — с тёплым сочувствием спросил он — его лавка как раз была на противоположной стороне улицы, и он заметил тяжкие раздумья Дерека.

— Нанимаюсь, — грустно кивнул тот и с ухмылкой добавил: — Как видите, безуспешно.

Портной пораскачивался с пятки на носок и сдержанно отметил:

— У меня тут тесть забор хочет покрасить, возьмётесь?

Дерек обрадованно вскочил.

Красить забор в начале зимы, конечно, было странновато, но снег в Аньтье редко

выпадал, всё-таки слишком южный город.

Вот так, схватившись за возможность подработать, Дерек ступил за зыбкий, но интересный путь обыкновенного наёмного разнорабочего. За следующие две недели он успел: покрасить тот самый забор, перетащить мебель для переезда, перебрать озимые яблоки и сварить из них варенье, расчистить чей-то чердак, наперевозить в тачке песок с одного конца города на другой, ощипать несколько десятков гусей и даже ассистировать цирюльнику при вырывании зуба.

Всё это, конечно, было весьма познавательно, и имело тот несомненный плюс, что Дереку кое-как удалось сбалансировать свой бюджет, и его средства перестали мучительно таять. Теперь он зарабатывал примерно столько же, сколько тратил на проживание и еду, но даже просто купить одежду и обувь потеплее оставалось за пределами его возможностей.

К тому же, работы такого плана были крайне ненадёжны в плане регулярности дохода: никогда неизвестно, найдётся ли что-то сегодня, да и поиск нанимателей был непрост. Хорошо, когда его рекомендовали знакомым — а его исполнительность и улыбочивость к этому располагали — но такое случалось не каждый день, да и бывали досадные случаи, когда, например, деньги ему не выплачивали в итоге под предлогом того, что работа сделана не так или не в срок. Искать защиты в этом вопросе Дереку было не у кого, поэтому он просто покорно уходил, несолоно хлебавши.

Тем не менее, работа такого плана позволяла хоть как-то, но жить, и Дерек даже отчасти привык к холоду, голоду, комарам (те, правда, чем холоднее становилось — тем меньше докучали), неопределённости и зыбкому страху остаться на весь день без дела, потому что нанимателя найти не удалось.

Но больше всего мечталось найти себе постоянное и прилично оплачиваемое место для того, чтобы купить себе, наконец, тёплые вещи. Поэтому мысли Дерекы всё чаще и чаще возвращались к идее попытать счастья где-то ещё.

Вопрос был только в том — где?

4. Как принять помощь, не потеряв независимость?

Возможно, Дереку не хватало простого житейского опыта, чтобы грамотно взяться за устройство своей жизни, но, чего уж у него точно отнять было нельзя — так это умения быстро реагировать и хвататься за подвернувшийся шанс.

Поэтому, когда однажды утром хозяин постоянного двора, где он ночевал, громко и зло жаловался супруге (та работала тут же на кухне) о том, что «Стекэн, мать его за ногу, решил в моряки податься» — моментально наострил уши.

Стекэн выполнял на постоялом дворе все виды работ, от уборки и стирки — до обслуживания посетителей в зале. Работа, конечно, выматывающая — именно поэтому на ней никто долго не задерживался — зато имеющая несомненные плюсы.

Так что, поговорив с мастером Годэном, хозяином двора, Дерек стал счастливым обладателем постоянной работы. Он полагал, что заключил крайне выгодную сделку: жить ему теперь тут можно было бесплатно, еду ему тоже будут давать бесплатно, да ещё и приплачивать кое-что! Сплошные плюсы!

Мастер Годэн тоже полагал, что кругом выиграл: обедок с кухни не жалко, пустующие комнаты бывают почти всегда, а платить можно гроши под предлогом «но я же ещё даю пищу и кров!»

Так что обе стороны были в высшей степени довольны друг другом, и Дерек с головой погрузился в работу, которая казалась даже почти привычной. Оно конечно, где захудалый постоялый двор в маленьком портишке — и где Цитадель великого ньонского владыки! Но круг обязанностей оказался до смешного схожим. Ну разве что не было слуг, которым можно нараздавать приказов, и приходилось крутиться самому.

День Дерек снова стал привычно начинаться с рассветом, и даже начало дня оказалось прежним: сходить на кухню, спланировать хозяйственные дела... вот только тащиться с Грэхардом на совет теперь было не нужно: вместо этого он сам и бегал по этим хозяйственным делам. Там закупить, там притащить, там убрать, там помочь.

Новый вихрь дел начинался в районе девяти утра: это было время завтрака. Накормить постояльцев и тех, кто зашёл, забрать посуду, помочь её помыть... Дальше он либо помогал на кухне супруге мастера Годэна, либо занимался стиркой и уборкой. Иногда нужно было помочь заселиться новым гостям или сбегать с поручением. Порою бывало, что дела заканчивались, и даже можно было посидеть отдохнуть, попить чай на кухне и перекусить тем, что осталось от завтрака.

Как такового обеда на дворе не было, и бурная жизнь начиналась уже в сумерках. Кормили вернувшихся постояльцев, а нижний зал и вообще превращался в кабак. Вот здесь для Дерек начиналась самая выматывающая работа! Носиться по всему залу, принимая заказы — в основном на выпивку — и разнося их потом. Вовремя вытирать столы, вовремя замечать и предотвращать конфликты... собственно вышибалы у них не было, этим делом занимался сам мастер Годэн, человек массивный. Но Дереку нужно было успевать вовремя позвать его, если что.

Ближе к ночи, когда простых посетителей уже выгоняли, и внутри оставались лишь постояльцы, нужно было убраться. И, скоренько поужинав, можно было заваливаться спать — с тем, чтобы ранним утром начать заново.

Тёплой курткой и сапогами Дерек обзавёлся сразу же, взяв деньги из своего запаса, — наличие постоянной работы внушало ему некоторую уверенность в завтрашнем дне. В этой же куртке он и спал, потому что на отоплении мастер Годэн сильно сэкономил, а вот старую ньонскую использовал днём, когда сутился в помещении.

Однажды, сунув руку в карман этой старой куртки, он обнаружил в ней ключ.

Точнее, конечно, ключ там бывал всегда, и он всегда привычно вертел его в руке, когда запихивал руку в карман, но в этот раз он на середине этого машинального движения осознал, что именно вертит.

Вытащив ключ наружу, он посмотрел на него с недоумением.

Это был ключ от ящика его собственного стола — там, в Цитадели. В день побега Дерек по привычке сунул его в карман, уходя, да так и позабыл об этом.

В ящике хранилась всякая сентиментальная мелочёвка. Глядя на знакомый до последней бороздки ключ, Дерек вспомнил все эти важные для него вещи, которые он и не подумал взять с собой, потому что хотел порвать с прошлым.

Ему сделалось мучительно больно и тоскливо.

Присев на стул, он некоторое время смотрел на ключ с такой тоскливой надеждой, как будто бы он обладал силой перенести его туда, обратно, в Ньон, в его комнатку. Отчаянно и безумно Дереку захотелось чудесным образом вернуться туда, в прошлое, где он был просто Дерек — верным помощником и ординарцем ньонского владыки.

Как живой, встал перед его глазами Грэхард, и сердце мучительно зануло в тоске по оставленному другу...

«Не друг, — сжав зубы, напомнил сам себе Дерек, — хозяин».

Это мерзкое слово привело его в себя. Выйдя на улицу, он с чувством ликования выбросил ключ в первую же канаву.

Теперь у него началась новая жизнь, и он ею был вполне доволен. Он почти не мёрз, почти не бывал голоден и почти всегда успевал нормально поспать — но, самое главное, он был свободен. Полностью и бесконечно свободен!

Мастер Годэн и его супруга были новым работником более чем довольны. Дерек не халтурил, не отлынивал от дел, носился как заведённый и исправно выполнял всё, что ему поручалось. Бывалый мастер устроил ему невзначай несколько проверок — Дерек даже и не заметил — и был весьма обрадован тем, что воровать новичок явно не склонен, что было настолько редкостью, что на радостях хозяин даже чуток увеличил ему жалование.

Постоянные вечерние посетители тоже постепенно проникались к Дереку симпатией. Обычно слуги тут менялись довольно часто, и было странно раз за разом снова видеть знакомое улыбочливое лицо. Многие гости даже взяли на себя труд запомнить имя и охотно останавливали Дереку поболтать о новостях. Тот, если работа позволяла, легко шёл на контакт, показывая свои умения приятного собеседника, что также играло на руку хозяину.

Так прошла зима. Наступил сезон весенних дождей, и Дерек был весьма доволен тем, что может прикупить добротные ботинки и весьма качественный плащ. И, Боже ты мой, у него даже ещё остались деньги! Однако тратить их было вроде особо некуда, и Дерек разумно их отложил, чтобы осенью вернуть должок Этрэну.

В целом, представляется крайне сложным сказать, был ли Дерек счастлив — но он, однозначно, был вполне доволен.

Ему нравилось приводить в порядок гостиницу. Там зашить занавески... или даже вышить по краю нарядную кайму! Там выскоблить старый стол до блеска, чтобы за ним

приятно теперь было сидеть... Там повесить на стену вязанку чеснока или перца, чтобы было красивее. Там приладить ко входу коврик, чтобы люди могли вытереть ноги.

Он постоянно придумывал какие-то мелочи: специальный шкафчик для ключей от комнат, красивые деревянные бирки с номерами на дверях, необычные пивные кружки с резьбой, какие-то особые сухарики по даркийскому прибрежному рецепту...

Платить ему больше за всё это, разумеется, не стали — мастер Годэн был скуп. Но Дерек и не ждал оплаты; он выражал таким образом свою благодарность за то, что его вообще взяли на это место. То, что место далеко не завидное, а платят ему несправедливо мало, он не замечал.

А ещё больше всего Дереку в этой работе нравились постоянные посетители, среди которых он свёл много знакомств. Один из начальников стражи, который приходил всегда в конце недели, отметить сдачу поста, — у него всегда наготове была коллекция забавных историй. Артель рабочих с верфи — превесёлые ребята, если только не выпьют лишнего, тогда с ними проблемы. А так-то можно и в карты на щелбаны перекинуться. Старичок-архитектор, который жил в соседнем доме и часто коротал здесь вечер, играя сам с собой в шахматы, — тут уж для Дерекы были подарком те вечера, когда гостей было мало, и можно сыграть партийку.

В общем, он здесь прижился, привертелся, обвык, и даже не заметил, как пролетело лето. По правде сказать, время неслось для него неудержимо и быстро, он и не успевал считать, как один за другим мелькают дни. В круговороте ежедневных дел у него не оставалось возможности остановиться и подумать — да и зачем думать? Сыт, обут, крыша над головой есть.

Нам представляется вполне возможным, что он проработал бы тут всю свою жизнь, если бы, конечно, у него не случилось какого-то конфликта с хозяином. Во всяком случае, Дерек не подавал никаких признаков того, что его что-то не устраивает или что ему необходимо нечто большее.

Но, что бы там о своей жизни не думал человек, судьба его порой готовит весьма неожиданные повороты.

В один из вечеров Дерек, как и всегда, носился по залу, разнося напитки и перешучиваясь со знакомыми.

— Видал, какой фортель сегодня «Резвый» учинил? — принимая пиво, поинтересовался у него усатый стражник из порта.

Дерек, конечно, не видал, потому что в порту бывал редко и по делу; но ему сегодня уже раз пять пересказали эту историю.

— Как у него только мачта не сломалась! — с готовностью поддержал он тему, слабо представляя, что там был за манёвр, но повторяя слова, которые уже слышал.

Стражник незамедлительно загоготал, поддерживая вывод.

— Крайнар точно безумец! — погрозил он в воздух знакомому капитану, который и выдал тот самый «фортель».

Дерек мог бы поддержать эту тему, но заметил, что его подзывают к другому столу, и с извиняющейся улыбкой кивнул стражнику и резво поспешил на зов.

Вот тут-то его и встретили круглые от удивления глаза и недоумевающий возглас:

— Вы?! А вы-то что тут делаете?

Райтэн Тогнар явно не ожидал увидеть здесь своего знакомого.

— Я тут работаю, — несколько удивлённо ответил Дерек, который тоже никак не

ожидал встречи. И на всякий случай добавил: — Здравствуйте!

Насколько он знал, Этрэн сейчас как раз был в очередном ньонском плавании — Дерек ждал его возвращения, чтобы вернуть деньги, — и, как он предполагал, Райтэн должен был быть там же.

— Вы работаете здесь?! — со смесью ужаса и возмущения повторил последний, вскакивая. — Но у вас же есть мозги! — потом смерил собеседника изучающим взглядом, с головы до ног и обратно, нахмурился и с горечью сделал вывод: — Ан нет, теперь-то я вижу, что мозгов у вас всё же нет!

Дерек растерялся, не зная, как реагировать на подобные инсинуации. После таких эмоциональных заходов спрашивать, чего заказывать, казалось неуместным, а отойти, не приняв заказ, — странным.

Впрочем, Райтэн уже всё решил сам. Жестом отослав человека, который сидел с ним (тот беспрекословно отправился на выход), он громко воззвал:

— Годэн! Годэн, собака ты этакая, где ты?!

Мастер нарисовался рядом моментально, склонившись в подобострастном поклоне:

— Господин Тогнар? — елеиным голосом обозначил он свою готовность слушать и повиноваться.

Тут Дерек удивился ещё сильнее: даже с начальником городской стражи — самой высокой из персон, посещающих их двор, — мастер был не столь елеино вежлив.

Меж тем, Райтэн смерил мастера ледяным взглядом и с непередаваемой властностью в голосе заявил:

— Господин Анодар больше у вас не работает. Я его забираю.

Мастер Годэн растеряно моргнул — ему было сложно припомнить, что это ещё за «господин Анодар», он-то его звал просто Дером. Потом всё же вспомнил и незамедлительно склонился в глубоком поклоне, как-то умудряясь самой своей спиной выразить восторг пред столь мудрым решением.

Дерек почувствовал, как от гнева у него шевелятся волосы на затылке.

Не для того он сбежал на другой конец света, чтобы теперь за него снова решали, как он должен жить!

Холодное бешенство поднялось со дна его сердца и перехватило горло, поэтому голос его был слегка хриплым, когда он сказал:

— Вы за меня решать не вправе, господин Тогнар. И ваше вмешательство я нахожу... признаком грубейшей невоспитанности, — изящно выразил он то, что кипело в его голове.

Мастер, казалось, поперхнулся от подобной наглости; во всяком случае, на Дерика он смотрел с каким-то священным ужасом.

Что касается Райтэна, то он слегка прищурился — серые глаза блеснули сталью — властным движением руки велел Годэну убираться, после чего склонил голову набок и даже с некоторой лёгкой улыбкой в голосе отметил:

— О, похоже, солнце и вообще скрылось за горизонтом, не так ли?

Дерек не ответил; сжимая челюсти и кулаки, он пытался укротить пылавший в нём гнев, который, тем не менее, вполне прорывался наружу в виде испепеляющих взглядов.

— Сядьте, прошу вас, — неожиданно мягко сказал Райтэн, указывая на стул.

Дерек сел.

Только после этого Райтэн устроился на своём месте, растерянно выбил пальцами по

столешнице замысловатую дробь и, потеряв свой гладкий подбородок, уточнил:

— Вы ведь не знаете, кто я, так?

Настороженно прищурившись, Дерек покачал головой. Отвечать он не рискнул — горло всё ещё перехватывало эмоциями.

Он встретил Райтэна на корабле Этрэна и потому полагал, что тот из купцов. Однако сегодняшний приём со стороны мастера Годэна заставил его усомниться в этом выводе: перед купцами так не лебезят. Но новых предположений он пока построить не мог — ясно, что шишка из важных, но кто?

Райтэн ухмыльнулся вполне обезоруживающе:

— Ну и хвала Великому Пламени! — прокомментировал он незнание собеседника, которое, очевидно, по каким-то причинам было ему приятно. — Так вот, господин Анодар, просто поверьте: я понимаю вас, как никто другой.

Дерек нахмурился. Ему было весьма сомнительно, чтобы кто-то вообще мог его понять, и тем паче сомнительно, что понять его сумел бы конкретно этот собеседник.

Райтэн слегка нахмурился, собираясь с мыслями, а после негромко заговорил:

— Я понимаю, каково это, когда всё в твоей судьбе решают за тебя. Я не переношу покровительства — и вообще не переношу того, что ограничивает мою свободу. И, да сожжёт меня Великое Пламя, я с чистой совестью могу сказать, что всем тем, чем я обладаю сейчас, я никому не обязан. — Он, увы, упускал из виду, что его блестящее образование на него не с неба рухнуло, но простим ему эту предвзятость. — Я никогда не принимал покровительства и всего добивался сам, своим умом и своими силами. Поэтому я понимаю, что моя... горячность... задела вас и оскорбила вас. Приношу вам свои искренние извинения, — сдержанно наклонил голову он.

Дерек настороженно кивнул, извинения принимая. Ему показалось, что признавать ошибки такого рода совсем не в характере Райтэна, и подкупающая искренность его тона заставила его прислушаться к тому, что он говорил.

— Да будет мне Великое Пламя свидетелем, я не предлагаю вам покровительство! Сам ненавижу, и вам не предлагаю! — оживился Райтэн, закончив с самой неприятной для него частью разговора — извинениями и объяснениями. — Это дядюшка любит подобные фокусы, тут я согласен, ему задолжать на ровном месте — проще простого. Удивительно, по совести говоря, как это он вас из рук выпустил, — смерил он Дерекса подозрительным взглядом. — Но да ладно... Я к тому, сударь, что ваши способности можно приложить к чему-то лучшему, чем... — он невольно скривился, снова переживая потрясение по поводу того факта, что неглупый вроде человек не нашёл себе занятия лучше, чем бегать с заказами по постоялому двору. — Не то чтобы... — он запнулся, запустил пальцы в волосы, явно тщетно подбирая слова, пожал плечами и смущённо перебил сам себя: — Ах! Я не знаю, право, как вас сманить. Как думаете, у меня есть шансы против такого конкурента, как Годэн? — он наклонился к собеседнику и выразительно выгнул бровь, кивая в сторону мастера.

Дерек, напротив, подался назад, откидываясь на спинку стула, сложил руки на груди и довольно холодно поинтересовался:

— И зачем я вам?

Отставив задушевный тон, Райтэн тоже подался назад, пожал плечами и в такой же холодно-отстранённой манере отметил:

— У меня та таблица так и не доделана. Да и первую часть работы я вам так и не оплатил.

Дерек удивлённо моргнул, переваривая полученную информацию. Непонятно, что удивило его больше: запоздалое желание оплатить его труд или тот факт, что вроде как важная для собеседника таблица так и не была доделана, хотя прошёл почти год с тех пор, как он выполнил, как минимум, половину работы.

— Но, — сдержанно отметил Дерек, — я эту вашу таблицу за несколько дней могу доделать.

— У меня таких таблиц! — безразлично отмахнулся Райтэн.

Дерек нахмурился. С одной стороны, предложение выглядело заманчиво. С другой, ему было неясно, стоит ли полагаться на нового нанимателя. Здесь, у Годэна, он, во всяком случае, твёрдо был уверен в завтрашнем дне: у него была гарантированная крыша над головой, регулярное, пусть и не очень вкусное, питание, и даже некоторый доход. Райтэн же выглядел подозрительно легкомысленным. Кто его знает? Сейчас ему нужна какая-то таблица, а потом — передумает и попросит на выход.

Дерек вздохнул. Решать дилеммы такого рода ему было непросто.

Некоторое время Райтэн ждал, пока он решится, но терпения ему в этом вопросе не хватило.

— Ну дайте же мне шанс! — с улыбкой попросил он, протягивая руку для пожатия.

Что-то в манере, интонациях и самом настроении Райтэна напоминало Дереку его самого. Он не мог сопротивляться этому странному чувству внутренней схожести и узнавания.

— Хорошо, давайте попробуем, — решил, наконец, он, и руку пожал.

На лице Райтэна расцвела яркая улыбка.

— Вот и славно! — вскочил он. — Тогда собирайте ваши вещи — и в путь!

— Куда? — нашёл нужным проявить любопытство Дерек, который как-то не учёл, что с работодателем стоит сперва обсудить множество мелких нюансов, касающихся организации трудовых будней, обязанностей, места проживания и питания, в конце-то концов.

— Как, я не говорил? — растеряно удивился Райтэн, который тоже не был мастером по найму и не учитывал всё это море деталей. — На мою лесопилку, конечно.

— Лесопилку? — затормозил было двинувшийся к лестнице Дерек, испытывая глубокое недоумение.

— Да, конечно, — уверенно подтвердил Райтэн и с такой степенью гордости, как будто был как минимум покорителем нового царства, повторил: — Моя лесопилка! Вам понравится.

Дерек пожал плечами и пошёл собираться.

В голове у него решительно не сходилось, как связь с Этрэном, таблица про корабли, знание принципов работы с каменным углём, подобострастное поведение Годэна и сегодняшние откровения насчёт покровительства сходятся в образе владельца лесопилки, но... Должно быть, этому есть какое-то объяснение, и рано или поздно он его услышит.

III. В дорогу! 1. С чего начинается дружба?

III. В дорогу!

639 год, лето. Аньтье — Кармидер

Опять скрипит потёртое седло

И ветер холодит былую рану.

Куда вас, сударь, к рограм, занесло?

Неужто вам покой не по карману?

Из к/ф «Д'Артаньян и три мушкетёра»

1. С чего начинается дружба?

— Да брось ты уже этот свинец! — в сотый раз повторил Дерек, наблюдая за тем, как Райтэн в который раз пытается придать очередной пластине новую «ну очень удобную» форму. — Всё равно без олова не спаяешь!

— Ну уж нет! — фыркнув, продолжил что-то мудрить Райтэн. — Я их буду друг за друга цеплять!

Дерек отвлёкся от расчётов, которые проводил в основательного вида талмуде, и с любопытством заглянул, чем там занят напарник.

Попытка сделать пластины, способные к бесшовной сцепке, конечно, заслуживала всяческих похвал; но вот в её герметичности оставались серьёзные сомнения.

Поиски способа обшивки судна велись Райтэном последние пару лет. Он был совершенно уверен, что обшивка рейкой или смоление — не единственные способы защитить днище корабля от гниения, древоточцев и обрастания. То, что те же либерийцы наловчились обшивать днище свинцом, не давало ему покоя.

Дело в том, что полгода назад, когда Дерек таки принял его предложение поработать на лесопилке, оказалось, что эта самая лесопилка — лишь часть масштабного проекта.

Райтэн был одержим желанием прославить Аньтье новым типом торговых кораблей — лёгких и быстроходных. В отличие от тяжеловесных нефов, такие судёнышки могли бы уходить от пиратов благодаря своему косому парусному вооружению и скорости и не требовали такой внушительной охраны. Да, товаров они могли увезти меньше, зато и курсировать смогли бы чаще.

Понимания среди анжельских судостроителей Райтэн не нашёл, поэтому взялся за разработку сам. Так, именно в ходе работы над своим проектом он оказался на корабле Этрэна. Своим ходом по суше он ездил в Нию, договориться о поставках корабельных сосен по реке; после он заезжал в Ньон, как раз наладить связи с добытчиками свинца для обшивки, и из Ньона решил вернуться с дядюшкой, раз уж тот как раз удачно подвернулся.

Но со свинцом у него упорно не складывалось: то слишком утяжеляет судно, то недостаточно плотно подходят друг к другу пластины — свинец свинцом спаиваться отказывался, а добавление других металлов неизбежно вело к быстрой коррозии... В общем, всё не так. Но Райтэн был упрям и пробовал снова и снова, в уверенности, что сумеет победить досужий металл.

Не достигнув успеха в поисках подходящих сплавов, он перешёл к работе над формой, в надежде закрепить пластины плотнее с помощью выверенной сцепки.

— А щели чем-нибудь забить! — пыхтел он, подгоняя экспериментальные образцы друг под друга.

Дерек скептически посмотрел на полученного кривого «монстра», взял его в руки, покрутил и отметил очевидный недостаток:

— Если для закрепления их нужно так выгнуть наружу, у тебя всё днище волнами пойдёт. Ты представляешь себе, насколько сопротивляемость вырастет?

Райтэн скривился. Замечание было справедливым, но признавать поражение не хотелось. С раздражением выхватив у Дерека свою заготовку, он откопал где-то у себя под слесарным станком молоток и попытался выправить дело.

Ладонь Дерека встретился с его лбом ещё до того, как Райтэн успел совершить свой удар. Секунду спустя причины таких эмоций стали очевидны: мягкий свинец и не подумал выгибаться в обратную сторону, а попросту обзавёлся изящной впадиной в форме молотка.

Райтэн заскрежетал зубами и в досаде отбросил испорченные пластины в угол.

Там уже скопилась целая свалка.

Мрачно сложив руки на груди, Райтэн сдержанно зарычал от недовольства.

Дерек возвёл глаза к потолку, непринужденно присел на край станка и заметил:

— Коррозия, Тэн. Ты можешь головой об стену расшибиться, чтобы избавиться от олова в спайке, но куда ты денешь железные болты?

Когда свинец соприкасался с железом под водой, между ними происходила неприятная реакция, от которой начиналась мощная коррозия. Это была та причина, по которой, как бы ни слаба была идея с обшивкой рейками, ей отдавали предпочтение перед свинцом.

— Но либерийцы!.. — горячо возразил Райтэн, не желая расставаться с мечтой.

— У либерийцев, — терпеливо возразил Дерек, — этого свинца — завались. Хоть каждый год перепрошивай. Мы разоримся, если возьмём с них пример.

Райтэн насупился. Это долженствовало изображать согласие с доводом: мол, не могу придумать, что возразить.

— Но должен быть способ! — не желая отступать, постучал он пальцами по станку, пытаясь родить новую безумную идею.

Дерек пожал плечами и в пятьдесят третий раз предложил:

— Попробуй другой металл. Что ты так заиклился на этом свинце?..

— Но либерийцы!.. — подскочил Райтэн, заводя старую песню.

Вздыхнув, Дерек отлип от станка и махнул рукой в сторону выхода:

— Ну хорошо, пойдём.

Ответное недоумение было выражено фирменным скептическим прищуром и дёрнувшимся уголком рта.

— В порт! — закатил глаза Дерек, недовольный, что нужно пояснять очевидные вещи. — Либерийцев отлавливать.

Взгляд Райтэна незамедлительно зажёгся фанатичным блеском.

— Точно! — радостно подхватил он и вихрем вылетел наружу, чтобы скорее уже изловить какого-нибудь толкового либерийца, который наверняка обладает необходимыми ему секретными знаниями.

Хмыкнув, Дерек вышел за ним, не спеша прикрыл дверь, запер замок на ключ, подёргал для проверки, заглянул в соседнее помещение, крикнул туда:

— Верт, мы в порт, к обеду не ждите! — и чуть не вприпрыжку понёсся догонять уже далеко умчавшегося Райтэна, который, как и всегда, когда ему приходила в голову гениальная идея, забывал об элементарных бытовых мелочах.

К счастью, Дерек о них помнил всегда; и именно поэтому недоумевал, как вся эта несчастная лесопилка умудрилась дожить до его появления, с таким-то вечно куда-то несущимся хозяином.

...начиналось всё полгода назад просто: те самые таблицы, потом другие... Потом что-то в этих таблицах показалось Дереку странным, он высказал свои сомнения Райтэну... в тот день они впервые спорили до хрипоты часа четыре — и в итоге ещё пять дней на пару носились по Аньтье, расспрашивая купцов об интересующем их нюансе. На почве этого предприятия Райтэн в своём внутреннем регламенте великодушно повысил Дерек до уровня «не только с мозгами, но ещё и толковый» — и понеслось.

Дерек был посвящён в страшную тайну разработки нового типа кораблей — относительную тайну, потому что о планах Райтэна слыхало пол-Аньтье. С другой стороны, никаких нюансов и тонкостей никто не знал. А Дерек, припомнив многочисленные собрания, посвящённые разработке ньонских каравелл, был вполне в теме подобных изысканий, поэтому с места в карьер начал сыпать дельными замечаниями и предложениями. Часть из них Райтэн тут же принялся апробировать — и был в полном восторге от результатов.

В общем, за полгода между ними образовались отношения вполне приятельские. Райтэн был в восторге от того, что может, наконец, обсудить свои идеи с кем-то, кто понимает и не высказывает при этом скепсиса. В целом-то, оно конечно, Райтэн был полностью самодостаточным и не нуждался в чужом одобрении, но всё же ему было досадно и неприятно, что буквально никто не верит в его идею и постоянно отмахивается от него весьма неприятными «Ты просто не понимаешь», «Это горячка юности» или «Никому такое не нужно».

Дерек был первым в его жизни человеком, который после фразы «лёгкие суда для быстрой перевозки товаров» не выдал экспертное мнение о полной бесполезности такой затеи, а наклонил голову набок, прищурился и сделал вывод: «Ого, это они и от пиратов тогда смогут уйти? Но это же какая экономия на охране!»

В тот момент Райтэн был готов заобнимать и затискать внезапного единомышленника самым беспардонным образом, но воспитание взяло верх, поэтому он просто улыбнулся. Не ухмыльнулся, не усмехнулся и даже не скривил губы, а именно улыбнулся — что, в общем-то, было для него нетипично.

С тех пор Дерек стал полноценным напарником, занятым в разработке проекта, а также взял на себя мелкие хозяйственные заботы, которые Райтэн постоянно упускал из внимания, что частенько приводило к неприятным инцидентам.

Догнав друга уже у ограды, Дерек тихо пристроился вслед. Когда Райтэн был погружён в свои мысли, трогать его не рекомендовалось.

Однако уже в Аньтье — лесопилка располагалась за городом, и в порт нужно было идти по одной из окраин, — Райтэн до чего-то додумался и принялся, по своему обыкновению, размышлять вслух.

— Если мы сможем применить либерийский метод, — вдохновенно вещал он, — то докование можно будет проводить гораздо, гораздо реже! Представляешь, Дер? Судно,

которое может год, а то и два, а то и три, обойтись без докования! Это же мечта любого купца! Мы снизим расходы не только на охрану, но и на обслуживание, и, таким образом... — ему не требовался ответ, только поддакивание в нужных местах, и так, продолжая вдохновенно вещать, он дошёл уже до самого порта. — И тогда, Дер... Дер? — вдруг удивился он прервавшемуся поддакиванию и обнаружил отсутствие спутника.

Завертев головой, он увидел, что Дерек встал как вкопанный. Несколько секунд он пялился вперёд, а потом, вдруг, резко развернувшись, скрылся в ближайшем переулке.

Райтэн недоуменно моргнул и обернулся.

Порт выглядел таким же, как и всегда. Носились торговцы со своим товаром, развлекал зевак новый музыкант, грузчики тащили товары с очередного корабля, стражники толпились у какой-то бочки... Нахмурившись, Райтэн последовал за товарищем.

Дерек обнаружился сразу у входа в переулок. Он стоял, прислонившись спиной к стене, и лицо его шокировало Райтэна своей бледностью и выражением затравленного какого-то испуга.

Райтэн ещё раз сморгнул с недоумением. Он никогда раньше не видел Дерекана испуганным — даже когда однажды зимой к ним на лесопилку забрёл от голода неистовый степной волк. Они тогда все изрядно струхнули, и даже сам Райтэн; и только Дерек, замерев лишь на секунду, быстро разбил керосиновую лампу о доску, соорудил таким образом факел и загнал им зверя в угол ограды. Там уж подоспели очухавшиеся рабочие.

С того случая Райтэн особенно зауважал Дерекана, и тем более странным казался теперешний страх на его лице. Пришлось даже опять выглянуть из переулка в порт — но там по-прежнему не наблюдалось ровным счётом ничего пугающего.

Райтэн прищурился и заставил себя всмотреться в детали. У музыканта скрипка какая-то... фобия скрипок? Едва ли! А мелодию отсюда не то чтобы слышно... У торговцев какой-то диковинный зверь? Нет, никого. Корабль...

Напрягая зрение, Райтэн рассмотрел флаг — ньонский.

Зрачки его глаз расширились: ему показалось, что он понял.

— Ну-ка, пойдём, — подхватив окоченевшего Дерекана за руку, потащил он его в недалёкий кабак.

Там их, как и везде, приняли с подобострастным вниманием и охотно выделили отдельный кабинетик. Было очевидно, что в Аньтэ к Райтэну относятся с каким-то особым уважением — даже критика его идей по поводу лёгких судов была обычно весьма осторожна — но Дерек никогда не спрашивал, с чем это связано. Ему казалось невежливым лезть не в своё дело.

— Пей! — сунул Райтэн Дереку чарку с принесённым хозяином вином.

Тот посмотрел на угощение с недоумением.

— На тебе лица нет! — возмутился Райтэн.

С тяжёлым вздохом Дерек признал его правоту и выпил. Не то чтобы сильно помогло, но хотя бы он отмер.

— Я никогда не спрашивал, — сложил руки на груди Райтэн, хмуро глядя на собеседника, — но, возможно, есть какие-то вещи, которые мне стоило бы знать?

Дерек отвёл глаза. Отпираться было глупо — да и явно во вред себе. Но признаваться было страшно: а ну как его сочтут слишком проблемным и опасным типом?

В итоге как раз мысль о том, что Райтэн может счесть общение с ним опасным, и

привела его к необходимости открыть часть информации, чтобы тот мог сам сделать выводы и решить.

— Мне... — тихо начал он, помотал рукой в воздухе нерешительно и сформулировал: — Мне нежелательно встречаться с ньонскими купцами.

Почти каждого из них он знал лично, и сегодня-то впал в такой ступор именно от того, что увидел на припортовой площади знакомого. Тот, к счастью, был полностью занят разгрузкой, поэтому не успел заметить Дерек.

— Нежелательно? — с глубоким скепсисом уточнил Райтэн, соотнося информацию со степенью испуга. — И насколько же?

Дерек криво усмехнулся и признал:

— Вообще.

Райтэн вежливо приподнял брови и сделал свой самый любимый вывод:

— Нет, Дер, мозгов у тебя всё же нет.

Тот отреагировал взглядом возмущённым и укоряющим. Он, конечно, привык к этой присказке, которой Райтэн потчевал всех на свете в любой непонятной ситуации, но всё же порой она изрядна раздражала.

Выразительно закатив глаза, Райтэн изволил расшифровать, на основании чего высказал такое соображение:

— Тебе нельзя пересекаться с ньонскими купцами — и ты решил засесть в том порту Анджелии, где они шныряют чуть ли ни круглый год, за исключением разве что зимы?

Дерек покраснел.

Дело было не в том, чтобы он об этом не подумал; дело было в трудности особого рода, в которой признаваться хотелось ещё меньше, чем в своих отношениях с ньонскими купцами. Однако честность побудила его и тут признаться прямо:

— У меня нет документов.

Райтэн удивлённо заморгал. В Анджелии, признаться, отсутствие документов было делом неслыханным. Тут у каждого непременно имелись бумаги, удостоверяющие личность, и они играли большую роль в жизни каждого анжельца. Без них нельзя было, например, купить дом. Или въехать в крупный город. Или устроиться на административную службу.

По правде сказать, эти бумаги обычно проверяли и при приёме на работу; но Райтэн, как и всегда, пренебрёг бытовыми мелочами, поэтому даже не подозревал, что документов у его приятеля может попросту не быть.

— О! — глубокомысленно изрёк он, но быстро отмер и в своей живой манере сделал вывод: — Тогда в порт больше — ни ногой. — И, подумав, хмуро добавил: — Да и по улицам ходи с опаской. Мало ли.

Дерек нерешительно дёрнул плечом, соглашаясь.

Ему было крайне неловко признаваться в такого рода вещах, и он был, во всяком случае, благодарен Райтэну за то, что тот обошёлся без своих обычных язвительных комментариев, да и вообще не стал приставать с вопросами.

В некоторых ситуациях он всё-таки умудрялся быть довольно-таки тактичным.

Видимо, воспитание порой всё же брало верх над характером.

2. Когда анжельцы говорят о солнце?

Дом, в котором обитал и работал правитель Аньтье, был небольшим. Двухэтажный особняк на центральной улице, неподалёку от порта, не столько богатый, сколько удобный. Вокруг, правда, высилась внушительная ограда и даже выставлена была охрана — мало ли, какие проходимцы из порта прошвыриваются.

Официальный приём обращений, впрочем, шёл в ратуше — которую в Аньтье упорно называли дворцом, хотя никаких причин к тому не было, — и собственно домой к правителю заходили только знакомые, и то по приглашению.

Райтэна, как можно догадаться, такие мелочи, как отсутствие приглашения, не смутили. Хотя... нет, всё-таки, это едва ли можно было оценивать именно как смущение. Он полчаса стоял в тени неподалёку от этого дома, сложив руки на груди и мрачно глядя куда-то в пустоту. Лицо его выглядело смущённым и отражало — вполне отчётливо — сомнения в правильности принимаемого решения, что было странно. Обычно, решив что-то, он сразу и действовал, и в его характере было брать штурмом те дома, которые он полагал нужным посетить. Стоять и молча раздумывать... было для него нехарактерно.

Наконец, он на несколько секунд крепко зажмурился и потряс головой; когда он открыл глаза, в них отражалась отчаянная решимость человека, входящего в горящий дом за чем-то ценным — столь ценным, что опасность уже становилась неважна.

Дом правителя, впрочем, не горел, да и вообще, встретил Райтэна вполне дружелюбно. Во всяком случае, ни стражники у ворот, ни дворецкий у него никакого приглашения не потребовали, и вскоре Райтэн решительно вступил в рабочий кабинет правителя Аньтье.

Тот, кажется, был весьма удивлён этим явлением, и даже встал, глядя на нежданного визитёра скорее с тревогой. Уголок губ Райтэна дёрнулся в горькой усмешке.

С минуту длилась немая сцена. Правитель молчал, разглядывая гостя, а тот усмехался всё явственнее. Наконец, Райтэн первым нарушил тишину, с непередаваемой степенью язвительности в голосе возгласив:

— Ликуй и торжествуй! Я пришёл просителем.

Брови правителя поползли вверх, но он тут же овладел собой, со вздохом сел на своё место, приглашающе махнул на стул для посетителей и устало побудил продолжать:

— Я слушаю.

На секунду скривив губы, Райтэн в три больших шага преодолел расстояние до предложенного стула, сел, нервно постучал по столу пальцами, тяжело нахмурился, прикусил губу, резко спрятал руки под стол и, задирая подбородок, высказал цель визита:

— Мне нужно... одному хорошему человеку документы справить.

Удивление на лице правителя сменилось пониманием; покивав сам себе, он потянулся за чистым листом и неспешно принялся писать.

— Имя? — безразлично уточнил он, дойдя до соответствующей фразы.

— Деркэн Анодар, — холодно ответил Райтэн, упорно глядя куда-то на карниз окна.

Продолжая выписывать свои строчки, правитель время от времени искоса бросал взгляды на визитёра, едва слышно хмыкая попыткам последнего разглядывать одну точку. Если бы Райтэн не был так увлечён именно этой несчастной точкой на карнизе, он мог бы заметить, что во взгляде его собеседника мелькает тщетно скрываемая им тоска.

Закончив с аккуратными записями, правитель так же неторопливо поставил подпись и печать, придвинул листок Райтэну и отметил:

— Во дворце знаешь к кому?

— Да, — отмахнулся тот, вчитываясь в распоряжение выдать Деркэну Анодару анжельский паспорт.

Найдя бумагу составленной по всем правилам, Райтэн почему-то нахмурился, бросил на собеседника острый взгляд и с вызовом уточнил:

— Я полагаю, он беглый ньонский раб.

Правитель вежливо приподнял брови, опёрся локтями на стол, положил подбородок на переплетённые пальцы и невинно уточнил:

— А, и тут я должен ужаснуться, видимо?

Райтэн скривил физиономию, которую можно было расшифровать как «ну как бы да, именно это и предполагалось!»

Правитель не менее выразительно ответил физиономией «ну прости, не оправдал твоих ожиданий», после чего вербализировал своё видение ситуации:

— Я рад, Тэн, что, по крайней мере, у тебя появился человек, который тебе дороже твоей фанаберии [1].

Фыркнув, тот подобрал бумагу, встал и направился на выход. В дверях его догнало продолжение реплики:

— Я боялся, что ты так и не научишься дружить.

Райтэн резко развернулся; он весь пылал гневом и оскорблённостью, но, встретив прямой грустный взгляд в ответ, подавился резкой фразой. Овладевая собой, сделал пару глубоких вдохов.

— А! — резюмирующим тоном показал он, что принял к сведению и, неожиданно для самого себя, уведомил: — Я уезжаю.

Лицо правителя почти не изменилось, по нему лишь скользнула лёгкая тень, когда с совершенно райтэновской интонацией он уточнил:

— Полагаю, спрашивать куда и надолго ли, бессмысленно?

Прищурившись на секунду, Райтэн снова в пару быстрых шагов вернулся к столу, сел, положил полученную бумагу на стол, ткнул в имя Дерека и пояснил:

— Ему здесь опасно оставаться. На Северном поспокойнее будет, туда ньонцы не доходят.

Правитель машинально повернул голову влево — там висела большая карта.

— В Брейлин? — предположил он.

— Туда, — кивнул Райтэн.

— А твои...

— Верт управится. Да и я буду приезжать.

Минуту они помолчали, не глядя друг на друга.

— Что ж! — вздохнул правитель. — Не буду оскорблять тебя предложением рекомендательных писем...

Сперва Райтэн усмехнулся лишь краешком губ, но в итоге не выдержал и не смог удержаться от смеха.

Когда оба они отсмеялись, заметно оживившийся правитель подался ближе и весело предложил:

— Но как насчёт обмена? Ты выполнишь одну мою несложную просьбу, а я похлопочу перед Данзэсом... не за тебя! — предвидя возражения, замахал он руками. — За господина... Анодара, — подглядел во всё ещё лежащую на столе бумагу.

Вопреки его опасениям, Райтэн не оскорбился, а с большим ответным весельем отметил:

— Так ведь и господин Анодар, знаешь ли, ненавидит покровительство.

Возведя глаза к потолку, правитель посетовал:

— Вот кто бы сомневался, что ты найдёшь приятеля с таким же складом ума!

Очевидно, это простое замечание о его сходстве с Дерекком произвело на Райтэна столь благоприятное впечатление, что он, вальяжно закинув ногу на ногу и откинувшись на спинку кресла, тоном верховного правителя всех анжельских земель заявил:

— Что у тебя там за просьба? Валяй, выполню.

— С чего бы такая честь? — картинно удивился правитель.

Райтэн приподнял бровь и выразительно кивнул на полученную бумагу:

— Не люблю ходить в должниках.

Довод был засчитан, и ответ был сказан уже вполне деловым тоном:

— Кайтэнь нужно доставить в Кармидер.

В Кармидере обитала старшая сестра правителя — дама уже изрядно пожилая, к тому же, подверженная всяким хворям.

Оценив ситуацию, Райтэн быстро поинтересовался:

— Как здоровье тётушки?

— Сегодня солнечный день? — удивился правитель, бросая взгляд теперь уже вправо — в сторону окна. Не то чтобы вопросы о здоровье родственников были в чести у этого чрезмерно независимого господина.

— Вполне, — довольно холодно согласился Райтэн, имея в виду, разумеется, не погоду, а собственное расположение духа.

Правитель встал. Голос его был деланно небрежен — как будто он говорил о совершенно неважных вещах — но пальцы, которыми он стиснул спинку своего кресла, выдавали глубокое внутреннее напряжение, когда он спросил:

— Ну, раз уж на улице жарит, ты мог бы остаться на обед, полагаю?

Райтэн тоже встал:

— Полагаю, да, — с тонкой усмешкой явно над самим собой согласился он.

— Ани здорова, — вернулся к вопросу правитель, шествуя на выход. — Но Тэнь непременно хочет её навестить...

— Я отвезу, — пообещал Райтэн.

— Но... откуда? — с восторгом спросил Дерек, разглядывая свеженькие бумаги, которые официально обозначали его как полноправного гражданина Анджелии.

— Выменял, — безразлично дёрнул плечом Райтэн.

Дерек поднял на него вопрошающий взгляд. Ему было трудно представить, на что же можно выменять такую милость.

Неопределённо повертев ладонью в воздухе, Райтэн расшифровал:

— Отвезём одну девчонку в Кармидер.

Дело стало казаться ещё более запутанным, но Дереку пришлось промолчать, потому что он так и не выбрал, что ему хочется уточнить сильнее: что это за «отвезём», какая ещё девчонка и где этот Кармидер. Пока он мучился этим выбором, Райтэн принялся заходить издалека.

— Тебе не стоит оставаться в Аньтье, — небрежно заметил он.

Так-то, внутри себя, он уже всё ультимативно решил. Но в памяти его всё же отложилась та мысль, что Дерек не любит, когда решают за него, и поэтому сейчас он изо всех сил старался быть максимально любезным и не обрушивать на него идею «валим в Брейлин!» разом, а подвести его к ней как-то легонько, тонко, и вроде как бы чтобы это было его собственное решение.

— А! — Дерек, разумеется, понял его далёкие заходы неправильно, увидев в них желание отделаться от потенциально проблемного типа. — Да, конечно, — постаралась кивнуть он весьма бодро, пряча за этой бодростью огорчение. — Ты прав, мне стоит уехать! Спасибо за помощь! — покивал он и засуетился, что-то бессмысленно перекладывая на рабочем столе — дело происходило в их кабинете на лесопилке.

Райтэн поморгал, досадливо ощущая, что его попытка быть максимально корректным привела его куда-то не туда. Он был довольно чуток, и сейчас по нервным движениям Дерек понимал, что тот, кажется, сильно огорчён, или даже задет, но, хоть убей, не мог осознать, что в этот раз сделал не так.

Дипломатические размышления никогда не были его сильной стороной, поэтому он решил вернуться к той стратегии, к которой привык. Перехватив суетящегося Дерек, который зачем-то переставлял чернильницы со стола на станок и обратно, он в своей обычной властной манере заявил:

— Мы перебираемся в Брейлин.

Теперь уж пришёл черед Дерек недоуменно моргать.

Пытаясь, тем не менее, смягчить свою категоричность, Райтэн надумал объясниться:

— Там на границе с Джотандой есть месторождения меди. Чего её сюда через пол-страны гонять? Там и протестируем, будет ли коррозия.

— Мы едем в Брейлин? — прослушав объяснения, переспросил поразившую его информацию Дерек, выделяя голосом это «мы».

Райтэн взвёл глаза к потолку.

— Мы едем в Брейлин! — подтвердил он, тоже выделяя голосом «мы» и на явную растерянность собеседника ворчливо добавил: — Мозги, Дер. Не теряй мозги.

Тот весь просиял от тёплого удивительного чувства, которое согрело его в этот момент изнутри. И тут до него, кажется, стало доходить, на чём базируются эти проклятые разговоры о погоде.

— Тёплый сегодня денёк, правда? — весело поинтересовался он.

Райтэн удивлённо приподнял брови и отметил:

— Смотрите-ка! Вот уж не знал, что получение анжельского паспорта так резко проясняет понимание анжельского!

1. Фанаберия — неуместная гордость.

3. О чём мечтает Кайтэнь Тогнар?

— Но, батюшка, я не хочу ехать в карете, — Тэнь выглядела очень жалобно. — У меня от неё... морская болезнь, — краснея, пожаловалась она.

Краснела она не от смущения, а от того, что беззастенчиво лгала. Тэнь не любила врать, тем более — отцу, но...

Ей нечасто доводилось пообщаться со старшим братом, которого она очень любила. Разница в возрасте у них составляла лет десять, и Тэнь была ещё совсем малышкой, когда любимый братец надумал строить свою судьбу своими силами. Так что она мучительно дорожила любой возможностью повидаться с ним.

Однако ж, если ехать в карете — а Райтэн наверняка будет верхом! — она почти и не увидит его! Если же и самой ехать верхом — это ведь целые две недели с ним! Бок о бок, каждый день!

От таких заманчивых перспектив сердце Тэнь пело, поэтому она, решительно, была готова на всё, лишь бы откреститься от кареты.

— Но... — попытался было возразить отец, который справедливо полагал, что двухнедельное путешествие верхом — не самая приятная перспектива, и его хрупкой дочурке не стоит ввязываться в такое дело.

— В конце концов, — предвидя его возражения, перебила Тэнь, — ежели что, мы всегда сможем нанять карету в пути, правда же?

Она посмотрела на отца большими-большими и трогательными глазами — и дело было решено.

...однако мечтам Тэнь о поездке с братом не суждено было сбыться — точнее, они сбылись, конечно, но не так, как мечталось ей.

Брат-то действительно её сопровождал, вот только вместе с ним был ещё какой-то совершенно незнакомый мужчина!

Тэнь было так досадно, что она ушла в молчаливое хмурое настроение, обменявшись лишь словами приветствия с Райтэном и представленным ей как Деркэн Анодар незнакомцем. Она была весьма застенчива, и вести разговор с братом при свидетеле казалось ей слишком трудным испытанием.

Что касается Дерека, то он, однозначно, тоже был изрядно смущён. Девицу, которую им должно сопровождать, он представлял себе благородною барышней, которая вся такая нарядная, в пышных кружевных оборках, сидит в карете.

Тэнь сидела на лошади по-мужски и не в оборках, а в простых широких штанах.

Не то чтобы женщины в Анджелии так уж часто надевали штаны — пожалуй, обычно именно для верховых поездок. Но, тем не менее, такой вид никого не шокировал и никому не казался неприличным. Едет барышня верхом, что ей, в платье мучиться, что ли?

Но на контрасте с Ньюном, где женщины не ездили верхом никогда, а на людях появлялись только в многослойных платьях... Тэнь выглядела крайне неприлично, и Дерек совершенно потерялся, не зная, как общаться с девушкой в таком наряде — так же, как с благородной барышней в кружевах, или же как со «своим парнем»?

Райтэн, чьи мысли прочно обосновались в Брейлине — нужно же было придумать сотню гениальных затей, которые можно будет там осуществить! — не сразу заметил, что

что-то идёт не так.

Лишь ближе к обеду он встрепенулся и обнаружил, что едут они втроём в гордом молчании.

Прокашлявшись, он решил обратиться к сестре:

— Чем думаешь заняться в Кармидере?

Вопрос его был задан так внезапно, что Тэнь не сразу поняла, что это он к ней обращается, поэтому Райтэну даже пришлось повторить.

— Не знаю, — тихо и застенчиво ответила Тэнь, поведя плечом. — За тётушкиными розами ухаживать? — предположила она.

«Гкхм!» — подумал Райтэн и решил зайти с другого конца, обратившись теперь к Дереку:

— Как ты думаешь, сильно медь будет коррозить от железа?

Однако и здесь ему не очень-то повезло. Дерек лишь пожал плечами и разумно отметил:

— Нужно ставить опыты, а так-то — откуда узнаешь заранее?

Райтэн вздохнул. Дипломатия всё ещё не давалась ему — за исключением единственной области, к коей он и обратился от отчаяния.

— Мутные какие-то облака сегодня, не находите? — задрал он голову к небу.

Его спутники одновременно последовали его примеру и понаблюдали облака, которые выглядели вполне себе обычными.

Первой дошло до Тэнь — она дольше знала брата. Со вздохом она отметила:

— Тяжело сориентироваться в погоде, когда едешь по непривычным местам.

К этому моменту Дерек уже включился в контекст и поэтому горячо закивал:

— Полностью поддерживаю позицию леди! — и откровенно добавил: — Еду и гадаю, к дождю эти облака — или развеются?

Уловившая смысл его смущения Тэнь хихикнула:

— Да разве ж они похоже на дождевые? — и посмотрела на Дерекана вполне себе дружелюбно.

— Так ведь местность-то незнакомая! — опустив поводья, развёл руками тот.

Переглянувшись, они оба синхронно хмыкнули.

Райтэн взглянул налево, на сестру, которая ответила ему лукавым взглядом. Перевёл взгляд направо, на Дерекана, который покусывал уголок губ и сдерживал смешок.

— Ну, думаю, дожди там не грозят! — оптимистично заключил Райтэн.

— Может, даже... — начал было Дерек, но вдруг запнулся, пожевал губами, тронул поводья, сближаясь с другом, и тревожным шёпотом уточнил:

— Я правильно понимаю, что говорить в присутствии дамы о солнечном тепле не стоит?

Райтэн и Тэнь, до которой шёпот вполне донёсся, рассмеялись синхронно.

— Как ответственный старший брат, — отсмеявшись, ответил тот, — в случае, если ты начнёшь говорить с моей сестрой о недостатке солнечного тепла, я буду вынужден проявить беспокойство и поинтересоваться, насколько серьёзны твои намерения и не обнаглел ли ты.

— Брат? — хлопнул ресницами Дерек, для которого эта информация была новой.

Спутники посмотрели на него слегка растеряно и переглянулись.

— А! — сообразил Райтэн, которому даже и не пришла в голову мысль, что Дереку

неоткуда знать его семью в лицо.

— А всё потому, — подначила его Тэнь, — что кто-то не дочитал учебник по этикету. Иначе бы ты знал, милый брат, что нужно представлять не только кавалера даме, но и даму кавалеру.

Райтэн закатил глаза и, картинно приложив руку к груди, отрекомендовал:

— Кайтэнь Тогнар, моя милая сестрица.

Лучше поздно, чем никогда.

Удивительно, но проверенное анжельское средство — разговор о погоде — и впрямь помог растопить лёд. Тэнь пришла к выводу, что приятель брата вполне себе приличный человек, Дерек сделал заключение, что с дамой стоит говорить повежливее, но без формальной холодности, и беседа, наконец, завязалась, и вполне мирно протекла до самого обеда.

Тот планировалось организовать в небольшой деревушки на их пути — у Райтэна, конечно, нашлась карта, но не нашлось желанья что-то планировать, а у Дерека, к счастью, было желание планировать при отсутствии карты, так что правильное перераспределение ресурсов привело к наличию у команды кое-какого плана, — но остановиться пришлось раньше.

Дело в том, что Райтэн, как путешественник опытный, разумно полагал, что путешествовать без оружия было бы опрометчиво, поэтому и себе вытащил из запасников подходящий клинок, и Дереку подобрал. Проблема была в том, что Дерек-то умел обращаться с ньонскими мечами, шпуккой довольно тяжёлой; а вот анжельские рапиры были изрядно легче и требовали других навыков. Подходящий меч сходу найти не удалось, поэтому оставался один вариант — учиться.

Райтэн придерживался той точки зрения, что обучаться благородному искусству фехтования стоит исключительно на голодный желудок, так что временем для занятий избрал предобеденное. Заметим в скобках, что его академическая манера боя едва ли соответствовала своей цели — обороне от дорожных разбойников — но в некоторых исключительных случаях Райтэн изменял своему критическому мышлению со своими же привычками. Поэтому искренне полагал благородное искусство подходящим вариантом обороны.

Затруднения его настигли сразу же, как только Дерек встал в привычную боевую стойку, радуясь про себя, что клинок изрядно легче обычного — со времён побега из Ньюна он не практиковался и изрядно подрастерял навык.

— Вообще не так! — возмутился Райтэн, и принялся тщательно показывать, как ставить ноги, как держать корпус, где находится точка равновесия, как должна лежать рукоять в ладони — «Там всё сбалансировано, Дер! Ты должен не ощущать её веса вообще!». Дерек старательно повторял, кивал, запоминал... и постоянно сбивался на привычный способ.

— Демоны с тобой! — махнул рукой Райтэн и стал показывать первую стойку и укол.

Тут у Дерека произошёл мощный разрыв шаблона. Ньюнский тип фехтования, как и было логично для мечей с широкими лезвиями, предполагал рубящую манеру удара. Анжельская же рапира требовала уколов — а это, знаете ли, вообще другая история!

Провозившись полчаса, Райтэн решил, что пора переходить к выпадам — толку-то от стоек, если выпады делать не умеешь! — и вот здесь-то его и поджидал подвох.

Нет, всё было в порядке, пока Дерек просто учился выпаду, без противника; но Райтэну

непрерывно хотелось опробовать вновьприобретённое умение ученика на практике. С его точки зрения, это было абсолютно безопасное предприятие: он опытный фехтовальщик, точно сумеет отразить любой укол!

Ну, выпад-то Дереку удался.

А вот про то, что делать нужно именно укол, он, конечно, позабыл. Вот вы попробуйте-ка одновременно уследить за правильным шагом, положением корпуса, положением руки, да ещё и траекторией удара!

В общем, вместо ожидаемого Райтэном укола у Дерекы получился вполне классический ньонский рубящий удар.

Райтэн, который приготовился парировать укол каким-то классическим приёмом — и, конечно же, хотел при этом блеснуть мастерством, — едва успел отскочить.

По руке ему в итоге попало, но не так чтобы уж очень сильно, да и плашмя. Непривычная поза, неудобный хват и лёгкость клинка привели к тому, что знакомый Дереку тип удара не получился столь сокрушительным, как он привык при работе с ньонским мечом. Ну и сам Райтэн, худо-бедно, но сумел вовремя сориентироваться.

— Ты что творишь?! — возмутился он, оглядывая пострадавшую руку.

— Ой, — одновременно с ним воскликнул Дерек, машинально отскакивая назад.

— Ай! — поддержала тему Тэнь, которая с комфортом пристроилась в теньке, наблюдая за зрелищем.

— Прости, — покаялся испугавшийся Дерек, который совсем не ожидал, что достанет противника.

По жизни он фехтовал единственно с Грэхардом, а того поди достань, не говоря уж о доспехе.

Пока Райтэн пытался на взгляд оценить степень урона — чтобы прикинуть, продолжать ли урок, или ну его, идти обедать, — Тэнь вскочила со своего места, подлетела к брату, подхватила его руку и заворковала над ней:

— Дай посмотреть... ого, синяк будет! — авторитетным и почему-то довольным тоном вынесла вердикт и строго велела: — Стой смирно!

Райтэн замер, но вовсе не от того, что послушался, а от того, что пытался понять, что творит сестра.

Та понеслась к своей седельной сумке, откопала там хлопковый платок, смочила его водой, выдернула у себя из-под ног какой-то лист, и со всем этим богатством ринулась обратно к покинутой руке и затеяла перевязку.

Отмерший Райтэн прокашлялся и от недоумения хрипло поинтересовался:

— Что ты делаешь?

Ответом ему был возмущённый взгляд. Она на секунду отвлеклась от своего важного занятия, гордо ответила:

— Перевязываю! — и вернулась к благородным попыткам закрепить лист подорожника влажным платком.

Райтэн ещё раз прокашлялся. Встретился взглядом с Дереком.

Тот развёл руками: мол, не мешай, видишь, тебя лечат.

Райтэн поморгал. В его картине мира выбор стоял между «продолжить фехтовать» или «пойти обедать». Пункта «заняться синяком» там не было — что с ним возиться, сам сойдёт.

— Вот! — гордо заявила Тэнь, завязывая кокетливый бантик на своём лекарском творении.

Поглядев на это дело, Райтэн нервно сглотнул.

Сестра обратила на него взгляд столь сияющий счастьем, что он поперхнулся той гадостью, которую собирался сказать, и лишь сдавленно высказался:

— Благодарю.

Тэнь приняла его тон за признак тяжких физических страданий и обеспокоенно спросила:

— В седло сможешь забраться? Может, тут и переночуем? — имея в виду деревню, которая лежала неподалёку в низине, в пределах видимости.

Прокашлявшись и за спиной сестры показав кулак откровенно потешающемуся Дереку, Райтэн отметил:

— Нет, всё прекрасно. Спасибо. Ты прекрасно справилась.

Совершенно довольная собой Тэнь отправилась к своей лошади, сияя такими улыбками, как будто всю жизнь мечтала о том, чтобы братец получил по рукам.

Мужчины переглянулись. Дерек явно с трудом сдерживал смех. Взгляд Райтэна обещал ему все кары земные и небесные.

4. Чем ты готов платить за свою свободу?

У Райтэна так и не хватило духу огорчить сестру, поэтому два дня он таскался с перевязанной рукой — Тэнь заботливо меняла повязки на каждом привале и выискивала самые красивые подорожники. Все дорожные переговоры пришлось на себя взять Дереку — Райтэн предпочитал всячески избегать людей и прятать от них свою руку. Пусть и незнакомцы, но позорище же, из-за какого-то синяка!..

На третий день Дереку пришла на ум светлая мысль — он озвучил теорию одного ньонского лекаря о пользе солнечного света. Тот, правда, говорил о прыщах, а не о синяках, но этот нюанс остался за кадром. Восхищённая новыми ньонскими веяниями Тэнь тут же повелела повязку снять, а руку подставлять под солнечные лучи. Освободившись, Райтэн заметно повеселел, и путь пошёл живее.

К положенному сроку они прибыли в Кармидер. Госпожа Анирэнь Тогнар встретила их весьма приветливо, и особое довольство её было связано с возможностью повидать племянника — тот не баловал родственников своими визитами.

— Хорош, хорош! — приговаривала она, хлопывая Райтэна по плечам и спине и глядя на него с такой гордостью, будто он был ей, по меньшей мере, родным сыном.

Райтэн стоически терпел, но лицо его весьма красноречиво отражало его внутренние мучения: он явно сдерживался из последних сил, чтобы не ответить чем-то ядовитым.

Увы, но его хрупкого самообладания хватило ненадолго, потому что тётушка пустила в ход самый страшный козырь:

— Ну что, когда невесту-то в дом приведёшь?

Тэнь приложила ладошку ко рту, в ужасе ожидая взрыва.

Тот не заставил себя ждать. Райтэн холодно отстранился, посмотрел на тётушку с укоризной и сухо отметил:

— Мадам, не стоит говорить о ваших предпочтениях такого рода при Тэнь.

Последняя захлопала ресницами, не понимая сути шпильки; переглянувшись с Райтэном, Дерек громко заявил:

— Устал, мочи нет! Сударыня, вы мне не подскажите?.. — и, подхватив Тэнь под руку, выпроводил её из комнаты. Закрывая дверь, он ещё услышал насмешливое райтэновское:

— Ежели вы изволите мне рассказать, каких именно дам вы предпочитаете, мадам...

Тэнь обратила на Дереку непонимающий взгляд:

— Что?.. — попыталась выяснить она, но тут из-за двери донёсся грозный рык тётушки:

— Что ты несёшь, паршивец?!

Машинально втянув голову в плечи, Дерек тревожно оглянулся на дверь и заспешил:

— Пойдёмте, пойдёмте! Показывайте! — призывно махнул он в коридор незнакомого ему дома.

Растерянная Тэнь побрела показывать дорогу.

— Но что он ей такого сказал?.. — огорчилась она, которая увидела во фразе брата лишь желание узнать, какие требования предъявляются к его предполагаемой невесте.

— То, что почтительный племянник не должен говорить любящей тётушке, — фыркнул Дерек и тут же сам себя поправил: — Впрочем, Тэн и почтительность — понятия несовместимые, пожалуй.

Тэнь согласно хихикнула, забыв предмет своего недоумения за хлопотами — нужно

же было показать, где гостевые комнаты, рассказать, как добраться до столовой, и вообще, продемонстрировать всякие местные достопримечательности вроде роскошных вековых гардин с пышной вышивкой или прекрасной вазы с тонкой росписью.

За обедом они собрались все вместе. Тётушка была с Райтэном демонстративно холодна, но вежлива. Тот тоже являл собой образец ледяной галантности. Переглянувшись, Тэнь и Дерек поняли друг друга с полуслова и завели живой весёлый разговор, в который, в конце концов, удалось завлечь и остальных. Атмосфера значительно потеплела.

После обеда они разделились: Тэнь отправилась в пресловутый розарий, Райтэн умчался обсуждать что-то касательно перевозок со своими партнёрами, а Дерек засел в кабинете, работать с очередным талмудом. Талмуд этот только что приволок Райтэн, который между ссорой с тётушкой и обедом успел помотаться по городу, в том числе — забежать в Кармидерский университет и выпросить у знакомого преподавателя труд о свойствах металлов. Теперь нужно было в этих записях найти всё, что касалось свойств меди и её возможных реакций на другие металлы. Время поджимало — завтра они уезжали, и талмуд нужно было вернуть, — поэтому Дерек вздохнул скорее с досадой, когда в кабинет скользнула освободившаяся от роз Тэнь. Несмотря на возникшую между ними некоторого рода приязнь, отвлекаться от работы не хотелось совершенно.

Чутко уловив его досаду, Тэнь засмушалась.

— Вы заняты? — несколько огорчённо уточнила она.

С внутренним вздохом отложив книгу, Дерек изобразил самое любезное выражение лица и заверил:

— Ну что вы.

Однако Тэнь его деланная улыбка не обманула; она совсем застеснялась, затеребила оборки на платье (едва приехав, она переделалась из дорожного костюма в нарядный), потупилась и с трудом, но обозначила цель визита слегка дрожащим голосом:

— Я хотела... просить вас завтра сопроводить меня в одно место...

Дерек медленно моргнул, не понимая, почему столь простая просьба вызывает столько ощутимых затруднений.

— Да, конечно, — прибавив в голос теплоты, заверил он. — Вы смело можете мною располагать, сударыня! — попытался он приободрить её своим привычным приподнятым тоном. — В каком, то бишь, часу?

— Перед завтраком, — вздохнула Тэнь.

Дерек помолчал. Разъяснений не последовало.

— И куда именно? — попытался добиться более развёрнутой информации он.

Тэнь вздохнула совсем уж тягостно и призналась:

— В университет.

— В университет? — удивлённо приподнял брови Дерек. — Но ведь Райтэн...

Он хотел заметить, что разумнее обратиться с такой просьбой к тому, кто имеет какие-никакие знакомства, но Тэнь порывисто его перебила:

— Нет-нет! — возразила она, делая несколько быстрых шагов к столу, за которым он работал. — Тэн знать не должен!

Дерек ощутимо нахмурился. Идея вести её куда-то за спиной Райтэна ему совсем не понравилась.

Чувствуя, что дело явно решается не в её пользу, Тэнь заволновалась и принялась порывисто объясняться:

— Понимаете, вы один, кто может помочь мне!

Дерек был весьма обескуражен таким громким заявлением.

— Я... — она затеребила кончик косы, потом нагнулась к нему и шёпотом поведала страшную тайну: — Я хочу туда поступить.

Сморгнув, Дерек уточнил:

— Как? Разве туда принимают женщин?

Он помнил всю эту суету Эсны вокруг вопросов женского образования, и помнил так же о том, что они с Милдаром — советником Грэхарда по вопросам просвещения — так и не смогли найти ей ни одного прецедента обучения женщины в университете. Дерек, правда, изучал документы по Ниии и Райанци, но Милдар-то — сам анжелец! — наверняка не пропустил бы такое дело!

— С этого года принимают, — развеяла его недоумение Тэнь и с глубокой тоской в голосе добавила: — Но только с разрешения родственника мужского пола.

Дерек чем дальше, тем меньше понимал суть интриги. Он-то каким боком успел в родственники заделаться?

Его недоумение ясно отразилось на его лице. Закатив глаза — мол, как можно не понять столь очевидных вещей! — Тэнь объяснила:

— Если вы назовётесь моим женихом...

Дерек чуть не закашлялся. Затея чем дальше, тем больше казалась ему весьма сомнительной.

— Пожалуйста, прошу вас! — горячо взмолилась Тэнь. — Вы не понимаете... я всю жизнь мечтала стать врачом! Всегда! — она принялась нервно расхаживать по кабинету. — И вот, у меня появился шанс!..

— Пойдите, — остановил её Дерек, — я всё ещё не понимаю, почему мы не можем обратиться к Райтэну.

Это нечаянно сказанное «мы» её весьма приободрило.

— Потому что отец не разрешил бы! — пылко пожаловалась она. — А Тэн... он не пойдёт против отца.

«А я, значит, пойду против Тэна, такая логика, что ли?» — удивился про себя Дерек.

Он уже начал было подбирать вежливые слова, коими мог обозначить свою позицию, но Тэнь явно не планировала отступить так просто. Ей всё виделось так, будто это был единственный шанс. Если всё откроется — отец в жизни больше не отпустит её в Кармидер! Нужно решаться сейчас, сегодня!

Подбежав к Дереку, она опустилась перед ним на пол, схватила его за руку, и, заглядывая в глаза, взмолилась:

— Прошу вас, вы моя единственная надежда!

Получилось излишне драматично, пожалуй, но в защиту Тэнь отметим, что она не играла — ей в целом по жизни было свойственно чувствовать остро и глубоко.

Дерек растерялся и потерялся. Противоядия против молящего женского взгляда он вырабатывать пока ещё не научился, и Тэнь в этот момент слишком напомнила ему Эсну — та точно так же смотрела на него, точно такими же глубокими глазами, которые так верили в его способность защитить её от всего! И ему тут подумалось, что Эсна, конечно же, было бы целиком и полностью на стороне Тэнь, и что уж Эсна бы не колебалась ни секунды. И что, пожалуй, его собственные колебания вызвали бы у неё гнев — а может быть, и

презрение? Не помочь девушке, которая стоит в шаге от исполнения своей мечты!

Внутри Дерек всё задрожало от внутреннего душевного напряжения. Если бы речь шла о любой другой девушке — он, не задумываясь, ответил бы на эту горячую мольбу, наплевав на любые последствия такого шага. Он слишком остро понимал сейчас Тэнь — возможно, он даже видел в ней самого себя. Запертую в клетку птицу, которая отчаянно рвётся на волю.

Но перед ним была не просто какая-то девушка — перед ним была сестра Тэна.

Который, как она сама отметила, не разрешил бы, потому что не хотел ссориться с отцом.

А Дерек, совершенно точно, не готов был бы обманывать Тэна даже ради спасения прекрасных девиц.

Он встал сам и поднял её.

— Сударыня, — сдержанно резюмировал свои терзания он, — я обязан поговорить об этом с Райтэном.

Она, вцепившись ему в плечо, расплакалась, увидев в его решении крах своих надежд.

Конечно, именно этот момент выбрал Райтэн для того, чтобы влететь в кабинет с очередной бумагой и воплем:

— Дер, нам тут болты...

Увидев раскрывшуюся ему мизансцену — отчаянно рыдающую в плечо Дерек сестру и красную от смущения физиономию последнего — он поперхнулся вдохом, резко затормозил и с самым холодным выражением лица поинтересовался:

— И что это тут происходит?

Дерек тяжело вздохнул, не зная, как выкручиваться из сложившейся ситуации. Ему одинаково мучительно было бы и выдать Тэнь — всё-таки девушка доверили ему свою тайну! — и столь же невозможно солгать Райтэну.

— Я в затруднении, — прямо признал он, пытаясь пожать плечами. Получилось не очень, потому что на одном плече рыдала расстроенная девица.

Смерив его холодным взглядом, Райтэн переадресовал свой вопрос сестре:

— Кайтэнь?

Прозвучало строго и весьма формально. Тэнь вздрогнула, отлипла от Дерек и, вытирая глаза, обернулась, растерянно глядя на брата.

Тот сложил руки на груди, запихнув свою бумагу подмышку, приподнял брови и побудил поторопиться с объяснениями:

— Тэнь?

Она нервно оглянулась на Дерек. Поведя плечом, он устало поинтересовался:

— И что вы мне предлагаете, сударыня, врать самому или покрывать ваше враньё?

Только тут до неё дошло, что своей просьбой она поставила его в крайне неловкое положение. Покраснев, она потупилась, бросила на брата мучительный взгляд через плечо, вздохнула, обернулась и всё-таки призналась:

— Тэн, я... я хочу поступить в университет.

Если тот и удивился, то виду не подал; лицо его осталось таким же холодным и невозмутимым, каким и было.

— Вот как? — тем не менее, достаточно мягким тоном побудил он развить мысль, и тон этот ложно был истолкован Тэнь как добрый знак, поэтому она тут же радостно подхватила:

— Да! Я мечтаю стать врачом, настоящим! Не как наши лекарки и акушерки, а чтобы...

Договорить она не успела.

Моргнув медленно и раздражённо, Райтэн уточнил:

— Врачом?

— Да, я...

— Врачом! — он резко и порывисто взмахнул руками.

Принесённая бумага отлетела в сторону; там её предусмотрительно поймал Дерек, который предпочёл не вмешиваться в семейные разборки и затихариться в уголку.

Лицо Райтэна исказила помесь изумления и гнева.

— Но ты не можешь стать врачом, Кайтэнь! — горячо возразил он.

Она сделала пару шагов назад, подальше от него, и оперлась спиной о шкаф с книгами.

— Но почему? — с обидой возразила она. — Ты думаешь, я так глупа?..

Он резко взмахнул рукой, отменяя этот аргумент, и, зло зашагав по кабинету, принялся объяснять свою позицию:

— Но врачи, Тэнь! Это совершенно недопустимо! Благородным барышням, — смерил он её с ног до головы злым взглядом, — не пристало наблюдать... — он повертел рукой в воздухе, подбирая куртуазную форму, — обнажённость и прочее!

Тэнь задохнулась от возмущения. Хуже аргумента он и привести не мог. Она бы простила ему опасения разгневать отца и даже сомнения в её уме; но заявить, что она не может быть врачом по той причине, что она девица!

— Ну, знаешь ли! — она даже сделала пару резких шагов к нему, пылая гневом.

Он остановился на развороте и обратил на неё острый пронзительный взгляд.

Она не дрогнула, смело этот взгляд выдержала и тихо отметила:

— Спасать жизни — это благородно. Вне зависимости от того, барышня ты или нет.

Лицо его исказилось — большей степенью от недовольства неоспоримостью аргумента — и он привёл ещё более беспомощное и оскорбительное для неё возражение:

— Но, Тэнь, кто тебя возьмёт замуж, если ты...

Договорить он не сумел: выражение лица её стало самое зверское.

— Ах вот как! — подпрыгнула на месте она. — Вот как! — резко взмахнула руками и подлетела к нему: — Ты, стало быть, считаешь, что я только на то и гожусь, чтобы всю жизнь ублажать какого-то идиота?!

Она резко и зло толкнула его в грудь — не ожидая нападения, он не успел сгруппироваться и чуть не упал, натолкнувшись на стол, — и выбежала прочь.

Некоторое время Райтэн лишь моргал удивлённо и растерянно — не ждал такой вспышки от сестрёнки, которую помнил тихим и послушным ребёнком. Проморгавшись, отвёл глаза от двери и заметил Дерек, который изучал принесённый им документ.

Дерек поднял взгляд и невозмутимо высказал своё мнение о ситуации:

— Сегодня же сбежит.

Нахмурившись, Райтэн переспросил:

— Тэнь? Да никогда.

— Точно говорю, — весьма уверенно продолжил стоять на своей позиции Дерек.

По лицу Райтэна скользнула тень. Запустив ладонь в волосы, он пораскачивал головой, потом возразил:

— Нет. Она настоящая пай-девочка, Дер.

Пожав плечами, Дерек подошёл к столу, облокотился на него бедром, положил свою бумагу, сложил руки на груди и отметил:

— Это мечта всей её жизни, и она не отступит.

Райтэн сел на стол, тоже сложил руки на груди, нахмурился ещё гуще и глубоко ушёл в себя.

Он заставил себя отложить в сторону эмоции и посмотреть на дело своим любимым критическим взглядом. Скрипнув с досады зубами — собственное поведение теперь виделось ему не в лучшем свете — он, тем не менее, постарался беспристрастно рассмотреть вариант «помочь Тэнь поступить». Но взвешивание внутри своей головы последствий такого решения неизбежно вело его к одному и тому же выводу, который он и озвучил:

— Отец меня убьёт.

Дерек вздохнул:

— Он у вас действительно настолько строг?

Подумав, Райтэн покачал головой и отметил:

— Нет, не строг. Но Тэнь — его любимица. Он спит и видит, как она вступает в счастливый брак, а он приезжает к ней на выходные понянчить внуков.

Оба они ненадолго замолчали, размышляя над этой картинкой. Наконец, Дерек раздражённо отметил:

— Знаешь, мне кажется, если некий мужчина не захочет взять Тэнь в жёны лишь на том основании, что она стала врачом, — не больно-то он и завидный зять!

Райтэн поморщился и промолчал, как всегда делал, если ему нечего было возразить.

Они ещё помолчали.

— Я не могу на это пойти, Дер, — наконец, покачал головой Райтэн. — Подумай сам — если бы речь шла о твоей сестре...

— Если бы моя сестра была жива, — оборвал его Дерек с горечью, отворачиваясь к окну, — я бы всё отдал, чтобы сделать её счастливой.

— Прости, — ощутило смутился Райтэн.

— Я никогда не говорил, — дёрнул плечом Дерек. — Откуда бы тебе знать? — ещё помолчав, разоткровенничался: — Я не смог защитить её и потерял её. Но ты ещё можешь что-то сделать и не потерять Тэнь.

Райтэн помрачнел и открестился:

— Дер, я не пойду против отца.

— Правда? — тот повернулся к нему с некоторыми даже недоумением. — Разве не ты только и делаешь, что вечно бунтуешь против него? И, как я понимаю, тебе это всегда сходит с рук? — насмешливо приподнял он брови.

Скривившись, Райтэн поправил:

— Мне — да. Отец давно махнул на меня рукой и сосредоточился на Кэне и Тэнь. В отличие от меня, Кэн примерный наследник, а Тэнь — послушная дочь.

Лицо Дерека отразило деланно невинное любопытство.

— Даже так! — прокомментировал он, наклонил голову набок, поймал взгляд друга и мягко уточнил: — То есть, твои брат и сестра расплачиваются за твои выходки?

Лицо Райтэна закаменело, но взгляда он не отвёл, и Дерек так же мягко продолжил:

— Ты живёшь, как хочешь. Ты выбрал свой путь и следуешь ему. Потому что послушный брат заменит тебя при отце, а милая сестрёнка откажется от своих желаний, чтобы этого отца задобрить своей покорностью?

Райтэн моргнул. На лице его отобразилась самая искренняя растерянность.

Он отвёл глаза и заметно покраснел.

— Демоны, Дер! — сдавленно воскликнул он. — Никогда не думал об этом так!

Дерек смерил его взглядом сочувствующим и понимающим, покивал и ответил:

— Вот и подумай, да.

После чего обогнул стол, сел на своё место и закопался в книгу про металлы.

Райтэн ещё долго сидел на другой половине стола и о чём-то размышлял сам с собой, но выводами, до которых дошёл, не поделился.

5. Чего стоит твоя мечта?

Ночью в кабинет лёгкой тенью проскользнула Тэнь. Она поминутно вздрагивала и озиралась, опасаясь каждого шороха: дело, которое она задумала, не терпело свидетелей. Однако дома все благополучно и крепко спали, а засаду никто организовать не догадался.

Поставив на стол свою свечу, Тэнь принялась исследовать ящики тётушкиного стола. Они не были заперты, поскольку все важные документы хранились в хозяйской спальне, а в доме редко оставались ночные гости.

Среди кучи бесполезных бумаг Тэнь отчаянно пыталась найти хотя бы одну, подписанную и заверенную отцом. Что угодно, лишь бы там была его печать!

Но ей попадалось всё на свете: старые приглашения на вечера, театральные афиши, выписки рецептов, генеалогические изыскания, карты звёздного неба... Закусив губу, Тэнь с отчаянием огляделась. Конечно же, указы правителя одного из анжельских городов не могут просто так валяться в доме его сестры! На что она только надеялась?

Будущее виделось всё более беспросветным. Без печати отца она никак не сможет подтвердить, что действует по благословию родственника мужского пола. Райтэн не поможет, а то и выдаст отцу, и не видать ей тогда университета, как своих ушей.

Тэнь присела на край стола — совсем так же, как это вечером делал её брат, — и задумалась.

Где, кроме как на указах, могла быть его печать?

Векселя, конечно. Но векселя тоже не разбрасываются тут и там без присмотра.

Рекомендации... но вряд ли какую-то из них будут хранить в доме тётушки. Обычно такие вещи носят с собой и предъявляют там, где потребуются.

В глубине души засуетилась какая-то неуловимая мысль.

Что-то... что-то среднее между векселем и рекомендацией, да? Просьба помочь...

Тэнь подскочила. Ну конечно!

Года два назад, она же сама везла эту бумагу и передала её тёте! Чтобы какой-то местный купец — не вспомнить уж имени, но точно должник дядюшки Этрэна! — привёз какие-то редкие и жутко дорогие саженцы...

Схватив свечу, Тэнь подскочила к шкафу, лихорадочно бегая глазами по корешкам. Купец тогда был в отъезде, и Тэнь оставила бумагу тётушке, но, кажется, та про неё забыла... а забыла, потому что заложила в ту книгу, которую в тот момент читала. Милая привычка! Которая сейчас сможет выручить.

Конечно, Тэнь не была способна припомнить, что читала тётушка два года назад в день её приезда... но вкусы её ей были прекрасно известны, так что ей потребовалось меньше часа на перебор подходящих книг — и вот, вожделенная бумага задрожала в её нервных пальцах!

Да!

Печать была на месте!

С трудом сдержав торжествующий смешок, Тэнь отнесла драгоценную добычу на стол и принялась за чёрное дело: фальсификацию важных документов.

Сперва на чистом листе потренировав почерк, она, наконец, взяла дорогой и красивый лист и почти по-отцовски вывела на том весьма официальные строки, которые подтверждали, что господин Тогнар, правитель Аньтье, целиком и полностью поддерживает

желание своей дочери, Кайтэнь Тогнар, обучаться в Кармидерском университете на том отделении, которое готовит врачей.

Подпись она тоже сперва потренировала, и в итоге вывела нечто весьма похожее.

Оставалось самое сложное — перенести печать. Тэнь обладала теоретическими знаниями подобного рода, потому что дядюшка Этрэн жаловался ей на искусство мошенников, которые так и норовят использовать документы с его печатями в своих преступных целях. Но, конечно, она даже и представить не могла, что однажды ей придётся самой заниматься чем-то таким.

Тем не менее, алгоритм действий, как ей казалось, был достаточно прост: нагреть существующую печать, срезать её лезвием, накапать сургуч на новый документ и аккуратно приклеить. Всё просто же, да? Все необходимые инструменты под рукой... дело за ловкостью рук!

Подумав, Тэнь сперва аккуратно оторвала кусок с печатью от остального документа. Затем, подумав ещё, пришла к выводу, что имеет смысл сперва попробовать избавиться от лишней бумаги. Это дело ей, к её удивлению, удалось легко: всё-таки речь шла всего лишь о простой бумаге, а не о дорогом пергаменте. Слегка подпалив остатки ошмётков, Тэнь с ликованием обнаружила, что и срезать ничего не нужно: в её руках лежал аккуратный кругляш с оттиском.

Капнув на новый документ свежим сургучом, она этот кругляш туда приложила и прижала.

Насмешливо фыркнула. Тоже мне, великое дело! Немудрено, что дядюшка так часто страдает от подобных мошенников — вон как всё просто-то, оказывается!

Пока сургуч остывал, Тэнь размышляла о своих дальнейших шагах. Теперь нужно было бежать — потому что днём её, разумеется, никто не отпустит. Бежать придётся через окно — потому что двери, конечно, заперты. Окно второго этажа — потому что ставни первого, что вполне логично, на ночь тоже закрывают.

Была ещё, конечно, собака, но она давно знала Тэнь и любила её, так что девушка была уверена: договорятся. И ограда с решёткой; ну, тут уж нужно быть совсем душой, чтобы не суметь перелезть.

Тэнь предусмотрительно заранее переделась в свой наряд для верховой езды — даже если бы подделка документа ей не удалась, она всё равно предприняла бы попытку. Но, раз уж дело сложилось так удачно...

Она подхватила готовый документ, сунула его в котомку, которую собрала себе, и подошла к окну.

Да, это подойдёт! Под кабинетом столовая, там сейчас точно пусто, никто не заметит!

Открыв окно, она села на подоконник и примерилась. Прыгать было высоковато.

Развернувшись животом вниз, она крепко-крепко вцепилась в нижнюю раму окна, взмолилась про себя Великому Пламени, зажмурилась и соскользнула вниз, повиснув на руках. Под потерявшими опорой ногами, казалось, раскинулась пропасть.

«Ай!» — подумала она, чуть не вывихнув себе таким смелым решением плечи.

Пальцы отказывались держать, и она их разжала.

Падение оказалось недолгим, но болезненным: ей едва удалось подавить вскрик. Зато, кажется, она ничего не подвернула, не вывихнула и тем более не сломала!

Пока она сидела на земле, пытаясь совладать с выступившими слезами — всё-таки

прыгать оказалось очень больно — к ней, действительно, выбрела привлечённая шумом охранница-собака. Как Тэнь и надеялась, она её узнала и обошлось без лая.

Оставался последний пункт: перелезть через ограду, но тут, после приключений с окном-то, всё прошло гораздо проще. Во всяком случае, выпрыгивая наружу, можно было не бояться наделать шуму, поэтому от очередного болезненного столкновения с землёй Тэнь позволила себе выругаться.

Отдышавшись и уняв сердцебиение, она побрела в сторону университета.

До рассвета оставалось около часа; город уже просыпался, на её счастье. С другой стороны, поместье тётушки находилось близко к центру, а уж университет — и вообще в самом центре, так что за бродягами тут следили, поэтому, возможно, даже и глухой ночью ей бы ничего не угрожало.

Так или иначе, она успешно добралась до места назначения без лишних встреч и приключений, и ей оставалось только ждать открытия.

Тэнь плохо себе представляла, что делать дальше и куда идти со своим делом, но университетская система работала без накладок. Едва привратник открыл ворота, как Тэнь тут же подошла изложить ему цель своего визита; он уверенно направил её в административный корпус, предупредив, правда, что начальство появится не раньше, чем через час.

Поэтому девушка не отказала себе в удовольствии побродить по месту своей мечты.

Кармидерский университет был одним из крупнейших в мире, и со стороны напоминал старинную крепость. Массивная каменная стена окружала комплекс зданий, из которых центральное — учебный корпус — напоминал замок сеньора.

Впрочем, почему — напоминала? Она им и была. Когда-то именно здания нынешнего университета и были самим Кармидером; это потом вокруг разросся современный город. А ещё позже город был захвачен одним пиратом — это был единственный в истории Анджелии речной пират! Кармидер, который стоял на Роне — самой большой анжельской реке — был крупным речным портом, главным перевалочным пунктом торговых путей. Ух и бурная история была связана с попытками выбить того пирата из этой крепости!

Впрочем, история это давняя; вот уже два века, как здесь располагался университет, и всё вокруг было обжито и переиначено для учебных нужд, плотно застроено — яблоку упасть негде! — и украшено бурной фантазией многочисленных поколений студентов.

Дождавшись открытия административного корпуса — отдельно стоящего дома, вплотную примыкавшего к восточной стене и даже имевшего небольшую площадь перед собой (для столь плотной застройки — дело невиданное!) — Тэнь осведомилась там о своём деле.

Любезная старушка, заступившая на вахту, охотно рассказала, что это вон туда, на первом этаже направо, дверь такая-то, но господин ректор придёт позже, через час где-то, а пока милая барышня может попить чайку, если не побрезгует, конечно...

Разумеется, Тэнь не побрезговала, и следующий час провела более чем продуктивно. Старушка-вахтёрша оказалась кладезем ценной информации, а узнав, что юная госпожа приехала поступать, впала в восторг. Как оказалось, она и сама всю жизнь мечтала об этом, вот и устроилась в университет хоть на какую работу. В свои выходные ей разрешалось посещать лекции вольной слушательницей, и она даже имела некоторый успех на факультете естественных наук.

Они бы, наверно, могли болтать весь день, найдя столь общие интересы, но тут всё-таки соизволил явиться ректор — внушительный пожилой мужчина — и старушка передала Тэнь с рук на руки.

— Госпожа Тогнар! — с удивлением воскликнул ректор, когда они добрались до его кабинета и Тэнь выдала ему свои документы. — Вот уж не ожидал, не ожидал...

— Мне кажется, — застенчиво улыбнулась та, — дамы моего круга должны первыми подать пример и поддержать ваше просветительское начинание!

— Да, да, — рассеяно согласился ректор. — Но ваш батюшка...

— Полностью поддерживает мою инициативу! — горячо заверила Тэнь, впрочем, слегка краснея от этой лжи, и поскорее пододвигая собеседнику столь удачно сфабрикованную бумагу.

Тот, хмурясь, углубился в чтение. Он не был хорошим знакомцем правителя Аньтье, поэтому допускал мысль, что тот может оказаться настолько... просвещённым оригиналом, но...

— Врачом? — не сумел скрыть своего удивления ректор. — Вы хотите стать врачом?

— Да, — потупившись, подтвердила Тэнь, досадуя внутри себя, что именно эту специальность все находят такой неподходящей для девушек.

Ректор задумчиво почесал бороду. Когда он ратовал за приём в свой университет женщин, то полагал, что те захотят изучать переводы, ботанику или педагогику.

— Акушеркой? — без особой надежды уточнил ректор.

Тэнь возмущённо подскочила:

— Конечно, нет! Настоящим врачом! — горячо заверила она.

— Хирургом? — кисло уточнил ректор, который вообще не представлял себе женщину в этой роли.

По правде сказать, Тэнь не очень хорошо знала, кто такие хирурги, но на всякий случай кивнула — слово звучало внушительно.

Ректор в сомнениях покачал головой:

— Здесь, госпожа Тогнар, нужно будет сперва смотреть, есть ли у вас способность... я попрошу вас проэкзаменовать... — Тэнь отчаянно побледнела, потому что даже не представляла себе, что ей придётся проходить какие-то испытания для приёма, и, конечно, была совсем к ним не готова.

Между тем, ректор с некоторым недовольством свернул ту бумагу, которую так упорно рассматривал — сфальсифицированное разрешение отца — и, вот досада, сворачивания в трубочку эксперименты юной поддельщицы документов не выдержали.

Печать отвалилась.

«Ой!» — в панике воскликнула про себя Тэнь.

— Это ещё что? — удивился ректор, рассматривая отломанную печать, на которой отчётливо заметны были следы свежего сургуча — отличающегося по цвету.

Он поднял удивлённый взгляд на посетительницу; та мучительно покраснела.

— Госпожа Тогнар! — с укоризной выговорил ректор, но перейти к воспитательной беседе не успел, потому что дверь в его кабинет бесцеремонно распахнулась.

— Да ждут меня там! — отмахнулся в коридор от вахтёрши запыхавшийся Райтэн, врываясь внутрь.

Тэнь в ужасе часто заморгала, пытаясь сдержать слёзы. Ну надо же было так отчаянно

провалиться! И ведь почти удалось... почти-почти...

Ректор проявил чудеса самообладания — что, впрочем, немудрено для руководителя университета, который за годы своей работы привык к самым разным студенческим выходкам.

— Прощу прощения? — лишь приподнял он вежливо брови, разглядывая нового посетителя.

Шумно выдохнув, Райтэн вытащил из-за пазухи собственный паспорт и представился:

— Райтэн Тогнар, брат этой милой девицы.

Задумчиво поразглядывав новый предложенный ему на суд документ, ректор прищурился. Дело начинало попахивать аферой.

— Знаете, в свете подделки документов, организованной вашей сестрой...

— Что? — Райтэн с изумлением уставился на Тэнь. — Где это ты научилась подделывать документы?

Та только покраснела ещё мучительнее.

— В любом случае, — гордо выпрямился Райтэн. — Я-то ничего не подделывал, а удостоверить мою личность вам пол-города смогут.

— Ну, где я вам сейчас найду пол-города... — дипломатично попытался выкрутиться из странной ситуации ректор.

Райтэн прищурился.

— Леди! — высунулся он в коридор в поисках вахтёрши.

— Мадам Увмар, — тихо подсказала Тэнь, увидев в брате если не сообщника, то хотя бы того, кто поможет ей выкрутиться из дела о подделке документов. Вещь-то серьёзная, можно и под следствие загреметь! Вот тогда точно гнева отца не избежать!

— Мадам Увмар! — радостно воспользовался подсказкой Райтэн и озадачил подоспевшую вахтёршу задачей: — А что, Фарсэн на месте сегодня?

— Профессор Линар? — уточнила вахтёрша и радостно закивала: — Конечно, где ж ему быть, у него экзамен сегодня!

— Точно! — Райтэн хлопнул себя по лбу. — Он говорил. Вот он и подтвердит, — обернулся к ректору, дабы осчастливить его этой информацией.

Тот любезно согласился подождать. Ему уже становилось любопытно, что это за история, и как в неё удалось замешать его профессора.

Пока ожидали последнего, в кабинете царило тягостное молчание.

Тэнь уныло ждала скандала. Все мечты её рухнули, и теперь она смотрела на жизнь крайне мрачно. От того, чтобы предаться бурным рыданиям, её удерживала лишь гордость, но её состояние можно было считать по дрожащим губам и нервно сжимающимся пальцам.

Райтэн, усевшись на первый попавшийся стул и закинув ногу на ногу, волевым усилием подавлял бешенство. Его раздражала необходимость доказывать свою личность, его раздражал сам факт побега сестры, и особо его раздражало, что она измыслила какой-то странный план с подделкой документов — а он-то самоуверенно полагал, что знает её как облупленную, и что на авантюры такого рода она совершенно не способна!

Ректор привычно сидел за своим столом, сложив ладони домиком перед подбородком, поглядывал на посетителей и мысленно веселился. Утро явно удалось: с самого начала — такой увлекательный спектакль! Первый акт с отчаянной девчонкой пришёлся ему по душе, второй — с неожиданным явлением брата — тоже, и теперь он с предвкушением ждал третьего.

Ждал не зря, потому что и заключительный акт его не разочаровал.

— Райтэн? — с порога удивился подоспевший профессор. — А ты-то что тут делаешь?

Тот бросил на ректора хмурый и одновременно торжествующий взгляд — мол, а я вам говорил! — и небрежно объяснился:

— Сестру на обучение пристраиваю.

— Сестру? — удивился профессор, огляделся, заметил остальных. — Сударыня! — слегка поклонился даме, кивнул начальнику, прошествовал вперёд и занял свободный стул. — И как успехи?..

— Спасибо! — радостно воскликнула Тэнь, когда они оба вышли наружу. — Тэн, ты просто... ты просто спас меня! — бросилась она ему на шею.

— Заступника своего благодари, — хмыкнул Райтэн. — Он меня убедил.

Тэнь запрыгала и захлопала в ладоши, готовая заобнимать и Дерека — вот только того в пределах видимости не наблюдалось.

Дома талмуд про металлы листал, бедняга.

IV. Суд и судьба. 1. С чего начинается свобода?

IV. Суд и судьба

639 год, лето-осень. Брейлин

E ho detto a Coraline che può crescere,
Prendere le sue cose e poi partire.
Ma sente un mostro, che la tiene in gabbia,
Che le ricopre la strada di mine.
E Coraline piange, Coraline ha l'ansia,
Coraline vuole il mare, ma ha paura dell'acqua.
E forse il mare è dentro di lei?
Måneskin, «Coraline» [1]

1. С чего начинается свобода?

Добраться из Кармидера в Брейлин можно было по оживлённому тракту. Направление это было весьма востребовано: речной путь из столицы пролегал через Кармидер и уходил на юг, в сторону Аньге, а вот в лежащий на севере Брейлин добирались по степи. Чтобы избежать летнего зноя, Райтэн и Дерек предпочитали проводить в пути утро и вечер, днём останавливаясь в деревнях, а ночью оплачивая койки в путевых домах — таковые были расположены на всей протяжённости тракта, вопрос был лишь в том, чтобы верно рассчитать время в дороге.

Спешить им, с одной стороны, было некуда, но и задерживаться явно не стоило: в Брейлине ещё нужно ж как-то устроиться, запас денег-то вовсе не безграничен. Поэтому они скорее старались двигаться по возможности быстрее, нежели задерживаться, и выходили в путь в любую погоду. Дорожные плащи вполне спасали от лёгких летних дождей, так что путешествие проходило вполне комфортно.

В то утро ничто даже и дождя не предвещало. Небо было ясным, ветерок — приятным, а дорога короталась за размышлениями, как снизить коррозию меди. Райтэн предлагал вместо железных гвоздей и болтов попробовать медные, а Дерек — попытаться какой-то прослойкой отделить железную фурнитуру от медной обшивки. Оба метода имели свои плюсы и минусы, к тому же, пока у приятелей не находилось практических данных, так что рассуждать на эту тему можно было бесконечно.

То, что погода начала портиться, они заметили не сразу, — да если бы и заметили, что бы это изменило? Вернуться в пункт ночлега они всё равно бы не захотели, добраться же до дневной остановки — не успели бы. Гроза застала их практически в чистом поле.

Первым заметил неладное Райтэн — ему резким порывом ветра чуть не снесло шляпу с головы. Отвлёкшись от попыток выкопать в своих записях информацию о том, насколько надёжны могут быть медные гвозди — среди огромного количества таблиц, над которыми в своё время они работали с Дерекком, была и таблица по свойствам металлов, — он огляделся по сторонам и досадливо выругался.

Ушедший было в себя Дерек, который пытался, в свою очередь, просчитать, из чего можно сделать предполагаемые прослойки, тоже встрепенулся и посмотрел на небо, которое стремительно заволакивало чёрными тучами. Согласно повторив вырвавшееся у друга ругательство, он заозирался в поисках укрытия.

Таковое в виде небольшой рощи быстро обнаружилось, и Дерек хотел было радостно припуститься туда, как его остановил возмущённый возглас Райтэна:

— С ума спятил?! Там нас и прихлопнет!

Дерек с некоторым недоумением заморгал. В своей жизни он, пожалуй что, никогда не оказывался на улице во время грозы, поэтому мысль спрятаться от дождя под деревьями казалась ему самой логичной и разумной.

С видом «Великое Пламя, с кем я путешествую!» Райтэн закатил глаза и изволил пояснить:

— Смотри, — махнул он в сторону горизонта, где уже виднелись яркие всполохи молний, — вот как долбанут они по этим твоим клёнам, и нас заодно! Зажарит с потрохами!

Вконец растерявшийся Дерек переспросил:

— И что же тогда делать?

Смерив его мрачным взглядом, Райтэн коротко ответил:

— Мокнуть.

После чего подумал и слез на землю.

— По лошадям тоже долбануть может, — пояснил он.

Почесав в голове, Дерек тоже слез. Он не очень представлял себе, что и как может долбануть, но доверял начитанности Райтэна. Который, к тому же, не в первый раз путешествовал по Анджелии, а значит, знал толк.

Ждать, когда гроза придёт и разразится прямо над тобой, было весьма неприятно и как-то глупо. Разговор заглох. Сложив руки на груди, Райтэн мрачно разглядывал свою лошадь — с таким видом, как будто во всех бедах виновата была именно она. На деле он, конечно, просто размышлял, не испугается ли животинка грома и не рванёт ли в чисто поле.

Между тем, раскаты и впрямь приближались, и лошади уже настороженно прями ушами и косились в сторону в поисках непонятной опасности. Дерек, который кое-что смыслил в вопросах успокоения животных, осторожно погладил свою по морде, запустил руку ей в гриву, прижался к боку и что-то зашептал.

Райтэн сперва скривился и хотел было сказать, что какой же смысл вылезать из седла, если ты потом вешаешься лошади на шею, и, следовательно, если по ней долбанёт молнией, всё равно достанется и тебе. Но Дерек и его лошадка выглядели так мирно и безмятежно, что он лишь вздохнул и повторил приём друга.

В конце концов, ото всех бед не убережешься, а стопроцентно ловить потом по полям напуганную сбежавшую лошадь — явно хуже, чем маловероятный удар молнией.

По правде сказать, Райтэн лично не помнил ни одного случая, чтобы молния ударила в коня, но он слышал от человека, который слышал от человека, который слышал... В общем, где-то когда-то вроде бы как такое дело было, и погибли и конь, и всадник. Хотя информация выглядела довольно зыбкой и недостоверной, Райтэн считал, что в такой ситуации перестраховаться будет нелишним.

Дождь уже всюду бил вокруг них крупными каплями, но шляпы и плащи пока справлялись со своей задачей. Лошадям и вовсе было всё равно — шкура и шерсть прекрасно их защищали, а близость хозяев успокаивала.

Порывы ветра становились всё сильнее, и это было тем более неприятно, что подхваченная вихрем ледяная вода охотно заливала и под шляпу, и за шиворот. Молнии сверкали всё ближе, громыхало уже где-то прямо над головой, а вода лилась почти стеной — по правде сказать, никакой плащ тут уже помочь не мог, у путников зуб на зуб не попадал от холода. Оставалось только жаться к тёплым лошадиным бокам; те, кажется, и вовсе не чувствовали особого дискомфорта, лишь водили ушами при звуках очередного раската.

Даже самые неприятные вещи рано или поздно заканчиваются, а уж гроза тем паче заканчивается быстро. Гром и молнии понеслись дальше, вслед за бурным ветром, а дождь стал затихать.

— Бр! — клацнул зубами Дерек, отлипая от конской шеи.

— Бр! — поддержал его Райтэн, морщась и пытаясь вернуть полям своей шляпы приличную форму. Ожидаемо безуспешно: промокший фетр упорно лип вниз.

С минуту они пытались отжать воду из плащей, шляп и одежды. Не то чтобы всё ещё накрапывающий дождик очень способствовал этому процессу.

— Надо сушиться! — сделал логичный вывод Дерек.

— Каким же это образом? — сквозь зубы зло поинтересовался Райтэн.

Теперь пришёл черёд Дерек посмотреть на друга взглядом «Боже, с кем я путешествую!» По мрачному лицу спутника убедившись, что тот всерьёз задаётся этим странным вопросом, Дерек почти по слогам пояснил совершенно очевидную вещь:

— Костёр запалить надо.

— Костёр? — заломил бровь Райтэн. — Ты как себе это представляешь? Тут всё промокло! — резко обвёл он рукой поле вокруг.

Дерек растерянно поморгал. В грозу-то он никогда не путешествовал, а вот разжигать костёр после дождя ему приходилось частенько — для грозного воина Грэхард был исключительно странно теплолюбив.

— Ну, — Дерек тоже оглядел поле вокруг. Оно, естественно, не предлагало простора для сбора растопки, но вот кленовая роща невдалеке стала выглядеть гораздо привлекательнее. Махнув рукой, Дерек взял поводья и побрёл туда.

Фыркнув, Райтэн отправился за ним, не вдаваясь в дальнейшие дискуссии.

Оказавшись на месте, Дерек тут же принялся собирать ветки — в основном тоненькие и, как Райтэну казалось, абсолютно точно промокшие и не годящиеся ни в какой костёр. Тягостно вздохнув, он привязал коней и тоже занялся сбором, чисто из солидарности.

— Ты только свежие не особо бери, — обернувшись, предупредил Дерек. — Они сочные, точно так просто не загорятся.

Растерянно моргнув, Райтэн обнаружил, что, и впрямь, земля в основном усыпана зелёными ветвями, пострадавшими от нынешней грозы. Искать среди них более старые было сложно, но, зато, они и впрямь были несколько суше — их защитили свежие зелёные паданцы.

Через некоторое время им удалось насобирать неплохую кучу хвороста, и даже некоторые ветки потолще, но, на взгляд Райтэна, всё это было по-прежнему слишком мокрым, чтобы гореть.

Дерек, однако, это обстоятельство не смутило. Бегло отсортировав собранное по толщине, он засучил рукава, достал нож и принялся обрабатывать самые тонкие из них. Делая лёгкие надрезы, он словно пускал стружку, от чего на конце палки получался

кудрявый венчик. Посмотрев на это дело, Райтэн устроился рядом и принялся пытаться делать то же, но с непривычки у него всё не получалось, и он лишь кромсал веточку на мелкие кусочки. Поглядев на его терзания, Дерек пододвинул к нему кучу потолще:

— Вот, здесь тоже делай надрезы, но не только с одного края, по всей длине.

Принявшись за дело, Райтэн с удивлением обнаружил, что более толстые ветки на глубине остались совершенно сухими.

Между тем, достав из своей сумки трут и огниво, Дерек соорудил какую-то непонятную для Райтэна конструкцию — коя должна была помочь просушиться и загореться самым тонким веточкам — и деловито принялся за розжиг.

Получалось у него хорошо; было сразу видно, что такая работа ему понятна и привычна. Он мастерски выбирал те самые веточки, которые схватятся быстрее, умело пододвигал их к нужному язычку пламени и терпеливо выстраивал шалашик, который разгорался всё ярче. Руки его так и мелькали над нехитрым костерком, не давая ему погаснуть и постоянно просушивая следующую партию топлива, — и Райтэн невольно пялился на эти руки самым неприличным образом.

Верный своим старым привычкам, Дерек всегда носил одежду с длинным рукавом и завязками на манжетах, и очень тщательно следил за тем, чтобы не оголять запястья. Райтэн, в целом, прекрасно себе представлял, что именно так старательно прячет друг, и никогда не проявлял досужего любопытства. Сегодня Дерек впервые забылся и привычным жестом закатал рукава, выполняя привычную работу по организации костра, и Райтэн впервые мог рассмотреть, как выглядят те самые ньонские татуировки. Ему раньше не приходилось видеть их вживую — только слышать да картинки разглядывать, поэтому любопытство это было вполне объяснимо.

— Ну вот, теперь дело пойдёт на лад, — между тем, довольно резюмировал Дерек, подкладывая во вполне себе разгоревшийся костёр подготовленные дрова потолще.

Пламя охотно лизнуло предложенные надрезы, в которых скрывалась сухая древесина; влажная кора послушно дымила, высыхая под жаром воспрянувшего огня.

— Можно сушиться, — удовлетворённо кивнул Дерек и протянул над костром руки; тут взгляд его наткнулся на татуировки, и он машинальным жестом одёрнул рукава рубашки, закрывая запястья; бросил было взгляд на спутника, отвернулся и мучительно покраснел.

Райтэн легонько вздохнул, придвинулся к костру ближе, тоже протягивая руки посушить, и непринуждённым тоном заметил:

— Это, конечно, вообще не моё дело, но на твоём месте я бы зашёл к мастеру наколок.

— Зачем это? — хмуро огрызнулся Дерек, дёргая плечом.

— Затем, — закатил глаза Райтэн, — чтобы нанести какой-нибудь узор поверх имени.

Дерек резко повернулся к нему; пронзил его острым взглядом и надломленным тоном повторил:

— Зачем это?

— Мозги, Дер, — постучал себя по виску Райтэн и, обустроившись у костра удобнее, принялся непринуждённо размышлять: — Оно конечно, в Анджелии ты никого такими украшениями не удивишь, да и читать по-ньонски не каждый умеет. Но, понимаешь ли, — повертел он в воздухе рукой, — одно дело, когда на человеке написано, что он принадлежит некоему Эрхину Лысому. Что ещё за Эрхин, вот уж невидаль! — всплеснул он руками. — И совсем другое дело, Дер, — вернулся он к серьёзному тону, — когда у кого-то на руке значится имя Грэхарда из рода Раннидов. Заметная, знаешь ли, фигура! — подхватив одну из

подготовленных палок, повертел ею в воздухе Райтэн и развил свою мысль. — Люди, они, понимаешь ли, Дер, разные бывают. Зачем вводить в искушение? А ну как кто захочет проинформировать... некоего Грэхарда... что тут по Анджелии шляется человек с такими интересными татуировкам. Владыка Ньона слывет человеком грозным; глядишь, и отплатит золотом за эту информацию.

Подкинув в костёр пару веток, Дерек кивнул и мрачно подтвердил:

— Да, ты прав. Я... не подумал об этом, — покосился он на свои запястья.

Они оба замолчали. Уютно трещал костёр, иногда стреляя искрами. Одежда начинала просушиваться, возвращая ощущение комфорта.

Наверно, с четверть часа они молча сушились, отвлекаясь лишь на то, чтобы подготовить и бросить в пламя новые ветки. Потом Дерек вдруг сказал, глядя куда-то в пламя:

— Он не был хозяином. Он был другом.

Райтэн понятливо промолчал. У него возникало всё больше вопросов, но он счёл нетактичным их озвучивать. Хотя по жизни он отличался некоторой бесцеремонностью, текущая тема немало его смущала. В Анджелии рабство было вне закона, и ньонское варварство в этом вопросе повсеместно порицалось, поэтому тема эта казалась Райтэну и сама по себе стыдной; что уж говорить, что она имела к Дереку столь прямое отношение! Спрашивать или даже просто говорить об этом в его присутствии казалось чудовищным; поэтому он оставил все свои вопросы, соображения и догадки при себе.

Лишь ещё спустя четверть часа тишины заметил:

— А знаешь, у меня, кажется, появился новый страх.

Дерек поднял на него вопрошающий взгляд.

Райтэн пошевелил одной из палок алые угли, едва заметно усмехнулся и отметил:

— Не хотел бы я, чтобы когда-нибудь на вопрос о том, кто такой Райтэн Тогнар, ты таким вот тоном ответил: «Он был моим другом».

С минуту Дерек смотрел на него с большим удивлением; затем усмехнулся краешком губ и заверил:

— Тебе это не грозит, Тэн. Ты всегда будешь моим другом.

Они похмыкали своей чрезмерной сентиментальности и принялись собираться в путь.

...вечером Дерек долго смотрел на свои запястья, вчитываясь снова и снова в столь знакомое и когда-то столь родное имя. Он пытался вообразить перед своим внутренним взором Грэхарда — и у него неизменно получалась какая-то мрачная громада, в которой можно было выделить сложенные на груди мускулистые руки, нахмуренные густые брови и... и всё. Черты лица упорно ускользали из памяти, и даже тон голоса припомнить оказывалось сложно...

— Старина Грэхард... — одними губами произнёс Дерек, водя пальцами по вытатуированным буквам.

Не прошло ещё и двух лет со дня его побега; но с удивлением он осознавал, что эти два неполные года почти вытеснили из него память о предыдущих пятнадцати. Он словно никогда и не бывал в Ньоне; или это был вообще не он; или это было целую вечность назад.

Ему казалось, что он родился Деркэном Анодаром, что вся его жизнь прошла в Анджелии — а может, в этом и было зерно истины, и настоящая его жизнь действительно

вся прошла в Анджелии.

Ему казалось, что он никогда не был лично знаком с грозным повелителем Ньюна, и лишь вообразил его мрачный образ внутри своей головы.

На крае сознания светлым лучом мелькнула мысль об Эсне — и тут же погасла, потому что он старался не вспоминать о ней; но несмотря на то, что он никогда о ней не думал, память о ней согревала его изнутри. Память эта стала тем внутренним солнцем, которое придавало ему веры в себя.

Но сейчас он отчётливо и чётко понимал: выпади ему шанс вернуться и зажить прежней жизнью — он никогда бы и нипочём не согласился.

1. Я сказал Коралине, что она может вырасти,

Собрать свои вещи и уехать.

Но она чувствует монстра, который держит её в плену

И закладывает минами её дорогу.

И Коралина плачет, Коралина нервничает,

Коралина мечтает о море, но боится воды.

Но не сила ли моря в ней самой?

2. В чём проблема Ирдании Нинар?

Брейлин был похож на расходящиеся слоями древесные кольца хаотичных застроек — что, впрочем, было характерно для Анджелии. Центр города, впрочем, был оформлен более или менее прилично. Самую суть Брейлина — порт — окружали пять больших площадей, каждая из которых радовала доминантой в виде здания-башни. Портовое начальство, суд, ратуша, жандармерия и пожарная вышка — все они были построены в одно время и в одном стиле. Каждое из них окружалось тесно стоящими домами, в которых расселялись служащие соответствующих ведомств.

А вот за этим административным поясом начинался настоящий хаос. Сплошь деревянная застройка была беспорядочной и прихотливой. Люди побогаче выкупали участок побольше и строили дом в центре, обнося его каменным забором в попытках уберечься от пожаров. Люди среднего достатка обходились обычными заборами, а на участках разводили большие огороды. Бедняки ютились на окраинах и порой выгорали целыми кварталами, что не мешало им снова и снова отстраиваться, лепля одно— и двухэтажные домики впритык. Кварталы отделялись один от другого земляными валами, и по верху этих валов шли основные дороги.

Райтэн весьма целеустремлённо отправился напрямик к начальнику порта, где быстро выторговал две койки в местных казармах за какие-то непонятные Дереку торговые преференции, которые обещались от имени Этрэна. Впрочем, обе стороны выглядели одинаково довольными результатами переговоров, но Дерек всё же отметил некоторую странность, о которой и заговорил, когда они двинулись к месту своего нового обитания:

— Я вот не понимаю, Тэн. Почему ты так упорно отвергаешь возможность воспользоваться связями отца, но при этом весьма охотно пользуешься связями господина Дранкара?

Споткнувшись от неожиданности, Райтэн несколько растерянным тоном пояснил:

— Ну как же! С дядькой Этрэном я всегда рассчитываюсь, мне есть, что ему предложить. А отец... он с меня ничего не возьмёт, даже если мне и будет, что дать взамен.

Немного поморгав, Дерек осмыслил этот аргумент и признал его толковым. Он не был знаком с отцом Райтэна, но по ситуации с неравноценным обменом «документы за проводы девицы в Кармидер» мог составить своё мнение и согласиться с выводами друга; с Этрэном же, и впрямь, в этом отношении было проще: купец и есть купец. Такое положение дел было Дереку ближе: он тоже предпочитал знать наверняка, во что обойдётся полученная услуга и как придётся за неё расплачиваться.

Едва расположившись и пообедав, Райтэн тут же поспешил по основным делам, первым пунктом в котором значилось договориться по поводу меди — благо, и тут сыграли свою роль знакомства Этрэна, который медь эту весьма благополучно закупал именно в Брейлине.

Добираться до места назначения пришлось конно; искомая персона обосновалась неподалёку от собственных рудников, в предгорьях. Дерек предпочитал помалкивать, потому что Райтэн явно ушёл с головой в какие-то мысленные расчёты. Часть из них он даже озвучивал бормотанием вроде: «Ладно, Этрэну я свинцом отдам, но Ирди?..»

Проблема заключалась в том, что личные средства Райтэна были вложены либо в дела

лесопилки, либо в торговлю Этрэна, поэтому на руках у него было, пожалуй, даже меньше, чем у Дерека, который тратил мало и в основном откладывал про запас то, что причиталось ему по работе. И если их совместно сложенных средств — а они, не считаясь, просто слили всю имеющуюся у них наличность воедино, — хватило и на путешествие, и должно было хватить на первое время жизни в Брейлине, то уж на закупки меди там явно не наскребалось.

В голове Райтэна, конечно, десятками роились всякие гениальные планы, но все они требовали первичных вложений, коих он сделать не мог; в голове Дерека, естественно, роились десятки способов заработка, но все они не сулили золотых гор, тем более в первое же время. В целом, друзья решили, что будут действовать по ситуации, но пока их планы на будущее виделись более чем зыбкими.

За размышлениями они вскоре приехали, куда было нужно: аккуратный деревянный домик прятался в тени фруктовых деревьев и выглядел на редкость благополучным и уютным.

Привязав коней к забору, они отправились ко входу. Райтэн вежливо постучал.

— Кого ещё там нелёгкая принесла? — незамедлительно отозвался изнутри голос, забавно дружелюбный на фоне смысла сказанного, и буквально через пару секунд дверь отворилась, явив на пороге хозяйку дома.

Это была дородная, с полными руками женщина лет пятидесяти. Своих объёмных форм она явно не стеснялась, подчёркивая их облегающим вишнёвым сарафаном, который оставлял совершенно открытыми тяжёлые полные плечи и складывался многочисленными складками там, где должна была бы быть талия.

Дама эта, однозначно, производила сногсшибательное впечатление, и в первую очередь, конечно, из-за весёлого круглого лица и — большая редкость даже для Анджелии — фиолетовых волос.

Дерек даже заморгал растерянно, впервые столкнувшись с таким необычным типажом.

Между тем, хозяйка дома поразглядывала визитёров и удивлённо констатировала:

— Ба! Райтэн Тогнар! Какими судьбами? — и приветливо распахнула дверь пошире, отходя в сторону.

Поприветствовав хозяйку кивком, Райтэн шагнул внутрь первым, сразу же обозначив суть дела:

— По поводу меди. — И незамедлительно представляя друга: — Деркэн Анодар, мой деловой партнёр.

Дама ждать представления не стала и первой подала Дереку руку, отрекомендовавшись:

— Ирдания Нинар.

Не успел Дерек руку пожать, как завертелось. За следующую минуту хозяйка успела: провести гостей на кухню, познакомить их с сидящей там старушкой, навалить на тарелку свежих пирожков, достать из погреба компот и, высунувшись в окно, из летней сушилки раздобыть чистых стаканов и этот компот разлить.

Пока гости жевали пирожки — кажется, с крыжовником, — им успели сообщить стратегическую информацию о состоянии погоды на текущий момент, о ценах на сельдь, о конфликте главы жандармерии с начальником порта, о сводках междоусобной войны в Джотанде, о здоровье райанского короля (кажется, бедняга был близок к смерти), о готовящемся сражении между анжельскими пиратами и ньонскими, об урожае свеклы и о прогнозах на курс золота и серебра на осеннем международном рынке.

Стоило Райтэну проглотить последний кусочек, как он тут же включился в беседу и столь же конспективно поведал о состоянии ветров на юге, актуальных проблемах Кармидерского университета, ценах на либерийский шоколад и некоторых других аспектах, могущих представлять интерес для человека, который любит держать руку на пульсе событий.

Пока он рассказывал, Ирдания пару раз искоса взглянула на Дереха, заметно подсакивая от нетерпения, потом, видимо, проиграв в борьбе с собой, вскочила, притащила откуда-то из угла швейный набор и с ворчливым:

— У тебя здесь воротник подрался, — деловито принялась зашивать его прямо на месте.

Дерек растерянно заморгал; Райтэн, как ни в чём ни бывало, рассказывал о новых способах борьбы со степными волками. А вот присутствующая на кухне старушка беззубо шамкнула:

— Кудыть, на живом-та человеке! Шафтъе зафьёшь.

— Ах, мама, оставьте эти суеверия! — отмахнулась Ирдания, доделывая последние стежки. — Ну вот, и всё готово! — резюмировала она, тут же относя корзинку с нитками и иголками на место.

С недоумением Дерек потрогал собственный ворот. Зашито было, кажется, на совесть.

— Так что с медью? — вернулась к делу Ирдания, возвращаясь к столу.

— Сперва на пробу, — бодро переключился Райтэн. — Если пойдёт — буду брать много, — на последнее слово собеседница выразительно закатила глаза, и он поспешно поправился: — По полторы тонны на проект.

— И как часто... проекты? — невозмутимо уточнила та, доставая откуда-то из ящика бумагу и карандаш и погружаясь в расчёты.

Райтэн неопределённо повёл рукой в воздухе и предположил:

— Пока предполагаю шесть-восемь, а там как пойдёт.

Ирдания кивнула, что-то дописала, сунула листок Райтэну и пояснила:

— Это на пробный, это на единичный, это оптом.

Тот, со своей стороны, закопался в какие-то расчёты, что-то забормотал, затем кивнул. После чего бросил на собеседницу острый взгляд и поинтересовался:

— А тебе, часом, работники не нужны?

Та упёрла руку в бок и выгнула бровь.

— А ты готов в рудокопы податься? — насмешливо поинтересовалась она. — Тоже мне, коммерсант!

Райтэн выпрямился с видом самым надменным; голос его был крайне холоден, когда он отметил:

— Не стыдно работу искать, стыдно без дела жизнь прожигать.

Ирдания одобрительно хмыкнула; старушка хлопнула ладонью по столу и засмеялась:

— Вефь в деда! Ну просто вылитый!..

— Да все Тогнары такие! — неожиданно поддержала тему Ирдания, облачиваясь круглым локтем на стол. — Вот даже странно, как это Картэс таким усидчивым оказался... сколько ему, за пятьдесят уже? А до сих пор не учудил ничего! — подивилась она спокойному нраву райтэновского отца.

— Ыть, погоди ефё, — успокоила её старушка. — Я их породу знаю! Ефё окажет фебя, кровь Рийаров, она такая! — резюмировала она с такой гордостью, как будто загадочные Рийары [1] и свойства их крови были её личным достижением.

Досадливо застонав, Райтэн спрятал лицо в ладони и оттуда взмолился:

— Вот давайте не про предков, а?

— В самом деле, — хлопнула ладонью по столу хозяйка, закрывая тему и возвращаясь к деловым вопросам: — Если не рудокопом... но ты ведь и в судебных делах не силён?

— В судебных? — хищно прищурился Райтэн. — А что именно требуется?

Смерив его скептическим взглядом, Ирдания поправила фиолетовую прядь и мрачно объяснила:

— Тяжба у меня. За землю.

— С пафынком, — охотно «сдала» её старушка.

— Неслабо, — удивился Райтэн.

Ирдания вот уже два года как вдовствовала, и все дела наследства вроде как должны были быть давно решены.

— Паршивец, — беззлобно махнула рукой куда-то в сторону окна она. — Хочет с меня за провоз по этой земле денег брать, вот и вцепился.

Райтэн пошуровал рукой в волосах, поймал взгляд Дерека и спросил:

— Ты же должен в этом смыслить, нет?

— Я? — искренне удивился Дерек.

Возведя глаза к потолку, Райтэн досадливо уточнил:

— Ты что же, разве не вертелся там при тяжбах такого рода? — «там», видимо, означало Ньон.

Сконфузившись, Дерек открестился:

— Но не я же решения принимал...

— Пф! — перебил его Райтэн. — Так и тут не тебе принимать. — Затем обернулся к Ирдании и с самым царским видом уведомил: — Мы подумаем, что можно сделать.

— Ну-ну, — насмешливо фыркнула та, но всё-таки достала из какого-то дальнего ящика карту своих владений и принялась деловито пояснять (Райтэн подтолкнул Дерека ближе с настойчивым: «Давай, смотри!»): — Вот здесь были мои земли, вот здесь — мужа, — очертила она. — Вот этот участок мне нужен, — ткнула она пальцем в какой-то вполне себе чёткий квадрат. — Но Грэн, паршивец, вцепился всеми зубами!

— А что за земля-то? — деловито поинтересовался Райтэн, что-то перечерчивая карандашиком в свой блокнот.

— Да пустырь! — махнула рукой Ирдания. — Так, копали там что-то, да так и не выкопали ничего толкового. Ни под огород не разбить, ни дорогу нормальную проложить из-за этих раскопок. Вэн там сперва золотую жилу искал, вот здесь-то есть, — ткнула она пальцем куда-то сильно в сторону. — Потом с углём загорелся, но тоже не срослось.

— А почему не срослось? — живо поинтересовался Райтэн, продолжая что-то бойко срисовывать.

— Да негоднящий какой-то, — пожала плечом Ирдания. — Дымил сильно, что ли? Я не вникала. Нараскапывал и бросил, а я теперь мучаюсь объездами.

— Мы посмотрим, — бодро резюмировал Райтэн и принялся откланиваться.

Дерек тоже пробормотал приличествующие случаю благодарности и двинулся за другом на выход.

Аккийр Рийар по прозвищу Прейвэр («храбрец») — легендарная личность и национальный герой Анджелии, живший примерно два столетия назад. В юности находился

в противостоянии с тогдашней официальной властью и ушёл пиратствовать, прославился своим робингудством. На отграбленные деньги построил Аньтье и несколько менее крупных населённых пунктов. После государственного переворота, произведённого его тестем со сподвижниками, покончил с пиратством и устроился на морскую службу, где быстро дослужился до адмирала. Мировую славу ему принесли морские победы над Либерией и Ньюном. Основная ветвь наследников по мужской линии до сих пор живёт в столице Анджелии и часто делает именно морскую карьеру; дочь же капитана Прейвэра вышла замуж за тогдашнего правителя Аньтье, и от них ведут свой род современные Тогнары.

3. Что стоит у истоков успеха?

На пути обратно Райтэн сказал, что нужно сделать крюк, чтобы осмотреть те самые спорные земли. Дереку намечающаяся авантюра казалась совершенно безумной: вот уж чего он точно не рассматривал в числе своих талантов, так это умение участвовать в судебных тяжбах! Некоторое время он недовольно бурчал себе под нос, потом всё-таки решил озвучить свою претензию:

— С чего ты взял, что я могу чем-то помочь госпоже Нинар?

Выдернутый из своих заоблачных размышлений Райтэн посмотрел на него удивлённо и уточнил:

— А что, при ньонском владыке тяжбы такого рода не решались?

Дерек нахмурился — что, впрочем, случалось с ним всегда, когда он вспомнил Ньон.

Конечно, те или иные судебные разбирательства так или иначе затрагивались на обсуждениях совета. Да и собственно высший судебный орган Ньона — совет князей — был костью в горле Грэхарда, поэтому Дерек не только наслушался всего и разного на эту тему, но и лично помогал готовить десятки интриг против этих самых князей, чтобы склонять их суд в ту сторону, которая нужна была владыке. В вопросах подтасовки фактов и документов, сговоре свидетелей, подкупе и шантаже судей Дерек волей-неволей разбирался. Что, с его точки зрения, не делало его знатоком судебной системы вообще.

— Я разве что документы готовил, — открестился он.

Райтэн насмешливо фыркнул:

— Так ведь тебя и не в судьи зовут. Как раз и надо все эти... документы, доказательства... да что там ещё? — он досадливо потёр лоб. — Я в этом деле полный ноль.

— Нужен сперва закон о наследовании, если таковой есть, — сухо начал перечислять Дерек. — И земельные кадастровые всякие регулировки, как у вас вообще земля делится? Разобраться, на что госпожа Нинар может претендовать по закону, и настаивать на этом. Собрать документы, свидетельства, расписки, заключения по вопросу от ответственных за дело чиновников. А если закон не на её стороне — искать обходные пути. Можно, например, в дорожном ведомстве заручиться поддержкой: мол, дороги такого плана должны быть бесплатными, — сходу предложил он.

Притормозив лошадь, Райтэн в недоумении уставился на друга в упор.

— Что? — не понял Дерек, тоже тормозя.

— Документы только, говоришь, готовил? — несколько сухо уточнил Райтэн.

— Ну, — смутился Дерек, запустив руку в волосы и раскололся: — У нас там бывали разногласия разного толка... Иногда было нужно придумать, как повлиять на суд, чтобы получить нужное решение.

Снова тронувшись в путь, Райтэн переспросил:

— И придумывал, значит, ты.

— Дело деликатное, — пожал плечами Дерек и тронул поводья, тоже продолжив движение. — Грэхард доверял мне.

Минуту они молчали, потом Райтэн очень холодно отметил:

— Нет, Дер, мозгов у тебя всё же нет.

Несмотря на некоторую привычность этой присказки, в этот раз тон и контекст Дерек задела.

— Чего это? — передёрнул плечом он весьма недружелюбно.

Закатив глаза, Райтэн пояснил:

— Я, конечно, обратил внимание на то, что ты весьма образован и умён, что было довольно странно для обстоятельств, в которых мы встретились. Но я и подумать не мог, — резко взмахнул он рукой с досады, — что ты был довольно плотно замешан в государственных делах самого высокого масштаба! Великое Пламя, Дер! Да тебе была прямая дорога в Парламент, тебя бы там с руками оторвали! — с ощутимым недовольством по поводу растрачивания талантов впустую заключил он.

Теперь уж Дерек затормозил, вынуждая и спутника встать.

— В Парламенте, — сухо и очень холодно отметил Дерек, — мне пришлось бы рассказать слишком много.

Сперва Райтэн недоуменно щурился; потом до него дошло.

— А-а! — протянул он, кивая сам себе и своим мыслям.

— Вот именно, — сложил руки на груди Дерек.

Похмурившись с минуту, они снова тронулись в путь.

— Всё равно, — упрямо вернулся к выражению своего недовольства Райтэн. — Пусть не Парламент. Но в любом городе ты мог бы претендовать на весьма высокую должность. А ты! — он горестно взмахнул рукой. — Носил подносы у Годэна! — в последнем возгласе драматизма хватило бы на три трагической гибели на сцене.

— Ты мне это до смерти припоминать будешь? — досадливо, но уже более дружелюбно фыркнул Дерек.

Райтэн явно собирался ответить, что да, именно так, потому что тупость такого рода, как прислуживание в постоялом дворе, является слишком выдающейся, чтоб забыть о ней, и даже рот уже раскрыл, но тут взгляд его упал на простирающийся вокруг пейзаж.

Они некоторое время уже ехали по спорному участку и добрались до тех самых раскопок, которые вызывали такое раздражение у Ирдания, потому что ощутимо мешали проезду.

Раскопки, и впрямь, представляли собой внушительный карьер, объехать который было не так-то быстро. Однако Райтэна привлекли в нём явно не размеры. Бодро соскочив наземь, он быстрым шагом стал спускаться по пологому откосу вглубь, туда, где чернели слоистые выступы угля.

Дерек решил подождать приятеля на месте, потому что в такого рода делах ничего не смыслил и интереса к раскопкам понять не мог.

Некоторое время пошлявшись по карьере и поковыряв его стены, Райтэн, в конце концов, вернулся. Лицо его было крайне сосредоточенно. Он хмурил брови, кусал губы, бегающие и невидящие глаза его явно выдавали бурную работу мысли. Постояв так у своей лошади, он, видимо, пришёл к какому-то решению и, кивнув, забрался в седло, после чего молча направился в объезд. Дерек поехал следом, ожидая, когда друг вынырнет из своих мыслей и поделится тем, что явно глубоко его беспокоило.

Они почти уже доехали обратно до города, когда Райтэн вдруг притормозил, обернулся на Дерек и сухо сказал:

— Дер, нужно из кожи вон вылезти, но Ирдания должна получить этот участок.

Пожав плечами, тот ответил довольно легкомысленно:

— Придумаем что-нибудь.

— Ты придумаешь, — уточнил Райтэн.

Дерек бросил на него вопросительный взгляд. Такое самоустранение из явно важного для него дела выглядело весьма странно.

Правильно расценив суть недоумения, Райтэн отстранёно помотал рукой в воздухе и пояснил:

— Я сегодня уезжаю.

Подробностей не последовало. Поскольку Дерек не мог предположить, с чем связано такое решение — в планах было вдвоём устраиваться в Брейлине — он уточнил:

— Куда?

— В Аньтье, — ровным счётом ничего не прояснил ответ, сказанный явно на автомате — мыслями Райтэн опять ушёл в неведомые дали.

— Зачем? — решил всё-таки выяснить суть дела Дерек, который начал уже ощутимо тревожиться странным поведением друга.

Тот не разочаровал, столь же отрешённо и автоматически выдав цель отъезда:

— Продавать лесопилку.

Дерек моргнул.

Нахмурился, пытаюсь понять, правильно ли расслышал.

Нахмурился сильнее, силясь уловить смысл интриги.

— Продавать твою лесопилку? — уточнил он, сильно выделив голосом слово «твою».

Райтэн только задумчиво кивнул, глядя куда-то внутрь себя.

— Тэн? — протянул Дерек, пытаюсь окликом привести его в чувство.

Это немного помогло; во всяком случае, взгляд Райтэна сфокусировался на собеседнике. Слегка нахмурившись — пытаюсь, видимо, включиться в разговор, — он всё же выдал более или менее разумные объяснения:

— Это каменный уголь, Дер, и он должен стать нашим.

Приподняв брови, Дерек уточнил свою задачу:

— Значит, нужно, чтобы участок получила госпожа Нинар?

— Непременно, Дер, — смерил его твёрдым прищуренным взглядом Райтэн и пояснил: — С Грэном я не договарюсь.

— Хорошо, — деланно беззаботно пожал плечами Дерек, пока толком не зная, во что именно ввязывается. — Устроим!

Райтэн довольно ухмыльнулся и снова тронулся в путь.

...на другой день Дерек отправился к госпоже Нинар уже в одиночку. Однако в этот раз после стука в дверь ждать пришлось куда как дольше: внутри зашебуршали, потом раздалось дребезжащее: «Иду!» — и через минуту ему отворила давешняя старушка. Узнав визитёра, она разулыбалась, заверила, что Ирди будет через час и пригласила в кухню.

— Ясный сегодня денёк, да? — уже привычно завёл разговор о погоде Дерек, заходя.

— Погодка фто надо! — довольно подтвердила бабуська, пытаюсь усадить гостя и начать вокруг него суетиться.

После недолгих, но весьма любезных препирательств, усадили старушку, а суетиться вокруг неё стал Дерек. Следующий час пролетел в весьма содержательной беседе, и, наконец, домой вернулась и хозяйка.

— Господин Анодар! — ничуть не удивилась она и одобрительно уточнила: — Предпочитаете решать дела на лету?

— Есть такое, — подтвердил немного смущённый Дерек и...

На четверть часа погрузился в изучение предложенного ему черновика трудового договора, в котором значилось, что Деркэн Анодар обязуется выполнить такие-то и такие-то работы, связанные с таким-то и таким-то судебным процессом, а Ирдания Нинар, в свою очередь, обязуется заплатить столько-то в такой-то срок.

Несмотря на бесчисленное количество подработок и целых две весьма постоянные работы, Дерек никогда не подписывал ничего подобного, поэтому даже почувствовал некоторое беспокойство на этот счёт. Он совершенно не знал, как должны быть составлены бумаги такого рода, рядом не было Райтэна, чтобы уточнить у него нюансы, и, что тревожило его более всего остального, — он опасался, что не сможет хорошо выполнить всё то, что обязуется выполнить. Нет, на предложенной бумаге оно вроде бы казалось ему вполне понятным, но кто знает-то?

Он ещё раз перечитал все пункты, но никаких вопросов по ним у него так и не возникло, поэтому он, слегка откашлявшись, отметил:

— Толково составлено.

Ирдания махнула рукой:

— Да я уж думала в столице кого подобрать, вот и подготовила. У нас-то тут... — она пробормотала что-то ругательное себе под нос и уже громче резюмировала: — Такие дела редкость, вот и умельцев нет.

Дерек про себя подумал, что столичного умельца точно никто дурить не стал бы — и подписал.

Тут же с новой силой проснулся страх: раз уж делом такого рода должен был заниматься настолько редкий специалист... да он же, как пить дать, всё испортит!

Стараясь отогнать подступающую панику, Дерек попробовал составить первичный план и высказаться по делу:

— Как у вас определяется наследование?

Ирдания коротко и по существу рассказала о нюансах этого дела. Оказалось, что претендентов на наследство покойного всего двое и есть: собственно супруга — и сын от первого брака. Были разные нюансы, которые точно закрепляли, что вот такое-то имущество следует сыну (например, основное поместье), а вот такое-то — Ирдания (поскольку было приобретено уже в браке и считалось общим). Всё остальное же не было регламентировано, и считалось, что наследники должны поделить его сами. Проблема была в том, что спорный участок одинаково интересовал обоих: Ирдания именно через него везла свою медь в порт, и именно поэтому Грэн хотел перекрыть эту короткую дорогу, чтобы брать с мачехи деньги за провоз.

Быстро освоившись в местных реалиях, Дерек бодро зашуршал предложенными ему бумагами и принялся строчить свои собственные записи, которые должны были помочь определиться со стратегией выступления в суде. В общем-то, дело не казалось ему слишком сложным. Из спорных частей наследства Ирдания была готова уступить пасынку всё остальное, а причина, по которой спорный надел нужно было отдать именно ей, была очевидна. Ну, то есть, она была очевидна для Ирдания и Дерека, а уж подкрепить эту очевидность бумагами...

Воодушевлённый Дерек, давно не участвующий в интеллектуальной работе такого уровня, неделю носился по Брейлину и окрестностям, собирая необходимые заключения, предписания и результаты экспертиз. Он решил сделать акцент на разделении сфер влияния между супругой и сыном ещё при жизни покойного. Если Грэн выступал как законный

наследник хозяйства — поместья с прилегающими к нему фермами — то Ирдания наравне с мужем участвовала в его торговых предприятиях. Собственно, они и знакомство-то свели на этой почве. Оба занимались добычей за склонах гор на границе с Джотандой, и если Ирдания добывала и продавала медь, то господин Нинар занимался оловом. Естественная выгода слияния их усилий — создание бронзы — привела их сперва к деловому сотрудничеству, а после и к браку.

Доказать, что спорный участок относится именно к этой сфере интересов, было несложно: ведь там, и в самом деле, одно время велись раскопки, пусть и неудачные. Да и дымящий уголь, конечно, нельзя было использовать в быту, а вот в промышленных целях выплавки — сколько угодно! Не составило большого труда собрать кучу бумажек, подтверждающих, что с точки зрения ведения сельского хозяйства участок никуда не годится, а вот в сферу интересов горнодобывающего предприятия он входит.

Поболтав часок с секретарём суда, Дерек выяснил все нюансы подобных споров, подготовил документы по полученным образцам — и подал иск.

Оставалось ждать, когда дело закрутится, и суд назначит дату разбора.

4. Как выиграть суд (не)честным путём?

Утро в день заседания выдалось ясное. Одета в честь такого важного события в тяжёлое бархатное платье Ирдания коротала время на складе в порту. Она прибыла сюда раненько, вместе с партией своей меди, и теперь активно проводила ревизию арендованных территорий. Заведующий только и успевал записывать в блокнот её многочисленные замечания. Часть из них она норовила претворить в жизнь прямо сейчас, не откладывая. Так, подоспевший Дерек застал её за попытками законопатить какую-то щель, через которую, как Ирдании казалось, может проникнуть влага. Вокруг неё услужливо суежилась пара рабочих, подавая то то, то это.

— А, это вы! — отвлеклась она от своего дела, приветствуя Дерек кивком, и пообещала: — Сейчас пойдём!

Расправившись с щелью, она строго напомнила заведующему:

— Сразу после отгрузки чтобы сзади тоже проверили! — кивая в сторону заставленной стены и скорым шагом отправляясь на выход.

Дерек еле поспевал за ней; она размашистой походкой пересекла припортовую площадь в один момент и углубилась в переулки, которые должны были привести к судебной башне.

Чем ближе они подходили, тем большую робость ощущал внутри себя Дерек. В горле что-то сдавливало от волнения; задача, за которую он взялся, стала казаться ему совершенно неподъёмной. И хотя фактически беспокоиться ему было не о чем — он блестяще подобрал и оформил необходимый набор документов — ему казалось слишком страшным подвести и Ирданию, и Райтэна, и из этого вот страха подвести рождалась неуверенность в своих силах.

Он попытался было обрести внутреннюю опору в воспоминаниях об опыте схожего рода, который ему приходилось пережить в Ньоне, но все более или менее похожие предприятия решительно отличались от нынешнего присутствием грозной и могучей фигуры ньонского владыки. Там и тогда Дерек никогда не был сам-по-себе-Дерек: за ним всегда маячил призрак мрачной физиономии Грэхарда, и, даже ежели бы правда была на стороне противника, либо же если бы он был искуснее в такого рода делах, это его не спасло бы. Перед Грэхардом все склоняли голову, а Дерек был его представителем, поэтому и ему противоречить не посмели бы.

Здесь и сейчас нужно было выступать самому, опираясь лишь на свой ум. А в своём уме Дерек никогда не был уверен, в первую очередь потому, что ситуаций, где ему приходилось бы опираться только на свой ум, в его жизни особо не было.

«Мозги, Дер!» — строго напомнил внутри его головы голос Райтэна, и это существенно приободрило.

«Тэн полагает, что мне это по плечу, — напомнил сам себе Дерек. — А Тэну в таких делах доверять можно!»

Сделанный вывод вселил ему некоторую уверенность в себя. Друг не всегда бывает рядом, чтобы поддержать в важный момент; но даже сама только мысль об этом друге может стать той самой необходимой поддержкой. Райтэн был далеко, но Дереку казалось, что здесь и сейчас он рядом.

Так что к судебной башне он подошёл во вполне себе боевом настроении.

Заседание было небольшим. По анжельской традиции, присутствовало три судьи — юноша в очках, строгая дама в летах и жизнерадостно улыбчивый старичок. Анжельцы

полагали, что для объективного решения дела его должны рассматривать люди разных полов и разных возрастных групп. Правда, во многих мелких городах — а тем более деревушках — набрать такую разношёрстную комиссию было совершенно невозможно, поэтому обходились тем, кто есть. Но Брейлин был крупным портом, так что вполне мог себе позволить полностью соответствовать.

Противником Ирдании и Дерека выступал тот самый сын покойного, Итгрэн Нинар, который явился на суд в сопровождении управляющего. Оба они выглядели весьма сухо и недовольно, но не казались взволнованными.

Секретарь суда бодро ввёл судей в суть дела — хотя присутствующие и так знали о затянувшемся конфликте и его причинах — и погрузился в составление протокола. Настал черёд Дерека заявить о своих аргументах.

Внутренне собравшись, он представил дело весьма чётко и основательно, своевременно подавая необходимые документы. Позиция «разделить наследство по принципу хозяйственное/горнопромышленное» вызвала одобрительные кивки судей и насмешливое кривление губ Итгрэна. Аргументы в пользу того, что спорный участок явно следует причислить к горнопромышленной сфере, тоже нашли у судей явно положительный отклик — а вот Итгрэн с управляющим переглянулись весьма недовольно. Собранная Дерекон коллекция экспертиз и рецензий не пришлась им по душе, однако сдаваться просто так они не собирались. К этому делу они готовили и свой набор аргументов, и он тоже вступил в ход.

Выслушав Дерека и изучив предложенные им бумаги, судьи покивали и поинтересовались позицией второй стороны.

Управляющий Итгрэна предложил всего один документ, на основании которого и выстраивал свою линию. Документ этот был завещанием отца покойного, и из него следовало, что, поскольку господин Нинар-старший в своё время унаследовал и поместье, и прилегающие к нему участки как единый надел, то и теперь делить его нет никаких оснований.

— Причины, по коим госпожа Нинар вздумала членить неделимое, нам совершенно неясны, — с некоторым даже укором сухо уведомил о своей позиции управляющий. — Никаких оснований полагать, что участок, на кой она претендует, выделяется из общей территории поместья, нет, а поместье, как вам прекрасно известно, наследует сын — продолжатель рода.

На Ирданию им был брошен взгляд даже несколько пренебрежительный — мол, и наследника не родила, а туда же!

Дерек тревожно нахмурился и встретился глазами с нанимательницей; та всем лицом протранслировала мысль: «Не понимаю, что за чушь он несёт!»

Когда управляющий закончил излагать свою позицию, Дерек снова взял слово и отметил, что спорный участок, безусловно, является отдельным участком, и это подтверждается самим фактом предложенных им экспертиз, которые рассматривают его как самостоятельный участок.

Управляющий не отступал. Он согласился, что в какой-то степени этот участок можно выделить, как и любые другие участки, для удобства управления ими и для удобства ведения кадастровых записей; но это не отменяет того факта, что спорный участок входит в единый надел, и покойный господин Нинар унаследовал этот надел от отца полностью, что подтверждает его внутреннюю неделимость.

После того, как все высказались, судьи вышли обсудить вопрос. Мнения их разделились.

Юноша в очках полагал, что правда на стороне Дерек, потому что ему показались весьма убедительными аргументы о разделении по принципу «что относится к хозяйству» и «что относится к горному делу». Жизнерадостный старик, напротив, был на стороне Итгрэна, но скорее по той причине, что когда-то знал его деда, и теперь хотел поддержать внука приятеля. Дама колебалась: с одной стороны, она чувствовала в себе потребность поддержать Ирданию, поскольку ей импонировало, что эта женщина так хорошо продвинулась в коммерческих делах, с другой — она опасалась, что её обвинят в женской солидарности и в том, что она поддерживает Ирданию чисто из идейных соображений.

В конце концов, старичок убедил юношу, что, раз в прошлый раз наследство шло как неделимое, то и теперь делить его не следует, а дама примкнула к большинству, и решение было вынесено в пользу Итгрэна.

Тот принял известие сухо, на лице его не отразилось торжества, скорее он демонстрировал выражение «вопрос и без того был предельно ясен».

Ирдания и Дерек, впрочем, не считали, что вопрос действительно настолько ясен, и хором затребовали апелляции.

Тут уж Итгрэн заметно скривился, пронзил мачеху неприязненным взглядом и, не прощаясь, ушёл. Вслед за ним посеменил и управляющий.

Оформив необходимые для подачи апелляции документы, Дерек и Ирдания вышли из судебной башни. И если первый безмолвно хмурился и просчитывал дальнейшие ходы, то последняя шумно сетовала на нерадивого пасынка — хотя тот уже давно скрылся в неведомых переулках и не мог ничего слышать — и несовершенства анжельской судебной системы в целом.

По происхождению Ирдания была нийкой, но вспоминала она об этом исключительно тогда, когда ей это было нужно.

— А что, — решился вмешаться в разговор Дерек, когда она сделала паузу в своём негодовании, — аргумент с неделимостью надела имеет место на самом деле?

Ирдания ответила ему раздражённым взглядом, и он торопливо пояснил:

— Просто нужно продумывать линию наших аргументов, а от чего отталкиваться-то? Если господин Нинар прав, нужна одна линия, если нет — другая.

Передёрнув плечами, Ирдания задумалась, нахмурилась и выдала свою точку зрения:

— Да дурь какая-то, вроде. Мне помнится, что межевые столбы там были, — имея в виду границу между интересующим её участком и территорией поместья.

Поскольку всё это в целом принадлежало её супругу, она никогда особо не обращала внимания на такие мелочи.

— Ну, это проверить просто! — повеселел Дерек.

...спустя час они бродили по территории спорного участка в поисках межевых столбов.

Те упрямо отказывались находиться.

Дело и в целом-то было непростым. Если когда-то естественная граница такого рода и существовала, то проходила она по кромке леса, окружавшего поместье. Приближаясь к предгорью, лес этот редел, спускался в кустарник и, в конце концов, сходил на нет. Межевые столбы, если они когда и были, могли прочно затеряться как в кустарнике, так и среди деревьев.

Проваландавшись до сумерек, наши искатели были вынуждены признать, что начали не с того.

— Надо было посмотреть в кадастровом архиве, — досадливо пнув какой-то булыжник, вынесла вердикт Ирдания.

— У вас есть кадастровый архив? — удивлённо переспросил Дерек, потирая уголки глаз: так долго вглядываться в рябь между деревьями и кустами оказалось утомительно.

Он, конечно, обращался в канцелярию землевладения, когда оформлял свои экспертизы, но никакого архива при ней не видел — все учреждения такого рода теснились в ратуше и представляли собой каморки весьма крохотные.

Неуверенно поведя полным плечом, Ирдания подтвердила:

— Есть... — но в голосе её слышалось явно сомнение.

Причины этого сомнения стали ясны Дереку на следующий день, когда они таки явились в этот самый архив.

Находился он в пригороде, и со стороны совсем не выглядел административным учреждением. Ветхий и тёмный домишко — огня в нём не зажигали принципиально из опасений перед пожаром — в котором у забранного решёткой окошка столь же ветхий старичок разыгрывал сам с собой шахматные дебюты. У ног старичка дремал сторожевой пёс — тоже ветхий и понурый.

— Кхе-кхе! — решительно привлекла внимание старичка к себе Ирдания, выкладывая на его стол свой документ. — Будьте добры, информацию по земельным участкам Драйвэна Нинара.

Старичок, подслеповато щурясь, поднёс её документ к глазам, поворачивая притом к свету.

— Супружница? — прожамкал он, бросая на Ирданию острый взгляд.

— Да, — коротко подтвердила та.

Неодобрительно покачав бровями, старичок с кряхтением встал, удалился в соседнюю комнату и вскоре вернулся оттуда с коробом, полным папок. Снова поглядев на визитёров недовольно — мол, отвлекли серьёзного человека по такой ерунде! — он принялся копаться в своём коробе.

Эта медлительность заметно раздражала Ирданию; она то складывала руки на груди, то опускала, то щёлкала пальцами в воздухе, то стучала ими по стене. Дерек ещё в самом начале дела прислонился к стене, и так и стоял там в расслабленной позе, слегка прижмуриваясь и думая о чём-то своём.

Старичок, меж тем, доставал из короба каждую папку и долго вглядывался в надписи на её корешке. Наконец, найдя нужную, он принялся тем же макаром перебирать каждый документ в ней. Скрюченными артритом пальцами он доставал лист, поворачивал его к свету, щурился, шевелил губами, вчитываясь, откладывая обратно — некоторое время тряс его в попытках впихнуть на место — и добирался до следующего.

Ирдания заметно зверела; Дерек что-то почти беззвучно напевал, кажется, на даркийском.

— А! — наконец, торжествующе изрёк старичок и ткнул пальцем в Ирданию. — Дак ведь он умер!

— Умер, — с некоторым недоумением согласилась она.

— Предоставьте документ о наследовании! — ликующе затребовал старичок.

Ирдания закатила глаза:

— Нам для того и нужны кадастровые документы, чтобы решить дело о наследстве.

Но тот аж затрясся весь и, даже брызгая от эмоций слюной, возвестил:

— Документы такого рода мы можем предоставить только наследнику! Нет документа о наследовании — нет кадастровых документов! — и скрючил пальцы в фигу.

Ирдания часто заморгала и покраснела от гнева.

— Да я... — сделала она было шаг вперёд, но внезапно её остановил Дерек.

Мягко отстранив свою нанимательницу, он вышел вперёд и вполне дружелюбным, извиняющимся таким тоном отметил:

— Простите, что потратили ваше время, господин... — интонацией предложил он представиться.

— Конгар, — хмуро отрекомендовался тот.

— Господин Конгар, — наклонил голову в знак приветствия Дерек и мягко остановил его трясущиеся руки, которыми он пытался впихнуть папку на её место в коробе. — Мы не знали таких тонкостей и сожалеем, что потратили ваше время впустую, — он аккуратно задвинул папку и перехватил короб поудобнее, — позвольте вам помочь, — и передал короб Ирдании до того, как старичок успел опомниться.

— Ужасно сожалеем! — участливо подхватила Ирдания и короб, и игру, и удалилась туда, откуда старичок свои бумаги приволок.

Тот было нахмурился, но Дерек не оставил ему шансов задуматься.

— Джотандская манера? — поинтересовался он будто между прочим, кивая на шахматную доску.

Старичок смерил его недоверчивым взглядом, прищурился и со скепсисом в голосе поинтересовался:

— Смыслишь в шахматах?

— Немного, господин Конгар, — вежливо кивнул Дерек и придвинул себе стул для посетителей. — Проэкзаменуете меня?

Пожевав губами, старичок торжественно кивнул.

За игрой он совершенно не заметил, что Ирдания относила короб на место слишком уж долго — да и вовсе не отметил момент, когда она вернулась. Вот Дерек, конечно, этого не пропустил; они обменялись понимающими кивками, и дебют пришлось срочно сворачивать.

— Мозги неплохие, — через минуту прошамкал старичок, ставя мат, — но невнимательность, юноша! Так прошляпить ферзя!

— Увы, — покаянно согласился Дерек, — но благодарю за урок!

Старичок махнул рукой.

Выйдя, заговорщики некоторое время шли молча, и, лишь когда они удалились на приличное расстояние, Дерек поинтересовался:

— Ну?

Ирдания медленно вытащила из декольте уворованный документ:

— Отдельный участок, как мы и говорили. И межевые столбы должны быть.

Дерек взял документ, остановился и вчитался, покивал своим мыслям и отметил:

— Главное, чтобы в суде не заинтересовались, откуда мы его взяли.

Ирдания пренебрежительно фыркнула. Её такие вопросы не заботили вовсе. Какая разница, где и как взяли, если правда на их стороне?

5. В чём суть партнёрства?

Право, удивительным количеством как нужных, так и совершенно бесполезных вещей умудряется обзавестись деятельный человек, прожив в каком-то месте пять лет!

Райтэн с глубоким недоумением пытался хоть как-то собрать — записи, инструменты, расходники для каких-то опытов, шкатулки с мелочёвкой и фурнитурой, образцы минералов, каталоги тканей, ещё какую-то дребедень, — и решить, что со всем этим, безусловно, ценным добром делать.

По итогу он сгрузил целую подводу барахла — толком и сам не зная, пригодится ли ему когда-нибудь вон тот тигель или вот этот деревянный штангенциркуль — но совершенно не имея сил просто выкинуть это или оставить новому владельцу.

Наблюдавший за его метаниями Верт — начальник цеха — в конце концов, хмуро поинтересовался:

— Что, так и господин Анодар, стало быть, уже не вернётся?

— Стало быть, — рассеянно кивнул Райтэн, пытаясь раскидать каждый свой нож в свои ножны или чехлы, но, почему-то, никак не справляясь с тем, чтобы верно собрать их. Возможно, дело осложнялось тем, что часть ножей давно сломалась, а вот ножны к ним остались, а часть чехлов, напротив, давно затерялась.

Помявшись немного за его спиной, Верт, всё же, решился продолжить разговор:

— Неловко было бы вас просить, господин Тогнар...

— Что? — удивлённо поднял голову Райтэн, оборачиваясь к уже бывшему подчинённому.

Тот непривычно неуверенным жестом мям мозолистыми крепкими руками фартук. Лицо Райтэна отразило всю глубину его недовольства какими-то проволочками.

— Мы... это... — переступая с ноги на ногу, махнул рукой куда-то в сторону цеха Верт. — И вот... Может, не сочтёте за труд...

— Ближе к делу, Верт, — холодно потребовал Райтэн, раздражаясь всё сильнее.

Со вздохом тот собрался и выдал:

— Мы с ребятами, это, подарок хотели господину Анодару сделать... но, коли он, стало быть, не вернётся...

— Передать подарок? — выпрямляясь, переспросил Райтэн с таким глубоким чувством оскорблённого достоинства, что только круглый идиот не увидел бы за его переспросом подтекста «в каком это месте я похож на почтальона, по-вашему?»

Верт глупцом не был, смысл подтекста уловил верно и тут же принялся суетливо кланяться и извиняться.

Райтэн нахмурился.

В голове его шла трудная работа мысли.

«А Деру ведь, наверно, это было бы важно», — с ядрёной смесью недоумения, сожаления, негодования, ревности и досады подумал он.

— Неси, — через губу велел он и пояснил: — Передам.

Мгновенно разулыбавшийся Верт снова закланялся, выскользнул в цех и вскоре вернулся, бережно неся в руках большую деревянную кружку с тщательно выполненной резьбой.

К резьбе, в той или иной мере, приложили руку все работники. Хотя художественным

вкусом они не обладали, но попытка изобразить подвиг Дерек в виде изгнания степного волка факелом им почти удалась: голова волка и факел были вполне узнаваемы.

Райтэн сморгнул, пытаясь осознать, что именно он сейчас видит. Ему кружка показалась в высшей степени нелепой.

«Деру бы точно это было важно», — мысленно вздохнул он и с самым серьёзным выражением лица принял дар и заверил, что доставит в цельности и сохранности.

Не то чтобы Райтэн совсем не считал своих бывших работников за людей; но точно не видел в них равных, поэтому сборы своих вещей его интересовали куда больше, чем возможность попрощаться — да и не собирался он ни с кем из них прощаться. Но с некоторой досадой ему припомнилось, что Дерек как-то умудрялся со всеми поддерживать отношения довольно приятельские и даже, впрямь, обмениваться какими-то подарками!

Так что кружку он упаковал с большим тщанием и отдельно — потому что всё своё добро планировал пока оставить в Аньтье, арендовав у одного знакомого часть чердака.

Однако обойтись одними лишь делами коммерческими в этот свой визит в родной город было решительно невозможно.

Требовалось ещё пойти и признаться отцу в содеянном: так, мол, и так, пристроил сестру в университет.

От перспективы этого объяснения у Райтэна сводило зубы всю дорогу из Брейлина. Он чувствовал за собой вину и злился на это, он полагал, что отец его имеет полное право гневаться, а ему теперь остаётся лишь с достоинством принять этот гнев, — и более всего в этом ему досаждало, что он не понимал блажь сестры и не считал её идею здоровой.

И всё же он эту блажь поддержал и дал ей ход; и ответ за это ему теперь и держать.

В общем, в кабинет отца он явился с физиономией самой мрачной.

Правитель Аньтье был немало удивлён чести видеть своего старшего отпрыска второй раз за одно лето, но выражение лица считал в первую же секунду.

— А, душно сегодня, правда? — любезно поинтересовался он, вставая и открывая шире и так распахнутое окно. — Никак себе места не найти!

— Душно, — мрачно согласился Райтэн, тяжело устраиваясь на стуле для посетителей. — Того и гляди, гроза разразится.

— Даже так? — удивлённо приподнял брови правитель, вернулся в своё кресло, опёрся локтями на стол, положил подбородок на сложенные ладони и устремил на сына приглашающий к диалогу взгляд.

Взгляда этого Райтэн не выдержал: отвёл глаза и через силу признался:

— Я... сделал кое-что... за что ты, определённо, будешь мною недоволен, и весьма, полагаю.

Лицо отца вытянулось. Он распрямылся и сделал приглашающий жест рукой.

— Я... — Райтэн в бессилии потёр лицо, спрятал его ненадолго в ладонях, затем опустил руки, волевым усилием заставив их лежать ровно, задрал подбородок и куда-то в потолок искусственным ровным голосом сообщил: — Я подтвердил Кайтэнь разрешение обучаться в университете Кармидера. На врача.

Повисла весьма тягостная тишина. Райтэн разглядывал потолок, старший Тогнар смотрел куда-то в пустоту.

— А! — наконец, прокомментировал он.

Райтэн раздражённо дёрнул плечом и уставился куда-то в карту на стене.

— А! — повторил старший Тогнар, вставая и отходя к окну. Рука его, которую он

положил на раму, ощутило дрожала, но Райтэн этого не видел, поскольку смотрел в противоположном направлении.

Молчание длилось минуты три.

— Скажи, — раздался непривычно сдавленный голос от окна, — я действительно настолько дурной отец, что все вы только и мечтаете сбежать от меня?

Райтэн вскочил, в изумлении разглядывая выделяющуюся на фоне солнечного окна сгорбленную спину.

— Нет, — тихо воспротивился он, раскачивая головой, и повторил громче: — Нет!

А отец продолжал всё тем же сдавленным тоном:

— Сперва ты, теперь Тэнь... а может, и Кэн?... — голос его дрогнул и прервался, но он овладел собой и продолжил: — Я же даже не знаю... не знал... — он повернулся, облокотившись руками назад, на подоконник, и растерянно признался: — Я даже не знал... что врачом...

Он выглядел непривычно потерянным.

— Мы просто... боимся разочаровать тебя, — глухо объяснился Райтэн.

Вполне овладев собой, правитель Аньтье вернулся на своё место, сел — опустил на стул и Райтэн — поднял серьёзный взгляд и тихо отметил:

— Ты никогда не разочаруешь меня, Тэн. Никогда.

С минуту стояло молчание.

— Я только на днях понял это, — неожиданно признался Райтэн.

«Ты всегда будешь моим другом» — бились в его голове слова, сказанные Дерекком так просто и спокойно, будто для него само собой разумелось, что Райтэн никогда и не сможет вытворить нечто столь невообразимое, чтобы это могло разрушить их дружбу.

Возможно, всю жизнь Райтэну не хватало именно этой спокойной уверенности в нём.

— На врача, значит... — задумчиво пробормотал правитель Аньтье.

Тэнь никогда не афишировала свой интерес, и он всегда полагал, что у неё нет других желаний, кроме как присущих всем юным барышням — мечты о любви, своём доме и семейном счастье. Вопреки опасениям самой Тэнь, нестись в Кармидер и гневно утаскивать её обратно домой он не собирался. Его, конечно, весьма ошеломила и потрясла ситуация в целом, и ему, однозначно, требовалось время, чтобы осознать и принять выбор дочери, но пустое тиранство никогда не было ему свойственно. Он по натуре был человеком довольно жёстким, авторитарным и требовательным, но детей своих искренне любил.

— Имеет ли смысл спрашивать, как дела у тебя? — наконец, закончил он с размышлениями и сменил тему.

Райтэн повёл плечом. Он слишком долго готовился к этому разговору и представлял его совсем иным, и спокойный ровный тон собеседника значительно смутил его. В голове его уже были выстроены длинные монологи в защиту Тэнь и её выбора, и он был готов к тяжёлой битве за будущее сестры.

То, что битвы не было, обескураживало.

И отчего-то несло успокоение: словно ты годами проскакивал мимо тёмного чулана в уверенности, что там прячутся самые ужасающие воображение монстры... но потом необходимость вынудила тебя всё же заглянуть — и обнаружилось, что никаких монстров нет.

— Я, — неожиданно для отца разоткровенничался он, — задумал одно рискованное

коммерческое предприятие в Брейлине.

Откинувшись на спинку кресла, старший Тогнар постарался скрыть следы удивления на своём лице — обычно сын не баловал его подробностями такого рода — и отметил лишь:

— А! Так вот к чему ты продал своё сокровище, — имея в виду ту самую весьма дорогую сердцу Райтэна лесопилку.

— Уже донесли? — краешком губы усмехнулся тот.

Возведя глаза к потолку, отец поделился:

— За последние два дня три десятка знакомых начали разговор со мной с вопроса, знаю ли я, что некий Райтэн Тогнар продал лесопилку и подался в бега.

— В бега? — удивился тот. — Вот так бурное воображение!

Они понимающе поусмехались.

...в Брейлин Райтэн вернулся тогда, когда Дерек уже весьма сильно заволновался. Путь туда и обратно и собственно продажа заняли слишком много времени — больше двух месяцев. За это время Дерек успел и завязать кучу знакомств, и схватиться за пару подработок, и по рекомендации Ирдании устроить несколько бумаговолоконитных дел, и подружиться с тем самым старичком из архива — на почве общей любви к шахматам — и даже выиграть ту самую апелляцию, и подбросить выкраденный документ обратно, и измаяться вконец, и уже было решить самому махнуть в Аньтэ, разыскивать друга.

Выслушав яркий и эмоциональный рассказ обо всём этом и ещё сверх, Райтэн, не улыбаясь, рассиялся всем лицом.

— Я в тебе и не сомневался! — с гордостью отметил он судебную победу и вспомнил о своих делах: — Тебе тут передали...

На свет божий была извлечена подаренная кружка. Дерек ахнул, схватил её и принялся разглядывать так и сяк, поворачивая к солнцу тот или иной бок.

— Да они всем цехом мастерили! — с глубоким восторгом заявил он. — Смотри, даже Киртэн руку приложил!

— Киртэн? — удивлённо переспросил Райтэн, пытаясь понять, как можно по резьбе определить, кто её делал.

Дерек залиvisto рассмеялся:

— Да он же один из них писать умеет, кто бы ещё такие буквы справил? — ткнул он пальцем в собственное имя, которое, и в самом деле, гордо украшало бок кружки и даже было обведено чем-то, долженствующим изображать солнечные лучи.

Райтэн моргнул.

— Как они там? — меж тем, засыпал его вопросами Дерек, продолжая разглядывать резные богатства и улыбаться какому-то одному ему понятному узнаванию. — Что у Верта сын, женился? Его Лэнь всё отшивала и отшивала, но, вроде, дело на лад шло?..

Тут он поднял глаза и отметил весьма глубокое недоумение на лице собеседника.

— А! — досадливо хлопнул он себя по лбу. — Ты же не спрашивал, да? — скорее утвердил, чем переспросил. — Прости, не подумал.

— Не спрашивал, да, — немного смущённо откашлялся Райтэн, удивляясь тому, как это вообще люди умудряются помнить такие детали друг о друге, да ещё и выяснять их при всяком случае, зачастую более чем неудобном для такого рода выяснений.

Он сам-то, по совести сказать, не знал даже и того, что у Верта есть сын, не говоря уж о матримониальных проблемах, с ним связанных.

— Ну, славно! — нагледевшись, наконец, Дерек отложил подарок и уточнил, устремляя

взгляд на друга: — Теперь-то ты расскажешь, что за гениальный план мы претворяем в жизнь?

Райтэн выгнул бровь и тоном «это само собой разумеется, и как ты умудрился ещё не догадаться?» ответил:

— Идём выкупать участок у Ирди, конечно.

Дерек приподнял брови и удивился:

— А с чего ей нам его продавать?

— Ну, вот сейчас и посмотрим! — хлопнул в ладоши Райтэн и устремился на выход. Дерек, естественно, не отставал.

...спустя пару часов отловленная у себя на рудниках Ирдания недовольно поджимала губы и выслушивала невероятно выгодное предложение, которое Райтэн высказывал весьма толково.

— И, конечно, совершенно бесплатный проезд! — клятвенно заверил он, тыкая пальцем в соответствующее место в заранее подготовленном документе.

Ирдания хмурилась, вчитывалась, шевелила губами и ничего не понимала.

— Тогнар, — наконец, вынесла вердикт она, — ты что за мутную воду мне льёшь? Нутром чую, что надуть хочешь.

Райтэн всем своим подвижным лицом выразил глубину оскорблённости подобным предположением.

Сощурившись, Ирдания произвела в своей голове нехитрые расчёты, суть которых сводилась к тому, как можно использовать многострадальный участок и зачем он затребовался собеседнику. Собственно, вариантов было исчезающе мало, поэтому ей потребовалось всего несколько секунд, чтобы сделать вывод:

— И как и, главное, кому ты собираешься сбывать этот дымящийся мусор?

Райтэн скривился и изобразил огорчение тем, что его мысли так легко угадываются.

Ирдания сложила свои полные руки на груди и тоном деланно недовольным возвестила:

— Вот уж! Так и продала! Не дура! — и постучала себя пальцем по лбу. — Сама продавать буду!

Хмыкнув, Райтэн тоже сложил руки на груди и невинно уточнил:

— И кому, а главное — как — ты собираешься сбывать этот дымящийся, как ты верно заметила, мусор?

— Не глупее иных! — беззубо огрызнулась та, поскольку, действительно, ровным счётом ничего не смыслила ни в добыче каменного угля вообще, ни в его дальнейшей обработке — в её полезных связях профессора Кармидерского университета, весьма просвещённые в химии, не значились.

Они с минуту помолчали, осмысляя патовое положение, в котором оказались.

— Торгуемся — или по делу? — наконец, уточнил Райтэн.

Весёлое лицо Ирдании было лучшим ответом: торговаться она, конечно, умела, но в характере её было приступить к любому делу прямо и безотлагательно.

Тяжело и показательно вздохнув, Райтэн спрятал за пазуху первую бумагу и вытащил другую.

— Ну вот, иное дело, — довольно проворчала Ирдания, когда вместо документа о купле-продаже получила договор о партнёрстве.

— Попробовать-то стоило, — через губу сообщил Райтэн.

Вчитываясь в документ, она отмахнулась:

— У меня, Тогнар, мозги на месте, — и недовольно ткнула пальцем: — И мои мозги говорят, что за такой мизерный процент я точно в этом участвовать откажусь.

Райтэн выгнул бровь и парировал:

— Помилосердствуй, женщина! У меня мозги тоже покудова на месте. Ты знать не знаешь, как извлечь из своего участка выгоду, и едва ли найдёшь человека, который тебе в этом поможет. Без меня ты не получишь вообще ничего, поэтому цифра окончательна.

— Попробовать-то стоило, — хмыкнула Ирдания и жестом пригласила их следовать за собой, в небольшой домишко, где у неё был письменный уголок.

Там она ещё раз внимательно перечитала документ, похмыкала отдельным пунктам и, наконец, подписала, после чего передала бумагу и перо Дереку.

— Эм? — не понял тот.

Надо сказать, что за всей предыдущей беседой он наблюдал с большим удовольствием, поскольку и мимика Райтэна, и манера Ирдании со стороны смотрелись весьма любопытно. В чём суть дела он тоже, в общем-то, разобрался, и теперь не мог понять, как к этому делу относится он — свидетель, что ли?

— Да всё толково составлено, — махнула рукой на его удивление Ирдания и отвлеклась на сунувшегося в дверь с каким-то сообщением рабочего.

Райтэн, закатив глаза в своём излюбленном «Великое Пламя, с каким идиотом свела меня жизнь!» стиле соизволил ткнуть пальцем в нужное место и буркнуть:

— Подписывай.

Нахмурившись, Дерек вчитался в бумагу и со всё возрастающим недоумением обнаружил, что числится там как соучредитель.

— Тэн!.. — возразил было он, но не успел и слова сказать, потому что друг несколько нервно огляделся на занятую разговором Ирданию и попросил:

— Просто подпиши, ладно?

Выразив недоумение всем своим видом, Дерек подписал.

Как и ещё две копии, заблаговременно подготовленные Райтэном ещё в Аньтье.

Распровавшись с занятой хозяйкой, которая тут же умчалась по своим делам, они направились обратно в город.

Покачиваясь в седле, Дерек принялся изучать свой экземпляр договора и с удивлением обнаружил, что играет в нём не последнюю роль — в отличие от той же Ирдании, упоминание которой сводилось к выплате процентов с прибыли и в праве на бесплатный проезд и провоз. Некий же господин Деркэн Анодар выступал в этом договоре полноценным совладельцем предприятия, и процент с прибыли ему предлагался такой же, как и самому Райтэну.

С точки зрения Дерекы, такое положение вещей выглядело даже не покровительством уже, а каким-то... иждивением, вот!

— Тэ-эн? — весьма холодно протянул он, сдерживая подступающий к горлу гнев.

— Великое Пламя! — закатил глаза тот, поняв, что скандала избежать не выйдет. — Мозги включи, Дер!

— Включаю, — зло процедил он. — С госпожой Нинар всё ясно, это её земля. С тобой всё ясно, ты вкладываешь свои деньги во всё это. А я у тебя что за бедный родственник получаюсь?!

— Бедный... родственник? — переспросил Райтэн, останавливая коня. Уголки его губ

еле заметно дрожали.

Он сдерживал смех столь явно, что Дерек тоже остановился, возвёл глаза к небу и разрешил:

— Ну уж отсмейся сперва, потом отвечай.

Райтэн не то что засмеялся — заржал так заразительно, что гнев Дерека невольно поугас, и он поймал себя на том, что вынужден прилагать усилия, чтобы сдержать просящуюся наружу улыбку.

Наконец, покончив с весельем, Райтэн снова тронулся в путь и принялся размеренно объяснять:

— Посуди сам, Дер. Ты мои способности в плане общения сам знаешь, — тот усмехнулся, поскольку способности эти следовало назвать скорее уж антиталантами, — а дело, в которое мы ввязываемся, предполагает просто тонну именно общения!

— С лесопилкой тебе это не мешало, — разумно возразил Дерек.

— На лесопилке я приказывал, — выделил голосом Райтэн, — а они выполняли. И если выполняли плохо — я нанимал других. А тут, как ты понимаешь, нам нужно найти подход... к тем, кто будет у нас покупать.

— В смысле? — заинтересовался Дерек, наклонив голову набок и прищурившись.

— В смысле! — Райтэн махнул рукой. — Ты же помнишь, они все какие-то мифические идиоты без мозгов! — горько воскликнул он. — Еду им, видите ли, отравит! Детей, видите ли, сглазит! Женщины рожать перестанут, если дымом надышатся!

Дерек покивал, узнавая монолог, который уже слышал однажды — на судне Этрэна.

— А теперь представь, — распалялся всё больше Райтэн, — что я весь такой прекрасный приду к такому индюку слабоумному и начну ему объяснять, что каменный уголь ничем не уступает древесному, а где-то и получше будет! А он мне в ответ ляпнет какую-нибудь дурь про отравление еды!

Дерек присвистнул. Перед внутренним взором его встала картина, в которой Райтэн в лучшем случае в лицо называет оппонента дебилом, а в худшем — так и вовсе запускает в него кружкой какой-нибудь.

— Но ты, Дер, — резко повернулся к нему Райтэн, — ты — совсем другое дело. Я не знаю, как у тебя это получается, но ты за четверть часа, разговаривая не о погоде даже, а о каких-то несущках на заднем дворе или цацках, которые нынче в моде у дам, умудряешься влезть человеку в душу и всячески расположить его к тому, что ты говоришь.

В смущении Дерек запустил руку в волосы и полохматил их хорошенько. Возразить было нечего: с людьми он сходилась легко и просто.

— И теперь представь, — продолжил развивать тему Райтэн, — какая в этом безумная разница! Если за дело возьмусь я — да вся страна возненавидит каменный уголь, причём, спорим, мне и года не потребуется на этот сомнительный подвиг? — Дерек смущенно улыбнулся, признавая, что возразить тут нечего. — А вот если, — вырулил Райтэн на добивающий финал, — этим заниматься будешь ты — у нас отбою от покупателей не будет. Вот и выходит, — выпрямившись в седле, он гордо и холодно резюмировал: — Что без моих денег, что без твоего таланта дело не выгорит.

— О! — только и смог отреагировать Дерек.

...вскоре они достигли того самого карьера, который уже осматривали однажды.

У них не было рабочих. У них не было необходимых для такого дела строений. Райтэн

пока даже близко не представлял, как наладить коксование в промышленных масштабах — все его личные опыты такого свойства были весьма скромными. Дерек вообще ничего не понимал в самом деле.

Но Дерек был безусловно уверен, что Райтэн сумеет разрешить все технические вопросы, а Райтэн был столь же безусловно уверен, что Дерек сумеет разрешить все вопросы по поиску покупателей и сбыту.

Они были молоды, они верили в собственные силы и были готовы работать — и, наверное, это и было главным.

Книга вторая. Болотные ловушки. I. Дом. 1. С чего начинается переезд?

Книга вторая. Болотные ловушки

I. Дом

641 год, лето. Брейлин — Кармидер

Eres

El que te lleva a donde tú quieres,

Lo que decides es lo que tienes,

Qué no te importe lo que te digan

¡Vive tu vida!

Carlos Rivera, «Амо ми locura» [1]

1. С чего начинается переезд?

— Дер, мать твою!..

Райтэн, скривившись, попытался стереть со лба белое пятно извести.

Со лбом затея удалась, с волосами — не очень.

— А я говорила — надень шляпу! — авторитетно отозвалась из угла девушка в широкополой соломенной шляпе. На той, в самом деле, виднелись следы побелки и другого мусора.

— Ну извини! Нечего стоять прямо подо мной! — пропыхтел из-под потолка Дерек.

Он, балансируя на обычной деревянной прикладной лестнице, красил потолок, пытаясь зачёрпывать извёстку из посуды, которая стояла на полке. Тянуться было далеко и неудобно, но слезать с лесенки каждый раз, чтобы обмакнуть кисть, было лень.

— Не помогаешь — так хоть не мешай! — поддержала Дерекка девушка.

Встав от своего дела — она что-то мудрила с новенькими льняными занавесками — она подошла, схватила посудину и встала так, чтобы Дереку было удобнее. Взгляд, который она при этом бросила на Райтэна, был самым что на есть укоризненным. Того, впрочем, не проняло. Сложив руки на груди, он через губу спросил:

— И в каком это месте я похож на ремонтного рабочего?

Девушка закатила глаза.

Из другой комнаты раздалось басовитое:

— В том, в каком ты изъявил желание помочь другу с переездом.

Райтэн скривился: крыть было нечем.

— Иди лучше помоги, — продолжил, меж тем, бас. — Мне тут нужно петли ровно вымереть!

Проглотив требование сделать памятную гравировку о том, что петли в этом доме выравнивал сам Райтэн Тогнар лично, Райтэн таки отправился помогать. Ведь и в самом деле — сам изъявил желание!

Дело-то было нешуточное: Дерек, наконец, приобрёл свой собственный дом!

В Брейлине он сперва снимал комнатушку, потом, когда дела пошли на лад, перебрался во времянку у карьера, позже на месте времянки возвели неплохую такую домину, совмещающую барак для рабочих, склад и кабинет... И если сперва вся прибыль до монетки уходила на обустройство карьера, устройство помещений и найм, перевозки, аренду склада, жалование охране... То позже стало получаться кой-какие суммы откладывать, и вот, всего два года спустя Дерек смог приобрести собственный дом в пригороде Брейлина. В пригороде — потому что очень удобно, недалеко от склада и по дороге к карьере.

Сам Райтэн жилищем обзаводиться не был намерен. Последние годы он постоянно проводил в разъездах и жил на три города: в Брейлине его держало каменноугольное предприятие, в Кармидере он приглядывал за сестрой и помогал другу-профессору в одном проекте, а в Аньтье...

В Аньтье начала сбываться его давняя мечта: строительство лёгких кораблей. Дело сдвинулось с мёртвой точки в тот момент, когда Райтэн всё же изволил проглотить свою гордость и обратиться за помощью к отцу. Чтобы организовать это достойное восхваления в легендах дело, Дереку понадобилось полгода дипломатических изысков, лейтмотивом которых было: «Ну ты и так уже давно всем всё доказал!» Поскольку лейтмотив этот, подкрепляемый каждый раз новыми аргументами, всплывал чуть ли ни раз в неделю, в какой-то момент Райтэн, сам того не заметив, сжился с мыслью, что, и в самом деле, давно всем всё доказал. И что он весь такой самостоятельный, и что сам всего может добиться, и что не нуждается в покровительстве и подачках, и что...

— В конце концов, это же партнёрство, Тэн! — добил его однажды Дерек, вернув другу его собственные аргументы. — Разве Аньтье не является судостроительным городом и не нуждается в толковых инженерах для реализации строительства нового типа судов?

Райтэн так удивился, что целый день потом проходил молча, вращая безумными невидящими глазами и ведя мысленные страстные монологи.

Осмыслял смену парадигмы, в которой «богатый и влиятельный отец продвигает своего никчёмного сыночка» сдвинулось в сторону «дальновидный правитель нанимает талантливое инженерное дело».

Эта новая схема оказалась столь ошеломительной, что Райтэн, недолго думая, сорвался с места и поехал брать быка за рога. Что ему с успехом и удалось. К слову, некий друг семьи, ушлый и хваткий купец Этрэн Дранкар, конечно, не мог остаться в стороне и частично профинансировал это предприятие, поскольку имел далеко идущие планы как на сами суда, так и на их дальнейшую продажу.

Таким образом, дело с каменным углём почти полностью легло на плечи Дерек — что, в общем-то, пошло последнему только на пользу.

В кои-то веки он применял свои организаторские таланты по своему собственному разумению — и выходило у него это, признаться, прекрасно. Быстро привыкнув к тому, что оглядываться теперь не на кого и решения нужно принимать самому, Дерек довольно скоро обзавёлся качеством, которого ему существенно недоставало ранее — уверенностью в себе. И это качество, в числе прочего, произвело некоторые перемены в его внешнем облике. Во всяком случае, теперь-то никто не принял бы его за ушлого парнишку — и дело было вовсе не в том, что он достиг весьма почтенного тридцатипятилетнего возраста. Да, он умудрился нарастить немного мяса на свои кости и чуть раздался в плечах, но основная перемена произошла в развороте этих плеч. Раньше Дерек всегда казался слегка пригнувшимся или готовым в любой момент пригнуться — видимо, от того, что он постоянно бегал куда-то с

различными поручениями, и даже в минуты отдыха чувствовал готовность сорваться с места. Теперь же в его манере держать себя появилась спокойная уверенность человека, прошедшего достаточно испытаний, чтобы научиться доверять самому себе.

В числе прочего уверенность эта вылилась и в желание самому устроить свой новый дом, а не нанимать рабочих... правда, против последнего говорила и некоторая стеснённость в средствах — все деньги ушли на собственно покупку, и, чтобы кого-то нанять, пришлось бы сперва подзаработать, а ждать, естественно, не хотелось...

В общем, пока Дерек самоотверженно белил потолок — что ему довелось делать впервые в жизни — его приятели в четыре руки установили двери.

Руководил этим процессом некий Войтэн Кэриар — помощник управляющего их каменноугольным предприятием. Его сестра Инилэнь тоже изъявила желание поучаствовать. С этой парочкой Дерек плотно сошёлся ещё в свой первый год в Брейлине. Войтэн был хорош в изобретении нетипичных инженерных решений, поэтому легко согласился помочь другу и работодателю в вопросах переезда — а дел там хватало на всех! Дерек в основном занимался покраской всего и вся, Лэнь возилась с текстилём, а Войтэн взялся за двери, ставни и немногочисленную мебель. Однако, несмотря на свои инженерные таланты, в одиночку он с такими задачами не справился бы в виду несколько щуплого телосложения, поэтому постоянно прибегал к помощи Райтэна, что выливалось в череду ругани, поскольку Райтэн недолюбливал как семейство Кэриар в общем, так и ситуации, в которых кто-то пытался им руководить.

Всё же, несмотря на постоянное ворчание Райтэна, дело справилось и приближалось к завершению. Загвоздка возникла только во время установки ставней — у Войтэна что-то упорно не складывалось, он пыхтел, ругался, снимал ставни с петель, что-то пилил, снова ставил, опять что-то не сходилось...

— Ты ещё долго? — высунулась в окошко Лэнь, которая уже закончила свои дела с занавесками.

Ответом ей было два раздражённых взгляда — Райтэн тоже пытался что-то не то пилить, не то шкурить — и не менее раздражённое хоровое:

— Да!

Девушка сморщила носик и напомнила:

— Мы опоздаем на ужин с тётушкой, мама будет очень сердиться.

Войтэн досадливым движением попытался вытрясти из волос стружку, не преуспел и с сожалением отмахнулся:

— Иди одна.

— Но там мост... — заканючила Лэнь.

Отцом парочки был глава местной жандармерии, и жил он в самом центре Брейлина, рядом со своим ведомством. Чтобы добраться туда из пригорода нужно было, в самом деле, пересечь мост. Проблема была в том, что он по краям был частично застроен домишками всяких ремесленников и более чем мутных типов, на нём велась торговля не только официальная, но и подпольная, и в целом этот мост избрали местом своей дислокации многочисленные нищие, бродяги и другие сомнительные личности. Немудрено, что Лэнь совершенно не радовала перспектива идти там в одиночку, пусть и при свете дня — до заката ещё оставалась пара часов.

Войтэн и Райтэн переглянулись, затем с одинаковым недовольством посмотрели на

несговорчивый ставень.

— Я провожу, — вызвался Дерек. — Я уже всё покрасил, что собирался.

Решение сочли разумным; Лэнь так и вовсе расслаилась солнышком. Оставив напрочь испорченную шляпку — её как раз и прикупили на том самом мосту по дороге сюда — она бодро взбила пышные золотистые волосы и с улыбкой завязала живую беседу.

За время дороги по пригороду они обсудили какую-то новую книжку, проблемы передвижения по зимним дорогам и вопросы того, почему восхищение порой переходит в презрение. Мост прошёл почти незаметно — в религиозной дискуссии. Наконец, путь до центра города ознаменовался обсуждением личности основателя Брейлина, и в итоге площадь, над которой возвышалась башня жандармерии, возникла перед ними совершенно неожиданно.

— Ох, пришли, — удивилась Лэнь, уткнувшись носом в ограду собственного дома. — Так быстро! — и послала Дереку улыбку самую обворожительную.

— С вами, миледи, время всегда летит незаметно, — шутливо поклонился в ответ Дерек, прикладывая руку к сердцу.

Лэнь сделала не менее шутливый реверанс — на личике её было написано самое хулиганское лукавство.

— Спасибо, что проводил, — на секунду потупила она ресницы и движением совершенно естественным обняла его.

Дерек отчаянно растерялся — отчасти от того, что уже и вспомнить не представлялось возможным, когда и кто его в последний раз обнимал, отчасти от того, что все его мысли незамедлительно сосредоточились на ощущении тепла от мягкой девичьей груди. Сама же Лэнь, очевидно, не была смущена ни капли, и, помахав на прощанье ладошкой, бодро унеслась в свой дом, оставив Дерек краснеть и растерянно моргать.

Впрочем, спустя несколько секунд он опомнился, сильно нахмурился и, развернувшись, быстрым шагом направился обратно, не заметив, что дежуривший на площади капитан жандармов смерил его взглядом весьма недружелюбным, если не сказать — злобным.

Право, Дереку было не до оглядываний окрестностей — он слишком неожиданно столкнулся со своими реакциями на мягкие объятия Лэнь и теперь совершенно не знал, как с ними быть.

1. Ты -

Тот, кто приведет тебя, куда ты хочешь,

А твои решения — это то, что создает тебя.

Пусть тебя не заботит, что тебе говорят,

Живи свою жизнь!

2. Как договориться с купцом?

У Этрэна Дранкара прошлый год выдался крайне неудачным. Его основная торговая поездка по побережью Ньюна и Даркии закончилась, толком не начавшись, из-за заварушки в Многоземном море.

В ходе сложных тактических операций по борьбе с пиратами ньонский флот пытался загнать неприятеля в один из проливов или бухт ньонского побережья и блокировать, но ушлые пираты всякий раз находили лазейки и ускользали, и, незаметно, удаляясь всё дальше и дальше вглубь, противостояние перешло к побережью ниййскому. Это, разумеется, встревожило ниййского короля, из-за чего началась затяжная и напряжённая дипломатическая переписка последнего с владыкой Ньюна. Получив в итоге ультиматум, угрожавший войной в том случае, если ньонский флот позволит себе дальнейшее продвижение по ниййским водам, Грэхард отказался от дальнейшего наступления и увяз в позиционной морской войне. Увидевшие в политике ниййского короля поддержку пираты любезно отказались от идей разграбления ниййского берега и взамен прошлись по Анджелии и Сиру — выход из моря им блокировал ньонский флот. Небогатый Сир обычно не привлекал грабителей, к тому же, ему нашлось, чем ответить: обозлённые ведьмы острова сотворили какое-то сильномогучее чародейство, которое ударило по судоходству в этих краях вообще, не чинясь и не разбираясь, кто тут пират, кто торговец, кто ньонец, кто анжелец. Объяснить суть чародейства никто так и не сумел, но все сходились в том, что оно приводит в первую очередь к тотальной дезориентации. Видимо, основной посыл заклятия заключался в «чтоб никто не смог найти берегов Сира», а уж во что это вылилось... В общем, мир ещё раз убедился, что с ведьмами Сира лучше дела не иметь, себе дороже выйдет.

Так что Этрэну, чуть не угодившему во всю эту кашу, пришлось разворачивать свой неф обратно в Аньтье несолоно хлебавши — он дальновидно посчитал, что вмешиваться в эти дела не стоит. Однако совсем сдаться и пойти на поводу у судьбы было не в его характере! С месяц подумав и придя к выводу, что сложности в районе Многоземного моря явно затянутся не на один год, Этрэн решил попытать счастья в торговле с Райанци, и, пройдя по побережью Джотанды, вышел в Северное море и добрался до Брейлина.

Там-то его и взял в оборот Райтэн.

— Так ты в Райанци! — обрадовался он, выслушав рассказ о тяготах купеческой жизни в условиях охлаждения дипломатических отношений. — Что ж я тогда буду через чужие-то руки!..

Заинтригованный Этрэн был незамедлительно посвящён в детали компрометирующей истории: Ирдания через Райтэна сбывала в Райанци в обход таможи ценные джотандские специи.

— Я знал, что ты-то не пропадёшь! — гордо откликнулся на этот рассказ Этрэн и вступил в торги за процент.

В связи с почти родственными отношениями заинтересованных сторон торги были короткими и довольно честными. Однако не успели партнёры ударить по рукам, как в кабинет — дело происходило при каменноугольном карьере — ворвался Дерек с не то взволнованным, не то возмущённым:

— Тэн, там Фонлэн опять угорел!..

Райтэн, скривившись, бодро вскочил и на ходу выдал:

— Идиот! Он вообще способен выполнять хотя бы самые простейшие инструкции?! — и поспешил к доменным печам.

Угроза отравления угарным газом при коксовании была более чем серьёзной, поэтому работников всегда строго инструктировали по поводу техники безопасности. Тем не менее, всякий из них угорал хотя бы по разу, прежде чем до него доходила необходимость эти правила соблюдать. Фонлэн был выдающимся случаем: двух недель не проходило, чтобы он не угорел вновь. Именно по этой причине Дерек предпочитал привлекать к проблеме Райтэна: тому куда как лучше удавалась ругань и обещание всех кар земных и небесных. После выволочки, устроенной Райтэном, Фонлэн мог продержаться и месяц.

Дерек собирался было последовать за другом, но тут заметил визитёра.

— Господин Дранкар! — с весёлым удивлением поприветствовал он.

— Господин Анодар! — с не меньшим весельем отозвался тот, вставая и подавая руку для пожатия.

— Ветра подули в сторону севера? — приветливо пожимая эту руку, привычно вывернул на погодную тему Дерек.

— В Многоземном нынче шторма, — охотно отозвался Этрэн.

Дерек понятиливо покивал: о политических и пиратских трудностях в тех краях он был весьма наслышан.

— Позвольте угадаю, — бегло оглядел он стол, заваленный документами, писчими принадлежностями и всякой мелкой ерундой, — Тэн вам даже чая не предложил?

Этрэн искренне и заразительно рассмеялся. Все этикетные навыки Райтэна исчерпывались исключительно погодными разговорами, и ожидать от него чего-то сверх не приходилось.

— Не откажусь, — дружелюбно отозвался купец на невысказанное предложение и устроился обратно на свой стул.

Чай Дерек притащил быстро — у них была организована вполне себе удобная кухня, позволяющая своевременно кормить рабочих. Предложив гостю аккуратную керамическую чашку, которая тщетно пыталась маскироваться под фарфор, сам Дерек предпочёл свою резную бадейку, полученную в дар от работников лесопилки. Этрэн с любопытством косился на это рукодельное чудо, не забывая, конечно, с удовольствием прихлёбывать душистый анжельский чай вприкуску с тонким печеньем.

Как это всегда с ним бывало, он начал внутри своей головы, обращаясь к супруге, выстраивать версии, поскольку поведение собеседника задало ему загадку. Исходя из того, что он знал о Дерекке, он бы предположил, что тот предпочтёт сразу же после обмена приветствиями улизнуть. Во всяком случае, в их единственную встречу в Аньтэе, когда Дерек возвращал свой долг, получилось именно так.

«Если он не только не улизнул, но и явно настроен на длительное чаепитие, — оценил взглядом Этрэн объём резной бадейки, — значит, ему, определённо, что-то от меня нужно».

Разгадывать, что именно это могло бы быть, было чрезвычайно интересным. Перебрав в голове несколько версий, он сделал ставку на то, что собеседник хочет что-то вызнать о ньонских новостях или, возможно, об оставшихся в Ньоне знакомых.

Впрочем, Дерек долго молчать не стал, и первым завязал разговор — на взгляд Этрэна,

очень издалека:

— А вы, стало быть, в Райанци? Каботажем?

— Да, именно, — степенно кивнул купец и, желая облегчить собеседнику логический переход к интересующей того теме, со значением добавил: — Но ньонское направление торговли по-прежнему для меня приоритетно.

К его удивлению, Дерек сделал лёгкий жест рукой, будто отмахиваясь от этих слов, и настойчиво продолжил заданную тему:

— И во все анжельские порты, стало быть, зайдёте?

Северное побережье Анджелии насчитывало с десятков мелких городов, из которых единственным по-настоящему крупным портом был Брейлин.

Этрэн осознал, что утратил понимание направления беседы, и это вызвало у него скорее тревогу, чем привычный азарт. Отложив чашку в сторону, он пронзил собеседника пронизательным взглядом и коротко ответил:

— Да.

Дерек заметил эту неожиданно возникшую напряжённость, оценил её удивлённо приподнятыми бровями, отложил собственную кружку и с открытой простотой поинтересовался:

— Как насчёт каменного угля?

Несколько секунд Этрэн смотрел на него с большим удивлением, пытаясь осознать ту мысль, что все эти заходы с чаепитием имели под собой единственную цель — попытаться сбыть свою продукцию. Это простое и естественное объяснение даже не приходило ему в голову, когда он обдумывал свои предположения, и теперь он рассмеялся от неожиданного веселья.

— Помилуйте, — улыбнулся уголками губ Дерек, — вы как будто ожидали от меня какого-то подвоха?

Отсмеявшись, Этрэн махнул рукой:

— Времена сейчас, видите ли, тяжёлые, господин Анодар.

— Не в Брейлине, — лаконично возразил тот.

Этрэн вернулся к своему чаю, слегка пофыркивая от всё ещё не до конца осознанного удивления.

Дождавшись, когда эти пофыркивания, сопровождавшиеся соответствующей игрой мимики, прекратятся, Дерек упрямо вернулся к своей теме:

— Так что насчёт угля?

Вынырнув на деловую струю, купец задумчиво покачал головой:

— Мне не подойдёт. Чтобы выручить с него что-то стоящее, нужно забить им весь трюм. Я предпочитаю менее объёмные и более ценные товары.

Дерек пораскачивал головой, принимая этот аргумент, и через несколько секунд возразил:

— Но и везти этот уголь в Райанци вам совсем не обязательно. Вы сможете его сбыть в следующем же порту, так почему не заполнить пустое место?

Опершись на локти и устроив подбородок на сцепленных в замок руках, Этрэн подался к собеседнику и отметил:

— А вы изменились, господин Анодар.

Дерек несколько секунд смотрел на него скептическим взглядом; затем в его глазах загорелись искринки. Он медленно и нарочно расплылся в совершенно ясной и

мальчишеской улыбке, немного застенчиво наклонил голову и весело наябедничал:

— А это меня Тэн покусал!

Оба они искренне рассмеялись.

— Ну, если Тэн! — вытер уголки глаз Этрэн. — То, полагаю, шансов у меня нет! — с весёлой гордостью за почти-племянника резюмировал он и предложил обсудить вопрос более конкретно.

Через полчаса они стали счастливыми подписантами небольшого контракта — Дерек, должны признать, давно хотел попробовать работу в этом направлении. Брейлин и его окрестности уже были более или менее освоены, и он хотел бы продвигаться вглубь Анджелии. Однако северное побережье радовало своих обитателей болотистым бездорожьем, поэтому доставлять уголь было бы логичнее и разумнее морским путём. Дерек уже прикидывал, как бы начать прощупывать почву у заезжих купцов, и Этрэн подвернулся под руку более чем своевременно.

Сам купец ввязался в это предприятие скорее из желания помочь Райтэну. В деле сбыта малознакомого и вызывающего скепсис товара он видел достаточно проблем, частью из которых не замедлил поделиться.

— Хм, — задумался Дерек, признав справедливость аргумента «и кому я его там буду сбывать?», и предложил: — Я могу собрать рекомендаций. От господина Данзэса, например. Вы на сколько дней у нас?.. — принялся незамедлительно прикидывать он, кого успеет оббежать, чтобы набрать набор заверений в том, что уголь у них первокачественный, и в растопке его использовать категорически можно.

— Это излишне, — сухо открестился от рекомендаций Этрэн. — Везти всё равно придётся до Ниии, а что им до заверений правителя Брейлина?

— До Ниии? — удивился Дерек и, хлопнув себя ладонью по лбу, с досадой протянул: — То-орф.

Этрэн кивнул. Естественно, в северных городах Анджелии хватало торфяного топлива.

— Вот я бы вам посоветовал, — выбил пальцами затейливую дробь по столешнице Этрэн, — заручиться поддержкой Кармидерского университета и получить там соответствующее заключение на основании исследования...

Дерек кивнул, но как-то неубедительно; его мысли явно работали в другом направлении. Спустя минут он озвучил:

— Но торф сгорает быстро. Для зимней растопки уголь подходит лучше, его должно хватать на ночь.

Заинтересованный Этрэн слегка наклонил голову, потом отметил:

— Это, конечно, очень перспективно, но едва ли я найду время бегать по городу с уговорами. Да и по статусу... — он развёл руками, демонстрируя свою дородную основательную фигуру.

Смерив его растерянным и недоверчивым взглядом, Дерек с некоторой опасливой настороженностью поинтересовался:

— Зачем вы в это ввязались тогда?

Он начинал чувствовать, что его где-то в чём-то надули. Купец явно обмыслил все эти нюансы ещё до того, как взялся подписывать контракт; да и сейчас он явно ведёт какую-то тонкую игру... вот только к чему?

Вздыхнув, Этрэн ничего не прояснил явно наигранным ответом:

— Из сентиментальности, разумеется.

— Из сентиментальности? — переспросил Дерек, вскакивая в возмущении. — Ну, это уж ни в какие ворота!.. — досадливо рубанул он рукой воздух.

За своей досадой он не заметил довольных искорок в глазах купца. «Изменился, да не во всём», — с большим удовольствием мысленно покивал тот головой.

— Нет-нет, это никуда не годится! — продолжал изливать свою досаду Дерек, нервно расхаживая по кабинету. Он почему-то наивно полагал, что Этрэн, соглашаясь, уже имеет в виду каких-то потенциальных покупателей, с которыми сумеет договориться. Когда же выяснилось, что таковых нет, и купец ввязался в это предприятие лишь из желания поддержать...

Резко остановившись, Дерек прищёлкнул пальцами, прищурился, посмотрел на Этрэна, и протянул с некоторым пониманием в голосе:

— А!

Наклонив голову набок, Этрэн ответил ему взглядом, наполненным самым невинным любопытством, и любезным тоном отметил, повертев в руках свою чашку:

— Чаёк-то остыл уже.

Хмыкнув, Дерек расслабленно кивнул:

— Разумеется, — и сходил на кухню за кипятком.

Пару минут они пили новую порцию чая в молчании.

— Хорошо, — наконец, решил Дерек. — Я еду с вами в Гранти и сам разбираюсь с тем, кому и как сбыть там уголь.

— Прекрасно, — с самым довольным видом кивнул Этрэн.

Для столь мелкой интриги он выглядел несоразмерно довольным.

— В чём подвох? — прямо спросил Дерек, уставший от этих торговых дипломатий.

Этрэн пожал плечами и высказал очевидное:

— Поскольку вы сами вызвались, господин Анодар, полагаю, я ничего не должен вам за это посредничество.

Дерек хмыкнул. Дело стало более прозрачным. Пусть выгода от продажи угля и будет небольшой, Этрэн, по сути, ничего не теряет, спихнув обязанности по сбыту на самого Дерекка.

— Получается, вы покупаете у меня уголь по себестоимости, — резюмировал тот, — и с моей же помощью его продаёте втридорога, а разницу всю кладёте себе в карман.

— Получается, так, — благостно кивнул Этрэн.

Искренне рассмеявшись, Дерек отметил:

— За проезд платить не буду!

Купец посмотрел куда-то в потолок и с философским видом отметил:

— Нет в мире совершенства!

— Что ж поделаешь, — поддержал эти сетования Дерек и протянул ладонь, закрепляя новую договорённость: — По рукам?

— По рукам, — вставая и принимая рукопожатие, серьёзно согласился Этрэн

Они оба были весьма довольны друг другом.

— Что ж, мне пора, — засобиравшись после этого купец и предупредил: — Мы отходим через четыре дня.

— Прекрасно, я всё подготовлю к этому сроку, — кивнул Дерек, погружаясь в мысли о том, что рекомендации своему товару всё-таки неплохо было бы собрать. Да и мысль о

Кармидерском университете тоже стоит обдумать — в конце концов, у Тэна там связи...

Уже от порога Этрэн обернулся. Дерек стоял к нему спиной, задумчиво перебирая какие-то бумаги, но думая явно не о них.

— По официальной версии, — неожиданно решил поделиться купец, — вы разбились о скалы, пытаясь в шторм добраться до Западной башни.

Рука Дерек замерла над очередной бумагой и медленно, спокойно легла на столешницу.

— О! — отметил он вполне безразличным тоном. — Какая трагическая случайность.

— Нельзя не согласиться, — кивнул Этрэн и ушёл.

Дерек сморгнул, устало нахмурился и сел составлять список людей, у которых рассчитывал получить рекомендации.

Вспомнить о ньонском этапе своей жизни ему, решительно, не хотелось.

3. Что делать, когда мечты сбываются как-то не так?

Следующие три дня Дерек носился по всему Брейлину и его окрестностям с чуть ли ни сотней самых различных дел.

Во-первых, он, конечно, собирал те самые рекомендации — дело не очень-то сложное, но поехать пришлось из конца в конец. Во-вторых, он отлавливал Ирданию, которая тоже на месте не сидела, и пересечься с ней между двумя визитами к собственным клиентам было делом решительно невозможным — а пересечься было надо, потому что в Гранти Дерек никого не знал, а вслепую бродить по городу, потрясая мешком с углём, не казалось здоровой затеей. В-третьих, нужно было привести в порядок все дела на карьере, раздать десятки распоряжений и убедиться, что они поняты правильно.

В итоге с Ирданией он столкнулся совершенно случайно, на складах в порту.

— Гранти? — удивилась та. — Бедный городишко, кто там у тебя что купит-то?

— Так и уголь-то ведь недорог, — разумно возразил Дерек.

— Уголь-то недорог, — махнула рукой Ирдания, — да у меня там связей нет. Что я там могла бы продать? — скривилась она и вынесла альтернативное предложение: — Как насчёт Мэйлини?

Пораскачивав головой, Дерек прикинул внутри себя, что Мэйлинь — это дней десять только в один конец. Можно, конечно, потрясти других знакомых и попытаться найти кого-то в Гранти...

— Пусть будет Мэйлинь, — махнул рукой он.

Планы и распоряжения пришлось перекраивать с учётом гораздо более длительной отлучки. В итоге поговорить с Райтэном о Кармидере Дереку удалось только в вечер перед собственным отплытием.

Идея заручиться официальным свидетельством научного сообщества Райтэну понравилась, а вот ехать теперь же он категорически отказался.

— У Фарсэна всё равно сессия на носу! — горячо размахивал руками он. — Ему не до исследований сейчас!

Дерек недоумевал. Отговорка выглядела странной.

— Ну так как раз, — высказал он разумное возражение, — как раз договоришься, а после сессии отвезёшь Тэнь к отцу. Тебе же всё равно ехать, разве нет? — уточнил он.

Райтэн поморщился с видом самым недовольным и что-то пробормотал себе под нос. Понаблюдав за его раздражённой мимикой, Дерек вдруг понятливо протянул:

— А-а! — и переспросил: — Тебе нужно побыть некоторое время в Брейлине?

Отвернувшись, Райтэн помотал в воздухе рукой и подтвердил:

— Пару недель, если не дольше.

Пожав плечами, Дерек согласился:

— Ну вот когда сможешь — тогда и поезжай.

Переглянувшись, они усмехнулись совершенно синхронно.

Дерек не знал наверняка, но вполне обоснованно подозревал, что Райтэн замешан в каких-то тёмных торговых делишках. Они никогда не обсуждали этот вопрос прямо, поскольку в их тандеме Дерек отвечал за отношения с официальной властью, поэтому оба они автономно друг от друга пришли к выводу, что, ежели Дерек о чём-то не знает, то его

совести только спокойнее от этого будет, и незачем это незнание просвещать. Так что Райтэн и Ирдания обдeldывали свои дела тишком за спиной у Дерекa, обеспечивая также поддержку теневой стороны Брейлина, а Дерек, напротив, вёл дела демонстрaтивно чисто и добивался протекторaтa со стороны властей.

Последнее у него вышло само собой и как-то не нарочно. Он просто время от времени ходил поиграть в шахматы с тем старичком из архива, которого они в своё время провели с Ирданией. Старичок оказался двоюродным дедом Войтэна — того умельца, которого мы уже наблюдали в деле помощи обустройства дома. Он тоже иногда захаживал к родственнику развлечь его скуку и сыграть партию-другую, и однажды они пересеклись с Дерекoм в одно время. Пока старичок и Войтэн играли, увязавшаяся за братом Лэнь изнывала от безделья и многословно делилась с Дерекoм своей обидой на то, что играть с нею никто не хочет — хотя она прекрасно знает правила! Дерек, конечно, не мог остаться в стороне и радушно предложил сговориться для следующего совместного прихода, получил полное одобрение всех сторон и в другой раз притащил вторую шахматную доску с собой.

Ему хватило нескольких минут, чтобы понять, почему Лэнь отчаянно не может найти себе партнёра по игре: у девушки напрочь отсутствовало стратегическое мышление, поэтому её шахматные навыки никак не выходили за рамки знания о том, как двигать фигуры, чего для полноценной игры, конечно, не хватало. Проявившись так и сяк, Дерек в какой-то момент обнаружил, что у Лэнь, во всяком случае, превосходная память, и взялся натаскивать её на розыгрыш проверенных временем дебютов.

Так и повелось. Пока Войтэн с дедом играли свои вдумчивые партии, Дерек азартно обучал Лэнь новым и новым комбинациям. Овладеть стратегией ей это не помогло, зато она выучила сотни шахматных ловушек и шаблонов, которые без труда позволили бы ей одолеть не слишком умелого противника.

Однажды, желая похвастаться своими новыми навыками — а Лэнь была до небес горда, что кто-то, наконец, воспринимает её всерьёз и занимается с нею важным мужским делом на равных, — она вызвала брата на игру. Тот сперва отпирался, но, в конце концов, им овладело любопытство — ему было решительно непонятно, как Дерек может часами играть с нею и не умереть при том от скуки.

В общем, Войтэна подвело то, что он сильно недооценил противницу, и даже развитое стратегическое мышление ему не помогло: он несколько раз попал в расставленные Лэнь ловушки и, наконец, схлопотал мат.

Радости и ликoванию Лэнь не было предела! Она, подпрыгивая, носилась по архиву с победным кличем под благосклонным взглядом дедушки.

Ликoвание это продолжилось и по приходу домой, и уже к вечеру о её триумфе знала вся семья и половина брейлинской жандармерии в придачу.

Отец Лэнь и Войтэна — глава этой самой жандармерии, господин Кэриар, — возжелал лицезреть столь успешного учителя, и Дерек был приглашён на ужин.

Со свойственной ему непосредственностью Дерек обаял всю семью. Сам господин Кэриар от разговоров о стратегии в шахматах ушёл в сторону стратегии жандармских облав и весьма удивился, получив пару толковых советов (Дерек прекрасно помнил обсуждение схожих проблем в государственном совете Ньюна). Госпожа Кэриар оказалась впечатлена начитанностью гостя и, кажется, рассмотрев внутри себя его матримониальные перспективы, сочла их неплохими, что существенно повысило степень её любезности. Лэнь,

естественно, так и так уже была в полном восторге, а Войтэн, в свою очередь, увидел в Дереке шанс изменить свою судьбу — идти по служебному поприщу, как отец, ему очень уж не хотелось, а вот попробовать себя в промышленном деле, в котором можно будет применить свой инженерный ум, — как раз хотелось очень сильно.

Таким образом, уже в свой первый год в Брейлине Дерек стал завсегдатаем одного из самых влиятельных домов города. Там же он познакомился и с самим господином Данзэсом — правителем Брейлина. Тот и так испытывал к каменноугольной истории большое любопытство: он был заочно знаком с отцом Райтэна и весьма интересовался проектами последнего, да и история с наследством Ирдании произвела достаточно шума. Так что однажды правитель зашёл к господину Кэриару, чтобы лично познакомиться с эпатажным предпринимателем... а вышел уже его клиентом, поскольку Дерек не растерялся и так горячо и живо отрекламировал свою продукцию, что вызвал к ней интерес.

Попробовав растопку каменным углём, правитель убедился в её безопасности и экономичности и не поскупился на высказанные в обществе похвалы — именно им предприятие Райтэна и Дерек было обязано столь быстрым успехом. После того, как сам господин Данзэс выступил в поддержку такого способа растопки, использовать каменный уголь в Брейлине стало модно, что крайне положительно сказалось и на продажах, и на расширении производства.

Так что Дереку, определённо, не стоило впутываться ни в какие компрометирующие предприятия, и Райтэн тщательно оберегал друга от любой информации, которая могла бы вызвать у него неловкость. Вот и в этот раз он обошёлся без подробностей, по-тихому закончил свои дела спустя пару недель и отправился в Кармидер.

Тётушка встретила его с холодной благосклонностью. Холодность была обусловлена неодобрением характера и образа жизни милого племянника, а благосклонность — положительной оценкой факта примирения с отцом. Что касается Тэнь, она выглядела привычно утомлённой и в очередной раз похудевшей — учёба давалась ей очень тяжело.

Как оказалось, мало поступить в университет — куда сложнее была задача не вылететь из него. Уже в самом начале обучения Кайтэнь осознала, что знает катастрофически мало. Не желая сдаваться, она тратила всё своё время на чтение и освоение нового для неё материала, но так и не сумела догнать своих однокурсников — они-то к поступлению готовились методично, и успели начитать необходимую базу. По совести говоря, Тэнь должна была вылететь на первой же сессии, потому что, вопреки всем её усилиям, она всю жизнь была слишком далека от медицинской темы и, конечно, не успела погрузиться в неё достаточно глубоко за эти три-четыре месяца. Однако учёный совет при ректорате решил дать девушке шанс. Некоторые профессора хвалили её усидчивость и отмечали, что мало какой студент относится к обучению с такой ответственностью, а ректор посчитал, что университет потерпит статусные потери, если после первого же семестра отчислит одну из первых студенток-женщин. Так что Тэнь позволили пересдать некоторые предметы в течение второго семестра и она, воодушевившись, набросилась на учёбу с двойной силой, всем своим существом стремясь доказать, что достойна.

Райтэн был в курсе всех этих проблем — его друг-профессор на первом курсе преподавал всему потоку основы химии и успел составить своё мнение — но в этот раз вид сестры его несколько встревожил. Он уже привык к её худобе и чёрным кругам под глазами — сон часто жертвовался в угоду учёбе — но при всём при этом она светилась изнутри

радостью от исполнившейся мечты. Сегодня же Тэнь была потухшей и смурной; по правде сказать, Райтэн её такой не видел ни разу в жизни.

Напросившись на прогулку в сад — чтобы избавиться от опеки тётюшки — Райтэн не стал ходить вокруг да около и сразу спросил в лоб:

— Тэнь, у тебя что-то случилось?

Та не стала делать вид, что не поняла, в чём суть вопроса. Отвернувшись, чтобы скрыть слишком красноречивый взгляд, она тихо кивнула.

В кои-то веки Райтэн решил откопать на дне своей души таланты по части деликатности и просто промолчал, ожидая, когда она соберётся с силами. На это потребовалось несколько минут. Затем Тэнь всё-таки заговорила:

— У нас в этом семестре, знаешь... началась практика.

Райтэн нахмурился.

— Я... знала, что это не будет просто, — поспешно заверила его сестра. — Но мне ведь... мне ведь именно этого и хотелось, да? — она подняла на него удивлённые глаза, как будто спрашивая у него. — Помогать, реально помогать тем, кому плохо и больно... — она снова спрятала взгляд и зябко повела плечами, потом беспомощно обхватила себя руками. — Но, Тэн... я не думала, что это так... — она запнулась, не в силах подобрать слова, снова пронзительно взглянула на него: — Им больно, понимаешь? И кровь... и ты, даже помогая, делаешь ещё больнее... — она нервно сглотнула. — И столько крови... и они... — она совсем сжалась. — Иногда они всё равно умирают, Тэн...

В её золотой мечте о помощи людям как-то само собой значилось, что она будет легко и просто облегчать человеческие страдания, и, конечно, и речи не могло быть ни о какой смерти.

Не зная, что сказать на это, Райтэн смущённо откашлялся. Ему в его жизни случалось оказывать экстренную помощь раненым, а ещё он однажды добил умирающую лошадь, чтобы та не мучилась. Не то чтобы это были самые простые эпизоды в его жизни, но, если уж начистоту, он не испытывал по их поводу каких-то серьёзных переживаний. Однако у него, во всяком случае, хватило ума не ответить что-то вроде: «Я же тебе говорил, что это неподходящая работа для женщин». И всё же именно эта фраза царапала его горло и рвалась наружу.

Тэнь заплакала, и он обнял её.

— Ну, — с трудом придумал он что-то ободряющее, — иногда нам приходится изрядно потрудиться, чтобы понять, куда и как двигаться дальше. Наверно, — нерешительно предположил он, — тебе стоит пересмотреть взгляды на своё будущее. Возможно, медицина — это не твоё? — осторожно высказал он покуртуазнее мысль о том, что женщинам не стоит в это ввязываться.

Тэнь подняла на него измученные красные глаза:

— Не знаю, Тэн, — отчаянно призналась она. — Я... совсем запуталась.

— Ну! — он хмыкнул и дурашливо нажал пальцем на её нос. — Значит, будем распутывать!

Она несмело улыбнулась: он был первым, с кем она поделилась своими переживаниями, и теперь ей стало легче от мысли, что старший брат поможет. Непонятно, в чём и как, но поможет. Великое Пламя, это же Тэн! А он-то способен решить любую проблему!

4. На что обращает внимание профессор Фарсэн Линар?

Отловить знакомого профессора в университете во время сессии даже для Райтэна оказалось задачей не самой простой. Сперва он сунулся было в учебную часть, где ему посоветовали искать профессора Линара на кафедре. Однако там, вопреки чаяниям, искомого субъекта не было, зато его коллеги с охотой поделились информацией о том, что он, должно быть, принимает долги, после чего посоветовали обратиться к расписанию.

Спустя полчаса блужданий по коридорам и зданиям Райтэн это расписание нашёл, но к цели оно его не слишком приблизило: где находится указанная аудитория, он знать не знал. Пришлось отлавливать местных аборигенов: красноглазых скелетов с синяками в пол-лица, с самым безумным выражением лица бегущих по коридорам с охапками книг и бумаг в руках. Многие из них категорически не шли на контакт, иные ругались сквозь зубы, а один так и вовсе в сердцах швырнул в Райтэна папкой и расплакался.

В общем, потребовалось ещё полчаса, чтобы кое-как добрести туда, куда было нужно: но и там неуловимого профессора не оказалось! То есть, какие-то студенты, действительно, сдавали долги, но явно не по тому предмету и не тому человеку. Хмурый седой педагог, выслушав Райтэна, холодно заявил, что поменялся аудиториями, и отправил чужака в другой корпус.

Проклиная всё на свете, Райтэн пошёл, куда послали — а что ему ещё оставалось делать?

Вот только нужная ему аудитория... оказалась уже пуста.

Смачно выругавшись, Райтэн снова вернулся на кафедру — для этого ему пришлось пройти через пол-университета — и там ему обрадовались как родному и осчастливили информацией, что профессор Линар вот буквально десять минут назад заходил сдать ведомость, а потом подхватил какие-то папки и унёсся в неизвестном направлении.

Один из коллег осторожно предположил, что в лабораторию — потому что кроме папок профессор захватил ещё и халат.

Дальновидно выяснив путь до лаборатории, Райтэн добрёл до... запертой металлической двери. На ней и впрямь значилась соответствующая табличка, и даже имя нужного профессора, как ответственного за конкретно эту лабораторию.

Райтэн уже всерьёз подумывал плюнуть на всё и отложить визит до завтрашнего дня, но всё же решил сперва постучать.

Стучал он в своей манере, весьма настойчиво, и эта настойчивость была вознаграждена: с тяжёлым грохотом дверь отперли и наружу высунулся недовольный профессор с раздражённым:

— Да кого это там!.. — моментально перешедшим в недоуменное: — Айт? — после чего он скосил глаза на приколотый к лацкану халата вверх ногами хронометр и возвестил: — У тебя восемьдесят пять секунд!

За его спиной уже вовсю шёл опыт.

— Несрочно, встретиться поговорить, — лаконично изложил цель визита Райтэн.

Профессор замер ненадолго, собираясь с мыслями и сверяясь со своим графиком, и предложил:

— Завтра в полдень в «Тропе познания»?

Это пафосное название носил местный университетский трактир, в котором предпочитал обедать преподавательский состав.

Райтэн согласно кивнул, профессор вернулся к своему опыту, и на следующий день встреча успешно состоялась. Трактир выглядел довольно прилично — в первую очередь потому, что преподаватели таскались сюда с разного рода документами и бумагами, поэтому содержать столы приходилось в полной чистоте. Местечко это даже можно было бы назвать уютным, если бы не общий для всех строений Кармидерского университета недостаток — здесь было катастрофически тесно.

С трудом отыскав свободный уголок, Райтэн принялся тихо и лаконично делиться своей идеей: провести научные исследования каменного угля как топлива и вынести авторитетное университетское суждение на этот счёт.

— Дельно, дельно! — кивал профессор. — У меня, думается, есть подходящий дипломник, — прижмурился он, решая, кого бы послать на столь почётное дело. — Но это тогда не раньше осени, сам понимаешь, — развёл он руками.

Райтэн досадливо поморщился — он не любил отсрочки такого рода — но согласился, и перешёл ко второму пункту повестки дня: ему хотелось обсудить, что друг думает по поводу обучения Кайтэнь.

Своими тревогами он поделился не в пример эмоциональнее, чем деловым вопросом. Профессор в ответ подёргал себя за короткую аккуратную бороду — на его взгляд, она придавала ему солидности, а то для своего почётного звания он был довольно-таки молод, — и отметил:

— Госпожа Тогнар очень старательна. Как я понял, для неё имеет принципиальную важность возможность получить образование.

Уныло кивнув, Райтэн приложился к кружке с пивом. Он не знал, что было бы для Тэнь хуже: отказаться от мечты — или продолжать обучение делу, которое вызывает у неё столько болезненных эмоций?

Ненадолго углубившись в дегустацию пива и вынеся вердикт:

— Горьковато сегодня! — профессор уточнил: — А что, для неё принципиально именно медицинское направление?

Несколько растерявшийся Райтэн рассеянно покрутил в воздухе рукой. По правде говоря, он слишком плохо знал сестру, чтобы высказать что-то дельное на этот счёт.

— Она ведь может перейти, например, к нам на кафедру, — между тем, развивал свою мысль профессор. — Стать, положим, парфюмером. Мы предполагаем, что студентки из числа леди интересуются именно этой сферой, — поделился он, постепенно входя в азарт. — Ведь дамы так тонко разбираются в нюансах запахов!

С некоторым сомнением Райтэн переспросил у приятеля:

— Ты думаешь, она справится? Это ведь... смена специализации, или как там у вас?..

Пожав плечами, профессор захрустел ржаной гренкой, запил её пивом и лишь потом, собравшись с мыслями, ответил:

— Полагаю, она и медицину осваивала с нуля, так что большой разницы быть не должно. Справится. С её упорством — так точно. — И с улыбкой добавил: — Ваше это фамильное упорство сразу видно.

Райтэн досадливо отмахнулся, как делал всегда, когда речь заходила о его фамильных чертах. Мысли его потекли в новом направлении и, вскоре распрощавшись, он бодро

отправился к сестре: делиться свежей идеей.

Та была обескуражена.

— Перейти к химикам? — удивлённо переспросила она. — Но почему профессор Линар полагает, что я потяну?

Надо сказать, что опыт обучения здорово подточил её веру в себя. Это два года назад, поступая, она думала, что со всем справится шутя. Теперь же ей, напротив, казалось, что она справиться не сможет ни с чем, потому что не так уж она и умна и не так уж хороша в плане учёбы.

Нахмурившись, Райтэн вступил на непривычный ему путь поддерживающего старшего брата:

— Он заметил твоё усердие в учёбе и считает, что ты справишься.

Тэнь покраснела. Помолчав, отметила:

— Но мне совсем неинтересна парфюмерия...

— А! — досадливо отмахнулся от неё брат. — Там решишь, у них же куча направлений. Вон, может, будешь полезные ископаемые исследовать? — и, тщательно копируя манеру Дерека — чего Тэнь, разумеется, не знала, поскольку никогда не видела его в этом амплуа — предложил: — Как насчёт каменного угля, мэм?

— Я ничего не смыслю в каменном угле, ты же знаешь! — в отчаянии всплеснула она руками и чуть не расплакалась от огорчения.

Осознав, что дипломатия снова ему не удалась, Райтэн внёс, как ему думалось, конструктивное предложение:

— Давай я приглашу Фарсэна на обед, и вы просто обсудите твои перспективы.

Тэнь покраснела совсем уж заметно, но скорее от гнева, чем от смущения. С совершенно райтэновскими интонациями они непривычно холодным для неё тоном отпарировала:

— Я не нуждаюсь в протекции!

Немного поморгав и решив внутри себя, что видеть собственные выступления в исполнении сестры как в зеркале — весьма неприятное дело — Райтэн, впервые осознав, насколько тяжело иной раз с ним приходится, возразил:

— Какая протекция! Он профессор с кафедры химии и мой друг. Почему он не может проконсультировать тебя по поводу переквалификации? — через губы принялся бросаться он учёными словечками.

Негодование Тэнь опало; она совсем покраснела, теперь уж от неловкости за то, что устраивает всякие сцены.

— Это точно будет удобно?.. — робко уточнила она, сдаваясь.

— Вполне! — закатил глаза Райтэн, правда, с внутренним недовольством представляя, как снова будет отлавливать неуловимого химика по всему университету. А ведь нужно ещё и с тётушкой договориться!..

Второе, как оказалось, было проще. Госпожа Тогнар была вполне довольна инициативой непутёвого племянника, который в кои-то веки надумал налаживать связи так, как это положено в приличном обществе.

— А то знаю я вас, вам бы всё по тавернам шляться! — выражала она своё довольство ворчанием, мысленно рисуя в голове самый торжественный приём.

К сожалению, Райтэн о её идеях не догадывался, поэтому пресечь инициативу вовремя

не имел возможности, и тётушка от всей широты своей души разошлась на славу, подготовив торжественный обед с тремя переменами блюд и даже переодев повара в лакея.

Профессор Линар, который, как свойственно многим талантливым педагогам и учёным, был бессребреником и питался обыкновенно в университетской столовой или на крайняк в таверне, чувствовал себя более чем неловко. Один богатейший набор столовых приборов — на все перемены! — мог ввести в трепет человека, даже знакомого с этикетом, что уж говорить о простом химике, который про высший свет и в книжках не читал.

Тётушка талантливо растягивала самый что ни на есть приличный разговор о погоде, охотно подхваченный Райтэном — чисто для тренировки, ибо если в чём Райтэн и признавал превосходство всех своих старших родственников, так это в умении вкладывать в разговоры подобного плана скрытые смыслы. Тэнь, возможно, смогла бы поддержать эту беседу, но была так смущена самим фактом, что из-за её проблем к ним пришёл целый настоящий профессор, отложивший свои дела и планы, что сидела, уткнув взгляд в собственную тарелку и не вникая в то, о чём говорят. Что касается профессора, то он, конечно, как всякий анжелец умел и любил поговорить о погоде, но уровень Тогнарлов оказался для него недостижим — второй смысл он потерял уже на пятой реплике, а третьего и вовсе не понял. Да и необходимость отыскать нужную вилку среди ряда похожих тоже немало его смущала.

После первой перемены погодная тема ушла в совсем уж абстрактные бредни — можно было предположить, что Райтэн и тётушка обсуждают, в какой степени необходимо поддерживать традиции, — и Тэнь, наконец, подняла взгляд от тарелки и обнаружила, что у их гостя возникли затруднения с выбором столовых приборов. Это обстоятельство ещё более усугубило её смущение — не могла же она сделать замечание Самому Профессору! — и она вздохнула совсем уж отчаянно, что привлекло внимание Райтэна, который вдруг обнаружил, что те участники трапезы, ради которых всё и затевалось, молчат.

— ...и, когда солнце жарит настолько сильно, — ловко перевёл он собственную фразу, — краска на фасаде выцветает совсем уж быстро. Не правда ль, Сэн? — привлёк он друга.

— Разумеется, — радостно кивнул он, осознав, что понимает смысл разговора. — Часть солнечного спектра разрушительно сказывается на красящих пигментах, поскольку содержит слишком много энергии.

— Вы про ультрафиолет? — широко раскрыла глаза Тэнь, которая краем уха слыхала, что у света есть спектр, недоступный человеческому глазу, и была в высшей степени очарована этой идеей.

— Вы слышали про ультрафиолет? — недоверчиво моргнул профессор. — Да, некоторые исследователи называют эту часть спектра именно так!..

Теперь уж Райтэн и тётушка оказались за рамками завязавшегося разговора: про ультрафиолет они знать ничего не знали. Зато профессор и Тэнь вошли в раж: первый даже позабыл про свои затруднения и вооружился подвернувшимся под руку столовым прибором, не гадая, подходит он к блюду или нет, а вторая аж перегнулась через стол, в попытках лихорадочно донести до собеседника свои соображения.

Спустя полчаса они опомнились — как раз подали напитки — и всё-таки выручили на тему, ради которой всё и затевалось. Тэнь долго мялась, стесняясь сказать, что парфюмерия ей неинтересна — в итоге её выручил Райтэн, озвучив эту мысль, — и, наконец, расколосась, признавшись, что ей всё-таки хотелось бы работать в сфере медицины, просто без такого прямого контакта с ранами и болезнями.

Осознав, в чём суть её мечты, профессор несколько секунд смотрел на неё в упор странным взглядом, после чего озвучил очевидную, на его взгляд, вещь:

— Фармацевтика!

Тэнь растерянно заморгала.

Такая простая мысль ей в голову не приходила.

Выяснив, что уж тут-то возражений нет, профессор покивал и велел зайти на кафедру на следующей неделе — ему нужно было обсудить возможности такого перевода с коллегами.

Тэнь просияла. Райтэн оживился. Тётушка недовольно поджала губы: она надеялась, что племянница возьмётся за ум и уйдёт из университета замуж.

На обратном пути в университет — Райтэн вызвался проводить — профессор решил поделиться новостями:

— В столице ходят слухи, — заложив руки за спину, поведал он, — что в северные земли проведут дороги.

Недоверчиво присвистнув, Райтэн покачал головой. Северные земли с их болотами и дебрями были старой проблемой Анджелии, и совершенно невозможно было поверить, что эту проблему возьмутся решать.

— Кому и зачем это надо? — пожал плечами он, выражая свой скепсис. — Дорого и невыгодно!

Задумчиво пожевав губами, профессор отозвался:

— Дорого и невыгодно делать крюк через Брейлин или платить пошлину нийцам.

Задумавшись, Райтэн начал что-то прикидывать внутри себя, бормоча:

— Если из Рафеня в Эрмиду... нет, скорее в Салью, если обойти хребет с запада...

Бормотания его продолжились до самого университета.

— И что Парламент? — уточнил он у своего осведомителя перед тем, как прощаться.

— Насчёт Парламента не знаю, — пожал плечами профессор, — а вот господин Михар точно в деле.

Райтэн поморщился. С Михаром — главой правительства одной из южных областей — он имел весьма неприятный конфликт, поскольку господин этот был категорически против того, чтобы на вверенных ему землях сбывали контрабанду. Кроме того, конфликт этот ещё и отягощался торговой конкуренцией, поэтому от самого имени у него сводило зубы. Однако, чего точно нельзя было отнять у противника, так это его деловой хватки. Раз он в каком-то проекте участвует — значит, с большой долей вероятности, проект этот выгорит.

— Поспрашиваю!.. — вынес вердикт Райтэн, намереваясь уточнить информацию по своим контактам.

Дорога в северные земли была делом не просто перспективным, но и потенциально выгодным, потому что в настоящий момент торговые пути обходили Северную Анджелию стороной.

А Райтэн был не из тех, кто упускает случай.

II. Тёмные переулки. 1. Почему Дерек ненавидит марианцев?

II. Тёмные переулки

641 год, лето. Брейлин

Я смотрю на тень на стене.

Тень ко мне повернулась спиной,

Тень уже не танцует со мной.

Какие-то скрипки где-то впились

В чьи-то узкие плечи.

Nautilus Pompilius «Эта музыка будет вечной»

1. Почему Дерек ненавидит марианцев?

Если уж Райтэн загорался какой-то идеей — остановить его было, решительно, невозможно. С присущим ему прямолинейным упрямством он нёсся к цели, сметая на своём пути всё — порой даже и то, что, вообще-то, могло и пригодиться.

Разузнав от своих информаторов, что строительство как минимум одной дороги на север и в самом деле планируется воплотить в жизнь, он уже не мог выкинуть эту мысль из своей головы. Как можно скорее отвезя сестру домой, к отцу, он самым спешным образом направился в Брейлин, где и осчастливил Дерек уже полностью сформировавшимся за время дороги планом.

— Ещё раз и помедленнее, пожалуйста, — нахмурился тот, откладывая бухгалтерский талмуд и пытаясь вникнуть в суть предлагаемой интриги.

В отличие от Райтэна, Дерек был человеком осторожным, и предпочитал сперва подробно войти в нюансы того или иного дела, а уж потом выстраивать планы.

«Помедленнее» у Райтэна не получилось. Суть его бодрого и радостного монолога свелась к «мы построим дорогу, Дер!» — во всяком случае, Дерек расшифровал его восторженные излияния именно так.

Смерив друга скептическим взглядом, он уточнил:

— Ты, вообще, представляешь себе, сколько денег требуется для строительства дорог?

Брови его сдвинулись весьма хмуро. Он прекрасно помнил, как Грэхард однажды пытался построить дорогу — и как дело это удалось спасти лишь благодаря награбленному во Втором Марианском походе. Без этих значительных вложений казна владыки с такой грандиозной задачей, определённо, не справлялась.

Однако, этот разумный аргумент Райтэна не остановил — как и всегда бывало, если уж его несло.

— Основную дорогу построит правительство, — отмахнулся он. — Но ты себе представляешь, сколько там городков и деревень? Вот между ними!

Дерек сосредоточенно нахмурился, потом растерянно огляделся в поисках карты — но их рабочий кабинет у карьера не содержал в себе карт Анджелии. Не было в них нужды.

С большим сомнением в голосе Дерек уточнил:

— А что, сейчас между ними каких-никаких дорог нет?

С досадой хлопнув ладонью по столу, Райтэн сел и признал:

— Что-то должно быть. — Подумав, добавил: — Наверно. — Ещё подумав, уточнил: —

Возможно.

Сев с противоположной стороны стола, Дерек попытался пролить свет на ситуацию:

— А ты там бывал? — Райтэн покачал головой. — А карту видел?

Махнув рукой, тот посетовал:

— Да нет там чёткой карты-то... — осёкся и замолчал.

Взгляд его стал совершенно бессмысленным: он глубоко ушёл в себя, погружённый в новую идею.

Вздыхнув, Дерек уставился в потолок: оставалось лишь ждать, пока мысль вызреет. Но интуиция подсказывала, что зарождающаяся прямо сейчас идея ему однозначно не понравится.

Райтэн не разочаровал. Спустя пять минут с вдохновенным лицом осенённого неземной благодатью проповедника он выдохнул с благоговением:

— Дер... мы нарисуем эту карту!

Поперхнувшись от неожиданности, Дерек хлопнул ладонью по столу и с иронией отметил:

— Отлично! И кто рисовать будет, ты или я? — намекая на то, что ни у одного из них нет соответствующего таланта.

Райтэн иронию не оценил, отмахнувшись одним именем:

— Илмарт!

Глаза его расфокусировались, поскольку он ушёл в продумывание деталей своего гениального плана.

С тяжёлым вздохом Дерек попытался достучаться до друга:

— Тэн. Какой ещё Илмарт?

Но тот лишь снова махнул рукой:

— Ну, Илмарт! — и тоном, которым подчеркнул очевидность своего ответа, добавил: — Капитан А-Ранси.

Медленно моргнув, Дерек сдержанно выругался внутри своей головы: пояснения ничего не пояснили.

То есть, капитана жандармов А-Ранси он знал — доводилось пересекаться в доме Кэриаров — но каким образом этот капитан может помочь в рисовании карт... а главное — зачем они вообще будут их рисовать?

Оценив на взгляд состояние лица Райтэна — а богатая мимика последнего намекала на бурную работу внутренней мысли — Дерек вздохнул и пошёл за кипятком, заваривать чай. Всё равно придётся ждать, пока друг созреет до более конструктивного диалога.

Спустя четверть часа Райтэн, и в самом деле, вернулся в себя, с радостью обнаружил любимую чашку с вкусным чаем и выдал очередной эмоциональный спич:

— Илмарт — гениальный картограф! Ты бы видел! — потряс он свободным кулаком, чуть не расплескав свой чай, и вдруг опомнился: — Да ты и видел! У дядьки Этрэна же, видел? — Дерек кивнул. — Ну вот! Он всё отлично зарисует...

— С чего бы? — последовал логичный вопрос.

Райтэн нахмурился и отмахнулся:

— Заплатим!

Прежде, чем он перешёл к новым эмоциональным восторгам, Дерек успокаивающим тоном отметил:

— Хорошо, хорошо. Заплатим. Но нам-то эта карта зачем?

Лицо Райтэна вытянулось от недоумения, затем со своей привычной презрительной миной он потребовал:

— Мозги включи, Дер! — и постучал себя по лбу для наглядности. — Мы её можем продать правительству! Или вообще попасть в соучредители! Или в консультанты!

— В спонсоры, — иронично буркнул Дерек в чашку.

К его ужасу, Райтэн несколько секунд явно обдумывал это предложение, прежде чем отклонить его:

— Нет, спонсорство не потянем. Но если нас возьмут хотя бы в соучредители...

— С чего бы это? — поднял бровь Дерек, пытаясь внутри себя понять, есть ли потолок у смелых мечтаний приятеля и способен ли он вообще здраво осмысливать перспективы своих задумок.

Столь холодный приём, впрочем, Райтэна не смутил: он привык сталкиваться с тем, что его идеи не находят понимания у окружающих. Было, конечно, неприятно, что и лучший друг примкнул к лагерю этих не испытывающих понимания, но... этого было недостаточно, чтобы сбить Райтэна с пути!

Однако недовольство этим недоверием несколько отразилось в позе и голосе, когда он, сложив руки на груди, с некоторой горечью сказал:

— Просто дай мне эту карту, Дер, и ты увидишь.

Чуткий к таким мелочам Дерек моментально оценил перемену в настроении собеседника и догадался о её причинах.

Наверно, не существовало в мире идеи до такой степени дурацкой, чтобы Дерек из-за неё отказался от того, чтобы поддержать друга, и идея с картой северных земель Анджелиии точно не входила даже в число тех, из-за которых, с его точки зрения, стоило спорить.

— Так, хорошо, — согласился он и перешёл к построению конкретного плана: — Получается, ты хочешь поехать вместе с Илмартом...

— Вместе с тобой и с Илмартом, — уточнил Райтэн.

Лицо Дерека стало неожиданно холодным:

— Я-то вам зачем? — воспротивился он.

Райтэн закатил глаза и тоном «это же очевидно!» объяснил:

— А как мы там договариваться будем, чтобы нас провели, куда нужно, чтобы на ночлег устроиться, чтобы вообще рассказали, где что расположено?

Аргумент, впрочем, не произвёл желаемого впечатления. Дерек лишь отмахнулся:

— Заплатишь!

Досадливо постучав пальцами по столу, Райтэн возразил:

— Ты сам прекрасно знаешь, Дер, что не всё продаётся. Та информация, которую мне предоставят за деньги, будет куда как более скудной, чем та, которую тебе на блюдечке с голубой каёмочкой выдадут чисто из симпатии.

Дерек поморщился и ничего не ответил, всем своим видом демонстрируя, что мнение его осталось неизменным.

Райтэн прищурился. Неожиданное препятствие на пути реализации его гениального

плана — упрямство друга — показалось ему странным. Он попытался разобраться, с чем связано это упрямство, и, как ему показалось, набрёл на гениальную мысль.

— А! — откинулся он на спинку стула, награждая друга ироничными и весёлыми взглядами. — Кажется, тебя теперь в Брейлине держит одно хорошенькое личико, да? — поддразнил он.

Дерек ожидаемо покраснел, но в выражении его лица было больше досады, чем смущения:

— Даже не желаю это обсуждать! — буркнул он, чуть отвернувшись в сторону.

Райтэн поиграл бровями:

— Да ла-адно тебе! Красивая девчонка, да, все дела... Ну и что, не подождёт тебя, что ли?

Его дурашливость, однако, наткнулась на ответную агрессию. Дерек бросил на него взгляд откровенно свирепый, потом досадливо скривился, после холодно поставил точку в этом разговоре:

— Я не испытываю к Лэнь никаких чувств, кроме дружеских.

Райтэн недоверчиво присвистнул.

— И я не буду это обсуждать, — с нажимом подчеркнул своё нежелание копаться в этой теме Дерек.

Понятливо покивав, Райтэн вернулся к своей линии:

— Хорошо, но в чём тогда дело? Смотаемся по-быстрому...

— По-быстрому? — язвительно переспросил Дерек. — Мы только в какой-нибудь прибрежный город будем добираться две недели! За середину лета перевалит! Ты предлагаешь всю осень по болотам ковылять, что ли?

Аргумент был разумный, но у Райтэна уже был план:

— Нет, смотри, — он нашарил на столе чистый лист и принялся набрасывать примерную карту, — мы доплывём до Фаньи, оттуда спустимся в Салью, доберёмся мимо озера до Эрмиды, и там по реке спустимся благополучно в Мэйлинь, и домой! А весной уже продолжим!

Дерек мрачно закатил глаза. План выглядел как «промокнем насквозь, простудимся и проваляемся всю зиму в глухой деревне».

— Ну Дер! — не найдя понимания, Райтэн недовольно хлопнул рукой по только что нарисованной карте и пошёл с козырей: — Не заставляй меня тебя упрашивать!

— Боже упаси! — аж вздрогнул Дерек, вообразив, во что может вылиться энтузиазм Райтэна, если он направит его на упрашивания. Картина, в который друг верной собачкой мотается за ним день-деньской и поднывает на одной ноте: «Ну Дер, ну Де-ер, ну поехали!» — отчётливо встала у него перед глазами.

Внутренне сдавшись, Дерек вздохнул и уточнил:

— Может, найдём другого картографа? — и быстро добавил: — Пожалуйста!

Райтэн выглядел совершенно опешившим. В рассмотренных им вариантах причина «Дереку почему-то не нравится картограф» вообще не фигурировала.

— Но Илмарт реально гений! — пылко бросился на защиту выбранного помощника Райтэн. — Ты же видел!..

Дерек скривился, потому что действительно видел, и раскололся:

— Я просто не люблю марианцев.

В кабинете повисла тишина, в которой ошеломление Райтэна считывалось более чем

явственно. Спустя минуту он всё же недоверчиво озвучил:

— Причина слишком глупая для твоего ума.

— Какая есть, — Дерек недовольно дёрнул плечом, но объясняться не стал.

С марианцами его, действительно, связывали длительные и весьма неприятные отношения. Его родной посёлок находился недалеко от границы с Марианом, и частенько страдал от набегов воинственных соседей, которые считали даркийцев проклятыми еретиками, не достойными жизни. В конце концов, именно марианцы, пиратствовавшие вдоль берега, окончательно разрушили его посёлок, часть жителей убив, а часть продав в рабство в Ньоне.

Уже этого было достаточно для прочной и глубокой ненависти, но и та в дальнейшем лишь укрепилась: вместе с Грэхардом Дерек участвовал в трёх военных походах против Мариана.

Так что то несчастливое обстоятельство, что Илмарт А-Ранси был именно марианцем, было достаточным для того, чтобы Дерек решительно не желал иметь с ним каких бы то ни было дел.

— Так ты нацист, выходит? — не столько гневно, сколько поражённо выдохнул Райтэн, ёмко охарактеризовав столь нелепую позицию.

— Что? — удивился неожиданному оскорблению Дерек, который, естественно, никогда не замечал за собой собственного недостатка.

Медленно — поскольку осознать эту мысль оказалось весьма тяжело — Райтэн пояснил:

— Ну, ты не хочешь иметь с человеком дел из-за его национальной принадлежности. Для этого явления в языке придумали вполне подходящее слово, разве нет?

Дерек растерянно заморгал.

— Эм. — Глубокомысленно не то согласился, не то не согласился он.

— Не то чтобы в Анджелии часто встречались марианцы, — осторожно отметил Райтэн, опасаясь найти в друге ещё какие-нибудь неожиданные радикальные взгляды. — Но в случае с Илмартом твоя позиция и впрямь весьма прискорбна. — И тихо добавил: — К тому же, мне будет трудно найти другого картографа, который согласится скакать с нами по лесам и болотам. Но, — неожиданно выехал он на оптимистичную ноту, — возможно, мы справимся и сами? — и гордо потряс только недавно замаранным листком с планом. — Велика затея, карты рисовать!

Дерек смерил листок скептическим взглядом. На толковую карту эти каракули не были похожи никоим образом.

Вздыхнув, он уронил руки на стол и мрачно уточнил:

— А Илмарт твой, что ли, согласится?

Райтэн неопределённо помотал в воздухе рукой и отметил:

— Ну, он довольно азартен в плане карт, должен клюнуть!

Дерек вздохнул ещё тяжелее.

— Кстати! — просиял Райтэн, вспомнив обстоятельство, которое, как ему показалось, может сыграть на руку. — Ты себе не представляешь, как остро он ненавидит Мариан!

Ответом ему был заинтересованный взгляд.

Почувяв, что вступил на верный путь, Райтэн вскочил и принялся в красках эмоционально клясться, что нет на свете человека, который ненавидел бы Мариан так

глубоко и страстно, как Илмарт А-Ранси.

— Хорошо, хорошо! — наконец, поднял руки Дерек, сдаваясь. — Убедил. Едем втроём, — и, захватив давно опустевшие чашки, понёс их на кухню.

Посмотрев ему вслед несколько озадаченно, Райтэн буркнул себе под нос:

— Нет, видимо, не нацист. Просто марианофоб.

В любом случае, сделанное неприятное открытие об этой стороне взглядов Дерека несколько выбило его из колеи — поскольку он, решительно, не понимал, как можно судить о человеке исключительно по какому-то формальному признаку.

2. Почему Илмарт А-Ранси ненавидит Дерекка?

У Илмарта А-Ранси было четыре страсти. Две более ранние имели отрицательный оттенок: он истово ненавидел свою родину и столь же истово ненавидел рутинную работу. Две более поздние можно было бы охарактеризовать как скорее положительные, хотя слово это подходило весьма условно: он обожал картографию и не менее пылко обожал дочку главы жандармерии Брейлина.

Именно последняя страсть подвигла его на то, чтобы случайная подработка в чужом городе превратилась в профессию и попытку построить карьеру. Характер Илмарта не очень-то подходил для службы, хотя у него за плечами и был внушительный боевой опыт — а вы попробуйте-ка найти марианца без такого опыта! — и ещё меньше его характер подходил для построения карьеры.

Сам с собой Илмарт постановил, что, ежели дослужится до майора, то сможет с чистой совестью свататься.

То соображение, что на гражданской службе дослужиться до такого почётного звания можно лишь спустя годы — а за эти годы Лэнь вполне может выйти замуж за кого-то другого — ему в голову не пришло. Он-то исходил из своего бурного марианского опыта, а там-то, в условиях непрекращающейся гражданской войны всех со всеми, наложенной на сопротивление ньонским и нийским захватчикам... в общем, в Мариане майором становился тот, кто выжил.

Так что изъян в своём гениальном плане Илмарт заметил только тогда, когда объект его страстных воздыханий начал оказывать знаки внимания другому мужчине.

В Мариане в такой ситуации соперника попросту убивали, но Илмарт категорически не желал иметь что бы то ни было общего со своими соотечественниками, поэтому просто бесился и втихомолку сжимал кулаки.

Сам Дерек знать не знал, что умудрился обзавестись тайным врагом — и тем более об этом не знал Райтэн, который недолюбливал жандармов и держался от них подальше. Для Илмарта он делал исключение единственно потому, что и Этрэн, и отец высоко ценили его талант картографа, поэтому Райтэн не раз выступал связующим звеном в деле заказа новых карт. Так что на дом к Илмарту он заявился вполне уверенно, как завсегдатай, и тут же ввёл потенциального партнёра в курс дела.

— Карта северных земель? — заинтересовался тот, почесал свою недлинную, но густую рыжую бороду и закопался в какой-то ящик в шкафу.

Там обнаружилось бесчисленное множество свёрнутых карт, но северных анжельских земель, действительно, не нашлось.

— Хм, — в глазах Илмарта загорелся тот самый азарт, на который рассчитывал Райтэн.

Впрочем, азарт этот почти сразу сменился разочарованным прищуром, после чего последовало логичное возражение:

— Я не смогу покинуть службу на несколько месяцев.

Можно, конечно, было взять продолжительный отпуск, но Илмарт справедливо полагал, что это отодвинет желанный миг получения очередного звания. Две «положительных» страсти вступили в противоборство, и любовь к женщине победила любимое дело. «Картой больше, картой меньше! — подумал он. — А Инилэнь — единственная и неповторимая!»

Райтэн, не знавший о тонкостях в выстроении приоритетов собеседника, подумал, что

дело лишь в формальных трудностях, и легкомысленно отмахнулся:

— Да не переживай, Деркэн договорится! Дадут тебе любой отпуск.

Фраза эта произвела эффект, прямо противоположный ожидаемому. Сложив могучие руки на груди, Илмарт сквозь зубы процедил:

— Вот уж без помощи Анодара я точно обойдусь!

Почувствовав себя в крайней степени обескураженным, Райтэн чуть не переспросил язвительно: «Ньюнофоб, что ли?» — но припомнил, что друг его носит анжельское имя, говорит по-анжельски и обладает анжельским паспортом, поэтому едва ли кому может быть известно его ньонское происхождение.

«Все демоны Ледяной пустыни! — возмутился внутри себя Райтэн. — Почему в столь простом деле обнаруживаются столь нелепые сложности?»

Дальнейшие попытки переубедить Илмарта ни к чему не привели, к большой досаде Райтэна. Естественно, досадой этой он тем же днём поспешил поделиться с Дерекком, в своей обычной резкой манере начав прямо с дела:

— И что вы успели не поделить?

Ответа на этот вопрос не нашлось. Сам Дерек мог бы объяснить, почему он не хочет иметь дел с Илмартом — тот был, подумать только, марианцем! — но предположить, почему Илмарт не хочет иметь дел с ним, с Дерекком, было в высшей степени невозможно. Не то чтобы они хоть раз пересекались сверх этикетного минимума.

Тут с Дерекком случилась серьёзная когнитивная ошибка. Он настолько привык, что всегда и всем нравится, что, обнаружив человека, который по каким-то причинам испытывает к нему антипатию, тут же решил, что в этом есть его собственная вина. Что это он когда-то что-то сказал или сделал, и из-за этого Илмарт на него обижен или разгневан.

Весь вечер Дерек трепетно перебирал в голове все свои встречи с марианцем, выискивая, чем же мог разозлить того. Кто ищет столь тщательно — тот, разумеется, находит. Кандидатами в причины неприязни были выбраны три случая: однажды Дерек спешил и не остановился поздороваться, в другой раз умудрился перепутать звания и назвать капитана майором (эта причина казалась самой веской, ведь известно, как остро служивые люди воспринимают нарушения субординации!), и как-то ещё случилось неудачно пошутить про рыжеволосых — вроде не при Илмарте, но ведь мог узнать и принять на свой счёт!

Изрядно себя накрутив, снова и снова вспоминая эти три случая, Дерек решил, что кругом виноват и сильно обидел почти незнакомого человека (пусть и марианца). Поэтому на другой день, вызнав адрес, отправился извиняться.

Илмарт такого явления в своей скромной офицерской квартире не ожидал и встретил гостя более чем холодно:

— Анодар? — смерил он визитёра недовольным взглядом. — Чему обязан?

Дерек не смутился и в своей привычно-обаятельной манере принялся изъяснять, что крайне огорчён, что райтэновское дело с картами не сложилось из-за того, что он, Дерек, умудрился как-то оскорбить совершенно незнакомого человека, в чём он искренне кается и...

Естественно, Илмарт этот дружелюбный поток не дослушал, прервав его ледяным:

— Помилуйте! Мир не вертится вокруг вас! — после чего захлопнул дверь прямо перед носом докучливого гостя.

Дерек растерянно поморгал. Дипломатическая миссия, очевидно, полностью

провалилась, и надежда порадовать Райтэна добрыми вестями — тоже. К досаде примешалась обида — мало того, что марианец, так ещё и столь нелюбезный! К обиде добавилось недовольство собой: Дереку подумалось, что привычная искренне-мальчишечья манера ему уже и не по возрасту, и не по статусу, вот и даёт столь досадные сбои.

Именно последнее соображение повергло его в пучину размышлений и самокритики: он определённо чувствовал, что ему крайне не подходит то, как он сам себя ведёт, но, однако ж, он совершенно не знал, что и как изменить, чтобы это стало ему подходить.

Мысли подобного толка вылились в череду тягостных вздохов, которые, в конце концов, были замечены Райтэном.

— Да что с тобой сегодня?! — с досадой спросил он, чувствуя, что в последнее время всё идёт не так, как ему планировалось.

С кислой миной Дерек поведал о своём дипломатическом провале, умолчав притом о самокритичных выводах — уж очень нелепыми они ему казались.

Райтэн возвёл глаза к потолку и резюмировал:

— Просто у большинства людей в голове замешана демонова каша! — и презрительно отмахнулся: — Найду другого картографа, просто требуется время.

Впрочем, так смело сформулированная задача на практике решалась не так-то просто, поэтому вся затея Райтэна с картами так и могла бы остаться лишь смелой и дерзкой мечтой...

Но спустя пару дней в это дело вмешался случай, который, на первый взгляд, можно было бы посчитать несчастливым.

В свой выходной Илмарт отправился на ярмарку на припортовой площади — поискать какую-нибудь редкую книжку, на основе которой можно будет придумать новую карту. Так получилось, что в это же время на ярмарку пришла Лэнь — ей захотелось сварить варенье из какого-то заковыристого джотандского фрукта — которую сопровождал Дерек — почему-то выступающий знатоком того, как выбирать по-настоящему вкусные фрукты этого рода.

Илмарт в первую очередь заметил возлюбленную — по копне золотистых длинных волос — и с минуту наблюдал за ней, терзаясь сомнениями, подойти или нет. Ему, с одной стороны, боязно было выставить себя в смешном свете — ведь казалось, если подойти, то тут же станет совершенно очевидно, что он влюблён! — с другой, всё же, очень хотелось...

И вот, когда он, после череды терзаний, уже было совсем решил, что подойдёт, и даже сделал несколько шагов в нужном направлении — он заметил рядом с Лэнь белобрысую макушку своего соперника.

На лице его мелькнуло самое зверское выражение, но он тут же взял себя в руки. Припрятавшись за тентом одной из торговых палаток, он исподтишка наблюдал, как Дерек и Лэнь выбирают фрукты — смеясь, переговариваясь и выглядя притом совершенно счастливыми. Рисуюсь, Дерек подкинул в воздух один из круглых плодов, заставив его вращаться вокруг собственной оси; Лэнь с готовностью восхищённо ахнула, а торговец умело спрятал недовольство за радушной улыбкой. Наконец, наотбирал целую корзинку, парочка не спеша отправилась на площадь жандармерии. По дороге они оглядывали каждый торговый лоток, активно обсуждали увиденное, бурно жестикулировали и, вообще, на взгляд Илмарта, выглядели совершенно неприлично.

Не в силах совладать с ревностью, он отправился за ними — на небольшом расстоянии. Разговора он не слышал — до него лишь доносились обрывки тональности — но то и дело

поворачивающееся к собеседнику счастливое личико Лэнь заставляло его сердце сжиматься от зависти и гнева.

Как это часто бывало с Лэнь и Дерек, они не успели окончить разговора, поэтому ещё долго стояли у ворот и договаривали. Илмарт подобрался совсем близко: достаточно, чтобы слышать, как девушка требует у Дерека обязательно явиться завтра на обед, чтобы отпробовать то варенье, которое она собирается варить.

— Варенье на обед? — веселился в ответ Дерек. — Звучит слишком соблазнительно, чтобы отказаться!

Хотя, вроде бы, он и не сказал никакой шутки, оба они рассмеялись, после чего, наконец, начали прощаться. С этим у них тоже не заладилось, как и всегда: уже вроде бы начав произносить слова прощания, один из них вспоминал что-то недоговоренное и снова заводил разговор.

Илмарт то краснел, то бледнел, и, определённо, всё больше зверел. Вконец доконало его, видимо, то, что в попытках всё-таки попрощаться парочка умудрилась обняться аж трижды! Наконец, Лэнь забрала у Дерека корзинку со своими фруктами и упорхнула к себе, а тот развернулся, чтобы отправиться в пригород, и встретился взглядом с Илмартом.

— Капитан? — вежливо приподнял брови Дерек, понимая, что что-то опять идёт не так.

— Анодар, — пусть и сквозь зубы, но поприветствовал его Илмарт, складывая руки на груди и облакачиваясь спиной на стену здания, в тени которого стоял.

Видя, что собеседник вроде как сердит, Дерек приподнял брови более выразительно, предлагая объясниться, но в ответ получил только мрачный давящий взгляд — который, впрочем, не сильно его пронял, потому что пусть чуточку, но не дотягивал до фирменного взгляда грозного владыки Ньона. Пожав плечами — ну нет так нет! — Дерек кивнул в знак прощания и отправился своей дорогой — к мосту. Правда, вместо главной улицы, соединяющей площадь жандармерии с пожарной площадью, он отдал предпочтение живописным переулкам. Ему нравились сады зажиточных граждан, и крюк в десять минут, на его вкус, того стоил.

В этот раз, впрочем, полюбоваться окрестностями не вышло. Ощущение давящего взгляда в спину не покидало Дерека, и, поскольку был он человеком всё же умным и быстро соображающим, два и два в его уме сложились достаточно быстро: в следующем переулке.

«Да быть не может!» — аж встал он на месте, сообразив, что причиной столь яркой неприязни к нему является банальная ревность.

«Но я же!..» — возразил он сам в себе, полагая в этом случае ревность совершенно абсурдной, ведь, как он искренне считал, между ним и Лэнь существуют лишь тёплые дружеские отношения.

Недолго думая — Райтэн бы тут отметил, что мозги в этот момент его и вообще оставили, — Дерек развернулся, чтобы незамедлительно вернуться и разъяснить недоразумение, которое привело к тому, что гениальный картограф отказался участвовать в амбициозном плане по освоению северных земель.

Идти ему, впрочем, далеко не пришлось, потому что Илмарт по странным и таинственным причинам ослеплённого ревностью человека обнаружил в том же переулке: зачем ему потребовалось идти следом за ненавистным соперником, он и сам не сумел бы объяснить.

— Как удачно, что вы здесь! — простодушно высказался Дерек, желая тут же

приступить к важному разговору... и неожиданно понимая, что говорить в лоб почти незнакомому человеку что-то вроде «вы знаете, вы всё неправильно поняли, и я не претендую на вашу вроде как возлюбленную» — не самая блестящая идея.

И без того пребывающий в гневе Илмарт был ещё сильнее задет тем фактом, что оказался пойман на таком постыдном деле, как слежка.

— В самом деле? — хмуро смерил он подошедшего Дерекса взглядом, от которого тот поперхнулся так и не сказанной фразой.

Сморгнув, Дерек досадливо понял, что так и не удосужился разработать более подходящую ему теперь линию поведения, и ему остаётся делать то же, что он и всегда делал в ситуациях такого рода: обаятельно улыбнуться, смущённо растрепать себе волосы и самым дружелюбным тоном высказать что-нибудь искреннее и обезоруживающее.

В качестве последнего он выбрал:

— Вы знаете, капитан, у нас случилось недопонимание!

Надо сказать, что сто раз испытанная и обычно неплохо работающая тактика не помогла Дерексу в этом случае, поскольку лишь подлила масла в огонь гнева и ревности: лишний раз блеснув обаянием и харизмой, Дерек напомнил несчастному, почему красивые девушки предпочитают улыбчивых мальчишек, а не хмурых жандармов.

— В самом деле? — из последних сил сдерживая свой гнев, повторил вопрос Илмарт.

Старые-добрые марианские традиции с каждой секундой казались ему всё более приемлемыми.

Дерек же, не зная, что над его головой сгущаются тучи, поспешил разъяснить недоразумение:

— Мы с госпожой Кэриар — просто хорошие друзья, ничего более! — лучезарно улыбнулся он.

Гнев окончательно вскипел в Илмарте.

Пожалуй, только Дерек мог принимать отношение к нему Лэнь за дружбу — и то скорее по той причине, что ему крайне хотелось, чтобы это было только и исключительно дружбой и ничем сверх. Вздумай даже Лэнь прямыми словами признаваться ему в любви, Дерек и тогда до последнего тряс бы головой и считал, что это она в нём названного брата обрела.

Назвав отношение к нему Лэнь дружбой, Дерек, сам того не зная, оскорбил Илмарта глубоко и отчаянно — поскольку этим своим легкомысленным «просто хорошие друзья» обесценил то, что Илмарту виделось как величайшее сокровище во вселенной — любовь Лэнь.

— Мразь! — тихо выразил своё отношение к Дерексу Илмарт и быстрым точным движением пробил прямой в челюсть. К некоторой его неожиданности, удар пришёлся по скуле — Дерек, хоть и не ждал нападения, однако обладал достаточно быстрой реакцией, и не только отшатнулся, но и чисто на инстинктах дал сдачи, удачно подбив марианцу глаз. Впрочем, такой успех был связан скорее с тем, что Илмарт привык сваливать противника с одного удара и явно не ожидал, что Дерек удержится на ногах, да ещё и ударит в ответ!

Дальнейшая потасовка была совершенно незрелищной и удручающе короткой в виду несоизмеримого уровня подготовки и силы: Дерек, несмотря на наличие некоторых мышц, оставался довольно субтильным типом, а Илмарт, мало того, что был коренастым и кряжистым, так ещё и навыки рукопашного боя имел самые что ни на есть выдающиеся.

Впрочем, Дерек попытался сделать хоть что-то разумное в такой ситуации — сбежать — но ловкая подсечка сбила его с ног. Подняться он не успел. Схватив его за шкирбан —

рубашка порвалась, впиваясь в тело жгутами, — Илмарт чуть не вышиб из него дух, стукнув хребтом по ближайшему забору. Не успел Дерек опомниться, как сильная рука сжала его горло, не давая закричать и шутя удерживая на месте. Подстёгнутое адреналином тело моментально сожгло весь остающийся в лёгких воздух, и, хотя Илмарт не имел намерения душисть, у Дерека перед глазами отчаянно почернело, а мысли в мозгу отказались складываться во что-то связное.

— Так и знал... что меня прибьёт... какой-нибудь марианец... — невнятно просипел он перед тем, как всё-таки потерять сознание, и, видимо, именно эти слова его и спасли.

Потому что Илмарт А-Ранси по-прежнему категорически ненавидел саму идею того, чтобы быть «каким-нибудь марианцем».

Эти слова обожгли его как огнём, мгновенно отрезвив; он разжал хватку — и Дерек ожидаемо упал бесформенным кулем. Несколько секунд Илмарт смотрел на него со смесью отвращения, ужаса и злости.

...Когда Дерек пришёл в себя, переулочек уже был пуст.

3. Куда приводят угрызения совести?

Пережитое напряжение отдавалось в теле дрожью. С минуту Дерек сидел посреди переулка, пытаясь справиться с собой и со страхом, который задним числом обрушился на него во всю мощь. Собственно в момент происшествия испугаться он не успел — от первого удара до потери сознания прошло меньше минуты. Теперь же унять захватившую всё тело дрожь казалось решительно невозможным: столь остро беззащитным он не чувствовал себя... да, наверно, с того самого марианского набега на его посёлок.

Наличие за пазухой припрятанного ножа тоже не слишком обнадёживало — в тот момент, когда он был нужен, Дерек о нём попросту забыл. Да и чем может помочь нож, когда ты не очень-то хорошо им пользуешься, а против тебя выступает превосходящий в силе марианец — а марианцы, как известно, даже спят с кинжалом в руке и чувствуют его как продолжение собственного тела.

Спрятав лицо в ладонях, Дерек досадливо поморщился: судя по резкой боли, полученный удар в скулу оставил последствия. Осторожно ощупав языком зубы, он сделал вывод, что, во всяком случае, здесь ему повезло. Попробовал подвигать челюстью — было больно, но, кажется, обошлось без вывиха. Впрочем, он не очень хорошо разбирался в такого рода вещах, поэтому первым делом решил добрести до дома — оценить степень полученных повреждений в зеркале.

Пока брёл — спина ощутимо ныла от недавнего резкого знакомства с забором — настроение падало всё ниже и ниже: ситуация начинала казаться всё более и более паршивой. Дерек привык воспринимать Брейлин как свой город и безопасную территорию — осознать, что в этом городе есть враг, который агрессивно настроен персонально к тебе, было паршиво. Ещё паршивее были причины такой вражды: Дерек весьма дорожил отношениями с Лэнь, но раньше совершенно не задумывался, что характер этих отношений может быть понят неправильно. Теперь же в голову его закралась неприятная и тревожная мысль, что, возможно, и другие воспринимают его дружбу как ухаживания и ждут дальнейших логичных шагов.

Добравшись домой, Дерек поразглядывал свою физиономию и пришёл к выводу, что скула, конечно, опухла, но, кажется, не критично. Идти к лекарю ему категорически не хотелось, так что он, подумав, сменил рубашку и отправился в карьер, к Райтэну.

Тот, с порога оценив наличие повреждений, присвистнул:

— Это кто тебя так? А ну-ка, встань вот так, — осторожно повернул его к свету и принялся хмуро разглядывать: — Так, рот открой пошире, потом закрой. Больно?

— Да, — хрипло подтвердил Дерек, выполняя указания.

Райтэн скептически смерил друга взглядом, недовольно дёрнул уголком рта, слегка нажал куда-то в районе шеи, потом выше:

— А тут? Тут?

— Ай, — наконец, дёрнулся Дерек, когда нажим пришёлся по больному месту.

— Банальный ушиб, — через губу презрительно резюмировал Райтэн.

Взгляд его был недовольным до такой степени, будто он был уверен, что ушиб этот Дерек получил только в результате какой-то фееричной глупости, демонстрирующей полное отсутствие мозгов.

— Подрался в переулке, — подтвердил тот эту версию.

Возведя глаза к потолку, Райтэн сложил руки на груди и выразил мимикой крайнюю степень недовольства. Решив, однако, что и эта степень недостаточна, вербализовал:

— Я тебе говорил не ходить по переулкам?

Дерек упрямо дёрнул головой, поморщившись от стрельнувшей в скуле от резкого движения боли.

— Идиотизм всегда бывает наказан, — чопорно и нравоучительно изрёк Райтэн.

Дерек хотел было скривиться, но боль не позволила.

На следующие полчаса они погрузились в работу, однако мысли Дерек упрямо текли в другом направлении и, наконец, не выдержав, он спросил:

— Тэн, а ты как думаешь... — говорить оказалось хоть больно, но терпимо. — Лэнь в меня влюблена, что ли?

Отложив бумагу, которой занимался, Райтэн поднял удивлённый взгляд, поразглядывал друга и сделал проницательный вывод:

— Это что, тебя Войтэн так отделал, что ли?

Дерек нахмурился. По лицу поняв, что не угадал, Райтэн вопросительно выгнул бровь и язвительно отметил:

— Ну, вряд ли господин Кэриар опустится до банального мордобоя, значит, остаётся тайный поклонник, так?

Дерек слегка скривился, что подтвердило эту версию.

Выразив лицом самодовольство собственным умом, Райтэн через губу соизволил, наконец, ответить на первичный вопрос:

— Да. Влюблена.

Дерек тоскливо вздохнул и обнаружил, что глубоко вздыхать тоже больно.

Чётко сформулировать своё отношение к Лэнь он, наверное, не смог бы. Она ему, определённо, нравилась — с нею было интересно и легко говорить. А ещё она напоминала ему Эсну, особенно со спины: схожее телосложение и, конечно, пышные волосы золотистого оттенка. Лицо, правда, было совсем другим, и голос тоже, а главное — другими были характер, взгляды на жизнь, восприятие мира.

Ему казалось, что он уже давно оставил своё ньонское прошлое позади, но, всякий раз, как он обнимал Лэнь и утыкался носом в её золотые волосы, он невольно вспоминал другие объятья и другие волосы — и испытывал диссонанс от не того запаха, не того голоса и не тех отношений.

Очевидно, Дерек невольно переносил на Лэнь те старые, так и не прожитые чувства к Эсне, которые он упорно подавлял и прятал по чердакам подсознания, сам себя ловил на этом переносе, злился и обесценивал саму Лэнь, раз за разом остро напоминая себе, что она не Эсна.

Для него она была настолько «не Эсной», что не была собственно «Лэнь».

Заметив по лицу друга, что тот ушёл в совсем уж тоскливые дебри размышлений, Райтэн небрежно переспросил, пытаясь разобраться в сути проблемы:

— Она же тебе нравится?

Без особого энтузиазма Дерек кивнул, затем передумал, покачал головой, и попытался как-то выразить то, что сам толком не понимал:

— Нравится... но не так.

Они помолчали, после чего последовало новое уточнение:

— То есть, не настолько нравится, чтобы жениться?

С облегчением Дерек кивнул: такая формулировка более или менее соответствовала его чувствам.

Присвистнув, Райтэн поразглядывал потолок и вынес вердикт:

— Ну что ж, в своё время бежать тебе придётся быстро и далеко, потому что у господина Кэриара руки весьма длинные и связи более чем обширные.

— Зачем бежать? — не понял Дерек, который был не очень-то искущён в вопросах взаимоотношений с девушками.

Взгляд Райтэна явно свидетельствовал, что он в очередной раз сетует по поводу проблем друга с мозгами. Из некоторых соображений тактичности в этот раз он ограничился внутренним монологом — который, впрочем, считывался с его мимики, — после которого расшифровал:

— Она в тебя влюблена по уши. Тебе она нравится. Значит — что? — не добившись понимания таким, казалось бы, прямым намёком, Райтэн закатил глаза и пояснил: — Значит, рано или поздно вы переспите, дурень. И, поскольку нравится она тебе не настолько, чтобы жениться, у тебя возникнут проблемы с её отцом.

Дерек глупо заморгал и переспросил:

— И что мне делать?

Смерив его досадливым взглядом, Райтэн тоном «само собой разумеется» перечислил:

— Либо созреваешь на брак, либо готовишься к бегству, либо перестаёшь дурить девчонке голову.

Тут уж Дерек оскорбился и вскочил — правда, тут же поморщившись от стрельнувшей в спину боли.

— Я не дурю ей голову! — горячо, но хрипло возразил он.

— Да-да, — не впечатлился Райтэн. — Оно и видно.

Чувствуя глубокую растерянность, Дерек сел на место. Он никогда не рассматривал своё поведение касательно Лэнь в таком контексте, и ему впервые пришла в голову мысль, что, возможно, девушка — да ещё и влюблённая, как выяснилось! — понимает его совсем не так.

— Но я же ничего такого не делал!.. — обиженно буркнул он, защищаясь.

Натолкнулся на полный скепсиса взгляд.

— В самом деле есть необходимость, — вкрадчиво поинтересовался Райтэн, — озвучивать весь список этого «ничего такого»?

Плечи Дерека поникли. В голове его этот список выстроился сам собой.

Между тем, закончив с каким-то бумагами, Райтэн встал и деловито уточнил:

— Я в порт.

— Я здесь поработаю, — отозвался Дерек.

Работать после ухода друга, впрочем, у него не очень-то получилось. В голове так и сяк вертелась ситуация, которая чем дальше, тем мрачнее выглядела. Чем больше Дерек размышлял в направлении, можно ли было принять его слова и поступки за ухаживания, тем отчётливее понимал, что да, вполне можно. Он снова и снова вызывал в памяти те или иные эпизоды — и мрачнел всё сильнее, в первую очередь от того, что совершенно не видел для себя дальнейшего выхода. Ему начало казаться, что после того, как он столь рьяно подпитал надежды Лэнь своим поведением, у него не может быть иного выхода, кроме как сделать ей предложение — и от того, что он полагал теперь себя обязанным на ней жениться, она стала

видеться ему во всё более неприятном свете. Это внутреннее насилие, которое он совершал над самим собой, незамедлительно вылилось в агрессию — теперь уже по отношению к девушке, потому что на следующем витке своих размышлений Дерек стал видеть ситуацию уже так, будто бы это она заставляет его на себе жениться.

Немудрено, что с такими настроениями он на другой день и не подумал явиться на обед пробовать варенье — внутри себя он бурчал на то, что Лэнь нарочно заманивала его в такие ситуации, компрометируя их перед своими родителями и ставя его в такое положение, где он вроде как выступает официальным ухажёром, хотя он-то ничего подобного вовсе и не имел в виду.

Нарушать своё слово было не в привычках Дерека, а он, к тому же, даже не предупредил, что не явится, и Лэнь, естественно, крайне встревожилась и, не дождавшись, отправилась на поиски сама — даже страшный мост её не остановил.

Дерек нашёлся дома, и, поскольку раскрашенная синяком часть его лица красноречиво свидетельствовала о вчерашних приключениях, Лэнь с первого же взгляда вообразила, что дело, конечно, в полученной травме.

— Ох! Как это ты так? — бросая на него беспокойные взволнованные взгляды, спросила она.

— С чердака навернулся, — ляпнул Дерек прежде, чем обдумать ответ.

— Ох! — Лэнь прижала кулачок ко рту. Глаза её светились искренним волнением и сопереживанием. Она не очень разбиралась в видах травм и, конечно, легко поверила, что дело в неудачном падении.

Последовала неловкая пауза. Дерек отчётливо понимал, что опять увязает в отношениях, которые выглядят со стороны весьма недвусмысленно. Ему пришла в голову мысль, что самым правильным было бы сказать что-нибудь злое и поссориться с Лэнь; но у него, определённо, не хватало мужества на столь радикальный и грубый поступок.

«С другой стороны, — размышлял Дерек, — если я не прогоню её сейчас, это будет значить, что я одобряю, чтобы она приходила ко мне одна. И, как ни неприятно признавать правоту Тэна, дело рано или поздно зайдёт слишком далеко — и останется только жениться».

Пауза затягивалась. Лэнь отчётливо начала чувствовать себя неловко — чужой и холодный взгляд Дерека заставлял её тревожиться. Он, в свою очередь, пытался придумать какую-нибудь гадость, но с каждой уходящей секундой чувствовал в себе всё меньше решимости эту гадость произнести.

— Я... не вовремя? — наконец, догадалась Лэнь, осторожно и робко пытаясь заглянуть ему в глаза.

«Либо целуй и женись, — озвучил сам себе Дерек внутри своей головы, — либо закрывай дверь и заканчивай со всем этим».

Увы, ни на один из этих вариантов он так и не созрел, и в итоге продолжил именно то, что сам с собой постановил прекратить незамедлительно — линию задуривания девичьей головы.

— Нет, конечно, нет, — сморгнув, заверил он и открыл дверь пошире, приглашая войти. — Чаю?

— Да, спасибо! — незамедлительно просияла улыбкой Лэнь, впархивая внутрь. — Кстати, — обернулась она уже от стола с лукавыми смешинками во взгляде и голосе, — я тебе своё варенье принесла!

Дерек сквозь боль улыбнулся и отправился разводить огонь, чтобы вскипятить воду.

4. К чему приводят попойки?

Илмарт напряжённно и раздражённно ждал вызова к начальству. Уличные или трактирные драки не были редкостью в Брейлине, но жандарм, избивший гражданского, — это совсем другая история. Особенно же дело осложнялось тем, что побитый гражданский был завсегда в доме главы жандармерии, а сам Илмарт ходил в важном чине капитана.

«Разжалуют в рядовые», — тоскливо думал Илмарт, чувствуя, что желанное звание майора стало для него теперь недостижимым. Впрочем — что ему толку в этом звании, если Лэнь уже выбрала не его?

Мысль о том, что, вообще-то, Лэнь как минимум никого не выбирала по той причине, что не знала о наличии альтернатив — Илмарт по странной мужской логике отложил ухаживания до момента получения заветного звания, — ему в голову даже не пришла.

В его глазах его перспективы выглядели крайне мрачно, но он утешал себя мыслью, что, по крайней мере, может теперь бросить службу — это занятие не очень-то его вдохновляло. Оставался вопрос с мерой ответственности за затеянную драку — Илмарт надеялся отделаться штрафом, однако, будучи наслышан об успехах Дереха в делах судебных, и здесь был склонен к пессимизму и ожиданию самых неприятных последствий.

Он тем больше напридумывал себе страшилок, чем дольше затягивалось дело — а к начальству его не вызвали ни на другой день, ни на третий, ни на четвёртый, и даже частная повестка из суда тоже не приходила. Чем дольше тянулось ожидание — тем мрачнее виделись перспективы. «Должно быть, полноценный рапорт готовит», — объяснял себе промедление Илмарт, вообразив, что Дерек решил подкрепить свою жалобу свидетельскими показаниями и методично обходит всех жителей домов, прилегающих к злополучному переулку.

Спустя неделю, однако ж, стало очевидно, что реальность не соотносится с его ожиданиями. В конце концов, жалобы такого рода следует подавать, пока можешь предъявить следы побоев — а подбитый глаз Илмарта уже начал заживать, что говорило о том, что и скула Дереха должна уже возвращаться в норму. Постаравшись осторожно разузнать что-то об этом деле, он не преуспел: жизнь господина Анодара явно не являлась популярной темой в жандармской среде.

Вывод напрашивался один: подавать какие бы то ни было жалобы господин Анодар и не собирается.

Сделав это открытие, Илмарт в первый момент испытал облегчение — его званию и службе ничего не грозит! — но после этого погрузился в стыд, ранее не достигший его только из-за остроты переживаний по поводу грядущего разбирательства.

Илмарт с детства был не прочь почесать кулаки, и был в этом деле весьма неплох. Количество драк, пришедшихся на его отроческие и юношеские годы, выходило за всякие разумные пределы. Позже служба в марианской армии заставила его научиться держать себя в руках, и окончательное преобразование произошло уже в Брейлине — поскольку жандарму, мечтающему о звании майора, точно не стоит ввязываться в потасовки.

Правда, он частенько спускал пар, участвуя в кулачных боях в казарме — развлечение, которого не чурались и офицеры, — и по праву гордился тем, что был одним из лучших.

Стыдно Илмарту было по двум причинам. Во-первых, Дерек даже чисто на взгляд был ему не соперник, а бить того, кто заведомо слабее, определённо, бесчестно. Во-вторых, сама

причина драки тоже вызывала острое недовольство собой: он своим срывом вроде как усугублял глубину своего поражения на любовном поле.

Одним из качеств, далеко отделяющем Илмарта от его соотечественников-марианцев, было мучительно обострённое понятие личной чести. В Мариане в порядке вещей было подставлять, манипулировать, заманивать в ловушки, бить в спину и побеждать любой ценой. С детства Илмарту претили обычаи родной страны, и, чем больше он сталкивался с этой стороной марианской жизни, тем упрямее воздвигал свой собственный кодекс чести.

И вот, в один день он опрокинул всё, во что верил, нарушив целый ряд принципов этого высокого кодекса. А теперь ещё и, судя по всему, избежал ответственности за содеянное.

Илмарт с честью принял бы наказание, установленное для него судом, даже если бы наказание это было несправедливо тяжёлым — чего можно было ожидать, имея дело с таким всеобщим любимчиком, как господин Анодар. Илмарт не удивился бы, если бы вместо честного суда получил бы ответку в виде посланных по его душу бандитов — хотя, конечно, не дал бы им себя убить, если бы это хоть сколько-то зависело от него.

Но чего Илмарт точно не мог снести — так это такого вот игнорирования его проступка!

Поэтому однажды вечером — после дежурства — он нагрязнул к Дереку: предъявлять претензии по поводу отсутствия претензий.

Беспечный Дерек, который привык после звонка в придверный колокольчик сперва открывать дверь, а уж потом выяснять, кто и зачем пришёл, определённо, впервые в жизни задумался о том, что Райтэн был прав, пеняя на отсутствие базовой осторожности в таких вопросах. Пожалуй, он даже успел испугаться, потому что Илмарт несколько помедлил с озвучиванием цели своего визита, так как чувствовал себя неловко вдвойне: и из-за драки, и из-за того, что собеседник знал о его чувствах к Лэнь.

Впрочем, пока Дерек растерянно моргал и пытался придумать, до какого оружия ему быстрее добежать и каким именно образом было бы удачнее дать отпор, Илмарт всё-таки собрался с мыслями, прокашлялся и заявил:

— Анодар, я не нуждаюсь в твоём снисхождении и требую предоставить наше дело в суд!

Такой заход и совсем уж выбил почву из-под ног Дерек, и он вконец перестал понимать, что происходит. Ему одинаково необходимо оказалось переспросить, какое-такое снисхождение, какое-такое дело, почему это дело «наше» и причём тут какой-то суд.

Дерек, понимаете ли, даже в голову не пришла мысль, что, ежели вам в тёмном переулке заехал по физиономии капитан жандармов — это веский повод настроичить кляззу в соответствующее ведомство.

— Какой ещё суд? — наконец, выбрав приоритетное направление, нахмурил он брови.

Крайне раздражённым жестом Илмарт сложил руки на груди и сухо процитировал соответствующую статью.

Это прояснило ситуацию лишь отчасти: Дерек, во всяком случае, понял, чего от него хотят, но не понял, зачем собеседнику это потребовалось.

— Какие ещё телесные повреждения, А-Ранси! — раздражённо прошипел он, полагая, что его заманивают в какую-то крайне хитрую марианскую ловушку, чтобы ударить исподтишка. — Я тебе тоже глаз подбил, так что мы квиты!

Оба они посчитали, что битьё друг другу морды является веским поводом для перехода

на «ты», но это, кажется, был единственный пункт, по которому они достигли взаимопонимания.

Дерек, с одной стороны, опасался, что бешеный марианец и дальше будет на него бросаться при всяком удобном случае, но, определённо, не считал суд хорошим решением в такой ситуации — это ж как дёргать волка за хвост, может, и повезёт отскочить вовремя, но, скорее всего, обозлишь и останешься без руки. Конечно, проблему нужно было решать, но пока гениальный план Дерек заключался в «не ходить в одиночку по безлюдным местам».

Что касается Илмарта, то он и в самом деле был оскорблён, что противник намерен спустить дело на тормозах, — такое его гордость могла стерпеть от друга или хотя бы от союзника, но не от врага! Снисхождение, которое оказывал ему, по его мнению, Дерек, глубоко его унижало.

— Избиение со стороны должностного лица требует разбирательства! — ярьсь, принялся он объяснять свою точку зрения. — Я требую, Анодар, чтобы ты поступил как мужчина и написал заявление!

Последняя фраза прозвучала крайне патетично, и Дереку стоило больших усилий сдерживать смех — провоцировать этого безумца явно не стоило. Однако сдержанная улыбка явно читалась в его голосе, когда он возразил:

— Ну, если уж как мужчина, то я должен вызвать тебя на поединок, разве нет?

Переход на шутливый тон, как ни странно, снизил накал страстей. Во всяком случае, Илмарт вышел из драматичного образа, смерил собеседника насмешливым взглядом и через губу заметил:

— Ты себя-то видел? Тоже мне, поединок!

На самом деле, Илмарт был выше Дерек всего-то на полголовы. Однако широкие плечи, объёмные мускулы и массивные бёдра создавали эффект, на фоне которого Дерек выглядел щупло и неказисто.

— Вообще-то, — счёл разумным оскорбиться тот, — я прекрасно фехтую! — и быстро добавил: — По-ньонски.

Потому что райтэновская методика, с уколами и выпадами, так ему и не далась.

— По-ньонски? — теперь уж Илмарту стоило всех сил не рассмеяться. Соперник никак не производил впечатления опытного мечника.

— Желаете убедиться? — холодно ответил Дерек и, развернувшись, загремел чем-то за дверь.

Вообще, у него дома особо не было оружия, но ньонские мечи как раз завалились. Раздражённый тем, что Райтэн считает его совершенно неспособным к фехтованию, Дерек прикупил привычный ему вид оружия, чтобы доказать, что вполне даже умеет и может. Однако дело не заладилось: разок попробовав помахать ньонским мечом, Райтэн язвительно заявил, что такой дубиной только мозги вышибать, и звания благородного искусства размахивание этим мясницким инструментом недостойно.

Возможно, столь резкое суждение было связано с тем, что, пытаясь овладеть хотя бы базовыми ударами, Райтэн несколько раз заехал сам себе по бедру, обзавёлся болезненным огромным синяком и был крайне раздосадован собственным неумением.

Так что мечи остались пылиться — и неожиданно пригодились.

Илмарт, к слову, был безмерно удивлён, когда Дерек таки вытащил наружу два действительно неплохих ньонских меча — да и само то, что он шутя удерживал в руках оба одновременно, уже говорило о том, что он гораздо сильнее, чем кажется на вид.

Противники вышли во двор и без долгих предисловий приступили к делу.

К удивлению Илмарта, справиться с Дерекком оказалось не так легко, как ему думалось. Это было связано, разумеется, с тем, что Дерек пятнадцать лет спарринговал с Грэхардом — той ещё глыбой железных мышц. Понятное дело, что составить ему конкуренцию по силе он не мог, поэтому делал ставку на ловкость и подвижность — ньонский тип фехтования был довольно инертен и тяжеловесен, так что подвижность давала своего рода преимущество. Дерек знал сотни уловок и обходных путей, которые помогали уйти от удара противника и даже попробовать атаковать его. Конечно, вот уже несколько лет он не тренировался и здорово подрастерял форму — махать когда-то привычным мечом оказалось тяжело и неудобно, ни нужных мышц нет, ни мозолей.

Но всё же это было гораздо больше того, чего мог ожидать Илмарт, поэтому последний был крайне заинтригован. Поединок их, и изначально лишённый боевого азарта, совсем уж стал напоминать тренировку. Илмарт скорее испытывал Дерекка, пытаясь понять, насколько эффективен его способ боя, и довольно быстро перешёл в режим наставника, рвякая на неосторожности, требуя «ещё раз повторить вон тот приём» и давая ёмкие — зачастую нецензурные — характеристики рисунку атаки и защиты.

— Нет, — наконец, резюмировал Илмарт, опуская свой меч, — что-то в этом, конечно, есть, но в настоящей схватке никуда не годится! — заключил он с таким недовольством в голосе, как будто стиль Дерекка был результатом его собственного педагогического провала.

Дерек, впрочем, ни капли не обиделся, потому что и сам с первых выпадов понял, что в реальном бою с таким противником не продержался бы и минуты.

Не найдя ничего лучше — всё ещё обескураженный в край происходящим — он прибегнул к его величеству Этикету, лучшему решению в любой непонятной ситуации:

— Чаю? — любезно предложил он.

Илмарт машинально кивнул — умом он всё ещё был в только что разыгранной схватке, перебирал приёмы и движения.

Когда он из этих размышлений вышел и обнаружил себя уже сидящим за столом перед чашкой горячего чая, это вызвало в нём некоторое недоумение, быстро выраженное недовольным:

— А что, чего покрепче не найдётся?

Брови Дерекка поползли вверх. Он отложил собственную бадейку и загромыхал в шкаф.

— Ром подойдёт? — прокричал от шкафа, найдя перспективную бутылку.

— Анжельский? — скривился недовольно Илмарт.

— Боже упаси! Джотандский! — оскорблённо высунулся из-за шкафа Дерек.

— Годится, — успокоился Илмарт и вдруг заинтересовался: — А ты что, в Бога веришь, что ли?

В Анджелии такое было редкостью — местные верили в Великое Пламя, изначальную силу, из которой всё возникло и которой всё движется.

— Верую, — серьёзно кивнул Дерек, возвращаясь к столу с бутылкой, — во Единого Бога...

Под религиозный диспут ром пошёл более чем хорошо, и когда к ночи сюда заявился Райтэн — в зависимости от своих дел он иногда ночевал у друга — то глазами его открылась предивная картина. Одинаково пьяные Илмарт и Дерек на два голоса распевали псалмы на нийском, время от времени доливая в чай ром. Или в ром чай. Тут уж было разобрать

невозможно.

— Что ещё за монастырские бдения? — выразил степень своего удивления Райтэн.

Два пьяных взгляда обратились к нему.

— О! — обрадовался Илмарт и ткнул в него пальцем. — Язычник пришёл!

Райтэн так оскорбился, что даже слов не нашёл сразу. Пока находил — сориентировался Дерек и возразил:

— Не. Не язычник. — И наставительно поднял палец вверх. — Агностик!

— Они ж пламени поклоняются!.. — нетвёрдо возразил Илмарт.

Уйти в более глубокие дебри они не успели — хотя, очевидно, им того хотелось, — поскольку Райтэн холодно поставил точку в споре:

— Атеист. — И через губу добавил: — Как и любой, у кого есть хоть какие-то мозги!

— О! — невесть чему обрадовался Дерек и, наклонившись к собутыльнику, доверительно зашептал: — Про мозги заговорил! Значит, обижен!

Ответить что-то язвительное «обиженный» не успел, поскольку Илмарт радостно подхватил мысль:

— Это потому что без него пьём! — и не успел Райтэн возразить, как ему в руки всучили кружку с ромом. Напополам с чаем. Или, возможно, больше с ромом, чем с чаем.

...как и почему эта грандиозная попойка перешла в обсуждение исследовательской экспедиции по северным землям — остаётся неизвестным, но, возможно, дело в том, что Райтэн дальновидно оставался более или менее трезвым и упорно гнул свою линию вне зависимости от того, в какие дебри заносило его собеседников.

III. Лесные тропы. 1. Как найти проводника по болотам?

III. Лесные тропы

641 год, лето. Северная Анджелия

Tomorrow will take us away

Far from home.

Noone will ever know our names,

But the bards' songs will remain.

And you're not alone.

So don't be afraid

In the dark and cold.

Blind Guardian «The bard's song — In the forest» [1]

1. Как найти проводника по болотам?

— Не могу поверить, что я в это ввязался! — ныл Дерек, облокотившись на фальшборт и рассматривая унылый берег Фаньи — мелкого городишки на северном побережье Анджелии.

Райтэн возвёл глаза к небу и выразительно промолчал: это нытьё продолжалось с самого выхода из Брейлина и явно не требовало ответа. Что касается Илмарта, он зарисовывал в своём блокнотике контуры берега и выглядел вполне довольным и умиротворённым. Впрочем, на очередную порцию сетований он всё же решил отреагировать. С некоторой насмешкой в голосе он поделился решением:

— Больше никогда в жизни не буду пить с Тогнармом!

Раздражённый Райтэн на это огрызнулся:

— Ну и отправляйтесь обратно! Без вас справлюсь!

Ответом ему были два скептических взгляда.

Затем, придав лицу своему самое вдохновенное выражение, Дерек важно провозгласил, цитируя один из постулатов ньонской веры:

— Никому не дано избежать уготованной ему судьбы!

Илмарт незамедлительно подхватил игру, замогильным голосом озвучив:

— Господь Бог мой направит ноги мои на совершение!

Райтэн досадливо застонал. Его спутники, обиженные тем постулатом, что мозги и логическое мышление являются прерогативой исключительно атеистов, сговорились изрекать различные религиозные мудрствования по всякому подходящему поводу и даже без ононого. Райтэн бесился, вступал в горячую полемику, но на каждый его аргумент ему невозмутимо приводили очередную цитату — впрочем, безбожно смешивая писания и предания всех существующих религий. Несмотря на свою очевидно невыгодную позицию — один против двоих — Райтэн категорически отказывался извиняться и брать свои слова обратно, так что «развлечение» грозило затянуться на годы.

— Чего только не придумают люди, — через губу презрительно возвестил Райтэн, — лишь бы не брать на себя ответственность за свои собственные решения!

— Судьбу свою человек создаёт поступками своими, — не моргнув глазом, мгновенно сменил позицию Дерек, переходя на ангельские постулаты веры.

— Что посеет человек, то и пожнёт, — согласно кивнул Илмарт.

Прожигать взглядами сразу двоих было непросто, но Райтэн с этой задачей вполне справился.

— Ты лучше скажи, — вернулся к конструктиву Дерек, — что мы будем делать, когда высадимся?

Заломив бровь, Райтэн уверенно ответил:

— Искать проводника, разумеется!

— Разумеется, — покладисто согласился Дерек и конкретизировал проблему: — Но как?

Тут гениальному стратегу пришлось основательно задуматься: мелочи такого рода он в своих планах, как всегда, не учитывал.

— Пока вы будете искать, — неожиданно вмешался в разговор Илмарт, — я, пожалуй, город набросаю.

Идея была признана здоровой, и, договорившись встретиться вечером в портовом трактире, они разделились.

Райтэн предложил поспрашивать о проводнике местных торговцев, что не вызвало в Дереке особого энтузиазма. Мол, торговля здесь идёт в основном морским путём, откуда им знать, как тут по суше куда добираться? Впрочем, мешать другу он не стал и верно таскался с ним по всему торгу, не вступая, правда, в активные беседы.

— Ну ладно, ладно, — наконец, недовольно признал Райтэн. — И что тогда предлагаешь ты?

Не став озвучивать ту мысль, что о столь важных деталях стоило подумать заранее, Дерек предложил выйти за окраину города, поискать трактир и расспросить там.

Эта идея, действительно, оказалась более удачной. Если кто и думал путешествовать по суше, то проходил мимо этого заведения — а обычно и не проходил, а заходил. Так что разговорчивый трактирщик охотно поделился хотя бы сведениями общего характера: налево по развилке, мол, только рыбацкая деревня, прямо можно добраться до приречной деревушки, совсем направо пара хуторов, а вот если прямо и направо через мост — вон там уже тракт не тракт, а какая-то колея в цепочку из нескольких деревень идёт.

Покивав, спутники вернулись в порт, чтобы поймать там Илмарта, и притащились ночевать в трактир к своему осведомителю — тому пришлось ещё разок пересказать эти ценные сведения, чтобы все они нашли отражение в набросках для будущей карты.

С раннего же утра они двинулись в путь по тому самому направлению, которое показалось самым приоритетным и вроде как вело вглубь страны. Дорога их проходила сперва вдоль реки, открывая взгляду места самые живописные — впрочем, так было лишь на вид, так-то изрядно подтопленные берега напоминали скорее болото, и соваться туда явно не стоило. Немудрено, что до моста пришлось идти ощутимо долго — явно непросто оказалось выбрать место, где таковой удалось соорудить.

Зато на том берегу почти сразу расположилась деревушка. Тут-то отважные исследователи и надеялись разжиться информацией, но... поселение оказалось таким маленьким, что ни трактира, ни торгового схода не нашлось. Это привело Райтэна в некоторое замешательство — он не чувствовал себя готовым ломиться во все дома подряд с

вопросами. Хотя в разговоре он и бывал достаточно бесцеремонным, врываться в чужое личное пространство не было для него привычным. Илмарт же, напротив, индифферентно сообщил, что готов обойти все дома и поспрашивать, что как где. Наблюдавший за их недолгой дискуссией Дерек изумлялся всё сильнее, и, в конце концов, озвучил мысль, которая казалась ему очевидной:

— Нужно завалинку найти.

На него устремилось два удивлённых взгляда. Райтэн, впрочем, тут же состроил физиономию максимально презрительную — что обличало его незнание этого слова. Илмарт был человеком более простым и спокойно переспросил:

— Завалинку?

— Место сбора пожилых дам, — изящно сформулировал Дерек и, прищурившись, оглядел окрестности, пытаясь сообразить, где, скорее всего, будет расположено искомое.

Поиски не заняли много времени — правда, роль завалинки в этой деревушке исполняла пара брёвен. Но разномастные старушки там обретались в изобилии. Взяв на себя все переговоры, Дерек в несколько минут успел познакомиться со всеми, пристроить друзей на перекус, обсудить погоду, политику и экономику и дважды отказаться от знакомства с внучками — за себя и за Илмарта. Райтэн старушкам не понравился в виду своего высокомерного вида.

Впрочем, он состроил что-то вполне дружелюбное, когда одна из бабок вынесла им целый поднос пирожков с черникой — ещё тёплых, румяных сверху и немного влажных внутри — от сладкой ягоды. Уплетая эти вкусности, они через забор смотрели, как Дерек, подсакивая, машет руками и активно жестикулирует — со стороны было не очень понятно, что это он пытается изобразить битву ньонского флота с пиратами.

— Не понимаю, как он это делает, — жуя пирожок, с философским видом отметил Райтэн.

Илмарт понаблюдал за прыжками и увёртками разыгрывающейся в одно лицо баталии и конкретизировал:

— Что именно?

Райтэн вздохнул, запил пирожок квасом — пива не предлагали, — и пояснил:

— Вот ведь вроде какой-то несусветной дурью мается. Но мало того, что его уже все здесь полюбили, так ведь сейчас придёт и выложит всю нужную нам информацию — вот когда, как он умудряется успеть её получить?

Тяжело вздохнув в ответ, Илмарт опёрся подбородком на кулак и принялся мрачно наблюдать за Дерекком.

— Сказал бы я, что дураков все любят, — наконец, отметил он. — Но так он-то не дурак.

Отзеркалив позу приятеля, Райтэн добавил:

— И ведь даже не притворяется дураком. Слыхал, как он терминами сыплет? И ведь слушают!

Через несколько минут довольный Дерек подошёл быстрым шагом, цапнул себе пирожок, крикнул куда-то в сторону завалинки: «Спасибо, баб Тэнь!» — и уселся рядом с ними. Всё в его жестах и мимике выдавало удовольствие человека, хорошо выполнившего свою работу.

Тщательно прожевав и запив пирожок, он кивнул сам себе и, наконец, заявил:

— Сейчас баб Рэнь приведёт внука, он нас проводит до опушки, там живёт девушка, которая сможет нас провести!

Райтэн и Илмарт переглянулись, синхронно пожали плечами и кивнули. А что ещё им оставалось?

...бойкий мальчишка, и в самом деле, провёл их куда требовалось: на отшибе, у самой опушки леса, стояла вполне себе аккуратная избушка. Махнув в её сторону рукой, проводник помчался обратно — таскаться с незнакомцами у него не было ни времени, ни желания.

Дерек решительно направился к крыльцу — его спутники предпочли держаться по бокам и позади — и, взобравшись на одну ступеньку вверх, постучал.

В доме завозились.

— Что там такое? — раздался звонкий женский голос, и тут же дверь распахнулась, заставив Дерек сделать шаг назад, к друзьям.

На несколько секунд воцарилась тишина: девушка разглядывала визитёров с высоты четырёх ступенек, а те, в свою очередь, пялились на её голые коленки — она, что-то делая по дому, подоткнула подол платья повыше. Обнаружив, что именно стало объектом повышенного внимания пожаловавших к ней мужчин, она раздражённо фыркнула и выпростала юбку обратно, расправляя её скорым и резким движением, что вынудило пришедших, наконец, поднять глаза.

Райтэн отметил, что у девушки весьма привлекательная фигура, а горящие живые глаза выдают в ней страстный темперамент.

Дерек заметил, что она раздражена тем, что её оторвали от дела, и, судя по сдерживаемой усмешке, собирается отыграться на них за это беспокойство.

Илмарт сделал вывод, что её стоит опасаться, потому что в широком кармане юбки явно припрятан неплохой такой нож, и, судя по спокойной и небрежной позе, с какой девушка естественным незаметным движением положила руку на его рукоять — обращаться с ним она умеет прекрасно.

Что касается самой девушки, то она, прищурившись, сделала вывод, что к ней явились — слева направо — весьма опасный рыжик, обаятельный блондин себе на уме и наглый брюнет, с которым стоит держать ухо остро.

— Так-так! — на правах хозяйки места начала она разговор. — И что это ещё за пешеходы Апокалипсиса [2] на моём пороге?

Мужчины с недоумением переглянулись. До Дерек дошло первым; он приснул от смеха, после дружелюбно поинтересовался:

— А мадемуазель выступает за Смерть?

Девушка решительно перекинула на грудь пышную каштановую косу и отпарировала:

— Я не из их компании.

После устала требовательный взгляд на первого слева. Тот быстро сообразил и представился, привычно козырнув:

— Илмарт А-Ранси.

Девушка перевела взгляд правее:

— Деркэн Анодар, — последовал вежливый поклон на анжельский манер.

Еще правее.

— Райтэн Тогнар, — гордо выпрямившись и сложив руки на груди, заявил третий.

Девушка ещё раз обвела взглядом всех троих и мило улыбнулась:

— Гвендоливьери Се-Стирен, — представилась она и посторонилась: — Прошу вас быть моими гостями!

— Спасибо за гостеприимство, — вежливо кивнул Дерек, входя первым и, подчиняясь лёгкому жесту хозяйки, садясь на скамью у стола, заваленного огромным количеством самых разнообразных вещей, от трав — до кожаных накладок.

— Мир вашему дому, — с поклонном согласился Илмарт, проходя за ним.

Райтэн, как всегда, отличился. Войдя, смерил девушку с ног до головы презрительным взглядом и уточнил, лихо заломив бровь:

— Се-Стирен? — намекая на аристократичную фамилию, которая никак не вязалась с простым нарядом и скромным обиталищем.

Девушка, впрочем, ни капли не смутилась, и заломила бровь не менее лихо, с тем же выражением переспросив:

— Тогнар? — явно намекая на то, что фамилия эта в Анджелии более чем известная.

Закатив глаза, Райтэн пробормотал:

— Нет, только не про предков! — и со вздохом последовал за друзьями.

Хозяйка размеренными лёгкими движениями освободила часть стола от хлама, жестом фокусника извлекла откуда-то обливные глиняные чашки, достала из печки котелок, принялась, успокаивающим тоном прокомментировала:

— Ничего особого, просто витаминный настой, — и споро разлила угощение по кружкам, после чего села напротив гостей со своей, однако, не торопясь делать глоток.

Райтэн издал какой-то кашляющий звук и сложил руки на груди, так и не притронувшись к своей чашке. Илмарт свою всё же взял, и смотрел на неё теперь тягостно и мрачно: мол, поди разбери, то ли отравлено, то ли нет. Дерек, поглядывая на хозяйку, явно веселился. Он был единственным, кто спокойно принял угощение и с большим удовольствием отхлебнул. На него устремились взгляды: Райтэн явно скрывал беспокойство за привычным выражением «где твои мозги?», Илмарт мрачно недоумевал, а хозяйка выглядела слегка разочарованной, как будто не ожидала, что кто-то из гостей окажется таким смелым. С грустным вздохом она пригубила и свой напиток, после чего и Илмарт сделал глоток. Райтэн, впрочем, не проникся и так и не разомкнул позы.

— Чему обязана? — наконец, нарушила молчание девушка, обращаясь исключительно к Дереку.

Тот застенчиво взлохматил себе волосы и поведал:

— Ищем проводника до Сальи.

Девушка приподняла брови несколько удивлённо, после чего ответила конкретно:

— Пятьдесят.

— Серебром? — присвистнув, уточнил Дерек и на ответный кивок вступил в торги: — Тридцать.

Девушка, грея пальцы о чашку, пожала плечами и легкомысленно ответила:

— Ну нет — так нет.

Дерек тяжело вздохнул, облокотился на стол, чуть подавшись к ней, и изобразил взгляд брошенной собаки.

Склонив голову набок, хозяйка с любопытством оглядела его лицо и снизошла до похвалы:

— За артистизм высший балл, но мне с вами терять пол-осени невыгодно.

— Почему пол-осени-то? — встрял в разговор недовольный Райтэн, который не любил, когда его игнорируют. — К концу лета будем там!

Девушка вздохнула, изобразила лицом то самое выражение, которое Райтэн особенно любил — «О Небеса, пошлите моему собеседнику мозги!» — и, наконец, мило ответила:

— Там — да. А мне потом обратно добираться в обход болот.

Райтэн поморщился.

— Справедливо, — кивнул Дерек и согласился: — Пятьдесят!

— По рукам! — протянула ему ладонь через стол девушка и сократила дистанцию: — Можно просто Олив.

— Можно просто Дер, — с ответной улыбкой пожал руку Дерек.

Его друзья досадливо переглянулись.

1. Завтрашний день уведет
нас далеко от дома.

Никто не узнает наших имен,
Но песня бардов останется.

И ты не одинок,
так что не бойся
в этом холоде и темноте.

2. Четыре всадника Апокалипсиса: Война на рыжем коне, Чума на белом, Голод на вороном, Смерть на бледном. Да, в Срединном мире есть Откровение Иоанна Богослова, и Олив, Дерек и Илмарт его читали.

2. Почему Гвендоливьери Се-Стирен ничего не боится?

«Рыжего нужно гасить первым и с одного удара, — муторно размышляла Олив, незаметно поглядывая на незваных гостей. — Шанса на второй не будет».

Не то чтобы одиноко живущая на отшибе девушка обрадовалась, обнаружив на пороге троих крепких мужиков, но и особого страха они на неё не нагнали — ведь у неё всегда был план.

Рыжий марианец, правда, оказался опасным типом, и план считал на раз: напрасно она надеялась зажать его на скамейке между двумя друзьями, лишив возможности манёвра. По пути к столу запнулся он столь натурально, что брюнет естественным образом его обогнал и оказался в центре. В итоге марианец представлял реальную проблему, и даже не скрывал этого: коротким взглядом дал понять, что видит её оружие, и ненавязчиво продемонстрировал, что и своё держит под рукой. Этого только убивать, и только с первого удара — тип кряжистый, но ловкий, если увернётся, то всё, пиши пропало.

Однако Олив предпочитала обходиться без трупов.

Пока марианец был опасен только потенциально: своим поведением он явно давал понять, что не планирует нападать первым, но и себя, и друзей в обиду не даст. Хм, в конце концов, если им реально нужен проводник, за жизнь свою, скорее всего, можно не опасаться.

Сверкнув глазами в блондинчика, Олив еле слышно хмыкнула. Этот тоже явно разглядел её нож, но, в отличие от марианца, демонстративно держал руки на виду, подальше от собственного оружия, охотно забился в неудобный угол, из которого так просто не выкарабкаешься, и всеми своими жестами, мимикой и интонациями буквально транслировал: «Я совершенно безобиден!» Что вызвало особое любопытство Олив, так это то, что в этой своей декларации безобидности он ни капельки не переигрывал. Ни тени ничего нарочного, совершенно естественная и во всех отношениях приятная модель. Олив была готова поставить свой новый колчан на то, что он годами оттачивал эту манеру перед кем-то очень опасным — куда как более опасным, чем одинокая девушка с ножом.

Человеку, который так хорошо владеет своей невербаликой, доверять точно не стоит, решила Олив. Блондинчик ой как непрост, и что у него на уме — понять пока, решительно, невозможно. На свой лад он поопаснее марианца будет — на стороне того только сила и опыт боя. А этот и без боя проведёт на раз.

Да, пожалуй, резкий брюнет ей понравился больше остальных — хотя бы потому, что он был совершенно понятен. Он явно не привык изображать что бы то ни было, и все его эмоции легко читались по его взгляду и тону. Он, кажется, и вообще не заметил, что у Олив есть нож — и это в некоторой степени импонировало ей, потому что говорило о том, что брюнет не настроен на бой и даже не ожидает, что из текущей встречи может выйти какой-то конфликт. Едва ли его дружки разыгрывают его втёмную?

В общем, да, миролюбие брюнета более всего остального убедило Олив в том, что ждать подвоха от гостей не обязательно, и, скорее всего, они действительно просто нуждаются в проводнике.

— Что ж, — порешила Олив, закончив свои размышления. — Выступаем утром!

Брюнет, конечно же, не смолчал — вот уж кто точно не любит, чтобы им командовали!

— Почему не сейчас? — досадливо поморщился он.

Олив нежно улыбнулась, подалась к нему и пропела:

— Потому что сегодня мы не успеем к месту ночлега. Вы, милостивый государь, можете сколько угодно спать на земле, но я — хрупкая девица — и на такие жертвы идти отказываюсь.

Лицо брюнета потеплело — видимо, принял флирт за чистую монету. Марианец еле слышно фыркнул, услышав про «хрупкую девицу», и подарил ей взгляд весёлый и скептический. Блондинчик же просиял, довольно хлопнул ладонью по столу и, как и ожидалось, пошёл в атаку:

— А ты не подскажешь, как бы нам устроиться на ночлег? Да и пообедать — а то мы и так уже местных бабушек объели на пирожки! — застенчиво улыбнулся он.

«Ага, так они от бабок», — внутри себя кивнула Олив, выяснив, откуда гости о ней узнали.

Задумчиво постучав себя пальцем по щеке, она внесла ясность:

— Обедом и ужином я вас накормлю, не обеднею. Но на ночлег если только на чердак. Либо ищите в деревне, где пристроиться.

Визитёры переглянулись и согласились на чердак.

Наутро Олив только подтвердила свои выводы о характерах спутников.

Брюнет рассыпался в комплиментах по поводу её дорожного костюма — ну не в юбке же ей по болотам ходить, в самом деле! Конечно, она предпочитала в такой ситуации брюки. Олив досадливо поморщилась: горячие комплименты — предвестники дальнейших проблем. Как бы не пришлось с боем демонстрировать, что посягательств на своё личное пространство она не потерпит!

Так что брюнету достался взгляд весьма холодный; но тут в дело вступил марианец, вполне дружелюбно поинтересовавшийся:

— А зачем тебе лук?

Олив закатила глаза и тоном «это же очевидно» ответила:

— Это туда я иду в компании трёх вооружённых мужчин. А обратно — одна.

Марианец кивнул с уважением и попросил разрешения посмотреть. Пришлось передать ему лук и колчан — к её удивлению, он явно знал толк в этом виде оружия.

Блондинчик тоже не остался в стороне. Побросав на неё несколько любопытных взглядов, он спросил:

— А почему дверь не запираешь?

Олив вздохнула и досадливо разъяснила:

— Знакомые тут поживут. Толку-то в замке, дом на отшибе, без присмотра оставлять нельзя.

Покивав, блондинчик явно проглотил ряд возникших у него вопросов — понятливый, зараза.

Это его качество весьма позабавило Олив в дальнейшем: в их отряде явно именно блондин чувствовал себя как рыба в воде, налаживая разговор. Традиционно и вполне в анжельском духе он начал с погоды — а дальше Олив и не заметила, как непринуждённо проболтала с ним весь путь до обеда. Она и припомнить не могла, когда и с кем ей в последний раз было так легко говорить — такое чувство, будто они были знакомы всю

жизнь!

Брюнет время от времени вмешивался в их диалог, но с весьма короткими и ворчливыми замечаниями. Однако Олив готова была зуб поставить, что ворчание это было нарочным — уж слишком отчётливо в его взгляде мелькало насмешливое дружелюбие. Судя по всему, он давно и хорошо знает своего спутника — в отличие от третьего в их компании.

Марианец стабильно игнорировал разговор, постоянно щурил глаза, вглядываясь в разные стороны — врагов, что ли, высматривает? — что-то чиркал в своём блокноте и время от времени врывается в диалог с угрюмым:

— А направо что? Река? А сколько ходу до неё?

В обед — поедали сухпаёк у костра — Олив рискнула заглянуть в его блокнот и поняла причину интереса.

— Карта? — заинтересовалась она, с удивлением отмечая, насколько близко к реальности легли на бумагу ориентиры, которые она бегло обозначала, отмахивая руками весьма приблизительное направление.

Марианец лишь кивнул.

— Да, мы, собственно... — обрадованно принялся пояснять что-то блондин, но получил досадливый тычок от брюнета, удивлённо сморгнул, и после секундных перегибков, как ни в чём не бывало, досказал явно не то, что собирался вначале: — Уже поели!

С выражением вселенского недовольства другом брюнет закатил глаза.

— Тренирую стратегическое мышление, — степенно выручил друзей марианец — как будто Олив была настолько глупа, что умудрилась бы не догадаться, что именно создание этой карты и является целью их поездки!

Вежливо покивав, Олив задумалась. До этой минуты она полагала, что лидером в этой команде является блондин — возможно, потому что именно он брал на себя переговоры. Но, судя по разыгранной пантомиме, дело организовал брюнет, и именно он руководит процессом. А марианец, выходит, у них наёмный рабочий, — тут и объяснение, почему он держится стороной.

Олив не знала, что вечером, когда они остановились на ночлег в небольшой приречной деревушке-волоке, обеденный эпизод вызвал у её спутников спор.

— Зачем ты хочешь скрывать от неё? — раздражённо поинтересовался Дерек у друга. — Если она будет знать, что именно нам нужно, то сможет лучше помочь!

Райтэн досадливо скривился. Он полагал, что в столь амбициозные планы не стоит посвящать первого встречного.

— Если она узнает, что её знания представляют ценность, — нравоучительно изрёк он, — то запросит больше, или вообще найдёт того, кто заплатит лучше нашего, и плакала наша карта!

Дерек смерил его взглядом скептическим и отметил, что, во-первых, сейчас они создают только часть общей карты, и Олив, определённо, не может владеть всеми необходимыми сведениями для создания полной картины, а, во-вторых, едва ли так просто найти человека, который готов будет ей приплатить за имеющиеся в её голове сведения.

Райтэн скривился в первую очередь по той причине, что аргументы были разумными. Однако его внутренняя паранойя требовала осторожности, о чём он и сообщил. Мол, чем меньше людей об этом деле знают, тем больше шансов, что всё выгорит.

Дерек определённо до сих пор не понимал, что именно должно «выгореть», и для чего,

тем более, нужна такая секретность, поэтому вступил в дебаты.

Спор постепенно разгорался всё сильнее, пока их не перебил Илмарт, спокойно заявив:

— Тут не о чем говорить, она и так уже всё верно поняла.

На него устремились два недовольных взгляда.

Неопределённо помотав в воздухе карандашом, Илмарт пояснил:

— Глазастая и сообразительная.

Райтэн, хмыкнув, согласился насчёт «глазастой», имея в виду, впрочем, чисто внешние данные.

Дерек, со всей определённостью, согласился с «сообразительной», поскольку и сам уже успел оценить ум случайной спутницы и получить массу удовольствия от дискуссий с ней.

Илмарт просто вернулся к работе над своими набросками: он был весьма доволен, что проводник умеет толково объяснить, где что расположено. Для его дела это было весьма важно.

3. Как успешно переночевать в лесу?

Первоначально довольно приятное путешествие становилось всё более трудным по мере продвижения вглубь страны, поскольку постепенно они приближались к основному руслу Кантаэнь — той самой полноводной реки, чьи многочисленные рукава испещрили эту часть побережья.

То, что дело дрянь, спутники поняли в тот момент, когда Олив вроде бы без какой-то веской причины разразилась совершенно непечатной эмоциональной тирадой. По тому, как она прыгает на одной ноге, отряхивая сапог, стало очевидно, что она вляпалась в какую-то лужу, однако степень мрачности её реакции не очень соответствовала такому простому событию.

Илмарт догадался первым — сказались тяготы походной жизни в марианской армии.

— Что, подтопило? — уточнил он.

Олив скривилась.

— Ещё как!.. — досадливо, сквозь зубы, пробормотала она, оглядываясь по сторонам. Углядев необходимое, заявила:

— Подождите-ка здесь, — после чего уверенным шагом направилась к ближайшему перспективному дереву на возвышении. То, как споро и умело она на него забралась, вызывало три восхищённых вдоха: Илмарт одобрил уровень её подготовки, Райтэн — само открывшееся зрелище, а Дерек попросту оценил мастерское владение своим телом.

С дерева Олив вернулась совсем уж злой.

— Придётся делать крюк к востоку, — махнула она рукой в сторону.

Присутствующие переглянулись и пожалы плечами: им было решительно всё равно, делать или не делать крюк, но вот досада на лице их проводника их насторожила.

Вскоре они поняли, чем Олив так недовольна: для этого загадочного «крюка на восток» им пришлось сойти с какой-никакой, но всё же тропинки. И хотя Олив шла весьма уверенно и регулярно сверялась с заботливо прихваченным компасом, путешествие по лесистому бездорожью оказалось крайне неприятным новым опытом для двоих из них — марианец-то успел в своей жизни побывать в такого рода передрыгах, поэтому тихо радовался, что здесь, во всяком случае, тебя не подстерегают под каждым кустом кровники.

Дорожный разговор логично заглох, поскольку все были больше заняты тем, как не споткнуться о корни деревьев, не поцарапаться ветками и не наступить на какую-нибудь змею. Даже Илмарт припрятал свой блокнотик, явно не считая возможным делать наброски в таких условиях.

Первым решил воспротивиться такому способу путешествия Дерек.

— Слушай, — привлёк он внимание сосредоточенной Олив, которая зорко вглядывалась по сторонам, решая, куда и как двигаться, — может, всё же вернёмся на тропу? Ну, промочим ноги чуток...

Резко остановившись — Дерек чуть не налетел на неё — Олив тяжело вздохнула, обернулась к Илмарту и затребовала:

— Дай мне свой блокнот.

Получив набросок карты и карандаш, она принялась деловито дорисовывать отсутствующие ориентиры — в основном в виде реки, её рукавов и впадающих в неё ручьёв.

— По этой тропе мы шли, — объяснила она сосредоточенно взглядывавшимся в её работу мужчинам, — и, если её начало подтапливать аж здесь, — ткнула она пальцем в место, где заметила неладное, — то вот это всё точно превратилось в болото, — обвела она обширную низину. — Не говоря уж о том, что в таких условиях мост почти наверняка снесло, он понтонный. Поэтому нам нужно снова переправиться через Фанью (рукав носил то же название, что и построенный в его устье порт) и пробовать брод выше по течению Кантаэнь.

В этот момент до Райтэна дошло, почему в этой части Анджелии нет дорог, а Дерек понял, что карта случайному путнику тут не поможет. Если бы первый был чуточку менее упрям, а второй был чуточку менее азартен, тут бы они и приняли решение возвращаться назад. Однако Райтэн, определённо, не хотел сдаваться и показывать этой самоуверенной девице, что его пугают перспективы переходить Кантаэнь вброд, а Дерек, напротив, мучительно хотел испытать себя и понять, сможет ли он справиться с таким сложным делом.

Поэтому было принято решение продолжить движение на восток, в соответствии с планом Олив.

Как вскоре выяснилось, продвижение по лесу существенно снизило скорость путников. К тому же, ближе к вечеру Олив начала заметно петлять, обходя по дуге подтопленные места. После таких кругалей она обычно особенно долго взглядывалась в компас, и пару раз даже снова залезла на дерево — высматривать положение солнца. Но, в общем-то, несмотря на эти тревожные знаки, мужчины были изрядно удивлены, когда после очередного обхода, выбредя на прогалину, Олив несколько раз обошла её по кругу со всех сторон и вынесла радостный вердикт:

— Отлично, ночуем здесь!

Илмарт, кажется, был единственным, кого всё устроило. Бодро кивнув, он поинтересовался:

— Ближайший мы только что прошли? — имея в виду ручей.

Неопределённо помотав в воздухе рукой, Олив ответила:

— Возможно, есть ближе, но, мне кажется, стоит удовольствоваться им.

Ещё раз кивнув, Илмарт собрал со всех фляги, захватил ещё котелок, и уверенно потопал назад.

Райтэн и Дерек растерянно переглянулись.

— В смысле — ночуем здесь? — озвучил своё недоумение Райтэн.

Олив смерила его скептическим взглядом, словно пытаясь понять, у него проблемы со слухом — или с мозгами? Потом соизволила объяснить:

— Дальше болото, господин Тогнар, — в их компании Райтэн остался единственным, к кому она сохранила официальное обращение. — На ночь глядя я не рискну в него лезть.

— Мы полезем в болото? — удивлённо вычленил самую странную информацию Дерек.

Пожав плечами, Олив отметила:

— Ну, можно спуститься вниз по течению, но там могут быть медведи.

Подумав, она недовольно добавила:

— Впрочем, они и сюда могут забрести.

Райтэн и Дерек переглянулись.

«Медведи?!» — подумал один.

«Лезть в болото?!» — возмутился другой.

— Так, — развела, меж тем, бурную деятельность Олив, — давайте-ка, собирайте топливо! — велела она и неожиданно затянула песню на райанском, бодро отправившись за хворостом.

Дерек было заслушался — голос у неё оказался сильный и красивый — но быстро потрянул головой и тоже принялся собирать ветки.

Пофыркав себе под нос, Райтэн последовал его примеру.

Вскоре смысл неожиданного пения стал понятен, поскольку издали на него откликнулся весёлый марианский мотив.

Это были разные песни на разных языках, однако Олив и Илмарт словно перекликались ими — очевидно, это облегчило последнему поиски ещё не разбитого лагеря.

Им, как профессионалам, и доверили обустройство. Илмарт коротко провёл инструктаж по поводу того, как не стать жертвой змей — они могли ночью заползти в котомки или одежду в поисках тепла. Олив занялась костром. После этого разразился небольшой спор по поводу шумелок — Олив полагала, что весьма вероятно, что медведи забредут так высоко в болото, Илмарт же возражал, говоря, что в преддверии осени они могут забраться сюда в поисках ягод. Так или иначе, Олив заявила, что огонь нужно поддерживать всю ночь, и что она подежурит.

Это предложение вызвало у Илмарта самое глубокое недоумение:

— В смысле? — размеренно переспросил он. — Все подежурим, по очереди.

Досадливо поморщившись, Олив заявила, что у них нет необходимой сноровки для выглядывания медведей в ночи, поэтому она всё равно не сможет спать спокойно.

— С той стороны болота деревня, — махнула она рукой на восток, — там завтра высплусь, пока вы отдыхаете после перехода.

Илмарт взялся было горячо возражать, хотя с медведями ему, и впрямь, сталкиваться не приходилось — а вот с кабанами... Олив вступила в дискуссию, авторитетно заверив, что кабаны и медведи — это совершенно разное дело.

— Кажется, — вдруг спокойным голосом остановил разгоревшийся спор Дерек, — Олив опасается совсем не медведей, ведь так?

Та досадливо поморщилась, в который раз пеня на проницательность спутника.

Райтэн не понял намёка и возмутился:

— Что ещё за твари здесь водятся?!

Перспективы ночевать посреди леса его не прельщали. Он привык в своих путешествиях останавливаться если не в трактирах, то хоть на постое у простых жителей.

— Самая страшная тварь — человек, — негромко просветил его Илмарт.

Райтэн досадливо нахмурился: глушь, в которую они забрались, не была похожа на место, где любят промышлять разбойники. Однако столь любимые им мозги работали у него вполне неплохо, потому что до него достаточно быстро дошло, что Олив опасается ночёвки в лесу в компании, по сути, незнакомых мужчин.

Она не боялась путешествовать с ними — во-первых, она уже постановила внутри себя, что им условно можно доверять, во-вторых... она быстро бегала, быстро залезала на деревья, она была вооружена и у неё у единственной из них было оружие для дальнего боя — хотя тут, конечно, пришлось бы повозиться, чтобы привести его в боевое положение. Её план на случай нападения со стороны спутников выглядел как «гасить рыжего, драпать на дерево и отстреливаться». Не то чтобы она всерьёз ожидала нападения — наниматели скорее

вызывали у неё симпатию, и по тому портрету их характеров, который она составила, она была склонна условно им доверять.

Поэтому она не думала всерьёз, что кто-нибудь из них может ночью напасть на неё и изнасиловать или убить, однако всё же предпочитала перестраховаться. В её жизни было несколько крайне неприятных и травмирующих эпизодов, поэтому она предпочитала избегать ситуаций, в которых оказалась бы беспомощна перед потенциальным врагом.

— Ну, знаете ли!.. — одновременно оскорбился и смутился Райтэн, который впервые оказался в ситуации, где некто подозревает его в подобных замыслах. — Это, в конце концов, оскорбительно! — выразил своё недовольство он.

Лицо Олив холодно застыло в безразличном выражении. Из-за того, что она прониклась к спутникам некоторой симпатией, ей теперь казалось, что она обязана выразить эту симпатию, продемонстрировав доверие; однако, поскольку доверие такого рода не было ей свойственно, она чувствовала теперь себя крайне неприятно.

Всё это время Дерек лихорадочно размышлял о том, как снизить напряжение, и, наконец, взлохматив себе волосы, дружелюбно отметил:

— Уверен, что даже со сна ты заколешь меня быстрее, чем я успею что-то сделать!

Олив насмешливо фыркнула, соглашаясь с такой оценкой своих способностей, и невольно бросила тревожный взгляд на Илмарта. Тот, верно угадав, что именно его она считает самым опасным противником, примирительно поднял вверх ладони и степенно отметил:

— Я, во-первых, влюблён, а во-вторых — вообще человек верующий.

Райтэн насмешливо фыркнул, как всегда с ним бывало, когда подобные сентенции приводили как аргумент.

Повернув к нему лицо, Илмарт наклонил голову набок и отметил:

— И Анодар у нас верующий, — и наставительно поднял палец вверх, — так что греха убоится! А вот всякие атеисты... — многозначительно не закончил он.

Здрав подбородок, Райтэн с самым презрительным выражением лица отпарировал:

— Как жалко выглядят люди, чьи морально-этические качества обусловлены единственно страхом перед загробными муками! Мне, знаешь ли, — почти выплюнул он, — не нужно приставлять нож к горлу, чтобы я выбрал быть благородным человеком!

Дело двигалось к ссоре, и Дерек попытался разрядить обстановку смешком:

— Ну, думаю, с этой точки зрения человек с ножом у горла выглядит более безопасно, да?

Однако Райтэн, очевидно, был слишком взвинчен. Все эти лесные дороги, болота, броды, медведи и змеи явно выходили далеко-далеко за рамки того, что он считал комфортным и приемлемым — не говоря уж о том, что его и в самом деле весьма глубоко задела опасность Олив.

— Отлично! — вскочил он. — Тогда всякие неблагонадёжные атеисты, пожалуй, поспят отдельно! — и, подхватив свой плащ, решительно зашагал куда-то в сторону.

Остальные растеряно переглянулись. Подорвавшись, Дерек отправился за другом.

Ушёл он не очень далеко — костёр ещё виднелся между стволами редких деревьев.

— Тэн... — начал было Дерек, но был перебит.

Обернувшись, Райтэн впери в него взгляд острый и мучительный и спросил:

— Как? Как ты можешь верить в Бога, который таким, как я, готовит вечные муки?

Дерек растерянно и удивлённо сморгнул. До этого они никогда не обсуждали вопросы веры, и он даже не подозревал, что их разногласия порождают такой мучительный конфликт в душе друга.

— Но я не верю, что Бог пошлёт тебя в ад! — складывая руки на груди, защитился он.

Насмешливо изогнув бровь, Райтэн тоже сложил руки на груди и переспросил с истеричным вызовом в голосе:

— В самом деле? Ещё скажи, что твоя религия не говорит чётко и однозначно, что всех неверующих ждёт эта, как вы её там называется... — разомкнув руки, он пощёлкал пальцами в воздухе: — Геенна огненная!

Мрачно нахмурившись, Дерек закаменел лицом.

Повисла неприятная холодная тишина.

— Я не богослов, — наконец, медленно заговорил Дерек. — Но я знаю точно, что рай невозможен, если друга ждёт ад. И, — пронзая Райтэна взглядом серьёзным и сильным, добавил он, — если вдруг окажется, что Бог, в Которого я верю, придерживается иной точки зрения... я предпочту ад с теми, кто мне дорог, — решительно закончил он.

Губа Райтэна насмешливо дёрнулась. Он опустил глаза.

Подняв вопросительно брови, Дерек сунул ему ладонь. Они пожали друг другу руки, скрепляя своеобразный «договор» о разделении загробной участи, ежели таковая, вопреки чаяниям Райтэна, впоследствии.

— Пойдём, атеист, — хлопнул его по плечу Дерек и развернулся в сторону костра.

Когда они вернулись, оказалось, что Илмарт времени не терял и убедил Олив в своей относительной безобидности. Пока друзья проясняли свои религиозные разногласия, он подсел к ней и спокойно спросил:

— И кого из нас ты считаешь наделённым столь примитивными мозгами, чтобы решить причинить какой бы то ни было вред человеку, который завтра поведёт тебя через болото?

Олив вздрогнула и подняла на него удивлённый взгляд — как будто он и вправду поразил её своей способностью выстраивать такие закономерности — но он увидел в этом удивлении не обидные для себя сомнения в его уме, а растерянную беспомощность девушки, которую частенько не воспринимали всерьёз как противника.

Илмарт предполагал, что идиоты, которые не восприняли её всерьёз, заплатились за это дорого.

— Олливи [1], — он выразительно постучал себя костяшками пальцев по виску, — да, ты представляешь, у нас у всех есть мозги.

Несколько секунд она, отведя глаза к огню, пыталась побороть улыбку; потом тихо рассмеялась. Потом посмотрела на него — улыбка всё ещё отражалась в её глазах — и тепло произнесла:

— Спасибо, Май [2].

Он улыбнулся в ответ и занялся костром.

Таким образом, ночное дежурство было разделено на четверых.

Впрочем, как показала ночь, никакие медведи к ним так и не выбрались.

Полное райанское имя Олив — Гвендоливьери — не имеет такого официального сокращения, как Олив; она сама придумала себя называть так. Однако в марианском языке существуют схожие имена, и Илмарт «модернизировал» имя Олив на марианский лад. В

марианском имя Илмарта сокращается обычно как «Ил»; Олив сократила его имя на райанский манер.

4. Как перебраться через болото?

С утра Олив развела бурную деятельность, заслав всех дёргать лыко, чтобы плести болотоступы. Скрутив прут в овал, она заполняла его переплетением лыка, тщательно следя, чтобы всё это богатство было хорошо закреплено. Даже для Илмарта это занятие оказалось в новинку: в Мариане болота встречались нечасто, и обойти их не представляло проблемы. Нехитрому делу, впрочем, все обучились быстро, а вот цеплять эти штуки к ногам и ходить с ними оказалось непросто. Хмурая Олив поглядела, как ковыляют её подопечные, присвистнула и вынесла вердикт:

— Нет, оставим на крайний случай, в этом мы весь день чапать будем. Пока обойдёмся шестами.

И отправила Илмарта ломать свежие толстые ветви — сухие, мол, легко могут подвести и переломиться в самый неподходящий момент.

Болото, которое Олив была намерена форсировать, не представляло особой опасности — если, конечно, вы знаете, как путешествовать по такой местности и соблюдаете все правила предосторожности. Порассуждав внутри себя, девушка пришла к выводу, что лучше вести спутников этим путём, чем забирать обратно к северу — там, во-первых, до ближайшего моста два или три дня пути без населённых пунктов, во-вторых, риск столкнуться с медведями существенно возрастал. На болота они лезли редко, к побережью тоже не выходили, а вот где-то между представляли собой опасность — одна из причин отсутствия там поселений.

Так что, снабдив свою команду шестами, Олив начала тщательный инструктаж:

— Идти строго за мной, не тормозить, но и не спешить. На одной ноге вес не держать, на месте не перетаптываться! Держать дистанцию в два человеческих роста, — особенно мрачно посмотрела она на Райтэна, полагая, видимо, что тот начнёт дурить. Тот в ответ закатил глаза. — Прощупываем шестом, прежде чем ступить, за шест держимся крепко.

Дальше последовало ещё несколько советов и рекомендаций — Олив, кажется, несколько волновалась, поэтому предпочитала перестраховаться.

В итоге действительность в некоторой степени разочаровала ожидания мужчин. Первоначально идти было даже проще, чем по лесу — просто топкая прогалина, сплошь покрытая густой травой. Какой-то необходимости постоянно тыркать в неё шестами видно не было, но Олив регулярно оборачивалась и начинала зверски ругаться, если они переставали это делать.

— А если родничок! — восклицала она. — Провалитесь же в один миг, вытащить не успеем!

Ругань её возымела свой эффект. Все собрались и перестали филонить.

В итоге единственное по-настоящему опасное место они преодолели за полчаса — правда, тут Олив всё-таки заставила всех надеть болотоступы. Тут-то и выяснилось, что ступать в них поверх торфяного слоя действительно удобно — ноги не проваливались.

Солнце ещё не подошло к полудню, как они были на том берегу Фаньи. Здесь имела место каменистая возвышенность, поэтому можно было расслабиться. Илмарт тут же полез за блокнотом — Олив было шикнула на него, что они сейчас всё равно доберутся до деревни, но он отмахнулся и посмешил нанести всё то, что они успели пройти, и то, что виделось с этого небольшого возвышения.

Райтэн был крайне доволен собой, хотя и старался этого не показывать. Несмотря на то, что задним числом переход не казался таким уж выдающимся, тем не менее, это был самый настоящий поход через самое настоящее болото! То, что он без каких-то проблем пережил это приключение, придавало ему веса в его собственных глазах — поскольку до этого он почитал себя человеком слишком привыкшим к комфорту, чтобы быть способным на подвиги подобного рода.

Дерек, определённо, пребывал в наилучшем расположении духа. Ему, совершенно точно, нравились приключения подобного рода — они напоминали древние баллады его родины, тоже весьма богатой болотами. Он даже напевал себе под нос что-то по-даркийски, чувствуя некоторое родство со знакомыми с детства легендарными персонажами, которые то и дело форсировали леса и болота всех мастей, чтобы бороться с врагами и чудовищами. Правда, с кем-то бороться Дереку не очень-то хотелось — хотя, можно смело предположить, что какое-нибудь некрупное чудовище и победа над ним вывели бы его настроение на совсем уж заоблачные выси.

Что касается Олив, то она попросту была довольна, что всё прошло благополучно. Ей случалось не раз пересекать это болотце в обе стороны — и даже во времена, когда оно было куда как более затоплено, — но вот водить через него кого-то раньше не приходилось, поэтому она отчётливо тревожилась за успех предприятия. Теперь же нервозность, плотно владеющая ею всё утро, отступила, и она даже разулыбалась, радуясь, что они снова вернутся к проторённым тропам.

Одна из таких троп вскоре легла им под ноги — здесь проходил путь из Фаньи к броду через Кантаэнь. Олив не рассматривала этот путь изначально, потому что он делал слишком крутой крюк к востоку — если брать за конечную точку Салью, в которую стремились её наниматели, — и потому что пусть понтонный, но мост, всё же предпочтительнее, чем брод.

Тропа оказалась достаточно оживлённой — сперва их обогнала пара женщин, потом навстречу попался дородный мужчина.

— Олив! — разулыбался он, оглядывая взглядом чуток промокшую компанию, в коей Дерек ещё тащил болотоступы — просто потому что жалко было бросить — а Олив ещё пользовалась шестом — просто потому что так удобнее. — А чего это ты из глуши? — верно расценив направление, откуда они пришли, поинтересовался он.

Иронично хмыкнув, Олив махнула рукой на запад и ответила:

— Там всё подтопло, так что, думаю, до следующего лета соваться не стоит.

— А! — кивнул местный, сразу понимая, о чём речь, и невнятно обещая: — Я передам Стэну.

Олив кивнула и спросила в ответ:

— А что с бродом?

— Третьего дня был в порядке, — пожал плечами мужчина. — Думаю, пройдёте без проблем.

— Отлично! — с видимым облегчением ответила Олив, и, когда уже они чуть было не разошлись, вдруг спохватилась: — А от Рейтара что-то слышно?

Мужчина нахмурился и покачал головой, потом посоветовал зайти к кому-то из общих знакомых, и, наконец, каждый отправился по своим делам.

Деревни они достигли через четверть часа, и Олив вполне уверенно устроила всех завтракать, сушиться и отдыхать у кого-то, кто явно был к такому привычен. Сама, впрочем,

она тут же умчалась по делам. Прямо босиком, поскольку сапоги оставила сушить.

Мужчины успели позавтракать и обсудить впечатления от похода — говорить о чём-то серьёзном Райтэн не захотел, поскольку в домике присутствовали хозяйка и несколько её детей. Что не помешало Илмарту вольготно расположиться со своими заметками и начать выпытывать у хозяйки, что как в окрестностях. Дело, правда, не выгорело: объясняла она неумело и неуверенно.

К счастью, вскоре вернулась Олив — заметно посмурневшая и с каким-то свёртком под мышкой. Оглядев компанию, она заявила, что отдохнуть можно ещё несколько часов — пункт их ночлега недалеко, успеют дойти дотемна.

Илмарт незамедлительно завлёл её в уточнение своих набросков — проигнорировав недовольный взгляд Райтэна. Впрочем, тот и сам уже пришёл к выводу, что шила в мешке не утаишь, а от помощницы больше толка, если привлекать её к обсуждению и рисованию.

Позже, уже в дороге, неугомонный Дерек попытался проникнуть в секрет дурного расположения их проводника — сурово сжатые губы Олив и явное её нежелание вступать в разговор выдавало, что она получила какие-то неприятные новости.

— Возможно, мы можем чем-нибудь помочь? — непринуждённо отметил он, глядя куда-то в небо.

Тихо беседующие о чём-то Райтэн и Илмарт замолчали.

Олив остановилась, мрачно посмотрела на Дерек в упор, пробормотала себе под нос что-то ругательное про чересчур пронизательных блондинчиков и снова тронулась в путь, не ответив.

Дерек переглянулся с Райтэном. Последний понял, что что-то упустил, и свернул на привычную тему, куда-то в пустоту высказав с выражением благородного пафоса в голосе:

— Ветреный день и вполнину не так страшен, если есть те, кто прикроет тебя со спины!

Споткнувшись, Олив растерянно оглянулась на него, наморщила брови, потом поняла и, пробормотав вполне отчётливо: «Рогр бы побрал эти анжельские разговоры о погоде!» — передёрнула плечом и отмахнулась:

— Всё в порядке.

Некоторое время они шли вперёд молча, но не потому, что спутники поверили, что всё в порядке, а потому, что они искали, с какого бы боку к ней подобраться. Всем им троим было свойственно отчасти опекуновское отношение к женщинам, и, хотя в этом походе именно Олив оказалась среди них лидером и опытным проводником, они чувствовали себя в некоторой степени ответственными за неё.

Ключик, как всегда, нашёл Илмарт — он среди них был тем, кто лучше остальных понимал подобный тип характера.

— Ты, конечно, можешь и дальше благородно молчать, — тихо и спокойно отметил он, — только эти двое точно места себе не найдут в тревоге за тебя. И, зная их богатое воображение... — он хмыкнул, показывая, что воображение это не знает никаких разумных пределов и способно завести в дебри самых непроходимых чащ и болот.

Снова резко встав, Олив развернулась и, недоумевая, оглядела по очереди три вполне серьёзных лица. У сложившего на груди руки Илмарта был непривычно мягкий и тёплый взгляд. Обычно прямой и весь острый Райтэн расслаблено склонил голову набок и запихнул руки в карманы плаща — карманы эти оказались несколько ниже, чем это было бы удобно, и позади, поскольку плащ был распахнут, и оттого казалось, что он отвёл руки за спину, что

делало его странно безобидным на вид. Что касается Дерека, то с него словно слетел налёт весёлости и непринуждённости. Он выглядел сосредоточенным и немного усталым, и его внимательные глаза смотрели с выражением спокойным и тихим.

Олив досадливо всплеснула руками, потом, отвернувшись от всех этих слишком выразительных взглядов, пробормотала:

— Ладно, ладно! — и раскололась: — Мне нужно бы успеть в Эрмиду до осени, и я не знаю... — она замялась.

Райтэн и Дерек недоумённо переглянулись, выгибая брови похожим движением.

— В Эрмиду? — переспросил Райтэн и с вернувшейся в голос лёгкой насмешкой отметил: — Ну так и пойдём в Эрмиду, в чём проблема?

Олив резко развернулась к нему, пронзив его недоверчивым взглядом.

Он невозмутимо пожал плечами — плащ забавно колыхнулся — и наставительно изрёк, глядя в небо:

— Вот и зачем в погожий день прятаться от солнца в погреб?

— Нет-нет, — деловито возразил Дерек, — с солнцем ты загнул! Здесь явно имела место попытка промокнуть под дождём, стоя в двух шагах от укрытия!

Выразив лицом скепсис, Райтэн раздражённо фыркнул, потому что не нашёл, что возразить.

Олив и Илмарт переглянулись с недоумением.

— Ты что-нибудь понимаешь? — спросила она.

— Анжельцы! — выразительно возвёл он глаза к небу.

5. Где кончаешься ты и начинается твоя привычка?

Следующие пару дней прошли довольно комфортно — немного в стороне от болотистого берега Фаньи, на возвышенном хребте, шла дорога-колея. Часть пути они даже проехали на телеге — на редкость оживлённое движение для этих краёв!

Атмосфера в группе тоже посветлела. Олив перевела спутников в разряд тех, кому есть основания доверять, и, хотя до этого её напряжение считывал разве что Илмарт, что-то неумовимо изменилось в её манере и тоне голоса. Если до этого она беседовала в основном с Дерекком, и именно он вёл нить разговора, то теперь она полюбила завлекать в продолжительные дискуссии и Райтэна — его в принципе невозможно было остановить, если уж зацепишь за живое! Кстати, к большому недоумению Райтэна, у Олив обнаружились неплохие мозги — возможно, сказывалось аристократическое образование. Иногда ей даже удавалось осадить собеседника меткой цитатой, которую он не мог опровергнуть, потому что не читал упомянутый труд.

По этому случаю он выпросил у Илмарта пару листов бумаги и стал тщательно заносить туда список того, что обязательно прочтёт, когда доберётся до Кармидера — местная библиотека уступала разве что столичной.

С Илмартом же у Олив установилось и вообще крайне неожиданное обыкновение — по вечерам они стали сходить в рукопашных схватках. Несмотря на ловкость и неплохое знание болевых захватов, Олив ещё ни разу не смогла одолеть противника, но, кажется, была вполне довольна своим прогрессом, и пыталась вовлечь в дело и остальных спутников.

— Совершенно не моя стихия! — смеялся Дерек, шутливо поднимая руки в жесте капитуляции.

Райтэн же долго отнекивался, и когда, в конце концов, решился попробовать, столкнулся с неожиданным препятствием: своей неспособностью драться с девушкой. Возможно, если бы это было хотя бы его любимое фехтование, то всё получилось бы. Но прямой контактный бой оказался ему не по зубам — он никак не мог отделаться от мысли, что перед ним женщина, и ей нельзя причинять боль. Несмотря на очевидную сноровку и неплохо прокаченные мышцы — Олив была лучницей, и её плечевой пояс был прекрасно развит, — она казалась ему слишком хрупкой и уязвимой, и он не мог заставить себя прикоснуться к ней иначе, чем с осторожной опаской. В итоге дело закончилось тем, что Олив дважды выкрутила ему руку и один раз повалила подсечкой, после чего обиженно заявила, что он поддаётся. Райтэн развёл руками и заявил, что драться с женщинами — явно за пределами его кодекса чести.

— В Мариане, — хмыкнул на это Илмарт, — либо ты дерёшься с женщиной, либо ты труп.

— Хвала Великому Пламени, что мы не в Мариане! — передёрнуло Райтэна.

— Аминь, — степенно подтвердил Илмарт.

За всеми этими делами к броду они подошли незаметно для себя — точнее, конечно, не к самому броду, а к деревне перед ним, где Олив запланировала ночлег.

Пока её спутники устраивались и ужинали, она успела опросить знакомых и узнать, что с бродом всё в порядке и никаких особых препятствий для его преодоления нет. С этой радостной новостью она и явилась ужинать, назначив переход на следующее утро.

Илмарт тут же закопался в свои заметки — завтрашнее предприятие его ни капли не

страшило, поскольку ему в его жизни доводилось форсировать огромное количество ручьёв и рек. Дерек тоже был довольно беззаботен, хотя ему ничего подобного раньше делать не доводилось. Но у него в жизни и вообще всё всегда было просто и однозначно: поставлена цель — прём вперёд! Что нужно преодолеть на этом пути к цели, его никогда особо не волновало, потому что большую часть жизни у него не было выбора, идти или нет. Если цель поставлена — цель должна быть достигнута, а проблемы следует решать по мере их поступления.

Райтэн единственный был крайне недоволен перспективами: ему не хотелось лезть в воду. Казалось бы, чего тут опасаться-то, после болота! Но вопрос о том, форсируют ли брод в сапогах или всё-таки делают это босиком, его до некоторой степени волновал. С одной стороны, логическое мышление подсказывало, что босиком это делать сподручнее, чтобы не замочить сапоги, но, поскольку он никогда ничем подобным не занимался, то, с другой стороны, предполагал, что в деле могут обнаружиться какие-то подводные камни — в том числе и в прямом смысле слова. Вдруг, положим, у Кантаэнь крайне скалистое дно, и поэтому её пересекают исключительно в обуви, чтобы не пораниться?

Казалось бы, дело выеденного яйца не стоило, и достаточно было бы просто уточнить этот момент у Олив — но Райтэну категорически не хотелось этого делать, потому что он боялся выглядеть глупо. Причём он даже не мог сходу решить, что было бы глупее: предположить, что кто-то вообще переходит реки вброд в обуви — или не знать, что как раз обувь-то тут непременно нужна!

В итоге настроение его до того испортилось, что он даже лёг спать раньше всех — чтобы, во всяком случае, отделаться от глупых мыслей.

Однако наутро оказалось, что планы их несколько изменились. За завтраком Олив сообщила, что переправу придётся перенести на завтра, а этот день они проведут здесь, поскольку она плохо себя чувствует, и сегодня ей требуется покой.

— Что-то серьёзное? — в простодушии встревожился Дерек, которому, и впрямь, показалось, что девушка излишне бледна.

Та лишь отмахнулась со словами:

— Да нет, обычное дело!

Райтэн возвёл глаза к потолку и наставительным тоном изрёк:

— Потому что нечего постоянно босиком расхаживать! Так и простываешь!

Олив посмотрела на него с большим недоумением. Илмарт вторил ей столь же недоуменным взглядом.

— Пойду полежу, — наконец, решила Олив, захватила с собой бутерброд и ушла с терраски, где они завтракали, внутрь избы.

— Как бы не расхворалась, — проводил её встревоженным взглядом Дерек. — После всех этих болот!

Райтэн согласно покивал.

Илмарт попереволил взгляд с одного на другого, приподнял брови и поинтересовался в пустоту между ними:

— Вы сейчас серьёзно, да?

Дерек ответил незамутнённым недоумением, Райтэн — тяжёлым недовольным взглядом (поскольку в тоне собеседника ему почудилось, что тот усомнился в его умственных способностях).

Проморгавшись, Илмарт пояснил:

— Ну ладно ещё Анодар, он у нас тот ещё наивный одуванчик, — Дерек поперхнулся от такого определения, — но ты-то, Тогнар! — попенял Илмарт. — О твоих похождениях весь Брейлин гудит, да и сестра, опять же...

Вопреки его ожиданиям, первым сообразил Дерек: у него в юности тоже была сестра. Сперва просветлев — от того, что всё же понял, — он тут же покраснел и закашлялся, осознав, что именно понял.

Райтэн посмотрел на него с раздражением, но именно благодаря смущению друга и до него дошло. Ассоциации прятались слишком далеко: Тэнь была сильно младше, и он успел уйти в свободное плавание до того, как она повзрослела. Но вот благодаря любовницам — а Райтэн, хоть и не был моряком, предпочитал иметь по одной постоянной любовнице в каждом городе из тех трёх, между которыми разрывался, — кое-что всё-таки знал.

Илмарт с раздумьем поразглядывал, как мучительно краснеют его спутники, не понимая, впрочем, что именно так их смутило. На заре своей юности, ещё до того, как попасть в марианскую армию, он вдоволь напартизанил в кустах с двумя своими сёстрами и женой брата, так что женское недомогание казалось ему вещью совершенно обыденной.

Похмыкав сам с собой, он достал котомку со своими набросками и вышел на солнышко — вносить правки и собирать их в нечто цельное. Райтэн же потащил Дерек на разведку — выяснять, чем живёт местное население и какой гениальный план можно попытаться претворить в жизнь, используя полученную информацию.

Впрочем, деревенька оказалась до того унылой, что даже склонный к феерическим идеям на ровном месте мозг Райтэна не сумел разродиться ничем гениальным. Так что, в конце концов, он осел пить пиво в компании местного кузнеца.

Поболтавшись в одиночку по деревне и не найдя себе дела, Дерек решил вернуться в избу, давшую им приют — может, Олив потребуется какая-нибудь помощь, или, в конце концов, у хозяйки найдётся дело. Они, конечно, платили за постой, но Дерек был непрочь пристроить руки к делу.

Хозяйка неожиданному помощнику крайне обрадовалась — по мелкому хозяйству ей помогали дети, а вот взрослые мужские дела порой скапливались, поскольку супруг-рыбак с раннего утра и до обеда, а также с вечера и до заката пропадал на своём промысле, а ночью и днём пытался кое-как выспаться, и до дома у него руки не доходили.

Дерек, весело напевая себе под нос, прибил, где просили, поправил, что перекосило, перетащил какую-то бочку — тут пришлось попотеть и проявить предельную смекалку — и даже подпёр новыми надёжными опорами забор. Хозяйка в восторге охала и подсовывала пирожки, а старший сын — шестилетка — с самым серьёзным выражением лица пытался помогать, но больше мешал.

Глава семьи вернулся с промысла к обеду, но обеда как раз и не получил: раздухарившаяся супруга погнала Дерек на чердак, и он теперь исправно таскал оттуда какие-то старые котелки, а убирал сломанные ухваты и другую утварь, которую можно было бы починить, но всё руки не доходят. Разбор старой-новой посуды (какую-то на чердак закинули ещё далёкие предки) так увлёк хозяйку, что она совершенно забыла о времени.

— Что ещё такое? — недовольно прогудел хозяин, сдавая жене улов — его планировалось прокоптить и отправить на продажу в Фанью.

Прихватив рыбу, хозяйка словоохотливо принялась делиться своими радостями — не замечая, что у супруга её вдохновенный монолог находит самый негативный отклик.

Он, конечно, помнил, что его уже шесть раз просили поправить ставень, третий день непрестанно напоминают про бочку, а про посуду на чердаке начинают вздыхать сезонно, каждый раз по весне и два раза — по осени. И у него, безусловно, были веские причины откладывать всё это — но тем неприятнее было понимать, что какой-то чужак тут за одно утро навёл свои порядки.

Уловив мрачный взгляд хозяина, Дерек незамедлительно скатился с лесенки, по которой лазил на чердак, и в своей живой обаятельной манере принялся за удивительную повесть о том, как на этом самом чердаке обнаружилось ласточкино гнездо и — подумать только! — пусть и совсем древняя, но полностью рабочая прялка.

Улыбчивая физиономия смазливого чужака, который шарится по его чердакам, хозяина не вдохновила, но срывать злость на госте, который платит за постой, было опрометчиво, поэтому под горячую руку попала жена:

— Сэнь, где щи?! — высказал свою основную претензию голодный и злой муж.

Та ахнула и прижала ладони к покрасневшим щекам: про то, что планировалось сварить прекрасные зелёные щи, она совершенно забыла.

— Я сейчас... пирогов... — пробормотала она и дёрнулась в сторону кухонного угла.

Супруг перехватил её за локоть жестом весьма грубым и принялся доходчивого втолковывать — в основном матом — что пироги щам не замена.

Дети привычно попрятались по углам, жена сжималась и никла, а Дерек стоял в растерянности и не знал, что предпринять, чувствуя себя безмерно виноватым.

— Господин Мертар, — попытался он спокойным жестом и тоном отвлечь внимание распалившегося рыбака от супруги, — это целиком и полностью моя вина...

Тот обернулся и посмотрел на гостя взглядом настолько звериным, что Дерек аж тревожно сглотнул, внезапно заподозрив, что его сейчас будут бить.

Растерянно захлопав ресницами, он тщетно пытался придумать в своей голове, как разрешить конфликт относительно мирно — но беда была в том, что он не очень-то уловил, в чём, вообще, суть конфликта.

Наверно, тут бы ему и попасть в неприятную драку, но из тёмного уголка неожиданно появилась бледная Олив.

— Мертар, — зло заявила она, глядя на хозяина исподлобья, — ты что ж думаешь, раз я баба, я тебе не наваляю, да?

Тот застыл, переведя кипящий гневом взгляд на гостью, но не спеша, впрочем, переходить в атаку.

Олив, меж тем, подошла к печи, нашла там блюдо с остатками пирогов, решительно ткнула им в Мертара — ударив заодно этим блюдом под дых — и ледяным тоном сказала:

— Ешь, что дают.

Понаблюдав, как лицо собеседника заливают краска гнева, раздумчиво прибавила:

— Будут тебе твои щи, к ужину. Как проснёшься — тут-то и свеженькие! — махнула она рукой, показывая, что беседа окончена, и удалилась обратно в свой уголок.

Пообедав пирогом, хозяин завалился спать в противоположном углу — на рыбалку он сегодня встал ещё до света. Подхватив улов, хозяйка с детьми отправилась на задний двор — потрошить.

Дерек остался неприкаянным, да ещё с очень противным чувством, что хотел, мол, помочь, а в итоге наворотил каких-то дел. Впрочем, долго ему придаваться терзаниям не

пришлось: Олив тихо его окликнула и попросила принести какого-то отвара — там, у печки, под голубеньким полотенцем.

Дерек принёс.

Скрючившаяся в три погибели Олив попыталась устроиться поудобнее, с благодарностью приняла кружку и принялась сосредоточенно пить. Растерянно топтавшийся рядом Дерек снова чувствовал себя не у дел — и хотелось чем-то помочь, и было совершенно непонятно, как и чем.

Из-за того, что он опять глубоко ушёл в свои мысли, он не сразу заметил, что Олив покончила с питьём и теперь разглядывает его как-то странно и задумчиво. Присев прямо на пол — чтобы быть с нею взглядами на одном уровне — Дерек вопросительно поднял бровь.

Олив хмыкнула, отвела глаза, вздохнула, провела пальцем по каёмке кружки, наклонила голову, бросила на него беглый взгляд, чуть улыбнулась, снова хмыкнула и, наконец, поделилась своей мыслью:

— Деркэн, это, конечно, вообще не моё дело, кого ты годами долго и упорно убеждал в своей собственной безобидности, — передёрнула она плечом и скривилась от стрельнувшей в животе боли, — но, кажется, эта необходимость осталась для тебя далеко в прошлом. — Она прямо посмотрела на него и резюмировала: — Необходимость-то прошла, а манеру ты так и не изменил.

Спрятав глаза, Дерек тоже хмыкнул, потом отстранёно поинтересовался:

— А ты что же, полагаешь, что я не безобидный?

Ответом ему был взгляд столь скептический, что невольно напомнил о Райтэне — и Дереку даже показалось, что с уст Олив сейчас слетит поговорка друга про мозги.

Однако Олив лишь бледно улыбнулась и заметила:

— Ну, это уж тебе решать. — Затем распрямилась на своей лавке и сказала в потолок: — Я лишь хотела убедиться, что ты знаешь, что тебе уже не обязательно быть таким.

Дереку не нашлось, что ответить. Забрав пустую кружку, он встал и пробормотал: «Спасибо!». Она пробурчала что-то неразборчивое и вяло отмахнулась.

...наутро Райтэн и Дерек наперебой придумывали важные причины задержаться в деревушки ещё на денёк, но Олив сходу раскусила их уловки, и, закатив глаза, сдержанно отметила, что она женщина, а не калека, так что брод был успешно преодолён.

Как оказалось, делать это нужно всё-таки в обуви.

IV. Пути-дорожки. 1. Чем занимается в Северной Анджелии Олив?

IV. Пути-дорожки

641-642 года, лето-весна. Северная Анджелия — Брейлин — Аньтье

Вот новый поворот,
и мотор ревёт!

Что он нам несёт —
пропасть или взлет,
омут или брод?

И не разберёшь,
пока не повернёшь
за поворот.

Машина времени, «Поворот»

1. Чем занимается в Северной Анджелии Олив?

Олив прожила в Анджелии десять лет, и за это время успела обзавестись тремя близкими людьми.

В Эрмиду она ехала сказать третьей из них о том, что первые двое умерли.

Ещё в конце весны на восемьдесят седьмом году жизни отошла в мир иной старуха-кузнечиха, которая в своё время приютила Олив, и в избушке которой та и проживала теперь. Событие это, конечно, причинило боль, но, в какой-то мере, и облегчение, потому что наблюдать год за годом, как близкий человек угасает, и знать, что неминуемая развязка всё ближе, как ни крути, было отчаянно мучительно. Все эти десять лет, возвращаясь из своих походов, Олив с замирающим от тревоги сердцем опасалась, что встречать её будет уже некому. В итоге старуха мирно ушла у неё на руках, благословив и надавав советов на жизнь вперёд.

Вторая смерть тоже не стала неожиданностью — некий господин Рейтар был пиратом и контрабандистом, и жизнь его не отличалась спокойствием. С Олив его связывали сложные отношения, курирующие между полюсами острой вражды и вынужденного сотрудничества. Возможно, сложись обстоятельства иначе, они могли бы стать любовниками — вот были бы отношения, где искры летят до небес! — но не срослось, и теперь, когда Рейтар умер, Олив даже как-то пожалела об этих упущенных возможностях. Но пожалела мимолётно, без огонька.

На заре туманной юности у Рейтара была невеста, которая неудачно утопла в местных болотах ещё пятнадцать лет назад. От семьи этой невесты осталась одна лишь мать, и именно к ней теперь ехала Олив.

Оставив своих спутников осваиваться в Эрмиде — пожалуй, самом крупном городе Северной Анджелии, — Олив уверенным шагом направилась по знакомым улочкам на окраину, к слишком большому для одинокой вдовы дому. Против ожиданий, дверь ей

открыла сама хозяйка — такое бывало нечасто — что позволяет нам хорошенько её рассмотреть.

Айлэнь Мидар выглядела максимум на сорок, хотя на деле ей было на десяток лет больше. По стройной гибкой фигуре и порывистым движениям со спины её можно было бы принять за девушку, да и голос, и глаза её были совершенно юными. Лишь одрябшая кожа, морщинки и седина в волосах выдавали, что она уже немолода.

— Олив! — рассиялась навстречу гостье улыбкой она, лёгким шагом сбегая со ступенек и увлекая ту в объятия.

Вскоре они устроились на кухне, где хозяйка торжественно презентовала яблочный пирог и заячье рагу, с таинственной улыбкой добавив:

— Это эксперименты Эсти.

Олив разулыбалась, и, откушав, вынесла вердикт, что эксперимент вполне удался. От удовольствия Айлэнь захлопала в ладоши, а потом заносилась, показывая то одну, то другую вещь, которая опять-таки оказывалась «экспериментом». Олив охотно хвалила: прекрасную шерстяную юбку, чью-то ровную пропись, резную ложку, прочную рыбацкую сеть и Бог весть что ещё. Разве что вышитое полотенце удостоилось горестно поднятых бровей и устало-обречённого:

— Ани?

— Ани, — кивнула хозяйка, грустно разглядывая полотенце с кривым узором, с которого туда и обратно торчали нитки.

Злополучная подопечная перепробовала уже с десяток ремёсел, но сокрушительно провалилась во всех.

Потянувшись за припасённым узелком, Олив заметила:

— Думаю, вам пора перебираться в Кармидер, — и, протягивая ношу хозяйке, сумрачно прибавила: — Здесь гораздо больше, чем обычно.

Рука Айлэнь дрогнула.

— Он?.. — тихо уточнила она.

— Мёртв, — так же тихо кивнула Олив, отводя глаза.

Рейтар всегда отсылал часть своей добычи несостоявшейся теще, а та, в свою очередь, тратила эти средства на то, чтобы помочь знакомым овладеть ремёслами. Её дом всегда был открыт для тех, кто хотел научиться что-то делать руками и тем изменить свою жизнь к лучшему. Олив зачастую выступала посредником в деле передачи денег и помогала пристроить: ремесленников — к делу, потеряшек по жизни — к Айлэнь, мутных купцов — к Рейтару, контрабандные товары — к покупателям. Теперь эта сеть грозила прекратить своё существование, потому что с товарищами Рейтара Олив не была намерена иметь дел, а те, в свою очередь, совершенно точно не планировали финансировать предприятие Айлэнь.

— Я тоже перебираюсь, — продолжила делиться новостями Олив. — Бабуся... — голос её дрогнул. — Её тоже теперь нет...

— Ох, солнышко! — всплеснула руками Айлэнь, снова заключая её в объятия.

Повздыхав в плечо старшей подруге, Олив объяснилась:

— Она взяла с меня слово, что я легализуюсь. Так что бери свой табор, — слабо улыбнулась она, — а я вас летом нагоню, мне нужно ещё дела доделать.

Айлэнь кивнула. Речь о том, чтобы перебраться в Кармидер, шла давно, но слишком уж далеко он располагался от мест, где промышляла Олив и где раскинулись связи Рейтара. В Кармидере было больше возможностей для заработка, да и ту же Ани можно было

попытаться пристроить в университет — если руки у неё росли явно не из того места, то голова, напротив, соображала прекрасно, и страсть её к книгам была очевидна.

— Мне бы тоже ремесло не помешало! — меж тем, фыркнула Олив, демонстративно отряхивая свои дорожные штаны.

Все эти годы она перебивалась тем, что сновала туда и сюда, передавая то и это, время от времени проводя тех туда и этих оттуда, а также сокращая собственные расходы охотой и рыбалкой. О том, чтобы получить анжельские документы, она и не думала.

Знаете ли, если вас не угораздило подружиться с блудным сыном какого-нибудь правителя, получение бумаг такого свойства занимает довольно много времени и сил. Это нужно и встать на учёт в каком-нибудь крупном городе, и подтвердить свою благонадёжность, несколько лет проживая в этом городе, тщательно соблюдая законы и порядки и занимаясь каким-нибудь полезным делом, да ещё и предоставить некоторые рекомендации от уважаемых анжельцев... в общем, Олив не заморачивалась. На севере и вообще мало кто заморачивался с документами.

Однако старуха-кузнечиха перед смертью твёрдо взяла с неё слово, что она, наконец, «возьмётся за ум» и «получит эти идиотские бумаги». Так что всё легло один к одному: на севере её больше ничего не держало, денег на первое время подкинуло наследство Рейтара, оставалось лишь расправиться с делами и закрыть некоторые связи.

— Чем думаешь заняться? — прервала мысли девушки Айлэнь, уже прикидывая, как будет перебираться и что нужно устроить в первую очередь.

Растеряно поведя плечом, Олив предположила:

— Может, переводчицей?

Согласно пораскачивав головой, Айлэнь подтвердила, что это дело хорошее, после чего внесла ещё несколько дельных альтернатив.

Договорившись о том, как будут искать друг друга в Кармидере, они допили чай, и Олив отправилась искать своих нанимателей — выяснить, что они будут делать дальше.

Пересечься им удалось только вечером на постоялом дворе — поскольку Илмарт весь день носился со своей картой, Дерек решительно отправился продвигать каменный уголь в массы, а Райтэн попросту бродил по городу, обдумывая десяток новых гениальных планов. Из них троих в плюсе оказался лишь Илмарт, поскольку наброски города и прилегающего к нему озера ему неплохо удалось. С углём не выгорело, потому что Дерек тут никто не знал, а поручиться за него было некому, поэтому местные не спешили на слово верить предприимчивому промышленнику, а что касается Райтэна — так он, видимо, окончательно распрощался со своими мечтами о дорогах и теперь всерьёз рассматривал проект открытия постоянных дворов в стратегически важных точках Северной Анжелии. Проблема была в том, что в людных местах таковые уже были, а в менее востребованных — как те деревушки, в которых они останавливались ночевать у местных, — не наблюдалось достаточной проходимости, чтобы дело выгорело.

В общем, собрав, наконец, всех вместе, Олив предложила дальнейший разумный план: добраться в Салью водным путём. Это было и быстрее, и безопаснее, чем обходить озёра по болотам — подступающая осень радовала дождями, что с каждым днём затрудняло продвижение.

Райтэн и Дерек переглянулись. Им обоим уже очевидно думалось, что никакая Салья им не нужна.

— Хорошо бы вернуться на побережье, — поделился результатами перегадок Дерек. — Только насколько это будет трудно и долго? — с тревогой уточнил он.

Сегодняшние поиски клиентуры заставили его резко вспомнить о любимом карьере, оставленном на Ирданию на столь долгий срок. Ноги так и чесались поскорее отправиться в дорогу и вернуться, наконец, к прерванному делу по распространению каменного угля по Анджелии.

— Тю! — откинувшись на стул, усмехнулась в ответ на эту тревогу Олив и пояснила: — Если вас устроит Стериа, то нет ничего проще.

Дерек посмотрел на Райтэна. Тот досадливо отмахнулся, витая мыслями в подсчитывании средств, необходимых на обустройство частично постоянного двора на базе избы какого-нибудь предприимчивого местного жителя.

— Вполне устроит, — радостно подтвердил Дерек дальнейший путь.

На это Олив заверила, что водная дорога вниз по Стериа не займёт более пяти дней, а вот цена вопроса зависит от того, умеют ли присутствующие обращаться с парусами. Выяснилось, что Райтэн и Дерек достаточно хорошо в этом разбираются, поэтому было принято решение взять внайм парусную лодку и добраться своими силами.

Этим решением все были крайне довольны.

2. Как становятся королями Срединного мира?

Путешествовать по реке оказалось приятнее, чем брести по её берегу. Олив вполне справлялась с обязанностями рулевого — дружок-пират её в своё время научил — а у мужской части отряда хватило сил и шноровки на единственный парус.

Олив удачно рассчитала путь так, чтобы на ночь останавливаться в приречных деревнях — да и днём удавалось делать небольшие остановки — так что в сравнении с форсированием болота это оказалась развлекательная лёгкая прогулка.

Настроение всем портило разве что ворчание Райтэна — оказалось, что в деле работы с парусом Илмарт не смыслит вообще ничего, а Дереку не хватает опыта — правда, с лихвой хватает энтузиазма. Но, так или иначе, основная работа легла именно на плечи Райтэна, поэтому неизбежно несколько раз за день звучала фраза, что он, вообще-то, не матрос.

Однажды Олив, неплохо знающая историю Анджелии, не удержалась от шпильки:

— Странно слышать такое от одного из Тогнаров! — хмыкнула она, намекая на то, что многие родственники Райтэна прославились именно в морском деле, не говоря уж о том самом легендарном предке, который был сперва известным пиратом, а потом — адмиралом Анджелии.

Упоминания знаменитого предка Райтэн не переносил — очевидно, потому что предпочитал, чтобы его воспринимали как отдельную самостоятельную личность, а не пра-пра-сколь-ко-там-внука такого-то! — поэтому незамедлительно уязвил в ответ:

— От Се-Стирен слышу! — и развил мысль: — Напомни, с каких-то это пор леди сегс славного рода бродят по болотам и лесам?

Его весьма задевал тот факт, что женщина с роскошными мозгами и прекрасным образованием теряет время среди всякого сброда.

— С тех, — не растерялась та, — с каких один из Тогнаров бродит по тем же болотам!

Расправившись с парусом, Райтэн сложил руки на груди и торжественно возвестил:

— Я создаю карту!

Что-то чиркающий в блокноте Илмарт хмыкнул себе под нос.

— Я осваиваюсь в Анджелии, — в манере оппонента отпарировала Олив.

Оценив уклончивость ответа поднятием бровей, Райтэн переместился ближе и устроился на скамье, вытянув ноги и запихнув руки в карманы.

— А зачем тебе Анджелия, Се-Стирен? — продолжил допрос он, поскольку загадка образа жизни Олив весьма его занимала.

Закрепив руль, та упёрла руки в бока и парировала:

— А тебе карта зачем, Тогнар?

Тут тихонько фыркнул себе под нос Дерек, поскольку они уже выяснили, что карта им едва ли пригодится.

Райтэн смерил Олив насмешливым взглядом и не ответил.

Со смешком в разговор вмешался Илмарт, обратившийся вроде бы к Дереку, но достаточно громко, чтобы слышали все:

— Слышал, как предками меряются? Тогнары, Се-Стирены! — и снова взялся за карандаш. — Чувствую себя каким-то бродягой приبلудным на их сиятельном фоне!

Дерек согласно покивал.

Олив же решила обратить потоки своего остроумия на марианца:

— А ты, — спросила она, — случаем не тот ли А-Ранси, который брат ралэса?

По правде говоря, она не следила за политической ситуацией в Мариане настолько плотно и просто ткнула пальцем в небо, будучи уверенной, что найти марианца, который так-таки не в родстве с каким-нибудь ралэсом, практически невозможно — там уже несколько десятилетий правители менялись стремительно и бессистемно.

Илмарт скривился, поскольку брат его действительно успел отметиться в таком качестве перед смертью, и поскольку он не любил и вообще упоминаний о своём прошлом, и трижды не любил напоминаний о том, что он — марианец.

Буркнув что-то невразумительное, но согласное, он не стал отвечать.

Райтэн решил выступить в его защиту и спросил задумчиво у неба:

— А что, разве Се-Стирены не в родстве с Се-Ролами?

Тут пришёл черёд Олив кривиться.

— Сестра моей прабабушки, — кисло согласилась она, — была женой тогдашнего короля.

Дерек удивлённо присвистнул — он, признаться, подобных подробностей из биографий присутствующих не знал.

Заметив, что Олив явно расстроилась поворотом беседы, Илмарт решил, что для полноты картины не хватает подколоть Райтэна, и задумчиво пробормотал:

— Странно слышать подобные претензии от потомка человека, который чуть не заделался анжельским королём.

Подкол попал прямо в цель: от возмущения Райтэн весь вспыхнул и аж вскочил. Впрочем, тут же овладев собой, он сдержанно и холодно ответил:

— Ты что-то путаешь. Мой многоуважаемый предок прославился скорее тем, что каждый его приезд в столицу чуть не заканчивался его казнью.

Многоуважаемый предок, и впрямь, всю юность провёл, пиратствуя, что не помешало ему стать легендарной всенародно любимой личностью.

— Да ладно тебе, Тогнар, — добродушно прогудел Илмарт, довольный, что развёл собеседника на столь яркие эмоции. — Все монархисты Анджелии до сих пор в надежде следят за вашим родом — мало ли, вдруг кто надумает бороться за корону?

Внезапно успокоившись, Райтэн фыркнул и уселся на своё место, снова вытягивая ноги, после чего любезно посоветовал:

— С этими предложениями, пожалуйста, к адмиралу Рийару. Он глава старшей ветви, ему и карты в руки. А мы, Тогнары, тут причём? — он опять зачихнул руки в карманы, задрал голову к небу и мечтательно отметил: — Дальние бедные родственники!

Дерек прислушивался к словесной потасовке с большим интересом. Из деликатности он никогда не спрашивал Райтэна, что там у него за выдающийся предок, которого все поминают, — ясно было, что другу эта тема крайне неприятна! — поэтому теперь пытался разжиться в этом диалоге подробностями.

— Это к какому ещё адмиралу Рийару? — добродушно парировал Илмарт. — Это который вызывает на дуэль всякого, кто помянёт при нём вашего уважаемого предка?

Райтэн рассмеялся: повадки дальнего не то кузена, не то многоюродного дядюшки явно были ему по душе. Тот также отличался крайней степенью независимости, и не переносил, чтобы его сравнивали с тем самым Рийаром.

— С ума сойти! — буркнул Дерек, когда понял, что тема исчерпана, и обсуждать столь любопытного предка более не намерены. — Теперь я чувствую себя каким-то бедным

родственником в компании столь сиятельных персон!

Сиятельные персоны дружно рассмеялись.

Олив отреагировала первой:

— Всё очевидно, Деркэн. Тебе придётся стать королём, чтобы сравняться с нашей славой! — состроила она рукой с растопыренными пальцами себе корону.

— Ну, кстати, не так уж сложно, — неожиданно поддержал тему Илмарт. — Достаточно заехать как-нибудь в Мариан и любым способом убить действующего ралэса. И вот вам, Анодар — новый король!

Дерек поперхнулся смехом. Неизвестно, что его возмутило больше: то, что ему предлагают править ненавистной страной, то, что для этого требуется кого-то убить, или то, что можно предположить, что ему вообще что-то подобное интересно.

Отреагировать он, впрочем, не успел, поскольку первым в дело вмешался Райтэн.

Холодно и сурово он возразил:

— Вот ещё! Эти ваши ралэсы мрут как мухи. Не пуцу.

Действительно, уже давненько ни один ралэс не мог похвастаться тем, что со времени получения титула сумел бы продержаться в мире живых хотя бы год. Удивительно, как с такой статистикой всё ещё находились желающие на это место!

— Ну что ж, — деланно вздохнула Олив, принимая аргумент и вступая в игру «найди трон для Дерека». — Нам остаётся только потихоньку убить Се-Рола. — Она серьёзно покивала самой себе и объяснила: — Тогда новой королевой станет его младшая сестра, и ей, разумеется, потребуется толковый принц-консорт...

Дерек опять было открыл рот возмутиться — то ли ему не понравилась идея убивать короля, то ли не манила должность консорта, — но Райтэн вновь его опередил:

— Тьфу! — скривился он. — Всю жизнь бегать за капризной девчонкой на троне? Тоже мне!

Олив вежливо приподняла брови и почти пропела:

— Ну раз ты такой умный, Тогнар, то сам предлагай!

Смерив её презрительным взглядом, Райтэн через губу ответил тоном «это же очевидно»:

— Приезжаем в столицу, покоряем Парламент, проявляем себя с лучшей стороны, и, глядишь, лет через десять его выберут новым правителем. — Наставительно подняв палец, добавил: — И заметьте, варвары! Никого не нужно будет убивать!

Все рассмеялись, и Дерек согласился, что воспользуется именно этим вариантом, если ему когда-нибудь взбредёт в голову фантазия стать королём.

— Какие вы скучные! — буркнул Илмарт, копаясь в торбе со своими набросками и что-то выискивая. — Нет бы завоевать какое-нибудь джотандское королевство или, на худой конце, свергнуть владыку Ньона!

Райтэн бросил на Дерека быстрый тревожный взгляд, но тот легкомысленно отшутился:

— Для завоеваний у меня армии не хватает, а ньонский владыка слишком параноик, чтобы к нему легко было подобраться!

Губы Райтэна задрожали от сдерживаемого смеха; ему явно хотелось пошутить про то, что как раз с тем, чтобы подобраться к ньонскому владыке, у Дерека проблем нет.

Олив, впрочем, заметила и ранее брошенный встревоженный взгляд, и нынешнее веселье, и подумала, что, должно быть, у Дерека с Ньоном связана какая-то история, не

предназначенная для чужих ушей.

— Жаль, — между тем, найдя нужный лист, констатировал Илмарт, взглядываясь в какие-то значки. — Я бы его лично задушил.

— Кого? — не понял Дерек, с любопытством разглядывая наброски.

— Владыку, — коротко пояснил Илмарт.

Он, конечно, ненавидел родину, но ещё сильнее ненавидел того, кто терзал и без того обескровленную страну уже четвёртым военным походом.

Представив себе картину удушения, Дерек рассмеялся: Илмарт, конечно, был мускулист и крепок, но до массивного Грэхарда всё же не дотягивал.

— Ты его видел? — со смешком попенял он. — Удушишь такого, как же!

Заинтересованный Илмарт оторвался от созерцания и перевёл взгляд на собеседника:

— А ты — видел? — с недоумением переспросил он.

— Да, конечно, — машинально кивнул Дерек и тут же покраснел, сообразив, что эту информацию стоило придержать при себе.

— Мы были в торговой поездке в Ньоне, — резко вмешался Райтэн, вскакивая на ноги. — Присутствовали на высочайшем посещении Анжельского торгового дома, — пояснил он, подходя к Илмарту и вырывая у него из рук набросок. — Вот что у тебя здесь за ерунда! — моментально переключился он, тыкая пальцем в какую-то кляксу.

Растерянный Илмарт уставился в собственный рисунок и принялся пояснять, что это же набросок. Однако Райтэн, не унимаясь, продолжал изливать недовольство.

Молчавшая всё это время Олив, которая предпочитала наблюдать за лицом Дерек, сделала вывод, что таинственная ньонская история, судя по всему, крайне неприятная и опасная тема.

— Вот так всегда! — ясным голосом перебила она изливания Райтэна и пожаловалась: — А я вот никакого короля никогда не видела! — и грустно добавила: — Даже райанского...

Райтэн немедленно переключил внимание на неё и холодно перечислил список своих сомнительных достижений:

— Три джотандских короля, два правителя Анжелии, ньонский владыка и нийский принц.

Хмыкнув, Илмарт что-то посчитал на пальцах и весело перебил:

— Двадцать четыре ралэса.

На этом месте все рассмеялись, а Дерек скромно умолчал, что в те времена, когда он сопровождал ньонского принца Грэхарда, успел повидать всех тогдашних правителей, кроме, собственно, пресловутых ралэсов.

3. Когда у Райтэна Тогнара отказывают мозги?

— Может, всё-таки, подождёшь корабля? — в третий раз переспросил Дерек, с недовольством оглядывая сомнительные болотистые пейзажи на окраине деревушки в предместье Стериа.

— Мы оплатим! — торопливо прибавил Райтэн, которому показалось, что он понял, в чём причина отказов.

Дело в том, что они, наконец, добрались до пункта назначения и теперь им оставалось дожидаться лишь попутного судна до Брейлина. Олив же планировала вернуться домой пешком, и всем им троим это казалось не лучшей идеей: осенние дожди уже начали подмывать и без того топкие тропинки.

Закатив глаза, Олив принялась объяснять свои мотивы:

— Это на восток сейчас сплошной караван, — лекторским тоном выговорила она. — На запад придётся ждать, и хорошо, если неделю, а не две или три. А пешком я точно дней за десять доберусь, — не моргнув глазам, преуменьшила она, поскольку по пути планировала сделать два-три крюка в нужные ей пункты назначения.

Мужчины продолжали смотреть на неё с сомнением. Да, безусловно, за время общего путешествия они прониклись к Олив уважением и знали, что она сумеет за себя постоять. Но всё же предложение распрощаться прямо здесь, потому что порт они найдут и без неё, а ей ещё лодку сдавать знакомому партнёру и на другой берег перебираться, настигло их несколько неожиданно.

Повисло неловкое молчание.

Дерек тихо кашлянул, но так ничего и не сказал.

Райтэн перекачивался с пятки на носок, засунув руки в карманы, и чему-то хмурился.

Олив невозмутимо ждала, пока они созреют попрощаться — плату за услуги проводника ей выдали авансом, и она припрятала её у знакомых в своей деревне, поэтому все дела полагала честно завершёнными.

Однако ещё в Эрмиде Дерек и Райтэн посовещались и сошлись во мнении, что путешествие вышло гораздо менее затратным, чем они ожидали, и неплохо было бы выдать проводнику прибавку — ведь кто знает, сколько бы брали с них за постой местные, если бы они явились к ним сами, и вообще... нет, там было аргументов пять, если не десять, и все, разумеется, — жутко притянутые за уши.

Так или иначе, прибавку следовало вручить, и делать это было отчего-то крайне неловко.

Ещё раз прокашлявшись, Дерек, наконец, торжественно начал:

— Мы хотим выразить признательность за прекрасно проведённое... — сбился, перефразировал: — За увлекательное путешествие по недружелюбным, но прекрасным краям!.. — чувствуя, что его снова несёт куда-то не туда, он метнул панический взгляд в Райтэна, и тот не менее неловко подхватил эстафету, и, тоже прокашлявшись, выдал:

— В общем, мы считаем, что прекрасно выполненная работа требует дополнительного вознаграждения!.. — и таки протянул злополучный мешочек с подготовленными деньгами.

Олив посмотрела на него с глубоким недоумением — не потому, что её, как опасались спутники, оскорбило предложение, а потому, что ей было странно видеть Райтэна столь

непривычно краснеющим, — и не отказала себе в удовольствии усугубить его столь очевидное смятение.

— В самом деле, Тогнар? — сложив руки на груди, насмешливо выгнула она бровь. — Вот уж не думала, что самый короткий путь в Салью лежит через Стерию! — хмыкнула она, напоминая, что привела их вообще не туда, куда обещалась, и сам-то маршрут был изменён по её вине.

Её язвительность была вознаграждена: сперва лишь слегка покрасневшее, теперь лицо Райтэна пошло заметными красными пятнами.

В поисках поддержки он взглянул на Дерёка. Тот пару раз хлопнул ресницами, вырвал из рук друга мешочек и таки всучил его Олив, с самым деловитым видом пояснив:

— Аванс. За добрые слова, сказанные в кругу твоих знакомых в адрес растопки каменным углём.

Олив рассмеялась и приняла деньги.

— Прогоришь, Дер! — отсмеявшись, предупредила она. — Кому в этих болотах нужен твой уголь?

Дерёк пожал плечами и отметил:

— Верю в широту твоих связей, — после чего решительно пожал ей руку со словами: — Будешь в Брейлине — заглядывай!

Она рассмеялась:

— Едва ли!

С улыбкой повернулась к Райтэну и протянула ладонь ему.

Тот пожал, но как-то неловко, и пробормотал неразборчиво что-то прощательное.

Она повернулась к Илмарту. Тот пару секунд смотрел на её руку скептическим взглядом, потом хмыкнул, сделал шаг вперёд и крепко её обнял.

— Увидимся! — уверенно прогудел он ей в волосы, поскольку он тоже планировал перебраться в Кармидер, и они уже договорились найтись там.

Рассмеявшись, она помахала всем рукой и бодрым шагом отправилась искать того своего знакомого, которому следовало сдать арендованную лодку — теперь какой-нибудь путник из Стерии сможет взять её, чтобы добраться до Эрмиды.

Немного поразглядывав её спину, путешественники развернулись и направились в город. Впрочем, там они быстро разделились: Илмарт деловито заявил, что хочет всё зарисовать, назначил время и место встречи и сбежал. Дерёка же и Райтэна ждал порт — узнавать, что-как там с кораблями до Брейлина. Курсировали-то они тут часто, но не все были готовы брать на борт попутчиков.

Впрочем, в этот раз дело выгорело быстро, и они без проблем договорились с одним купцом — знакомым одного знакомого Этрэна, так что дольше обсуждали новости и сплетни, чем договаривались.

Когда, наконец, они выбрались искать гостиницу — купец отчаливал завтра — оказалось, что погода весьма неприятно испортилась, и начал накрапывать дождь.

— Брр! — задрал голову вверх Дерёк, надевая капюшон.

Райтэн последовал его примеру. Оценив состояние неба, они пришли к выводу, что дождить будет весь вечер, но на своевременный выход корабля из порта это повлиять не должно.

Оглядываясь по сторонам в поисках вывески, Дерёк принялся делиться своими

мыслями:

— Как думаешь, успеем до вечера с кем-нибудь познакомиться? Ну, уголь-то сам себя не продаст! В Мэйлине вон срослось... Или, слушай, может, ты здесь кого-то знаешь?

— Я здесь впервые, — сухо ответил Райтэн.

Дерек посмотрел на него с недоумением — обычно он проявлял больше энтузиазма при упоминании коммерческих дел — но решил, что тут виноват дождь. Райтэн, всё-таки, как ни крути, любил комфорт, так что для него болтовня под дождем могла показаться неприятным способом досуга.

Поэтому, временно замолчав, Дерек сосредоточил всё своё внимание на поисках постоянного двора, и даже умудрился поймать кого-то из прохожих и выяснить направление, так что вскоре они оказались в сухом натопленном помещении. Явно своевременно! Дождь заметно усилился, в отдалении громыхал гром.

— Нда! — досадливо цокнул языком Дерек. — И Илмарта-то не отловишь до вечера, — очевидно было, что карту в непогоду не порисуешь.

Заказав еду и питьё — первый этаж традиционно отводился под таверну — они еле нашли свободный угол. Непогода загнала сюда многих прохожих.

Дерек вертел головой вправо и влево, пытаясь на вид отличить, нет ли среди них потенциальных клиентов. Его собственный опыт работы в таком заведении приучил его догадываться о роде деятельности посетителей, и теперь он без труда отличал, где заезжие матросы, где местные ремесленники, а где попросту стражники в свободный от службы день — ходили они не в форме, но по выправке и привычкам можно было понять.

На вид ни одного зажиточного горожанина не обнаружили, и Дерек тяжело вздохнул, но быстро воспрял духом и принялся пересказывать Райтэну свои планы на будущий год. Он хотел, по возможности, обзавестись рекомендательными письмами — а может, к тому времени и получить свидетельство Кармидерского университета! — и отправиться по прибрежным городам в поисках потенциальных покупателей.

— Это выведет нас на новый уровень, Тэн! — с воодушевлением делился он, не замечая, что спутник глубоко ушёл в свои мысли и, кажется, вообще не слышит, о чём ему говорят.

Рассеяно стуча пальцами по деревянной кружке с дрянным пивом, он прислушивался к стуку крупных капель снаружи и мрачнел всё сильнее.

Наконец, Дерек обнаружил, что что-то идёт не так, и оборвал свой вдохновенный монолог.

— Тэн? — нахмурившись, попробовал он выяснить, в чём проблема.

Ответом ему был мрачный взгляд.

Глотнув пива и поморщившись, Райтэн на редкость искусственным безразличным тоном поинтересовался:

— Как думаешь, она ведь уже в дороге, да?

Брови Дерека поползли вверх.

От недоумения он моргнул три раза подряд.

Потом ещё поморгал, видимо, пытаясь осознать тот факт, что перед ним действительно Райтэн, который действительно о ком-то тревожится.

— Эм, — в сомнениях протянул он, наконец, поскольку друг явно ждал какой-то реакции, и выдал очевидное: — Да, полагаю, да.

Неудачно громыхнуло и сверкнуло.

— Она планировала перебраться через реку, — мрачно напомнил Райтэн. — Через местный брод.

Брод этот он прекрасно помнил, потому что с утра они еле его преодолели на своей лодке — было мелко даже для лёгкого судёнышка, и Олив со смехом делилась, что в иные жаркие летние дни такой фокус у них бы и не прошёл.

— Да брось! — Дерек со стуком отставил свою кружку и сложил руки на груди. — Она не пойдёт через болото в дождь! — уверенно выразил он свою оценку умственных способностей Олив.

Райтэна, впрочем, его слова не успокоили, потому что в своём воображении он уже рисовал картины весьма трагические.

— Она не знала, что начнётся дождь! — резко возразил он, подаваясь корпусом к другу. — Что, если он застиг её уже там?

Недоумение Дерек сделалось запредельным. Он потряс головой и почти по слогам произнёс:

— Тэн, Олив — опытный путешественник. Наверняка, заметив первые признаки дождя, она вернулась в ближайшую деревню. Здесь недалеко, — напомнил он.

Нахохлившись, Райтэн отвернулся.

Разговор заглох. Некоторое время они сидели и молчали, не глядя друг на друга.

Дождь за окнами и не думал утихать.

Пробурчав себе что-то под нос, Райтэн выбил пальцами по столу тревожную дробь, вскочил и уверенно направился на выход.

— Да вы издеваетесь! — закатил глаза к потолку Дерек, сразу осознавший, куда рванул друг.

Вздыхнув и с тоской поглядев на недопитое пиво, он поплотнее закутался в плащ и вышел следом.

Спина Райтэна уже заворачивала за угол, и Дереку пришлось поспешить, чтобы нагнать его.

Некоторое время они быстрым шагом шли по пустынной улице, заливаемой потоками дождя. Поскольку никакой мостовой в этом городишке не наблюдалось, приходилось прилагать усилия, чтобы не поскользнуться по грязи.

— Ты идиот, — спокойно уведомил Райтэна Дерек, когда они вышли за границу города.

Ответом его не удостоили.

Почти час они шагали в молчании. Дождь то утихал, то начинал лить с новой силой. Дерек перебрал в голове уже с десятков толковых аргументов, но так и не выдал ни одного из них: по каменному упрямому лицу Райтэна было видно, что он и слушать ничего не станет, и не успокоится, пока не убедится, что Олив не барахтается где-то в болоте. Как именно он будет в этом убеждаться, впрочем, оставалось решительно неясным.

Не сбавляя шага, он явно был намерен на полной скорости преодолеть ту деревушку, возле которой с утра они прощались с Олив.

— Да стой ты!.. — дёрнул его за рукав Дерек. — Надо хоть поспрашивать!..

Пронзив друга ледяным взглядом, Райтэн молча выдернул рукав и понёсся дальше.

Встав посреди дороги, Дерек закатил глаза к небу, запросил у Бога терпения и дёрнулся стучать в ближайшую избу.

Там про Олив, естественно, ничего не слышали.

Как ни быстро Дерек справился со своим вопросом, Райтэн уже успел умчаться далеко

вперёд.

— Рогров идиот!.. — пробормотал Дерек, понимая, что заняться полезной разведкой не успеваает, и рванул за другом.

Бежать по грязи оказалось не так-то просто — кажется, быстрый летящий шаг Райтэна выходил не медленнее бега трусой в исполнении Дерека — поэтому он, выругавшись с досады, дёрнул из ближайшего забора жердь, мысленно извинившись перед хозяевами. Дополнительная точка опоры несколько ускорила его передвижения, но нагнать упрямого друга удалось лишь далеко за границей деревни.

К счастью, хотя бы дождь почти сошёл на нет, поэтому, отдышавшись, Дерек сумел поинтересоваться:

— И как ты собираешься её искать?

На лице Райтэна мелькнул отблеск умной мысли.

Он остановился и нахмурился.

Мысленно возблагодарив Бога, Дерек поспешил поделиться разумным планом:

— Давай спрашиваем в деревне! Я думаю, она должна была вернуться в неё.

Как ни странно, это разумное предположение повлияло на Райтэна прямо противоположным желаемому образом. Возможно, потому что в его характере было упрямо следовать своим путём, а не возвращаться обратно из-за дождя. Непроизвольно он перенёс свой образ мысли на Олив и почувствовал ничем не обоснованную уверенность, что и она, когда начался дождь, решила проигнорировать это и двигаться прежним маршрутом.

После недолгой внутренней борьбы — доводы Дерека всё-таки звучали на редкость разумно! — он заявил:

— Я просто хочу проверить, что она не попала в беду на броне, — и решительно пошёл дальше по узкой размытой тропе.

Несколько секунд Дерек стоял, в растерянности раскрыв рот.

— Проверить? — переспросил он, но Райтэн отошёл уже далеко и не слышал.

Нагнав, он повторил громко и возмущённо:

— Проверить?! Как ты собираешься это сделать?!

— Я просто посмотрю! — раздражённо отмахнулся Райтэн.

Схватив эту отмахивающуюся руку, Дерек резко дёрнул и, наконец, остановил его.

— Тэн, ты идиот?! — задал он риторический вопрос и обличающе добавил: — Там болото!

— Да не лезу я в болото, — раздражённо выдернул руку тот. — Я не идиот! — снова решительно зашагал вперёд. — На дерево залезу и посмотрю.

От такого удивительного плана Дерек совсем потерял нить своих мыслей, и некоторое время шагал рядом молча. В конце концов со вздохом он признал, что Райтэну легче позволить добраться до нужной ему точки и залезть там на какое-то дерево, чем пытаться его остановить и вернуть к разумному плану опроса жителей деревни.

Что он собирается с этого дерева высмотреть, решительно, непонятно. Если предположить, что Олив и впрямь была так глупа, что полезла в болото во время дождя и умудрилась там оступить, то высматривать, право, было уже нечего. Если же — что куда более вероятно — Олив благополучно решила переждать непогоду и переправиться на другой день, тем более смотреть было нечего. К тому же, чем больше Дерек об этом размышлял, тем больше полагал реальным тот вариант, что Олив могла и попросить кого-то

переправить её на лодке — есть же тут рыбаки, в конце концов? Да и та лодка, на которой путешествовали они — наверняка за плату её бы перевезли на тот берег, пусть там и нет причала. В конце концов, не такая и глубокая осадка у этого судна, могли и в берег ткнуться, ничего страшного! В общем, вариант, что она всё же решила форсировать брод, казался Дереку самым невозможным из пришедших ему в голову.

Райтэн, впрочем, с каждым шагом тоже всё больше проникался разумными мыслями — возможно, сказывалось то, что дождь совсем прекратился, и вместе с этим он как-то резко перестал нервничать. Ему начинало казаться, что он весьма глупо запаниковал на ровном месте, и, должно быть, Дерек абсолютно прав, и следовало порасспрашивать в деревеньке. С другой стороны, если Олив действительно была там, они попали бы в крайне неловкое положение — он скрипнул зубами с досады.

Возможно, если бы разум окончательно победил бы в этой борьбе, Райтэн поступил бы единственно логичным образом: развернулся бы и занялся бы расспросами.

Но, поскольку он зашёл уже так далеко, ему было теперь досадно возвращаться; да и сдерживаемая тревога требовала энергичных действий. Поэтому он заозирался в поисках подходящего дерева... и обнаружил отсутствие таковых: они слишком близко подошли уже к броду, и куцый лесок сменился редкими кустами.

— Тэн... — предостерегающе нахмурился Дерек, которому совсем не нравилось место, куда они забрели, пусть протоптанная тропа и намекала, что люди здесь как-то проходят.

— Сейчас, — отмахнулся Райтэн и, наконец, просиял, обнаружив то, что искал: — Я только залезу на вот эту берёзу! — радостно ткнул он пальцем вперёд чуть в сторону от тропинки.

Дерек скептически посмотрел на означенное чахлое деревце. Оно и само по себе выглядело не слишком перспективно — так ведь ещё и Райтэн не являлся мастером лазанья по деревьям. Вот сам Дерек точно даже и не пробовал бы на неё залезть — нижние толстые ветки слишком высоко, он бы просто не подтянулся на них.

Однако, несмотря на абсурдность высказанного плана, Дерек решил с ним согласиться, поскольку опасался, что в противном случае уже заведшийся приятель пойдёт дальше.

— Хорошо, — наконец, согласился он и, подумав, предложил Райтэну свою жердь.

Тот посмотрел на неё с недоумением и заломил бровь:

— Где ты тут видишь болото? — язвительно развёл он руками.

— Олив говорила, что перед бродом болото, — напомнил Дерек.

— Мы до него ещё не дошли, — решительно отмахнулся Райтэн и направился к облюбованной берёзе.

Дерек остался на прежнем месте. Его скепсис возрастал с каждой секундой: берёза всё больше казалась ему неприступной, а потенциальный обзор с неё — слабым и бесперспективным. Однако он рассудил — как ему думалось, здраво, — что Райтэн успокоится, когда выполнит свою программу-минимум, и после этого с ним уже можно будет говорить нормально.

Глядя в спину друга — начинали сгущаться сумерки, что тоже не добавляло перспектив плану с берёзой, — он чувствовал, что внутри нарастает странное липкое беспокойство. Что-то было не так.

Несколько секунд ушло на то, чтобы осознать: по твёрдой поверхности люди так не ходят. Дерек даже успел сообразить, в чём опасность, и дёрнулся следом, чтобы остановить, но его предостерегающее:

— Тэн!.. — уже не успевало.

Вляпнувшись в очередную досадную лужу — и будучи в полной уверенности, что дело лишь в только что отгремевшей грозе, — Райтэн выругался и сместил траекторию, решив обойти подтопленную тропинку по выглядевшему более сухим мху.

Однако подо мхом не оказалось никакой опоры; Райтэн было дёрнулся назад, но его летящий стремительный шаг не предполагал возможности резкой остановки, поэтому он на полном ходу влетел в топкое место, и, пожалуй, повезло ему только в том, что в попытке затормозить он взмахнул руками и упал на спину — что не позволило ему сразу же уйти в болото с головой.

Дикая паника захлестнула всё его существо; он не успел осознать, что именно произошло. Под ногами не чувствовалось опоры, а тонкая корочка мха под спиной стремительно подтапливалась под весом тела.

— Не дёргайся!.. — проорал откуда-то из-за спины Дерек, и Райтэн отстранёно вспомнил, что именно это было первой рекомендацией в инструктаже Олив «на случай, если кто-то слишком умный решит, что может не пользоваться шестом».

Не дёргаться оказалось мучительно сложно, потому что все инстинкты требовали именно это и сделать: забиться руками, ногами в попытках выбраться. Чтобы как-то обуздать эти попытки забарахтаться, Райтэн попытался последовать другому совету Олив и перенести центр тяжести повыше, например, на спину.

Это вроде бы удалось, но тело незамедлительно погрузилось в жижу и мох глубже, вызывая новый приступ мучительной паники: он почувствовал кромку воды шей.

Но прежде, чем он успел поддаться этой панике и совершить ошибку, забарахтавшись, сзади раздалось на редкость спокойное:

— Хватайся, — и он почувствовал, что в ладонь легла жердь.

— Там удобно гвоздь торчит, — отстранённым замогильным голосом продолжил Дерек.

Райтэн сжал руку и обнаружил, что да, об гвоздь можно уцепиться.

— Не дёргайся и дыши спокойно, — велел Дерек и потянул.

Получилось плохо. Опыта вытягивания людей из болота у него не было — он только слышал в детстве от отца, как это делается, да теперь вот вспоминал инструкции от Олив. И того, и другого явно было недостаточно, чтобы чувствовать себя уверенно — да и в целом трудно чувствовать себя уверенно, когда твоего друга уже почти засосало в какое-то недружелюбное болото.

Дерек помнил только, что нужно упереться, нельзя дёргаться и нельзя останавливаться — нужно тянуть и тянуть. Но с тем, чтобы тянуть, у него явно не складывалась: жердь выскальзывала из рук, и сдвинуть Райтэна, решительно, не получалось.

Выругавшись, Дерек почувствовал, что его накрывает паника. Сглотнув, он прочитал про себя короткую молитву и ровно выдал следующий план:

— Так, Тэн. Не дёргаешься. Сейчас отдашь мне жердь, я цепляюсь ею за куст и хватаю тебя за шкирбан, ясно?

— Только попробуй!.. — дёрнулся-таки Райтэн, что незамедлительно ухудшило его положение и на что ответом ему прозвучало сдержанное гневное рычание Дерек. — Завязнешь!..

— Мне по... — ёмко выразил отношение к своим перспективам Дерек, так вырвал у

Райтэна жердь, зацепил её гвоздём за чахлый кустик (всё лучше, чем ничего) и решительно сделал шаг вперёд: — Сдохнем вместе, значит.

Ноги незамедлительно заскользили. Сжав зубы, Дерек повис на своей жерди, чувствуя, что кустик явно не станет надёжной опорой, и сделал ещё шаг вперёд.

«Разумнее было лечь на тропу и попытаться дотянуться», — подумалось ему.

Впрочем, разумно мыслить было уже поздно: слишком яркий и мучительный страх напрочь перекрывал любые логические цепочки.

Выпустив из рук жердь, он встал на колени, постаравшись найти какую-никакую точку опоры, потянулся вперёд и схватил Райтэна за плечи — те уже едва виднелись на поверхности.

— Хватайся и не дёргайся, — спокойно повторил он, хотя никакого спокойствия не чувствовал: напротив, он из последних сил держался, чтобы не запаниковать.

В первый момент показалось, что тут-то им и конец, потому что Дерек ощутимо потянуло за Райтэном. Однако, с мучительным трудом преодолев эту инерцию, Дерек, наконец, смог потихоньку начать откидываться назад, утягивая за собой и друга.

Дело продвигалось ужасающе медленно. В какой-то момент с очередным приступом паники Дерек почувствовал, как колено повело, и его сносит с хрупкой точки опоры.

— Тэн... хватайся за плечо... — сквозь зубы велел он. — Изо всех сил.

Тот заскрёб пальцами, пытаясь на ощупь сообразить, где то самое плечо. Наконец, схватился.

Освободив одну руку, Дерек нашарил свою жердь.

— Не дёргайся. — Опять повторил он. — Твоя задача — зацепиться за жердь.

Колено скользило всё отчаяннее, но Дереку удалось, наконец, дотянуть Райтэна до нужного положения, и убедиться, что он обеими руками вцепился в жердь.

— Не дёргай, она почти ни на чём не держится, — предупредил он, и, отклонившись, зашарил позади себя в поисках более или менее твёрдой земли. Та, слава Богу, была близко, и ему удалось, правильно перенося вес, на четвереньках выбраться на сушу и уже оттуда дотянуть за руки Райтэна.

Наконец-то под коленями и руками была твёрдая, пусть и подтопленная дождём, земля.

Обоих била дрожь — они промокли насквозь ещё под дождём, а теперь к холоду примешалось пережитое нервное перенапряжение.

— Мозгов у тебя нет, Тэн, — наконец, глубокомысленно изрёк Дерек, и оба они засмеялись нервным идиотским смехом.

4. Как понять, что тебе нужно от человека?

К деревне они выбрались уже в глубоких сумерках. Дерек отстранёно подумал, что Илмарт, должно быть, их потерял — но проблемы следовало решать по очереди. Сейчас важнее всего было согреться и просушиться. А может, прямо тут и устроиться на ночлег.

Поспрашивав жителей — молчаливый и явно всё ещё не пришедший в себя Райтэн в этом не участвовал — Дерек выяснил, что у старосты наверняка найдётся местечко, а староста живёт вон там-то, первый поворот направо, третий дом.

Достигнув искомого, Дерек быстро договорился об ужине и ночлеге и неожиданно услышал самую приятную для людей в их положении вещь:

— У меня там банька натоплена, — махнул рукой староста.

— Вы волшебник! — радостно затряс он руку старосты.

— Только постучитесь, там занято, — предупредил он.

Почти приплясывая от радости, Дерек подхватил Райтэна за руку и поволок в указанном направлении — в баньке, действительно, горел свет. На стук ответили вежливым: «Да-да?» — и ввалившиеся внутрь мужчины обнаружили, наконец, предмет райтэновского беспокойства.

Олив, естественно, предпочла вернуться в деревню в тот момент, когда стало очевидно, что дождь пошёл надолго, и, действительно, склонилась к варианту «заплатить рыбакам и переправиться на лодке», поскольку местное болото казалось ей слишком коварным, и преодолевать его в одиночку после дождливого дня... вот зачем попусту рисковать, если и денежки в кармане есть?

Несколько секунд стояла потрясённая тишина.

Олив, совершенно точно, не ожидала увидеть тут Дерек и Райтэна, а те, в свою очередь, растерялись, потому что впервые видели её в длинной льняной рубашке до пят и с распущенными волосами.

— А что это вы здесь делаете? — наконец, подозрительно спросила Олив, ожидая какого-то подвоха.

— Тебя искали, — не разочаровал Дерек, поскольку Райтэн, определённо, говорить не собирался и лишь потрясённо пялился на девушку. Непонятно, что так его вывело из равновесия: сам факт её наличия, надетая явно на голое тело рубашка или свежепомытые только что тщательно высушенные волосы, которые каштановыми волнами обрамляли лицо, делая его черты совсем другими на вид — делая Олив совсем другой на вид, хрупкой и нежной.

— Зачем? — с ещё большим подозрением в голосе продолжила допрос Олив, начиная в голове выстраивать версии, одна другой неприятней.

Дерек бегло взглянул на Райтэна и понял, что помощи с этой стороны ждать не приходится.

Тогда со вздохом он признал прямо:

— Переживали, что ты попадёшь под дождь во время перехода через реку.

Олив уставилась на него с глубочайшим удивлением. Покраснев под её взглядом, Дерек запустил руку в волосы и вдруг заявил:

— Слушай, точно, нужно спросить у старосты, может, у него и чистые штаны завалились? — и резво выскочил за дверь.

Олив перевела взгляд на единственного оставшегося для допроса мужчину.

— Переживали, что я попаду под дождь? — скептически переспросила она, пытаясь понять, что за чушь ей выдал Дерек и с какой целью он это сделал.

Райтэн сморгнул и подтвердил:

— Да. — Прокашлялся и расшифровал: — Переживали, да.

Скепсис Олив возрос многократно. Прищурившись, она сделала к нему пару шагов — в предбаннике было темновато, а ей хотелось разглядеть выражение его лица, — и язвительно переспросила:

— Что это, Тогнар? Неужто забота?

Тот нахмурился и сложил руки на груди, защищаясь, после чего весьма холодно переспросил:

— А если и забота, Се-Стирен?

Фыркнув, Олив тоже сложила руки на груди — в вырезе рубашки мелькнула ключица, и взгляд Райтэна незамедлительно обратился именно туда.

«Забота, как же! — про себя покивала Олив. — Знаем мы такую заботу!»

Она ни капли не сомневалась, что интерес к ней Райтэна имеет чисто плотской характер, так что ни в какую версию с заботой не поверила.

Слова Дерек, тем более, не были для неё аргументом, потому что Дерек — судя по тому, что она узнала о его характере, — готов был беспокоиться вообще абсолютно о любом человеке, попавшем в зону его внимания. Охотно признавая за истину сентенцию «Тот, кто любит всех, на самом деле не любит вообще никого», Олив, естественно, не приняла слова Дерек всерьёз.

Возможно, если бы тут присутствовал бы Илмарт, она поверила бы ему — за время путешествия между ними сложились вполне приятельские отношения, и Олив решила бы, что марианец не стал бы врать. Но как раз Илмарта здесь и не было, поэтому она сделала вывод, что ей зачем-то дурят голову.

— Что тебе от меня нужно? — решила действовать прямо Олив, чтобы сбить противника с толка.

Сбить удалось, поскольку никаких тайных мотивов Райтэн не имел и беспокоился вполне искренне.

Проблема Райтэна была в том, что он не очень-то преуспел в своей жизни в плане умения выстраивать близкие отношения. Его прямой и резкий характер отталкивал от него людей, и он не умел и не хотел быть мягче и дипломатичнее. Дерек был единственным, кто умудрился выстроить с ним дружбу — и, определённо, в этом была именно заслуга Дерек, привыкшего пропускать мимо ушей колкости и резкости и видеть суть под ужимками и холодными гримасами.

Сам Райтэн не только не умел, но и не имел опыта выстраивания близких отношений со своей стороны, и притом был до такой степени неискущённым в этом вопросе, что даже не сумел осознать, что у него появилась потребность в близких отношениях с Олив. Идея о том, что ему может быть нужно от женщины что-то более глубокое и серьёзное, чем короткая — или даже длинная — приятная интимная связь, была слишком революционной, чтобы прийти ему в голову. И поэтому, столкнувшись со своей сегодняшней тревогой, он был дезориентирован и не мог понять, что с ним происходит.

Он, не отрицая женскую привлекательность Олив, в первые дни знакомства с ней

установил сам с собой, что короткая интрижка с ней ему ни к чему, и на этом закрыл вопрос. И, поскольку в его картине мира в плане отношений с женщинами существовало всего три пункта — сотрудничество, короткая интрижка, длительная интрижка, — теперь и сам не мог понять, чего ему, собственно, нужно от Олив, потому что, однозначно, он не искал ни делового партнёрства, ни постельного развлечения.

Его замешательство Олив, естественно, истолковала самым неверным образом, вообразив, что он обескуражен тем, что она догадалась о его тайном замысле.

Тайным замыслом, в её глазах, были именно короткая интрижка.

Определить сходу, хочет она эту интрижку или нет, Олив не смогла. Не то чтобы она была склонна к мимолётным интимным связям — но в Райтэне, определённо, наличествовало что-то, что её притягивало, а она не была обременена религиозными запретами, классовыми предрассудками и высокими понятиями о необходимости блюсти женскую честь. К тому же, тот факт, что он мчался сюда под дождём, чтобы убедиться, что с нею всё в порядке, весьма ей льстил, — даже если сделал он это нарочно, лишь бы её соблазнить.

Пока Олив внутри себя пыталась разобраться с собственными чувствами, Райтэн пришёл к какому-никакому ответу и выразился максимально искренне:

— Просто хотел убедиться, что у тебя всё в порядке.

— У меня всё в порядке, — мило улыбнулась Олив, склонив голову набок и рассматривая его с любопытством в ожидании следующего шага.

Он расслабленно улыбнулся и опустил руки:

— Прекрасно.

Тема разговора была исчерпана, и они оба замолчали, впрочем, продолжая глядеть друг на друга.

Олив думала о том, что, пожалуй, позволит ему себя поцеловать, потому что ей, в самом деле, было любопытно, как он целуется, и потому что, в самом деле, её впечатлило его беспокойство.

Райтэн думал о том, что мозгов у него, и в самом деле, нет, как ни прискорбно было признавать этот факт.

Теперь задним числом он понимал, что вёл себя сегодня с беспрецедентной степенью идиотизма — с настолько беспрецедентной степенью, что это чуть не стоило жизни и ему, и его другу. Мысль о том, что он чуть не утянул Дерека в трясины, больно кольнула в сердце.

Он отвёл взгляд, но Олив успела увидеть в нём сожаление и вину, что вызвало у неё глубокое недоумение. Она никак не могла бы догадаться, что он только что чуть не утоп — да, он был грязным и насквозь мокрым, но в полумраке предбанника было не очень видно подробности, и она предположила, что они с Дерексом шли под дождём, и, может, навернулись в какой-нибудь овраг, коих в округе было в изобилии.

Они так и промолчали всё время до явления весёлого Дерекса со стопкой чистой одежды. Смешавшись, Олив заявила, что ей завтра рано вставать, и ушла.

Она и впрямь договорилась с рыбаками, поэтому отправилась в путь ещё до рассвета, не попрощавшись. Райтэн так и не понял, почему его это огорчило.

Что странно, они не только быстро нашли Илмарта в городе — «Тут одна гостиница, где ещё мне вас было дожидаться?» — но и успели на свой корабль.

5. Что делать, если тебя настигло твоё прошлое?

За всеми этими болотными приключениями и рисованием карт Илмарт почти забыл о том, что у него есть причины ненавидеть Дерекка. Точнее, проблемы возникли ещё на уровне того чувства вины, которое побудило его требовать правосудия, а в итоге привело к попойке, которая закончилась тем, что он нанялся картографом.

Сводить счёты с уже нанимателем не вписывалось в кодекс чести Илмарта, поэтому он, в какой-то степени, оказался заложником сложившегося положения дел, и сперва был вынужден взаимодействовать с Дерекком нейтрально, а после и втянулся.

Впрочем, чего тут лукавить, втянулся он почти сразу, потому что не подшучивать над Райтэном по поводу его религиозных взглядов было, решительно, невозможно. Нечаянно встав с Дерекком по одну сторону в этом вопросе, Илмарт уже не мог просто взять и вернуться к прежней ненависти — да и вообще, как известно, совместные драки, пьянки и приключения издавна являются испытанным способом зарождения мужской дружбы.

Обаяние личности Дерекка, опять же, сделало своё дело: Илмарт признал, что Дерекк конечно, редкостный болван, но всё же человек широкой души и не лишённый ума.

В общем, казалось бы, ненавидеть такого уже не получится, но...

Едва они все трое сошли на берег в Брейлине, как почти тут же столкнулись с Лэнь.

Не то чтобы она специально караулила возвращение Дерекка... нет, у неё нашлось на торговой площади очень важное дело — и, разумеется, чисто случайно она занялась этим делом именно в тот час, когда обычно приходили корабли со стороны Гранти. Подгадывая под прилив, они приставали к Брейлину почти в одно и то же время, так что тут Лэнь не прогадала. Разглядев, что в порт входит очередной корабль, она решила немного задержаться и, конечно, заметила Дерекка сразу, как тот сошёл на берег.

— Дер! — налетела она на него радостным вихрем.

Он сперва поймал её и закружил в воздухе, смеясь, поскольку был действительно рад её видеть — да и согласитесь, это и вообще приятно, если вы возвращаетесь домой, а вас неожиданно встречают столь яркой радостью! — но потом вспомнил.

Лэнь не заметила этой перемены, а вот Райтэну и Илмарту было прекрасно видно, как враз закаменела его спина, и лёгкое непринуждённое веселье перешло в скованную неловкость.

— Как здорово, что ты вернулся! — сияли глаза Лэнь.

Прокашлявшись, Дерекк отметил:

— Мы вернулись, — намекая, что она могла бы поздороваться и с его спутниками.

Весело закивав, Лэнь рванула ему за спину.

— Райтэн! — дружелюбно пожалала она ему руку, потом перевела взгляда на Илмарта, немного прищурилась и несколько растерянно уточнила: — Мы, кажется, знакомы?

Он был ей представлен, поскольку бывал в доме её отца, но она не очень-то хорошо запоминала всех этих бесчисленных жандармов, поэтому скорее смутно помнила, что эта рыжая борода уже бросалась ей в глаза.

— Капитан А-Ранси, — вежливо напомнил Илмарт, пытаясь совладать с эмоциями, которые опять застилали разум.

— Точно! — радостно согласилась Лэнь, хватая его за руку и пожимая. — Я помню, помню! — рассмеялась она, хотя совсем не помнила, но ей просто хотелось сделать ему приятное.

Быстро сообразивший что-то Дерек схватил Райтэна под руку и заявил:

— Слушай, прости, но нам просто срочно нужно на склады! Илмарт тебя проводит! — и утащил друга в сторону раньше, чем тот успел опомниться.

Растерянная Лэнь проводила взглядами их спины, быстро исчезнувшие в толпе. Враз поникнув, она растеряла всё сияние, с которым приветствовала всех только что.

Илмарт был дезориентирован. Ревность, боль, радость, нежность, гнев, зависть, надежда и некоторые другие эмоции накинудись на него разом, и он совершенно не знал, как с ними совладать.

Расстроенное лицо возлюбленной перебило всё остальное, и он почувствовал потребность как-то её утешить. Ужасаясь сам себе — до чего дожил, выгораживать Анодара! — он осторожно отметил:

— Два помешанных на угле маньяка. Только о том и говорили, как поскорее добраться до своего разлюбезного карьера! — впрочем, это практически было правдой, потому что Райтэн и Дерек, и впрямь, всё утро обсуждали именно уголь.

Лэнь ответила ему благодарной улыбкой и уверенно взяла его под руку таким движением, как будто это было самое естественное дело на свете.

— Ну что ж, капитан!.. — начала было говорить она, но он, неожиданно для себя, поправил:

— Илмарт. — И столь же неожиданно разоткровенничался: — Я планирую оставить службу.

— Вот как! — бровки Лэнь удивлённо поползли вверх. — Вы чем-то недовольны? — с тревогой уточнила она, подумав, что, возможно, есть какие-то проблемы, о которых её отец не знает, и о которых было бы неплохо разведать, чтобы рассказать ему.

— Нет, что вы, — степенно ответил Илмарт, направляясь к нужному выходу с площади. — Я просто понял, что это не моё.

Лэнь опустила ресницы, немного задумавшись, потом поднял на него взгляд — у него дыхание перехватило от нежности! — и спросила:

— А как вы поняли, что это не ваше?

Со всей основательностью Илмарт объяснил, чем ему не подходит это занятие.

— Ну вот, — с тоской вздохнула Лэнь. — Все как-то понимают, что их, что не их! — надувшись, она обиженно призналась: — А я совсем не знаю, как найти своё!

В голосе её звучало такое огорчение, что сердце его сжалось. К тому же, он не знал, что ей посоветовать. Отец Лэнь занимал достаточно высокую должность, чтобы ей не приходилось задумываться о средствах на жизнь, поэтому единственной логичной перспективой для девушки её положения было удачное замужество. К счастью, Илмарту хватило ума не высказывать эту мысль, потому что тяжело вздохнувшая Лэнь поделилась своим главным огорчением:

— И почему это все считают, будто женщина ни на что иное не годится, кроме как рожать детей! — и даже шмыгнула носом от обиды.

— Ну, почему же не годится, — утешительным тоном принялся делиться воспоминаниями Илмарт. — Вот в Мариане...

Это был, кажется, первый раз, когда он говорил о своей родине с удовольствием, потому что местные женщины, действительно, чем только не занимались, и Лэнь слушала его с раскрытым ртом, разрываясь между тем, кому отдать свои симпатии: матери Илмарта, которая лепила и раскрашивала глиняную посуду, его старшей сестре, которая служила лучником, младшей сестре, которая расписывала стены, или невестке, которая плотно занималась политикой.

В общем, ворот дома главы жандармерии они достигли, на взгляд Илмарта, непозволительно быстро.

— Вы вселяете в меня надежду, что и я не бестолкова! — со смехом заметила Лэнь, бодро пожимая ему руку на прощание. — Благодарю за интересную беседу! — и, ещё раз лучезарно улыбнувшись, она упорхнула в дом.

Илмарт растерянно сглотнул.

Сам с собой он ведь уже пришёл к выводу, что здесь ему ничего не светит, и теперь, получив неожиданно столько ласкового внимания со стороны объекта своих воздыханий, был растерян.

Лэнь олицетворяла для него всё то, к чему он бежал из Мариана — она была мирной, светлой, доброй девушкой, не знавшей ужасов войны, наивно верящей в хорошее в людях, не искалеченной ни душой, ни телом. Она была самым воплощением понятия «мир», и именно от того Илмарта влекло к ней с просто неудержимой силой. Даже просто глядя на неё, он забывал марианский период своей жизни, словно того и не было, и чувствовал себя частью мира — настоящего мира, где не было ни войны, ни ненависти, ни злобы.

Искушение вернуться к прежнему плану — дослужиться до майора и посвататься — стало нестерпимым.

Ковыляя до своей квартирки, он вновь и вновь перемалывал в голове свои планы. С одной стороны, хотелось остаться и добиваться Лэнь. С другой стороны, благодаря Олив у него зажглась новая мечта. Поучившись у него рукопашке, Олив отметила, что он прекрасный педагог, и мог бы давать платные уроки. Илмарт тогда отшутился — мол, кому это надо, чай, не шпаги. На шпагах-то он был не очень хорош.

Отшутиться отшутился, а мысль в голове осталась. Но вот как к этой мысли подступиться — он не знал. У него не было ни райтэновского задора, ни дерековской деловой хватки, да и стратегическое мышление не входило в число его сильных сторон. Планы на будущее он мог строить только короткие и конкретные, в стиле «дослужиться до майора и посвататься», что в применении к его новой мечте звучало как «перебраться в большой город и открыть свою школу боевого мастерства». Планам такого рода, как мы видим, не хватало конкретики.

Следующие несколько дней он так и пребывал в раздумьях, параллельно сводя свои заметки и зарисовки в одну общую карту — дело-то было уже оплачено, так что его следовало закончить.

Размышления его так и крутились пустопорожно вокруг одних и тех же аргументов, дальше которых он так и не сумел двинуться, и он ходил бы этими кругами и дальше, если бы его раздумья не прервал Дерек.

Вообще, Райтэн планировал сам заглянуть посмотреть, как и что там продвигается с их картой, но по несчастливой случайности пребывал в прескверном расположении духа — поссорился со своей брейлинской любовницей, которая почему-то показалась ему в этот раз большей дурой, чем обычно. Поэтому, пытаясь избыть раздражение в бумажной работе,

проведавать карту он послал Дерек.

Тот был не очень доволен таким распределением обязанностей, поскольку с момента своего возвращения был занят в основном попытками скрыться от Лэнь, и справедливо полагал, что казалось бы налаженные отношения с Илмартом, того и гляди, вернутся в прежнюю враждебную плоскость. Впрочем, встретили его вполне приветливо.

— А, Анодар! — протянул Илмарт, узнав визитёра. — Мне пара часов работы осталось. Подождёшь или зайдёшь после?

— Подожду, — дружелюбно кивнул Дерек, с любопытством оглядываясь.

Маленькая квартирка была сплошь забросана набросками и писчими принадлежностями. В дни вдохновенной работы над рисованием карт Илмарт забывал обо всём на свете, полностью погружаясь в священнодействие. Вот и сейчас, запустив Дерек и неопределённым взмахом руки обозначив, что чай можно получить у хозяйки внизу, он, выхватив из кучи хлама перо, погрузился в прорисовку очередного притока Кантаэнь — того, к слову, мимо которого они не проходили. Именно этим и был вызван мощный беспорядок вокруг: нанеся на карту всё, что успел обозначить в своих походных заметках, Илмарт с азартом принялся заполнять «белые» места, основываясь на картах и книгах, которые были у него дома. Для этой части он использовал другой цвет чернил, чтобы обозначить, что работа ведётся с чужих слов.

Полную карту Северной Анджелии ему составить не удалось, но вот окрестности Эрмиды и Сальи легли на бумагу вполне уверенно.

Некоторое время Дерек с интересом наблюдал за процессом. Заметив, что картограф отвлёкся в поисках более толстого пера, спросил, кивая вокруг:

— Я могу посмотреть?..

Илмарт рассеянно дал разрешение, извлёк нужное ему перо из-под какого-то кувшина, коим оно было придавлено к столу, и снова ушёл в рисование.

Дерек же с восторгом принялся разглядывать всевозможные карты, которые его окружали со всех сторон. Часть из них была нарисована самим Илмартом, часть куплена. Здесь было всё на свете: города и порты, моря и острова, страны и дороги, горные хребты и пещеры! Весь следующий час Дерек с наслаждением изучал контуры родной Даркии, переулки Кармидера, проливы Островного моря и многое-многое другое.

Наконец, развернув очередную карту — явно илмартовской работы — он замер от недоумения.

Этот горный хребет он мог бы и сам воспроизвести по памяти, столько раз они разглядывали его с Грэхардом. Мурийские горы — когда-то территория Мариана, ныне граница, у которой остановились ньонские завоевания.

Вот только на тех вариантах, которые видел Дерек, плотно заполнена рисунком была нижняя, южная часть: территории, уже покорившиеся Ньону. А на этой, которую он сейчас держал в руках, в деталях было нарисовано всё то, что было расположено на севере, с марианской стороны гор.

Защитные форты и черточки перевалов, источники питьевой воды и дороги, тайные тропы и сети коварных ущелий...

То, что ньонская разведка пыталась раздобыть уже добрый десяток лет — и то, что оставалось по-прежнему недоступным, потому что ни один разведчик не вернулся оттуда живым.

Замерев от ужаса и восторга, Дерек лихорадочно прыгал взглядом по отметкам и значкам. Нервное возбуждение, в которое он впал, было так глубоко, что он совершенно забыл, где находится, и совершенно искренне рванул было на выход — незамедлительно поделиться ценной находкой с Грэхардом.

Лишь оторвав взгляд от карты и обнаружив вокруг себя каморку Илмарта, он вспомнил. Растерянно замер.

Рука, все ещё крепко сжимающая уникальную карту, безвольно повисла вдоль тела.

Нервно сглотнув, Дерек обернулся.

Спина картографа не выражала никаких эмоций: погружённый в работу, он не заметил волнения визитёра.

Подняв карту к глазам, Дерек ещё раз убедился, что видит именно то, что видит: марианскую сторону Мурийских гор. Форты А-Верпов и А-Дэнси, скрупулёзно прорисованные переходы и перевалы.

Семейство А-Ранси проживало по южную сторону Мурийских гор, в окрестностях Френкали, и Илмарт частенько мотался туда и обратно, особенно в те времена, когда брату его приспичило сделаться ралэсом.

«Можно отправить с Этрэном...» — мелькнула в голове Дерекера нерешительная мысль.

Помотал головой, но видение, которое встало перед его мысленным взором, так и не растаяло: каким редким выражением восторга просияет лицо Грэхарда, когда он поймёт, что именно держит в руках!

С минуту, закрыв глаза, Дерек боролся с собой, чувствуя глубокое, почти животное искушение самому нестись в Ньон, чтобы лично убедиться, что карта попадёт в руки владыки.

Его трясло от напряжения и волнения.

Затем он открыл глаза.

С осознанием того факта, что, как бы он ни ненавидел Мариан и марианцев, он не может допустить пятого похода Грэхарда — похода, который, направляемый этой картой, легко перемахнёт через защиту гор и пройдёт мощно и неотразимо по марианской земле, снося с неё деревни и города и умывая землю кровью.

— Ил... — хрипло позвал Дерек.

Тот, поражённый, обернулся, не понимая ни тона, ни непривычного сокращения.

— Кто-нибудь видел у тебя эту карту? — отрешённым тоном спросил Дерек.

Нахмурившись, Илмарт встал, подошёл и взял из его рук добротный пергамент. Ему хватило одного взгляда, чтобы вспомнить, что именно это за карта.

— Нет, — нахмурившись, ответил он и попытался понять, с чего бы вообще вытащил её наружу. Все свои марианские наброски он хранил в далёком коробе, не желая на них наткаться.

Должно быть, в порыве вдохновения он всё перекопал, если это вдруг оказалось сверху. Впрочем, долго размышлять ему не пришлось.

— Сожги, — отрывисто и хрипло велел Дерек. — И никогда никому не говори, что знаешь.

В большом недоумении Илмарт уставился на него, ожидая объяснений.

Получил в ответ скептический взгляд.

— Ты хоть представляешь, — наконец, срывающимся немного истеричным голосом

спросил Дерек, — на что готова ньонская разведка, чтобы получить эти сведения?!

До Илмарта дошло.

Он нервно сглотнул и принялся растапливать печурку, чтобы немедленно избавиться от опасной карты.

Ему никогда не приходило в голову это соображение: он нарисовал карту ещё до третьего похода Грэхарда, когда Мурийским горам ничего не угрожало. После карта так и кочевала в его бумагах вместе с остальными, и он попросту не помнил о факте её существования.

Через несколько минут они уже наблюдали, как огонь неохотно лижет пергамент.

Когда карта догорела, Илмарт решительно растрепал кочергой пепел. Он был наблюдателен и догадывался уже, что у Дерека есть личные причины ненавидеть марианцев, — но, как бы Илмарт не ненавидел Мариан сам, он, совершенно точно, не желал ему гибели.

— Спасибо, Анодар, — тихо сказал он.

Тот грустно усмехнулся, затем повернул к нему голову и почти застенчиво сказал:

— Дер, если не возражаешь.

— Дер, — согласился Илмарт, пожимая ему руку.

6. Каково это, быть братом Того самого Тогнара?

Зима уже подходила к концу, и тёплые солнечные зайчики весело переливались на рабочем столе кабинета у карьера. Дерек довольно жмурился, предвкушая весну — он не любил холодные зимы, с которыми и дела-то не имел до переезда в Брейлин, — и составлял список покупок, которые надобно сделать в порту, как только там появятся корабли из Райанци и Махии.

В кабинете вот уже полчаса нервной фигурой мельтешил Райтэн. Он ничем не занимался, и по большей части подпирал угол, иногда отходя от него и пристраиваясь вскоре к другому углу. Поскольку от расспросов он досадливо отмахнулся, Дерек предпочёл заняться делами в ожидании, когда друг сам созреет объяснить, что за мысль его гнетёт.

Мысль эта, по наблюдениям Дерека, созревала уже не первую неделю, поэтому едва ли была чем-то тревожным и требующим срочных мер. Скорее всего — он бы, во всяком случае, поставил на это, — Райтэн обдумывал очередной гениальный план. Конечно, длительное обдумывание не было в его характере, и обычно он вываливал на Дерека свои идеи в тот момент, как они приходили ему в голову, но тут, видимо, дело требовало времени. Возможно, не сходились какие-то детали, а план хотелось предоставить во всей идеальной стройности логических выкладок?

В общем, Дерек не удивился, что друг снова ушёл в свои мысли, но, совершенно точно, не ожидал, что тот будет откровенно смущённым, когда попытается их, наконец, высказать.

— Дер... — весьма нерешительно позвал Райтэн из своего угла, где, облокотившись поясницей на стену и сложив руки на груди, страдал последние минут десять.

— Да? — поднял весёлый взгляд от почти законченного списка Дерек.

Райтэн тяжело вздохнул, и Дерек забеспокоился, начав внутри своей головы воображать, какие-такие мрачные новости могут найтись у друга.

Тот, меж тем, всё-таки вышел из своего угла на свет Божий — солнечные зайчики радостно запутались у него в волосах — подошёл к столу, за которым работал Дерек, спрятал руки за спину и, покачиваясь с пятки на носок, принялся разглядывать что-то на стене сильно выше головы Дерека.

Тот подавил желание обернуться и посмотреть, что ж там такого интересного — память подсказывала, что, кроме голой стены, ничего нет.

— Я тут подумал... — многообещающее начало заставило тревогу Дерека разрастись. Смущённый и нерешительный Райтэн — слишком редкое зрелище, и предвещать оно могло самые разрушительные катастрофы!

Моргнув, Дерек принялся перебирать в голове самые сумасшедшие идеи.

— В общем, у меня есть к тебе предложение... — изволил Райтэн всё же опустить взгляд с заоблачных высот своих мыслей на друга, но продолжения столь многообещающего захода не последовало.

Дерек придал своему лицу самое серьёзное выражение, кашлянул и попробовал поторопить дело:

— Да?

Ответом ему был взгляд, в котором мрачное недовольство сочеталось с совершенно беспомощным смущением. Однако ж, наконец, Райтэн перешёл к сути и выдал ту сокровенную мысль, которая не давала ему покоя:

— Будешь... будешь моим братом?

На секунду Дерек замер огорошенным — он, во-первых, ожидал уже Бог весть каких катастрофических идей, а во-вторых, не понял, почему сказанные слова дались Райтэну с таким очевидным трудом. Растерянно моргнув, он, тем не менее, почти мгновенно отреагировал:

— Да, конечно.

Несколько секунд Райтэн смотрел на него как-то странно; потом с уголка его губ явно стала проситься наружу усмешка, которую он тщетно подавлял. Наконец, сдавшись и рассмеявшись, он уселся на свободный стул и сквозь смех пояснил:

— Великое ты Пламя! Я иногда забываю, что ты не анжелец, Дер!

Дерек несмело улыбнулся и уточнил:

— Тогда поясни, будь добр, на что я только что подписался и в какой момент мне нужно было упомянуть солнце?

Тут уж рассмеялись они оба, а за этим последовал краткий экскурс в анжельские традиции. Поскольку господствующая анжельская философия провозглашала единство и взаимосвязь материального с духовным, то наравне с кровным родством в Анджелии крайне высоко ставили родство по духу. Конечно, в любой стране существовал и институт усыновления, и ритуалы братания, но анжельцы умудрились и тут выпендриться и создать заковыристую развёрнутую систему, отражающую десятки нюансов.

Райтэн так переживал и смущался из-за того, что предлагал закрепить братание юридически — соответствующие записи вносились в паспорта и несли за собой ряд обязанностей и привилегий, наравне с кровными родственниками. Родство это, правда, оставалось чисто «райтэновским» и не делало Дерек братам Тэнь или сыном правителя Аньтье. Но, всё равно, предложение такого рода было делом довольно редким, глубоко личным и весьма серьёзным — немудрено переволноваться.

Выслушав немного путанную, но весьма подробную лекцию, Дерек покивал и уточнил:

— И что, нам нужно для этого в Аньтье ехать?

Райтэн опять смутился и ответил:

— Вообще, не обязательно, в любом крупном муниципалитете можно закрепить...

— Но ты хочешь именно в Аньтье? — разглядел Дерек невысказанный смысл за интонациями.

Кивнув, Райтэн тихо отметил:

— Отец будет рад.

Тут уж заволновался и засмутился Дерек, потому что он никогда не сталкивался с отцом Райтэна, совсем не был уверен в том, что тот будет рад какому-то сомнительному безродному «брату» сына, да и вообще, тот же был ажно целым правителем города, а где правители — и где он, всего-навсего Дерек.

Ладно, уже не просто Дерек, а целый Деркэн Анодар, если быть точным, но, всё же...

В любом случае, он, конечно, согласился рвануть в Аньтье — к тому же, он и вообще в последнее время искал предлогов куда-то уезжать из Брейлина, потому что сил на разговор с Лэнь так и не наскрёб, и из всех возможных в таком положении тактик выбрал самую простую — избегание.

В общем, весной они таки почтили своим присутствием Аньтье, и, как оказалось, отец Райтэна и впрямь был рад.

— А! Господин Анодар! — весело пожал он Дереку руку при знакомстве. — Полагаю,

это вам я обязан тем, что сын мой сменил гнев на милость и порою заглядывает под отчий кров?

Дерек мучительно покраснелся; Райтэн от смущения закашлялся; лукавые же искорки в глазах правителя свидетельствовали, что чувство юмора у Тогнаров передаётся по наследству.

Узнав, в чём цель визита, правитель горячо одобрил братание и торжественно прошествовал во дворец, чтобы заполнить все бумаги самолично, не перепоручая это рядовым служащим. По дороге он разразился мощным монологом о погоде, суть которого, как расшифровал Дерек, сводилась к тому, что ему всегда рады в Аньтье, и он может обращаться в дом правителя запросто, как свой человек, и вообще, благословен тот день, когда нога господина Анодара коснулась анжельской земли, и прочая, прочая, прочая...

После того, как все формальности были улажены, их пригласили на торжественный семейный обед, где Дерек познакомился, ко всему, с младшим братом Райтэна — у Тэнь в разгаре был учебный семестр, поэтому она не присутствовала.

В Аньтье они задержались — Райтэн влетел напрямик в свои разработки кораблей. Там возникли непредвиденные проблемы: спущенное на воду судёнышко чуть не снесло в неведомые дали первым же штормом, хорошо, что его страховали и сумели «отловить».

Райтэн тут же чуть и не умчался в плавание — самолично проверять, где и что именно пошло не так, — но, к счастью, его уговорили, во всяком случае, чуть подождать, пока успокоится весенняя непогода. Он, правда, порывался проверить как раз эту самую непогоду, но, в конце концов, всё же признал, что начинать нужно не с усложнённой непредсказуемыми ветрами проверки.

Дерека же ничего больше в Аньтье не держало, и перед своим отъездом в Брейлин он только решил провести друзей по лесопилке. Встречу было решено отметить гулянкой у мастера Годэна, куда удалось затащить и Райтэна — как тот сказал, исключительно затем, чтобы проверить, что Дерек не угодит в какую-нибудь передрыгу.

Что неожиданно, передрыга и впрямь нашла своего героя.

Пьянка-гулянка вполне чинно шла вперёд своим чередом и омрачалась разве что лебезением мастера Годэна, который взялся самолично обслуживать «самого господина Тогнара!» и его «многоуважаемого брата!» То, что «уважаемый брат» когда-то был просто Дером и носился тут почём зря, старательно умалчивалось. Годэн всегда предпочитал перельстить, чем недолюстить, и благополучно притворился, что видит Дерека впервые в жизни.

Товарищи с лесопилки крайне потешались над этой манерой, Райтэн со стоической миной всё игнорировал, что выдавало крайнюю степень привычки к подобным представлениям, а Дерек просто чувствовал себя несколько не в своей тарелке.

Неприятности нарисовались в лице чрезвычайно пьяного тела, кое пыталось протиснуться мимо стола с нашей компанией, чуть не поскользнулось, грузно опёрлось на стол в поисках опоры и неожиданно обнаружило перед своим несколько расфокусированным взглядом физиономию Дерека.

— Сопли Небесного! — радостно высказалось тело по-ньонски. — Даркиец, ты, что ль?

Дерек захолодел. Вперив взгляд в неожиданный привет из прошлого, пришёл к выводу, что совершенно не помнит, кто это, и, судя по обращению, этот тип не входил в круг его близких знакомых.

— Вы это мне? — холодно спросил он по-анжельски, намереваясь отрицать факт тождественности с самим собой.

Пьяная рожа радостно и согласно икнула.

— Боюсь, вы ошиблись, — приподняв брови, уведомил рожу Дерек. — Я вас впервые вижу, сударь.

Пьяный ньонец попытался сфокусировать взгляд, что ему не очень-то удалось, но уловленное сходство с «тем даркийцем Раннида, который бегаёт по мелким поручениям» явно не давало ему покоя. По неясной навеянной алкоголем логике он решил непременно убедиться в своей правоте, и для этого решительно полез задира́ть Дереку рукав, чтобы ткнуть пальцем в характерную татуировку.

От подобной наглости Дерек на несколько секунд опешил, поэтому пьяница имел возможность некоторое время любоваться роскошными пышными узорами — Райтэн всё-таки выпихнул Дереку несколько лет назад в одну глухую деревушку в Джотанде, где ему поверх ньонских рабских браслетов набили великолепные художественные «рукава». В традициях Джотанды было изображать на таких «рукавах» тотемы своих богов, так что местный мастер — а Райтэн параноидально проверил, что тот не знает по-ньонски и вообще не умеет читать в принципе, — расстарался на славу.

— Вы с ума сошли, — констатировал Дерек очень спокойным голосом, и так же спокойно взял со стола свою тяжёлую стеклянную кружку и долбанул ею опасного знакомого по лбу.

Пьяница заторможено моргнул, видимо, решая, терять ли сознание или нет, в итоге сошёлся со своими мозгами в том, что они ещё повоюют — и полез в драку.

Потасовка вышла короткой, потому что на стороне Дерекы были его друзья с лесопилки, и потому что на шум почти мгновенно выскочил мастер Годэн. Всплеснув руками, он рассыпался в извинениях.

Ньонец, который уже вошёл в раж, с потоками ругательств принялся жаловаться трактирщику, что это Дерек первым долбанул его кружкой.

— Как можно! — драматично закатил глаза Годэн. — Как можно наговаривать на брата самого господина Тогнара!

Дерек закашлялся от неожиданности.

Райтэн довольно заржал: в кои-то веки тень семейного величия легла не на него.

— Простите, господин Анодар, — закланялся трактирщик. — Сей момент всё исправим!

Стол, пострадавший в потасовке, моментально привели в порядок, из погреба в качестве извинений притащили неплохое вино, а дебошира вытолкали за дверь с доносившимися «сам правитель Аньтье!» и «ты, рожа пьяная, хоть смотри, к кому цепляешься!»

Когда вечером они возвращались домой — останавливаться у отца во время своих приездов в Аньтье Райтэн всё же со скрипом согласился — последний растеряно поинтересовался:

— А схрена ли он тебя даркийцем назвал?

Дерек аж остановился. С недоумением ответил:

— Ну, наверно, потому что я родился в Даркии, да?

Райтэн поморгал. Лицо его в слабом свете фонаря выглядело в край обескураженным.

— А ты что, думал, я ньонец? — искренне удивился Дерек, демонстративно дёргая себя

за волосы — коренные ньонцы блондинами не бывали.

Поразглядывая предложенные его вниманию белобрысые патлы, Райтэн со вздохом предложил:

— Ты, что ли, волосы бы отпустил. И бороду.

Дерек скривился, поскольку не любил растительность на лице и искренне полагал, что она ему не идёт.

Меж тем, Райтэн продолжал рассматривать его с глубоким недоумением.

Дерек выразительно поднял брови.

С минуту они переглядывались с взаимным недоумением, потом Райтэн осторожно уточнил:

— Раз даркиец... то, выходит... Дер... Дерек?

Тот кивнул и, видя, что друг явно выбит из колеи, язвительно переспросил:

— Какие-то предубеждения? Против даркийцев, против беглых ньонских рабов или против Дереков?

Уголки губ Райтэна задрожали. Сдерживая смех, он потрепал Дерек по вихрам и весело сказал:

— Какие предубеждения, братишка!

— Эй! — пригладив волосы обратно, надул щёки Дерек. — Вообще-то, братишка тут ты, потому что я старше... — он подсчитал в уме: — На целых восемь месяцев, вот!

Поражённое лицо Райтэна изрядно его повеселило. Он, по правде сказать, никогда не задумывался, откуда Дерек родом — раз не рассказывает сам, значит, нечего лезть! — и был в абсолютной степени уверен, что тот младше него лет на пять.

Сложив руки на груди, Райтэн сделал полшага назад, окинул Дерек взглядом с ног до головы, как будто видел впервые, усмехнулся и, возведя глаза к небу, философским тоном отметил:

— Ну что ж, всегда мечтал иметь старшего брата!

Правда, пафос этого высказывания был напрочь разрушен язвительным дополнением:

— Пусть и такого бестолкового!

Дерек было рассмеялся, но потом до него дошло, и он с комичным ужасом воскликнул:

— Господи Боже мой! Это что ж, мне теперь придётся соответствовать званию старшего брата Того Самого Райтэна Тогнара?! — схватился он за свою отвисшую челюсть.

Самым простецким образом расхихикавшись, тот с наслаждением уведомил:

— О, да!

Так, смеясь и перешучиваясь, они всё-таки дошли до места назначения.

Впереди у них было ещё море амбициозных планов, которые требовали своего воплощения в жизнь.

Книга третья. Степные волки. I. Влюблённые девицы. 1. Почему опасно дурить голову влюблённой девице?

Книга третья. Степные волки

I. Влюблённые девицы
643 год, весна-лето. Кармидер

Из синяков и тумачков,
Из отваги и сжатых кулаков,
Из независимости и мастерства,
Из страсти, и сердца, и достоинства,
Из воли, крепче кремня,
Из силы и огня,
Из свободы от чужих мнений,
Из свершений и достижений
Сделаны наши девчонки!

Арина Румянцева, ремикс Nike
на песню «Из чего же, из чего же?»

1. Почему опасно дурить голову влюблённой девице?

— Нет, это, положительно, уже никуда не годится!.. — мрачно бормотал себе под нос Райтэн, недовольно разглядывая Дереха.

Выглядел тот, прямо скажем, хуже, чем в какой бы то ни было период своей жизни — хотя, пожалуй, та пара недель, что он провёл в трюме корабля марианских пиратов, могла бы поспорить за лидерство с нынешним обликом.

Если разбираться детально, дело было не столько в общей зарослости и запущенности, сколько в совершенно нетипичной для Дереха недовольной физиономии. Что презрительный прищур, что кисло скривлённые губы и сами по себе смотрелись на его лице чужеродно и неприятно — что уж говорить о том, что подобной картиной Райтэну приходилось наслаждаться вот уже второй месяц кряду!

— Положительно невыносимо!.. — бурчал он себе под нос, пытаясь родить какой-нибудь ещё гениальный план, отличный от тех, кои он уже пытался претворить в жизнь — и не преуспевал.

С тех пор, как пять недель назад он притащил Дереха в Кармидер, было перепробовано всё: поход в библиотеку университета, вечер для избранных в местном Торговом доме, цирковое представление, важные переговоры по закупкам парусины, открытые лекции лучших преподавателей, посещение элитного борделя, внезапное купание в Роне, совместный побег от жандармов, участие в срочной починке моста наравне с простыми

рабочими, музыкальный вечер у компании старых знакомых... да что там, Райтэн был настолько в отчаянии, что даже опустился до того, что тряхнул семейными связями и устроил Дереку знакомство лично с правителем Кармидера!

Во всей этой череде сокрушительных неудач единственным плюсом было то, что Дерек, во всяком случае, соглашался в них участвовать. Но на этом положительные стороны кончались: с каждой неделей друг становился мрачнее, язвительнее и молчаливее.

— Отчаянные времена требуют отчаянных мер! — словно убеждая самого себя, продолжил монолог в пустоту Райтэн.

Поуговаривав самого себе ещё немного, он сделал вывод:

— Если не она — то кто?.. — и решительно потащил Дерек к цирюльнику, приводить в порядок волосы и бороду, поскольку особа, кою он намеревался посетить, была весьма требовательна к внешнему облику своих визитёров.

Так как приведение нашего героя в более или менее приемлемый вид требует значительных временных затрат, мы как раз успеем разобраться, что же привело его к такому жалкому положению.

Сперва дела Дерек шли просто отлично. Летом он, как и планировал, поехал по портам Северной Анджелии, где, действительно, весьма преуспел в деле продвижения каменного угля.

Однако, вернувшись в Брейлин, он столкнулся с нерешённой проблемой: Лэнь. Стратегия избегания, конечно, неплохо ему удавалась, но отсутствие разговора начистоту напрочь лишило эту стратегию положительного эффекта. Лэнь лишь гордилась тем, что её возлюбленный так трудолюбив и энергичен, а любезность Дерек в те дни, когда ему не удавалось избежать встречи с нею, убеждала её в том, что она любима.

Однако время шло. Дерек, как легко догадаться, не делал никаких шагов к развитию их отношений — но так и не нашёл в себе сил на охлаждение или объяснение. Меж тем, Лэнь уже пошёл двадцать первый год, и гордое «завидная невеста выросла!» стало превращаться в шепотки «что-то тут неладно, небось, неспроста замуж не берут!» На шепотки эти Лэнь бы никогда не обратила своего внимания, но в самой своей семье она столкнулась с нарастающим давлением — то брат, то мать, а иногда и отец — и это не говоря уж о тётушках-дядюшках — то и дело пытались завести «серьёзный разговор» об устройстве её судьбы.

Всю зиму Лэнь героически отбивалась от этих атак, но в душе её подспудно зрела обида на Дерек, который по каким-то неясным ей причинам не мог выделить время на полноценные ухаживания и следующий за ними брак.

Лэнь смотрела на всё это дело весьма романтично, и ей казалось, что объект её воздыханий полностью разделяет её чувства и чаяния.

С огорчением вынуждены признать, что буквально всё в поведении Дерек подпитывало именно такую точку зрения.

Опасаясь, что по тёплой погоде возлюбленный опять сбежит по своим ужасно важным деловым делам, Лэнь решила брать свою судьбу в свои руки. Подойти к делу обольщения тонко она не умела — да и не видела причин в тонкой игре, ведь между ней и Дерек всегда всё было прозрачно! — поэтому она попросту начала открытый разговор сама.

Дерек оказался к этому категорически не готов.

Увы, он искренне полагал, что, раз он так демонстративно не проявляет инициативу, с его мотивами всё понятно, и Лэнь прекрасно всё понимает и ничего такого от него и не

ждёт...

В общем, мы оставим за кадром этот отвратительный вечер с весьма безобразной сценой объяснения, которая, совершенно точно, обнажила худшие черты в них обоих.

Наутро глава жандармерии Брейлина был ошарашен приходом истерично настроенной дочери, которая прорыдала всю ночь, неаккуратно обкромсала свои роскошные золотые волосы почти под корень и теперь истово требовала принять её в ряды городских жандармов.

Лэнь никогда не держала в руках оружия, никогда не уделяла времени физическим упражнениям и никогда не проявляла интереса к службе отца, поэтому явление это вызвало в доме настоящую панику.

За девушкой носились неделю всей семьёй, в страхе, что она вытворит что-нибудь непоправимое, но она лишь спокойно и холодно продолжала высказывать своё желание. В конце концов, господин Кэриар сделал вид, что уступает, отправив её на «предварительное обучение основам», как он это назвал. Обучением руководил его старый друг, задачей которого было показать Лэнь, что служба в жандармерии — это явно не то, чем ей хочется заниматься.

Лэнь оказалась ужасно упёртой, и ей потребовался месяц строгой муштры на грани издевательства, чтобы признать, что таки да, жандармом ей не стать.

Конечно, причины странного помешательства дочери были вскрыты господином Кэриаром ещё на первой неделе.

Узнавший о подоплёке истории Войтэн с шумом уволился.

Разразился скандал.

Весь Брейлин гудел о том, что «такой вроде приличный» господин Анодар «крутил шуры-муры» с дочкой главы жандармерии, а потом — подумать только, вы слышали? — бросил бедняжку, и та, не перенеся позора... и дальше, в зависимости от фантазии сплетников, Лэнь сходила с ума, бросалась с моста в реку, брала в руки меч, чтобы отомстить за себя, выходила замуж за кузнеца и многое, многое другое.

Райтэн всю эту ситуацию благополучно проглядел — его лёгкие суда отчаянно терпели крах в борьбе с ветрами Малого океана, и, когда он вернулся из Аньтэ, то обнаружил, что дело уже капитально вышло из-под контроля.

Общественные симпатии оказались явно не на стороне Дерек; правитель Брейлина и верхушка общества, естественно, была в этом конфликте на стороне Кэриаров. Дерек, вмиг приобретший репутацию бесчестного соблазнителя, цинично пользующегося наивностью юных благородных барышень, оказался не в состоянии с этой репутацией совладать.

Он привык, что все — или почти все — его любят. В своей жизни он всегда умудрялся устроиться так, чтобы вызывать у окружающих симпатию. И впервые он столкнулся со стеной холода, отчуждения и презрения.

Былые приятели, завидев его на улице, делали вид, что не узнают его. Если он и брался заговаривать с кем-то первым — непременно встречал ледяной приём. Клиенты из важных персон демонстративно отказывались от каменного угля. Даже часть рабочих с карьера уволилась вслед за Войтэном.

Дерек и так пребывал в крайнем раздрае после неудачного объяснения с Лэнь — а тут еще и всеобщий остракизм. Не имея сил справиться с обрушившимся на него негативом, он заперся в своём доме, как в крепости, забросил дела и ушёл в глубокое самокопание

напополам с саможалением.

Всё казалось ему катастрофическим; думалось, что жизнь его, совершенно точно, кончена, и ему не за что больше бороться и некуда теперь идти. Своё коммерческое предприятие он почитал совершенно разваленным — и особо мучительной нотой в эти размышления вплеталась мысль, что он подвёл Тэна. В том отвратительном состоянии, в каком пребывал в этот момент Дерек, он решил, что дружбе их на этом месте придёт конец — потому что Тэн, конечно, не захочет дружить с таким человеком, каким оказался Дерек.

Как водится в такой ситуации, ему припоминалась вся его жизнь, но в искажённом восприятии он совсем иначе теперь воспринимал её отдельные эпизоды. Теперь ему несомненно казалось, что он совершенно бездарный, безалаберный, бесталаный человек, к тому же эгоистичный и подлый, неспособный ни на настоящие чувства, ни на устройство настоящих дел.

Неизвестно, до чего бы он и вообще додумался — потому что на свет Божий уже были извлечены такие смертные грехи, как «я ужасно подвёл Грэхарда» и «я эгоистично разбил сердце Эсне» — но тут, к счастью, дом его подвергся короткому, но эффективному штурму: не достучавшись в дверь, вернувшийся Райтэн залез в окно.

Дальше всё пошло как-то не по продуманному Дереку сценарию, потому что Райтэн и не подумал прозревать и в ужасе сбегать. В свойственной ему манере он некоторое время пытался достучаться до утонувшего в самоуничижении друга логикой — но не преуспел. В итоге Дерек безразлично позволил вытащить себя в Кармидер и таскать по всем мероприятиям, на которые Райтэну было угодно его затащить, — с вялой мыслью, что рано или поздно ему это надоест и он, наконец, оставит его в покое.

Естественно, в этом Дерек просчитался, поскольку Райтэн, определённо, был из тех людей, кто нипочём не отступит, столкнувшись с подобной дурью в исполнении близкого человека.

Ситуация, конечно, оказалось препаршивой, но у Райтэна в рукавах были припрятаны козыри и на такие безнадёжные случаи.

2. Почему опасно влюбляться в Магрэнь Ринар?

У Райтэна было три основных причины не переносить на дух Магрэнь Ринар.

Во-первых, она, являясь обладательницей бесспорно великолепных мозгов, по каким-то причинам не только привечала людей, мозгами не обладающих, но и вела себя с ними так, как будто никаких мозгов у неё у самой и нет! И они верили! Верили! И проникались к ней симпатией!

Во-вторых, она умудрялась переспорить и переупрямить самого Райтэна — что являлось обстоятельством крайне неприятным.

И, наконец, она отказалась стать его любовницей.

Дважды.

Дважды!

А ведь обычно Райтэн достаивал леди таким предложением лишь один раз! И он находил крайне оскорбительным и унижительным для своей гордости тот факт, что опустил до повторного предложения. Не говоря уж о том, что даже после столь беспрецедентного случая ему снова было отказано!

Несмотря на то, что со времён этой истории прошло уже более десяти лет, Райтэн до сих пор пылал самым искренним и глубоким негодованием — чуть сглаженным годами удачных коммерческих сделок. И он в жизни бы не явился к этой ужасной женщине, если бы, на его несчастье, она не обладала бы уникальным и ярким талантом вытаскивания мужчин из тяжёлых депрессивных эпизодов.

Собственно, их знакомство началось именно с того, что совсем тогда юная Магрэнь — ещё не помолвленная даже со своим ныне уже давно покойным мужем — помогла молодому сбежавшему из дома парню поверить в свои силы и обрести некоторую уверенность в себе.

Поэтому, осознав, что угрюмое состояние Дерекка лишь усугубляется, Райтэн решил пойти на эту меру и привлечь Магрэнь к делу.

Приведя в порядок волосы, бороду и одежду друга, Райтэн притащил его к красивому двухэтажному особняку, в коем обитала интересующая его особа.

Магрэнь унаследовала от покойного мужа парфюмерное предприятие, и вот уже пятнадцать лет успешно вела все дела. Привычки её и распорядок дня давно и прочно установились, и Райтэн предполагал, что она уже должна была вернуться из утренней поездки в свою лавку — но ещё не отправиться по своим вечерним визитам.

Действительно, служанка невозмутимо приняла его визитку и попросила обождать. Это обстоятельство немного вывело Дерекка из ступора — сколько он знал друга, тот всегда проявлял завидное равнодушие к правилам этикета, и с шумом являлся в дом, который намеревался посетить. Если же особа, приёма у которой он добивался, была слишком важной, чтобы попросту врываться ей в гостиную, он королевским тоном объявлял слуге, что пришёл Райтэн Тогнар — и никаких визиток! Дерек даже не подозревал, что у него имеются визитки, и был слегка заинтригован, что это за персона добилась столь вопиющих знаков уважения.

Служанка вскоре вернулась и передала, что госпожа велела проводить их в гостиную. Райтэн демонстративно закатил глаза — мол, могли бы сразу туда и последовать, нет, устраивай тут все эти этикетные реверансы! — и скорым шагом с уверенностью человека,

который далеко не впервые в этом доме, отправился с гостиную вперёд служанки. К некоторой забаве Дерек, та закатила глаза почти с тем же выражением лица, которое только что было у Райтэна.

В гостиной друзья устроились на софе. Райтэн нервозно отбивал пальцами воинственную мелодию на подлокотнике — визиты к Магрэнь всегда выводили его из себя — а Дерек устроился в угол, закинул нога на ногу и сложил руки на груди. Настроение его сделалось весьма мрачным: он подумал, что важная особа, к которой они пришли, требует особого обхождения, если уж даже безалаберный Райтэн ведёт себя столь цивилизованно. Но Райтэн, по крайней мере, пусть и не любил, но умел себя так вести; а он, Дерек, знать не знал правил анжельского этикета — так, по верхам только, — и был убеждён, что покажет теперь себя полным профаном. Это соображение ещё больше угнетало его и без того паршивое настроение.

Мрачно уставив взгляд в одну точку, Дерек, однако, отметил, что какой-то блеск слепит ему глаза, и сморгнул.

Оказалось, что напротив софы расположен камин, а на нём выстроилась целая коллекция разномастных ваз, и некоторые из них весело отражали в себе блики солнца. Райанское тонкое стекло, либерийский фарфор, ньонская керамика, марианская глина, витражная нийская работа...

Дерек так засмотрелся, что пропустил бы появление хозяйки, если бы Райтэн не вскочил сам и не дёрнул его встать.

Магрэнь влетела в гостиную быстрым живым шагом. Разлетающаяся ткань чёрного атласного платья проколыхалась волнами в такт движению. В руках её была стопка толстых пыльных книг, а на пальцах виднелись пятна чернил — немножко чернил оказалось и над бровью.

Она с довольным хмыканьем сгрузила свою ношу на столик и, заложив руки за спину, медленно подошла к гостям.

Миниатюрная, с мальчишески-плоской фигурой, с убранными в плотный узел чёрными волосами она обладала талантом выразительных взглядов, из-за которых мужчинам было свойственно терять голову в её присутствии.

Так, Райтэну достался взгляд любопытный, весёлый и ласковый. Такой взгляд словно оглаживает душу солнечным лучиком, говоря без слов: люблю, скучала, рада видеть!

На Дерек же она взглянула так, как смотрела на всякого незнакомца. В этом её особом типе взгляда всегда читалось радостное удивление: «Как?! Неужели это вы?! Поверить не могу! Это и вправду вы?!»

Взгляд такого рода был столь неожиданным, что даже вывел Дерек из мрачной созерцательности — так не смотрят на тех, кого видят впервые в жизни. Невольно Дерек стал припоминать, кто эта дама и при каких обстоятельствах — и когда! — они успели познакомиться, потому что, определённо, она смотрела на него как человек, который уже и не чаял встречи, и прочно похоронил в сердце надежду на эту встречу, и вдруг всё-таки встретил вас — и теперь удивляется и ликует.

Впрочем, иллюзию эту почти моментально разрушил Райтэн.

— Мой старший брат, Деркэн Анодар, — продолжил он демонстрировать свои этикетные навыки. — Мой торговый партнёр, Магрэнь Ринар!

— Очень приятно, — протянула Дереку руку леди. В глазах её стояло уверенное и

радостное выражение «вы тот самый человек, которого я так долго ждала!» Выражение это совсем дезориентировало Дерек, и предложенную руку он поцеловал с заметным смущением, которое не укрылось от Магрэнь.

Она беззвучно хмыкнула и повернулась к Райтэну. Во взгляде её мелькнула обида, приправленная сожалением.

— Я не уверена, Райти, — огорчённо сказала она, — что после той твоей выходки нас можно считать партнёрами!

Затем, оправив платье, она села, пригласила сесть их и, позвонив в колокольчик, велела подавать чай.

Дерек испытал некоторую неловкость, потому что при столь изысканной даме забиваться снова в угол софы казалось неуместным. Он скосил глаза на Райтэна и попытался повторить его непринуждённую позу — друг явно был более сведущ в вопросе, куда девать ноги и руки, если тебя занесло на чай в светскую гостиную.

На несколько минут воцарилось молчание.

Райтэн с упрямым и мрачным выражением лица время от времени обиженно хмыкал. Он явно не знал за собой никакой вины и был недоволен поворотом беседы. Магрэнь с совершенно королевским видом спокойно разглядывала гостей — то одного, то другого, — иногда чуть наклоняя голову — то налево, то направо, — и почти беззвучно вздыхая при этом.

Сидевший между ними Дерек посмотрел направо, оценил степень упрямства на лице друга, повернулся налево, встретил заговорщицкий взгляд хозяйки, которая с лукавой улыбкой слегка кивнула на Райтэна и прикусила губу, приглашая посмеяться над его обидой, вздохнул и первым нарушил молчание.

— Тучи сегодня недружелюбные, да? — обречённо провозгласил он, глядя куда-то в пространство.

Райтэн недовольно дёрнул плечом, бросив на него взгляд укоризненный и мрачный, Магрэнь тихо рассмеялась и подхватила:

— Того и гляди, молнии хорошенько так засверкают! [1] — явно развлекаясь, озорно блеснула она глазами на Райтэна из-за только что принесённой чайной чашки.

Возмущённо раскрыв было рот, тот, правда, передумал говорить то, что пришло ему в голову, демонстративно резко помешал свой чай ложкой, безжалостно стучая ею о края чашки, громко отхлебнул чаю и только после этого хмуро заявил:

— Да не было никакой выходки!

Магрэнь возвела глаза к потолку, затем с прохладой в голосе заметила:

— Ты оставил меня без ньонских благовоний!

Вскочив, Райтэн с досадой воскликнул:

— Потому что в Многоземном была та заварушка!

Тут Дерек заметил, что Райтэн и одет тоже весьма непривычно — на нём был элегантно застёгнутый на все пуговицы костюм-тройка, и даже галстук! По правде сказать, Дерек впервые видел друга столь аккуратно одетым. Обычно он обходился либо жилетом, либо пиджаком, в любом случае, расстёгнутым, и тем паче без всяких там галстуков!

В который раз за день Дерек почувствовал себя особенно неловко, потому что у него таких модных костюмов не было. Правда, в его гардеробе тоже имелись и пиджак, и жилет, и даже галстук, но все трое совсем не сочетались друг с другом, потому что Дерек заказывал

их по разным случаям и не планировал носить вместе. Смутно вспомнилось, что утром Райтэн действительно велел ему натянуть всё это сразу, впал в истерику, увидев результат, велел оставить только жилет и потащил к себе, где подобрал подходящий к жилету галстук.

Дереку никогда в голову не приходило, что Райтэн разбирается в моде; как не приходило и то, что тот может вести себя в соответствии с правилами этикета. С опозданием он осознал, что Райтэн, в самом деле, должен был уметь и правильно одеваться, и правильно подавать себя — он всё-таки воспитывался как наследник правителя Аньтье! Другое дело, что Дерек впервые видел его в этом амплуа: во всех без исключения иных ситуациях, даже при общении с правителями Брейлина или Кармидера, Райтэн был одинаково небрежен и безалаберен.

Пытаясь справиться со смущением, Дерек заставил себя вникнуть в суть конфликта. Претензии Магрэнь, очевидно, касались того периода, когда Этрэн был вынужден сменить свой торговый путь и отправиться не в Ньон и Даркию, а в Райанци. Как следствие, Райтэну было неоткуда взять ньонские благовония, которые Магрэнь у него скупала не первый год.

Меж тем, увидев, что собеседник совсем закипел, Магрэнь осторожно поставила чашечку на столик, всплеснула руками, аккуратно встала, подошла к Райтэну, положила ладонь ему на плечо и успокаивающим голосом произнесла:

— Ну, ну, Райти, не громыхай!

У неё была иногда немного раздражающая манера обходиться с каждым мужчиной так, словно он был её старым любовником.

Дерек подобрался, разрушив скопированную у друга небрежную позу.

«Сейчас рванёт!» — уверенно предсказал он, поскольку Райтэн, определённо, теперь должен был прийти в бешенство.

Однако, к глубочайшему удивлению Дерека, не рвануло.

Посмотрев на Магрэнь слегка укоризненно, Райтэн ничего не сказал, тихо сел и схватился за свою чашку.

Подарив ему лёгкую улыбку, Магрэнь вернулась на своё место — странным путём, пройдя не перед камином, как она сделала это до, а за софой. Удивлённый Дерек почувствовал, как, проходя за его спиной, она слегка коснулась рукой его плеча — кажется, случайно. Затем, обогнув софу, она вернулась в своё кресло и уже оттуда недовольно продолжила:

— И тем не менее, из-за тебя я влипла в этот кабальный контракт!

Не получив благовоний по привычному морскому пути, она стала искать сухопутных поставщиков — и нашла лишь одного, который был готов продавать их только при условии заключения контракта, в соответствии с которым Магрэнь обязалась закупать ньонские благовония исключительно у него в течение следующих пяти лет.

Райтэн возвёл глаза к потолку, бросил на Дерека ещё один недовольный взгляд, собрал остатки терпения по закрамам своей психики и процедил:

— Да-да, именно поэтому ты ещё три года не сможешь ничего у меня закупать, я помню.

— Помнишь? — с милой улыбкой, за которой почти не скрывался хищный оскал, переспросила она, делая глоток. — Я должна была убедиться, что да! Знаешь ли, твоё сегодняшнее появление заставило меня сомневаться в этом!

Дерек, с некоторым интересом следивший за этой перепалкой, уловил в её голосе

возмущение, суть которого не сумел разгадать. А вот Райтэн, очевидно, был в теме, потому что, оставив чашку, с раздражением заявил:

— Да не собираюсь я тебе ничего предлагать!..

— Вот и славненько! — выбирая в вазочке мармеладку, заключила Магрэнь. — Не желаю связываться с Михаром, знаешь ли!

Ещё год назад, столкнувшись с условиями её нового контракта, Райтэн вполне логично предложил сбывать ей различные благовония втёмную, чтобы она торговала ими из-под полы. И, хотя Магрэнь не прочь была порой взять на реализацию контрабандный товар, в этот раз она категорически отказалась: у господина Михара, с коим она теперь сотрудничала, репутация была довольно суровая, и дразнить его подобными выходками она посчитала опасным.

Райтэн досадливо поморщился. Он тоже не любил связываться с Михаром.

Разговор на некоторое время заглох. Все пили чай. Потом Магрэнь, у которой было ещё полным-полно планов на сегодняшний день, не дождавшись новых развлечений, решила поторопить дело и капризно протянула:

— Ты мог бы заметить, между прочим, что у меня траур.

Райтэн мрачно смерил взглядом её наряд и язвительно переспросил:

— Каким образом? Ты по жизни в чёрном ходишь!

Магрэнь прыснула; видимо, причина её траура не очень-то испортила её настроение.

— Я не надушена! — пафосно возвестила она, имея в виду, что именно это обстоятельство должно было несомненно указать на глубину её скорби.

Хмыкнув, Райтэн вскочил, нагнулся к ней и, действительно, понюхал.

— В самом деле, — возвратился он на своё место, — было большим упущением с моей стороны не заметить этот намёк.

Поскольку Магрэнь являлась владелицей парфюмерного предприятия, она имела глубокую слабость к символике запахов. Те, кто знал её достаточно давно, прекрасно считывали, в каком настроении она находится и какие намерения имеет — в зависимости от того, чем именно от неё пахло. Райтэн неплохо ориентировался в системе этих её тайных знаков, но из-за раздражения совершенно позабыл обратить на них внимание.

Бросив на Райтэна выразительный взгляд, Магрэнь отметила:

— Ты и вообще сегодня слабо понимаешь намёки, дорогой.

Ответом ей был мрачный взгляд.

Спустя три секунды он всё-таки сообразил.

— Отец?

Она кивнула.

Её отец тоже был коммерсантом — торговал специями — и теперь его дело перешло к ней.

Откинувшись на спинку софы, Райтэн зачихнул руки в карманы и довольным тоном протянул:

— Госпожа Ринар!..

Та оперлась локтем на ручку кресла, а виском — на пальцы, и в той же тональности протянула в ответ:

— Господин Тогнар!..

Прищурившись, Райтэн принялся деловито перечислять:

— Ньонские, либерийские, джотандские, даркийские...

— Стой, стой! — замахала на него руками Магрэнь.

Бодро встав, она направилась к столику и вернулась с бумагой, чернильным прибором и принесёнными из библиотеки книгами:

— Давай-ка сразу конкретику, дорогой! — велела она, подавая ему свою ношу. Затем принялась раскрывать свои книги на сделанных закладках. — Что из этого у тебя есть?

Задумавшись, Райтэн принялся вчитываться и что-то записывать. Затем, наконец припомнив, что пришёл не один, придвинул пару книг Дереку со словами:

— Посмотри, что у нас с этими специями?..

— Как будто я знаю, что у тебя там со специями! — недовольно пробурчал Дерек, но книги взял и тоже стал что-то выписывать.

Соответствующие таблицы он, в самом деле, когда-то помогал другу заполнять, но помнил их, по правде говоря, не совсем чётко.

Магрэнь с минутку поразглядывала их за работой, попивая чай. Она любила загадки, а спутник Райтэна, определённо, был в её глазах загадкой.

Среди анжельцев блондины встречались, пусть и довольно редко. Произношение тоже не слишком-то выдавало в Дереке иностранца — в Анджелии было великое множество диалектов — так что для новых знакомцев он вполне сходил за коренного анжельца.

Магрэнь, определённо, смутили его татуировки, которые слегка виднелись из-под манжет — а сейчас, когда он чуть засучил рукава, работая с записями, они стали ещё лучше видны. Зачем бы коренному анжельцу понадобились джотандские ритуальные татуировки — было не очевидно.

Среди джотанцев, правда, тоже встречались блондины — в северных краях. Но обычно джотанцы были людьми высокими и плечистыми, и сублильный Дерек не очень-то подходил под такой типаж. Что, впрочем, не исключало самой вероятности; однако то, каким образом Райтэн разделил между ними книги, было косвенным свидетельством того, что Дерек всё же не джотандец — поскольку джотандскую Райтэн зарёб себе.

«Нийец или даркиец?» — слегка наклонив голову и наблюдая за гостем, размышляла Магрэнь.

Вероятности, на её вкус, были равновеликими, так что требовалось провести эксперимент, который подтвердит или опровергнет хотя бы одну из них.

План созрел в её голове мгновенно.

— Дерри, — мягко улыбнулась она, — а зачем тебе джотандские татуировки?

Дерек произвольно вздрогнул — даркийской версией сокращения его в последний раз звали ещё родители — и поднял на Магрэнь донельзя удивлённый взгляд. Непонятно, что смутило его больше — то, что она обратилась к нему столь фамильярно, или то, что она сделала это на даркийский манер.

«Даркиец», — сама себе довольно кивнула Магрэнь.

Отвлечшись от записей, Райтэн досадливо вздохнул, потом взглянул новыми глазами на книгу, которую держал в руках, для проверки зыркнул, что он там сунул другу — естественно, даркийскую и ньонскую, — выругался сквозь зубы, пронзительно посмотрел на Магрэнь и язвительно переспросил:

— Скажи, женщина, нам вообще имеет смысл что-то отсюда выписывать? — заподозрив её в том, что вся затея с записями была организована лишь для того, чтобы выяснить национальность Дерекы.

— Удачно совпало, — с тёплой улыбкой открестилась та и, поскольку настроение её сделалось весьма благостным, расщедрилась на подробности: — Я не знала о татуировках, когда их брала.

— То, как устроены твои мозги, меня пугает, — сдержанно отметил Райтэн и вернулся к записям.

Выражение лица Магрэнь сделалось просто неприлично довольным.

Дерек хмыкнул. Саму интригу он прогляпил, но по результатам её понял, в чём была суть. Хватка новой знакомой его позабавила, а то, как быстро она просчитала вероятности и нашла способы их разграничить, вызвало уважение.

— Райтэну проспорил, — закрыл первоначальный вопрос он, возвращаясь к записям.

Магрэнь сделала ещё глоточек.

«Даркийская религия запрещает татуировки», — припомнила она.

Загадка сделалась ещё интереснее.

Способ быстро проверить, каковы религиозные убеждения Дерека, ей в голову не приходил, и она подумала, что дело это было бы интересно выкопать. Уже сам тот факт, что Райтэн умудрился обзавестись братом, вызывал в ней глубокое любопытство: такой выбор явно свидетельствовал, что перед ней человек неординарный.

Заурядностями Райтэн никогда не интересовался.

Пока Магрэнь размышляла, её гости, наконец, закончили. Райтэн бегло посмотрел заметки Дерека, сделал в них пару правок и пододвинул бумаги хозяйке.

— Ну что ж, — мило объявила она, пожимая ему руку, — вот мы и снова торговые партнёры! — и с тихим удовольствием рассмеялась этому обстоятельству.

— Да вот уж, — неожиданно мягко согласился Райтэн, и губы его, к большому удивлению Дерека, тронула улыбка почти сентиментальная.

Находиться вне этих перегибков оказалось весьма обидно. Хотя обычно Дерек совсем не задевало, если Райтэн играл в переговорах главную партию, теперь в нём зашевелилось чувство, смутно похожее на ревность. Дереку захотелось, чтобы его Магрэнь тоже воспринимала как партнёра, а не как болтающегося при Райтэне приятеля.

Кашлянув — привлечь к себе внимание оказалось весьма неловко — он предложил:

— Каменного угля, мадам?

— О! — обернулась к нему Магрэнь, и во взгляде её отчётливо читалась заинтересованность. — А разве он не дымит?.. — с живым любопытством поинтересовалась она, и этот её набивший Дереку оскомину вопрос показался в этот раз не таким уж и дурацким.

Потому что обычно его потенциальные клиенты окрашивали это восклицание возмущением: мол, что за дурь вы нам предлагаете? Магрэнь же задала свой вопрос так, как будто была уверена, что собеседник знает о каменном угле нечто, чего не знает она, и как будто ей в самом деле было интересно услышать, наконец, мнение специалиста.

— Ни в коем случае! — Дерек подался вперёд, совершенно не заботясь уже о том, правильно ли он распоряжается своими ногами и руками. — Мы же его коксуем!

Заинтересованность Магрэнь возросла многократно; она умело оживляла дальнейший монолог Дерека своевременными вопросами и восклицаниями вроде: «Да это же такая экономия!» и «Кто бы мог подумать, что прогресс шагнул так далеко!»

Довольный Райтэн наблюдал за ними, попивая чай. Довольство его относилось, разумеется, не столько к договору по специям — хотя это и оказалось весьма приятным

бонусом — сколько к оживлённости Дерек. Именно на такой эффект он и рассчитывал, приводя друга сюда.

Магрэнь, пусть и была вполне поглощена разговором — перспективы растопки каменным углём и впрямь её заинтересовали — боковым зрением считала это довольство и из позы, и из выражение лица Райтэна. Уличив момент, она послала ему выразительный взгляд — а, так ты за этим приходил, выходит? Райтэн, впрочем, всегда был плох в расшифровке взглядов такого толка, поэтому просто пожал плечами — мол, толкуй как хочешь.

Наконец, Дерек закончил со своим убедительным представлением каменного угля как лучшего типа топлива, и Магрэнь, определённо, пришла к выводу, что это весьма выгодное предложение.

— А как вы доставляете его в Кармидер? — решила она перейти к конкретным деталям.

Дерек бросил на Райтэна растерянный взгляд.

Они не доставляли уголь в Кармидер. Он занимал слишком много места, и для сухопутного пути потребовался бы целый караван телег, что получилось медленно и дорого.

С минуту стояло неловкое молчание.

Потом Райтэн медленно моргнул несколько раз, вскочил и с криком:

— Да это же идея! — рванул на выход.

Дерек и Магрэнь переглянулись.

— Типичный Тогнар! — возвела глаза к потолку она.

1. По-анжельски «молния» — «райт», и фраза «молнии хорошенько так засверкают» звучит почти как «Райтэн сейчас взорвётся». По анжельским традициям, такие каламбуры вокруг имени могут себе позволить только самые близкие люди, в иной ситуации это выглядит чрезвычайно грубым.

3. Как отличить обычную девицу от влюблённой?

Стремительным шагом Райтэн мчал прямо в университет: у него в голове две автономные друг от друга проблемы неожиданно стали возможными решениями друг друга.

Кармидер был не только научным, но и торговым центром Анджелии: благодаря Рону и его притокам здесь сходились водные пути из Ниии в Джотанду, а также в крупные города Южной Анджелии. Однако связь с Анджелией Северной — и, как следствие, с Райанци и Махией, — почти отсутствовала. Все дороги на север так или иначе утыкались в холмы либо болота и не предполагали пути для торговых караванов. Единственный приличный тракт — между Кармидером и Брейлином — давал большой крюк, да и там половину года из-за разливов проехать могли лишь всадники, а никак не телеги.

Водный путь, теоретически, был возможен: Арьента, один из притоков Рона, вытекала из озера Жоэн, как и Кантаэнь, в устье одного из рукавов которой и стоял Брейлин.

Беда была в том, что Жоэн, озеро горное и глубокое, не подходило для прохода речных лодок, а большие корабли, способные справиться с озёрными волнениями, не проходили по некоторым местам рек. До недавнего времени проблема эта считалась нерешаемой, но...

У Райтэна как раз проваливали очередные тесты целых три корабля, недостаточно больших, чтобы преодолеть морские шторма, но и не столь мелких, чтобы не совладать с озером.

Идея вызрела моментально; но требовалось теперь всё рассчитать, а главное — придумать, как перебросить свои суда от Аньтье в нужную акваторию.

С первым необходимым ему для расчётов человеком Райтэн столкнулся прямо у ворот:

— Ил! — радостно приветствовал он стоявшего на часах гвардейца. — Ты мне нужен!

— Через два часа освобожусь, — спокойно и невозмутимо ответил Илмарт.

Подумав пару секунд, он достал из кармана ключ и передал Райтэну:

— Хочешь, там подожди.

— Договорились! — ответил тот, уносясь в сторону замка.

Илмарт перебрался в Кармидер почти сразу после исследования Северной Анджелии. Тогда, воодушевлённый вроде бы налаженным контактом с Лэнь, он не стал тянуть и сделал ей предложение — и, естественно, получил аккуратный, но непреклонный отказ.

Этим обстоятельством Илмарт был задет куда глубже, чем желал показать. Ему как-то в голову не приходило, что прежде, чем делать девушке предложение, имеет смысл как-то поухаживать за ней и убедиться, что такой ход будет воспринят ею положительно. Ему казалось, что он и так предлагает ей всю свою любовь — и этого вполне достаточно.

В общем, обиженный и задетый Илмарт перебрался в Кармидер, руководствуясь советами Олив, которая полагала, что здесь он легко подыщет себе занятие поинтереснее службы в жандармерии.

Действительно, в плане связей с клиентами, которым требовались карты, это оказалось выгодно. К тому же, Илмарт додумался обратиться и в университет.

Там его работы оценили по достоинству. Полноценной должности для картографа, правда, не предполагалось, но разовые заказы — в основном, связанные с геологией, — стали приходить регулярно.

Илмарт был бы очень доволен тем, как устроился, но проблема его ремесла была в том,

что никому не требуется рисовать карты целыми днями на постоянной основе. Все его заказчики обращались обычно за какой-нибудь одной картой; могли через много месяцев вернуться за другой или третьей. Так или иначе, работа такого плана оказывалась ненадёжной. Требовался источник более регулярного дохода.

Задумавшись об этом, Илмарт стал поглядывать по сторонам в поисках того, куда бы приложить свои силы, и почти сразу обнаружил дело, в котором был хорош: гвардию Кармидерского университета. Состоять в ней считалось весьма престижным, и попасть туда так вот с улицы не представлялось бы возможным, но у Илмарта уже была хорошая репутация в самом университете, прекрасные рекомендации о его службе жандармом в Брейдлине и, что немаловажно, настоящий боевой опыт. После небольших испытаний его охотно приняли, и даже выделили отдельную комнатку не в казармах, а при историческом факультете — чтобы, значит, удобнее было карты рисовать. Собственно, именно ключ от этого помещения он и передал сегодня Райтэну.

Тот, впрочем, на всех парах рванул вовсе не на факультет, а в учебный корпус — разыскивать Фарсэна. Профессор был весьма хорош в расчётах, поэтому его светлые мозги следовало привлечь.

Уже наловчившийся Райтэн в этот раз отыскал друга гораздо быстрее — или же сыграло свою роль отсутствие сессии и связанного с нею беспорядка — но у того ещё час должен был идти факультатив. Впрочем, Райтэну было велено не скучать и сходить полюбоваться на успехи сестры — та гоняла в лаборатории молодняк.

Затея с переводом Кайтэнь на кафедру химии оказалась успешной. В этом году девушка выпускалась, и уже имела репутацию талантливого фармацевта. Более того, она всерьёз рассматривала вариант с продолжением университетской карьеры.

Не то чтобы Райтэна очень интересовали её опыты — в этой сфере он ничего не смыслил — но в лабораторию он всё же решил заглянуть, чтобы скоротать время.

Уже у дверей он услышал горячий спор:

— Но это же яд! — возмущённо вскричал юный женский голос.

— И прекрасный антисептик! — не менее возмущённо отвечала Кайтэнь. — В рот не тяни, и всё будет нормально!

Хмыкнув, Райтэн вежливо постучал.

Почти сразу дверь резко распахнулась, отражая степень раздражения Кайтэнь. Узрев на пороге брата, она с места в карьер начала жаловаться:

— Ты представляешь! Сульфат меди у них, видите ли, яд! — с язвительными фамильными интонациями она продолжила: — Да всё на свете — яд, если неправильно применять!

Посторонившись, она пропустила его внутрь и закрыла дверь.

В лаборатории, вопреки заверениям Фарсэна, присутствовала лишь одна юная студентка. Появление Райтэна её явно смутило. Она слегка покраснела, но продолжила спор:

— Есть вещи, которые не могут быть ядом!

Хмыкнув, Кайтэнь сложила руки на груди, выгнула бровь и заинтересовалась:

— Например?

Вся её поза изображала собой вызов, но противница не смутилась и сразу нашлась с ответом:

— Вода! — торжествующие заявила она.

Райтэн чуть слышно хмыкнул: даже его знаний хватало, чтобы опровергнуть это утверждение.

Впрочем, реакция сестры его не разочаровала. Со смешком она ответила:

— Достаточно шести литров, Руби, и ты труп. Причём это будет довольно мучительная смерть!

На лице студентки застыло недоумение. Уже с меньшим азартом она переспросила:

— Но разве человек способен выпить шесть литров?

Прежде, чем Кайтэнь ответила, вмешался Райтэн:

— Не сам. Но как минимум в Джотанде такой вид пыток практиковался.

Студентка перевела на него удивлённый взгляд.

— Мой старший брат, Райтэн, — вмешалась Кайтэнь. — Руби, — коротко представила она.

Райтэн изобразил лицом гримаску, которую следовало расшифровать как «весьма приятно!», Руби же принялась с любопытством его рассматривать — была наслышана.

Кайтэнь вернулась к лабораторному столу и загромычала там какой-то посудой. Оглядев царство её опытов, Райтэн заметил:

— Совсем не так зрелищно, как кажется с твоих слов.

На лице резко обернувшейся Кайтэнь читалась откровенная досада; она недовольно прищурилась, затем независимо хмыкнула, поймала взгляд Руби, едва заметно ей кивнула и отвернулась к своим баночкам. Пожав плечами, ответила:

— Главное эффективность, а не эффектность.

Райтэн сделал пару шагов к ней, чтобы получше разглядеть какие-то растворы.

— Подержи-ка, — незамедлительно озадачила его Кайтэнь, всунув в руку широкую кружку.

Тот не успел возмутиться по поводу того, в каком это месте он похож на подставку, как проходящая мимо Руби уверенным движением что-то в эту кружку подбросила.

Раствор незамедлительно вспенился насыщенным синим цветом.

— Тэ-энь, — напряжённо привлёк внимание сестры Райтэн, с опаской косясь на бурлящую в его руке кружку.

— Что-что? — невинно отозвалась та.

Выгнув бровь, Райтэн уточнил:

— Я хотя бы не взорвусь?

Девчонки дружно рассмеялись.

— Не взорвёшься! — заверила Тэнь, а после задумчиво добавила: — Только отравишься.

Райтэн опасливо поставил кружку на стол. Та продолжала бурлить.

— Но это если глотнуть! — поспешно успокоила Райтэна Руби.

— Зато зрелищно! — в ответ на кислое лицо брата пропела Тэнь.

После, оставив злополучную кружку, бурление в которой значительно утихло, она достала свои рабочие блокноты и принялась живо объяснять, что работает над новым антисептиком на основе меди.

— Как можно применять для этих целей средство против ржавчины! — продолжала попутно бурчать Руби.

— Если правильно подобрать пропорции, то он совершенно безопасен для наружного применения! — горячилась в ответ Кайтэнь.

Райтэн решил вмешаться в разговор, поскольку последнее возражение его заинтересовало:

— Против ржавчины? — переспросил он с живым любопытством. — А против коррозии сойдёт?

Обе девушки посмотрели на него как на идиота.

— Тебе, братец, пригодится разве что крыс травить, — наконец, снизошла до предложений Тэнь, после чего патетично отметила: — Мы тут думаем, как людей от болезней спасти, а не как корабли строить!

— Куда уж нам, убогим! — приложив руку к сердцу, слегка поклонился Райтэн.

Руби растеряно попереводила взгляд с брата на сестру, потом робко заметила:

— Вообще-то... — и, совсем смешавшись под обращёнными к ней взглядами, добавила: — Если для кораблей — то, может, защита древесины от гниения?

Кайтэнь открыла было рот, чтобы что-то возразить, потом закрыла, затем торопливо прошествовала к шкафу у входа и принялась там копаться в книгах.

...когда в лабораторию явился профессор, все трое уже увлечённо обсуждали возможность пропитки досок водным раствором сульфата меди. В нерастворённом виде, как полагала Кайтэнь, дело и впрямь было бы чревато отравлениями.

Уловив суть идеи, профессор незамедлительно ушёл в расчёты, и на некоторое время они с Кайтэнь оказались потеряны для мира: во всяком случае, ни Райтэн, ни даже Руби не могли понять и половины произносимых слов.

К чему они пришли в этой дискуссии, так и осталось непонятным, но, на минуту отвлекшись, чтобы сходить за каким-то из своих лабораторных журналов, профессор вдруг заметил позабытую кружку. В ней, правда, уже ничего не бурлило, но синий осадок привлёк его внимание.

Нахмурившись, он обернулся к Кайтэнь и уже далеко не таким дружелюбным тоном поинтересовался:

— А это ещё что, лаборант Тогнар?

К недоумению Райтэна, Тэнь, которая всё время разговора вела себя весьма уверенно, неожиданно сдулась, побледнела и голосом весьма жалким назвала те элементы, которые легли в основу этого трюка.

Лицо профессора отобразило сперва удивление, потом недовольство, и, наконец, с разочарованной горечью с голоса он произнёс:

— Лаборатория не место для фокусов, и мне казалось, что уж вы-то это хорошо понимаете.

Лицо Тэнь пошло красными пятнами стыда; Руби тоже выглядела напуганной. Лаборатория, определённо, не была тем местом, где дозволялись какие-то игры и розыгрыши, и ни одна из девушек не хотела потерять доступ в это место из-за минутного приступа дурашливости.

— Простите, профессор Линар, — пробормотала Тэнь, глядя куда угодно, но не на профессора — так мучило её недовольство и разочарование на его лице.

Осознав, что сестра попала в серьёзную передрягу, Райтэн сделал шаг вперёд, кашлянул и заявил:

— Это я попросил показать мне... что-нибудь интересное.

В обращённом на Райтэна взгляде профессора мелькнули тёплые искорки, но

потупившаяся Тэнь, определённо, этого не заметила.

— Давай-давай, выгораживай их! — прибавив суровости в голос, хмыкнул профессор. — Они тебя так и отравят!

— Да ладно, это же безобидный фокус! — не выдержала напряжения Руби, но, наткнувшись на предупреждающий взгляд химика, тут же поправилась: — Ну, то есть, простите, профессор, больше не будем!

Тот закатил глаза к потолку, затем мягко обратился к Тэнь:

— А если бы он это пролил?

— Но оно же и вправду не ядовито!.. — принялась оправдываться она, подняла глаза и поняла, что проговорилась. — Ой...

— Ой, — передразнил её профессор. — Мне думается, будь Айт более нервным, загваздили бы всё вокруг.

Тэнь выглядела совершенно несчастной.

— Ты освободился? — решил перевести тему Райтэн, поворачиваясь к другу. — Мне нужны твои мозги!

— Всегда к твоим услугам! — стукнул он себя двумя пальцами по лбу и направился на выход.

Райтэн вышел первым, поэтому не заметил, как в дверях Кайтэнь догнала профессора и, удержав его за руку, ещё раз сказала:

— Простите...

Он осторожно сжал её ладонь, чуть наклонился к ней и мягко попросил:

— Больше без таких фокусов, хорошо?

Она несмело улыбнулась и кивнула.

Он тоже улыбнулся, пожал ей руку и вышел.

4. Для чего живут на свете Тогнары?

Собранный Райтэном экстренный совет несколько часов чертил, вымерял и высчитывал. Илмарт сперва наоткапывал нужные карты в своих запасах, потом, смачно выругавшись, заметил, что на них, естественно, нет никаких указаний на глубину рек — это были обычные карты для путешественников, которые в лучшем случае отмечали глубину брода или ширину разлива. Не растерявшись, он умчался в соседнее здание, к географам. У тех, правда, не нашлось нужных карт, зато имелись справочники всех мастей, где были указаны конкретные измерения рек в разные года в разных условиях. Набрав столько книг, сколько мог унести, Илмарт притащил всё это к себе, и с Фарсэном они сели сперва за дополнение карт информацией о глубине. Что касается Райтэна, то он убежал домой, чтобы прихватить чертежи своих кораблей.

К ночи большая часть расчётов была завершена, и все трое сошлись во мнениях, что эти корабли должны справиться со своей задачей.

Перевозбуждённый открывающимися перспективами Райтэн хотел было наутро же рвануть в Аньтье — скорее браться за переправку кораблей — но с досадой вспомнил, что в Кармидере его держит тяжёлое дело: Дерек. Бросать друга одного в тот период, когда он чувствует себя столь отвратно, никуда не годилось, и, хотя Райтэн обычно мало внимания уделял чувствам окружающих и полагал, что каждый должен иметь силы сам справляться со своими проблемами, в этом случае его прочно удерживала на месте тревога.

Поэтому вместо Аньтье наутро он отправился к Дереку — тот снимал квартиру в городе, потому что идея пожить в доме тётушки вызвала у него горячий протест.

С собой Райтэн притащил огромные талмуды, касающиеся торговых дел. Поскольку Дерек выглядел более адекватно, чем обычно, ему были подсунуты те, в которых записывались торговые дела с Этрэном, — требовалось разобраться, какие обязательства в плане поставки специй они могут на себя взять. Сам же Райтэн копался в куче бумаг, которые позволили бы ему разобраться, чем можно загрузить свои корабли в Аньтье, чтобы потом выгодно сбить это в Кармидере, и что взамен взять в Кармидере, чтобы хорошо пошло в Брейлине.

Работая, он время от времени поглядывал на Дерек. Тот корпел над талмудом весьма сосредоточенно: шурил глаза, бормотал под нос цифры, которые выписывал, чесал бровь пером привычным движением — в общем, выглядел так, как Дерек выглядел всегда, когда занимался бумажной работой.

Как будто ничего такого и не происходило.

Это заставляло Райтэна вздыхать. Он и так-то не понимал, почему друг так болезненно отреагировал на всю эту брейлиновскую историю, — а уж тем паче не мог разобраться теперь, достаточно ли он пришёл в себя.

Дерек состояние напарника не заметил, потому что с головой ушёл в цифры. Специи и вообще его интересовали — он любил хорошо приправленные блюда — но ещё больше ему нравилось отслеживать их путь. К Райтэну разные специи попадали из разных источников — к чисто этрэновскому талмуду прилагалась ещё пара книжек потоньше — но и купцы не были первым звеном. Зачастую от собственно производителя до конечного потребителя

специи проходили десяток рук — что, естественно, увеличивало их стоимость.

И, хотя обычно безумные коммерческие планы были прерогативой Райтэна, Дерек невольно задумывался о том, нет ли способов сократить эти цепочки и тем самым снизить стоимость и увеличить при том прибыль.

Ничего не придумав, он заинтересовался вопросом, с чего бы Магрэнь закупать у Райтэна в том числе и нийские специи — если Райтэн перекупал их у Этрэна, а сам Этрэн брал у перекупщиков в Ньоне, то напрямую из Ниии в Кармидер по Рону они должны были приходиться дешевле.

Не преуспев и в этих размышлениях, Дерек решил озвучить свой вопрос.

— Потому что я у дядьки Этрэна арендую часть трюма, а не перекупаю, — рассеяно ответил Райтэн, у которого не сходились сроки поставок с предполагаемой датой отплытия. — Плюс, я сделаю ей скидку, если она будет закупать у меня по максимуму.

Дерек хмыкнул и подумал, что в делах коммерции он так и не научился ориентироваться по-настоящему.

Это заставило его задуматься, что коммерция, судя по всему, всё же не совсем его дело.

Мысль была революционной — поскольку последние годы он только этим и занимался, — но отчасти утешительной. Возможно, он не полный неудачник, а просто занимается не тем?

Отложив перо, Дерек подпёр подбородок ладонью, поморщился на непривычные ощущения от наличия бороды и уставился в окно, размышляя.

В своей жизни ему приходилось заниматься бесчисленным количеством всевозможных дел, и, так или иначе, он в них преуспевал.

Впервые ему пришла в голову мысль, что то, что тебе что-то хорошо удаётся, ещё не означает, что это именно то, чем ты хочешь заниматься.

Между тем, так и не сведя сроки, Райтэн досадливо отбросил свой лист и обратил внимание на состояние друга.

Картина была уже привычной: отключившийся от реальности меланхоличный Дерек. Райтэн досадливо вздохнул: ему-то показалось, что наметился какой-то прогресс.

Против ожиданий, вздох вывел Дерек из созерцания. Почти не повернувшись, он, тем не менее, обратил взор на Райтэна и грустно спросил:

— Тэн, а может, я просто не коммерсант?

Скорчив недовольную рожу, тот незамедлительно ответил:

— Я тебе с самого начала говорил, что ты растрачиваешь свои мозги на ерунду. — И, сложив руки на груди, язвительно продолжил: — А ты, понимаешь ли, завёлся со своим каменным углём!

Дерек аж подскочил от возмущения:

— Я завёлся со своим каменным углём?!

— Ну не я же, — равнодушно пожал плечами Райтэн, отчаянно давя улыбку: уж очень праведным негодованием воспылало лицо друга. Видеть столь яркие эмоции после долгого периода меланхолии было отрадно.

Вскочив на ноги, Дерек открыл было рот, чтобы выразить всю глубину своего возмущения...

Но тут же его и закрыл. Потому что Райтэн, действительно, пусть и сделал всё, чтобы поднять каменноугольное предприятие, уделял ему не больше внимания, чем любым другим

своим проектам. Это Дерек вертелся на месте круглый год и постоянно что-то организовывал и улучшал; Райтэн же проводил за работой на карьере хорошо если треть года.

— Эм, — растерявшись, Дерек запустил руку себе в волосы и задумался.

— Отлично, — воодушевился Райтэн. — Значит, пока я смотаюсь в Аньтье и Брейлин, ты как раз разберёшься со смыслом жизни...

— Что? — потерянно переспросил Дерек, выбираясь из своих мыслей на тему «куда это завернула моя жизнь и туда ли я хочу».

— Со смыслом, — невозмутимо повторил Райтэн, деловито собирая свои бумаги. — Жизни. Ну, знаешь, — с шутовской интонацией помахал он в воздухе свободной рукой. — Это когда человек отвечает на вопрос, зачем он живёт. — Смерив друга скептическим взглядом, он прищурился: — Во всяком случае, я надеюсь, что ты с этим справишься!

Дерек выгнул бровь.

Райтэн ответил ему насмешливым взглядом и продолжил собирать свои вещи.

Хмыкнув, Дерек уточнил:

— А ты уже справился, выходит?

— Разумеется! — отмахнулся Райтэн.

Не дождавшись пояснений, Дерек поторопился:

— И?

Со вздохом поставив книги на край стола, Райтэн распрямился, повернулся к другу и торжественно провозгласил:

— Я живу, чтобы привнести хоть немного порядка в этот мир победившего идиотизма! — после чего с полной невозмутимостью подобрал собранное и двинулся на выход с напутствием:

— К тётке загляни, она обрадуется!

Дерек заморочено кивнул.

— И к Фарсэну! — из прохода донеслось до него.

— Обязательно! — согласился Дерек.

Затем сморгнул и попытался понять, зачем ему к профессору и почему он согласился.

Долго размышлять ему не дали, потому что голова Райтэна просунулась в дверной проём и строго добавила:

— И с Магрэнь поаккуратнее, а то не успеешь оглянуться, как она тебя в оборот возьмёт!

Поморщившись, Дерек махнул рукой:

— Да поезжай уже, сам разберусь!

Согласно хмыкнув, Райтэн кивнул на прощание и, наконец, удалился.

Дальнейший путь его лежал в Аньтье: разбираться с кораблями. Всю дорогу он продумывал в голове те или иные нюансы, и пытался рассчитать, застанет ли в городе Этрэна — от этого многое зависело. Однако, в любом случае, в первую очередь он решил зайти к отцу — всю авантюру всё равно пришлось бы проворачивать с его участием — и тут-то его ждал сюрприз.

Вместо отца он неожиданно обнаружил в знакомом кабинете брата.

— Кэн? — аж споткнулся на пороге Райтэн, заметив у шкафа прилизанную макушку младшенького.

Тот обернулась; на лице его читалась радость.

— Какие люди! — воскликнул он, делая пару шагов к визитёру.

Впрочем, Райтэн, как и всегда, не выглядел как человек, который готов на радостях обниматься. Мрачно сложив руки на груди, он смерил брата испытующим взглядом и холодно спросил:

— Что с отцом?

К его удивлению, этот вопрос вызвал заметную досаду и раздражение. Резанув рукой воздух резким движением, брат язвительно поведал:

— Ты знаешь, он как-то не удостоил меня чести обладать этой информацией!

Райтэн медленно моргнул, пытаясь понять, что, вообще, происходит. Сколько он себя помнил — отец безвылазно торчал в своём городе, и любые поиски его персоны ограничивались тремя направлениями: дом, администрация или особняк Этрэна.

— Рассказывай, — наконец, велел Райтэн, в несколько быстрых шагов подходя к привычному месту для визитёров и устраиваясь там.

Брат стол обогнул, но садиться на место отца не спешил. Хмыкнув, он поделился с большой иронией в голосе:

— Прямо на праздновании своего юбилея, где-то между вторым блюдом и десертом, он вдруг встал, заявил, что пятьдесят пять лет — это отличный возраст, чтобы начать новую жизнь, похлопал меня по плечу, велел принимать город — и ушёл.

— В смысле? — глупо переспросил Райтэн.

Кэн передёрнул плечами, сел и не ответил.

— Хм, — глубокомысленно изрёк Райтэн.

Кэн хмыкнул и развёл руками.

— Как это!.. — начал было один, но закончил за него другой:

— По-семейному, да?

Помолчав, Райтэн вынужден был согласиться:

— Ну да.

После чего с большим недоверием и скепсисом смерил взглядом брата. На фоне остальных Тогнаров он теперь казался подозрительно не склонным к чудным поступкам.

— Я единственный образец здравомыслия в нашей безумной семейке, да! — прекрасно расшифровал этот взгляд Кэн.

Поразглядывая его с минуту, Райтэн заключил:

— Просто твоё время ещё не пришло.

На самом деле, в обозримой истории — на пару веков назад — ни один Тогнар не мог похвастаться тем, что прожил скучную благовоспитанную жизнь, ни разу не ударившись в какие-то совершенно неожиданные авантюры. Они, конечно, как-то умудрялись при всём при этом сносно управлять Аньгье — но каждые лет сорок очередной Тогнар пытался избавить род от этой чести. Пока безуспешно: жители города были согласны видеть правителем только потомка основателя этого самого города, старшая ветвь рода этого основателя благополучно сбегала до того, как их поймают и облагодетельствуют соответствующим прощением, и спустя несколько лет беспорядков и безвластия очередной Тогнар, скрипя зубами с досады, под восторженные крики горожан принимал эту ответственность на себя.

Райтэн сам с собой сделал внутри ставку на то, что Кэн сбежит до того, как его дети успеют повзрослеть — пока-то у него в активе имелся только орущий младенец женского пола. Внутренне содрогнувшись, Райтэн пообещал сам себе, что, когда у него появятся дети,

он будет держать их подальше от Аньтье. А может, и вообще даст им фамилию жены. Ну вдруг, чисто случайно, кого-то этот фокус проведёт?

— Что ж, — отвлёкся он от собственных рассуждений, — раз главный тут теперь ты...

За неимением отца обсудив свои планы с братом, Райтэн отправился на верфь, разбираться со своими кораблями.

По дороге ему не давала покоя мысль, мелькнувшая на краю сознания — мысль о том, что и ему тоже пора бы вносить свой вклад в благосостояние следующего поколения семейства Тогнар.

Райтэну было уже тридцать шесть, и он полагал, что в этом возрасте, в самом деле, пора задумываться о наследниках.

Но для того, чтобы получить наследников, сперва требовалось жениться — Райтэн не видел смысла усложнять дело, разбираясь с узакониванием внебрачных детей.

Для того же, чтобы жениться, необходимо было сперва разобраться с любовницами.

Таковых у Райтэна имелось, как уже упоминалось, целых три.

Проще всего было с брейлиновской. Она не дотягивала до райтэновских стандартов ума — он согласился на неё по принципу «лучшее из имеющегося» — и из-за этого они постоянно ссорились. Достаточно было просто не пойти с нею мириться по приезду в Брейлин, и связь эта переходила в разряд завершённых.

Далее следовало разобраться с той, которая в Аньтье. Она была самой молодой и красивой, и с мозгами у неё всё было на высоте, но едва ли она собиралась отказывать себе в удовольствии крутить связи с приглянувшимися ей мужчинами. Райтэн не был ревнив и считал вполне нормальным, что в его отсутствие — то есть, десять месяцев в году, — его любовница развлекается с другими кавалерами. Но, по его глубокому убеждению, брак тем и отличался от постоянной любовной связи, что требовал от партнёров верности.

На что его любовница из Аньтье пойти была не готова, в чём он и убедился после откровенного разговора с ней. Расстались они на дружеской ноте; прощальная ночь растянулась на два дня и вышла столь увлекательной, что вопрос с браком таки был поднят ещё раз, но оба они пришли к выводу, что перспектив подобное развитие отношений не имеет.

У довольного таким поворотом дел Райтэна — ему не хотелось бы разрываться между своими дамами в попытках устроить всё так, чтобы всем было хорошо, — оставалась ещё кармидерская любовница, и эту, признаться, он считал лучшим вариантом.

Во-первых, она была самой умной из них, и, собственно, этого «во-первых» и хватило бы. Но и другие факторы говорили в её пользу — яркий темперамент, лёгкий характер, великолепное чувство юмора. Их связь длилась уже лет десять, им случалось и серьёзно ссориться, и даже расходиться, но обоюдная симпатия — основанная не только на влечении — сводила их вновь.

В общем, Райтэн посчитал дело закрытым, нагрузил и отправил свои корабли и направился в Брейлин — решать вопрос с карьерой. Весной, выдёргивая оттуда Дерёка, он был слишком обеспокоен состоянием друга, поэтому все дела временно спихнул на Ирданию — что наверняка теперь аукнется, потому что не той женщиной была Ирдания, чтобы на неё можно было что-то безнаказанно спихнуть.

В дороге Райтэн вертел свои мысли так и сяк, пытаясь сообразить, что бы такое ей предложить, чтобы она занималась этим проектом на постоянной основе. По всему

получалось, что Дереку теперь в Брейлине появляться не стоит, а сам Райтэн, как и всегда, не мог всё своё время уделить чему-то одному. Карьер требовал хорошего управляющего — но где его взять? Шансы найти общий язык с Войтэном Райтэн рассматривал как нулевые — они и так недолюбливали друг друга, а уж после истории с Лэнь тот точно не пойдёт на лёгкий контакт. Вторым же заместителем Дерекы был помощник из людей Ирдании — и это снова приводило к необходимости договариваться с нею.

За время пути Райтэн продумал десяток как толковых, так и совершенно бессмысленных аргументов. Вторые с сожалением пришлось отбросить — Ирдания предпочитала конкретику и ненавидела, когда ей пытались заговорить зубы. С конкретикой же у Райтэна была беда. Убедить предприимчивую даму вести чужой проект? Ага, как же. Придётся искать компромиссы — финансовые, партнёрские, юридические... Кто её знает, чего затребует!

...к сожалению, Ирдания не разочаровала.

— Тогнар, ты мне тут кренделя не пеки, — отвергла она его подкаты и незамедлительно выдвинула встречное предложение: — Могу купить у тебя карьер, так и быть.

Райтэн досадливо поморщился — именно такого развития диалога он и опасался.

Приехав в Брейлин, он обнаружил, что дела с углём идут не очень-то хорошо: слишком многое как в работе карьера, так и в сбыте было завязано на Дерекы. Без его постоянного вмешательства всё разваливалось, а с учётом потери светлых мозгов Войтэна...

Ничего реально катастрофического — Райтэн и сам бы справился — но для этого нужно было находиться здесь, а не скакать по всей Анджелии.

— Не обсуждается, — отверг он «щедрое» предложение Ирдании, складывая руки на груди.

Что бы он там ни говорил, но каменный уголь был одним из его любимых детищ, и расставаться с ним он не собирался.

— Не больно-то и хотелось, — фыркнула Ирдания, которая, по совести говоря, до сих пор не очень-то себе представляла, кому эти «богатства» сбывать — особенно теперь, когда в Брейлине уголь стал делом малопопулярным.

Так толком и не начавшиеся переговоры зашли в тупик. С мрачным выражением лица Райтэн перебирал в голове дальнейшие варианты действий, а Ирдания, сделав пару пометок в большой учётной книге, уже планировала уходить, но в дело вмешалось новое действующее лицо.

Совершенно неожиданно для присутствующих в дверь их кабинета на карьере постучались и, не дожидаясь ответа, вошли.

— Картэс? — удивлённо идентифицировала обернувшаяся Ирдания.

Райтэн молча моргнул: он, кажется, впервые в жизни видел отца в простой рубашке без сюртука и с растрёпанными волосами. Эта картинка совершенно не укладывалась в его голове.

— Картэн! — жизнерадостно поправил бывший правитель Аньгье, с почти детским восторгом оглядываясь по сторонам.

Смена суффикса в имени красноречиво свидетельствовала о смене социального статуса [1].

— Так-так, — досадливо щурясь, Ирдания сложила на груди полные руки и, переведя взгляд с одного Тогнара на другого, мрачно резюмировала: — Чувствую, сейчас меня надурят.

— Ну что ты, Ирди! — весело отозвался старший Тогнар, бодрым шагом устремившийся к столу, нашедший себе там место и устроившийся так, будто всю жизнь сидел именно за этим столом именно на этом месте.

Скепсис на лице Ирдании возрос.

«Ещё как надурят!» — кивнула она сама себе.

— Кстати, — первым нарушил тягостное молчание старший Тогнар, — тебе диво как идут фиолетовые волосы, я говорил?

Ирдания вежливо приподняла брови. В тот единственный раз, когда они виделись, волосы у неё были ещё вполне естественного оттенка. В фиолетовый она начала их красить, когда они поседели — смерть супруга далась ей нелегко.

Райтэн всё это время пребывал в глубочайшем ступоре. Все последние дни он гнал от себя волнение об отце — всё же взрослый человек, сам разберётся со своей жизнью! — но это волнение подспудно точило его изнутри. Неожиданное и столь своевременное явление отца на карьер не оставило места для сомнений: тот готовил именно такой театральный жест — вполне в его духе! — и теперь с наслаждением разыгрывал какую-то невнятную интригу.

Райтэн остро и мучительно ненавидел интриги отца.

Первое ошеломление, связанное с внезапностью прихода, прошло, сменившись обидой и злостью.

— Мог бы хотя бы письмо написать! — возмущённо бросился он вперёд, облачиваясь на стол напротив отца.

— Ой, да брось, кому нужны эти письма! — легкомысленно отозвался тот, демонстративно отклоняясь в сторону, чтобы фигура сына не мешала ему разглядывать Ирданию. Та, нахмурившись, одёрнула небесно-голубой сарафан. Она тоже почувствовала, что у старшего Тогнара задумана какая-то интрига, и ей не нравилось, что её втягивают в семейный конфликт.

Между тем, чуть задохнувшийся от возмущения Райтэн перешёл в атаку:

— Мы волновались! — обличающе воскликнул он. — Ты просто взял и уехал, никому не сказав, куда! Ты хоть понимаешь!.. — на этом месте, поймав взгляд отца, он осёкся.

Тот выглядел чрезвычайно довольным, а в его ироничных глазах блеснули искорки удовольствия от того, что сын реагирует именно так, как он и предполагал.

— Ах, — с видимым наслаждением выговорил он и небрежно помахал в воздухе рукой. — К чему эти упрёки, Тэн? Я взрослый человек, не надо пытаться меня контролировать!

С мучительным стоном Райтэн рухнул на стул — чуть не промахнувшись — и деревянно замер. Интонации были отцовские, а вот слова-то — слова точь-в-точь райтэновские.

Понаблюдав эту парочку — ну что за детские разборки! — Ирдания хмыкнула и обратилась к старшему:

— Месть сладка, да, Тогнар?

— А мы уже по фамилии, А-Сурс? — насмешливо парировал тот.

Ирдания возвела глаза к потолку. Вот уж по девичьей фамилии к ней точно не обращались уже лет двадцать.

Чрезвычайно довольный произведённым эффектом, старший Тогнар всё же решил сжалиться над сыном и поделился информацией:

— Рэн и Ларти со мной.

Два его старых друга — один был начальником портовой стражи, другой — командиром гвардии.

Райтэн принялся считать вдохи и выдохи, пытаясь совладать со своими эмоциями. Отец всегда умел находить слова, которые задевают за живое. Это было ожидаемо и привычно — но ужасно обидно. Он ведь уже давно не ребёнок! Для чего все эти представления?! Он и сам давно всё понял, и ему и без того было стыдно и горько, когда он вспоминал своё былое поведение.

Волевым усилием заставив себя подавить возмущение и стыд, Райтэн напомнил сам себе, что ко всему нужно подходить рационально, и что на то и даны человеку мозги, чтобы любое новое обстоятельство в своей жизни обращать к своей выгоде.

Нежданно-негаданно к вам в рабочий кабинет пожаловал ваш пропавший отец, и теперь строит тут начальника — сидит на вашем месте, делает вам выговор и окучивает вашего партнёра?

Что ж. Отец — это тоже ресурс, и весьма ценный.

Райтэн нехорошо, зло усмехнулся: этого не заметили, поскольку Тогнар и Ирдания были заняты выразительными переглядками.

Уняв бушевавшую в душе бурю и приняв решение, что будет теперь действовать рационально, Райтэн задрал подбородок и привлёк к себе внимание отца:

— Знаешь... — прищурился он и заявил: — А мне тут как раз нужен толковый управляющий...

— Так и знала, что надурят! — с досадой всплеснула руками Ирдания, чувствуя, как возможная выгода от кадровых проблем утекает от неё, как вода.

— Управляющий? — удивился отец, бросая на неё быстрый заинтересованный взгляд — её досада, определённо, пришлась ему по душе.

— Да! — вскочив, Райтэн принялся деловито делиться только что задуманным планом, по мере рассказа распаяясь всё больше. Что касается Ирдании, она мрачнела и недоверчиво хмыкала на каждом пассаже, и, кажется, чем больше скепсиса она проявляла, тем более заинтересованным выглядел старший Тогнар.

— Вот! — наконец, заключил излагать свой гениальный план Райтэн. — Соглашайся, это же просто идеально! — старательно прибавив в голос энтузиазма, предложил он. С самого начала почуяв, что отец по каким-то причинам хочет досадить Ирди, он был уверен, что дело выгорит.

У старшего Тогнара, однако, были иные планы. Он посчитал, что ещё не додал сыну все полагающиеся ему уроки, и что показательная экзекуция должна продолжаться — впрочем, возможно, в нём говорили застарелая боль и обида.

С самым серьёзным выражением лица он покивал, выбил пальцами задумчивую дробь по столешнице, затем заявил:

— Знаешь, это звучит ужасно заманчиво, но... я просто не могу себе этого позволить! — с благородной грустью в голосе отказался он, после чего мотивировал свою точку зрения: — Это абсолютно недопустимо, Тэн. Что о тебе скажут люди? Что ты продвигаешь собственного отца! — в голос был добавлен эффектный драматизм. — Это же полнейший nepoтизм! [2]

Райтэн мучительно покраснел.

Почти моментально побледнел.

Снова покраснел.

Отец следил за переменами в его лице с таким искренним, глубоким и явным наслаждением, что Райтэну закралась в голову мысль, что он годами в воображении своём смаковал, как однажды непременно обрушит на голову сына эту месть.

Ирдания из угла с чувством поаплодировала.

— Впервые вижу, чтобы Тогнара так разделали, — резюмировала она.

Старший Тогнар польщёно улыбнулся.

«Это был не комплимент», — хмуро подумала Ирди, но не стала озвучивать свои мысли.

1. В анжельском языке есть два имяобразующих суффикса: — эн/-энь и — эс/-эсь. Большинство анжельцев пользуется первым, второй создан для того, чтобы выделять правителей. При смене статуса имя изменяется. Пока отец Райтэна был правителем, его звали Картэсом, как только перестал — стал Картэном.

2. Непотизм — продвижение родственников или друзей не за заслуги, а по принципу симпатии.

5. Почему девушкам нравится Дерек?

Дерек с некоторым недоумением разглядывал в зеркало собственную бороду и пытался понять, почему она выглядит вполне себе неплохо.

В юности ему случалось пытаться отрастить бороду и усы — иногда вынужденно (не было возможности побриться), иногда нарочно (вдохновившись мужественным видом окружающих его ньонцев). Всегда выходило крайне паршиво. Возраста и солидности ему это никак не прибавляло; светлые волосы сливались с лицом, на фоне его мальчишеской гладкости смотрелись смешно — как если бы Дерек нарочно приклеил себе искусственную растительность. В общем, вывод из этих экспериментов напрашивался лишь один: борода и усы — это не его.

Однако с возрастом лицо Дерек стало изменяться. Утяжелились черты, сморщились морщинки вокруг глаз, лоб пошёл горизонтальными складками, брови сделались гуще. С гладко выбритым лицом всё это смотрелось скорее как недостаток — как будто Дерек очень давно не высыпается. Да и прежняя живая мимика из разряда «искренне-дружелюбная» начала переходить в «насмешливо-издевательскую» — скорее всего, такой эффект давали складки у губ. В общем, он уже совсем не был похож на мальчишку, поэтому аккуратные усы и недлинная борода прекрасно легли на его лицо, придавая ему выразительности и завершённости.

Как это часто бывает с красивыми от природы людьми, Дерек никогда не задумывался всерьёз о собственной внешности и искренне полагал, что она в принципе не имеет значения. Он смотрел на себя в зеркало, ему вполне нравилось то, что он там видел, и он спокойно соглашался с тем, что да, вот этот парень — это я.

Но сейчас он смотрел на себя и видел не парня, а мужчину. И это дезориентировало — с одной стороны — и казалось почему-то весьма уместным — с другой. Как будто то, что он видел сейчас, подходило ему больше, чем то, как он выглядел раньше.

Так и не разобравшись толком в собственных мыслях и ощущениях, Дерек отправился по делам. Первым в его списке значился визит к Магрэнь — он обещал помочь ей с переводом одной книги о даркийской парфюмерии.

Магрэнь встретила его весьма радостно — по правде сказать, она так встречала всех, — и самолично отвела в библиотеку. Едва раскрыв книгу, Дерек сразу понял, почему с нею возникли проблемы: труд оказался весьма специфическим, изобилующим редкими названиями и терминами, каких ни в одном словаре не сыщешь. Собственно, по этой причине Магрэнь и вцепилась в удачно подвернувшегося даркийца — в Кармидере таковых обычно не было.

Однако, едва засев за дело, Дерек тут же обнаружил досадную неприятность: даркийский-то текст он прекрасно понимал, а вот как его перевести на анжельский — знать не знал. Все эти редкие специальные словечки не встречались в обычной речи, и, как ни хорошо знал Дерек анжельский, такие дебри были ему всё же недоступны.

После короткого совещания было решено работать совместно: когда Дерек встречал очередное слово, которое не мог перевести, он пытался объяснить Магрэнь, что именно это слово значит. Вооружившись рядом справочников, та пыталась найти анжельский аналог. Легче всего им дались растения — их было несложно описать и легко сличить с изображениями в справочнике. А вот с рядом химических названий возникли сложности,

потому что Дерек, хоть и слышал их на даркийском, не очень чётко понимал, что они значат.

— Кажется, прозрачная такая жидкость, — хмурясь, пытался описать он очередной термин, — вонючая ещё такая...

— Спирт? — заинтересовалась Магрэнь.

Дерек смерил её мрачным взглядом:

— По-твоему, я слова «спирт» не знаю?

Та с лёгким смешком покачала головой.

— Вроде ещё сильно цветами пахнет... — морщась, пытался извлечь из недр своей памяти подробности Дерек.

Магрэнь рассмеялась и назвала десяток терминов, подходящих под такое определение, после чего с ехидством добавила, что цветами в этом деле пахнет почти всё.

Мрачно оглядев фронт работ, Дерек понял, что они так годами могут сличать термины — и всё равно не обнаружить точных соответствий. Вздохнув, он взял чистый лист и деловито принялся выписывать те даркийские слова, которые так и не сумел внятно идентифицировать в анжельском.

Магрэнь наблюдала за ним с любопытством. В библиотеке было тепло, и он закатал рукава, что позволяло более пристально рассмотреть его татуировки — и это заставляло её сомневаться в том, что это именно джотандские ритуальные татуировки.

В Джотанде украшенные такими узорами руки обычно обозначали высокий социальный статус мужчины — главенство в клане или военные победы. Пришлый даркиец, конечно, мог и прославиться военными подвигами — хотя по виду Дерек нельзя было сказать, чтобы он выглядел как великой полководец, — но в таких татуировках так или иначе фигурировали горные медведи, джотандский символ боевой мощи. В обозримом же Магрэнь пространстве никаких медведей не наблюдалось — конечно, они могли припрятаться и на плечах, но всё же и так слабая версия не сходилась с характером, поэтому её следовало отметить лишь как крайне маловероятную.

Теоретически, Дерек мог оказать какому-нибудь джотандскому клану услугу настолько весомую, что его наградили родовыми татуировками в знак признательности. Именно такой вариант Магрэнь рассматривала как основной до этого, но то, что она видела, не сходилось с тем, что она знала.

Клановые татуировки так или иначе вертелись вокруг тотемной символики — зверь либо птица, реже некое мифическое создание. И, поскольку именно тотемный покровитель был основной гордостью клана, его изображение старались сделать самым заметным. Чаще всего на таких татуировках голова тотема выходила на внешнюю сторону ладони — чтобы даже одежда с длинным рукавом не скрывала самую значимую часть татуировки.

У Дерек на ладонь не заходило ничего — если наглухо застегнуть манжеты, то и вообще не узнаешь, что на руках что-то есть. Да и сам сюжет выглядел странновато. В прошлый раз Магрэнь подумала, что на руках изображён какой-нибудь волк или тигр, чей хвост плотно обвивает запястья; теперь же, когда рисунок был виден до локтя, стало очевидно, что он изображает собой лес. Очень плотный застил на запястьях — почти чёрные браслеты — почва, из которой вверх по рукам шли извивы деревьев. Где-то в районе изгиба локтя, кажется, начиналось изображение полной луны — но вот дальше разглядеть рисунок уже не представлялось возможным.

Магрэнь слегка нахмурилась: загадка становилась всё интереснее.

«Вряд ли это имеет какое-то отношение к Джотанде, — сделала вывод она. — Ньон или Либерия?» Северные страны она не рассматривала: там татуировки были под запретом, мастера днём с огнём не сыщешь, за такое дело могли упечь или даже казнить. В самой Анджелии, впрочем, отдельные умельцы водились — но у анжельцев не было соответствующих традиций, изображения на тело наносили разве что для красоты, отдавая предпочтение красителям, так что едва ли здесь могли сделать такую большую и детально проработанную татуировку.

Сделав в голове пометку перечитать информацию про либерийские и ньонские традиции, Магрэнь аккуратно вывела разговор на другой предмет своего интереса — религиозную принадлежность Дерек. Оттолкнувшись от переводимой информации, она ловко выехала на тему природы Даркии, без проблем разговорила собеседника, побудив поделиться детскими впечатлениями, и в итоге тема даркийской веры всплыла вроде как сама собой.

— Отец у меня пастором был, — бесхитростно поделился Дерек, методично выписывая термины, — я ему с детства помогал, он меня на свою смену готовил.

— Так ты был пастором? — искренне удивилась Магрэнь, не ожидавшая столь богатого улова от своих расспросов.

— Не сложилось, — искренне рассмеялся Дерек, с некоторой теплотой вспомнив свои детские планы и мечты.

Не дождавшись других пояснений, Магрэнь чуть наклонилась к нему и доверительным шёпотом призналась:

— Знаешь, Дерри, а я ведь никогда толком не могла понять, чем даркийская религия отличается от нийской...

В её тоне отчётливо читалось: «Как удачно, что я встретила, наконец, специалиста в этом вопросе!»

Совершенно забыв о своих записях, Дерек тут же охотно принялся делиться премудростью. И по тому, с какой живостью и горячностью он высказывал свои соображения, Магрэнь сделала логичный вывод, что её собеседник относит себя к людям верующим.

«Так-так, — говорила она на это сама себе, — у него явно должны были быть более веские причины, чем спор с другом или эстетические соображения, чтобы пойти на такой шаг!»

Ей было весьма интересно ломать голову над этой загадкой: обычно мужчины, которые попадались на её пути, были весьма понятны и предсказуемы. В Дерек же ничего понятного и предсказуемого не было — куда ни ткнись, везде обнаруживалась новая загадка, и Магрэнь чувствовала всё более глубокое любопытство, изрядно сдобренное азартом. Хотелось всё ж таки разобраться, что это за человек!

После того, как религиозная тема была исчерпана, Дерек довыписывал свои термины и пообещал зайти позже, когда разберётся. В конце концов, у них под боком находился университет с кафедрой химии! Где, как ни там, можно было разжиться нужной информацией?

Ранее Дерек бывал в университете лишь однажды — его сюда недавно затащил Райтэн, в попытках развеять, — так что сориентировался он далеко не сразу. Учитывая, что и переводы с разговорами заняли много времени, знакомого профессора удалось отловить только ближе к вечеру.

— Парфюмерия, парфюмерия! — бормотал себе под нос Фарсэн, разглядывая бумажку с длинным списком терминов, а после предложил: — Знаете ли, дело весьма специфическое, заходите завтра после обеда, попробуем разобраться...

В итоге на другой день они собрались вчетвером. Профессор решил привлечь к делу Руби, поскольку она интересовалась именно парфюмерией, и, как он считал, ей пойдёт на пользу небольшое исследование. Кайтэнь увязалась за Руби — они были довольно близкими подругами.

Несмотря на то, что Кармидерский университет заявил о своей готовности принять на обучение женщин, лишь единицы воспользовались этим предложением, и Кайтэнь долгое время оставалась единственной дамой на биологическом факультете — пока в прошлый приём сюда не поступила и Руби. Естественно, они тут же и легко сошлись: общие интересы и схожесть взглядов на жизнь их сблизили.

С порога, лишь завидев Дерек, Тэнь тут же засветилась яркой улыбкой.

— Ах, это вы! — весело воскликнула она, порывисто подходя и пожимая ему руку. — Наконец-то я могу вас поблагодарить! — обернувшись к Руби, она живо пояснила: — Это тот самый Деркэн, помнишь, я рассказывала, это он уговорил брата мне помочь!

Дерек руку пожал, но от лавров спасателя попытался откреститься:

— Тэн бы и сам дозрел, — любезно заверил он. — Вы ему очень дороги.

Это заявление было Тэнь так приятно, что она даже слегка покраснела от удовольствия: в её глазах старший брат вечно представлялся каким-то почти легендарным героем, поэтому она жадно искала его одобрения.

После обмена любезностями и приветствиями сели за дело; но оказалось, что решить его не так-то просто. Единственным, кто в этой компании прилично знал даркийский, был собственно Дерек, — но он, увы, мало что смыслил в химии. Профессор и Тэнь, безусловно, и по описанию смогли бы распознать большую часть веществ и минералов, но Дерек не мог дать внятных описаний к словам, которые едва знал или вообще видел впервые в жизни.

Выход из этого, казалось бы, безнадежного тупика нашла Руби. Понаблюдав за очередной бурной дискуссией на тему того, чем могла бы быть «желтоватая выдержка», она вздохнула и ткнула в заголовок — Дерек выпросил у Магрэнь и саму книгу для работы — с вопросом:

— А что здесь, вообще, описывается?

— Жасминовая эссенция, — радостно сообщил Дерек, поскольку слово «эссенция» уже сумел соотнести ещё в разговорах с Магрэнь.

— Прекрасно, — сухо заметила Руби и начала что-то деловито записывать на листочке, который после протянула Фарсэну: — Проверите, профессор?

Тот, хмыкнув, принялся читать — проговаривая вполголоса — и кивать. Руби перечислила состав того, что обычно замешивали в Анджелии, чтобы получить духи с жасминовым запахом.

— Толковая идея, — наконец, кивнул профессор и склонился над даркийской книжкой. — Итак, давайте смотреть... вода, стало быть, есть...

Метод оказался рабочим, но времязатратным: требовалось сличать разные рецепты и варианты, чтобы находить совпадения и соответствия. Однако всё это весьма напоминало собой захватывающую головоломку, поэтому к вечеру профессор еле разогнал всех по домам, заявив, что зачтёт это Руби как курсовой проект за следующий учебный год, если, конечно, в результате она получит полноценный парфюмерный даркийско-ангельский

словарь. Та аж захлопала в ладоши от восторга: задание пришлось ей очень по душе.

Дерек, естественно, вызвался помогать: ему интеллектуальная игра такого рода тоже доставила большое удовольствие.

6. В какие игры играет Магрэнь?

С выяснением, в чём же всё-таки смысл его жизни, у Дерека как-то не сложилось. Выйдя из своего мрачного состояния — чему здорово способствовало осознание, что Тэн никак не считает, будто бы его подвели, — он незамедлительно перешёл в привычный деятельный режим: носился по торговым делам, искал возможных партнёров на закупку угля, помогал с переводом того даркийского труда, собирал по справочникам информацию для карт Илмарта, вызвался помочь тётушке Райтэна с разработкой новой теплицы, рассортировал часть бумаг в историческом архиве университета...

За всей этой привычной суетой к нему вернулось хорошее настроение. Он чувствовал себя при деле, и потому был вполне доволен, и теперь даже с некоторым недоумением вспоминал период, когда ему всё казалось таким беспросветным.

Что смыслу грустить, если можно — вот! — переводить старую даркийскую балладу на анжельский!

Хотя, по совести сказать, балладу ему было переводить не так интересно, как парфюмерный трактат, но, почему бы и не помочь Магрэнь? Тем более, что помощь такого рода незамедлительно вписывалась в общий счёт райтэн-магрэньских торговых отношений.

Баллада ей понадобилась затем, чтобы с её помощью привлечь внимание к некоторым даркийским духам — поэтому мало было перевести, требовалось ещё и добавить упоминания ароматов.

— Что значит — ничем не пахнет! — возмущалась Магрэнь, обрабатывая получаемый перевод. — Ты сказал, он ей волосы поцеловал!

Дерек хмыкнул и ещё раз перечитал даркийский оригинал:

— «...И, нежный локон волос её тронув ладонью, губами прижался к нему на прощанье и вышел», — подтвердил он, постаравшись передать текст как можно точнее.

Посмотрев на него недовольно, Магрэнь покусала кончик пера, смешно поморщилась и переименовала:

— «...И, нежный локон волос её, пахнувших свежей фиалкой, он тронул ладонью...»

Ещё один выразительный взгляд на Дерека буквально кричал: «Видишь, как надо?»

Тут же она и взялась записывать придуманное — рука с пером так и порхала над листком бумаги, выводя чёткие стройные буквы. Длинные чёрные рукава её платья были скреплены чуть ниже локтей пряжками, после которых ткань расходилась в стороны, обнажая тыльную сторону запястий, которые на этом угольном фоне казались неестественно-белыми.

— Свежая фиалка? — скептически поинтересовался Дерек, следя за появлением новых строк и тем, как от письма дёргается на запястье тоненькая мышца.

— Отличный аромат! — изящно взмахнула Магрэнь рукой, заодно отбрасывая мешавшуюся прядь волос. — Ассоциируется с чистотой и простодушием, как раз для Лерии!

Дерек не стал спорить — в ароматических ассоциациях он, совершенно точно, силён не был, — и продолжил перевод.

В балладе храбрый герой, простившись с благоухающей фиалками возлюбленной, отправился совершать подвиги. Вскоре на пути его попала болотная ведьма, и Магрэнь аж подскочила от желания непременно придумать для неё что-нибудь особое.

— Но ведьма же отрицательный персонаж? — удивлённо переспросил Дерек, не

понимая, кто станет покупать духи, которые напоминают злую колдунью.

Магрэнь смерила его таким взглядом, который ясно говорил, что ей известно что-то простое и очевидное, чего её собеседник по каким-то причинам не знает, и теперь она думает, стоит ли его этим знанием награждать — или обойдётся.

— Готова спорить, — наконец, со вздохом сказала она, — что в этой балладе ведьма окажется единственной умной женщиной. Не всем же быть наивными деточками, как Лерия! — покивала она своим мыслям. — Мы её чуть украсим, чуть расширим её роль и... да! — во взгляде её загорелись огоньки. — Конечно же, дягиль!

С лукавой смешинкой она обожгла его весёлым взглядом, после чего кокетливо наклонила голову от него, подставляя шею:

— Попробуй! — предложила она.

Дерек послушно наклонился и понюхал. Пахло, действительно, очень приятно — видимо, Магрэнь уже перестала соблюдать свой траур, — да и сама шея, признаться, была весьма хороша. У нынешнего платья из мягкого шёлка был широкий, но неглубокий вырез. Он открывал верхнюю часть плеч, но почти ничего ниже: мягкая складка полностью закрывала даже ключицы.

Заметив, что слишком много внимания уделяет платью и коже собеседницы, Дерек сморгнул, отодвинулся и несколько сухо заметил:

— Для ведьмы слишком приятный аромат, как по мне.

— Сочту за комплимент! — серебристо рассмеялась Магрэнь, наклоняясь и записывая пришедшую ей в голову строчку про дягиль. От наклона складка на груди чуть отошла от тела, слегка приоткрывая ключицы.

С усилием отведя взгляд, Дерек нахмурился.

Магрэнь, безусловно, была хороша и явно умела подать себя; но он, решительно, не понимал, почему сегодня её красота сделалась так остро заметной. Он ведь отметил её привлекательность и в первую встречу — но ни тогда, ни во вторую не отвлекался на всякие там шеи и запястья!

Сморгнув, Дерек ещё раз присмотрелся к пресловутому запястью и сделал вывод, что положение, в котором она держит руку, не совсем естественно. Максимально непринуждённо отзеркалив её позу — она не заметила, увлекшись дополнением текста баллады — он обнаружил, что да, она не очень удобно выворачивает левую руку, но именно в этой неудобной позиции особенно красиво обнажается тыльная стороны запястья. С некоторым недоверчивым возмущением Дерек отметил, что так даже его собственные руки выглядят весьма изящно — чего он точно от них не ожидал.

С недовольным хмыком взявшись за книгу, Дерек углубился в текст, пытаясь параллельно вспомнить, так ли Магрэнь держала руки в их прежние встречи — но память отказалась ему что-то выдавать на этот счёт.

Он почти уже убедил себя, что ему мерещатся заговоры на ровном месте, но потом ему пришла в голову мысль, что прежние её платья были довольно строгими и сдержанными.

«Возможно, это как раз вопрос траура?» — задумался Дерек так глубоко, что забыл продолжить перевод.

В это время Магрэнь уже справилась со своей импровизацией — которая должна была превратить страшную ведьму в куда как более приятного персонажа — и бросила любопытный взгляд на Дерекка. Тот замер над книгой, уставив взор куда-то в пространство. Хмыкнув, она помахала перед ним рукой и с ласково-укоризненным: «Дерри!» — аккуратно

опустила ладонь ему на щеку, поворачивая его голову к себе.

Пальцы её нежно пробежались от скулы вниз, пригладили бороду и, скользнув едва слышно по шее, опустились на локоть лежащей на столе руки.

Дерек поймал её взгляд и слегка нахмурился.

«Может, она себя со всеми так ведёт, просто не с первых встреч?» — выдвинул предположение он, вглядываясь в её ясное спокойное лицо, на котором живым светом горели искрящиеся выразительные глаза.

Должно быть, он молчал слишком долго, потому что искорки в её взгляде чуть поутихли, и она отняла руку, как-то беспомощно провела ею по своим волосам и задержала в районе собственной шеи — опять демонстративно тыльной стороной запястья наружу. На лице её ощутимо читался вопрос, сдобренный некоторой тревогой: «Что-то не так?»

«Да даже если она и со всеми так заигрывает — какая разница?» — решил, наконец, внутри себя дилемму Дерек и таки озвучил результат своих размышлений:

— Рэнь, мы либо работаем, либо ты оттачиваешь на мне свои женские чары, но не одновременно, договорились?

На секунду она замерла, на ходу перестраивая стратегию. Ей думалось, он вполне светский кавалер, который умеет во все эти игры с умолчаниями и двойными смыслами, и она ожидала неспешный изысканный флирт, а никак не прямой разговор. «Вот, значит, как?» — мелькнуло у неё в голове. Она рассмеялась — вполне искренне — и переспросила, своим вопросом отдавая ему сомнительную честь выпутываться из неловкой ситуации, в которую их поставила его прямота:

— Женские чары?

Хмыкнув, Дерек спародировал жест, которым она поправляла волосы — получилось очень похоже — и обозначил:

— Вот это вот всё.

Мгновенно сориентировавшись, как использовать его ответ к своей выгоде, она смущённо улыбнулась, неопределенно повела плечами и «призналась»:

— Надо же! Ты первый, кто заметил!

Он, однако, оказался умнее, чем она полагала по этому его негласному отказу от обычного светского флирта. Смерив её скептическим взглядом, он выразил ей своё недоверие:

— Ты мне льстишь? Не думаю, что тебя окружают одни сплошные идиоты!.. Впрочем, — перебил он сам себя, кивая в такт мысли, — полагаю, остальные просто были более тактичны и не заявляли о таких вещах вслух.

«Ах, значит, мы настолько умные, да?» — с досадой подумала Магрэнь. Ей было крайне неприятно, что она промахнулась с оценкой собеседника.

— Возможно, — сухо согласилась с ним она и снова склонилась к своим записям — платье удивительным образом и не подумало отходить от тела в районе декольте — и после фыркнула недовольно: — Мои чары его не устраивают, видите ли!

— Отвлекают, — поправил Дерек, возвращаясь глазами к балладе.

Однако заняться делом ему не удалось. Магрэнь хмыкнула и заявила:

— Ну, раз уж ты был так любезен, что предложил альтернативу, то я, пожалуй, предпочту оттачивать свои чары!

— Зачем? — с искренним удивлением повернулся он к ней.

Она неопределённо повела плечом — шея красиво заиграла от этого жеста.

Дело в том, что пару дней поизучав вопрос с татуировками, Магрэнь запуталась ещё сильнее. На либерийские было точно не похоже — они представляли из себя магические письмена, а не рисунки, да и наносились немного другим способом. С ньонскими тоже было неясно: они почти всегда имели важное ритуальное значение, и тоже наносились не единым художественным рисунком, а отдельными элементами. Элементы эти, обычно простые, в итоге отличались по интенсивности — ведь между их нанесением порою проходили годы!

По всему получалось, что такие татуировки, как у Дерека, могли нанести только в Джотанде, — больше нигде не требовались мастера, способные создавать настоящие картины, а не просто узоры, буквы и знаки. И здесь у Магрэнь опять ничего не сходилось, поэтому она решила, что было бы неплохо рассмотреть картинку поближе и детальнее.

Её живой ум мог придумать десяток способов заставить мужчину обнажить верхнюю часть тела, но она решила не усложнять простую, в общем-то, задачу, — и без затей Дерека соблазнить. При таком варианте можно было бы не только посмотреть, но и пощупать, что являлось явным преимуществом.

Соблазнять Магрэнь умела и любила; но просто дерековское «Зачем?» опять смешало ей все стратегические наработки. Для воспитанного джентльмена он был слишком прямолинеен, для грубоватого обывателя — слишком вежлив и отстранён. По всему выходило, что тут заготовками не отделаешься, тут нужен индивидуальный подход искать!

Вызов такого рода вызвал в Магрэнь закономерный азарт. Ей сделалось действительно интересно, что скрывается за манерой Дерека и каков он в качестве любовника.

Решив спровоцировать его на то, чтобы он сам выбрал стратегию, она не стала ничего говорить: мило улыбнулась и таинственно промолчала, пряча взгляд за ресницами и оставляя собеседника самому искать ответы на свои вопросы.

Дерек, впрочем, не спешил принимать отданную ему инициативу. Он просто продолжал спокойно смотреть на неё в ожидании ответа, не выказывая ни малейшей неловкости по поводу затянувшейся паузы.

Магрэнь досадливо вздохнула и демонстративно вернулась к своим листочкам, поправляя там какую-то не слишком удачную строчку.

Дерек с философским видом пожал плечами и продолжил переводить.

С полчаса они работали, впрочем, не так успешно, как раньше, потому что мысли Дерека находились в некотором смятении. Ему в его жизни никогда не приходилось флиртовать, поэтому он совершенно не понимал, зачем Магрэнь понадобились все эти заходы и чего она ими пытается добиться. Он же и так ей помогает? Зачем пытаться его очаровать?

Мысль о том, что его пытаются соблазнить, в голову Дерека даже не забрела. Он всегда казался себе лицом слишком незначительным, чтобы заинтересовать женщину; и даже ситуация с Лэнь не добавила ему тут очков уверенности в себе — он полагал, что Лэнь по юности соблазнилась первым же встречным, который проявил к ней живое участие.

Так что единственное объяснение, которое он нашёл поведению Магрэнь, состояло в том, что ей чего-то от него нужно, и она пытается очаровать его, чтобы он это для неё сделал.

Дереку нравилась Магрэнь: с ней было интересно разговаривать, она обнаруживала глубокий ум, умела слушать и понимать, сияла яркими живыми эмоциями... В общем, он

был и так готов ей помочь, без всяких ухищрений с её стороны. Поэтому, в конце концов, он оторвался от перевода и честно заявил:

— Не понимаю всех этих игр. Почему бы тебе просто не сказать прямо, что тебе от меня нужно?

Бросив на него лукавый взгляд, она отложила перо и тут же включилась в игру.

— Дерри! — с весёлой укоризной воскликнула она, изящно подпирая подбородок ладошкой. — Ты правда не знаешь, для чего женщины соблазняют мужчин? — голос её искрился лукавой улыбкой.

Дерек замер, глупо моргая. В его картину мира никак не вписывалась женщина — да ещё такая умная, состоявшаяся, изысканная и красивая! — которая просто надумала его соблазнить, потому что он интересуется её как мужчина.

Магрэнь наблюдала за его ошеломлением с искренним и глубоким удовольствием: она не ожидала, что его будет так легко смутить.

— Как! — мягко и удивлённо воскликнула она, наслаждаясь чувством власти над ним, а затем с деланным участием в голосе уточнила: — Дерри, ты и вправду девственник?

Дерек, однако, к тому времени «разгадал» её игру. Поскольку он ни на грош не поверил, что действительно её интересуется, он нашёл иное объяснение её действиям. «Должно быть, они с Тэном были любовниками, но расстались некрасиво! — предположил он, делая выводы из того, что увидел в их прошлой встрече. — И теперь она хочет задеть его через связь со мной!»

Теперь, когда у него в голове всё срослось, смущение покинуло его, и он, посмотрев на неё недовольно и строго, ответил:

— Вопрос такого рода, на какой, как ни ответь, выставишь себя дураком. Ты уверена, — с участливой заботой в голосе переспросил он, — что выбрала правильный способ соблазнения?

То, как резко он взял себя в руки и перешёл в атаку, весьма дезориентировало Магрэнь. Ей и в голову не могла прийти мысль, что он подозревает в её действиях интригу против Райтэна, и она списала его охлаждение на недовольство её подначкой.

Слегка прикусив губу, она стрельнула в него взглядом любопытным и весёлым, и лёгким тоном уточнила:

— А какой способ соблазнения предпочёл бы ты?

Дерек сморгнул, отвёл глаза и замялся.

— По правде сказать, — подумав, отметил он, — я не очень-то понимаю, что тебе ответить. Меня, кажется, впервые пытаются соблазнить.

Смерив его взглядом более чем скептическим, она раздражённо постучала пером по столу и вернула ему его интонацию:

— Ты мне льстишь? Нипочём не поверю, что тебя окружали исключительно идиотки!

С её точки зрения, Дерек был вполне интересным мужчиной, которого, определённо, имеет смысл соблазнять.

Получив претензию такого рода, Дерек честно задумался и уточнил:

— Нет, девицы определённого свойства, конечно, пытались, но это ведь не то же!

Наивная простота, с которой это было сказано, рассмешила Магрэнь.

— Ну, сочту за комплимент! — отсмеявшись, заметила она. — По крайней мере, в твоих глазах я не похожа на... девицу определённого свойства, что не может не радовать!

Дерек отчаянно смутился, осознав, что невольно сравнил действия собеседницы с

поведением продажных женщин; в пользу Магрэнь, конечно, но даже сам факт такого сравнения явно пахнет оскорбительной грубостью.

— Прости, — незамедлительно повинулся он. — Я не имел в виду...

— Как! — перебила она его весело, приподнимая брови в удивлении. — Всё-таки похожа?.. — и с большим удовольствием рассмеялась его очевидному смущению, радуясь, что снова вернула себе контроль над диалогом.

Дерек досадливо поморщился. Ему, напротив, было совершенно не по душе то, в какие дебри они ушли. Ему, к тому же, казалось, что Магрэнь насмехается над ним, и это было особенно неприятно.

— Рэнь, — попытался вернуть он её к серьёзному разговору, — давай к делу. Чего тебе от меня надо?

— Не любишь провокации? — хмыкнув, выгнула бровку она.

— Не люблю манипуляции, — сухо парировал он, вставая и приводя в порядок свои бумаги и собираясь уйти до того, как попадёт в какую-нибудь крайне неловкую ситуацию.

Заметив его намерение, Магрэнь почувствовала себя озадаченной. Ей казалось, что контакт с ним налажен, и флирт их вот-вот перейдёт в разряд «горячо, совсем горячо!» Она даже предположить не могла, что он расценит её слова и действия как насмешку: он был красивым зрелым мужчиной, безумно обаятельным, ярко эмоциональным и умным, и даже предположить было невозможно, что в вопросах любви он совершенно не искущён.

Отложив своё недоумение на потом, Магрэнь поспешила хоть как-то его задержать. Решив на время принять его правила и согласиться с вариантом «я так веду себя, потому что мне что-то от тебя надо», она раскрыла карты:

— Я просто хотела посмотреть на твои татуировки.

Он замер, нахмурился, отложил лист, повернулся к ней, смерил её скептическим взглядом — версия ему показалась слабенькой — и вежливо ответил:

— Я набивал их не для того, чтобы потом демонстрировать восхищённым барышням.

У неё вырвался лёгкий смешок — должно быть, представила себя в роли восхищённой барышни, — после чего она уточнила, глядя на него снизу вверх:

— А для чего?

Слегка наклонив голову набок, он бросил на неё выразительный взгляд.

Она выдержала этот взгляд с улыбкой, затем встала, оперлась руками на стол за своей спиной и принялась живо рассказывать о своих изысканиях и выводах.

По мере её рассказа удивление Дерек всё росло, и, когда она, наконец, озвучила вывод, что татуировки точно джотандские, но непонятно, по какому поводу нанесены, он с дружелюбной подначкой в голосе отметил:

— Судя по тому, как долго ты об этом думала, на пути соблазнения я неожиданно продвинулся куда как дальше тебя!

Легко рассмеявшись от удовольствия, что контакт всё-таки снова налажен, она согласилась:

— Думаю о тебе целыми днями, и даже ночей не сплю!

В этот раз его действительно позабавил такой ответ — возможно, потому что он склонился к версии, что интриги против Райтэна тут не причём. Поэтому он вполне дружелюбно заверил:

— Поверь, это скучная история, и тебя она, к тому же, никак не касается. Они

джотандские, да, — подтвердил он, — и просто так сложилось.

После чего распрощался и ушёл.

Оставив Магрэнь ещё более заинтригованной и несколько раздражённой.

7. В какие игры играет Дерек?

Испортив четвёртый набросок, Магрэнь со вздохом отложила кисть. Попытка нарисовать Лерию с фиалками — для рекламы новых духов — никак ей не удавалась, потому что у неё не получалось сосредоточиться на деле.

Мысли её, к большой досаде и раздражению, снова и снова возвращались к Дереку.

Нет, она, конечно, сочла версию про скучную историю вполне жизнеспособной — как ей показалось, он не врал. И, в целом, сама с собой постановила закрыть этот вопрос: в конце концов, что ей за дело до чужих татуировок?

Но последняя встреча с Дерекком всё не шла у неё из головы — очевидно, по большей части от того, что она была крайне недовольна собой, а такое случалось с нею редко.

Магрэнь по праву считала себя женщиной, весьма искущённой в плане выстраивания отношений с мужчинами. Обычно она с первой же встречи понимала, что перед нею за человек, и легко находила к нему ключики. Она очаровывала мужчин, даже если не планировала их соблазнить, — просто на всякий случай, просто потому что очарованный мужчина может пригодиться в деле. Арсенал Магрэнь как соблазнительницы был чрезвычайно широк, и оружие её обаяния не знало промаха.

То, что она не сразу смогла определить, к какой категории мужчин следует отнести Дерекка... раздражало.

Не в силах поймать мысль за хвост, она увлечённо позмазывала очередной набросок краской. Сосредоточиться не помогло, зато удалось выместить своё раздражение.

Сперва она приняла Дерекка за простого коммерсанта, которого Райтэн надумал вывести в высший свет. Неизменная вежливость, хорошие манеры, некоторая застенчивость, связанная с явным отсутствием опыта светской жизни... Всё казалось довольно прозрачным!

Но с первых же встреч с ним Магрэнь поняла, что интеллектуальная работа привлекает Дерекка куда как больше, чем светская болтовня или коммерческие расчёты. Это было не слишком неожиданно — у Райтэна был глубокий ум учёного, и было бы странно полагать, что он сблизится с человеком, не обладающим таким же умом.

От человека с заявленным уровнем интеллекта Магрэнь ожидала приятной и вдумчивой любовной игры.

Но реакции Дерекка не вписались в её ожидания.

Она отбросила кисточку и застучала ногтями по столу, пытаясь собрать невнятные ощущения в связную мысль.

Он ведь оправдал её ожидания в том, что заметил её первые шаги в этой игре!

Но почему-то... почему-то интерпретировал их совершенно нелепо, даже после того, как она прямым текстом сообщила о своих намерениях!

Не в силах усидеть на месте, она вскочила и зарасхаживала по комнате.

От человека умного и светского она ждала красивого флирта, постепенно перетекающего в горизонтальную плоскость. Однако Дерек от этой игры отказался — что, впрочем, Магрэнь попадалось и раньше. Тип прямолинейных прагматичных мужчин ей был прекрасно знаком: такие не тратили время на любезные игры и сразу переходили к делу. Магрэнь не очень-то нравился такой сценарий — она считала его недостаточно изысканным и чувственным — но Дерек был достаточно привлекателен внешне, чтобы переспать с ним без долгих прелюдий.

Поэтому, сразу сменив стратегию, она и обозначила свои намерения прямо.

Те мужчины, которые предпочитали обходиться без прелюдий, обычно воспринимали такой прямой откровенный переход весьма положительно, — но Дерек и тут не вписался в ожидания. Вместо того, чтобы столь же прямо принять или отклонить её предложение, он начал выискивать в нём второе дно!

Это показалось Магрэнь чрезвычайно странным, потому что ни на первый, ни на второй, ни на десятый взгляд в Дереке не было ничего столь ценного или уникального, чтобы дамы жаждали его соблазнять из корыстных побуждений.

— Нет, здесь, определённо, имеет место какая-то странная история!.. — пробормотала она себе под нос, подводя итог своим размышлениям.

Дерек, конечно, и не подозревал, что над его головой сгущаются тучи. Его, впрочем, позабавил сам факт — вот уж какого побочного эффекта от своих татуировок он никак не ожидал! — но, в целом, ему было, чем заняться, и мысли его были заняты чем угодно, только не Магрэнь. Поэтому её приход к нему на квартиру его крайне удивил — как минимум тем, как ей вообще удалось раздобыть адрес?

Толком ещё не решив, как он вообще планирует устраиваться в Кармидере, Дерек снимал комнату. Не то чтобы многие знали, где его искать, и уж тем паче редкостью было застать его на месте — он пропадал где угодно в городе, а сюда приходил только спать.

В общем, Магрэнь проявила недюжинные детективные таланты, но ещё удивительнее, на взгляд Дерекы, стала причина визита: ей, видите ли, подумалось, что она что-то неправильно просчитала в плане закупок у Райтэна специй, поэтому непременно требовалось, чтобы Дерек проверил эти расчёты сам.

В этот момент Дереку подумалось, что самым разумным решением было бы вежливо выставить гостью за дверь — ну, или, во всяком случае, поторговаться по поводу оказания бухгалтерских услуг, а потом всё равно выставить, оставив, впрочем, себе бумаги. Но умение решать подобные вопросы жёстко по-прежнему не входило в число его талантов, поэтому он вежливо предложил сходить за кипятком для чая (кухня тут была общей для всех жильцов), усадил Магрэнь на самый удобный стул и сам устроился за столом — проверять расчёты.

Пока он был занят этим делом, Магрэнь украдкой рассматривала и его самого, и комнату. По тому, как выглядит жильё человека, о нём можно было сказать много!

Комната, которую она лицезрела сейчас, определённо, была дешёвой. Это уже дезориентировала: она знала, что Дерек был достаточно состоятелен, чтобы позволить себе нечто более комфортное и просторное.

«То ли буквально на несколько дней остановился, то ли такой мелочно экономный?» — задумалась Магрэнь. Однако, даже для короткого пребывания в Кармидере можно было снять комнаты получше, а если дело было в экономии — что ему мешало поселиться у Тогнаров? Магрэнь бывала в их доме и не видела причин, по которым Дерек предпочёл снять жильё отдельно.

Так и не придумав объяснения этой странности, Магрэнь взгляделась в детали. Небольшая комната, которая вмещала в себя только кровать, письменный стол, небольшой шкаф и пару стульев, была сплошь завалена книгами.

Книжные башни плотно покрывали собой стол, громоздились на подоконнике и на шкафу, собирались в стопки у стен. Одна из книг валялась на кровати, ещё пару он забрал с того стула, на который усадил её.

«Зачем ему столько книг?» — задумалась она, пытаясь присмотреться к корешкам, но названий на них не наблюдалось.

Сделав промежуточные выводы — что Дерек напрочь игнорирует комфорт, потому что большая часть его жизни проходит не в реальности, а в чтении, — она стала рассматривать собственно предмет своего интереса.

Дерек перемножал цифры весьма эмоционально: вздыхал, махал в воздухе пером, бормотал под нос отдельные части вычислений. В общем, выглядел точно так же, как и тогда, когда помогал ей с переводами. Наблюдать за ним было весьма интересно, и Магрэнь невольно увлеклась этим делом, наслаждаясь богатой игрой его мимики.

Меж тем, впустую перепроверять явно верные вычисления ему скоро надоело. На его вкус, ошибиться там было негде: обговоренные ранее цифры сперва перемножались, потом складывались.

Некоторое время проведя за этим перемножением и сложением, Дерек пришёл к выводу, что его дурят. Только непонятно, в чём именно, — поскольку Магрэнь тихонько сидела на своём месте, медленно попивала чай и, кажется, не планировала никаких действий или разговоров. Он даже подозрительно поразглядывал её платье — но оно казалось вполне строгим и не располагающим к новой череде соблазнительных атак.

Так и не выдвинув ни единого предположения по поводу того, что ей может быть от него нужно, он сдался и, обернувшись к ней, уточнил:

— Рэнь, есть ли какой-то неведомый сакральный смысл в том, чтобы я сейчас проверял, правильно ли ты всё перемножила, — или я могу просто заняться своими делами?

Она досадливо поморщилась. Признать, что расчёты были лишь предлогом, не хотелось.

Правильно расценив её выразительную мимику, Дерек вздохнул, отложил цифры и вернулся к тому делу, от которого она его отвлекла: составлению красивой таблички для Кайтэнь. Там всё было собрано и сформировано — это была часть её выпускного проекта — но она не отличалась аккуратностью, и даже после ряда попыток так и не смогла оформить всё красиво и чётко.

Табличка была небольшой, и вскоре эта работа закончилась.

Магрэнь всё так же не предпринимала никаких попыток завязать беседу, и Дереку подумалось, что, возможно, она просто пытается действовать ему на нервы чисто от скуки и забавы ради.

— Ещё чаю? — любезно предложил он, поскольку дальше в его планах значилось отнести готовую таблицу Тэнь, и он не видел смысла торчать дома и ждать, пока гостье надоест молчать.

Его вопрос вывел её из задумчивости. Она растеряно посмотрела в собственную чашку и обнаружила, что та пуста. На лице её отразились сомнения: судя по всему, чаю ей больше не хотелось, но она не могла придумать другого предлога, чтобы остаться и дальше молчать.

Её поведение было, разумеется, очередной провокацией, и, к её досаде, эта провокация тоже не работала.

— Если чаю не хочешь — можешь просто продолжать сидеть так, — не дождавшись ответа, отмахнулся, наконец, Дерек и, отложив таблицу, взял какую-то книгу и, скинув обувь, спокойно завалился читать на кровать.

Он полагал, что, по-хорошему, стоит её, конечно, выставить — но это решение теперь казалось ему слишком скучным. Ему сделалось любопытно, что ещё она придумает и

надолго ли хватит её выдержки. В конце концов, у него-то была книга, и он мог продолжать молчать хоть до ночи, а там и вовсе лечь спать.

Магрэнь с неудовольствием отметила, что выставляет себя теперь душой. Изначально своим приходом она планировала спровоцировать Дерекать проявить любого рода эмоциональную инициативу. Её бы устроило что угодно: удивление, раздражение, радость, злость, агрессия... что угодно! Но нет!

Перебрав в голове десяток реплик — все они были прекрасны, остроумны и коварны, и, она была уверена, в любой другой ситуации вернули бы ей чувство контроля, — она пришла к выводу, что с Дерекать всё это не сработает так, как ей хотелось. Скрепя сердце, она пришла к выводу, что наиболее выигрышно будет играть по его правилам — так, по крайней мере, есть шансы разжиться какой-то информацией. Поэтому в какой-то момент она просто прямо выразила суть своей досады репликой:

— И что, никакой реакции?

— Любопытство, — незамедлительно и весьма любезно отозвался Дерек, как будто ждал именно этого вопроса — или, во всяком случае, сходу уловил, что именно её интересует.

— Ну, хоть так! — фыркнула она, удивительным образом переставая чувствовать себя душой — очевидно, по той причине, что этот короткий обмен репликами показал, что коммуникация между ними всё же имеет место, даже если и не переходит в словесное воплощение.

— Вызывать любопытство — это же часть соблазнения, да? — неожиданно оторвался от книги Дерек, глядя на Магрэнь весьма проницательно.

Ему показалось, что он уловил суть интриги, и что противница просто перешла от демонстраций запястий к более изысканным способам обольщения.

— Не было никакой гарантии, что это будет именно любопытство, — покачала головой Магрэнь, веселея прямо на глазах.

— Да ладно! — хмыкнув, он отложил книгу и сел, спуская ноги на пол. — Что ещё это могло бы быть?

— Раздражение? — невинно предположила она.

Он рассмеялся и поджал одну ногу под себя. Отсмеявшись, резюмировал:

— Итак, твой коварный план удался: мне любопытно! Что дальше? — с живым интересом подался он вперёд.

Магрэнь приняла томную позу и королевским тоном констатировала очевидное:

— Мучайся!

— От любопытства? — он полохматил себе волосы и деловито уточнил: — Долго?

Она сделала вид, что задумалась, а после, покивав своим мыслям, уведомила:

— Пока я не сочту себя отомщённой.

Досадливо скривившись, он махнул рукой и расслабленно упал обратно на кровать, буркнув оттуда:

— Чего мучиться-то, если ты сама ответ сказала?

Магрэнь замерла, оценила свою последнюю фразу и легко согласилась:

— Сглупила.

Подумав, добавила:

— С другой стороны, кто не признался — тот не пойман! — и мило улыбнулась: — Кто

сказал, что у меня был только один мотив?

— Справедливо, — откликнулся Дерек, но отказался развивать тему заключением: — Но тебе следовало спохватиться раньше.

Они помолчали.

Потом, мягко облокотившись на спинку стула, она вдруг попросила:

— Ну покажи!..

Он рассмеялся и снова сел, посмотрел на неё испытующе:

— Не отстанешь ведь, да?

Она, лукаво улыгнувшись, покачала головой.

С тяжким вздохом он встал и принялся расстёгивать рубашку, нарисовав на лице выражение «чего только ни сделаешь, лишь бы от тебя отстали!» Она же следила за ним с любопытством и нетерпением, чувствуя детскую совершенно радость от того, что получила то, чего хотела.

Наконец, рубашка была снята, и она с удивлением обнаружила, что то, что ей раньше показалось полной луной, оказалось солнцем — просто лучи были изображены только сверху, над локтями, там, где заканчивался растущий из запястий лес. К тому же, в целом, а не фрагментарном, варианте татуировка стала выглядеть вполне себе традиционно джотандской, потому что какая-то морда — то ли волчья, то ли собачья, — таки скалилась с плеч, и вполне смахивала на привычный тотем.

Подойдя ближе, Магрэнь чуть ли ни уткнулась в него носом, разглядывая детали. Он, явно забавляясь её реакцией, посмеивался и послушно вертел руками, позволяя всё рассмотреть.

Она прищурилась. Картинка в её голове всё ещё не складывалась, и в скучную историю совсем перестало вериться.

— Можно потрогать? — попросила она.

Он показательно возвёл глаза к небу, столь же показательно вздохнул и совершеннейше галантнейшим образом заверил:

— Любой каприз!

Получив разрешение, она тут же схватила его руку, подтащила его ближе к окну и принялась пристально разглядывать то, что привлекло её особое внимание — впрочем, не спеша трогать.

Особенно подозрительными ей показались запястья — рисунок на них не казался однородным, и именно поэтому первоначально она приняла его за чей-то пёстрый хвост. Неровности были заметны даже на глаз; проведя же по татуировке пальцем, Магрэнь убедилась, что рельеф явно слишком сложен для попытки изобразить однородный почвенный слой.

«Там что-то было снизу!» — удивилась она, и стала лихорадочно соображать, что такое интересное мог скрывать новый роскошный рисунок.

Мысль о либерийских татуировках она сразу отбросила — шрамы от тех были значительно глубже, и их не удалось бы скрыть так легко, — и стала перебирать в голове ньонские.

Первыми ей на ум пришли традиционные брачные браслеты — и расположение логичное — но становилось неясно, для чего такие сложности. Чтобы скрыть брак, было достаточно добавить отметку о разводе или смерти супруги — зачем замазывать всё столь плотно?

Однако почти сразу она вспомнила обычаи ньонских купцов — и у неё аж перехватило дыхание от мысли, что разгадка найдена. Конечно, ведь в Ньоне купцам наносят татуировки не только об удачных сделках! Нечестного купца ждёт своя несмыслимая отметка, и скрыть её, конечно, было бы весьма заманчиво!

В голове Магрэнь срослась отличная версия: Дерек, определённо, был коммерсантом, и свой путь в Ньоне он начал, очевидно, с какой-то аферы, был в этой афере уличён, получил соответствующую татуировку и решил перебраться в Анджелию и скрыть факт своего мошенничества, набив сверху джотандскую картинку.

Она уже почти озвучила найденную разгадку вслух, и даже приоткрыла рот, набирая воздух, — но, подняв взгляд на Дерека и обнаружив его светлые волосы, припомнила, что перед ней, вообще-то, не ньонец, а даркиец.

Закрыв рот, она досадливо нахмурилась. Стройная версия не сошлась. Даркийские купцы не носят татуировки, а ньонские купеческие законы на них не распространяются.

«Как вообще у даркийца могла появиться ньонская татуировка!» — с досадой сформулировала проблему она, разглядывая Дерека через прищур.

«Вхождение в род? — перебирала она в голове. — Но нет, это нужно бы с младенчества, а он говорил, его отец в пасторы готовил...»

Каким ветром даркийца вообще могло занести в Ньон? Ну, торговал, допустим... стоп! Он же явно не был торговцем изначально...

Прикусив губу, он с любопытством следил за работой её мысли — её говорящий взгляд и подвижная мимика очень этому способствовали. Поэтому он без труда уловил тот момент, когда озадаченность и сосредоточенность сменились удивлением и смущением.

Магрэнь замерла, проверяя проскользнувшую у неё в голове догадку, но всё, определённо, сходилось: даркиец, попавший в ньонское рабство, сбежавший в Анджелию и спрятавший рабские браслеты за красивым рисунком. Бегло прикинув в голове даты, она припомнила, что Райтэн несколько лет назад ездил в Ниию и возвращался через Ньон — наверно, тогда и познакомились. Впрочем, не факт. Но возможно.

В любом случае, это объясняет и переделанное на анжельский лад имя, и фамилию.

Закончив с аналитическими выкладками, Магрэнь обнаружила, что так и держит его руку, а он так и наблюдает за ней. Она ощутимо смутилась и руку выпустила.

— Какие-то проблемы? — насмешливо поинтересовался Дерек, который, собственно, пытался скрыть лишь имя своего господина, а не сам статус, поэтому искренне наслаждался смущением анжельцев, об этом статусе узнававших.

В Анджелии мало что ценили так высоко, как свободу. Магрэнь, как и большинство анжельцев, воспринимала рабство как совершенно недопустимое и дикое варварство. Столкнувшись с человеком, который пережил это на себе, она испытала глубокое смятение и даже стыд — как будто была и какая-то её личная вина в том, что где-то на свете рабство существует.

— Ты был прав, меня это совершенно не касается, — согласилась она, отворачиваясь.

Она даже не предполагала такого варианта — иначе бы, совершенно точно, приструнила бы своё любопытство, — и теперь не знала, как выразить своё сожаление.

— Скучная и банальная история, — понятиво покивал Дерек, напяливая на себя рубашку обратно. — Как видишь, ничего таинственного и манящего! — заключил он, застёгиваясь.

Она вдруг легко рассмеялась, повернулась к нему, обдав искрящимся весёлым взглядом, и возразила:

— Отчего ж? Очень даже манящий торс!

Он аж запутался в пуговицах от неожиданности и отчаянно покраснел.

Взглянув на него лукаво, она бегло собрала с его стола свои бумаги и летящим шагом направилась на выход, добавив:

— Нужно будет при случае посмотреть детальнее!

Выйти она не успела — у дверей её нагнал его полный деланного сочувствия вопрос:

— Всё ещё пытаешься подобрать способ меня соблазнить?

Она замерла. Повернулась, глядя на него обиженно и раздражённо.

— Почему это ты всё время в этом выигрываешь!.. — досадливо воскликнула она, недовольная тем, что опять последнее слово остаётся за ним, и получается совсем не то, что планировала она.

— Потому что я не играю, — спокойно объяснил он.

Резко выдохнув от возмущения, она смерила его недовольным взглядом — он так и не успел застегнуть рубашку до конца и выглядел удивительно мирно на фоне её негодования — резко подошла к нему вплотную и обвиняющим тоном заявила:

— Это ты-то не играешь?!

Он улыбнулся.

— Хорошо, — согласился с претензией и поправился: — Не играю по твоим правилам.

Попрожигав его взглядами — он выдержал их абсолютно невозмутимо — она гордо и независимо хмыкнула, задрала подбородок, развернулась и ушла не прощаясь.

Через три секунды после того, как вышла за дверь, вернулась и заявила:

— Ничего, я обыграю тебя по твоим же правилам! — и сбежала под его добродушный смех.

II. Прошлое и будущее. 1. Когда солнце светит внутри тебя?

II. Прошлое и будущее
643 год, лето. Кармидер

Взлетают вороны, кружатся над пепелищем.
Какой ценой досталась мне эта мудрость?
Видимо, чтоб стать светлее и чище,
Нам нужно пройти по горящим углям.
Flëur, «...и Солнце встанет над руинами»

1. Когда солнце светит внутри тебя?

Райтэн вернулся в Кармидер уже летом, нервный и отчасти подавленный, если это слово можно употребить по отношению к его живому характеру. В своём типичном режиме неистовой многозадачности он привык постоянно сталкиваться с проблемами, но этот год получался каким-то уж слишком перегруженным: проблемы сыпались на всех флангах одновременно. Райтэн переживал за затею с кораблями и речным путём: ещё было ничего не ясно, выгорит ли или нет! Пройдут ли корабли все испытания, удастся ли наладить торговлю — да и нужно же ещё подобрать команду людей и руководителей, как на палубе, так и на местах! Ситуация с карьером тоже подвисла на зыбкой грани: отца, конечно, удалось уговорить помочь, но это было временное решение, и нужно было всё же искать управляющего, да и разбираться со сбытом и репутацией. В торговых делах тоже возникли свои проблемы — ситуация с Магрэнь не была единичной — и их требовалось решать, причём, желательно, лично.

Перестановки в семье тоже не давали покоя. Кайтэнь заканчивала университет — непонятно, что она будет делать дальше и какая помощь ей потребуется. Как справится на новом месте Кэн — особенно с учётом того, что отец забрал с собой сильнейшую часть своей команды, и из-за этого Аньтэ ходил ходуном, и, возможно, Райтэну стоило бы в кои-то веки вспомнить про свой долг старшего брата и как-то помочь... Да и сам побег отца! Вот взрослый вроде человек — должен же понимать, что!.. А, впрочем, всё равно тут уже ничего не поделаешь. Остаётся лишь надеяться, что он не ввяжется в совсем уж паршивую историю. И, в конце концов, правитель Брейлина — его друг, поможет, если что.

Оставалась ещё тревога за Дерека — с которым непонятно, что происходит, и как его из этого вытягивать, — некоторые проблемы у Этрэна — которого требовалось поддержать, — и, конечно, вся эта история с дорогой в Северную Анджелию, в которую так и не удалось пока толком втиснуться — но очень хотелось.

В общем, пожалуй, в жизни Райтэна ещё не бывало момента, когда буквально во всех сферах всё шло как-то наперекосяк, поэтому уровень его раздражительности был весьма высок.

В Кармидере он незамедлительно с головой погрузился в дела — коих имелась целая гора — и деятельная занятость несколько снизила его тревожность.

Поскольку Дерек тоже не сидел на месте — ему, определённо был свойственен талант ввязываться в чужие проекты, — то первые дни они пересекались лишь на бегу в режиме «передать документы» и «обменяться адресами-именами». Но, наконец, где-то через неделю им всё же удалось сесть за дела совместно — у тётушки в кабинете они принялись разбираться с каменным углём.

За деловыми вопросами Райтэн пытался незаметно приглядываться к другу, чтобы оценить его общее состояние. Проще, конечно, было бы просто спросить, но Райтэну казалось, что вопросы такого рода всегда звучат неприятно, как если человек лезет не в своё дело.

На взгляд состояние Дерек определялось туго. С одной стороны, в нём явно что-то изменилось — не хватало привычной лёгкости и безалаберности, что, впрочем, могло просто сопутствовать деловому настрою. С другой — он казался скорее спокойным, чем безразличным или мрачным.

Так и не определившись с выводами, Райтэн стал всё-таки созреть на прямой вопрос. Как это всегда с ним бывало в таких ситуациях, процесс созревания сопровождался выпаданиями из диалога, тяжёлыми вздохами и уставленными в пространство взглядами — так что у самого Дерек проблем с интерпретацией не возникло.

— Тебя что-то беспокоит? — спокойно поинтересовался он.

Райтэн мрачно вздохнул и не стал отпираться:

— Ты меня беспокоишь! — уведомил он таким тоном, что нипочём нельзя было бы разглядеть в нём тревогу — скорее претензию на грани обвинения.

Дерек, впрочем, тон нимало не смутил, и суть беспокойства он сразу уловил точно.

— А, — досадливо махнул он рукой и признался с лёгким смешком: — Ну, со смыслом жизни я явно так и не разобрался, но...

Он смущённо улыбнулся.

Райтэн изобразил лицом вопрос.

Дерек застенчиво взлохматил волосы — снова напомнив, наконец, самого себя, — и к глубокой неожиданности Райтэна спросил:

— А что, у тебя на Магрэнь какие-то планы есть?

Сморгнув, тот язвительно ответил:

— Разумеется. — И быстро добавил: — Торговые.

— Только торговые? — разулыбался Дерек.

Райтэн смерил его недоверчивым и мрачным взглядом, сложил руки на груди, выгнул бровь и досадливо уточнил:

— Мы сейчас про Магрэнь Ринар, да?

Дерек пожал плечами и кивнул — других Магрэней он не знал.

Райтэн наклонил голову набок, разглядывая Дерек так, словно видел его впервые в жизни. Окончательно смутившись под этим взглядом, тот несколько оправдывающимся тоном заметил:

— Ну, мне было показалось, что ты к ней равнодушен, поэтому я решил уточнить...

Райтэн даже зажмурился, пытаясь уложить в голове полученную информацию, затем неохотно ответил:

— Да не было у нас ничего. Так, я к ней подкатывал лет десять назад, она и развлекается за мой счёт досих пор. — И холодно добавил: — Не могу не отметить всю роскошь её ума, но, признаться, бесит она меня просто нереально!

— Ну, и слава Богу! — с облегчением рассмеялся Дерек, которого этот вопрос и впрямь сильно волновал. — А то я уже однажды потерял друга из-за того, что влюбился в его женщину, и как-то не хочется повторять!.. — весело выдал он суть своей тревоги и резко осёкся, осознав, что не планировал произносить это вслух.

Отвернувшись, он досадливо нахмурился.

— А! — понятливо протянул Райтэн и отметил: — А я-то гадал, что он должен был вытворить настолько несусветного, чтобы ты его оставил.

У Райтэна было три причины никогда не спрашивать Дерек о его прошлом. Первая заключалась в том, что эта тема ощутимо приносила Дереку боль — и, собственно, одной этой причины и хватило бы для того, чтобы никогда не лезть в эту сферу и не задавать никаких вопросов. Вторая упиралась в то, что Райтэн мало того, что был анжельцем — он принадлежал к роду, который даже на фоне его вольнолюбивых соотечественников выделялся повышенной жадой независимости и свободы, поэтому сама мысль о том, что где-то в мире существует что-то настолько отвратительное и противоестественное, как рабство, вызвала у Райтэна зубную боль. И он бы, однозначно, скорее согласился бы отрубить себе руку, чем напомнил бы Дереку о его бывшем ньонском положении.

Ну и в-третьих — Райтэн не то чтобы ревновал, ревнивость как таковая не была свойственна его характеру. Но всё же, он ощущал себя подавленным, невольно сравнивая себя с Грэхардом. В его глазах владыка Ньюна был личностью легендарной, существующей в масштабе глобальных исторически значимых величин. На фоне этой эпической громадины он, Райтэн, был слишком мелок, слаб и несущественен — поэтому он испытывал подспудную досаду, понимая, что не может соперничать с такой фигурой, и подсознательно предполагая, что в жизни Дерек он является всего лишь мелкой и неудачной заменой ньонского правителя.

Сочетание этих трёх причин заставляло Райтэна испытывать стыд всякий раз, когда он задумывался о прошлом Дерек — как будто бы даже мысль в этом направлении была чем-то совершенно недопустимым. Те же обрывки информации, которыми он обладал, его совершенно дезориентировали, потому что если и существовала в лёгком характере Дерек какая-то прочная константа, то ею, определённо, была безусловная преданность. И Райтэн просто вообразить себе не мог, какими должны быть условия, чтобы эту преданность поколебать.

Наличие в этой истории женщины делало картину более ясной — тем более, что Райтэн, пусть смутно, но помнил Эсну: он присутствовал на приёме на каравеллах и даже обменялся с нею какой-то фразой о поэзии. Правда, поскольку в зону его интересов она никак не входила — он больше разглядывал владыку Ньюна, — то в памяти его только и отложились, что роскошные золотые волосы.

— А, я её однажды видел, да, — зачем-то решил проинформировать он. — Красивая. По лицу Дерек скользнула светлая улыбка.

— Ну, дело-то не в красоте, — с еле различимым смехом в голосе заметил он. — Эсна... — попытался сформулировать он, но так и не сумел найти слов. — Она... — и вдруг, совершенно непонятно, для чего, начал живо и как-то лихорадочно рассказывать: — Как-то ей втемяшилось что-то узнать, так она, ты представляешь, тайком, босиком, пробралась поближе к совету, спряталась за портьерой и — до сих пор не понимаю, как! — выловила

именно того, который ей был нужен! — глаза его сияли яркими солнышками. — Да ещё, знаешь, тип-то был из таких, к кому и подойти боязно, су-уровый! Как она его затащила только туда, за портьеру! — он тихо рассмеялся. — Пафосный такой князь, и женщин ни в грош не ставил, а ведь пошёл!

Райтэн растеряно покивал, не понимая, чем вызвана такая откровенность.

— И ведь выдала всё, что хотела, — тихо заключил Дерек между тем, и улыбка почти сразу угасла на его губах — он припомнил, чем именно закончилось то давнее расследование.

Впрочем, на грустных воспоминаниях он задерживаться не стал.

— А я ведь тебе не рассказывал, как мы к ней на стену лазали, да? — переключился он и, получив отрицательный знак, вскочил и пылко, в лицах стал пересказывать этот эпизод.

Чем больше он воодушевлялся, тем больше недоумевал Райтэн. По правде сказать, лазающий через стены владыка Ньюна и вообще не умещался в его картине мира — но ещё больше в ней не умещался такой вот Дерек, у которого, кажется, и голос изменился, а уж лицо светилось чуть ли не по-настоящему видимым образом.

В какой-то момент, правда, Дерек вдруг как будто споткнулся. Оборвав себя на середине фразы, он как-то растерянно погас, присел на краешек стола и огорчённо спросил:

— Даже и теперь заметно, да?

— Очень, — сухо подтвердил Райтэн, начиная догадываться, почему друг проявлял завидное упорство, сопротивляясь любым попыткам устроить его личную жизнь.

— Ну вот и Грэхард заметил, — убито заключил Дерек.

Ему было крайне неприятно, что даже спустя годы воспоминания об Эсне так глубоко затрагивают его за живое.

Райтэн тактично промолчал, внутри себя размышляя, как бы изящно перевести разговор на какую-нибудь не столь драматичную тему.

Глубоко задумавшийся Дерек внезапно тихо рассмеялся и с какой-то дикой смесью восхищения и злости вдруг продолжил:

— Ох и звезданул он меня тогда! До сих пор не верю, что зубы сохранил, — он даже пощупал собственную челюсть и рассмеялся немного истерично, затем резко замолчал, впервые за разговор посмотрел прямо на Райтэна — остро, пронзительно, — и тихо заметил: — Вот, наверно, тогда я впервые и почувствовал себя рабом.

Задумался, сморгнул и добавил:

— Ладно, что звезданул, с кем не бывает? Он в ревности всегда соображал туго. — И с горечью пояснил: — А вот то, что я не мог звездануть в ответ — это уже совсем другая грустная история.

Вдруг он тихо рассмеялся своим мыслям и весело спросил:

— А интересно, что было бы, если бы я ему тогда дал сдачи? Увернуться-то я не успевал, а вот если бы ему — раз! — и он обозначил кулаком какой-то гипотетический удар.

— Судя по всему, он не обрадовался бы, — рискнул вмешаться в эти фантазии Райтэн.

— Ещё слабо сказано! — фыркнул Дерек. — Небось, на месте бы и пришиб!

Райтэн изобразил лицом крайнюю степень презрения, кою он считал подходящей для людей, которые позволяют себе такие фокусы, как бить тех, кто не может ответить. В его воображении фигура Грэхарда как-то резко потеряла большую часть своего сияния.

Дерек, которого воспоминания стали потихоньку отпускать, это выражение заметил и

ухмыльнулся как-то грустно.

— Грэхард никогда не умел выстраивать отношения, — словно извиняясь за того, пояснил он.

Нахмурившись, Райтэн возразил:

— Тут дело не в умении что-то выстраивать, Дер. Я вон, — он развёл руками, словно приглашал полюбоваться его персоной, — тоже совсем не умею выстраивать отношения, если ты не заметил.

— Нашёл, с кем сравниваться! — отмахнулся Дерек. — Я человека деликатнее тебя отродясь не встречал!

— Деликатнее? — совершенно опешил Райтэн, не зная, смеяться или возмущаться, поскольку был привычен к славе человека весьма бесцеремонного и грубого.

Посмотрев на него растерянно, Дерек пояснил:

— Деликатность, Тэн! Ты, — он пощёлкал пальцами в воздухе, подбирая слова, и с сентиментальной какой-то улыбкой высказал: — Ты очень остро воспринимаешь понятие свободы, да? Не только своей. — Лицо его снова засветилось: — Ты очень аккуратно относишься к тому, чтобы ни в чём не нарушить чужую свободу.

Райтэн растеряно кивнул. Он так и не понял, причём тут деликатность.

— А у Грэхарда, — беспечно заключил Дерек, вставая со стола, — и представления-то такого не было, как чужая свобода! Он, точно, и осознать бы такую дикость не смог!

— По твоему описанию он выходит крайне неприятным человеком, — сдержанно отметил Райтэн, чувствуя иррациональное желание врезать этому непонятному Грэхарду так, чтоб в голове зазвенело.

Нетипичное для Райтэна желание, поскольку в мордобоях он не участвовал даже в детстве — сыну и наследнику правителя Аньтье не пристало, — а позже он в любой непонятной ситуации предпочитал дуэль.

Аккуратную, по всем правилам искусства, до первой крови и без членовредительства.

— Ну, почему сразу — неприятный... — задумался Дерек, подёргав себя за край бороды. — Впрочем, вы бы друг друга не поняли, это точно, — уверенно заключил он.

— А ты, значит, понимал? — с некоторой досадой язвительно переспросил Райтэн.

— Было бы, что понимать, — пожал плечами Дерек, чувствуя в тоне друга какие-то странные интонации и не умея их расшифровать.

Повисшее в кабинете молчание было довольно тягостным. Дереку казалось, что он сказал что-то, что Райтэна задело, но он так и не смог понять, что именно, и это его весьма угнетало. Сам Райтэн же, размышляя, встал, подошёл к окну, долго смотрел туда, прикусив губу, затем повернулся и безразличным тоном неожиданно заявил:

— Знаешь, иногда тяжело быть атеистом.

Брови Дерек поползли вверх. Столь резкий переход оказался ему совершенно непонятен.

Райтэн, меж тем, тихо и медленно продолжил озвучивать свои размышления:

— Ты его понимал, и ты всю жизнь бы провёл при нём, несмотря ни на что, если бы не цепь непредвиденных случайностей. Да даже если бы! — взмахнул он в воздухе рукой и горячо принялся пояснять: — Ты мог сбежать в Ниию, в Даркию, куда угодно! Да хоть и в Анджелию! — он рассмеялся и повторил: — Хоть и в Анджелию, просто не с Этрэнном! Понимаешь? — пристальный мучительный взгляд. — Понимаешь, Дер? Сотни, тысячи случайностей! — он снова рубанул воздух рукой и тихо заключил: — И девяносто девять

шансов из ста, что мы бы так и не встретились.

Дерек растерянно сморгнул; он никогда об этом не задумывался раньше.

В конце концов, он действительно бы предпочёл Ниию, если бы не удачно подвернувшийся корабль Этрэна.

— Я мог бы тогда назначить встречу не у Годэна, — отвернувшись к окну и сложив руки на груди, продолжал перечислять Райтэн, — или мы могли там же поссориться, или поссориться позже... И я не представляю... — и тут же перебил сам себя: — Точнее, слишком хорошо представляю. Всё могло бы быть так же — но без тебя.

Это прозвучало, определённо, как «и зачем бы оно всё тогда вообще — было?»

Не дождавшись продолжения столь патетично заявленной темы, Дерек вздохнул и признал:

— Ну да, верующему так-то проще. Я-то знаю, что Бог как-нибудь, да устроит, чтобы выпал тот самый единственный шанс, — улыбнулся он. — Даже если он единственный на миллионы, или вообще — невозможный.

— И ведь выпадает же! — резко повернулся к нему Райтэн.

В растерянном выражении лица его читался вопрос: есть ли хоть какое-нибудь рациональное объяснение тому, почему всё в жизни складывается так, как складывается?

Дерек пожал плечами и выдал то, что казалось ему глубочайшей банальностью:

— Мы никак не можем доказать, есть ли Бог или нет Его. Но, собственно, если мы верим, что выпадает именно тот самый шанс — получается, это и есть вера в Бога, да?

Для Райтэна это, определённо, не было банальностью, потому что он всерьёз задумался, и только спустя минуту ответил:

— Во всяком случае, жить в мире, где самые важные для тебя вещи зависят от тысяч никак от тебя не зависящих случайностей... — замолчал и с королевской интонацией через губу отметил: — Неприятно, да.

— Ну, — утешительным тоном протянул Дерек, — тут-то все эти случайности сложились весьма удачно, и, как видишь, я здесь! — с весёлым видом раскланялся он так, будто сам эти случайности и складывал.

Райтэн улыбнулся краешком губ, а потом вдруг спросил:

— А ты... ты никогда не сомневался?..

Он имел в виду, не сомневался ли Дерек в существовании Бога, и Дерек вполне этот вопрос понял. Лицо его помрачнело.

— Сомневался, да, — тягостно подтвердил он и пояснил холодно: — Война. Я не понимаю, Тэн.

На лице его застыло тяжёлое муторное выражение. Словно пытаясь стереть его, он провёл рукой по лицу, затем продолжил:

— Если Бог есть, как же Он допускает войну?

Перед глазами его стояли кошмарные картины его прошлого.

Досадливо нахмурившись — Райтэн не ожидал, что его вопрос вызовет такой пласт мыслей, — он напомнил:

— Войну создаёт человек, Дер. Свобода воли же. Насколько я помню, Бог, в которого ты веришь... — чуть улыбнувшись, он ввернул: — Весьма деликатен, да?

Несколько секунд Дерек смотрел на него с большим ошеломлением; затем рассмеялся.

— Ох, Тэн! — воскликнул он. — Впервые вижу атеиста, который так хорошо

разбирается в богословии!

Райтэн усмехнулся вполне отчётливо и просто отметил:

— Должен же я знать, что именно я отрицаю, да? Иначе какой из меня атеист!

— Лучший на свете! — горячо заверил Дерек, как если бы в его глазах быть атеистом являлось весьма почётным званием.

— Деликатный богоподобный атеист, — сочувственно покивал Райтэн и, не выдержав, сам расхохотался.

Отсмеявшись, они вернулись к бумажной работе и некоторое время занимались каждый своим делом в тишине. Точнее, Райтэн-то занимался, а у Дерек не получалось — нынешний разговор перевернул в нём что-то важное, что-то зажёг внутри, и ему теперь отчаянно хотелось это как-то выразить — но все слова, которые приходили ему на ум, звучали жалко, или слишком сентиментально, или, хуже того, пафосно и фальшиво.

И, уже совсем отчаявшись нужные слова найти и уверившись, что таковых нет, он вдруг вспомнил, что, слава Богу, в мире ещё существует анжельский язык со всеми его тонкими нюансами, как будто специально для такого случая изобретёнными.

— Знаешь, — тихо привлёк он внимание друга, встретил его серьёзный взгляд и выразил, наконец, то, что так мучительно просилось наружу: — Когда ты рядом, у меня внутри светит солнце.

Райтэн удивлённо распахнул глаза; лицо его на несколько секунд совершенно застыло, после чего он привычно хмыкнул и отметил:

— Да, я тоже замечаю на себе этот эффект, братишка!

Они — совершенно счастливо — рассмеялись.

2. Как научиться грамотно сводничать?

Выйдя к ужину из кабинета, они обнаружили за столом всю дружную компанию химиков: профессора, Кайтэнь и Руби — возглавляемую тётушкой. Обычно для работы над переводом — или для каких-то других обсуждений — они предпочитали дом Тогнаров, как самый удобный: Руби-то снимала комнатушку в бедной части города, а профессор и вовсе жил в общежитии при университете. Конечно, можно было захватить какую-нибудь учебную аудиторию — но у Тогнаров всё же было удобнее, и, к тому же, вкусно кормили: тётушка отличалась большим гостеприимством.

Разговор крутился вокруг выпускного проекта Кайтэнь: до его защиты оставалось несколько дней. Дерек тут же легко влился в беседу, живо вставляя вполне уместные вопросы — ему действительно было интересно, и, к тому же, научный задор Кайтэнь сильно напоминал ему Райтэна, и ему было приятно наблюдать это сходство.

Сам Райтэн молчал и несколько раздражённо кромсал кусок мяса столовым ножом. Его тревожил вопрос о том, чем сестра планирует заниматься дальше, но ему казалось грубым задавать его прямо, а как подойти к делу деликатно, он не мог придумать.

К счастью, его затруднение разрешил профессор, который тревожиться сомнениями не стал и, в какой-то момент отложив вилку, просто спросил, обращаясь к сидящей напротив него Кайтэнь:

— Вы планируете продолжать свои изыскания и дальше?

Та слегка покраснела, поправила положение стоявшего рядом с её тарелкой бокала и ответила:

— Мне бы хотелось, но я пока себе слабо представляю...

Она замялась: в голове её на этот счёт пыхтела каша из мыслей. Она ни с кем не делилась своими соображениями по поводу собственного будущего — потому что ей хотелось устроить его самой, без чужой помощи, просто чтобы доказать себе, что она может, — но это отсутствие привычной опоры на других её дезориентировало.

— Университет, — веско отметил профессор, накладывая себе какой-то салат, — был бы рад предоставить вам место лаборанта.

Дерек, готовясь нивелировать возможный конфликт, бросил быстрый взгляд на молчаливую тётушку: та, вопреки его ожиданиям, не выглядела недовольной и переводила благостный взгляд с сидящего слева от неё профессора на находящуюся по правую руку от неё племянницу.

— Правда? — меж тем, невольно вспыхнула радостью Кайтэнь, которая не была настолько уверена в себе, чтобы считать, что её исследования действительно могут представлять некоторый интерес.

— Разумеется, — пожал плечами профессор, которому, напротив, её успехи были очевидны. — Уверен, что сульфатом меди вы не ограничитесь! — подбодрил её он.

Руби издала лёгкий смешок: тема пресловутого то ли яда, то ли лекарства явно её забавляла.

Кайтэнь растерянно посмотрела на брата.

— Тэн, как ты думаешь?.. — робко спросила она.

Слегка нахмурившись, Райтэн откинулся на спинку стула и хотел было сказать что-то

вроде того, что не понимает, для чего его избрали советчиком в этом вопросе, но тут сидящий напротив него Дерек привлёк его внимание аккуратным пинком под столом и с незаметной для Кайтэнь стороны погладил сам себя по голове, изображая лицом что-то выразительное.

Райтэн поперхнулся неначатой фразой, но сигнал истолковал верно и тут же перестроился:

— Мы все весьма гордимся твоими успехами, Тэнь, — она вся засияла, жадно ловя его слова. — Такого рода предложение от университета дорогого стоит! — несколько пафосно заявил Райтэн, и, не зная, как продолжить, бросил беспомощный взгляд на профессора.

Тот не подвёл.

— Исследования госпожи Тогнар, — деловито отметил он, — вносят большой вклад в дело фармацевтики.

— Право, я... — засмушалась Кайтэнь.

Пока они с профессором любезничали, Дерек продолжил разыгрывать пантомимы: попытался незаметно за салатником указать пальцем в Райтэна. Тот, решительно, не понимал, что от него требуется, и корчил вопрошающие рожи.

— Не «мы», а «я», — попытался беззвучно проартикулировать Дерек, но Райтэн талантом читать по губам не обладал.

А вот сидящая рядом с ним Руби, с любопытством наблюдавшая за этой безмолвной попыткой объясниться, чуть не рассмеялась, поскольку сигналы Дерека смогла истолковать верно — возможно, потому, что Кайтэнь ей все уши прожужжала рассказами о старшем брате, и было очевидно, насколько же ей хочется его впечатлить своими успехами. Решив помочь делу, Руби наклонилась и что-то шепнула на ухо Райтэну. Тот бросил на Дерека возмущённый взгляд, но добился в ответ только возведённых к небу очей.

Чуть поскрежетав зубами, Райтэн всё же уступил и решительно ворвался в разговор, перебивая профессора:

— Так что, Сэн, ты не из вежливости зовёшь?

— Айт! — возмущённо приподнял брови тот.

— Господа... и дамы! — решительно вскочил Райтэн, схватив с собой бокал. — Я полагаю, это прекрасный повод для тоста. — Поймав взгляд сестры, он продолжил: — Наши предки много чем прославились на всю Анджелию, но ни один из них не занимался наукой. — Бегло посмотрев на Дерека с выражением «во что ты меня втянул?!», он снова обратился к Тэнь: — И я бесконечно горд, что моя сестра стала первой, кто увековечит имя Тогнаров в такой благородной науке, как фармацевтика! — заключил он, чувствуя себя непередаваемо по-идиотски.

На его скромный вкус, он сейчас исчерпал запасы своего внутривенного пафоса на годы вперёд. Ему, определённо, хотелось сквозь землю от стыда провалиться, и поддерживало его лишь то, что никто, кажется, не разделял его презрения к подобным сентенциям. Напротив, заулыбавшись, схватились за свои бокалы. Дерек так вообще одобрительно кивал на каждой паузе. Сама Кайтэнь, кажется, чуть не расплакалась от радости и сентиментальности.

«Меня окружают одни сплошные идиоты!» — мрачно подумал Райтэн, аккуратно перечокался со всеми и, коль скоро терять уже всё равно было нечего, бодрым и быстрым шагом обошёл стол и, подняв сестру, крепко её обнял.

Она расплакалась прямо ему в плечо.

К счастью, присутствующие дамы горячо поддерживали идею заобнимать виновницу переполоха, так что Райтэн с облегчением передал сестру тётушке и подбежавшей Руби.

Затем его недовольный взгляд натолкнулся на Дерек — коего он считал главным виновником того, что ему пришлось пережить столь ужасную семейную сцену, — так что с издевательской усмешкой он ухватил друга за плечо и подтолкнул к Кайтэнь:

— Давай-давай, защитник, не отлынивай!

Дерек совсем не обиделся и даже рассмеялся. Он прекрасно понял, в чём суть недовольства друга, и полагал, что дело выеденного яйца не стоит.

Он коротко и осторожно обнял Кайтэнь, которая всё пыталась утереть слёзы, потом сделал шаг назад, чуть не столкнувшись с тётушкой — они с Руби что-то тихо обсуждали. Райтэн, мрачно сложив руки на груди, стоял в отдалении, наблюдая за суетой с некоторым недовольством.

Профессор один остался не у дел; он, впрочем, тоже встал и подошёл, но явно чувствовал себя неловко. Правда, Тэнь почти тотчас заметила его и было сделала движение к нему; но резко оборвала сама себя. Они оба неловко замялись, потом с какими-то тихим словами — Дереку не было слышно — профессор обратился к ней, протянув руку; рукопожатие затянулось, потому что они о чём-то начали тихо говорить.

Дерек с любопытством поразглядывал эти сцеплённые ладони и сделал из увиденного определённые выводы. Он оглянулся в поисках Райтэна, но не успел его разглядеть, потому что встретился взглядом с Руби. Та, хмыкнув, кивнула на тихо беседующую парочку и возвела глаза к потолку с мученическим видом. Дерек выразил любопытство выгнутой бровью. Руби выразительно постучала себя пальцем по лбу, досадливо кивнула в сторону подруги и безнадёжно махнула рукой. Хмыкнув, Дерек незаметно указал на Руби пальцем, кивнул в сторону тётушки — та вернулась на своё место за столом — потом указал пальцем на себя и кивнул в сторону Райтэна. Руби разулыбалась, послала ему воздушный поцелуй и тут же начала действовать: совершенно непринуждённо оступилась, в попытках удержаться схватилась за стол, вывернула себе на платье соус, горестно вздохнула и поспешила к тётке; не прошло и минуты, как, подхватив её под руку, она уже выходила из столовой.

Дерек тоже не стал медлить, и схватив Райтэна за локоть, шепнул:

— Срочно нужно поговорить! — и потащил его в другую дверь.

На выходе он оглянулся: Кайтэнь и профессор явно не заметили, что остались в одиночестве, и всё так же продолжали о чём-то беседовать, держась за руки.

— Что случилось? — недовольно проворчал Райтэн, позволяя себя куда-то тащить.

— Сводничаем! — с изображённым на челе вдохновением просветил его Дерек.

Райтэн резко притормозил.

— Что? — не понимая, переспросил он.

— Ну! — Дерек очертил в воздухе руками нечто, что в его воображении отображало потоки чувств. — Сводничаем! И, между прочим, — наставительно добавил он, — с полного одобрения твоей тётушки!

Райтэн смерил его взглядом весьма тяжёлым.

Нет, он, в принципе, подозревал, что Тэнь и Фарсэн равнодушны друг к другу, и ничуть не удивился, что Дерек тоже это заметил. Однако...

— Причём тут тётка? — решил прямо уточнить он, вместо того, чтобы гадать.

Усевшись на ближайший подоконник, Дерек замотал в воздухе ногой и принялся

объяснять:

— Ну, смотри. Она же была резко против того, чтобы Кайтэнь училась в университете, — Райтэн кивнул. — А сегодня, когда профессор Линар предложил ей место лаборанта, выглядела вполне мирной и довольной таким поворотом! И вообще, — фыркнул он, — она же его явно привечает. Какой стол накрыла! — и, покивав, с самой серьёзной миной заявил: — Приманивает!

Уголки губ Райтэна дрогнули в подавленном смешке.

— Кстати, — вдруг посмотрел на него смешливо Дерек, — ты, наверно, не заметил, но у неё и на тебя планы.

Райтэн приподнял брови со скептическим выражением на лице и жестом потребовал развить мысль.

Дерек дёрнул плечом и расшифровал:

— А ты посмотри, как ловко она тебя к Руби подсадила!

Райтэн недовольно сложил руки на груди. Никто его никуда не подсаживал, и тем более — тётушка, которая на момент их прихода в столовую была занята разговором с Кайтэнь.

— Я просто сел поближе к отбивным! — пафосно опроверг версию приятеля он.

Дерек смерил его скептическим взглядом и парировал:

— А стол кто сервировал?

Осознав ход его мыслей, Райтэн закашлялся. Затем задумался. Потом заявил:

— Ладно, согласен, вы с этой мегерой друг друга стоите.

— Это ты о тётке так? — удивлённо приподнял брови Дерек.

Ответом ему был мрачный скептический взгляд. Потом всё же последовала расшифровка:

— О Магрэнь. То, как работают её мозги... — он махнул рукой. — Вы явно из одного теста слеплены.

— Магрэнь! — вдруг подскочил, резко вспомнив, Дерек, даже не успев оскорбиться. — Слушай, как ты думаешь, у госпожи Тогнар, — он имел в виду тётушку, — найдётся что-нибудь интересное для парфюмера?

Магрэнь, определённо, произвела на Дерекса впечатление, и особенно впечатлён он был тем, что она так открыто и свободно демонстрировала свою заинтересованность в нём. Для него это было совершенно непривычной ситуацией, и теперь ему хотелось подтвердить ту репутацию, которую он получил в её глазах. Начать он решил с простого — с интересного подарка, который показал бы его внимание к её интересам. А что может пригодиться парфюмеру больше, чем цветы?

Смерив друга обречённым взглядом, Райтэн вздохнул:

— Возможно. У неё в теплицах чего только нет. Пойдём, спросим, — и, развернувшись, отправился в ту половину дома, в которую тётка умчалась спасать платье Руби.

Едва поспевая за его фирменным летящим шагом, Дерек всё же успел заглянуть в раскрытую дверь столовой.

Кайтэнь сидела на своём стуле; профессор, сгрудив в сторону тарелки, присел на край стола и что-то крайне оживлённо ей рассказывал, а она увлечённо слушала. Они, совершенно точно, не выглядели как влюблённая парочка, которая только что объяснилась.

Дерек, определённо, понял, почему гримасы Руби были столь недовольными.

3. Как научиться дарить соблазняющие подарки?

У Руби было два прекрасных таланта — умение всем нравиться и способность быстро и чётко продумывать вероятности. И оба эти таланта ей весьмагодились.

Она, определённо, очень нравилась Кайтэнь — потому что оказалась хорошей подругой. Умела слушать и понимать, принимать и одобрять, отвечать откровенностью на откровенность и искренностью на искренность. С ней оказалось интересно и говорить, и вместе учиться.

Она, совершенно точно, нравилась профессору Линару — своей готовностью и способностью учиться, серьёзным подходом, творческим взглядом на вещи. Она была из тех учеников, с которыми учитель однозначно чувствует, что его усилия не проходят даром и дают обильные плоды.

Она весьма нравилась госпоже Анирэнь Тогнар — своими хорошими манерами, грамотной речью, умением остроумно обсудить погоду и чувством такта.

Сегодня к списку этих маленьких побед прибавился и Дерек — совместная интрига и вообще сближает, а уж умение читать по лицам и договариваться о совместных действиях без слов всегда ему импонировали.

В общем, свой первый талант Руби использовала уже на полную — и сегодня у неё возникла необходимость задействовать и второй.

Потому что желающий поскорее поговорить с тётушкой Райтэн, конечно, ворвался к ней с разбегу не стучась — в своей обычной манере — и удачно попал как раз на тот момент, когда Руби уже стояла в одной нижней рубашке, поскольку платье её госпожа Тогнар помогла снять, чтобы замочить пятно от соуса.

Вероятности замелькали в голове Руби с бешеной скоростью.

Приличной девице стоило бы вскрикнуть и спрятаться поскорее за тётушку — но это самая ожидаемая, и потому крайне неудачная линия поведения, которая покажет её как самую обычную скучную девицу.

Как вариант, можно было бы совсем не смутиться и сделать вид, что всё вполне в порядке, но так можно создать впечатление, что она не склонна к соблюдению приличий и что с ней мужчина может позволить себе лишнее, что тоже не устраивало Руби.

И, поскольку на осмысление этих двух вероятностей у неё уже ушло три секунды, и дальше раздумывать было особо некогда, она уцепилась за третью пришедшую ей в голову.

— Вас стучаться не учили, что ли?! — раздражённо воскликнула она и с неожиданной силой вытолкала слегка растерявшегося Райтэна обратно за дверь.

«Да, определённо, хороший ход!» — похвалила сама себя Руби. Достаточно необычно, даёт задел для конфликта и точно не позволит просто забыть эпизод.

Но, не успев насладиться собственной смекалкой, она с досадой вспомнила, что у неё за спиной имеется благовоспитанная тётушка, для симпатии со стороны которой стоило пойти по варианту со скучной смущённой девицей.

Впрочем, это никогда не поздно!

— Ох! — словно опомнилась Руби, оборачиваясь от двери и прижимая ладони к покрасневшим щекам.

Покраснеть было несложно — она и впрямь не имела привычки демонтировать мужчинам свои нижние рубашки.

— Ничего-ничего, милая, — махнула на неё рукой тётушка, — Тэну иногда нужно указывать на пробелы в его манерах! — затем засуетилась с платьем. — Я сейчас поищу что-нибудь подходящее у Тэнь. Она, правда, повыше, и в груди тебе будет жать... — бормоча, тётушка отправилась наружу, отдать застирать испорченное платье и найти ему временную замену, чтобы гостя смогла отправиться домой.

На выходе из комнаты она столкнулась с Дерекком, который поспешно озвучил свою просьбу. На заднем плане мрачный Райтэн прожигал тётку подозрительными взглядами: пытался понять, как далеко она готова зайти в своём сводничестве.

— Что-нибудь интересное для парфюмера? — задумалась, меж тем, та, получив вопрос, потом ответила: — Приходите завтра утром, Деркэн, я подумаю, что вам лучше подойдёт!

...так что на следующий день Дерек заявился к Магрэнь с букетом — весьма, признаться, странным. Лишь несколько ярких розовых цветков с пышными жёлтыми тычинками венчали целую охапку некрупных кожистых листьев на толстых стеблях.

На лице встретившей его хозяйки отразилось недоумение, почти сразу скрытое радостной улыбкой.

— Шиповник, Дерри? — тем не менее, в голосе её послышалось удивлённое разочарование, когда она приняла эту охапку.

Цветы ей подносили довольно часто, и она, определённо, ожидала от Дерекка чего-то более изысканного, чем ободранные на обочинах кусты.

Верно расценив причину едва слышного разочарования, Дерек слегка склонил голову набок, сложил руки на груди и немного насмешливым тоном поправил:

— Камелия, — и уже с откровенной насмешкой добил: — Либерийская.

Обычно камелию не использовали в парфюмерии, поскольку она не имела запаха, но у этого сорта можно было извлечь прекрасное ароматическое масло с пряным ароматом — из тех самых листьев, которые и составляли большую часть букета.

Магрэнь переменялась в лице: в её выражении ясно читалось недовольство тем, что она подумала о собеседнике нечто неоправданно нелестное, и, хотя и не успела ничего по этому поводу сказать, всё же испытывала неловкость за то, что прозвучало в её мыслях.

Во взгляде Дерекка загорелось с трудом сдерживаемое веселье; он рассчитывал на такой эффект, и именно поэтому попросил госпожу Тогнар добавить ему несколько цветущих экземпляров — так-то в парфюмерии они были в высшей степени бесполезны, но их внешний вид, действительно, мог ввести в заблуждение.

Между тем, Магрэнь явно успела мысленно насладиться картинами по добыче из подарка масла и переключилась на размышления иного толка.

— Красные мне часто дарят, — нахмурившись, припомнила она. — И там всё прозрачно, как и почти всегда с красными... — она имела в виду язык цветов, в котором красный так или иначе был связан со страстью. — Но вот розовые! — она испытующе прищурилась, ожидая от Дерекка комментариев по поводу.

Тот, запихнув руки в карманы, посмотрел на неё весело и лукаво.

— Не буду лишать тебя удовольствия разгадывать эту загадку самой, — открестился от ответа он.

Разумеется, при выборе подарка он ориентировался не на символику цветка, а на его полезность. Но, тем не менее, он не поленился выпросить у госпожи Тогнар соответствующую книгу и убедиться, что розовые камелии не означают чего-то уж совсем не подходящего к делу — каких-нибудь там траурных сожалений или дочерней привязанности.

Символика, указанная в той книге, его вполне удовлетворила, но называть её Магрэнь прямо ему показалось скучным. Её мозги, как верно отметил Райтэн, работали слишком интересно, чтобы отказать себе в удовольствии понаблюдать их в деле.

Смерив Дерек взглядом: «Ах вот, значит, как мы теперь заговорили!» — Магрэнь решительно перехватила букет под мышку, схватила Дерек за руку и потащила в библиотеку.

На месте Дерек понял, что весьма недооценил искущённость матёрого парфюмера во всём, что касается цветов. Потому что, конечно, у Магрэнь имелась и та книжка, с которой сверялся он, — и многие другие.

— Так много вариантов! — деланно вздохнула Магрэнь, поглядывая на него хитро и радостно. Мол, что, думаешь, самый умный тут? — Нужно уточнить несколько нюансов... — с предвкушением в голосе протянула она, и по этому предвкушающему тону Дерек догадался, что сейчас она подберёт к его подарку какие-нибудь хитрые и заковыристые толкования.

Чувствуя, как его захватывает совершенно незнакомый ему ранее азарт, Дерек покивал: — Конечно-конечно, уточняй! — и, сев напротив, начал демонстративно разглядывать, как она роется в книгах.

Посмотреть было на что, потому что Магрэнь, ничуть не смущённая его повышенным вниманием, демонстрировала свои таланты выглядеть изящно и соблазнительно.

Наконец, спустя десять минут такой игры, Магрэнь подначивающим тоном спросила: — Итак, Дерри, готов ли ты услышать, что именно ты мне заявил этим букетом?

По этому её тону Дерек понял, что ей удалось составить свои заметки во что-то коварное. Внутри него яркой радугой заиграло весёлое предвкушение. Он с улыбкой кивнул и сделал приглашающий жест рукой.

— Для начала, — с удовольствием выговорила Магрэнь, — это можно расшифровать как то, что для женщины сильно за тридцать я выгляжу очень даже неплохо, но красота моя весьма сдержанна, — ладонь Дерек встретилась с его лбом, — что, впрочем, не мешает тебе выражать своё восхищение и желание лицезреть эту красоту вновь. Ах да, ты так же жалуешься на мою холодность и сетуешь, что я заставляю тебя тосковать, — Дерек тихо засмеялся. — Но самое интересное, — постучала себя пальчиком по губам Магрэнь, — с учётом значения твоего анжельского имени, так это, пожалуй, то, что в Либерии камелия является символом солнца.

Пораскачивав головой, Дерек вынес вердикт:

— Ну что ж! В целом, для начинающего соблазнителя вполне удачно.

— Начинающего? — скептически выгнула бровь Магрэнь, которая полагала, что для человека, не искусного в таком деле, Дерек действует уж слишком уверенно. Наивный одуванчик, которым он зачем-то пытается казаться, точно принёс бы собственноручно нарванный на обочине шиповник!

Тот полностью отзеркалил её гримасу и насмешливо переспросил:

— Такая похвала, и из твоих уст! Я могу расценить скепсис в твоём голосе как лесть? Неужто настолько хорош?

Он получал от этого разговора и этой игры дикое удовольствие. С Магрэнь он действительно чувствовал себя взрослым, уверенным в себе мужчиной — и ему бесконечно

нравилось это чувство. Нравилось выступать на равных с женщиной такого уровня, нравилось удивлять её, нравилось видеть, что от разговора с ним она получает не меньше удовольствия, чем он сам.

Печально вздохнув, Магрэнь принялась демонстративно перебирать стебли камелий, после чего отметила:

— Не припомню, чтобы хоть кто-то руководствовался при выборе цветов моими профессиональными интересами.

Честно говоря, ей даже в голову раньше не приходила мысль, что ей могут подарить цветы не как обязательный атрибут типичных ухаживаний, а как сырьё для её парфюмерных опытов. Она даже на секундочку засомневалась, точно ли ей стоит воспринимать жест Дерекка как ухаживания — уж очень он отличался от того, к чему она привыкла.

Между тем, на лице Дерекка отразилось искреннее недоумение.

— Помилуй Бог, Рэнь! — воскликнул он. — Я всё же не могу поверить, что тебя действительно окружали исключительно одни идиоты!

Магрэнь выразила взглядом и мимикой вопрос.

Дерек раздражённо махнул рукой на полки с книгами:

— Тут даже не нужно быть соблазнителем. В любом — абсолютном любом из тех, что мне попадались! — учебнике по этикету в разделе, посвящённом ухаживаниям, написано, что подарок даме следует выбирать с учётом её интересов.

Магрэнь выглядела слегка обескураженной. Потом в глазах её мелькнули смешинки и она, наклонившись, доверительным шёпотом поинтересовалась:

— Хочешь знать, что мне дарят чаще всего?

Поглядев на её ироничное лицо, Дерек, не поверив мелькнувшей в его голове очевидной догадке, ужаснулся:

— Только не говори, что!..

Она весело рассмеялась и кивнула:

— Да! Духи, Дерри! — он тоже не удержался от смеха. — Все они дарят мне духи!

— Хорошие хоть?.. — сквозь смех выдавил Дерек, гадая, что за редкостным идиотом нужно быть, чтобы подарить готовый стандартный аромат женщине, которая способна в своей лаборатории смешать на свой вкус всё, что ей угодно.

— Хорошие? — вопрос этот вызвал у Магрэнь новый приступ веселья, и, с трудом сдерживая смех, она всё же ответила: — Я тебе так скажу... большая часть из них бывает куплена в одной из моих лавок, так что да, хорошие.

— Нет! — в весёлом ужасе замотал головой Дерек. — Они правда?..

— Да, — со смешинками в голосе кивнула она.

— Это ужасно, — спрятал лицо в ладонях он, что вызывало у Магрэнь очередной смешок.

Когда приступ немного истеричного веселья, наконец, их оставил, Дерек изобразил лицом самый философский вид и отметил:

— Что ж, вот так и узнаёшь, что для того, чтобы стать успешным соблазнителем, достаточно просто быть внимательным.

Магрэнь ответила ему задумчивым взглядом, в котором исследовательский интерес мешался с какой-то досадой. Дерек в ответ вопросительно приподнял брови. Она, не желая высказывать свои мысли прямо, неопределённо повела плечом. Он наклонил голову набок и хмыкнул: мол, ты можешь, конечно, промолчать, но это будет скучнее, чем говорить. Она

скорчила гримаску, признавая этот невысказанный аргумент, затем отметила:

— Гадаю, что подарить тебе в ответ, чтобы подтвердить мою славу опытной соблазнительницы.

Он сочувственно покивал и с благородной грустью в голосе согласился:

— Да, тебе придётся непросто, — и на вопрос в её взгляде ответил: — Ты совсем меня не знаешь, Рэнни.

Она прищурилась с азартом и предвкушением, чувствуя в этом вызов:

— Посмотрим, — пообещала она.

...Ей потребовалось несколько дней, но она вполне справилась и лично принесла подарок на квартиру Дереку.

— Это же... — с удивлением выдохнул он, трепетно перелистывая страницы тяжёлого тома.

— Священное Писание, да, — со смешком согласилась она. — На анжельском.

Лицо Дерекы выражало совершенно беспомощный восторг.

Он не читал эту книгу с юности — в Нью-Йорке она была запрещена, все экземпляры сжигались. В Анджелии, если поставить себе такую цель, то, конечно, можно было и найти, хоть и не без труда, и, скорее всего, на нийском или райанском. По совести сказать, Дерек и не подозревал, что существует анжельский перевод.

— Впервые вижу, — с благоговением в голосе отметил он, — чтобы Писание использовали как способ соблазнения.

— О! — беспечно отозвалась Магрэнь, усаживаясь на стол и покачивая ногой в воздухе. — Просто я — мастер!

— В самом деле, — совершенно серьёзно согласился он.

Впрочем, к её досаде, он так и не заметил, как красиво её ножка мелькает в вырезе платья — его внимание было полностью обращено к страницам книги.

Тихонько вздохнув, она посетовала внутри своей головы, что снова всё идёт не по её сценарию, и быстренько переключилась, попросив:

— Почитаешь мне?..

— Что? — он растерянно поднял было голову, но по взгляду его стало ясно, что он в упор ничего не видит и пребывает мыслями не здесь. — А, да, конечно, — наконец, осознал он суть вопроса и, не глядя усевшись на другой край стола, принялся вдохновенно читать прямо с того места, за которое теперь зацепился его взгляд.

Спустя пять минут она с ещё большей досадой осознала, что не столько слушает, сколько вслушивается в выразительный глубокий голос, в котором дрожали восторг и благоговение.

«Кто тут ещё мастер по использованию Писания как метода соблазнения», — фыркнула про себя она, в глубине души признавая, что получает от этого странного соперничества неизмеримое удовольствие.

4. Как сделать научную карьеру?

— Цветы? — глупо переспросил Илмарт, выслушивая горячившегося Дерекка, который, заявившись к нему в университет, теперь рассказывал о своей гениальной идее.

Ему, видите ли, потребовалась большая карта мира, на которой будут в миниатюре изображены основные цветы, распространённые в разных областях.

— Если бы я был Тогнаром, — складывая мускулистые руки на груди, флегматично отметил Илмарт, — я бы спросил, в каком месте я похож на человека, который будет рисовать цветы.

Он хотел добавить что-то ещё — конечно же, категорично отказаться, — но Дерек рассмеялся так заразительно, что Илмарт и сам невольно улыбнулся.

— Ну! — наконец, махнув рукой, внёс коррективы в свой план Дерек. — Давай ты нарисуешь карту, оставив промежутки для цветов, а я попрошу собственно цветы нарисовать кого-нибудь другого?

Илмарт медленно моргнул.

В такой формулировке предложение его почти устраивало. Не считая всего одного, но принципиально важного нюанса.

— Дер... — с некоторым сочувствием в голосе решил он озвучить это препятствие. — Не хочу тебя огорчать, но я попросту не знаю, где какие цветы распространены.

Вопреки его опасениям, тот ничуть не огорчился, а вместо того вытащил из-за пазухи стопку исписанных листков и бегло объяснил:

— Да я уже всё наметил!

Листки бодрым вихрем были сброшены на стол, и Илмарт, действительно, обнаружил, что Дерек уже успел проанализировать, какие цветы и на какие области каких стран нужно нанести.

— Ничего себе! — присвистнув, принялся он перебирать записи, затем спросил: — Это ты сам собрал?

— Да ерунда! — отмахнулся Дерек. — Всего-то пару справочников полистал.

Илмарт хмыкнул и пояснил:

— Я думаю, наши ботаники тоже от такой не отказались бы.

Дерек беспечно улыбнулся:

— Ну, значит, нужно сразу в двух экземплярах делать!

...заинтересовались не только ботаники, но и зоологи, геологи, религиоведы и... в общем, Дерек даже не представлял себе до этого, сколько же в Кармидерском университете направлений.

Неожиданно для себя, он заделался вдруг здесь авторитетной личностью, которую все знали в лицо. Его подстерегали в самом университете, его отлавливали на улицах города, его упрашивали, за ним таскались со стопками справочников... Учитывая, что сессия постепенно подошла к концу, преследования эти стали вконец невыносимы — у педагогов образовалась уйма свободного времени, которое они тратили на отлавливание Дерекка.

Профессор Линар узнал об этих затруднениях почти случайно — когда обмолвился, что не отказался бы от карты минералов и нарвался на бурную негативную реакцию. С минуту понаблюдав раздражённого Дерекка, который яростно жаловался на заваленное справочниками крыльцо своего дома (преподаватели додумались оставлять книги на

крыльце, в расчёте на то, что у Дерекса духа не хватит их там оставить и, во всяком случае, он примет их в работу), профессор заявил, что этот хаос требуется возглавить — и потащил Дерекса в университет, на очную встречу с ректором.

Ректор, который был уже в курсе ситуации и втихомолку мечтал о карте, на которой будут отмечены все учебные заведения Анджелии, засуетился и незамедлительно оформил господина Дерекса Анодара как внештатного научного сотрудника при кафедре географии. Ошеломленный Дерекс со свеженаписанной ксивой в руках был незамедлительно водворён в кабинет при архиве, а бойкий секретарь ректора уже принялся составлять список — в какой, мол, очередности подбирать материал для карт.

Узнавший вечером о карьерном взлёте Дерекса в мире науки Райтэн лишь удивлённо присвистнул и сказал:

— Ну, хвала Великому Пламени, теперь хоть отстанут!

Не имея возможности добраться непосредственно до Дерекса, ушлые учёные осаждали иногда и Райтэна, за что и бывали безжалостно поливаемы потоками отборнейшей брани.

Сработало со всеми, кроме филолога. Тот, восхищённо подскочив, жестом фокусника извлёк почти прямо из воздуха блокнот и карандаш и начал лихорадочно записывать, возбуждённо уточняя:

— Это в Аньтэ так говорят?.. а вон там всегда гласная проглатывается?.. а что ещё за?..

В общем, филолога Райтэн возненавидел искренне и незамутнённо. Бить старичка, конечно, было недопустимо, на дуэль тоже не вызовешь, а на всякое слово у него находилось десять вопросов! Райтэн сдался на том месте, где филолог на его фирменную, приправленную отборным ядом фразочку ошеломлённо распахнул глаза и с благоговением выдохнул:

— Великое ты моё Пламя! Интонационная конструкция номер шестнадцать! Так вот как звучит эта легенда! — и взглянул на Райтэна так, словно тот был спустившимся на землю божеством.

В итоге старичок-филолог отвязался только после того, как Райтэн пообещал осенью явиться на лекцию и продемонстрировать владение этой интонационной конструкцией студентам.

Так что, так или иначе, все были довольны, что преследования со стороны профессуры университета перешли из хаотичных атак в упорядоченный рабочий процесс.

В кабинете при архиве закипела работа. Дерекс собирал и сортировал материалы — в этом ему охотно помогали заинтересованные учёные. В соответствии с получаемыми от этой команды указаниями Илмарт рисовал карту с пробелами для иллюстраций, которые после заполняла Руби.

Хотя сессия уже осталась позади, и большинство студентов разъехалось по домам, Руби осталась в Кармидере. Тэнь предполагала, что подруга поступила в университет благодаря махинациям, схожим с тем, что использовала сама Тэнь. По нескольким оговоркам и некоторой нервозности можно было догадаться, что Руби сбежала из дома и опасалась, что отец может догадаться, куда именно она подалась. Они никогда не обсуждали это прямо, но, в конечном итоге, решение Руби остаться на лето здесь не удивило Тэнь — которая, в свою очередь, защитив свою выпускную работу, незамедлительно погрузилась в лабораторные опыты.

В тех редких случаях, когда Дерекс и Руби оставались наедине в своей работе над картами, они начинали вполголоса строить интригу о том, как бы изящно свести Тэнь с

профессором. Заговорщикам было не занимать фантазии, и парочка подверглась серии массивных атак: дошло до того, что однажды Руби заперла их в лаборатории на ночь.

Провал этой операции был самым сокрушительным: пленники даже не заметили своего положения, проработав всю ночь напролёт, и с утра очень удивились, когда их явились вызволять. И даже выставили спасателей с большим раздражением: интересующая их реакция должна была длиться ещё час.

Как ни искусна была в интригах подобного рода Руби и как ни хорош был Дерек в своём таланте продумывать и организовывать тонкие операции — в этом сводничестве их при любом раскладе ожидал неминуемый провал.

В глазах Тэнь профессор был гением. Молодой учёный — ему стукнуло около тридцати пяти — уже успевший прославиться своими смелыми опытами. На его счету значились многочисленные исследования, открытия, заключения, опыты и разработки. Он был фигурой мирового масштаба и приезжал читать лекции в университетах других стран — и слушали его там не только студенты, но и преподаватели.

Тэнь знала, что никогда и близко не подступит к этой недостижимой высоте. Её ум не был умом учёного; она лишь подхватывала гениальные идеи своего наставника и работала над тем, на что у него не хватало времени. Не считая себя за равную ему, она и не мечтала о любви — вершиной её надежд была работа под его началом.

Что касается самого профессора, то он не видел со своей стороны возможности ухаживать за Тэнь. В его глазах брак между ними стал бы чудовищным мезальянсом. Тэнь происходила из богатой, знатной, знаменитой семьи, не говоря уж об отце-правителе.

У профессора не было ничего, чтобы предложить ей. У него не имелось своего дома: он жил в преподавательском общежитии. У него не нашлось бы и минимальных сбережений: всё своё жалование он тратил на реактивы. Он не мог подарить своей избраннице даже времени: его день был забит под завязку, он редко спал дольше шести часов в сутки и зачастую пренебрегал обедом, чтобы сэкономить минуты на более важные занятия.

Вся жизнь профессора принадлежала науке: как он считал, ему было просто нечего предложить женщине.

Вершиной его надежд было наблюдать за её успехами.

Они, определённо, любили друг друга — глубоко и трепетно — и со стороны это было очевидно, хотя в общении своём они придерживались формальной манеры.

Она видела в его отношении лишь доброту наставника по отношению к усердному ученику.

Он видел в её чувствах лишь восхищение студентки перед учёным.

Втайне она мечтала когда-нибудь поцеловать его руки.

В глубине своего сердца он ничего иного не желал, как обнять её.

Это было удивительно глупо; настолько глупо, что ни Дереку, ни Руби не приходило в голову, в чём суть того обстоятельства, которое разрушает все их коварные замыслы и интриги.

Они оба раздражались, придумывали всё новые планы — и снова проваливались.

В конце концов, именно Дерек предложил поставить на кампанию крест:

— Даже если мы их напоим и заперём в спальне, Руби, — мрачно заключил он, — они просто будут всю ночь увлечённо обсуждать влияние C_2H_5OH на головной мозг, а утром, чего доброго, ещё и напишут на эту тему статью.

Вздохнув, Руби признала, что он прав.

5. Как разговаривать без слов?

Это лето выдалось для Дерекса весьма неожиданным.

Он никак не мог предугадать, что с коммерческой дороги так внезапно свернёт на научную, но работать с систематизацией информации ему нравилось гораздо больше, чем управлять карьерой. В университете была прекрасная библиотека, и он повадился торчать там всё свободное время. Кроме того, он быстро и легко — как и всегда это с ним бывало — сошёлся с оставшимися при университете педагогами. Учитывая, что все они принадлежали к разным отраслям науки, было жарявившие мозги Дерекса заработали с новой силой, стараясь угнаться за всем. Он видел вокруг себя уйму людей, которые были умнее его, и ему хотелось теперь знать всё то, что знают они, и он с трудом принуждал себя сосредоточиться на каких-то конкретных задачах, а не расплыться в пустоту.

Другой неожиданностью стала Магрэнь.

С личной жизнью у Дерекса катастрофически не сложилось. В юности ему нравилась одна девушка, но она была младше его, и их отношения так и не успели толком завязаться, как грянул тот налёт марианских пиратов. Позже, на службе у Грэхарда, у Дерекса не оставалось времени на то, чтобы с кем-то познакомиться и сойтись — а Дерекс был не из тех людей, кто мог бы вступить в отношения без глубокой эмоциональной близости.

Потом с ним случилась Эсна; случилась так ярко, нежданно и глубоко, что, ему думалось, он никогда не сможет быть с другой женщиной.

Чувство к Эсне никуда не делось; но семь лет Дерекс жил, развивался и рос, а его чувство к ней — оставалось неизменным. И теперь он просто стал больше этого чувства, перерос его, и в сердце его появилось место для новой привязанности.

Он, должно быть, не был влюблён в Магрэнь, — но она интересовала его, цепляла за живое, и, чего уж тут греха таить, волновала и возбуждала. Чувства его, впрочем, не сводились и к банальному вожделению: ему глубоко нравилось само взаимодействие с ней, их беседы, тонкая игра, выстраиваемая интрига. Было логично, что однажды это взаимодействие перейдёт в постельную плоскость; но постель не была самоцелью, а виделась лишь как очередная ступень в развитии игры-противостояния.

И Дерекс, и Магрэнь — оба они отчётливо понимали, что станут любовниками. И каждый совершенно точно знал, что и второму эту известно. Однако оба они не спешили на этом пути, и, пожалуй, даже оттягивали момент, когда их отношения перейдут на новый уровень — им слишком нравилось играть друг с другом, и обоим хотелось максимально продлить это чувство предвкушения.

Магрэнь была мастерицей игр такого сорта, но впервые столкнулась с партнёром, который делал процесс настолько интересным. Ей встречались мужчины и умнее Дерекса, и сильнее его характером, но у Дерекса была удивительная, невиданная ею раньше способность играть не играя. Он был прост и искренен, отвергал любую фальшь и отказывался от малейшего притворства; но он умел как-то так подать правду, чтобы сама эта правда и становилась частью игры и интриги. Магрэнь совершенно не понимала, как он это делает. Ей казалось, что она знает правила этой игры наизусть: когда промолчать — и когда польстить, когда приукрасить — и когда ускользнуть, когда подстроить — и когда пойматься.

Но Дерек не играл по этим правилам. И из желания играть с ним ей приходилось принимать его правила — и это было для неё ново, волнующе и странно. Она могла поклясться, что один разговор с ним доставляет ей больше удовольствия, чем ночь с опытным любовником, — и это был, вопреки её искущённости, определённо, её первый опыт такого рода.

Если бы Дерек пытался выстраивать отношения нарочно, то он бы, должно быть, всё безнадежно испортил. Но он не пытался чего-то делать нарочно — в это лето он жил и дышал чистым вдохновением, искренне наслаждаясь общением с Магрэнь и вкладывая в него всё то вдохновение, которым был так полон.

Они разыгрывали эти отношения как шахматную партию, чередуя ходы. Приходили друг к другу по очереди с какой-то новой инициативой, сперва раз в неделю — в выходной — потом, постепенно сокращая дни ожидания, два раза в неделю, наконец, через день, уже даже и без предложения — просто с приглашением побродить по городу или посидеть на скамейке в парке.

К концу лета дошло до того, что они стали видеться ежедневно. Напряжение между ними, казалось, можно было пощупать руками.

Обоих это неизмеримо веселило. Встречаясь этими весёлыми, искрящимися взглядами, они знали наверняка, о чём они оба думают, и эти безмолвные переглядки волновали их больше, чем самые откровенные разговоры.

Однажды вечером они сидели на квартирке Дерек и дискутировали о разведении коров в окрестностях Кармидера и способах их защиты от волков. Вспомнить, с чего бы они пришли к этой странной теме было теперь, решительно, невозможно, но оба очень увлеклись беседой.

Парило; собиралась гроза — именно поэтому они и отказались от задуманной прогулки — и было душно и томно, как всегда бывает перед грозой. Дерек настежь распахнул окно, но это не сильно спасало — ветра совсем не было.

— Почему-то именно к концу лета жара становится особенно невыносимой! — жаловалась Магрэнь, обмахиваясь плотным деревянным веером с изящной резьбой.

Веер был её неизменным летним аксессуаром и необыкновенно ей шёл. С его помощью она умела как подчеркнуть свои тонкие и изящные запястья, так и привлечь внимание к глазам — не говоря уж о талантливом использовании выбившихся из причёски прядей, которые элегантно струились под умело посланной на них волной воздуха.

Дерек откровенно любовался и посмеивался — в Кармидере никогда не бывало так жарко, как это привычно было для ньонской Цитадели, и местный климат нравился ему куда как больше.

Тем не менее, он охотно подхватил тему:

— Да, душновато сегодня, — и демонстративно медленно расстегнул пару пуговиц на рубашке.

Его действия сопровождалось одобрительным и подначивающим взглядом Магрэнь.

— В ход пошёл манящий торс? — мило улыбнулась она, выгибая бровку.

Дерек выразительным взглядом окинул её платье из мягкого муслина — лёгкое, белое с неяркими цветами, на запахе, скреплённое лишь широким кирпичного цвета поясом, — такие платья, определённо, шьют для того, чтобы они в нужный момент изящно сползали с плеч.

— Тут ещё вопрос, у кого вид более манящий! — парировал он, поскольку платье вполне справлялось со своей задачей и отчаянно дразнило мужское воображение той лёгкостью, с какой от него можно было бы избавиться.

Магрэнь замялась и вместо ответной кокетливой реплики выдала таинственную соблазнительную улыбку, какую она изображала всякий раз, когда не находила слов.

Игровое настроение враз её покинуло: она вспомнила о том, что считала самым критичным недостатком в своей внешности — о плоской фигуре.

В юности Магрэнь переживала из-за этого ужасно. И если узкие бёдра, на её вкус, ещё можно было как-то стерпеть, то почти отсутствующая грудь казалась ей настоящей катастрофой. Она отчаянно завидовала своим более удачливым знакомым, пыталась с помощью одежды всячески сымитировать наличие у себя приятных округлостей и тайком ревела по ночам, переживая из-за собственной женской ущербности.

С возрастом характер её стал сильнее, и она обозлилась на саму себя, что так унижительно переживает из-за такой ерунды. Внутри себя она поклялась, что научится быть соблазнительной женщиной вопреки всему — и вполне сдержала это данное самой себе слово.

Магрэнь отличалась глубоким и живым умом, и быстро научилась понимать, что и как привлекает мужское внимание, каким образом можно зажечь мужское воображение и как заставить мужчину потерять голову — с помощью всего пары жестов, взглядов и выразительной улыбки.

Она особенно любила бывать в обществе, куда легко вошла благодаря своему уму, и не пропускала никаких крупных балов и приёмов, с особым типом едкого злорадства раз за разом замечая, что ни одна пышногрудая красотка не способна удержать мужское внимание при себе, если в зал входила Магрэнь. Ей удавалась приковывать к себе все взгляды, очаровывать и волновать.

Женщина Кармидера дружно её ненавидели; её это не беспокоило, поскольку она всегда предпочитала мужское общество.

Через лет, наполненных победами над мужчинами, заставила её забыть о своём недостатке. Она уже не чувствовала себя ущербной или неправильной, вполне убедившись на практике, что любая женщина может стать желанной и соблазнительной, и дело не в природных данных, а в умении правильно подать себя.

Однако сегодня — пожалуй, впервые в жизни, — она вдруг испугалась, что её обнажённое тело разочарует ожидания мужчины.

Она сама не могла уловить, с чем связан этот нетипичный для неё страх. Возможно, дело было в том, что Дерек никогда не скупился на комплименты, и делал их как-то просто, словно бы мимоходом, но при этом с таким вниманием к деталям, что Магрэнь невольно упивалась ими, и ей особенно хотелось соответствовать тому, что он говорит о ней.

Ей, конечно, часто делали комплименты, в том числе и весьма изысканные, но у Дерекы это получалось совершенно особенно: он всегда был до конца правдив в том, что говорил, с присущей ему внимательной зоркостью отмечая то, что составляло самую суть Магрэнь, а не те внешние детали, которые обычно цепляли мужчин.

— Какая шляпка! — например, весело смеялся он несколько дней назад. — Специально для ветреного дня?

Она смеялась в ответ; широкие поля её шляпки колыхались на ветру в такт смеху, и естественно, в какой-то момент, подхваченная порывом, шляпка слетела с её головы, и

Дереку пришлось основательно за ней побегать.

Протягивая Магрэнь галантно отряхнутый головной убор, он снова смеялся:

— Клянусь, когда ты её сегодня выбирала, ты наверняка рассчитывала именно на это!

Наверно, по форме это даже и не было собственно комплиментом; но по содержанию это было искреннее, глубокое восхищение ею, — не той картинкой, которую она демонстрировала окружающим, а именно ею самой, — и она чувствовала это, жадно ловила каждый оттенок интонации, растворялась в его восхищении и всем сердцем впитывала его в себя.

Она так стремилась создать идеальную Магрэнь Ринар, чарующую каждого, что совершенно потерялась в этом созданном ею образе. Много лет она не замечала, как глубоко она нуждается в том, чтобы кто-нибудь разглядел и понял её-настоящую; она игнорировала эту потребность быть принятой такой, какая она есть на самом деле, и не осознавала её, пока в её жизни не появился Дерек.

Живой и яркий Дерек, который смотрел вглубь, и там, за очаровательной и тщательно продуманной картинкой видел создательницу этой картинки — и восхищался ею.

Это было настолько упоительно и сладко, что она стала зависима от его восхищения, и теперь ей сделалось страшно, что он совсем даже не будет восхищён, когда увидит её без одежды. Она разозлилась на себя за этот страх и закаменела, пытаясь скрыть от него свои эмоции.

Хотя она вполне справилась с этой задачей, Дерек, тем не менее, почувствовал, что атмосфера непринуждённого флирта разрушена. Он чуть нахмурился, пытаясь понять, что и почему пошло не так, и по какой причине Магрэнь не подхватила волнуемую тему, как делала обычно, а замолчала.

Дерек был умён; проанализировав свою последнюю фразу, он пришёл к правильному выводу. Правда, несколько секунд он потратил на то, чтобы ошеломлённо проморгаться: мысль о том, что Магрэнь может считать себя недостаточно привлекательной, никак не укладывалась в его голове в виду крайней степени абсурдности такого предположения.

Впрочем, он тут же — по старой привычке во всём обвинять в первую очередь себя самого — рассудил, что и сам виноват в том, что довёл её до сомнений такого рода — ведь обратной стороной желания растянуть игру в соблазнение можно было увидеть отсутствие серьёзного желания добиться собственно близости.

— Ох, Рэнни... — огорчаясь на то, что не подумал об этом раньше, пробормотал Дерек, после чего, не тратя больше времени, привлёк её к себе и поцеловал.

У Дерека был редкий и восхитительный талант говорить с помощью поцелуев. Талант совершенно невостребованный в его жизни ранее, к сожалению.

Каким-то удивительным образом Дерек умел поцелуем говорить всё то, что никогда не вышло бы сказать словами; говорить просто, прямо, и так, чтобы непременно быть понятным — и понятным правильно.

Магрэнь первые секунды была слегка ошарашена его почти решительным напором — она почему-то была абсолютно уверена, что их первый поцелуй будет медленным и осторожным. Однако, как только эта первая растерянность прошла, она тут же поняла всё то, что он говорил ей: что она глубоко, неизмеримо желанна, что мысль о ней захватывает все его существо, что потребность овладеть ею совершенно сводит его с ума.

Если бы он вздумал говорить это словами, оно звучало бы жалко и фальшиво; поэтому

он и не говорил словами.

Через минуту оторвавшись друг от друга, они оба постарались собраться с мыслями — не очень успешно, по правде сказать.

Она смотрела на отворот его рубашки, и ей казалось, что всё её тело состоит из бешеного стука сердца, электрических искр и тягучего желания принадлежать ему.

Он, прикрыв глаза, ощущал, как напряжение сводит мышцы во всём теле, стягивая грудь и мешая сделать вдох.

Наконец, подняв на неё потяжелевший взгляд, он заставил себя спросить тоном почти спокойным:

— Продолжаем мучить друг друга дальше — или хватит?

Она нервно сглотнула, не в силах что-то ответить, потому что сердце её колошматилось совершенно сумасшедшим образом.

Она много раз побеждала в этой игре, вовремя уступая мужчине и укрепляя в нём чувство, что это он победил, соблазнил, завоевал, а она, не в силах сопротивляться, пала под его натиском.

Впервые в жизни она столкнулась с тем, что действительно не имеет больше ни сил, ни желания для сопротивления.

Ей сделалось страшно от охватившего её чувства мучительной беспомощности перед Дерекком — и это же чувство незамедлительно отозвалось столь же мучительной потребностью сдаться, отдаться, покориться полностью и бескомпромиссно.

Она опустила взгляд на его воротник, попыталась совладать с дыханием, не преуспела, подняла на него глаза, и с чувством, будто делает шаг в пропасть, призналась:

— По правде сказать, не уверена, что я способна вытерпеть ещё хоть минуту.

С глубоко потрясшей её искренностью в голосе он неожиданно воскликнул:

— Ну, слава Богу! — и, наклонясь к её уху, признался: — По правде сказать, я уже опасался, что опущусь до того, что банально зажму тебя в углу.

Она рассмеялась искренне, живо и безудержно — от охватившего её чувства искрящегося солнечного счастья — он рассмеялся тоже, и в следующую секунду они оба узнали, что можно целоваться смеясь, и что это совершенно удивительное, волнующее и щекочущее чувство.

...конечно, оба они ожидали, что, оттягивая момент близости, они тем усилят удовольствие от него, — но реальность, определённо, превзошла все их ожидания.

6. Куда задувают ньонские ветра?

Если бы ректора спросили, что значит управлять Кармидерским университетом, он бы привёл красочную и совершенно сюрреалистическую аналогию.

Он бы сказал, что чувствует себя волшебником, у которого есть огромный-преогромный котёл, в котором варится могучее-премогучее экспериментальное зелье. И в совершенно непредсказуемом порядке это зелье материализует крайне разнообразные объекты, которые ему, волшебнику, надо из этого варева вылавливать шумовкой и пристраивать к делу. И если порой он таким образом достаёт что-то вполне понятное и простое — добротную пару сапог, например, или горшок с цветком, — то зачастую даже просто идентифицировать добычу оказывается непросто. Или же добыча эта может оказаться розовым слоном в зелёных бородавках. Которого тоже нужно куда-то пристроить.

И, как будто бы было мало этой беды, от волшебника ещё требуется постоянно подсыпать в своё зелье какие-то ингредиенты! И добро, если это что-то тоже вполне логичное и понятное — например, отвар лекарственной травы или крысиный хвост. Но иногда у бедолаги-волшебника на руках оказывается только рваная перчатка или вообще какой-нибудь яд. А никуда не денешься, нужно кидать!

Котлом в этой аналогии выступал сам университет, зельем — учебный процесс, ингредиентами — люди, учебные пособия и материалы, а странными всплывающими наружу объектами — результаты и последствия учебной деятельности.

Всё было бы логично и хорошо, если бы можно было просто взять приятного во всех отношениях юношу, определить его заниматься химией и получить через несколько лет отличного фармацевта.

Но за всю свою многолетнюю педагогическую и управленческую практику ректор сталкивался с такими простыми случаями лишь пару раз.

В большинстве же ситуаций все получалось непойми-как. Вместо приятного во всех отношениях юноши можно было получить пристроенного богатым спонсором невротика, который на химическом направлении, чего доброго, взорвёт весь университет, поэтому отводить его приходилось, скажем, на математика, а на выходе получать вообще архитектора, который, к тому же, выстроит в качестве выпускного проекта тюремную башню, из которой узники не смогли бы сбежать, а через полгода окажется, что сбежать-то они не могут, а вотдохнут там — пачками, а виноват, естественно, университет...

Задачей ректора было хватать, что дают, пристраивать, где не опасно, выхватывать всё, что получается, и определять туда, где пригодится.

Справлялся он с этим, к вящей славе Кармидерского университета, великолепно.

Поэтому, когда ему в руки попал Дерек — прекрасный, энергичный, работоспособный Дерек, умело структурирующий информацию в кратчайшие сроки, умеющий грамотно разрешить противоречия разных источников и синтезировать разрозненные факты в одну таблицу, — ректор отчаянно вцепился в него обеими руками.

Конечно, в университете хватало своих аналитиков.

Беда была в том, что они сплошь были фанатами своей единственно любимой науки, и применяли свои навыки исключительно в рамках этой науки.

Ректор, конечно, пытался выходить из положения так и этак, пристраивая то одних, то других — но всё это были лишь попытки варить кашу в сапоге.

Дерек же произвёл на ректора самое прекрасное впечатление широтой своего кругозора и готовностью работать с разными источниками. Такой человек был находкой... но вот как бы его не спугнуть?

Вздыхая в своём кабинете, ректор продумывал коварные планы о том, как заманить Дереку на постоянную работу в университете. Предложить ему это прямо в лоб ему казалось не самой блестящей идеей — он, конечно, был в курсе, что господин Анодар принимает деятельное участие в проектах господина Тогнара; а ссориться с господином Тогнаром, откровенно переманив у него ценного человека, было не с руки. С другой стороны, за Райтэном не ходила следом слава человека жёсткого, преследующего обидчиков страшной мезтью или хотя бы мелкими неприятностями. Поэтому — думал ректор — если переманить мягко и осторожно, так, чтобы это было, стало быть, естественным желанием самого господина Анодара, то, возможно...

У ректора было, чем приманивать.

Из своего волшебного котла он извлёк уже достаточно розовых слонов, которых некуда было пристроить, и хоть один такой слон да должен был заинтересовать талантливого аналитика!

Порассуждав сам в себе несколько дней, ректор попробовал закинуть удочку со стороны своего проекта с женским образованием. Он слышал, будто бы госпожа Тогнар говорила, что-де именно господин Анодар принимал деятельное участие в устройстве её судьбы; его дружба с самой Тэнь и с Руби эту версию подтверждали, из чего можно было сделать вывод, что тема женского обучения ему не чужда.

У ректора как раз было дело по этой части. В этом году выпустились первые принятые в университет дамы — вместе с Тэнь их оказался целый десяток! В столицу требовалось составить отчёт о проекте — с чем, впрочем, ректор вполне справился и сам. Но делом были заинтересованы и другие университеты, куда требовалось составить не сухой отчёт, а более подробную справку о том, как проходит обучение дам на одном потоке с мужчинами, какие в этом деле возникают трудности и нюансы, какие советы Кармидерский университет может дать тем, кто пойдёт по его стопам. Представители университетов Райанци и Ниии даже приехали полюбоваться на выпуск и лично позжать руки отважным дамам, решившимся стать первопроходцами в этом деле. Это, впрочем, было вполне ожидаемо. Но кто удивил ректора по-настоящему, так это Ньон! Присланный ими представитель — коренной анжелец Милдар — проявил живой интерес ко всем нюансам и даже был готов профинансировать оформление наблюдений в полноценный проект — мол, супруга повелителя Ньона крайне заинтересована этим вопросом и лично поручила ему войти во все мелочи и доложить по возвращении всё максимально подробно.

Господин Милдар оказался занудным даже по анжельским меркам, и ректор посчитал, что было бы неплохо свалить эту головную боль на кого-то другого.

Так и получилось, что несколько дней спустя в кабинете ректора произошло официальное представление ньонского легата Милдара и внештатного научного сотрудника Анодара.

Представляемые стороны были весьма ошеломлены такой встречей, но провели её на высшем уровне.

— Чрезвычайно приятно, — пожимая руку Дереку, потряс в своей манере головой заметно постаревший Милдар.

Седина, впрочем, ему весьма шла, и было даже странно понимать, что когда-то он был не седым — настолько это подходило к его манере щуриться и смотреть расфокусированным взглядом куда-то в дебри своих заоблачных проектов.

— Мне тоже, — заверил Дерек, пытаюсь справиться с шоком.

Он считал Милдара если не другом, то, по крайней мере, хорошим приятелем, и, конечно, не опасался, что тот мог сдать его Грэхарду. Однако он был весьма ошеломлён неожиданной встречей и чувствовал себя теперь крайне неловко от того, что ему и в голову не пришло связаться с Милдаром через Этрэна и передать весточку, что он жив и с ним всё в порядке. Теперь же он чувствовал себя виноватым, потому что радость в глазах Милдара явно была искренней и глубокой.

Довольный удачно провернутой комбинацией ректор вежливо вытолкал их работать.

— А! — несколько досадливо произнёс на ходу Милдар. — Чтоб Дранкара ледяные демоны заломали! — и явно процитировал: — «Ветра с ньонских скал порою улетают так далеко, что теряются в анжельских степях!» Вот шельма!

Дерек рассмеялся, затем чопорно отметил:

— Неужто ньонские ветра так простужают уши, что ты разучился слышать анжельские песни?

Милдар встал как вкопанный, сфокусировал взгляд на Дереке, потом потряс головой — словно бы вытрясал эти слова из своих ушей — и с прежней досадой отметил:

— Нет, я понимаю Дранкара — он снюхался с Тогнармом, а там нет вариантов! Кто мастер говорить о погоде, тот мастер! Но ты?! — патетично воскликнул он, явно не ожидая найти в собеседнике такую склонность к метафорам.

Лукаво ухмыльнувшись, Дерек отметил:

— Просто и меня не минула участь заразиться тогнармовским красноречием.

В общем, в тот день у них вместо работы получилась попойка. Дерек рассказывал о своих анжельских похождениях, Милдар — сплетничал о старых общих знакомых.

Когда бутылка прекрасного ньонского коньяка стала походять к концу, Дерек вдруг спросил:

— А что там Грэхард?

— Да что с ним станется? — дёрнул плечом Милдар. — Параноит!

— Ну, это не ново, — отмахнулся Дерек.

Прищурившись, Милдар припомнил интересные подробности:

— На яхте ходить научился.

— Грэхард?! На яхте?! — не поверил Дерек, который слабо представлял себе ньонского владыку, проводящего досуг таким образом.

— Да вот, почитай, — уточнил Милдар, — сразу после твоего отъезда и начал.

Дерек вздохнул.

— Расскажи ещё, — попросил он, подливая собутыльнику остатки коньяка.

Тот покрутил бокал и с отрешённо-расфокусированным взглядом скорее утвердил, чем спросил:

— Скучаешь?

Дерек неопределённо повёл плечом и досадливо поморщился, имея этим в виду согласие.

— Зря! — пьяно икнул Милдар и мотивировал: — Он самодур.

— Какой есть, — безразличным тоном парировал Дерек.

Сердце у него досадливо ныло.

— Простывает по осени, да? — безнадежно уточнил он.

— Естественно, — допивая коньяк, подтвердил Милдар, а потом вдруг заоткровенничал: — У него теперь на твоём месте пять секретарей.

Невольно Дерек прыснул от смеха.

— Пять? Серьёзно? — он подумал, что, должно быть, это какие-то бестолковые люди, раз их требуется так много. — И как справляются? — с живым любопытством поинтересовался он.

— Паршиво! — рассмеялся Милдар и добавил: — Боятся его до тряски в поджилках.

— Немудрено, — серьёзно кивнул Дерек, вставая и подходя к окну.

Милдар некоторое время смотрел на его спину, затем утешающим тоном сказал:

— Иногда, чтобы жить дальше, приходится отрезать прошлое.

Резко повернувшись к нему, Дерек сложил руки на груди и почти зло переспросил:

— Даже если отрезать приходится живого человека?

Милдар встал. Заложив руки за спину, пораскачивался с пятки на носок, покачивая головой. Потом спросил:

— Жалеешь?

— Что? — искренне удивился Дерек.

Суровое лицо его разгладилось, став попросту удивлённым. Размокнув руки, он в совершенно прежней своей растерянно-мальчишечьей манере взлохматил волосы и веско заключил:

— Это моя страна, мой язык и моя жизнь. — Затем улыбнулся: — И здесь мой брат. — Задумался и прибавил: — К нему бы я сбежал и от трёх тысяч грэхардов.

— Упаси Великое Пламя! — искренне рассмеялся Милдар, вытирая слезинки смеха с ресниц. — Нам и одного хватит!

— Пожалуй, так, — смущённо подтвердил Дерек.

Об Эсне он спросить так и не решился.

7. Когда начинается рабство?

Об Эсне Милдар позже говорил сам — часто, охотно, с отцовской какой-то гордостью и любовью. Он говорил — и из звуков его речи словно светились солнечные лучи. Дерек, чуть прикрыв глаза, вслушивался в немного дребезжащий голос старого друга, и ему отчего-то казалось, что Эсна, улыбаясь, стоит прямо за их спинами, что он почти слышит за словами шелест её платья и лёгкие шаги, что по стенам вот-вот заскользят солнечные зайчики — лучики, отражённые заколками её волос или серёжками.

Милдар приехал в Кармидер по её поручению: собрать информацию о женщинах-выпускницах и подготовить проект по ним так, чтобы он сумел убедить Грэхарда в целесообразности женского образования. Дерек включился в работу горячо и бурно; прекрасно зная своего бывшего господина, он выстраивал систему аргументов так, чтобы они показались ему наиболее убедительными, оставлял часть выводов за кадром — твёрдо зная, что он додумает их сам, и оттого в его глазах они приобретут особую ценность, — и напирал на те доводы, которые владыка сумел бы позже использовать для укрепления своей политической позиции, как в Ньоне, так и среди соседних государств.

Он работал для Эсны, но словно бы говорил с Грэхардом; и в один момент поймал себя на том, что продумывает, что и как будет говорить, когда Грэхард, получив эти бумаги, начнёт спор — а он был неизбежно уверен, что спор такой начнётся, и мог предсказать его ход, и именно поэтому в голове его привычно стало складываться, что и каким образом сделать и сказать, чтобы...

Дерек тряхнул головой, отгоняя наваждение. Сжал перо в руке так, что чуть не сломал. Оглянулся.

Привычная аудитория Кармидерского университета, учебные пособия с анжельскими заголовками на стенах, анжельские книги на подоконнике, на неотмытой грифельной доске — остатки анжельских букв. Милдар, нацепив на нос очки, щурится и аккуратно переписывает сделанные Дерекон заметки, попутно переводя их с анжельского на ньонский — почерк Дерека во дворце владыки знали прекрасно, вне зависимости от того, на каком языке он писал.

«Что меня всё так тянет в этот проклятый Ньон!» — с досадой подумал Дерек по-анжельски, откладывая перо.

Бумаги на его столе дрогнули под лёгким порывом ветра, пробившимся в чуть открытое окно.

«Ну, давай, ты только представь себе! — подначил сам себя Дерек. — Представь-представь! Что он, положим, не убьёт тебя, и станет как прежде!»

Как прежде ему представилось очень даже ярко и выразительно — беготня по столице, душные заседания совета по утрам, угрюмая каменная физиономия Грэхарда, тонны бумаг, постоянные форс-мажоры, приказы, поручения, интриги... Он вздрогнул от гадкого противного чувства, представив себе всё это, — особенно тeneвую сторону жизни вблизи власти, ту сторону, которая была наполнена приказами, отчётливо идущими против совести Дерека. Он не раз предавал и самого себя, и свою совесть — ради Грэхарда — и теперь всё пытался понять: почему?

Не что чтобы у него ранее не представлялось возможности сбежать.

Он мог сбежать почти с самого начала.

Раньше бы он сказал, что не сделал этого, потому что не мог предать Грэхарда.

Теперь же он впервые задался вопросом: с чего он вообще взял, что это было бы предательством? Что обязало его быть верным Грэхарду, кроме, собственно, того, что Грэхард купил его и не был с ним жесток?

Конечно, Дерек теперь уже не мог вспомнить себя пятнадцатилетнего, потерявшего близких, избитого, голодного, отчаянно боявшегося насилия и боли, — там и тогда Грэхард явился как спаситель, который вытащил его в жизнь, где не бьют, где кормят, где тепло и сухо. Дереку тогда было решительно нечем отплатить, вот он и отдал Грэхарду всё своё служение — единственное, что он мог ещё отдать.

Теперь Дереку было тридцать семь; и он, решительно, не помнил, что и почему пугало его в пятнадцать, о чём он думал и как чувствовал.

Он аккуратно закончил задуманную на сегодня работу, попрощался с Милдаром и медленно отправился к Тогнарам.

Он рассказывал Райтэну, что работает над проектом для Ньюна, но не говорил, что был знаком с Милдаром, потому что предвидел, что Райтэн, не будучи знакомым с Милдаром и не зная, что это за человек, испугается, что тот выдаст Дерек Грэхарду, и, сколько бы Дерек ни уверял, не меньше года будет нервничать и паранойить, ожидая наёмных убийц или других неприятных сюрпризов.

Райтэн обнаружился в кабинете, хмуро рассматривающий карту Кармидера с таким видом, словно она виновата во всех земных несчастьях.

— По какому случаю траур? — хмыкнув, попытался прояснить причины мрачного настроения друга Дерек.

Тот недовольно постучал по карте ногтями, поморщился и выдал мысль, которая его волновала уже не первую неделю:

— Ума не приложу, где ещё попробовать найти хорошего управляющего.

— Управляющего? — Дерек присел на край стола, легкомысленно заболтал ногой, взглянул на карту, вытащил из кармана утащенные по дороге яблоки, откатил одно Райтэну и начал грызть другое сам.

Состроив взгляд «у моего собеседника точно имеются ли мозги?», Райтэн всё же яблоко взял и сухо поведал о своих попытках кого-то найти.

Отец, конечно, вызвался помочь с карьерой, но не мог работать там вечно — у него были и свои дела — да и новая затея с караваном лёгких судов и речной торговлей требовала больше внимания, чем присмотр из Кармидера. Райтэн уже славно пошлялся по городу в поисках старых знакомых, но беда была в том, что он непременно хотел найти человека с мозгами — а райтэновским критериям наличия у человека мозгов мало кто мог удовлетворить. К тому же, талант договариваться с людьми о чём бы то ни было всё ещё не был ниспослан Райтэну небом, так что его поиски, пусть и были весьма тщательными и методичными, оставались совершенно бесплодными.

Чем больше Райтэн рассказывал о своих затруднениях, тем хуже у Дерек жевалось яблоко.

В последние два месяца он совершенно выпал из всех этих проектов — его полностью занимали университет и Рэнь. Он проводил с нею всё то время, что не занимался

изысканиями, и уходил в работу над картами всегда, когда Рэнь была чем-то занята. Все его мысли и чувства равно поглощали эти две страсти, и он, по правде сказать, совершенно забыл и про подвисший карьер, и про каменный уголь, который должен был вскоре прибыть в Кармидер речным путём, и про необходимость этот речной путь хорошенько освоить и наладить, и... в общем — про всё забыл.

— Рогр. — Оставив на столе недоеденное яблоко, Дерек вскочил на ноги. — Тэн, я... прости, у меня всё из головы вылетело!

— Что вылетело? — нахмурился, вгрызаясь в своё яблоко, Райтэн, не уловив направление мысли.

Дерек, краснея и горячася, принялся лихорадочно оправдываться, объясняя, что из-за всей это университетской возни совершенно позабыл про свои обязательства и...

— Постой, — несколько растеряно оборвал поток его самоуничижительного красноречия Райтэн. — Что ещё за обязательства?

Несмотря на нагромождение эмоциональных объяснений и извинений, он так и не понял, в чём суть проблемы. Райтэну было совершенно невдаём, что, полностью погрузившись в воспоминания о своей ньонской жизни, Дерек невольно перескочил на ту линию поведения, которая была свойственна ему тогда, — и которая так не соответствовала его отношениям с другом!

С грехом пополам — поскольку ему было слишком мучительно стыдно — Дерек всё же растолковал свою позицию.

Райтэн медленно и аккуратно догрыз яблоко. Наклонил голову. Вкрадчиво, но недовольно спросил:

— Дер, ты мозги университету сдал на хранение, что ли?

Заметив по растерянному лицу друга, что с мозгами у него сегодня, и в самом деле, какие-то проблемы, вздохнул, возвёл глаза к потолку и скучающим тоном уточнил:

— Напомни мне, а с каких это пор ты обязан заниматься моими, — выделил он голосом, — проектами?

Дерек удивлённо моргнул и жалко как-то пояснил:

— Ну, я же на тебя работаю?..

Лицо Райтэна совершенно застыло, как всегда бывало, если друг произносил совершенно уж редкостную чушь. Поперебирая в голове два десятка любимых ругательств, он устало потёр лоб рукой и сухо заключил:

— Тебе категорически противопоказано работать с чем бы то ни было ньонским, Дер. У тебя от этого какие-то странные идеи в голове появляются.

Тут Дерек подумал, что на такое неплохо бы и оскорбиться, и сложил руки на груди.

— Ты на меня работал, — Райтэн сделал упор на прошедшем времени, — пять лет назад. С осени 638-го по весну 639-го. Сейчас, как подсказывает мне память, — с отменной извительностью в голосе добил он, — 643-й.

На лице Дерека отразилась растерянность.

С минуту он тупо смотрел на Райтэна, затем до него дошло — и он рассмеялся от смущения и облегчения и рухнул в кресло.

— Ты прав, — со смехом согласился он, — всё ньонское на мне, определённо, дурно сказывается!

Райтэн вздохнул с облегчением и, изобразив улыбку краешками губ, ответил:

— Ну, хвала Великому Пламени! А то я уж испугался... — и не удержался от шпильки:

— Ты там проверь на всякий случай, нет ли у тебя на запястьях моего имени, а то вдруг мы что-то упустили?

— Свят-свят-свят! — отмахнулся Дерек. — Мне твоего имени в паспорте хватает!

— Как интересно! — продолжал изгаляться Райтэн. — И с каких это пор в паспорта заносят данные о работодателях, а?

— Всё, всё! — замахав руками, выскочил из кресла Дерек и прижал руку к сердцу. — Прости своего несчастного безмозглого брата, ибо он не знает, что несёт!

Губы Райтэна заметно дрожали от сдерживаемого смеха.

— Я подумаю, — с королевским видом пообещал он.

Ухмыльнувшись, Дерек отметил:

— Ты мне ещё Годэна забыл припомнить.

Нарисовав на лице выражение истинно священного ужаса, Райтэн не только воскликнул: «Свят-свят-свят!» — но от усердия даже перекрестился.

— Вот! — наставительно поднял палец Дерек. — У меня явный талант обращать даже самых прожжённых атеистов!

— Не дождётесь, — беззлобно огрызнулся Райтэн и со вздохом вернулся к разглядыванию своей карты.

Дерек подошёл ближе, тоже её поразглядывал, почесал бороду и признался:

— Вообще не представляю, где его найти.

— Ну, помолись, что ли, — с хмыканьем предложил Райтэн. — Должна же и от веруное быть своя польза?

— На Бога надейся — а сам не плошай! — наставительно напомнил Дерек.

Махнув рукой на карту, они отправились обедать.

8. Кто такая Рубиэлэнь Михар?

Обед, впрочем, сразу не задался, потому что в гостиной они застали весьма драматичную картину: на диванчике Руби ревела Кайтэнь в плечо, тётушка суежилась с какими-то успокоительными каплями, а поодаль топтались неизменный профессор Линар и почему-то Илмарт.

Поскольку девушки были заняты слезами, профессор слишком нервничал, а тётушка слишком причитала, именно Илмарт и сумел ввести новоприбывших в курс трагедии: оказалось, что Руби таки действительно сбежала из дома, использовала для поступления фальшивые документы, и вот, теперь получила письмо от отца, который наконец нашёл блудную дочь и планирует в ближайшее же время вернуть её на путь истинный.

Собственно, Илмарт как раз присутствовал при первом прочтении этого письма — в кабинете при архиве, где они вместе рисовали карты, — поэтому и поспешил привести Руби к Тогнарам (профессора они встретили по пути и прихватили с собой).

— Но вы же можете что-то сделать, правда? — с надеждой вопрошала у профессора Кайтэнь. — Указать на её талант...

Ей казалось, что он почти всемогущ, и даже вещи совершенно невозможные ему подвластны.

Профессор устало потёр лицо ладонями. В плане ректора, определённо, были свои изъяны, поскольку не всех дам, жаждущих получить образование, поддерживали их отцы или мужья, и, как следствие, попытки поступить в университет в обход их воли бывали достаточно частыми. Ректор, конечно, пытался пробить разрешение обучаться любым женщинам, изъявившим желание и сдавшим вступительные экзамены, но Парламент разумно опасался, что так начнётся массовый исход тех, кто в образовании не заинтересован, зато сбежать из семьи очень даже хочет. Ректор настаивал, что вступительные экзамены вполне решают эту проблему, но дело, однако, застыло и не желало сдвигаться с мёртвой точки — анжельцы, конечно, славились своими прогрессивными взглядами, но к такой степени женской эмансипации пока не были готовы.

— Можно попробовать поговорить с отцом госпожи... — профессор замялся и нахмурился, осознав, что известная ему информация о фамилии студентки больше не актуальна.

— Рубиэлэнь Михар, — убито представилась та.

— Рубиэлэнь? [1] — удивлённо приподнял брови Райтэн, которому имя показалось настолько странным, что он упустил фамилию.

— Михар? — не менее удивлённо переспросил профессор. — Я думал, его дочь старше... — нахмурился он.

— Мне двадцать пять, — призналась Руби.

Тут уж недоуменно переглянулись все присутствующие, потому что выглядела она на семнадцать-восемнадцать лет.

— Ну, с господином Михаром поди договорись, — уныло заключил профессор, усаживаясь в кресло и вытягивая ноги. Ему и правда очень хотелось помочь Руби, но ситуация теперь казалась ему совершенно безнадёжной.

— Но можно же что-то сделать, правда? — ледяной рукой хватаясь за столь же ледяную

ладонь подруги, Кайтэнь перевела умоляющий взгляд теперь уже на Райтэна.

Она привыкла в нём видеть вечного заступника, и теперь надеялась, что он придумает нечто гениальное.

Тот поёжился, передёрнул плечом — он тоже сомневался в возможности договориться с Михаром добром, но ему очень хотелось выручить сестру, — и предложил единственную пришедшую ему в голову альтернативу:

— Можно попробовать в Райанский перевести, или в Нийский. Раз они заинтересованы нашим проектом по обучению женщин — пусть и подключаются! Вы знаете языки? — уточнил он у Руби.

— Райанский знаю, — тихо ответила она.

Дерек с Илмартом переглянулись и дружно полезли в один из шкафов за картой: просчитывать возможные пути отхода в Райанци. Заметив, чем именно они заняты, Райтэн присоединился, тихо внося важные коррективы.

— В Райанском кафедра химии слабая, — между тем, недовольно нахмурился профессор, которому, к тому же, не хотелось терять старательную студентку с личным проектом по парфюмерии.

Кайтэнь тоже не была в восторге от перспектив расстаться с подругой. Вздохнула и тётушка, уныло переводя взгляд с племянницы на племянника. Те на это внимания не обратили: Тэнь не отводила глаз от подруги, а Тэн погрузился в изучение карты.

— Можно ещё фальшивого жениха организовать, — отрываясь от карты, припомнил Дерек давний план самой Кайтэнь.

— Кстати, самый жизнеспособный вариант, — пощёлкал пальцами в воздухе профессор, кивая.

Девушки с надеждой переглянулись.

Подняв голову от карты, Райтэн посмотрел на профессора как на идиота и озвучил:

— И кто у нас такой смелый, что пойдёт против Михара?

Профессор и Руби незамедлительно приуныли.

Господин Михар был фигурой значительной. Он входил в совет, управляющий областью Ан-Фило, и, как поговаривали, скоро выдвигался от этой области в Парламент. Ко всему, он был богат и славился весьма жёстким нравом и привычкой не давать спуска тем, кто встал у него на пути.

— Неверная постановка вопроса, — вдруг вмешалась в разговор тётушка. Голос её был непривычно сух и строг: — Правильно спросить — кто у нас такой влиятельный? — и сама же предложила ответ: — Возможно, правитель Жона...

Жон всегда имел по отношению к Аньтэ позицию зависимую, поэтому кандидатура была логичная.

— Что тогда не отец? — хмыкнул Райтэн, но тут же сам себя поправил: — Впрочем, он теперь не правитель...

— Зато Тогнар, — разумно отметил профессор. — Фамилия, знаешь ли!

Райтэн досадливо поморщился, хотя не мог не признать, что в этом случае фамилия и впрямь работала бы на дело.

Кайтэнь невольно улыбнулась, представив подругу в роли собственной мачехи. Та, поняв по взгляду, о чём она думает, согласно хихикнула.

Поскольку других идей не поступило, Дерек методично подвёл итоги:

— Итак, наш первый вариант — договориться с господином Михаром добром,

использовав авторитет профессора Линара и господина ректора, — профессор сделал рукой жест, который должен был отметить маловероятность успешности таких переговоров. — Второй — отправить Руби в Райанци, под фальшивыми документами, — Кайтэнь чуть слышно вздохнула. — И третий — подыскать достаточно влиятельного фиктивного жениха.

— Мужа, — неожиданно поправил Райтэн, отходя от кружка с картой ближе к центру, и пояснил: — В случае с господином Михаром нежелательный жених — стопроцентный труп в ближайшей перспективе.

— Муж тоже труп, — убитым голосом поправила его враз поникнувшая Руби. — У отца на меня политические планы, — и назвала имя того, за кого её планировалось отдать — это оказался член Парламента.

Все уныло замолчали. Райтэн и профессор достаточно хорошо знали господина Михара — не раз пересекались в торговых вопросах, — и считали его человеком жёстким и опасным. Дерек слышал о нём от Райтэна, поэтому полагался здесь на мнение друга. Илмарт знать не знал этого Михара, но делал выводы из мимики Руби, которую успел неплохо изучить во время совместной работы над картами.

Вытерев слёзы, Руби встала.

— Простите, господа, за испорченный вечер, — церемонным мёртвым голосом сказала она. — Я сожалею, но, боюсь, у меня нет выбора.

Кайтэнь вцепилась в её руку. Она не хотела верить, что в мире существует такое самодурство, и что оно, к тому же, напрямую касается дорогого её сердцу человека.

— Я бы всё же попробовал вариант с Райанци, — вставая и бросая тревожный взгляд на Тэнь, заметил профессор.

Руби окинула его внимательным и грустным взглядом и отметила очевидное:

— Проверить, в каком университете появились неожиданно студенты женского пола, можно очень быстро. Он найдёт меня ещё до конца года.

Илмарт с Дерекком переглянулись и зашептались над картой; кажется, у них вышел небольшой спор.

Профессор потёр уголки глаз и вдруг спросил:

— Вам важнее образование — или вы от брака бежите?

— Бегу от брака, — холодно сложила руки на груди Руби, но поспешно добавила: — Парфюмерия меня и в самом деле интересует, как и образование.

Профессор начал расхаживать по гостинной, заложив руки за спину и продумывая план:

— Тогда мы могли бы просто спрятать вас... неважно, в Райанци ли, да хоть и в самой Анджелии!

— В Аньтье! — быстро предложила жадно следящая за развитием мысли Кайтэнь.

— Слишком очевидно, — не менее быстро возразил Райтэн. — Возможно, Лиана? — назвал он соседний с Аньтье город, вопросительно глядя на Руби.

— Тогда уж Филопье, — тонко улыбнулась та.

— Спрятать на самом видном месте? — улыбнулся в ответ Райтэн.

Филопье был центром Ан-Фило и находился в зоне прямого контроля господина Михара.

— Дерзко, а потому непредсказуемо, — одобрительно кивнул профессор и продолжил: — Не суть важно. Можно даже переезжать, чтобы запутать след. С другой стороны, с другой стороны, — перебил он сам себя, пробурчав под нос что-то ругательное в адрес всеведущего

характера господина Михара, — за границей всё же надёжнее, руки у него не настолько длинные.

— Переждать несколько лет, — внёс дополнение в план Дерек, договорившийся уже с Илмартом, — и поступить в Райанский под видом юноши.

— Я попрошу своих, чтобы прикрыли! — радостно подхватил профессор, которому выход с переодеванием показался блестящим решением вопроса.

— Я могу похлопотать перед Се-Лирами, — припомнила тётушка старое райанское знакомство.

— А я могу помочь запутывать следы! — с воодушевлением подхватила Кайтэнь. — Буду писать тайком письма, куда-нибудь в Ниию...

— У меня есть пара подходящих адресов, — одобрительно поддакнул Райтэн. — Пусть поищет, люди ушлые!

— Я знаю, как тихо передать настоящие письма, — заключил Илмарт, а затем добавил: — А может, и карты!

Пока они говорили, Руби удивлённо переводила взгляд с одного на другого; в глазах её стояли слёзы.

— Спа... спасибо!.. — всхлипнула она, прижимая руки к груди. — Я... никогда этого не забуду...

Кайтэнь бросилась её обнимать. Новая партия совместных слёз уже не казалась такой отчаянной.

У карты Райтэн, Дерек и Илмарт уже жарко спорили, каким путём отправить Руби в Райанци и как удачнее доставить её к Се-Лирам — и было бы неплохо иметь запасной вариант на случай, если они откажут в помощи, и, кажется, у Этрэна были связи, и, совершенно точно, у профессора должна быть знакомые выпускники...

— Пускай поищет, — довольно бормотал Илмарт, — у него-то карты Северной Анджелии нет!

У них, впрочем, её тоже не было; но Илмарт знал, у кого спросить, а у Дерека были связи по всему побережью — он же успел разрекламировать там свой каменный уголь — а у Райтэна были такие корабли, которые позволяли тайком по речному пути пройти от самого Кармидера и хоть в Брейлин, хоть в Эрмиду. У господина же Михара не было иного варианта, как, перерыв Анджелию, отрабатывать версию с побегом через Ниию — ведь одинокой девушке было бы проблематично пробраться в Райанци через Северную Анджелию, не оставив никаких следов.

В анжельском языке не существует имени Рубиэлэнь. Мать Руби — коренная либерийка, и она хотела назвать дочь либерийским именем Рубиэлла («утренняя звезда»). Отец Руби предпочел переправить его на анжельский лад, что вызывает у анжельцев некоторый ступор, потому что они по суффиксу определяют, что перед ними имя, но не могут понять его значения (поскольку слова «рубизэл» не существует). Однако если анжелец — как, например, Райтэн, — знает либерийский, то у него машинально в голове происходит перевод, который звучит примерно как «звезданутая», что, естественно, вызывает вопросы.

9. Как, вообще, люди женятся?

Хотя Райтэн уже несколько месяцев как постановил для себя сделать предложение своей кармидерской любовнице, дело это застопорилось самым неожиданным образом: ему вдруг подумалось, что такой внезапный ход не найдёт положительного отклика.

Райтэн обоснованно опасался, что, если на свете и существует способ позвать женщину замуж так, чтобы оскорбить её этим, то ему непременно удастся реализовать именно его. Поскольку, очевидно же, есть множество подводных камней в таком деле, как сватовство к женщине, с которой вы являетсяе пусть постоянными, но эпизодическими любовниками уже лет десять. В конце концов, если все эти годы её всё вполне устраивало — с чего он взял, что она вообще может рассматривать брак как желательный путь развития отношений?

В трудных ситуациях подобного рода — когда требовалось тонкое умение выстраивать отношения, коим он не обладал, — Райтэн традиционно обращался к учебнику этикета, верному подспорью для тех, кто не умеет быть любезным сам по себе.

Различные учебники этикета, конечно, охотно предоставляли многочисленные сведения о периоде ухаживаний. Были даже отдельные пособия, посвящённые сугубо вопросам сватовства!

Беда была в том, что все эти пособия подразумевали сватовство к юной девице, или, на худой конец, к вдове, с которой вы ещё не были связаны близкими отношениями. И все эти исключительно приличные письма с тонкими намёками, борьба за право поцеловать кончики пальцев и прочая романтическая дребедень не очень-то вписывалась в контекст отношений с женщиной, с которой вы имеете старую и прочную интимную связь.

Пару дней Райтэн досадовал, что не существует учебника этикета по обращению с любовницами — в конце концов, анжельцы были достаточно занудливой нацией, чтобы создать и такой! — и, наконец, вспомнил, что вроде бы видел когда-то в юности у отца нечто похожее...

Ещё несколько дней ему потребовалось на забег по знакомым, у которых имелись книжные залежи, — и, наконец, в его руках оказалось желанное и весьма толстое пособие.

Бегло пролистнув всякую ерунду — впрочем, пара параграфов его всерьёз заинтересовала, — он нашёл, наконец, раздел, посвящённый сватовству — и огорчённо присвистнул. Потому что первым делом автор пособия утверждал, что прежде, чем делать своей любовнице предложение, следует убедиться, что у неё нет других любовников.

Райтэн ничего по этому поводу не мог сказать, поскольку полагал себя не вправе лезть в личную жизнь своей подруги. В конце концов, он наведывался в Кармидер эпизодически, и было бы наивно ожидать, что приятная во всех отношениях дама три четверти года будет жить монахиней, храня верность своему старому дружку, который ещё неизвестно, когда нагрянет. Райтэн не считал допустимым требовать при таком раскладе от женщины верности, и теперь впервые чувствовал себя задетым мыслью, что у неё есть кто-то ещё — и, возможно, она не захочет отказываться от этого кого-то, чтобы выйти замуж за него, Райтэна.

Мысль эта — что его предложение будет отвергнуто в виду того, что у его любовницы есть варианты поинтереснее, — оказалась настолько болезненной, что Райтэн вообще выкинул из головы идеи о сватовстве и сделался весьма угрюм. Он неожиданно обнаружил,

что в его жизни и вообще не было женщины, для которой он был бы единственным — связано это обстоятельство было с тем, что Райтэн не любил сидеть на одном месте и много разъезжал, а в женщинах ценил склонность к чувственным удовольствиям и отсутствие посягательств на его свободу. Обратная сторона такой свободы отношений впервые открылась ему, и открытие это оказалось более чем неприятным.

Дело усугубилось ещё и тем, что он умудрился и вообще поссориться с любовницей — впервые в жизни устроив той сцену ревности. Сцена эта, некрасивая и гадкая, вконец испоганила настроение Райтэна и отравила его чувством острого, мучительного недовольства собой. Он чувствовал, что не имел права делать упреки любовнице — он сам никогда не хранил ей верность, а о его желании вступить с нею в брак она знать не знала. Но в душе его нелогично, бесправно поднималось чувство досады и раздражения на неё, как будто бы она и впрямь была перед ним виновата. Он считал, что не должен её упрекать, он запрещал себе это, но тем мучительнее было подрывающее его изнутри недовольство.

Не зная, как справиться с самим собой, он решил попросту сбежать от проблемы и уехать по делам в Брейлин. Ему даже пришла в голову абсолютно крамольная идея посоветоваться с отцом — в конце концов, это же именно отцы обычно устраивают браки своих детей. Конечно, на Райтэне уже давно должны были поставить крест — но, возможно, у отца осталось на примете несколько кандидатов, могущих заинтересовать?

На худой конец, можно было сдать её тётушке. Та, отплясав на радостях, наверняка притащит толпу невест. Вот только... вздохнув, Райтэн заранее предположил, что всё это будут пустые, глупые девицы, с которыми он точно не найдёт общий язык по причине отсутствия у них мозгов.

Где же раздобыть женщину в своём вкусе, ещё и согласную на замужество, ему было, решительно, непонятно.

«Как это вообще люди женятся!» — с досадой возглашал он внутри себя, впервые понимая, что выбор супруги — дело небыстрое и нелёгкое, и нельзя просто так взять и жениться, не разбирая, что за женщина перед тобой.

Ничего умного так и не придумав, Райтэн решил всё же посоветоваться с отцом — тот, всё-таки, его неплохо знал, и, возможно, имел на примете... Да, всё может быть.

Так что Райтэн решил отправиться в ближайшее же время в Брейлин и ждал теперь только реализации плана по устройству побега Руби. В этом деле он чувствовал самое живое участие по трём причинам.

Во-первых, своим стремлением вырваться из-под гнёта отца и начать свободную жизнь Руби напомнила ему Дерек. А Райтэн теперь, задним числом, полагал, что в своё время принял недостаточное участие в судьбе друга. Ему было стыдно за то, что тогда, в самом начале, Дерек показался ему недостаточно интересным и он оставил его разбираться в своей жизни самому — и Дерек, бестолковщина этакая, ничего умнее не придумал, чем носиться у этого идиотского Годэна на побегушках. Райтэн не мог вернуться в прошлое и что-то изменить, и потому ему особенно хотелось теперь помочь Руби, словно это каким-то образом оказывало помощь и Дереку тоже.

Второй причиной была симпатии, кою к Руби питали профессор и особенно Кайтэнь. Не признаваясь в том самому себе, Райтэн испытывал перед сестрой вину: он оставил её почти на пятнадцать лет, прекратив всякое общение, но она и слова упрека ему не сказала, и приняла его теперь с такой восторженной, благодарной любовью, что ему было мучительно,

непереносимо стыдно за своё равнодушие к ней, и теперь непременно хотелось как-то исправить дело и чем-то хорошим ответить на её доброту к нему. Ей была дорога Руби — и он хотел, помогая Руби, выразить любовь к сестре.

И, наконец, третьим обстоятельством, которое Райтэн не очень-то осознавал, была злость на господина Михара. Им приходилось сталкиваться несколько раз — и всегда весьма неприятно — но был случай, который Райтэна особенно выбешивал. Господин Михар тогда почти поймал их с Этрэном на контрабанде и знатно прижал. В тот день Райтэн вертелся ужом и блефовал как никогда, и всё равно у него осталось гаденькое чувство, что выкрутиться удалось лишь потому, что Михар скорее предупредил не лезть на его территорию, нежели имел целью разоблачить. Особенно неприятно оказалось окончание разговора.

— Стыдно, сударь, стыдно, — махнул на него рукой Михар, — ваш предок воровал у врагов народа, чтобы отстраивать страну; а вы воруете теперь у этой самой страны.

Райтэну тогда больших сил стоило сдержаться и не ответить, что страна без таможенных пошлин не обеднеет, а конечному потребителю только на пользу, что товар приходит дешевле.

В общем, подложить свинью Михару хотелось, и весьма ощутимо, поэтому всё, что было направлено против Михара, вызывало у Райтэна самое горячее одобрение.

План побега у них получался романтический и красивый, разыгранный, казалось бы, как по нотам. Из Кармидера Илмарт и Райтэн должны были проводить Руби водным путём до Жона и там дожидаться райтэновских кораблей из Брейлина. Один из них Райтэн развернул бы по Кантаэнь, и Илмарт с Руби таким образом переправились бы в Северную Анджелию. Добравшись до брода после Стериа, следовало сойти и уже знакомым Илмарту путём спуститься до Фаньи, и там сдать Руби одному из знакомых Дерекка. После следовала самая зыбкая часть плана — нужно было дожидаться одного из знакомых Райтэну торговцев, следующего каботажем до Райанци. На всякий случай Райтэн приготовил для Руби несколько именных писем для тех из них, кто должен был курсировать у северных берегов в это время. Торговец бы отвёз Руби в Райанци, где в ход шли знакомства профессора и тётушки.

Параллельно Дерек и Кайтэнь должны были проследовать по водной дороге до границы с Ниией, чтобы навести господина Михара на ложный след. При этом по официальной версии Кайтэнь отправлялась домой, в Аньтье, как раз таки с Райтэном.

Не то чтобы Кайтэнь и Руби были сильно похожи — они отличались и ростом, и фигурой, и особенно лицом. Но у обеих были тёмные волосы и одинаково бледный цвет кожи (засиделись за книгами), поэтому, как предполагали заговорщики, по описанию разобрать, какая девица куда поехала, будет невозможно.

Они разработали этот гениальный план всего за два дня и были в высшей степени довольны собой, полагая, что господину Михару всё равно потребуется не меньше недели, чтобы добраться из Ан-Фило в Кармидер, поэтому у профессора и тётушки ещё останется время замести следы здесь. Но то ли они не учли скорости перемещения обеспокоенного отца, то ли письмо для блудной дочери шло медленнее, чем они полагали, но господин Михар отстал от своего письма только на эти самые два дня.

Райтэн забегал в университет, чтобы передать профессору информацию о том, на каких кораблях кто куда завтра отчаливает — чтобы он мог сбить со следа тех, кто, возможно, будет спрашивать. В это время Илмарт нёс службу — дежурил на воротах, как обычно для

этого времени, открытых, — и Райтэн планировал подзадержаться и обговорить с ним пару деталей. Подходя к воротам, он заметил, что к Илмарту присоединилась Руби — они начали что-то обсуждать про карты. Райтэн подошёл, когда в самом разгаре был горячий спор.

— Их можно будет печатать, если использовать силуэты без детализации! — горячилась Руби.

— Да там всё смажется в одно пятно! — в нетипичной для него манере взволнованно возражал Илмарт.

— Печатный вариант можно было бы поставить на поток, — незамедлительно включился в спор Райтэн, который увидел в идее очень выгодное предприятие.

— Это баловство, а не искусство! — по-настоящему возмутился Илмарт, который очень высоко ценил картографию и считал отпечатанные карты жалкой подделкой, недостойной внимания знатоков.

— Пусть не искусство, зато для людей! — не отступала Руби.

Илмарт покрылся некрасивыми красными пятнами от возмущения — к его рыжей шевелюре это ужасно не шло. Райтэн разглядывал это зрелище с большим удивлением: он впервые видел обычно невозмутимого Илмарта настолько задетым за живое.

Желая воспользоваться установившейся паузой, Руби открыла было рот, чтобы развить свою мысль и высказать доводы в пользу этой идеи, но не успела.

— Я вам не мешаю, господа? — раздался за их спинами крайне любезный низкий голос с чуть насмешливыми интонациями.

Руби подавилась вдохом и отчётливо посерела. Райтэн, обернувшись, досадливо прикусил губу. Илмарт раздражённо поморщился — увлечшись беседой, он пропустил момент появления визитёра, и был теперь крайне недоволен собственным растяпством.

Господин Михар, невысокий плотный мужчина в безупречно элегантном костюме, стоял по ту сторону проёма, небрежно облокотившись на опору ворот и сложив руки на груди. Лицо его казалось почти приветливым, если бы не острый, ледяной взгляд, который совершенно не шёл к растянутым в улыбке губам.

Обратив на себя всеобщее внимание, он слегка приподнял брови — как, вы действительно меня не ждали? — и, разомкнув руки, сделал в сторону дочери повелительный жест рукой, подзывая к себе.

Руби нервно сглотнула, мазнула испуганным, умоляющим взглядом по Райтэну — тот было дёрнулся в её сторону, но окоротил себя, — и Илмарту, отвернулась от них и несколько скованным, медленным шагом подошла ближе к отцу. Остановившись от него на расстоянии вытянутой руки, сделала неловкий книксен, словно пытаясь вжаться в землю.

— Добрый день, батюшка, — донёсся до мужчин её тихий мертвенно-спокойный голос. Окинув Райтэна и Илмарта медленным безразличным взглядом, Михар уставил глаза на Руби.

— Да-да, дочка, я тоже рад тебя видеть... наконец.

Его голос, в противовес её, звучал чётко и ощутимо, хотя и не казался громким. И если начало фразы было сказано мягко, как будто и впрямь любящий отец приветствует дочь, то это финальное «наконец» наполнено было ледяным недовольством. Выговаривая это «наконец», Михар сделал движение в сторону дочери — и Райтэну показалась, что она вздрогнула в попытке отшатнуться, — но Михар лишь властно привлёк её деревянно-кукольную фигурку к себе, церемонно поцеловал в лоб, медленно и педантично поправил

выбившийся из причёски локон так, как было привычно видеть ему, и лишь потом отошёл на шаг в сторону, окидывая дочь придирчивым внимательным взглядом.

— Ты заставила меня поволноваться, Руби, — мягко отметил он, однако Райтэну почему-то почудилась за этой мягкостью угроза.

Руби сжалась; таким тоном отец разговаривал с провинившимися подчинёнными, и обычно за этим мягким вступлением не следовало ничего хорошего. Выдержать фирменный холодный взгляд отца оказалось выше её сил.

Пряча глаза, она снова присела в книксен, заметно ссутулившись, и, не вставая, тихо, дрогнувшим голосом ответила:

— Простите, батюшка.

— Ну, ну! — с той же опасно-ласковой интонацией отмёл он резким жестом, как клинком, её извинения, будто бы дело не стоило обсуждений.

Склонившаяся Руби, однако, заметившая краем глаза взмах его руки, ощутимо вздрогнула — как будто бы ожидала удара. Верхняя губа Михара дёрнулась недовольно и жёстко.

Илмарт и Райтэн тревожно переглянулись.

«Он её ещё и бьёт, что ли?!» — прочитали они в глазах друг друга.

И если в картине мира Илмарта это предположение, пусть и было отвратительным, мерзким и недостойным, всё же вполне укладывалось — он в Мариане успел повидать всякого — то для воспитанного в духе рыцарского идеализма Райтэна это было чересчур. Он, конечно, слышал, что есть отцы, которые бьют своих детей, и есть мужья, которые бьют своих жён, но для него это всегда было чем-то умозрительно-абстрактным, и, к тому же, однозначно не относящимся никоим образом к кругу умных, просвещённых людей, к коему они с Михаром принадлежали.

Возмущение и негодование глубоко овладели им; резко подойдя к Руби и собой оттесняя её от отца, он дёрнул её за руку вверх, поднимая из поклона, и решительно заявил:

— Ты с ним никуда не пойдёшь!

Рука её, совершенно ледяная, мелко дрожала; она так вцепилась в него, что, как ему показалось, она почти не держится на ногах. Её взгляд лихорадочно забегал по сторонам. Сперва она с недоумением взглядела в лицо Райтэна; потом с испуганной растерянностью взглянула на отца.

— Господин... Тогнар, — с тягучей интонацией в голосе прервал эти переглядки Михар, разглядывая в упор обернувшегося к нему Райтэна с таким любопытством, словно бы никак не ожидал встретить здесь именно его.

Райтэн не ответил на это полуприветствие, лишь вперив в Михара горящий возмущённый взгляд.

— Как интересно! — с деланным весельем протянул Михар, продолжая разглядывать Райтэна и всхлипнувшую от этих интонаций Руби. — Вы теперь, стало быть, ещё и женщин воруете? — вопрос был задан тоном самым светским, однако полный острыми шипами льда взгляд придавал ему недвусмысленную угрозу.

— Вы ожидали чего-то другого от потомка пирата? — холодно парировал Райтэн, впервые заслоняясь славой своего знаменитого предка.

«Ну, ну! — думал он про себя в этот момент, сверля противника колючим взглядом. — Ты не посмеешь связываться с Тогнарами и Рийарами, ведь так?»

Мужества ему прибавляла истово вцепившаяся в него Руби. Он должен был защитить её!

— Ну, вы, сударь мой, не пират, — покровительственно похлопал его по плечу Михар. Медленные движения его были наполнены силой, как будто он хотел прижать противника к земле. — Так что у вас, полагаю я, в случае подобного воровства возникнут проблемы.

«А вот это уже угрозы!» — безошибочно опознал Райтэн, брезгливо отдёргивая своё плечо и оттесняя Руби ещё на шаг назад.

— Кто говорит о воровстве? — он неосознанно скопировал манеру Михара, растянув губы в такой же улыбке, как и собеседник, и встретил его острый взгляд таким же ледяным взглядом.

— Помилуйте! — всплеснул тот правой рукой, с раздражением вглядываясь в запрятавшуюся за Райтэна Руби. — Чему же ещё я сейчас свидетель? — и сделал выразительный жест в сторону дрожащей дочери. Райтэн в ответ совсем задвинул её за себя и твёрдо выставил подбородок навстречу врагу.

С полминуты длилась дуэль стальных взглядов — и обоих противников были серые глаза.

— Помилуйте! — наконец, изобразил полуулыбку-полуоскал Райтэн. — Вы разве не слышали, что мужчины нашего рода совершенно не умеют свататься? Мой дядюшка, — выделили он голосом, имея в виду своего дальнего родственника, анжельского адмирала, — кажется, и вообще вызвал дипломатический скандал с Ниией, если вы помните.

Наблюдавший эту сцену совершенно безмолвный Илмарт взглянул на друга с огромным удивлением: в смысле — свататься? Краем глаза он заметил, что и Руби совершенно растерялась от такого поворота беседы, и теперь смотрит на отца чуть ли ни с паникой: боится, что ли, что сейчас всех убивать начнёт?

Тот, однако, её страхов не оправдал. Нарочито изобразив лицом пантомиму «вы только посмотрите, какая наглость!», Михар чуть наклонился к Райтэну и ласково уточнил:

— А вы так уверены, что вам сойдёт с рук то, что сошло вашему... дядюшке?

Ни капли не впечатлившийся Райтэн, расправив плечи, спокойно парировал:

— Так ведь и вы, господин Михар, покуда ещё не нийский король.

Адмирал умудрился жениться на нийской принцессе, которая сбежала к нему из дома, что вызвало в своё время шквал дипломатических нот и протестов. В конце концов, поскольку у короля было ещё целых три дочери, а тогда ещё не адмирал, но близко к этому, и в самом деле, был недурной партией — и, вздумай он свататься чин-чинарём, ему бы, пожалуй, не было отказано, — скандал удалось замять.

— Справедливо, справедливо! — пробормотал Михар, потирая гладко выбритый подбородок и разглядывая Райтэна как экспонат в крайней степени интересный. Стороннему наблюдателю даже могло бы показаться, что в этом взгляде мелькнула тень одобрения. Впрочем, скорее всего, внутри себя он прикидывал, насколько высока вероятность того, что упомянутый адмирал действительно ввяжется в конфликт.

На лице его отразилось некоторое сожаление, поскольку вероятность такая, и в самом деле, существовала.

— Однако ж, — хищно прищурился вдруг Михар, выхватив панический взгляд Руби и чуть усмехнувшись, — боюсь вас огорчить, господин Тогнар, но у меня на судьбу моей дочери другие планы, — любезно улыбнулся он и расслабленно развёл руками. В холодных глазах заплясали искорки удовлетворения: он, очевидно, считал себя победителем в этой схватке.

Райтэн, впрочем, не собирался сдаваться.

— В самом деле? — деланно огорчённо воскликнул он. — Как мне неловко напоминать вам об этом, господин Михар, но... — он наклонился к противнику — тот недовольно поджал губы — и с мстительным удовольствием медленно выговорил, возвращая себе чувство контроля над ситуацией: — Госпожа Михар, знаете ли, уже совершеннолетняя, и, в соответствии с нашими прекрасными законами, вольна выбирать себе супруга самостоятельно.

В глазах Михара на секунду сверкнул гнев. Сложив руки на груди, он чуть откинул голову, чтобы глядеть на противника свысока, и ледяным тоном спросил:

— Вы отдаёте себе отчёт в том, с кем связываетесь, сударь?

Райтэн изобразил лицом удивление, тоже сложил руки на груди и переспросил:

— А вы?

— Дерзите! — холодно бросил Михар.

Руби от этой короткой реплики вздрогнула: по опыту она знала, что, чем короче отец выражает своё недовольство, тем хуже это заканчивается для его собеседника.

Райтэн таких тонкостей, конечно, не знал.

— Как и любой Рийар, — с наслаждением и гордостью выговорил фамилию своего предка он.

Всю жизнь он старался сепарироваться от истории собственной семьи, потому что полагал, что о человеке должно судить по личным заслугам, а не по славе его предков. Райтэн хотел доказать всем — и себе в первую очередь — что он чего-то стоит сам, как просто Райтэн, а не как потомок славных людей. Впервые он заслонился родовым именем как щитом, и чувствовал странное, непривычное наслаждение, совершенно несвойственную ему обычно фамильную гордость — гордость не только за прославленного основателя рода, но и за всех его потомков, так или иначе наделённых общими чертами, которые были свойственны и самому Райтэну.

«Мы, Рийары» — в этом была и дерзость, и гордость, и честь свободолюбивого человека, ни перед кем не склоняющего шею.

«Ну! — с торжеством думал Райтэн, глядя в застывшее лицо противника. — Давай, продолжай в том же духе — и ты узнаешь, чего мы стоим!»

Он в этот момент совершенно не чувствовал ни страха, ни сомнений. Проснувшееся в нём чувство родовой гордости требовали незамедлительно доказать, что он, Райтэн, такой же, каким был и тот самый Рийар, и что все они, Рийары ли, Тогнары ли, другие ли члены семьи, носившие иные фамилии, — все они таковы, что предку бы их не пришлось краснеть, увидь он их в деле.

— Как и любой Рийар, — нарочито медленно пробормотал, меж тем, Михар, словно прожевав губами фамилию. Лицо его сделалось совершенно задумчивым, но от него ощутимо повеяло опасностью, — и тут Райтэну подумалось, что, возможно, он прямо сейчас обдумывает, как бы поизящнее его, Райтэна, убить, и желательно так, чтобы остаться не причём и не нарваться на месть.

— Что ж! — вынес неожиданный вердикт Михар, безразлично и вежливо улыбнувшись и продолжив приторно-сладким голосом: — Кто я такой, чтобы мешать соединению двух любящих сердец? — он демонстративно потёр уголок глаза, мол, чуть не прослезился от сентиментальности. — Женитесь, сударь, женитесь! — досадливо махнул он рукой и, резко развернувшись, пружинистой энергичной походкой направился в город, не оглянувшись на

дочь. Та, совершенно ошеломлённая, лишь хлопала глазами, не в силах понять, что это только что произошло.

Райтэн сморгнул, чувствуя, как его отпускает нервное напряжение. Он так пока и не понял, кем себя считать теперь: победителем или трупом.

Дрожащая Руби, всхлипывая, с плачем уткнулась в его спину.

— Нда, Тогнар, — подошёл к нему Илмарт и похлопал по плечу. — Ну ты и влип.

— Есть немного, — чуть дрожа непослушными онемевшими губами, согласился Райтэн, поворачиваясь и притягивая к себе Руби в попытках успокоить её дрожь.

В голове его была полнейшая пустота.

10. Куда умудрился влипнуть Райтэн?

Характер Райтэна был таков, что ему неоднократно приходилось сталкиваться с последствиями своих скорых эмоциональных решений и разгребать эти последствия — поэтому он однажды и навсегда сам с собой постановил, что не будет тратить время на пустые рассуждения и сожаления о том, что он мог бы сказать или сделать иначе. Если бы, в самом деле, он занимался подобным разбором — ему бы некогда было жить!

У Руби были мозги и она была привлекательна — этого, в сущности, оказалось вполне достаточно, чтобы Райтэн посчитал её вполне подходящей кандидатурой в жёны.

Не став тратить время на объяснения и сетования, он ухватил девушку под руку и потащил домой — за документами. Руби покорно шла, не задавая вопросов, а он, меж тем, перечислял некоторые плюсы, которые приходили ему в голову.

Итак, Руби, во-первых, была умна, и притом обладала неким характером, что делало её весьма привлекательной в глазах Райтэна.

Второе — Руби стала партнёром Дерека по делу с картами, а значит, была ещё и полезна.

Дальше — она являлась лучшей подругой сестры, что тоже можно было рассматривать как плюс. Да и тётушке она тоже нравилась. Да и Сэну. Да и что-то понимала в этом самом сульфате меди — глядишь, пристроится к делу. И хватка у неё хороша — быстро придумала, как выгодно устроить затею с картами. Да, однозначно, пока Райтэн скорым шагом нёсся до дома, в голове его сложилась мысль, что он неожиданно решил вопрос с женитьбой более чем удачно.

Единственным минусом в этом деле был тесть, но Райтэн предпочитал решать проблемы по мере их поступления. Поскольку господин Михар высказал нечто, могущее быть понятым как отеческое благословение, не было смысла волноваться прямо сейчас — а что делать потом, они уж решат потом.

Забрав свои и её документы, Райтэн потащил Руби дальше, по одному ему известному маршруту. На конце этого маршрута обнаружился дом, из которого стуком и криком Райтэн извлёк обитателя — сонного человечка в домашнем халате.

— Тогнар, мать твою! — возмутился тот в процессе вытаскивания. — Я час назад спать лёг!

— Мне нужно оформить брак, — не размениваясь на разговоры о погоде, заявил Райтэн. Человечек потёр глаза, смерил визитёра недружелюбным взглядом и язвительно ответил:

— А я тут причём? Регламент забыл?

Оформление брака в Анджелии предполагало некоторый длительный процесс, начинающийся с подачи соответствующих заявлений.

— Мне сегодня нужно! — закатил глаза Райтэн, и несколько монет из его кармана переключало к человечку.

— Ты меня уворишь, Тогнар! — простонал тот, но уже через пять минут, свежий и официально одетый, уверенно направился в сторону ратуши.

Там, проблуждав по коридорам, он одним ему известным путём вышел к камерке, где над книжкой сидела пухленькая старушка в очках.

— Бабуль, нам тут брак нужно оформить! — плаксиво поведал человечек.

Та, не отрываясь от книжки, сухо ответила:

— Это к Нэс.

— Прямо сейчас, — ввернул уточнение Райтэн, снова звеня деньгами.

Старушка, не глядя, открыла ящик стола, смахнула туда монеты, подняла глаза и воскликнула:

— Ах, как же это я про вас забыла! Вы же приходили месяц назад, правда?

— Разумеется, — согласился Райтэн.

Старушка, лепеча извинения и рассказывая о том, какой бедлам творится с бумагами, и как неудачно несколько заявлений о браке сгорели буквально несколько дней назад, из-за чего теперь возникает такая путаница, принялась деловито и привычно оформлять документы.

Руби наблюдала за этим делом несколько ошеломлённо. Возможно, Райтэну всё же стоило спросить хотя бы формального согласия счастливой невесты — но, как Райтэн вполне обоснованно сам про себя предполагал, умение свататься в число его талантов не входило, поэтому он посчитал дело решённым самим по себе.

Вскоре они вышли из ратуши уже женатыми людьми.

Райтэн довольно шурился на солнышко: ему пришлось весьма по душе, как ловко две головоломные проблемы — поиск жены и спасение Руби — оказались решением друг к другу.

Его приятель, пробормотав что-то условно поздравительное, побрёл домой — досыпать.

Руби, при всём своём таланте в просчитывании вероятностей, решительно не знала, как реагировать. Ей, как минимум, казалось нелишним выяснить, как вообще, собственно, расценивать этот брак: как фиктивный, выступающий лишь временным решением для защиты её от отца, — или как настоящий, предполагающий всю полноту супружеских отношений. В целом, в перспективе Руби не имела ничего против второго варианта, но стремительность развития событий её несколько напугала. Она вела весьма целомудренный образ жизни и даже не целовалась ни с кем ни разу, и фирменный райтэновский напор вызывал у неё опасения.

Определившись, наконец, со стратегией, которая показалась ей более выигрышной, Руби смущённо откашлялась и привлекла его внимание тихим:

— Вы, пожалуйста, не подумайте, я вам, правда, очень благодарна, но, вам не кажется, что нам стоит как-то... обсудить сложившееся положение? — предложила она.

Райтэн медленно моргнул, чувствуя себя идиотом. До него только сейчас дошло, что за всё время со встречи с господином Михаром он не обмолвился с нею и словом — просто протаскал по городу туда и сюда за собой, оформил брак и потащил куда-то дальше.

С некоторым отчаянием он подумал, что совершенно не знает, что теперь говорить и делать.

Руби, кажется, поняла его состояние, потому что вдруг демонстративно оглядела небо и заметила светским тоном:

— Надо же, утром такие тучи были, я думала, непременно ливанёт. А теперь солнце! — улыбнулась она несколько кокетливо.

— Да, в самом деле, — с большим облегчением ухватился Райтэн за привычные метафоры, предложил ей руку и повёл домой. — Не ожидал в начале этой осени такой хорошей погоды.

— Кармидерская погода вообще мне весьма по душе, — продолжила на ходу развивать

тему Руби. — Здесь даже вкус у воздуха другой! Дышится свободнее, — демонстративно подышала она.

— Воздух Кармидера действительно прекрасен, — весьма сдержанно согласился Райтэн. — Но, по правде сказать, в этом вопросе я предпочитаю некоторое разнообразие. Впрочем, — тут же добавил он, — не смею навязывать вам свою позицию.

Руби облегчённо улыбнулась и перешла к той теме, которая её несколько пугала:

— По правде сказать, — немного смущённо отметила она, — здешний климат сильно отличается от того, к которому я привыкла, и я пока не очень поняла, как верно расценить капризы местной погоды, — Райтэн сделал приглашающий жест рукой и она продолжила, взмахнув ладонью в сторону неба: — Вот осеннее солнце, например! У меня на родине оно коварно: светит ярко, но совсем не греет, — она остановилась и взглянула на него; он нахмурился, и она торопливо добавила: — Просто хотелось бы знать, к чему готовиться здесь.

Райтэн нахмурился от того, что до него тут дошло, что требовалось бы обговорить дело подробнее заранее. Конечно, заключить брак так и так бы пришлось; но ему стоило бы выделить полчаса и сперва обсудить вопрос на равных. Теперь же получалось, что своим поступком он не оставил Руби выбора и поставил её в положение полной зависимости от него.

Ему сделалось досадно, причём досада эта росла из двух противоположных соображений и усиливала саму себя. Ему, во-первых, было неприятно, что Руби предположила, что он может воспользоваться её нынешним положением, чтобы принудить её к близости, — это предположение было оскорбительно, и особенно потому, что Райтэн, в самом деле, рассчитывал, что брак этот не будет фиктивным. Отсюда росла вторая досада: от того, что Руби, судя по всему, не думает плясать от радости и бросаться на шею такому замечательному ему.

«В самом деле, — справедливо отметил внутри себя Райтэн, — она, возможно, и сама согласилась бы выйти за меня, если бы я должным образом за ней ухаживал. Но у неё не было выбора, а я не ухаживал. Конечно, она напугана».

Пауза начала неприятно затягиваться, и Руби ощутимо занервничала, поэтому он заговорил, толком не додумав подходящих метафор:

— Не думаю, что вам стоит беспокоиться о местном солнце. Если вам вдруг покажется, — скривил он краешек губ, — что оно светит слишком уж жарко, вы всегда сможете спрятаться за зонтик, ведь так?

Она откровенно растерялась, и даже чуть зашевелила губами, пытаясь проникнуть в суть метафоры. Лицо её сделалось жалким; она огорчённо отметила:

— Кажется, вы в этом деле более умелы, чем я. Что такое зонтик, мне понять не удалось, — призналась она.

Райтэн несколько секунд смотрел на неё немного грустно, потом признался в ответ:

— Я сам не знаю. Толком придумать не сумел, как это выразить.

Она несмело улыбнулась. Он в ответ фыркнул и вернулся к прогулке.

— Соберу всех к вечеру, — пообещал он, уже подходя к дому. — Решим, как быть дальше.

Она разулыбалась, поблагодарила и убежала искать Тэнь. Он же отправился в кабинет — там Дерек должен был перед отъездом разгребать бумаги.

Дерек, в самом деле, обнаружился именно за столом в кабинете. Махнув рукой вместо приветствия, Райтэн прямой дорогой прошёл к одному из шкафов, безошибочным движением извлёк оттуда бутылку коньяка, налил себе и выпил залпом.

Дерек наблюдал за этим святотатством с большим недоумением — коньяк был дорогой и качественный, и пить его таким образом мог только человек, который вообще ничего не смыслит в алкоголе.

— И что у нас случилось? — с большой тревогой решил всё же выяснить он.

Райтэн вздохнул, налил себе ещё, с сомнением поглядел, пригубил теперь уж приличным образом, медленно сглотнул, поморщился, ещё раз вздохнул и признался:

— Только что женился. На Руби.

Дерек замер на несколько секунд, затем потряс головой, пытаясь уместить в ней полученную информацию, потом встал из-за стола, подошёл к Райтэну, отобрал у него бутылку, нашёл в шкафу ещё один бокал и налил себе. Посмотрел с сомнением и тоже выпил залпом.

— Ну ты влип, — отдышавшись, заявил Дерек.

— Михар нагрязнул, — коротко пояснил Райтэн, устраиваясь в кресло, вытягивая ноги и прикрывая глаза.

Дерек сморгнул.

— А жениться-то зачем? — уточнил он, ничего не понимая.

Райтэн неопределённо помотал в воздухе рукой. Дерек верно расшифровал это как «ну, я просто взял и сделал, а то ты меня не знаешь?»

— А что Михар? — осторожно поинтересовался Дерек, оценивающе глядя на бутылку и гадая, не напиться ли прямо здесь и сейчас.

— Да вроде не против, — безразлично отметил Райтэн.

— Рассказывай, — подходя и садясь на стол, потребовал Дерек.

Райтэн рассказал, сперва в общих чертах, но Дерек потребовал подробностей. И ещё подробностей. И ещё более детальных подробностей.

Когда короткая беседа была, казалось, пересказана дословно и с описанием всех взглядов и жестов — во всяком случае, в той мере, в какой их запомнил Райтэн, — Дерек надолго ушёл в себя, прокручивая в голове снова и снова каждый пассаж и отчаянно жалея, что не присутствовал там и тогда.

«Почему, почему Михар ему позволил так обнаглеть?» — пытался понять он, но в упор не понимал.

Райтэн молчал, ожидая, до чего додумается друг. Теперь, когда дело с самой Руби было кое-как решено, он задался вопросом, чего ожидать от её отца, и вопрос этот тревожил его весьма сильно.

— Ну! — наконец, встал со стола Дерек, решительно откладывая бутылку. — Конечно, сложно судить по пересказу, но, полагаю, похороны отменяются!

— Звучит оптимистично, — заметил Райтэн.

— Не очень, на самом деле, — виновато отозвался Дерек, складывая руки на груди и снова уходя в себя — но теперь уже ненадолго. Сверив внутри себя ещё раз сделанные выводы, он озвучил: — Тэн, полагаю, тебя играют.

Тот нахмурился:

— В смысле?

Он никогда не слышал такого оборота, и даже предположил, что Дерек от волнения

сделал грамматическую ошибку.

— Полагаю, — расшифровал Дерек, — он решил, что зять из Рийаров ему подходит. И теперь ты стал частью его планов.

Это было единственное объяснение, которое Дерек сумел найти странной покладистости Михара.

Брови Райтэна сошлись совсем уж хмуро. Идея такого рода ему совсем не понравилась.

— Думаешь? — мрачно переспросил он.

Дерек дёрнул плечом.

— Увидим в ближайшее время, — заверил он. — Но выглядит так, что на тебя идёт расчёт.

В своё время Дерек насмотрелся на политические игры такого рода при дворе Грэхарда, и, как ему показалось, узнал знакомые интриги.

— Паршиво, — скривился Райтэн, который вообще не подумал о том, что Михар отступил потому, что имеет на него какой-то план, а не потому, что испугался связываться с его семьёй.

— Разберёмся, — махнул рукой Дерек, чувствуя даже некоторый азарт от уже давно позабытого вкуса хорошей политической игры. Пожалуй, он даже обрадовался бы факту такой игры, если бы только в самом центре интриги не находился Райтэн — вот это обстоятельство, конечно, тревожило его весьма сильно.

Но всё же он полагал — возможно, несколько самоуверенно, — что после ньонских хищников анжельским политикам его не удивить. То, что в этом раскладе за его спиной не маячит фигура Грэхарда, он из внимания как-то упустил; а может, посчитал, что Тогнары в таком деле стоят не меньше Грэхарда.

А то и побольше: ведь их было много, а Грэхард, какую бы внушительную фигуру из себя ни представлял, мог похвастаться лишь слугами и вынужденными союзниками, но никак не друзьями и родственниками.

Дерек был идеалистом. В битве — а, по его соображениям, впереди намечалась долгая и интеллектуально насыщенная битва, — он предпочитал стоять плечом к плечу с братом, а не с господином.

Потому что умереть с честью можно и за друга, и за короля. А вот жить — жить хотелось только ради друга.

А побеждает в битве тот, кто сильнее хочет жить.

III. Перепутанные. 1. Может ли мужчина дружить с женщиной?

III. Перепутанные

643 год, лето. Кармидер — Брейлин

Сделать шаг.

Спуститься вниз,

Подняться ли ввысь —

От этого шага зависит жизнь.

Только шаг, но шаг — вперёд.

Знать бы, куда он приведёт.

Рок-опера «Элоя»

1. Может ли мужчина дружить с женщиной?

— Если он выхватит нож, то нужно уклониться влево, заблокировать локтем и подсечку, — лениво заметила она.

— Если его дружок в деле, стоит сперва опрокинуть стол, чтобы укрыться за ним, — меланхолично поддержал игру он.

— Но вон у того слева меч, — отметила она, постукивая ногтем по стакану. — Думаю, стоит отбить у бутылки горлышко, чтобы использовать его в случае атаки. И вырвать нож у первого, — добавила она.

— Сомневаюсь, что такие ножи можно метать, — почти мечтательно ответил он. — Не тот центр тяжести.

Она согласно вздохнула.

Они сделали по глотку пива.

— Если со входа движется трое, — вдруг предположил он, — то мы справимся. Если больше — лучше драпать.

Она оглянулась на окно и согласилась.

Они выбрали стол именно у окна, оба сели к нему спиной — из-за чего пришлось потесниться и придвинуться друг к другу впритык — и оба теперь пили пиво, разглядывая зал небольшой кармидерской таверны и посетителей в нём.

— Предположим, под окном засада, — лениво продолжила она.

— Сперва отбиваем горлышко от бутылки, — согласился он.

У обоих, конечно, было по паре прекрасных кинжалов, припрятанных под рукой, но, по правилам своей игры, они воображали ситуации с учётом условной безоружности на момент внезапного нападения.

— Я драпаю первой, — обозначила она.

Он хмыкнул и согласился: эффект неожиданности лучше сработает, если на засаду падает из окна красивая девушка, а не мощный марианец.

— Я кружкой добыю, — подхватил он, взвешивая в руке тяжёлую стеклянную посудину, из которой пил.

Она посмотрела на посудину с уважением — хотя у неё была точно такая же. В умелых руках — отличное оружие, которым можно и череп проломить.

Разговор заглох, поскольку в своём воображении они уже разделались с гипотетической засадой и вразнобой смывались по переулкам.

Олив мысленно драпала по северному переулку: потому что её дом, во-первых, находился на юге, а во-вторых, там, на северном пути, можно было по мосткам перебраться на топкий остров, где у неё хватало тайных засидок.

Илмарт мысленно драпал на запад, потому что там стоял университет — а университет был крепостью, способной удерживать осаду месяцами.

В игру подобного рода они играли каждую неделю в свой выходной весь последний год — с тех пор, как Олив тоже прочно осела в Кармидере с целью получения, наконец, анжельских документов.

Для достижения этой цели ей пришлось найти официальную работу — точнее, ей помогла её подруга, та самая Айлэнь, которая чуть ранее перебралась с оравой своих подопечных сюда же и уже вовсю обрастала новой сетью связей. Без неё Олив едва ли справилась с такой простой задачей, потому что работу искать она катастрофически не умела. Её жизнь так сложилась, что она нечаянно осела в Северной Анджелии и сделалась там проводником и связующим звеном для сети контрабандистов — но это получилось почти само собой. Сама Олив не умели ни искать клиентов, ни расписывать свои таланты, ни, тем более, подбирать подходящее место с приличным окладом.

Связи Айлэнь, правда, на новом месте были ещё слабыми и малочисленными, поэтому пристроить Олив удалось лишь переписчицей при ратуше — работа скучная, монотонная и требующая внимательности. Олив истово ненавидела своё занятие и всё в нём, начиная с необходимости целый день сидеть и терпеть резь в глазах от строчек — и заканчивая болью в спине и вьёвшимися в кожу, казалось, навечно, чернильными пятнами.

Несмотря на это, за год ей удалось сделать кое-какую карьеру: теперь она не всегда просто переписывала бумажки, иногда ей доверяли по стандартному образцу писать новые. Это чуточку сказалось на оплате труда, но было по-прежнему смертельно скучно.

Редкой приятностью в череде этих унылых трудовых будней была помощь Илмарту — ему иногда требовались знания Олив для рисования карт. Плату за помощь другу она категорически отказывалась брать, но после нескольких ссор всё-таки согласилась хотя бы на то, чтобы во время их встреч за пиво платил Илмарт.

И Айлэнь, и Илмарт, оба считали, что Олив занимается не своим делом, и ей следует подыскать что-то другое. Беда была в том, что Олив сама не знала, чем ей хочется заниматься, и поэтому решительно отказывалась употреблять какие бы то ни было усилия на поиски другого места.

Илмарт, впрочем, не терял надежды привлечь её к проекту с картами — в конце концов, где ещё раздобыть кладезь практических знаний о Северной Анджелии? — и даже уговорил Олив назавтра после работы заглянуть в университет и оказать ему консультацию. Про себя Илмарт соображал, что, ежели подстроить всё дело с толком, так, чтобы там Олив пересеклась с Дерекком, то Дерек-то уж точно сумеет её уговорить и вовлечь в проект.

Однако осуществить эту интригу ему не довелось, потому что встреча эта неожиданно состоялась раньше.

Пытаясь разобраться в интригах господина Михара, Дерек и Райтэн решили, что

неплохо бы раздобыть актуальную политическую информацию — они, конечно, что-то знали о тех сферах, которые пересекались с их делами, но в целом слабо себе представляли, куда и откуда дует ветер. В связи с этим был запланирован масштабных забег по Кармидеру, в ходе которого они посещали как светских сплетников и влиятельных купцов, так и знакомых Райтэну моряков, чиновников и мелких торговцев. Кроме того, конечно, следовало зайти в несколько крупных таверн — кто, как не трактирщик, бывает в курсе всего и вся!

Так они и столкнулись: Илмарт и Олив из таверны выходили — а Дерек и Райтэн как раз подошли.

— Олив! — незамедлительно разулыбался Дерек и, сперва было думая просто пожать ей руку, в процессе передумал и несколько неловко обнял. Та, хмыкнув, хлопнула его по спине и спросила:

— Заботимся об обогреве Кармидера?

Отстранившись, Дерек весело рассмеялся: каменный уголь, и в самом деле, скоро должен был прийти сюда речным путём.

Между тем, Райтэн, которого кольнуло в грудь чувство, похожее на обиду, сложил руки на груди и с претензией в голосе сказал:

— Не знал, что ты в Кармидере, Се-Стирен.

Та весело приподняла брови, смерила его насмешливым взглядом с головы до ног, потом обратно до головы, фыркнула и ответила:

— А я должна была тебе по приезде доложиться, Тогнар?

Он криво усмехнулся и отметил:

— Было бы неплохо.

— Губа не дура! — присвистнула та. Его притязания показались ей чрезмерно наглыми.

— Думаю, — меланхолично отметил наслаждающийся спектаклем Илмарт, — если Тогнар очень постарается и возьмётся за ум, его вполне могут принять в совет, а там, глядишь, и правителем Кармидера изберут. Тогда, — наставительно поднял он палец, — может, его мечты исполнятся, и все будут перед ним отчитываться!

Райтэн прикрыл лицо ладонью и покачал головой. Он просто не считал Олив за чужую, и ему было неприятно, что для неё он как раз-таки чужой.

— Кстати, как вариант! — неожиданно загорелся идеей Дерек.

— Что?! — в шоке повернулся к нему Райтэн, подумав, что друг прочит его в правители Кармидера.

Дерек закатил глаза — мол, куда ты дел мозги? — и объяснился:

— Ну, в том смысле, что он, — он ткнул пальцем куда-то вверх, имея в виду господина Михара, — может планировать что-то такое.

Райтэн задумался, поскольку версия казалась правдоподобной.

— Куда я попала!.. — пробормотала Олив, решившая, что он и впрямь надумал стать правителем, и попыталась было удалиться, но эта попытка вывела Райтэна из задумчивости.

— Эй! — возмутился он, хватая её за локоть. — А поболтать со старыми друзьями?!

То, что она готова так просто уйти, его задело: она была ему интересна, и было крайне неприятно понять, что он-то ей совершенно не интересен.

Олив недовольно вырвала руку — она не переносила, когда её хватают, — гневно обернулась и язвительно переспросила:

— С каких это пор мы стали друзьями, Тогнар?!

Лицо у того вытянулось от обиды и досады, но он быстро вернул ему мрачное выражение, запихнул руки в карманы, задумался, пораскачивался с пятки на носок и, кажется, выпал из разговора, погрузившись слишком глубоко в свои мысли в попытках понять, почему его так задевает её поведение.

Олив некоторое время понаблюдала эту картину, хмыкнула, отвела глаза, встретила взглядом с Дерекком — тот улыбнулся и развёл руками, затем с обезоруживающей искренностью сказал:

— Мы просто рады тебя видеть.

Он понял, что другу было обидно, и хотел теперь помочь ему, наладив контакт с Олив.

Мрачное лицо Райтэна явно противоречило версии, что они чему-то там рады, но Олив всё же заколебалась — Дерек был ей симпатичен, и ей не хотелось быть с ним грубой. Заметив эти колебания, Илмарт дружелюбно отметил:

— Пиво сегодня здесь неплохое.

Махнув рукой, Олив решительно направилась обратно в таверну. В конце концов, у неё не было на остаток дня никаких определённых планов.

Вскоре они устроились за тем же столом у окна — Илмарт и Олив, правда, поспорили, кто будет сидеть спиной к окну, и, в конце концов, договорились, что Олив сядет здесь, чтобы, если что, первой драпать через окно, а Илмарт сядет напротив, чтобы, глядя в окно, контролировать ситуацию на улице.

Потом они умудрились ещё поспорить, чтобы определить, как рассадить оставшихся — в итоге было решено устроить Дерекка так, чтобы он разглядывал вход в таверну. Райтэну, соответственно, досталась миссия контролировать дверь на кухню.

— А что, что-то намечается? — заинтересованно переспросил Дерек, старательно разглядывая вошедшего в таверну господина в шляпе.

— Нет, — хором ответили Олив и Илмарт.

Райтэн хотел было смерить их скептическим взглядом, но, из-за того, что девушка сидела от него справа, а марианец — слева, ему не удалось охватить их единовременно, поэтому он уныло уставился в ту самую кухонную дверь, которую ему доверили «контролировать».

Далее благодаря Дерекку завертелся быстрый и живой разговор («Неожиданно приятная в этом году осень в Кармидере, правда?»), который почти сразу свернул на карты («Так вот кто помогал Илу, а я-то думал, где он такого отличного консультанта нашёл!») и незаметно перерос в обсуждение совместных планов («Да-да, завтра мы как раз будем плотно работать, обязательно приходи!»).

Райтэн молча и хмуро пил пиво, не вмешиваясь в беседу. Его крайне задел тот факт, что Илмарт знал о приезде Олив в Кармидер, а они с Дерекком — нет. Поэтому в какой-то момент он просто перебил разговор, развернувшись всем корпусом к Олив:

— И давно ты в Кармидере?

Та послала Дерекку извиняющуюся улыбку — они не договорили — и, поведя плечом, ответила:

— Чуть больше года.

Лицо Райтэна застыло. Он почувствовал глухую, глубокую обиду.

— Ого! — меж тем, присвистнул Дерек, который сам в себе предполагал до этого, что Олив здесь проездом. — И чем тут занимаешься? — с живым любопытством спросил он.

То есть, ему тут же стало очевидно, что она иногда помогает Илмарту — но ему было

весьма интересно, чем ещё может заняться в Кармидере проводник по северным землям. Ему почему-то начала представляться какая-то смутная и романтическая история, в которой Олив не то помогает осваивать земли вокруг города, не то обучает молодёжь походной жизни, а может, и вообще читает лекции морякам — Бог весть о чём! — но, он был уверен, у неё найдётся — о чём.

— Я секретарь, — оборвала эти мечты прозаичным признанием Олив, добавила: — В ратуше. — И тут же, быстро: — Просто бумажки переписываю.

Дерек смущённо улыбнулся — он не ожидал увидеть её в такой роли, потому что она казалась ему слишком незаурядной личностью для такой скучной работы, — и теперь спешно придумывал, что бы сказать красивое и вежливое — и даже уже придумал, и открыл было рот, но...

Его опередил возмущённый Райтэн.

— Секретарь? — тихо переспросил он, и в голосе его слышалось едва сдерживаемое бешенство. Пальцы его судорожно вцепились в край столешницы, и взгляд, которым он пронзил девушку, был наполнен самыми обжигающими молниями.

— Да, — удивлённо подтвердила Олив, пытаясь понять, что его так выбесило. В конце концов, какое он вообще имеет отношение к её жизни и к её работе!

— Бумажки переписываешь?! — меж тем, захлебнулся возмущением Райтэн, вскакивая. У него просто в голове не укладывалось, что такая талантливая, умная и интересная женщина может заниматься такой ерундой, и, как это всегда с ним бывало, он категорически не желал принимать реальность, в которой происходит подобное дерьмо!

Олив в недоумении переглянулась с остальными. «Работа как работа», — говорил взгляд пожавшего плечами Дерека. «Ну, это же Тогнар!» — всем своим насмешливым лицом демонстрировал Илмарт. Ему было неясно, что его так выбесило в текущем месте работы Олив. Да, Илмарт и сам полагал, что она там не на своём месте, но всё же это была вполне приличная и достойная работа.

«Значит, он не считает эту работу достойной Олливи», — сделал логичный вывод Илмарт, и вывод этот ему понравился.

— Да ты в своём уме, Се-Стирен?! — опершись на стол, навис, меж тем, над Олив Райтэн.

Такое поведение казалось ей совершенно недопустимым. Она уже всерьёз думала вскочить, оскорбиться и уйти — на её вкус, он вёл себя в высшей степени неадекватно, если не сказать прямо — как сумасшедший, — но тут ситуацию разрядил весёлый смех Дерека.

Оба они повернулись к нему: Олив с тревогой (вдруг это заразно, и они в этой компании все с ума сбрендили?), Райтэн с удивлением.

— Нет-нет, вы продолжайте, — сквозь смех махнул на них рукой Дерек. — Я просто вспомнил... — и добавил уже только для Райтэна: — Тогда, у Годэна...

На лице Райтэна отобразилось понимание; смущённая улыбка тронула его губы. Припомнив, что в своё время он и Дерек выбесил своей бурной реакцией, он сел на своё место и снова вернул своё внимание кухонной двери, пытаясь придумать более дипломатичный план, чем ультимативное заявление: «Там ты больше не работаешь!».

С тревогой посмотрев на него, Олив повернулась к Дереку и громким шёпотом уточнила:

— Давно с ним такое?..

— Сколько я его знаю! — таким же шёпотом заверил её Дерек.

Олив постучала себе пальцем по лбу: мол, ну форменный псих же!

Но тут Райтэн, решивший блеснуть своим ответствующим дипломатическим гением, совершенно официальным тоном произнёс, обращаясь, по-видимому, всё к той же кухонной двери, поскольку смотрел он именно на неё:

— Между прочим, нам ужасно требуется толковый секретарь!

На него обратились три удивлённый взгляда. Дерек был поражён самими попытками друга в дипломатию, Илмарт не понимал, почему судьба Олив так его волнует, а Олив, совершенно точно, не ожидала, что ей поступит столь неожиданное предложение работы.

Молчание затянулось, потому что никто из присутствующих не знал, как реагировать.

— Дер! — чувствуя, что дипломатия ему опять не удалась, попытался Райтэн вовлечь в дело друга. В голосе его слышалась нотка отчаяния.

Дерек аж поперхнулся пивом: им, вообще-то, требовался толковый управляющий, а никак не секретарь. Однако, моментально включившись, он поддержал задумку друга и скоро закивал:

— Да, очень требуется!

Райтэн, посчитав проблему решённой, с торжествующим лицом повернулся к Олив — но встретил лишь скептический взгляд.

— Спасибо, конечно, за честь, ваше величество, — язвительно озвучила она своё мнение. — Но с таким работодателем точно крышей поедешь! — и попереводила возмущённый взгляд с Райтэна на Дерека и обратно, имея в виду, что эти двое точно двинулись с тех пор, как она видела их в последний раз.

«Заразное сумасшествие! — вынесла уверенный вердикт она. — Я должна была догадаться ещё по их бесцельным блужданиям на севере! Явно прогрессируют!..»

— Ну, нам нужен не совсем секретарь... — несмотря на попытки Райтэна заткнуть его корчаньем зверских рож, начал было Дерек, но Олив перебила его, присвистнув:

— Ого! Дер, ты, вообще, понимаешь, что имеет в виду мужчина, когда предлагает женщине должность... не совсем секретаря? Еще и на двоих! — хмыкнула она и рассмеялась.

Дерек посмотрел на неё с укором, и поэтому не заметил, что Райтэн покраснел. Илмарт, напротив, смотрел именно на Райтэна — его реакции казались ему нетипичными, а потому — интересными.

— На самом деле, — с вдохновенным лицом проповедника начал развивать наступление Дерек, — нам действительно требуется консультант, который прекрасно разбирается в северных землях!

— Зачем? — просто спросила Олив, складывая руки на груди и откидываясь назад. Ей, определённо, казалось, что ей тут дурят голову из жалости.

— Планируем торговлю по Кантаэнь, — буркнул Райтэн первое же пришедшее ему в голову объяснение.

Дерек, который собирался было расписать, как прекрасен проект с кармидерскими картами, бросил на друга странный взгляд — возможность торговли в этом направлении они точно ни разу не обсуждали — и тут же поддержал:

— Я всё ещё мечтаю сбывать каменный уголь в Эрмиду!

Олив задумалась.

Нерешительно взглянула на Илмарта в поисках поддержки и совета.

Тот демонстративно устался в окно: мол, моё дело — наблюдать за улицей, а свои дела сама решай.

Дерек и Райтэн переглянулись, мысленно договариваясь, кто из них начнёт следующий раунд уговоров, если она откажется.

Наконец, Олив нерешительно сказал:

— Ну, возможно, как отдельные консультации...

Довольный Дерек хлопнул в ладоши и заявил:

— Отлично! Это нужно отметить прекрасным обедом! — и подорвался ловить трактирщика.

Илмарт хмыкнул чему-то своему.

2. В какие игры играет Михар?

Существовало три вещи, которых Аренсэн Михар не терпел в людях: неспособность отвечать за свои слова, небрежение к взятым на себя обязанностям и, наконец, эгоцентризм. Поскольку господин Михар притом полагал, что не он должен страдать от подобных проявлений человеческой лени и глупости, поскольку ему это не по чину, — страдали обычно те, кто имел безрассудство проявлять означенные качества при нём.

Кроме того, было ещё три вещи, которые выводили этого сурового господина из себя: срыв сроков, многоходовые сложноуровневые комбинации и непредвиденные случайности.

Ситуация с Райтэном собрала четыре из шести — и господин Михар полагал, что это, право, чересчур, поэтому неплохо бы снизить количество раздражающих факторов.

Начать свою программу оптимизации он решил с Дерека, поскольку Дерек оказался самой раздражающей случайностью в, казалось бы, отлично выверенном плане, и предварительная разведка не очень-то тут помогла.

У господина Михара было достаточно людей, в том числе и весьма толковых, но недостаточно полномочий, чтобы сравниться с государственной разведкой — в отсутствие прямой необходимости господин Михар предпочитал действовать в рамках законов. Поэтому он, конечно, попытался разведать, что там за господин Анодар приобрёл такую близость к интересующему его объекту — но раскопать эту историю не сумел. Его людям, впрочем, удалось установить, когда именно этот господин Анодар появился в Аньтэе, но на этом дело и подвисло. Рабочей гипотезой Михара была та, что Райтэн во время своей поездки за корабельными соснами присмотрел в Ниии интересного коммерсанта и прихватил его с собой. Коммерсант, судя по всему, имел какие-то проблемы с законом — иначе непонятно, зачем бы ему вздумалось брать анжельское имя.

В целом, даже этой версии хватало, чтобы господин Михар находил Дерека раздражающим — для плана было бы лучше, чтобы Райтэн не был так уж успешен в торговых делах. Однако здесь было ещё полбеды: перестроить план с учётом коммерческого успеха оппонента было несложно.

Но вот успех Дерека на научном поприще, во-первых, ставил под сомнение гипотезу о том, кем, собственно, является Дерек, а во-вторых — грозил рядом непредсказуемых случайностей. Одно дело, когда главный советник противника — обыкновенный, пусть и успешный, торговец. Логику торговца просчитать просто. Но если этот торговец ещё и учёный — возникают вопросы.

Господин Михар считал необходимым выяснить, является ли Дерек коммерсантом, который по ряду причин подался в науку и нежданно в ней преуспел, — или же человеком с мозгом учёного, который за какими-то демонами полез в торговлю. Либо, как вариант, он мог совмещать в себе поровну тех и тех черт — что делало ситуацию особенно неприятной, потому что просчитать её делалось гораздо сложнее.

В общем, требовалось, в первую очередь, посмотреть, что там за проект с картами — возможно, дело выеденного яйца не стоит.

Господин Михар решил направиться к университет лично, разыграв карту скучающего мецената-интеллектуала, который услышал о новом проекте и желает ознакомиться с ним ближе. Поскольку ему уже случалось финансировать отдельные исследовательские проекты — в том числе и в Кармидере — ректор встретил его весьма приветливо. Узнав, в чём

интерес господина Михара, он почувал, что дело запахло инвестициями, и красноречиво описал свою свежеприобретённую команду как оплот молодых гениев. В его рассказе господин Анодар выступал как монстр аналитической деятельности, господин А-Ранси виделся гениальным картографом, какие рождаются не в каждом столетии, а некая госпожа Рубийэнь Декстар — под этим именем её знал ректор — обладала истинным декораторским даром, который придавал готовым картам своеобразность и законченность.

Когда важный гость изъявил желание посмотреть на работу гениев лично, ему тут же выделили секретаря с тем, чтобы проводить к нужному кабинету.

В настоящий момент там вели работу только Дерек и Илмарт: преподаватели и Руби были на парах, семестр уже начался. Отличить, кто есть кто, было легко с первого взгляда: один корпел над кипой справочников, другой рисовал карту.

Привычным к быстрому анализу глазом господин Михар выхватил важные нюансы: одежда недорогая, но опрятная, руки интеллигентные, с ухоженными ногтями, лицо подвижное, волосы и борода ровно подстрижены. Для учёного слишком аккуратен, для купца слишком небросок.

Дерек поднял на посетителя взгляд дружелюбный и умный; в глазах его стояли обычные искорки азарта исследовательской работы («Довод в пользу учёного», — подумал Михар).

Илмарт тоже разглядел посетителя и досадливо поморщился. От Дерек не укрылась эта гримаса — бросив на друга короткий встревоженный взгляд, он уловил лёгкий кивок, и посмотрел на господина Михара уже более настороженно.

«Сообразительный», — сделал внутреннюю заметку Михар и вежливо, дежурно улыбнулся.

Секретарь представил присутствующих друг другу — хотя всем уже и так всё было ясно — и умчался по дальнейшим делам.

— Чему обязаны? — взял на себя переговоры Дерек, поскольку Михар не спешил обозначать цель визита.

Вопрос был задан дружелюбным без грамма фальши тоном, и даже первая настороженность, которая успела мелькнуть во время переглядок с Илмартом, ушла из взгляда. Ровное дружелюбие без капли издевки или холодности.

«Интересно», — слегка наклонил голову набок Михар и мягко ответил:

— Интересуюсь вашим проектом, господин Анодар. Господин ректор, — мимоходом вернул он имя авторитета, — любезно разрешил мне ознакомиться с результатами ваших трудов.

— Разумеется! — с готовностью вскочил Дерек и зашуршал какими-то бумагами в углу, потом извлёк оттуда готовую карту: — Вот, например, минералы! — с глубокой гордостью в голосе известил он.

Господин Михар с вежливой улыбкой принял карту и развернул.

Она была диво как хороша: дорогой пергамент прекрасной выделки, чёткие прорисованные границы, каллиграфически выведенные названия, аккуратные тщательно проработанные иллюстрации, изображающие те или иные материалы. Особым изыском было то, что каждая картинка содержала в себе небольшую цифру, и в легенде под картой можно было уточнить название минерала, ежели его изображение было вам незнакомо.

Даже на весьма искушённый взгляд господина Михара карта оказалась шедевром. Он позволил части своего восхищения отразиться на лице и во взгляде — как если бы он

пытался скрыть это чувство, но оно всё равно прорывалось наружу.

— Тут была особая сложность в том... — начал живо рассказывать Дерек, показывая разные места на карте и объясняя, почему было технически сложно справиться, например, с местами горнодобывающих областей — слишком тесно были бы изображены минералы — и как именно им удалось эту проблему решить.

Михар не отказал себе в удовольствии вступить в высокоинтеллектуальную беседу, и уже совсем было записал оппонента в талантливые учёные, как вдруг, вывернув в разговоре на горы между Анджелией и Джотандой, Дерек уверенно ткнул пальцем в Брейлин и заявил:

— А вот здесь мы добываем прекрасный каменный уголь. Вы знаете, что он гораздо экономичнее древесного в использовании? — с простодушным азартом человека, который говорит о том, что ему весьма занимательно, спросил он.

«Вот те на! — удивился про себя Михар, — мы ведь уже вроде решили, что ты учёный!». Внешне он лишь чуть приподнял бровь и холодно уточнил:

— Это вы мне его продавать хотите, господин Анодар?

Ответом ему был открытый весёлый взгляд, смущённое пожатие плечами и уверенный кивок.

И по этому весёлому взгляду, по играющим в нём хитринкам и по сдерживаемой, едва прыгающей на кончиках губ улыбке Михар понял, что его собеседник над ним издевается. Что он, определённо, ждал этого визита — возможно, не здесь и не сейчас, но ждал. Что он, определённо, знал цель этого визита: прощупать и выяснить, с кем, вообще, приходится иметь дело. Что он нарочно показал себя таким, каким хотел показать, нарочно выбрал именно эту карту, нарочно выстроил план, по которому будет о ней рассказывать, чтобы выехать на торговую тему. Всем этим он буквально демонстративно кричал Михару в лицо: «Я знаю правила этой игры, и я буду играть с тобой на равных».

Последнее соображение вызвало у Михара недовольство столь выдающейся наглостью: Дерек был никем, и его претензия на то, чтобы выступать на равных с человеком такого уровня, каким являлся Михар, была нелепа.

— Глупо, — резюмировал он откровенно, имея в виду и вопрос про уголь, и попытку прыгнуть выше головы. Этим словом он словно подписывал приговор, уведомляя, что глупость подобного уровня без наказания не останется.

Дерек этого нюанса не понял — либо же проигнорировал его — и лишь весело развёл руками: мол, какой уж есть.

Посмотрев на кривляку весьма холодно, Михар кивнул на прощанье обоим и ушёл.

Проводив его взглядом, Дерек сел на стол и заболтал ногой.

— Сколько раз просил на моём столе не сидеть! — дёрнул его Илмарт.

Дерек послушно пересел на стул. Лицо его было напряжённым и мрачным.

Порассматривав его недовольно, Илмарт заключил:

— Вы с Тогнаром — два идиота. Нашли, кого за хвост дёргать.

Явно всё ещё погружённый в свои мысли Дерек рассеянно ответил:

— Именно потому и дёргал, что — мы с Тогнаром.

— Коль тонуть — так уж вместе? — иронично припомнил Илмарт старую поговорку.

Дерек ответил ему растерянной улыбкой:

— Даже не представляешь, насколько ты прав. — И добавил: — Ну, а мне-то он что может сделать? Разве что убить, — фыркнул он.

— То-то Тогнар обрадуется! — проворчал Илмарт.

...Дерек ошибался: фантазия у господина Михара была достаточно богатой, чтобы высылать красивые предупреждения тем идиотам, которые не понимали, куда влезли.

Михар не терпел посягательств на свой авторитет, и для него было однозначно очевидно, что Дереку спускать с рук такие претензии нельзя.

Разведка Михара принесла ему три слабых места Дерека, которые можно было бы использовать против него: угольный карьер, проект с картами и связь с Магрэнь.

Уголь Михар решил не трогать — там сейчас заправлял старший Тогнар, и выходить на прямой конфликт такого рода было бы опрометчиво. В проекте с картами была задействована Руби, поэтому и эту сферу он решил отложить на крайний случай.

Оставалась Магрэнь — которая, к тому же, была от него отчасти зависима из-за контракта на парфюмерию.

«Магрэнь, Магрэнь...» — пощёлкал пальцами в воздухе Михар, пытаясь поймать мысль за хвост, потом достал из кармана сигару и закурил.

Ему было, чем прижать Магрэнь, и это стало бы прекрасным предупреждением для Дерека. Другой вопрос состоял в том, что в Кармидере Магрэнь являлась персоной достаточно влиятельной, и ссориться с нею на ровном месте тоже не очень-то хотелось — она, к тому же, была настоящей хищницей, и сталкиваться с её изобретательной мстительностью... Нет, Михар без особого труда смог бы с нею расправиться; но возня такого рода отвлекала от более важных дел и могла, к тому же, принести репутационные потери.

«С другой стороны, — остановившись в живописном месте на мосту, Михар стряхнул пепел в воду, — Магрэнь может стать проблемой».

Её старая дружба с Райтэном была общеизвестна; теперь же она ещё и сделалась любовницей Дерека. В игре, которую задумал Михар, Магрэнь могла теперь стать ещё одной непросчитанной фигурой — зная оригинальность её мышления, она могла спутать ему часть карт, если надумает вмешаться в расклад.

Взвесив все за и против, Михар пришёл к выводу, что стоит наведаться к ней лично. В отличие от наглого не то торговца, не то учёного, Магрэнь умела понимать высланные ей предупреждения правильно, так что можно было совместить полезное с полезным: и господина Анодара поставить на место, и гарантировать, что Магрэнь не станет вмешиваться в намечающуюся игру.

3. Когда и с кем Магрэнь не играет?

Визиту Михара Магрэнь, определённо, не обрадовалась. Тот не был человеком, который наносит знакомым личные визиты просто из светской любезности; а никакого хорошего дела к ней у него быть не могло. Значит, пришёл с чем-то дурным.

В раздражении Магрэнь пообмахивалась его визитной карточкой, рассматривая соблазнительный вариант «отказать ему в приёме». Однако позволять себе такую роскошь она посчитала опрометчивым: Михар уже что-то задумал, и нарочное обострение в самом начале только ухудшит её положение. Разумнее было принять и выслушать.

Михар принадлежал к самому неприятному ей типу мужчин: тех, кто напрочь игнорировали её принадлежность к слабому полу и строили взаимоотношения с нею ровно так же, как строили их с мужчинами.

Магрэнь этого не переносила: ей были по душе привилегии её пола, она любила, чтобы мужчины вокруг неё не забывали о галантности и позволяли ей всякие мелкие капризы. Кроме того, умело пользуясь такими привилегиями, Магрэнь удавалось и выбить для себя условия получше, и спустить с рук какие-то косяки и залёты, и даже порой получить бесплатно услугу-другую. Она была молодой хорошенькой женщиной, и мужчинам нравилось оказывать ей лёгкое покровительство и чувствовать себя потому более сильными, умными, великодушными и так далее.

С господином Михаром все её уловки пропадали впустую, и, более того, под его неизменно холодным взглядом Магрэнь начинала сама себе казаться некрасивой, неловкой и фальшивой — что раздражало её даже сильнее, чем условия их торгового соглашения.

Она, впрочем, решила разыграть роль приветливой светской женщины. Раз уж он выбрал именно такой тип взаимодействия — личный визит — то должен был ожидать от неё именно такого поведения. Магрэнь полагала в этой ситуации слишком опасным дёргать тигра за усы, и предпочла принять заданный им тон.

Оставив свою раздражённую настороженность при себе, она встретила гостя с любезным дружелюбием. На лице её сияла нежная и доверчивая улыбка, а глаза, казалось, говорили: «О, наконец-то пришёл мой самый любимый торговый партнёр!»

Все эти лучи радости и тепла, как и всегда с ним, ушли в пустоту и совершенно его не достигли: он, впрочем, отобразил формальную деловую улыбку при приветствии, но и лицо, и взгляд его остались холодными и безразличными.

Последнее, однако, было для него типичным, поэтому Магрэнь была склонна толковать сам факт изображённой улыбки как положительный сигнал, и продолжила отыгрывать радушную хозяйку. Защебетав что-то милое о погоде, она засуетилась, приказывая подавать чай.

Господин Михар всегда проявлял завидное безразличие к погодным разговорам — что для коренного анжельца было делом неслыханным — и никак их не поддерживал, просто с любезным выражением лица выслушивая собеседника. Иногда в глазах его можно было прочесть раздражённо-укоризненное: «Ну вот что за чушь вы сейчас несёте?», но Магрэнь умела остановиться вовремя, не дожидаясь раздражения.

Наконец, когда чай был подан, Магрэнь решила, что вполне уместно приступить к делу — поскольку собеседник явно не торопился заговаривать первым.

— Что-то случилось, Арни? — с большой теплотой в голосе спросила она, отпивая чаю.

— Фамильярничаєте, — оборвал её Михар, выражая тоном жёсткое недовольство.

«Так-так!» — настороженно замерла Магрэнь, крепко сжимая ручку своей чашечки.

Она всегда называла его сокращённым именем — как и вообще всех знакомых ей мужчин — а он всегда пенял ей на неуместную фамильярность, но пенял без огонька, скорее формально, и, когда в последующем разговоре она продолжала звать его так, — уже не поправлял её. Это лёгкое противостояние было, по сути, почти традицией.

Теперь же в его тоне звучало железо; он сразу и недвусмысленно обозначал, что не считает её за равную. Это было даже не столько неприятно, сколько тревожно: мало того, что явился лично, без приглашения, так ещё и выстраивает диалог с позиции высшего!

Магрэнь аккуратно поставила свою чашечку на блюдце, не звякнув. Хотя Михар, безусловно, был такой политической фигурой, с которой не ей тягаться, её бесила необходимость признавать этот факт.

— Прошу прощения, — сухо выразила она скорее своё недовольство, нежели сожаление.

— Я слышал, — игнорируя извинения, перешёл к делу Михар, — вы снова ведёте дела с господином Тогнаром?

В голосе его звучала предупреждающая угроза.

«Откуда?..» — удивилась внутри себя Магрэнь, мгновенно заподозрив собственную горничную в сливе информации. Кто ещё мог знать, что Райтэн сюда заглядывал?

— У него прекрасные специи, — мило улыбнулась она, продолжая лихорадочно сообщать.

«Нет, если бы она была куплена, то подслушала бы и разговор, и он бы и так был в курсе, что мы обсуждали специи», — решила она внутри себя, немного успокаиваясь. Если Михар заподозрил, что она пытается его надуть, тишком закупив благовония у Райтэна, то его визит получил вполне себе мирное объяснение.

— Ах да, ваш батюшка! — словно бы только что вспомнил Михар и безразличным тоном отметил: — Приношу свои соболезнования.

Магрэнь, делающая в этот момент поток, снова насторожилась: её собеседник обычно предпочитал игнорировать то, что его не интересовало. Выражение соболезнований показалось ей тревожным знаком — но понять, к чему он ведёт, она не смогла. Она весомо опустила чашечку на блюдце, давя на ручку так, будто желала этот блюдце продавить.

Ей, впрочем, стало понятно, откуда у него взялась информация о Райтэне. Она не скрывала своей связи с Дерекком, и было логично предположить, что, в делах торговых, где Дерек, там и Райтэн.

— Благодарю вас, — машинально ответила она, так и не проникнув в смысл интриги.

Он без малейшей паузы продолжил развивать явно заранее продуманную мысль:

— Должно быть, вам непросто было вот так вот сходу разобраться в новом для себя деле! — в голосе его звучало спокойное ненаигранное сочувствие.

Магрэнь почуяла подвох, и потому холоднее, чем было ей свойственно, ответила:

— Это дело и раньше было мне интересно, поэтому я скоро разобралась в нём.

— Как же, госпожа Ринар! — теперь голос его выражал лёгкий упрёк. — Вы явно не уделили должного внимания выбору поставщиков!

«Чем ему мои поставщики не угодили?» — совсем потеряла нить интриги Магрэнь. Михар не торговал специями, как вообще его может касаться этот вопрос?

Или... или он так под Райтэна копает? Ещё лучше! Нашёл, с кем связываться!

— Вы полагаете, меня обманывают? — недовольным деловым голосом спросила она, хмурясь и надеясь разжиться подробностями.

— Я не полагаю, я знаю наверняка, — радушно ответил он, доставая из нагрудного кармана сигару, — что часть этих специй не проходит таможенную декларацию.

С раздражением отодвинув от себя чашку с блюдцем — та скрипнула по поверхности стола — Магрэнь поморщилась: «Тоже мне, нашёлся тут, чистюля! А то у тебя самого всё по-белому!» — однако крыть было нечем, поэтому она просто попыталась перевести тему, и капризно протянула:

— Вы же знаете, что я не переносу запах вашего курева, господин Михар!

Тот смерил её взглядом безразличным, встал, подошёл к камину, достал с помощью щипцов уголёк, прикурил, демонстративно затаился, затем ответил:

— Как и я — запах ваших духов, госпожа Ринар, — вернулся на своё место, сел, закинув нога на ногу, под недовольным взглядом Магрэнь стряхнул пепел прямо на кофейный столик и отметил: — Придётся обоим потерпеть!

В глазах его, впрочем, отчётливо читалось: «Придётся тебе потерпеть».

В голове Магрэнь промелькнул поток нецензурной брани. В смысле?! Заявился к ней, ведёт себя как у себя дома, наглеет прямо на глазах!

Возмущённым взглядом попрожигав пепельное пятно на дорогой перламутровой инкрустации столика, она подумала, что зря выбрала сегодня свежий древесный аромат. Знай она заранее, кто к ней явится, — надушилась чем-нибудь убойно-лилейным. Чтобы тяжёлый запах наполнял собой полностью всё пространство, где она появлялась, выражая собой всю степень её недовольства и вынуждая незваного гостя поскорее свалить.

— Итак, — меж тем, непринуждённо продолжил Михар, — нам остаётся лишь выяснить, насколько именно вы, госпожа Ринар, в курсе происхождения закупаемых вами товаров...

— При чём тут я? Если вы обнаружили нарушения — обратитесь в соответствующее ведомство, — холодно отпарировала Магрэнь, берясь за чашечку и делая маленький глоток. Чай показался ей неприятно-горьким — определённо, из-за запаха проклятого курева! — и она потянулась к сахарнице.

«Что тебе надо, сволочь?! — притом раздражённо поглядывала она на заполняющий комнату дым. — Не припомню, когда это тебя в торговую инспекцию успели назначить?!»

Он пыхнул сигарой, снова стряхнул пепел на столик — она от досады громко звякнула крышечкой сахарницы — и добродушно переспросил:

— При чём тут вы, Магрэнь? — и любезно пояснил: — За распространение, знаете ли, тоже срок дают.

Магрэнь позволила вежливому недоумению отразиться на её лице.

«Чтобы политик такого уровня — и занимался подобной ерундой?» — говорило это выражение.

Она, конечно, как и всякий успешный торговец, была не совсем чиста на руку, и, в частности, не брезговала контрабандными товарами. Но, разумеется, как и у всякого успешного торговца, у неё были покровители, которые за определённую... благодарность, выраженную в денежном эквиваленте... закрывали глаза на её грешки.

Так вели торговые дела все, не только она. Это было, конечно, формально незаконно... Но на деле весь заинтересованный аппарат чиновников так или иначе с того кормился, поэтому не усердствовал в поиске и наказании виновных.

— Вам не кажется, что вы лезете не в своё дело, господин Михар? — мягко намекнула ему она, особенно раздражаясь тем, что он продолжает курить с самым непринуждённым видом — она никогда не позволяла мужчинам курить в её присутствии.

В конце концов, это забивало аромат её прекрасных духов!

— Ах, какое вышло недоразумение! — всплеснул свободной от сигары рукой Михар. — Разумеется, я полезу в это дело не сам, — наклонясь в её сторону, он с хищной улыбкой отметил: — Думаю, мой старый друг, — он назвал имя одного столичного чиновника, — не откажет мне в любезности и проведёт тщательную проверку ваших дел, — с большим удовольствием выговорил он, откидываясь на спинку кресла и демонстративно затягиваясь.

Магрэнь, которая как раз добавляла сахар в свой чай, умудрилась просыпать его мимо чашки, что вызывало у неё раздражённое шипение. Её покровители принадлежали к верхушке кармидерского общества, но она была не уверена, что они совладают со столичной шишкой.

Покровителей в столице у неё не было — да и зачем? Дело её, пусть и оказалось успешным, не имело таких оборотов, чтобы заинтересовать по-настоящему крупных хищников — и Магрэнь, решительно, не понимала, зачем бы Михару вздумалось угрожать ей. Он не поимел бы с этого никакой выгоды; а столь громкое дело, как столичная инспекция дел простой кармидерской купчихи, всколыхнуло бы их местное болото потоками возмущения. Кто тут не был нечист на руку? Все бы заволновались!

Итак. Решив, что дело это Михару само по себе не выгодно, и является лишь прикрытием его настоящей цели, Магрэнь вынесла предположение, что ему что-то от неё нужно — что-то, чего ей не очень-то хочется делать, — и он решил таким оригинальным способом простимулировать её сговорчивость.

Из-за столь неприятного способа давления пособничать ему особенно не хотелось; но и выходить на прямой конфликт Магрэнь не считала разумным. Даже если она, мобилизовав свои связи, отобьётся от этого его чиновника — нервов это ей попортит немерено!

Неплохо бы всё же сперва выяснить, что конкретно Михару нужно, а там уж взвесить, стоит ли идти на конфликт или на компромисс.

Кивнув самой себе, Магрэнь вступила на путь сговорчивости.

— Честному человеку нечего опасаться проверок, — мило улыбнулась она, опуская глаза. — Однако, неловко перед вашим другом, что он впустую потратит время на такую ерунду!

Он смерил её задумчивым взглядом, сделал ещё затяжку, после чего отметил:

— О, мой друг не тратит время впустую. Золотой человек! Всегда что-нибудь находит! — и с лёгким смешком добавил: — Если иметь задачу именно найти, госпожа Ринар... вы понимаете?

Магрэнь понимала.

Даже если бы она была полностью чиста — чего и в помине не было — при конкретной задаче именно найти... Человек умелый и обладающий связями и властью без труда организует дело.

«Что ему от меня надо?!» — с досадой подумала она. Это уже смахивало не на лёгкую стимуляцию сговорчивости, а на полноценный шантаж! И ей было решительно, решительно неясно, зачем ему понадобилась эта нарочитая до вульгарности демонстрация силы.

— Вполне понимаю, — сухо озвучив эту мысль, она отложила чашечку, встала к камину

и переставила пару ваз. Спиной она чувствовала его насмешливый взгляд.

«К чему эти почти прямые угрозы? — пыталась понять она. — Разве я в чём-то перешла ему дорогу? Явился лично, ещё и давит, не переставая...» — она не могла выстроить ни одной толковой версии.

Дело выходило серьёзное. Положим, она отобьётся от его проверяющего — но у него ведь найдутся и другие рычаги давления. Его политический капитал, его связи и его финансы, наконец, значительно превосходят её. Ей и в голову не пришло бы переходить ему дорогу — она не самоубийца же! — но он теперь вёл себя так, словно бы она эту дорогу всё же перешла, или, по крайней мере, намерена переходить.

Магрэнь не видела плоскостей, в которых их интересы могли бы пересечься. Она не обладала связями и влиянием за пределами Кармидера, а он приезжал сюда разве что на светский сезон. Что им было делить?

Она решила попытаться всё же выяснить, в честь чего он устроил это позвякивание своим арсеналом, поэтому она развернулась к нему и вкрадчиво сказала:

— Господин Михар, по правде сказать, я уже устала гадать по разводам пепла на перламутре моего кофейного столика, что именно вы от меня хотите. В жизни не поверю, что у человека вашего уровня не нашлось иных дел, кроме как копаться в местечковом бизнесе мелкой купчихи.

Он посмотрел на неё с нечитаемым выражением несколько секунд, пыхнул сигарой и холодно отметил:

— Дерзите?

— Как можно! — растянула она губы в улыбке и спокойно пояснила: — Лишь хочу сэкономить ваше драгоценное время.

Он не стал отвечать сразу, со вкусом докуривая. Она, прищурившись, настороженно ждала его следующего хода. Докурив, он потушил сигару прямо о столик — от возмущения рука Магрэнь так дёрнулась, что она чуть не свалила с каминной полки одну из своих любимых ваз, — потом встал и неторопливо подошёл к ней, разглядывая в упор с почти исследовательским любопытством.

Наконец, лицо его расслабилось, и он с лёгкой долей печали в голосе отметил:

— Я в вас разочарован, Магрэнь.

Всё внутри неё вспыхнуло от такой наглости — подумать только! Рука её дёрнулась — дать ему пощёчину — но она успела перехватить это движение и замереть.

«Не время лезть на рожон», — напомнила она себе. Он теперь был в сильной позиции, и ей совсем не улыбалась мысль закончить свои дни где-то в кармидерской канаве среди других неопознанных трупов.

Она ждала продолжения его речи, но он лишь невозмутимо смотрел на неё с едва уловимой грустной насмешкой. Ей было в высшей степени некомфортно ещё и от того, что он находился теперь слишком близко, а ей было некуда отступить от него.

Меж тем, он побудительно приподнял бровь, ожидая, видимо, от неё вопроса «Почему?»

Играть по его правилам не хотелось: кончики её пальцев всё ещё кололо предвкушением так и не выданной ему пощёчины.

— А с чего вы решили, господин Михар, — мягким тоном, за которым, однако, пряталась сталь, спросила она, — что меня волнует ваше мнение обо мне?

Лицо его приобрело снисходительное выражение, а вот тон, напротив, был весьма

жёсток, когда он в ответ спросил:

— А волнуют ли вас цементные туфли, которые я подарю вашему любовнику перед его увлекательной прогулкой по дну Рона?

«Дерек-то ему чем не угодил?» — была совершенно шокирована таким переходом она. Она ещё понимала, как он мог что-то не поделить с Райтэном, но Дерек!..

Вслед за шоком пришло возмущение: подумать только, он ещё и смеет совать нос в её личную жизнь!

Возмущение сменилось недоумением: как в их разговоре вообще умудрился всплыть Дерек?

...и только в этот момент она поняла, что именно сказал Михар. Несмотря на тепло камина, находящегося прямо за её спиной, Магрэнь заледенела.

«Чем он ему настолько не угодил?» — внесла она коррективы в своё недоумение. Она не могла себе представить, каким образом Дерек настолько помешал Михару, что удостоился столь прямолинейных угроз.

Передёрнув плечом, она вскинула подбородок, обошла Михара стороной, села в своё кресло, сделала глоток остывшего чая, поморщилась и попыталась прояснить ситуацию:

— Быть может, вы будете настолько любезны, Арни, что поделитесь со мной причинами, по которым вы лично решили заняться досугом моих любовников?

Он облокотился на камин и сложил руки на груди. В глазах его сверкали искорки удовольствия, что особенно её бесило.

— Что ж, Магрэнь, исключительно из дружеского участия к вам я буду столь любезен, — перешёл он обратно на светский тон.

Она беззвучно фыркнула, проглотив замечание о том, что страшно себе представить, как выглядит его не одобренная «дружеским участием» любезность.

— У господина Анодара, — лёгким тоном продолжил Михар, — наблюдается профицит [1] свободного времени в сочетании с заметным дефицитом хороших манер, — в голосе его ощутимо звякнуло железом недовольство, но расшифровывать причины этого недовольства он не стал.

Магрэнь, впрочем, хватило того, что он уже сказал.

«Мать твою, Тогнар, во что ты снова влип?!» — раздражённо подумала она, ни капли не сомневаясь, что Дерек и Райтэн влипли во что-то вместе, и что инициатором этого безобразия наверняка был именно Райтэн.

«А ведь умный вроде человек!» — сердито и раздражённо подумала Магрэнь в адрес Дерекка. Она прекрасно могла себе представить безрассудного Райтэна, который умудрился опять перейти дорогу Михару, не думая ни о каких последствиях. Но Дерек произвёл на неё впечатление человека, умеющего продумывать свои слова и поступки. То, что он умудрился нажать себе врага в лице Михара, характеризовало его с худших сторон.

Она едва слышно пробормотала что-то нецензурное, откидываясь на спинку кресла, прикрывая глаза и массируя себе виски — голова просто раскалывалась. Вот уж чего она точно не желала теперь, так это оказываться вовлечённой в конфликт с Михаром из-за...

Мысль Магрэнь оборвалась.

Михар мог просто прийти и передать своё недовольство поведением Дерекка куда как любезнее — она не стала бы идти с ним на конфликт из-за таких мелочей. Однако он явился

и устроил тут целый спектакль — а не в его правилах было тратить время и силы впустую.

Значит, цель у него была не только в передаче предупреждений для Дерека.

Он хотел, ко всему, напомнить лично ей, что не ей тягаться с ним, и что вмешиваться в его игру ей категорически не стоит.

«Да я и не собиралась!» — раздражённо подумала Магрэнь.

Она стрельнула в Михара взглядом острым и злым — скорее выражающим злость на то, что её в принципе куда-то втягивают, — после чего холодно завершила их разговор:

— Я вас слышала, Арнсэн.

Он тихо рассмеялся, затем вкрадчиво отметил:

— Что я всегда в вас особенно ценил — так это ваш ум, Магрэнь.

И, не прощаясь, вышел.

Стиснув зубы, Магрэнь с трудом удержалась от желания схватить с каминной полки вазу и зашвырнуть ему вслед.

С тщательной осторожностью сложив руки на коленях, она пообещала себе, что однажды ему этот визит припомнит. То, что, вопреки её усилиям, пальцы её отчётливо дрожали, она постаралась не замечать.

Профицит — избыток чего-либо.

4. Как проигрывать профессионально?

— Дерри, — с обманчивой мягкостью в голосе мурлыкнула она вечером, прижимаясь к нему со спины и сжимая его плечи так, будто планировала делать ему массаж, — скажи, а почему с людьми ссоришься ты, а страдаю от этого я? — её впившиеся ему в кожу ногти заставили его вздрогнуть.

— Что? — переспросил удивлённый Дерек, оборачиваясь к ней и пытаясь вспомнить, когда и с кем он умудрился поссориться.

Магрэнь уселась на кровать в изящную позу — вытянув обнажённую ножку — и принялась руками неспешно расчёсывать волосы, пропуская пряди через пальцы. Мирная её поза контрастировала с серьёзным железным взглядом, которым она впиалась в лицо Дереха.

— Я не знаю, что вы с Тогнаром не поделили с Михаром, — холодно отметила она. — Но извольте решать ваши разногласия без моего участия, — голос её был откровенно злым. — Я не подписывалась передавать тебе его предупреждения.

Она была чрезвычайно зла на Михара, который позволил себе вести себя при ней так нагло, и на себя, что у неё не было реальных возможностей поставить его на место в таких ситуациях. Часть этой злости выплёскивалась теперь и на Дереха, как на зачинщика этого идиотского положения.

Дерек закаменел.

Привыкнув всю жизнь обходиться без любовницы, он как-то совершенно упустил из виду, что в политических играх высокого уровня постоянная любовница становится такой же мишенью, как и члены семьи.

«Я должен был об этом подумать», — с большим недовольством промелькнула у него мысль.

Ему сделалось муторно и гадко на душе; он, действительно, вообще не подумал о том, что подставляет Магрэнь под удар. Слишком привыкнув полагаться на свой ньонский опыт, он позабыл, что теперь ему есть, кого терять, а вот всегда готового вытянуть его из любой передраги Грэхарда — Грэхарда у него теперь нет.

— Проклятье, — дёрнул он себя за бороду.

Магрэнь прищурилась. Хмурая задумчивость Дереха не вселила в неё оптимизма: если бы его ссора с Михаром имела случайный характер, он бы сейчас наверняка рассыпался бы в извинениях и обещал всё уладить.

— Во что вы влипли? — тоном взрослого человека, уличившего детей в опасной шалости, спросила она.

Дерек, уловив подоплёку этого тона, поморщился, но не стал начинать конфликт.

Потерев лоб и брови, он ответил:

— Он мутит какие-то комбинации вокруг Райтэна.

Резко выдохнув, Магрэнь откинулась на кровать и задумалась.

— Что ему может быть за интерес в Райтэне? — наконец, озвучила своё недоумение она. — Он же в интригах совсем ребёнок!

— Так он и разыгрывать его планирует втёмную, — логично возразил Дерек.

— А, — понятно протянула она, — и тут, значит, вступаешь ты. Которого втёмную не сыграешь... — пробормотала она, понимая, что влипла: потому что едва ли Дерек откажется от идеи играть против Михара, раз уж в дело оказался замешан Райтэн.

Он явно думал о том же, потому что спустя минуту с большим напряжением начал было говорить:

— Рэнь, нам надо...

— Тс! — мягко зажала она ему рот ладонью. — Теперь уж поздно.

Имея в виду, что, ежели даже они сейчас расстанутся, это не выведет её из-под удара.

— Тогда выходи за меня, — серьёзно предложил он, пытаясь хоть так компенсировать доставленное ей беспокойство.

Она смотрела на него несколько секунд удивлённо, потом рассмеялась вполне искренне и спросила сквозь смех:

— Сам-то видишь, насколько оскорбительно это прозвучало?

Дерек покраснел.

— Мстишь? — наконец, переспросил он, поскольку было очевидно, что она прекрасно знала, что он не имел в виду чего-то оскорбительного из серии «раз уж у меня всё равно нет другого выхода, так и быть, я готов на тебе жениться».

— Немного, — легко согласилась Магрэнь, которая, и в самом деле, просто вымещала досаду за сегодняшнее волнение.

Они помолчали.

— Рассказывай, — наконец, велела Магрэнь.

Дерек неопределённо повёл плечами. Подробности этого дела, по его разумению, имели слишком личный характер для Райтэна, поэтому он не считал возможным говорить об этом третьим лицам.

— Ты рассказывай, — обернув к ней упрямое лицо, перевёл стрелки он. — Что тебе Михар наговорил?

Магрэнь смерила Дерекa взглядом раздражённым и острым; она поняла, почему он не стал отвечать на вопрос, и ей это было неприятно. Она считала их обоих недостаточно искусными в интригах, чтобы играть против такой фигуры, как Михар, и теперь досадовала, что не может проконтролировать их дальнейшие действия и убедиться, что они не испортят своё и без того дурное положение.

Наконец, поняв, что выманить из Дерекa подробности ей не удастся, она сухо ответила:

— Велел мне не лезть в это дело, и был весьма убедителен в приведении своих доводов.

Дерек облегчённо перевёл дух и резюмировал:

— Ну вот и не лезь.

...Дереку в эту ночь спалось плохо: он всё придумывал, как вывести Магрэнь из-под удара — и всё не мог придумать. Он чувствовал изматывающее, мерзостное бессилие перед грозящими ей опасностями, и, в свойственной ему самоуничижительной манере полагал, что лучше бы ей было вообще с ним не связываться, чем теперь иметь такие масштабные проблемы.

Он не знал наверняка, каких действий потребует от него интрига, потому что не понимал пока целей господина Михара; но он твёрдо знал, что никогда не оставит Райтэна барахтаться в этой интриге в одиночку — потому что Райтэн, в самом деле, несмотря на весь свой роскошный ум, в этих делах не понимал ничего.

Ему было неважно, что она не винила его; он сам винил себя, что из-за него она попала под удар — и, наверно, винил именно потому, что в выборе между нею и Райтэном не испытал бы ни малейших колебаний. Он был готов жертвовать ею; она это понимала; она не ждала от него иного, и всё же ему было мучительно стыдно перед ней, как если бы он её

обманул.

В самом дурном расположении духа утром он отправился в университет. Работа немного отвлекла его от тягостных мыслей, но, видимо, этому дню было суждено быть безнадежно испорченным, потому что, к своей полной неожиданности, ближе к обеду он столкнулся у библиотеки с господином Михаром.

Дерек хотел было сделать вид, что не заметил его, и пройти со своим справочником мимо, но у Михара оказались иные планы: ему требовалось понять, чего ждать от противника теперь.

— Ба! Господин Анодар! — радушным тоном обозначил приветствие он.

Выругавшись про себя, Дерек обернулся, вежливо приподнял уголки губ и с заметной прохладой в голосе ответил:

— Господин Михар.

Тот, заложив руки за спину с весьма самодовольным видом, медленно приблизился, и с некоторой долей насмешки в голосе спросил:

— И где ж сегодня ваше хвалёное дружелюбие?

Дереку хотелось ответить, что он думает о людях, кои вмешивают в мужские игры женщин, но он сдержал себя и довольно любезно ответил:

— Берегу исключительно для тех, кто покупает мой уголь.

С коротким смешком Михар заметил:

— Как быстро, однако, вы отчаялись заполучить меня в свои клиенты!

Дерек понял, что речь идёт не столько об угле, сколько о той неведомой ему интриге. Очевидно, по всем правилам игр такого рода господин Михар хотел теперь убедиться, что его предупреждение услышано, и услышано правильно, и Дерек не станет лезть в игру, которая ему не по уровню.

Следовало, судя по всему, ответить что-то о том, что он, мол, и с первого раза понимает слова, или о том, мол, куда ему, простому промышленнику, такие высокие клиенты, или ещё что-то такое — вполне себе отступательное, униженное, и всячески выражающее, что он, Дерек, прекрасно осознаёт, что ему не тягаться с противником такого уровня.

Дерек сжал челюсти. Самоуничижительная глупость упорно не сходила с языка.

Господин Михар наблюдал за ним с вежливым любопытством — он, в общем-то, не сомневался в факте наличия у собеседника разума, поэтому понимал, что Дерек не станет рисковать и придёт к правильному решению.

— Один мой друг, — вдруг медленно и спокойно начал говорить Дерек совсем не то, что ему следовало сказать, — считает, что налог на глупость всё-таки существует, и никому не избежать его уплаты.

Михар вежливо приподнял брови, ожидая необычного развития столь перспективной мысли.

Дерек посмотрел на него прямо и открыто; и во взгляде его стояло скорее сожаление и — чуточку — разочарование, когда он продолжил:

— Ежели некий человек утверждает, что растопка каменным углём — это глупо, то кто я такой, чтобы мешать ему платить свой налог?

Господин Михар настолько не ожидал подобной наглости, что даже не сразу нашёлся с ответом — в манере Дерека всё же было что-то, что вызывало у него безотчётную симпатию, и ему не хотелось выходить на бескомпромиссно жёсткое противостояние.

Тех нескольких секунд, что он колебался между необходимостью жёсткого ответа и нежеланием обострять, хватило, чтобы Дерек что-то вдруг решил для себя, улыбнулся совершенно солнечно и заверил:

— Впрочем, вы знаете, говорят, я полная бестолковщина в делах коммерции! — он с шутовским видом раскланялся, чем скрыл от собеседника мелькнувшую в своём взгляде тоску. — Так что на вашем месте я бы не принимал во внимание ту ерунду, что я несу!

Внутри него, впрочем, отчаянно рос протест против этой когда-то привычной лёгкой манеры. То ли наставления Райтэна сыграли свою роль, то ли он, наконец, повзрослел, но почему-то в этот раз манера эта вызывала у него дикое сопротивление. Однако он испугался, что своей дерзостью подставляет под удар не только Магрэнь, но и Райтэна, и он предпочёл сдать назад и отступить на когда-то привычные позиции безобидного шута, который ни в коем случае ни на что не претендует.

— Бестолковщина, значит? — задумчиво протянул Михар, смерив собеседника ледяным взглядом с ног до головы.

— Полная и беспросветная! — подавляя этот внутренний протест, с подкупающей искренностью заверил Дерек, прикладывая к сердцу руку — в ней оказался справочник, что выглядело весьма комично, поэтому он, бегло взглянув вниз и опомнившись, поскорее поменял руки и нацепил на лицо выражение глубокой скорби по собственной бестолковости.

Как это всегда с ним бывало, кривлянья такого рода выходили у него совершенно естественными, ненатужными, наполненными таким искренним весельем и тоном добродушной насмешки над самим собой, что удержаться от улыбки бывало очень сложно — господин Михар с удивлением поймал себя на необходимости прикусить губу изнутри.

«Что ещё за дурь!» — раздражённо подумал он, пытаясь понять, почему ему столь сложно выдерживать давно проработанную до мелочей и привычную, как старый разношенный костюм, манеру.

— Феноменально! — наконец, отметил он разыгранный спектакль высокой оценкой. Внутри него невольно зародилось уважение к человеку, который умеет сохранять самообладание даже в столь паршивых ситуациях. Михар был привычен к тому, что людей, которым он угрожал, ломало; Дерек же принимал своё поражение, не теряя притом чувства собственного достоинства и ни капли не выглядя проигравшим.

Он, в самом деле, вроде бы и согласился с тем, что ему, дураку, лезть в дела Михара не стоит, но умудрился предварительно и самого Михара обозвать глупцом, и разыграть всё это притом так, что теперь решительно было неясно, что с ним делать дальше.

«Надо бы прищучить», — как-то тоскливо подумал Михар.

Прищучить, определённо, было надо, но всё не шло на ум, как именно. Оппонент явно понял полученное предупреждение правильно — и, судя по всему, лезть на рожон не хотел. И правила игры ему, очевидно, были хорошо знакомы — он, по сути, ходил по самому краю, но через него не переступал. Ювелирная работа!

Михар невольно задумался, где можно было выучиться настолько тонкой игре — Анодар ведь не готовился заранее, но выдал свои гримасы привычно и легко, даже скорее автоматически, что говорило об обыденности такой манеры.

Но ни учёному, ни купцу эти навыки без надобности.

«А кому — надобность?» — задал себе вопрос Михар, потирая подбородок.

«Тому, кто привык играть с противником заведомо сильнее себя», — совершенно точно

определил он, что вызывало у него новую волну вопросов.

— Феноменально! — повторил свою оценку он и медленно, держа мимику противника под прицелом своего взгляда, расшифровал: — Уметь полностью расписаться в собственном проигрыше, притом сохранив достоинство, и даже огрызнуться — и как-то и зубасто, и беззубо одновременно... — он пожевал губами, анализируя увиденное. — Вы, кажется, умеете профессионально проигрывать, господин Анодар, ведь так?

Дерек удивлённо приподнял брови. Манера, которую он всегда приберегал для Грэхарда, выскочила из него сегодня инстинктивно — возможно, потому что он почувствовал себя в схожем контексте.

И никогда до этого дня он не задумывался о том, что эту манеру можно было обозначить как умение профессионально проигрывать.

— Сочту за комплимент, — сдержанно кивнул он, следя за Михаром настороженно.

Это с Грэхардом он знал, где находятся границы, которые переходить категорически нельзя, — а тут-то можно было нарваться!

«Придётся изучать всё это заново», — с глубокой внутренней тоской подумал Дерек.

— Не смею больше вас задерживать, — отпустил его движением руки Михар, всё ещё погружённый в свои мысли.

Дерек незамедлительно нырнул в библиотеку — а когда вышел, с другим теперь справочником, коридор уже был пуст.

5. На что обращает внимание Илмарт?

Нынешним вечером собрание исследовательского кружка по картографии представляло собой зрелище весьма любопытное.

У одной из стен, левым боком к двери, спиной к окну — чтобы свет помогал работать — сидел Дерек. Настрой его, впрочем, был отнюдь не рабочий: последний час он тупо разглядывал одну-единственную страницу в книге, задумчиво раскачивался на стуле и постукивал пером по столу.

Это постукивание весьма раздражало Райтэна, который сидел от него по правую руку, и время от времени прихлопывал ладонь друга к столу, чтобы тот перестал постукивать. Дерек, действительно, прекращал на некоторое время, но потом начинал снова — явно машинально, не замечая ни того, что стучит, ни того, что Райтэн пытается его прервать.

Сам Райтэн, регулярно матерясь себе под нос, помогал Олив рассчитать площади разлива Кантаэнь — Олив пыталась припомнить конкретные цифры и факты, вычислить по карте Илмарта расстояния, а Райтэн оказался единственным в их компании, кто был способен математически точно высчитать площади столь странных и причудливых фигур.

Олив сидела за отдельным столом, который сама поставила перпендикулярно тому, за которым ныне расположились Дерек и Райтэн. Едва только войдя впервые в этот кабинет, Олив тут же облюбовала себе место напротив двери и сама перетащила сюда и стул, и стол — раньше, чем мужчины опомнились и бросились ей помогать. Это оказалось стратегически удобное место: здесь можно было контролировать взглядом и дверь, и окно, и всех находящихся в комнате.

По правую руку от неё в углу сидел Илмарт, занятый очередной картой. Его место стратегически было не таким выгодным, как место Олив: дверь располагалась от него справа, и он контролировал её боковым зрением. Илмарт избрал такое положение потому, что в самый угол ему удалось приткнуть стеллаж, на котором он разместил всю прорву инструментов, необходимых ему для тонкой работы.

Замыкала круг Руби, которая сидела за столом спиной к двери — она выбрала его потому, что так было удобно уточнять информацию и у Дерека, и Илмарта, что бывало ей нужно довольно часто.

В этот раз работа шла в тишине — только Олив и Райтэн негромко переговаривались. До Илмарта регулярно долетало то «Тогнар, не будь столь самоуверен», то «Се-Стирен, как ты вообще с таким пессимизмом дожила до своих лет?» Судя по всему, амбициозные планы Райтэна по торговле на северном направлении не находили у Олив должного отклика.

От работы всех неожиданно отвлек Дерек.

— Профессор Кантар! — вдруг с воодушевлением заявил он, разглядывая пустоту перед собой.

Все взгляды обратились к нему. Но если Илмарт и Руби просто не поняли, причём тут преподаватель математики, то Райтэн, напротив, сходу воодушевился.

— Точно! — стукнул он себя по лбу и незамедлительно вскочил, не доведя формулу до решения.

— Да, он должен быть ещё здесь, — поддержал его Дерек и тоже вскочил.

Жена упомянутого профессора была племянницей одного из членов Парламента, что сходу не припоминалось. Но, если тщательно перебирать в голове, кто из твоих знакомых может быть в курсе столичных политических сплетен, то добредаешь и до таких нюансов — что и произошло с Дерекком.

Райтэн понял мысль на лету, и поэтому друзья рванули на выход — отлавливать профессора.

— Тогнар вообще способен усидеть на месте ровно хоть час? — раздражённо высказалась вслед закрытой двери Олив, которая осталась один на один с цифрами и формулами, не все из которых были ей знакомы.

Илмарт честно задумался, но не смог припомнить таких случаев.

— Справедливости ради, — отметила, отрываясь от рисования, Руби, — идею высказал Деркэн.

Они все, правда, так и не поняли, в чём состояла суть этой идеи и почему профессор математики потребовался столь срочно. Гадать было бесполезно — у этой неусидчивой парочки слишком оригинально перемешивались в их жизни самые разные планы и виды деятельности — так что все просто вернулись к своим делам: Олив — к формулам, Илмарт — к карте, Руби — к рисованию.

Вскоре у Илмарта случилась досадная заминка. У него в работе была карта распространения пород рыб. Он помнил, что Дерек предупреждал его о каких-то нюансах по части отображения райанских озёр — но в чём состояла суть дела, вспомнить не удавалось.

Досадуя, что Анодар свалил именно тогда, когда оказался нужен, Илмарт подошёл к его столу в попытках найти нужные заметки по теме — трудные случаи Дерек иногда набрасывал от руки, криво, но доходчиво. В обозримом пространстве нужных материалов не оказалось, но на подоконнике столпились целые стопки бумаг, и Илмарт решил порыться в них. Правда, просто дотянуться до подоконника не удалось бы, а лазать под столами на глазах у дам Илмарт счёл неудачным решением, поэтому пришлось обходить всё скопление мебели. Это можно было сделать как слева, через Олив, так и справа, через Руби. Илмарт выбрал второй вариант, потому что так было чуть ближе.

Обходя Руби, он досадно споткнулся — кто-то из преподавателей умудрился притащить сюда наглядное пособие в виде бюста отважного полководца и оставить его прямо на полу. Не ожидавший такой подставы Илмарт едва не упал на Руби, в последний момент ухватившись за её стул и попутно своротив на пол какую-то книгу.

Руби рассмеялась.

— Я так и знала, что Миддрафт Тёмный тут не к добру! — помянула она полководца и, изящно прогнувшись, подняла книгу.

— Зачем он, вообще, нам? — проворчал Илмарт, преодолевая неожиданное препятствие и зарываясь в бумаги на подоконнике.

— Историки хотели карту с полководцами! — просветила Руби.

— Карту с полководцами?! — изумлённо повернулся к ней Илмарт.

— Ну да, — повела она плечом нерешительно. — С портретами самых известных полководцев из разных стран.

Хмыкнув со своего места, Олив отметила очевидное:

— Как будто у нас есть их портреты!

— На этом и запнулись! — со смехом согласилась Руби и прибавила: — Но они теперь меня просят придумать эти портреты по имеющимся в хрониках описаниям.

— А ты так умеешь? — заинтересовался от окна Илмарт, всё ещё пытаюсь найти то, что ему требовалось.

Ему очень нравилось, как Руби работает с оформлением карт. Сперва он, по правде, переживал: ему несомненно казалось, что любые рисунки только испортят его труд. Однако быстро выяснилось, что с Руби они сработались, и теперь он получал море удовольствие от творческого сотрудничества.

Дело в том, что Илмарт относился к картографии необычайно серьёзно. Для него каждая карта была живой, дышащей, обладающей своим неповторимым характером. Перед началом работы он всегда воображал её — как если она бы была человеком — и потом пытался отразить этот пойманным им характер в каждой мелочи. Каждая нанесённая им черта дышала этим характером. От карты к карте менялся его почерк, толщина линий, тип штриховки, острота углов и десятки других нюансов, которые не были заметны непрофессионалу, но отличали карты Илмарта от любых других.

Руби умела чувствовать карту. Она с несомненной ясностью улавливала тот характер, который зарождался под пером Илмарта, и умело дополняла его иллюстрациями — заставляя карту ожить. Ему виделось в её работе какое-то волшебство; она не только не портила его задумку — она одухотворяла её внутренним движением чувства.

— Я умею, — признала Руби и добавила: — Но это сложно. Возможно, позже попробую.

Илмарт довольно хмыкнул — нашёл те самые заметки по райанским озёрам — и вернулся к себе, теперь уж избегнув встречи с головой Мидрафта Тёмного.

С четверть часа они тихо работали.

Потом Олив с досадливым:

— Тогнар, чтоб тебя!.. — вскочила и принялась копаться в справочниках, которые занимали райтэновскую половину стола. Поиски её, впрочем, не увенчались успехом. — Да где он вообще эту формулу нашёл!

— Постой, — припомнил Илмарт, — дай мне посмотреть.

Обойдя столы теперь уже по стороне Олив, он, протиснувшись мимо неё, снова закопался в бумаги на окне — ему там только что попадались какие-то формулы, и он подумал, что это могут быть те самые.

С досады Олив швырнула на стол тот справочник, который был у неё в руках; он упал на самый край стола и мог бы скатиться на пол, но Илмарт машинально его поймал. Пока Олив листала одну из тетрадей на столе Райтэна, Илмарт копался в записях — одной рукой, потому что во второй был спасённый справочник. Это было неудобно, и он решил освободить руки полностью, и переложил справочник в стопку тех, которые уже стояли на столе позади него.

Однако, оказалось, Дерек выставил свои книги, чётко поймав единственную возможную точку равновесия для этих разнокалиберных изданий разной толщины и степени раздутости. Лишний подкидывш эту систему нарушил; стопка накренилась и с грохотом рухнула на пол.

Олив, погружённая в чтение, не ожидала такой подставы. Подпрыгнув от неожиданности, она отшатнулась в угол, выхватывая кинжал.

— Мать твою, Май! — воскликнула она, обнаружив, что виновником переполоха был Илмарт. — Ты меня седой сделаешь!

В её каштановых волосах, и впрямь, местами попадались седые волоски — она и не думала их вырывать, и обычно на солнце они блестели и сильно выделялись на фоне остальных.

— Прости, — повинулся Илмарт, присаживаясь на корточки и собирая книги обратно.

Аккуратная стопка у него не получилась, и он просто сгрузил их кучей на свободное место на столе.

— Чего у вас там? — между тем, недовольно переспросила Руби, не поднимая головы от рисования — работа поглотила её полностью.

— Репетируем осаду кабинета, — повернулся к ней Илмарт.

Продолжая выводить тонкие линии, она хмыкнула.

— Студенческое восстание? — заинтересовалась Олив, возвращаясь к листанию тетрадей.

— Предположим, их одиннадцать, — охотно подхватил Илмарт и добавил: — Но дверь узкая.

— Тю! — отклонила предложение Олив. — От одиннадцати и баррикады из столов хватит!

Илмарт повернулся спиной к окну и принялся тяжёлым взглядом разглядывать столы.

— Нет, — наконец, вынес вердикт он. — Снесут.

— Дверь узкая, — напомнила Олив.

Следующая четверть часа ушла на бесплодные поиски формулы — существовавшей, видимо, лишь в голове Райтэна, — и обсуждение оборонительного потенциала помещения.

В конце концов, они сошлись на том, что справятся с восстанием из пятнадцати студентов без проблем, но вот двадцать будет им уже точно не по зубам, а формулы, судя по всему, в кабинете нет.

Махнув рукой, Олив сказала, что дальше без Тогнара ей тут делать нечего — в тоне её, однако, невольно прозвучало уважение к уму так не вовремя свалившего партнёра, — и ушла домой.

Илмарт вернулся к карте.

Однако работа у него больше не ладилась: со дна души поднималось исподтишка мерзкое, сосущее чувство тревоги.

Илмарт замер: он хорошо знал это чувство приближающейся опасности, когда умом тебе кажется, что опасаться нечего, но подсознание уже считало какие-то тревожные признаки и теперь предупреждает, не давая расслабиться и готовя к схватке.

Это чувство не раз выручало его в Мариане, помогая вовремя заметить засаду или ловушку, распознать предателя или ложь. В Анджелиии оно редко давало о себе знать: как-то при облаве в Брейлине он предугадал, что бандиты заняли позиции на крыше зданий, а ещё вычислил грабителя на рынке — по мелочам в поведении, которые и сам не сумел бы объяснить.

Предчувствие такого плана никогда не было надёжным, и Илмарт знал, что нельзя полагаться на него вполне — тем более, что ему редко удавалось задним числом объяснить, что именно его насторожило. Однако игнорировать то, что не раз спасало тебе жизнь, было бы отчаянно глупо, так что Илмарт невольно задумался.

«Студенческий бунт? Да нет, бред!» — даже помотал он головой, отгоняя мысли. Их с Олив игра была слишком далека от действительности, чтобы увидеть реальную опасность в

нахождении в замкнутом пространстве внутри университета.

«Но что тогда могло меня насторожить?» — методично начал перебирать в голове события Илмарт.

На ум ничего не шло: обычные шуточки, просто рабочий день, привычные задачи. В бумагах копался — могло ли там быть что-то опасное? Вроде, сплошные заметки по их проекту. Глупости. Даже если бы в ходе работы Анодар и обнаружил бы что-то опасное, он бы не стал это записывать — чай, не дурак.

Книги уронил? Так вроде ничего не попортилось. Едва ли порядок в стопке был так принципиален, да и чем мог быть опасен Дер, даже если он и расстроится этому эпизоду? В самом деле, не драться же полезет за уроненную стопку! Олив, и та была опаснее в этой ситуации, поскольку могла от неожиданности и заехать...

Сердце стукнуло гулко, словно говорило: что-то здесь.

Олив. Да, он напугал Олив, это очень неприятно. Она не переносит, когда рядом с нею что-то громко роняют — и Илмарт прекрасно её понимал. Он сам воспринимал такие неожиданные громкие звуки как предвестник опасности и весь подбирался — на всякий случай. Лучше прослыть конченным параноиком, чем не успеть доли секунды — в его прошлом эти доли секунды порой оплачивались жизнями союзников и близких.

Реакции Олив не были похожи на его: он мобилизовался, чтобы быстро атаковать, если это потребуется. Олив же превентивно защищалась, ожидая опасности, удара. Он всегда полагал, что эта разница в их реакциях обусловлена в первую очередь комплекцией: в случайной драке он часто выходил победителем за счёт силы и мышц, а Олив, скорее всего, если и попадала в драку, то бывала бита, поскольку никакая ловкость не компенсирует физическую слабость.

«Стоп, — сказал сам себе Илмарт на этой мысли. — Я почти уверен, что её били или даже избивали — она явно знает, каково это, и боится. Но если Руби тоже били...»

Он нахмурился и исподтишка бросил взгляд на тихо рисовавшую Руби.

Тут же ему бросилось в глаза, что она сидит спиной к двери.

Он никогда не замечал этого раньше, потому что это было в первую очередь удобно ему самому — так она сидела лицом к нему. И, тем паче, он не был настолько параноидален, чтобы обращать внимание на такие мелочи. Это манера Олив была весьма демонстративна, буквально бросалась в глаза — не заметить, что ей свойственен страх перед внезапным нападением, было невозможно.

Далеко не все женщины, которые столкнулись с физическим насилием, ведут себя так, как Олив. В том, что Руби спокойно сидела спиной к двери и не чувствовала на этот счёт никакого дискомфорта, не было ничего странного. В конце концов, она могла просто считать университет безопасным местом.

Илмарт нахмурился пуще. Ему особенно не хотелось подозревать Руби в обмане, потому что она была ему симпатична — из-за общего чувствования характера карт. Но именно от того, что она была ему симпатична и ему не хотелось её подозревать, он включил свою паранойю на полную мощь — жизнь в Мариане приучила его к тому, что симпатизировать женщине может быть смертельно опасно.

Включенная на максимальный режим паранойя дала ошеломительные результаты: Илмарт вынужден был признать, что лишь однажды видел в поведении Руби признаки жертвы насилия — в той сцене у ворот с её отцом.

Совершенно точно она ни разу не демонстрировала ничего подобного до — он бы

заметил, непременно заметил, как обратил внимание на эту черту в Олив буквально в первую же встречу, чуть ли ни на первый же взгляд.

Всё, что он вспоминал после той ситуации о ворот, тоже не несло за собой соответствующих смыслов.

«Когда я уронил те книги, она просто продолжала рисовать, — мысленно перечислял он обнаруженные сегодня странности. — И когда я чуть не упал на неё раньше, она совсем не испугалась».

Он был уже почти уверен, что она притворялась в тот раз — но всё же существовал крохотный шанс, что, сталкиваясь с насилием со стороны отца, она сохранила притом доверие к другим людям и даже к мужчинам. Во всяком случае, Илмарт допускал, что такой шанс есть.

«Но зачем ей? — удивлённо спрашивал себя он. — Неужто так хотелось выскочить за Тогнара?»

Как ни крути, он не мог придумать другого варианта. Руби не могла не знать, что они приложат все силы, чтобы вырвать её из рук отца — так или иначе, бьёт он её или нет. Изображать жертву насилия стоило только в том случае, если она желала форсировать процесс, вынудить какого-то из них — Райтэна или Илмарта — на немедленные действия.

Илмарт был из людей, которые, если бы и начали действовать в такой ситуации, то предпочли бы убить агрессора, не задумываясь о последствиях.

Райтэн был из тех, кто просто бросится вперёд — защищать. Как придётся.

«Чего он вообще тогда заговорил про брак?» — попытался вспомнить Илмарт, но тот разговор уже выветрился из его памяти.

«Итак, моя рабочая версия, — постановил он сам в себе, — что она пыталась спровоцировать Тогнара на защиту».

Эта версия требовала проверки, и Илмарт не стал медлить.

Он с деловым видом встал и прошёл к двери — как будто собирался выйти — но уже у самого выхода обернулся. Руби спокойно работала.

Он сделал шаг к ней, словно что-то забыл спросить, и, положив руку ей на плечо, начал: — Руби...

Она чуть вздрогнула — как вздрогнул бы каждый человек, к кому неожиданно притронулся кто-то со спины, — аккуратно дорисовала линию и повернулась к нему с вопросительным:

— Ил?

— Слушай, иди-ка сюда, — позвал он, словно хотел ей что-то показать.

Она чуть нахмурилась, отложила кисть, встала, вопросительно огляделась по сторонам и так не нашла, к чему именно он пытается привлечь её внимание.

Одним резким движением он толкнул её на дверь спиной и прижал к ней за шею. Она было вскрикнула от страха и неожиданности, но его удушающий захват не очень-то способствовал крикам.

— Тебя ни разу в твоей жизни никто не ударил, — спокойно и холодно сказал Илмарт.

Он не был уверен в этом на сто процентов, но его наблюдений было достаточно, чтобы перейти к жёсткому допросу.

Руби, жалобно моргая, забилась под его захватом, пытаясь вырваться. Обеими руками она вцепилась в его запястье, но не смогла его сдвинуть — их силы были слишком очевидно

неравными. В глазах её стояла откровенная паника; кажется, она даже заплакала.

— Твой отец никогда не поднимал на тебя руку. — Медленно, вбивая каждое слово как гвоздь, утвердил Илмарт, после чего грозно рыкнул: — Так?!

Она лишь моргала мокрыми от слёз ресницами, глядя на него с ужасом.

Он отпустил её шею, давая, наконец, нормально вздохнуть — она тут же вскинула руки, пытаясь прикрыть пострадавшее место, — и перехватил её за плечи.

— Так?! — надавил он, выражая тоном угрозу.

Беспомощно, тонко всхлипнув, она кивнула.

Илмарт перевёл дух даже с некоторым облегчением — если бы она оказалась невиновна, его поведение, определённо, было бы в высшей степени неприемлемым, и во время всей этой сцены ему внутренне было страшно от мысли, что он из-за пустой паранойи набросился на бедную девушку.

Признание, пусть и такое вялое, превратило бедную девушку во врага — а с врагами можно и должно не церемониться.

Тем не менее, выбив то, что хотел узнать, он отпустил её — она тут же сползла по двери вниз и, жалобно рыдая, обхватила руками своим колени.

С минуту Илмарт наблюдал эту истерику, затем жёстко сказал:

— Ты нарочно изобразила испуг перед отцом, чтобы спровоцировать Тогнара. Так?!

Она вцепилась в колени отчаяннее, пряча в них лицо.

Илмарт остался безучастен к её страху.

— Я задал вопрос, — холодно напомнил он и поднажал: — Уверена, что хочешь вернуться в прежнее положение?

Она, испугавшись, попробовала было отшатнуться от него — но ей было некуда, сзади спину подпирала дверь, сбоку — шкаф.

Вдохнув побольше воздуха — мысль о том, что её снова начнут душить, явно наполнила её ужасом, — она тихо подтвердила:

— Так.

Илмарт отстранёно отметил, что с жертвой ему несказанно повезло: она явно не была готова к допросу и не умела выносить даже банального психологического давления.

В Мариане подобные признания и пытками-то не всегда удавалось выбить.

«Слюнтявые анжельцы!» — подумал было он и мысленно запнулся.

К презрению, которое им овладело, неожиданно примешалась жалость, потому что он осознал, что Руби не чета тем марианским женщинам, с которыми ему приходилось воевать.

Он почувствовал острое недовольство собой и даже вину — он отыграл эту сцену так, как будто имел дело с умелой марианской интриганкой, нарочно внедрённой врагами с целью убийства. А перед ним была простая анжельская девчонка, которая просто хотела окрутить богатого парня.

Ему сделалось мучительно жаль её — жаль в первую очередь потому, что она ничуть не походила на тех лживых, мерзких женщин, с которыми ему доводилось сталкиваться на родине. Стремление убежать от гнёта жёсткого отца под крылышко доброго и заботливого мужа в глазах Илмарта выглядело совершенно нормальным; и пусть Руби использовала гадкий и подлый метод, но, во всяком случае, её мотивы не казались ему преступными.

Он перегнул палку и был теперь недоволен собой.

— Да сядь уже нормально, — буркнул он, отходя вглубь комнаты, ближе к своему столу.

Бросив на него испуганный беспомощный взгляд, она, дрожа, поднялась на ноги и села

на своё место, поникнув и спрятав ладони между коленей.

Сложив руки на груди, он мрачно рассматривал её и думал, что точно перестарался. За горло хватать однозначно не стоило. Хватило бы простого психологического нажима — она наверняка раскололась бы, может, не сразу, но после небольшой продуманной игры по нервам — точно.

Она, меж тем, совладала с рыданиями, и теперь дышала глубоко и медленно, пытаюсь успокоиться.

Наконец, вытерла глаза ладонью, потом достала из кармашка платья платок и высморкалась. Немного посидела, глядя на свои колени, потом тихо спросила:

— Ты ему расскажешь, да?..

Илмарт задумался.

Взвесив все за и против, озвучил решение:

— Сама расскажешь.

Она вздрогнула и подняла на него испуганные молящие глаза.

— Я не смогу... — почти беззвучно прошептала она — он скорее угадал, чем услышал.

Он вздохнул.

— За свои поступки нужно уметь отвечать, Руби, — серьёзным тоном отметил он.

Она обхватила плечи руками.

— Как же я ему скажу?.. — наконец, в отчаянии воскликнула она.

— Как есть, — довольно жёстко парировал Илмарт, затем смягчился и добавил: —

Тогнар ценит честность.

Всё лицо её сморщилось от стыда и ужаса.

Помолчав минуту, она сказала:

— Ты прав.

Лицо Илмарта прояснилось; у него отлегло от сердца. То, что она была готова признаться сама, возвращало ему возможность относиться к ней с симпатией.

В конце концов, люди совершают ошибки — им это свойственно.

И умение признать, что ошибся, — достойная черта.

— Лучше сегодня, сейчас, — посоветовал он, понимая, что в противном случае она измучает саму себя, снова и снова представляя себе сцену, которая сейчас так её ужасает.

Она тихо кивнула.

— Пойдём-ка умоешься, — почти дружелюбно предложил он, подходя к ней и помогая встать.

Она взялась за его руку, принимая помощь — он почувствовал, что ладони у неё в край холодные, и снова испытал укол совести при мысли, что был слишком уж жёсток.

— Я знаю, что такое не прощают, — спокойно отметил он. — Но мне жаль.

— Я понимаю, — просто ответила она, и ему стало легче от этой простоты.

6. В чём суть предательства?

В итоге Илмарт не только проводил Руби до дома Тогнарлов, но и решил задержаться внизу, в гостиной — на тот случай, если Райтэн, против его ожиданий,отреагирует совсем уж бурно. Засев в угол с какой-то книгой, он не читал, а прислушивался к тому, что происходило наверху, в кабинете, куда после отлова профессора математики удалился Райтэн, — но, конечно, ничего не слышал.

Меж тем, Руби задержалась у дверей кабинета, мерно и медленно дыша и успокаивая себя. Её пугала сцена, которая ей предстояла, и она лихорадочно просчитывала, как стоит её провести.

«Меня, пожалуй, спасёт акцент на том, что он очень уж мне понравился, — решила внутри себя она. — Мужчины тщеславны».

Определившись со стратегией, она постучала, дождалась ответа и зашла.

— Руби? — отвлекаясь от бумаг, дружелюбно удивился Райтэн.

Со времени их скоропалительного брака они редко пересекались наедине — Райтэн носился с попытками разузнать что-то о нынешних политических интригах, а Руби была занята учёбой и проектом с картами. Пока что их отношения сдвинулись только в том, что они неловко и неуверенно перешли на ты — впрочем, настолько неуверенно, что оба отдавали предпочтение безличным конструкциям.

Так что Райтэн явлению жены весьма обрадовался, разулыбался вполне искренне, встал и сделал к ней несколько шагов.

Руби замялась: откровенная радость, которую она читала на его лице, сбивала её с линии поведения.

— Мне нужно... кое о чём поговорить, — наконец, изложила цель визита она.

Райтэн приглашающе развёл руками: мол, весь в твоём распоряжении, говори!

Руби открыла было рот — но тут же его и закрыла.

Задача, которая перед нею стояла, теперь казалось ей невыполнимой. Ещё минуту назад ей даже удалось выстроить в голове примерную фразу — что-то начиная с «это, на самом деле, ужасно, и я просто не знаю, как теперь быть» — но теперь оно совершенно не выговаривалось.

Заметив её затруднения, Райтэн тревожно нахмурился.

— Руби, — наконец, начал он, осознав, что она намерена и дальше молчать, — ты всегда можешь просто мне сказать, как есть. Я понимаю, — отметил он, — что наши отношения несколько... не определены. Но я хочу, чтобы ты знала, — спокойно и твёрдо утвердил он: — Вне зависимости от того, как мы выстроим наши личные отношения, ты моя жена, и я всегда буду на твоей стороне.

Райтэн редко брал на себя обязательства, когда речь шла об отношениях, но, если уж брал, не видел полумер.

Она невольно вскинула на него глаза, и, должно быть, это было фатальной ошибкой: потому что он смотрел на неё очень внимательно, серьёзно, но в глубине его взгляда она прочла и нежность, и заботу, и готовность защищать и бороться.

На фоне его благородства её собственный поступок теперь стал казаться ей ужасным — хотя до того она полагала, что ничего страшного не совершила. Подумаешь, немного подтолкнула мужчину к решению! Она, по правде, сама не ожидала, что этот маленький

спектакль приведёт к браку так скоро — планировалось просто вызвать его сочувствие, расположить его к ней. То, что он, не задумываясь, ринулся на её защиту и подставился под гнев её отца, её потрясло — и польстило, конечно. Она решила, что всё сложилось наилучшим образом, и какая уж тогда разница, каким путём она этого добилась.

Но, чем дальше, тем больше становилось понятно, что разница есть: потому что Руби играла, от начала и до конца играла, а Райтэн — Райтэн был ошеломительно искренен в каждом своём порыве.

«Мне нужно просто сказать ему, что я немного сыграла, потому что хотела вызвать у него сочувствие», — пыталась убедить она саму себя. В такой трактовке её поступок казался совсем даже безобидным — какая девушка не играет вот так, чтобы понравится мужчине, которого выбрала?

Но Руби, пожалуй, впервые в жизни пришла в голову мысль, что играть такими людьми, как Райтэн, не очень-то хорошо.

— Я просто переживаю из-за отца, — наконец, сказала Руби, потому что нужно было всё-таки что-то сказать и как-то оправдать свой визит.

На лице Райтэна ярко отобразилось, что он тоже переживает по этому поводу. Похмурившись и повыбивав дробь по столешнице, он ответил:

— Мы разберёмся, Руби. — И добавил то, что совсем её добило: — Ты больше не одна. Не бойся.

Она кивнула, чувствуя, как горло перехватывает слезами, пролепетала что-то, кажется, совершенно не в тему, и сбежала, весьма удивив и огорчив самого Райтэна, который полагал, что в кои-то веки продемонстрировал вершины дипломатии в сфере построения отношений.

«Ну и чего я опять не понимаю? — тоскливо подумал он, разглядывая потолок, потом со вздохом чуть позавидовал: — Вот у Дера всегда это как-то само собой получается».

Он был совершенно убеждён, что проблема в том, что это он сейчас сказал что-то не так. Рассмотрев все свои реплики критически, он сам с собой решил, что, должно быть, ему не следовало так чётко называть Руби своей женой — она, видимо, увидела в этом поползновение на её свободу и испугалась.

«Нужно будет объясниться», — вынес задачу на будущее Райтэн, внутренне морщась и понимая, что объяснения такого рода никогда не были его сильной стороной, и он, пожалуй, снова всё испортит.

Между тем совершенно пристыженная Руби спустилась вниз и столкнулась с ожидавшим её Илмартом. Лицо его выражало вопрос; она сжалась и, помотав головой, призналась:

— Я не смогла.

Илмарт приподнял брови вверх. Со вздохом потёр переносицу.

Руби досадливо прикусила губу. Она совершенно забыла, что варианта «не признаваться» её ситуация не предусматривала.

— Я, конечно, могу сказать сам, — наконец, огласил результат своих размышлений Илмарт. — Но если ты всё-таки считаешь выстраивать какие-то отношения с Райтэном, тебе всё же лучше сделать это самой.

«Я не уговорю его молчать, — с тоской думала Руби. — Этот раунд я проиграла вчистую».

— Можешь... пойти со мной? — наконец, робко попросила она.

— Зачем? — искренне удивился он.

Она неопределённо повела плечом и расшифровала:

— Ну, не так страшно.

Илмарт посмотрел на неё с некоторым пониманием и кивнул.

— Пойдём, — пригласил он.

Райтэн, который только-только закончил с самоуничижительным анализом и вернулся к работе, весьма удивился.

— Я... — прикусив губу, Руби обернулась на Илмарта, почерпнула в его твёрдом взгляде мужества и пояснила: — Я не то сказала, что хотела.

Райтэн нахмурился и, сложив руки на груди, откинулся на спинку стула.

— Я... сделала кое-что ужасное, — продолжала подходить к теме Руби.

Переведя взгляд с явно мучающейся подбором слов Руби на благородно печального Илмарта, Райтэн предположил, что, возможно, сейчас услышит какую-то потрясающую новость о том, что они любовники. Во всяком случае, он не мог сходу придумать другую причину, по которой они явились бы вдвоём и имели явное затруднение с оглашением цели визита.

Предположение это вызывало в нём досаду.

— Мне очень стыдно... — продолжала громоздить предисловия Руби, и Райтэн уж совсем обозлился на эти хождения вокруг да около.

— Можно уже просто сказать! — досадливо воскликнул он, недовольно глядя на Илмарта: мол, не видишь, так до дела годами идти будем, скажи сам, раз она не может!

Илмарт лишь развёл руками и даже сделал шаг назад: мол, я тут вообще не при делах, стою группой поддержки.

Руби зажмурилась и выдала на одном дыхании, практически в одно слово:

— Отец-никогда-меня-не-бил.

Райтэн, однако, разобрал. Сморгнув от неожиданности — он-то уже настроился на версию с любовниками — он вопросительно взглянул на Илмарта. Тот снова развёл руками.

Райтэн перевёл взгляд на Руби: та так и стояла, зажмурившись, и крепко сцепив руки в замок перед собой.

Признание оказалось столь ошеломительным, что Райтэн совершенно не знал, как на него реагировать.

Руби чуть вздрогнула, когда он заговорил, но он обратился к Илмарту:

— Ил, пошли человек за Дером. — И добавил задумчиво: — Тот у Магрэнь должен быть.

Кивнув, Илмарт вышел.

В кабинете воцарилась тишина.

Руби долго не решалась открыть глаза, всё ожидая — сама не зная чего — потом, наконец, приоткрыла один глаз.

Райтэн теперь стоял, облокотившись поясницей на стол и сложив руки на груди, и глядел на неё грустно и серьёзно. Он, точно, заметил, что она подглядывает.

Она тут же зажмурилась пуще.

Он вздохнул.

— И чего ты боишься? — наконец, спросил он. — Что теперь тебя ударю я, чтобы, значит, восстановить справедливость?

Она мотнула головой, но глаз не открыла.

Он поразглядывал её, всё ещё не зная, как реагировать. От её признания внутри образовалась странная пустота — он не мог разгадать значение этой пустоты и чувствовал себя самым паршивым образом.

— Зачем притворилась? — бесцветным тоном решил уточнить он.

Ответа не последовало.

Она выглядела крайне жалко сейчас — сжавшаяся, перепуганная, зажмуренная и покрасневшая — но он никакой жалости к ней не чувствовал, потому что не понимал теперь, правду ли видит перед собой.

— Так хотелось сбежать от отца? — безвыразительно всё же помог ей он, уверенный, однако, что теперь не отличит правду от лжи, поэтому задавать вопросы, конечно, бесполезно. Но молчать было ещё хуже. Молчание обнажало пустоту.

«Как хорошо она умеет притворяться!» — отстранёно подумал про себя он.

И в этот же момент понял, что простить не сможет — вне зависимости от её мотивов и степени раскаяния.

Возможно, если бы она призналась сразу, тогда же, когда он потащил её домой за документами — возможно, тогда он бы смог принять это как кривую, лживую, но всё же просто попытку понравиться. Теперь же, когда он уже на ней женился и отступить не мог — когда она не дала ему выбора решить, прощать ли ей эту игру или нет, — стало поздно.

«А ведь это Илмарт её раскрыл, — задумчиво потеряв подбородок, догадался он. — Она бы и вообще не призналась».

Ему сделалось гадко, даже омерзительно до тошноты — как бывает, если с глотком пива нечаянно попадётдохлая муха.

Он буквально чувствовал эту проглоченнуюдохлую муху внутри себя — и решительно не знал, как от неё избавиться теперь.

Отстранёно он размышлял о том же, о чём недавно думал и Илмарт: что Руби, и в самом деле, никогда не демонстрировала иных признаков жертвы домашнего насилия. У Райтэна, конечно, взгляд был не так намётан, и понимал в этом деле он мало, — но, в конце концов, он тоже был знаком с Олив, и даже как-то получил от неё локтем под дых, когда неудачно окликнул её из-за спины.

Ему сделалось досадно, что тогда, в сцене у ворот, он даже не задумался, не перепроверил свои выводы хотя бы мысленно. Просто всё было так мерзко, что невозможно стерпеть; и он, как это с ним всегда бывало, поступил так, как требовало сердце.

Они так и промолчали всё время, пока не вернулся Илмарт с встревоженным Дерекком, уже введённым в курс дела.

Едва войдя в кабинет, Дерек тут же оглядел мизансцену: всё так же отчаянно зажмурившуюся Руби и мрачного, потухшего какого-то Райтэна.

В голове его мелькнула нецензурная характеристика ситуации.

Он подошёл к Руби — по шуму шагов и движению воздуха, она, конечно, поняла, что они пришли, — и встал прямо перед ней, разглядывая её весьма придирчиво. Пожалуй, её счастье, что она не смотрела — под таким взглядом любого бы проняло.

Это визуальное изучение длилось минуты три.

— Один вопрос, Руби, — наконец, мягко произнёс Дерек.

Она, чуть вздрогнув, от неожиданности распахнула было глаза, уставилась на него со смесью страха и надежды, но от холодного выражения его лица снова зажмурилась.

— Ты действовала по собственной инициативе — или по приказу отца? — спокойно

уточнил Дерек.

Илмарт нахмурился — такого варианта он не предполагал, и теперь, когда этот вариант был так откровенно озвучен обычно деликатным и осторожным Дерек, снова сдвинулся от «простой анжельской девушки» к «засланной интриганке» в своём видении ситуации.

Райтэн не отреагировал на этот вопрос никак — как не отреагировал и на появление друзей. Всё так же сложив руки на груди, он смотрел куда-то в себя.

— По собственной, — не открывая глаз, тихо ответила Руби.

На лице Дерек на секунду мелькнуло сожаление; но он тут же придал своим чертам спокойное выражение, чуть наклонил голову набок и бесконечно мягко спросил:

— Тогда чего ты так боишься?

Она не ответила.

— Мы, конечно, не отдадим тебя ему, — заверил её Дерек.

Она всё-таки открыла, наконец, глаза, и бросила ему взгляд жалобный и наполненный стыдом.

— Не бойся, — медленно и тягуче произнёс Дерек. — Ты хорошо поступила, что призналась. Теперь всё будет хорошо. — Он вкрадчивым, осторожным движением взял её руки в свои. — Не каждый может признать совершённую ошибку. Это мужественно и достойно.

Илмарт наблюдал за ним с некоторым недоумением — Дерек был совершенно не похож на себя и откровенно фальшив — но Руби, кажется, этого не заметила.

— Иди отдыхай, и ничего не бойся, — напутствовал её Дерек, подводя за руки к двери.

Она, бросив последний испуганный взгляд на Райтэна, выскользнула наружу.

Дерек и Илмарт некоторое время смотрели ей вслед.

Как только шаги её окончательно заглохли, благостное выражение сползло с лица Дерек.

Илмарт поймал его взгляд — жёсткий и собранный — и кивнул.

В несколько быстрых шагов Дерек подошёл к Райтэну — тот оставался всё таким же безучастным — и сел на краю стола. Илмарт остался у приоткрытой двери, продолжая контролировать коридор взглядом.

— Итак, она в деле, — тихо резюмировал Дерек свои мысли.

— Уверен? — бесцветно отозвался Райтэн, впервые обозначив, что наблюдал всё происходящее.

— Письмо, — просто напомнил Дерек.

Человек, который разыскивает дочь-беглянку, не станет слать предупреждающих писем.

Тогда, в горячке волнения за Руби, никто из них этого не заметил.

— Какая мерзость. — Безразлично резюмировал Райтэн.

Дерек и Илмарт, переглянувшись, синхронно пожали плечами.

Им тоже было мерзко, поскольку обоим Руби понравилась всерьёз и искренне, — но они оба в своей жизни наблюдали столько предательств и мерзостей, что, как бы ни ранила их текущая ситуация, она им виделась как обыденная.

Но оба они понимали, что Райтэн, который, во-первых, всю жизнь был далёк от такого рода интриг, во-вторых, искренне пошёл ради Руби на риск, а в-третьих, надеялся обрести в ней настоящую супругу, — Райтэн, определённо, был значительно выбит из колеи.

— Тэнь жалко, — отметил Дерек.

Илмарт промолчал. Он понимал, что больше не сможет разделить с Руби ни одну карту — и почему-то это оказалось больнее, чем он ожидал.

Спустя пару минут тишины Дерек неожиданно заявил:

— Мы едем в Брейлин.

Райтэн поднял на него вопрошающий взгляд.

Встав со стола, Дерек объяснил:

— Ты не просто удачно подвернулся под руку со своими порывами, Тэн. Под тебя копали целенаправленно. — И мрачно добавил: — Это слишком давняя и глубокая интрига. Нам нужен совет твоего отца.

— Ты прав, — спустя минуту холодно согласился Райтэн.

— Я останусь, — добавил Илмарт. — Присмотрю.

Дерек согласно кивнул.

— Тэнь и тётушке пока не говорите, — безразлично озвучил Райтэн.

С этим решением все согласились.

7. Какое у Райтэна сердце?

Райтэну было свойственно внутреннее благородство характера. Он бывал одинаково искренен и в дружбе, и во вражде, и в безразличии, и всякое притворство ему претило до такой степени, что он не смог освоить даже банальных светских навыков базового лицемерия, называемого для красоты «вежливостью». Это отталкивало от него людей глупых и недалёких; зато те, кто понимал, из какого источника растёт его бесцеремонность, ценили его особенно высоко.

Райтэн был слишком свободолюбив, чтобы обижаться: обида связывает тебя, давая обидчику власть над тобой.

Райтэн был слишком горд, чтобы чувствовать боль, когда его предают: страдать из-за действий недостойного человека он почитал унижительным.

Таким образом, не имея сил признать перед самим собой, что ему и больно, и обидно, он ударился в избегание проблемы.

Первые два дня по дороге в Брейлин Дерек выслушивал лихорадочные, но достаточно адекватные планы по тому, как бы всё же перебраться в Северную Анджелию, и открыть там торговую сеть с базами на постоянных дворах. Эти речи ещё более или менее соответствовали характеру Райтэна, поэтому Дерек просто поддакивал, проводил предварительные бухгалтерские расчёты и вносил коррективы вроде: «А если топить не дровами, а нашим же каменным углём, то мы здорово сэкономим!»

Однако через два дня, вдруг и как-то без перехода, Райтэн заявил, что, пожалуй, желает поступить на службу к райанскому королю. Пассаж этот был крайне неожидан, и Дерек, с трудом уловив суть идеи, довольно вяло согласился, что, мол, ему весьма по душе райанская кухня, так что почему бы и нет.

К сожалению, на этом Райтэн не остановился: ещё через пару дней, задумчиво взглядываясь в небо, он вдруг заявил, что хочет пойти по стопам своего горячо любимого и уважаемого предка и податься в пираты. Дерек чуть не поперхнулся от неожиданности, но послушно поддержал тему, заявив, что морская жизнь пришлась ему вполне по нраву, и предложив начать с захвата корабля Этрэна — мол, им как раз подойдёт.

Пиратские планы, впрочем, вскоре тоже были оставлены, и уже на подъездах к Брейлину Райтэн вдруг предложил:

— Слушай, а давай вернёмся в Даркию, а?

Дерек поморгал с недоумением: из них двоих глагол «вернуться» в этом контексте подходил только ему.

— Там прекрасная природа, да, — однако ж, осторожно поддержал он.

Райтэн некоторое время помолчал, а потом с каким-то подозрением в голосе спросил:

— А что это ты со всем соглашаешься, а?

— В Ньон не вернусь, — моментально отреагировал Дерек и, подумав чуть, добавил: — И в Мариан не хочу. — И, ещё через некоторое время, с опаской: — Слушай, и давай мы не будем пытаться искать Понт, хорошо?

— Хорошо, — безразлично согласился Райтэн, но тут же, к ужасу Дерека, глубоко задумавшийся над этой фантазией.

Брейлин оказался достигнут весьма кстати: кто его знает, не была бы очередной гениальной идеей секретная экспедиция, направленная на поиски таинственного

магического острова.

Отец Райтэна обнаружился в кабинете при карьере — занимался бухгалтерией. Дерек немедленно вызвался помочь, и, заграбастав бумаги, устроился в угол, самоустранившись из сцены семейных объяснений.

Райтэн долго ходить вокруг да около не стал, и с самым мрачным выражением лица начал с основного:

— Я тут женился.

Отец приподнял брови, отражая лицом вежливое удивление, сложил ладони домиком перед собой и с некоторой язвительностью в голосе уточнил:

— Я так понимаю, поздравления не принимаются?

Райтэн досадливо скривился и закинул ногу на ногу.

— У Тэнь в университете появилась подруга, — принялся рассказывать он более подробно. — Летом мы узнали, что она поступила против воли отца, по фальшивым документам, и отец хочет забрать её из университета.

Старший Тогнар кивнул: пока информация была вполне понятной.

— Я на ней женился, чтобы помешать этому, — с явной досадой в голосе продолжил Райтэн. — Но потом выяснилось... — он скривился совсем уж мрачно и скомкал рассказ: — В общем, они это подстроили. Руби и её отец, — пояснил он, забыв, что имя звучит впервые. — Разыграли дело так, чтобы я за неё вступился.

— Брачная ловушка! — невесть чему восхитился старший Тогнар, выражение лица которого стало весьма весёлым.

Райтэн бросил на него мрачный взгляд, пытаясь выразить мысль: «Нашёл, над чем издеваться!»

Отец махнул рукой — мол, ладно, так и быть, замнём тему, — и уточнил:

— И в чём суть проблемы?

— В тесте, — кисло признался Райтэн. — Это Аренсэн Михар.

Эта информация вызывала у отца заметное удивление.

— Аренсэн Михар из Ан-Фило? — зачем-то уточнил он и задумался.

Веселье его покинуло: интрига такого рода не могла быть безобидной.

— Ладно, — через пару минут озвучил он результат своих размышлений. — Дело и впрямь серьёзное, будем думать. — И деловито уточнил: — Брачный договор привёз?

На этом лёгком вопросе, заданным тоном «само собой разумеется», Райтэн осознал, что является законченным, безнадёжным и неисправимым идиотом.

Потому что он не только не подумал о необходимости договора тогда — он про него и не вспомнил бы вообще никогда, если бы отец сейчас не сказал.

Осознав по выражению лица сына, что никакого договора не существует, старший Тогнар почувствовал глубокое недоумение — поскольку для него было в высшей степени очевидно, что браки между людьми их уровня предполагают обязательное наличие такого договора.

Справившись с растерянностью, кою в нём породило это новое обстоятельство, отец задумчиво протянул:

— Нда. Вот, что бывает, когда человек сбегает из дому, недополучив образование.

Райтэн покраснел как-то пятнами и принялся привычно считать вдохи и выдохи.

— Впрочем, — отец встал и начал расхаживать по кабинету, заложив руки за спину. — В этом есть и моя вина, конечно. Я тогда подумал, что стоит позволить тебе самому

набивать шишки... — остановившись у окна, он задумчиво посмотрел в него и отметил: — В самом деле, я полагал, ловить тебя, насильно запирать в Аньтье и заставлять доучиться... неверный метод... — он пожевал губами, глядя не столько в окно, сколько в собственное прошлое.

Там и тогда конфликт сперва казался ему временным. Он думал — сын выкажет независимость, перебесится и вернётся. И лучшее, что он мог сделать — не трогать его. Дать свободно выбирать.

— Да, должно быть, я ошибся, — грустно покивал сам себе Тогнар.

Сидевший теперь к нему спиной Райтэн издал какой-то сдавленный звук.

— Теперь-то уж спохватываться поздно, — отметил очевидное отец, оборачиваясь и разглядывая неестественно-прямую спину сына. — Но, по-хорошему, Тэн, мне бы сейчас стоило отойти в сторону и оставить тебя самому разбираться в той каше, что ты заварил.

Райтэн, сидя так прямо, словно кол проглотил, опустил голову, ощущая каждую новую фразу отца как очередной удар. Он знал, что отец говорит вещи справедливые, и что, раз уж он заявил когда-то, что хочет быть независимым и хочет сам решать, как ему жить, то и в тех ситуациях, когда у него возникают проблемы, он не должен ждать, что ему помогут. Это так не работает. Если ты уходишь из семьи — ты теряешь и её поддержку тоже.

Проблема была не в этой логической справедливости, а в том, что отец — Райтэн был уверен — не оставит его теперь без своей помощи; но прежде, чем эту помощь ему окажет, непременно придётся сперва по всем его грехам, заставив почувствовать себя полным ничтожеством.

Райтэн знал, как это работает, не раз оказывался под огнём отцовской язвительности, научился закрываться от неё и сохранять если не безразличие, то хотя бы чувство собственного достоинства; и всё же он не имел никакой возможности действительно защитить своё сердце: каждое слово отца ранило его глубоко и мучительно.

Задумчиво поразглядывав его затылок, отец продолжил:

— Проблема в том, Тэн, что, как бы тебе того ни хотелось, ты не сам по себе какой-то Райтэн. Ты Райтэн Тогнар, — сделал он акцент на фамилии. — И то, что ты делаешь, влияет не на одного тебя.

Под этими словами, как под настоящим ударом, спина Райтэна ссутулилась. Его самого больше всего мучила мысль, что он своим неосмотрительным поступком подвёл семью, и выдержать груз вины теперь у него не было никаких сил.

Отчаяние его, казалось, можно было пощупать руками, и Дерек, который с самого начала дал себе слово, что не будет вмешиваться в этот разговор, не выдержал. Он не понимал, почему вместо поддержки старший Тогнар устраивает это моральное избиение — и он не считал, что Тэну это избиение может пойти на пользу.

— А! — пробормотал он себе под нос, впрочем, достаточно громко, чтобы его услышали. — Так вот что тебя так мысли об эмиграции одолели!

Хмыкнув, старший Тогнар отвлёкся от разглядывания сына и повернулся к Дереку.

— Даже так? — с любопытством спросил он.

— Увы, мы не смогли выбрать между Райанци и Даркией! — «сдал» Дерек, умолчав, впрочем, про пиратский вариант.

— Ну, это уж в самом крайнем случае, — отмахнулся Тогнар и, усевшись в кресло рядом с Дереком потребовал: — Рассказывайте, Деркэн.

Поскольку Райтэн был явно слишком глубоко погружён в самоуничтожение, Дерек взял дальнейшие переговоры на себя, обстоятельно, подробно и качественно изложив свои соображения по поводу сложившейся ситуации.

Старший Тогнар слушал внимательно, время от времени постукивая себя пальцем по щеке. Уложив полученную информацию по полочкам внутри своей головы, он перешёл к обсуждению:

— Ваши версии? — имея в виду, как расшифровывает эту интригу сам Дерек.

Тот смущённо признался:

— Чтобы построить версию, мне нужно бы узнать ответы на два вопроса. Я рассчитывал на вашу помощь в этом деле, — пояснил он и после приглашающего жеста высказал первый: — Как происходят выборы в Парламент?

Старший Тогнар тонко улыбнулся и с лукавыми смешинками в глазах спросил:

— Вы не читали конституцию? Какая жалость! У меня из-за этого могут быть проблемы, ведь это я выдавал вам паспорт!

— Разумеется, читал! — раздражённо возвёл глаза к потолку Дерек. — Именно поэтому у меня и возникли вопросы!

— В самом деле? — весьма довольно усмехнулся его собеседник.

Подавшись к нему, Дерек выгнул бровь и отметил очевидное:

— От Аньтье-то в Парламенте никого нет, ведь так?

Тогнар рассмеялся вполне искренне. В соответствии с конституцией, действительно, в Парламент должны были входить избранные делегаты от стратегически важных анжельских городов — к коим Аньтье, бесспорно, принадлежал.

— Зато есть некий господин Риайр, — мечтательно отметил Дерек, глядя в потолок. — Удивительно молодой! Лет двадцать ему, да? — с усмешкой поинтересовался он у Тогнара.

— Ваши версии? — повторил тот, имея теперь в виду вопрос с Парламентом.

Дерек пожал плечами и как само собой разумеющееся предположил:

— Места не столько выборные, сколько наследственные?

Весьма довольное лицо Тогнара можно было расценить как подтверждение.

— Тогда в продолжение первого вопроса, — развил свою мысль Дерек, — как вы расцениваете шансы господина Михара стать членом Парламента?

Тогнар неопределённо помотал в воздухе рукой и ответил:

— Весьма высокие, всё-таки не всё настолько... жёстко, как может показаться. Туда можно пробиться, но, — отметил он, — тестю Тогнаров, конечно, будет проще.

Дерек зараскачивался на стуле, обдумывая информацию.

— Второй вопрос? — поторопил Тогнар.

Устроившись ровно, Дерек взглянул на него остро и озвучил:

— Кому подчиняется Аньтье?

— Правительству Анджелии, разумеется, — со смехом ответил Тогнар.

— Разумеется! — хмыкнул Дерек, разглядывая собеседника в упор с почти исследовательским интересом.

Тот ответил весёлым взглядом и поинтересовался:

— Откуда у вас, вообще, возникли сомнения?

Дерек откинулся на спинку стула и язвительно произнёс:

— Даже не знаю! — затем фыркнул: — А ничего, что в Аньтье власть передаётся по наследству, тогда как по конституции этого быть не должно, и правительство Анджелии, —

выделил он голосом, — выступает гарантом защиты конституционных прав жителей самим выбирать местных правителей.

— Ба! — приподнял брови Тогнар. — Кто говорит о наследственной власти? Я был законно выбранным правителем Аньтэе, — гордо выпятил грудь он. — Как и мой сын!

В глазах Дерекса засветились лукавые смешинки.

— Да-да, — легко согласился он. — И правителя Жона не вы назначили?

Тогнар нарисовал на лице пафосное выражение и возразил:

— Это было свободным волеизъявлением народа Жона!

— Сколько угодно, — сделал отметающий жест рукой Дерекс. — Меня волнует, почему Парламент всё устраивает.

Тогнар пожал плечами и озвучил очевидное:

— А как Парламент может выразить своё недовольство? Гражданской войной? — выгнул он бровь.

— Что возвращает нам к тому, — отметил Дерекс, — что быть тестем Тогнаров выгодно, если вы не хотите гражданской войны.

Они помолчали, обдумывая возможные планы противника.

— Всё ведь было обставлено так, — наконец, уточнил Тогнар, — чтобы Тэн ввязался в дело добровольно, да?

— Пожалуй, — согласился Дерекс.

— И эта женщина... Руби? — припомнил Тогнар. — Вы хорошо знаете Тэна. Как вам кажется, это его типаж?

Дерекс снова зараскачивался на стуле, задумчиво начав перебирать:

— Умна, с сильным дерзким характером, при этом демонстрировала доверчивую открытость... Прекрасное воспитание, но не зациклена на манерах. Да, — вынес вердикт он, подумал ещё и дополнил: — Если бы я выбирал из общих знакомых женщину, которая могла бы более всех других увлечь Тэна, то Руби была бы второй... если не первой, — перебил он сам себя, задумываясь всё глубже и явно пытаясь взвесить, что для друга является принципиальным в таких вопросах и как расставить его приоритеты.

— В самом деле? — вдруг язвительно вмешался в разговор Райтэн, подходя и нависая над Дерексом, сложив руки на груди.

— Ещё скажи, что нет, — поднял на него удивлённые глаза тот.

Райтэн досадливо скривился, потом поинтересовался:

— И с кем же она соперничала за первое место?

— С Олив, — отмахнулся от него Дерекс, раздумывая явно о другом.

Лицо Райтэна закаменело.

— Се-Стирен? — наконец, с гневом и досадой переспросил он. — Ты считаешь, что я мог бы сойтись с этой чокнутой?! — неожиданно распалился он, взмахнув в воздухе рукой. — Я совсем псих, по-твоему?

Удивление Дерекса стало ещё более глубоким и искренним.

Дождавшись, когда Райтэн отбушует, он аккуратно поинтересовался:

— Разве тебе не нравится Олив?

Ему казалось, что между ними двумя существует определённо сходство, которое и выливается в весьма пылкие перепалки при каждой встрече, что, как он думал, можно рассматривать как признак живого глубокого чувства.

Отобразив лицом все глубины своего возмущения, Райтэн ответил:

— Она интересна, конечно, но, Дер!.. — впрочем, так и не озвучив причин, по которым его оскорбляет само предположение, что ему могла бы нравиться Олив, он лишь махнул рукой, отмечая разговор.

— Если вы закончили, — весело вмешался в дело старший Тогнар, лукаво блестя глазами, — то, пожалуй, резюмируем: предполагалось, что Тэн влюбится и будет играть на руку Михарам, так?

Друзья кивнули: Дерек сосредоточенно, Райтэн раздражённо.

— Соответственно, — продолжил отец, — и мы, и Рийары играли бы на стороне Михара, потому что он — семья Тэна. А Тэн, пусть и балбес, — бросил он на сына недовольный взгляд, — но весьма любимый нами балбес.

Райтэн снова покрылся красными пятнами смущения и стыда. Он совершенно не верил сейчас в те слова, которые говорил отец. Точнее, в часть с балбесом, конечно, верилось легко. А вот любимый...

Сердце Райтэна сжалось от мучительной потребности знать, что он всё-таки любим отцом, даже если и ведёт себя в высшей степени безалаберно. Он ужасно хотел, чтобы отец любил его таким — никудышным наследником, дерьмовым интриганом, резким на слова и быстрым на поступки, порою совсем необдуманные. Он упрямо сжал челюсти, борясь с этой потребностью, пытаясь задушить её в корне.

Отец взгляделся в него с некоторым беспокойством, но неверно расценил, к чему относится выражение упрямства, и поэтому воскликнул:

— Согласись, в этот раз ты превзошёл сам себя!

Лицо Райтэна после этого восклицания так переменилось, что на него, решительно, невозможно было смотреть.

«Мне насрать, что я опять его разочаровал», — повторял он внутри себя снова и снова, но от многократного повторения слова эти всё равно не становились правдой.

Ему было не всё равно, как он ни старался убедить себя в обратном.

Дерек, заметив, как сжимаются кулаки друга, отложил бумаги, в которых копался скорее машинально, встал рядом с Райтэном, с некоторым укором посмотрел на старшего Тогнара и отметил:

— У Тэна сердце героя. Он не может стоять в стороне, когда видит несправедливость или мерзость.

Весёлый взгляд отца перешёл с Дерека на Райтэна. Разглядев новое выражение лица последнего, отец со смешком сказал Дереку:

— Да он теперь загорится, кажется.

Тот в тревоге обернулся на друга и испугался совершенно багровому цвету его лица. В самом деле казалось, что кожа, того и гляди, загорится.

— Сердце — это прекрасно, — тихо сказал старший Тогнар, тоже вставая и закладывая руки за спину. Покачавшись с пятки на носок, отметил: — Ещё бы мозги не терять...

С каким-то досадливым, раненым стоном Райтэн резко развернулся и летящим шагом покинул кабинет.

Отец и Дерек задумчиво посмотрели ему вслед.

— Перебор? — с сомнениями в голосе спросил Тогнар, осознав, наконец, что что-то делает не так.

— Вы всё пытаетесь его воспитывать, господин Тогнар, — сложил руки на груди Дерек, с тревогой глядя на захлопнутую дверь. — Но он давно не ребёнок, и сам всё понимает. Ему и без вас было стыдно и скверно, — он обратил на собеседника взгляд, полный тихим укором.

Он больше ничего не сказал; но этот мягкий, незлобный укор был хуже любых слов. Под этим взглядом Тогнару показалось, что он только что упустил что-то важное, что-то неизмеримо ценное — куда важнее любых политических интриг и куда ценнее любых родительских уроков.

Перед глазами у него вдруг встала ссутулившаяся спина Райтэна; ему сделалось и неловко, и стыдно.

Дерек вздохнул и отвёл глаза. Взялся за ручку двери — догонять друга — но на пороге вдруг обернулся. Он смотрел Тогнару прямо в глаза — и тот вдруг кожей ощутил, что сейчас услышит что-то чрезвычайно страшное.

— Я так и думал, — раздумчиво промолвил Дерек, словно препарируя собеседника взглядом, — что он всю жизнь не чувствовал, чтобы его любили.

И вышел.

Оставив Тогнара переживать одни из худших минут в его жизни.

8. Как разделять ответственность по-родственному?

Пока Дерек и Райтэн разгребали свои каменноугольные дела, в домике Ирдании был собран чрезвычайный совет, несколько великоватый для скромной кухни, отчего сидячих мест на всех не хватило.

Как председатель этого совета, Картэн Тогнар устроился на возвышении, в качестве которого выступал массивный хозяйственный короб. Он занял место у стены, между двумя окнами. В каждом из окон на подоконнике сидело по немолодому, но крепкому мужчине. Справа это был бывший начальник портовой стражи Аньтье, слева — бывший командир гвардии.

За столом, во главе, находился нынешний правитель Брейлина, Данзэс Релтар. Он смачно грыз поздние яблоки, коих хозяйка выставила на стол целое блюдо. Часть этих яблок Ирдания тут же и нарезала на ломтики, планируя печь пирог, тесто для которого уже подходило.

Третьим за столом сидел Этрэн Дранкар — он как раз завершил очередное ньонское плаванье, обнаружил отсутствие друга в Аньтье и настиг его уже здесь. Ему, очевидно, было скучновато, потому что он развлекался тем, что воровал у Ирдании ломтики яблок.

В уголку сидела старушка-свекровь. Подслеповато морщась, она что-то вышивала.

— Да он и так бы в Парламент прошёл, — вгрызаясь в яблоко, заметил правитель Брейлина. — Но вот дальше...

— Дальше ему нужна коалиция, — кивнул Тогнар.

Мало пройти в Парламент — там ещё нужно обзавестись союзниками. Различные фракции в нём складывались поколениями, так что новичку, определённо, требуются какие-то козыри, если он не хочет просто затеряться в задних рядах.

— Зыбко, — отметил пёстро сидящий шатен справа от Тогнара. — Даже Рийар едва ли будет заинтересован, не говоря уж о прочих.

«Своя» коалиция у них в Парламенте имелась — и довольно мощная — но, в самом деле, тесть оторванного от политической жизни Райтэна не та фигура, которую они тут же ринулись бы поддерживать.

— Это если речь идёт о поддержке Михара, — вдруг включился в разговор Этрэн, разжёвывая дольку яблока. — А что, если он планирует пропихнуть в Парламент самого Тэна?

Собрание ответило ему бешеной смесью взглядов — шокированных, возмущённых, ужаснувшихся или скептических.

— Тэн в Парламенте? — выразил всеобщую мысль Тогнар. — Давайте сразу пойдём войной на два фронта, на Ньон и на Ниию, быстрее выйдет!

Учитывая характер Райтэна, следовало ожидать, что он развалит Парламент в кратчайшие сроки, даже не прилагая к тому осознанных усилий.

— Так это если он сам, — попробовал защитить свою мысль Этрэн. — А если по указке тестя? Чисто как марионетка?

Тогнар смерил его скептическим взглядом и сложил руки на груди, глубоко погружаясь в размышления на тему, насколько реально управлять Райтэном, если предположить, что... Нет, тут как не предполагай!..

— Или вообще запугать, — вдруг раздумчиво предположил мужчина слева, бородатый брюнет самой пиратской наружности.

Все некоторое время подумали, чем можно запугать Райтэна так, чтобы он не вытворил каких-то несусветных глупостей, но в итоге Тогнар отверг эту версию:

— Судя по игре, предполагалось манипулировать исподтишка, а не запугивать.

— Хорошо, — вдруг вмешалась в дело Ирдания, что-то мудря со своей начинкой. — А если предполагалось, что он затащит Тэна — пусть не в Парламент, просто в большую политику, — а ты ринешься защищать? — вопросительно посмотрела она на Тогнара.

Тот задумчиво потёр подбородок.

— И в чём смысл? — проворчал Этрэн. — Провоцировать от противного?

— Как-то сложно, — согласился правитель Брейлина. — Такие комбинации обречены на поражение.

Они некоторое время помолчали, потом пиратского вида брюнет сменил тему:

— Давайте посмотрим так. Ан-Фило дует в одну трубу со столицей, — все оглянулись на него весьма заинтересовано. — И Кармидер им не противник — у них нет военной мощи. Остаётся север, который вообще отрезанный ломоть, и Брейлин с Аньтье. Если он получает лояльность Аньтье, то это уже сила, которой не сможет противостоять ни север, ни Брейлин, — Тогнар и правитель Брейлина переглянулись и кивнули.

— Вот только Тэн не правитель Аньтье, — разумно возразил Тогнар.

Достав подошедшее тесто, Ирдания пожала плечами и отметила:

— Во-первых, кто разберёт, что втемяшится твоему младшенькому? Во-вторых, интрига может учитывать грядущие поколения.

— Какой смысл в интриге, финала которой не застанешь? — фыркнул седеющий шатен.

— Так ведь Михар человек идейный, — степенно возразил Этрэн, который теперь попытался стырить кусочек от теста, с которым возилась Ирдания.

— Ну, это глупости! — возразил Тогнар. — Как он планирует удержать и столицу, и Ан-Фило, и Аньтье, да ещё в следующем поколении? Утопия!

— Ну, допустим, — ответил ему пиратский брюнет, — чтобы удержать Аньтье, ему и нужен Тогнар или Рийар.

— Кстати, — заинтересовалась Ирдания, раскатывая тесто, — а он к Рийарам-то не подкатывал со своей дочкой?

Все послушно задумались: кто-то попытался вспомнить, сколько в семействе Рийаров подходящих холостых мужчин, кто-то высчитывал, как такая интрига могла вестись и почему не сработала.

— Там все зубастые, — наконец, вынес вердикт Тогнар, имея в виду, что все подходящие женихи из Рийаров неплохо разбираются в политике. — В их поколении только Тэн... — он махнул рукой, досадуя на характер старшего сына.

— Предположим, — вмешался седеющий шатен, — если бы Райтэн повёлся — что это дало бы Михару?

— Конфликт со мной, — тоном «это само собой разумеется» обозначил Тогнар.

В самом деле, как будто неожиданное вмешательство Тэна в политику могло пройти мимо него и не вызывать соответствующей реакции!

— Это возвращает нас к тому, — начиняя пирог яблоками, продолжила свою линию Ирдания, — что ты бы рванул защищать.

— От чего и каким образом? — с невинным любопытством уточнил у неё Тогнар.

Та, выпрямившись, отряхнула руки, полюбовалась получающимся пирогом, повела полными плечами, почти не скрытыми широкими лямками зелёного сарафана, потом предположила:

— А если он будет шантажировать тебя Тэном, чтобы ты делал то, что нужно ему?

Тогнар вежливо приподнял брови.

— Великое Пламя, Ирди! — воскликнул он с некоторым даже недоумением. — Ты правда думаешь, что я спустил бы такой шантаж с рук?

— Мы отвлеклись, — прервал его возмущения правитель Брейлина. — Предполагалось, что Райтэн будет участвовать в интриге на стороне Михара добровольно.

— И, поскольку он ничего не смыслит в политике, я бы захотел его поддержать... — задумчиво шевеля губами, согласился Тогнар.

— Рванул бы в столицу, как пить дать! — кивнула Ирдания, громыхая посудой у печки. — Может, и в сам Парламент!

— То-то адмирал бы обрадовался! — хохотнул пиратский брюнет.

Рийаров всегда раздражало, что Тогнары оставляют столичную политику им на откуп. Совсем не участвовать в таком деле было чревато, поэтому хоть кто-то от семьи должен был сидеть в центре и контролировать ситуацию.

— Кстати, и вправду, — поддержал идею Этрэн. — Если бы ты ломанулся в политику, — поглядел он на задумавшегося друга, — Рийар наверняка бы свалил на тебя благородную миссию представлять семью в Парламенте.

— И тут Тэн с идеями, которые кажутся ему своими, — дополнила Ирдания. — А ты, признайся, встал бы на сторону сына просто из страха потерять его снова, ведь так?

Тогнар передёрнул плечами, болезненно морщась: его самым сильным страхом теперь, и впрямь, был страх вновь потерять Райтэна. И он, пожалуй, мог бы пойти на невесть какие глупости, лишь бы сохранить отношения с ним. С такой точки зрения интрига и впрямь обретала смысл.

— И вот, у него уже Ан-Фило и Аньтье, — резюмировал пиратский брюнет. — Плюс столичные Рийары, плюс Данзэс — вот тебе и вся Анджелия.

Это было, конечно, грубейшим обобщением, но всё же давало какое-то понимание в вопросе «зачем всё это?».

— Слишком много случайностей и условий, — поморщился правитель Брейлина.

— Он может частично импровизировать, — отметил сидящий шатен. — Заполучить Райтэна ему оказалось несложно, а там уж — как пойдёт. Возможно, у него есть варианты на разные реакции, — выжидательно посмотрел он на Тогнара.

Тот кивнул, помолчал и ответил:

— Но, чтобы я начал реагировать, ему нужно что-то сделать.

— Внезапного брака тебе недостаточно? — хмыкнула Ирди, помещая пирог в печь с видом человека, который прекрасно выполнил свою работу.

— Это же Тэн, Ирди! — возвёл глаза к потолку Тогнар. — Его брак не мог не быть внезапным!

Кухню заполнил самый искренний ржач.

Когда он смолк, старушка оторвалась от вышивания и спросила:

— А фто, ваф Михар-то не монархифт, чафом?

Повисло ошеломлённое молчание.

— Великое Пламя, спаси Анджелию! — с ужасом озвучил общую мысль Тогнар.

Если Райтэн как член Парламента виделся форменной катастрофой, то уж в качестве монарха он точно представлял собой совершенно разрушительную неуправляемую силу.

— Нет, Михар не идиот же, — вернул всех на землю Этрэн.

— А если в следующем поколении? — коварно спросила Ирди.

...в таком духе совещание шло ещё несколько часов и закончилось уже после поедания пирога. В целом высокое собрание пришло к мысли горячку не пороть, но быть начеку и ждать дальнейших шагов противника.

Для того, чтобы этих шагов дожидаться, нужно было противника убедить, что интрига его идёт как по маслу — так что старший Тогнар решил подойти к делу инструктажа сына самым тщательным образом.

Однако на этом этапе что-то не заладилось, хотя и началось всё с удачного отлова Райтэна в кабинете на карьере — Дерек носился по самому карьере с сотней дел.

Нет, слушал Райтэн вполне внимательно, и даже кивал в нужных местах, но, как это всегда с ним бывало, внутренняя работа какой-то тяжёлой мысли вполне отражалась на его лице — было видно, что он с трудом заставляет себя удерживать внимание на инструкциях отца.

— Что случилось, Тэн? — в конце концов, не выдержал и поинтересовался прямо старший Тогнар.

Сын досадливо отмахнулся от вопроса. Лицо его, впрочем, несколько перекошило, когда он потребовал:

— Ты продолжай, продолжай! — и уже тихо себе под нос добавил: — Своих мозгов нет, так хоть твоими воспользуюсь.

Чувства его находились в полнейшем смятении. Он, конечно, и сам приехал в Брейлин за отцовской помощью именно потому, что ничего не смыслил в интригах. И было вполне разумно и логично, что прекрасно разбирающийся в этой области отец провёл соответствующую аналитическую работу и теперь на блюдечке с голубой каёмочкой принёс готовый рецепт в виде подробного инструктажа.

Но вся ситуация в целом снова напомнила Райтэну, что он оказался в высшей степени никудышным сыном, не оправдавшим чаяния отца. Глубокое недовольство собой отражалось в мимике Райтэна вполне чётко.

«Переборщил с воспитательной частью», — с большим недовольством подумал старший Тогнар, складывая руки на груди.

Собственно, наверно, в этом и была суть их извечного конфликта: Райтэн слишком чувствительно относился к любым нравоучениям со стороны отца, а тот, в свою очередь, никогда не видел границу, на которой следовало остановиться.

Старший Тогнар умел и любил давать суровые уроки и правильно подбирать те слова, которые особенно запомнятся и отложатся на всю жизнь; это качество делало его хорошим правителем. В воспитании детей, как он полагал, оно тоже оказывалось нелишним — ему удавалось быстро и доходчиво донести до отпрысков всё, что он желал им донести. Повторять обычно не требовалось.

То, что отношения с детьми несколько отличаются от отношений с подчинёнными, Тогнар, к сожалению, из вида упускал.

У младших Тогнаров был один страх на троих — разочаровать отца — и одно же на троих желание — сделать так, чтобы отец ими гордился. Всю свою жизнь Райтэн старался

вырваться из этой ловушки — потребности соответствовать чаяниям отца — и формально у него это даже получалось.

Но теперь, когда он вновь столкнулся с его язвительной критикой, страхи детства и юношества вновь в нём ожили. Мысль «я разочаровал его, я никудышный сын» прожигала его насквозь; он пытался бороться с ней, раз за разом напоминая себе, что есть на свете вещи важнее отцовского одобрения. Иметь право быть таким, какой ты есть, определённо, входило в число этих вещей.

— Тэн... — меж тем, откашлявшись, попытался старший Тогнар исправить дело. — Твой друг сказал очень правильную вещь: у тебя слишком чуткое сердце, чтобы пройти мимо мерзости и не вмешаться. Стыдно должно быть не тебе, а тем, кто тебя обманул.

Однако Райтэн, который слишком остро сейчас переживал мысль о том, что отец никогда не примет его таким, какой он есть, его не услышал; сложив руки на груди, он горько парировал:

— На самом деле, признай, ты предпочёл бы сына, который в подобной ситуации не даёт себя обмануть.

Тогнар недовольно поморщился, потому что Райтэн, разумеется, в чём-то был прав. Прямой и неспособный к пониманию интриг характер старшего сына не раз вызывал в нём досаду — и, конечно же, это можно было прочувствовать. Даже и сегодня, в тоне и в подробности, с какой он выдавал свои рекомендации по дальнейшей игре с Михаром.

Однако у Тогнара было много лет на то, чтобы принять тот факт, что старшенький оказался совсем не таким, как он себе вымечтал; и, пусть он совсем не соответствовал той картинке, которую Тогнар рисовал себе, когда качал на руках орущего младенца, он оставался родным и дорогим человеком.

Сентиментальные разговоры обычно никому из Тогнаров не давались — их гордый нрав требовал не опускаться до сантиментов — но тут уж у отца хватило мозгов чётко и уверенно заявить:

— Если уж ставить вопрос так жёстко, то я, однозначно, предпочту сына с честным сердцем сыну-интригану.

Райтэн поморщился; в своём режиме он всё ещё находил в любой фразе лишь подтверждение своим самоуничижительным мыслям.

— Тоже мне, честное сердце! — насмешливо фыркнул он, заходя с козырей и пытаясь использовать против отца его же аргументы. — Не может быть благородного сердца у человека, который на долгие годы бросил свою семью! — на финале фразы голос его ощутимо дрогнул, и он, резко развернувшись, уткнулся в окно.

Он пытался бросить эту фразу в отца, чтобы уличить его в неискренности; но вместо того попал сам в себя, снова погрузившись в глубокое чувство вины перед близкими.

С минуту старший Тогнар молчал, не зная, что на это ответить. С одной стороны, Райтэн был прав; с другой — он не учитывал огромное количество важных нюансов.

— Тэн, — наконец, заговорил отец. — А вот давай ты не будешь принимать на себя ответственность за мои поступки?

Райтэн так опешил, что даже обернулся. Удивление было настолько сильным, что приглушило самоуничижение: он явно не понимал, к чему ведёт отец.

Со вздохом потеряв лоб, Тогнар обошёл стол и сел на своё место. Сложив ладони перед собой домиком, он принялся рассуждать тоном небрежным и любезным:

— Ну, смотри, что у нас выходит, Тэн. Юноша сбегает из дому — так? — Райтэн нахмурил брови, ожидая подвоха. — Что, во имя Великого Пламени, может помешать его отцу вернуть его домой — с учётом тех связей и возможностей, которыми его отец обладает как правитель Аньтэе?

Райтэн чуть склонил голову набок, пытаясь понять, что за интригу ведёт отец. Там и тогда, в пятнадцать лет, он, с одной стороны, хотел стать независимым и боялся того, что отец попробует вернуть его силой; первое время после побега он пугался каждого шороха в ожидании посланных за ним людей... однако, с другой стороны...

Люди эти всё не появлялись. Отец, казалось, бездействовал, не предпринимая никаких действий по поискам блудного сына. И, хотя Райтэн боялся этих поисков и хотел, чтобы его не нашли, самым иррациональным образом он был ранен тем, что его желание вполне сбылось, и никто его и не искал. Это бездействие со стороны отца словно подтверждало самую болезненную и мучительную мысль: что отцу нужен был только наследник, а не сам Райтэн. И Райтэн таким, какой он есть, ему и даром не сдался. Сбежал — ну и хвала Великому Пламени, меньше проблем с дерзким сыночком, который вечно всё портит своими грубыми выходками и безрассудными поступками.

— Итак, — продолжил, меж тем, Тогнар, — как мы только что выяснили, это было моим свободным и осознанным решением: позволить тебе жить так, как ты выбрал. Ты не мог меня принудить к этому, Тэн. Никакими своими побегами. Ты был почти ребёнком, а я уже тогда был взрослым, облечённым, к тому же, властью. Наши уровни тогда были не сопоставимы, понимаешь?

По лицу Райтэна заходили желваки — кажется, он пытался нахмуриться ещё сильнее, но дальше было уже некуда. Слова отца, как ему сейчас казалось, только утверждают всё ту же мучительную мысль: ты, Тэн, мне и тогда нахрен не сдался, и теперь только проблемы и создаёшь.

— И раз уж теперь и ты человек взрослый, — продолжил, меж тем, отец, — и я спустился до статуса рядового члена общества — может, объяснишь мне, какого демона ты обвиняешь себя за мой выбор?

Тогнар хотел выразить мысль, что Райтэн не должен так сильно винить себя за свой побег; но получилось у него только хуже, потому что Райтэн услышал все его аргументы как «сбежал и сбежал, да кому ты был нужен?»

Раненый до глубины сердца Райтэн прожёл отца яростным, острым взглядом, резко подошёл к столу, оперся на него руками напротив него и зло заявил:

— Гладко звучит, да всё софистика!

Смерив его насмешливым взглядом, Тогнар поправил:

— Вообще-то, эристика! [1]

— В самом деле?! — с непередаваемой язвительностью в голосе переспросил Райтэн. — И с чего же тогда такая честь, отпустить блудного сына шататься, где ему вздумается?! — зло переспросил он, явно уверенный, что после этого прямого вопроса отцу ничего не останется, как прямо признать, что ему не было до него никакого дела.

Тогнар, впрочем, явно придерживался иной версии.

— Тэн, — почесал он щёку и с некоторым смущением признался: — Но ведь, если бы я вернул тебя домой насильно, ты бы меня вконец возненавидел, ведь так?

Из Райтэна словно вышибло ударом в грудь весь воздух. Руки, которыми он опирался на стол, задрожали под весом потерявшего опору тела.

— Что? — только и смог сипло вытолкнуть из себя наружу он.

— Ну, — нарочито беспечным жестом взмахнул рукой Тогнар, — я боялся потерять тебя окончательно.

Бессмысленно моргая, Райтэн смотрел на него в упор и ничего не понимал.

В его видении ситуации такая трактовка отсутствовала как класс.

— Бред, — почти без звука, одними губами, выдохнул он.

То, что говорил сейчас отец, не могло быть правдой.

Райтэн лихорадочно искал внутри себя аргументы, которые обличили бы эту ложь — и, конечно же, нашёл.

Оттолкнувшись ладонями от стола, он даже чуть подскочил и обличающим тоном возразил:

— Ты мог просто со мной поговорить!

Отец растеряно и беспомощно улыбнулся — какой-то непривычно жалкой, дрожащей улыбкой.

— Но я ведь пытался, Тэн, — мягко напомнил он.

Райтэн мучительно вздрогнул всем телом: вспомнил три непрочитанных и сожжённых письма. Тогда он был уверен, что найдёт там лишь грозные обличения и требования незамедлительно вернуться домой.

И позже, много позже, когда он уже купил в Аньтье лесопилку... Ему случалось пересечься с отцом, случайно, то оказавшись одновременно у кого-то в гостях, то на каком-нибудь мероприятии, а раз или два даже по административным делам.

Райтэн тогда был так занят тем, чтобы изображать собой каменную статую, у которой нет и не может быть никаких чувств, что...

Ошеломление его было в высшей степени велико, но постепенно оно отходило на задний план, вытесняемое глубоким, всепожирающим чувством вины. Вина эта так ощутимо отразилась в его фигуре и взгляде, что Тогнар поспешил вмешаться, пока дело не зашло в совсем уж мучительные дебри.

— Впрочем, — он встал, обогнул стол и, остановившись против сына, продолжил: — Ты снова берёшь на себя не свою ответственность, Тэн. Разве ты виноват в том, что за все эти годы я не пришёл к тебе, просто, сам, и не сказал ничего вроде... — он пошлёпал губами и предположил: — Тэн, твоя холодность причиняет мне боль, не мог бы ты быть ко мне добрее?

Райтэн растерянно заморгал.

— Что? — вновь глупо переспросил он.

— Ну! — Тогнар с деланной непринуждённостью присел на край стола. — Я ведь мог так поступить, верно?

«Нет, конечно!» — в тот же момент мелькнуло в голове Райтэна, потому что ему совершенно не представлялась подобная картина.

— Да, — ответил он из чувства справедливости.

— Вот! — наставительно поднял палец Тогнар. — Но не поступил, так? — Райтэн заморожено кивнул. — Потому что, — продолжил отец, — был то ли слишком глуп, то ли слишком горд. Что, причем, — неестественно беспечно махнул он рукой, — в этом контексте одно и то же. Итак, Тэн! — вернулся он к предмету беседы. — Почему ты берёшь на себя ответственность за мой выбор?

Явно растерянный Райтэн пошевелил губами, похмурился, потом начал было:

— Но я ведь...

Резкий жест отца прервал его.

— Если бы я пришёл. — Перебил он. — Неважно, пять лет назад, десять, пятнадцать.

Пришёл сам и попросил тебя не причинять мне боль своей холодностью. Ты отказал бы?

Райтэн часто, беспомощно заморгал.

— Нет... — неразборчиво пробормотал он. — Конечно, нет.

— Что возвращает нас к тому, что это был мой выбор, — грустно заключил отец.

Лицо Райтэна скорчилось самым причудливым образом: он пытался не шмыгнуть носом.

— Впрочем, — вернулся к оптимистичному тону Тогнар, — ты ведь тоже мог в любой момент просто прийти сам. Так что давай-ка договоримся по-родственному, и будем впредь считать, что ответственность лежит на нас обоих в одинаковом объёме, да? — он протянул сыну руку, предлагая закрепить договор.

Райтэн дёргано кивнул и руку пожал.

Отстранёно заметил, какая она — рука отца — стала дряблая.

У старшего Тогнара была живая подвижная мимика, что отчасти скрадывало возраст — многочисленные морщины постоянно становились частью выражения лица и казались ситуативными мимическими морщинами, а не постоянными, возрастными. Но рука — рука его так соврать не могла. Это была рука человека, который приближается к шестидесяти годам.

Стыд куда-то ушёл из сердца Райтэна: вместо него там захозяйничала боль. Боль от понимания, что он потерял пятнадцать невосполнимых лет с отцом — а если бы не Дерек, потерял бы отца и вовсе.

Это было уже чересчур; он заплакал.

Отец ничего не сказал; просто обнял его — как, наверно, в последний раз обнимал в глубоком детстве. Ему тоже было больно — за собственную глупость и за то, что не инициировал этот разговор раньше.

Эристика — искусство спора нечестными средствами. Если в основе софистики обязательно лежит подмена, то эристика — это убеждение других в своей правоте вне зависимости от того, есть ли ошибка или подмена в основе. Тогнар имеет в виду, что использует нечестные способы, чтобы доказать истинное утверждение.

9. Что делает людей способными на убийство?

Сперва Илмарт встал закрыть окно, потому что, как ему казалось, задувающий в него ветер может сдуть со стола его перо. Не проработав после этого и пяти минут, он встал снова — частично задёрнуть шторы, потому что солнечные лучи засвечивали ему часть карты, над которой он трудился. Однако и после этих метаний работа не наладилась: ему стало казаться, что в кабинете теперь слишком душно, и он встал открыть окно.

— Да что ты мечешься!.. — сердито прошипела Олив, мимо которой он постоянно пробирался туда и обратно.

— Всё, всё! — махнул рукой Илмарт и взялся было за работу... Но ему снова показалось, что дует.

Досадливо вздохнув, он остался на своём месте, чтобы не тревожить Олив снова.

...проблема была не в окне: проблема была в Руби.

Она сидела на своём месте и увлечённо вырисовывала рыб на давешней карте.

И Илмарту казалось, что каждый её мазок проходится прямо по его сердцу, причиняя боль и дискомфорт, — от того он и не мог найти себе покоя.

Мысль о том, что интриганка, заманившая в ловушку его друга, сидит и рисует на его карте — на его карте! — заставляла кровь кипеть от бешенства. Ему хотелось встать и выдернуть карту из её рук. Самым жёстким растворителем стереть всё, что она успела там повывести. Стереть сам след её существования в этом кабинете.

Кровь билась ему в виски: он не мог нанести на своей текущей работе ни одной черты. Постоянно воображая перед мысленным взором, что и эта карта окажется в мерзких руках обманщицы, он мысленно корчился и страдал.

Илмарт считал весьма удачной и разумной стратегию, в которой они трое притворяются, что поверили, будто бы Руби действовала по своему почину и не имела отношения к интригам отца. С точки зрения войны это было правильно. И Илмарт, пусть и не любил игры такого рода, был готов притворяться, быть любезным, улыбаться в глаза и всячески изображать из себя доверчивого болвана.

На карты — его карты! — это было выше его сил!

Она, эта бездушная мразь, держала его карты в руках, выводила на них свои отвратительные картинки, пачкала их своим дыханием!

Ему хотелось придушить её за это святотатство; в какой-то момент он так размечтался, что сломал перо, которое вертел в своих руках.

— Кажется, у меня сегодня слишком болит голова, чтобы работать, — отстранёно проговорил он и чуть ли не выбежал наружу — казалось, если он пойдёт обычным спокойным шагом, то не выдержит, и, проходя мимо Руби, за волосы оттащит её от своей карты.

Уйти далеко он, впрочем, не успел: вскоре его догнала Олив. Ничего не сказав, она примерилась к его шагу и просто отправилась с ним — рядом.

Спустя полчаса, когда они уже шли по какому-то переулку, она вдруг спросила:

— И что не так с Руби?

Илмарт остановился и бросил на неё мрачный недовольный взгляд.

Олив, подперев бок рукой, выгнула бровь.

Конечно, она заметила — сложно не заметить столь горячо прожигающие взгляды.

Увлечённо рисовавшая Руби, естественно, не видела; а вот Олив имела привычку такие вещи отмечать, и её весьма насторожило нетипичное поведение друга.

Илмарт встал перед тяжёлой дилеммой.

С одной стороны, история с Руби была не его тайной, и он не был уверен, что Тогнар обрадуется, если он посвятит Олив в подробности.

С другой стороны, едва ли Олив оставит дело просто так — и, как итог, она может вслепую замешаться в чужую интригу и пострадать.

Прикинув внутри себя так и сяк, Илмарт вывел и ещё одно соображение: глазастая и умная Олив могла стать ценным союзником, так что её осведомлённость, определённо, пойдёт лишь на пользу делу.

Оглянувшись по сторонам и обнаружив в разных концах переулка прохожих, Илмарт сдержанно предложил:

— К тебе?

Олив скривилась в гримасу, которую можно было понять как «что, всё настолько плохо?» — кивнула и молча отправилась по направлению к квартире, которую снимала. Поскольку она ни на что не копила, то предпочитала тратить жалование на комфорт: у неё была прихожая с отдельным входом и комната с печкой. Усадив Илмарта на свой единственный стул, сама она устроилась на кровати, скинув обувь и поджав под себя ноги.

Илмарт лаконично изложил суть дела.

Олив некоторое время молчала, переваривая информацию, затем присвистнула, потёрла подбородок и вынесла вердикт:

— Мерзко.

Райтэн с первой встречи пришёлся ей по душе своей прямоотой. Да, сперва она подозревала за этой прямоотой второе дно — не в её характере было доверять первым впечатлениям — но, в конце концов, она убедилась, что Райтэну чуждо притворство, и всё то, что он демонстрирует лицом и тоном, является абсолютной правдой. С точки зрения Олив, это было большим достоинством. Она уважала Райтэна и за искренность, и за силу характера, и за ум, который раскрывался перед нею всё больше в их совместной работе.

Обманывать людей такого склада, играя на их благородных порывах, с позиций морально-этического кодекса Олив было подло. Ей даже сделалось за Райтэна больно — скорее всего, от того, что она сама давно уже потеряла всякую наивность и веру в людей, поэтому никогда бы не пошла на поводу у собственных порывов подобного рода, и из-за этого особенно уважала тех, кто имел смелость таким движениям сердца поддаваться. Благородный порыв — всегда риск, а Олив ни при каких обстоятельствах не рисковала, предпочитая всё продумать и действовать строго в соответствии с планом. Однако где-то в глубине её души ещё не погасла та юношеская, светлая искорка — которая когда-то давно и была сутью самой Олив. И эта искорка и её толкала на то, чтобы защищать слабых и помогать обездоленным. Поэтому порыв Райтэна, так или иначе, оказался созвучен её сердцу и вызывал в ней уважение.

Другим моментом, кольнувшим её, была, должно быть, некоторого рода зависть, приправленная сожалением и грустью, — в своей жизни Олив частенько сталкивалась с людьми и обстоятельствами, которые ломали её и причиняли ей боль. А вот защитников, готовых ринуться между ней и опасностью, на её пути не встречалось. Олив подумалось, что, должно быть, это удивительное чувство, когда ты уже совсем утонула в очередной передрыге, и чувство липкой, всепоглощающей беспомощности уже затопило тебя вконец — и вдруг

приходит кто-то и выдёргивает тебя оттуда. Просто потому что не может наблюдать, как ты там тонешь.

Она бы никогда не предала человека, который её выдернул; поэтому полностью разделила то глубокое негодование, которое Илмарт высказал по отношению к Руби.

— Если надумаешь их гасить, — деловито резюмировала свои размышления Олив, — я в деле! — и протянула ему руку.

Илмарт степенно кивнул, подался к ней и руку пожал:

— Договорились.

Было совершенно неясно, действительно ли они всерьёз планируют убийство — или это очередной виток их привычной игры.

Илмарт размышлял о том, что у господина Михара есть как минимум один телохранитель — он заметил его в стороне во время сцены у ворот. Но при этом собственно в университет Михар пришёл один, значит, его можно было подловить там. Будут ли рыть землю его люди, если он пропадёт, и сколько кому дать на лапу, чтобы не рыли?

Мысли откинувшейся на подушки Олив были проще: она размышляла, как избавиться от трупов и не загреметь к властям.

Дерек никогда в своей жизни не убивал собственными руками, а Райтэн, мало того, что не убивал сам, — не был даже косвенно причастен, В отличие от друга, который, выполняя некоторые приказы Грэхарда, знал, что его старания приведут к конкретным смертям. Но, так или иначе, ни Дерек, ни Райтэн не были готовы решать свои проблемы столь радикальным способом.

Илмарт убивал; и Олив убивала; и оба они были готовы убить теперь.

— Девчонку — тебе, — не терпящим возражений тоном заявила вдруг Олив.

— Мужчина опаснее, — возразил Илмарт, который, по совести, вообще не представлял, как грохнуть Михара так, чтобы не загреметь самому. — Его убийцу будут искать активнее.

Возражал он, впрочем, чисто для проформы; ему и так хотелось задушить Руби, а с точки зрения успешности внезапного нападения на охраняемую цель у Олив точно было больше шансов, чем у мрачного мужика, у которого на лице и мускулатуре написано, что он весьма опасен.

— Мужчину нужно гасить первым, чтобы девчонка наследовала, — растолковала свою мысль Олив. — Мне подобраться проще, и проще сбежать в Райанци.

— Принято, — кивнул Илмарт и добавил: — Но у Тогнара пока планы на подковёрный интриги.

Олив передёрнула плечом:

— Пусть интригует, — милостиво разрешила она.

Мысли о том, что жизни врагов полностью в её руках, настроила её на мирный лад. Во всех ситуациях, где она не могла повлиять на людей напрямую, она любила утешать себя мыслью, что, во всяком случае, можно их просто убить.

Не то чтобы она часто так поступала — по правде сказать, именно так она не поступала никогда, — но кровожадные планы здорово успокаивали ей нервы.

Они снова помолчали. Олив размышляла о том, как подобраться к Михару, и не могла выбрать между вариантом «подловить его в неожиданный момент» и «втереться в доверие в качестве потенциальной любовницы». Илмарт подсчитывал, сколько времени потребуется, чтобы Руби вступила в наследство, и сколько — чтобы Райтэн унаследовал Руби — и можно

ли будет, таким образом, использовать для перекупки людей господина Михара деньги самого господина Михара.

— Тебе надо отобрать у неё твои карты, — вдруг прервала эти размышления Олив.

Она знала, как трепетно Илмарт относится к своему творчеству, поэтому разобралась, наконец, чем были вызваны его сегодняшние метания.

Подперев подбородок и поиграв пальцами в густой рыжей бороде, Илмарт согласился:

— Пожалуй, могу сказать, что без Анодара дальше работа не пойдёт...

— А заготовки отдай мне, — вдруг предложила Олив.

— Тебе? — уставился на неё в упор Илмарт.

Олив смерила его недовольным взглядом — из её лежачей позиции это смотрелось забавно — помотала в воздухе рукой и высказала:

— Я тоже умею рисовать. Скажешь ей, что решил дать мне подзаработать таким экзотическим способом.

Илмарт наклонил голову набок, порассматривал её и внёс коррективы:

— Тоже спихну на Анодара. Для меня слишком тонкая идея. А вот он мог бы придумать что-то такое.

Олив независимо фыркнула.

План был принят к исполнению, и на следующий день Руби потихоньку вытолкали учиться: мол, проект без своего идейного вдохновителя встал намертво.

Ничего подозрительного в этом Руби не заметила.

IV. Время собирать камни. 1. Легко ли вести двойную игру?

IV. Время собирать камни
643-644 года, осень-весна. Кармидер

You look up to the sky
With all those questions in mind.
All you need — is to hear
The voice of your heart.
In a world, full of pain,
Someone's calling your name.
Why don't we make it true?
Maybe I, maybe you!

Scorpions, «Maybe I, maybe you» [1]

1. Ты смотришь вверх, в небо,
Со всеми этими вопросами в твоей голове.
Всё, что тебе нужно — услышать
Голос твоего сердца.
В мире, полном боли,
Кто-то зовёт тебя по имени.
Почему бы нам не осуществить это?
Каждый из нас может!

1. Легко ли вести двойную игру?

Руби шла лёгким весёлым шагом человека, который ничего такого не замышляет — ведь что может быть более обычным для студента, чем посещение книжной лавки? Вполне себе уютной и весьма почтенной, из тех, в которых хозяин живёт на втором этаже, а на первом — выставляет книги.

Заходя внутрь, Руби тщательно вытерла ноги и не обернулась — ведь какой студент опасается слезки? — зашла под звон колокольчика, поприветствовала хозяина и закопалась в новые поступления.

Те, разумеется, были выставлены на витринном окне — чтобы приманивать прохожих — так что, копаясь в книгах и вдумчиво изучая некоторые из них, Руби краем глаза могла прекрасно обозревать улицу.

Проведя за этим занятием пару минут, она убедилась, что никто не интересовался её передвижениями, и, отойдя к стеллажу внутри, осторожно оглядела помещение. В углу, спиной к ней, копошилась сухонькая старушка, которая, кажется, не планировала ничего покупать, а предпочитала ознакомиться с книгой прямо здесь. Чуть улыбнувшись, Руби переглянулась с хозяином, кивнула ему, стукнула входной дверью — чтобы колокольчик возвестил, что кто-то пришёл или же ушёл — и прошмыгнула наверх по лестнице, которая

находилась за стойкой хозяина.

На втором этаже, почёркивая что-то в записной книжке, ждал отец.

— А! — весьма приветливо улыбнулся он, завидев дочь.

Та, впрочем, тёплому приёму не обрадовалась, поскольку и новости у неё были дурные, и собой она была весьма недовольна. Сев в соседнее с отцом кресло, она насупилась, не желая начинать неприятный разговор.

Поразглядывая её с минуту и убедившись, что никакой инициативы ждать не стоит, Михар спокойно поинтересовался:

— Накладки, да?

— Ещё какие, — досадливо вздохнула Руби, не глядя на него, поскольку ей было стыдно, что она его подвела.

Дальше она довольно обстоятельно поведала об обстоятельствах своего провала. Отец слушал внимательно и без осуждения, иногда коротко уточняя нюансы. Немного обдумав дело, он резюмировал:

— Что ж, ты молодец, что догадалась обставить это как кривую попытку вызвать сочувствие и понравиться, — хотя, по правде сказать, пусть Руби и хотела выставить свою ложь именно так, сделать она этого так и не успела, и план так и остался лишь частью её фантазий, — но зачем же ты так легко призналась этому А-Ранси? — уже с некоторым недовольством отметил он.

Зыркнув на него мрачно, Руби машинально потёрла шею и пожаловалась:

— Но он меня чуть не придушил!

Приподняв брови в недоумении, Михар встал, подошёл к дочери и внимательно осмотрел её шею — она, впрочем, не очень-то жаждала её демонстрировать. Никаких следов на коже не нашлось: Илмарт прекрасно умел соизмерять силу со своими намерениями.

Вернувшись на своё место, отец вольно положил руки на подлокотники и тихо отметил:

— У него были лишь догадки, причём весьма смутные. Он хотел напугать тебя, чтобы вырвать признание, и ему это удалось. Если бы ты догадалась соврать, он принял бы эту ложь и едва ли полез дальше.

Руби досадливо поморщилась, но всё же попробовала защититься:

— И что я могла тут соврать?

— Что угодно, — чуть дёрнул пальцами по воздуху Михар. — Что ты боишься только отца, или что ты боишься, только когда я злюсь, или что в тот день ты была на нервах из-за планируемого побега, а обычно тебе свойственно держать страх внутри, или... — он сухо и спокойно перечислял возможные варианты, а Руби краснела и недовольно шмыгала носом.

Ей в голову не пришёл ни один.

Убедившись, что дочь осознала глубину собственной недогадливости, Михар перекрыл всю критику одним спокойным:

— Впрочем, оно и к лучшему. Мне невыгодно иметь в глазах Тогнара репутацию человека, который бьёт свою дочь.

Между ними уже был ранее спор на эту тему, и именно Руби настаивала на том, чтобы разыграть из себя жертву домашнего насилия — мол, так её охотнее будут спасать. Не признать её правоту в этом вопросе было невозможно: их интрига предполагала растянуться на несколько месяцев, медленно и аккуратно заманивая Райтэна в близкие отношения с Руби и осторожно подводя его к идее брака. То, что дело выгорит так скоро, они оба не ожидали.

Некоторое время они молчали — отец обдумывал, как новые обстоятельства развивают

интригу, она же переживала острый приступ недовольства собой, — потом она нехотя отметила:

— Я не уверена, что он мне простит.

— Почему это? — непритворно удивился Михар, который прекрасно знал, сколь многое может сойти с рук хорошенькой женщине, если она сумеет правильно себя подать.

Руби потёрла лоб, задумалась — она опиралась скорее на интуицию, чем на доводы логики, — потом медленно и словно через силу отметила:

— Райтэну... чужды игры такого рода. Он... — она попыталась подобрать слова, и как-то с трудом выстроила фразу: — Он ценит порыв, а не расчёт.

На лице Михара всё ещё читалось лёгкое удивление, но было неясно, отражает ли оно его реальное отношение — или он просто считает должным отобразить мимикой именно эту эмоцию.

— По-моему, ты просто смотришь на него слишком романтично, — наконец, возразил он.

— Ему чужда всякая фальшь, — с непривычной ему холодностью в голосе возразила Руби.

Поразглядывая её так, словно видел впервые — мысли, которые она высказала, были для неё весьма странны, — он медленно и терпеливо принялся объяснять:

— Детка, он, возможно, очень зол сейчас, когда только поймал тебя не обмане. Но у таких людей, как Тогнар, подобные эмоции, пусть и весьма яркие в первый момент, быстро угасают. Через несколько недель он и думать забудет, что злился на тебя.

Руби нахмурилась, всем своим выражением выказывая полное несогласие с таким прогнозом реакций Райтэна.

— Ты просто его совсем не знаешь! — наконец, выразила свой протест она.

Господин Михар вежливо приподнял брови. В его тщательно собранном досье была достаточно подробная биография Райтэна, дающая более чем достоверный слепок его характера.

Совершенно беззвучно постучав пальцами по подлокотнику, Михар задумался. Ему пришла в голову мысль, что дочь, судя по всему, весьма равнодушна к супругу — и эта мысль вызвала в нём глубокое удовлетворение от хорошо проделанной работы.

Руби с детства отличалась большим прагматизмом и логическим складом ума, и умудрилась дожить до двадцати пяти лет, ни разу не влюбившись. В целом, оно было и к лучшему — страсти юных девиц зачастую весьма разрушительно сказываются на их судьбе — но господин Михар всё же испытывал на этот счёт некоторое беспокойство, скорее от того, что опасался, что внезапное чувство проснётся в дочери катастрофически не вовремя и к объекту самому неудачному.

Теперь же выходило, что интрига складывается самым что ни на есть удачным образом: и Тогнар сам ринулся поскорее жениться, даже разыгрывать тщательно продуманные заготовки не пришлось, и дочь, судя по всему, прониклась к супругу симпатией.

Личное счастье дочери, безусловно, входило в число ценностей господина Михара, пусть и не было тем приоритетом, на котором он строил свои планы.

Таким образом, на ближайшее время Михар поставил дочери простую и конкретную задачу — примириться с Райтэном — и отбыл по своим столичным делам, полагая, что торопить события не стоит, а тем более не стоит нервировать зятя своим присутствием в

непосредственной близости от него.

Руби была таким положением дел вполне довольна: работать под постоянным контролем отца ей не нравилось. Слишком велика была разница в опыте и уровне понимания интриг, и, как бы хорошо Руби ни справлялась с порученным ей делом, у отца всегда находился повод преподать ей очередной урок, объяснить, в чём она была неправа на этот раз, и предложить более разумные стратегии поведения в тех или иных случаях. Это всё, конечно, высказывалось мягко и с заметной отцовской заботой, но всё же раздражало, надоедало, ранило, в конце концов, и Руби постоянно преследовало то чувство, что она не дотягивает до некоей высокой планки, которой должна бы соответствовать.

Интрига с замужеством понравилась ей с самого начала, потому что, во-первых, предоставляла ей широкую свободу действий без непосредственного контроля отца, а, во-вторых, позволяла проявить лучшие свои качества и показать, что она тоже чего-то стоит. Так что возвращения Райтэна и Дерека из Брейлина она ждала с большим нетерпением, готовясь блеснуть обаянием и начать строительство самого счастливого брака на свете.

Дело, однако, пошло совсем не так, как она планировала.

При встрече Райтэн вовсе не блистал дружелюбием. Он, впрочем, попытался отобразить что-то, долженствующее означать вежливую улыбку, но получилось у него настолько плохо, что такая гримаса не обманула бы и самую наивную девушку на свете.

Руби наивной не была и отчётливо увидела: он ей не рад настолько, что предпочёл бы и вовсе не видеть.

Это было ожидаемо, но досадно: она рассчитывала, что за время поездки он успеет успокоиться и станет готов к примирению.

Однако ж, не удостоив её даже минимальной светской любезностью, кою пусть даже фиктивный супруг должен был проявить по отношению к жене во время встречи, он незамедлительно умчался куда-то по делам — настоящим или вымышленным — и даже огорчённо-поникий вид, всегда особо удающийся Руби, в этот раз не помог.

Впрочем, как — не помог? Следующий за Райтэном Дерек притормозил, притянул её в утешительные объятия и ласковым тоном отметил:

— Ну, он ещё не отбушевался, ты же его знаешь!

Удаляющуюся спину друга он проводил взглядом весьма недовольным: для дела было бы неплохо, чтобы Райтэн худо-бедно изобразил какую-то готовность идти на контакт.

Он, впрочем, изобразил — ту самую попытку вежливой улыбки — и, видимо, это был тот максимум лицемерия, на какое он был способен.

— Я его так ждала... — тихо призналась Руби.

— Выше нос! — щёлкнул её по этому самому носу Дерек, тем приподнимая его, и пообещал: — Отбушует, куда он денется!

Голос его звучал весело и уверенно; изобразив напоследок какой-то полусветский-полушутовской поклон, он унёсся догонять. Руби улыбнулась ему вслед: ей нравился Дерек, в его манере она видела что-то солнечно-доброе, и теперь ей было приятно получить от него поддержку.

...через пару недель только на этой дерековской поддержке она и держалась — потому что Райтэн упорно избегал её всеми приличными и неприличными способами.

В конце концов, именно Дерек поставил вопрос ребром: либо они (избегающий Руби Райтэн и лелеющий свои ненаглядные карты Илмарт) берутся за ум и как-то включаются в интригу, либо он, Дерек, из этой интриги выходит, потому что сколько можно, наконец,

тащить всё на себе одном! Признав его правоту, друзья кое-как предприняли шаги по поиску компромисса. Илмарт заявил, что совсем не против изображать дружелюбие, если Руби и пальцем не притронется к его картам, а Райтэн обещался выдавить из себя какую-то готовность к контакту, если они не будут оставлять её с ним наедине.

Вздыхнув, Дерек предложил привести Руби в их кружок любителей карт, чтобы заняться с нею вместе уже основательно подзабытым словарём парфюмерных терминов. Илмарт тут же согласился: что угодно, лишь бы не его карты. Райтэн было обрадовался и заявил, что его присутствие совершенно излишне, потому что ни к картам, ни к переводам он никого отношения не имеет. Илмарт и Дерек мрачно переглянулись и пообещали позвать Олив — что тут же вызвало большой энтузиазм.

— Северное направление торговли! — хлопнув себя по лбу, подскочил Райтэн и куда-то понёсся.

Успев, впрочем, пообещать, что придёт.

Проводив его недовольными взглядами, Илмарт и Дерек переглянулись. «Угу-угу, конечно, чисто торговый интерес! Кому ты затираешь!» — откровенно читалось в их глазах.

— Безнадёжно, — резюмировал Илмарт.

Дерек только печально вздохнул. План «притвориться, что они влипли в интригу по уши, и, таким образом, узнать, что нужно Михару» грозил провалиться полностью, даже толком не начавшись.

Таким образом, на следующий вечер они все снова собрались в том же кабинете — только Дерек в этот раз сидел не под окном с Райтэном, а с Руби.

Та, первоначально обрадованная приглашением, теперь тяжело вздыхала, потому что Райтэн, определённо, предпочитал игнорировать факт её присутствия. Он, впрочем, односложно отвечал, если она сама обращалась к нему, но на лице его столь откровенно читались досада и недовольство, что Руби быстро забросила попытки разговариваться.

Время от времени Райтэн бросал недовольные взгляды на Дерека — мол, погляди, на какие жертвы мне приходится идти! — но сочувствия и понимания не достиг. Дерек лишь закатывал глаза и дёргал плечами: мол, твои проблемы и распутываем же.

Наблюдая эти переглядки, Руби хмурилась. Настроение её стремительно ползло вниз с каждой минутой. Особенно раздражала её Олив, которая легко и непринуждённо перешучивалась со всеми тремя мужчинами как со старыми друзьями.

Олив ей и вообще не нравилась. Руби в ней подбешивало многое: стабильно небрежная растрёпанная коса, вечно помятые платья, у которых рукава были запачканы чернилами, а локти — потёрты, неаккуратно обломанные ногти, громкий смех и резкий голос, нахрапистые мужские манеры, лишённые всякого изящества небрежные позы, привычка сидеть, сгорбившись... и иногда от неё — кошмар! — пахло потом! Руби особенно раздражалась от того, что от природы у Олив были великолепные данные — но она, кажется, делала всё, чтобы свести на нет достоинства собственной фигуры и лица.

И при всём при этом ужасе — Руби с завистью и злостью понимала, что она — нравилась! Откровенно и глубоко нравилась и Дереку, и Илмарту, и, что особенно досадно, Райтэну!

Руби, которая всегда с большой тщательностью следила за своей одеждой, внешним видом, голосом, осанкой, позой и мимикой, находила крайне несправедливым, что женщина, которая всем этим презрительно пренебрегает, умудряется при том кому-то нравится — да

как она только смеет!

Нет, добро бы кому-то!

Она нравилась именно тем трём мужчинам, которые очень нравились самой Руби. Весёлый, полный солнечной доброты Дерек, яркий, решительный Райтэн с пронзительно-благородным характером и наполненный сдержанной уверенностью в себе и своей силе Илмарт, надёжный, как неприступные крепость.

Её ужасно раздражало, что Дерек, который с такой почти отеческой заботой помогал ей с переводом, никогда не шутил с нею так, как шутил с Олив.

— Ты его к своей косе привяжи! — веселился он, когда Райтэн опять унёсся в неведомые дали за каким-то нереально важным документом, требующимся вот прямо сейчас, а Олив начала в очередной раз по-доброму возмущаться его непоседливостью.

— Ты желаешь мне такой страшной смерти, Дер? — насмешливо отвечала она, лениво откинувшись на спинку стула и вытянув вперед ноги — из-под подола тонкого платья нелепо выглянули некрасивые, но практичные сапоги. — Он же меня за эту косу по всему университету протащит и даже не заметит! — рассмеялась она, подёргав себя для вида за волосы.

— Ну, ну! — не сдавался Дерек, шелестя бумагами совершенно бессмысленно. В глаза его светились лукавые ласковые искорки, на губах дрожала сдерживаемая улыбка, а голос, казалось, обогревал самое сердце: — Тэн слишком галантен, он не станет волочить даму по университету за косу.

— Кто галантен? Это Тогнар-то? — расхохоталась Олив некрасивым, громким смехом — и, к большой досаде Руби, её поддержали и Дерек, и Илмарт.

В кабинет ворвался вернувшийся Райтэн — он даже не взглянул на Руби, всё его внимание было приковано к до сих пор хохочущей Олив. Он на миг сбился с шага, залюбовавшись, но почти тут же понёсся дальше.

— Я говорил! — торжествуя, потряс он документом в своих руках. — Я же говорил!

Он порывисто, в несколько шагов, почти пробежал через кабинет, к самому столу Олив, сунул ей лист — она, хмурясь и щурясь, начала вчитываться. Его, кажется, не устроило то, что дело идёт так медленно: обогнув стол, он уселся на корточки ей под боком и принялся тыкать пальцем в какие-то строчки, лихорадочно и быстро что-то объясняя, глядя то на неё — снизу вверх — то в бумагу. Олив, кусая губу, слушала внимательно, потом раздражённо возражала. Руби не понимала смысла их беседы — слишком много непонятных ей географических названий, терминов и имён — но её ужасно, ужасно раздражало, что они были этой беседой чрезвычайно увлечены. Они, постоянно перебивая друг друга и заканчивая друг за друга фразы, постоянно прикасались друг к другу, даже не замечая этого, и, казалось, забыли напрочь о том, что в кабинете есть и другие люди.

В какой-то момент, заведённый очередным возражением, Райтэн вскочил. Размахивая руками, он принялся объяснять — что-то о вторичных выгодах и окупаемости в масштабах десятилетия, Руби сразу потеряла мысль, — Олив тоже вскочила, и тоже размахивала руками, и её аргументы казались уже куда как более внятными — мол, нельзя при долгосрочном планировании полагаться на гипотетические... ах, нет, это сперва аргумент казался Руби более понятным...

От возмущения её отвлёк тихо хихикающий Дерек. Заткнув рот кулаком, он наблюдал за

потасовкой с большим интересом и явным одобрением. Его особенно забавляло, что Райтэн и Олив как в зеркале отражают друг друга и выглядят сейчас совершенно одинаковыми.

Руби вспыхнула от злости, досады, ревности и странного, сосущего чувства... непричастности к происходящему.

Больно закусив губу, она заставила себя перестать глазеть на Райтэна с Олив и основательно уйти в перевод. Получалось плохо, потому что выкрики про кривые безразличия (что?) и репутационные издержки (что-что?) заполняли собой, казалось, весь кабинет.

— Олливи, да просто согласишься с ним уже! — вдруг вмешался в перепалку густой и весёлый голос Илмарта.

На лице Олив застыло недоумение, смешанное с раздражением.

— В самом деле, — вдруг, отложив книгу, встал Дерек и подошёл ближе к ним. — Поверь моему опыту, с Тэном проще согласиться, — даже спина его каким-то образом выражала сдерживаемое веселье.

Руби успела заметить, как по лицу Райтэна скользнула тёплая, почти нежная улыбка, которую, впрочем, он сразу преобразовал в суровую усмешку. Однако горящие весельем и азартом глаза не позволяли купиться на эту усмешку: очевидно, он наслаждался разговором, наслаждался от всей души и самим спором, и Олив как собеседницей, и вмешательством друзей.

— Се-Стирен, — весело начал он, и в этом его, казалось бы, отстранённом обращении по фамилии было больше тепла, нежности и чувства, чем в том «Руби», которое он обращал к ней, — послушай умных людей, они дурного не посоветуют!

— Больше никаких споров с Тогнаром! — со смешком подтвердил Илмарт, откладывая кисть и демонстративно поднимая руки. — Мне прошлого раза хватило!

Трое мужчин заразительно рассмеялись; Олив чуть нахмурилась, не понимая причин веселья, и их ей объяснил Дерек:

— В последний раз, когда мы пытались с ним спорить, дело закончилось тем, что мы дружно рванули в Северную Анджелию, потому что ему втемяшилось создать её карту.

Тут рассмеялась и Олив: звонко, радостно, чисто — Райтэн откровенно ею залюбовался, и лицо Илмарта тоже озарило светлой улыбкой.

У Руби закололо в глазах. В голове стало пусто и гулко, лишь сильные удары пульса бились в виски, отдаваясь болезненным гулом.

Она тихо встала и вышла, не замечая за собой, что плачет.

Её отсутствие заметили только спустя четверть часа — после того, как Олив согласилась на полную капитуляцию и безусловное принятие всех безумных планов Райтэна, касающихся торговли в северном направлении.

— Кажется, господа, — почесав себе бороду, отметил задумчиво Дерек, — интриги — это не наша сильная сторона.

Лицо его приняло самое постное и недовольное выражение. Остальные трое незамедлительно изобразили такие же постные лица и скорбно покивали.

С минуту они стояли и кивали друг другу, ведя негласный спор на тему того, у кого получится самый скорбный и драматичный кивок.

В конце концов, все они снова хором рассмеялись.

Должно быть, никто из них всерьёз не жалел о том, что не умеет интриговать.

2. Сколько уровней должно быть у хорошей интриги?

Унывать и сдаваться не было в характере Руби. Осознав, что ей не удаётся наладить с Райтэном эмоциональный контакт, она решила зайти с прагматичной стороны — ведь, очевидно, он весьма близко к сердцу принимал свои коммерческие предприятия.

Покопавшись с неделю, Руби составила прекрасный проект по использованию сульфата меди как средства пропитки древесины — даже успела провести пару опытов! С этим проектом — и пропитанными деревяшками — она заявила к Райтэну и принялась радостно, но толково рассказывать о своей задумке.

Он полистал её заметки с некоторой тягостной досадой. Чувство это было связано с тем, что, с одной стороны, идея казалась перспективной, с другой же — ему категорически не хотелось, чтобы Руби имела какое бы то ни было отношение к его проектам.

Вяло и неубедительно он резюмировал, что затея неактуальна, поскольку с его прекрасными, обшитыми медью кораблями и без того всё в порядке.

Руби поняла, что и здесь проиграла; в момент просчитав вероятности, она попыталась выйти из ситуации с максимальным достоинством.

— Я оставлю заметки Тэнь, — мило улыбнулась она. — Если вдруг передумаешь, полагаю, они с профессором Линаром справятся с этим делом куда как лучше меня.

Райтэн оценил изящество хода и тихо вздохнул. Всё-таки, как ни крути, Руби разыгрывала в высшей степени приятную манеру, которая вызывала безотчётную симпатию, — и сознавать, что за этой приятнейшей манерой скрывается ложь и расчёт, было особенно досадно и неприятно.

Не преуспев в атаке со стороны прагматизма, Руби решила зайти со стороны очевидной уязвимости Райтэна — дружбы с Дерекком. Для этого она, как по нотам, разыграла интригу красивую и в высшей степени изящную.

Дело в том, что ректор, конечно, умел подсуетиться вовремя и не упустить выгоды: проект с иллюстрированными картами уже получил огласку, и стали находиться частные покупатели, желающие получить такую диковинку. Цену ректор назначал весьма высокую, но прибыль до создателей карт не доходила — нет, ректор не клал её к себе в карман, а честно употреблял на благо университета. Но, тем не менее, Дерек и Илмарт обходились весьма скромным жалованием внештатных научных сотрудников, а сама Руби не получала и вообще ничего — её участие шло в зачёт научной практики.

Можно было смело предполагать, что без вмешательства извне эта ситуация не изменится: Илмарт был слишком увлечён самим созданием карт, чтобы требовать себе ещё каких-то денег, а Дереку-бессребренику даже мысль в голову не пришла, что неплохо бы затребовать часть прибыли от продаж.

Так что Руби, связавшись письмом с отцом, разыграла красивую комбинацию: отец прислал в университет своего человека, который серьёзно обсудил вопрос с ректором, обозначил дело как проект национальной значимости, выдал по всем правилам прописанный патент и предупредил, что правительство теперь этот вопрос контролирует, и каких-то махинаций и спекуляций вокруг него не потерпит. Новые договорённости предполагали, что создателям карт будет полагаться свой процент от их продаж — и ректор, пусть и вздохнул на этот счёт тяжко, со всеми условиями согласился.

Хотя официально Руби вроде бы осталась не причём, на уровне слухов к ректору просочилась информация, что такая заинтересованность была инициирована конкретно господином Михаром, внимание которого к делу привлекла родная дочь — как оказалось, обучавшаяся в университете — из соображений безопасности — инкогнито.

Через профессора Линара слухи эти доползли и до заинтересованных лиц — без малейшего вмешательства Руби.

Заинтересованные лица мысленно матерились: Руби сработала тонко и деликатно, и её игра против их воли вызывала восхищение. Они, с одной стороны, вроде как были ничем ей не обязаны — ведь официально она не имела к изменению статуса их проекта никакого отношения — с другой, не могли не почувствовать благодарность. Ко всему прочему, Руби ещё и на уровне документов вроде как устранилась от участия: в патенте был упомянут сам Кармидерский университет, под патронажем и контролем которого велось дело, господин Анодар как руководитель, подбирающий и координирующий команду аналитиков на свой вкус, и господин А-Ранси, как ведущий картограф, набирающий, в свою очередь, помощников по своему разумению. Они могли официально отстранить Руби от проекта — и это никак не влияло на его статус — и именно поэтому им теперь казалось невозможным просто от неё избавиться.

— Ну, — в конце концов, высказал дельное предложение Дерек, — ты ведь можешь взять в проект второго картографа, который будет рисовать те заготовки, с которыми дальше будет работать она?

Илмарт муторно вздохнул.

Проблема была в том, что, если смотреть на результат, то именно его совместная работа с Руби придавала законченными картам особый шик. Олив, конечно, тоже старалась, и рисовала вполне сносно, но у неё не было этого особого вдохновения, этого чувствования карты как живого существа со своим характером. Она старалась выполнять рекомендации Илмарта максимально полно, но Илмарт видел, что выходит всё же не то — и это особенно мучило его, заставляя порой даже почти решиться и вообще выйти из проекта.

Он чувствовал себя загнанным в ловушку: его страсть к картам требовала от него закрыть глаза на лживость Руби и работать с нею дальше, но эта же страсть не позволяла ему разделить творчество такого уровня с женщиной, которую он презирал. Он осознавал этот внутренний конфликт, видел, что он не имеет решения, и совершенно не знал, что теперь с ним делать.

Райтэн тоже попался в расставленную ловушку: всё, что касалось Дерекса, слишком сильно задевало его за живое. Вмешательство Руби было максимально филигранным и благородно ненавязчивым, и Райтэн испытывал жгучую досаду при мысли, что женщина с такими великолепными мозгами в числе прочего использует эти мозги и для того, чтобы интриговать против него.

Из них троих Дерек был единственным, кто не был выбит из колеи и морально дезориентирован. Дерек хорошо видел игру во всём её масштабе — и то, как Руби аккуратно осталась в стороне, чтобы никак их не обязать, воспринималось им как часть её игры, что, соответственно, избавляло его от долга благодарности по отношению к ней.

Должно быть, он ещё после отношений с Грэхардом хорошенько пересмотрел список обстоятельств, в коих он полагал возможным испытывать благодарность.

— Я не знаю, — наконец, потеряв щёки и бороду, муторно признал Илмарт.

Решение вопроса, оставлять ли Руби в проекте или нет, полностью зависело от него — и он не имел сил ни окончательно выставить её вон, ни принять обратно.

К вящей досаде друзей, Руби, ощутившая и охлаждение со стороны Илмарта, и его явное нежелание доверять ей свои карты, ещё чуть ли не с начала семестра сама устранилась от активной работы, совершенно откровенно заявив, что не справляется с такими нагрузками, и учёба требует от неё всех сил. Это, очевидно, было самой настоящей правдой — они ещё по Кайтэнь помнили, сколько сил и времени съедает обучение, — и это давало им отсрочку на неопределённый срок.

Так что этой отсрочкой они и воспользовались, оставив вопрос подвешенным.

Руби же, однако, проанализировав ситуацию, пришла к выводу, что что-то идет не по её плану. Она в целом довольно тщательно продумала стратегию своего поведения — ненавязчивого, полного внутреннего достоинства, всячески вызывающего симпатию, — и теперь не понимала, почему эта стратегия не приносит желаемых плодов. Если холодность Райтэна она ещё могла кое-как объяснить для себя его чересчур прямым и резким характером, то охлаждение со стороны Илмарта было совершенно необъяснимо — ведь тогда, в тот момент, когда он первым раскрыл её ложь, он казался человеком, готовым принять ситуацию и развивать отношения дальше, не взирая на ошибки прошлого. Поведение Дерека тоже стало казаться странным — хотя на словах он и выказывал некоторую поддержку и ободрение, Руби ожидала, что с его-то характером он должен был бы бросаться на её защиту и пытаться как-то форсировать её примирение с Райтэном — чего и близко не было.

И если сперва всё ещё можно было как-то списать на упрямство упёршегося Райтэна, то к середине зимы для Руби стало очевидно: дело не в обиде на её небольшую игру у ворот.

«Могли ли они догадаться, что я заодно с отцом? — размышляла она, сидя за учебниками в библиотеке, и делая очевидный вывод: — Могли и догадались».

Как только она вынесла это предположение на осмысление, всё сразу стало на свои места: и изменение позиции Илмарта, и бездействие Дерека, и упрямство Райтэна.

«Но чем им мог не угодить мой союз с отцом?» — недоумевала Руби.

Изначально они посчитали, что имитация конфликта поможет Руби стать своей в кружке Тогнара — а уж потом, если всё подать под верным соусом, они планировали разыграть примирение. Там должны были следовать весьма трогательные сцены — они полагали, что уже влюблённого на тот момент Райтэна не оставит равнодушным тоска Руби по отцовской любви и её потребность найти у отца одобрение.

То, что Райтэн с друзьями догадались, что никакого конфликта не самом деле не было, конечно, являлось обстоятельством паршивым и добавляло камней в адрес Руби и её лжи. Но само по себе обстоятельство не виделось Руби катастрофичным: подумаешь, в чём тут беда? Ну да, они с отцом вместе присмотрели ей будущего супруга и немного разыграли подходящую экспозицию, чтобы брак сложился удачным и крепким.

«Что ж, — решила внутри себя Руби, — если им так уж не по душе пришлось это открытие, никогда не поздно симитировать другой конфликт, ведь так?»

Руби знала, что для того, чтобы не проиграть в интриге, нужно было углублять уровень её проведения каждый раз, когда ты оказывался на грани поражения.

Итак! Если Тогнар и компания смотрят на интригу как «отец с дочерью договорились их провести» — ей нужно просто дополнить дело новым уровнем!

«Я признаюсь, — решила внутри себя она, — да, откровенно признаюсь, что

участвовала в плане отца добровольно. Но... — прикусив губу, она задумалась: — Что — но? Почему я решила выйти из игры? — поперебирая в голове варианты, она выбрала: — Зачем усложнять? Да потому что просто они мне понравились! Да, понравились! — энергично кивнула она. — И теперь я не знаю, что делать, потому что по уши увязла в собственной лжи... и у меня совсем, совсем нет никакого выхода! — глаза её даже чуть увлажнились от жалости к самой себе. — И нужно непременно предложить что-то благородное, жертвенное... Развод? Да, конечно! Он ведь не сможет просто дать мне развод — так что я ничем не рискую, зато выставляю себя в наилучшем свете...»

Спустя полчаса план в её голове был полностью сформулирован, а также дополнен важными нюансами. Руби справедливо предположила, что, если она просто придёт к Райтэну со своими признаниями, это будет выглядеть ненатурально и наиграно.

Куда лучше в этом деле сыграет нечаянная истерика в присутствии лучшей подруги, которую роднит с братом острое чувство справедливости. Райтэн настроен категорически против Руби и любые её слова и поступки будет воспринимать как ложь и игру — но сможет ли он устоять перед напором родной сестры?

Руби улыбнулась.

Игра становилась всё интереснее.

3. Как спровоцировать семейный скандал?

Как водится, к развитию своей интриги Руби подошла основательно, и пару недель вела предварительную подготовку. Она заключалась в тоскливых взглядах, которые Руби бросала на Райтэна в присутствии Кайтэнь, тяжёлых беззвучных вздохах, лихорадочных попытках быстрее перевести разговор всякий раз, как Тэнь упоминала брата, и тщательно продуманной подавленности, включавшей, ко всему, пренебрежение питанием. Руби вполне заметно осунулась, ещё больше побледнела и довела круги под своими глазами — до идеала, а Тэнь — почти до паники.

Оставалось дожидаться повода для хорошей натуральной истерики — и здесь долго ждать не пришлось. Руби вполне обоснованно полагала, что ничто так не оправдывает натуральную истерику, как банальная ревность — а причины ревновать у неё были самые веские.

Потому что Илмарт и Олив повадились таскаться к Тогнарам на ужины, поэтому три-четыре раза в неделю за столом собиралась компания, которая вполне себе чётко делилась на две половины. С одной стороны сидящую на торце тётушку обрамляли Тэнь и профессор — Руби обычно ютилась рядом с Тэнь, чтобы не действовать своей близостью на нервы Райтэну, — а другой торец оккупировали совместно Олив — со стороны Райтэна — и Илмарт — со стороны Дерека.

Застольная беседа с самого начала делилась на два этих полюса, которые почти никогда не пересекались. В день намеченной истерики, избежав искушения ввязаться в дискуссию, которую Тэнь и профессор вели по поводу некоего светящегося яда — продукта экспериментов с фосфатом кальция — Руби прислушалась к тому, что происходит на другом конце стола.

Непривычно оживлённая Олив — выглядевшая сегодня весьма привлекательно благодаря чистым распущенным волосам — со смехом рассказывала, как пыталась вчера вместе с Айлэнь выпечь пирог с солёными огурцами. Дело не задалось из-за того, что они не додумались дать огурцам сперва стечь, и в итоге тесто безбожно размокло, и то, что у них получилось, выглядело совершенно неаппетитно — хотя по вкусу оказалось вполне себе терпимым.

«Как из болота вылезла» — раздражённо и зло оценила Руби попытку Олив быть красивее, чем обычно: за волосами она не ухаживала, и намётанный взгляд Руби, конечно, сразу отметил и секущиеся концы, и непослушные пушинки вокруг головы, и неровную структуру причёски.

Надо сказать, что все трое мужчин совершенно не замечали всех этих мелких недочётов, и действительно считали, что Олив сегодня особенно красива.

— Не могу себе представить, как такое вообще возможно есть! — веселился Дерек, которому идея использовать солёные огурцы при выпечке пирога показалась странной.

— Очень даже вкусно! — вступился за идею Олив Илмарт.

— В другой раз угощу! — пообещала та и тут же добавила: — Если снова где-то не напортачу! — выпечка явно не входила в число её сильных сторон, поэтому внезапный опыт такого рода и вызвал у неё такое оживление.

— А я однажды пытался испечь пирог в кружке, — неожиданно признался Райтэн, поглядывая на Олив, как ему казалось, незаметно.

— Что? — повернулись к нему одинаково удивлённые Дерек и Олив.

Илмарт не удивился: он умел выпекать в походных кружках нечто, могущее претендовать на звание пирога.

— Да ехал как-то, — принялся слегка смущённо, но увлечённо рассказывать Райтэн, — остановился на привал, а с собой всякая гадость вроде сухарей. Дай, думаю, грибов наберу, напеку на костре. Пока набирал — нашёл гнездо с яйцами. Ну, яйца есть, вода есть, крупа была какая-то вроде манки — я и решил, а что бы пирог не испечь?

Руби с досадой и раздражением отметила, что во время своего рассказа Райтэн то и дело бросал короткие взгляды на Олив и только на неё, словно говорил для неё одной и лишь её реакция его интересовала.

Что-то изображать даже и не пришлось; Руби совершенно естественно сжимала столовые приборы с большой злостью, и от того они звякали по тарелке весьма ощутимо.

— Ты их вообще когда-нибудь пёк до этого? — со смешком уточнила Олив, которая и вообще не сводила с Райтэна глаз, как будто считала вполне допустимым так нагло разглядывать чужого мужа! «Стерва болотная!..» — стиснув зубы, выругалась про себя Руби.

— Естественно, нет! — рассмеявшись, не разочаровал друзей Райтэн.

На этом месте все трое уже откровенно смеялись, прекрасно вообразив себе эту картину.

— Вышло вкусно! — почти обиженно защитился Райтэн, но потом задумчиво добавил: — Правда, ни в одном месте не похоже на пирог.

— Да вот снег чуть подтаёт, — задумчиво почесал бороду Илмарт, — давайте выберемся, я вас научу. Как пироги в кружке печь в походных условиях, — пояснил он.

Чуть подпрыгнув на стуле, Олив тут же загорелась идеей:

— Хочу, хочу, хочу! — глаза её сияли неподдельным задором, и она даже захлопала в ладоши от предвкушения.

Это привлекло к ней внимание другой половины стола — разговор о фосфатах прервался. Руби решила, что момента лучше не найти, и уставила демонстративно тоскливый взгляд на Райтэна.

Тот, конечно, даже не заметил, что на него кто-то смотрит: увлечённо обсуждал с друзьями нюансы будущей вылазки.

Убедившись, что находится прямо на траектории взгляда Тэнь, Руби дёрнулась, звякнув тарелкой — чтобы взгляд подруги обратился на неё — часто заморгала, задрожала губами, бросила ещё один отчаянный, полный боли взгляд на Райтэна — точно так же оставшийся им незамеченным — и, пробормотав почти неслышные извинения, чуть ли ни бегом выскочила из-за стола.

Пронзив брата недовольным взглядом, Тэнь рванула догонять — весёлая компания, обсуждавшая разнообразные блюда походной кухни, не обратила на них внимания.

Руби не убежала далеко — осталась рыдать на диванчике в гостиной. Правда, разрыдаться оказалось неожиданно сложно: она чувствовала больше раздражения, чем жалости к себе. Интрига шла не туда и не так, и Руби, решительно, не могла понять, почему дело не складывается. Она же им понравилась! Она им всем понравилась — так какая

разница, как и почему она вошла в их компанию? Ведь всё, в конце концов, сложилось наилучшим образом — так зачем они теперь всё усложняют и делают вид, что её для них больше не существует?

В общем, слёзы вышли так себе; но Тэнь хватило, потому что она любила Руби, искренне переживала за неё и, к тому же, так и не была в курсе сложившейся ситуации. В её глазах всё виделось так, что бедняжка-Руби влюбилась в Райтэна, а тот, бесчувственная скотина, держал её на расстоянии и не давал ни шанса на сближение.

Пережив первый шквал утешений и нападок Тэнь на брата, который «не видит дальше собственного носа!», Руби позволила себя успокоить — всё равно не плакалось — и стала разыгрывать нервозность. Достаточно наблюдательная Тэнь заметила и начала мягко, но настойчиво расспрашивать — и Руби «раскололась».

— На самом деле... — с заметным усилием выдавила из себя она, позволяя рукам задрожать, а голосу — начать срываться. — Ты просто не знаешь, Тэнь... но я... — слёзы неудачно не шли. — Я... сделала кое-что плохое... — призналась она почти неслышно.

— Руби! — с теплотой в голосе Тэнь обхватила её ладошку, успокаивая дрожь. Горячее сочувствие на её лице ярче любых слов говорило, что она верит: что бы ни натворила подруга — всё можно исправить!

Дальше всё прошло как по нотам: сбиваясь, замолкая, шмыгая носом и используя прочие выразительные спецэффекты, Руби рассказала новую версию своей истории.

В этот раз она звучала так: мол, отец, желая усилить своё политическое влияние, высказал идею, что было бы неплохо, чтобы Руби вышла замуж за Райтэна. Руби идея показалась интересной — она была наслышана об уме и таланте предполагаемого супруга — и она согласилась попробовать себя в интриге, задуманной отцом.

— Я думала — почему бы и нет? — пряча глаза, ломко объяснялась она. — Приеду, присмотрюсь, и...

Тэнь, бледнея и качая головой, прижимала кулачок ко рту и жалобно моргала.

— И мне... — сгорбившись, Руби спрятала ладошки между коленей и лихорадочно продолжила: — Мне, понимаешь, все вы так понравились... И я... и, мне подумалось, что лучше и быть не может... и вот...

Хотя это так и не прозвучало прямо, вся её речь сводилась, в сущности, к тому, что она обрела в Тэнь настоящую подругу, а в Райтэне — настоящую любовь, и решила, что от интриги отца все только выиграют.

— И вот, они узнали, — тут ей всё-таки удалось немного расплакаться, потому что обидно было по-настоящему, — что... что отец планировал этот брак, и что я ему подыграла... и они мне этого не простили, — она спрятала лицо в руках и оттуда сдавленно продолжила: — И я теперь не знаю, как это исправить... Я понимаю, я должна была признаться сама, раньше! — натурально зарыдала она. — Но я так боялась... — горестный всхлип. — И, видишь, теперь меня все ненавидят, и ты... ты тоже теперь...

— Что ты говоришь такое! — возмущённо воскликнула Тэнь, захватывая её руки в свои и отводя их от её лица. — Руби, милая!.. — она порывисто обняла её, глядя по волосам.

Тэнь, конечно, была крайне потрясена этим признанием. Но у неё было горячее и верное сердце, и позади оставалось полтора года дружбы — и, разумеется, Тэнь верила всюю своею душой, что эта дружба была настоящей. Она нарисовала перед своим мысленным взором картину, в которой бедняжка-Руби совершенно запуталась в интригах отца, не чает, как из них выбраться, а суровые мужчины не готовы предоставить ей шанса оправдаться и

доказать, что она действительно достойна и доверия, и любви.

Не колеблясь ни одной секунды, Тэнь встала на сторону Руби бескомпромиссно и горячо.

— Ну я им покажу! — вскочила она, готовясь нестись и защищать подругу.

— Нет, пожалуйста! — вскочила вслед за ней Руби, хватая её за руку. — Они же не знают, что я действовала заодно с отцом! Они меня просто убьют!

— Они — идиоты без мозгов! — развернувшись, буквально рявкнула на неё Тэнь — и за руку потащила её обратно в столовую.

Поскольку после их ухода профессор счёл нужным откланяться, а тётушке было скучно сидеть в стороне от основной беседы, и она тоже ушла, там теперь располагалась лишь четвёрка друзей.

— Вы! — с порога возмутилась Тэнь, едва не наскочив на них с разбегу. — Вы совсем с ума сошли с этими вашими играми?!

Ответа не последовало, поскольку компания была несколько ошарашена этим явлением и не нашла слов.

Райтэн подумал, что это очередная интрига Руби, и что та, мол, пожаловалась Тэнь, что он слишком с ней холоден. Это вызывало у него глубокую досаду и раздражение: ему было неприятно, что сестра видит в этой интриганке подругу. Олив почему-то решила, что речь идёт об их играх с Илмартом, со всякими воображаемыми боями, — которые по каким-то причинам Руби пересказала Тэнь. Сам Илмарт посчитал, что вскрылось дело с его нежеланием доверять Руби свои карты. Что касается Дерека, то он, определённо, увидел игру, но не смог понять её смысл. Он предположил, что Руби пытается каким-то образом использовать Тэнь, чтобы через неё снова войти в их компанию.

Поперевадив взгляд с одного на другого, Тэнь определилась с направлением своей атаки и продолжила не менее возмущённо, глядя теперь конкретно на Райтэна:

— Она не виновата! Зачем вы её мучаете?!

Бросив сперва недовольный взгляд на Руби — та пряталась, потупив взор, за подругу, — Райтэн переглянулся с Дерекком. Тот поморщился: мол, ну вот, теперь от драматичной сцены не отвертимся.

— Тэнь, ты просто не видишь всей картины... — вставая, начал было объясняться Райтэн, но, конечно, горевшая жаждой справедливости сестрёнка его не дослушала.

— Это ты не видишь всей картины! — пылко возразила она. — Ты не понимаешь, что Руби действительно нас полюбила!

Олив и Илмарт переглянулись. Они оба чувствовали себя лишними в этой семейной сцене.

— Я думаю, нам пора, — кашлянув, принялась было вставать Олив.

Этот фокус у неё, впрочем, не прошёл: Райтэн властным и уверенным жестом положил руку ей на плечо, вынуждая сестру обратно.

— Ты не понимаешь, о чём говоришь, Тэнь, — холодно ответил он, пытаясь взглядом найти Руби — та всё ещё пряталась за спиной подруги.

Задохнувшись от гнева, обиды и досады, Тэнь открыла было рот — но так и не нашла со словами.

Пока они с братом мерились гневными взглядами, Илмарт с интересом разглядывал руку Райтэна, всё ещё лежавшую на плече Олив: интерес у него вызывал не столько сам

жест, сколько то, что Олив до сих пор из-под него не вывернулась.

Дерек со вздохом отодвинул стул и встал тоже: на своём месте он сидел к ворвавшимся девушкам спиной. Повернувшись, он беглым взглядом изучил открывшуюся ему картину — красную от гнева и возмущения Тэнь и прятавшуюся за ней Руби — вздохнул и вмешался:

— Может, поговорим нормально в кабинете?

Тэнь было хотела возразить, но Райтэн охотно поддержал мысль.

— Да, пройдёмте туда! — уже на ходу скомандовал он, первым устремляясь на выход.

Олив с Илмартом снова переглянулись: им казалось, что назревает знатный семейный скандал, и им тут теперь не место.

Их сомнения решительно оборвал Дерек:

— Идите, идите! — нетерпеливо махнул он в ту сторону, куда умчался Райтэн, после чего добавил с тихой усмешкой: — Ну, куда мы без вас?

Встав, Илмарт похлопал его по плечу и вместе с Олив решительно отправился за Райтэном.

Дерек повернулся к Тэнь. Она выглядела по-прежнему воинственной.

— Ну, что ты, защитница? — мягко спросил у неё Дерек, подавай руку ладонью вверх.

Смерив его взглядом недоверчивым и испытующим, Тэнь руку подала и позволила себя вести.

Руби тихо отправилась следом.

4. Как наращивать уровни к чужим интригам?

Дерек решил перетащить всех в кабинет по нескольким соображениям. Во-первых, неудобно вести серьёзные разговоры, рассевшись вокруг обеденного стола — да и не хотелось бы, чтобы в ходе бурных дебатов пострадала посуда. Во-вторых, перемещение в пространстве требовало времени, а время давало возможность поостыть самым горячим участникам ссоры. Ну и, наконец, в кабинете Райтэн мог выступать как старший — фактически как глава семьи, поскольку отца-то здесь не было, — в отличие от столовой, где все вроде как находятся на равных.

Последний нюанс Райтэн, очевидно, и уловил, потому что в кабинете он незамедлительно устроился за рабочим столом, лицом к входу.

Илмарт и Олив встали рядом у окна, в тени книжного шкафа.

Дерек, сложив руки на груди, подпёр поясницей стену за плечом Райтэна.

Тэнь, задрвав подбородок, решительно встала в самом центре кабинета — Руби осталась за нею, чуть справа.

Некоторое время стояла тишина: брат и сестра сверлили друг друга недовольными взглядами.

— Итак, — наконец, перешёл к делу Райтэн, складывая ладони перед собой домиком в совершенно отцовском жесте, — Тэнь, теперь коротко и по существу: что ты от меня хочешь?

Та покраснела от возмущения — скорее от того, что осознала, как из позиции обвинителя и обличителя её аккуратно перевели в позицию младшего члена семьи, — но сформулировать свои требования чётко ей оказалось непросто.

— Я хочу, чтобы ты перестал обижать Руби! — наконец, определилась с позицией она, нарисовав на лице самое непримиримое выражение.

Райтэн вежливо приподнял брови.

— Руби? — слегка наклонил он голову, чтобы заглянуть за сестру. — Чем я тебя обижаю?

Если у той и был наготове ответ, озвучить она его не успела, потому что возмущённая Тэнь ринулась вперёд. Упёршись на стол руками, она нависла по направлению к Райтэну и заявила:

— Ты сам знаешь!

Тот отклонился на спинку стула и спокойно ответил:

— Не имею ни малейшего представления, о чём ты.

Лицо Тэнь совершенно переменилось; она явно собиралась высказать что-то горячее, но вдруг её прервала Руби. Подойдя к столу, она тронула подругу за плечо и тихо сказала:

— Не надо, Тэнь. Я не хочу, чтобы ты ссорилась с братом из-за меня.

Обернувшись, та пронзила её недовольным взглядом, но не возразила. Напоследок посмотрев на Райтэна весьма грозно, Тэнь независимо хмыкнула, поправила себе волосы резким жестом и отступила на пару шагов назад, оставляя Руби на линии фронта.

Демонстрируемая до этого кротость и мирность слетели с Руби. Она, чуть ссутулившись и слегка согнув руки в локтях, с непримиримо твёрдым выражением лица высказала сдержанный и полный достоинства монолог, суть которого сводилась к «да, я добровольно участвовала в интриге отца, но теперь, узнав вас ближе, оказалась в ловушке этой интриги,

потому что уже не могу ничего изменить, и совершенно не знаю, что мне теперь с этим делать».

Получилось весьма проникновенно и искренне.

Дерек не поверил, потому что в деле была задействована Тэнь, а это виделось слишком очевидным способом давления на Райтэна.

Илмарт не поверил, потому что Руби была в этот момент совершенно не похожа на себя и слишком многое позаимствовала из манеры Олив: в голосе звучали её интонации, выражение лица было чисто оливским, да и непривычно для Руби растрёпанная коса создавала некоторое внешнее сходство. Всё это в целом настолько не вписывалось в обычную манеру Руби, что Илмарт однозначно сделал вывод, что они имеют дело с тщательно спланированным спектаклем.

Олив не поверила просто потому, что презирала Руби.

Райтэн поверил. Бросив быстрый взгляд на сестру, он заметил её напряжённое выражение лица: Тэнь глубоко переживала за подругу, а Райтэн не мог не переживать за Тэнь.

На его лице отобразилось сочувствие; уловив, что дело склоняется в её пользу, Руби поникла, осторожно опустилась на стул для посетителей и, глядя в столешницу, тихо попросила:

— Просто отпустите меня. Я... не могу так. Это невыносимо, — опершись локтем на стол, она устало потёрла ладонью лоб, потом, бросив на Райтэна молящий взгляд, проговорила, запинаясь: — Пожалуйста, давай оформим развод.

На этом месте Дерек и Илмарт окончательно убедились, что имеют дело с выверенной игрой: было совершенно очевидно, что Райтэн не может просто дать Руби развод, потому что её отец воспримет такой ход как прямое оскорбление.

Конечно, факт брака пока так и не стал достоянием общественности, и сам-то брак оставался фиктивным, но было достаточно и того, что господин Михар о нём знал — а значит, не оставил бы без последствий его расторжение.

Илмарт и Дерек переглянулись и чуть кивнули друг другу. Илмарт тронул Олив за локоть и указал ей глазами на Тэнь — та после слов о разводе аж подскочила от возмущения и явно планировала вступить за подругу. Верно оценив ситуацию, Олив бесшумно скользнула в сторону Тэнь и аккуратно отвела её в сторону.

— Дай им разобраться самим, — шепнула она ей.

Тэнь подняла на неё полный боли взгляд — она переживала и за подругу, и за Райтэна. Олив вздохнула и обняла её, продолжила на ухо:

— Твой брат очень умный человек, он справится.

Вздыхнув согласно, Тэнь кивнула.

Между тем, очень умный человек успел взвесить внутри себя возможные последствия такого шага, как развод, и осознать, что это может завести в открытый конфликт с Михаром — а таковой непременно утянет за Райтэном всю его семью, чего он никак допустить не мог.

— Руби... — мягко начал он, потирая лоб усталым движением. — Боюсь, развод нам в ближайшее время никак не светит...

По тому, с какой осторожностью и мягкостью он говорил, Дерек осознал, что друг на спектакль купился и, того и гляди, пойдёт на поводу у этой интриги и пойдёт в благородные попытки наладить отношения.

Сделав шаг вперёд и предупреждая сжав плечо Райтэна, Дерек прямо взглянул на Руби и вступил в игру с категоричным предложением:

— Но мы можем организовать тебе побег.

В кабинете повисла напряжённая тишина.

Они, конечно, не могли устроить Руби побег по той же причине, по которой не могли дать развод: её отец и его очевидно в крайней степени враждебные реакции на подобные фортели.

Однако Райтэн по самому факту этого предложения понял, что Дерек ведёт какую-то игру, а значит, у Дерека есть какие-то железные основания сомневаться в искренности Руби.

Илмарт не только осознал факт игры, но и увидел общее направление, поэтому кивнул с одобрением.

Олив, наблюдавшая за Райтэном, заметила, как он тревожно и быстро взглянул на сестру — проследив за этим взглядом, Олив обнаружила, что подскочившая Тэнь явно готова выступить против варианта с побегом. Взяв Тэнь за руку, Олив принялась что-то тихо ей втолковывать, успокаивая.

Руби же попросту замерла, лихорадочно просчитывая вероятности. Она была абсолютно уверена, что вариант с побегом ей не предложат из опасений перед конфликтом с её отцом — и теперь не знала, как реагировать.

Попросту отклонить предложение — всё равно, что признаться в лицемерии, ведь она сама только что просила отпустить её и помочь выйти из игры.

Принять предложение и сдать отцу, чтобы тот побег предотвратил, — всё равно, что признаться, что она играет на стороне отца.

Принять предложение и ничего не сказать отцу — значит, придётся бежать, что ломает ей всю игру.

Она не успела просчитать все вероятности, потому что, помолчав несколько секунд, Дерек с издевательской насмешкой в голосе добавил:

— Побег с имитацией твоей смерти, конечно. Чтобы отец не искал.

Руби вскинула на него изумлённые глаза: план стал выглядеть за пределами самоубийственным. Ведь, если отец поверит, что она погибла в ходе побега, организованного супругом, — даже разбираться не станет, попросту уничтожит всех хотя бы отдалённо причастных.

Лицо Дерека выглядело непривычно жёстким; на нём не было и тени привычной солнечной лёгкости, напротив, в бороде пряталась холодная, злая усмешка.

И по этому непривычному, хищному выражению его лица Руби поняла: он догадался. Догадался, что она сейчас играет, и непринуждённо достроил к её интриге ещё один уровень: свой. Притворился, что поверил в её игру, и выдал провокацию, на которую в рамках затеянной ею игры она может отреагировать лишь одним образом.

Если исходить из данных ею самой вводных — что они все стали ей дороги — то она не может принять предложение, которое столь очевидно подставит их под гнев отца. У неё в рамках выбранной линии есть один путь: отклонить это предложение и принять тот статус-кво, который они имели на данный момент.

— Но ведь отец... этого просто так не оставит... — непослушными губами проговорила Руби, лихорадочно придумывая, как выпутаться из собственной интриги, которая неожиданно сыграла против неё же.

— О! — насмешливо отреагировал Дерек. — Мы справимся, не переживай.

— Твой отец тоже не бессмертен, — неожиданно вмешался от окна Илмарт.

Руби резко повернулась к нему.

Сложив руки на груди, Илмарт смотрел на неё прямо и спокойно. Он выглядел как человек, готовый реализовать свои угрозы, — и Руби невольно дрогнула, вспомнив, как его рука сжималась на её горле.

Ей сделалось страшно; и от того, что он мог бы и впрямь предпринять попытку убить её отца и преуспеть в этом, и от того, что в ходе такой попытки он, скорее всего, умер бы сам, и что, возможно, такая попытка вылилась бы и в смерти всех присутствующих — и Райтэна, и Тэнь, и Дерекка. А Руби, с одной стороны, конечно, играла прямо сейчас, делая ставку на этом «вы мне стали дороги», но, с другой, строила эту игру на реальных основаниях, потому что все они — кроме Олив — действительно были ей дороги.

— Такие вещи не стоит произносить вслух, — тихо отметила Руби, лихорадочно взвешивая, какова вероятность того, что они действительно решатся на покушение.

— Отчего же? — мягко переспросил Илмарт, разомкнул руки и сделал несколько неспешных шагов к столу. — Я в кругу друзей, и никто из присутствующих не передаст моих слов дальше, ведь так?

Он смотрел на Руби прямо и насмешливо, и Руби поняла, что он тоже видит её игру насквозь, и тоже достраивает свои уровни к её интриге: не так, как Дерек, который попросту загнал её в угол, вынуждая принять статус-кво, а иначе, провоцируя с целью оценить.

Руби могла бы передать его угрозу отцу, и это, скорее всего, закончилось бы для Илмарта плачевно: его бы попросту тихо убрали. И это лишило бы и Руби, и её отца возможности наладить когда-либо контакт с Тогнарами.

Возможно, оценив перспективы, отец отказался бы от убийства, но выслал бы строгое предупреждение — что однозначно свидетельствовало бы в пользу того, что Руби с ним в сговоре.

Итак, она не могла передать его слова отцу, не разрушив всю игру; и уже самым тем, что она будет молчать, она свидетельствовала, что ведёт эту игру.

И тут с Руби случилось то, чего не случалось с нею никогда раньше, — она запуталась.

В просчёте своих вероятностей она безнадежно запуталась, потому что перестала понимать уровень игры.

Она не смогла просчитать, что ей следует теперь сделать: принять предложение о побеге — или отклонить, проглотить угрозу отцу — или возмутиться, сказать, что любит отца. — или откеститься от него. Ей теперь казалось, что на любом из путей, что она выберет, она проиграет, потому что противники её разыгрывают ситуацию на уровнях, ей недоступных. И тогда она решила попробовать выкрутиться чисто женским способом.

Бросив беспомощный взгляд на Райтэна, она тихо призналась:

— Я не знаю. Я запуталась. Я уже ничего не понимаю, — хлопнула она ресницами и прибавила слёз в голос, затем попросила: — Пожалуйста, скажи, что мне теперь делать? Тэн, пожалуйста!

Райтэн так и не понял, с чего Дерек и Илмарт решили, что Руби неискренна, но решил довериться друзьям — потому что полагал, что их опыт в интригах помогает им видеть то, что незаметно ему. Поэтому на эти мольбы он ответил вполне невозмутимо:

— А зачем что-то делать, Руби? Ты хотела получить образование — учись. Не вижу

смысла что-то менять.

— Или у твоего отца иные планы? — неожиданно вмешался в дело Дерек.

Руби перевела на него взгляд.

У отца, определённо, были иные планы, включавшие их переезд в столицу. Но предложить этот переезд должен был Райтэн — чтобы помочь измученной Руби наладить отношения с отцом.

Теперь же, очевидно, о таком варианте развития событий можно было забыть.

— Мы смогли бы предложить тебе лучшее решение, — невозмутимо добавил Илмарт, обходя стол и вставая по другую сторону от Райтэна, — если бы ты нам рассказала, в чём именно заключался план твоего отца.

Руби нервно сглотнула. Она по-прежнему не могла разобраться в вероятностях, поэтому решила вступить на зыбкий путь высказывания вполне себе правдивых утверждений.

— Я у отца единственный ребёнок, — тихо заметила она. — И, поскольку я женщина, он посчитал, что придать политических сил мне сможет только выгодный брак. И мне, и ему, и... внукам, соответственно, — высказала она вещь вполне очевидную.

— То есть, — с явным скепсисом в голосе уточнил Дерек, — предполагалось, что Тэн станет политически активной единицей?

Райтэн выразительно отобразил лицом ужас: такие перспективы его, однозначно, не манили.

— Возможно, — уклончиво повела плечом Руби. — Или он всё же рассчитывал сделать ставку на внуков.

Олив тихо и презрительно фыркнула.

— И что он станет делать, когда выяснится, что внуков он не дожждётся? — раздражённо уточнил Райтэн, который уже совершенно не рассматривал возможность осуществления этого брака в полной мере.

Руби покачала головой — мол, не знаю, — но её возможный ответ оборвал насмешливый голос раздражённой Олив:

— Как — что, Тогнар? Принесут тебе в подоле и заставят узаконить, что ж ещё!

Руби возмущённо вскочила — хотя, признаться, именно такой вариант бы отец и реализовал при таком раскладе. Илмарт демонстративно похлопал в ладоши, отдавая данное то ли актёрским талантам Руби, то ли острому уму Олив, то ли уровню игры господина Михара.

— Давайте все просто свалим в Даркию, а? — устало откинувшись на спинку стула, предложил в потолок Райтэн. Его вся эта подковёрная возня уже выморозила так, что он даже подумывал, не обойтись ли, наконец, простой дуэлью.

— Хорошо хоть не в пираты, — досадливо буркнул Дерек. Его раздражал высокий уровень противника, с которым было тяжело — и даже скорее невозможно — играть на равных, и приходилось встраиваться в его игру и разрушать её исподтишка.

— Главное — чтоб не в Мариан, — добавил Илмарт. Ему, в целом, было всё равно, оставаться ли здесь, ехать ли в столицу или вообще в очередной раз менять страну.

— Я за любой кипеж! — примиряюще подняла руки Олив. Она была готова вступить в любую игру, лишь бы на стороне друзей.

— Да что, вообще, происходит! — не выдержала Тэнь, которая совершенно перестала понимать разговор.

На секундочку сощурившись, Руби, наконец, определилась со стратегией, и, со слезами

В голосе всплеснув руками, воскликнула:

— Да просто вы все меня ненавидите! — и выбежала из кабинета.

5. Что отличает Дерекка от Руби?

Тэнь хотела было выбежать за подружкой, но Олив поймала её за руку:

— Да стой ты!.. послушай!..

Тэнь повернула к ней бледное огорчённое лицо и возмущённо спросила:

— Да за что вы с нею так!..

— Она постоянно лжёт! Как можно ей верить?! — попыталась объяснить их позицию

Олив.

— Она просто запуталась! — горячо возразила Тэнь, вырвала свою руку и всё же убежала за Руби.

Олив досадливо цокнула языком. Ей искренне нравилась Тэнь: возможно, она видела в ней самую себя — какой она могла бы стать, если бы ей повезло с братом так, как повезло с ним Тэнь.

Передёрнув плечами, Олив подошла к двери и встала так, чтобы контролировать коридор.

— Кто-нибудь мне объяснит, что у нас сегодня происходит? — недовольно спросил Райтэн, откидываясь на спинку стула и складывая руки на груди.

— Тебя всё ещё пытаются окрутить, Тогнар, — насмешливо фыркнула от двери Олив.

— И ты, между прочим, чуть не повёлся, — недовольно упрёкнул Дерек, садясь на край стола и раскачивая ногой.

Райтэн досадливо поморщился.

— Если расчёт и впрямь на внуков, — между тем, вернулся к делу Илмарт, копаясь задумчиво в собственной бороде, — то нужно бы как-нибудь выпутаться из брака до того, как он станет достоянием общественности.

— И каким же это образом? — кисло спросил Райтэн, которому, чем дальше, тем безнадежнее казалось дело.

Друзья задумались.

— В идеале, — отметил Дерек, — развод должен стать идеей Михара.

— Можно попробовать лишить Тогнара той ценности, которой он в его глазах обладает, — развил мысль Илмарт.

— И в чём эта ценность, кроме как в имени? — спросила Олив.

Райтэн аж закашлялся.

— Олив! — с укором повернулся на столе Дерек.

Та возвела глаза к потолку и вполне отчётливо пробормотала:

— Боже мой, какие мы нежные! — затем скривилась с таким видом, как будто ей крайне неприятно произносить вслух то, что она произносит, и проворчала, сдаваясь перед укором совести: — Тогнар, согласишься, Михара не интересуют ни твой коммерческий гений, ни потрясающая энергетика, ни искромётное чувство юмора, ни благородное сердце, ни сумасшедшая искренность...

От этих пассажей Райтэн раскашлялся и покраснел ещё больше. Он не привык слышать комплиментов, и теперь был бесконечно смущён.

Смерив его недовольным взглядом, Олив, столь же непривычная к тому, чтобы говорить кому-то комплименты, сухо отметила:

— И это только начала списка, дорогой. Так что давай оставим обсуждение твоих

беспорных достоинств и признаем: Михару нужно только имя.

— Ну и в чём тогда проблема? — невозмутимо подхватил мысль Илмарт. — Лишаем его имени, демонстративно ссорим с семьёй, высказываем официальное заявление со стороны Рийаров, что они не планируют поддерживать блудного родственника, — и до свиданья!

Дерек согласно кивал на каждом предложении.

Райтэн явно не был доволен списком прозвучавших предложений, но промолчал.

— Как вариант, — спустя минуту отметила Олив, — развод может продавить сама Руби.

— Как вариант, — согласно кивнул Дерек, мгновенно ухватив мысль.

— С чего бы? — сухо выразил сомнения Райтэн, всё ещё недовольный вариантом с публичным отречением от семьи.

Ответил ему Илмарт.

— Руби тоже человек, — логично отметил он. — Едва ли её привлекает перспектива прожить жизнь бок о бок с людьми, которые её презирают и ненавидят.

— А мне эта идея больше нравится! — неожиданно отметил Дерек, ероша себе волосы. — Мы с вами, господа, не очень-то хороши в интригах и притворстве, и можем запороть даже такое простое дело, как ссора с семьёй. А для того, чтобы показать Руби, что её ждёт, нам как раз достаточно просто перестать сдерживаться.

Райтэн усмехнулся. Илмарт и Олив переглянулись с весьма хищным выражением на лицах.

Ещё немного подумав, Дерек пришёл к мысли, что можно было бы и вообще поговорить с господином Михаром — он ведь не глупый же человек. Просто прямо объяснить ему, что ни Тогнары, ни Рийары в его игры играть не будут, что Райтэн, если давление на него будет продолжаться, попросту эмигрирует куда подальше, разорвав брак, что, в конце концов, опасно и безрассудно оставлять дочь и внуков в руках человека, который тебя ненавидит... если уж начистоту, господин Михар рано или поздно отойдёт в мир иной — даже безо всякой помощи — и кто тогда защитит Руби от мести?

В общем, как на взгляд Дерека, так недобровольность участия Райтэна во всей этой интриге уже сводила на нет любые её плюсы, так что господин Михар, как человек умный, должен был бы это понять.

— А я, пожалуй, мог бы просто с ним поговорить, — подвёл итог своим размышлениям Дерек.

На него уставились три недовольных укоризненных взгляда.

— С кем поговорить? — подозрительно переспросил Райтэн, зная ответ, но надеясь, что услышит нечто более разумное.

— С Михаром, — разочаровал его Дерек.

— Ты. Хочешь. Просто. Поговорить. С Михаром. — Медленно и грозно повторил Райтэн, вставая и опираясь обеими руками на столешницу.

Дерек повёл плечами, потом отметил:

— Ну, кажется, на него неплохо действует вот это вот всё...

Он солнечно улыбнулся, полохматил себе волосы и изобразил тот самый придурковатый, но обаятельный вид «вот этого вот всего».

Райтэн, кажется, слегка зарычал, осознав, что друг собирается бросаться на штыки, полагаясь лишь на свои харизматичные ужимки.

Сделав несколько глубоких вдохов и выдохов — видимо, чтобы не обрушить на Дерека громы и молнии, — Райтэн сдержанно, но весьма холодно ответил:

— Только через мой труп. Больше никаких твоих ньонских ужимок с опасными типами, Дер. — И серьёзно добавил: — Лучше я сам тебя придушу.

Дерек скривился.

Илмарт, который давно интересовался природой этих самых ужимок, задумался, почему Райтэн назвал их ньонскими. Учитывая, что в их совместной работе над картами Дерек действительно, проявлял завидную осведомлённость касательно всего, что касалось Ньона, Илмарт вынес рабочее предположение, что Дерек раньше был анжельским разведчиком в Ньоне и использовал свою манеру для прикрытия и добычи сведений.

Олив тоже заинтересовалась, что там за ньонские ужимки, да ещё перед опасными типами. Природа демонстративной безобидности поведения Дерека тоже весьма её занимала, а проговорка Райтэна про Ньон заставила её вспомнить, что у Дерека, и в самом деле, кажется, имеется какая-то мутная история, связанная с Ньоном. Она припомнила, что Райтэн несколько разволновался, когда в их далёком путешествии всплыл факт знакомства Дерека с владыкой Ньона — а тот, безусловно, подходил под определение «опасный тип» и в целом объяснял, где Дерек мог подхватить свою манию демонстративной безобидности. Вот только что ему понадобилось в Ньоне и как он там умудрился пересечься ажно с самим грозным повелителем — вызывало многочисленные вопросы. Олив пока решила просто отложить полученную информацию в голове и вернуться к вопросу позже, если появятся новые интересные сведения.

— Вот чего ты завёлся на ровном месте! — меж тем, обиженно парировал Дерек, который полагал, что это весьма удачно, что его «ньонские ужимки» могут помочь и в новой игре.

Райтэн нахмурился и тяжело сел на место, меряя друга взглядом весьма мрачным.

— Руби, — неожиданно объяснила Олив и, поймав два непонимающих взгляда и один признательный, расшифровала эту мысль: — У неё тоже в основе лежит примерно твоя манера, Дер, — демонстрация безобидной и обаятельной части личности.

Дерек растерянно заморгал и бросил на Райтэна взгляд совершенно беспомощный. Тот повёл плечами, подтверждая, что Олив высказал его мысль совершенно верно.

— Но я же... — потерянно попытался было возразить Дерек, но не нашёл слов.

— Используешь эту манеру только на чужих, — невозмутимо пришёл ему на помощь Илмарт, который легко и моментально уловил мысль Олив, поскольку и у него тоже мальчишеская линия поведения Дерека вызывала настороженность и отторжение.

Райтэна, определённо, напугало, с каким выражением бессилия Дерек попытался сказать: «Нет» — но лишь неловко шевельнул губами.

Илмарт сказал чистую правду; Дерек никогда не обрушивал игру своего обаяния на людей, которых считал «своими». Сам Райтэн десятки раз видел со стороны, как он проделывает это с другими — но ни разу не становился тем, для кого Дерек это играл.

Нахмурившись, Райтэн попытался понять, что так потрясло друга в этом разговоре — не мог же он думать, что его из-за этой манеры поставят на одну доску с Руби!

«Мы же свои, — хмурил брови Райтэн, — и с нами он так не...»

И тут до него дошло.

С ними — не.

Но сам источник этой манеры — сама её суть выросла из отношений Дерека с Грэхардом. С Грэхардом, про которого Дерек сказал пусть и «был», но «моим другом».

— Ну, выходит, что не был, — мрачно озвучил свои соображения Райтэн и уточнил: — Другом не был.

Дерека перекосило. Он сделал вывод прямо противоположный: Грэхард-то ему другом был, а был ли он сам другом Грэхарду?

Оценив выражение его лица, Олив поняла, что они с Илмартом невольно стали свидетелями чего-то уж слишком личного, и присвистнула.

— Нда, Май! Кажется, мы всё-таки сегодня здесь лишние.

Илмарт, который только что пришёл к тому же выводу, несколько неуверенно кивнул.

Растерянно сморгнув, Дерек тряхнул головой, провёл по лицу рукой и отмахнулся:

— Да нет, всё в порядке. Просто, — уже вполне приходя в себя, усмехнулся он, — неожиданная трактовка. — И добавил чуть погодя: — Никогда на это так не смотрел.

— Да дело-то обычное, — пожала плечами Олив. — Многие так делают.

— Из нас — только я, — сухо отметил Дерек.

Райтэн попытался припомнить, случалось ли ему хоть раз пытаться изобразить из себя что-то более лёгкое и безобидное, чем имеется на самом деле, и вынужденно признал, что нет, ему даже в голову не приходило делать что-то такое.

Для Олив характерно было изображать как раз прямо обратное — нечто более опасное и жёсткое, чем то, что составляло её суть.

Илмарт, в целом, не был склонен изображать что бы то ни было, и если уж всё-таки что-то изображал, то скорее камень.

— Есть большая разница между тобой и Руби, Дер, — наконец, медленно и спокойно пояснил Илмарт. — Ты играешь нарочито. Если человек не полный идиот, он сразу понимает, что перед ним игра, и дальше уже либо включается и получает от неё удовольствие — либо останавливает тебя.

Сложив руки на груди, Дерек беззлобно хмыкнул, припомнив, что Илмарт в своё время остановил его хорошим таким ударом по морде — да уж, весьма красноречивый отказ играть, что тут скажешь!

— С Руби, — с большим недовольством отметил Илмарт, — нет шансов понять, играет она или нет.

— Поэтому лучшей рабочей версией, — подхватила мысль Олив, — будет считать, что она играет всегда.

Остальные согласно кивнули.

6. Чем различаются люди с разной системой приоритетов?

Осторожно! Эта глава заканчивается сценой, которая может заставить понервничать. Пристегните ремни и сохраняйте спокойствие! Помните, что вы читаете добрую сказку. Персонажи обязательно всё разрулят, отвечаю!

В тот день Руби первым делом написала отцу — ей стало очевидно, что она не справляется с интригой и, того и гляди, загубит всё дело.

«Пожалуй, уже загубила», — горько подумала она. Ей представлялось, что она, наверно, справилась бы с Райтэном — он действительно не умел видеть двойное дно в такого рода вещах и оставался довольно беззащитным перед манипуляциями — но Дерек и Илмарт слишком хорошо разбирались в интригах, чтобы ей удалось их провести.

Она, впрочем, полагала, что отец сумеет что-то придумать и спасти это дело — ведь он был гораздо более умел и опытен, чем она.

Однако отца нужно было ждать — он не мог побросать все дела и снова нестись в Кармидер — так что оставалось набираться терпения и пытаться как-то трепыхаться.

Трепыхаться не получалось.

Она, впрочем, выиграла Тэнь: та была полностью на стороне подруги и горячо верила в то, что Руби просто запуталась и теперь не знает, как выбраться. Но эта победа была единственной.

И Райтэн, и Дерек, и Илмарт больше не трудились изображать даже подобие вежливости и дружелюбия — и Руби уже через несколько дней поняла, что это, оказывается, довольно больно.

Проблема Руби была в том, что она не понимала значения искренности. Она жила другими категориями, в которых жизнь представлялась ей расчётной схемой, а люди — линиями графиков в этой схеме. Совершая те или иные поступки, можно было так или иначе изменить направление каждой отдельной линии и получить ту схему, которую хочется.

Руби делила людей на тех, кто чертит графики, и тех, кто выступает линиями на чужих схемах. Они с отцом однозначно относились к первым — а вот компания Райтэна пока была из второй категории. Но сама интрига с замужеством давала им шанс войти в число тех, кто чертит, — и Руби не понимала, как можно было не ухватиться за такой шанс, да ещё и кривить недовольно губы, мол, куда вы нас втянули.

Ей было и обидно, и досадно — она полагала, что Райтэн и его друзья станут основой её собственной команды, с которой они реформируют всю Анджелию. Теперь же выходило, что команда эта не только не намерена чего-то там реформировать и чертить, но и в целом отвергла Руби и не пустила её в свои ряды.

Больше всего Руби хотелось просто сделать вывод, что все они глупы, совершенно ничего не понимают в жизни и не стоят и грамма её переживаний.

Но она была достаточно умной, чтобы понимать, что дело не в глупости, — и недостаточно зрелой, чтобы осознать, что система ценностей у других может строиться не на таких основах, как у неё самой.

Промаявшись пару недель и так ничего и не осознав, Руби решила выловить для

разговора Дерек, чтобы хоть что-то понять — он всё же по-прежнему казался ей более готовым на контакт.

Сам Дерек, прижатый к стене в университете, в восторге не был, но со свойственным ему терпением выслушал попытку Руби объяснить свою точку зрения. Она, горячась и пылая обиженными взглядами, пыталась рассказать, какие масштабные перспективы готовила для их союза и как не может понять, что именно сделала не так.

Как это и всегда с нею бывало, определить, говорит ли она искренне или снова разыгрывает какую-то интригу, было совершенно невозможно, — скорее всего, от того, что разыгрывать интриги было самой ею сутью, и другая искренность, кроме верности выбранному плану действий, не была ей свойственна вовсе.

Вздыхая про себя, Дерек слушал, пытался разобраться, вынес предположение «идёт борьба за раскол внутреннего круга Райтэна с целью дальнейшего влияния на него», но всё же решил вступить в прямой диалог по конкретно заданной теме, как если предположить, что сказана была правда.

— Смотри, в чём дело, Руби, — сложив руки на груди, достаточно дружелюбным голосом принялся объяснять он: — Ты обманула и Райтэна, и всех нас. И мы совершенно не знаем, как отличать, когда ты обманываешь, а когда — нет. Получается, — вынес вердикт он, — нам ничего другого не остаётся, как исходить из предположения, что ты обманываешь всегда.

Руби нахмурилась. Ответ Дерек не соотносился с привычными ей категориями.

— Дался вам этот обман! — наконец, с досадой воскликнула она. — Ведь хорошо же всё вышло!

Дерек мягко приподнял брови, состроил любезное выражение лица и осторожно переспросил:

— Что это именно за «всё», которое вышло «хорошо», Руби?

Та лихорадочно принялась объяснять все выгоды своего брака с Райтэном, союза Михаров с Тогнарами, и прочая, включая даже и проект с картами.

Внутренние вздохи Дерек стали ещё тяжелее, потому что он, однозначно, не чувствовал, чтобы ему дурили голову: она выглядела и слышалась совершенно откровенной и искренней, и это особенно раздражало.

— Руби, — наконец, прервал он поток её речей, дошедших до внешнеполитических выгод, — ты не понимаешь главного.

Она тут же замолчала, уперев в него требовательный взгляд.

Разомкнув руки, он сделал от стены шаг, покачался с пятки на носок, смерил её взглядом «что за идиотская ситуация!», завёл руки за спину в замок и, наконец, объяснил:

— Первое. Хорошо, допустим, политический союз — но зачем нужно было именно женить на себя Райтэна? — вопросительно посмотрел он на неё. — Почему твой отец просто не предложил союз его отцу?

Руби возмущённо подскочила:

— Но наши дети!.. — и принялась было пересказывать то, что уже рассказала ему чуть ранее, про выдающиеся перспективы отпрысков такого удачного союза.

— Руби! — он фыркнул. — Ты серьёзно? Ты историю Тогнаров читала? — тут он не выдержал и рассмеялся, затем, почесав бороду, высказал: — Вот уж уверен, что дети Райтэна...

— Всё зависит от правильного воспитания! — оскорблённо прервала его Руби.

Дерек посмотрел на неё грустно и снисходительно, затем ответил:

— Дети Райтэна мне слишком дороги, чтобы ставить на них столь бесчеловечные эксперименты, но, на самом деле, есть ведь ещё и второе.

Она жадно подалась к нему.

Он склонил голову набок, смерил её насмешливым взглядом, потом наклонился и таким тоном, как будто выдавал великую тайну, сказал:

— Нам это просто даром не сдалось, Руби.

Лицо её приняло обиженное выражение: она подумала, что он насмехается над ней.

— Если бы Райтэна интересовало нечто подобное, — логично отметил Дерек, — он бы сейчас был правителем Аньтэе. Если бы подобное интересовало Илмарта, — он задумался и предположил: — Ну, думаю, он бы уже сейчас был мёртв, но до этого успел бы отправить своё в Мариане.

— А ты? — невольно заинтересовалась продолжением она.

Дерек рассмеялся.

— Если бы меня интересовала власть, — с насмешкой в голосе выдал он, — то, пожалуй, у меня было побольше разнообразных шансов, чем у них. Но, как видишь, — с шутовским видом раскланялся он, — я предпочитаю создавать карты и продавать каменный уголь.

Лицо её вытянулось. Она стала реально склоняться к версии «да просто они глупы».

Дерек же укрепился в соображении «попытка расколоть круг Райтэна».

Взаимно недовольные друг другом, они разошлись.

Противостояние ушло глубоко на дно: Руби ждала отца и не знала, что теперь делать, поэтому сосредоточилась на учёбе, а Райтэн с компанией всё ещё обсуждали планы, как привести дело к разводу и обойтись притом без пострадавших.

Хуже всего в этой ситуации пришлось Тэнь, которая безуспешно пыталась примирить стороны. Попытки её, не очень умелые, бесили Райтэна, огорчали Дерекка, вызывали досаду у Илмарта и начинали действовать на нервы Руби — которой стало казаться, что такое горячее заступничество скорее отталкивает от неё, чем чему-то помогает.

И хотя все заинтересованные стороны горячо просили Тэнь уже уgomониться, фамильное упрямство не дало отступить ей просто так. После долгих дебатов и словесных баталий она всё-таки договорилась о попытке примирения путём совместной загородной прогулки — той самой, на которой Илмарт планировал научить всех печь «пирог» в кружках. Идея провести это мероприятие столь широким составом не вызывала ни у кого энтузиазма, но Тэнь обещала от всех отстать, если они хотя бы попробуют, поэтому решено было уступить чисто для того, чтобы отвязаться, наконец, от этих действующих на нервы попыток.

Прогулка, впрочем, ожидаемо не задалась: Илмарт и Олив, руководя группой, привычно неслись в одни им ведомые дали, дежурно обсуждая стратегические выгоды и невыгоды открывающихся дислокаций. Райтэн и Дерек, слегка отставая, горячо спорили о маршрутах своих речных судов. И, наконец, Кайтэнь и Руби, едва поспевая за ними, насуплено молчали.

Уже через пару часов Тэнь поняла, что затея не выгорела. Что касается Руби, то они и вообще прокляла всё на свете — будучи домашней девочкой, она не привыкла таскаться по дикой природе пешком, да ещё на таких скоростях.

Доподлинно неизвестно, почему Олив и Илмарт забрели в степь так далеко от

Кармидера. Скорее всего, дело было связано с тем, что для приготовления «пирогов» нужны были костёр и вода, и поэтому они искали подходящую рощу с близким ручьём — вот и шли, пока не попало именно такое сочетание.

Ни одному из них, несмотря на привычку к гипотетическим боям, не пришло в голову, что затея может представлять какую-то опасность: они шли по бездорожью, а не по тракту, так что вероятность встретить разбойников отсутствовала, а степные волки, как известно, не очень-то склонны нападать на людей.

Возможно, успеют они, как собирались, разжечь костёр, то всё бы обошлось.

Но стояла ранняя весна; снег только-только сошёл, — во всяком случае, в степи, — а вот в роще он ещё лежал у корней деревьев. Вокруг было влажно и подтоплено, и розжиг костра представлял собой некоторые трудности, преодоление которых требовало времени. Четверо друзей, шутя и переговариваясь, готовили собранный материал, делая на влажных ветках надрезы, а Кайтэнь и Руби, стоя у голого степного клёна, старательно не смотрели друг на друга. Руби была недовольна, что её втравили в ситуацию, где она снова чувствует себя лишней и навязчивой, Тэнь же раздражалась, что подруга даже не пытается что-то сделать.

Первым неладное заметил Илмарт: что-то царапало на границе его зрения. Пару раз было отмахнувшись от мелькающей на крае сознания тревоги, он, в конце концов, решил поддаться приступу паранойи, встал и осмотрелся по сторонам.

Тревога усилилась.

Нахмурившись, Илмарт стал оглядывать окрестности целенаправленно, пытаясь понять, какой именно кусок открывающейся перед ним картины его настораживает.

К этому моменту обратившая внимание на его тревогу Олив тоже встала и начала вглядываться в пейзаж вокруг.

Неладное они заметили одновременно: рыжеватые прошлогодние заросли в одном месте колыхались не в соответствии с направлением ветра.

Илмарт и Олив переглянулись; не сговариваясь, снова прищурились, вглядываясь в то, что их насторожило.

— Волки, — наконец, вынес уверенно вердикт Илмарт.

— Похоже на то, — сосредоточенно кивнула Олив.

Дело стало выглядеть неприятно, но не катастрофично: степные волки опасаются людей и едва ли нападут на большую группу. Но после зимы они наверняка голодны, так что и преуменьшать опасность не стоит.

Илмарт оглянулся, прикидывая расклад. Взгляд его зацепился за девушек под клёном, и он негромко выругался: вот только обузы такого рода в возможном бою не хватало!

— На дерево! — скомандовал он им тоном, не терпящим возражений.

Клён был невысок, но и волки по деревьям лазать не умеют, так что как убежище сойдёт.

Илмарт и остальных бы отправил по клёнам, но на одного волки скорее решатся напасть, а толпы могут и испугаться.

Побледневшая Кайтэнь послушно полезла наверх; по деревьям она лазать любила и умела, чего нельзя сказать о Руби — у той едва получилось забраться. Помогать ей никто не стал, поскольку внимание всех оставшихся на земле было приковано к кромке степных зарослей — колыхания остановились именно там. Как это всегда и бывало с волками, перед открытым пространством они замерли.

Чахлые после зимы заросли не вполне скрывали хищников: Илмарт рассчитал, что их вроде бы трое: могут и решиться напасть, особенно если старые и отчаявшиеся или, напротив, молодые и неопытные.

Он без особых усилий справился бы с одним волком — сила и ловкость позволяли — но даже двое уже представляли проблему при одновременном нападении, что уж говорить о троих!

Подобравшись, он достал из-за голенища второй нож и бегло посмотрел по сторонам.

— Олливи, — требовательно велел он, — тоже на дерево!

— Я с вами! — упрямо сверкнув глазами, Олив демонстративно перехватила собственный нож.

— На дерево. — Повторил Илмарт.

Он предполагал, что, в случае чего, у Олив просто не достанет силы, что может оказаться для неё фатально.

В любой другой ситуации Олив взялась бы спорить, но в этот раз, собрано кивнув, она, убирая нож, шагнула к клёну, подпрыгнула, уцепилась за ветку и подтянулась. Происходящее было боевой операцией, в которой командование взял на себя Илмарт, как самый опытный из них, поэтому она не считала возможным создавать ему проблемы.

Времени на продумывание стратегии не было. Илмарт обоснованно предполагал, что у него у одного есть опыт убийства волков, и едва ли остальные смогут научиться этому прямо сейчас.

— Отвлечь, увернуться, не дать себя достать, — торопясь, объяснил он план Дереку и Райтэну и добавил: — Я убью, я знаю... — хотел что-то добавить он, но не успел: волки напали.

Схватка вышла крайне короткой. Олив едва успела подтянуть ноги на ветку, как внизу уже начался бой: три озверевших от голода старых волка одновременно кинулись на мужчину, целя в горло.

Илмарт принял своего профессионально: отклонившись, вонзил нож в правой руке под ребро, в сердце, используя силу инерции от прыжка — чтобы зверь сам насадился на клинок. Отпустив рукоять — чтобы не утянуться вслед за падающим волком — Илмарт быстро перехватил оставшийся нож из левой руки в правую. Это оружие было похуже, могло и не достать до сердца, поэтому рабочим планом было перерезать оставшимся двум глотки.

Дерек и Райтэн оба смогли увернуться от своих волков и, хотя у обоих тоже были ножи, использовать их они не рискнули — оба совершенно не представляли себе, куда и как нужно бить, чтобы достать зверя наверняка, а не взъярить пустячной раной.

Илмарт же прекрасно знал, что и как делать; дерековский волк оказался к нему ближе, поэтому его решено было гасить следующим.

Однако схватка пошла не по плану.

Явление волков ужасно напугало и Кайтэнь, и Руби. Обе они вскрикнули от страха и неожиданности и отшатнулись ближе к стволу. Но если Тэнь, неоднократно лазавшая по деревьям ещё со времён своего детства, изначально устроилась весьма устойчиво, и никакие отшатывания не могли ей повредить, то Руби, которая впервые в жизни оказалась в такой ситуации, потеряла равновесие. Влажная голая ветка выскользнула из-под её мокрых от снега туфель — и она свалилась на землю, чем тут же привлекла к себе внимание третьего волка.

Илмарт был ещё занят вторым, а Райтэн, конечно, попытался как-то ударить, но нож его

лишь скользнул по чахлой линялой шерсти, царапнув шкуру.

Волк прыгнул.

Оглушённая падением Руби даже не успела осознать опасность — но волк её не достиг.

Потому что на траектории своего прыжка он столкнулся со спрыгнувшей с дерева Олив.

Возможно, потом, позже, Олив объяснила бы свой поступок тем, что загрызенная волками дочка господина Михара — провал, который мог бы стоить жизни им всем. Но правда заключалась в том, что Олив, как и Райтэн, в таких ситуациях не успевала подумать и действовала так, как велит сердце.

Она не могла оставаться в безопасности на ветке, когда внизу растерянная девчонка вот-вот станет жертвой волка — и неважно, сколько презрения она испытывает к этой девчонке.

Олив прыгнула, не раздумывая, в прыжке выхватывая нож и из-за этого не успевая правильно сгруппироваться; почти у земли она столкнулась с волком.

Тот целился в упавшую Руби, поэтому летел по низкой траектории; сшибив своим весом Олив, он опрокинул её на спину; Олив вскрикнула — кажется, это сломало ей руку — к счастью, левую, а не правую, с ножом. Оглушённая падением на спину и болью, не в силах что-то разглядеть и понять, Олив на чистом упрямстве с силой воткнула нож в сердце навалившегося на неё зверя в тот момент, когда пасть его почти сомкнулась у неё на шее.

Сорвавшиеся клыки прошлись острой глубокой бороздой по её лицу; резкая вспышка мучительной боли — и погребённая под тушей обмякнувшего волка Олив потеряла сознание.

За те несколько секунд, что происходила схватка, Илмарт успел перерезать горло второму волку и обернуться в поисках третьего. В горячке боя, на неистово мечущемся в нём адреналине, он не сразу понял, что произошло; подскочив к третьему волку, Илмарт перерезал глотку и ему — и только тут обнаружил, что волк уже мёртв, и что под ним неподвижно лежит женщина.

С то ли рыком, то ли криком, в котором звучали боль и отчаяние, Илмарт могучим движением спихнул тушу волка в сторону.

Лицо Олив было всё залито кровью; рваные раны испещряли левую его сторону; кровь из них стекала и по шее, а дальше выглядывавшая из-под куртки белая рубашка тоже была вся бурой — то ли от крови волка, то ли от удара его лапами.

Из головы Илмарта вымело все мысли; опустившись на колени, он прижал пальцы к её сонной артерии, но не сразу смог уловить, есть ли пульс — так сбивало его собственное буйно бьющееся сердце, ещё не успокоившееся после боя.

С чудовищным напряжением воли изгнав из своих мыслей панику, он сделал несколько глубоких вдохов и сосредоточился. Ему в тот момент казалось, что весь он сжался до нескольких сантиметров кожи на своих пальцах, прижимавшихся сейчас к шее Олив.

Полностью вжившись в эти сантиметры, он, наконец, уловил слабый пульс.

— Жива. — Хрипло выговорил он, чувствуя, что вокруг него есть люди, но не видя их, поскольку в глазах у него было красно от её крови, и он ничего другого, казалось, не видел. — Раны. Перелом. Глаз. — Отрывисто перечислил он то, что успел заметить.

Рядом с ним, по другую сторону от Олив, опустился на колени Дерек. Вглядевшись в характер повреждений, он почувствовал, что его накрывает паникой.

Он знал, как помочь людям при переломе. Он знал, как помочь людям, получившим рваные ранения в ходе столкновения с дикими зверями. Он знал, как помочь людям,

лишившимся глаза — понять сейчас, насколько фатально повредили клыки её левый глаз, было невозможно, поэтому Дерек исходил из худшего варианта. И он знал, конечно, как помочь людям, потерявшим сознание от боли и кровопотери.

Проблема была в том, что он не знал, катастрофически не знал, как помочь тем, с кем всё это случилось одновременно — потому что те инструкции, которые мысленно выстраивались у него в голове, противоречили друг другу, и он не знал, каким инструкциям следует отдать приоритет и какие из них нужно выполнять первыми.

Дерек не был врачом и никогда не попадал в столь сложные ситуации, как нынешняя.

К тому же, он полагал, что время поджимает, и Олив может умереть от кровопотери до того, как они доставят её к врачу. Её нужно перевязать, конечно, как-то остановить кровь — но как всё это сделать, не повредив ещё больше руку? И тем более неясно, как быть с глазом — а если его ещё можно спасти? Нужно ли его промыть водой, или, наоборот, этого ни в коем случае делать нельзя? Дерек никогда не сталкивался с ранами, затрагивающими глаза, и теперь совершенно растерялся.

«Как нужен врач!» — с тоской подумал он и...

Вспомнил.

Что где-то на дереве дрожит Тэнь, которая, вообще-то, училась сперва вроде как на врача.

— Тэнь! — решительно позвал он, вставая.

Та послушно слезла с клёна. Лицо её перекосило от ужаса, по щекам текли слёзы, она дрожала — в общем, никак не была похожа на человека, который может оказать первую помощь пострадавшей.

Дерек оглянулся на Илмарта в поисках поддержки — но тот так и стоял на коленях у Олив, кажется, не способный прямо сейчас действовать здраво.

Прикинув расклад, Дерек сделал два быстрых шага к Тэнь, взял её за руки, заглянул в глаза и тихо, проникновенно сказал:

— Если не ты — то никто.

Её взгляд наполнился ужасом; она была уверена, что не способна справиться.

— Ей нужно оказать помощь, — мягко втолковывал Дерек. — А я даже не знаю, можно ли переворачивать её на живот, или этого категорически нельзя делать, или, напротив, именно это и нужно сделать в первую очередь.

— Перевязать раны. — Бескровными помертвевшими губами сказала Тэнь. — Зафиксировать руку. Посадить.

— Ил! — решительно обернулся Дерек. — Слышал? Начать с перевязки!

Вздрогнув от этого оклика, Илмарт заторможено кивнул, скинул куртку и принялся стягивать с себя рубашку — чтобы разорвать её на тряпки. Холода он не чувствовал.

Бледная Тэнь подошла к нему и приступила к осмотру Олив. Ей было мучительно страшно, у неё дрожали руки, а в голове билась лишь одна мысль: «Только бы не сделать хуже!» — но всё же она постаралась овладеть собой и вспомнить далёкие лекции своих первых курсов и короткий период практики в кармидерской больнице.

Кивнув сам себе, Дерек обратил взгляд на Руби — сжавшись у ствола клёна, она, обхватив колени, беззвучно плакала.

— Руби, — он опустился рядом на корточки в попытках поймать её взгляд. — Набери воды. Во всё, что у нас есть. И, может, сейчас попробуем нагреть часть, — припомнил он, что в это время года вода в журчащем неподалёку ручье будет ужасно ледяной.

Кивнув и напоследок шмыгнув носом, Руби поднялась и принялась собирать принесённые ранее и разбросанные ныне в беспорядке ёмкости — в основном, кружки.

Со вздохом распрямившись, Дерек планировал было уже заняться костром — но вдруг взгляд его загнулся о Райтэна.

Тот так и стоял на том месте, где в последний раз пытался задеть волка — в беспомощной какой-то в своей неподвижности позе. Он смотрел на Олив, и лицо его было совершенно серым и безвыразительным, словно враз потерявшим и живые краски, и наполнявшие его обычно живые чувства.

Мысленно выругавшись на собственную недогадливость, Дерек быстро подошёл к нему и мягко положил ладонь на его предплечье:

— Тэн!..

Друг перевёл на него взгляд совершенно пустой и бессмысленный.

— Нам нужна телега, — твёрдо и спокойно, словно вбивая в этот бессмысленный взгляд гвозди своих слов, сказал Дерек. — Помнишь последнюю деревню?

Райтэн безучастно кивнул.

— Телега, Тэн, — настойчиво повторил Дерек. — Нам нужно доставить Олив в больницу, понимаешь? — не уловив ответа, пояснил: — Ты ведь у нас самый быстрый, так?

В глазах Райтэна промелькнула какая-то мысль. Осознав, что сейчас он неистово рванёт выполнять задачу, Дерек едва успел напутствовать:

— Только не беги! Выдохнешься! — и договорил уже в спину, потому что Райтэн уже рванул в ту сторону, откуда они пришли: — Твоим шагом быстрее будет!

Чуть обернувшись, Райтэн кивнул и, в самом деле, понёсся сквозь степь своим летящим шагом — который был явно быстрее, чем у иных бывает бег.

Переведя дыхание, Дерек оглянулся, увидел, что все заняты делом, и принялся за костёр.

7. Когда яд лечит?

Они все молча сидели в комнатухе при больнице и ждали появления врача.

«Это всё из-за меня», — отстранёно думала Руби. Если бы она не свалилась, Олив не полезла бы защищать её и не пострадала бы. Руби никак не могла справиться с осознанием этой мысли: как так, обычная мирная прогулка — и вдруг, в один момент, за несколько секунд — человек чуть не умер. И, возможно, искалечен навсегда.

При ней никогда никто не умирал, и никого не калечило, и она не могла вместить в себя тот факт, что это не понарошку, что это вправду произошло, что это уже невозможно отменить.

«Это всё из-за меня», — тихо всхлипывая, сжималась в уголочке Кайтэнь. Если бы она не настояла на совместной прогулке, четверо подготовленных к бою друзей справились бы с любой непредвиденной ситуацией. А она ещё так настаивала, так требовала, так кричала!

Она чувствовала себя так, словно своими руками толкнула Олив на волка.

«Это всё из-за меня», — закрыв лицо руками, холодно думал Райтэн. Если бы он знал, как убивают волков, он бы справился со своим раньше, а не ждал бы Илмарта. В конце концов, он был коренным анжельцем, он родился и вырос в городе, где степные волки являлись общепризнанной бедой, и где несколько раз в год устраивались целенаправленные облавы на них. Райтэн никогда в этом не участвовал — как ему теперь казалось, из-за того, что был сперва слишком молод, а потом слишком оторвался от общества. Ему думалось, что, если бы он был нормальным наследником правителя, который ответственно подошёл бы к делу своего обучения, то он бы, конечно, знал о степных волках всё — и умел бы с ними справляться, и сумел бы защитить Олив.

Он, разумеется, упускал из виду тот факт, что правители городов не умеют убивать волков своими руками, потому что не участвуют в облавах лично, и что, ежели бы он и впрямь был образцово-показательным наследником, ныне он вообще находился бы в Аньтье и даже не был бы знаком с Олив.

«Не уберёг. Опять», — думал сам в себе Илмарт, то садясь, то вставая, то начиная нервно расхаживать по небольшому пространству — комнатка была тесновата для их компании. На него волнами находили воспоминания о других людях, когда-то близких и родных, но ныне безнадёжно мёртвых.

Дерек ничего не думал. Он пытался спланировать, что делать дальше, чтобы облегчить положение и для всех вообще, и для каждого в частности.

Когда вышел врач, все они вскочили.

— Опасности для жизни, скорее всего, нет, — вынес тот вердикт. — Крови потеряно немало, но она справится. Вы сделали всё правильно, госпожа Тогнар, — повернулся он к Кайтэнь, которую помнил по практике. — И нам, полагаю, теперь удастся зарастить веко... — дальше он замялся и признал: — Не могу ничего обещать со зрением. Конъюнктивита не избежать, и...

— Конъюнктивита? — резко повторил незнакомое слово Райтэн.

— Воспаление глаза, — отстранёно пояснила Тэнь, болезненно сжимая бледные губы.

— Мы будем использовать укропную воду, — заверил врач, но голос его не казался обнадеживающим — он явно назвал это средство только потому, что от врачей ждут, что даже в безнадежной ситуации они что-то попробуют сделать.

Всплеснув руками, Тэнь горестно воскликнула:

— Но она совсем не дезинфицирует!

Врач тихо вздохнул и отметил очевидное:

— Спиртом мы ей глаз сожжём.

— Тэнь, — вдруг вмешалась Руби. — Сульфат меди.

— Ну! — отмахнулся врач. — Яд, пожалуй, ещё хуже спирта, — и ушёл обратно к Олив.

— Мы не проверяли его на глазах, — между тем, покачала головой Тэнь. —

Действительно, только отравим её.

— Я же не предлагаю неразбавленный сыпать! — всплеснула руками Руби.

Тэнь скривилась, отменяя идею.

— Кто-нибудь объяснит нам, о чём речь? — холодно вмешался в разговор Райтэн, складывая руки на груди.

Сжав перед собой ладони, Кайтэнь расшифровала:

— У неё от ран пойдёт воспаление на глаз, а мы не можем его остановить, потому что дезинфицировать глаз спиртом невозможно. В таком случае используют укропную воду и некоторые другие отвары, но это помогает только при небольшом воспалении, а у неё... — голос Тэнь дрогнул. — Там всё раскучено, чудо, что сам глаз ещё цел. Но, — её голос замер, и с трудом, сдавленно, она закончила: — Даже если мы теперь, несмотря на воспаление, его спасём, зрение уже не восстановится, скорее всего.

Илмарт грязно выругался и сел.

— А что сульфат меди? — вмешался в разговор Дерек.

Тэнь нахмурилась.

— Мы тестировали его на кожных покровах, — уклончиво ответила она. — Но глаз слишком деликатный орган...

Они снова уныло расселись по своим местам и не заметили, как Руби выскользнула наружу.

Спустя некоторое время — все они так и сидели неподвижно, лишь Илмарт иногда вставал и начинал расхаживать, — она вернулась с профессором Линаром.

— Рассказывайте, — велел он, и Кайтэнь пересказала всё то же самое, но уже на научном уровне.

Профессор слушал внимательно, время от времени задавал уточняющие вопросы и, наконец, вынес вердикт:

— Почему вы полагаете, что дезинфекция глаза с помощью сульфата меди представляет опасность для организма?

— Но это же яд! — всплеснула руками Тэнь.

— Всё на свете — яд! — отмахнулся от аргумента профессор и сурово напомнил: — По вашим же собственным расчётам, представленным, ежели моя память мне не изменяет, в вашей дипломной работе, выходит, что мы вполне можем попытаться.

— Или попросту угробим её! — с отчаянной жёсткостью возразила Кайтэнь.

Ей было безумно страшно, что сейчас эта идея будет реализована, — она боялась стать причиной смерти Олив.

— Да ладно вам, госпожа Тогнар, несколько грамм даже при приёме внутрь никого не убьют! — раздражённо отмахнулся профессор, достал из кармана склянку, и прежде, чем Тэнь успела понять, что он делает, намочил в ней платок и протёр собственный глаз.

Она громко вскрикнула; в ужасе прижала ладонь ко рту; глаза её моментально

наполнились слезами.

— Вы с ума сошли!.. — истерично выговорила она. — Вы с ума сошли! — вцепилась в его руку, рыдая, и сквозь рыдания продолжая повторять: — Вы с ума сошли, вы с ума сошли, вы с ума сошли...

Профессор, у которого глаз даже не щипало, смотрел на неё с полным непониманием причин такой истерики. В той концентрации, в какой он использовал сейчас этот самый сульфат меди, тот, совершенно точно, не мог никого отравить даже при внутреннем употреблении — что уж говорить про протирание глаз!

Тэнь же, очевидно, полагала, что только что по её почину молодой гений химии отравил сам себя.

— Сколько планируете ждать, чтобы убедиться? — любезно переспросил «отравленный», пытаясь прервать эту истерику.

Дёрнувшись, Тэнь отвернулась, жалобно плача. Нервное напряжение, которое она пережила сегодня, оказалось слишком тяжёлым, и столь смелых экспериментов она не могла уже вынести.

— Ну что же вы, лаборант Тогнар, — совсем смутился профессор и неловко обнял её за плечи.

Всхлипывая, она внесла новое возражение:

— Эф-фekt на-накапливания.

— Рассчитаем, — уверенно заверил профессор, который, впрочем, полагал, что никакое накапливание тут роли не сыграет.

Поскольку никто так и не осмелился вмешаться в эту драматичную сцену, Дерек решил взять дело в свои руки. Встав, он откашлялся и уточнил:

— Так может, если вы определились со степенью безопасности, стоит сейчас и передать?

Профессор, отпустив Тэнь, вдумчиво взгляделся в свой пузырьёк: пытался оценить, будет ли имеющаяся у него в наличии концентрация эффективной с точки зрения дезинфекции.

— Да, вы правы, — наконец решил он и отправился в недра больницы.

Вскоре он вернулся, заверив, что ему удалось убедить врачей в целесообразности использования нового средства, и увёл Тэнь, чтобы провести всё расчёты, необходимые для её успокоения.

Друзья вновь расселись по своим местам.

Руби, которая почувствовала себя чуть лучше благодаря тому, что сделала что-то реальное и действенное для того, чтобы помочь, пришла в себя настолько, что начала разглядывать спутников — они-то, напротив, все трое всё ещё были погружены глубоко в себя и факт разглядываний не заметили.

Райтэн сидел, сгорбившись, уперев локти в широко расставленные колени и держа кисти рук так, словно планировал опереться на них подбородком — но ничем в итоге не упирался, отчего кисти эти выглядели неестественно неподвижными и словно изломанными. Лицо его, серое и бездвижное, ныне не отражало никакой мысли, как и совершенно потухшие глаза.

Илмарт, для которого, напротив, было обычным неподвижное состояние, ныне именно этим похвастаться не мог: он постоянно совершал ряд лихорадочных движений, если сидел — менял позу каждые несколько секунд, если вставал — начинал ходить. Пальцы его

постоянно находились в нервической пляске, и особенно странно и неестественно было то, как он дёргал головой, вроде бы наклоняя её набок и тут же резко выпрямляя или переводя на другой бок, с тем, чтобы тут же резко переменить ей положение вновь.

Что касается Дерека, он почти лежал на стуле, вытянув ноги и прикрыв глаза, — и не замечая, что время от времени о его ноги запинается Илмарт. Эта его поза казалась вполне расслабленной — если бы не лицо. Напряжённое, словно сведённое судорогой, всё какое-то перекошенное — на него даже просто смотреть было совершенно невыносимо. Руби даже растёрла сама себе щёки — настолько ей стало казаться, что это свело мышцы её собственного лица.

Свести-то у неё свело, но явно не мышцы — а сердце.

Руби подумалось, что, если бы сейчас здесь лежала израненной волком она — никто бы не ждал её здесь и не волновался бы. Кроме, наверно, Тэнь.

«На самом деле, — вдруг подумалось Руби, — всем им было бы проще, если бы я сегодня умерла».

Сердце её переполнилось горечью и болью от этого осознания. Если бы Олив не бросилась её спасать, если бы волк разодрал её — они не сидели бы сейчас тут в таком состоянии. Да, наверно, они бы понервничали из-за этого — но лишь потому, что им грозил гнев её отца.

Только потому.

Никто не носился бы по этой комнатке, не нервничал бы и не каменел бы мучительно — никому из них она не была дорога так, как была им дорога Олив.

И, если быть честной с самой собой, она вообще никому и никогда не была дорога так, как была им дорога Олив.

Возможно, отцу, — но Руби не могла тут поручиться наверняка. Отец любил её, конечно, но по натуре он был человеком холодным и суровым. Руби охотно могла вообразить, что он приложил бы все силы, чтобы достать для неё лучших врачей и лучшие лекарства — но не могла представить его таким, какими видела теперь их.

Это отчего-то было раздирающе больно, но она совсем не могла понять, почему.

Первым о её присутствии в комнате вспомнил Дерек — он всё ещё перебирал в голове вопросы «что я могу сделать прямо сейчас?» и припомнил, что Илмарт так и разгуливает в куртке на голое тело — поскольку рубашка его пошла на повязки.

Осознав, что у него есть дело, Дерек резко встал, нашёл глазами Илмарта — тот теребил косяк двери — подошёл и сказал:

— Ключ от твоей комнаты?

Илмарт, явно не вникая в то, кто и зачем спрашивает, машинальным движением достал ключ из кармана и передал Дереку.

Тот было собрался сам и пойти — но как раз вспомнил, что есть, кого послать.

— Руби! — почти обрадованно позвал он — уходить категорически не хотелось, потому что сердце было сжато тревогой за Олив и, казалось, если уйти сейчас — с Олив непременно произойдёт что-то непоправимое.

Руби подняла на него удивлённый взгляд.

Дерек подошёл, отдал ей ключ и спросил:

— Где комната Илмарта в университете, знаешь? — она кивнула — Сходи, пожалуйста, принеси ему рубашку.

Она снова кивнула и тихо вышла.

Достигнув места назначения, быстро нашла в шкафу рубашку — Илмарт был аккуратен, и поиски не представляли никаких проблем, — и уже хотела было отправиться назад, но внимание её привела карта, разложенная на столе.

Это не было странно — везде, где Илмарт жил или работал, рано или поздно заводились карты, и везде, где они уже завелись, их вскоре становилось всё больше и больше. Руби подошла к столу потому, что карту узнала — это была одна из тех, над которой они работали вместе, Руби хорошо её помнила, как помнила и вообще любую их карту — для неё они и впрямь отличались характерами.

Ныне эта карта выглядела ужасно: вся в неровных пятнах, потёртая, изгвазденная не пойми-чем. Руби потрясённо сморгнула, ужасаясь этому кощунству — как если бы перед нею был смертельно избитый человек.

Ей потребовалось несколько секунд, чтобы осознать, что с карты тщательно удалены все её рисунки — где-то стёрты, где-то размыты, где-то почти срезаны. Толстый качественный пергамент позволял работать слоями, но, конечно, не был рассчитан на такое варварство — места, на которых ранее располагались рисунки, некрасиво, болезненно выделялись.

Невольно вскрикнув, Руби схватилась было за карту, не чувствуя, что по щекам текут слёзы, — так мучительно оказалось видеть этот почти живой в её глазах объект... искалеченным.

Не веря глазам, она провела по карте пальцами. Стёртые места мерзко кололи кожу.

Руби задрожала; прижала ладонь ко рту, сдерживая рыдания.

Она с несомненной ясностью осознала, почему он так поступил.

Она прекрасно представляла себе, что и ему искалеченная карта принесла столько же боли, сколько и ей, — и вообразила, насколько же отвратительны были ему её рисунки, если он своими руками сотворил такое надругательство над собственным созданием.

Ей сделалось так нестерпимо больно, будто он не рисунки сдирал — а слоями сдирал с неё кожу, мышцы, покровы внутренних органов.

Единственная мысль, которая билась у неё в голове в этот момент, — «Лучше бы я сегодня умерла!»

...она сама не помнила, как добрела обратно до больницы и принесла рубашку, что говорила там и как шла домой.

Всё, на что ещё хватило её сил сегодня — это написать отцу с просьбой приехать так быстро, как он сможет.

Потому что ей казалось, что она не выдержит тут теперь и дня.

8. Зачем даны человеку мозги?

Олив пришла в себя к вечеру. Врач никого не хотел к ней пускать — она была слишком слаба от потери крови, и ей, совершенно точно, не нужны были сейчас эмоциональные встряски, — но совладать с беспокоящимися друзьями не смог.

Дерек умело и проникновенно высказался о том, что любовь и дружба в любой болезни необходимы не меньше, чем лекарства, — и так успешно сочетал в своей речи постулаты родной веры с анжельской, что врач слегка подзавис.

Райтэн просто и спокойно добавил, что, ежели их не пустят добром, они возьмут больницу штурмом. Хотя из оружия у всех у них были разве что припрятанные ножи, а за спинами явно не разместился подготовленный отряд, врач нервно сглотнул: ему припомнились многочисленные боевые подвиги родственников Райтэна. Штурм больницы вполне вписывался в этот ряд.

Илмарт ничего не сказал, но посмотрел так, что врач счёл за лучшее отойти, вяло пробормотав что-то о том, что поддержка близких, конечно, очень важна.

Визит пришёлся очень кстати: Олив была весьма дезориентирована и напугана. Ей на всякий случай прикрыли повязкой не только повреждённый глаз, но и здоровый, опасаясь, что она, разглядывая что-то здоровым, будет рефлекторно двигать и больным, что может усугубить его плачевное положение.

Олив не страшила боль — её она терпеть умела — но вот эта невозможность видеть просто сводила её с ума, действуя на нервы. Она не могла теперь оценить степень безопасности своего окружения, не могла сориентироваться в том, откуда может прийти опасность и, соответственно, не могла подготовиться к ней.

Доверие никогда не было сильной стороной Олив: она предпочла бы всё контролировать лично, чем полагаться на служащих больницы.

Приход друзей её успокоил и ободрил, потому что они на три голоса её заверили, что сразу, как это будет возможно при её состоянии, её перевезут к Тогнам — Кайтэнь вполне могла справиться с уходом. Олив так воодушевилась, что заявила, что готова сама идти прямо сейчас — тут, к сожалению, визит пришлось прервать, потому что она и впрямь порывалась встать, и успокоить её удалось только обещаниями врача, что, ежели за ночь ей не станет хуже, он лично сопроводит её завтра же на новое место.

Постояв у дверей больницы, трое друзей помолчали, похлопали друг друга по плечам и разошлись: Илмарт — к себе в университет, Райтэн — домой, а Дерек...

Дерек домой не пошёл, потому что существовала вероятность, что там он встретит Магрэнь — у неё был ключ — а встречаться сейчас с Магрэнь ему не хотелось, как и обижать её, выпроваживая из дома без объяснений.

Он просто бродил по улице, пиная камни, пока, наконец, не забрёл в узкую подворотню за портовыми складами. Сев там на какое-то бревно, он мучительно вздохнул и тихо, почти беззвучно, заплакал.

Весь день он запрещал себе поддаваться панике, усилием воли сохранял трезвую голову и полностью погрузился в задачу «действовать максимально эффективно и не поддаваться эмоциям». Нервы его были жёстко и безжалостно сжаты в пульсирующий узел из страха, боли и паники, и только теперь, выполнив все задачи, которые он полагал необходимыми выполнить, он позволил себе этот узел отпустить.

Ему потребовалось с полчаса на это; закончив ещё одним тяжёлым вздохом, он встал и отправился к себе привычной энергичной походкой.

Дома он и впрямь обнаружил Магрэнь: она читала книжку, раскинувшись у него на кровати.

— Я уж думала, вы там заночевали! — рассмеялась она.

Дерек сдержанно улыбнулся.

— Останешься на ночь? — деловито уточнил он, снимая куртку.

Она завлекательно потянулась и ответила вкрадчивой таинственной улыбкой. Она предполагала, что он мог слишком устать за день, и поэтому оставляла ему на откуп решать, как понимать такой ответ.

Он верно расценил её молчание, устало потёр лоб и признался:

— Больше всего мне хочется просто поесть и завалиться спать. Но, — торопливо прибавил он, — было бы здорово спать не одному.

Она улыбнулась:

— Тогда пойдешь, — у Дерекы не было собственной кухни, и он ходил столоваться вниз, в кухню хозяйки, — и возвращайся спать, — и снова раскрыла свою книгу.

Легко рассмеявшись, он подошёл, поцеловал её в макушку — от волос пахло чем-то нежным и успокоительно-свежим, — и отправился за ужином.

— Что это за запах? — спросил он уже позже, когда они устроились спать, и её волосы снова оказались у его лица.

— Мелисса, — сонно отозвалась Магрэнь, возясь в поисках удобного положения.

— Красивый, — отметил Дерек.

— Мне тоже нравится, — согласилась она.

...наутро Олив благополучно перевезли к Тогнарам — и началась истинная суета. Кайтэнь о чём-то спорила до хрипоты с оставляющим инструкции врачом, и явление ближе к обеду профессора Линара тут не помогло — он втянулся в спор и только добавил ему остроты. Тётушка, носясь по дому сама и время от времени загоняя Райтэна то на чердак, то в чулан, пыталась устроить «бедную девочку» наилучшим образом — и подушечки-то помягче, и специальную чашку-непроливайку отыскать, и костыль — как не нужен? пригодится! — прихвати! Дерек тоже был включён в эту беготню, только его постоянно отсылали в город: вон там вон то купи, вон у тех вон то попроси. Илмарт тоже был занят делом: подробно описывал Олив окружающую её локацию и степенно объяснял, почему воры не проберутся в окно, а при штурмовой атаке они успеют забаррикадироваться в подвале.

Руби, которая со времён скороспелой свадьбы проживала у Тогнаров, чувствовала себя не просто не при деле — чувствовала себя в высшей степени паршиво. Ей не нравилась Олив, она ей неистово завидовала, ревновала к ней и Райтэна, и Илмарта, и Дерекы, — и не могла теперь принять, что это Олив спасла ей жизнь. Это было катастрофично сложно; Руби, пожалуй, всерьёз предпочла бы умереть, чем мучиться теперь, не зная, не умея принять ситуацию так, как она сложилась. Всё, о чем она теперь мечтала — сбежать отсюда на край света и больше никогда не встречаться ни с кем, кто как-то был замешан в эту её интригу.

Апогеем дня для неё стал обед, когда Илмарт с Райтэном разругались так, что весь дом встал ходуном от их крика, и дело чуть не дошло до дуэли: они, видите ли, не могли договориться, кто из них будет кормить Олив бульоном.

На шум сбежались все, и даже — с поддержкой Дерека — и сама Олив. Стоять ей, впрочем, было тяжело — потеря крови всё ещё давала о себе знать, — и с повязкой на глазах она чувствовала себя крайне беспомощной, и ей было больно от ран, но это не помешало ей вполне твёрдым голосом заявить, что она вполне в состоянии поесть сама.

Это уже совсем не укладывалось в голове Руби — уж она-то не упустила бы шанса позволить мужчинам за ней поухаживать, окажись она в таком положении, ведь известно же, сколько важности и значимости придаёт им в их глазах такая помощь! Ей так хотелось крикнуть Олив, что она дура, что, сжав кулаки, Руби сбежала в свою комнату — подальше от них всех.

Она так и избегала их всех до самого приезда отца — благо, они в основном о ней и позабыли, а Кайтэнь была теперь слишком занята помощью Олив.

В Кармидере у господина Михара не было своего дома, поэтому он останавливался у одного своего торгового партнёра. Руби поспешила прийти сюда сразу, как узнала, что отец приехал — фактически, она поймала его сразу по приезду.

С порога она бросилась ему на шею, вцепившись в него накрепко, чем изрядно его встревожила: такое поведение совсем не было ей свойственно. По своему сдержанному, логическому характеру Руби отдавала предпочтение столь же сдержанной, спокойной манере. Она не привыкла выражать яркие эмоции или демонстрировать глубину своей дочерней привязанности: отец и сам всегда держался отстранённо, и ей привил такие же повадки.

Он порою при встрече целовал её в лоб, но это бывало не всякий раз; она иногда брала его руку и сжимала в своих ладонках — но это скорее по какому-то особому случаю. На шею она ему бросалась всего пару раз, в детстве, — ему это не нравилось, потому что слишком напоминало её мать, которую он любил и которая умерла почти сразу после её рождения.

— Что случилось, Руби? — сухо поинтересовался Михар, отстраняя дочь и заглядывая ей в лицо.

Она покраснела и смешалась.

Она слишком вымоталась в последнее время, наблюдая, как рядом с ней люди дружат, любят, находятся в постоянном живом контакте, — и как они не принимают к себе её, отвергают её. Это ощущение постоянной холодности и отчуждённости сводило её с ума, и она глубоко, мучительно нуждалась в возможности проявлять и получать любовь.

Она не знала, как ему всё это рассказать: он был такой внушительный, такой серьёзный, такой... взрослый, сильный, недоступный и холодный. Ей подумалось, что он никогда её не поймёт, что он не примет её аргументов и заставит её продолжать игру, пытаться снова и снова втиснуться в этот райтэновский круг — и ей стало непереносимо больно при мысли, что ей придётся вернуться туда, где они — вместе, а она — не с ними и против них.

Она заплакала.

Господин Михар не шутя заволновался. Он, что бы там ни было, любил дочь.

— Руби? — с уже нескрываемой тревогой спросил он, беря её за плечи.

Она, плача, уткнула лицо ему в грудь и глухо сказала:

— Я так больше не хочу, не могу. Забери меня отсюда, пожалуйста.

Тревога господина Михара ещё возросла. Он вообще никогда не видел дочь плачущей, и, к тому же, совершенно не понимал, как могло до такого дойти.

Кое-как ему всё же удалось вытянуть из Руби подробности — они его, мягко говоря, не

обрадовали. Нарушение его планов всегда выводило его из себя. Он, однако, полагал гнев плохим советчиком, поэтому усадил Руби на софу, велел подать чай, а сам отошёл к окну и закурил.

Созерцание кармидерской улицы и привычный процесс курения его отчасти успокоили: во всяком случае, он избавился от навязчивых мыслей о том, как наказать всех, кто обидел дочку. Столь радикальное решение, очевидно, вело к неприятным политическим последствиям, и, кроме того, ещё и расстроило бы Руби, судя по всему.

«Они меня не любят!» — вспомнил он её финальный жалобный пассаж и сжал сигару так, что та чуть не сломалась. За этим её отчаянным «не любят» слишком отчётливо читалось «а я хочу, чтобы они меня любили» — и он чувствовал сводящее его с ума бессилие перед этим невысказанным аргументом.

Он мог без особого труда найти способ надавить на Райтэна и заставить того обнародовать их брак — но он не мог заставить его принять Руби не формально.

С минуту он раздумывал над перспективами такого шага. Положим, он надавит. Положим, у Тогнара не будет возможности совсем отделаться от жены — каковы шансы, что их отношения наладятся?

Стряхнув пепел на подоконник, Михар подумал, что шансы, может, и есть, но только вот Руби явно не готова продолжать игру — и, судя по её словам, не хочет играть вовсе.

Он принялся прикидывать внутри себя, как можно повернуть ситуацию, если сейчас увезти Руби и попытаться восстановить её отношения с супругом позже. Этот вариант, чем дольше он его обдумывал, тем больше казался ему оптимальным, поэтому, докурив, он озвучил именно его.

Руби боялась такого решения. Она предвидела, что отец придёт именно к нему — и не знала, как убедить его, что это ни к чему хорошему не приведёт. Она полагала, что если её отношениям с Райтэном ещё есть, куда ухудшаться, то ухудшение это непременно произойдёт, если отец вздумает давить.

— Можно мы просто разведёмся?.. — жалобно попросила она, не смея смотреть на него, потому что знала, что этой просьбой ломает ему игру. В сердце её, однако, подняла голову надежда на то, что удастся его убедить.

Мысленно выругавшись с досады, Михар отпил чаю, затем спросил отстранёно и сухо: — Почему ты хочешь развода?

Она, грея пальцы о свою чашку, повела плечами и, всё так же не глядя на него, совсем уж тихо призналась:

— Мне кажется, он влюблён в другую.

Михар досадливо поморщился; он не ожидал, что дочь окажется столь непохожа на него самого и будет так остро реагировать на всю эту романтическую ерунду. Никогда раньше она не была такой! А тут, нате вам. Её не любят, любят другую, она так не может...

Михар вздохнул и так и не ответил ничего.

Руби увидела в этом молчании отказ. Ей стало страшно, потому что она как наяву представила, куда её заведёт его решение: он заставит Райтэна представить их брак обществу и таскаться с нею совместно в публичные места, будет давить, требуя ребёнка — Руби даже представить было страшно, каково это, быть с мужчиной, которого в твою постель затащили такими способами, — ей придётся всю жизнь проводить среди холодности и презрения, чувствовать, что в ней видят врага, жить во лжи и интригах, терпеть любовниц и постоянно,

постоянно, постоянно понимать, что всем вокруг было бы лучше, если бы она тогда умерла.

— Пожалуйста, — взмолилась она, — я не смогу. Я правда не смогу... — голос её дрогнул и прервался. — Это невыносимо, постоянно чувствовать себя навязанной, лишней, чужой... нелюбимой, ненужной... Я...

— Руби, — недовольно прервал её отец, — конечно же, если ты настаиваешь на разводе — вы разведётесь.

Она вскинула на него удивлённые глаза, не веря, что расслышала правильно.

Скривившись, он пробормотал, отворачиваясь:

— Что за чудовищем ты меня считаешь?!

У неё задрожали губы.

— Я знаю, что виновата перед тобой... — жалобно объяснила она, краснея от стыда. — Я не справилась...

Вздыхнув, он встал, подошёл к ней, сел рядом на корточки, как в её детстве, и взглянул в глаза просто и прямо:

— Руби, мы это обсуждали ещё тогда. Тебе самой понравилась эта идея, и мы дали ей ход. Теперь ты поняла, что тебе так плохо, и хочешь выйти из игры. Это нормально, — терпеливо объяснил он и ворчливо спросил: — Ты правда думаешь, что я буду настаивать на плане, который делает тебя настолько несчастной?

Ему было досадно, что она не пришла к нему со своей проблемой сразу, как та возникла, а только тогда, когда у неё уже сил не осталось её выносить.

К полной его растерянности, она снова расплакалась.

Потому что, несмотря на привычно сухой тон, он сказал то, что позволило ей почувствовать себя любимой, нужной и ценной — то, чего ей мучительно не хватало в последние месяцы.

9. Когда все люди становятся равны?

Господин Михар обладал важным для политика талантом: он умел не проигрывать.

Откровения дочери лишь в первый момент выбили его из колеи. Как только потрясение от неожиданности прошло, он начал трезво перебирать варианты дальнейшей игры — а для этого, как он полагал, неплохо было бы разобраться в желаниях Руби. Отпоив её чаем, он заявил, что она может здесь и остаться, вещи её по его приказу заберут, и завтра она может отправляться домой в Филопье или к нему — в их столичный дом.

Руби была явно ошарашена таким скорым решением проблемы.

— Но... университет? — слабо спросила она.

— А ты хочешь закончить университет? — спокойно уточнил он.

Она неловко кивнула, потом быстро добавила, что сделает, как нужно ему. У него не было никаких планов на этот счёт, поэтому он скучающим тоном отметил, что онавольна сама выбирать свою судьбу, затем уточнил, не хочет ли она сменить направление — ведь на химика Руби поступила именно для того, чтобы сблизиться с Кайтэнь. Замявшись, Руби призналась, что ей-то как раз интереснее медицина — и господин Михар, в целом, определился со своими планами и отправил дочь отдыхать.

У него уже сложилась в голове картинка, как выйти из ситуации, не проиграв, — в конце-то концов, брак с Райтэном был не единственным способом заручиться политической поддержкой Тогнаров. Поэтому, определившись со стратегией, господин Михар написал любезное письмо, в коем приглашал на завтра господина Деркэна Анодара к себе с целью обсуждения «интересующих нас обоих вопросов».

Дерек, получив это приглашение, весь подобрался: это был шанс разобраться в том, что нужно противнику, и по возможности попытаться выпутаться из его интриги. Прорепетировав у себя в голове разные варианты развития диалога и одевшись с особой элегантностью, он явился на эту встречу как на битву.

Впрочем, начало показалось ему не слишком оптимистичным: его провели в рабочий кабинет, где господин Михар восседал в роскошном кресле за массивным письменным столом, а Дереку, соответственно, полагался скромный стул для посетителей. Психологические трюки такого рода на Дерекэ не действовали, но сам способ намекнуть, как именно собеседник видит их роли в этом диалоге, его позабавил, и он непременно пошутил бы что-то по этому поводу, если бы не возмущения Райтэна на тему того, что с опасными людьми так делать не стоит. Магрэнь, впрочем, тоже его предостерегала, но её слова он легко сбросил со счетов, а вот высказанное Райтэном недовольство было для него слишком важно. Поэтому поздоровался он весьма сухо, на собеседника посмотрел серьёзно и хмуро, и даже обошёлся без погодного вступления.

— Вы, кажется, настроены недружелюбно? — с лёгким смешком прокомментировал эту хмурость Михар.

Дерек в вежливом удивлении приподнял брови и довольно холодно отметил:

— Так ведь вы по-прежнему не закупаете у меня уголь, ведь так?

Несмотря на то, что Дерек всячески старался оставить при себе свою шутовскую манеру и держаться как можно более строго, в реплике этой чудилось то солнечное веселье, которое было свойственно его уму от природы, и господин Михар это почувствовал — и с досадой понял, что да, ему сегодня придётся постараться, чтобы ни разу не улыбнуться.

Михару импонировала манера Дерек; это было нечто, совершенно недоступное самому Михару, и оттого желанное. Та лёгкость и теплота, с которой обычно общался Дерек, казались проявлением силы, а не слабости — а сам Михар не мог себе позволить ни лёгкости, ни теплоты, потому что для его позиций это стало бы фатально.

— Если вы так настаиваете, — вполне покладисто ответил он, — то рассмотрим сегодня и вопрос с углём.

Дерек облокотился локтем на край стола, подался к собеседнику, смерил его недоверчивым взглядом и прокомментировал:

— Любопытно!

Чуть наклонив голову, господин Михар поинтересовался, пытаясь понять, осознает ли собеседник уровень ведения диалога:

— Полагаете, ваш уголь недостаточно хорош для меня?

Оттолкнувшись локтем от стола, Дерек откинулся на спинку стула и с некоторой настороженностью в голосе отметил:

— Полагаю, что это вы полагаете, что мой уголь для вас недостаточно хорош.

— Как знать, господин Анодар, как знать! — философским тоном отметил Михар, выбил пальцами по столешнице затейливую дробь и без всякого перехода, утверждая тем доминирование над ведением беседы, заявил: — Я сожалею о доставленном госпоже Ринар беспокойстве.

На этом пассаже Дерек понял, что ему готовят какую-то западню, и западня эта, очевидно, такого рода, что не попасть в неё он не сможет.

Он, впрочем, позволил своей настороженности отразиться на его лице. Настороженность эта была изрядно сдобрена виной: он полагал себя виноватым в том, что это из-за него у Магрэнь были неприятности.

— Мне не стоило впутывать в наши дела женщин, не правда ли? — любезно продолжил развивать тему Михар.

— Полагаю, что не стоило, — осторожно подтвердил Дерек, начиная догадываться, куда клонит собеседник.

— Значит, — и впрямь перешёл к делу тот, — вам по душе придётся моё предложение вывести из игры всех, — сделал он упор на этом слове, — женщин?

— Однозначно, так! — осознав, наконец, цель беседы, с некоторым облегчением согласился Дерек, поскольку увидел за этим и обещание оставить в покое Магрэнь, и желание прервать интригу Руби.

— Прекрасно! — откинулся на спинку кресла Михар, пару раз стукнув пальцами по подлокотникам, подводя тем итог подготовительной части переговоров и переходя к торгам: — Вы же понимаете, что я не могу просто согласиться на развод?

Повеселевший Дерек насмешливо выгнул бровь. Слово было произнесено — а значит, противник уже согласен на такой исход, и дело лишь в цене. Посчитав теперь диалог безопасным, Дерек почувствовал даже некоторое удовольствие от интеллектуальной игры с сильным противником.

— И чего же вы хотите? — не стал затягивать дело он.

Михар пристроил локти на подлокотниках, переплёл пальцы перед своим подбородком, посмотрел прямо и ответил лаконично:

— Вас.

Недоумение вполне отчётливо проступило и на лице Дерека, и в его голосе, когда он переспросил:

— Но зачем я вам?

— Пристрою к делу, — любезно отозвался Михар, разглядывая выразительное лицо противника с большим любопытством. Можно было увидеть, как недоумение и растерянность сменяются недовольством и раздражением, те, в свою очередь, переходят в напряжённую задумчивость, а та — сменяется сосредоточенной решительностью. Михар был готов поспорить, что вполне отследил логику движения мысли, и ему не составило труда угадать, когда Дерек начнёт говорить и что именно он произнесёт.

И впрямь угадал; сложив руки на груди, Дерек тоном недоверчивым и мрачным напомнил:

— Как политическая единица я не представляю из себя ничего.

Мысленно Михар улыбнулся, потому что понял, что победил, и вопрос лишь в том, во что ему это обойдётся.

— В настоящий момент меня больше интересуют ваши способности, — отмахнулся он от столь беззубого возражения, — политический капитал мы вам нарастим, если потребуется.

Дерек скривился. Обмен выходил вполне логичным: Михар терял Райтэна как зятя, но всё равно получал его поддержку — зайдя с другой стороны.

— Я никогда не пойду на конфликт с Тогнарами, — наконец, отметил очевидное Дерек.

Михар демонстративно всплеснул руками:

— Помилуйте! Так ведь и мне конфликт с Тогнарами ни к чему!

Задумчиво качнувшись на стуле, Дерек ушёл глубоко в себя. Такого поворота сегодняшней беседы он никак не предполагал, и теперь не знал, что с этим делать. Ему казалось, что он выглядит человеком достаточно скучным и ординарным — и чего бы Михару вздумалось заниматься его вербовкой? Впрочем, всё ещё оставалось неясным, каковы цели такой вербовки — особенно исходя из той многообещающей фразы, что конфликт с Тогнарами ему не нужен.

«Очевидно, он полагает, что Райтэн во всём поддержит меня, — размышлял Дерек, — а родственники Райтэна, соответственно, поддержат его. Логично, — признал он. — И тонко сыграно!»

Дерек пришёл к выводу, что выхода у него, похоже, особо и нет. Можно, конечно, было пойти на обострение: и к чему бы это привело?

«У нас только слабенький козырь в виде психологического давления на Руби: слишком зыбко и слишком мало, — рассчитал внутри себя он. — Дальнейшее обострение — выход на широкий масштаб, это не нужно ни ему, ни Рийарам».

Молчание всё затягивалось — он обдумывал те или иные возможные ходы уже минут пять — как вдруг Михар решил вмешаться в его фантазии с недовольным:

— Вы отдаёте себе отчёт в том, какие перспективы для ваших собственных предприятий открываются в условиях работы на меня?

Он успел высокого оценить ум Дерека, поэтому теперь подобрал тот аргумент, который произвёл бы впечатление на него самого, потому что невольно стал оценивать противника по себе.

Дерек перевёл на него внимательный взгляд и с удивлением переспросил:

— Вы меня уговариваете?

Это удивление позабавило Михара, и он переспросил довольно дружелюбно:

— Почему нет?

Опершись локтями на стол, Дерек подался к нему, положил подбородок на переплетённые пальцы, несколько секунд внимательно рассматривал собеседника, потом высказал:

— Для чего? Разве я имею возможность отказаться? — он нервно передёрнул плечами.

— Видимо, имеете, — насмешливо ответил Михар. — Иначе чего ж так мучительно раздумываете?

Дерек резко выдохнул и с некоторой иронией в голосе сказал:

— Да просто сдал свою манеру профессионально проигрывать в аренду, а без неё, — он зло усмехнулся, — проигрывать не умею.

Михар развёл руками и наигранно сочувственно заметил:

— Придётся учиться!

Реплика эта прозвучала для Дерека как звук защёлкнутых у него на руках кандалов.

— Никогда не поздно, — задумчиво кивнул он, отмахиваясь от овладевающих им страха и злости и пытаясь заглушить эти страх и злость рациональными размышлениями.

Что он, в конце концов, терял?

«Свободу», — логично ответил он на этот вопрос.

Если уж ты соглашаешься работать на такого человека, как Михар, — выйти из игры ты уже не сможешь, придётся идти до конца, хочешь ты того или нет.

От безысходности сердце Дерека сдавило неподъёмными камнями; он столько отдал за то, чтобы быть свободным! И что теперь?.. Снова попасть в рабство к новому Грэхарду?

И ради чего? Что он получает взамен?

«Свободу Тэна», — осознал Дерек, и дело для него стало решено.

— Я не упоминал? — скучающим и обыденным тоном ворвался в его размышления Михар. — Безусловно, если что-то в моих проектах смутит вашу совесть — вы вольны отказаться. — Чуть задумчиво добавил: — Мне нужны исполнители, которые увлечены тем делом, что им поручено.

Дерек уронил ладони на столешницу, вперил в противника испытующий взгляд и с сомнением отметил, с трудом подавляя злость и не позволяя ей проявиться в ровном холодном голосе:

— Что-то уж очень гладко стелите, господин Михар. Я и без того у вас на крючке — к чему эти игры в якобы равенство?

«Умён!» — с большим удовольствием отметил Михар, смотря уже на Дерека как на вполне состоявшееся приобретение и наслаждаясь тем, что приобретение это весьма ценно. Все исполнители как исполнители, а этот — с норовом!

— Не настолько уж мы и неравны, Деркэн, — парировал он, но всякое дружелюбие исчезло из его тона, когда он холодно отметил: — Не ваш же дружок додумался, как довести мою дочь до такого состояния.

В этом замечании ощутимо звучала скрытая угроза; Дерек поднял руки ладонями вверх и, безотчётно пародируя собеседника, совершенно его интонациями воскликнул:

— Помилуйте! Не я впутал в эти дела женщин!

Взгляд Михара сверкнул, обещая неприятности.

Почувяв, что перегнул палку, Дерек всё же сдался и свернул на тот путь, которого так старался избегать сегодня, и машинально провернул привычную пантомиму: показательно

вздыхнул, полохматил себе волосы, покорчил выразительные недовольные рожи, в конце концов, уронил голову на лежащие на столешнице руки и оттуда глухо заявил:

— Всё, всё, я тих и смирен!

Смерив его макушку задумчивым взглядом, Михар неожиданно спросил:

— Кому, вы говорите, вы сдали вашу манеру в аренду? — и, с трудом давя улыбку, отметил: — Кажется, вам её вернули досрочно.

Его это шутовство весьма забавляло и развлекало, и он был весьма доволен, что Дерек снова вернулся именно к этой стратегии: наблюдать её было в высшей степени интересно.

Кинув на собеседника удивлённый взгляд, Дерек выпрямился; уголки его губ задрожали — и вдруг он и вовсе рассмеялся.

«А, пропадай всё на свете!» — лихо решил он. Сколько, в конце концов, можно было бояться? Ну не мог, в самом же деле, не мог этот идиотский анжелец быть страшнее Грэхарда!

Дело-то, конечно, было не в том, кто там страшнее — Михар или Грэхард — дело-то заключалось в том, что теперь-то Дереку было, что терять. Поэтому и боялся он гораздо сильнее, чем в ньонский период своей жизни, — боялся за Райтэна, за Магрэнь, за Илмарта и Олив, за Кайтэнь и тётушку, одним словом — за всех, кто успел стать ему дорог.

— Как всё-таки забавно сложилось! — отсмеявшись, пояснил своё веселье Дерек. — Вы хотели выиграть Райтэна через брак — а в итоге чуть не проиграли дочь, потому что не учли меня, — лицо Михара закаменело, показывая, что Дерек ходит по краю, — однако ж, из-за меня встав перед необходимостью вытащить из интриги дочь, вы заодно и меня затянули, приобретя тем и Райтэна, наконец!

Он с чувством поаплодировал, серьёзно кивая самому себе.

— Ну что ж, в интриге такого уровня и проиграть не стыдно, — резюмировал он и неожиданно перешёл к деловитому тону, наклоняясь вперёд: — Ну, где там ваш договор? Что, подписывать кровью будем?

Михару пришлось призвать всё своё самообладание, чтобы не рассмеяться: он впервые видел, чтобы человек, попавший в такое положение, в какое попал теперь Дерек, обыгрывал собственное поражение с таким азартным весельем. Возможно, в какой-то другой ситуации Михар предположил бы, что противник просто слишком глуп и не понимает, что поставлено на карту; но он уже убедился несомненно в том, что Дерек прекрасно понимает всё то, что не сказано, и умеет оценивать ситуацию трезво, видя на несколько уровней вглубь.

Михар в упор не замечал, что Дереку вовсе не весело, и что он не нарочно и не осознанно выстраивает такую манеру; Михар не замечал, что Дерек находится в глубокой, отчаянной истерике, что его показное веселье — не более чем выученная защитная реакция. Защитная реакция, которая выработалась у человека, который постоянно боялся, что его ударят, и научился быть смешным, чтобы его не били.

Не увидев всей этой подоплёки, Михар решил, что имеет дело с осознанной тщательно контролируемой стратегией. Для умения веселиться в таком положении требовалось незаурядное мужество; и это вызывало безотчётное уважение.

— Помилуйте, Деркэн! — выразил он это уважение переходом на лёгкий тон. — Я же вас не покупаю, в самом-то деле!

— Слава тебе, Господи! — с чувством воскликнул Дерек, после чего уточнил с подозрением: — И каковы тогда, наконец, ваши условия?

Михар задумчиво постучал пальцами по столешнице и спокойно пояснил:

— Я позволяю вашему другу развестись с моей дочерью без каких-либо последствий, а вы взамен начинаете работать на мои проекты.

Дерек постучал себя пальцами по щеке и деловито уточнил:

— Каменный уголь?

Михар улыбнулся уголками губ:

— Дался он вам!

С самым серьёзным выражением лица Дерек заявил:

— Да я вообще во всё это ввязался лишь для того, чтобы сбыть его вам, наконец! — и добил, выпятив грудь и с благородным пафосом в голосе заявив: — Всё — ради угля!

Три секунду понадобилось Михару для того, чтобы сокрушительно проиграть в борьбе с самим собой: он всё-таки не выдержал и рассмеялся.

Дерек позволил себе фыркнуть, отмечая тем нечаянную победу. Проверенная временем стратегия снова сработала без осечек: страшный и сильный человек был нейтрализован.

Отсмеявшись, Михар вытер уголки глаз и со смесью восхищения и досады воскликнул:

— Как это у вас всё-таки получается так легко!

С постным выражением лица Дерек ответил:

— Опыт работы скоморохом.

Михар, совершенно не заметивший то, с какой горечью это было произнесено, поперхнулся очередной порцией смеха от неожиданности, но всё же сумел в этот раз овладеть собой.

— Богатый опыт, — с большой злостью в голосе вдруг продолжил развивать свою мысль Дерек. — Внушительный, — с яростью выдохнул он. — Разнообразный, — его, определённо, несло.

— Вы ведь не шутите, — с некоторым потрясением отметил Михар, осознав, что собеседник не играет.

Спохватившись, Дерек пожал плечами и отвернулся, предлагая закрыть тему.

Покладисто отложив разговор, Михар вернулся к делу:

— Что ж, уголь. Готов рассмотреть, но имею тогда встречное условие, — Дерек сделал приглашающий жест рукой, — Рубиэлэнь должна остаться в вашем карточном предприятии.

Условие это оказалось для Дерека столь неожиданным — он полагал, что Руби только о том и мечтает, чтобы сбежать от них, — что он был совершенно дезориентирован.

Несколько секунд он рассматривал вариант с тем, что Михар разыгрывает дочь втёмную, имея на неё новые интриги, — но тут ему вспомнился тот его разговор с Руби, который он расценил, как попытку расколоть внутренний круг Райтэна.

«Что, если она и в самом деле?..» — вынес предположение он, и тут же сегодняшняя игра стала видеться ему совсем в другом свете.

Он откинулся на спинку стула, проницательным взглядом окинул собеседника и выразил свою мысль:

— Вы всё это и затеяли ради Руби, не правда ли?

И по тому, насколько бесстрастным осталось лицо собеседника, он понял, что угадал, — и это вернуло ему ощущение некоторого контроля над ситуацией.

— О! — с лёгкой усмешкой отметил он, пытаясь хоть частично переломить ситуацию в свою пользу. — Вам теперь невыгодно отпираться, ведь так? Я ведь, положим, могу выполнить ваше условие формально, — с наслаждением выговорил он это слово.

С большим внутренним недовольством и злостью Михар вынужден был признать правоту аргумента.

— Предположим, — весьма холодно отметил он, слегка шурясь, — мне бы не хотелось, чтобы вы подошли к этому делу... формально.

В усмешке Дерек скользнуло что-то хищное, когда он отметил:

— Вот с этого и надо было начинать, Аренсэн.

— Мы не настолько равны, — в тоне его слышалось вполне осязаемое предупреждение, но Дерек его проигнорировал.

Уверенно облокотившись на стол, он положил подбородок на кулаки, вперился в противника прямой сильный взгляд и обозначил альтернативу:

— Либо настолько — либо никак.

Лицо Михара сделалось совершенно ледяным, а от взгляда более робкий человек изрядно бы струхнул — но Дерек, прочно закалённый повадками Грэхарда, Треймера и иных ньюнцев, даже не вздрогнул.

— У нас ваша дочь, — с большим удовольствием выговорил он, — и мы можем попросту не дать ей развод. — Он улыбнулся, но улыбнулся холодно и страшно: — Понимаете, да?

— Вы совсем страх потеряли? — непринуждённо переспросил Михар, чувствуя себя, впрочем, в высшей степени некомфортно. Мало кто рисковал ему угрожать, и впервые ему угрожал человек, которому реально было, на что давить. Оказаться на этой стороне такого противостояния Михару было внове; но, впрочем, он не настолько растерялся, чтобы терять инициативу в беседе.

— О! — откинувшись, Дерек оперся локтем на спинку стула и спокойно уточнил, прощупывая границы дозволенного: — А что вы мне сделаете-то?

Михар нарисовал на лице вопрос: «Вы это сейчас серьёзно?» Дерек сделал лёгкий жест рукой: мол, давайте, удивите меня! В глубине его глаз, впрочем, стояли совершенно неуместные в этой ситуации смешинки; и именно по этим смешинкам, которые совершенно сюда не шли, Михар понял, что Дерек не идиот, который попросту лезет на рожон, а идиот, который провоцирует с целью испытать противника.

Михару было, чем давить, и он мог в несколько фраз закончить всю игру; и сейчас, глядя на непринуждённую позу соперника и эти его уже почти откровенно смеющиеся глаза, Михар понял, что, победив таким образом, — несомненно проиграет. Получит, конечно, Дерек, вполне послушного и исполнительного, — но потеряет Дерек смеющегося и живого, способного быть... пусть не другом, нет, но — хотя бы союзником.

Возможно, даже если бы в ситуацию не была замешана Руби — а Руби, так некстати эмоционально привязавшаяся к этой компании, требовала участия Дерек-союзника, а не Дерек-запуганного исполнителя, — даже без Руби Михар расценил бы вариант с силовым давлением как несомненный проигрыш.

Он уже слишком увяз в ловушке дерековской шутовской манеры; ему теперь хотелось испытывать эту манеру снова и снова, видеть Дерек именно таким — шутливым, живым, источающим тепло и свет. Если теперь Дерек сломать — всё это будет безвозвратно потеряно.

А если не ломать — то нужно было как-то договариваться.

С другой стороны, оставить столь яркую провокацию без ответной угрозы было

совершенно недопустимо — и Михар встал перед необходимостью выбрать такую угрозу, которая, с одной стороны, покажет, что он согласен воспринимать Дерека как союзника, но, с другой стороны, несомненно укажет ему на то, что посягательства на свою территорию и свой авторитет Михар не потерпит.

Ему потребовалось несколько секунд на обдумывание вариантов, после чего он спокойно и непринуждённо отметил:

— Положим, пока я склонен вас считать удачливым нийским купцом, которого Тогнар приметил в своей поездке. Как вы думаете, — мягко спросил он, наклоняясь к собеседнику, — что я открою, если усомнюсь в этой версии?

Дерек оценил угрозу уважительным хмыканьем. В то, что Михар, с его связями и деньгами, сможет докопаться до правды, он охотно верил. Чем ему может грозить такой исход?

«Шантаж, конечно, — определил сам в себе Дерек. — И шантаж, на которой я поведусь» — потому что в Ньон к Грэхарду совсем не хотелось.

— Полагаю, ничего интересного, — тем не менее, открестился он.

Михар улыбнулся уголками губ и вполне дружелюбным тоном отметил:

— Помилуйте, Деркэн, не с вашей выразительной мимикой пытаться блефовать!

Дерек изобразил лицом философское смирение перед этим обстоятельством. Он, собственно, и не рассчитывал, что сможет провести противника.

— Несимметричная угроза, — наконец, раздумчиво выговорил он.

В ответ на угрозу Руби Михару следовало высказать угрозу Райтэну — это было бы логичным и грамотным ходом.

— Ну, ну! — отмахнулся Михар. — Если я вздумаю угрожать вашему другу, я больше потеряю, чем выиграю.

— Брату, — спокойно поправил Дерек, глядя на противника внимательно и испытующе. — Он мой брат.

— Тем более.

— Тем более, — кивнул Дерек, прочно уходя в себя.

Было очевидно, что у Михара был целый веер способов давления на него — и, угрожая Руби, Дерек, прямо скажем, осознанно подставлялся. Ему хотелось здраво оценить уровень опасности, который грозит и ему, и его близким в сложившейся ситуации. Из того, что он знал о противнике, он ожидал логичного и симметричного ответа. Отказ Михара играть по этим правилам мог означать несколько вещей.

Во-первых, он мог полагать, что Дерек не стоит того, чтобы связываться с роднёй Райтэна — а любые угрозы Райтэну, однозначно, выводили его на конфликт с Тогнарами вообще. «С другой стороны, — подумалось Дереку, — Райтэн уже связан по рукам и ногам этим браком, что тут угрожать? Михару нашлось бы, чем и как давить».

Этот вывод неизбежно выводил Дерека на вторую ветку вариантов: Михару дорога дочь, и вся нынешняя вербовка затеяна именно ради неё. Та польза, которую Дерек может принести как аналитик или как агент поддержки Тогнаров, — это вторичная выгода, которую глупо было бы упускать, но главная и центральная задача противника... тут мысль обрывалась.

Он должен сделать для Руби — что?

Если речь идёт о разводе, то явно не наладить отношения с Райтэном. И едва ли Михар планирует пристроить дочку за него, Дерека, или, тем паче, за Илмарта. Оставить Руби как

агента влияния? Глупо, она разве что через Тэнь только и может что-то сделать...

В то, как видел ситуацию Дерек, никак не вписывалось желание Михара оставить дочь в университете — и, тем более, в их кружке картографов. Не враг же он ей, в самом деле, чтобы запихивать её в столь очевидно враждебно настроенное общество!..

«Враждебное», — вдруг замер Дерек — и догадался.

Руби привязалась к ним по-настоящему — но своей интригой не оставила себе никаких прав на ответную симпатию.

И Михар, несмотря на все свои многочисленные рычаги давления, не мог здесь ничем помочь дочери: нельзя заставить любить, как ни дави. Даже, скорее, чем больше давишь — тем меньше шансов остаётся на любовь.

«Я больше потеряю, чем выиграю», — слова Михара заиграли для Дерека новыми красками. Он не может давить, потому что задавленный, принуждённый Дерек будет выдавать в ответ ненависть и презрение — и эти ненависть и презрение будут распространяться и на Руби.

«Эк его повязало собственной интригой», — подумал Дерек не со злорадством, а скорее даже с некоторым сочувствием. Он увидел в этот момент, как из-под холодной маски проступает обеспокоенный отец, — и из политика Михар в его глазах возрос до человека.

Забывшись, Дерек так глубоко ушёл в свои размышления, что встал и принялся расхаживать ко кабинету, время от времени взмахивая руками в такт своим мыслям.

«Но что я могу? — сам себя спросил он растерянно. — Разве Тэн простит ей? Не говоря уж об Илмарте!»

В его представлении, дело виделось весьма безнадёжным. Положим, он сам не испытывал к Руби ненависти — особенно теперь, с учётом того открытия, что её отношение к ним не исчерпывалось рамками заведённой интриги. Он скорее даже сочувствовал ей теперь, отчётливо вообразив, как тяжело ей пришлось, когда она угодила в эту ловушку — своими же руками вырытую ловушку.

«Допустим, — продолжал сам в себе он. — Тэн великодушен; он может простить, если поверит ей. Но Ил?»

Он не настолько хорошо знал Илмарта, и не был уверен, как он себя поведёт.

— Хорошо, — наконец, решился Дерек, разворачиваясь к столу и вставая перед ним, сложив руки на груди. — Хорошо, — повторил он, — я попытаюсь. Но вы ведь понимаете, что я не могу ничего обещать?

Михар, который наблюдал за его метаниями с большим интересом и легко считывал его сомнения с его лица, кивнул, складывая ладони перед собой домиком.

— Пф! — со смешком фыркнув, Дерек опустил на свой стул и уточнил: — Выходит, я остаюсь в Кармидере?

Михар невозмутимо переспросил:

— А вы планировали переезд?

Дерек покачал головой.

— Ладно, — вернулся он к конструктиву, — давайте обсудим предметно, что именно за дела вы хотите мне поручить.

Михар вежливо приподнял брови и отметил:

— Для этого было бы неплохо, чтобы вы сперва рассказали, что вы, вообще, умеете.

Посмотрев на него открыто и весело, Дерек рассмеялся, затем отмахнулся:

— Ну, например, я умею вырывать зубы и читать проповеди. Это безнадежно, — махнул он рукой. — Проще вам сказать, что вам надо.

— Даже так? — был немало удивлён Михар — и достал заранее подготовленную папку.

Первыми на стол легли различные административные задачи, касающиеся управления Ан-Фило. Спустя час активных дебатов Михар понял, что его новое приобретение можно хоть сейчас оставлять вместо себя за главного — ладно, не хоть сейчас, тут он махнул, но спустя годик, как разберётся в делах всерьёз...

Решив повысить ставки, Михар достал планы своей работы на законодательном поприще — и был изрядно потрясён. Потому что Дерек, совершенно забывшись и с головой уйдя в работу, принялся весьма эмоционально и красочно критиковать те или иные положения и выдвигать те или иные весьма дельные предложения.

— Бунты! Бунты, вот что нас ждёт при таком раскладе! — нависнув над столом с документами, чуть ли не брызгал слюной он, негодуя на какой-то черновой проект, который, признаться, и сам Михар полагал весьма слабым.

— И что вы предлагаете как альтернативу? — с живым любопытством переспросил он.

Дерек грузно сел, задумался, вцепившись себе в волосы, и, наконец, признался:

— Да роуг его знает!

Михар хмыкнул; Дерек рассмеялся.

— Я даже жалею, — признался вдруг Михар, — что обещался не раскапывать ваше прошлое. Вы там явно не скоморохом подрабатывали, — вызвав веселье Дерек, отметил он, а затем задумчиво прибавил: — Ну, ежели только скоморохом при монаршей персоне...

Слишком увлечённый новыми мыслями, которые в нём породили замечания Дерек, Михар не увидел, что тот заметно побледнел и растерял своё веселье — а, когда поднял взгляд, Дерек уже вполне пришёл в себя и вернулся к живому деловому настрою.

10. В чём суть близости?

— Ну что ж! — с порога радостно заявил Дерек, врываясь в кабинет Райтэна с каким-то бутербродом в руках и устало плюхаясь в кресло. — Завтра с утра приходи в ратушу с документами, будет тебе развод!

— В чём подвох? — настороженно переспросил Райтэн, не спеша радоваться.

Дерек неопределённо помотал рукой в воздухе, вгрызаясь в свой бутерброд, потом, едва прожевав, довольно выговорил:

— Выменял!

Взгляд Райтэна стал вопрошающим. Ему было трудно представить, на что же можно выменять такую-то милость.

Откусив ещё, Дерек снова помотал рукой, потом отмахнулся коротким:

— Да так, помогу ему в некоторых проектах.

Райтэн кашлянул. Встал, обошёл стол, опёрся на него поясницей и сложил руки на груди.

— Поможешь? — холодно переспросил он. — В некоторых проектах?

Доевший бутерброд Дерек вскочил в поисках графина с водой, налил себе стакан, отпил пару глотков, потом расшифровал:

— Ну, я вроде как теперь на него работаю.

Райтэн сморгнул.

Кашлянул снова.

Ещё поморгал.

Зачем-то уточнил:

— На Михара?

Не отрываясь от воды, Дерек кивнул.

— Ты. Работаешь. На Михара. — Медленно повторил Райтэн, пытаясь уложить в голову эту информацию.

Дерек, допив воду и поставив стакан на место, развёл руками: мол, ну да, как-то так.

Лицо Райтэна совсем закаменело; взгляд стал мрачным и тяжёлым; с губ его сорвалось досадливое:

— Снимаю претензию, Годэн был ещё приемлемым вариантом!

Дерек наклонил голову набок, демонстративно задумался, затем возразил:

— Не, у Годэна условия были похуже. А тут мне предлагают свой дом в центре Кармидера и личного телохранителя!

— Свой дом, ага, — язвительно согласился Райтэн. — И телохранитель, ну точно!

— Клянусь честью, забавный мальчишка! — заверил его пылко Дерек.

Райтэн сел на стол и устало потёр лоб.

— Какой ещё мальчишка? — вяло зацепился за последнюю фразу он.

— Джотандец какой-то, — беспечно отозвался Дерек, подходя и усаживаясь на другой край стола.

— Зачем тебе телохранитель? — мрачно переспросил Райтэн.

Дерек неопределённо пожал плечами и отметил:

— Ну, он же в первую очередь, конечно, шпион...

Досадливо застонав, Райтэн вцепился обеими руками в волосы:

— Ещё и шпион!

— Нельзя без шпиона же, — со смешком заметил Дерек. — Он-то в столице, а я-то тут.

С минуту Райтэн молчал, пытаюсь собрать воедино мысли, затем заговорил, глухо, с надрывом:

— Дер... мы тебя вытащим. Обязательно вытащим!

Дерек заболтал в воздухе ногой, потом ответил:

— Нет, спасибо тебе, конечно, но ты уверен, что меня надо вытаскивать?

Райтэн обратился на него мрачный взгляд.

Дерек снова пожал плечами.

— Сам-то мне чуть плешь не проел, — он подёргал себя за светлые волосы, — что я расходую свои мозги на всякую ерунду.

С минуту Райтэн смотрел на него в упор, затем заявил:

— Нет, Дер, ты мозги на ерунду расходовать не можешь. — И мстительно добил: — Потому что мозгов у тебя нет!

— Вот! — торжествуя поднял палец Дерек. — А Михар считает, что есть! Хоть кто-то меня ценит! — обращая грустный взгляд в потолок, возвестил он.

Райтэн тяжело и показательно вздохнул. Затем печально сообщил ближайшей стене:

— Вот так он и променял единственного человека, который скажет ему горькую правду, на какого-то льстеца!

Дерек протянул руку и недовольно толкнул Райтэна в плечо. Тот вернул тычок. С полминуты они увлечённо толкали друг друга, чуть не свалились со стола и рассмеялись.

— Ладно, такое дело нужно отметить! — решил Райтэн, вставая и отправляясь за коньяком.

— Другое дело! — повеселел Дерек. — А то заладил своё: мозги, мозги!

— Я сдерживался, — невозмутимо парировал Райтэн, разливая коньяк по бокалам, — целых... — и нахмурился, пытаюсь подсчитать.

Дерек хмыкнул, позагибал пальцы и пришёл на помощь:

— Целых шесть месяцев!

— Вот! — наставительным тоном отметил Райтэн. — Хоть раз-то в полгода можно высказаться!

...на другое утро они с Руби выходили из ратуши счастливыми разведёнными людьми.

Руби сияла как солнышко, не скрывая радости по поводу столь знаменательного события; Райтэн почти улыбался. Прежде, чем разойтись в разные стороны, они переглянулись и рассмеялись.

— Что ж! — не удержался от прощальной шпильки Райтэн. — Надеюсь, со следующим мужем тебе повезёт больше!

— Я думаю демонстративно начать тонуть в его присутствии, — доверительным тоном поделилась новым планом Руби и язвительно прибавила: — Ну, знаешь, чтобы сразу сдвинуть отношения с мёртвой точки.

— Разумный подход! — со смехом одобрил Райтэн, впрочем, уже удаляясь от неё быстрым летящим шагом.

Следующие несколько недель пролетели как в чад: Дерек осваивался в тех проектах, которые ему оставил Михар перед отъездом, Райтэн носился со своими кораблями и закупками, а Илмарт пытался найти нового иллюстратора.

Пересекались они в эти дни редко. Дерек вообще оказался загружен по самую макушку:

он пытался одновременно и подобрать — а потом обжить — новый дом, и качественно вникнуть в свои новые обязанности, и продолжить работу над картами, и помочь Руби с переводом, и пытаться на расстоянии управлять каменноугольным карьером, и не оставлять Райтэна разгребать дела в одиночку, и, конечно, не забывать о Магрэнь, которой требовалось внимание. Приставленный шпион-телохранитель следовал за ним в этой беготне весьма ненавязчиво, и Дерек даже позабыл о факте его наличия — под ногами не путается, и ладно.

Илмарт, когда не дежурил по службе и не создавал карты, обходил знакомых, беседовал с теми, кто умел неплохо рисовать, и пытался найти того, с кем сработается. Райтэн, как это всегда бывало с ним в период погружённости в работу, дома разве что ночевал — а так носился по всему городу и даже ездил по окрестностям.

Во всей этой суете Олив осталась совершенно не у дел.

С ней, впрочем, много времени проводила Кайтэнь, но и у неё были свои заботы — да и не могло общение с ней заменить друзей.

С выздоровлением дела шли с переменным успехом. Сульфат меди, действительно, помог остановить развитие конъюнктивита, но с глазом всё равно были проблемы — волк почти разодрал Олив веко. Его аккуратно зашили, и врачи говорили, что со временем всё срастётся, и даже рубца не останется — но пока левым глазом она смотреть так и не могла. К счастью, хотя бы правый глаз от повязки освободили.

Раны благополучно зажили, оставив по себе многочисленные рубцы. Олив никогда не была заиклена на собственной внешности — нетрудно не думать об этом, когда ты красива, — но теперь собственное отражение её пугало. Она находила левую сторону своего лица крайне безобразной и отталкивающей — и полагала, что и остальные считают так же. Видимо, это от того, что окружающие её люди старательно фокусировали свой взгляд на правой стороне — Олив не понимала, что, возможно, они просто смотрят туда, где можно поймать её взгляд, и ей думалось, что им отвратительно на неё смотреть.

Сломанная зафиксированная рука тоже не добавляла оптимизма, — а тут ещё и резко разбежавшиеся по своим делам друзья!

Олив чувствовала себя совершенно покинутой и потерянной. Она и так-то не очень умела управляться со своей жизнью, не понимала, чего от этой жизни хочет и не знала, как жить. А теперь — теперь ей казалось, что жизнь её так и кончилась, не начавшись.

Конечно, если бы Олив хоть как-то показала, что ей плохо и одиноко, все они трое смогли бы выкроить в своих графиках больше времени на общение с ней. Но Олив, не желая выказывать слабость, всячески бодрилась при встречах с ними, демонстрируя несломленный боевой дух и гордую готовность стоически перенести все свалившиеся на неё испытания. Она считала, что и так слишком многим им обязана, чтобы ещё и жаловаться.

И они — ни один из них — не догадались. Скорее по той причине, что она обычно прямо говорила, что думала, и они не привыкли искать второе дно и подозревать, будто бы она что-то скрывает. А она в этот раз не хотела говорить прямо — потому что не хотела навязываться, боялась обязать их своими жалобами, полагала совершенно невозможным и крайне унижительным просить внимания там, где его ей не дали добровольно.

И из-за того, что они не заметили и не догадались, ей стало казаться, что просто она им не нужна и не интересна. Эти мысли быстро обросли соображением, что она и вообще никому никогда не была нужна, а теперь, с такой-то мерзкой физиономией, и интересна не будет.

То, что смазливое личико привлекало отнюдь не тот тип внимания, в коем она нуждалась, она, конечно, из вида упускала.

Неизвестно, до какого маразма она бы додумалась в этом своём самоуничижении, но где-то спустя месяц переживания её всё же вышли наружу.

В то утро Дерек, Райтэн и Илмарт в кои-то веки собрались все вместе в доме Тогнаров — нет, они и к Олив заглянули, но та ещё спала, и они не стали будить, а благополучно засели внизу, завтракать и делиться новостями и впечатлениями.

Проснувшаяся позже Олив обнаружила их весёлую компанию по смеху; спустилась и долго стояла в коридоре, не выглядывая в дверной проём, будучи уверенной, что там её сразу засечёт Илмарт, — ей казалось, что им и без неё более чем прекрасно, и она, верно, действительно просто тут лишняя.

Обида и страх стать теперь никогда никому не нужной сдавили её сердце. Возможно, она бы так и ушла тихо, но на неё неожиданно налетел выскочивший наружу Дерек — ему что-то срочно потребовалось принести из кабинета.

— Олив! — обрадованно воскликнул он.

Она скривилась, недовольная тем, что её обнаружили; вспомнила, что с рубцами это теперь смотрится совсем уж страшно и сделала бесстрастное каменное лицо.

Поздоровавшись с Райтэном и Илмартом — Дерек унёсся в кабинет — она набрала себе еды и сказала, что неважно себя чувствует, поэтому позавтракает у себя. Друзья переглянулись и нахмурились. Они было хотели обсудить своё беспокойство, но тут вернулся Дерек, и Илмарт прочно погряз в разговорах о каких-то картографических тонкостях.

Райтэн, хмурясь, подсакивал на стуле с минуту, постоянно поглядывая на дверь, потом не выдержал и с коротким:

— Я схожу убедиться, что она в порядке, — рванул наверх.

Олив визиту не обрадовалась.

— Чего тебе, Тогнар? — более грубо, чем намеревалась, спросила она, откусывая гренку.

Она сидела прямо на своей кровати, в лёгком домашнем платье, поджав под себя ногу, здоровой частью лица к двери — поэтому не повернулась к нему, когда он вошёл.

— Хотел узнать, как ты, — ничуть не смутился Райтэн, без приглашения входя внутрь, хватая стул и усаживаясь перед нею.

Она недовольно переменяла положение, чтобы ему снова было видно только правую часть лица, и язвительно ответила:

— Я? Прекрасно!

Райтэн хмыкнул, сложил руки на груди и вперил в неё пронзительный взгляд. Он не очень умел разбираться в скрытых чувствах и мотивах других людей. Он чувствовал, что с Олив что-то происходит, но не мог понять, что именно, и не знал, как вывести её на разговор.

С минуту она пыталась его игнорировать — столь пристальное разглядывание весьма её раздражало, потому что она чувствовала себя уродливой и искалеченной и не хотела, чтобы на неё смотрели, — и, наконец, доев гренку, она проворчала:

— Мне кусок в горло не лезет, когда ты так на меня смотришь!

— О! — сморгнул он. — Прости! — и отвернулся.

Она, впрочем, завтракать не продолжила, а вместо этого принялась разглядывать его.

Ей думалось, что вот Райтэн, конечно, не то чтобы красив, но у него, в отличие от неё, по крайней мере всё в порядке с глазами и нет никаких рубцов, поэтому он едва ли её поймёт.

— Се-Стирен, — вывел её из созерцательности его вкрадчивый голос, — мне, знаешь ли, тоже не сидится, когда ты смотришь на меня так.

Она фыркнула с досадой и отвернулась — нечаянно направо, открыв тем ему левую сторону лица, и тут же, спохватившись, переотвернулась налево.

Метания эти оказались слишком заметными — и Райтэн догадался, что она поворачивается к людям правой стороной не потому, что ей так удобнее смотреть, а потому, что стесняется левой стороны. Открытие это вызвало у него гнев: как ей, такой сильной и умной, могло в голову прийти, что её шрамы могут иметь какое-то значение!

— Се-Стирен, — с досадой выговорил он, — ты, право, слишком умна, чтобы всерьёз переживать из-за идиотов, которые судят людей по внешности.

Таланта утешать расстроенных женщин за ним, как можно догадаться, не водилось.

И Олив, естественно, в его попытке поддержать услышала только: «Ты, конечно, теперь уродина, ну и забей на это!»

— Ну, знаешь ли! — резко вскочила она, пытаясь всплеснуть руками.

Правой получилось; левой, которая была зафиксирована и перевязана — не очень, и она с досадой скривилась.

Райтэн вскочил следом за ней и в тревоге перехватил её за талию и за перевязанную руку в попытке поддержать — из-за ограниченности в движении у неё, к её досаде, не получилось вырвать эту конечность. Это оказалось последней каплей: она почувствовала себя совершенно беспомощной, и от глубочайшего чувства бессилия расплакалась.

Райтэн не шутя перепугался, потому что решил, что причинил ей боль. Осторожно усадив её на кровать, он сел рядом на корточки и взял в руки её здоровую ладонь, с тревогой пытаясь заглянуть ей в лицо.

— Олив!.. — тихо позвал он, и в голосе его было столько искреннего беспокойства и теплоты, что она разрыдалась ещё горше, сама не зная, отчего.

Тут она осознала, что слёзы льются и из больного глаза тоже, и ужасно испугалась, что может этим повредить ему; от этого страха она почти моментально перестала плакать.

— Я ослепну! — вцепившись в Райтэна здоровой рукой, выразила она этот свой страх ему, не в силах терпеть дальше мучительность собственных мыслей, и тут же, коль скоро она высказала самое стыдное, её понесло: — И стану уродливой, никому не нужной калекой!

Райтэн несколько опешил от столь неожиданной и нелогичной истерики, но возмущение тем, что она настолько не ценит саму себя, быстро превзошло ошеломление.

— Ты?! — с негодованием переспросил он. — Калекой?! Да ещё уродливой?! Да ещё ненужной?!

Вскочив, он принялся гневно изливать своё негодование:

— Пока что тебе грозит разве что потерять мозги, Се-Стирен! Что ещё за калека! — взмахнул он руками, нервно расшагивая туда и обратно. — Да ты самая ловкая женщина из всех, кого я когда-либо видел! Да ты даже без глаза всем этим курицам дашь фору! Это они все калеки, неспособные совладать с собственным телом! Живут даже не вполсилы, а так!.. — сделав круг по комнате, он перешёл к следующему возмущившему его пункту. — И что ещё за «ненужная»?! Се-Стирен! Да таких мозгов, как у тебя!.. Мозгов, таланта,

характера! — он резко сел на стул перед ней, наклонился вперёд и яростно продолжил: — Да причём тут шрамы какие-то, разве в коже красота! — глаза его горели жгучим негодованием. — Идиот тот, кто не видит дальше кожи! — он снова вскочил, делая резкие жесты на каждом слове: — Да если какой идиот не способен увидеть, то это только его идиотизм! А ты!.. — вдруг он резко встал и обернулся на неё. Его неподвижность остро контрастировала с предшествующими метаниями, что особенно подчеркнул голос, ставший тихим и мягким: — Ты удивительная, Олив. Ты смелая, решительная, ты победитель по жизни, ты вся и есть жизнь — настоящая, наполненная радостью, солнцем, чувственная... — у него закончилось дыхание и перехватило горло от непривычных тёплых эмоций. — Ты правда не понимаешь? — растеряно и потеряно переспросил он после некоторой паузы.

— Нет, — тихо призналась она, ошеломлённая и опрокинутая его взрывом.

— Как можно так себя не ценить? — убитым голосом переспросил он, глядя на неё весьма огорченно. За огорчением этим, однако, ясно читалось выражение нежности и беспокойства.

Олив зябко повела плечом.

— Не знаю... — потерянно пробормотала она, впервые столкнувшись с такой яростной защитой.

Он сделал к ней шаг; затем вроде как окоротил себя, остановился и, без прежнего пыла, но весьма серьёзно добавил:

— Твоя настоящая красота — в твоём характере и в силе твоего духа, Олив.

Ей, конечно, было весьма приятно всё это слышать — да что там! это было, возможно, самое приятное из всего, что она когда-либо слышала от мужчин! — но всё же она отвернулась, усмехнулась и парировала:

— Ну да, с таким лицом теперь только этим и утешаться.

Она полагала, что он говорит это нарочно, лишь бы успокоить её, но на самом деле так не думает.

— С каким ещё «таким»! — досадливо фыркнул он, подошёл и сел на кровать слева от неё, вперив острый взгляд в повреждённую сторону лица.

Она попыталась куда-то отвернуться, закрыть лицо волосами, спрятаться от него. Пробурчав себе под нос что-то ругательное, он одной рукой взял её за подбородок, поворачивая к себе, другой — осторожно убрал пряди.

— Да ну тебя! — буркнул он недовольно. — Обычные рубцы, большая часть скоро сойдёт!

Если бы левая рука её работала как надо, то она оттолкнула бы его ещё в тот момент, как он к ней потянулся — чисто на рефлексах. Но рука была повреждена, и она не оттолкнула сразу — а потом от его прикосновения у неё побежали мурашки по коже, и ей совсем уже и расхотелось вырываться.

Пальцы у него были тёплые; и Олив они показались очень сильными в тот момент, когда он разворачивал её лицо — но теперь они едва касались её подбородка, лишь мягко поддерживая его. Этот контраст силы и мягкости потряс её — обычно, если уж она и сталкивалась с мужской силой, сила эта была груба и безжалостна.

— Шрамы останутся... — беспомощно пробормотала она, внутри себя умоляя, чтобы он продолжил говорить что-то такое же, тёплое, доброе, что ей катастрофически нужно было услышать и про что она не верила, что когда-нибудь может такое услышать.

— Шрамы! — буркнул он тоном «Великое Пламя, почему меня окружают люди без мозгов!»

Он повернул её лицо к себе полностью — ей ничего не стоило бы вырваться или оттолкнуть его теперь правой рукой, но она этого не сделала, — и заглянул ей в глаза — именно в глаза.

Все, кто смотрели на неё в эти дни, всегда фокусировались на правом глазе — чтобы поймать её взгляд. Райтэн один смотрел так, как будто никакой повязки вообще не было — или как будто повязка эта не мешала ему видеть и второй глаз тоже.

Олив сразу и очень остро почувствовала разницу: сама манера такого взгляда словно подчёркивала, что с нею всё полностью в порядке.

— Се-Стирен, — серьёзно и с глубоким чувством в голосе сказал Райтэн, — тебя никакие шрамы никогда не испортят.

— Правда? — не смогла удержать она жалобного вопроса, наполненного надеждой.

— Конечно, — убеждённо подтвердил он. — Они, напротив, подчёркивают твой боевой характер.

Олив фыркнула — фраза, на самом деле, была так себе, не то, что положено говорить девушкам в такой ситуации, — и именно то, что фраза была «так себе» и очень «тогнаровской», убедило её в том, что он говорит так не потому, что так надо сказать, а потому, что так и думает.

— Это просто другой тип красоты, — продолжил уверенно разглагольствовать Райтэн, — и он тебе куда больше к лицу!

И, видимо, чтобы подчеркнуть искренность своих утверждений и то, как она дорога ему, он наклонился и поцеловал её в висок — рядом с одним из рубцов.

Олив дрогнула.

Рубцы уже не болели, только чесались порою распрозверски, но там, где они сходили, кожа была особенно нежной и чувствительной, и прикосновения мягких тёплых губ к ней оказались пронзительно приятными.

Она уже сама повернула к нему левую сторону лица, подставляясь под его губы — ей очень хотелось чувствовать его прикосновения снова — и он осторожно принялся покрывать её поцелуями, пытаясь каждым передать то, что она прекрасна, удивительна и дорога.

Прикрыв глаза, взволнованная Олив упивалась этой нежностью — ей чудилось, что он целует её в самое сердце, с каждым поцелуем облегчая ту горечь, какой оно переполнялось.

Спускаясь по рубцам ниже, Райтэн неизбежно добрался до губ — он не попытался вовлечь её в настоящий поцелуй, просто скользнул своими губами по её, мягко, почти невесомо — она задрожала от этой мягкости — а он уже переключился ниже, к подбородку, шее. Параллельно левая рука его скользнула вверх по здоровой стороне лица — пока он не зарылся пальцами в её волосы.

Он не пытался её соблазнить; он пытался передать ей то ощущение глубокого, искреннего восхищения, какое она в нём рождала, он пытался сказать ей, что она ему не просто дорога, а драгоценна, что...

Следование губами по рубцам вниз неизбежно привело его к кромке платья — и он бесхитростно сдвинул его с её плеча, просто потому что оно мешало целовать дальше, а целовать её дальше очень и очень хотелось.

Райтэн умудрился соблазнить её именно потому, что не имел намерения соблазнить. Ей

было больно и плохо — и ему хотелось утешить её, успокоить, укутать своей нежностью и заботой. А она ужасно, мучительно нуждалась в этой нежности и заботе — поэтому жадно ловила каждый поцелуй, каждую ласку. Всей душой раскрываясь перед ним, она даже не заметила, когда и вообще лишилась платья — знаете ли, одежда очень раздражает и крайне мешает, когда вас так нежно целуют!

Оба они не планировали становиться любовниками — всё получилось как-то само собой. Он просто хотел отдать ей всю свою нежность — она просто хотела принять его со всей этой его нежностью.

Ни у него, ни у неё никогда раньше не было близости настолько осторожной и медленной — Райтэн был скорее склонен к страстным неудержимым порывам, а опыт Олив и вообще свидетельствовал, что все мужчины в этом вопросе исключительно грубы.

Они оба были ошеломлены и опрокинуты этой близостью.

Олив пришла в себя первой, и первым овладевшим ею чувством стал страх.

Это был иррациональный, панический страх женщины, которая видела от мужчин лишь дурное и ожидала от них лишь предательства и боли.

И ей было так страшно, что Райтэн теперь тоже её предаст и тоже причинит ей боль — как это делали вообще все мужчины в её жизни — что она поспешила сработать на опережение.

Райтэн опомниться не успел, как ему к шее приставили нож и с возмущёнными обвинениями вытолкали за дверь.

В виду того, что одна рука у неё всё-таки была повреждена, выталкивать у неё получалось не очень, но Райтэн был настолько ошеломлён резким переходом, что не додумался оказать сопротивления, и в себя пришёл, только когда обнаружил перед своим носом запертую дверь.

За дверью явно плакали.

— Олив! — дёрнул он за ручку.

Из-за двери раздался совершенно непечатный посыл.

— Да Олив же! — он досадливо пнул дверь, не понимая, что происходит.

В ответ его накрыли трёхэтажным матом.

Поморгав, Райтэн прикинул, каковы его шансы дверь выбить — и пришёл к выводу, что вряд ли у него это получится. В его доме двери были крепкими на совесть.

«По стремянке через окно, — наметил план действий он. — Или, может, Илмарт вышибет».

Оставлять явно неадекватную Олив было страшно, но он здраво рассудил, что договариваться через дверь — дурная идея, поэтому отправился вниз, к друзьям.

11. Для чего человеку нужны друзья?

— Она там заперлась и плачет.

Негромкий ломкий голос Райтэна прервал бурную дискуссию касательно составления подробной легенды к очередной карте.

Илмарт и Дерек тревожно переглянулись. Одновременно перевели взгляд на Райтэна — он казался слишком опрокинутым и серым, чтобы посчитать, что с ним всё в порядке, — переглянулись снова и кивнули друг другу.

— Так, садись-ка, — уверенно вскочил Дерек, подвигая бледному замершему Райтэну стул и что-то наливая.

— Я посмотрю, — пообещал Илмарт, хмурясь от тревоги за подругу, и пошёл наверх.

Обнаружил запертую дверь и тихие всхлипы за ней.

— Олливи? — громко спросил он, стучась.

Всхлипы смолкли.

— Олливи, можно зайти? — терпеливо спросил Илмарт, раздумывая, что будет делать, если нет.

— Сейчас, — глухо раздалось из-за двери, и через несколько секунд она всё же открылась.

Проволочка была вызвана тем, что Олив искала своё платье; надеть она его, впрочем, не успела, и прижимала теперь к себе спереди, закрываясь.

Илмарт недоуменно сморгнул. Голая Олив никак не вписывалась в его ожидания, но ещё больше туда не вписывался Райтэн в качестве насильника.

«Бред какой-то», — недовольно охарактеризовал он ситуацию внутри себя, сорвал с кровати покрывало и завернул в него Олив, попутно отбирая у неё платье. Подумав чуть, сел на кровать и устроил её у себя под боком, тщательно оберегая сломанную руку.

Олив вжалась в него и замерла, успокаиваясь. Он был единственным, кому она верила, потому что он один понимал её, как никто другой.

За эти минуты она уже успела здорово накрутить себя.

Она подумала, что Райтэн, верно, давно хотел её соблазнить. В её голове всё тут же «сошлось»: мол, сперва он боялся гнева тестя, а потом ждал, когда она достаточно поправится, чтобы спать с нею не было противно. И вот, как только случай представился — он тут же наплёл ей Бог весть чего, лишь бы добиться своего!

У неё, определённо, тем больше «сходилось», чем больше она убеждалась, что то, что он ей говорил сегодня, было именно тем, что ей особенно хотелось услышать.

Именно из-за того, что он сказал всё то, то ей особенно требовалось, и действовал с той нежностью, в которой у неё была особенно острая потребность, она тут же и укрепилась в выводе, что он всё подстроил нарочно — и она совершенно в этот момент не учитывала, что совсем не в характере Райтэна поступать лицемерно. Её страхи были слишком сильны, чтобы оценить ситуацию рационально, и она полностью поддалась своим эмоциям.

Илмарт молчал, пытаясь разобраться, что же, всё-таки, произошло. Отбросив версию «Тогнар — насильник» — поскольку она вообще никак не вписывалась ни в характер Райтэна, ни в контекст ситуации, — Илмарт стал раздумывать над версией «Олив пыталась соблазнить Тогнара, а тот ей отказал». Несмотря на некоторую абсурдность, это был единственный вариант, который объединял все вводные хоть во что-то приличное.

Подождав с минуту и убедившись, что ни новых слёз, ни объяснений не последует, Илмарт попробовал прояснить ситуацию вопросом:

— Так мне Тогнара совсем убивать — или просто поломать что-нибудь?

— Сама убью, — буркнула ему в грудь Олив и обиженно прибавила: — У-урод!

С философским видом вздохнув, Илмарт погладил её по волосам и попробовал прощупать степень остроты конфликта уточнением:

— Может, не урод, а просто дурак?

— Мерзкий, гадкий, подлый лицемер! — вместо того, чтобы успокоиться, завелась Олив, пытаясь этими характеристиками выразить всю боль от осознания того факта, что она повелась на красивые слова и поверила очередному мерзавцу, желающему поскорее добраться до её тела.

Илмарт мысленно присвистнул: картинка совсем перестала сходиться. Как Райтэн успел ещё и в лицемеры-то заделаться?

— Не хило! — выразил он своё удивление списком титулов и степенно велел: — Рассказывай!

Олив буркнула что-то невнятное и протестующее — рассказывать о том, какой дурой она оказалась, ей, совершенно точно, не хотелось. Было слишком стыдно — за собственную дурость — и слишком больно.

— Рассказывай, — ободряюще ткнул её в бок он. — Вон сколько яду накопила, нужно сливать, пока сама не отравилась.

Ему удалось вызвать этим у неё смешок. Впрочем, она ничего не ответила. Он не торопил и молча гладил её по голове.

Наконец, она признала внутри самой себя, что в сердце у неё слишком много горечи, и ей слишком больно и обидно, чтобы носить всё это в себе, ни с кем не поделившись. Поэтому она решила признаться.

— Я дура, — начала она с многообещающего вступления. — Он мне наговорил кучу красивых глупостей, чтобы затащить в постель, а я и развесила уши. Только после и дошло...

Илмарт задумался. Райтэн, который запудривает девушкам мозги, чтобы переспать с ними, конечно, выглядел чуть пореалистичнее, чем Райтэн-насильник, — но всё ещё слишком неправдоподобно.

— Что за красивые глупости хоть? — решил разжиться подробностями Илмарт. В конце концов, ему было даже и просто интересно, что такого можно наговорить Олив, чтобы она, со своей прагматичной недоверчивостью, на это повелась.

Олив тяжело и болезненно вздохнула и принялась тоскливо перечислять:

— Что я всё равно красивая, и что шрамы меня не испортят. И всё равно ловкая, даже если без глаза. И вообще... — она шмыгнула носом. — Что у меня х-характер... — она всхлипнула. — И с-сила духа! И что я... удивительная... — тут ей стало особенно обидно, потому что всё, что она сейчас перечислила, теперь казалось ей таким жалким, таким очевидно пустым и бессмысленным — то, что каждый мужчина говорит любой женщине, лишь бы её соблазнить, — и ей сделалось мучительно больно, что она повелась на этот старый, как мир, обман.

Между тем, Илмарт понимал всё меньше.

— Постой, — вмешался он в её речь. — То есть, ты считаешь, он тебе всё наврал, чтобы в постель затащить?

Он даже не мог сказать, что в этой истории поражало его больше: предположение, что

Райтэн пользуется такими трюками, предположение, что Олив ведётся на такие трюки, или же то, что очевидно правдивые утверждения она называет ложью.

— Да! — вспыхнула, меж тем, она, злясь на себя и на него. — А я и рада слушать! Сидела тут как дура! — она даже подскочила у него под боком от возмущения собственной глупостью. — Он врёт, а я и рада!

— Олливи, — осторожно прервал её Илмарт. — А почему ты считаешь, что он врал?

Она ошарашенно повернулась к нему, ловя его взгляд:

— Но это же очевидно, Май! — обиженно и разочарованно заявила она. — Он же просто говорил то, что мне хотелось услышать!

Илмарт сморгнул. Затем аккуратно уточнил:

— То есть, ты злишься, что переспала с ним из-за того, что он наговорил того, чего тебе хотелось услышать, да?

— Да. — Более чем недовольно подтвердила Олив, отворачиваясь от него.

Илмарт размышлял минуты две, потом начал говорить тихо и спокойно:

— Ну не знаю, врал там тебе Тогнар или нет. Но точно готов подтвердить, что ты очень, очень красивая, Олливи — дух захватывает на тебя глядеть! Никакие шрамы, даже и на лице, тут не испортят дела — скорее даже подчеркнут трогательную уязвимость твоей женственности, — Олив аж рот приоткрыла, удивлённая такой проникновенной поэтичностью. — Насчёт ловкости и говорить нечего — да даже отними у тебя оба глаза, ты и совсем без них будет грациозней, чем большинство женщин! А уж характер и сила духа! — он даже глаза закатил, показывая степень своего восторга. — О, Олливи! Ты не представляешь, насколько ты божественна. Я не шучу, — серьёзно покивал он. — Ты знаешь, у меня на родине много сильных женщин — но, честно, ни одна из них никогда не восхищала меня так, как ты, — Олив совсем растерялась под этим потоком дифирамбов.

Он замолчал, выждал несколько секунд и уточнил:

— Ну?

— Что? — не поняла она, поднимая на него растерянный взгляд.

— Что — что? — подвигал он бровями. — Уже готова со мной переспать, или нужно ещё повосхищаться?

Олив вытаращилась на него с глубоким недоумением.

— Ну, Олливи! — недовольно объяснил он, проводя пальцем по её лицу. — Ты только что сказала, что спишь с теми, кто говорит вещи, которые ты хочешь слышать. Или, — он обиженно нахмурился и комично возмутился: — Я не те вещи наговорил?

— Май! — возмущённо ткнула она его кулаком в грудь. На лице её ясно читалось: «Ты дебил?!»

— Между прочим, — с постным выражением лица отметил он, — я сказал чистую правду! Вот те крест! — и решительно перекрестился.

— Май!.. — теперь её голос звучал жалобно.

— Нет, ну вы посмотрите! — разыграл возмущение Илмарт. — У Тогнара, значит, работает, а мне — шиш!

Она невольно улыбнулась — так талантливо он отобразил своё возмущение.

Он подождал ещё и деловито продолжил:

— Предлагаю для чистоты эксперимента ещё Анодара позвать. Уверен, он тоже наговорит всяких приятных вещей, которые ты хочешь услышать!

Она хмыкнула: воображение её тут же дорисовало, как эмоциональный и живой Дерек горячо заверяет её в многообразии её достоинств.

Почему-то, в самом деле, она не почувствовала при этом никакого желания переспать ни с Дерекком, ни с Илмартом.

— Так что, зовём? — чуть тряхнул её за плечо друг. — Или ты всё-таки готова признать, что дело не в словах, а в том, что ты давно на него запала, а?

— Эй! — возмущённая Олив ударила его кулачком в плечо. Учитывая общий уровень накаченности его мышц, пострадал скорее кулачок.

— Нет-нет, Олливи, давай быть последовательными! — благородно возмутился он. — Тут явно одно из двух: либо ты спишь со всеми, кто говорит тебе красивые вещи, либо ты спишь именно с Тогнаром, и тебе безразлично, что именно он говорит. — Пожевав губами, он добавил: — Зная Тогнара, вообще сомневаюсь, что он высказал всё это так уж красиво, да?

Олив фыркнула, признавая его правоту.

— И готов поставить на то, — продолжал Илмарт, — что где-нибудь в процессе он ещё и заявил, что у тебя нет мозгов.

Олив искренне расхохоталась, узнавая в этом реплике Райтэна несомненно и чётко.

— Вот! — наставительно поднял палец Илмарт. — Кто ж так девушек соблазняет? Ты правда думаешь, что он всерьёз полагает, что его инсинуации по поводу мозгов звучат соблазнительно?

Тут уж они рассмеялись уже хором.

От этого разговора Олив стало гораздо легче на сердце. Во-первых, конечно, от того, что она пришла к выводу, что Райтэн и впрямь не имел цели задурить ей голову, а во-вторых — потому что, судя по всему, все трое её друзей находят её сильной и смелой, и её раны ничего тут не меняют.

— Ну так что? — меж тем, ворвался в её размышления Илмарт. — Снимаем обвинения в лицемерии — или отлавливаем Тогнара и пытаем?

— Ну хорошо, — уступила Олив. — Не лицемер! — а затем добавила с мстительным наслаждением в голосе: — Просто охочая до женских прелестей скотина!

Илмарт аж поперхнулся подготовленной было весёлой фразой, но решил, что на сегодня ему хватит лавров защитника угнетённых, и дальше Тогнар пусть уж сам разбирается, скотина он или нет.

— Спасибо, Май, — успокоившаяся Олив ожила настолько, что чмокнула его в щёку перед тем, как выкрутиться из его рук и встать.

Он рассмеялся.

— Что за несправедливость! — пожаловался сквозь смех. — Я старался-старался — и вот моя пустячная награда! А Тогнару, понимаешь ли...

— Май! — взревела Олив, чуть не потеряв от возмущения покрывало и с трудом успевая его перехватить здоровой рукой.

— Я тебе до Второго Пришествия припоминать буду! — торжественно и весело пообещал Илмарт.

— Да поняла уж! — отмахнулась она, подбирая платье и глядя на него выразительно.

Подняв руки ладонями вверх, он встал и вышел. Вскоре она позвала его обратно. Приводя себя в порядок, она расчёсывала волосы перед зеркалом. Он, сложив руки на груди, некоторое время с удовольствием наблюдал за ней. Его так и подмывало снова начать

шутить на тему её неземной красоты и обворожительных шрамов, но он решил не портить ни себе, ни ей удовольствие, и пользоваться этим приёмом лишь изредка, чтобы он не успевал надоесть.

Наконец, расчесавшись, она нахмурилась и, повернувшись к нему, сказала:

— Я домой хочу, Май. Как думаешь, он меня отпустит?

— Тогнар? — с большим недоумением переспросил Илмарт.

Она кивнула.

Он подумал, что на рабовладельца Райтэн похож не больше, чем на насильника.

— Олливи. — Он постучал себя пальцем по лбу, намекая, что с мозгами у неё сегодня и впрямь что-то не так. — Как он может тебя не отпустить?

Олив заморгала, покраснела, начала оправдываться:

— Ну, закатит ещё скандал, или начнёт ко мне под окна являться!

Илмарт наклонил голову набок. Поразглядывал её. Затем пообещал:

— Я с ним поговорю. Обойдётся без скандалов и окон.

Почему-то в этот момент она почувствовала некоторый укол разочарования — словно и скандалы, и простаивания под окнами были для неё чем-то желанным. Тряхнув головой, она отогнала эти эмоции и попросила:

— Да, ты поговори, пожалуйста. Я... — она замялась, но призналась ему прямо: — Я не готова пока с ним... видеться.

— Конечно, Олливи, — спокойно кивнул он.

Спустившись вниз, он обнаружил, как Дерек отпаивает Райтэна то ли чаем, то ли коньяком. На него устремили два обеспокоенных взгляда.

— Всё нормально! — поднял руки Илмарт, успокаивая. — Понизили тебя со звания мерзкого лицемера до просто скотины.

Райтэн беспомощно заморгал. Он не понимал, чем заслужил такие обвинения, и ему было чрезвычайно больно это слышать.

— А почему он был лицемером? — заинтересовался Дерек.

— Потому что, — занимая своё место за столом, охотно объяснил Илмарт, — заявил, что такую женщину, как она, никакие шрамы не испортят.

Райтэн открыл было рот, чтобы высказать свои возмущения, но Дерек его опередил:

— А! — понятно протянул он, затем вдруг подорвался и вскочил: — Слушай, да что ж это она так...

— Да не беги ты! — со смехом остановил его Илмарт. — Уже вроде убедил.

Понятливо кивнув, Дерек сел на место.

Через некоторое время Райтэн тихо и потерянно спросил:

— А почему я скотина?

Ему и в голову не могла прийти та интерпретация, которую выдумала Олив. Для него произошло нечто совершенно особенное, переход на новый уровень отношений — сокровенных и глубоко дорогих ему отношений — и он не понимал, почему женщина, ставшая для него особой, теперь так яростно отвергает его.

Илмарт пожал плечами и потянулся за то ли чаем, то ли коньяком:

— Откуда я знаю? Твоя женщина, ты и выясняй.

Он, в отличие от Олив, как раз не испытывал никаких тревог и сомнений. Давно наблюдая за ними обоими, он уже несколько недель как пришёл к выводу, что между ними

зародились глубокие чувства, и был весьма рад за подругу, поскольку, с его точки зрения, Тогнар уж точно сумеет дать ей всю ту любовь и заботу, в которой она так нуждалась.

Лицо Райтэна приобрело решительное выражение: он явно собрался бежать и выяснять всё прямо сейчас, так как этот вопрос был слишком важен для него, поэтому Илмарт добавил:

— Только попозже, ладно? — и на вопросительный взгляд пояснил: — Ей нужно пока всё это обдумать. Не лезь, пожалуйста.

Райтэн упрямо нахмурился. Ему требовалось сейчас же вскочить и помчаться всё выяснять.

Илмарт и Дерек переглянулись.

— В самом деле, Тэн, — вступил в разговор второй. — Ей нужно время. Ты знаешь, женщины такие вещи воспринимают острее...

Райтэн посмотрел на него настолько пронзительно, что Дерек подавился фразой.

— Слушай, Тогнар, — пришёл ему на выручку Илмарт, — никто тут не сомневается в твоей способности глубоко и искренне чувствовать, и всякое там, — помахал он руками в воздухе. Затем вздохнул и добавил: — Но ей, наверно, и впрямь раньше одни скотины попадались. Дай ей возможность самой дойти до мысли, что ты не они.

Лицо Райтэна закаменело: должно быть, вообразил себе всех тех скотин.

— Ты её своим напором только напугаешь, — заметил Дерек. — Притормози.

Он заметил равнодушие друга к Олив ещё во время путешествия по Северной Анджелии, и, как и Илмарт, полагал, что развитие этих чувств — лишь вопрос времени.

Мысль о том, чтобы отказаться от напористой стратегии, далась Райтэну с трудом, но он признал, в конце концов, со смирением, что в случае с Олив это будет наилучшим решением. Ему важнее были её чувства, чем незамедлительное доказательство своей правоты.

Гроза грянула, когда Илмарт сообщил, что Олив хочет перебраться к себе.

— Что! — вскочил Райтэн, не в силах удержать в себе тревогу за неё. — Да там же ей никто и не поможет!..

Удерживать его пришлось в четыре руки.

В конце концов, они, пусть и не без труда, уговорили его перестать пороть горячку и просто подождать, когда она будет готова поговорить с ним сама.

С трудом, со скрипом и с возмущениями — но он согласился.

12. Что значит «семья»?

Уже на второй день Олив сильно разочаровалась в своём плане «уехать к себе и затаиться», потому что у себя оказалось смертельно скучно. В доме Тогнарлов постоянно что-то происходило — кто-то приходил, кто-то уходил, что-то обсуждали, куда-то неслись.

У Олив не происходило ничего: её только навещал Илмарт, да обещалась зайти Айлэнь — но в потоке её забот было неясно, когда она найдёт время.

К концу недели Олив, определённо, была готова взвыть, потому что единственным светлым пятном в этой череде скуки стала борьба с врачами за освобождение руки от фиксации. Победить удалось, но настроение от этого не улучшилось ни капли.

Более того, Олив стала ловить себя на том, что ужасно обижается, что Тогнар-таки под её окнами не простаивает — ну и мало ли, что она сама просила! Мог бы и не послушать! Тоже мне, герой-любовник! Никогда никого не слушает и всё делает по-своему, а тут, видишь ли!..

В общем, когда к концу недели к ней явился Дерек, она изрядно обрадовалась, восприняв его, в первую очередь, как парламентаря.

Дерек, однако, её в этом разочаровал: болтал он весело и непринуждённо обо всём на свете, но каким-то мистическим образом умудрялся притом так умело избегать всякого упоминания Райтэна, как будто того и вовсе не существовало на свете.

Олив даже попыталась как-то исподтишка сама вывернуть на интересующую её тему, спросив, что там с планами на северную торговлю, но Дерек, хитро блеснув глазами, так ловко повёл разговор, что, казалось, сам организатор всей движухи в деле и вообще не участвует.

С досадой осознав, что визитёр твёрдо намерен и дальше играть в игру «нет у меня никакого лучшего друга, и никогда и не было!», Олив, вздохнув, спросила прямо — постаравшись, впрочем, всем своим тоном выразить абсолютную независимость и полную незаинтересованность вопросом:

— А что там Тогнар?

Совершенно невозмутимо и естественно Дерек переспросил:

— Который из? — чуть подумав, добавил: — Или которая?

Олив вспыхнула.

Дерек тихо рассмеялся, потом с мягким весельем в голосе отметил:

— Серьёзно, Олив, такое чувство, что у тебя язык обдерёт, если ты назовёшь его имя!

Она насупилась от того, что её уличили, — но Дерек улыбался так светло и искренне, что ей стоило больших трудов удержать ответную улыбку, и, в конце концов, она не выдержала и рассмеялась тоже.

Он, наконец, перешёл к теме:

— Просил передать тебе письмо.

Олив заинтересовано подняла брови.

Вместо того, чтобы что-то передать, Дерек в ответ вопросительно поднял свои.

— Ну и?.. — нетерпеливо поторопила Олив, чуть ли не подпрыгивая на своём стуле.

Дерек скорчил физиономию «о чём вы?»

— Письмо где? — прямо выразила свой интерес она.

Он махнул рукой:

— Я его сжёг.

Олив аж рот раскрыла от изумления и возмущения.

Насладившись её досадой, Дерек рассмеялся и пояснил:

— Серьёзно, Олив, это было самое худшее извинение перед женщиной из всех, какие можно себе вообразить! — закатив глаза, он принялся нараспев по памяти читать: — «В связи с фигурировавшим между нами досадным инцидентом эксплицирую мадемуазель свою глубочайшую кондоленцию...» [1]

Жалобно сморгнув, Олив переспросила:

— Экплицирую?

— О! — вернулся в реальность Дерек. — Так это не по-райански? — Олив покачала головой. — А я думал! — хлопнул он себя по колену. Помолчав, добавил: — В общем, не понимаю, как из таких прекрасных черновиков выросла вот эта... кондоленция, — пробормотал он, сдобрив последнее слово матерным обрамлением.

— Черновики? — жадно переспросила Олив, выхватив из его речи главное.

— Да, черновики были прекрасны, — задумчиво пробормотал Дерек, уходя в себя, но, почти сразу спохватившись, весело сказал: — Собственно, именно поэтому я их и стырил!

С этими словами он достал из-за пазухи небрежную стопку разномастных листочков и пододвинул их по столу к Олив.

Та почувствовала, как горло перехватывает эмоциями. Рваные летящие каракули — рука Райтэна явно не успевала за его же мыслью — показались ей сокровищем. Что-то порванное, что-то недописанное, что-то оборванное на полуслове — искреннее, как сам Райтэн.

Она протянула было руку — взять верхний листочек, с которого на неё смотрел обрывок фразы «...ты ведь можешь просто сказать, как есть, зачем...» — но, когда она потянула за него, под ним обнаружилось оборванное: «Олив, милая» — и сердце её забило совсем уж отрывисто, и она подумала, что записи эти, определённо, является слишком личными и сокровенными, а Дерек, если верить его словам, их попросту «стырил» — и Райтэн, скорее всего, даже не знает, что он их ей притащил, и что ему будет больно, досадно и неловко, если она всё это прочтёт, потому что он, наверно, не хотел бы, чтобы она это читала.

Резко отпихнув от себя соблазнительную стопку, она с трудом выдавила из себя, отворачиваясь:

— Я не могу так, за его спиной. Не надо.

Этот отказ дался ей нелегко; ей ужасно, ужасно, ужасно хотелось схватить эти листочки и скорее прочитать их все, и перечитать снова, и снова.

— Эм, Олив, — привлёк её внимание смущённый голос Дерека. — Ты же не можешь в самом деле думать, что я своровал его письма, не спросясь, и притащил к тебе без его согласия?

Она покраснела, потому что, конечно, именно так она и подумала.

— Нет, — задумчиво отметил Дерек, — возможно, конечно, он не был в восторге от моей идеи, но его несколько истеричное «Да делай ты с ними что хочешь!» можно расценивать как согласие, ведь так?

Дерек умолчал о том, что до сакраментального «Да делай ты с ними что хочешь!» они минут пять орали друг на друга: Дерек — за «кондоленцию», которая так чудовищно контрастировала с истинными чувствами друга, Райтэн — за сожжение этой кондоленции, которая казалась ему вершиной дипломатической переписки.

— Определённо, можно, — глухо согласилась Олив, загребая себе всю стопку и рисуя

на лице раздражённое выражение, мол, пора бы гостю и честь знать.

Понимающе хмыкнув, Дерек засобирался, на прощанье отметив:

— Мы завтра на ярмарку идём, за тобой зайти?

На её лице отразилось явное замешательство. Ей очень хотелось пойти — и столь же сильно не хотелось это признавать.

Он закатил глаза.

— Олив, ты можешь просто с ним не говорить, если не хочешь! — терпеливо объяснил Дерек.

— Зайдите, — буркнула она, с нетерпением ожидая, когда он, уже, уйдёт — чтобы поскорее ознакомиться с содержанием прижатых к груди строчек.

...анжельцы праздновали наступление нового года ровнёхонько в день середины весны — и празднество это сопровождалось недельными гуляньями и ярмарками. Весь центр Кармидера преобразился, украшенный ранними цветами и яркими лентами, наполненный музыкой и смехом. Там и сям показывали разные диковинки, устраивали соревнования и игры, развлекались и веселились.

Олив жила на окраине, поэтому как-то упустила всю суету, а про праздник и вовсе забыла — на её родине год отсчитывали с началом осени, с наступлением церковного новолетия, открывающего годовой круг богослужений. В прошлый год, она, однако, ходила на празднества с Илмартом, и ей там весьма понравилось, так что — убеждала она себя — вполне естественно будет теперь пойти всем вместе.

Ей было неловко, потому что она не знала, как теперь вести себя с Райтэном — особенно после писем, которые оказались и впрямь запредельно личными, — и пуще того, она не хотела признаваться самой себе, что именно Райтэна и ждёт особо.

В общем, когда друзья за ней зашли, она вполне уверенно обняла Илмарта, смешалась на Дереке и совсем раскраснелась, когда дошёл черёд до Райтэна — и так и не решилась ни обнять, ни даже поднять на него взгляд, а только пробормотала куда-то себе под ноги:

— Привет.

— Привет, — спокойно согласился он, запихивая руки в карманы и задумчиво её разглядывая.

Спокойствие далось ему нелегко — хотелось послать всех к демонам, затащить Олив куда-нибудь в тихое место и нормально поговорить по душам.

Илмарт и Дерек переглянулись и с синхронными вздохами возвели глаза к небу. Райтэн бросил на них мрачный выразительный взгляд. Олив закусил губу, и, старательно не глядя на Райтэна, решительно отправилась вперёд по той улочке, которая вела в центр.

Дальше она продолжила придерживаться стратегии избегания, активно беседуя с Илмартом и — иногда — с Дерекком.

Райтэн молчал, но ей казалось, что она кожей чувствует его присутствие и его взгляд и может с несомненной отчётливостью указать, где именно он сейчас находится — даже если это место было вне поля её зрения. В конце концов, не выдерживая напряжения, которое всё росло в ней, она стала оглядываться — чтобы убедиться, что он именно там, где ей кажется, — и всегда неизменно сталкивалась с тем, что он смотрит именно на неё. Досадливо фыркая, она отворачивалась, пыталась увлечься разговором или тем, что происходило вокруг — а здесь было много всего яркого и интересного! — но в итоге, не выдерживая, снова оборачивалась на него.

— Тебе больше смотреть, что ли, не на что, Тогнар! — наконец, раздражённо высказала ему она.

Он сложил руки на груди, окинул её вкрадчивым взглядом с ног до головы и спокойно, почти отстранёно, отметил:

— Может, мне просто на тебя смотреть интереснее всего, Се-Стирен?

Олив открыла было рот — сказать что-то язвительное — но некстати вспомнилось, как он целовал её, и ещё более некстати всплыли в памяти строки из давешних черновиков.

Покраснев до корней волос, она резко отвернулась и отправилась покупать жаренные колбаски.

Дерек сочувственно похлопал Райтэна по плечу:

— Держись, дружище!

Тот недовольно скривился. Он, решительно, не понимал, почему нельзя просто поговорить и зачем нужно разыгрывать все эти «я не знаю, как теперь себя вести» сценарии. Метания Олив заставляли его чувствовать себя неуверенно. Он, с одной стороны, понимал, что вроде как нравится ей, но, с другой, оставалось неясно, захочет ли она развивать отношения с ним. Её нынешнее поведение говорило о том, что — нет, не захочет. Что она жалеет, что допустила близость с ним, что он ей нежеланен и не нужен, и теперь она не знает, как от него отделаться.

Мучиться этими мыслями было кошмарно, но он всё же предпочёл бы ясность в этом вопросе, прямой разговор и чёткое решение, — а вот Олив, кажется, напротив, выбрала окутать всё самым беспросветным туманом. Райтэну хотелось закончить с метаниями сразу и чётко — да или нет! — но и Дерек, и Илмарт в один голос уверяли его, что, если он сразу и резко поставит вопрос перед Олив, то получит только испуганный отказ, потому что ей требуется время, чтобы решиться. Они оба полагали, что она может решиться — и что ему не следует её торопить.

Доверившись друзьям, Райтэн стискивал зубы, крепился и держал себя в руках.

Благодаря той сдержанности, которую он всё же сумел продемонстрировать, Олив почти перестала от него шарахаться, и во второй половине дня даже пару раз вступила с ним в разговоры. Он полагал это успехом.

Вечером они проводили её домой. Она благополучно обняла Илмарта, столь же благополучно обняла Дерек и опять запнулась об Райтэна. Он с мученическим видом возвёл глаза к небу и подал ей руку для пожатия — она с облегчением схватилась за эту руку; едва соприкоснувшись ладонями, они замерли.

Олив с раздражением подумала, что никогда до этого не замечала, что рукопожатие, в самом-то деле, весьма интимный процесс! И касаться голой руки мужчины своей обнажённой рукой — это, определённо, что-то весьма эротичное! Ей даже подумалось, что лучше бы она его обняла — по крайней мере, так можно было спрятать лицо, а теперь, она уверена, ей нипочём не скрыть от него своё смущение и свою реакцию на их рукопожатие.

Она подняла на него настороженный взгляд, чтобы оценить его реакции; он по-прежнему смотрел на неё не так, как это делали все остальные, фокусируясь на правой стороне лица, а словно бы повязка не мешала ему видеть и второй глаз.

С минуту они так и пялились друг другу в глаза; затем переплелись пальцами.

— Валим! — одними губами сказал Дерек Илмарту, и оба они благополучно отступили в переулки.

Глазеющая друг на друга парочка этого совсем не заметила: они были заняты тем, что гладили друг другу пальцы. Ощущение от такой ласки было, определённо, слишком интимным; не выдержав, Олив сделала к нему шаг. Руки её легли ему на плечи; она потянулась губами к его губам — и они, наконец, поцеловались.

Это был их первый настоящий поцелуй, и он весьма им понравился.

Настолько понравился, что сразу за ним последовал второй, и третий, и дальше уже Олив просто затащила его к себе в дом, планируя самое жаркое продолжение — её опять унесло вихрем его нежности, и она не имела никаких сил сопротивляться этому вихрю и помышляла лишь о том, как отдаться ему полностью и всецело.

Впрочем, возня с ключами, сам процесс передислокации и зажигание света несколько остудили ей голову; поэтому, когда они оба оказались уже в её полукухне-полуприхожей, она снова растерялась и смутилась.

В её идеальной картине мира ему следовало подхватить её и потащить в кровать — там было бы не до смущения, и вопрос был бы решён. Но у Райтэна приоритеты были расставлены прямо противоположным образом: ему требовалось сперва, наконец, объясниться, а уж дальше — если объяснение пройдёт успешно — можно и продолжать с поцелуями. Потому что, как он справедливо полагал, если начать с поцелуев — в конце опять можно получить звание скотины, которая пользуется моментом и только об одном и думает.

Поэтому Райтэн попыток перемещаться в сторону спальни не предпринимал, а Олив чувствовала себя всё более неловко, потому что ей, как раз, обсуждать что-то совершенно не хотелось. Она была абсолютно, незыблема уверена, что объяснение, которое хочет сделать Райтэн, сведётся к «нам хорошо вместе, давай получать от этого удовольствие, но помнишь, что это просто развлечение».

Наконец, не дождавшись от неё инициативы в беседе, Райтэн попробовал завести разговор сам:

— Се-Стирен! — проникновенно начал было он, но Олив, которая осознала, что сейчас ей грозит услышать это «просто развлечёмся, ничего личного», поспешила опередить его и сделать вид, что это она использует его, и это ей не нужно ничего сверх постельного развлечения:

— А давай мы просто переспим и разойдёмся?

От неожиданности и обиды Райтэн поперхнулся несказанной фразой и растерянно заморгал. Затем надумал оскорбиться. Сложив руки на груди, он выпрямился и холодно спросил:

— И в каком это месте я похож на работника борделя?

Олив безудержно покраснела, беспомощно всплеснула правой рукой и почти бегом отступила вглубь кухни, где начала совершенно бессмысленно имитировать деятельность, переставляя какие-то тарелки и чашки, пытаясь за этой псевдодеятельностью скрыть своё смятение и смущение.

Понаблюдав за её метаниями, Райтэн остыл, потёр лоб рукой и сдержанно уточнил:

— И что такого страшного в том, чтобы просто поговорить?

Она замерла — с непорочной кружкой в руках. Аккуратно поставила её на место, повернулась к нему.

Ей некстати — точнее, как раз очень кстати, — вспомнился кусочек письма, в котором он обещал, что всегда её выслушает, и она может просто сказать как есть, не переживая о

том, что будет не понята или не услышана.

Это был ужасный, глубокий, раздирающий душу контраст: Райтэн был таким добрым, таким понимающим, таким нежным — и было мучительно, невозможно стать его любовницей и не погрязнуть всем сердцем в надежде на большее.

Она, совершенно точно, была неспособна высказать, что именно её пугает и тревожит — потому что, вопреки всем её защитам и стараниям, она уже всем сердцем погрязла в надеждах на любовь, и мысль, что он-то видит в ней лишь постельное развлечение и, получив своё, скоро остынет... и она останется не только с разбитым сердцем — она ещё и потеряет друга... а может, и друзей вообще — потому что Дерек, очевидно, встанет на сторону Райтэна...

Ни на минуту, ни на секунду Олив не допускала мысли, что может быть интересна Райтэну больше, чем просто случайная любовница, — потому, что ей отчаянно, глубоко и безудержно хотелось быть именно чем-то большим. Потому что для неё Райтэн и был уже этим чем-то гораздо большим — и тем страшнее было бы осознать, что для него она таковым не является.

Ей сделалось настолько мучительно, по-звериному страшно, что она, пожалуй, тут же и вытолкала бы его за дверь — да вот ноги отказывались держать. Всё, на что её хватило — опереться здоровой рукой на стол за своей спиной.

Райтэн чем дальше, тем меньше понимал. За эту неделю он передумал уже все на свете причины, какие, на его взгляд, могли бы повергать Олив в такие метания. Он даже думал было, что, может, не понравился ей как любовник — в конце концов, что ещё можно предположить, если женщина после близости с вами в слезах выставляет вас наружу, угрожая ножом?

Мысль об истинной причине её страхов в его голову даже не постучалась. У него, правда, в жизни хватало любовниц, с которыми он спал чисто для развлечения, но всё это были женщины, которым был по душе такой образ жизни и которые и не претендовали на серьёзную связь. Он отродясь не пытался соблазнить женщину — он всегда предлагал прямо и не настаивал, если получал отказ. Олив, ко всему, была не просто случайной женщиной, а боевой подругой — он бы в жизни к ней не прикоснулся, если бы не был готов к серьёзным отношениям и если бы не хотел этих самых отношений с ней. Это была бы подлость, а Райтэн не был способен на подлость и не предполагал, что она может считать его способным на неё. Поэтому он, в конце концов, пришёл к болезненной, подрывающей его уверенность в себе мысли, что он со всеми своими чувствами ей даром не сдался, и что она боится, что он начнёт давить и принуждать её к постоянным отношениям и к браку, а ей всего этого не надо и не хочется — ей его, Райтэна, не надо и не хочется.

Непонимание между ними было в высшей степени фатально. Ни один из них не мог заговорить о своих страхах первым, потому что оба они мучительно, безнадежно боялись быть отвергнутыми.

Если бы Олив осмелилась поделиться, что ей хочется большего, чем просто интимной связи, он тут же бы отдал ей всего себя с потрохами. Если бы он сам осмелился сказать, что просто боится, что он ей совсем не нужен и нежеланен, она тут же бы горячо разуверила бы его в этом.

Но всё, что у них получалось, — это глазеть друг на друга, и бояться, и отчаянно скрывать этот страх друг от друга.

Они бы, наверно, так и разошлись бы в этот вечер — каждый от имени другого отказал бы себе в любви — и, скорее всего, уже никогда бы не решились бы сойтись вновь, слишком уверенные в том, что их чувства не взаимны.

К счастью, небеса порой сжаливаются над такими идиотами и посылают им удачную случайность — в этот раз случайность эта вылилась из небес в прямом смысле слова: неожиданным ливнем. Райтэн, который уже всерьёз было думал уйти — ему была бесконечно унизительна мысль, что он навязывается женщине, которой он не нужен, — чуть вздрогнул, услышав, как подхваченные ветром потоки дождя забились в дверь и окно.

— Чаю? — тихо предложила Олив, невольно чувствуя радость от того, что не может теперь просто его выставить.

Оба они невольно обрадовались поводу побыть наедине ещё немного.

— Если позволишь, — согласился Райтэн и, не позволив ей заняться хлопотами, принялся сам разводить огонь.

Она молча наблюдала, как он возится с печуркой, чайником, заваркой. Ей в этот момент казалось, что не бывает красивее его рук, и что всё, чего ей хотелось бы — видеть эти руки каждый день. С чашкой, с банкой заварки, с чем угодно!

Она заплакала.

Руки его бессильно опустились.

— Это была редчайшая волшебная заварка, которую ты берегла для особого дня? — бесцветно спросил он, потому что фантазия его отказывалась предполагать, что в этот раз он сделал не так.

Она замотала головой и прижала ладонь к губам: с губ этих отчаянно, неудержимо рвалось признание в любви, и она пыталась вжать его обратно внутрь себя.

— Хорошо, — он сложил руки на груди и принялся играть в угадку. — Ты предложила чаю чисто из вежливости, и мне следовало благородно отказаться и уйти?

Она снова помотала головой.

— Ах да, — язвительно припомнил он свою обиду, — как это я забыл, что попал сюда только на правах работника борделя...

Договорить он не успел; она, резко перестав плакать, взвилась от возмущения и с криком:

— Да это тебе только работницы борделя и нужны! — зашвырнула в его сторону чашкой, которую держала в руках и, отвернувшись к нему спиной, попутно своротила ещё часть посуды на пол.

Чашка до него, впрочем, не долетела. Он вздрогнул от громкого звона и треска.

Порассматривал с большим удивлением её унылую спину, от которой так и веяло отчаянием.

Он был всё-таки весьма умён — и поэтому до него дошло.

— Се-Стирен, — за язвительностью в его голосе слышалось ласковое веселье, поскольку он весьма воспрял духом, осознав причину её обиды, — если бы ты позволила бы мне поговорить с тобой, а не выставляла бы меня за двери, грозя то ножами, то чашками, то, возможно, ты бы не чувствовала себя теперь работницей борделя, да?

Она пробормотала что-то упрямое и ругательное, пытаясь не позволить надежде разгореться в её сердце. Тщетно! От его ласкового тона, от его любящего взгляда, от его близости, наконец, надежда эта разгорелась самым ярким огнём, поглощая всё её сердце.

Он просто подошёл и обнял её со спины. За этим её упрёком, за этими летающими по

кухне чашками, за этими ругательствами, наконец, — он разглядел её собственный страх. И понял, что, если женщина так боится, что вы видите в неё лишь развлечение, она сама определённо, не видит в вас — лишь развлечение.

Он обнимал её очень бережно, тщательно оберегая повреждённую руку — в этой его заботе было столько нежности, что у неё задрожали губы.

Она с ужасом поняла, что слова любви снова отчаянно рвутся из её сердца наружу — и поспешно заменила их новой порцией ругательств.

Впрочем, ей ничего не удалось сделать с интонацией — так что Райтэн понял поток её ругани правильно и тихо рассмеялся.

— Я люблю тебя, Олив, — наконец, отважился он раскрыться первым.

Она замерла в его руках.

Затем не больно пнула его локтем под рёбра, пробурчав:

— Знаем мы такую любовь!..

Но он, не давая ей сбить себя с толку, продолжил гнуть свою линию:

— Выходи за меня, Се-Стирен.

Она взвилась и, повернувшись к нему, заявила раздражённо:

— Но это же мезальянс!

Ей теперь казалось, что он точно дурит ей голову — и было особенно обидно, что он делает это такими шаблонными, гадкими, бесчестными способами, как фальшивые признания в любви и пустые обещания жениться позже.

Такого возражения он совершенно не ожидал, поэтому в край опешил.

— Вообще-то, — обиженно и задето проговорил он, — Тогнары довольно знатный род!

В Анджелии не существовало института дворянства, поэтому он решил, что Олив, которая происходит из райанского дворянского рода, была недовольна именно этим.

На деле же Олив имела в виду прямого противоположное.

— Вот именно! — закатила она глаза. — Кто ты, Тогнар, и кто я! — на её взгляд, разница их положений безжалостно и бескомпромиссно обличала его ложь. — Что скажет твоя семья? — с горечью воскликнула она.

Он хотел ответить серьёзно, но не выдержал и рассмеялся.

Она обиженно оттолкнула его.

Отсмеявшись, он весело переспросил:

— Моя семья? Это мой старший брат, стало быть, который тебя обожает? Сестра, для которой ты пример и кумир? Отец, может быть, который сам вон пустился во все тяжкие не хуже тебя? Ах, остаётся Кэн, конечно, но кто ж его спрашивает, он же младший! — сочувственно покивал он головой.

Олив нахмурилась.

— Ну, допустим... — согласилась она, отводя взгляд, потому что тут возразить было нечего.

— Допустим — выйдешь? — деловито уточнил он.

— Допустим, да, — настороженно подтвердила она, не веря, что он это всерьёз, и пытаясь поймать его на лжи.

Удовлетворённо кивнул, он вернулся к двери, открыл её, выглянул наружу, оценил уровень непогоды — дождь ещё не закончился — присвистнул и резюмировал:

— Через пять минут можно идти.

— Куда это? — сложив руки на груди, настороженно поинтересовалась Олив, которая полагала, что после столь качественного задуривания её головы должна следовать собственно постель, а не походы куда-то, да ещё в дождь.

— Жениться, конечно, — любезно объяснил ей Райтэн.

— Тогнар, — холодно отметила она, — вообще-то, на дворе ночь.

— А вдруг ты к утру передумаешь? — насмешливо фыркнул он.

Взгляд его, радостный, светлый, наполненный глубоким чувством, прошёлся по всей её фигуре — и она по этому взгляду вдруг осознала, что он не шутит, не играет, что он в самом деле только что признался ей в любви и сделал ей предложение, и что она приняла это предложение — и это совсем вам не шутки!

Руки её растерянно и безвольно опустились вдоль тела.

«Да как же это так?» — бегая потерянным взглядом по окружающему интерьеру, спросила она саму себя, не понимая, не решаясь поверить, не зная, как быть, что думать и что чувствовать.

Мысль о том, как жить дальше, если она сейчас поверит, а потом окажется, что это была ложь, оказалась мучительна. Олив подумалось, что она не сможет такого вынести.

Нужно было решить вопрос сразу, сейчас — так она говорила себе, хотя защищаться было уже катастрофически поздно, потому что она уже поверила.

Ринувшись к нему, она крепко схватила его за руку и потянула наружу:

— Пойдём сейчас же!

Он, запрокинув голову, совершенно счастливо расхохотался.

— Тогнар! — почти прорычала она, дёргая его за руку вновь.

— Документы возьми, — весело и довольно напомнил он, и вскоре они, держась за руки, прямо под дождём помчались к тому домику, который Райтэн уже осаждал однажды.

В этот раз обитатель вышел на стук сразу и выглядел вполне презентабельно — он был поздней птицей.

— Тогнар? — нехорошо прищурился чиновник, чувствуя подвох — тащиться куда-то в дождливую ночь ему совершенно не хотелось.

Чутьё его не подвело.

— Нам пожениться надо, — рассмеялся Райтэн, прижимая к себе Олив.

— Ночь на дворе, — буркнул чиновник обречённо.

— Нам сейчас надо! — сквозь смех осчастливил его Райтэн.

Пробурчав что-то ругательное, чиновник с тоской обернулся на тёплый уютный дом, потом досадливо махнул рукой и вышел к ним под дождь.

В уже давно закрытую ратушу они вошли с чёрного хода. В этот раз, естественно, никакой старушки внутри не обнаружилось, и чиновник всё оформил сам.

Олив и Райтэн, переглядываясь в нетерпении, сдержанно фыркали.

Получив от Райтэна очередную взятку, чиновник пересчитал монеты и мечтательно заметил:

— Эх! Ещё бы тебе три жены — и я бы такой домик купил!..

Прежде, чем Олив успела возмутиться, Райтэн рассмеялся и со словами:

— Нет уж, эта — последняя! — отдал чиновнику весь кошелёк и потащил Олив наружу.

По дороге они ржали самым беспечным образом — кажется, их накрыла истерика после недели драматичных переживаний и страхов. Обоих чуть шатало, словно они были пьяны — кажется, ни один из них не успел до конца осознать, что всё действительно случилось, что

она приняла его, а он принял её.

Оказавшись на улице, Райтэн растерянно поглядел по сторонам и уточнил:

— К тебе или ко мне?

Олив тоже посмотрела по сторонам и заметила:

— Ко мне ближе!

Райтэн рассмеялся:

— Если ближе, то вон за тем углом у меня склад есть!

— Тогнар! — стукнула его по плечу Олив.

— А-а! — понятливо протянул он. — Ну так ты уж реши, нам куда ближе — или где кровать удобнее?

Она, захрюкав от смеха, уткнулась ему в грудь и решила:

— Давай к тебе, у тебя и впрямь кровать удобнее.

...кровать оказалась настолько удобной, что к завтраку они оба опоздали.

Поскольку и Дереку, и Илмарту хотелось узнать, чем вчера всё закончилось, с утра пораньше они заявили к Тогнарам и теперь завтракали в компании тётушки и Кайтэнь.

Совместное явление Райтэна с Олив произвело некоторый ажиотаж: Илмарт, хмыкнув, схватил свою тарелку и пересел на место, которое раньше занимал Райтэн, а Дерек попутно вытащил оттуда пустую тарелку для подошедшего друга.

Олив и Райтэн, оба улыбаясь ликующе, сели на торце.

Райтэн, впрочем, не усидел и минуты. Вскочив, он поднял, что было — за утренним столом бокалов не нашлось, так хоть стакан, — и торжественно провозгласил:

— У меня объявление!

На него устремились весьма благосклонные взгляды.

Откашлявшись, Райтэн было открыл рот, потом передумал, дёрнул за руку Олив, чтобы она тоже встала, окинул её радостным взглядом, опять открыл рот для провозглашения торжественной и красивой фразы, но в итоге рассмеялся и просто сказал:

— В общем, мы поженились.

Олив с улыбкой прижалась к нему крепче.

Несколько секунд стояла тишина.

— Как, опять без помолвки? — возмущённо спросила тётушка.

— Когда успели-то! — одновременно с ней цокнул языком Илмарт.

— Опять меня на свадьбу не позвал! — досадливо хлопнул по столу ладонью Дерек.

Все взгляды невольно обратились к Кайтэнь, потому что она единственная не высказалась.

Смутившись от всеобщего внимания, она встала и заметила:

— А я что? А я поздравляю! — задорно улыбнулась она в сторону новобрачных.

— Вот! — торжествующе заявил Райтэн, пиная Олив локтем. — А ты говорила!

Она, улыбаясь, уткнулась ему в плечо, чувствуя себя совершенно счастливой.

Началась обычная в таких случаях суэта — поздравления, объятия, пожелания.

Всё получалось как-то искренне и очень смешно: Илмарт, который напустил на себя вид отца невесты, Дерек, который возмущался, что его снова прокатили с ролью дружки, тётушка, которая ехидничала, что для них честь породниться со Се-Стиренами, Тэнь, которая, хлопая в ладоши, просила разрешения организовать для них самый-самый красивый праздник на свете...

Кармидерский дом Тогнаров всегда был слишком велик для одной немолодой уже женщины — это был дом, созданный для целой семьи.

И теперь в нём, наконец-то, жила семья — и сегодня у этой семьи был большой праздник, потому что и Олив, и Илмарт наконец поняли, что являются её частью.

1. Эксплицировать — выразить (книжное), кондоленция — сожаления (безумно устаревшее).

Книга четвёртая. Городские тайны. I. Пропасьть. 1. Какие проблемы подстерегают Джей-Ниро?

Книга четвёртая. Городские тайны

I. Пропасьть

644 год, весна-лето. Кармидер — Брейлин

Мужество есть лишь у тех,

Кто ощутил сердцем страх

Кто смотрит в пропасьть,

Но смотрит с гордостью в глазах.

Ария, «Беги за солнцем»

1. Какие проблемы подстерегают Джей-Ниро?

Всякий, кто взглянул бы на руки Джей-Ниро, сразу бы понял, что он джотандец: оскаленные волчьи морды заходили аж на внешние стороны ладоней. И пусть человек циничный не преминул бы отметить, что клан Белого Волка более не существует, — сам Джей полагал, что, покуда он жив, жив и клан.

Возможно, будь Джей хоть чуть постарше, им бы владели амбициозные мечты клан возродить; но пока ему было всего девятнадцать лет, и думал он лишь о том, как не посрамить своих славных предков и доказать всем и каждому — а главное, самому себе, — что он достоин тех татуировок, которые носит.

В Джотанде волк считался олицетворением верности, и качество это, бесспорно, составляло основу характера Джея.

Когда-то верность его принадлежала клану; но теперь от клана остались только он — да его младшая сестра. Поэтому всю свою верность, сколько её было, Джей щедро отдал господину Михару — именно его люди когда-то помогли двум испуганным сбежавшим ребятишкам избежать межклановой резни и спастись в Анджелии. Господин Михар, к тому же, принял в судьбе обоих самое живое и деятельное участие: сестрёнку пристроил в школу для девочек и обещался в своё время выдать ей приданое, а самому Джею подобрал учителя боевых искусств — ведь Белые Волки славились именно как наёмники, и Джей всё отрочество провёл в тренировках с оружием.

Охрана Дерека (и, естественно, слежка за ним) была первым настоящим заданием Джея, и он взялся за это задание с самым живым рвением, изо всех сил желая отблагодарить своего покровителя.

Объект сразу же вызвал у него симпатию — приятный блондин с искрящимися весельем глазами словно излучал радостное тепло — и Джей даже заволновался. Как известно, люди не очень-то любят, когда за ними следят, и Джей мысленно приготовился к сопротивлению, противостоянию, тяжёлой борьбе за возможность осуществлять свои обязанности — но ничего из этого не получил.

— А! — только весело прищурился объект, когда господин Михар представлял ему телохранителя. — Весьма разумно, да! — кивнул он.

Конфликт, впрочем, всё же случился чуть позже, когда Джею понадобилось зачем-то

обратиться к объекту — и выбрал он для этого обращения вполне себе уважительное и подходящее к их положениям «господин».

Объект аж подскочил, и на лице его даже отобразилась оскорблённость, тут же нашедшая вербальное выражением в возмущённом:

— Сам ты господин!

Джей удивлённо замер.

— Но нужно же мне как-то к вам обращаться! — отметил очевидное он.

Объект нахмурился. На лице его явно отобразились сомнения: он, видимо, не мог решить эту проблему.

Джей услужливо решил помочь и заодно блеснуть широтой кругозора — ему хотелось по возможности наладить добрые отношения с объектом:

— Мессир, сэра, ваше благородие, — принялся на одном дыхании перечислять он, — сеньор, милорд, мсье, мастер...

Тут он запнулся, потому что объект спрятал лицо в ладонях и простонал что-то мучительное.

«А! — подумалось Джейю. — Должно быть, не поклонник субординации!»

Возможно, будь Джей всего лишь телохранителем, то он тут же бы и изъявил готовность к неформальному общению. Но в его задачи входила не только охрана, но и слежка; а при таком раскладе излишне фамильярничать, с точки зрения Джейя, было бы несколько лицемерно.

Объект, впрочем, вынырнул из своих мыслей и, видимо, пришёл к тому же выводу, потому что с тяжёлым вздохом согласился на сэра.

— Как мне обращаться к вам? — спустя короткую паузу уточнил он.

— Просто Джей, — удивлённо ответил тот и быстро добавил: — И вы не должны мне выкать, сэра!

Объект смотрел на него с полминуты весьма мрачно, потом отметил:

— Совершенно недопустимо тыкать тому, кто обращается к тебе на вы.

Джей впервые слышал о таком странном правиле этикета, поэтому слегка подзавис.

Впрочем, когда они кое-как решили-таки насущные вопросы дальнейшего взаимодействия, началось самое интересное.

Объект оказался ужасно непоседливым, удивительно трудолюбивым и в высшей степени неутомимым. Уже первый день — хоть от него и осталась-то всего-то вторая половина! — весьма вымотал Джейя, потому что носиться за объектом в его ритме и пытаться параллельно анализировать открывающиеся дислокации, оборонный потенциал зданий, уязвимые для нападений места и подозрительные контакты...

А дальше было только сложнее — несмотря на максимальную лояльность объекта. На следующее утро он вполне подробно высказал свои планы на грядущий день Джейю — но Джей, к стыду своему, почти сразу запутался во всех этих ассамблеях, торговых представителях, муниципалитетных служащих и прочих, прочих, прочих...

Сперва они рванули в порт — и Джей был слишком занят, вертя головой по сторонам в попытках вычислить, откуда может прийти неожиданная опасность для объекта. Вслушиваться в разговор ему было некогда, хотя никто его не гнал; но он подумал, что позже, когда он сориентируется в местных локациях, ему будет вполне по силам и отслеживать периметр, и слушать одновременно.

Из порта они ухватились за какого-то усатого толстяка и махнули с ним на склады — но

почему-то не на те, которые были возле порта, а дальние от него. Улицы утреннего Кармидера были ещё пусты, поэтому Джей, следуя за объектом и его провожатым, умудрился не только отслеживать ситуацию, но и прислушиваться. Впрочем, ему это не помогло: разговор шёл по-даркийски, а Джей был не силён в языках.

Спустя час объект выходил со склада крайне довольным.

— Солнечное сегодня утречко! — выдал он, прижмуриваясь на небо, и после помчался в центр города чуть ли ни бегом.

К муниципалитету они подбежали к самому открытию; быстро договорившись о том, чтобы ему подготовили информацию по продаже домов в центральных районах Кармидера, объект направился в университет.

Там они носились долго и, видимо, продуктивно. Правда, к концу забега настроение Джея полетело совсем уж вниз: он прочно запутался во всех этих нагромождениях зданий, коридоров, аудиторий и прочего.

«Хреновый из меня телохранитель, — подумалось ему. — А следак — и того хуже».

Возможно, он был не очень справедлив к себе: даже человеку с изумительной памятью не так-то просто за один день освоиться в незнакомом городе и запомнить всю нюансы расположенных в нём локаций.

В университете они пообедали в местной таверне — объект был весьма любезен и даже завёл приятный застольный разговор. Впрочем, продолжался он недолго. Наскоро перекусив, объект снова подорвался в центр города — в какую-то купеческую лавку.

Там они задержались почти на час, но удивило Джея не это: объект по каким-то причинам прихватил его с собой на переговоры, и ему там налили чай наравне с собственно объектом и хозяином лавки. Джей, конечно, не участвовал в разговоре — да и что он мог сказать по поводу выплавки чугуна в промышленных масштабах! — но чувствовал себя весьма неловко.

От купца они снова рванули в муниципалитет — получив первые сведения, объект ринулся осматривать дома. Тут Джея привлекли к выбору самым активным образом.

— Это вам же меня охранять! — мотивировал своё решение объект. — Вот и помогайте выбирать дом, в котором охранять будет проще!

Джей был весьма смущён и растерян, но вскоре это прошло, потому что объект выслушивал его аргументы с живым вниманием, задавал толковые уточняющие вопросы, обсуждал всяческие нюансы с большим интересом, и вообще... в какой-то момент Джей осознал, что так увлёкся разговором с объектом и выбором дома, что и позабыл смотреть по сторонам в поисках внезапного нападающего.

«Так дело не пойдёт!» — сделал сам себе замечание Джей и нахмурился.

Ему казалось, что он не очень-то хорошо справляется со своим заданием.

Впрочем, через пару недель он более или менее обвыкся, стал ориентироваться в Кармидере и его университете, даже разобрался в делах объекта и составил некоторую внутреннюю классификацию лиц, коим объект наносил визиты.

Но легче не стало — несмотря на демонстрируемую лояльность и внешнюю открытость всех контактов.

Во-первых, почти со всеми купцами объект беседовал на их языках — а Джей знал только джотандский и анжельский.

Во-вторых, беседы на анжельском тоже мало что проясняли: с купцами он говорил о

вещах, в которых Джей не разбирался, в университете — с использованием терминов, которых Джей не знал, в обыденном разговоре — за этими проклятыми размышлениями о погоде, решительно, было невозможно вычлениить истинный смысл.

В-третьих, это сам-то объект был дружелюбным и лояльным. Беда была в том, что у объекта обнаружилась целая банда приятелей и соратников — и вот уж они-то явно не были настроены к Джею лояльно!

Первая неприятность подстерегала его во вполне себе основательном особняке богатого квартала. Особняк явно строили в те времена, когда Кармидер ещё не был благополучным городом: добротная каменная стена вокруг, закрывающиеся крепкими ставнями окна, грамотно спланированное расположение комнат. С точки зрения телохранителя, дом был просто загляденье — в таком можно было и осаду держать.

Обычно объект задерживался здесь надолго, оставляя Джея внизу, в гостиной. Здесь было много любопытных книг, так что Джей не скучал; однажды к нему и вообще вышла приятная пожилая леди, тут же предложившая чаю.

В общем, сперва всё шло хорошо. Но однажды объект вернулся с верхних этажей в компании приятеля — резкого стремительного брюнета. Они о чём-то говорили — кажется, всё про тот же чугун, — но, едва войдя в гостиную, брюнет запнулся взглядом о Джея.

Тот, незамедлительно отложив книгу, встал.

— А, это господин Джей-Ниро, помнишь, я говорил? — тут же радостно представил его объект — он всегда представлял Джея по всей форме каждому, с кем пересекался.

Джей поклонился.

Брюнет пронзил его взглядом весьма острым. В глазах его явно читалось брезгливое презрение.

— Помню, — через губу коротко согласился он.

— Мой брат, Райтэн Тогнар, — продолжил беспечно следовать этикету объект, напрочь игнорируя заметную холодность своего спутника.

— Очень приятно, сэр, — ещё раз поклонился Джей, который всегда тщательно вписывался в те рамки, которые задавал ему объект.

Брюнет ничего не ответил. Дёрнув одной половиной лица, он обернулся к объекту и бесстрастно отметил:

— Нынешней весной все дороги размыло, шагу ступить нормально нельзя!

Объект растерянно моргнул и, кажется, возразил:

— Под солнышком грязь быстро высыхает.

— Под солнышком?! — невесть чему разгневался брюнет, аж подскакивая. — Под каким-таким солнышком, Дер?!

Объект обаятельно улыбнулся и повёл плечами.

— Я тебе твоё солнышко в глотку запихаю! — со странным сочетанием усталости, злости и ласковости пообещал брюнет, снова обращая на Джея взгляд — острый, враждебный и гневный.

— А вас, сударь, — наконец, почти прошипел он, вербализовав свой взгляд, — я попрошу более в моём доме не появляться.

— Тэн! — возмущённо перебил его объект. — И что ему, на улице часами торчать?!

— Да! — с явно мстительным удовольствием подтвердил брюнет, поворачиваясь к другу.

— Как прикажет господин, — поспешил покорно поклониться Джей, надеясь

остановить склоку.

На него тут же обратились два взгляда: устало-обречённый и гневный. Джей поскорее удалился. Впрочем, перед тем, как выйти, он ещё услышал мучительно-раздражённое:

— Дер, да у тебя мозгов вообще нет!..

...на улице оказалось не так уютно, как в гостиной. Хорошо хоть, не было дождя; но пронзительный весенний ветер всё равно доставлял некоторое беспокойство. Со вздохом устроившись на подходящей ветке дерева, Джей стал осматривать дом со стороны.

Объект вскоре появился, и Джей спрыгнул к нему. Нахмурившись, объект поразглядывал его со всех сторон, а потом со вздохом отметил:

— Вон там, за поворотом, есть чёрный ход. Будете проходить туда, вас там и покормят, если что. Главное, Тэну на глаза не попадайтесь.

— Благодарю, сэр, — сдержанно поклонился Джей.

Он, конечно, был способен торчать на улице в любую погоду часами — но не то чтобы такие перспективы вызывали у него энтузиазм.

Объект отмахнулся, досадливо вздохнул и отправился дальше по делам.

Впрочем, неприятности в этом доме для Джея не прекратились. Несколько раз он и впрямь заходил с чёрного хода — там, действительно, его приветливо встречали и отводили на кухню. Но торчать часами на кухне было скучновато, и Джей повадился пробираться в давешнюю гостиную — читать книги. Что объект, что хозяин дома шагали обычно громко, и переговаривались притом громко, поэтому он успевал вовремя книжку сунуть на место и умчаться наружу.

Привыкнув к такому положению вещей — что все в этом доме ходят довольно шумно — Джей не ждал подвоха.

Поэтому немудрено, что, когда он однажды, дочитав книгу, поднял взгляд и обнаружил в гостиной подошедшего человека — он аж подскочил.

В первую минуту он даже подумал, что перед ним и не человек вовсе — всё же никаких шагов он не слышал — а и вообще сама Смерть.

Потому что джотандцы именно так представляли себе Смерть: как женщину с лицом, состоящим из двух половин, юной и прекрасной с одной стороны — и обезображенной уродливой с другой.

Смерть, мало того, что появилась совершенно бесшумно, так и смотрела на него весьма мрачно своим единственным глазом — очень красивым, конечно, глазом, но это не обнадёживало.

Джей аж попятился к самой стене, нервно сглатывая и полагая, что пришёл его последний час — зачем бы иначе самой Смерти ему являться?

Та, впрочем, забирать его не спешила. Поразглядывав Джея с минуту, она холодно уведомила:

— Я за тобой слежу, пацанчик, — и, вместо того, чтобы раствориться в воздухе, вполне спокойно вышла за дверь.

Тут до Джея всё-таки дошло, что перед ним был живой человек; порасспрашивав на кухне, он выяснил, что в доме живёт гостя, попавшая в передрагу при стычке со степными волками.

Больше не рискуя оставаться в гостиной, Джей стал украдкой — постоянно озираясь — таскать книги на кухню и читать там.

Впрочем, от похожей на Смерть дамы его это не уберегло: она время от времени проходила мимо кухни, останавливалась в дверях и сверлила Джея взглядом весьма пронзительным и острым. Джей стоически пытался игнорировать, но пробирало его до костей. После таких взглядов ему нестерпимо хотелось похлопать себя по плечам и бёдрам, чтобы убедиться, что кожа его находится на месте, и её не содрали только что самым распрозверским образом.

Недружелюбным брюнетом и его гостьей неприятности Джея не ограничились.

Однажды в университете он нарвался на страшного рыжего верзилу.

Точнее, не то чтобы нарвался: объект пришёл к этому верзиле, а Джею ничего не оставалось, как следовать за ним и быть представленным.

— Телохранитель?! Вот это недоразумение?! — прогудел возмущённо верзила и резко велел: — Во двор!

Джей послушался, и во дворе его, как оказалось, подстерегло испытание: верзила решил проверить его боевые навыки.

Поскольку к своему предназначению Джей готовился с детства, то в бою он был очень хорош. Гибкий, ловкий, быстрый — ему казалось, что, несмотря на разницу в габаритах, он справится с неповоротливым верзилой без каких-либо проблем.

Однако на боевой площадке рыжий преобразился: вальяжная манера, медлительность движений и грузность словно опали с него. Он оказался таким же ловким и быстрым, как и сам Джей; только к этим качествам ещё прибавилось и значительное превосходство в мышечной массе.

Верзила уверенно побил его и на мечах, и на кинжалах, и врукопашную, после чего довольным голосом заявил:

— Ну, раз уж мы выяснили, что я в этом деле лучше, то вы согласитесь, конечно же, господин Джей-Ниро, что в университете, под моим присмотром, господин Анодар в вашей охране не нуждается.

— Разумеется, мастер, — с уважением поклонился Джей, в душе глубоко сожалея о том, что едва ли противник согласится давать ему уроки.

Верзила нахмурился, рассматривая Джея скептически. Подумав с минуту, он досадливо махнул рукой, пробормотал что-то вроде: «Не, Тогнар тогда меня убьёт» — и выпроводил Джея восвояси.

Учитывая, что объект проводил в университете зачастую по полдня, Джей неожиданно столкнулся с огромным количеством освободившегося времени.

Применение ему он, впрочем, нашёл почти сразу: у университетских гвардейцев нашлась тренировочная площадка, и Джей решил посвятить свободные часы совершенствованию мастерства — ему теперь казалось, что он умеет катастрофически мало.

На этой площадке он время от времени сталкивался с тем верзилой — тот тренировался сам и частенько учил других — но они оба делали вид, что не заметили друг друга. Джей, впрочем, вполглаза подглядывал, чему и как учит рыжий, и, когда его не было, пытался повторить и просил помощи у тех, кого он обучал.

Наряду с этими двумя местами — домом брата и университетом — объект чуть ли ни каждый вечер посещал изящный особняк в купеческом квартале, где Джея тоже ожидали неприятности.

В отличие от старого дома с прекрасной каменной оградой, этот особняк был окружён решёткой почти что декоративной, и Джею сразу показалось, что уж тут-то никакую

оборону не удержишь.

Хозяйкой особняка ожидаемо оказалась дама — очень красивая и, казалось, излучавшая тепло и нежность. Джею даже показалось, что она похожа на его мать — во всяком случае, никто раньше не смотрел на него с такой лаской во взгляде, кроме матери.

— Господин Джей-Ниро, мой телохранитель, — весело представил объект, который тоже выглядел каким-то особенно радостным и праздничным в этот момент, — госпожа Магрэнь Ринар, мой... торговый партнёр.

— Очень, очень приятно! — рассиялась улыбкой дама, непринуждённо пожимая Джею руку и приглашая за чай. — Телохранитель, Дерри? — весёлым голосом переспросила она у объекта. — Тебе что-то угрожает?

— Мой работодатель посчитал это необходимым, — фыркнул объект, привычно и по-свойски разлив всем чая, не дожидаясь слуг.

— Который из?.. — рассмеялась дама, аккуратно помешивая свой чай, не звякая притом ложечкой. — Впрочем, — перебила она саму себя, — не отвечай, хочу сама угадать!

Сияющий улыбкой объект откинулся на спинку кресла и сделал приглашающий жест рукой.

Дама изящно поправила спадавшую прядь волос — Джей невольно залюбовался грацией её движений — забавно нахмурила носик и принялась рассуждать вслух:

— Так, Тогнар не столь предусмотрителен и параноидален. Впрочем, — перебила она себя, — вся эта история с Михарами... Ах, нет! — выверенный взмах рукой. — Тогнар выбрал бы А-Ранси, так? — объект, сияя лукавыми искорками в глазах, кивнул. — Значит, и не университет. — Дама нахмурилась и расстроено отметила: — Но, Дерри, разве ты...

— У меня на днях появилась ещё одна работа, да, — весьма довольным голосом подтвердил объект.

Они с дамой переглянулись лукаво и весело; Джей подумал, что, скорее всего, партнёрство у них отнюдь не торговое.

— Что же это за работа, в которой требуется телохранитель! — досадливо воскликнула дама, задумчиво попивая чай.

— Не только телохранитель, — тонко улыбнулся объект, — мне ещё и дом в центре Кармидера перепал, — брови дамы поползли вверх, — и новый канал для сбыта каменного угля, — продолжил перечислять объект, — и в строительство дороги, я, кажется, всё же влип...

— Дерри! — перебила его дама, и в голосе её прозвучала искренняя тревога.

Они обменялись вопросительными взглядами; потом объект развёл руками.

— Нет! — возмутилась дама.

Объект с философским видом отхлебнул чаю.

Дама бросила на Джея быстрый тревожный взгляд, затем наклонилась к объекту и лихорадочно заговорила:

— Дерри, но только человек глупый выбегает под грозу, вместо того, чтобы...

— Может, — фыркнул объект, перебивая её, — я просто хочу собрать свежей дождевой воды?

Взвившись от возмущения, дама набрала было в грудь воздуху; встретив весёлый взгляд своего визави, она этим воздухом поперхнулась. Нахмурившись, глотнула чаю и сухо отметила:

— Как тебя только молнией не прибило!

К неожиданности Джея, объект расхохотался искренне и задорно — ему даже пришлось вытереть с глаз проступившие слёзы — после чего заверил:

— Прибило, Рэнь, и ещё как!

Поджав губы, дама холодно отметила:

— В кои-то веки я полностью на его стороне.

— Да-да, — сочувственно кивнул объект, наклоняясь к ней и весело предлагая: — Ещё сделай вывод, что у меня нет мозгов, и будет прям в точку!

Дама отставила чашку — почему-то с немалым раздражением, громко звякнув ею о блюдец, — после чего сухо и строго возразила:

— Нет, Дерри, мозги у тебя есть. Но используешь ты их!.. — махнув рукой, она повернулась к Джею.

Тот дрогнул; во взгляде её не осталось и капли былой ласковости. Теперь она смотрела холодно и сурово, и Джею показалось, что он успел чем-то перед ней провиниться.

С минуту понервировав гостя этим разглядыванием, дама с неожиданной язвительностью в голосе заговорила:

— Господин Джей-Ниро, ежели господину Михару так любопытно, что именно происходит в нашей с господином Анодаром постели, вы уж передайте ему, чтобы он не счёл себе за труд явиться самолично и понаблюдать вживую, раз уж ему так неймётся.

Джей невольно покраснел.

— Рэнь! — отвлёл его от смущения смех объекта.

Тот, тоже чуть покраснев, смотрел теперь на даму весело и ласково.

— Что? — независимым голосом переспросила она, снова изящно поправляя волосы и аккуратно пригубляя чай. — Раз Арни так любопытен, то почему бы?.. — впрочем, выдержка тут и ей изменила, и предполагаемое окончание фразы смазалось её смешком.

— Рэ-энь! — сквозь хохот простонал объект.

— Всегда мечтала попробовать втроём! — закатила глаза дама, вызвав у объекта новый приступ хохота — а сам Джей, признаться, уже и не знал, куда себя от смущения деть.

Он, конечно, уже понял, что попал на чай к двум любовникам, но к такому откровенному повороту разговора готов не был.

— Нет уж! — меж тем, отсмеявшись, поднял руки объект и твёрдо заявил: — Обойдёмся без третьих лиц, Рэнни. — Затем бросил взгляд на Джея, смутился и добавил: — Вам, Джей, должно быть, снова придётся осваиваться в гостиной или на кухне...

— Всё прекрасно, сэр! — тут же подскочил Джей, радуясь, что может сбежать из этого разговора.

— Я велю подготовить вам комнату, — с тёплой любезностью в голосе отметила дама, поднимаясь вслед за ним и бросая на объекта вопросительный взгляд: — Ты ведь останешься?..

— Да, — согласился тот.

С большим облегчением Джей сбежал. Впрочем, видимо, он обречён был стореть сегодня от смущения в этом доме, потому что, уже выходя, услышал, как задорный голос объекта спрашивает:

— Что, а его татуировки ты не находишь такими уж манящими?

С кристальным смехом ему ответили:

— А что, ты уже согласен на третьих лиц в нашей постели, Дерри?

Покраснев, кажется, до самых пяток, Джей резко увеличил скорость и продолжение уже не слышал.

...так и получилось, что примерно две трети жизни объекта ускользнули от его внимания. И, право, Джей не был готов связываться ни с резким брюнетом и тем паче гостившей у него Смертью, ни с рыжим мастером, ни с этой внешне очаровательной дамой.

Когда ему пришлось докладывать об этих обстоятельствах господину Михару, Джей весьма опасался, что ему прикажут всё же в это противостояние ввязаться — у него не было никакой уверенности, что такая задача ему по плечу.

Господин Михар, впрочем, отнёсся к новостям спокойно.

— Это было ожидаемо, — благодушно отмахнулся он. — Не выходи на прямой конфликт, Джей. Нам важна долгосрочная перспектива, а не единичный удачно подслушанный разговор.

Джей мысленно перевёл дух.

2. Как разобрать, чего же ты хочешь на самом деле?

Загрузив Дерка разного рода проектами, господин Михар планировал уже возвращаться в столицу — ему оставалось только решить вопрос с дочерью.

У той, неожиданно, возникли проблемы с выбором направления обучения.

Сперва она вроде как заявила, что хотела бы перейти на медицинское, но потом, кажется, передумала. Кажется — потому что прямо она ничего ему не сказала, но постоянно уходила от разговора на эту тему, отмахивалась, тянула и вообще вела себя самым раздражающим Михара образом.

В конце концов, он резко поставил вопрос ребром: остаётся ли она у химиков, переводится ли к медикам — или вообще покидает университет?

Руби покраснела, запнулась и призналась, что у неё есть интересный проект по парфюмерии, и она сама теперь не знает, чего ей больше хочется.

— Парфюмерия? — с живым интересом переспросил Михар.

В числе прочего, он занимался поставками духов, поэтому этот вопрос ему не был чужд.

— Я составляю словарь, — заметив интерес отца, Руби весьма оживилась.

Следующие пять минут она горячо и быстро рассказывала о своём проекте — и господин Михар счёл его весьма толковым и полезным, что и высказал вполне определённо и веско. Руби покраснела от удовольствия и радости.

— Не знал, что ты так хороша в даркийском, — отметил отдельно он, поскольку считал переводы такого рода особенно продвинутым уровнем владения языком.

Смутившись, Руби призналась:

— Ну, на самом деле, с даркийским мне как раз помогает Дер... — она даже огорчилась этому обстоятельству, вообразив, что после этого признания отец перестанет считать её работу такой уж выдающейся.

— Деркэн? — удивился Михар. — Он знает даркийский?

Волнуясь и горячась, Руби рассказала об основной проблеме её словаря: мол, Деркэн-тс прекрасно понимает даркийские термины, но не знает их анжельских аналогов, а она — как раз наоборот, поэтому, благодаря совместной работе и сопоставительным таблицам, им и удаётся найти все аналогии.

— Весьма выдающаяся и достойная похвалы инициатива, — охотно похвалил Михар, задумываясь.

Версия «нийский купец» бодро сдала лидирующие позиции предположению «какой-то даркиец».

Во всяком случае, Михару было тяжело выстроить гипотезу, зачем бы человеку, толком и не занятому в парфюмерии, учить специфические термины этой науки на чужом языке. Гораздо вероятнее было, что даркийский у его нового приобретения — родной.

«До чего же, всё-таки, любопытно!» — сложив перед собой пальцы домиком, задумался Михар. В голове его выстраивались версии — одна другой занятнее. Впрочем, он почти сразу взял себя в руки и вернул внимание проблемам дочери.

— Так что, — уточнил он, — разве нельзя учиться на медика и при этом заниматься личным проектом по парфюмерии?

Руби опустила глаза и замялась.

Спустя минуту призналась тихо-тихо:

— Мне переводить понравилось...

Работа над словарём, больше напоминающая головоломку, и впрямь доставляла ей большое удовольствие. Ей было безумно интересно сопоставлять рецепты, проводить аналогии, выискивать соответствия, пытаться найти знакомые корни... Ей, к тому же, очень нравилось работать с Дерекком: он относился к этому проекту весьма эмоционально. Лицо его выразительно и ярко отображало работу мысли; он часто рассуждал вслух — всегда о чём-то крайне интересном — иногда вскакивал, начинал расхаживать и жестикулировать. Руби, по правде сказать, очень не хотелось, чтобы работа со словарём закончилась — а она неизбежно подходила к своему закономерному финалу — ведь других причин работать в паре с Дерекком у неё не было, и она весьма сомневалась, что он согласится на какой-нибудь новый проект с ней.

Так что Руби окончательно запуталась в своих желаниях и стремлениях — и, естественно, вслед за ней запутался и господин Михар, который вообще впервые услышал о том, что она интересуется переводами.

Руби так-то раньше и не интересовалась ими; но теперь!..

Переводами, конечно, можно было заниматься и вне университета — но Руби всё ещё цеплялась за надежду вернуться в проект с картами, и поэтому категорически не хотела университет оставлять. В итоге она так и не могла ни на что решиться. Переводиться к лингвистам — начинать всё с нуля, жаль двух потраченных лет. Уходить к медикам — это дальше от Тэнь, а Тэнь терять не хотелось. Остаться у химиков — а что дальше, после окончания учёбы?

Все эти соображения даже внутри её головы выглядели путанными, хаотичными и противоречивыми. И уж конечно она не могла высказать их отцу — ведь это наверняка обличило бы перед ним, как она глупа и нелепа!

Поэтому она пыталась уйти от разговора, как могла.

Немудрено, что господин Михар в её метаниях тоже не разобрался, отложил решение вопроса до лета и отбыл в столицу с напутствием разобраться в себе и своих желаниях по поводу будущего.

Здесь у Руби вообще не пошло, потому что она знать не знала и уметь не умела понимать, чего ей хочется.

Впрочем, нет. Одно своё желание она осознавала вполне чётко: ей очень хотелось вновь заниматься картами. Вспоминая то время, которое она проводила с Илмартом и Дерекком, обсуждая географию и историю, перешучиваясь, рисуя и фантазируя, она теперь думала, что это было и вообще лучшее время в её жизни — и теперь оказалось особенно больно осознавать, что она всё потеряла из-за интриги, которая и не выгорела толком.

Руби даже пришла к крамольному выводу, что интриги — это вообще не её. Правда же! Насколько же бесталанной интриганкой нужно быть, чтобы потерять то, что было тебе ценно, ради того, что тебе толком и не сдалось?

Конечно, Руби уже и забыла, что в то время брак с Райтэном очень даже ей сдался — но теперь, с той точки, в которой она находилась, ей думалось, что вся интрига её была пустой, бессмысленной тратой времени, ни к чему не приведшей и никому не принесшей пользы.

К чести её отметим, что вздыхала и тосковала она недолго; её боевой сильный характер не предполагал долгих вздохов, и мысли её, не желая пленяться прошлым, упрямо обращались в будущее.

Про будущее своё она размышляла так.

Карточный проект зависел от Дерек и Илмарта. Дерек, положим, принял бы её обратно — во всяком случае, Руби так казалось по той причине, что он и теперь был с нею приветлив и не гнал её прочь с этим её переводом, а, напротив, помогал. Но Илмарт!

Всё упиралось в Илмарта, разумеется, и тут Руби совершенно не могла понять, в чём же, собственно, дело.

Она вспоминала снова и снова тот день, когда он её разоблачил. Напряжённый и страшный день, и из-за этого многое из памяти стёрлось. Но Руби отчётливо, точно помнила, что Илмарт не был так уж шокирован известием, что она что-то там изображала перед Райтэном, и даже сам выдвинул план, который поможет ей уладить это дело и не потерять притом Райтэна — прямое признание.

Когда же, когда и почему она успела стать ему настолько омерзительной, что ему невыносимы стали даже её рисунки на его картах?

Сколько Руби ни ломала себе голову — понять, в чём дело, она так и не сумела.

Тогда она постановила внутри себя, что ей требуется разговор с ним.

Решиться на этот разговор оказалось неожиданно сложно. Руби несколько раз хотела было подойти к нему — когда он тренировался с другими гвардейцами или когда работал над картами — но всякий раз ощущала совершенно непреодолимую робость. И не подходила.

Особенно мучительна почему-то была мысль, что люди вокруг увидят её и сразу поймут, какая она глупая и жалкая.

Она сделала вывод, что нужно как-то отловить Илмарта, когда он один — и даже смогла несколько раз уличить такие моменты — но подойти по-прежнему было боязно.

В последний раз они общались — если это можно было назвать общением — в день, когда была ранена Олив. И Руби бы, определённо, решила бы, что он ненавидит её теперь именно из-за того, что из-за неё чуть не погибла его подруга, — но та истерзанная карта, которую она нашла в его комнате, свидетельствовала о том, что он начал ненавидеть её раньше.

В конце концов, измучившись вконец своими попытками понять, Руби приняла волевое решение просто подойти и поговорить. Просто взять и сделать это.

Она дождалась момента, когда он дежурил на воротах университета — это был отличный шанс поговорить с ним наедине — и заставила себя подойти к нему.

Он, впрочем, явно не был настроен на общение, и попросту её проигнорировал — хотя она стояла рядом добрых три минуты, перекачиваясь с пятки на носок и не решаясь начать разговор.

Наконец, она открыла было рот...

И поняла, что не знает, что сказать.

Закрыв рот, она сбежала и позорно расплакалась где-то в тихом уголке. Она сама не знала, отчего плачет, и презирала себя за этот плач, и самой себе казалась весьма жалкой — и, чем более жалкой она себе казалась, тем сильнее плакала, а чем сильнее плакала — тем более жалкой себе казалась.

На другой день она решилась поговорить — с Дерекком. Потому что Дерек, во всяком случае, не делал вид, что её не существует.

— Дер, — привлекла она его внимание, отрывая от работы с переводом, — а ты не знаешь, почему Илмарт так меня ненавидит?

Он хмыкнул, постучал пальцем по книге, опёрся подбородком на ладони, чуть прижмурил один глаз, снова хмыкнул, а потом взглянул на неё пронзительно и остро и спросил с толикой даже дружелюбия:

— А того, что ты заманила в весьма скверную ловушку его друга, недостаточно?

Руби мучительно покраснела.

Она впервые сейчас осознала свои действия как «заманить в ловушку» — возможно, потому что Дерек их видел именно так, а ей теперь хотелось смотреть на всё глазами Дерека, потому что ей казалось, что он один может ей помочь и объяснить, что с ней происходит и как теперь с этим быть.

— Но мы же развелись!.. — обиженно буркнула она, защищаясь.

Ей казалось несправедливым, что её не простили после того, как она исправила свою ошибку.

Дерек вздохнул, передёрнул плечами и отметил:

— Ну, знаешь ли, и цену за развод твой отец запросил немаленькую!

Руби замерла. Лицо её сделалось бледным, отчего кожа стала казаться болезненно-тонкой.

— О чём ты?.. — выговорила она скорее безвыразительно, чем с вопросительной интонацией.

Она полагала, что отец потому разрешил развод, что она попросила его об этом.

Дерек в очередной раз вздохнул.

Больше всего ему хотелось сказать, что это взрослые мужские дела, которые её не касаются, — во всяком случае, они же с Михаром договорились обойтись без впутывания женщин, и со стороны Дерека это обязательство означало, что он не будет использовать Руби.

Однако, уже было открыв рот, чтобы сказать то, что намеревался — что ей в эти дела лезть не стоит — он вдруг вспомнил Эсну.

Это случилось так ярко и неожиданно — он не думал о ней уже несколько недель — что он даже чуть вздрогнул. Как живая, предстала она перед его внутренним взором: взволнованная, обиженная, поникшая, с живой жалобой в голосе рассказывающая ему, что все, буквально все говорят ей, что расследование обстоятельств смерти её первого мужа — не её дело. Что ей не стоит в это лезть. Что мужчины сами разберутся.

«Почему они всё решают за меня!» — звенели в его голове ньонские слова так ясно, словно она произнесла их только что.

Дерек почесал бровь.

«В конце концов, я ведь никуда её и не впутываю, так?» — решил он сам в себе и коротко рассказал Руби об условиях, на которых её отец согласился на развод.

К концу рассказа он уже успел пожалеть о своём решении — Руби выглядела совершенно опрокинутой.

— Но я думала... — почти беззвучно выдохнула она, нелепо провела ладонью по лицу, нервно рассмеялась и потеряно взмахнула руками.

— А! — испытующе глядя на неё, отметил Дерек. — Ты, кажется, начинаешь понимать, в чём тут фокус, да?

Она посмотрела на него растеряно и беспомощно.

Он откинулся на спинку стула, спокойно положил руки перед собой на стол, чуть наклонил голову набок и с большим удовольствием выговорил:

— Твой отец ведь очень хорошо всё придумал. Ведь хорошо же всё вышло! — с некоторым издевательством в голосе напомнил он ей её же слова. — И ты довольна, и Райтэн свободен, и господин Михар своего не упустил. Всем же хорошо, Руби, ведь так? — насмешливо заключил он.

Руби покраснела пятнами.

Конечно, всё вышло хорошо.

Но есть большая, огромная, гигантская прямо-таки разница между отцом, который выполнил просьбу дочери, и отцом, который выкрутил свою интригу, попутно вписав в эту интригу исполнение просьбы дочери.

Руби почувствовала себя так, словно стоит, совершенно обнажённой, на скалистом обрыве где-то высоко в горах, и ветер, кусочки льда и мелкая каменная крошка со всех сторон избивают её, сшибая с ног куда-то в обрыв.

Человек более эмоциональный выразил бы это чувство словами: «Меня предали».

Руби назвала это: «Я неблагодарная дочь» — и почувствовала вину за то, что смеет обижаться на отца.

— Он сделал, как должно, — тихо выразила она свою мысль, защищая его — потому что в издевательском тоне Дерек а ей почудилось обвинение.

— Безусловно, — серьёзно кивнул тот, снова облакачиваясь на стол и устраивая подбородок на ладонях. Глядя на неё внимательно и спокойно, продолжил: — Как должно поступить блестящему политику. — Кивнул сам себе и, неожиданно резко откинувшись на спинку стула, выразил в упор: — Но как бы хотелось, чтобы он поступал не как политик, а как любящий отец, да?

Провокация, определённо, достигла цели: он высказал прямо то, что она старательно пыталась запрятать поглубже, сделать вид, что этого желания не существует, что оно неважно. Именно от этого его слова остро резанули её сердце, и она резко ответила:

— Он вполне позаботился обо мне.

— О, да! — подхватил мысль он и тягуче отметил: — Даже отдельно обговорил в наших условиях, чтобы я позаботился о твоём эмоциональном комфорте. Полагаю, это была ключевая причина, по которой он пытался сладить со мной добром.

Этим признанием и без того деморализованная Руби была и совсем уж дезориентирована.

— О моём... эмоциональном комфорте? — тихо, почти беззвучно повторила она то, что особенно её потрясло.

— Да-да, — небрежно отмахнулся Дерек, как будто вопрос и не стоил обсуждения. — Чтобы я похлопотал за тебя перед Илом и Тэном, да и сам был любезен, знаешь ли!

Она застыла, пытаясь понять и принять полученную информацию.

Нет, она знала, конечно, что Дерек её не любит, что он не простил ей интриги вокруг Райтэна, — но всё же его доброта к ней казалась ей искренней. Она думала, что, пусть они и не могут быть друзьями, он, во всяком случае, готов поддержать её, направить, помочь. Ей мечталось, что она всё же сумеет однажды... ну, пусть не так, как он дружит с Олив и Илмартом — и тем более с Райтэном! — но хоть как-то, хоть немножко стать ему дорогой, важной, ценной.

Мысль о том, что он добр к ней только потому, что этого у него потребовал её отец, выбила у неё почву из-под ног.

Постукивая пальцами по книжке, которая лежала перед ним, Дерек наблюдал за ней с любопытством почти живодёрским — хотя наблюдать толком было и не за чем, потому что она попросту застыла, лишь моргая время от времени совершенно растерянно.

— Неприятно, да? — наконец, злым каким-то шёпотом уточнил он. — Думать, что ты человеку симпатичен, что у вас есть отношения — живые, искренние! — а потом узнать, что ты — всего лишь часть его интриги.

Она закаменела; можно было подумать, что она и вовсе этого не услышала, если бы не дрожащие, выцветшие губы.

С минуту он продолжал наблюдать её, всё так же постукивая пальцами по книге.

Наконец, она разомкнула губы и тихо, жалобно спросила:

— И что же?.. ты... теперь всегда будешь меня ненавидеть, да?..

Он вежливо приподнял брови и тоном самым что ни на есть любезным спросил:

— А разве может раб любить своего господина?

Она вскрикнула мучительно, тонко; прикрыла покрасневшее от стыда лицо руками.

Ему вдруг сделалось её жалко.

Он вообще был жалостлив. Конечно, он не раз за этот разговор напоминал себе, что Руби верить нельзя, и что она может изобразить всё, что ей вздумается, чтобы получить то, чего ей хочется.

Но все эти, безусловно, логичные соображения не очень-то приживались в нём, когда он видел перед собой страдание — неважно, искреннее или изображённое.

Он не мог для себя однозначно решить вопрос, играет ли Руби сейчас или нет — но ему пришла в голову мысль, что, если предположить, что она не играет, то его действия становятся жестокими.

С минуту он взвешивал внутри себя вероятности и, поскольку был человеком благородным и добрым, пришёл к выводу, что пусть уж лучше он поведётся на очередной обман, чем запутавшаяся девчонка страдает от его жестокости.

Ему, к тому же, пришло в голову соображение, что он скорее срывает на ней досаду на господина Михара — тому-то он не мог ничего сделать, и поэтому всё, что ему оставалось, это пытаться задеть его через дочь.

Именно это соображение сделалось для него решающим.

«Я пытаюсь задеть её, чтобы отомстить ему, — чётко обозначил он собственную стратегию, которая теперь, названная прямо, вызвала у него стыд и отвращение. — А мы ведь договорились не впутывать женщин!»

Вздыхнув, он потёр лоб, встал и подошёл к ней.

— Ну, Руби, — начал он, и в голосе его было гораздо больше тепла, чем обычно, — прости меня, я от досады говорю. Честное слово, я не ненавижу тебя, и, даже если бы у нас не было договора с твоим отцом, всё равно постарался бы помочь тебе.

Она глубоко, тяжело вздохнула, отвела руки от лица, бросила на него больной, пронзительный взгляд и отметила:

— Ты был бы ко мне добр, да. Но теперь у тебя нет выбора: ты обязан быть ко мне добрым, — с горечью и затаённой злостью на отца заключила она.

Он пожал плечами и грустно согласился:

— И то, что теперь у меня нет выбора, обесценивает мою доброту, да.

Губы её мучительно задрожали.

Он вздохнул и привлёк её к себе, обнимая.

Она расплакалась.

Ей очень хотелось, чтобы её любили просто так, потому что сами так решили, а не потому, что приказал её отец.

Дереку сделалось совсем уж жалко её. Она виделась ему теперь глупой, запутавшейся девчонкой, на которую и злиться-то невозможно — кто же злится на ребёнка, который и сам не понимает, что творит.

«Но она уже не ребёнок», — напомнил он себе — как бесчисленное количество раз напоминал себе это, когда речь шла о Грэхарде.

«Совершеннейший ребёнок!» — возразил внутренний голос, и, сам того не заметив, Дерек взял Руби под ту же опеку, под которой держал и Грэхарда.

— Ну! — погладив её по волосам, попытался переключить её внимание он. — Зато у тебя есть Тэнь!

Помогло лишь частично; вытерев слёзы, Руби отстранилась от него, затем покачала головой и глухо отметила:

— Я не стою её дружбы.

Он усмехнулся краешком губ и заверил:

— Бесполезно убеждать кого-то из Тогнаров, что ты не стоишь их дружбы. Они, если уж выбирают человека, то остаются верны ему навсегда.

Она невольно хмыкнула — в его голосе была целая бездна теплоты, адресованной, конечно, Райтэну. Но ей в этот момент казалось, что немного этой теплоты досталось и ей.

Планирование

Дерек, раздражённо покачивая ногой, хмуро вглядывался в бумажку, которую составлял вот уже три часа.

Бумажка содержала в себе структурированный список всех его проектов, личных дел и центральных задач. Это была шестая такая — предыдущие пять попыток систематизации валялись в корзине для мусора, потому что там не сходилось вообще никак.

В этой, шестой, всё кое или как сошлось, но легче от этого не стало.

Тоскливо выругавшись, Дерек придвинул к себе седьмой лист — и начал было вычерчивать свои схемы снова... но почти тут же нервно отбросил перо в сторону и вперил в шестой вариант мрачный взгляд.

— Такими темпами я хвост откину... — потеряв щёки, признал сам в себе он.

Его работоспособность позволяла ему играючи жить в режиме «мотаться по делам с утра до вечера» — но этот режим мог и должен был быть лишь временной мерой. После периода острой мобилизации сил и возможностей требовался продолжительный качественный отдых — а вот этого у Дерека никак не предвиделось.

Высчитав на пальцах собственный возраст — он никогда не помнил точную цифру — он пришёл к выводу, что хвост отбрасывать ещё рано, и следует приложить какие-то усилия к тому, чтобы пожить подольше.

Дерек был жизнелюбив, поэтому бодро взялся за наиважнейшую задачу: сокращение числа своих проектов.

Сразу же он столкнулся с тем, что не способен выбрать кандидата на «выбывание». Все его занятия были ему важны, интересны и дороги, поэтому у него просто рука не поворачивалась что-то вычеркнуть.

Тогда он пошёл от обратного: начал записывать на седьмой лист то, от чего отказаться не может.

Первыми туда решительно легли задачи от Михара — собственно, именно их наличие и нарушило хрупкое равновесие между работой и отдыхом в жизни Дерека. Эти задачи уверенно покрыли собой треть суток (Дерек, конечно, уже высчитал, сколько времени и сил какие проекты отнимают — ещё на втором листе).

Поглядев на оставшиеся две трети, Дерек вздохнул и очертил одну из них как «сон». Как человек, давно и плотно занятый в работе умственного характера, он знал, что недостаточный сон существенно сказывается на продуктивности, поэтому им жертвовать никак нельзя.

В оставшуюся треть он долго и упорно пытался впихнуть невпихиваемое — всё остальное — но оно, конечно, никак не уместилось.

В очередной раз отбросив перо, Дерек погрузился в размышления о своей жизни — в которой, определённо, что-то пошло не так и не туда.

С одной стороны — размышлял он — все эти новые проекты ему очень нравились. Михар был не только весьма умён — он был человеком дела, и это вызывало в Дерек уважение. Возможно, если бы случай свёл их при других обстоятельствах, Дерек и сам был бы рад предложить свою помощь, и даже полагал бы большой удачей, если бы эту помощь приняли...

«Это он сейчас машет перед мной своими пряниками, — лениво размышлял Дерек,

гоняя листы по столешнице. — А стоит мне взбрыкнуть — у него и кнут найдётся».

Последнее соображение обесценивало интерес проектов. Кому ж понравится заниматься чем-то из-под палки?

«Но что я могу сделать?» — пытался найти выход Дерек — и мозг его любезно подбрасывал ему разнообразные выходы на любой вкус.

Мысль об эмиграции Дерек и рассматривать всерьёз не стал — он воспринимал сам себя как анжельца до мозга костей, и не желал расставаться со страной, ставшей ему родиной.

Мысль об убийстве ему тоже не понравилась — он не был готов решать свои проблемы таким образом.

То соображение, что можно было бы подыскать себе покровителей в столице, чтобы противостоять Михару через них, он обмусоливал долго и довольно-таки пустопорожно. Опять же, не факт, что покровители такого рода не затребуют такую благодарность, что Михар ещё сахаром покажется.

От усталости Дерек начал воображать себе фантазию «пожаловаться на Михара Грэхарду». Фантазия это была целиком и полностью оторвана от реальности, и лишь изображала собой битву двух титанов — эта развёртывающаяся в воображении картина очень забавляла Дерек.

В конце концов, так ни к чему и не придя, он вздохнул и снова придвинул к себе седьмой лист — в ходе попыток визуализировать «битву титанов» он успел отъехать на другой край стола.

Перечитав написанное, Дерек хмыкнул и принялся чиркать в «михаровском» разделе. Задача, которая ранее там значилась как «разобраться с детьми», поделилась на «поддержать Руби» и «наладить отношения с Джем».

Полюбовавшись правкой, Дерек обвёл Джея в овал и стрелочкой «перенёс» в свободную треть, в раздел, отведённый для общения.

Руби осталась в «михаровской» части.

Порассматривав «неприкаянную» часть проектов, Дерек вдруг подумал, что некоторыми из них вполне можно заниматься нерегулярно — теми же картами! — и, тогда, если грамотно чередовать...

...с большим энтузиазмом он достал восьмой лист.

3. На чём строится крепкий брак?

Первая семейная ссора настигла Райтэна и Олив на третий день совместной жизни, и поводом для неё стало желание Олив вернуться на свою службу в ратушу. Бумажки переписывать.

Когда она объявила о своём намерении со следующей недели снова выйти на работу, у Райтэна аж глаз задёргался от возмущения — он и так-то был в бешенстве от того, что женщина с мозгами так бездарно гробит себя на столь не соответствующей её уму работе... но теперь, с учётом того, что эта женщина — на минуточку! — стала его законной женой! — такое положение дел и совсем перестало вписываться в его картину мира.

Орать на жену в представлении Райтэна было совершенно недопустимо, поэтому он несколько секунд подышал глубоко, овладевая собой, и, наконец, выдал из себя нечто цензурное и вполне тихое:

— Зачем?

Олив посмотрела на него как на идиота.

Он лишь сморгнул.

Язвительным тоном она изволила расшифровать:

— Тогнар, вообще-то, деньги не падают на людей с неба!

Райтэн моргнул ещё раз, и ещё, и ещё. Наконец, сложив руки на груди, мирно отметил:

— Се-Стирен, у нас вполне хватает денег и так.

Он, пожалуй, не входил даже и в сотню самых богатых людей Анджелии, но всё же все его многочисленные торговые проекты приносили стабильный доход, который позволял ему не особо задумываться о житейских финансовых расходах.

Тоже сложив руки на груди, Олив закатила глаза и раздражённо парировала:

— Это твои деньги, Тогнар, а не мои.

Тут Райтэну повезло догадаться, что старая, проверенная временем патриархальная формулировка «я буду давать тебе на булавки» — точно не то, что ему следует произносить вслух. Но что произнести вместо неё, он не знал, потому что всегда полагал, что будет полностью обеспечивать свою жену — когда она у него появится — всем ей необходимым.

— Но ты уже работаешь на меня, — наконец, сориентировался он, подобрав аргумент, который, как ему казалось, её не оскорбит.

Она всплеснула руками и с досадой воскликнула:

— Ну, это уже nepoтизм какой-то!

Райтэн отстранёно подумал, что, ежели Бог и в самом деле существует, чувство юмора у него явно паршивое, и вообще, это точно не тот Бог, в Которого верит Дерек — Тот-то есть любовь! — а какой-то совершенно злопамятный мстительный тип, который непременно припомнит тебе все глупости, что ты в своей жизни успел натворить, и вернёт их с процентами.

— Неправда, — наконец, возразил он. — Ты стала на меня работать ещё до того, как мы поженились, так что это не в счёт.

Она нахмурилась.

Он развил наступление:

— И вообще! — добавив уверенности в голос, постарался переключить её на свою точку зрения. — С учётом того, что в этих проектах так же задействованы отец и Дерек, это

правомерно назвать семейным предприятием! — гордо и пафосно изрёк он.

«Дерек?» — успела удивиться Олив, но мысль эту ей пришлось отложить подальше, потому что идея впасть в финансовую зависимость совсем её не прельщала.

— Нет уж, — фыркнула она гордо и объяснила свой отказ недовольным: — А то что я буду делать, если мы разведёмся?

Райтэн, должно быть, очень оскорбился бы предположением, что он может оставить человека без работы в виду личных разногласий и конфликтов, но расценить последнюю фразу как оскорбление он не успел: его слишком шокировало само предположение.

— Разведёмся? — тихо и зло переспросил он.

— Всякое бывает! — деланно легкомысленным тоном отозвалась она, успокоительно похлопала его по плечу и отошла к окну, словно для неё не было ничего интереснее сейчас, чем поглядеть на Кармидер.

Поразглядывая её спину, он весьма холодно уточнил:

— С чего бы это нам разводиться, Се-Стирен?

Он полагал, что в жизни бы не нашёл себе жены лучше Олив — сколько бы ни искал — и его весьма задело, что она тут стоит и рассуждает, как планирует готовиться к их разводу! Да ещё и буквально сразу после свадьбы!

Между тем, она лишь беспомощно повела плечами.

Скорее всего, дело было в том, что Олив родилась и выросла в Райанци, где было принято заключать церковные браки — клясться перед лицом Бога, что будешь хранить верность выбранному супругу всю свою жизнь. Олив не была религиозна, но в её представлении «настоящий» брак был именно таким — клятва перед лицом Бога — и она подсознательно не воспринимала анжельский гражданский брак как нечто серьёзное. В конце концов, Райтэн буквально вот только что уже развёлся один раз! Что мешает ему сделать это снова? За ней-то даже и влиятельного папаши не стоит, подал документы — и прощай!

Все эти свои сомнения Олив и сама-то понимала весьма смутно — и уж тем паче не могла высказать их Райтэну. Тот-то был атеистом и никак не сумел бы понять её чувств: для него церковный брак был лишь традиционным и пустым обрядом. Олив даже могла предположить, что всё это значило для него так мало, что он даже, пожалуй, согласился бы поучаствовать в этом «обряде», если бы она очень уж просила бы об этом — но, естественно, это бы и близко не было тем, чего ей хотелось.

Это обстоятельство — что Райтэн никогда не сумеет понять её желания взять его в мужа пред лицом Бога — показалось ей настолько трагичным и непреодолимо роковым, что она заплакала.

Досадливо вздохнув, он стремительно подошёл к ней и обнял со спины, прижимая к себе покрепче.

В тот же момент, как он её обнял, мучительное чувство трагизма её отпустило; она осознала себя любимой и ценной, и это понимание теплом разлилось по её душе.

Тяжело вздохнув, она перестала плакать, повернулась в его руках и прижалась лицом к его лицу — он был лишь чуть-чуть выше неё.

Подождав с минуту, он откашлялся и сдержанно отметил:

— Лично я как-то не планировал разводиться. — И с замиранием сердца уточнил: — А ты?..

Она замотала головой:

— Нет... — и, не успев удержать слова, выразила куда-то ему в скулу свой страх: — Но ты можешь передумать!

Райтэн не шутя оскорбился.

Не заметив этого, Олив с обвинением в голосе обличила:

— Ты даже так и зовёшь меня по девичьей фамилии!

— По девичьей? — отстранёно переспросил Райтэн.

Тут вступило в бой межкультурное непонимание. В Райанци девушка, выходя замуж, принимала фамилию мужа. В Анджелии отношения с фамилиями были сложными и запутанными — но, в частности, каждый из супругов получал право называться как своей фамилией, так и фамилией партнёра.

Обсуждение разницы в культурных обычаях так их увлекло, что они, отлепившись друг от друга, вступили в оживлённую дискуссию — кажется, и позабыв о ссоре.

Наконец, Райтэн мотивировал свой выбор обращения так:

— Странно было бы называть тебя как сестру! — и Олив вполне приняла такое объяснение.

На самом деле, правда, выбор Райтэна крылся в ином — он просто постеснялся сказать, что ему очень нравится её фамилия, и что ему кажется, что она очень ей подходит. «Тогнар», на его вкус, звучало как удар топора — резко, бескомпромиссно и окончательно. «Се-Стирен» было похоже на полёт стрелы: «се» — натягивается тетива, «сти» — отпускается стрела, «р-р-р» — рассекается воздух в полёте, «ен-н-н» — чёткое попадание в цель и дрожание оперения. По мнению Райтэна, фамилия отражала саму суть Олив куда как лучше имени, поэтому он и предпочитал использовать её.

Однако все эти соображения показались ему слишком сентиментальными, чтобы их высказывать — к тому же, в этот момент они ещё и дополнились некоторыми эротическими аналогиями, — так что он оставил их при себе.

— И вообще, — продолжил он защищать свою точку зрения, хотя она уже вроде и не спорила, — если мы, например, поедem в Райанци, я точно буду называться там твоей фамилией!

Она фыркнула от неожиданности и одними губами, без голоса, попробовала на вкус: «Райтэн Се-Стирен» — и это сочетание весьма её позабавило.

— Или, — вдруг с тревогой уточнил он, — твои родственники будут против?

Олив недоуменно моргнула.

— Мои... родственники? — уточнила она, не понимая, причём тут они.

— Ну, — Райтэн поймал себя на попытке встрепать себе волосы чисто дерековским жестом, одёрнул сам себя и объяснился резче, чем планировал: — Се-Стирены же довольно известный род, они могут не принять меня в качестве зятя, так?

Олив, приоткрыв рот от удивления и досады, уточнила, наконец:

— А с чего бы им вообще об этом узнать? Ты планируешь нанести им визит вежливости? — язвительно переспросила она.

Райтэн, чувствуя себя несколько растеряно, переспросил в ответ:

— А ты разве им не напишешь?

С минуту они смотрели друг на друга с непониманием, изумлением и некоторым даже страхом.

Райтэн, который, как известно, весьма выборочно пользовался этикетом в тех

ситуациях, когда ему приспичило, уже занялся вопросом информирования своих многочисленных родственников о своём вступлении в брак. Точнее, он дальновидно делегировал эту задачу тётушке — зная, что ей будет особенно приятно заняться рассылкой писем такого рода. Тётушка, и впрямь, не подвела, и уже отправляла стопками послания по всем направлениям — вплоть до шестого колена.

Олив, которая сбежала из дома, когда ей было девятнадцать, благополучно не контактировала с тех пор ни с кем из своих родственников и, совершенно точно, не планировала их ни о чём извещать.

Райтэн догадался, что она и не планировала никому ни о чём писать, и как-то одномоментно потух внутри, предположив, что их брак не является для Олив событием достаточно важным для того, чтобы о нём писать. Олив же испугалась, что Райтэн потащит её обратно в Райанци — знакомиться с её семьёй — чего ей абсолютно точно не хотелось.

Наконец, слегка откашлявшись, Олив максимально дипломатично отметила:

— Мы не общаемся.

Райтэн мучительно покраснел: во-первых, от того, что мысленно уже обвинял её в том, что он оказался для неё недостаточно важен, и теперь ему было стыдно за эти непрозвучавшие, но подуманные обвинения, а во-вторых — от того, что залез нечаянно в сферу личную и болезненную.

— Ну, — попытался сгладить дело он, — это же просто этикет. Никто и не заставляет общаться, но невежливо не уведомить...

С дипломатичностью у него, как обычно, не срослось: лицо Олив совершенно закаменело. Чужим холодным голосом она перебила:

— Я не думаю, что они знают, что я жива.

Поперхнувшись недосказанной фразой, Райтэн подумал, что у того, мстительного и злопамятного бога, явно больше шансов доказать ему факт своего существования, чем у дерековского.

Он совершенно знать не знал этих Се-Стиренов; и он был твёрдо и незыблемо уверен, что у Олив есть причины вести себя так, как она ведёт; и всё же он невольно сочувствовал этим незнакомым Се-Стиренам — потому что слишком часто думал в последнее время о том, что почувствовала его собственная семья, когда в один далеко не прекрасный день он просто не вышел к завтраку — и пропал на долгие годы.

Он ведь даже записки тогда не оставил.

Эта ненаписанная записка — мысль о которой тогда даже не пришла ему в голову — особенно мучила его совесть теперь.

Он открыл было рот, чтобы рассказать об этом Олив — о том, как сам он раскаивается в боли, которую причинил родным, о том, что, как бы ни было стыдно, стоит переступить через гордость и примириться, о том, что он переживает теперь за её родню и считает, что нужно бы им написать, — но ничего не сказал. Ему показалось, что такой разговор будет давлением на неё, причём давлением весьма подлым. Он, к тому же, решил, что она и так всё это знает — и, раз так, её выбор обусловлен чем-то, чего не знает он, и его аргументы только разбередят в ней какие-то старые раны.

Мысль о том, что она попросту не знает его собственной истории, в его голову не забрела. Райтэн иногда бывал тем ещё эгоцентриком: ему казалось, что о скандале с его побегом говорила вся Анджелия.

Впрочем, возможно, так и было; просто к тому моменту, как до Анджелии добралась

Олив, тема уже несколько лет как исчерпала себя и была похоронена под ворохом куда как более свежих сплетен.

— Я никогда не спрошу, — сдержанно отметил Райтэн, наконец, — но, возможно, есть что-то, о чём я должен знать?

Нахмурившись, Олив поймала себя на странном, непривычном ей желании открыться. Это отнюдь не было ей свойственно — и даже Илмарту, которого можно было бы уверенно назвать самым близким человеком, который когда-либо был в её жизни, она не рассказывала свою историю.

Мучительно непреодолимое желание раскрыться перед Райтэном овладело ею. Ей отчаянно захотелось, чтобы он — знал. Возможно, роль сыграло его уверенное обещание «я никогда не спрошу» — признававшее её право хранить от него свои тайны. Пожалуй, да: именно вот эта чёткая, уверенная декларация — я не полезу, если ты не пригласишь, — сыграла решительную роль. Это было уважение; а Олив настолько не привыкла, чтобы мужчины относились к ней с уважением, что тут же и влюбилась бы в Райтэна по уши, если бы не была уже в него влюблена.

— Ну, — она присела на краешек стола и чуть наклонила голову набок, пытаясь понять, откуда начать. — Нынешний глава семьи — мой единокровный брат, — попыталась оттолкнуться от чего-то она. — Он человек не дурной, — тут же поспешно спохватилась она, — но сильно старше... у него первый сын на два года младше меня...

Тут она совсем нахмурилась, сообразив, что племянник, которого она знала мальчишкой и юношей, теперь уже взрослый и зрелый мужчина, а брат... брату за пятьдесят уже, выходит. Она не могла представить себе его пожилым — хотя и в целом-то не помнила его лица.

— Моя мама, — по лицу Олив скользнула тень, — стала любовницей моего отца ещё при жизни его первой жены. Брату было пять. Полагаю, — она, морщась, отвернулась, — он всей душой ненавидел мою маму... и винил её в смерти своей, — она обхватила себя за плечи руками, вспоминая сплетни, которые всегда вились тёмным роем вокруг её семьи. — Отец проводил с мамой больше времени, чем с настоящей семьёй, и все знали про эту связь...

Она мучительно покраснела.

Райтэн подошёл и обнял её.

Вздыхнув с облегчением, она продолжила:

— Наверно, он в чём-то прав. Брат. — Уточнила она. — Его мать десять лет жила так — оставленная, униженная... а он это наблюдал ведь. И ничего не мог сделать. И, — она уткнулась в Райтэна, — когда она подхватила лихорадку, ей, думаю, просто не за что было бороться. Она и сгорела за несколько дней.

Райтэн в голосе её почувствовал, что она обвиняет в этой смерти себя.

— Отец с мамой поженились сразу, как истёк срок траура... и я родилась уже в браке. Они... — в голосе её скользнула улыбка. — Очень любили меня, Тэн. Мне в детстве казалось, что у нас самая счастливая семья на свете — я даже и не была знакома с братом-то, который в то время как раз женился и жил в других наших владениях... от сплетен меня ограждали, и я думала... — она не договорила; улыбка её погасла. — Мама умерла, когда мне было семь. Тяжёлый роды... не удалось спасти ни её, ни... — голос её сорвался. — Отец винил себя... стал пить... драться... — совсем тихо она завершила историю: — Через год я

впервые познакомилась с братом, который стал теперь моим опекуном.

— Ясно, — мрачно отметил Райтэн, вполне рисуя себя перед глазами картины самые неприятные.

— Да нет же! — возмущённо повернулась к нему Олив. — Он всегда был человеком честным, воспитывал меня наравне со своими детьми!

— И поэтому ты от него сбежала? — не поверил в благородство её опекуна Райтэн.

— Да по дури я сбежала! — Олив от досады руками всплеснула. — По дури, Тэн!

Он мягко поцеловал её в висок.

— У меня всё было, — успокоившись, продолжила рассказ Олив. — Частные учителя, книги, наряды. Всё, — и с горечью добавила: — Кроме любви. Конечно, он и не мог меня любить! — в голосе её, впрочем, стояла застарелая обида. — Я ведь и на мать сильно похожа...

Брат Олив, в самом деле, отличался благородством характера. За свои обязанности опекуна он взялся отнюдь не формально, и Олив получала всё то же, что и его дочери — её племянницы, лишь на пять-шесть младше неё самой. Однако отца и его измену матери брат не простил, конечно. Он раз за разом напоминал себе, что Гвендоливьери-то ни в чём не виновата, и требовал от самого себя не срывать на неё свою боль, обиду и горечь. И не разу за все те одиннадцать лет, что она была на его попечении — не сорвался.

Но на контрасте с его отношением к собственным детям Олив остро, мучительно чувствовала, что она — нелюбима.

Ко всему, недобрые люди быстро её просветили касательно причин такой нелюбви — что буквально растоптало девочку, лишив её светлой веры в родителей.

Олив чувствовала себя виноватой перед братом — как будто от неё в этой истории что-то могло зависеть — и вообще виноватой за сам факт своего существования.

— Я думала, — продолжила объясняться Олив, — что всем лучше будет, если я поскорее выйду замуж, но... — она мучительно покраснела, вспоминая ту страницу своей биографии, которая причиняла ей особую боль. — Про мать, естественно, дурно говорили в свете... и отца осуждали...

— Поэтому к тебе не сватались, — помог ей Райтэн, потому что её голос совсем заглох.

Давняя обида и унижение снова сжали её сердце; в свете её не приняли, несмотря на то, что родилась она в законном браке.

— Да. — Тихо подтвердила она. — Ко мне впервые посватались, когда мне было девятнадцать...

Райтэн предугадал, что кандидатом в мужья был некто весьма неприятный, кому все остальные кандидатки попросту отказывали.

— Но он... — Олив вздрогнула, вспомнив, и он сжал её покрепче. — Про него говорили... ну, знаешь, что у него... особые пристрастия в постели...

И Олив тогда безумно, отчаянно испугалась, что брат всё-таки отдаст её — потому что это был единственный жених, которого она прельстила, и, возможно, единственный шанс сбить её с рук.

— И я сбежала, — она рассмеялась зло и истерично.

Он напрягся — она смеялась так с минуту, и он совершенно не знал, чем ей помочь и как её вывести из этого состояния.

Наконец, она сама пришла в себя, повернулась к нему и грустно заявила:

— А теперь-то я понимаю, что он бы, — она имела в виду брата, — меня бы не отдал. Он меня не любил, да, но у него был кодекс чести — он бы не отдал.

В голосе её слышалась горечь.

Райтэн не знал, что можно ответить на всё это — и просто поцеловал её, долго, нежно.

— Ну вот, — после поцелуя завершила свой рассказ она, — как видишь, Се-Стирен я чисто номинально, и, думаю, оно только и к лучшему, что там меня считают погибшей.

И по напряжению, которое звучало в её голосе, он понял, что она боится — действительно боится его реакции на свою историю.

«Она что же, думает, я на фамилии женился?!» — раздражённо подумал он.

— Полагаю, — с королевскими интонациями в голосе озвучил он совсем другое, — проиграли от этого только Се-Стирены, а никак не ты.

Она подняла на него недоверчивый взгляд.

— А вот мы, Тогнары, — выпятил грудь вперёд Райтэн, — всегда умудрялись урвать лучшее!

Олив разулыбалась. Затем с несвойственным ей кокетством отметила:

— Тогда, видимо, я и впрямь настоящая Тогнар — раз умудрилась урвать тебя!

Расхохотавшись, он схватил её на руки и закружил, сшибая по дороге стулья. Вцепившись в него, она тоже рассмеялась совершенно искренне и счастливо.

Несмотря на довольно обширный ряд разногласий, их обоих объединяла незыблемая уверенность в том, что каждому из них удалось «урвать» себе лучшего супруга на свете — лучше и быть не может, сколько ни ищи!

4. В чём проявляется любовь?

Райтэн редко задумывался о чувствах других людей — по большей части его голова так прочно занималась всеми его фееричными проектами, что ему было попросту не до того.

Но в этом своём фоновом безразличии он всё же делал исключения — пусть и крайне редко — для тех, кто ему стал по-настоящему близок.

Сперва в эти «избранные» входил только Дерек, теперь же туда присоединилась и Олив. Учитывая столь ограниченный круг персон, чьи чувства Райтэна интересовали, и прикладывая к тому безудержную увлекаемость его натуры...

Райтэн полночи не спал, передумывая в голове полученные от Олив сведения так и сяк, выстраивая из них чёткую систему, накладывая эту систему на факты своих наблюдений — и раздражаясь тому, что всё сходится, а он не додумался до всего этого раньше, и ему потребовалась, чтобы она рассказала прямо.

Раз десять заявив самому себе, что мозгов у него, определённо, нет, Райтэн незамедлительно сам себе обещал, что даст Олив всю ту любовь, какой ей всю жизнь не хватало, и даже сверх.

Как легко можно догадаться, прямо со следующего утра он взялся за исполнение этого обещания — думается, в глазах Олив это любовью не выглядело, потому что он сфинтил с рассветом, не разбудив её, и куда-то унёсся.

Впрочем, вернулся он ещё до обеда — с огромной кипой документов в руках — и радостно потащил Олив в кабинет, где, вывалив эти документы на стол, весело велел ей:

— Подписывай!

Та нахмурилась, вчиталась в ближайший к ней лист — он, на поверхностный взгляд, утверждал за Райтэном владение каким-то складом. Прищурился правый глаз — левый всё ещё был скрыт повязкой — Олив заперебирала бумаги.

В конце концов, до неё дошло, что большая их часть — это перечень некоего имущества. А меньшая — это брачный договор, который закрепляет за Олив в случае развода ровно половину этого имущества.

Не то чтобы Райтэн был настолько богат — но он был настолько скрупулёзен. В своём стремлении сделать всё наилучшим образом он реально перечислил вообще всё, чем владел, включая опись того хлама, который он когда-то сгрёб с лесопилки и который до сих пор, невостребованный, пылился на арендованном чердаке в Аньтэ.

Его порыва Олив не оценила. Разобравшись, что именно ей пытаются втиснуть на подпись, она глубоко вознегодовала, смертельно оскорбилась, ужасно обиделась, отбросила от себя бумаги и воскликнула:

— Я что, по-твоему, аферистка какая-то?!

Заморгав от неожиданности, Райтэн застыл, пытаясь понять, что опять не так. Этой ночью он сообразил, что опять забыл о брачном договоре — надо же было так! — и решил, что обида Олив растёт именно оттуда. Мол, без договора брак какой-то не совсем настоящий. Поэтому, конечно, с раннего утра он рванул исправлять свою оплошность. Но чем же она недовольна теперь?..

— Почему — аферистка? — аккуратно уточнил он, надеясь разжиться подробностями.

— А что ещё? — Олив брезгливо взяла двумя пальчиками один из листов и потрясла им в воздухе с большим негодованием. — Либо аферистка, либо проститутка!

Райтэн совсем перестал понимать движение её логики. Он, конечно, не знал, что Олив несколько раз поступали некоего рода предложения от богатых мужчин, и, разумеется, ни одно из этих предложений не было брачным. Поэтому Олив крайне болезненно относилась ко всему, что хотя бы отдалённо подходило под схему «меняю ласку на деньги» — учитывался ли в такой схеме брак или нет.

— Не понимаю, — наконец, тихо признал Райтэн, отчаявшись отследить логику — ему-то, разумеется, и в голову не приходило ничего подобного. Просто у него были деньги, и он хотел обеспечить её даже в том случае, если их отношения не сложатся.

Олив, взглянув на его серьёзное усталое лицо, наконец, осознала, что он явно не имел целью её оскорбить.

— Тогнар!.. — беспомощно отбросила она лист, но так и не высказала никакую мысль.

Не дождавшись продолжения, Райтэн язвительно отметил:

— Я слушаю!

Она огорчённо всплеснула руками.

Опять подождав и опять ничего не дождавшись, Райтэн вздохнул, сел за стол, выловил тот листок, который отпустила Олив — как раз о том, чтобы разделить всё имущество пополам, — вчитался в него, понял, наконец, в чём камень преткновения, пожал плечами и спокойно заявил:

— Не хочешь договор подписывать — оформлю как дарственную. И даже разводиться не придётся! — язвительно добавил он.

— Только попробуй, — Олив села на стол спиной к нему и нахохлилась.

Он поразглядывал её спину.

Сердце его мучительно сжалось от боли за неё.

Встав, он обогнул стол и сел на него рядом с ней, с левой стороны.

Она не повернулась к нему.

Пару минут они молчали.

Наконец, Райтэн сформулировал свою позицию и тихо её высказал:

— Я просто хочу позаботиться о тебе. — Поскольку ответа не последовало, добавил: — Я бы хотел позаботиться о тебе, даже если бы ты не была моей женой. И даже если ты захочешь со мной развестись. — Твёрдо и упрямо добавил он, сжимая челюсть на слове «развестись», отчего скорее прошипел его, чем выговорил.

— Я не нуждаюсь в том, чтобы обо мне заботились! — гордо продекларировала Олив именно потому, что ей ужасно хотелось, чтобы кто-нибудь о ней заботился, и она презирала это желание в себе и хотела сама себе доказать, что вполне может со всем справиться сама.

Её независимая тирада, впрочем, не смогла обмануть Райтэна, который прекрасно знал этот тип гордого упрямства.

Сложив руки на груди, он через губу ответил:

— Пожалуй, я достаточно эгоистичен, чтобы проигнорировать этот факт!

Она возмущённо повернулась, чтобы оценить выражение его лица здоровым глазом. Лицо это, бледное и решительное, выражало самую пафосную надменность, но и её оно ни капли не обмануло.

Она поспешно отвернулась, потому что на губы просилась дурацкая улыбка. Он, впрочем, прекрасно понял, зачем она отвернулась, и тоже испытал трудности с попыткой поймать непрощеную улыбку.

С минуту они боролись с собой.

Потом ей стало стыдно за то, что она постоянно нападает на него и в ответ на всю его доброту платит такой грубостью.

А он в это время с досадой думал, что совсем не умеет выражать любовь и совершенно не знает, как себя вести, чтобы она эту любовь чувствовала.

Оба они повернулись друг к другу одновременно, и оба уже начали произносить слово: «Прости!» — но запнулись, осознав, что делают это одновременно, и снова выпрямились.

Каждый из них проходил сейчас через шокирующее осознание.

Олив в глазах Райтэна выглядела смелой, решительной, сильной женщиной, твёрдо стоящей на ногах и способной горы свернуть. Только став ей мужем и любовником, он обнаружил, что за сильной гордой оболочкой скрывается целая бездна боли — там и сям расцвеченная прожилками горечи и отчаяния. Райтэн, с одной стороны, безмерно уважал Олив за то, что она умеет так мастерски справляться с той бездной, которая мучает её изнутри, с другой — ему стало её столь же глубоко и безмерно жалко. Это было нетипичным для него сочетанием чувств — он всю жизнь полагал, что жалость несовместима с уважением, и теперь не мог разобраться в собственных эмоциях.

Если же говорить об Олив, то в её глазах Райтэн был смелым, решительным, сильным мужчиной с резким непримиримым характером и жёсткой манерой. С неожиданностью для себя открыв, что за это манерой скрывается бездна уважительной, деликатной нежности, Олив была совершенно дезориентирована. Ей, с одной стороны, так была нужна эта нежность, что ей хотелось вцепиться в Райтэна руками и ногами и никогда никуда не отпускать его от себя, со стороны же другой — она отчаянно боялась потерять независимость, потерять саму себя, и притом она ещё полагала, что совершенно не заслуживает такого чувства, и поэтому ей категорически не стоит привыкать к нему — потому что это не может быть всерьёз и надолго.

Он ей ничего не сказал, только разомкнул свою позу и оперся правой рукой на стол за её спиной — не прикасаясь, впрочем, к ней. Она вздохнула и сама прижалась к его правому боку. Тогда он повернулся и обнял её за плечи. Она в ответ обвила руками его талию.

Они посидели так, обнявшись.

— Я не умею быть хорошей женой, — наконец, тихо призналась она ему в щёку.

— Будь собой, — отозвался он так быстро, как будто бы ждал именно этого признания и заранее подготовил на него ответ.

Она судорожно вздохнула и вжалась в него покрепче.

5. Чем умные люди занимаются на балах?

С юности Дерек на дух не переносил балы и приёмы, потому что они требовали море подготовительной работы и не давали ни минутки свободного времени.

Сперва, пока он с Грэхардом — тогда ещё принцем — носился по балам при разных королевских дворах, это было ещё терпимо. В такой ситуации он выполнял всего лишь роль мальчика на побегушках — не сложнее, чем обычно. Но когда Грэхард занял трон Ньюна! Тут головной боли у Дерека существенно прибавилось, потому что, кроме побегушек, ему приходилось поломать голову и над организацией, и над грамотным разделением гостей из враждующих фракций, и над удобством расположения этих фракций для Грэхарда, и... хвала всем богам всех миров, что бал в Ньюне проводили лишь раз в году — на празднество в честь Небесного — а приёмы обычно охватывали не такое большое количество гостей.

В Кармидере бальный сезон начинался в конце весны и длился почти всё лето. Это было связано с университетской жизнью: выпускники заводили связи и искали невест, в Кармидер в это время съезжались и те, кто был заинтересован в квалифицированных специалистах, и те, кто ценил в возможном зяте интеллект.

На приёмах прошлого сезона Дерек пару раз бывал — его затащил туда Райтэн, искавший новые ценные кадры, — а вот балов ему удалось счастливо избежать.

В этом же году его безапелляционно вытолкнул на балы господин Михар.

— Пора работать над вашей репутацией, — не терпящим возражений тоном заявил он.

Дереку идея совсем не пришлась по душе — ему не хотелось ни вести светскую жизнь, ни наработать репутацию, ни впутываться в политику. Но противопоставить предприимчивому патрону ему пока было нечего, так что единственным, чем он выразил своё недовольство, было беззубое возражение:

— Я ни одного танца не знаю.

Михар смерил его скептическим взглядом, потом отмахнулся:

— Уверен, что госпожа Ринар решит эту проблему!

Госпожа Ринар, естественно, не подвела. Танцы она знала великолепно, все до единого, потому что и танцевать любила, и светская жизнь ей была более чем по нраву. Впрочем, все свои навыки она передать Дереку так и не смогла. Анжельцы были той нацией, которая мало того, что без всяких зазрений совести заимствовала танцы от всех своих соседей, так ещё и умудрялась на их основе составлять свои, сочетая элементы, которые вообще не подходили друг к другу. Чего только стоила попытка скрестить строгий ньонский полонез, похожий скорее на торжественный показ пар, в которых кавалер и дама даже не прикасались друг к другу — как можно, это же Ньюн! — и задорный марианский бурре с его кружениями и притоптываниями!

Во время обучения Дерек отнюдь не роптал — оказалось, что танец тоже может быть разновидностью флирта, — но запомнить все движения и рисунки за несколько дней было совершенно невозможно. Однако ж, в какой-то момент ему даже стало казаться, что бал будет мероприятием весьма приятным — во всяком случае, танцевать с Магрэнь было действительно очень приятно.

Однако реальность долбанулась Дереку в лицо весьма жёсткой каменной стеной.

Для начала выяснилось, что он не может идти на бал с Магрэнь — точнее, может, конечно, но, по её словам, это было всё равно, что с главной площади прокричать, что они

любовники.

— Но ведь все и так знают, что мы любовники, — простодушно возразил Дерек, который не понял, почему это вдруг потребовалось скрывать.

Магрэнь смерила его огорчённо-раздражённым взглядом и изящно отмахнулась:

— Ты меня скомпрометируешь!

В высшей степени недовольный Дерек сложил руки на груди и мрачно возразил:

— Я бы тебя не скомпрометировал, если бы мы были женаты!

Магрэнь соскочила с темы легко и непринуждённо, неожиданно вспомнив, что не передала управляющему новую эссенцию из тюльпанов: то ли она относилась к числу женщин, которые в принципе не желали выходить замуж, то ли в её планы не входило выходить замуж конкретно за Дерека.

Пришлось смириться с капризом дамы и идти на бал одному — точнее, не одному, а в свите господина Михара, в паре с дочерью одного из его партнёров, которую Дерек и увидел-то впервые именно на этом балу.

Уже через полчаса Дерек понял, что напрасно жаловался на организацию ньонских балов и приёмов — быть непосредственным участником подобных мероприятий оказалось в разы сложнее. В перерывах между танцами нужно было успевать знакомиться и начинать беседы — и успевать провести эти беседы коротко и куртуазно! — а пропускать танцы мало того, что не рекомендовалось, так ещё и приглашать нужно было с умом — и в танце следить не только за фигурами, но и за разговором, потому что дам ему Михар подсовывал не просто так, а тех, с кем как раз и нужно было наработать репутацию.

Несмотря на великолепную память, к концу первого часа у Дерека всё смешалось: пятнадцать новых знакомств, три автономных друг от друга коммерческих разговора, пять бесед о погоде с далеко идущими политическими заходами, один прямо по ходу пьесы освоенный незнакомый танец («Ничего, я проведу!» — пообещала дама, к которой его подтолкнул господин Михар), ещё четыре танца, в которых он лишь чудом не перепутал фигуры и...

В общем, Магрэнь подвернулась более чем вовремя — точнее, конечно, не подвернулась, а Михар заметил, что его протеже явно ушёл в режим перезагрузки, поэтому своевременно спихнул его «отдохнуть».

Дерек, надо признать, так заморочился, что с полминуты изысканно говорил о погоде, прежде чем понял, что танцует с Магрэнь. Та, сияя весёлыми глазами, явно посмеивалась над ним про себя — для неё-то такой формат налаживания связей не представлял никакого труда.

— Умотался? — с пониманием уточнила она, лихим и отточенным движением выкручивая вихрь своих тёмно-бордовых шёлковых юбок — на балы она избегала приходит в своём любимом чёрном.

Дерек заморочено кивнул.

— Сейчас что-нибудь придумаю, — хмыкнула Магрэнь, выстраивая в голове коварные планы.

Прикинув так и сяк, она пришла к выводу, что лучший способ выгадать для Дерека передышку — это отвлечь Михара, поскольку без инициативы Михара Дерек вполне сможет постоять тихонько в уголке, никому не нужный — если, во всяком случае, нарочно не привлекать к себе внимания.

Отвлечь Михара проще всего было важным деловым разговором — и Магрэнь тут же нашла подходящую тему — но к концу танца ей пришла в голову более интересная мысль.

Она была не из тех женщин, кто прощает недостаток галантности, а за Михаром числился должок, причём серьёзный. Конечно, в виду несоразмерности их влияния, требовать этот должок не позволяло чувство самосохранения, но именно сейчас всё сложилось более чем удачно, поэтому план коварной мести был разработан в несколько секунд.

— Так, — быстро посвятила в свой замысел партнёра она, — берёшь бокал и вдумчиво разглядываешь во-он ту картину. С четверть часа я тебе гарантирую, а может, и побольше.

Дерек было облегчённо вздохнул, но, машинально проследив за взглядом Магрэнь — она с изучающим прищуром разглядывала затылок Михара — догадался, что она собирается впутаться в какую-то не слишком безопасную интригу.

— Рэнь... — нахмурившись, предупреждающим тоном попытался остановить он её.

Она закатила глаза и досадливо взмахнула рукой:

— Не начинай, Дерри! Я в сильной позиции: он не захочет ссориться с тобой на ровном месте.

Дерек сжал челюсти; спорить с Магрэнь, если уж она что-то вбила себе в голову, не представлялось возможным. Он, впрочем, всё же предпринял попытку:

— Рэнь, давай ты не будешь лезть на рожон!..

— Ах! — перебила она его. — Не всё же тебе одному играть с огнём [1], Дерри! — и умчалась в направлении своей жертвы.

Взгляд её, правда, невольно метнулся к одному из кармидерских чиновников. Господин этот имел в какой-то момент неосторожность перейти дорогу Михару, и вскоре после того попал в весьма неприятную историю, в которой фигурировали разбойники и после которой он до сих пор был вынужден пользоваться тростью. Михар, казалось бы, никак не был замешан в этом трагичном эпизоде, но слухи по Кармидеру поползли — это был не первый случай, когда с врагами сего серьёзного господина случались трагические случайности.

«Ну, маленькая шалость не в счёт!» — тряхнув головой, отогнала от себя мрачные мысли Магрэнь. В конце концов, вряд ли он решит тратить время из-за лёгкой навязчивости на балу!

Господин Михар догадался, что у него неприятности, в тот момент, когда за его спиной раздалось радостно-нежное: «Арни!»

Мысленно вздохнув, он закончил разговор, который вёл, медленно обернулся и, смерив Магрэнь холодным взглядом, отметил:

— Фамильярничаете, как и всегда.

Магрэнь в ответ выдала ему сияющий и проникающий в самую душу взгляд, с каким юная девушка смотрит на возлюбленного, которого видит впервые после долгой разлуки.

Хотя взгляды подобного толка никогда не пробивали Михара, он не мог не признать, что противница знает, как себя подать. Её тёмно-бордовое шёлковое платье с широким вырезом-лодочкой удачно обнажало плечи, причёской она умело подчеркнула линию шеи, и оттенённые макияжем пылкие взоры получались у неё сегодня особенно выразительными и яркими.

Чуть выгнув бровь, Михар демонстративно поизучал предложенные его вниманию плечи и ключицы, после чего перевёл взгляд выше и отобразил лицом выражение: «Ну и

чего припёрлась?»

Магрэнь обольстительно улыбнулась, чуть разомкнув губки, опустила ресницы и блеснула из-под них глазами нежными и ласковыми.

Еле слышно хмыкнув, Михар уведомил:

— Нарываетесь, Магрэнь.

Она вздохнула и пожаловалась:

— Что ж делать, если вы так недогадливы и никак не пригласите меня на танец!

Хмыкнув в этот раз вполне явственно, Михар любезно уведомил:

— Я не танцую.

В голосе его, впрочем, слышалось затаённое веселье. Разобравшись, зачем она к нему подошла, он ожидал теперь дальнейшей игры — ему было интересно, как работает её голова, и он предвкушал развлечение.

Она не разочаровала. Надув губки, обиженно сказала:

— За вами должок, Арни!

— В самом деле? — заинтересовался он.

— Вы мне испортили чайный столик в свой прошлый визит! — с точно выверенной долей негодования и обиды припомнила она.

Он весьма сомневался, что столику с его лакированным покрытием могла повредить потушенная об него сигара, поэтому любезно предложил:

— Подайте на меня в суд, мадам.

Она демонстративно скривилась: даже если бы столик и впрямь был сильно испорчен, кто она и кто он — стал бы суд принимать такое заявление!

Не преуспев на этом поле, она сменила тактику. Чуть изменённый наклон головы, лёгкий прищур и деловой тон — преображение получилось таким ненавязчиво-естественным, что он мысленно поаплодировал.

— Быть может, мне найдётся, что вам предложить? — смерила она его оценивающим взглядом. — Кармидерские духи?

С лёгким смешком он отклонил и этот удар:

— Увы, мне ничего от вас не нужно, госпожа Ринар.

Взгляд её похолодел; черты лица стали казаться более резкими, и вкрадчивым голосом она начала следующий тур:

— Господин Михар, вообразите, какой скандал поднимется, если я весь бал прохожу за вами, настырно требуя танца!

— Угрозы, Магрэнь? — он, кажется, с трудом сдержал смех. — Вы уверены, что хотите мериться угрозами?

Она скривила гримаску, которая долженствовала означать поражение на этом поле — мериться тут, право, было нечем. Точнее, ставки-то можно было повесить — Магрэнь при желании могла бы создать ему существенные неприятности — но и ответ с его стороны был бы жёстким и фатальным. Не тот случай, когда стоило рисковать.

— Ах! — неожиданно перешла она к выражению недовольства и с досадой высказала: — К вам не подобраться, право!

Он чуть прищурился, ни на минуту не поверив, что она отступила, и пытаясь угадать, к чему ей понадобился такой заход.

— Вечно по-вашему выходит! — с негодованием, которое казалось вполне искренним, горячо продолжала она. — Вы совершенно несносны, всегда получается так, как вы решили!

Он едва заметно улыбнулся и, разгадав новый виток игры, констатировал:

— Лесть.

— Что? — очаровательно не поняла она, но в глазах её стояли смешливые искорки, когда она возразила: — Я говорю чистую правду!

Меж тем, заиграли первые такты нового танца.

Приняв гордую и независимую позу, Магрэнь холодно уведомила:

— Между прочим, из-за вашей несговорчивости я вынуждена пропускать свой любимый танец!

— Помилуйте! — сложив руки на груди, возразил он. — Я вас сюда не звал, и я вас здесь не держу.

— Ну Арни!.. — протянула она.

— Повторяетесь, — поморщился он, поскольку спектакль ему уже наскучил.

— Вы могли бы станцевать со мной хотя бы потому, — деловито отметила она, — что я уже пять минут усиленно вас развлекаю!

Чуть наклонившись к ней, он, понизив голос, участливо спросил:

— А вы принимаете милостыню танцами, Магрэнь?

Смутить её ему, конечно, не удалось. Обдав его ответным насмешливым взглядом, она парировала:

— Меня, положительно, тревожат ваши наклонности, Арни! Вам действительно, — она выразительно поиграла бровями, — так необходимо, чтобы у вас чего-то вымаливали?

— Магрэнь, — он выпрямился и разомкнул руки, — вы, так и быть, можете повымаливать у меня танец ещё минут десять, но потом, уж простите, я буду вынужден отправиться на розыски господина Анодара.

Поведя плечами, она недовольно отметила:

— Учитывая, что мои мольбы вас не вдохновляют, мы могли бы провести это время с большей пользой!

Он изобразил лицом вопрос.

Она улыбнулась и предложила ему руку для танца.

— Магрэнь! — раздражённо поморщился он и сделал ладонью резкий жест, предлагая удалиться.

С независимым видом пожав плечами, она отошла.

Хотя основная цель и была достигнута, она была недовольна результатом переговоров — ей думалось, что он, в самом деле, мог бы и станцевать с нею в качестве извинений.

Впрочем, он, видимо, тоже полагал, что извинения всё-таки задолжал, потому что на следующий день ей доставили прекрасный чайный столик с витражной столешницей тонкой нийской работы — более чем подходящей к нийской вазе на её каминной полке.

Фыркнув себе под нос:

— Ну ладно, ладно! — Магрэнь посчитала должок списанным.

Аренс — огненный лис, анжельский фольклорный персонаж. В Анджелии не принято давать имена в честь мифических существ, но Михары в этом вопросе отличаются оригинальностью.

6. Что работает эффективнее любых интриг?

У Кайтэнь было два повода огорчаться.

Первый заключался в том, что Руби, прикинув вероятности так и сяк, приняла решение бросить университет и уехать в столицу. Решение это было продиктовано скорее отчаянием, наложившимся на капризную избалованную натуру: Руби не могла незамедлительно получить то, чего ей хотелось, и потому предпочла постановить с самой собой, что ничего ей и не хочется. Тоже мне, велики цацы! Два резвых купчишки да помешанный на боёвке картограф! В столице она наверняка найдёт людей и поинтереснее, и поумнее, и уж они-то оценят её таланты по достоинству, и не будут кривить губы с этими своими псевдоморальными принципами!

Господин Михар был весьма обескуражен столь резкой сменой курса, и про себя подумал, что, должно быть, воспитание детей в число его талантов не входит, и следует, во всяком случае, порадоваться, что ребёнок у него только один. Впрочем, не отобразив недовольства ни на лице, ни в голосе, он спокойно принял решение дочери и сразу же начал в голове выстраивать, с кем бы попробовать её свести в столице, и какой зять в большей степени отвечает его амбициям.

Конечно, вся эта история с соскочившим Тогнаром и неожиданно капризной дочерью, у которой то «не любят», то «сдались они мне!», заставила его с некоторой тревогой смотреть на грядущие матримониальные перспективы. Казавшаяся ранее логичной и серьёзной дочурка удивила неприятно, и Михар дальновидно ожидал продолжения череды связанных с нею неприятностей.

Что касается отношений с Кайтэнь — Руби не то что не подумала о чувствах подруги, а просто посчитала, что другого выхода всё равно нет. Не торчать же ей теперь в этом проклятом университете, где буквально всё напоминает о её досадном поражении! Наталкиваться на вежливого Дерека, который любезен только потому, что обещал её отцу, терпеть игнорирование со стороны Илмарта, который решительно делал вид, что её не существует, сталкиваться порой с бегущим куда-то по делам Райтэном — и знать, что её в эти дела никогда не позовут и не допустят!

Нет, это было бы чересчур, и Руби твёрдо решила, что начнёт теперь новую жизнь, и никогда не совершит прежних ошибок и не почтит своей дружбой людей, не способных оценить красоту и изысканность многоуровневой динамичной интриги.

Отъезд этот все её несостоявшиеся друзья восприняли с большим облегчением — только Кайтэнь по-настоящему страдала, но таила свои чувства внутри, потому что знала, что никто её симпатии к Руби не разделяет.

Вторым обстоятельством, вносящим ещё больше огорчения в её жизнь, стал приближающийся отъезд профессора Линара.

Профессор, как уже отмечалось, был светилом мировой величины. Его смелые опыты и не менее смелые гипотезы интересовали учёных из многих стран — некоторые приезжали ради него в Кармидер, но порою и сам профессор отправлялся к коллегам.

В этом году сразу после сессии он планировал длительное — двухгодичное — турне. Его ждали в университетах Райанци, Ниини и Даркии, в лабораториях Ньона и Либерии среди колдуний Сира и в храмах Джотанды. Ряд лекций и семинаров, совместных опытов и обмена информацией и идеями — профессор сиял взглядом, лицом и всей фигурой, едва

лишь речь заходила об этой поездке.

Кайтэнь не могла его сопровождать по самой дурацкой на свете причине: она была благородной девицей, а таковым, как известно, не допускается путешествовать в компании мужчины, не являющегося родственником.

Это было ужасно несправедливо, и Кайтэнь, не задумываясь, пожертвовала бы своей репутацией, если бы речь шла лишь о ней; но пятно от такого скандала легло бы и на её обожаемого профессора!

Впрочем, Тэнь была не из тех леди, кто сдаётся легко. В голове её уже зрел новый авантюрный план: ей думалось, что она могла бы остричь волосы, перетянуть грудь и изобразить студента-ассистента. План этот, чем дальше, тем больше казался ей разумным и жизнеспособным, но подойти с этим предложением к профессору она боялась — он ведь и словом не заикался, что хотел бы видеть её в этой поездке, поэтому она полагала, что навязывается ему, и оттого молчала.

Профессор же даже не заикался, потому что, во-первых, не додумался до идеи с переодеванием в мужчину, а во-вторых, считал, что молодой, перспективной, умной женщине найдётся, чем заняться в Кармидере и без своего занудного научного руководителя.

Это соображение, однако, приводило профессора в уныние и даже ложилось неприятной тенью на предвкушение поездки: он был совершенно уверен, что по возвращении найдёт Кайтэнь уже замужней дамой.

Чем ближе к сессии — и, соответственно, к отъезду, — подходило время, тем мрачнее становились они оба.

Однажды на ужине у Тогнаров мрачность эта достигла таких глубин, что её заметил даже Райтэн.

— Гляжу, твоя поездка тебя уже не радует? — с большим удивлением спросил он у профессора, который вроде ещё недавно весь горел предвкушением, а сегодня лишь вяло отметил, что ему не до того, и все мысли его заняты сессией.

— Я давно её жду! — возмутился профессор и весьма кисло добавил: — Радует, конечно.

Райтэн бросил удивлённый взгляд на Олив — мол, ты это видела? — но она лишь повела плечами — мол, я его совсем не знаю. Тогда Райтэн перевёл уже немного возмущённый взгляд на Дерека: что тут, вообще, творится?!

Дерек, который весь был мыслями в очередном михаровском проекте, несколько упустил суть драмы, но уловил тему разговора, поэтому решил оживить дело вопросом:

— А Тэнь тоже едет?

Тётушка так воодушевилась, что аж хлопнула ладонью по столу — слепота собственной племянницы была предметом её горячего огорчения. Жест этот, впрочем, приняли за осуждение, и Кайтэнь быстро, оправдывающимся тоном, ответила:

— Мне нельзя, это неприлично.

Однако на профессора она взглянула с такой надеждой, будто ждала, что он заявит, что ему нет никаких дел до приличий. Тот её надежд не оправдал, и, смутившись, уткнулся взглядом в тарелку.

Тётушка посмотрела на Кайтэнь почти что с негодованием.

Осознав, что помощи ждать неоткуда, Тэнь решила попробовать претворить в жизнь свой гениальный план.

— Но я бы могла переодеться мужчиной!.. — предприимчиво начала она.

Райтэн поперхнулся от неожиданности.

Тётушка простонала что-то невразумительное и спрятала лицо в ладонях.

Профессор уставился на Кайтэнь во все глаза, как будто впервые её видел. Предложение явно его заинтересовало.

Дерек машинально поискал глазами Руби, чтобы обменяться с ней взглядами на тему: «Ну до чего же они идиоты!» — не нашёл, поморщился, и переадресовал этот взгляд Илмарту, который, впрочем, тоже понял его правильно и закатил глаза.

— Переодеться... мужчиной?! — опомнился Райтэн, вскакивая.

Его почти сразу утянула обратно вниз Олив, рассматривающая противоположный край стола с большим скепсисом.

— Тогда все приличия будут соблюдены! — горячо принялась защищать свою идею Тэнь. — У меня получится, правда! Я ничем себя не скомпрометирую, обещаю!

Бушующий негодованием Райтэн перевёл тяжёлый взгляд на профессора. Тот подумал, что друг решил, что он желает посягнуть на честь его сестры, поэтому столь же быстро вмешался в разговор:

— Я гарантирую госпоже Тогнар полную неприкосновенность и совершенное инкогнито!

Идея поехать в своё путешествие с Тэнь несказанно его воодушевила.

Тётушка простонала ещё что-то, столь же маловразумительное, что и раньше, но там явно проскальзывала какая-то мысль про отсутствие у присутствующих мозгов.

За столом воцарилась тишина.

Тэнь и профессор в надежде смотрели на Райтэна — только бы разрешил!

Дерек, подперев подбородок рукой, разглядывал потолок и размышлял о том, что в некоторых ситуациях даже самые изысканные интриги бессильны.

Илмарт с большим интересом разглядывал Райтэна: тот пятнами краснел и катал желваки по лицу, явно удерживая внутри себя яркий и страстный монолог. От проговаривания внутри себя этого монолога его отвлекла Олив. Чуть наклонившись к нему, она тихо — но из-за всеобщего молчания слышно было всем — спросила:

— Как думаешь, мы выглядели такими же идиотами?

Дерек и Илмарт синхронно хмыкнули.

Райтэн явно сбился с мысли, успокоился, поглядел на Олив с лёгкой укоризной, а после, глядя куда-то в стену сильно над головой тётушки, спросил у воздуха:

— Напомните мне, уважаемые гении химической науки, а по какой причине вы не можете просто пожениться?

— Меня тоже интересует этот вопрос! — незамедлительно подхватила тётушка.

— Тэ-эн, — с укором протянул Дерек, пеняя другу за прямолинейность.

Кайтэнь, мучительно покраснев, неожиданно обнаружила что-то невозможно увлекательное на дне своего бокала.

Профессор, покраснев чуть менее мучительно, пробормотал что-то невразумительное о разнице их социальных положений и о том, что он отнюдь не претендует и вполне понимает, что не может составить достойную пару...

На памяти присутствующих красноречивый обычно профессор впервые путался в словах и запинаясь, как студент-первокурсник, не выучивший билет. Это явление вызвало всеобщее недоумение, и его долго не прерывали просто потому, что не могли сообразить, о чём он

говорит.

Наконец, Дерек выразительно откашлялся, привлекая внимание Райтэна к тому факту, что, даже если у твоего друга в какой-то момент и отказали мозги, это ещё не повод заставлять его так мучиться.

Верно поймав намёк, Райтэн резко оборвал жалкий поток из обломков фраз:

— Сэн. Это, конечно, чисто ваше дело... — тут он замялся, не зная, как сформулировать мысль, но ему на помощь резво пришла тётушка:

— Но мы были бы весьма рады такому зятю!

— Да! — с облегчением подтвердил Райтэн, радуясь, что сентиментальную часть высказал кто-то другой.

И Кайтэнь, и профессор — оба так смутились, что не глядели ни друг на друга, ни на кого. Обоим им показалось весьма страшно, что о деле, о котором они себе и мечтать не разрешали, говорят так просто, за столом, как о чём-то обыденном и простом.

Для них их чувства не были ни обыденными, ни простыми, и обсуждать их так было, решительно, невозможно.

Первым суть проблемы уловил Дерек — он тоже не понимал способности Райтэна вытаскивать правду такого рода наружу так бесцеремонно.

— Ну, это точно не разговор для большой компании! — весело заявил он и быстро перевёл тему: — Как вы считаете, лето в этом году будет солнечным?

Райтэн усмехнулся краешком губ и обратил весёлый взгляд на сестру. Та пробормотала, не рассчитывая, что её услышат:

— Хотелось бы, чтоб так...

Профессор, впрочем, сидел слишком близко, чтобы не услышать; бросив на неё нерешительный взгляд, подхватил тему:

— Кто ж отказался бы от солнечных деньков?

Тётушка улыбнулась расслабленно и довольной.

— По всем приметам, — важно подняла палец она, — будет весьма солнечно!

7. В чём суть дружбы?

Отъезд Руби вызвал у Дереха большое беспокойство. Он небезосновательно полагал, что при отсутствии необходимости в лояльном отношении к дочери господин Михар предпочтёт вместо пряников использовать кнут.

Опасения такого рода побудили Дереха составить список неприятностей, кои ему может организовать непрощеный благодетель.

Список этот содержал в себе три раздела.

Первый затрагивал неприятности, которые Михар мог организовать собственно Дереху. Возглавлял этот раздел пункт «раскопать историю и привлечь Грэхарда» — а дальше перечислялись всевозможные примитивные способы давления, от угрозы убийства — до мелкого членовредительства. Поскольку всё это остальное находилось за пределами, очерченными законами Анджелии, Дерек полагал маловероятным, что Михар возьмётся за эти рискованные для его репутации рычаги давления.

Второй раздел обозначал возможные угрозы Магрэнь. Конечно, они вроде как договорились не привлекать дам, но Дерек полагал наивным доверять такого рода договорённостям.

Третий, наконец, касался Райтэна, его проектов и его семьи — там можно было прижать и на контрабанде, и на не совсем демократичных основах управления в Аньтэе, и на многом другом.

Порассматривав получившиеся списки, Дерек пришёл к выводу, что ему неплохо бы обзавестись союзниками и обсудить ситуацию со знающими людьми — точнее, с отцом Райтэна. Повод навеститься в Брейлин у него был: господин Михар таки действительно согласился закупать каменный уголь для своего чугуноплавильного предприятия в Ан-Фило, и, поскольку предприятие это было весьма и весьма объёмным, следовало подумать как над расширением карьера, так и над удобством логистики.

Планы Дереха удачно сочетались с планами Райтэна. Они с Олив как раз хотели испытать корабли на Кантаэнь — требовалось оценить перспективы северной торговли по речному пути — и сперва предполагали заехать в Брейлин, потому что Райтэн собирался познакомиться жену с отцом.

Илмарта тоже позвали, но он отказался, заявив, что в Кармидере у него есть дела поинтереснее, и вообще, он покуда не настолько сошёл с ума, чтобы мешать молодожёнам в свадебном путешествии.

Олив и Райтэн, которым и в голову не приходило рассматривать свою деловую поездку как свадебное путешествие, только переглянулись удивлённо, но возражать не стали. В конце концов, да, у них были вполне определённые планы на совместный досуг.

Поездка, правда, с самого начала не задалась, поскольку Дереха сопровождал неизменный Джей. Райтэна это обстоятельство раздражало неимоверно, но на предложение оставить докучливого шпиона в Кармидере Дерек лишь моргнул недоуменно и переспросил:

— Как ты себе это представляешь? Он же мой телохранитель.

— Вот именно, что твой! — возвёл глаза к небу Райтэн. — Вот и вели ему остаться!

Дерек смерил друга недоверчивым взглядом — мол, неужели ты и впрямь способен изречь столь несусветную глупость? — затем склонил голову набок и мягко напомнил:

— Тэн, у него есть вполне определённая работа — с конкретными обязательствами — и

плачу за выполнение этой работы не я.

Райтэн скривился, поскольку возразить на это было нечего, и оставил вопрос — впрочем, взгляды, которыми он прожигал Джея, были более чем красноречивы.

Тот относился к столь недружелюбному приёму философски, и даже упорно не замечал тех гадостей, которые Райтэн изрекал в его адрес по всякому удобному случаю. Джей слишком радовался поездке, чтобы обращать внимание на досадные мелочи.

Что в клане, что при господине Михаре он жил, считай, в четырёх стенах, и единственным — крайне неприятным — опытом путешествия у него было бегство из Джотанды в Анджелию, которое он помнил не так чтобы хорошо: был ранен, эмоционально выбит из колеи, напуган и деморализован гибелью близких. Не тот опыт, который хотелось бы вспоминать.

Между тем, Джею очень нравилось путешествовать — он это понял, когда из Ан-Фило добирался в Кармидер, — и он с большим азартом предвкушал предстоящую поездку и совершенно искренне наслаждался каждым её этапом. Ему было ужасно, просто невыносимо интересно посмотреть на невиданные корабли Райтэна, о которых столько говорили; узнать, каково это — путешествовать на таком корабле по реке; увидеть, какова настоящая Анджелия, широкая и дикая, а не все эти тесные города; познакомиться со знаменитым каменноугольным карьером, повидать Брейлин, посмотреть на знакомые горы с анжельской стороны...

Как вы понимаете, настроение у Джея было самым что ни на есть праздничным, и никакие, даже самые острые, замечания Райтэна не могли его задеть — и даже не менее острые взгляды Олив тоже.

Кроме того, у него была ещё одна причина радоваться: Дерек возжелал овладеть джотандским, а в обмен предложил обучать нийскому. Теперь их взаимодействие происходило весьма живо: они переводили друг другу все фразы, которыми обменивались, и постоянно называли окружающие предметы на разных языках. На самом деле, это оказалось до того увлекательно, что Джей порой напрочь забывал о своих обязанностях по охране. Кажется, недостаточно прекрасно владеть клинком и рукопашным боем, чтобы быть хорошим телохранителем: Джею для этого явно не хватало внимательности и сосредоточенности.

Дерек, впрочем, отнюдь не сетовал на рассеянность телохранителя: ему самому было гораздо интереснее учить джотандский с разговорчивым партнёром, чем держать в памяти наличие молчаливого охранника где-то за спиной.

Путешествие давало новую пищу для языковых упражнений: ещё на подходе к пристани они с Джем выяснили, что в джотандском существует целых десять слов для обозначения разных типов рек, тогда как в нийском имеется всего три.

— Ну что ж, придётся мне хорошенько поднапрячь мозги! — смеялся Дерек, поскольку Джей запомнил все свои три слова влёт, а вот он сам не мог похвастаться способностью выучить десяток так быстро.

Райтэн молчал и скрежетал зубами. Он по-джотандски знал только два слова, обозначающие реки, и мини-лекция Джея на тему «чем реки высоко в горах отличаются от рек предгорий, и почему нужно два разных слова для их обозначения» произвела на него серьёзное впечатление; и это-то бесило особенно сильно.

Настроение его несколько выровнялось, когда они достигли причала.

Своими кораблями Райтэн гордился не шутя, и ему, определённо, было, чем хвалиться — и потому особенно приятно было хвалиться перед Дерекком и Олив.

Судно, пусть и небольшое, несло три мачты. По совету Дерекка Райтэн разместил на каждой мачте два ряда парусов, большие нижние — и верхние поменьше. С формой его инженерный разум тоже постарался: хотя все паруса были косые, он отказался делать их треугольными, как это бывало обычно, а предпочёл форму неправильной трапеции. Это позволяло, с одной стороны, маневрировать круто к ветру, с другой — в нужный момент улавливать попутный ветер удачнее, чем это делали те же каравеллы Грэхарда под косыми треугольными парусами.

Живо и эмоционально Райтэн принялся рассказывать о всех этих — и многих других — нюансах. Он не один год потратил, размышляя, анализируя, высчитывая и просчитывая, и теперь, когда плод его трудов стоял на воде и показывал превосходные результаты, чувствовал себя счастливым и гордым отцом гениального ребёнка.

Дерек, который частично участвовал в разработках и уже видел этот результат, слушал, тем не менее, с большим интересом — потому что ему всегда нравилось слушать, как Райтэн рассказывал о своих проектах. Джей, который не понимал в судостроении ровным счётом ничего, внимал, раскрыв рот: ему казалось, что перед ним какое-то совершенно чудесное явление, выходящее за рамки всякой обыденности. Олив, которая смыслила в кораблях весьма и весьма хорошо, да ещё и была наслышана о райтэновском эксперименте, принимала в деле самое живое участие, постоянно задавая кучу уточняющих вопросов и лагая «пощупать вон тот гик» и посмотреть «каким вы там узлом решили крепить». Узел ей, к слову, не понравился, и дальше разразилась бурная полемика на полчаса, к которой Олив и Райтэн почти сразу привлекли командира корабля, тот позвал старших матросов, и инженерная лекция незаметно перетекла в урок вязания морских узлов.

Командир спохватился первым — у него был график — и занялся, наконец, приготовлениями к отплытию. Олив и Райтэн остались вязать узлы — кажется, они устроили соревнование насчёт того, кто знает больше редких способов, — а Дерек и Джей вернулись к языковым упражнениям.

С кораблём и его основными частями — палубой, мачтами, фальшбортами — у них пошло просто. Трудности начались с нюансами, потому что Дерек, по крайней мере, хотя бы знал слово «такелаж» по-ниийски — но точно уже не мог припомнить конкретные детали этого самого такелажа — а Джей по-джотандски и того не знал.

Тогда Дерек решил перейти к парусам — слово «парус» они оба смогли вспомнить — но и здесь дело не задалось. Райтэн по-анжельски назвал этот тип парусов рейковыми, и Дереку, определённо, казалось, что он знает, как это будет по-ниийски. В голове его, правда, упорно вертелись даркийский и ньонский варианты — но ему казалось, что ниийский как-то похож на ньонский.

Наконец, вспомнив вроде то самое, он решил уточнить у Райтэна, то ли это слово. Оторвавшись от своих узлов, тот посмотрел на него как на идиота и возмутился:

— Это шпринтовый!

Дерек наклонил голову набок и нахмурился: это слово в анжельском он слышал впервые.

— А чем они различаются? — решил внести ясность в вопрос он.

Фыркнув, Райтэн пояснил:

— Тем же, чем переключатель отличается от шеста [1].

— А-а! — протянул понятиливо Дерек, впрочем, не зная, как теперь решить свою языковую проблему.

— А чем переключатель отличается от шеста? — с живым интересом влез Джей, поскольку в джотандском и то, и другое называлось словом «жердь».

— На переключателе чересчур любопытных пассажиров вешают, а на шест насаживают, — незамедлительно расшифровал Райтэн с любезной, но гаденькой улыбкой.

— А-а! — понятиливо протянул Джей, сделавшись вдруг ужасно похожим на Дерек в этот момент.

Райтэн скривился, поймав осуждающий взгляд друга. Впрочем, его тут же морально поддержал насмешливый фырк Олив, которая весьма оценила пиратскую шуточку и явно была бы не против продемонстрировать михаровскому шпиону названные Райтэном различия на практике.

В таком ключе и проходило само путешествие. Олив с Райтэном вечно лазили по кораблю, обсуждая планы дальнейшей модернизации — так, им пришлось в голову, что можно бы и попробовать тот самый шпринтовый парус, он давал преимущество в случае резко налетевшей бури, которые имели место в озере Жоэн. Дерек с Джем за изучением языков умудрялись обсудить всё на свете: образование Джея оставляло желать лучшего, и ему было интересно решительно всё, а Дерек, нарвавшись на благодарного слушателя, охотно пересказывал это самое всё, сочетая с языковой практикой.

Маршрут движения по Рону был удачно рассчитан так, чтобы на ночь приставать к той или иной деревушке и ночевать там, а не на корабле — он был довольно тесен и не баловал спальными местами, хотя при возникновении необходимости там могла бы заночевать и вся команда — в которую входило восемь человек — и даже гости. Однако Райтэн предпочитал комфорт, поэтому они чуть проиграли в скорости, зато выиграли в плане удобного размещения на ночь и горячего питания.

В Жоне они сделали остановку на пару дней — здесь можно было поторговать — и тут друзья решили разделить. Дерек подумал, что, возможно, здесь найдутся покупатели на каменный уголь, поэтому неплохо бы заручиться поддержкой командира корабля — которого здесь уже знали — и наладить связи. Райтэн же полагал, что недурно бы нанести визит вежливости правителю Жона — как-никак, креатура отца, да и супругу представить хочется.

Райтэну, определённо, хотелось всему свету похвастаться Олив.

Та, правда, этих планов отнюдь не оценила. Она всё ещё носила повязку, хотя глаз, кажется, уверенно восстанавливался, да и рубцы, пусть и почти зажили, оставили более чем заметный шрам, и Олив, совершенно точно, не ощущала себя готовой с кем-то знакомиться — тем более, с целым правителем города.

— У меня даже платья нормального нет! — горячо возражала она, вскочив и демонстрируя свой дорожный брючный наряд.

— Ну так купим! — ляпнул Райтэн, не понимая, в чём проблема.

Олив всплеснула руками и принялась объяснять, что нельзя просто так пойти и купить платье, что приличное платье, и вообще, шьют на заказ, и что к платью — это же всегда и бельё, и туфельки, и украшения, и причёска, и...

Райтэн был крайне обескуражен её неожиданным выступлением — на его памяти Олив

впервые произносила настолько типичную женскую речь на совершенно типичную женскую тему. И вроде бы было вполне логично, что Олив, в самом деле, женщина, и нет ничего странного в том, что она так основательно подходит к вопросам выбора одежды и аксессуаров к ней, но всё же речь эта настолько не вязалась с самой Олив, что слушать её было весьма странно.

Пока Райтэн хлопал ресницами, переживая тяжёлый когнитивный диссонанс, Дерек оторвался от каких-то расчётов — он взял с собой всякие документы, чтобы не терять времени и продолжать работу, — и вклинился в возмущения Олив простым вопросом:

— А что, с отцом Райтэна ты тоже знакомиться не будешь?

Олив поперхнулась словом; Дерек невозмутимо пояснил:

— Ну, раз платья нет, а без платья знакомиться нельзя?

Она хотела было ответить, что где знакомство с отцом мужа — а где представление целому правителю города, но своевременно вспомнила, что отец мужа по совместительству является даже и более значимой политической фигурой, чем означенный правитель.

На неё разом снизошло тяжёлое понимание того факта, что в её гардеробе и в принципе отсутствует что-то достаточно приличное, чтобы представлять Райтэна в высоких кругах.

Большую часть её самостоятельной жизни у неё попросту не было денег на одежду, поэтому она настолько привыкла обходиться малым, что по переезду в Кармидер и не подумала серьёзно обновить гардероб. Райтэн же в её глазах представлял фигуру такой величины, жена которого обязана была одеваться изысканно, модно и дорого — чего Олив не умела и не хотела.

— Дер! — возмутился Райтэн, который полагал, что упоминание его отца только ухудшило общее положение, и Дереку стоило бы лучше выбирать темы для провокаций.

— Что? — не понял тот, поскольку ему и в голову не пришло, что у Олив могут быть какие-то переживания подобного рода — она всегда выглядела весьма уверенной в себе.

Райтэн ответил взглядом мрачным и горящим, и Дерек догадался посмотреть на Олив.

Её закаменевшее лицо и вцепившиеся в столешницу пальцы позволили ему догадаться, что она весьма волнуется — и тут он своевременно вспомнил, как волновался сам, когда Райтэн предложил ему побрататься. Дерек соображал быстро, поэтому тут же сделал заметку в голове — что Олив не следует дразнить такими вещами — и постарался исправить дело весёлым:

— Ну, тут нечего переживать, я совершенно уверен, что ты понравишься ему и безо всякого пла... — в процессе договаривания фразы до него дошло, насколько двусмысленно он умудрился её сформулировать, и он осёкся.

— Ты сегодня в ударе! — возвёл глаза к потолку Райтэн, потом величественно заявил Олив: — Будет тебе платье, со всем полагающимся, — и стремительно унёсся в неведомые дали.

— Как будто дело в платье!.. — отчаянно пробормотала себе под нос Олив, садясь и пряча лицо в ладонях.

— Ну, если дело не в нём, то стоило высказаться конкретнее, — дипломатично отметил Дерек. Подумав, добавил: — Ты же знаешь Тэна, если не выдать ему детали сразу, он понесётся совершать подвиги, не удосужившись эти детали узнать.

Олив простонала что-то мучительное в свои ладони.

Ещё помолчав, Дерек вернулся к теме:

— И, серьёзно, Тогнар-старший весьма приятный человек. Ты ему точно понравишься,

гарантирую.

Тяжело вздохнув, Олив переместила ладони, уложив на них подбородок, и мрачно уставилась на Дерка.

Тот решил поддержать её признанием:

— Я тоже волновался, когда с ним знакомился. Ну! — он полохматил себе волосы. — Где Тогнары, а где я!

— Та! — с большим недовольством Олив откинулась на спинку стула и сложила руки на груди. — Тебе-то чего волноваться, Дер? — и с горечью добавила: — Тебя Тогнар никогда не бросит.

Чуть не закашлявшись от неожиданности, Дерек, тем не менее, вежливо приподнял брови и с деланным интересом спросил:

— Откуда такая информация?

Олив изобразила лицом вопрос.

Скорчив физиономию скептическую и насмешливую, он уточнил:

— Откуда у тебя столь уверенное мнение, что Тэн меня никогда не бросит?

От постановки вопроса Олив аж покраснела. Что на такое ответить, она не знала, поэтому лишь беспомощно воскликнула:

— Это же очевидно!

Дерек опёрся локтями на стол и чуть наклонился к ней. Смерив её взглядом внимательным и серьёзным, возразил:

— Вообще-то, нет. Тэн живой, свободный человек, и, уверяю тебя, мы не подписывали договоров о вечном сотрудничестве, — он чуть улыбнулся, припомнив, впрочем, устный «договор» о разделении загробной участи, — да и какой договор? — он легко откинулся на спинку стула и пожал плечами: — Человек не вещь. Может уйти, когда захочет и куда хочет.

Олив нахмурилась. Понаблюдав за её мрачной мимикой, Дерек продолжил философствования:

— Нельзя привязать к себе человека насильно. Он либо сам выбирает быть с тобой, либо ты его теряешь. — Подумав немного, добавил: — Я рад, что Тэн выбирает быть моим другом. И бесконечно благодарен ему за это, — с тёплой улыбкой отметил он. — И надеюсь, что так будет всегда — потому что я хочу, чтобы он был частью моей жизни, и хочу участвовать в его жизни тоже. — Потом лицо его посуровело: — Но, Олив, считать, что он обязан всегда выбирать меня? Это ведь значит обесценить самую суть дружбы, разве нет? — испытующе посмотрел он на неё.

— Нет, — не поддалась она, всем своим лицом выражая упрямство.

Он пожал плечами:

— А по мне, так да. Мне именно это и ценно: знать, что Тэн всегда может уйти, — и видеть, как он каждый день выбирает остаться.

Фыркнув, Олив парировала:

— Мы возвращаемся к тому, что тебе волноваться не о чем. Он всегда выберет остаться с тобой.

Осознав, что её не переспорить, Дерек легонько хмыкнул и уточнил:

— Мы сейчас говорим о том Райтэна Тогнаре, который может в любой момент просто сорваться и помчаться в неведомые дали, никому ничего не объясняя? — он задумчиво почесал бороду и добавил: — Ну, во всяком случае, ты в чём-то права, я надеюсь, что даже в

такой ситуации он, по крайней мере, позволит мне сорваться вместе с ним. На правах брата. И не понимаю в этом случае твоего недовольства, — логично отметил он, — ведь и тебе наверняка будет предоставлена такая же честь — на правах жены.

Олив скривилась:

— С братьями на разводятся.

На самом деле, в Анджелии существовал процесс, аналогичный разводу, для разрыва братских отношений, но пользовались им весьма редко, и ни Олив, ни Дерек о нём попросту не знали.

Тем не менее, Дерек возразил:

— Ты либо доверяешь человеку, либо нет. С жёнами разводятся, с братьями расходятся, с друзьями ссорятся, клятвы нарушаются, договора не стоят бумаги, на которых написаны. Ни у кого не может быть гарантий, что его не бросят. — С усмешкой, сути которой она не уловила, добавил: — Даже рабы порой сбегают от своих хозяев, Олив.

Смерив его мрачным и болезненным взглядом, она как-то остро спросила:

— И как же тогда жить?

Дерек в вежливом недоумении приподнял брови. Потом подался к ней корпусом и задушевым голосом спросил:

— А ты что же, хотела бы реально привязать его к своей косе и никуда не отпускать?

Лицо её перекошило от такой постановки вопроса.

— Нет, но!.. — возмутилась она и запнулась, так и не сумев выразить это своё «но».

С полминуты поразглядывая её с большим вниманием, Дерек расшифровал продолжение фразы сам:

— Но ты бы хотела, чтобы у него не было возможности уйти.

Она, нервно дёрнувшись, отвернулась. Звучало паршиво, но паршивее всего было то, что это была правда. Она действительно хотела, чтобы у него гарантировано попросту не было возможности уйти.

Оценив по её лицу её недовольство собственной позицией, Дерек фыркнул и выдал добивающий удар:

— Уверен, Илмарт не откажет тебе в мелкой просьбе и оторвёт ему ноги, если тебе так уж хочется. Тогда он, действительно, попросту не сможет уйти.

— Дер! — возмутилась она, резко поворачиваясь к нему.

Он состроил невинное лицо. Потом с заметной тревогой попросил:

— Ты только ему не говори, что я это предложил. А то он в ответ оторвёт голову мне.

— Оторву! — радостно подтвердил ворвавшийся в комнату Райтэн, услышавший последнюю фразу. — Зачем тебе голова, Дер, если в ней всё равно нет мозгов?

Дерек выразительно закатил глаза к потолку.

Пронёсшись мимо него, Райтэн резко затормозил возле стула Олив, расслабился улыбкой и гордо провозгласил:

— Пойдём же, я обо всём договорился!

Глаза его сияли горячо и радостно — он был весьма доволен тем, что нашёл нужного человека и решил проблему с её костюмом. Олив сделалось ужасно неловко — ведь она просто искала предлога отказаться от знакомства и придумала все эти глупости про платье, чтобы обосновать свой отказ. Какое платье, при её-то шрамах! Она будет выглядеть максимально нелепо, вырядившись во что-то модное и женственное.

Она бросила беспомощный взгляд на Дерека. Тот округлил глаза, кивнул на Райтэна и «расшифровал»:

— Видишь, он обо всём договорился. Потому что ему нравится заботиться о тебе.

Олив на это покраснела, а Райтэн вытаращился на него с большим недоумением. В ответ на это недоумение Дерек снова сработал «переводчиком»:

— А ей очень приятно, что ты о ней заботишься, но она совершенно не знает, как выражать свою признательность, и поэтому ей неловко.

Тут покраснел и Райтэн. С большим удовольствием Дерек продолжил суфлировать, весело блестя глазами:

— Ну вот, Олив, а теперь ему крайне неловко, что тебе из-за него неловко.

— Сейчас тебе тоже будет крайне неловко, — немного хрипло выдавил из себя совершенно смущённый Райтэн, — потому что людям без головы всегда становится крайне неловко!

Дерек приподнял брови и весело парировал:

— Ба! Я же не виноват, что вы не умеете друг с другом словами разговаривать!

Райтэн прищурился, смерил друга недовольным взглядом, потом с большими сомнениями поразглядывал смущённую Олив и с подозрением в голосе уточнил:

— А о чём вы тут без меня говорили и почему я должен был оторвать Деру голову?

Дерек, видимо, хотел ответить на это что-то насмешливое, и даже открыл было рот, но тут Олив вскочила, схватила Райтэна за руку, воскликнула:

— Ах! Пойдём же уже за платьем! — и достаточно настойчиво потащила его на выход.

Недоумеая, Райтэн, тем не менее, позволил себя тащить, по пути, правда, одарив Дерека раздражённым взглядом.

Тот, не проникнувшись, скорчил недовольную рожу и неожиданно пошёл в атаку:

— Кстати, Тэн, а куда ты дел моего телохранителя?

Олив аж остановилась от неожиданности. Впрочем, теперь уже Райтэн начал тянуть её на выход, досадливо отговорившись на ходу:

— Да так, послал в одну лавку по делу, мне нужно было!

Тихо присвистнув и не обернувшись — парочка была уже почти у дверей, прямо у него за спиной, — Дерек сдержанно отметил:

— Он, вообще-то, не посыльный.

— Ничего, пусть побеждает! — отмахнулся Райтэн уже в дверях. — Ему полезно! — и они с Олив унеслись за платьем.

— Дурдом! — буркнул на это себе под нос Дерек, зарываясь в свои бумаги.

Люгерный (он же рейковый) парус крепится верхом к рейку (перекладине), закреплённому на мачте перпендикулярно ей. Шпринтовый парус не крепится сверху, он растягивается по диагонали шестом (шпринтовым), один конец которого опирается о нижнюю часть мачты, другой — оттягивает верхний угол паруса. Грубо говоря, люгерный парус висит, а шпринтовый натягивается. Проблема Дерека не в том, что он не видит разницы, а в том, что в даркийском нет слова «шпринтов», поэтому оба типа парусов называются рейковыми. Райтэн этой тонкости не знает.

8. В чём проблема верности?

Отложив знакомство с правителем Жона на следующий день — поскольку Олив требовалось время для подготовки костюма, который она всё же решила сделать брючным и строгим, чтобы хорошо смотрелся с её повязкой на глазу, — Райтэн оставил её в лавочке и понёсся по своим делам. Те, впрочем, достаточно быстро закончились, поскольку лично он бывал в Жоне всего пару раз в жизни и все местные связи держал опосредованно.

Вернувшись на постоянный двор, в котором они сняли несколько комнат с общей гостиной, Райтэн обнаружил, что все разбежались по своим делам. Олив, видимо, так и занималась одеждой, Дерек с командиром унесли рекламировать каменный уголь, команда занималась разгрузкой-погрузкой или спала. Впрочем, в гостиной обнаружились следы пребывания Дерекы — в виде ужасно загвазденных сапог, в которых, очевидно, он успел куда-то пробежать и вернуться, чтобы переобуться, — и Джея — в виде оставленной на столе книги, за которой его Райтэн и гонял.

Со вздохом Райтэн эту книгу взял и сел читать.

По правде сказать, она ему была совершенно не нужна, но заняться было нечем: дело делалось и без него, найти Дерекы в его беготне не представлялось возможным, а возвращаться к Олив с её рассуждениями о правильном цвете тесёмок не хотелось.

Где-то с час он читал; потом в его досуг ворвалось развлечение в виде вернувшегося откуда-то Джея — судя по пачке бумаг в руках, Дерек, что бы там ни говорил, и сам не брезговал использовать его в качестве посыльного.

— Добрый вечер, сэр! — жизнерадостно поприветствовал Джей.

Райтэн поморщился; всякий раз при виде михаровского шпиона у него зубы сводило от неприязни и презрения. И эти гаденькие чувства ещё и усиливались со временем, подпитываемые дружелюбным отношением Дерекы, — тут уж он совсем понять не мог, зачем друг привечает этого мерзавца.

Какие бы планы в тот момент ни имел Джей, завидев Райтэна и его оскал, он дальновидно решил свалить куда подальше от возможных неприятностей.

Побег этот ему, к сожалению, не удался: в дверях его нагнало сказанное сквозь зубы:

— Стоять!

Вздыхнув про себя, Джей попросил у богов терпения, обернулся и с максимально любезной интонацией спросил:

— Сэр?

Райтэн отложил книгу, встал, медленно подошёл к Джею, остановился в нескольких шагах от него, сложил руки на груди и уставился на него горящим злым взглядом.

Аккуратно сглотнув, Джей попытался изобразить вид придурковатый и исполнительный, чтобы показаться максимально безобидным.

С минуту Райтэн сверлил его недовольным взглядом; Джей старательно разглядывал лоб оппонента и делал вид, что никуда не торопится и может стоять тут так целую вечность.

Наконец, Райтэн изволил прервать молчание, с тихими презрительным недовольством проговорив:

— Не понимаю, что это вы прохлаждаетесь, когда у господина Анодара сапоги не чищены.

Удивление на секунду прорвался из-под маски исполнительного придурка, поскольку

круг непосредственных обязанностей Джея ограничивался исключительно охраной объекта и связанными с этой охраной мероприятиями по обеспечению безопасности.

Впрочем, Джей рассчитал, что с Райтэном спорить слишком опасно, поэтому легче сделать так, как он хочет.

— Так как раз за щёткой шёл, сэр! — с совершенно идиотским выражением лица заверил он.

Райтэн прищурился, и с резким жестом — мол, ну так и идите, раз шли! — отвернулся и вернулся к брошенной книге.

Вздыхнув почти ощутимо, Джей пошёл за щёткой и водой.

Вернувшийся вскоре Дерек застал картину предивную: весь какой-то остро-угловатый Райтэн читал книгу с выражением лица столь брезгливым, будто бы в ней содержался кодекс идиотизма, а Джей, меж тем, бормоча что-то себе под нос, возился на полу с сапогами.

Несколько изумлённый Дерек аккуратно сгрузил на стол бумаги и какую-то мелочёвку, принесённые с собой из забега по потенциальным клиентам, прищурился и обратился к тому, кого небезосновательно посчитал инициатором творящегося безумия:

— Тэ-эн?

Друг, зыркнув из-за страниц злым взглядом, передёрнул плечом и ничего не сказал.

С обречённо-усталым выражением лица Дерек потёр себе лоб. Дичь творил Райтэн, а стыдно было ему.

— Джей... — окликнул он телохранителя, и раздражение невольно вырвалось из него тоном: — Да бросьте вы это безобразие!..

Аккуратно отложив щётку, Джей встал. Почему-то при взгляде на усталого Дерека ему сделалось так неловко, будто он сам всё это затеял единственно из желания досадить ему, и от стыда он начал краснеть.

— Чистка моих вещей, — тихо проговорил Дерек, заложив руки за спину и глядя куда-то в пустоту над левым плечом Джея, — не входит и никогда не будет входить в число ваших обязанностей.

Неловкость Джея ещё возросла — как будто бы он самовольно схватился за эти несчастные сапоги, нарушив тем какие-то негласные правила, которые нарушать не стоит.

Дерек пораскачивался с пятки на носок, всё так же глядя в пространство.

— Вы не могли бы нас оставить? — наконец, бесцветно спросил он.

— Конечно, сэр! — с облегчением согласился Джей и поскорее сбежал.

Дерек поглядел ему вслед с некоторой тоской — по той причине, что ему сбежать не представлялось возможным, — и повернулся к Райтэну.

Тот демонстративно читал, всем выражением своей фигуры изображая упрямство.

— Тэн. — Попытался отвлечь его от страниц Дерек.

По лицу Райтэна прошла упрямая недовольная судорога. И, хотя он полагал себя полностью правым и совершенно точно не планировал оправдываться, в тоне Дерека усталость, обречённость и сочувствие переплелись так причудливо, что именно оправдываться он и начал:

— И нечего на меня так смотреть! — возопил он, впрочем, упорно гипнотизируя раскрытую книгу. — Пусть знает своё место!

Дерек ничего не ответил, и это нервировало. Сжав челюсти, Райтэн до того впился глазами в строчки, что ему сделалось натурально больно от такого напряжения глазных

мышц. Досадливо прижмурившись на пару секунд, он мотнул головой и продолжил:

— Мерзкий, отвратительный предатель!..

Он, наверно, высказал бы ещё много наболевшего, но его прервал совершенно ошарашенный голос Дерека:

— А предатель-то почему?

И столько в этом вопросе было искреннего, неприкрытого недоумения, что Райтэн невольно поднял на друга глаза — и увидел это же недоумение и на его лице.

В этот момент, Райтэн, пожалуй, впервые испугался, что у Дерека реально какие-то проблемы с мозгами, из-за которых он не способен осознать некоторые базовые вещи.

— Потому что, — медленно проартикулировал Райтэн, — он же всё о тебе будет рассказывать Михару.

На лице Дерека отразилось раздражение — мол, зачем ты так старательно выводишь очевидные вещи? — после чего он отмахнулся:

— Да, естественно. Но почему он вдруг сделался предателем-то?

Райтэн замер, вглядываясь в Дерека мрачно и сосредоточенно. Определённо, что-то не так с мозгами. Неспособность сделать простейшие выводы из совершенно прозрачных предпосылок.

— Тебя по голове сегодня не били? — подозрительно уточнил Райтэн.

Дерек с мученическим видом возвёл глаза к потолку, подошёл к столу, за которым Райтэн читал, отобрал у него книгу — а то тот слишком крепко её сжимал — облокотился бедром о стол и по слогам расшифровал свой вопрос:

— Почему Джей — предатель? С каких это пор его верность должна принадлежать нам?

Райтэн сморгнул.

Не дождавшись ответа, Дерек принялся раскручивать свою точку зрения:

— Он не предатель, он, напротив, человек, для которого верность весьма важна — возможно, важнее всех других приоритетов, — мягко попытался он достучаться до разума друга. — И у тебя нет никаких оснований так его оскорблять. Он верен человеку, которому обязан всем. Что в этом дурного?

Райтэн мучительно скривился.

Вскочил.

Досадливо взмахнул руками и разразился возражениями:

— Да как ты не понимаешь, Дер! Только человек подлый по натуре согласился бы на такую работу! Это гниль, в самом нутре его гниль, и неважно, как он её прикрывает красивыми измышлениями!

Лицо его пошло красными пятнами от гнева и возмущения; дыхание сбилось от того, что слова торопились наружу, обгоняя друг друга в потребности поскорее быть высказанными.

— Верность порой бывает так же слепа, как любовь, — просто ответил Дерек, и этот простой ответ вылился на Райтэна ушатом ледяной воды, потому что в глазах друга было многовато горечи для человека, который отвлечённо рассуждает о том, что его почти не касается.

Разом потухнув и как-то съёжившись, Райтэн сел на стол.

Пару минут они молчали.

— Иногда мне хочется побить тебя лбом об стену, — неожиданно признался Райтэн. — Чтобы в твоих мозгах что-то встало наконец на место, и ты перестал понимать всяких мразей, которые ни капли твоего понимания не заслужили.

Дерек вздохнул и пристроился на столе рядышком.

— В том-то и дело, что не мразь он, Тэн, — терпеливо возразил он.

Райтэн досадливо махнул рукой: мол, ну и о чём с тобой говорить?

— Он верен человеку, которому всем обязан, — с бесконечным терпением в голосе повторил Дерек. — Это хорошее, здоровое качество здоровой, честной натуры, Тэн. — Ожидаемо не дождавшись согласия, отметил: — Вот как этой верностью пользуется господин Михар — это уже совсем другой вопрос.

Насмешливо фыркнул, Райтэн уже с гораздо большей теплотой в голосе отметил:

— Ну, по крайней мере, Михара ты не выгораживаешь!

Дерек искренне рассмеялся, затем, скорчив демонстративно серьёзный и печальный вид, покивал сам себе и с прорывающимся сквозь сдержанную печаль смехом ответил:

— Ты знаешь, а ведь Михара тоже можно понять...

Со стоном Райтэн хлопнул себя ладонью по лбу; они рассмеялись.

Отсмеявшись, Дерек снова посерьёзnel. Бросив на друга острый пронизательный взгляд, отметил:

— Давай начистоту, Тэн. Ты ведь просто злишься на Михара — но Михару ты ничего сделать не можешь. И от бессилия ты срываешься на Джее, как на его представителя, так?

Райтэн ничего не ответил, замерев с упрямым выражением лица: мол, так, но ни за что я это не признаю.

Дерек вздохнул.

— Он всего лишь мальчишка, Тэн, — наконец, продолжил он. — Может, ты прав, и в нём есть та самая гниль, о которой ты так пылко говорил, и со временем она ещё проявит себя. Но пока он всего лишь старается честно служить человеку, которому благодарен. Он не виноват ни перед тобой, ни передо мной, что мы с этим человеком — враги. Это пока ещё не его битва.

Райтэн долго молчал.

— Пока ещё, Дер, — наконец, с нажимом повторил он, вставая. — Пока ещё — не его. — Посмотрел на Дерека внимательно и хмуро. — Как бы не прозевать момент, когда станет — его.

Дерек тоже встал и развёл руками:

— Ну, дружище, если ты будешь продолжать в том же духе, то у нас есть все шансы, что однажды он встанет не за Михара, а вполне себе конкретно против нас.

Райтэн, хоть и был довольно далёк от политики, прекрасно ощутил разницу между «за нашего врага» и «против конкретно нас». Скривился. Помотал в воздухе рукой: мол, ну хорошо, не одобряю, но не буду мешать.

Дерек солнечно улыбнулся. С вдохновенным выражением лица добил:

— В конце концов, мой дорогой брат, столь мелочные придирки недостойны твоего героического сердца!

Со стоном подняв руки и закатив глаза, Райтэн сдался:

— Ну хорошо, хорошо, хорошо! — смерил открыто улыбающегося Дерека мрачным взглядом. — Меня заносит, признаю. Буду аккуратнее впредь. Доволен?

— Вполне, — развёл руками Дерек и тут же согнулся от смеха: — Райтэн Тогнар,

признающий свою неправоту! Этот момент нужно внести в историю вашего рода!

— Я не признавал свою неправоту, — сложив руки на груди, через губу педантично поправил Райтэн. — Я признал, что перегибаю палку в отстаивании своей правоты.

Тут уж Дерек поднял руки, сдаваясь. В глазах его горели самые яркие смешинки, и Райтэн ничего не мог с собой поделать: у него тоже задрожали губы от смеха.

9. Почему Райтэн сбежал из дому?

Райтэном в равной степени владели три сильных чувства: он был влюблён, восхищён и горд.

Он был влюблён — то есть, ему хотелось наблюдать Олив во всех её проявлениях, любоваться этими проявлениями, пропускать их через призму своих эмоций и присваивать себе как часть своей внутренней жизни.

Он был восхищён, что естественно следовало из первого пункта, поскольку наблюдения за Олив неизбежно приводили его к пониманию, насколько яркой, интересной и разносторонней личностью с сильным характером она является.

И он, разумеется, был горд — горд тем, что она выбрала своим мужем его. Потому что — по глубокому убеждению Райтэна — рядом с такой женщиной, как Олив, мог находиться только мужчина незаурядный и соответствующий её высокому уровню.

Все эти три чувства Тогнар-старший моментально считал с мимики и интонаций сына в первую же минуту встречи, которая происходила в доме правителя Брейлина (где ж ещё остановиться, как не у старого друга?)

— Очень, очень рад! — кивал он, пожимая Олив руку и разглядывая её с искренним и весёлым любопытством.

Поскольку в этот раз Райтэн не только не скрывал свой брак, но и, напротив, трубил о нём на каждом углу, Тогнару-старшему пришлось уже три десятка писем с вопросом, знает ли он, что его сын женился на какой-то странной безглазой девице. Удивили его не столько эти сообщения, сколько то, что первым из них было послание как раз от Райтэна — и это оказалось, кажется, вообще первое письмо, которое он получил в своей жизни от сына.

Учитывая, что ранее в его присутствии Дерек высказался, что именно эту даму он полагал главной претенденткой на сердце Райтэна, отец сделал логичный вывод, что этот брак явно поудачнее первого — оставалось лишь выяснить, как им удалось от этого первого так скоро отделаться.

Что старший Тогнар и сделал в присущей ему манере. Рассадив всех прибывших пить чай, он словно бы небрежно отметил:

— Удивительно, каким солнечным обещает быть это лето! По всем приметам ожидалось сплошные дожди, а вот те на!

Райтэн незамедлительно включился в разговор, но понесло его явно не в ту сторону, которая интересовала отца:

— В самом деле, — попивая чай, согласился он, — кажется, в этом году всё зацветает раньше — отродясь столько цветов не видел!

Осознав, что от влюблённого сына толку не добьёшься, Тогнар разумно переключился на Дерка:

— Как там ваши кармидерские болота, Деркэн? Не придумали, как осушить? — почти прямо поинтересовался он.

Дерек пожал плечами, отложил чашку и отметил:

— Поскольку осушить их не представляется возможным, я решил действовать по принципу «не можешь остановить — возглавь». Если нельзя везти товары в обход болота, — улыбнулся он, — разумно научиться переправлять их прямо по болоту, ведь так?

Этой сентенцией он собрал четыре взгляда, наполненных разными эмоциями.

Олив посмотрела на него как на полного идиота: уж она-то хорошо знала, почему возить товары через болота — гиблая идея. В любой другой ситуации она горячо высказала бы свою точку зрения, но теперь слишком стеснялась свёкра, поэтому ограничилась взглядом.

Райтэн вспыхнул досадой и гневом: он прекрасно разглядел второй смысл погодного разговора и весьма негодовал, потому что болото по имени Михар не казалось ему разумным местом для экспериментов друга.

Тогнар-старший выглядел весьма заинтриговано. Ответ Дерёка подсказал ему, что с Михаром удалось как-то договориться — но было пока решительно непонятно, в чём именно заключается суть договора.

Что касается Джея, то он попросту недоумевал, поскольку ровным счётом ничего не смыслил в анжельских метафорах и не понимал, как это он умудрился пропустить такую важную часть жизни объекта, как разъезды по кармидерским болотам.

— Что ж! — решил разжиться подробностями Тогнар. — Как же это вам удаётся провезти что-то по этим гиблым местам? — с прищуром посмотрел он на Дерёка.

Тот, чуть скривившись, почесал себе ухо и отмахнулся:

— Долго ли умеючи!..

— Тоже мне, умелец!.. — недовольно буркнул в чашку Райтэн, который, прекрасно разбираясь в разговорах о погоде, мало что смыслил в языке жестов.

Старший Тогнар, напротив, язык этот знал в совершенстве — при его-то должности умение отдавать приказы без слов было весьма актуальным — поэтому внезапно зачесавшееся ухо Дерёка расшифровал верно и взглянул на Джея уже гораздо более заинтересованным взглядом.

Рассудив, что в присутствии шпиона следует говорить о чём-то, что все и так знают — или в скором времени узнают — Тогнар довольным тоном поведал, что нашёл себе замену на карьере и планирует отправиться в длительный вояж по Анджелии и соседним государствам.

Впрочем, когда он заявлял о найденной замене, лицо его было уж слишком довольным, а взгляд — уж слишком искрящимся.

Дерёк заподозрил какую-то заподлянку в фамильном тогнарском стиле. Однако по причине того, что старшего Тогнара он знал гораздо хуже, чем младшего, он даже предположить не рискнул, в чём такая заподлянка может заключаться.

Райтэн тоже считал почти не скрываемое веселье отца, тоже заподозрил подвох, мысленно выругался на тему: «Опять он за старое!» — и выдвинул рабочую версию: «Ну точно! Спелась с Ирди!» Впрочем, как именно они могли спеться, он сходу не сообразил, но, определённо, насторожился. Бывшая владелица участка, распробовав выгоду от продаж угля, наверняка расстарается и придумает план, как это участок себе вернуть!

Тогнар, открыто наслаждаясь удачной поклёвкой на свои кривляния, не спешил раскрывать интригу. Более того — отказался ехать на карьер тотчас, требуя, чтобы все дождались полноценного обеда («Нельзя с дороги-то!»), поздоровались с правителем Брейлина («Данзэс так вас ждал!»), а лучше бы и завтра с утра уже...

Райтэн едва удержался от того, чтобы тут же не вскочить и не помчаться смотреть, что там с карьером — ему подумалось, что Ирди уже захватила там власть, и каждая минута на счету. Дерёк просто бросил на Тогнара укоризненный взгляд — весьма выразительный, поскольку тот замахал руками и согласился:

— Хорошо, хорошо! Поедемте после обеда!..

Задумчиво почесав бороду, Дерек высказал сомнения в целесообразности совместного обеда — в виду имеющегося у него в активе конфликта с правителем Брейлина, который, помнится, не простил ему историю с Кэриарами и Лэнь.

Глаза старшего Тогнара заблестели совсем уж ярко, и он небрежно ответил, что берёт на себя этот вопрос, и — с его-то дипломатическим опытом! — сумеет провести такой обед без сучка и задоринки.

Мрачно уставившись на Тогнара, Дерек припомнил, что у правителя Брейлина есть сын, и заподозрил, что Тогнар завербовал в карьерные дела именно его. А что? В Аньтье у них семейная статистика сбежавших правителей и их наследников на высоте, так пора и соседу помочь, пусть догоняют! Безумие должно множиться!

Райтэн тоже уставился на отца взглядом весьма тяжёлым: вспомнил, что правитель Брейлина вдовствует, и заподозрил, что тот женился на Ирди, и теперь они вдвоём хотят оттяпать его карьер.

Старший Тогнар, явно потешаясь над молодёжью, изящно перевёл тему и вовлёк в разговор Олив.

Пришлось ждать и изнывать.

На обеде оба друга сидели как на иголках. Особенного дискомфорта добавлял присутствующий правитель Брейлина, который, мало того, что был весьма любезен, блеснул притом весёлыми глазами не хуже Тогнара, и переглядывался с последним так, что было очевидно: они в заговоре.

«Нет, если бы Тогнар сманил на карьер его сына, — рассуждал сам в себе Дерек, — он бы не был сейчас так любезен. Кто ж порадуется, что твоего наследника сманили в коммерцию!»

В Брейлине правитель избирался Советом, но всегда почему-то случалось так, что Совет голосовал именно за того, кого предложит правитель предыдущий. Поскольку не всегда новым кандидатом становился именно сын, ситуация со сменой власти в Брейлине не казалась столь демонстративно недемократичной, как было в Аньтье, но, по факту, в ней тоже было гораздо больше феодализма, чем предполагала конституция.

«Точно! — меж тем, мрачно рассуждал Райтэн. — Женился, гад! Обложили со всех сторон!»

Он полагал, что одна Ирди не справилась бы с отцом, поэтому коварная партнёрша решила обзавестись союзниками и зайти с тыла. Правитель Брейлина был отцу старым другом, соответственно, его брак с Ирди делал позицию отца уязвимой — кто ж ждёт подвоха со стороны друзей!

«Ну и покажу я этой интриганке!» — сжимал челюсти Райтэн.

«Может, он как-то договорился с Войтэном?» — между тем, рассматривал новую версию Дерек. В конце концов, братец Лэнь и впрямь горел каменноугольным делом, так что к нему, должно быть, можно было отыскать ключики.

Вот только Войтэн по складу ума был инженером, а никак не руководителем. Версия, конечно, имела право на существование, но была слабоватой.

В общем, к концу обеда счастливые совладельцы каменноугольного предприятия накрутили себя с избытком. Дерек дофантазировался до версии, что правитель Брейлина надумал передать власть сыну, чтобы лично заняться каменным углём. Уж слишком

насмешливые взгляды он бросал на Дерек, когда думал, что тот не видит!

Что касается Райтэна, то он мрачно пялился на отца, с недовольством подозревая, что тот тайком сам женился на Ирди и попросту подарил ей карьер. Как отец мог устроить такую сделку в обход непосредственных владельцев и каким образом ему удалось скрыть факт брака — это было уже дело десятое. Долго ли умеючи!

Как вскоре выяснилось, оба они ошибались.

На карьере в рабочем кабинете их поджидали вполне знакомые, но неожиданные лица.

— Позвольте представить! — чуть ли не потирая руки, провозгласил довольный фокусом Тогнар-старший. — Наш новый управляющий, госпожа Кэриар!

Из-за стола поднялась лукаво блестящая глазами Лэнь.

Лицо её сияло искренним и глубоким удовольствием; в мимике и осанке появилось что-то неуловимо деловое — возможно, такой отпечаток дала уверенность в себе. Не говоря уж о том, что без своих безудержно длинных кудрей она теряла львиную долю хрупкости и нежности; по-мужски короткие волосы словно превращали её в другого человека.

Дерек и Райтэн сумели разве что рты не разинуть — но выражение глубокой ошарашенности читалось с их лиц весьма ощутимо, что явно веселило команду заговорщиков, в которую, кроме старшего Тогнара и Лэнь, входил и Войтэн.

Первым пришёл в себя Дерек — Райтэн, кажется, увлёкся тем, что мысленно перебирал любимые ругательства, а с учётом владения им иностранными языками этот процесс неизбежно затягивался.

По чрезмерно весёлому лицу старшего Тогнара, на котором откровенно читалось удовольствие человека, хорошо проделавшего сложную работу, Дерек догадался, что эту мизансцену тот готовил долго и любовно, употребил на её выстроение все свои дипломатические таланты и наслаждался теперь достигнутым результатом.

Впервые Дерек всерьёз осознал, почему Райтэн в своё время сбежал из дома, — потому что устроение таких сцен, определённо, было коньком старшего Тогнара, и Дереку, совершенно точно, не понравилось быть главным героем такой истории.

Во-первых, у него в голове всё ещё крутились все те отвратительные фразы, которые он сказал Лэнь при их последней встрече, — и ему было мучительно стыдно их вспоминать. Он точно не был готов говорить об этом — но ему представлялось невозможным и просто сделать вид, что ничего не было. Он оказался в ситуации крайне неловкой и неприятной, поскольку от него требовалось срочно решить, как вести себя с Лэнь теперь — а он не испытывал готовности обсуждать их отношения, не мог честно об этом сказать в виду наличия толпы свидетелей и, в итоге, обречён был выбрать вариант «сделать вид, что ничего не было» — оставив муторный, гадкий стыд внутри себя, непрожитым и невысказанным, а потому особенно мучительным.

Во-вторых, он совсем не был уверен, что Лэнь — это хороший вариант для управления карьерой. Но высказать свои сомнения вслух он не мог — потому что не был готов оспаривать авторитет старшего Тогнара и потому что, в контексте их отношений с Лэнь, это могло бы выглядеть как мстительное желание отделаться от неё придирками на ровном месте: в конце концов, он реально не знал, есть ли у неё талант такого рода, и против слова Тогнара у него была лишь пустая, ни на чём не основанная уверенность, что она не могла бы справиться с таким делом.

В-третьих, его чрезвычайно злило, что он оказался заложником сложившейся ситуации

— весь Брейлин, видимо, уже в курсе «примирения» Кэриаров с каменноугольным предприятием, и решительно невозможно теперь что-то обсуждать и переигрывать.

Наконец, Дерек чувствовал себя загнанным в угол, потому что не мог ни в коей мере высказать Тогнару свои претензии — Тогнар был нужен ему для игры против Михара, и разбрасываться союзниками такой величины было бы неосторожно.

Осознав, что сделать ничего тут не может, и на конфликт идти ему в высшей степени невыгодно, Дерек прибегнул к своему старому и проверенному временем умению профессионально проигрывать.

— Я ослеплён и поражён! — весело воскликнул он, шутовским жестом прикрывая глаза ладонью, а затем прикладывая эту ладонь к сердцу и кланяясь. — Сударыня!..

Лэнь вздёрнула подбородок. Она смотрела на Дерекка с тем выражением победительного торжества, с каким всякая женщина смотрит на мужчину, в которого когда-то была безответна влюблена, из-за которого когда-то страдала, и — к которому теперь, наконец-то, не чувствует ничего.

Дерек выражение это поймал, прочитал правильно и мысленно перевёл дух — вариант с разлюбившей его Лэнь был предпочтительнее всякого другого — и кинулся подыгрывать ей с глубоким пылом.

Сделав пару шагов к ней, он заразглядывал её с откровенным восхищением, после чего с подкупающей искренностью в голосе заявил:

— Проглядеть такой талант! Я, положительно, был слеп, мадемуазель!

Благосклонно подав руку для поцелуя, Лэнь фыркнула:

— Что ж, сударь, порадуемся, что вы прозрели, наконец!

Впрочем, она с удивлением обнаружила, что его кривляния больше не находят в ней такого живого, радостного отклика, как раньше. Ей даже странно сделалось при мысли, что он нравился ей — теперь он казался ей слишком старым, усталым и фальшивым, скорее карикатурой на то, что когда-то представлялось её воображению. Впервые она всерьёз осознала, что он на пятнадцать лет старше её — и ей дико было вспоминать, что он казался ей чуть не ровесником раньше.

Меж тем, присев на край стола, Дерек в своей привычной манере разразился потоком велеречивых дифирамбов.

За его спиной Райтэн и Войтэн мерились мрачными взглядами.

«Если из-за него моя сестра прольёт ещё хоть слезинку, я его придушу!» — обещал взгляд Войтэна.

«Если из-за неё моего брата опять втравят в эти отвратительные сплетни, я всех тут уничтожу!» — не менее пылко обещал взгляд Райтэна.

Отвернувшись, наконец, он увидел, что стоявший в дверях отец, сложив руки на груди, от души наслаждается зрелищем.

В душе Райтэна обида перемешалась с возмущением и досадой.

Не глядя на отца, он выскочил мимо него наружу, хлопнув дверью.

10. Как имитировать смерть?

Вернувшись к вечеру в Брейлин, Дерек чувствовал себя выжатым в край. Ему весьма нелегко далась сегодняшняя непринуждённость, а перспективы тесно взаимодействовать с Лэнь на постоянной основе и вовсе вымораживали, не говоря уж о сомнениях в её компетентности.

Тем не менее, несмотря на крайне скверное настроение, он выкроил возможность для частного разговора со старшим Тогнаром — нужно было обсудить ситуацию с Михаром.

Выслушав, как именно Дереку удалось добиться развода, Тогнар задумчиво погладил свой подбородок и уверенно резюмировал:

— Ну, нужно вас непременно вытащить теперь, Деркэн!

Дерек досадливо дёрнул плечами. Он бы и сам был не против «вытащиться» — но не представлял себе, как.

Между тем, что-то прикинув внутри себя, Тогнар продолжил:

— Тэна мы защитим, если что, — он имел в виду свою политическую коалицию. — Михар чем-то держит конкретно вас? — уточнил расклад он.

Дерек откинулся на спинку кресла и вздохнул, решая, чего и сколько открыть. Тогнар, конечно, был союзником — но он был себе на уме союзником, и доверять ему так, как он доверял Райтэну, казалось Дереку опрометчивым. Однако без его помощи справиться будет в разы сложнее, поэтому какой-то информацией делиться придётся.

Определившись, Дерек задал встречный вопрос:

— А что Тэн и господин Дранкар рассказали вам о моём прошлом?

Тогнар удивлённо приподнял брови.

— Трэн, — так он называл Этрэна, — вообще ничего мне о вас не говорил, — Дерек заметно удивился, потому что не ожидал от купца такой сдержанности. — А Тэн, когда просил для вас документы... — он неопределённо помотал в воздухе рукой, пытаясь как-то обойти тему, которую все анжельцы всегда старались обойти. — Упомянул ваш предполагаемый ньонский статус, — выкрутился он.

Дерек фыркнул на это иносказание и прямо пояснил:

— Мой хозяин жив, и для человека со связями и деньгами найти его будет не так уж сложно. Господин Михар, безусловно, с такой задачей справится, и довольно быстро. Не так много в Ньоне блондинов, — он с ироничным хмыком дёрнул себя за прядь, — расспросы быстро выведут на мой след.

Нахмурившись, Тогнар уточнил:

— А господин Михар знает, что?..

— Нет, — покачал головой Дерек и логично отметил: — Но узнает сразу, как начнёт копать. Такое скрыть сложно, — он выразительно порастирал собственные запястья.

Постучав пальцами по краю стола, Тогнар начал было уточнять:

— А ваш?.. — но снова запнулся, потому что, видимо, у него язык не поворачивался произносить такие вещи.

Именно по этой запинке Дерек и понял, в чём суть вопроса, поэтому быстро пояснил:

— Полагаю, узнав, где я, он тотчас отрядит людей, чтобы водворить меня на место.

Тогнар задумался. С одной стороны, казалось, что Михару было бы невыгодно выдавать Дереку — что он приобретает таким манёвром? С другой, если Дерек выступает против

Михара, то, конечно, лучше бы для того, чтобы он оказался пленником в Ньоне, чем самостоятельной политической фигурой в Анджелии. Получалось, что, в самом деле, у Михара был идеальный рычаг давления: так и так он не терял, но в случае, если Дерек не шёл на конфликт, ещё и приобретал. Дерек же, естественно, весьма и весьма терял в той ситуации, когда шёл бы на конфликт, так что это, определённо, было не в его интересах.

Не найдя хорошего решения, Тогнар, наконец, предложил:

— Что, если его ликвидировать?

Несколько опешивший Дерек — не привыкший решать свои проблемы таким образом — с большим недоумением переспросил:

— Кого? Михара, или...

— Или. — Пояснил Тогнар.

На лице Дерек отразился глубокий скепсис. Сердце его, впрочем, неприятно кольнуло. Он боялся Грэхарда — точнее, не столько самого Грэхарда, сколько того, что он выдернет его обратно к себе и заставит снова служить ему, — но в страхе этом не было ненависти. Если мысль о том, что можно было бы убить Михара, ещё приходила ему в голову — пусть он и отвергал ей и считал омерзительной — то мысль об убийстве Грэхарда показалась ему дичайшей, несусветной, отвратительной чушью. Это прозвучало примерно так же абсурдно, как если бы ему предложили убить Райтэна, чтобы никогда больше не слышать инсинуации по поводу отсутствия у него мозгов.

Однако Тогнару следовало ответить что-то вразумительное, поэтому он озвучил такую причину:

— Исключительно нереальная затея.

— Важная шишка? — хмыкнул Тогнар, представляя себе уровень параноидальности ньонских князей.

— О да, — кивнул Дерек, складывая ладони перед собой домиком.

— Умеее вы связываться с важными шишками! — развеселился Тогнар.

— Я не нарочно, — заверил его Дерек.

На некоторое время воцарилась тишина. Старый политик искал пути решения проблемы.

У него не было рычагов давления на Михара — тот умел прикрывать тылы. Правда, у него имелась дочь...

— Как вы находите его отношение к Рубиэлэнь? — решил проверить это поле Тогнар.

Дерек поморщился:

— Мы договорились не впутывать в дело женщин. — И пояснил: — У меня тоже есть беззащитная любовница.

Тогнар посмотрел на него с большим скепсисом: мол, как вообще можно всерьёз полагаться на договорённости, если в случае конфликта о них забудут в тот же момент?

Верно расценив причину скепсиса, Дерек повёл плечами и пояснил:

— Руби мне доверяет. Для господина Михара будет затруднительно защитить её от меня, так что не в его интересах нарушать нашу договорённость.

Отбив по столу воинственный марш, Тогнар предположил:

— Быть может, мы сумеем защитить вашу любовницу?..

Имея в виду, что, выведя её из-под удара, они получат возможность самим эту договорённость нарушить и нажать на Михара через Руби.

Чуть покачав головой, Дерек отметил:

— Она не чиста на руку в торговле и весьма дорожит своим светским образом жизни.

Цокнув языком, Тогнар откинулся назад, прикрыл глаза и основательно задумался.

Ситуация выглядела беспросветной, но по опыту своему он знал, что выход можно найти всегда — главное, приложить достаточно усилий.

С четверть часа стояла тишина. Дерек, признаться, был настроен куда как пессимистичнее собеседника, и уже даже не пытался найти решение.

Когда он уже совсем было думал распрощаться и уйти спать, Тогнар вдруг открыл глаза и спросил:

— Как вы смотрите на побег?

Дерек уставился на собеседника мрачным долгим взглядом.

Ещё месяц назад он бы сказал, что категорически против.

Но теперь он чувствовал себя слишком вымотавшимся морально и интеллектуально, и все, буквально все его проекты казались ему теперь скучными и обречёнными на неудачу — усталость всегда сказывалась в нём так, что он начинал видеть вещи под самым мрачным углом.

После сегодняшнего он даже и думать не хотел про каменный уголь; проект с картами казался ему заведомо проигрышным из-за того, что они потеряли Руби, а отсутствие толкового партнёра по рисованию здорово ударило по Илмарту; в своих торговых талантах он окончательно разочаровался и полагал, что Райтэн гораздо лучше справится с поддержкой Олив, чем с его; наконец, в проектах Михара ему попросту не хотелось участвовать из-за фактора принуждения к этому участию.

По всему выходило, что бросить всё это разом — будет лучшим решением.

Просто свалить с себя всё, что так давит теперь.

И отдохнуть, наконец.

Дерек безумно устал, и ему ужасно, ужасно хотелось просто отдохнуть.

Закончив с короткими размышлениями, он сдержанно отметил:

— Чтобы он меня не нашёл, бежать придётся далеко.

Вот этого ему всё же не хотелось. Он слишком полюбил Анджелию; к тому же, в Анджелии был Райтэн, а Дерек не был готов бежать от Райтэна.

Тогнар, уловив этот оттенок сомнений, пожал плечами:

— Имитация смерти. И вы сможете прекрасно продолжить жить в Анджелии.

Дерек задумался.

План выглядел заманчивым.

Если осесть, скажем, где-то в Северной Анджелии — вероятность того, что он когда-нибудь вновь пересечётся с Михаром, будет нулевой. С другой стороны, никого не удивят частые поездки туда Райтэна — с учётом его торговых дел всё это выглядит вполне естественно.

Чем он в этой Северной Анджелии займётся, он не думал.

Ему хотелось просто ничего не делать.

Воображению его нарисовался скромный тихий домик на берегу реки; ранняя утренняя рыбалка, когда долго-долго сидишь неподвижно в лодке, наблюдая поплавок и любуясь рассветом; частые поездки к морю и сидение на берегу, в созерцании морского прибоя; прогулки по лесу в поисках грибов и отогревания у костра; зимние вечера на печке с книжкой в руках...

Никаких амбициозных политиков с их грандиозными планами. Никаких носящихся по своим делам торговцев с тысячами предложений, имеющих двойное и тройное дно. Никаких горящих энтузиазмом учёных, разрывающих его на части. Никаких капризных девиц, которым невесть чего нужно.

— Было бы славно, — вздохнул Дерек скорее в такт своим мыслям, чем в ответ.

— Ну! — хлопнул по столу ладонью Тогнар, довольный, что выход нашёлся. — Значит, решено! Тем паче, что ваш личный шпион станет прекрасным свидетелем, в чьих показаниях Михар не усомнится.

Припомнив факт существования Джея, Дерек кивнул. Получалось, действительно, крайне удачно.

— Что ж! — потёр руки Тогнар. — Есть пожелания по поводу способа смерти, Деркэн?

Тот задумался. Единственное, что пришло ему на ум — драка в переулке. Сказывались, видимо, тяжёлые воспоминания о конфликте с Илмартом.

— Драка с грабителями? — предложил он.

Тогнар скривился:

— А где мы возьмём ваш труп? Нет, Деркэн, нужно придумать что-то, чтобы труп не предъявлять.

Дерек растеряно моргнул. Задача, определённо, перестала казаться простой.

— Утонуть? — тем не менее, почти сразу предположил он.

Мысль о том, что он вот-вот избавится от Михара — а с ним заодно и вообще от всего! — и отправится в вожделенный домик на берегу, его здорово приободрила.

— Утонуть неплохо, но опасно. Всегда есть шанс действительно не выплыть, — отметил очевидное Тогнар, вставая. — Я посоветуюсь со своей командой, и завтра обсудим всё более предметно.

— Спасибо, — искренне улыбнулся Дерек, тоже вставая.

...наутро он посвятил в свои планы Райтэна.

Тот, кажется, чуть не поперхнулся от удивления, но моментально сориентировался.

— Отлично! — поддержал друга он. — Поедешь с нами на север, Олив тебя там так укроет — никакие михары не найдут!

Дерек вздохнул с облегчением. Он боялся, что Райтэн не откликнется на эту затею и назовёт её безумной. Поддержка его сильно приободрила, потому что сам он не был вполне уверен, что поступает правильно. Как это с ним водится, он уже начал думать мысли о том, как он всех подводит, и как это безответственно и дурно с его стороны — попросту всё бросить.

Покивав сам себе — видимо, выстраивал в голове какой-то план, — Райтэн вдруг встрепенулся, и, глядя остро и недовольно, уточнил:

— А что Магрэнь?

Дерек замер.

Про Магрэнь-то он и забыл.

Само собой было очевидно, что уж она-то ни в какую Северную Анджелию не поедет, и уж её-то никакая тихая жизнь в домике на берегу не манит.

Дерек не шутя растерялся.

Одно дело — бросить дела и проекты.

Другое дело — бросить...

А кого, собственно?..

Дерек не мог назвать Магрэнь своей возлюбленной; но, будучи идеалистом, он полагал, что, раз уж он спит с ней, то должен предложить ей оформить отношения как официальный брак. Что он регулярно и делал — довольно формально, и Магрэнь даже не столько отказывала ему, сколько игнорировала сам факт таких предложений. По всему выходило, что они, скорее всего, никогда не поженятся — а это, в свою очередь, означало, что рано или поздно они разойдутся.

Воображение Дерекка пририсовало к домику на берегу тихую спокойную женщину с золотящимися на солнце волосами — жену — и светловолосых ребятишек, играющих и смеющихся в теньке.

Картина эта показалась ему до того желанной и сокровенной, что сердце его мучительно зануло.

Он повёл плечами и озвучил:

— А что Магрэнь? Едва ли она будет по мне плакать.

— В самом деле, — тихо согласился Райтэн, которому вдруг подумалось, что ему будет крайне не хватать Дерекка в Кармидере.

Но, с другой стороны, ему так хотелось освободить друга от Михара, что он согласен был на всё на свете — и даже бежать с Дерекком хоть на край материка, если то понадобится.

И он тоже понимал, что Магрэнь, совершенно точно, не только на край материка не побежит — не откажется даже от толики своего комфорта или положения ради Дерекка.

Что логично относилось её к числу женщин, о которых можно было не беспокоиться.

Таким образом, дело было решено — оставались детали.

Заявившийся к вечеру Тогнар-старший эти детали прояснил.

— Вы разобьётесь о скалы! — весьма довольным голосом возвестил он.

Слегка опешивший Дерекк проморгался и уточнил:

— Это точно безопаснее, чем тонуть?

— Данзэс знает прекрасное место! — весело щурясь, заверил его Тогнар.

Дерекк хмыкнул.

— По официальной версии, — доверительно наклонился вперёд он, — в Ньюоне я именно разбился о скалы.

— Вот! — поощрительно похлопал его по плечу Тогнар. — Проверенный временем способ!

— Да вот уж! — искренне рассмеялся Дерекк, веря и не веря, что всё разрешится так просто, и скоро он будет совершенно свободен.

11. Как имитировать потерю сознания?

Джей, конечно, даже предположить не мог, что ему выпала сомнительная честь засвидетельствовать, что объект его охраны разбился насмерть, упав со скал. Поэтому планы по утренней поездке в горы — Дерек заявил, что хочет проверить какие-то заброшенные рудники, которые можно было бы выкупить у хозяина, если они покажутся перспективными, — воспринял с энтузиазмом.

Он прекрасно знал, каковы эти горы с джотандской стороны, и ему было чрезвычайно интересно сравнить их с анжельскими склонами — вроде бы более пологими и лесистыми.

Настроение его было самым прекрасным — ему нравилась поездка, несмотря на шпыняния со стороны Райтэна и Олив, ему нравился Брейлин с его забавной застройкой и разницей архитектурных решений, ему ужасно нравились беседы с объектом — в общем, жизнь сияла яркими и радостными красками, в такт летнему солнцу, сверкающему россыпью зайчиков на траве, деревьях и камнях.

Путь был неблизкий, поэтому двигались конно. Дерек весело и оживлённо рассказывал про пирит — именно его наличие они планировали инспектировать — Джей, развесив уши, слушал.

На очередном повороте Дерек вдруг замолк, чтобы спустя пару секунд выдохнуть: — Вы только посмотрите, Джей, красота-то какая!

От проторённой тропы между деревьями отходила небольшая площадка на открытом утёсе. Дерек уверенно вырулил на неё, спешился, закрепил поводья на последнем с краю дереве и подошёл ближе к обрыву.

Вид, и вправду, открывался предивный. Завороженный Джей последовал примеру объекта и тоже, спешившись, вышел на площадку.

Во все стороны, сколько было видно, раскинулась гладь залива, сверкающая яркими солнечными бликами. Кое-где среди переливчатых волн скользили редкие паруса.

Слева, примыкая к впадающей в залив реке, громоздился достаточно чётко видимый Брейлин — во всяком случае, центральные башни угадывались вполне сносно. Пригород по эту сторону реки виднелся чётче, но там разглядывать было нечего — низкоэтажная неплотная застройка.

— Фантастика! — подставляя лицо ветру, восхищённо выдохнул объект.

Насладившись свежим морским воздухом, объект с весьма довольным вздохом уселся прямо на край обрыва, замотав в воздухе ногами.

— Сэр!.. — опомнился от лицезрения пейзажей и дёрнулся вперёд Джей, которому не казалось здоровой идеей так рисковать на пустом месте — он не понаслышке знал, как коварны и опасны горы.

— Да всё в поря!.. — беззаботно повернулся к нему объект... и, не успев договорить фразы, полетел вниз.

Джей рванул за ним — хотя едва ли в такой ситуации можно было успеть поймать человека и задержать его падение — и кубарем свалился тоже.

Лететь ему, правда, пришлось недолго — метра два — но головой о землю он приложился неслабо — и потерял сознание.

Когда он пришёл в себя, то над ним шла оживлённая перепалка, в которой ясно различалось два голоса — собственно объекта и его вредного дружка. Оглушённый и

растерянный Джей решил, что открывать глаза преждевременно — во всяком случае, пока он не разберётся в этой странной и подозрительной ситуации.

— ...к дереву привязать, что ли, должен был?! — возмутился объект.

— Спрыгнул бы, пока он у коней шебуршится!! — почти орал в ответ его друг.

— Ну! — не отступал объект. — Он же должен был качественно разглядеть, что я навернулся!.. Кстати, — вдруг от возмущения переключился он на деловой тон, — ты куда труп дел?

— Так скинул же! Валяется на дне, как задумано! — раздражённо ответил друг.

Несколько секунд стояла тишина — видимо, инспектировали видимость труп.

«Кажется, я влип», — обречённо подумал Джей, который пока только понял, что сломал какую-то сложную интригу. Неясно, какую, и непонятно, что теперь с ним будут делать.

Размышления его прервал деловой голос брюнета:

— Так. Твой труп на месте, так что валим-ка отсюда, пока он не прочухался.

Три секунды тишины.

— Как он сам отсюда выберется? — наконец, с сомнениями в голосе спросил объект. — Его, кажется, знатно приложило.

Снова немного тишины.

— Он там, вообще, жив? — подозрительно поинтересовался брюнет.

Джей заглодел. Ему совершенно не хотелось выяснять, что они будут делать, если выяснят, что он их слышал. Поэтому он постарался мобилизовать все свои умения и качественно притвориться потерявшим сознание: закатил глаза, затаил дыхание и постарался максимально замедлить пульс.

Человека опытного такие трюки не провели бы, но, к счастью Джея, Дерек был не очень хорош в умении определить состояние человека. Пощупав пульс и задрав веко, он вынес вердикт:

— Жив.

Потом напряжённо добавил:

— Тэн, он слишком долго не приходит в себя. Ему нужна квалифицированная помощь.

Опять несколько секунд тишины. Новый план от брюнета:

— Дер, тогда ты вали-ка давай, а я ехал за вами, потому что ты мне был нужен по делу, и наткнулся на него.

— Серьёзно? — язвительно переспросил объект. — Как ты мог на него наткнуться, Тэн?

— Там ваши кони привязаны! — фыркнул брюнет.

— Нас с обрыва не видно, — напомнил объект.

— Нас нет, а твой труп — прекрасно видно! — моментально возразил брюнет.

Две секунды тишины.

— Тэн, ты идиот? — наконец, переспросил объект. — Предположим, ты поехал на мои поиски, выглянул с обрыва и увидел внизу мой труп. Ты серьёзно вспомнил бы о существовании Джея и заинтересовался бы его судьбой?

Судорожный резкий выдох.

— Нет. — Мрачно признал брюнет.

«Дело труба», — не менее мрачно подумал Джей, который уже понял, в чём суть интриги, и не представлял теперь, как выпутаться из неё живым. Он примерно угадал, куда

умудрился наvertнуться — должно быть, утёс выступал над небольшой площадкой, заходящей частью под него, — и не представлял себе, как выбраться отсюда самостоятельно, когда заговорщики уйдут.

— Тащим наверх, — ворвался в его размышления повелительный голос объекта.

Две секунды тишины.

— Ты идиот? — спокойно переспросил брюнет. — Как бы крепко он ни приложился головой, но уж полёт-то вниз точно припомнит.

Молчание длилось секунд десять.

— Тэн, у нас нет выхода, — наконец, устало сказал объект. — Мы не можем оставить его здесь.

— Мы не можем тащить его наверх, — зло и резко возразил брюнет. — Это разрушит всю легенду.

— Разрушит, да, — тихо и обречённо согласился объект.

С полминуты тишины. Джей попытался незаметно слотнуть в надежде, что на него никто не смотрит. Его ощутимо мутило — видимо, сотрясение он всё-таки получил.

— Дер. — Тон брюнета был весьма напряжённым и строгим. — Сваливаем. Оставляем его здесь. Я навожу переполох в Брейлине, на его поиски кто-то придёт, найдёт его и доставит в больницу.

«Отличный план! Великолепный же план, сэр!» — попытался Джей мысленно докричаться до объекта. Брюнет в кои-то веки сыграл на его стороне — лучшего способа выпутаться из сложившейся ситуации и вообразить было нельзя.

Увы, радовался Джей преждевременно.

— Тэн, кто его здесь найдёт? — устало спросил объект. — Ты понимаешь, что, чтобы его найти, нужно знать, что здесь есть эта засидка?

— Данзэс знает! — фыркнул брюнет.

Две секунды тишины.

— Ну конечно, — язвительно ответил объект. — Разумеется, Михар поверит, что рухнувший вниз головой Джей удачно наvertнулся в удобную ложбинку, а соскользнувший ногами вперёд я сорвался и отправился на дно!

— Случайность!.. — явно сквозь зубы прошипел брюнет. — Поскользнулся!..

— Политики не верят таким случайностям, — зло и строго возразил объект. — Михар непременно проверит — и точно найдёт способ вытащить меня из моей норы.

«Капец», — спокойно резюмировал Джей, пытаясь лихорадочно придумать, как повысить свои шансы выбраться из передраги живым.

— Он может позвать на помощь, когда придёт в себя, и его услышат, — хмуро продолжил генерировать варианты брюнет.

Хотелось вскочить и расцеловать его — в кои-то веки говорит столь хорошие вещи!

Но предусмотрительность объекта в этот раз играла не на его стороне.

— Ему нужна помощь, Тэн, — устало отметил он. — Он может и не очнуться в ближайшие часы.

Брюнет фыркнул:

— Та! Сдохнет — нам же меньше проблем!

Джей отстранёно подумал, что в сложившейся ситуации неприязнь брюнета куда больше ему на руку, чем заботливость объекта.

— Тэн! — возмутился, меж тем, объект. — Он, между прочим, за мной сюда сиганул!

«Я не сдохну, сэр! — мысленно протранслировал Джей. — Честное слово, не сдохну!

Просто свалите уже и пришлите людей на поиски, и всё будет отлично!»

— Это его работа, вообще-то, — досадливо хмыкнул брюнет, между тем. — Он твой телохранитель, если ты не помнишь.

— Если я правильно помню, — резко возразил объект, — телохранители защищают от покушений со стороны опасных людей. Пытаться спасти идиотов, рассеявшихся на обрыве, не в их компетенции.

Пять секунд тишины, во время которой Джей пытался сообразить, чего это он, действительно, ринулся спасать.

— Да он так и так сдохнет, — сделал неожиданный вывод брюнет — почему-то с осязательным сожалением в голосе. — Капитально приложился, Дер.

«Да, я капитально приложился и так и так сдохну, — приговаривал внутри себя Джей. — Просто свалите уже».

К его ужасу, объект явно встревожился столь долговременной потерей сознания и полез проверять ему череп.

— Вроде ран нет... — бормотал он, мягко и осторожно ощупывая голову Джея.

Тот, затаив дыхание и зацепенев от страха, тщетно пытался заставить сердце биться помедленнее и поспокойнее. Кажется, у человека с травмой головы не может быть зашкаливающе быстрого пульса, ведь так?

Сердце упорно не поддавалось.

Джей понимал, что услышал слишком много того, что ему слышать не стоило; и что, как бы он ни клялся и ни божился, что никому не расскажет, ему уже не поверят и попросту устроят — потому что Михар не должен знать, что объект пытался сымитировать свою смерть, чтобы отделаться от него.

Жить хотелось.

«Я могу попытаться их столкнуть», — отстранёно подумал Джей.

Обрыв где-то близко, и на его стороне эффект неожиданности.

Мысль о том, чтобы столкнуть вниз объекта и его друга, усилила и без того накачивающую тошноту. Пульс опять подскочил.

«Они меня убьют, если я не убью их», — тоскливо подумал Джей.

От этой мысли по телу пошла дрожь — он едва успел перехватить её и волевым усилием заставить себя замереть.

Он не мог заставить себя убить — даже этого противного брюнета, не говоря уж о самом объекте.

Тот, между тем, продолжал аккуратно искать несуществующую рану — и ожидаемо нашёл тонко бьющуюся жилку на виске.

«Прирежут или сбросят?..» — обречённо подумал Джей.

Хотелось бы, чтобы прирезали, это быстрее.

Объект, явно дезориентированный, дёрнулся проверить пульс на шее.

«Капец», — снова подумал Джей, пытаясь хотя бы не сглотнуть — слюны от волнения набрался полный рот.

Три секунды.

Пять.

Семь.

Чего он выжидает? Тут и тупица всё сообразит...

— Тэн, — голос напряжённый, строгий.

Джей всё-таки сглотнул, понимая, что игра окончена.

— Тащим его наверх! — неожиданно резюмировал объект, отворачиваясь.

Пять секунд.

— И нечего меня так взглядом прожигать, — недовольно заявил объект. — План провалился так и так.

Должно быть, над ним сейчас происходила знатная перепалка взглядов.

Во всяком случае, спорить друзья прекратили, и спустя минуту завозились, потащив Джею куда-то под мрачные матюги брюнета.

«Что, нахрен, происходит?!» — давился недоумением Джей, продолжая всё ещё имитировать бессознательное тело. Это оказалось трудно, потому что, кажется, с этого уступа и здоровому мужику было непросто выбраться — куда уж тащить кого-то! Джея знатно мотало, он совершенно дезориентировался, и сосредоточился только на том, чтобы не расстаться с содержимым желудка.

Наконец, его вытащили и уложили на землю.

— Давай, Тэн, — напряжённо заговорил объект. — Вали отсюда, я разберусь. — И, спустя пять секунд, почти весело: — Да-да, я идиот без мозгов, вечером мне всё выскажешь.

Разразившись очередным матерным монологом, брюнет, судя по звукам, отправился восвояси.

Джей нервно сглотнул, уже не беспокоясь, смотрят на него или нет: и так ведь всё ясно.

«Либо убьёт, либо вербовка», — нарисовалась в его голове неприятная альтернатива.

Вариант «попытаться вырубить объекта и сбежать» он не рассматривал, поскольку головой он и впрямь приложился основательно, и едва ли сейчас был способен на драку и побег.

«Если вербовка, — предположил Джей, — можно будет сбежать после».

Будущее стало казаться более светлым.

Между тем, объект тяжело вздохнул.

— Что ж с вами делать-то теперь, Джей, — пробормотал он, опустился рядом на землю и похлопал его по щекам.

Вздохнув не менее тяжко, Джей «пришёл в себя» и открыл глаза.

Незамедлительно был озадачен вопросом:

— Сколько пальцев?

От яркого солнца глаза слезились, но он послушно сфокусировал зрение и ответил:

— Два.

К его удивлению, объект на этом не остановился и провёл ещё несколько распространённых проверок на адекватность, после чего почему-то радостно резюмировал:

— Надо же, даже без амнезии!

По совести говоря, Джей не знал, что такое «амнезия», но он был так озадачен происходящим, что не решился переспросить.

Объект, подскочив, засуетился с лошадьми, и вскоре Джею уверенно запихнули в седло — впрочем, он тут же чуть не свалился, поскольку его ощутимо мутило, а голова заметно кружилась.

— Стремена оставьте мне! — невнятно потребовал объект, что-то делая со второй

лошадью. Сосредоточенный на попытках удержатъ равновесие Джей совершенно не понимал, что происходит.

Вскоре объект достаточно уверенно вскарабкался на лошадиный круп — прямо за ним — и взялся за поводья. Руки объекта, оказавшиеся, таким образом, справа и слева от него, приободрили Джея: во всяком случае, вероятность навернуться существенно снизилась.

В последний раз он ездил так ещё в детстве — с отцом, когда только учился верховой езде.

— Да откиньтесь вы уже на меня! — раздражённо потребовал, меж тем, объект, высвободил одну руку и уверенно заставил Джея выполнить заявленное действие.

Как только спина получила опору, жить стало значительно легче, и Джей, облегчённо вздохнув, прикрыл глаза — и, кажется, не то чтобы потерял сознание, но несколько утратил связь с реальностью.

В себя он пришёл через несколько минут — когда они, определённо, уже куда-то ехали.

Джей совершенно не понимал, что происходит.

Объект явно планировал съмитировать собственную смерть и использовать его в качестве надёжного свидетеля. Джей этот план полностью запарол.

Ладно, объект вроде не намерен его убивать — из того, что Джей успел о нём узнать, он и впрямь не был склонен разбрасываться чужими жизнями, — но он должен был, во всяком случае, потребовать от Джея клятвы молчать.

«Должно быть, — распутал, наконец, свои сомнения Джей, — хочет, чтобы я сперва отлежался и пришёл в себя. А потом уж поговорит».

Сердце сжало дурными предчувствиями.

Джей понял, что влип, и влип капитально.

Он должен был, обязан был доложить о случившемся господину Михару — а объект, совершенно точно, захочет скрыть это происшествие.

Лгать патрону Джей почитал недопустимым — а из этого следовал неизбежный разрыв с объектом. Он, конечно, пообещает ему молчать — а что остаётся? — но по возвращении в Кармидер своё обещание нарушит. Оставаться после этого при объекте будет опасно и попросту невыносимо — этот его брюнет и так его не переносит, а после такого «предательства» так и подавно подстроит... несчастный случай с определённым финалом.

Господин Михар, положим, не заставит его возвращаться — он умён и понимает, что на роль двойного агента у Джея мозгов не хватит, да и актёрского таланта.

Значит — конец.

Никаких больше изучений языков, никаких экскурсов в историю, физику и другие науки, удивительных рассказов и неожиданных вопросов, увлекательных поездок и...

Джей почувствовал, как всё внутри ноет и выворачивается наизнанку.

Из него, определённо, получился отвратный шпион — он умудрился привязаться к объекту.

И теперь ему было мучительно, невыносимо понимать, что — всё кончено.

Так или иначе — всё было бы конечно, хотел он того или нет. Даже если бы всё пошло по плану, и он не навернулся бы с обрыва, — всё было бы кончено и так, просто он считал бы, что объект мёртв.

Джей вообразил себе, каково это было бы, если бы план объекта осуществился — и содрогнулся. Он ведь в самом деле перепугался в тот момент — мозг совершенно парализовало страхом, ведь Джей знал, не мог не знать, что бессмысленно бросаться за

человеком, который падает с обрыва. Поздно за ним бросаться.

Если бы всё происходило по-настоящему, он просто бы бесславно свернул бы себе шею — вслед за объектом.

Злой брюнет был не справедлив. Телохранители не бросаются в обрыв за идиотами, которых охраняют.

Джей не просто привязался — он привязался настолько, что был готов отдать за объекта свою жизнь.

«Но не свою честь», — стиснув челюсть, подумал он.

Его верность принадлежала только одному человеку, и могла принадлежать лишь ему.

Сердце переполнилось горечью и болью.

Он крепился, сжимал зубы и эксплуатировал все дыхательные техники, которые знал, — но ничего не мог сделать. Боль упрямо изливалась наружу слезами.

Он судорожно вздохнул, пытаясь подавить всхлип. Не преуспел.

— Больно? — встревожился объект. — Потерпите, Джей, мы уже полпути прошли, — он, действительно, вёл лошадь вперёд тихим шагом, стараясь не трясти.

Правая рука объекта отпустила поводья и мягким, утешающим жестом погладила его по волосам, прижимая голову к груди.

Развернувшись и уткнувшись в эту грудь, Джей, растеряв последние силы в тщетной борьбе с собой, заплакал открыто.

Лошадь встала на месте.

— Ну что вы, в самом деле, — растерянно пробормотал объект, глядя его по спине.

Таким же тоном — в котором мешались огорчение и тревога — говорил в детстве отец, когда Джей хныкал, набив себе шишек.

— Ну, ничего, ничего, — продолжал выговаривать что-то успокоительное объект. — Это ничего, это стресс. Вот доберёмся до города, — оптимистично наметил план он, — отлежитесь, отдохнёте.

Наконец, слёзы закончились, и Джей замер, сгорая от стыда.

— Ну, вот и славно! — воодушевился объект, трогая поводья. Лошадь медленно тронулась вперёд. — Всё хорошо, Джей, не переживайте так.

Джей беззвучно вздохнул.

Ничего не было хорошо — и хорошо быть не могло уже вообще никак.

12. В чём смысл побега?

Райтэн умел горячо и пламенно ругаться даже и безо всяких слов.

Он просто стоял в углу гостиной в доме правителя Брейлина и выразительно молчал, сложив руки на груди. Ни его позу, ни его взгляд нельзя было назвать агрессивными, но вокруг него словно сгущалось тёмное облако гнева, раздражения и недовольства.

Дерек, стоявший к нему боком и разглядывающий окно, чутко улавливал эту тёмную волну и вздыхал.

Это продолжалось с четверть часа. Никто из них не начинал беседу, потому что каждый чётко знал мнение второй стороны, понимал, что её не переубедить и не видел смысла спорить.

Дерек просто ждал, когда Райтэн отбушует, а Райтэн молча проговаривал про себя всё то, что не было смысла произносить вслух.

С присущей ему чуткостью Дерек тонко уловил тот момент, когда этот страстный внутренний монолог прекратился — возможно, по тому, как расслабились пальцы, которыми друг вцеплялся в собственную рубашку.

— Между прочим, — невозмутимо отметил он от своего окна, — мы его до трясучки напугали.

— Мы? — холодно переспросил Райтэн.

— Судя по всему, — пожал плечами Дерек, — без сознания он был совсем недолго.

Неожиданно Райтэн взвился и сделал широкий шаг к центру комнаты.

— Я же говорил! — со смесью гнева и тревоги воскликнул он. На обернувшемся к нему лице читалось недоумение, поэтому пришлось пояснить: — Ему всё б шпионить!

Брови Дерек поползли вверх. Затем губы его тронула улыбка, и он со смешком переспросил:

— Ты что же, думаешь, он подслушивал?

— Что же ещё! — возмущённо всплеснул руками Райтэн.

Во взгляде друга мелькнула насмешка, когда он переспросил:

— И что ж он такого секретного мог в тот момент подслушать?

подавившись негодованием, Райтэн, тем не менее, не растерялся.

— Всё! — пафосно заявил он, снова складывая руки на груди, выпрямляясь и пронзая друга высокомерным взглядом. Потом через губу изволил пояснить: — Всё о нашем плане с побегом от Михара!

Не выдержав, Дерек согнулся от смеха, безмерно возмущив этим Райтэна; затем всё же пояснил своё веселье:

— Ну конечно! Мы ведь обсуждали, как найти адреса, называли имена агентов, договаривались о датах и паролях!..

Райтэн насмешливо фыркнул, но ничего не возразил.

— Тэн, — Дерек устало потёр лоб и снова отвернулся к окну. — Он узнал только про сам план — но это и так было бы очевидно, с того самого момента, как он свалился в засидку.

Вообще, план, разумеется, не предполагал такого провала. Засидка под утёсом выступала, конечно, вперёд — достаточно, чтобы суметь спрыгнуть на неё с самого утёса — но по большей части располагалась под ним. Однако, если смотреть сверху, выступающая

часть вполне могла показаться частью склона, пусть и пологой, почти плоской. Но наличие изломанного трупа у подножья явно не располагало к исследованию склонов — ясно же, что человек навернулся, чего там исследовать?

План предполагал, что Дерек спрыгнет в засидку и затаится под утёсом; ждущий там заранее Райтэн вовремя столкнёт вниз подходящий труп в правильной одежде, и Джей сверху увидит только, что Дерек разбился.

То, что Джей умудрился свалиться прямиком в засидку, спутало все карты: версия с тем, что Дерек сорвался настолько неудачно, переставала казаться правдоподобной — особенно с учётом того, что у Дерека были вполне прозрачные мотивы устраивать представления подобного рода.

Помолчав, Райтэн упрямо возразил:

— Ну, может, он рассчитывал, что мы скажем что-то важное!

Дерек хмыкнул и опроверг эту версию:

— Да ни на что он не рассчитывал, Тэн. Испугался, что мы его убьём, вот и всё.

Некоторое время стояла тишина.

— С чего бы нам его убивать? — мрачно переспросил Райтэн, который в целом никогда не рассматривал такие варианты решения проблем — если не считать, конечно, угрозы вызвать неприятелей на дуэль. Правда, с учётом того, что он ни разу в своей жизни так никого и не вызвал... едва ли эти угрозы можно было воспринимать всерьёз.

— Убрать опасного свидетеля, — отмахнулся Дерек. — Логичное, в общем-то, решение.

— Тоже мне, опасный свидетель! — презрительно фыркнул Райтэн. — Велика цаца, возиться с ним!

Со смешком Дерек повернул к нему голову, чуть наклонил её к плечу и мягко ответил:

— Ты уж определись, Тэн. То он у тебя мерзкий шпион, который вызнал тайны вселенского масштаба, а то — и не велика цаца, что он там узнал-то!

Пойманный на непоследовательности Райтэн рассмеялся, потом подошёл ближе и тоже уставился в окно.

Некоторое время они молчали.

Затем Райтэн заметил:

— Но он же теперь всё доложит Михару.

Дерек безразлично пожал плечами.

Подумал и выразил это пожатие словесно:

— И что?

Райтэн хмыкнул. Действительно. Едва ли Михар столь глуп, что предполагает, будто бы Дерек не ищет способа выкрутиться из его хватки.

— Теперь будет сложно заставить его поверить, что ты умер, — отметил очевидную проблему Райтэн.

Дерек долго молчал.

По напряжённому лицу его ходили тени тяжёлых мыслей.

Затем он повернулся к другу и начал медленно и тихо говорить:

— Знаешь, Тэн... Я ведь уже сбегал однажды. — Взгляд его налился темнотой и горечью. — Мне было трудно, и я просто сбежал.

Он повернулся к окну и снова долго смотрел в него. Райтэн молча ждал продолжения — чувствовалось, что это было только вступление к основной мысли, которую Дерек

раздумывал прямо сейчас.

— Я часто задаюсь вопросом, — не отрывая взгляда от темноты за окнами, медленно продолжил Дерек, — было ли это оптимальным решением? Так ли нужен был именно побег? Действительно ли это был единственный путь? — он развернулся к Райтэну и поймал его взгляд. — Почему именно побег, Тэн?

Вопрос этот был нериторический; в сильном, глубоком взгляде Дерека читалось требование дать ответ. И Райтэн ответил то, что сам прекрасно знал, потому что не раз задавал этот вопрос самому себе.

— Потому что так проще, — признал он.

Дерек серьёзно кивнул.

— Так проще, — согласился он и отвернулся. — Просто поговорить с Грэхардом было слишком страшно. Проще было придумать, что он меня не услышит, заранее отказать себе от его имени в моём праве на равенство с ним и сбежать.

Райтэн нахмурился. Ему не понравилось, куда ушли мысли друга.

Дерек помолчал, пытаясь разобраться в себе. Превалирующим чувством в нём теперь был стыд: его побег теперь казался ему трусливым поступком человека, не способного отвечать за свою жизнь. Он, к тому же, остро ощущал себя теперь предателем: что бы там ни было, а Грэхард заслуживал, по крайней мере, честного разговора. Дерек не только не удостоил его разговорами и объяснениями — он лишил его возможности хотя бы извиниться, и это теперь особенно мучительно жгло его сердце.

Хмуро постановав внутри себя, что он трус и слабак — или, по крайней мере, был таковым, — Дерек продолжил:

— И вот, я снова в схожей ситуации — и снова хочу сбежать. Потому что так проще.

Скривившись, Райтэн возразил:

— При всём моём неуважении к повелителю Ньона — он, худо или бедно, но хотя бы назывался твоим другом. А о чём ты собрался говорить с Михаром!..

Подумав, Дерек сел на подоконник, посмотрел на Райтэна снизу вверх и поправил:

— Не «о чём», Тэн, а «как».

Ответная игра мимики предлагала расшифровать мысль.

— Я рассуждаю как раб, — постучал себе Дерек по голове для выразительности. — А для раба нет иного пути, кроме как сбежать.

Лицо Райтэна скривилось.

— И я хочу сбежать, — с глубоким чувством в голосе продолжил Дерек, — потому что так не только проще — так привычнее. Признать, что Михар сильнее. Что мне его никогда не одолеть. Что я никогда не буду ему равен. Что мой единственный путь бунта против него — побег, потому что я слабее, потому что я беспомощен, потому что я не могу иначе. — Поболтав ногами в воздухе, добавил: — Если идти по этому пути — то я так и буду бегать всю жизнь. То от всяких грэхардов и михаров, а то и просто — от страхов, неудач, проблем. Помнишь, — вдруг встрепенулся он, — я ведь и из Брейлина сбежал.

— Из Брейлина, — через губу поправил Райтэн, — тебя увёз я.

Дерек ясно улыбнулся и добавил:

— Потому что во мне это так глубоко, что только побег и мог мне помочь, что ты и почувствовал.

Закаменев лицом, Райтэн долго его разглядывал; затем медленно, неохотно кивнул.

— Итак, — подвёл итог он, — ты больше не будешь сбегать. Но что тогда?

Дерек вздохнул, сгорбился и спрятал ладони между коленями.

— Буду бороться, — наконец, решил он.

— С Михаром? — холодный голос Райтэна был полон скепсиса.

— С Михаром, — кивнул Дерек почти даже радостно.

Смерив его надменным взглядом, Райтэн коротко вынес свою оценку:

— Безумие.

Они ещё помолчали, обдумывая сказанное и услышанное.

— Но, в целом, — подумав, добавил Райтэн, — вполне в нашем фамильном духе, братишка.

Дерек рассмеялся.

— Что, — весело спросил он, вскакивая с подоконника, — теперь я настоящий Тогнар, да?

— Мой славный предок гордился бы таким братом! — пафосно изрёк Райтэн, нарисовав на своей физиономии чопорно-надменное выражение.

— Честно говоря, — застенчиво признался Дерек, запуская ладонь в свои волосы, — плевать мне на мнение твоего предка. Я бы, — тихо продолжил он, — предпочёл бы, чтобы мною гордился ты.

Райтэн посмотрел на него как на идиота и спокойно сказал:

— Я всегда тобой горжусь, Дер.

Тот расслаился так, будто бы уже победил всех михаров на свете, но всё-таки, срывающимся слегка голосом уточнил:

— Даже когда я сбегаяю?

Градус «я разговариваю с идиотом!» на лице Райтэна ещё возрос. Дав собеседнику вполне полюбоваться выражением этого градуса, он весьма прохладно принялся перечислять:

— Я даже затрудняюсь выделить, какой факт ты умудряешься игнорировать настолько феерично. Тот, что ты говоришь с человеком, который и сам прославился своими побегами, тот, что ты говоришь с человеком, с которым никогда не познакомился бы, если бы не твой побег, или тот, что ты удивительным образом сбегаяешь от тех, от кого, вообще-то, считается невозможным сбежать.

Не то чтобы последний факт был так уж правдив — или, во всяком случае, одного Грэхарда было маловато, чтобы говорить о нём во множественном числе, — но Дерек явно впечатлился.

— Ого! — присвистнул он. — Так это звучит гораздо...

Он потерялся, не найдя слова.

Спустя полминуты, когда слово так и не было найдено, Райтэн тихо отметил:

— Иногда, чтобы стать собой, нужно сперва сбежать.

Дерек несмело улыбнулся.

— А иногда, — продолжил невозмутимо философствовать Райтэн, — нужно наконец-то перестать сбегать, чтобы всё-таки стать собой.

— Глубоко, — признал Дерек.

Дёрнув плечом, Райтэн отметил:

— Я тоже много об этом думал.

Они переглянулись и улыбнулись.

Очевидно, главное было не в том, сбегаешь ты или нет.

Главное было в том, что, сбегаешь ты или нет — есть человек, который сбежит или останется с тобой, вне зависимости от того, что ты выберешь.

И это согревало теплее любого солнца.

II. Верность. 1. Какова ответственность за верность?

II. Верность

644-645 года. Кармидер

Если однажды горячее солнце
Станет холодным, как утренний лёд,
Если зима жарким летом вернётся
И на песок белый снег упадет,
Если беда, что ничем не измерить,
Рухнет на землю, косою звеня, -
Я буду знать, всё равно, что ты веришь,
Я буду знать, что ты любишь меня.
Денис Майданов, «Вечная любовь»

1. Какова ответственность за верность?

Джей отлёживался в одной из гостевых комнат дома правителя Брейлина и смертельно скучал.

Никакой травмы черепа у него не нашлось — только сотрясение — поэтому ему назначили лежать и не напрягать голову. Вроде бы ничего сложного — но эти две рекомендации напрочь перекрывали одна другую. Джей мог бы спокойно проваляться в кровати неделю, если бы можно было читать, но — «не напрягать голову!» Выполнить эту вторую рекомендацию тоже было несложно — например, посвятить время тренировкам, но — «лежать!»

Правда, к нему дважды в день приходил Дерек. С утра читал вслух, подолгу, а вечером просто что-то рассказывал — тоже долго и интересно. И Джей, наверно, ждал бы этих визитов с большим нетерпением — вот только всё портилось пониманием неотвратимости серьёзного разговора.

Джей был уверен, что разговор этот непременно произойдёт, и даже мог себе вообразить выражение лица и интонации объекта — лёгкое смущение, разбавляемое обаятельными вспышками демонстрируемой симпатии. Джей прекрасно знал, что будет говорить в ответ, и как будет хмуриться, чтобы показать, что решение не выдавать объекта господину Михару далось ему нелегко.

Это был мерзкий, противный спектакль, в котором каждый из них хорошо знал свою роль — и должен был отыграть её тщательно и с чувством.

И это было до того отвратительно, что Джею казалось, что от одной мысли об этом спектакле во рту устанавливается вкус чего-то гнилого и плесневелого.

Однако прошёл день, второй, третий... а объект всё не спешил начинать сложный разговор. Должно быть, ему тоже хотелось оттянуть эту необходимость лицемерить, и невозможность обойти эту необходимость его угнетала.

Во всяком случае, выглядел он весьма измотано, и привычного энергичного энтузиазма не демонстрировал.

Однажды вечером — так вообще, зевнув, пробормотал что-то неразборчивое, уложил руки на стол, а голову — на руки, и... уснул.

Джей даже не понял сначала.

Потом встал и подсунул объекту собственную подушку.

Тот, не просыпаясь, довольно заворчал и устроил её между головой и руками.

Он умудрился проспать так около часу; затем в комнату неожиданно ворвался его бесцеремонный друг с громким и недовольным:

— Дер!..

Впрочем, тут же застывший на пороге и в обалдении уставившийся на представленную картину.

Объект, видимо, разбуженный шумом, проговорил вполне отчётливо:

— Тэн, реши сам!.. — и завалился лицом в подушку.

Брюнет уставил на Джея совершенно ошарашенный взгляд — видимо, хотел подробностей.

Джей только растеряно развёл руками и помотал головой: мол, вообще не в теме, что происходит.

На выразительном лице брюнета ярко проступила тревога. В три быстрых шага он пронёсся к объекту и принялся, хмурясь, щупать его лоб. Однако результаты его явно не удовлетворили — выражение тревоги усилилось и дополнилось недоумением.

— Тэн, ну дай поспать! — не очень разборчиво пробормотал объект, пытаясь устроиться на подушке поудобнее.

— А давай ты в кровати поспишь?! — внёс конструктивное предложение брюнет и принялся поднимать друга.

Тот не очень-то упирался, но и просыпаться особо не собирался. Так, в стиле какого-то лунатика, позволил себя утащить.

Только в подушку вцепился намертво, так что ушли они вместе с ней.

Джей тяжело вздохнул.

Второй подушки у него не было.

Впрочем, он не успел толком продумать план действий по добыванию новой, как брюнет вернулся, притащив столь необходимый для отдыха предмет с собой.

Джей ужасно обрадовался — не ожидал от брюнета такой любезности.

Всучив подушку, тот сложил руки на груди и смерил Джея взглядом не столько хмурым, сколько задумчивым.

Взгляд этот Джея весьма напугал — а ну как теперь подушкой и придушит!

Испуг этот, видимо, как-то отобразился на его лице, потому что брюнет вдруг нахмурился, резво отступил на пару шагов назад и оттуда буркнул таким тоном, будто бы желал ему скорейшей смерти:

— Выздоровливайте, Джей.

После чего, не дожидаясь какой бы то ни было реакции, удалился весьма стремительно.

Джей растеряно поморгал. Вот и думай: то ли передумал убивать, то ли ещё что!

Но на этом злоключения его не закончились.

На другой день брюнет снова почтил его визитом — в разгар дня, когда объект уже давно ушёл, а до вечера было ещё полно времени.

Перетрухнувший Джей, впрочем, сообразил, что объект, видимо, перевалил тяжёлую миссию по необходимости провести серьёзный разговор на плечи друга — чтобы сыграть,

видимо, не на симпатии, а на запугивании.

Почти беззвучно Джей вздохнул. Конечно, было отрадно избавиться от необходимости врать объекту; но всё же то, что миссию по переговорам поручили брюнету, лучше всего другого говорило, что добрые отношения с объектом остались в прошлом, и возится он с ним сейчас чисто из человеческого сострадания.

Брюнет, меж тем, разговор начинать не спешил. Развалившись на стуле, он отбивал какую-то мелодию пальцами по коленке — звука от этого почти и не получалось — и разглядывал Джея пусть не враждебно, но весьма пристально, что не внушало оптимизма.

Совсем уж перенервничав под этим взглядом, Джей решил поторопить события — всё равно сбежать от разговора не выйдет.

— Сэр? — вежливо оформил он вопросительную интонацию.

Брюнет сморгнул, словно очнувшись, тряхнул головой, успокоил отбивающую мелодию руку, затем что-то достал из кармана и протянул ему со словами:

— Шоколад. Полезен для мозгов.

Совершенно опешив, Джей осторожно взял подарок.

Он пробовал шоколад — один раз в жизни — и это было очень-очень вкусно.

— Но это же очень дорого, сэр? — не сдержал удивления Джей, пытаясь понять, что за планы вынашивает брюнет.

Не думает же он его отравить, в самом деле!

Если бы банда объекта планировала его убить — у них было множество возможностей, не требующих порчи дорогих продуктов.

— Не дороже головы, — презрительно фыркнул брюнет. — Впрочем, вы, видимо, своей не слишком-то дорожите!..

Вскочил и удалился.

Джей растерянно поморгал ему вслед.

Рискнул попробовать кусочек шоколада — кажется, было даже вкуснее, чем ему помнилось.

«Если не отравлен, — подумал сам с собой Джей. — Отправлю Лейре».

Сестра его обучалась в пансионате в Филопье, и никакого шоколада там, совершенно точно, быть не могло.

Подарок оказался не отравлен, а загадка помыслов брюнета — неразгадана, потому что через день, подхватив свою Смерть — ей-ей, Джей даже вообразить себе не мог, насколько отважным нужно быть человеком, чтобы жениться на Смерти! — брюнет умчался в экспедицию по руслу Кантаэнь.

Впрочем, и срок, назначенный Джею для лечения, тоже подходил к концу. Дождавшись этого момента, объект заявил, что его дела в Брейлине окончены, и они возвращаются в Кармидер.

В этот раз они отправились традиционным трактом и верхом — и Джей всё ждал и ждал неприятного разговора.

А того всё не было и не было.

Объект, как ни в чём не бывало, продолжал заниматься с ним языками, рассказывал не менее увлекательные, чем обычно, истории, травил байки и, кажется, думать забыл о всей этой неприятной ситуации. Джей недоумевал, напряжённо ждал подвоха, но сам на

страшную тему не заговаривал — кто же будет нарываться?

На подъездах к Кармидеру Джей уже даже начал потихоньку верить, что, глядишь, обойдётся без разговора.

Вера эта, поначалу робкая и затравленная, оживала всё сильнее с каждым днём — поскольку объект не проявлял никаких признаков того, что готовится к тяжёлой беседе.

Когда и по возвращению домой страшный разговор так и остался неначатым, Джей совсем приободрился и повеселел. Ему даже стало казаться, что ничего такого уж кошмарного и не произошло, и всё наладится, и будет хорошо — как и обещал объект.

Кармидерская жизнь была уже привычной и понятной: объект носился то по купцам, то в университет, то с визитами, то к своей прекрасной даме. В дом брата, правда, он теперь забегал редко — на чай к пожилой леди — и Джея всегда брал с собой, поскольку в отсутствии брюнета никто и не думал его выгонять.

Так пронеслось лето, настала осень. Джей чувствовал себя чрезвычайно счастливым: благодаря объекту, который беседовал с ним сам и рекомендовал книги, за последние полгода он узнал больше, чем за всю предыдущую жизнь. Мир казался ему всё более и более любопытным и удивительным; и он замирал от восторга, понимая, сколько ещё книг у него впереди.

Своими непосредственными обязанностями Джей почти не занимался — никакая охрана объекту не требовалась, тайных или открытых врагов у него не было, любые меры по соблюдению безопасности он охотно соблюдал, и всё, что оставалось Джею — лишь заниматься время от времени тренировками, да пытаться украдкой подглядеть у рыжего верзилы интересный приём. Что удавалось довольно-таки часто.

Шоколад сестре он удачно отправил, и уже получил ответное восторженное письмо — ей очень понравилось. Мысль, что ему удалось ей угодить, очень грела его сердце, и он теперь подумывал, что бы ещё найти для неё в подарок.

На самом деле, он даже уже придумал — дама объекта всегда благоухала просто восхитительными духами собственного производства — но пока стеснялся спросить, сколько такое чудо стоит, и, к тому же, не знал, какой аромат может понравиться сестре.

Идиллия разрушилась самым неожиданным — хотя, скорее, вполне ожидаемым, — образом.

Осенью в Кармидер явился господин Михар — и Джей, уже совсем было забывший о своих терзаниях, оказался нос к носу с необходимостью сделать ему подробный доклад.

Джей, разумеется, не знал, что Дерек потому и не думал даже начинать разговор на тему: «Не выдавайте меня, Джей» — что для него очевидно было, что разговор этот ни к чему не приведёт, кроме неловкости и лицемерия. Дерек спокойно полагал, что, раз уж Джей впутался в историю с попыткой сбежать, то история эта неизбежно станет достоянием Михара.

Поскольку Дерек по жизни был человеком деликатным, он и не стал заводить каких бы то ни было разговоров, чтобы не поставить своего личного шпиона в ещё более неловкое положение. То, что Джей терзается Бог весть какими мучительными терзаниями на этот счёт, он, разумеется, не знал — иначе бы непременно разговор всё-таки завёл, чтобы как-то им облегчить положение парня, оказавшегося заложником чужих политических игр.

Итак, Дерек не видел в сложившейся ситуации ничего критичного, и только рассуждал сам с собой, как следует повести разговор с Михаром, чтобы не свалиться в совсем уж слабую позицию при нём.

Специально перемещения Джея он не отслеживал — но тот момент, когда доклад таки был сделан, почувствовал весьма чётко.

Дерек в этот момент закончил свои дела в университете и как раз встретил Джея в договоренном месте. Сразу было ясно, что Джей в весьма дурном расположении духа, — обычно бойкий мальчишка прятал глаза, не вовлекался в разговор и корчил на лице то, что, видимо, должно было показывать невозмутимость.

Хмыкнув про себя, Дерек подивился умению Михара подбирать шпионов и выругал на линию поведения «как ни в чём не бывало».

Линия эта ожидаемо не принесла плодов, но Дерек не видел смысла играть во все эти игры и изображать из себя оскорблённого и разочарованного героя. На его вкус, Джей уж слишком драматизировал ситуацию. В конце концов, оба они прекрасно знали, что его приставили сюда в том числе и шпионить, и в чём смысл разводить из этого драму, если можно просто нормально сосуществовать, по возможности не портя друг другу при этом жизнь.

Пронёсшись по рынку и заглянув к паре купцов, Дерек забежал на чай к тётушке, а после, наконец, осел у Магрэнь. Джей привычно сопровождал его, послушно носил документы, пил чай, когда ему предлагали, заморочено кивал, когда советовали книги, и выглядел притом совершенно убитым.

Раздражаясь всё больше — словно бы была какая-то его вина в том, что мальчишку приставили к делу, которое совсем не соответствует его складу характера, — Дерек внутренне бухтел и бухтел, пока, наконец, не пожаловался Магрэнь.

— Ходит теперь побитой собакой! — расхаживая по спальне, раздражённо махал он руками. — Ну вот кто таких шпионами назначает!

Сперва тихо фыркая на его возмущения, Магрэнь, наконец, решила проявить участие, — правда, в несколько насмешливом ключе:

— Дерри, — весело заметила она, — только не говори, что предпочёл бы видеть на его месте хмурую гору мышц с отсутствием всяких представлений о морали и нравственности!

Поймав её весёлый взгляд, Дерек одновременно сдулся, присел на краешек кровати и согласился:

— Ну да, лучше уж Джей.

Лицо его, впрочем, выражало недовольство.

— Мальчика, конечно, жалко, — признала Магрэнь, скидывая туфли, усаживаясь за Дереком и начиная мягко разминать его напряжённые плечи. — Но Арни неплохо его подобрал под твой характер, — свои слова она перемежала короткими поцелуями в шею и спину.

Дерек, выкинув из головы Джея и его проблемы, предпочёл переключиться на ответные поцелуи.

Впрочем, назавтра выяснилось, что выкинутая было из головы проблема усугубилась.

Дерек предполагал, что за ночь Джей как-то перемучается уже, и к утру немного оживёт. Однако, судя по всему, дело стало ещё хуже.

Промаявшись всю первую половину дня каменной тяжестью вежливых фраз, убийственной бледностью и совершенно мёртвым взглядом, Дерек, наконец, не выдержал, и, отложив в сторону свою деликатность, решил таки провести с неудачливым шпионом серьёзный разговор.

Упихав Джея в кресло в гостиной собственного дома, Дерек всучил ему чуть ли не насильно чай и начал раздражённо расхаживать туда и сюда, пытаясь как-то поймать взгляд телохранителя. Не вышло: тот упорно и настойчиво разглядывал чай, словно бы ничего интереснее в жизни своей не видел.

Усевшись в другое кресло, Дерек закинул ногу на ногу и показательно вздохнул.

Конечно, никакого внимания не добился.

— Джей, — наконец, решил не ходить вокруг да около Дерек, — да хватит вам убиваться. Вы просто не могли ему выболтать чего-то действительно нежелательного для меня — потому что вы ничего и не знаете, — раздражённо заключил он.

Реакции, впрочем, не последовало — если не считать дрогнувших губ.

— Мы с вашим патроном не враги, — попробовал зайти с другой стороны Дерек. — И он вас не компромат приставил собирать. Успокойтесь вы уже, если я действительно захочу что-то скрыть — я позабочусь о том, чтобы вы об этом даже не услышали.

«Видел бы меня сейчас Райтэн», — с внутренним смешком подумал Дерек. Ситуация, и впрямь, вышла престранная: успокаивать человека, который на тебя доносит!

Джей, однако, не успокоился.

Отставив чашку, он устало растёр лицо ладонями и бросил на Дерика взгляд больной и слишком взрослый.

— Да дело не в вас, сэр, — потухшим голосом возразил он, а потом, уставив глаза куда-то в пол, совсем уж тихо признался: — Я ему не сказал.

Признание это глубоко ошарашило Дерика, потому что он даже не рассматривал такую возможность.

— Про то, как головой наверху? — всё же уточнил он, не веря, что речь идёт именно об этом.

Джей убито кивнул. На лице его застыло выражение упрямое и мучительное.

Дерек разглядывал его с глубоким удивлением. Впрочем, за несколько секунд у него всё в голове сошлось: он понял, наконец, из-за чего Джей переживает настолько глубоко.

«Дело труба», — ошалело резюмировал Дерек, пытаясь понять, как это он умудрился так заморочить парню голову, что он пошёл на такое предательство своих принципов.

«И из-за такой ерунды!» — с досадой потёр себе лоб Дерек.

Нет, конечно, для него было весьма удачно, чтобы господин Михар не узнал о провалившейся попытке сбежать. Но не такой же ценой! Вот что теперь прикажешь делать с этим... волчонком недобитым, который, того и гляди, сам себя загрызёт до смерти.

«А что с ним делать! — с некоторой злостью на самого себя подумал Дерек. — Сам привязал — сам и отвечай теперь!»

Прикинув так и этак, Дерек встал со словами:

— Мне кажется, вам пора завязывать со шпионской карьерой, Джей. — Уже от дверей обернулся: — Ну, идёте же!

Тот послушно встал и поплёлся следом. Признание, кажется, лишило его последних моральных сил.

2. Чего Дерек не простил Михару?

— Не устраивает компетенция? — любезно переспросил господин Михар, складывая ладони перед собой домиком и глядя на Дерек несколько насмешливо.

Тот встретил взгляд противника с полной невозмутимостью. Поскольку действовать пришлось экспромтом, он не успел толком продумать аргументы, которые убедили бы Михара в том, что Джея нужно сменить на кого-то другого. Так что оставалось раскручивать единственную мысль, которая пришла в голову.

— Невнимателен, легко отвлекается, — прибавив в голос раздражения, жаловался он, — постоянно приходится следить, чтобы не потерялся! — господин Михар усмехнулся краешком губ, а Дерек возмущённо продолжил: — Я попросил приятеля проверить его навыки — знаете, у меня есть знакомый гвардеец...

— А-Ранси, да, — лукаво блестя глазами, проявил информированность Михар.

— Да! — пылко согласился Дерек. — Так вот — что на мечях, что на ножах слаб, я уж молчу о рукопашке! Он же кожа да кости!

— А вы его хорошо кормите-то? — насмешливо переспросил Михар, от души развлекаясь спектаклем.

Возмущённо взвившись, Дерек аж подскочил:

— Да в него силком не запихнёшь нормальную порцию!

Михар рассмеялся.

Дерек нахмурился и сел на место.

Наконец, отсмеявшись, Михар дружелюбно отметил:

— Переигрываете, Деркэн.

Тот насупился: мол, не понимаю, о чём вы.

Поиграв кончиками пальцев, Михар расшифровал свою мысль:

— Красиво сыграно, но, помилуйте, Деркэн! С вас бы скорее сталось выгораживать нерадивого телохранителя, чем так категорично его обличать!

Скривив физиономию скептическую и недовольную, тот резко ответил:

— Речь идёт о моей безопасности, вообще-то!

Ни капли не впечатлившись, Михар насмешливо переспросил:

— И сколько на вас уже покушений было сделано?

Похолодев внешне, Дерек металлическим тоном парировал:

— Предлагаете дождаться успешного?

Поразглядывая его внимательно и вдумчиво, Михар признал:

— Что ж, вы меня убедили. Ваша безопасность и впрямь для нас в приоритете, Деркэн. Так что, раз уж Джей, по вашим словам, столь плох... — он тонко улыбнулся. — Полагаю, стоит понизить ему жалованье и, пожалуй, выпороть за халатность. — Наслаждаясь ошарашенным видом Дерек, покивал сам себе: — Да-да, чтоб впредь неповадно было!

Совершенно дезориентированной такой реакцией Дерек лишь тихо выразил своё возмущение словами:

— Вы с ума сошли!

Впрочем, в голове его промелькнули когда-то собранные слухи о том, что с людьми, не угодившими господину Михару, случались вещи куда как неприятные, навроде сломанных конечностей или потерянных глаз, так что можно было предположить, что он, всё же,

совершенно серьёзен.

Михар опёрся подбородком на ладони и состроил самое любезное выражение лица:

— Не вы ли сами так горячо меня убеждали в том, что Джей преступно пренебрегает своими обязанностями?

Побледневший Дерек лишь безвыразительно моргал.

Выпрямившись, Михар снисходительным тоном обронил:

— Не играйте в игры, которые вам не по плечу, Деркэн.

Дерек покраснел и почти тут же побледнел обратно.

— Рассказывайте, — меж тем, жёстко велел Михар, откидываясь на спинку своего роскошного кресла и складывая руки на груди. — Правду. — И заметив, что собеседник не спешит выполнять приказ, поторопил: — Пока я в настроении вас слушать.

Отмерший Дерек потёр лицо ладонями, нахмурил брови и сформулировал как смог:

— Не тот у Джея характер для шпиона. Замените его кем-нибудь более подходящим.

Вежливо приподняв брови, Михар без капли переигрывания деловито уточнил:

— Что ещё за шпионаж?

Дерек устало и с досадой отмахнулся. Потом предложил:

— Давайте пропустим всю эту часть. Да-да, — передразнил непойми-кого он, — мне жизненно необходим именно телохранитель, да-да, я, пожалуй, предпочту А-Ранси, ах-ах, так не пойдёт, нам ведь нужен не совсем телохранитель, и прочая!

— Пропустим, — согласился, отмахнув рукой, Михар.

В самом деле, разыгрывать партию «насколько успешно можно отвертеться от официального шпиона, если действительно захотеть» — было глупо.

Воцарилось молчание.

Не дождавшись реакций, Дерек скорчил вопросительную гримасу.

Михар пожал плечами и спокойно пояснил отсутствие ответа:

— И что мне, каждый полгода кого-то нового искать? — видя, что это ничего не прояснило, и собеседник по-прежнему недоумевает, вздохнул и развил мысль: — Джей плохо умеет притворяться, поэтому едва ли из него выйдет хороший двойной агент. Но вы же не думаете, — криво усмехнулся он, — что я где-то держу целый загон правдивых мальчишек, которых могу присылать к вам как на дежурство? — помолчав немного, добавил: — Большая часть моих агентов весьма преуспела в лицемерии.

Опешивший Дерек с полминуты молчал, потом заметил:

— Вы меня демонизируете. — Подумав, добавил: — Я далеко не со всеми схожусь так уж легко.

Облокотившись на стол и подперев подбородок ладонью, Михар с философским видом отметил:

— Так ведь это только Джея не сманишь на деньги и не запугаешь угрозами.

Откинувшись на спинку, Дерек мрачно призадумался.

Получалось весьма неудачно. Если вы приставляете к человеку кого-то, про кого точно известно, что он шпион, действительно, первое логичное действие человека — перевербовать этого шпиона. Какие у Михара есть гарантии, что Дерек не перекупит приставленного к нему человека? Да никаких, естественно.

С этой точки зрения Джей действительно был идеален в том плане, что перевербовать его было бы проблематично.

Но, если так, выходило, что Михар предпочтёт оставить парня на своём месте — а тот, в

свою очередь, всё более привязываясь к Дереку, будет всё сильнее страдать от своей роли при нём.

С любопытством отслеживая движение мысли по выразительной мимике Дерекка, Михар уловил тот момент, когда тот пришёл к выводу, что «всё плохо, и хрен пойми, как что-то изменить», и пошёл в атаку:

— Впрочем... у меня есть к вам предложение.

Дерек перевёл на Михара весьма сумрачный взгляд.

— А! — спокойно прокомментировал он. — Чувствую, что тут есть какая-то ловушка, в которую я не смогу не попасть, так?

Михар развёл руками: мол, разумеется, есть, мы же не дети.

Дерек вздохнул. Снова потёр лицо ладонями. Уронил руки на столешницу, скривился и побудил продолжить:

— Ну что ж, послушаем!

Весьма любезным тоном Михар принялся объяснять:

— Смотрите, Деркэн. Мне ведь не потребуется Джей, если я смогу более или менее контролировать вашу деятельность лично, ведь так? — Дерек безразлично пожал плечами. — Соответственно, моё предложение тут весьма простое. — Он сел ровнее и, наконец, отрезал: — Вы перебираетесь ко мне в столицу — а я отдаю вам Джея.

Дерек медленно сморгнул.

— Отдаёте мне Джея? — вдруг язвительно переспросил он, проигнорировав ту часть, которую сам Михар считал сутью. — А он разве не свободный гражданин Анджелии, нет?

Михар поморщился:

— Свобода — лишь красивое слово для манипулирования тупицами. Вы же, — прохладно отметил он, — достаточно умны, Деркэн, чтобы понимать, что никто не свободен вполне.

Дереку было, что возразить, но он не испытывал никакого желания затягивать неприятный разговор. Предложение, которое в иной ситуации его бы весьма задело — предложение переезда — совершенно потерялось на фоне того возмущения, которое он испытывал теперь, когда господин Михар позволил себе говорить о живом человеке как о вещи.

Он совершенно не хотел ехать в столицу, и отбивался бы от этой идеи руками и ногами, но теперь все силы его души оказались устремлены на одно: разрушить это гнилостную, мерзкую систему, в которой один человек считает себя вправе распоряжаться другим.

— Хорошо, вы отдаёте мне Джея, — безразлично согласился он, — а я перебираюсь в столицу.

Михар посмотрел на него с некоторым недоумением — должно быть, ожидал других реакций, и такое равнодушие несколько дезориентировало его.

— Хм, — он задумчиво погладил подбородок, — кажется, в этот раз вы сдали свою манеру в аренду капитально и надолго.

У Дерекка не было теперь никакого желания играть в эти игры. Михар вызывал в нём лишь брезгливое презрение, и, приподняв одну бровь, он холодно отрезал:

— Так ведь вы уже закупаете у меня уголь. Чего ради дальше стараться?

Приняв это за часть его обычной игры, Михар хмыкнул, затем вернулся к делам:

— Что ж! Раз в этот раз всё так легко сошлось, то на этом и порешим. Думаю, —

ознакомил он Дерёка со своим планом, — до будущего лета вы ещё поживёте здесь, вам нужно обрасти связями, да и я подготовлю почву в столице.

Никак не отреагировав на план, Дерёк неожиданно переспросил:

— Сестра?

Имея в виду сестру Джея, которая ещё была несовершеннолетней и находилась под опекой властей Филопье.

— Разумеется, — незамедлительно подхватил тему Михар, который ожидал этого вопроса. — Мы можем переоформить опеку на вас.

Дерёк сдержанно кивнул:

— Так и поступим, — холодно сказал он, не желая оставлять такое средство давления в руках врага.

Михару показалась странной та деловитая сухость, с которой Дерёк вёл эту беседу, но, поскольку основная цель интриги была достигнута, он не видел смысла придирааться к мелочам. Мало ли, у кого не бывает дурных дней и дурного настроения!

3. В чём суть преданности?

Джей молча сидел там, где его оставил Дерек — в чужой гостиной — и смотрел в пустоту.

Все его мысли сводились к тому, что он никчёмное, подлое существо, которое поставило личные привязанности выше долга.

Возможно, проблема Джея была в том, что его воспитание в клане оказалось не закончено. Ему успели привить вполне определённый кодекс чести, но не успели научить выставлять систему приоритетов. Поэтому у Джея не было шансов пересмотреть однажды принятые им решения — он полагал, что человек честный своих решений менять не может никогда.

Однажды постановив сам в себе, что он будет верен господину Михару, Джей основал на этом решении свой внутренний стержень. Это решение не предполагало ни пересмотра, ни уточнения, ни отмены.

Джей сам толком не знал, почему не выдал объекта — он, совершенно точно, не намеревался ничего утаивать. Но всякий раз, как ему следовало бы начать докладывать о том эпизоде, внутри него рождался глубокий, болезненный протест, и он произносил что-то другое, а совсем не то, что собирался, и в итоге так и ушёл, не сказав главного.

Он чувствовал и знал, что должен пойти к патрону и во всём признаться; но он не мог теперь найти в себе сил на этот поступок. Он ощущал себя предателем и соучастником преступления — и не видел для себя никакого выхода.

«Я должен пойти и сказать», — снова и снова повторял он внутри себя то, что соответствовало его убеждениям.

Но всякий раз, как он твёрдо решал, что вот сейчас пойдёт и скажет — внутри него снова поднималось болезненное, мучительное чувство, сжимающее все внутренности как в тиски, до реальной боли в животе и до невозможности сделать глубокий вдох. Джея трясло и лихорадило, как если бы у него поднялась температура, и он только твердил внутри себя: «Я должен, должен!..» — и всё никак не мог пойти и сделать.

Неизвестно, до чего бы он домучил себя этими метаниями, но на очередном витке его прервал вернувшийся от Михара Дерек — хмурый и недовольный. Некоторое время он молча пытался обуздать свой гнев — он не ожидал, что цивилизованная Анджелия лишь на бумаге ушла так далеко вперёд от варварского Ньона. Но, как оказалось, и там, и там политики были совершенно одинаковы: смотрели на людей вокруг себя как на орудия для достижения цели, а не как на живых людей.

С точки зрения Дерек, решение Михара было одним из худших возможных — хуже было бы только принуждать Джея и дальше следить за ним. Джей был живым, дышащим, любящим существом, сутью которого была верность своему патрону. Как сообщить парню, что патрон его, по сути, передал другому, Дерек себе не представлял.

— Джей! — наконец, попытался он как-то начать разговор и, поймав унылый и мрачный взгляд, неуместно оптимистичным бодрым тоном заявил: — Мы с вашим патроном договорились! Ваше нынешнее задание можно считать оконченным. И... хм... — он запнулся, покопался в бороде и выдал: — В общем, я взял на себя обязательства по помощи вам с дальнейшим трудоустройством.

Чего бы ни ожидал от беседы Джей, но явно не этого. Растерянно сморгнув, он

попытался вникнуть в суть этих слов, но не преуспел — ему было совершенно не ясно, о чём это они там договорились, причём тут какое-то трудоустройство и что, в конце концов, ему делать со своим так и не прозвучавшим признанием.

— Ничего не понимаю, — наконец, открыто признал он, и тут же быстро добавил: — Сэр.

Кашлянув, Дерек моргнул пару раз и неловко попытался развить мысль:

— Ну, господина Михара не очень интересует вопрос, где и как вы хотите работать дальше, так что мы решили, что лучше вам с этим помогу я.

Джей соображал долго, но Дерек, исчерпав запасы своего мужества, необходимого для разговоров подобного толка, не стал ничего добавлять к уже сказанному.

Так ничего и не поняв в происходящем, Джей, наконец, спросил:

— Я могу с ним поговорить, сэр?

— Да, конечно, — быстро согласился Дерек. По лицу его, впрочем, прошла ощутимая тень: он от такого разговора не ждал ничего хорошего.

И, в самом деле, оказался прав.

Джей и сам-то не знал, о чём и как собирается говорить — но Михар и слова ему сказать не дал. С весьма ощутимым раздражением в голосе он заявил Джею, что тот полностью переходит в распоряжение господина Анодара, и все вопросы по устройению своей дальнейшей судьбы — а также судьбы сестры — должен теперь решать с ним, и его, Михара, всё это более никак не касается.

Побледнев чуть ли ни до синевы, Джей совершил деревянный какой-то поклон, помертвевшим голосом ответил:

— Прошу прощения за беспокойство, господин, — и вышел.

В голове у него шумело что-то несусветное, и, прислонившись спиной к стене, он сел на корточки и прикрыл глаза.

Джей, упаси Боже, не считал себя равным Михару — и даже не претендовал ни на что подобное — но всё же полагал, что между ними имеют место отношения. Со стороны Джея эти отношения строились на глубокой искренней благодарности и готовности служить своему патрону верой и правдой. И он не то чтобы ждал в ответ чего-то наподобие отеческой любви — но, во всяком случае, полагал, что имеет право на уважение.

Ситуация, в которую он угодил ныне, оказалась настолько неожиданной и болезненной, что он напрочь позабыл о своей собственной провинности — утаённой попытке побега. Она, так неотвязно мучившая его последние сутки, вдруг затерялась на заднем плане за осознанием того факта, что его только что передали из рук в руки, как какую-то вещь, да ещё и в комплекте с сестрой.

Джей никогда не торговал своей верностью — и это скорее было вопреки воспитанию, полученному в клане, ведь верность наёмника принадлежит тому, кто её оплатил. Но настоящим наёмником Джей так и не стал, и верность свою он отдал Михару совершенно бескорыстно.

Трагическая болезненность его нынешнего положения проявлялась особенно контрастно на фоне его давешних переживаний. Он ведь уже почти додумался до мысли, что лишь смерть сможет смыть его позор — утаённые от патрона факты — и, пусть не успел ещё подумать об этом словами и чётко вообразить это решение внутри себя, уже чувствовал, тем не менее, свою готовность умереть, лишь бы хоть так искупить своё предательство. На фоне этих несколько драматизированных, но безусловно высоких чувств простое михаровское

«меня всё это более никак не касается» выглядело особенно пустым, насмешливым и мелочным.

Для Джея решался вопрос жизни и смерти; патрон же просто вычеркнул его из своей жизни, как досужую помеху.

Джей нервно и истерично рассмеялся и встал.

Следовало вернуться к объекту... да какой он теперь, к демонам преисподней, объект! Хозяин — вот он кто. Которому его спихнули, не спрашивая его мнения.

Конечно, Джей не замечал за собой некоторой непоследовательности. Если бы у него была возможность выбирать, он, безусловно, выбрал бы работу при Дереке. Но таковой возможности ему не дали, и особенно оскорбительно было то, что Михар полагал вопрос решённым и не предполагал со стороны Джея возражений или тем паче бунта.

«Захотел — и отдал!» — распаляясь, истекал внутри себя кровью Джей, скорым шагом возвращаясь в покинутую гостиную.

Новый хозяин выглядел тревожно смущённым, что вызвало в ДЖее приступ гнева. Дерек, видимо, считал этот гнев из взгляда и вполне понял его причины, потому что лишь вздохнул и спокойно сказал:

— Пойдёмте, Джей.

— Куда? — безвыразительно поинтересовался он, пытаясь кое-как обуздать свои чувства и не сорваться в отвратительную истерику.

— Да лишь бы подальше отсюда! — со смешком последовал ответ.

Джей вздохнул и пошёл.

Некоторое время они шли по улице в молчании. Один всё ещё пытался совладать с гневом, другой подбирал слова.

— Смотрите, Джей, — наконец, начал тихо говорить Дерек, — вариантов у вас, на самом деле, множество. Во-первых, я могу вам помочь на будущий год поступить в университет — вы, кажется, довольно любознательны? — тот безразлично пожал плечами. — Во-вторых, — беззаботно продолжил перечислять Дерек, — у меня есть знакомые в разных силовых структурах, так что вы можете и дальше развиваться как боевик. Далее, я заметил, что вас заинтересовали проекты господина Тогнара — там тоже может найтись для вас местечко, хоть в команде корабля, хоть на карьере. А может...

Впрочем, дальнейшую болтовню ему пришлось прервать, потому что Джей встал посреди улицы и вперил в него мрачный взгляд. Добившись внимания, спросил с агрессивным нажимом в голосе:

— А вы от меня чего хотите, сэр?

Дерек нахмурился и расставил акценты, как видел их сам:

— Я, Джей, от вас не хочу ничего. Выберите свой путь и живите, как знаете.

Тот долго сверлил его в ответ мрачным недоверчивым взглядом, потом встревоженно нахмурился и вдруг с живой тревогой в голосе уточнил:

— А от Лейры?

Раньше Дерек не слышал этого имени, но было очевидно, что он спрашивает о сестре.

— Доучится в пансионе, — разумно ответил он. — А дальше тоже пусть сама решает. Я помогу. Дам приданое, если надо — подыщу жениха. Захочет учиться или работать — тоже можно организовать.

Прищурившись, Джей таким тоном, будто уличал собеседника во лжи, отметил:

— Это очень дорого, сэр.

Дерек закатил глаза и цокнул языком:

— Ну, вернёте когда-нибудь после с жалованья, когда разбогатеете, раз уж вы так щепетильны!..

Он, наверно, хотел сказать что-то ещё, но замер, потрясённый: до него вдруг дошло, что расписки Этрэн в своё время писал вовсе не из коммерческой педантичности.

Совершенно точно не веря, что всё может решиться так просто, Джей ещё раз уточнил:

— То есть, вы нам просто поможете, а я смогу после вам вернуть все расходы?

— Да, именно так, — терпеливо подтвердил Дерек, отвлекаясь от собственных размышлений.

Сложив руки на груди, Джей глубоко ушёл в себя. Спустя минут пять, взглянув на собеседника вкрадчиво и внимательно, как вглядываются в затаившегося на обочине дороги хищника, он медленно озвучил:

— То есть, я могу сейчас просто уйти, а позже вернуть те деньги, которые вы потратите на Лейру?

— Да, именно так, — осторожно повторил Дерек.

— Это приемлемо, — наконец, резюмировал Джей, склонив голову набок. Затем добавил вежливо: — Сэр.

...в тот же день, собрав свои вещи, он удалился в неизвестном Дереку направлении, отказавшись от любых рекомендаций, протекций и хлопот.

Дерек хотел было настоять на том, чтобы оказать хоть какую-то помощь, — но не решился.

4. Когда ты понимаешь, что друг — это действительно друг?

Райтэн и Олив вернулись в Кармидер ближе к концу весны, и возвращение их было весьма своевременно. За эти полгода Дерек с головой утонул в рутинной неинтересной ему работе, и впал в некоторую меланхолию.

Поскольку возвращение друзей предваряло короткое письмо, Дерек и Илмарт коротали ожидание в доме с тётушкой — Кайтэнь и профессор, благополучно поженившись, отбыли-таки в свою заграничную научную поездку.

Беседа в гостиной шла неспешно — обсуждались свежие городские новости — и прервалась неожиданно: в дверь влетел совершенно шальной, с горящими ярким счастьем глазами Райтэн, не потрудившийся даже снять чуть промокшего дорожного плаща и бессовестно пронёсшийся грязными сапогами по натёртому паркету.

— Дер! — радостно возопил он, подхватив друга с кресла и сжав в крепких удушающих объятиях.

Дерек сдавленно прохрипел в ответ что-то радостное и приветственное, лихорадочно пытаюсь понять, с какими-такими катаклизмами связана подобная оказия: Райтэн был из людей, которые не очень-то любят демонстрировать свои привязанности, и уж тем паче никогда не выражают их какими бы то ни было тактильными способами.

Между тем, отпустив Дерёка, Райтэн в два шага подскочил к тётушке, встал на колени перед её креслом и поцеловал руку с совершенно счастливым:

— Тётя!.. — у той, признаться, даже глаз задёргался от неожиданности.

Илмарт не стал дожидаться нападения и чуток придушил друга объятиями сам.

Спустя несколько секунд стало понятно и то, почему Райтэн влетел первым в одиночку, и то, почему он так счастлив. В дверях с недовольным:

— Тогнар, ну вот куда ты вечно несёшься! — появилась Олив с большущим, сразу бросающимся в глаза животом — судя по всему, до родов ей оставались считанные дни, и именно это было причиной, побудившей парочку вернуться. Повязки на Олив больше не было — глаз полностью зажил, и только зашитое веко выделялось некрасиво и рельефно. Часть шрамов также осталась при ней.

Все вскочили и загомонили одновременно; ещё пять минут длились приветствия, поздравления, попытки привести себя в порядок и обрывки разговоров обо всём на свете.

Наконец, под чутким руководством тётушки все прошествовали в столовую на торжественный обед. Прошёл он, вопреки этикету, в постоянном гомоне, перебивающем шум дождя за окнами: все пытались обменяться новостями со всеми.

— Вот та-акущий бобр! — лихорадочно и взволнованно показывал руками Райтэн, описывая неожиданную встречу в лесу.

— Надо было на дерево с луком засесть! — азартно бил себя по колену Илмарт, делясь опытом охоты на бобров. — Они вверх не смотрят!

— Ноги отекают, — жаловалась в это же время Олив тётушке, — какие тут походы!

— Ходить полезно для ребёнка, но всего нужно в меру! — наставительно поднимала палец тётушка.

— С Корентой вообще всё сошлось! — отвлекшись от бобровой темы, Райтэн радостно повернулся к Дерёку.

— Это хорошо, — хмыкнул Дерек, — потому что с Альмерой у меня пока не сошлось ничего.

Пока Райтэн искал водные пути освоения Северной Анджелии, Дерек занимался поисками сухопутных — благо, проект той самой дороги на север сейчас оказался основной точкой приложения его аналитических способностей.

Нет, инженеры, конечно, расстарались и предоставили несколько проектов — как бы такую дорогу можно было провести. Беда была в том, что единой карты нужных земель не существовало, а начать строительство, не разобравшись, какие препятствия встретятся на его пути, было бы опрометчиво. Потому Михар и спихнул эту задачу на Дерек: для каждого отдельного участка будущей дороги нужно было подготовить полноценную аналитику. На каком рельефе, в каких условиях, вокруг каких препятствий дорога будет проложена, каковы природные и погодные условия, как сочетать с населёнными пунктами и существующими тропами. Информацию приходилось добывать по крошкам, копаясь в чьих-то заметках, письмах, не имеющих прямого отношения к делу вычислениях, набросанных от руки эскизах и прочих редкостях, кои можно было обнаружить в библиотеке Кармидерского университета. Получалось, естественно, неважно, и дело, растянувшееся на несколько месяцев, продвигалось вперёд крошечными шагами. Например, один участок Дерек сумел проанализировать лишь на основании художественного романа, написанного три века назад, а другой — по чей-то почти детской акварели. Источники, согласитесь, были так себе, и Дерек, по правде говоря, впадал в такое отчаяние, что уже всерьёз раздумывал над вариантах «поехать и лично посмотреть».

Чем больше он погружался в вопрос, тем очевиднее для него было, что это единственный рабочий выход.

— Пойдём, покажешь!.. — незамедлительно подскочил Райтэн, узнав о затруднениях, и первым помчался в кабинет.

Там дискуссия о северной торговле вскоре свернула на южную — Дерек рассказал о полученных недавно новостях от Этрэна — а потом перетекла и на каменный уголь, поскольку на обратном пути Райтэн и Олив посетили карьер.

— Слушай, Войтэн же просил тебе письмо передать! — хлопнул себя по лбу Райтэн и помчался вниз, куда-то к сброшенному плащу, в кармане которого и обреталось письмо.

Унёсшись привычным быстрым шагом на первый этаж и чуть не свалившись с последних ступенек на лестнице, он чуть притормозил, и к гостиной подошёл уже спокойным шагом — и там вдруг остановился совсем.

В гостиной, на диванчике, рядом сидели Олив и Илмарт. Его рука лежала на её животе, и лица у обоих были трогательно-нежные и совершенно беззащитные в неприкрытой радости. Вопреки их обычным повадкам, оба прозевали появление Райтэна, потому что оба напряжённо прислушивались в ожидании шевелений ребёнка — и тот как раз в этот момент толкнулся, что целиком и полностью завладело их вниманием, заставив обоих тихо и счастливо рассмеяться.

Райтэн осторожно сделал шаг назад, другой, а потом и вовсе потихоньку вернулся в холл. Ему сделалось ужасно неловко, и особенно неловко от того, что он был мужем Олив, и, если бы он зашёл сейчас, они, должно быть, оба смутились бы от того, что он мог бы понять их близость как-то не так.

Райтэну и в голову бы не пришло понять увиденную сцену как-то не так; он полагал

совершенно естественным, что Илмарт будет очень рад за подругу. Но он так смутился от мысли, что мог сейчас их смутить, что он совершеннейше растерялся и напрочь забыл о цели своего прихода.

В итоге Дерек и сам спустился узнать, что его задержало. Заметив замершего и слегка покрасневшего друга, он вопросительно поднял брови.

— Да!.. — растерянно махнул рукой Райтэн. — Там, это... Олив с Илмартом...

Рассмеявшись, Дерек сразу понял, в чём причина проволочки.

— Деликатничаешь! — понятно протянул он, хмыкнул напоследок и резюмировал: — Ну, так пойдём громко!

И бодро завёл разговор о том, что идти водным путём в Альмеру опасно, потому что корабли у них маленькие, а места кругом разбойничьи.

В этот раз никакой неловкости не произошло, и Олив даже охотно выдала экспертную оценку степени опасности окрестностей Альмеры — «То ещё гнездо, я б не рискнула соваться одна, да и с охраной!»

В итоге Илмарт и Райтэн увязли в споре, какое количество охраны было бы достаточным в указанных Олив условиях. Некоторое время она тоже участвовала в разговоре, но вскоре утомилась и заявила:

— Умереть, как хочу пирожное! — и сбежала в столовую, где ещё не убрали накрытый к чаю стол. Там, впрочем, у неё дело не задалось, потому что пирожных она не нашла, о чём разочарованно и заявила. Илмарт возвёл глаза к потолку и вызвался сходить на кухню спросить там.

Выпроводив его, Райтэн и Дерек вытащили из шкафа какой-то талмуд и погрузились в споры о рельефе окрестностей Альмеры — известные им сведения не сходились.

Райтэн, впрочем, то и дело отвлекался и досадливо морщился на звуки за окном — зарядивший с утра мелкий дождь явно переходил в затяжной ливень. Дерек сперва не обращал на это внимания, но, когда за окнами гроыхнуло, Райтэн поморщился столь выразительно, что это вызвало вопросы. Дерек приподнял брови и кивнул на окно: мол, что такое?

Поморщившись, словно от зубной боли, Райтэн ворчливо уточнил:

— Этот твой, надеюсь, в доме?..

Дерек пару раз сморгнул — не сразу понял, что ещё за «этот твой».

За последние полгода он успел привыкнуть к отсутствию Джея, поэтому позабыл, что Райтэн не в теме связанных с ним новостей.

Коротко пересказав другу суть, Дерек нарочито бодрым тоном заключил:

— Так что скоро перебираюсь в столицу!

Сквозь деланную бодрость, впрочем, проскользнула истерическая отчаянная нотка.

Райтэн смерил его нечитающимся долгим взглядом, а затем заорал в сторону столовой:

— Олив! Мы перебираемся в столицу!

Дерек замер, безвольно уронив руки вдоль тела.

В распахнутых дверях появилась Олив.

— Зачем это? — требовательно уточнила она у мужа, привередливо шурясь.

— За Дером, — охотно просветил её Райтэн.

— А! — понятно протянула Олив, обернулась в столовую и уточнила: — Май, ты слышал? Мы перебираемся в столицу!

— В столицу так в столицу, — индифферентно пробурчал тот, судя по всему, поедая в

этот момент уже найденные пирожные.

Дерек растерянно и скоро заморгал.

Ему ужасно не хотелось в столицу, и тому было несколько причин.

Во-первых, он когда-то провёл с Грэхардом в этой самой столице почти три года. Конечно, он мало чем напоминал теперь тогдашнего мальчишку — когда они приехали сюда, ему было шестнадцать, — но всё же существовал риск наткнуться на старых знакомых и быть узнанным.

Второе, что удручало — это собственно то, зачем он в столицу ехал. Ему совсем не улыбалось заниматься михаровскими проектами непосредственно под руководством противника, а ещё больше ему не хотелось лезть в политику и заводить светские связи. От одной мысли о салонах, балах, ассамблеях и прочих «прелестях» светской жизни у него сводило зубы.

И третье — самое важное — он страшно не желал расставаться с друзьями, но для него было очевидно, что иного пути нет: Илмарт работал в Кармидерском университете, а Райтэну, конечно, захочется воспитывать ребёнка в своём доме.

Всё это в совокупности так мучило Дерека, что он уже несколько недель чувствовал себя абсолютно подавленным. Уныние и отчаяние росли в нём тем скорее, чем ближе было время отъезда. Он в ужасе воображал, как окажется скоро там — один, без поддержки, в чужом городе, во власти неприятного ему человека, — и ему делалось до того скверно, что он начинал впадать в несвойственные для него периоды безделья, когда он просто мрачно пялился в пространство и потихоньку надеялся поскорее сдохнуть.

В общем, он до такой степени не ожидал, что реальность не совпадёт с этими мрачными ожиданиями, что был совершенно выбит из колеи.

— Чего это он? — опасливо поделился своей тревогой с Олив Райтэн, взглядываясь в жалобно моргающего и в остальном неподвижного друга.

Та поразглядывала Дерека с жалостью и пониманием, а после прокомментировала:

— Не ожидал, что мы с ним поедем.

Теперь уж настал черёд Райтэна замереть и жалобно заморгать.

— В смысле? — наконец почти одними губами тихо переспросил он. — Разве мы могли его бросить?

Олив пожала плечами и мстительно «сдала»:

— Да он вообще считает, что ты его в любой момент можешь бросить.

Подскочив на месте, Райтэн возмущённо взмахнул руками и набрал полную грудь воздуха, видимо, планируя разорваться не на шутку.

Однако, встретив беспомощный и растерянный взгляд друга, одномоментно сдулся.

Сложил руки на груди и смерил Дерека взглядом самым мрачным, но промолчал.

— Анодар, — просуфлировал вставший в дверях рядом с Олив Илмарт, — мозгов у тебя всё-таки нет.

Дерек судорожно вздохнул, изо всех сил стараясь не разреветься.

Потом попытался что-то сказать; но его остановил холодный, помертвевший голос Райтэна:

— Скажи, Дер... я действительно настолько дерьмовый друг?

Лицо Дерека отразило всю степень его недоумения; он хотел было возразить, но Райтэн, подходя к нему, медленно продолжил:

— Ты правда думал, что я могу тебя бросить? Одного, в беде? В ситуации, где ты зависишь от одного паршивого и опасного человека? Из интриг которого ты выдернул меня ценой своей шкуры? — с каждым новым вопросом в его тоне сквозило всё больше горечи, обиды и отчаяния.

— Да нет же! — наконец, ворвался в этот поток вопросов Дерек, жалко взмахивая руками. — Я так не думал!.. — и добавил тише: — Просто у тебя теперь жена, и ребёнок, и ты...

Райтэн с недоумением потряс головой, не понимая, причём тут это.

— Олив могла не захотеть уезжать! — наконец, выразил свою мысль прямо Дерек.

Вот тут Райтэна, кажется, проняло; до этой минуты он ни разу не задумывался о том, что однажды он может оказаться в ситуации, где ему придётся выбирать между интересами жены и интересами Дерека. Мысль о том, что такая ситуация однажды может произойти, заставила его похолодеть, потому что он совершенно точно не знал, как делать выбор такого рода, в каком, что ни выбери — убьёшь часть самого себя.

Олив, впрочем, тут же осознала, в чём суть проблемы.

— Тьфу ты! — возмутилась она и совершенно райтэновским тоном добавила: — В каком это месте я похожа на женщину, которая заставит мужа предать своего брата?!

Вышло настолько узнаваемо, что, несмотря на драматичность момента, у всех вырвались непроизвольные смешки.

— Вроде из нас четверых, — вдруг вмешался в дело Илмарт, мечтательно разглядывая люстру в гостиной, — беременна только Олливи. А драматизировать на ровном месте что-то все начали. Это точно не передаётся по воздуху? — он подозрительно посмотрел на подругу и демонстративно понюхал её волосы.

Все рассмеялись.

Накопившееся было в гостиной напряжение спало, лица расслабились, на них появились улыбки.

Растеряно оглядывая друзей, Дерек не мог понять и принять, что всё решилось так просто — как будто и не могло быть по-другому.

Неожиданно ухватив Райтэна за руку, он подтащил его к стоящей в дверях парочке и внезапно сильным жестом увлёк в объятия всех троих.

— Спасибо, — пробормотал он, утыкаясь лицом куда-то между волосами Олив и плечом Райтэна. — Спасибо.

— Живот не придави! — заливисто рассмеялась в ответ Олив, прикрывая сокровенное место рукой.

— Ребят, — вдруг неожиданно севшим голосом отметил откуда-то сверху Илмарт — он был самым высоким из них. — А ведь мелкий Тогнар впервые с нами всеми обнимается!

Они снова рассмеялись, неожиданно осознав, что здесь и сейчас их было уже пятеро.

5. Как рождаются Тогнары?

Когда всё началось, тётушка велела им не мельтешить и уйти на первый этаж.

— Я позову, когда надо! — строго заявила она и закрыла дверь в большую хозяйскую спальню, где повитуха уже суежилась вокруг кровати, на которую Олив, впрочем, пока отказалась лечь, уверяя, что ей «легче постоять».

Все трое, конечно, никуда не пошли, упрямо оставшись в коридоре.

Однако вскоре оказалось, что ждать придётся долго, а делать тут было решительно нечего.

Не придумав ничего лучше, они молча расселись по подоконникам.

Говорить о пустяках не хотелось.

Изнутри спальни иногда доносились какие-то звуки — шуршания, стуки, шаги, тихие женские голоса.

«Это не столько страшно, сколько скучно», — резюмировал сам в себе Райтэн, который о родах раньше только слышал от других.

Дерек и Илмарт были настроены не столь оптимистично, поскольку оба родились и выросли в деревнях, и несколько раз оказывались неподалёку от места основных событий или даже помогали роды принимать — в виду отсутствия других свободных рук.

Минуты шли за минутами, складываясь в часы, а ничего выдающегося не происходило.

Спустя часа четыре, коротко переговорившись, мужчины сходили поужинать — впрочем, ели они спешно, и почти сразу вернулись, словно был какой-то особый сакральный смысл в том, чтобы торчать именно под дверью.

Они прождали в тишине ещё часа два — за окнами уже стало темно, и Дерек молча сходил в кабинет, чтобы зажечь и принести свечу, — как из-за двери стали раздаваться сперва не очень различимые стоны.

Они звучали так, словно Олив старается не вскрикнуть, но у неё не получается вполне контролировать себя, и поэтому какие-то сдавленные, болезненные звуки всё-таки вырываются наружу.

Дерек, сложив руки на груди и облокотившись спиной на косяк окна, прикрыл глаза и тоже время от времени тяжело, но беззвучно вздыхал, — видимо, неосознанно пытался «помочь» Олив с выдохом и даже не замечал за собой этого.

Илмарт сполз с подоконника куда-то на пол и устроился там, поджав под себя ноги. В свете свечи глаза его слегка блестели, сосредоточенно и хмуро, как будто бы он то ли анализировал доносящиеся к ним звуки, то ли пытался по ним достроить полную картину происходящего.

Райтэн, чем дальше, тем больше беспокойства проявлял. Не выдержав, он начал расхаживать по коридору, впрочем, постоянно сбиваясь с шага, когда до него доносился очередной стон.

Через час то ли Олив выдохлась, то ли боль, которую она испытывала, усилилась, но теперь к стонам добавился постоянный жалобный плач и тихие вскрики. Время от времени доносились какие-то спокойные мягкие фразы, которые говорила тётушка, и после этого Олив вроде как набиралась мужества и переставала плакать, но вскоре снова срывалась.

Её жалобный, мучительный плач надрывал сердце всем троим — похуже любых стонов и криков. Она, очевидно, плакала от того, что устала от боли, что не могла больше терпеть

боль, и хотела только, чтобы это скорее прекратилось — и никто из них не мог ничего сделать для того, чтобы ей стало легче.

Всеми ими владело вязкое, отвратительное чувство тотальной беспомощности. Каждый из них не задумываясь, с радостью предпочёл бы сам пережить ту боль, которую сейчас испытывала она, — но это было совершенно невозможно.

Им оставалось только ждать.

— Да сколько ещё!.. — не выдержав, сквозь зубы прошипел Райтэн.

— Я бы поставил часа на два, — тихо отозвался от окна Дерек.

Райтэн издал какой-то возмущённый булькающий звук и по примеру Илмарта уселся прямо на пол.

Олив мучительно вскрикнула; что-то суетливо принялась выговаривать тётушка.

Райтэн вздрогнул, подскочил и снова зарасхаживал взад и вперёд по коридору.

Плач вроде бы прекратился; но потом опять раздался вскрик.

На Райтэна было страшно смотреть; даже в зыбком свечном свете было видно, как мучительно он посерел.

Со вздохом встав, Илмарт остановил его мельтешения и веско сказал:

— Она тоже хотела этого ребёнка, Тогнар. И она знала, что так будет. Не наивная, видела, как бывает. Это было и её решение тоже.

Отмахнувшись, Райтэн сел на пол.

Олив снова заплакала и залепетала что-то жалобное и мучительное — слов дверь не пропускала — тётушка что-то отвечала.

Олив разрыдалась, громко, с надрывом; голос тётушки стал строгим и суровым, и Олив тут же замолчала, дыша хрипло и громко.

Райтэн вскочил, сжимая кулаки.

Илмарт уронил лицо в ладони и что-то пробурчал.

Дерек тяжело вздохнул и вполголоса затынул какой-то псалом.

Почти тут же его подхватил и Илмарт тоже.

Сжимая и кулаки, и челюсти, Райтэн впервые пожалел, что не знает слов.

Спустя десять минут их услышала тётушка. Выскочив наружу, она сурово спросила:

— Это ещё что такое!..

Райтэн мгновенно рванул к открытой двери, порываясь прорваться внутрь.

— Ещё чего! — возмутилась тётушка, оттесняя его плечом. — Нечего мужикам тут делать!

Олив вскрикнула; из-за того, что дверь больше не приглушала звуки, всем троим показалось, что этот крик был особенно громким.

— Там моя жена, и она страдает! — сдавленно произнёс Райтэн и всё-таки просочился внутрь, тут же бросившись к кровати, на которой лежала измученная Олив.

Тётушка, покачав головой, хотела было прикрыть дверь.

— Пойдите, госпожа Тогнар, — встал с подоконника Дерек. — Оставьте, мы помолимся, может, её это поддержит?

— Что ещё за идеи!.. — возмутилась тётушка, которая полагала, что и того хватит, что непутёвый племянник нарушил положенный порядок вещей.

— Оставьте!.. — неожиданно вмешалась сама роженица, и тётушка, смерив напоследок нарушителей порядка строгим взглядом, оглянулась на кровать, убедилась, что из коридора ничего непотребного не видно, и отошла обратно, оставив дверь открытой.

Илмарт и Дерек, переглянувшись, набрали в грудь воздуха и запели с новой силой.

Неожиданно Олив присоединились к ним — впрочем, зачастую срываясь и переживая очередную схватку в молчании, вцепившись в руку Райтэна. Однако, так или иначе, пение её, однозначно, отвлекло, и плакать она почти перестала — а может, её ободряло присутствие мужа, и она черпала мужество в тех тихих словах, которые он ей говорил.

Так роды и шли вперёд своим чередом — и определённо, и Олив стало легче от того, что она чувствовала поддержку, и им стало легче от того, что они хоть как-то смогли ей помочь.

Тот период, когда она тихо жалобно плакала от боли, а они стояли за дверью, так и остался для всех четверых самым страшным — хотя потом Олив и кричала, и с трудом справлялась с потугами, и даже гнала Райтэна наружу — мол, чтобы он не видел её такой. Райтэн, впрочем, не ушёл, потому что не мог теперь представить себе ничего страшнее, чем оставить её справляться со всем этим одной.

В конце концов, глубоко ночью, Олив родила здорового мальчика, который тут же закричал, не то испугавшись, не то удивившись впервые увиденному свету.

Когда все положенные процедуры были проведены, и роженицу привели в порядок, тётушка разрешила Дереку и Илмарту тоже войти.

Все они столпились вокруг кровати, с удивлением рассматривая младенца на руках у Олив — бурого, сморщенного и совсем не красивого. Но им всем четверым он казался самым красивым ребёнком на свете.

— Май, пойдёшь в крёстные? — тихо спросила Олив, изо всех сил стараясь не заснуть прямо посреди реплики.

— Конечно, — незамедлительно согласился Илмарт, мягко поглаживая её руку и не решаясь коснуться малыша.

Райтэн взвёл глаза к потолку, но ничего не сказал.

Дерек хмыкнул.

— А ты на следующего, — незамедлительно отреагировал Райтэн, подумав вдруг, что тот обиделся, что не его.

— Следующего сам рожать будешь, Тогнар! — возмутилась Олив, которой пережитого хватило с головой.

Впрочем, возмущение её было смазано глубоким зевком, после которого она тут же и провалилась в сон.

— Ну, разошлись, разошлись! — тихо цыкнула на них тётушка, уверенно поправляя ребёнка и одеяльце и с самым важным видом усаживаясь рядом с кроватью.

Они, совершенно опрокинутые и ошеломлённые, вышли.

— Тэн, — чуть позже попросил у друга Дерек, — ты только не говори, пожалуйста, Олив и Илмарту, что я даркиец.

— Почему это? — слабо удивился засыпающий на ходу Райтэн, который, так-то, и не собирався болтать, но не понял, почему просьба высказана именно сейчас.

— Ну, — застенчиво повёл плечом Дерек, — с точки зрения их веры, я еретик. Им со мной молиться нельзя [1].

— Почему? — тупо переспросил Райтэн, пытаясь понять, есть ли хоть в какой-то религии хоть что-то, отдалённо напоминающее логику.

— Ну, — пожал плечами Дерек. — Нельзя. Грех. Они расстроятся, если узнают.

— А! — глубокомысленно согласился Райтэн, долго моргнул, чуть не заснув стоя, широко зевнул и спросил: — Я уже говорил, что все верующие — идиоты без мозгов, да?

— Неоднократно, — улыбнулся Дерек.

Похлопав его по плечу, Райтэн заверил:

— Не скажу. — Подумав, неожиданно добавил: — На следующий раз раздобудь мне книжку с текстом, хорошо?

— Конечно, — закивал Дерек.

— А что, — испытующе посмотрел на него Райтэн, — с атеистом, выходит, молиться не грех, а с даркийцем — нельзя?

Честно задумавшись, Дерек почесал в голове и признал, что знать не знает.

Закатив глаза и пробормотав что-то о том, с какими идиотами его свела судьба, Райтэн таки побрёл, наконец, спать.

Религия Илмарта и Олив соотносится с религией Дерека так же, как православие соотносится с протестантизмом.

6. Как понять, кем для тебя является человек?

Следующие несколько дней прошли мирно и радостно. Олив ещё было больно вставать, поэтому в основном все проводили время в их с Райтэном спальне — сперва выходя, когда нужно было покормить ребёнка, но почти сразу Райтэн приволок с чердака подходящую ширму, поэтому в нужный момент все просто отходили в другую часть комнаты.

У них у всех накопилось за последний год море новостей и впечатлений, так что темы для обсуждения не переводились, не говоря уж о том, что маленький ребёнок был для всех в диковинку. Только Илмарт когда-то давным-давно имел дело с только что родившимися племянниками — остальные младенцев видели эпизодически и слабо себе представляли, каковы они.

Малыш им казался хрупким до того, что боязно и в руки взять. Олив, впрочем, первой приоровилась — всё же ей так или иначе нужно было его кормить — а вот мужчины, если ребёнок оказывался у них на руках, тревожно и настороженно замирали и даже дышать начинали тише, как будто движения их грудной клетки могли поломать младенцу рёбра. Со стороны это выглядело весьма забавно, и Олив искренне потешалась над ними, постоянно подшучивая над их ошарашенными лицами.

Илмарт на это степенно отвечал, что лучше перебдеть, чем напортачить. Райтэн, стискивая зубы, требовал детально показать и объяснить, как брать, как держать, как отдавать, чего делать категорически не стоит, и, несколько раз повторив набор действий под приглядом жены и тётушки, стал действовать с такой внешней уверенностью, как будто всю жизнь провёл, вынянчивая младенцев. Дерек же лишь солнечно посмеивался и продолжал взаимодействовать с малышом с такой трепетной осторожностью, как если бы это было священнодействием.

В общем, все были так заняты и так увлечены ребёнком, что только спустя несколько дней Дерек вспомнил, что его ожидает письмо с карьера, и полез разбираться, что там случилось.

С Войтэном они были сперва весьма дружны, но после истории с Лэнь рассорились насмерть, и даже теперь всё сообщение Дерека с нынешними управленцами карьера шло через Ирданию, поэтому сам факт личного письма вызывал некоторые опасения и тревоги. Впрочем, вместо того, чтобы гадать и воображать себе всякие страшилки, Дерек поспешил письмо открыть и прочесть.

Причиной, побудившей Войтэна написать его, стала забота о сестре.

Лэнь не обладала ни изобретательной смекалкой Райтэна, ни аналитическими способностями Дерека, ни инженерным талантом самого Войтэна — но для управления карьером всего этого, собственно, и не было нужно. Дело уже было организовано и поднято, требовались лишь время и энергия, чтобы следить за исправной работой всей системы — и умение поставить себя авторитетно перед персоналом, конечно. А как раз с этой задачей у Лэнь проблем не было. Будучи дочерью главы жандармерии, она с детства усваивала приёмы и манеры отца, умело вертела его подчинёнными и даже наловчилась решать конфликтные ситуации. Собственно, именно поэтому старшему Тогнару и удалось устроить всю интригу: Лэнь действительно могла справиться, тем более, что в её распоряжении всегда были поддержка брата, опыт Ирдании и авторитет отца.

Основная проблема заключалась скорее в том, что карьеру требовалось расширение —

Дерек и Райтэн не сидели на месте и находили всё новых клиентов — а первоначальные постройки этого расширения не предполагали. Требовалось копать карьер, нанимать новый персонал, возводить здания и инфраструктуры, закупать инструменты и материалы... В чём-то Лэнь мог помочь сам Войтэн, в чём-то они обращались к Ирдании, пару раз привлекали даже правителя Брейлина — в общем, рабочая текучка.

Но, конечно, как и в любой работе, не всё и не всегда шло гладко, не всё получалось с первого раза, порою допускались критические ошибки, а Лэнь... как оказалось, Лэнь не очень-то умеет справляться с такими вещами.

Каждую неудачу она принимала близко к сердцу, за любой промах считала ответственной в первую очередь себя — ведь это именно она всем управляет! — и любые свои неудачные решения полагала непростительными.

Недовольство самой собой копилось и подкреплялось недовольством отца и матери — которые считали, что девочке стоит перестать маяться дурью и уйти уже замуж, — и конфликтом с Ирданией, которая, очевидно, рассчитывала сама прибрать к рукам и управление, и долю в деле, если выжить конкурентку и не оставить, таким образом, партнёрам других альтернатив.

Войтэн писал, что пытается, конечно, помочь сестре и вселить в неё веру в свои силы, но она больше отмахивается от него — мол, разумеется, старший брат просто хочет утешить, а сам-то наверняка тоже считает, что она ни на что не годится! В итоге всё шло к тому, что Лэнь окончательно утвердится в мысли, что ни на что не способна, и это поставит крест на её амбициозных мечтах чего-то добиться и проявить себя в деле.

Высказав обстоятельства, которые привели его в тревогу, и свою оценки ситуации и перспектив её развития, Войтэн закончил предупреждением, что, вероятно, Лэнь однажды просто сорвётся и оставит карьер вообще без управления — если только его не перехватит Ирди — а также выразил надежду, что, возможно, Деркэн, который неплохо знает Лэнь, сможет что-то посоветовать или написать ободряющее письмо.

Почесав бороду, Дерек пришёл к мысли, что ободряющее письмо тут явно не поможет, и просто ляжет туда же, куда и «утешения старшего брата».

Дело, с какой стороны на него ни посмотри, вырисовывалось скверно.

Все они теперь уезжали в столицу — а это получалось на другом конце страны от Брейлина, добираться больше месяца, и то при благоприятных условиях. Найти кого-то в короткие сроки — тоже задача запредельная, они с Райтэном и раньше её решить не смогли. Оставалась Ирди, конечно, но Ирди — значило переписывать контракт, делить доли, терять значительную часть прибыли. Потому что Ирди, как человек зубастый и матёрый, своего не упустит, и меньше, чем на треть, не согласится — и хорошо ещё, если на треть, а не на половину!

Пожевав губами, Дерек пришёл к логичному выводу, что нужно как-то попытаться сохранить Лэнь — раз уж, вопреки его опасениям, справлялась она вполне сносно.

Прикинув внутри себя так и сяк, и решив, что переписка едва ли будет хорошим способом чему-то тут помочь, Дерек пришёл к выводу, что нужно ехать самому, покуда Михар ещё не вытащил его к себе.

Отказавшись от идеи дождаться райтэновский корабль — он прибывал только через неделю — Дерек, оставив счастливых родителей постигать азы своего нового статуса, отправился в Брейлин сам.

Поездка эта оказалась для него опытом совершенно новым, поскольку он ни разу в жизни ни отправлялся в длительный конный путь в одиночку. На самом деле, он и в целом-то до этого путешествовал в одиночку лишь однажды — когда налаживал контакты по продажам угля в северных портах Анджелии — но путь кораблём всегда уже немного не «в одиночку». Учитывая уровень общительности Дерекка — не «в одиночку» вообще.

Можно было, конечно, поискать попугачиков, и, скорее всего, в обычной ситуации Дерек бы выбрал именно это; но в последнее время он чувствовал себя слишком измотанным и усталым, поэтому с удивлением обнаружил, что именно одинокая неспешная дорога доставляет ему глубокое и незнакомое раньше удовольствие.

Совершенно отрешившись от всех своих рабочих забот, он думал о том, о чём было приятно думать.

В первую очередь это был ребёнок — Дерек был очень рад и самому факту его рождения, и тому, что будет иметь возможность быть с ним рядом и помогать родителям воспитывать его.

Положа руку на сердце, Дерек ужасно хотел собственных детей — но Магрэнь не только не стремилась замуж, она ещё и категорически отказывалась рожать, мотивируя тем, что роль матери её не манит совершенно, а испорченные фигуру и здоровье потом ничто не вернёт.

Ко всему, находясь в столь дурном положении, когда Михар может раздобыть на него компромат и инициировать новый виток конфликта с Грэхардом, Дерек полагал и вовсе неразумным обзаводиться сейчас семьёй. Михар мог использовать его жену и детей как способ давления, а даже если и нет — при обострении конфликта получалось, что Дерек не сумел бы их уберечь или вовсе оказался бы принуждён их покинуть.

Мысли о Михаре напомнили Дерекку о Джее, и он переключился на соображения о том, что, если бы судьба его не совершила в пятнадцать лет столь крутого поворота, то сейчас у него бы уже были дети, и старший, наверно, как раз в возрасте Джея, и, пожалуй, чем-то даже был бы на него похож — ему ужасно хотелось верить, что его собственный сын был бы похож на Джея, потому что Джей ему нравился. Дерек повспоминал девушку, в которую был влюблён в юности, и повоображал в голове, как сложилась бы их жизнь там, если бы не тот пиратский набег.

Мысли о первой возлюбленной заставили его вспомнить и Эсну, и тут фантазия его и вообще пошла вразнос, то предлагая варианты судьбы, в которой Грэхард Эсной не интересовался, а вот Дерек какими-то интригами сумел бы стать её мужем, то изображая пути, по которым могли бы пойти их отношения, если бы она сбежала тогда с ним, то попросту вырывая Эсну из всякого контекста и рисуя совершенно невозможную ситуацию «а если бы она сейчас была здесь, и совсем даже не замужем».

Собственно, фантазии о последнем — в высшей степени невозможном варианте — так его заворожили, что их хватило аж до самого Брейлина. Эсна, как оказалось, прекрасно вписывалась что в Кармидерский университет, что в мечты о тихом домике и детях, что в такие вот совместные конные прогулки по Анджелии, что...

Ну да, особое удовольствие Дерекку доставили фантазии о тех спорах, которые неизбежно происходили бы между Эсной и Райтэном, о тех безумных проектах, которые наверняка на две головы придумывали бы Эсна и Олив, и о тех прекрасных резных деревянных картах, которые получались бы при соавторстве Эсны и Илмарта.

На самом деле, всё это представилось ему вдруг столь желанным и соблазнительным,

что на подъезде к Брейлину он даже всерьёз стал обдумывать вариант, не попытаться ли выкрасть Эсну из Цитадели.

Впрочем, здравый смысл подсказывал, что едва ли бы ей пришлось по душе такое самоуправство — она и тогда-то, восемь лет назад, не хотела покидать Ньон, а уж теперь-то, когда у них с Грэхардом дети родились, и её просветительские проекты стали потихоньку претворяться в жизнь... дались ей их карты и дороги, как же!..

Выдвигаясь к руднику, Дерек поскучал немного по дочке Грэхарда от первого брака и посетовал внутри себя, что никогда не увидит их с Эсной детей, а про девочек даже и не узнает ничего. В настоящий момент вообще единственным, что он знал на эту тему, был тот факт, что ньонскому принцу ныне семь лет.

В общем, за своими фантазиями он совершенно забыл, куда и зачем едет, поэтому не успел ни подготовиться морально, ни придумать заготовки для разговоров. Дверь в кабинет, за которым, по сведениям от рабочих, скрывалась Лэнь, возникла перед ним внезапно и неумолимо.

Делать, впрочем, было нечего — не ехать же обратно из-за такой ерунды, как сосущий под ложечкой страх! — и он, вздохнув, постучал.

— Да-да? — тут же отозвался приветливый женский голос.

Вздохнув ещё раз, он открыл дверь и зашёл.

Лэнь подняла глаза от документов, с которыми занималась. Удивление, которое отразилось на её лице, очень к ней шло, и особенно шло к её короткой стрижке, благодаря которой пряди спускались на круглое личико, делая его на взгляд более узким.

— Дер? — выразила она своё недоумение.

Он не стал слать письмо о своём приезде, потому что оно опередило бы его лишь на пару дней, так что его здесь не ждали.

— Уезжаю надолго в столицу, — беззаботно пожал плечами Дерек, объясняя своё появление, — решил заехать перед отъездом, помочь с делами!

Лэнь приподняла в удивлении бровки, но тут же подключилась к деловому настрою, пригласила сесть и принялась рассказывать. По мере рассказа неловкость совсем сошла с неё, сменившись радостным оживлением — и Дерек вдруг с удивлением понял, что ей действительно интересно заниматься карьерой. Он сам не заметил, как втянулся в разговор — потому что и ему это дело было важно и дорого — и спустя полчаса уже и думать забыл о своих страхах и тревогах.

Весь день они носились по всему карьере, до хрипоты спорили о каких-то мелочах, ругались над бумагами, махали руками во время обсуждения планов и поднимая неистовый шум везде, где появлялись. Ни он, ни она в этот момент не помнили, что не так уж давно между ними имела место весьма некрасивая история — они оба были полностью захвачены проектами, которые обсуждали, и замечали только то, что обрели в этот момент друг в друге единомышленников, которые понимают и разделяют чаяния друг друга.

Радостное их оживление, впрочем, одномоментно оставило их вечером, когда на карьер вернулся Войтэн — он разъезжал по промышленникам в поисках какого-то хитрого сплава, который нужен был ему для нового инструмента.

— Деркэн? — удивлённо прервал он яркую беседу, посвящённую спору о лучших способах укрепления песчаных частей карьера.

Дерек и Лэнь перевели взгляд на вновьприбывшего и совершенно одинаково

покраснели.

— Заехал помочь, — запустил руку в волосы Дерек с таким видом, будто жил неподалёку, ну вот буквально сразу за городом.

— А-а! — не стал спорить Войтэн, кивнул и отметил: — Тогда не планируй ничего на завтра, тут есть вопрос с возможными поставщиками, съездим! — и, дождавшись кивка, отправился дальше по своим делам.

Переглянувшись, Дерек и Лэнь рассмеялись.

— Ладно, уже вечереет, и я собираюсь домой, — наконец, заключила Лэнь.

— Я провожу, — вызвался Дерек.

Поскольку Лэнь всё ещё жила в доме отца — в центре Брейлина — добираться пришлось верхом.

Некоторое время они молчали. Деловая тема была временно исчерпана, и ими снова овладела неловкость. Однако в этот раз оттенок этой неловкости был другой — сегодняшняя оживлённая беседа напомнила им обоим то, что они ценили друг в друге, и показала, что они вполне способны работать вместе. Теперь поговорить казалось уже не так стыдно и страшно, как раньше, и Дерек, первым набравшись мужества, начал:

— Лэнь... — она не повернула к нему голову, по тону догадавшись, что это начинается личный разговор, которого оба они боялись и который всё же нужно было проговорить. — Я... слушай, я вёл себя... — у него никак не получалось подобрать слова, и он обозлился сам на себя и высказался прямо: — Я подло пользовался твоим расположением и не хотел от него отказываться, прикрываясь неопределённостью. Не представляешь, — он остановил коня и повернулся к ней, — как мне стыдно.

Она тоже остановилась и кивнула, всё ещё не глядя на него. Он сказал именно то, что она сама в сердцах и обиде говорила себе о нём; и, хотя она всё это время фантазировала, как однажды такой вот разговор сбудется — и он придёт, весь такой всё осознавший и пристыженный, — а она, уж она-то тут выговорит ему всё, что о нём думает!.. места живого на нём не оставит, ядом зальёт и самым злыми словами нашьпигует, как иголками!.. хотя она не раз и не два составляла внутри себя самые жестокие и острые обличительные монологи, теперь, когда фантазия её сбылась, и было самое время излить все эти выношенные в глубине её раненого сердца слова... Теперь ей этого делать совсем не хотелось.

— Я оказался трусом, — продолжал, между тем, Дерек, и голос его ощутимо дрожал от стыда, — знал, что должен честно поговорить, а вместо этого делал вид, что ничего не замечаю.

Он говорил те слова, которые она сама хотела сказать ему, но никакого торжества она в этот момент не чувствовала; и ей даже почему-то мучительно захотелось плакать.

— Я тоже трусила, — вдруг посмотрела она на него остро. — Не хотела замечать, что ты не отвечаешь на мои чувства. Это было очевидно, — голос её дрогнул, — но я думала... — и вдруг призналась в том, в чём, совершенно точно, признаваться не собиралась никогда и никому: — Я думала, что если буду настойчиво вести себя так, словно мы уже пара, у тебя... — она отвернулась и закончила совсем тихо: — У тебя и не останется другого выбора, как жениться на мне.

Дерек растерянно и потрясённо моргнул. Она тоже вдруг взяла и сказала то, в чём он мысленно с гневом обвинял её, рисуя себе её образ как вероломный и лживый — видимо, чтобы на фоне такого образа чувствовать не столь преступным самого себя.

— Лэнь, — вдруг севшим голосом ответил он, — серьёзно, если хочешь — женюсь!

Он сказал это под влиянием эмоций; им было так радостно сегодня днём, и они вдруг так обнажились друг перед другом во взаимных признаниях в самом дурном в себе, и всё это ещё почему-то наложилось на фантазии и мечты об Эсне — и просто о семье и любви — что им овладело ощущение глубокой предопределённости происходящего. Ему подумалось, что, верно, сам Бог желает этого союза, и сам Бог к этому союзу их вёл, и им следует довериться Его воле и отбросить все старые обиды — потому что у них, наверняка, получится.

Лэнь, однако, этого чувства предопределённости явно не разделяла. Справившись с первым удивлением, она только спросила:

— Дер, ты хоть сам-то слышишь, как оскорбительно это звучит?

Он покраснел так мучительно, что аж закашлялся.

Она необидно рассмеялась над его смущением.

— Нет уж, господин Анодар, — с лукавой улыбкой перевела она тему в шутку, — вы поздновато спохватились, сударь, и счастье своё уже упустили.

— Справедливо, — признал он, с большим удивлением прислушиваясь к собственной глубокой досаде и даже разочарованию — словно брак с Лэнь был чем-то по-настоящему желанным, и только ради этого он сюда и приехал.

— Но давай будем друзьями, если можно! — с просительными нотками в голосе продолжила она.

— Конечно, — пылко заверил он.

Она лучезарно улыбнулась и тронула лошадь вперёд.

Он тронулся следом, не понимая, почему ему теперь сделалось горько.

...пробыв в Брейлине ещё неделю, Дерек помог разгрести кучу дел, походя выправляя Лэнь самооценку и вселив в неё веру в себя — он просто вспомнил, что и сам был именно таким, когда только начинал это дело, и пытался сделать для неё то же, что для него в своё время делал Тэн, — и даже серьёзно поговорить с Ирданией.

Та, впрочем, выговором была недовольна, и с ярко выражаемой обидой открещивалась от любых обвинений.

— Дался мне ваш карьер, Анодар! — басила она, распаляясь. — Своих будто дел нет!

— Ну ладно, ладно! — замахал на неё руками, сдаваясь, Дерек. — Но Лэнь не обижай хорошо? — и шутливо пригрозил. — А то Тогнара на тебя натравлю!

Возмущение Ирдании вмиг потухло, и со злой горечью она парировала:

— Да эти Тогнары — как ветер в поле! Нашёл, кем пугать!

Сморгнув, Дерек заподозрил отца Райтэна в тайной интрижке с Ирди — уж слишком разочарованно она выглядела для женщины, которой дела нет до каких-то там Тогнаров.

— Что есть, то есть, — осторожно согласился он, решив, что дела такого рода, в любом случае, его никак не касаются. — Но всё равно не обижай!

— Да не буду, — отмахнулась от него Ирди.

Посчитав на том свою миссию законченной, Дерек отправился в обратный путь.

7. Что бывает, когда Райтэн желает причинять добро?

Пока Дерек разруливал свои дела с карьерой, Райтэн умудрился влипнуть в своего рода неприятности — или, во всяком случае, в весьма неловкую ситуацию.

Корни этой ситуации уходили в их с Олив поездку. Тогда, в одном из северных портов, он встретил знакомого райанского купца — именно через него он сбывал контрабандные специи из Джотанды в Райанци, поэтому, разумеется, неожиданную встречу отметили небольшой попойкой. В ходе оной Райтэн, ясное дело, расхвастался своим удачным браком и новой райанской фамилией — и тут-то выяснилось, что купцу фамилия эта известна.

— Се-Стирен? — удивлённо переспросил он, теребя длинные косые пряди на висках. — Погоди-погоди, на ком ты, то бишь, женился?

Райтэн рассказал в общих чертах, чем привёл купца в неожиданный восторг.

— Жива-таки! — радостно потряс он в воздухе кружкой, расплёскивая по сторонам дешёвое кислое вино. — Ыьых! Жива!

Столь бурная реакция вызвала у Райтэна вопросы, и он принялся трясти приятеля на предмет подробностей, и тут же выяснил, что брат Олив в своё время потратил довольно много сил на поиски пропавшей сестры, и даже задействовал не только своих людей, но и добровольцев. Тогда ещё совсем молодой друг Райтэна тоже решил подзаработать и участвовал в поисковой операции. Но Олив они, как легко понять, не нашли. Однако история эта купцу запомнилась, и поэтому теперь он искренне порадовался, что девчонка не только выжила, но и неплохо устроилась.

Райтэн, узнав, что родственники Олив подошли к её поискам столь вдумчиво, испытал глубокий приступ сентиментальности — по правде сказать, в приступе этом было виновато плохонькое вино, которое они весь вечер распивали. Привыкший к дорогому качественному алкоголю Райтэн, определённо, не ждал, что эту дешёвую кислятину будут разбавлять спиртом — и в голову ему ударило знатно. Обычно он, ценя трезвый рассудок, не позволял себе опьянеть, а тут вышла накладочка, и приложило его знатно. На подвиги потянуло — аж мочи нет.

Имея притом под боком хихикающего восторженного помощника, Райтэн незамедлительно составил письмо к старшему Се-Стирену, где в самых изысканных выражениях — никакой хмель не мог выбить из него вдолбленные этикетом формулировки — сообщал, что имел честь сделать его сестре предложение и получить согласие. Счастливый купец, даже всплакнувший над этой сентиментальной историей о потере и обретении сестры, вызвался доставить послание со счастливой вестью лично.

Наутро Райтэн проспался и испытал столь неприятную гамму чувств, что зарёкся впредь пить вино в дешёвых северных тавернах. Исправить дело он, правда, теперь не мог — дружок уже отчалил, не гнаться же! — и понадеялся, что, протрезвев, тот тоже сообразит, что их понесло совсем не туда, и нечего тревожить райанского аристократа информацией, которая ему, наверняка, давным-давно уже не интересна.

Здравомыслие своего приятеля Райтэн переоценил — или же недооценил его сентиментальность — потому что то написанное по пьяни послание было доставлено, и вот, спустя полгода, ответ на него пришёл по адресу Райтэна в Кармидер.

Письмо Се-Стирена состояло из чётких этикетных формулировок, суть которых

сводилась к выражению, последовательно, следующих чувств: благодарности за информацию о судьбе Гвендоливьери, радости по поводу её благополучия, сожаления по факту отчуждения за одной из вышедших замуж дочерей полагавшегося ей по завещанию отца приданного, заверения, что род Се-Стиренов готов компенсировать эту оплошность в денежном эквиваленте (с милой припиской, уточняющей, что вопрос можно обсудить в случае подтверждения личности пропавшей сестры), пожеланий семейного счастья и бессрочного приглашения «заезжать запросто, по-семейному».

Послание это вызвало у Райтэна волну возмущений — видимо, потому что вопросам гипотетического приданного там уделялось больше внимания, чем эмоциям, — и он даже думал и не говорить о нём с Олив — но проблема была в том, что Се-Стирен письмом не ограничился. Он также прислал несколько вещиц, по его утверждению, принадлежавших Гвендоливьери и её матери, выражая надежду, что воссоединение с ними доставит сестре радость.

Райтэну и без того было стыдно перед Олив за то, что он за её спиной написал её брату; за то, каким был полученный ответ, стыдно было тоже; но сделать вид, что он не получал вещей, которые, возможно, и впрямь были ей дороги, было категорически невозможно.

Поэтому пришлось идти с повинной.

Олив с недоумением наблюдала, как он отчаянно краснеет, и не могла взять в толк, что вызвало в нём такую неловкость. Ей, конечно, было весьма неприятно, что он написал, не спросив её мнения, но и большой катастрофы она в том не видела.

— Тогнар, — наконец, прервала она его мучения на очередном весьма изысканном пассаже, которым он пытался выразить сожаления о своём поступке, — я тебе не опекун, имеешь полное право писать, кому хочешь, так что завязывай со своими самоуничижениями.

Ответив ей укоризненным взглядом, Райтэн хотел было что-то сказать, но она отмахнулась:

— Да, я поняла, ты считаешь, что, раз дело касается моей семьи, должен был спросить меня. Да, должен был, — закатила она глаза. — Но сложилась как сложилось. Показывай уже, что там! — бескомпромиссно велела она.

Однако весь её боевой и скептический настрой сошёл на нет, когда она получила свою посылку.

Там были обычные женские и детские вещицы — черепаховый гребень для волос, блокнот с рисунками, тряпичная кукла в нарядном платьице...

На кукле Олив не выдержала и безудержно расплакалась, ужасно напугав этим Райтэна.

— Мне её мама шила... — всхлипывала она, уткнувшись ему в плечо и судорожно прижимая к себе игрушку.

Олив давно и прочно распрощалась с собственным прошлым, запрещала себе вызывать его в памяти и всячески дистанцировалась от прежней себя; но все до единой вещи, которые отобрал брат, обладали для неё глубоким личным значением, и воссоединение с ними потрясло её до глубины души.

Кроме всех этих приветов из прошлого, в посылке обнаружилось и письмо от брата. Увидав его, Олив бросила на Райтэна растерянный испуганный взгляд.

— Хочешь, я сам прочту? — тут же предложил он, предположив, что она боится того, что ей могли написать.

Со вздохом она отказалась.

— Нет, раз уж завертелось, нужно решаться! — заключила она и смело письмо вскрыла.

Впрочем, первые же строчки вызвали у неё приступ веселья; к середине она уже заливисто хохотала.

— Вот жучара! — воскликнула она, и на недоумение на лица Райтэна пояснила: — Да он меня за самозванку принял! — и снова рассмеялась: — Тут что ни строчка — проверка на вшивость!

Успокоившись, она тут же возгорела желанием отправить ответное послание — тут же, правда, не получилось, потому что ей хотелось привлечь к процессу не только супруга, но и Илмарта, а тот дежурил в университете. Однако вечером они собрались вместе и изрядно повеселились, составляя язвительные формулировки и жалея, что Дерек не участвует в общем веселье.

— Знаешь, — поздней ночью, встав кормить сына, сказала Олив, — а всё же хорошо, что так сложилось. Если бы ты спросил меня — я бы точно сказала не писать, — она задумчиво вздохнула, тихонько улыбнулась своим мыслям, улыбнулась шире малышу и совсем уж широко улыбнулась Райтэну. — Ты всё-таки сказочное чудо, Тэн!

Улыбнувшись в ответ, он почувствовал, как от сердца отлегло.

Быть сказочным чудом ему, впрочем, весьма понравилось, так что он незамедлительно стал думать, что бы ещё такого чудесного сотворить.

Райтэн, употребляющий всю мощь своей творческой энергии на потребность причинять добро, всегда становился существом весьма непредсказуемым и порою даже опасным. В овладевающей им потребности сделать что-то хорошее он не знал удержу; в этот раз ему, определённо, втемяшилось в голову сделать что-то хорошее для Дерека — потому что в заботах об Олив он стал уделять слишком мало внимания брату, и чувствовал теперь себя несколько виноватым, что надолго оставил его одного, да ещё со всеми эти михаровскими проблемами наедине.

Три дня Райтэн бродил по своему особняку, придумывая фантастические планы о том, как помочь Дереку. К счастью, необходимость помогать с ребёнком постоянно его отвлекала от этих героических идей, поэтому ни созывать ополчение и брать столицу штурмом, ни красть Руби с целью шантажа, ни подбивать отца объединиться с нийским королём и выставить Михару ультиматум он не стал (да, Райтэн, как всегда, не мелочился, если уж хотел с чем-то разделаться раз и навсегда — а вопрос Михара ему хотелось закрыть именно навсегда).

Когда вся эта горячка, наконец, схлынула, он перешёл к планам попроще: составил список своих столичных знакомых, которых требовалось по приезду навестить и потихоньку объединить в собственную коалицию, отослал письмо родственникам-Рийарам, осчастливив их вестью о своём скором переезде и озадачив просьбой подыскать ему подходящий дом из того, что ныне выставлено на продажу, а также заявился к ректору Кармидерского университета с требованием написать ряд рекомендательных писем в университет столичный — чтобы, значит, Дерек и Илмарт и там могли продолжить заниматься своими картами.

Ректор, правда, юлил и вертелся как мог, до последнего пытаясь не отпустить перспективных сотрудников, но против закусившего удила Райтэна ему было не сладить. Когда тот, устав от бюрократической проволоки на тему «но проект осуществляется под патронажем Кармидерского университета и не может быть оторван от него территориально!», высказался, что, пожалуй, весьма разочарован Кармидером и планирует

переманить своего дорогого зятя — профессора Линара — в столицу вслед за ними, ректор изрядно побледнел и сдался, подписав все необходимые бумаги для того, чтобы участники проекта могли продолжать свою деятельность и под присмотром его столичных коллег.

Получив всё, чего хотел, Райтэн решил тут же и навестить Илмарта, чтобы осчастливить его новостями.

Тот нашёлся в своей университетской каморке — Райтэн удивился, что в кои-то веки застал его не за рисованием карт, а за чтением. Всучив другу с таким трудом добытую бумагу, Райтэн с любопытством уставился на какую-то акварель, изображающую горный пейзаж, — раньше он её тут не замечал, ему казалось, что всю территорию Илмарта занимают исключительно карты и только карты.

Тот, между тем, прочитав, что ему принесли, заметно обрадовался.

— Спасибо, Тогнар! — сдержанно улыбался он, вертя в руках подписанное ректором разрешение. — Было бы жаль это терять!

На самом деле, проект с картами шёл сейчас ни шатко ни валко. Они так и не нашли нового толкового иллюстратора, да и перенагруженный Дерек не мог выделять достаточно времени для составления новой аналитики. В основном Илмарт занимался теперь тем, что копировал их старые карты, а молодой университетский художник перерисовывал на них те иллюстрации, которые делала ещё Руби. Тем не менее, несмотря на то, что работать приходилось со старым материалом, Илмарт занимался делом с большим удовольствием и самоотдачей, с каждым разом совершенствуя и без того красивые карты. Кроме того, доход от этого предприятия оказался весьма ощутимым, что также не могло не радовать: Илмарт откладывал деньги в надежде со временем осуществить свою мечту — открыть собственную школу боевых искусств. Для этого ему нужны были помещение, инвентарь, патент и оклад для лекаря.

Некоторое время они пообсуждали эту мечту — все они полагали, что в столице добиться её осуществления будет проще — и тут Райтэн по цепочке ассоциаций вспомнил об ещё одном добром деле, которое его ждало.

— А ты этого, случайно, не видел? — небрежно поинтересовался он и, столкнувшись с полным непониманием, через губу пояснил: — Михаровского шпиона.

— Джея? — удивлённо приподнял брови Илмарт. — Да, знаешь... — почесал бороду, припоминая. — Вроде мелькает иногда на нашей тренировочной площадке, но редко.

— А, ясно, — в полнейшем безразличии резюмировал Райтэн с таким видом, будто это не он только что интересовался о судьбе шпиона, а Илмарт зачем-то сам начал ему рассказывать о нём.

Хмыкнув — мало ли, что у Тогнара на уме, всё равно не догадаешься, пока сам не расскажет, — Илмарт пообещал вечером навестить Олив и вернулся к чтению.

Райтэн, попинав камешки мостовой во дворе университета, пришёл к выводу, что устраивать засаду ему не с руки — есть дела и поважнее — поэтому попросту нанял уличного мальчишку последить за тренирующимися гвардейцами, дожидаться, когда их навестит юный джотандец — к счастью, таких роскошных и заметных татуировок ни у кого другого здесь не было, так что спутать было сложно, — и проследить за тем, где он теперь, вообще, обретается.

Спустя неделю Райтэн стал счастливым обладателем сведений о том, что Джей устроился работать в один кармидерский трактир. Вышибалой.

Опустим ту непечатную тираду, которая пронеслась в голове Райтэна в тот момент, когда он об этом узнал, — хотя по уровню закрученности оборотов и красотостей словообразования она была достойна занять подобающее место в ряду анжельских лингвистических диковин.

Признаем прямо: Джей, конечно, обещал со временем раздаться в плечах и обрасти мускулами — но пока что он оставался ещё довольно хиленьким парнишкой, и было решительно неясно, кто бы согласился взять такого на роль вышибалы. Райтэн небезосновательно предполагал стать свидетелем очередной истории «а-ля Годэн» — и оказался прав.

Захолустный и бедный трактир, видимо, до недавнего времени обходился и вообще без вышибалы, и хозяин прельстился взять на эту роль Джея лишь от того, что платить ему можно было гораздо меньше, чем опытному бугаю, внушающему своим брутальным видом уважение даже залихватским пьянчугам. Джей, впрочем, своим новым положением был вполне доволен, поскольку в кои-то веки чувствовал себя независимым и по-настоящему взрослым — то есть, самым определяющим, как ему жить.

Пробормотав нечто вроде: «Ну, по крайней мере, не таскает тарелки!» — Райтэн, дальновидно пришедший к самому закрытию, отловил Джея, когда тот уже уходил.

— Сэр? — аж споткнулся он, увидев, кто его поджидает.

— Бессовестное свинство! — пропустив приветствия, перешёл к атаке Райтэн. — Вы хоть понимаете, что у неё больное сердце, вообще-то!

Совершенно дезориентированный Джей захлопал глазами.

— У кого? — доверчиво попался он в эту ловушку.

— У госпожи Тогнар! — сердито пояснил Райтэн, подхватывая Джея под локоть и уверенно угаскивая в направлении своего дома.

Тот был настолько ошарашен неожиданным визитом, самой предьявой и поведением Райтэна, что даже не сопротивлялся.

— Разве так можно, Джей! — решительно волоча парня за собой, выговаривал ему тот. — Вам что же, не говорили, как чувствительны пожилые люди!..

— А что случилось-то? — заволновался Джей, пытаясь понять, какое отношение он имеет к тётушке и почему на него теперь так злятся из-за неё и её самочувствия.

— Он ещё спрашивает! — не останавливаясь, возмущенно пронзил Джея взглядом Райтэн. — Не вы ли раньше регулярно ходили к ней на чай, как к себе домой, господин Джей-Ниро!

Слотнув, тот подумал было, что дело в том, что Райтэн категорически запретил ему посещать его дом, а теперь узнал, что Джей делал это за его спиной, и потому теперь так разгневан.

— Сэр! — попытался он было затормозить своего похитителя, но не преуспел. — Но я правда уже давно к вам не хожу! — злясь и оправдываясь, пояснил он.

— Вот! — невесть чему обрадовался Райтэн, вдруг останавливаясь-таки и тыкая в Джея пальцем. — Вот именно!

Джей поразглядывал палец, поразглядывал гневное лицо Райтэна и так и не понял, в чём дело.

Оценив степень недоумения на лице парня, Райтэн сжалился и пояснил:

— Она к вам привыкла, Джей, а вы просто бросили её без объяснения причин.

Недоумение на лице собеседника переросло в потрясённое удивление.

— Она волновалась, что с вами случилась беда, — мягко продолжил выговаривать Райтэн, — а ещё переживала, что чем-то обидела вас.

Джей был ошарашен, опрокинут и совершенно сбит с толку.

— Простите, сэр... — растерянно пробормотал он, не зная, куда деться от стыда и смущения.

— Простите, сэр! — передразнил его Райтэн и снова решительно понёсся вперёд, таща его за руку. — Чтобы больше так не пропадали, ясно!.. — грозно повернулся он к Джею.

Тот растерянно закивал: мол, больше не буду.

...тётушка, правда, ничего не знала о том, что она, оказывается, весьма встревожена и обижена, а её больное сердце переживает за бедного парня, но ей, чтобы включиться в игру, хватило райтэновского:

— Тётя, там не весна, а дубак какой-то, мы продрогли до костей!.. Помогите Джею, он совсем не бережётся!

8. Как у Дерека проходит кризис среднего возраста?

Вернувшийся в Кармидер Дерек был с порога ошарашен воплем:

— Смотри, как он умеет! — после чего ему торжественно предъявили малыша, зажавшего в кулачке погремушку.

Дерек, признаться, смыслил в младенцах так мало, что сути достижения не уловил — ему казалось, что все дети умеют держать в руках игрушки, — но лицо Райтэна сияло такой неприкрытой и радостной гордостью, что проигнорировать её оставалось невозможным.

— Деятельный! — торжественно резюмировал Дерек. — Маленький, а уже не хочет без дела лежать!

Хотя всем маленьким детям было свойственно нежелание лежать на месте без дела — кроме тех случаев, когда они спали, — Райтэну это замечание пришлось крайне по душе, что он и выразил довольным:

— Мелкий Тогнар!

Дерек сморгнул, подивившись тому, какими странными и извилистыми путями у Райтэна активизируется порой эта фамильная гордость. Впрочем, к вечеру он обнаружил, что мелким Тогнаром ребёнка называют решительно все — что вызывало у него бесконечное количество вопросов, потому что, появившись ребёнок у него, он бы точно не стал называть его мелким Анодаром.

— Имя-то у него есть? — наконец, не выдержал и прямо спросил он.

— Браэн, — почти машинально отмахнулся Райтэн, занятый тем, что улыбался сыну, которого Олив носила по комнате, показывая ему всё вокруг.

Дерек подумал, что он никогда не видел друга таким улыбчивым, как теперь. Обычно хорошее настроение Райтэна выражалось в повышенной язвительности: он корчил бесконечное количество усмешек, шурился, хмыкал и фыркал, выражал лицом своим высокомерно-презрительное отношение к реальности. За годы, проведённые рядом, Дерек привык верно расшифровывать все эти сигналы, и теперь ему странно и даже немного дико было видеть, что Тэн проявляет любовь и заботу так, как это делают обычно все люди — улыбками, нежными прикосновениями и тёплыми словами.

Словно иллюстрируя эти мысли, Райтэн вдруг подошёл к Олив и привлёк её к себе, нежно целуя сперва её — в висок, потом сына — в макушку. Затем он шепнул ей что-то, кажется, ласковое; она тихо рассмеялась, обращая к нему взгляд, полный солнечного, живого чувства.

Сердце Дерека кольнуло чем-то, удивительно похожим на зависть; он почувствовал себя лишним и тихо вышел, забыв попрощаться.

Бредя к себя по тёмным улицам — было уже поздно — Дерек, пиная подвернувшиеся камешки, пытался разобраться в собственных чувствах, оказавшихся вдруг горькими и непривычно злыми.

Он, разумеется, был рад и за Райтэна, и за Олив, и, конечно, от всей души желал, чтобы семья у них получилась счастливая и любящая. Но всё же сегодня ему почему-то оказалось мучительно наблюдать за этим счастьем со стороны — остро, контрастно осознавая, что сам он этого счастья лишён.

Так вышло, что у Райтэна сбылась самая глубокая и сокровенная мечта Дерека — мечта о простом семейном счастье — и Дерек, конечно, был рад за друга, но на контрасте с его

счастьем ему теперь было особенно горько осознавать, насколько несчастен он сам.

У Райтэна была любящая и удивительно подходящая ему по характеру жена — Дерек искренне восхищался Олив и полагал, что они с Райтэном составляют крайне удачную пару.

У Дерека не было ни только жены, но и настоящей возлюбленной. Была Магрэнь, связи с которой уже потеряла очарование новизны и стремилась к своему логическому завершению — поскольку Магрэнь, конечно, ни в какую столицу переезжать не была намерена. Был засевавший в сердце занозой образ Эсны, что даже с натяжкой нельзя было назвать любовью — в привычной ему честной манере Дерек признавал, что слишком мало был знаком с Эсной, чтобы узнать её по-настоящему, и что в его воображении она была скорее собирательным образом идеальной возлюбленной, нежели живым человеком.

И, хотя Дерек легко сходился с новыми людьми и легко устанавливал с ними связи — в том числе и с женщинами — в его жизни не было ни одной такой женщины, которая могла бы стать для него тем, чем Олив стала для Райтэна. И Дерек совершенно себе не представлял, где и как такую найти.

Без жены нельзя было реализовать и другую сокровенную мечту — детей — потому что в сознании Дерека настоящая счастливая семья могла быть только полноценной. В своих повседневных заботах и делах Дерек почти не сталкивался с детьми, поэтому совершенно забыл, насколько сильно ему хотелось своих; но теперь, подержав на руках сына Райтэна, он остро, мучительно осознал собственное желание.

А ещё у Райтэна была обожающая его сестра, брат, которым можно было гордиться, и отец, который всегда был готов прийти на помощь и поддержать.

У Дерека не было никого и ничего.

И теперь он чувствовал себя так, словно бы, ничего не имея, пытался украсть хотя бы кусочек жизни Райтэна — потому что своего счастья у него не было, и он мог лишь украдкой отхватывать кусочки от райтэновского.

Оглядываясь на свою жизнь, Дерек приходил к неизбежному выводу, что постоянно занимался не тем, шёл не туда и строил совсем не то, что ему требовалось. На его взгляд, ошибка эта была связана с тем, что в какой-то момент он был насильно вырван из своего привычного мира и принуждён выживать — и он мастерски научился выживать, пристроившись при Грэхарде.

Впервые Дерек задумался о том, что заменил чувством к Грэхарду всё, что у него когда-то было — любовь к родным и друзьям, мечты, потребность в семье. Он лишился всего этого враз, от чего внутри него возникла бесконечная чёрная дыра тоски; и он заткнул эту дыру Грэхардом — благо, не имеющий близких связей Грэхард имел столько потребности в любви и заботе, что Дерек мог направить на него все внутренние силы своей души и не чувствовать себя чем-то обделённым.

Потеряв Грэхарда, Дерек, вновь оставшись неприкаянным, быстро нашёл себе новый «якорь» в лице Райтэна. Одиноким, независимым, отталкивающим своей язвительностью Райтэн нуждался в любви и заботе никак не меньше Грэхарда, поэтому Дереку вполне хватало и одного Райтэна.

Однако теперь, очевидно, наступил тот момент, когда Дереку захотелось чего-то своего — именно его, дерековского, не имеющего никакого отношения ни к Райтэну, ни к Илмарту, ни к Грэхарду, ни, тем паче, к Михару.

— Где бы я ещё время на это нашёл, — тяжело вздохнул Дерек, выбредая вместо дома к

реке.

Та слабо плескалась о деревянные опоры мостков, отражая мерцающими бликами нежный лунный свет.

Дерек некоторое время посидел на берегу, размышляя о том, что с Михаром нужно как-то развязываться — потому что ему, Дереку, категорически требуется прорва времени на реализацию чего-то своего.

Чем именно будет это «своё», он пока не знал, но верил, что в своё время сам всё поймёт.

Посидев так, он пришёл к более или менее бодрому расположению духа. Переезд в столицу теперь виделся ему весьма необходимым и удачным ходом — потому что для того, чтобы побороть противника уровня Михара, нужно было обрасти соответствующими связями, а завести эти связи удобнее всего, конечно, именно в столице. Дерек даже расфыркался насмешливо, сообразив, что Михар теперь, сам того не зная, играет против самого себя, помогая Дереку приобрести некоторое влияние.

«На что он, вообще, рассчитывает? — даже возникли у него в голове мысли. — Разве он не понимает, что связи — это оружие, и что я обращаю это оружие против него сразу же, как смогу?»

Поприкидывая так и этак, Дерек пришёл к выводу, что ему следует быть предельно осторожным: возможно, у Михара имеются ещё какие-то планы, которые позволят ему закрепить свою власть новыми рычагами давления.

Так или иначе, наметив себе некоторый план действий, Дерек воодушевился, и с позиции «еду непонятно куда и зачем и теряю привычную жизнь» сошёл на «вот это да, новый жизненный этап, в котором всё будет гораздо лучше, чем когда-либо!»

...через пару дней настроение его ещё улучшилось, потому что в доме Райтэна он столкнулся с Джем — тот, ответственно воспринявший упрёки по поводу брошенной тётушки, исправно ходил к той пить чай каждую неделю.

Дерек ужасно обрадовался; всё это время он тревожился о Джем и не раз порывался попробовать отыскать его, чтобы узнать хотя бы, всё ли с ним в порядке, — однако каждый раз удерживал себя от этого шага, не желая проявить неуважение к чужой свободе и чужому праву выбирать свой путь.

Со всей очевидностью Дерек понимал, что не должен никак вмешиваться в жизнь Джем и инициировать встречу с ним — потому что любая инициатива с его стороны будет воспринята как попытка контроля. Поэтому он лишь слабо надеялся, что однажды Джем разберётся и в себе, и в своей жизни, и сам захочет возобновить общение.

В общем, встретиться с ним было более чем радостно. Столкнулись они в гостиной — один уходил от тётушки, с которой чаёвничал в столовой, а другой шёл тётушку поприветствовать.

— Джем! — солнечно разулыбался Дерек, никак не ожидавший, что может его тут встретить, и враз почувствовавший, как же по нему соскучился. — Вот так тёплый нынче вечерок! — привычно выразил он свои чувства погодной метафорой.

— Сэр! — резко остановился Джем, в котором удивление, радость, настороженность, страх и смущение смешались примерно в равных пропорциях, совершенно сбив бедолагу с толку.

— Ну хоть теперь-то вы могли бы не называть меня сэром! — возопил в потолок Дерек, которому строгая субординация никогда не была по душе.

Сморгнув, Джей потеряно спросил:

— А как тогда?..

Не растерявшись, Дерек протянул руку и представился:

— Деркэн Анодар, к вашим услугам!

Совершенно смутившись, тот пробормотал:

— Джей-Ниро, — и руку всё же пожал.

С минуту они молчали. Джей, переминаясь с ноги на ногу, явно намыливался сбежать подальше от неловкой ситуации. Сообразив, что сейчас он наберётся храбрости и рванёт на выход, — и возможность восстановить контакт будет утеряна — Дерек позабыл все свои благородные размышления о том, что ему следует оставить Джея в покое и не навязывать свою инициативу, и радостно, как ни в чём ни бывало, словно не было ни этой минутной паузы, ни полугодового разрыва отношений, заговорил:

— Мне привезли тот райанский атлас с мечами, помните, мы обсуждали? Так вот, — уверенно развил тему он, — вы были правы, у древних разновидностей отсутствует гарда. Не представляю, правда, как они справлялись с балансировкой!..

— А навершие у них есть? — жадно подался вперёд Джей, моментально включившись в тему.

— А! — запустил в волосы руки Дерек. — Вот это я не посмотрел!..

Пришлось, разумеется, вместе нестись за атласом и разглядывать детали — ведь едва ли можно найти другой столь важный и требующий незамедлительного исследования вопрос, как балансировка древних райанских мечей!

9. В какие ловушки ловится Михар?

Господин Михар прибыл в Кармидер аккурат к бальному сезону — он старался не пропускать это масштабное событие.

— Ну что, Деркэн! — весело спросил он при первой же встрече. — Готовы к переезду? Дерек повёл плечами и уточнил:

— А для вас принципиально, в каком районе я буду жить?

Михар насторожился.

— А у вас есть предпочтения? — ответил он вопросом на вопрос.

В его картине мира Дереку должно было быть абсолютно всё равно, потому что он никогда не бывал в столице и не мог иметь никаких предпочтений.

— Райтэн хотел бы юго-западную границу города, — объяснился Дерек.

Где-то в этом районе — правда, за чертой города, — стояло поместье Рийаров, да и до университета, в котором Дерек планировал продолжить работу над картами, было недалеко.

— Райтэн? — не сумел скрыть в голосе неприятного удивления Михар.

Он планировал деморализовать Дерек, вырвав его из привычного круга общения, и окружить его в столице теми людьми, которых мог контролировать.

Прищурившись, Дерек хмыкнул. По реакции собеседника он догадался, в чём заключался его план, и теперь ему было вдвойне радостно — и от того, что друзья не оставили его в беде, и от того, что их решение расстроило планы врага.

— Райтэн Тогнар, да, — любезно подтвердил он и с наслаждением добавил: — Мой брат.

Михар растерянно потёр подбородок, разглядывая Дерек весьма неприязненно.

Он был прекрасно осведомлён о том, что проекты Райтэна все базируются в восточной части Анджелии: карьер в Брейлине, верфь в Аньтье, корабли, курсирующие от Кармидера в Брейлин, новый торговый путь на север — тоже по восточным водным дорогам.

Столица располагалась на западной границе Анджелии и не имела к этим проектам вообще никакого отношения.

— И что же ваш брат, — почти выплюнул эти слова Михар, — забыл в столице?

Дерек солнечно улыбнулся и развёл руками:

— Меня, Аренсэн.

Тот скривился, не в силах скрыть досаду. Одно дело — оторванный от своих и потерянный Дерек, другое дело — Дерек, опирающийся на старого друга, у которого, тем паче, в столице влиятельные родственники.

В своей игре Михар делал ставку на то, что Райтэн известен своей бешеной привязанностью к собственным безумным проектам — сложно было себе вообразить, чтобы он добровольно отказался от непосредственного участия в них, перевалив всё на управляющих. Вероятность того, что он решится на переезд ради друга, с точки зрения Михара, была минимальная, и тем неприятнее было обнаружить, что именно этот минимальный шанс и оказался реализован в действительности.

Тут Михар спохватился, по чрезмерному веселью в глазах Дерек догадавшись, что теряет лицо. Взяв себя в руки, он спокойно ответил на первичный вопрос:

— Селитесь, где знаете, мне это решительно безразлично.

Дерек, впрочем, это не провело, и выглядел он просто неприлично довольным.

Прищурившись, Михар решил уточнить расклад до конца:

— Госпожа Ринар тоже едет с вами? — холодно спросил он.

В голосе Дерекка читалось искреннее глубокое удивление, когда он переспросил:

— Госпожа Ринар? — и с лёгким смешком заверил: — Нет, конечно, нет.

Он, в целом, и не ждал, что Магрэнь захочет уехать с ним, но, конечно, предложил — с целым веером вариантов, хоть в качестве жены, хоть в качестве любовницы, хоть в качестве торгового партнёра. Магрэнь весьма прохладно отметила, что искусство вовремя выйти из любовной связи — редкий талант, и что она этим талантом, безусловно, обладает, поэтому полагает, что лучше им разорвать их связь сейчас, когда обстоятельства удачно к тому сложились — и пока они ещё не успели опостылеть друг другу.

— Так мы сохраним лёгкое сожаление об ушедших отношениях, Дерри, — пожалала плечами она, — которое сможет стать надёжной основой для дальнейшей дружбы.

Дерек, талантом выходить из каких бы то ни было отношений не обладающий, доверился её мнению.

Михара, впрочем, эта новость не обрадовала.

— А вот тут жаль... — пробормотал он, почёсывая подбородок, но обсуждать вопрос не стал, отпустив Дерекка привычным властным жестом.

Тот, признаться, обеспокоился — реакция Михара намекала, что у него были какие-то планы не то на Магрэнь, не то на отношения Дерекка с ней, — поэтому он на всякий случай предупредил её о том, что, возможно, вокруг неё будут крутиться какие-то тёмные интриги.

— Ну-ну! — посмеялась на это Магрэнь, постукивая себя по запястью своим изящным веером. — Посмотрим, что у него на уме, посмотрим!

Глаза её блестели весьма задорно, и Дерек незамедлительно испытал те самые обещанные сожаления — совсем, правда, не лёгкие.

Посмотреть, что там у Михара на уме, Магрэнь удалось уже на следующий же день — потому что он явился к ней с визитом. Встретила она его как всегда любезно и приветливо — и лишь сопутствующий ей в этот день аромат ириса выдавал её крайне воинственное настроение.

Привычно пропустив погодные вступления, Михар дождался чаю, оценил хмыканьем прекрасный нийский витражный сервиз, который идеально подходил к подаренному им столику, и сразу огласил интересующий его вопрос:

— Что же это, Магрэнь, вас не манит возможность покорить столицу?

Под его насмешливым и испытующим взглядом ей сделалось неудобно; недовольно поведя плечом, она небрежно ответила:

— Меня искренне поражает, Арни, с какой настойчивостью вы суёте свой нос в личную жизнь господина Анодара.

Ей, впрочем, уже полностью стала понятна его игра.

Она весьма серьёзно подошла к вопросу, ехать ли ей с Дерекком или нет. Возможность блистать в столице, действительно, весьма и весьма её манила. Однако два соображения остудили её пыл.

Первое заключалось в том, что, дабы покорять столичный высший свет, ей пришлось бы всё-таки выйти за Дерекка замуж — это в Кармидере она была «своей», и на её вольный образ жизни смотрели сквозь пальцы; да и славился Кармидер скорее научной и торговой верхушкой общества, нравы в которой были не так уж строги.

К вопросам брака Магрэнь подходила более чем рационально, поэтому выходить замуж за Дерека она считала неудачным решением. С одной стороны, ей было известно, что Дерек мечтал о большой семье — она же не хотела детей вовсе. Понимая, что не смогла бы причинить Дереку боль столь сильную, чтобы лишить его детей вообще, она пришла к выводу, что ради него ей придётся рожать — и, даже если ей и достанет чёрствости спихнуть детей на няnek, здоровье и красоту она всё равно потеряет. С другой стороны, она сама обожала светскую жизнь во всех её проявлениях — и ненавидящий эту самую светскую жизнь Дерек был бы вынужден таскаться с нею по сотням ненавистных ему мероприятий, что и для него превратило бы их брак в ад.

«Мы только оба мучили бы друг друга, вот и всё», — сделала логичный вывод она.

Этот вывод не очень её обрадовал — она весьма дорожила близкой связью с Дерексом, и ей было мучительно её обрывать, — но рациональность победила в борьбе с эмоциями, и она озвучила Дерексу то решение, которое нам уже известно.

Вторым соображением, по которому Магрэнь не рвалась в столицу, были интриги Михара. Он уже наглядно продемонстрировал, что видит в ней рычаг давления на Дерека; рычаг этот становился тем идеальнее, если Магрэнь вышла бы за Дерека замуж и стала бы выстраивать в столице свою и его репутации.

Нынешний визит, как ей казалось, вполне доказывал, что Михар вёл именно интригу такого рода и был весьма раздосадован её решением остаться в Кармидере.

«Не может же он как-то заставить меня поехать в столицу?» — нахмурившись, принялась она разглядывать собеседника, ожидая от него подвоха.

По тому, как лёгкий её тон сменился этой нахмуренностью, Михар примерно вообразил себе ход её мыслей и недовольно вздохнул.

На его взгляд, Дерек не был приспособлен для ведения светской жизни — несмотря на несомненный талант в части сближения с людьми. Магрэнь стала бы для него блестящей партией, которая смогла бы ввести его в нужный круг легко и непринуждённо, и проконтролировать, чтобы он своей неуместной искренностью ничего не испортил. Кроме того, поскольку у него оставались прекрасный рычаги давления на Магрэнь, она в качестве жены Дерека делала того более уязвимым — в общем, то, что интрига эта не задалась, огорчало его весьма сильно.

— Причём тут господин Анодар? — наконец, предпринял он вялую и беззубую попытку разыграть эту интригу другим концом. — Возможно, я просто считаю, что столичному обществу не хватает такой фигуры, как вы?

Магрэнь аккуратно приподняла брови, тихо поставила свою чашечку на блюдце, изящно подпёрла подбородок кистью руки, почти запястьем — чтобы пальчики красиво и веерно свисали вниз — и с лёгким укором воскликнула:

— Арни!..

Укор этот следовало понимать как «вы меня считаете настолько дурой?!», и Михар не стал делать вид, что не понял. Резко взмахнув рукой, он сухо и недовольно отметил, переходя от явно проигрышной темы к атаке:

— Я не давал вам позволения на подобные фамильярности, госпожа Ринар.

Она лицом своим отобразила всё, что думает о его занудстве, после чего чуть пригубила своего чаю, мило улыбнулась и сладко проговорила:

— Но и не запрещали.

Он замер, чувствуя себя пойманным в ловушку.

После того, как она это озвучила, у него оставался только один путь: бескомпромиссно заявить, что всякую фамильярность в его адрес он ей запрещает.

Но именно этого ему делать совершенно не хотелось.

С глубоким, сильным неудовольствием он понял, что совершил серьёзную ошибку, когда позволил ей это «Арни» — а она называла его так с первой же встречи, и он, в самом деле, пусть и отмечал своё недовольство этим фактом, не запрещал. В итоге это ласковое обращение создало некоторую иллюзию близости — и, хотя Михар прекрасно знал механизмы, по которым работают такие иллюзии, и сам охотно использовал их, манипулируя другими людьми, он и сам стал жертвой этого эффекта. Из-за этого постоянного «Арни» у него исподволь зародилось и потихоньку развилось ощущение, что отношения его с Магрэнь чем-то отличаются от бесчисленного множества всех остальных отношений — потому что никто больше не отваживался пытаться сократить дистанцию с ним, используя уменьшительные варианты его имени.

И теперь он вынужден был сам с собой признать, что с некоторым предвкушением ожидал от встреч с ней этого неизбежного псевдоконфликта, во время которого она назовёт его сокращённым именем, а он в ответ проворчит что-то, выражая своё псевдонеудовольство.

— Значит, теперь запрещаю, — закинув ногу на ногу, заявил он, наконец, единственное, что ему оставалось заявить.

Однако из-за того, что сделал он это не тотчас, и после нескольких секунд, которые отражали его короткую внутреннюю борьбу, Магрэнь уловила и сам факт этой борьбы, и тут же достроила в уме её причины — и непритворно удивилась.

Почувствовав себя в сильной позиции, она хмыкнула, пригубила чаю и спросила:

— Настолько недовольны моим решением остаться в Кармидере?

— И это тоже, — не стал спорить он, доставая из кармана сигару.

Она капризно поморщилась и высказала несколько суше и грубее, чем планировала:

— Ну, уж простите, но я не соглашусь переехать даже за право звать вас «Арни»!

Постучав пальцами по бокам сигары, он с неожиданно весёлыми искорками в глазах уточнил:

— Торги уместны?

— Вот только дуру из меня делать не надо!.. — раздражённо ответила она, вставая.

Под её недовольным пристальным взглядом он, закатив глаза, встал, изображая собой джентльмена, который не останется сидеть, раз уж дама изволила встать.

— Было отрадно вас повидать, господин Михар, — мило прошептала она, подавая руку для поцелуя.

Он смерил её скептическим взглядом, руку целовать не стал и, прикурив от ближайшей свечи, не прощаясь, вышел.

Она проводила его недовольным и сумрачным взглядом.

— И зачем только приходил!.. — пробормотала она себе под нос.

10. Как рождаются заговоры?

646 год, лето. Столица Анджелии

Тогнар-старший, объездив, наконец, своих заочных знакомых из разных стран, добрался до столицы Анджелии примерно через год после того, как туда перебрались Дерек с компанией.

У Тогнара было несколько планов: он хотел, во-первых, познакомиться с внуком, во-вторых — повидаться с Этрэном, с которым они уговорились пересечься именно здесь, в-третьих — проверить, что там с интригами Михара и насколько они вовлекают Райтэна и его друзей, и, наконец, пообщаться с родственниками из Рийаров.

Именно в загородном поместье Рийаров — где ему любезно выделили гостевые комнаты — он и пересёкся с Этрэном.

Несмотря на то, что купцу перевалило уже за шестьдесят, он выглядел весьма ещё крепким мужчиной и не планировал оставлять своё ремесло — однако в длительные плавания перестал уходить самолично, предпочитая управлять делами из Анджелии.

Первые полчаса старые друзья провели, хвастая друг другу достижениями своих детей и меряясь достоинствами внуков. Они познакомились ещё в студенческие годы: оба обучались в Кармидерском университете — правда, Этрэн на пару курсов старше, а Тогнар обучение так и не успел закончить, сорвавшись в Аньтье к умиравшему отцу. Дружба их — или даже, скорее, братство, — прошла сквозь годы, скреплённая желанием прославить Аньтье и укрепить его позиции на внутривосточной арене Анджелии. Этрэн работал над этим, расширяя торговые возможности порта и делая его важным перевалочным пунктом в международной торговле, а Тогнар большую часть своего правления развивал внутреннее производство и наращивал военную мощь — того требовала не только близкая граница с Джотандой, но и необходимость отстаивать независимость Аньтье перед столицей.

Как-то так сложилось исторически, что ни простые жители Аньтье вообще, ни Тогнары в частности не горели желанием во всём подчиняться столичным властям и предпочитали высокий уровень автономии.

Тогнару вполне было, чем хвастать: его младший сын подхватил дело и продолжал политику отца, к вящему довольству населения, которое было незыблемо уверено, что именно они самые анжелистые из всех анжельцев. Этрэну тоже было, чем гордиться: его собственные сыновья продолжали его дело, так же, как и Райтэн.

Далее пошли вздохи на тему того, что Райтэн, скорее, работает на процветание Брейлина (что, впрочем, тоже было неплохо, потому что всегда полезно иметь под боком благодарных союзников), а Кайтэнь так и вовсе унесло в Кармидер.

В ход пошла карта; под хороший коньяк делить Анджелию на круги влияния было более чем приятно.

— С Брейлином у нас теперь надолго мир, — довольно приговаривал Этрэн, водя пальцем по рекам и отмечая тем пути райтэновской торговли, — Данзэс, небось, на радостях отплясывает там.

Действительно, прямой водный путь, налаженный Райтэном между Кармидером и Брейлином, значительно оживил торговлю с Райанци, что шло Брейлину существенно на пользу.

Лукаво блестя глазами, Тогнар отбивал какой-то марш в районе Северной Анджелии,

мечтая, видимо, что сын и этот край приберёт к рукам.

— Но вот Кармидер!.. — вздыхали они оба в унисон, глядя на карту.

Кармидер был себе на уме; и если бы случился конфликт между восточной и западной Анджелией — решительно неясно, на чью бы сторону он встал.

— Туда бы Деркэна!.. — досадливо хлопнул себя по колену Тогнар.

Дерек успел произвести впечатление на Кармидерский университет; а университет был фактически городом в городе и вторым политическим центром области — не менее значимым, чем собственно правительство.

— А что там с Деркэном? — заинтересовался Этрэн, который несколько упустил из вида развитие этой интриги.

Тогнар досадливо поморщился. Михару таки удалось пройти в Парламент, но это дало ему пока немного — фракции внутри него складывались веками. Желая упрочить своё влияние, Михар пытался объединить тех, кто от этих фракций откалывался по тем или иным причинам, или тех, кто, как и он, не входил в какую-либо конкретную коалицию. Ничто так не связывает новых союзников, как совместные проекты; Михар активно в эти проекты ввязывался, привлекая к делу и Дерека как ведущего аналитика.

— Я думал попросту выгащить их обоих, — размеренно начал Тогнар, имея в виду, что был готов на прямой конфликт с Михаром, — но Деркэн обеспокоен угрозами Михара порыться в его прошлом, — он бросил испытующий острый взгляд на друга и с досадой отметил, что тот ощутимо помрачнел.

Воцарилось гнетущее молчание. Этрэн полагал, что конфликт с Грэхардом будет самым паршивым из возможных вариантов, поэтому угрозы Михара виделись ему существенным обстоятельством, которым нельзя было пренебречь.

— Я предлагал ему устранить его... господина, — осторожно отметил Тогнар, предположив, что Деркэн переоценил неуязвимость этой персоны, однако Этрэн весьма разочаровал его. Сморщившись, он лишь отмахнулся:

— Безнадёжно!..

Тогнар приподнял брови и бросил на друга укоряющий взгляд: мол, действительно ли вы оба уверены, что стоит держать эту информацию в тайне от основного союзника.

Этрэн скривился. Он не был человеком, который разбрасывается чужими тайнами, и ему было достаточно молчания Дерека, чтобы не болтать самому. Однако у старшего Тогнара было не меньше, чем у Михара, возможностей докопаться до правды и самому; очевидно, он не делал этого раньше потому, что не считал необходимым. Теперь же, когда в его политические планы вошла идея непременно выдернуть Дерека из-под влияния Михара и вернуть его в Кармидер, можно было предположить, что он озаботится поиском этой информации и всё равно узнает, откуда взялся этот самый господин Анодар.

Поприкидывая так и этак, Этрэн раскололся:

— Грэхард. — И уточнил зачем-то — хотя других влиятельных Грэхардов ныне в Ньюне не наблюдалось: — Раннид.

На несколько секунд лицо старшего Тогнара совершенно застыло: он никак не ожидал услышать это имя.

Затем в один момент от неподвижности он перешёл к крайней степени волнения; резко вскочив — чуть не опрокинув притом свой бокал — он нервно воскликнул:

— У меня теперь только два вопроса! — и, сделав пару резких шагов в середину

комнаты, порывисто обернулся: — Почему он ещё жив!.. — имея в виду Дерека. — И... — сделав те же пару шагов обратно, он, опершись на столик, навис над Этрэном и почти заорал ему в лицо: — Трэн, где были твои мозги?! — тот аж зажмурился, недовольный такой вспышкой. — Нет! — меж тем, взмахнув руками, продолжил расхаживать по комнате Тогнар. — Мозгов у тебя, совершенно точно, нет! — пылая раздражением, он повернулся и зло спросил: — Как ты вообще додумался тащить его в Аньтье?!

— Тэн! — мягко попытался успокоить его Этрэн, вставая.

Но тот даже слушать не стал.

— А если он узнает! — разорвался он, выплескивая негодование во все стороны. — О тебе, о Райтэне!.. — голос его сорвался на мучительной ноте от тревоги за близких.

Он был напуган мыслью, что грозный повелитель Ньона однажды придёт забрать своё — и убьёт всех, кто это «своё» посмел от него скрывать.

Этрэн недовольно скривился: у друга были все причины негодовать. Купец сильно рисковал, согласившись помочь Дереку сбежать в Аньтье, и подставлял Тогнаров, познакомив того с Райтэном.

— Хорошо! — примирительно поднял руки Этрэн, соглашаясь со справедливостью упрёка. — Ты прав, я думал не головой. Пожалел парня.

Тогнар досадливо взмахнул руками — мол, с тобой всё ясно! — и с мрачным видом уселся на своё место. Отнюдь не погасшее негодование продолжало биться и гореть изнутри. Запрокинув голову на спинку кресла, он принялся разглядывать потолок, пытаясь взять себя в руки.

— Справедливости ради, — Этрэн тоже осторожно сел, — Грэхард его не объявлял в розыск. По официальной ньонской версии он является мёртвым.

Тяжело и досадливо вздохнув, Тогнар принялся растирать себе виски — шокирующие новости вызвали у него головную боль.

— Какая разница, искал он его или нет! — сквозь зубы пробормотал он, морщась от боли. — Если Михар доложит Грэхарду — прямой конфликт неизбежен. — И горько добавил, пронзив друга взглядом: — Мы с ним не справимся, Трэн.

Вариант просто выдать Дерека Грэхарду, если тот за ним пришлёт, они даже не рассматривали: Дерек был братом Райтэна, а значит, членом семьи. Кроме того, Тогнар небезосновательно полагал, что именно вмешательству Дерека обязан потеплением отношений со старшим сыном.

— Как мне, легче убрать Михара, — пожал плечами Этрэн. У них был затяжной конфликт, связанный с попытками Этрэна доставлять контрабанду в Филопье. Ныне купцу пришлось отступить и отказаться от планов по сбыту своих товаров в вотчине Михара; и, хотя его материальное положение от этого отнюдь не страдало, гордость бывалого контрабандиста была уязвлена и требовала отмщения.

Отпив коньяку, Тогнар всерьёз задумался, взвешивая вероятности.

Теоретически, убить Михара было не слишком сложно. Проблема была в том, чтобы не попасться службе его безопасности — а служба эта кормилась у Совета Филопье, который, конечно, не оставит гибель своего главного политического ферзя без расследования. Кроме того, в случае устранения Михара именно Тогнары попадали в список первых подозреваемых — известен был и конфликт Михара с Этрэном, и то, что Михар каким-то образом переманил к себе человека Райтэна. Люди, прямо заинтересованные в расследовании, знали и о неудавшейся интриге с Руби. Вероятность в случае убийства засветиться, и получить

вполне себе реальную войну между востоком и западом, была велика.

С другой стороны, Грэхарда убить было почти невозможно — подобраться к владыке Ньюна могли единицы, и оружия в руках у этих единиц быть в этот момент не могло. Планировать покушение на Грэхарда было бы безумием, в любой другой ситуации Тогнар даже не стал бы рассматривать этот вариант, но...

Вне зависимости от интриг Михара, живой Грэхард — это угроза Дереку, и, как следствие, угроза Райтэну.

Если что порой и заставляло уравновешенного и вполне владеющего собой Тогнара слетать с катушек — то это опасность, грозящая его семье.

Грэхард представлял угрозу Этрэну — потому что именно Этрэн способствовал побегу приближённого лица владыки. Он также представлял угрозу Райтэну — потому что Райтэн был тем, кто помог Дереку натурализоваться в Анджелии и успешно затеряться в ней. И, конечно, он представлял угрозу самому Дереку — а Дерек Тогнар со всей свойственной ему фамильной широтой души считал «своим».

Этих трёх угроз вполне хватило, чтобы внутри Тогнара поднялось тёмное, яростное чувство, требующее немедленных действий.

Райтэн бы в такой ситуации вскочил и помчался бы эти самые действия предпринимать; но отец его, при столь же пламенном нраве, обладал годами оттачиваемым хладнокровием.

Он не вскочил, не побежал, и даже не заговорил; откинувшись на спинку кресла, он сцепил руки в замок под подбородком и взглянул на Этрэна весьма выразительно. Глубокий взгляд этот, в котором тяжёлая уверенность в себе и своих силах сочеталась с острым движением яростной мысли, был купцу вполне знаком. Прикрыв свои глаза ладонью, он выразительно вздохнул.

Поговорка о том, что с Тогнарами спорить бессмысленно, стабильно самозарождалась в ближнем кругу каждого из представителей этой горячей семейки.

— Пятнадцать лет у власти, — холодно и спокойно заговорил Тогнар. — Недругов у него хватало и хватает. Но все покушения были провалены.

Этрэн ещё раз выразительно вздохнул. В устах любого другого такая неутешительная статистика прозвучала бы как «поэтому нечего и пытаться». В устах старого друга это следовало понимать как «здесь нельзя рассчитывать на авось и нужно всё учесть».

— Нужно использовать новые обстоятельства, — продолжал тихо и размеренно рассуждать Тогнар. — Любые, в которых его служба безопасности ещё не довела свои действия до идеала. Если таковых обстоятельств нет, — с нехорошей задумчивостью заключил он, — их нужно создать.

Этрэн даже вообразить себе не хотел, каковы могут быть новые обстоятельства, которые надумает пытаться создать его друг — можно было заранее с уверенностью утверждать, что они входят в ряд самоубийственных безумий, — поэтому поскорее попытался найти хоть что-то, что временно отвлечёт на себя внимание Тогнара, поглотит его нынешний тёмный пыл и остудит голову. А там, глядишь, вовремя переориентировать на куда как более жизнеспособный план с покушением на Михара...

— Он скоро едет на Кес, — быстро вмешался в разработку плана Этрэн, вызвав сдержанный интерес собеседника.

Кес — остров в Многоземном море — был завоёван Грэхардом несколько лет назад. Тамошнее население отнеслось к смене власти весьма индифферентно — до этого Кес

формально принадлежал Сиру — однако потребовалось время, чтобы служба безопасности владыки посчитала обстоятельства благоприятными для таких поездок. Кес находился в статусе графства, и Грэхард планировал посетить его лично, чтобы принять графскую корону и присягу местных вассалов.

— Кес. Прекрасно, — Тогнар переставил пальцы из замка в домик. — У тебя есть его карта? — вежливо приподнял он брови.

В своём обычном ежегодном плаванье Этрэн заходил в главный порт Кеса, но знать весь остров у него не было никакой нужды.

— Нет, — покачал он головой и добавил: — Но у А-Ранси должна быть!

— Ну так идём! — хмыкнув, бодро поднялся Тогнар.

Со вздохом отставив бокал с коньяком, Этрэн нехотя последовал за ним.

11. Чем занимается в столице Илмарт?

— Ну-ка, иди, иди сюда, фокус покажу! — весело позвал Илмарт.

Джей, однако, не выглядел слишком уж заинтересованным. Напротив, с осторожностью сделав пару шагов вперёд, он замер и настороженно заметил:

— В прошлый раз, когда вы мне фокус показывали, мастер, я всю мостовую спиной пропахал!

— Да нет, это другой фокус! — отмахнулся Илмарт, перехватывая меч поудобнее и становясь в эффектную стойку. На лице его читались азарт и предвкушение, и в голосе послышалось ощутимое нетерпение, когда он велел: — Давай-ка, атакуй!

Сделав ещё пару шагов вперёд, Джей начал было замахиваться, но на вершине замаха передумал, глядя на наставника с ещё большим подозрением, чем раньше:

— Вот в прошлый раз тоже всё так начиналось!

— Да не бойся ты!.. — рассмеялся Илмарт и приглашающе подвигал бровями вверх-вниз. — Давай же, ну!..

Тяжелым вздохом отметив принятие нелёгкой своей судьбы, Джей всё-таки атаковал — чтобы обнаружить, что неведомым образом отражённый удар направил силу его замаха на то, чтобы закрутить парня вокруг своей же оси. Фокус, и впрямь, вышел таким неожиданным, что Джей рассмеялся.

Столичная жизнь у Илмарта, определённо, задалась — хотя школу свою он пока так и не открыл, и его единственным учеником на данный момент был Джей. Но, во всяком случае, впервые за те годы, что он провёл в Анджелии, ему не пришлось искать «настоящую» работу — всё его свободное время жадно съедала картография.

В первые месяцы это было связано с тем, что требовалось сделать для столичного университета копии всех тех прекрасных карт, которые их команда уже делала для Кармидерского. Попутно возникали новые идеи и требования со стороны профессуры — направления в этих учебных заведениях несколько отличались, и в столице требовалось то, о чём в Кармидере и не слыхали.

Слава о диковинке быстро распространилась в столичном высшем свете; иметь у себя иллюстрированную карту сделалось модно, и Илмарта забросали таким количеством заказов, что ему в какой-то момент впервые в жизни показалось, что рисование карт может и надоест.

К счастью, у него во всякий момент оставались доступны два способа отвлечься от карт: можно было заявиться к Тогнам понячить мелкого, а можно было выловить Джея на тренировку. Второе, правда, получалось не каждый раз.

Джей в столице очутился совершенно неожиданно для самого себя.

На самом деле, всё началось ещё в Кармидере, когда они с Дерекком повадились пересекаться у Тогнаров чуть ли ни каждый вечер. Причины, по которым они не могли просто посещать друг друга, оставались благородному собранию неясны; почему-то оба они предпочитали пересекаться «ну вот прям совершенно случайно», и, поскольку единственным подходящим для такой «случайности» местом был дом Райтэна, то там эти встречи и происходили.

Некоторое время все вежливо делали вид, что ничего не замечают, но такое положение, конечно, не могло продолжаться вечно, если в дело был замешан Райтэн. С неделю понаблюдав за мучениями «случайно встретившихся», которым вечно не хватало для обсуждения очередной книги, незахваченной стопки бумаг, непроведённых расчётов, неопрошенных свидетелей и так далее — Райтэн, которому надоело бегать по просьбе друга то за бумагой, то за каким-то особым пером, то за справочником, наконец, прямо поинтересовался:

— Дер, вам не проще, что ли, это у тебя обсудить?

Тот ошутимо смутился и досадливо возразил:

— Но я ведь не могу отрывать Джея от работы!

Райтэн посмотрел на Дерека как на идиота. Тот нахмурился и отвернулся. Тогда Райтэн перевёл всё тот же «меня окружают идиоты!»-взгляд на Джея. Тот задрал подбородок и сделал вид, что рассматривает стену.

Вздыхнув, Райтэн уставил взгляд куда-то между ними и тоном, в котором ошутимо слышалось: «Великое Пламя, пошли моим собеседникам хоть капельку мозгов!» — холодно и надменно уточнил:

— Господа, напомните мне, будьте так любезны, ту сакральную причину, по которой мы не можем попросту нанять господина Джей-Ниро работать на нас.

И Дерек, и Джей покраснели совершенно синхронно и мучительно.

Сакральной причины у них так и не нашлось, поэтому в тот же вечер Джей был торжественно принят на должность личного помощника Дерека.

Решение это благотворно сказалось как на самом Джее, которому явно интереснее было возиться с полюбившимися проектами, чем изображать из себя вышибалу, так и на проектах — с помощником они пошли вперёд куда как живее, и Дерек, наконец, снова стал высыпаться.

Так что в своё время Джей уехал в столицу вместе со всей честной компанией, и теперь умело сочетал бумажную работу с тренировками с Илмартом.

Именно в момент отработки «фокуса» их и застали Тогнар-старший и Этрэн, заявившиеся к Илмарту за картой Кеса.

— Вот это прекрасно! — не сдержавшись, воскликнул Этрэн, который впервые видел Илмарта в этом деле — до этого он был знаком только с его картами.

Тогнар же просто с некоторым недовольством порассматривал Джея, которого всё ещё полагал шпионом, — о тонкостях в перемене отношений в команде его никто не додумался проинформировать.

— Господин Дранкар, господин Тогнар! — утирая пот со лба, весело приветствовал своих постоянных и любимых клиентов Илмарт, жестом прося Джея свалить. Тот, на бегу поклонившись, отправился отлавливать Дерека, который, кажется, должен был находиться где-то в пути между портом и их домом на окраине города.

— Так вы, стало быть, сильны в боевых искусствах? — подойдя ближе, Этрэн дружелюбно кивнул на меч.

В молодости он был не прочь пофехтовать, но с годами его спина стала заявлять, что ей это дело не по нраву.

— Достаточно, — не стал скромничать Илмарт.

— Необычное сочетание, — несколько сухо вмешался в разговор Тогнар, у которого не было ни малейшего желания расплыться на светские реверансы. — Меч и картография! —

и через этот ловкий переход бодро вывернул на интересную ему тему: — Илмарт, скажите, у вас карта Кеса найдётся?

— Разумеется, — не задумываясь, кивнул тот, — только, кажется, не слишком подробная, господин Тогнар.

— Можно взглянуть? — поинтересовался тот, и Илмарт любезно повёл заказчиков к себе.

Там пришлось немного повозиться в залежах его богатств, но карта Кеса, наконец, отыскалась. Тогнар и Этрэн сочли её подробность удовлетворительной для их нужд, и Илмарт обещался написать им экземпляр уже к завтрашнему вечеру — Кес не был таким уж большим островом, да и имеющаяся в распоряжении карта, в самом деле, не была такой уж подробной.

Правда, ради рисования пришлось внести коррективы в личные планы — Илмарт намеревался посвятить вечер помощи Олив с мелким Тогнаром — но постоянным клиентам он всегда старался сдавать заказы по возможности быстрее, конечно, не жертвуя при этом качеством карты.

Впрочем, вечером вырисовывание берегов Кеса было прервано собственно явлением Олив.

— Ма-ай, я у тебя посплю? — с порога зевнула она и, не дожидаясь разрешения, бухнулась на кровать, где, кажется, тут же и отрубилась.

Илмарт пожал плечами и вздохнул. Проблема невысыпаемости Олив весьма его беспокоила.

Все они — Райтэн, Дерек, сам Илмарт, приехавшая вслед за ними из Кармидера тётушка, и даже Джей, — охотно возились с ребёнком и старались выделить Олив побольше времени на отдых. Но там, дома, отдыха этого категорически не случалось: стоило малышу захныкать или, тем более, закричать, как Олив тут же просыпалась и рвалась разбираться, в чём там дело. В итоге, несмотря на все усилия друзей, ей редко удавалось проспать дольше четверти часа. Поэтому в конце концов они додумались выпихивать её спать к Илмарту — он один из них жил отдельно, по соседству с университетом, поскольку так ему было гораздо удобнее.

Тётушка, правда, пыталась воспротивиться этому решению, заявив, что сие есть крайне неприлично, на что раздражённая Олив в совершенно бесцеремонной манере заявила, что её и на супружеский-то долг едва хватает, какие, к рограм собачьим, ещё любовники! Пока тётушка хватала ртом воздух в поисках достойного ответа, не менее раздражённый сомнениями в его благонравии Илмарт заявил, что госпожа Тогнар, если уж ей так угодно, может сопровождать Олив в качестве дуэньи.

— Да мы вообще можем рокироваться, — примирительно постарался погасить конфликт Дерек. — Ил пусть с нами остаётся, а Тэн идёт с Олив.

В первый раз так и сделали.

Цель, определённо, не была достигнута: ни Райтэн, ни Олив совершенно не выспались, потому что, как неожиданно выяснилось, без прерываний на нужды ребёнка сил на отдание супружеского долга у обоих оказалось с избытком, а проценты по этому долгу за последние месяцы накопили нехилые.

На другой раз Олив отправили одну. Она благополучно проспала в доме Илмарта всю ночь — потому что разбудить её было некому — и вернулась пусть выспавшейся, но злой,

как сто тысяч демонов. Скандал разразился знатный, досталось всем: мол, почему не разбудили, ребёнок всю ночь не мог нормально поспать без мамы, уж она бы справилась, да что ж это такое!..

Скандал, быть может, все бы и пережили, но мелкий без мамы и впрямь спать отказывался, так что в ту ночь намучились все, и повторять эксперимент никому не хотелось.

На третий раз Олив, в самом деле, сопровождала тётушка, вовремя разбудившая уставшую мать.

В общем, сегодня впервые сложилась та самая компрометирующая ситуация, из чего Илмарт предположил, что мелкий, видать, капризничал больше обычного, поэтому отправить кого-то сопровождать Олив не решились — все руки нужны были там.

«Нда, без неё они его не утолкают», — вздохнул Илмарт и постановил сам с собой, что разбудит подругу после того, как дорисует контуры острова.

Стоит ли говорить, что он едва ли когда вычерчивал контуры столь осторожно и вдумчиво?

Но, увы, как ни растягивай — всё рано или поздно закончится, и контуры, прекрасные, чёткие и аккуратные, были нанесены на пергамент и даже местами обведены.

К этому моменту на город уже спускалась ночь. Олив проспала всего пару часов.

Присев возле кровати на корточки, Илмарт осторожно погладил её по руке и позвал: — Оливи!..

Та, досадливо скривившись, пробормотала со смесью обиды и отчаяния: «Ну пожалуйста, ещё немножко!» — и повернулась на бок, спиной к нему, пряча голову под одеяло.

Часто заморгав от накрывшей его с головой жалости и нежности, Илмарт осознал, что мужества добудиться Олив у него сегодня не хватит.

Тихо, стараясь не шуметь — хоть её сейчас вряд ли разбудил бы и сильный грохот — он прибрал свои инструменты, погасил свет и отправился к Тогнарам.

Их дом на окраине столицы был гораздо скромнее кармидерского, но вполне комфортен для того, чтобы там разместились и все четверо Тогнаров, и Дерек с Джемем.

В гостиной на первом этаже Илмарт обнаружил сонное царство: тётушка дремала в одном кресле, Райтэн — в другом, а на диванчике Джей, явно пытаясь что-то читать, отчаянно клевал носом над книгой.

Райтэн, впрочем, на скрип половиц тут же проснулся; узнав визитёра, зевнул и ввёл в курс дела:

— Его там Дер уталкивает.

Дерек, в самом деле, среди них был абсолютным рекордсменом: при удачном стечении обстоятельств у него удавалось отвлечь ребёнка от факта отсутствия мамы даже и на полчаса.

Кивнув, Илмарт сел на свободный край диванчика и предложил:

— Шёл бы ты к ней, а то там дверь не закрыта.

Он снимал комнаты с отдельным входом; выходя, он не мог закрыть их внутренним замком, а, если бы закрыл внешним, — после не смогла бы выйти Олив.

Райтэн, судя по выражению лица, хотел высказаться по поводу мозгов тех растяп, которые не закрывают двери, но вместо этого зевнул ещё раз, махнул рукой, встал, сказал: «Спасибо!» — и, в самом деле, выдвинулся к жене.

Минут через пятнадцать со второго этажа тихо спустился Дерек. Обнаружив перестановки в гостиной, слабо улыбнулся.

— Спать отправил? Ну, слава Богу! — и рухнул в оставленное Райтэном кресло.

Илмарт с минуту поразглядывал его осунувшееся лицо и вынес естественное предложение:

— Ты бы тоже шёл спать, я пригляну.

Дерек зевнул в кулак и покачал головой:

— Не, у него зубы. Чуть приутихли, но это ненадолго.

Оба они с сомнением поглядели на тётушку, которая так и не проснулась от их разговора. Она планировала посидеть с малышом до возвращения Олив, но, раз уж Олив удалось устроить спать надолго, то тётушку тоже было бы неплохо определить в кровать.

В конце концов, они растолкали по спальням и тётушку, и Джея — и тут как раз снова заплакал мелкий. Дерек поспешил в спальню и взял его на руки — что представляло уже некоторые проблемы, потому что ребёнок был уже и крупным, и тяжёлым, — и принялся успокаивать и укачивать. Эффекта это не возымело; плач становился всё более безутешным и громким. Тогда, бросив утешения, Дерек запел какую-то тоскливую и заунывную даркийскую балладу.

Вякнув ещё пару раз, малыш начал прислушиваться.

Почему-то именно даркийские баллады оказывали на него самый благотворный эффект — то ли своей заунывностью, то ли тембром голоса Дерека. Все его «няньки», так или иначе, пели ему часто — хотя лучше всего это получалось у Олив и Илмарта, а вот Дерек, собственно, не очень-то умел петь, и, по совести говоря, совсем не попадал в полагающиеся балладе ноты. Но он, видимо, совершенно не чувствуя музыкального ритма, умудрялся при этом попадать в настроение ребёнка, ориентируясь то ли на его лепет и плач, то ли на движения, то ли на дыхание — он сам бы не мог объяснить, как, но он подстраивал мелодию под малыша, и это давало свои положительные плоды.

Понаблюдав картину успокаивания — впрочем, в комнате было ужасно темно, её освещал лишь слабый свет луны из окна, — Илмарт на паузе между куплетами заинтересованно спросил:

— Это ведь даркийский, да?

Он, конечно, не мог видеть, но даже по голосу разобрал, что Дерек покраснел — у него почему-то весьма менялся тон в такие моменты — когда он ответил:

— Да, — и быстро, словно оправдываясь, добавил: — Они мелодичные.

— Красивый язык, — непринуждённо отметил Илмарт, складывая на груди руки.

В его голове версия «ангелец, одно время бывший разведчиком в Ньоне» стремительно сменилась на «даркиец, сбежавший в Анджелию после какой-то неприятной передраги в Ньоне».

12. Как работают мозги Илмарта?

«Теперь понятно, — сам себе грустно кивал Илмарт на другой день, вычерчивая невысокие горы на северной оконечности Кеса. — Даркиец, значит».

Картинка в его голове весьма удачно сошлась.

По первости он относил Дерека к числу таких же номинально верующих, как Олив: тех, кто просто в душе верит в Бога, возможно, иногда молится или заходит в церковь, но держится вдали от церковной жизни. Из этой привычной картины несколько выбивалось то, что Дерек, очевидно, весьма хорошо знает Священное Писание и может свободно цитировать его чуть ли ни с любого места — обычно номинальные верующие, если и читали священную книгу, то весьма поверхностно. Илмарт полагал, что знания Дерека обусловлены тем, что он, будучи анжельцем, не был крещён в детстве, а подошёл к делу осознанно и серьёзно, и сам крестился с полным пониманием того, что делает, во взрослом возрасте. Отсутствие регулярной церковной жизни в эту гипотезу не вписывалось, но и тут Илмарт нашёл объяснение: если Дерек долгое время был разведчиком в Ньоне, то привык обходиться без таинств, да и вообще скрывать свои убеждения, и, видимо, избавиться от этой привычки так и не смог, и предпочитает все свои отношения с церковью решать в одиночку, скрывая их ото всех. Эту позицию Илмарт понимал и разделял: он тоже не любил афишировать свою религиозность, и предпочитал не то чтобы скрывать — скорее не привлекать внимания к своей духовной жизни.

Придя к такому выводу — что Дереку некомфортно выставлять свою духовную жизнь напоказ — Илмарт, сойдясь с ним в Кармидере, не стал ему навязывать своё общество и предлагать ходить в храм вместе.

Эта вполне стройная — пусть и на двух костылях построенная — теория дала трещину, когда вся их честная компания заявила крестить мелкого Тогнара.

Сперва смущённый Райтэн долго уточнял, действительно ли будет уместно его присутствие — мол, вдруг исходящие от него «флюиды атеизма» сорвут таинство и дискредитируют его в глазах верующих. Тогда Илмарт был скорее занят тем, что убеждал Райтэна, что всё в порядке, и таинство не перестанет быть таинством из-за того, что отец ребёнка — атеист, и лишь краем глаза отметил, что Дерек прислушивается к разговору как-то слишком уж нервно. Он списал это на переживания за друга.

В храме Илмарт был слишком занят своими обязанностями крёстного — он держал малыша и молился с глубоким сосредоточенным вниманием, не оставляющим времени на оглядывания и анализ. Но позже, когда священник понёс ребёнка в алтарь, Илмарт окинул всю их компанию одним взглядом и заметил некоторую странность. Олив и Райтэн, как и положено, стояли несколько в стороне, и оба выглядели смущёнными, потому что, очевидно, оба не считали себя вполне вправе тут находиться. Однако Дерек, стоявший рядом и даже помогавший священнику таскать туда-сюда всякие необходимые ему предметы, выглядел не менее смущённым и даже немного нервным.

Илмарт тогда отметил это, но не смог истолковать; теперь же у него всё срослось.

«Даркиец, значит», — вздохнул Илмарт, выводя между горных хребтов тонкий рукав речушки.

Сердце его сжалось болью и сожалением; даркийцы были еретиками, искажившими веру Илмарта, и, в соответствии с его воззрениями, люди эти, определённо, были обречены на

самые страшные адские муки.

Вопреки страхам Дерека, Илмарт не думал сейчас о том, что он — кошмар какой! — запятнал свою душу совместными молениями с еретиком. Все мысли Илмарта были теперь лишь о том, в какой страшной опасности находится душа самого Дерека — и что мог бы для спасения этой души сделать он сам.

По натуре своей Илмарт не был ни проповедником, ни миссионером. Он, хоть и имел глубокое убеждение в том, что вера его истинна, и был, без сомнений, готов умереть за эту веру, не умел, тем не менее, внятно объяснить другому своих мыслей и чувств по этому поводу.

«Не могу же я просто подойти к нему и предложить исповедаться, — размышлял сам в себе Илмарт, отмечая какой-то местный горный монастырь, — даркийцы ведь отрицают спасительную силу таинств!»

Поразглядывая в сомнениях явно языческий монастырь — население Кеса верило в какой-то местный культ — Илмарт признал своё полное бессилие перед беспокоившим его вопросом.

Он не считал себя вправе вмешиваться во внутреннюю духовную жизнь Дерека — он в принципе полагал, что никто не имеет прав вмешиваться в чужую духовную жизнь, — но страх за загробную участь друга сжимал его сердце ледяным дыханием отчаяния, не давая просто оставить эту тему в стороне.

Тогда Илмарт стал молиться — справедливо рассудив, что, поскольку проблема явно вне его компетенции, её решение следует переадресовать выше. Молитва, как это водится, успокоила его.

«Как бы понять, — начал размышлять он, отмечая порт на юге острова, — насколько глубоко он разделяет даркийские заблуждения?»

Некоторые из этих заблуждений, с точки зрения Илмарта, не были так уж фатальны для души — скажем, неприятие икон. Иные же как раз и вызывали у него серьёзное беспокойство — такие, как отказ участвовать в таинствах.

Размышления о том, насколько глубоко Дерек принимает постулаты даркийской ереси, неизбежно привели Илмарта к мысли о том, а что, собственно, даркиец забыл в Анджелии, и каким боком к этой истории примазался Ньон — фактов, которые говорили о том, что Дерек великолепно ориентируется в реалиях ньонской жизни, было слишком много, чтобы верить, будто бы он мог почерпнуть свои знания из книг, а не из личного опыта.

«Положим, даркийский купец торговал в Ньоне, там познакомился с анжельцами, — начал выстраивать новую версию Илмарт, — и те переманили его к себе».

Версия была неплоха, но не объясняла пару странностей. И если то, что Дерек взял анжельское имя, ещё можно было списать, скажем, на любовь к новой родине, то глубокие представления о политической ситуации в Ньоне и специфические знания об особенностях разделения и управления местных земель — которые то и дело всплывали при рисовании ньонских карт — в эту картину не вписывались.

«Даркийский разведчик в Ньоне?» — с сомнением выдвинул уточнение Илмарт, слабо себе представляя, каким образом резидент из Даркии мог причалить в итоге в Анджелию.

Порт на юге Кеса был полностью прорисован, и Илмарт принялся внимательно разглядывать его, будто бы надеясь найти подсказку в нанесённых собственной рукой линиях.

Подсказка не нашлась, зато вспомнились другие линии — которые он неоднократно видел на руках Дерека.

Предыдущей версией Илмарта было то, что анжельский разведчик, имевший, видимо, какую-то легенду, которая натурализовала его в Ньоне, обзавёлся со временем комплектом различных ньонских татуировок. Когда же миссия его была окончена, и он вернулся в Анджелию, видеть эти татуировки ему было неприятно, и он перекрыл их джотандскими узорами.

Однако ж, как ни далеко ушли в своих заблуждениях даркийцы от истинной веры, они, тем не менее, продолжали считать нанесение татуировок грехом, поэтому у урождённого даркийца должны были быть весьма веские причины, чтобы пойти на такой шаг.

«Допустим, — размышлял Илмарт, выводя контуры прибрежной деревни, — он был даркийским резидентом, натурализованным в Ньоне, и ради поддержания легенды ему пришлось наносить татуировки, — пока версия вполне сходилась, — положим, обстоятельства сложились так, что он был на грани провала и вынужден был бежать... Нет, — нахмурившись, он даже отложил кисть, чувствуя, что мысль его идёт не туда. — С какой бы стати ему бежать в Анджелию? Почему не на родину?»

Отложив карту, Илмарт достал чистый листок и написал на нём следующий ряд вопросов:

Почему он не вернулся в Даркию?

Зачем ему потребовалось наносить татуировки?

Зачем ему потребовалось менять имя?

Поразмышляв над этими вопросами полчаса, он выдвинул целый ряд весьма нетривиальных и остроумных гипотез, которые вполне объясняли все эти странности, но выглядели очевидно фантастическими.

Размашистым росчерком перечеркнув эти вопросы, Илмарт решил выписать ряд своих наблюдений, которым так и не нашёл объяснения за все годы знакомства с Дерексом.

В число прочих в ряд этих наблюдений вошли: заметная и яркая ненависть ко всему марианскому, тщательное сокрытие своего даркийского происхождения, какая-то странная и опасная история, в которую был замешан то ли сам владыка Ньона, то ли кто-то из его приближённых, избегание рассказов о неанжельском прошлом, острая реакция Райтэна на всё, что говорилось о Ньоне в присутствии Дерека, явно годами тренируемые навыки ньонского типа фехтования, развитые политические навыки и знания, пышные джотандские татуировки, закрывавшие все руки, и ещё десяток-другой более мелких нюансов, которые Илмарт отмечал внутри своей головы, но не обдумывал отдельно.

Когда всё это было выписано в ряд на один лист, ему хватило лишь одного цельного прочтения, чтобы картинка полностью срослась в его голове, и он смог реконструировать биографию Дерека в полном соответствии с реальностью.

«Я идиот», — подумал Илмарт, почёсывая бороду. Теперь, когда он докопался до разгадки, она казалась ему в высшей степени очевидной, и он недоумевал, как он вообще умудрялся так долго принимать Дерека за анжельца или рядового разведчика.

Дело, конечно, было не в том, будто бы Илмарт был идиотом; дело было в том, что он, несмотря на свою наблюдательность, был человеком деликатным, а Дерека, к тому же, причислял к числу самых близких своих людей — а копаться за спиной таких людей в их прошлом, с его точки зрения, относилось к поступкам дурным и гадким.

«Дела-а-а», — карандашом, который был у него в руках, он растеряно почесал бровь, не

зная, что теперь делать с полученным знанием.

Вопрос того, почему по пятам за Дереком не идёт ньонская разведка, беспокоил его теперь куда сильнее, чем вопрос спасения его души.

До смерти и встречи с Господом ещё дожить было надо — а мстительный владыка Ньона, вон, здесь и сейчас под боком.

Некстати вспомнилось, что Кес, который он только что вырисовывал, этим самым владыкой уже завоёван — а значит, граница Ньона заметно приблизилась к Анджелии.

«Тогнар, очевидно, в теме», — покачиваясь на стуле, покивал Илмарт. То, что Райтэн не оставался в неведении касательно прошлого Дерекса, очевидно следовало из остроты его реакций на упоминание всего ньонского вообще и владыки Ньона в частности.

«А вот Михар, видимо, нет, — решил Илмарт, — и Анодар именно потому и возится с ним, что боится, что он докопается».

На этой мысли Илмарт поспешно встал и сжёг только что исписанный листок со своими наблюдениями, тщательно перемешав после полученный пепел — чтобы прочитать это уж точно никто не смог.

Найденная разгадка, по крайней мере, объясняла всё это дурацкое положение со службой Михару — до этого Илмарт не очень-то понимал, почему они не могут просто послать предприимчивого политика по известному ёмкому адресу.

Сев обратно на своё место, Илмарт машинально придвинул к себе карту, над которой работал.

Почти полностью дописанный Кес лежал перед ним во всей своей красоте, неизбежно ставя очевидный и ясный вопрос: а зачем, собственно, карта Кеса могла понадобиться старшему Тогнару и Этрэну.

Глядя на остров тупым и муторным взглядом, Илмарт не видел в нём решительно ничего, могущего требовать наличия такой карты.

Вчера он почему-то решил, что она необходима в торговых делах Этрэна — но теперь ясно было видно, что на Кесе есть лишь один торговый порт, и в порт этот Этрэн на своём корабле заходил в течение многих-многих лет, и явно мог нарисовать его сам даже подробнее, чем теперь нарисовал его Илмарт.

«Зачем им потребовался Кес? — и тут же уточнил своё недоумение: — Зачем им потребовался Кес теперь?»

Этрэн больше не ходил в плавания сам, а Тогнар, только вернувшийся из путешествия, заявлял, что ближайшие годы планирует провести в обществе своих детей и внуков.

Кес никак не относился ни к торговле Этрэна, ни к отпрыскам Тогнара.

Дёрнувшись, Илмарт потянулся за бумажкой, которую только что писал, но тут же вспомнил, что уже сжёг её. Да и факта, который он вспомнил, там не было записано; этот факт не был странностью, он был просто фактом: Райтэн и Дерек познакомились на корабле Этрэна. Эту историю он слышал от обеих сторон, и даже не раз, потому что, очевидно, как Дерексу доставляло удовольствие пересказывать монолог о тупицах, не понимающих благо растопки каменным углём, так и Райтэн не мог удержаться от шпилек по поводу того, что столь талантливый аналитик, как Дерек, сфинтил и от него, и от дядьки Этрэна, чтобы таскать подносы в захудалой таверне.

«Господин Дранкар знает, — сделал несомненный вывод Илмарт, постукивая пальцами по карте, — а значит, знает и господин Тогнар».

С минуту, глядя на карту, он предполагал, что они оба задумали пиратский набег на Кес, чтобы отбить его у Грэхарда, но затея эта, пусть и была в духе замечательного тогнардовского предка, казалась в высшей степени абсурдной.

Помотав головой, Илмарт выбрал подходящую к делу кисть и принялся доделывать карту, решив сам в себе, что это, в конце концов, никак его не касающиеся дела, и ему стоит больше следить за своей жизнью и своим делом, а не копаться в чужом прошлом.

Впрочем, это решение не помогло ему избавиться от тревоги, которая исподволь поселилась теперь в его сердце.

13. Почему не стоит связываться с Тогнарами?

— Так, так, так! — деловым тоном возгласил старший Тогнар, хлопнув ладонями по столу, и развернул полученную этим вечером карту. — Посмотрим!

Этрэн, не испытывающий ни малейшего энтузиазма, беззвучно вздохнул, с тоской оглядывая чётко обрисованный свечным светом профиль друга: на лице его читалось выражение самое предприимчивое, горящее холодным азартом хищника, усмотревшего свою жертву.

К досаде Тогнара, смотреть на Кесе было особо не на что. Центром его жизни был южный порт, где стоял графский замок и велась морская торговля. Остальные мелкие поселения, разбросанные в основном по побережью, не представляли решительно никакого интереса.

Со всей очевидностью было ясно, что Грэхард во время своего визита ограничится лишь портом, и единственный путь, который он там проделает, окажется от корабля в замок и из замка на корабль.

Тогнар, впрочем, не смутился таким положением дел, а подошёл к вопросу весьма креативно: решил устроить мозговой штурм. Это приём не раз его выручал: высказывая в режиме потока предложения и предположения даже самые бредовые, он нередко набредал так на толковые идеи.

— Записывай! — деловито велел он Этрэну, и принялся перечислять возможные способы покушения на владыку — все, какие только приходили ему в голову.

Первый десяток касался того, как подловить Грэхарда во время его короткого переезда — их сам Тогнар полагал маловероятными, потому что уж тут-то охрана точно будет начеку. Однако Этрэн, всё так же беззвучно вздыхая, послушно записывал всех фанатиков с кинжалами, лучников на крышах, подкопанные по дороге ямы и даже заранее подготовленную стаю рассвирепевших степных волков, нарочно изловленных в окрестностях Аньтье и привезённых к нужному месту — к этому пункту фантазия Тогнара уже несколько выдохлась.

Ещё три десятка способов касались пребывания владыки в замке, и тут в ход пошла как старая-добрая отравка в свечах, подготовленных для покоев знатного гостя, так и очаровательные служанки с кинжалами под юбкой, бешеные собаки, вовремя выскочившие из-за угла, поддельные вассалы, вместо клятвы верности приносящие оспу, и некоторые другие, впрочем, вполне банальные и известные истории способы извести недруга, запершегося в каменном мешке.

Наконец, Тогнар перешёл к способам, особенно, видимо, импонирующих ему: возможности подловить владыку на море, как в момент причаливания-отплытия, так и на подходах/отходах к острову. Морские манёвры, очевидно, более всего манили заговорщика тем, что роднили его с его славным предком.

Таким образом, когда список Этрэна перевалил через полсотни, Тогнар почувствовал себя более или менее удовлетворённым, однако бездействие друга — он не предложил ни одного варианта — изрядно его задело, поэтому он не мог обойтись без демонстрации своей обиды. Показательно вздохнув, он тоном человека, который проделал отличную работу, заключил:

— Что ж, возможно, мы уже не успеем подготовить все...

— Все? — не заметив подвоха, осторожно уточнил Этрэн, вглядываясь в особенно поразивший его пункт с организацией в прибрежных водах Кеса ложных рифов, на которые можно будет насадить корабль владыки.

Выхватив у друга лист, Тогнар вчитался в него, поморщился, вычеркнул те самые рифы, подумав, вычеркнул и стаю степных волков, а также ещё пяток наиболее фантастических планов.

— Если ты надумал брать не качеством, а количеством, — спокойно заметил Этрэн, который и остальные пункты полагал не менее фантастичными, — то стоит обратить внимание на то, что уже после первых попыток его служба безопасности развернёт его корабль обратно в Ньон. Во избежание.

Здесь сложно было найти возражения, поэтому, сосредоточенно перечитав составленный опус, Тогнар перешёл к рациональному рассмотрению наиболее перспективных, с его точки зрения, идей.

С четверть часа Этрэн слушал его измышления; потом не выдержал и отметил:

— Тэн, ты это так планируешь, будто бы мы собираемся организовывать покушение в окрестностях Аньтье. Но мы не в Аньтье, — спокойно отметил он очевидное. — Мы не знаем Кес, и у нас нет там людей.

Тогнар поморщился. Придвинув к себе карту, он мрачно уставился на неё — как будто бы карта могла дать подсказку, как бы найти на Кесе своих людей.

С тоской понаблюдав за мучениями друга — они весьма отчётливо отображались на его лице, — Этрэн, до того твёрдо планировавший держаться максимально в стороне и всячески остужать пыл заговорщика, всё же включился в дело:

— Вообще, Милдар советовал мне посетить торжественную часть...

Тогнар поднял на него заинтересованный взгляд.

Анджелия — точнее, западная её часть, со столицей и Филопье, — конечно, отнеслась к новому завоеванию Грэхарда в высшей степени негативно, и уже слала официальные ноты протеста и прочие политические изъявления недовольства. Однако у Аньтье, благодаря торговле Этрэна и политике Тогнаров, была с Ньоном крепкая связь. С точки зрения укрепления этой связи было бы нелишним, если бы представитель Аньтье — то бишь, сам Этрэн, — действительно, лично принёс повелителю Ньона свои поздравления.

С полчаса они обсуждали потенциал покушения на таком вот официальном приёме — но по всему выходило, что затея такого плана обречена на провал. Служба безопасности не дремала; никто не позволил бы анжельским купцам являться на такой приём с чем бы то ни было, похожим на оружие.

Можно, конечно, было попробовать передать какой-то отравленный подарок — но и там, ясное же дело, любую вещь сто раз проверили бы, прежде чем отдавать владыке. Да и найди ещё вещь, которая попадёт ему непосредственно в руки!

Так и не придя к консенсусу, заговорщики решили всё же исследовать карту подробнее: возможно, получилось бы задействовать какие-то внутренние ресурсы и особенности острова?

Из примечательных вещей на Кесе были обнаружены: скалистые мысы — пять штук, реки — две штуки, горы — одна гряда, горная обитель — в единственном экземпляре.

— Прозйты [1], что ли? — удивлённо переспросил Этрэн, наткнувшись на то, что Илмарт посчитал языческим монастырём.

— В самом деле? — заинтересовался Тогнар, взглядываясь в подписи. — И что они только на Кесе забыли? — удивился он, но тут же сам себе ответил: — Впрочем, должно быть, ещё с имперской эпохи [2]... Нет, — отмахнулся он, — с проэитов нам толку не будет.

Соглашаясь с этим выводом, Этрэн кивнул. Проэиты, определённо, не стали бы участвовать ни в каких заговорах. Они были, если можно так выразиться, добром без кулаков — квинтэссенцией миролюбия и незлобивости. Концепция «убить одного дурного человека, чтобы он перестал творить дурное», совершенно точно, была им в высшей степени чужда.

— Впрочем, — постучал Тогнар пальцами по карте, о чём-то задумавшись, — давай-ка завтра сходим разузнаем.

В столице, конечно, находилось довольно много представителей этого ордена, так что можно было попытаться разжиться информацией об их собратьях на Кесе.

На другой день они нанесли визит одной бодрой и милой старушке. Бабулька под девяносто лет совсем не выглядела дряхлой. У неё было доброе и чистое лицо с сияющими тихой радостью глазами — собственно, вычислить проэита в толпе можно было именно по таким лицу и глазам, это было их «профессиональной» чертой.

— Да-да, дорогой господин Тогнар, — весело кивала она, узнав, в чём суть вопроса. — Обитель на Кесе, в самом деле, существует уже несколько столетий, — она вполне свободным и быстрым шагом подошла к книжному шкафу в своей гостиной и без долгих поисков вытащила оттуда достаточно толстый том. — Она, в основном, известна своими прекрасными травниками, — том лёг на столик перед гостями.

Раскрыв его, Тогнар с уважением присвистнул. Это оказался тот самый травник, и сделан он был с восхитительной любовью к деталям. Сложно было бы определить сходу, что вызывает больше восхищения у смотрящего на его страницы: детальные красочные иллюстрации — или каллиграфически выведенные чёткие строки.

После друга книгу полистал Этрэн, тоже весьма проникшийся уровнем проделанной работы — информация о свойствах и способах применения растений явно собиралась с той же дотошностью и тщательностью, как и рисовались иллюстрации, и выводились буквы.

— Университетский уровень! — вынес он вердикт.

В самом деле, справочник такого рода сделал бы честь любому университету.

Старушка мягко рассмеялась — старческое дребезжание лишь слегка портило этот звук — и с такой гордостью, будто лично основала обитель, отметила:

— Сделано женскими руками, дорогой господин Дранкар, — и не без ехидства отметила: — То, что университеты не желают принимать женщин, не означает, что у нашего пола не хватает ума на такие вот маленькие чудеса.

Среди проэитов были представители обоих полов, но, как выяснилось, интересующая их обитель была именно женской, и долгие века специализировалась именно на сборе и анализе информации о свойствах растений.

Тогнар заметил, что сведения эти взволновали Этрэна; хотя он и продолжил любезный разговор, машинальным жестом он свёл ладони перед собой домиком, ударяя мелкими пружинистыми движениями подушечками пальцев друг о друга.

— Что такое? — с любопытством спросил Тогнар, едва они вышли от старушки.

— Дома! — отмахнулся Этрэн, и пришлось любопытство укротить.

Лишь добравшись до кабинета и убедившись, что их никто не может слышать, Этрэн, нервно расхаживая туда и обратно, поделился:

— Ты знаешь, я не придал этому значения раньше, но Милдар говорил, что Сэнь едет с

ними.

Сэнь была дочерью умершего не так давно кармидерского профессора, которую Этрэн, по совету только-только бежавшего из Ньюна Дерека, рекомендовал через Милдара Эсне. Молодая женщина активно включилась в образовательные проекты солнечной госпожи — в частности, сперва преподавала в той самой школе для девочек, которую организовала Эсна, а позже перешла в более крупный проект.

Однако, несмотря на активное участие Сэнь в этих делах, она не входила в свиту солнечной или в число её близких друзей, и уж тем паче никакого отношения не имела к свите Грэхарда, поэтому не было ни одной причины для неё ехать на торжества на Кесе — и даже были причины не ехать, поскольку её длительное отсутствие было для проектов Эсны нежелательно.

Милдар, однако же, писал со всей определённой, что Сэнь на Кесе будет — он полагал это важным аргументом для Этрэна, поскольку Этрэн был старым другом её отца и питал к ней тёплые родственные чувства. На момент получения письма купец не обратил особого внимания на эту информацию — он склонялся к тому, чтобы не ехать, поскольку здоровье его требовало теперь длительного отдыха. Однако, узнав, что на Кесе есть женская обитель, которая несколько веков занимается проектом, который без всяких допущений можно и нужно было назвать научным, Этрэн подумал, что обитель эта не могла не заинтересовать Эсну, и что, видимо, она едет на Кес с Грэхардом — в сопровождении Сэнь как консультанта.

Поделившись своими соображениями с другом, Этрэн нашёл полное согласие с его выводами. Эсна, определённо, планировала поездку на Кес с целью изучения тамошнего образовательного опыта.

Вопрос был в том, будет ли владыка сопровождать её?

Основным доводом «за» служила мания контроля Грэхарда: скорее всего, он предпочёл бы сам убедиться, что его жена благополучно достигла своей цели и занимается именно тем, чем планировала.

Доводом против служила параноидальность: лишняя поездка делала владыку более уязвимым.

— В конце концов, — заключил получасовые дебаты «поедет или нет» выводом Тогнар, — мы можем выкрасть солнечную и выманить его на неё!

Идея была, в общем-то, здравая, но Этрэн задал вполне разумный в такой ситуации вопрос:

— И кто красть-то будет, ты, что ли?

Тогнар посмотрел на него как на идиота.

Затем для выразительности постучал себя костяшками пальцев по лбу и почти по слогам ответил:

— Как — кто? Те, кому мы сольём информацию.

Этрэн выразительно поднял брови, изображая лицом вопрос.

Тогнар закатил глаза.

— Не сами же мы будем в это лезть! — раздражённо ответил он. — У него и без нас врагов хватает.

Присев за стол, Этрэн подпёр подбородок ладонями и с видом совершенно невинным уточнил:

— И как ты это собираешься повернуть, друг мой?

В глазах Тогнара загорелся предвкушающий азарт.

— Начнём со списка его врагов, разумеется!

— Разумеется! — возвёл глаза к потолку Этрэн.

Впрочем, составление списка его весьма увлекло, и следующий час друзья провели весьма занимательно, обсуждая актуальную политическую обстановку и оценивая взгляды общих знакомых с точки зрения их лояльности или враждебности к ньонскому владыке.

— Проще всего, конечно, связаться с Руэндирами... — задумчиво почесал бороду Этрэн, когда список, наконец, был составлен.

Его торжественно возглавляли несколько ньонских князей, находящихся во враждебных отношениях с владыкой. Из них самые тесные связи у Этрэна были именно с Руэндирами — они вели совместные торговые дела.

— С ума сошёл? — незамедлительно остудил его Тогнар, и сурово напомнил: — Не светиться!

Если уж вы планируете расправиться с вашим врагом чужими руками — в самом деле, стоит предпринять все меры предосторожности для того, чтобы никто и никогда не узнал, что вы имеете к делу хоть какое-то отношение.

— Слушай, я не мастак в заговорах, — открестился Этрэн, хлопнув ладонью по столу. — У меня нет ни одной идеи, как донести наш план до заинтересованных лиц, при этом не засветившись самим!

Тогнар пожал плечами. У него таких идей тоже не было, но он не видел в этом никакой проблемы.

— Сейчас сообразим! — оптимистично провозгласил он, доставая из буфета красивую тёмную бутылку.

Коньяк оказался весьма хорош, но к разгадке он их ни на каплю не приблизил: как они ни обсуждали персон из их внушительного списка, придумать, как бы разыграть их втёмную, у них не получалось.

В какой-то момент дискуссия окончательно заглохла.

Откинувшись в кресле, Тогнар медленно попивал коньяк. Сосредоточенное лицо его говорило, к сожалениям Этрэна, о том, что от своей идеи он просто так не отступит. Пожалуй, Этрэн бы даже поставил на то, что сама сложность задачи уже стала стимулом пытаться её решить. Слишком красивая получилась бы комбинация: захватить влияние в Кармидере руками брата Райтэна, вытащив того сперва из-под влияния Михара тем, что устранить лицо, сам факт существования которого позволял бы шантажировать Дерека. Дополнительные трудности — то, что лицо это было в высшей степени влиятельно, параноидально и защищено, и то, что устранить его следовало чужими руками, никак не замешавшись в процесс, — наверняка лишь подогревали азарт Тогнара.

С некоторой внутренней грустью Этрэн был вынужден признать, что и его самого захватывает азарт того же рода. Признание это вызвало у него тяжёлый вздох, который он решил забить коньяком — до этого он лишь слегка пригубил для проформы, потому что опасался, что на две выпившие головы они с Тогнаром пойдут вразнос.

Вкус коньяка оказался неожиданно знакомым.

Этрэн сделал ещё глоток.

Прищурился на бутылку.

— Откуда у Рийаров этот коньяк? — подозрительно озвучил он своё недоумение.

Совершенно не разобрав, откуда возник такой вопрос, Тогнар принялся. Коньяк, конечно, был хорош, но это всё, что он мог о нём сказать.

— Кто-нибудь подарил, должно быть! — пожал он плечами равнодушно.

Этрэн хмыкнул и щёлкнул по своему бокалу. Янтарная жидкость пошла красивыми волнами, играя отражением свечного огня по стеклянным граням.

— Это коньяк Къеринов, — объяснил, наконец, своё недоумение Этрэн. — И на экспорт они его не продают. — Хищно оскалился и добавил: — Если официально.

Лицо Тогнара просветлело пониманием.

— Контрабанда-а! — с большим воодушевлением протянул он и вскочил.

— Да погоди, ночь на дворе, — со смехом махнул рукой Этрэн. — Завтра поищем концы.

Если в столице Анджелии обнаружен контрабандный товар производства одного из князей ньонской оппозиции — где-то должны были существовать неофициальные каналы связи, и самый кончик такой связи уже находился в их руках — если Рийары, конечно, припомнят, откуда взялся именно этот коньяк.

Прозэиты — духовный орден в рамках религиозной философии Великого Пламени, широко распространённый в Анджелии и весьма известный своими филантропическими проектами за её пределами.

Анджелия не всегда была демократической страной в известных нам границах. В древние времена она представляла собой весьма воинственную империю, в период своего рассвета занимавшую всё побережье Многоземного моря и расположенные в нём острова.

14. Что говорит лучше слов?

— Конечно, господин Крейнар, можете прислать за ней завтра к вечеру! — вежливо ответил Илмарт, столь же вежливо простился, аккуратно прикрыл дверь, вернулся к своему рабочему столу, сел и с большим недоумением уставился в стену.

Несколько минут он пялился в пустоту, потом растерянно потряс головой и полез за новым пергаментом. Спустя ещё минуту по нему заструились чёткие аккуратные линии, складывающиеся в контуры Кеса.

Вырисовывая точно такую же карту, которую он буквально три дня назад отдал Этрэну, Илмарт недоумевал всё больше.

«Торговое представительство они там открывают, что ли?» — вопрошал он сам у себя.

Господин Крейнар, который только что явился к нему с заказом на карту Кеса, тоже был купцом, как и Этрэн, но торговал больше по ниййскому направлению.

«Нет, если бы они были заодно, — размышлял Илмарт, — им бы хватило одной карты на двоих».

Во всяком случае, рисуя ещё раз единственный торговый порт Кеса, Илмарт не мог понять, какие там могли бы существовать подробности, требующие наличия двух карт. Тем более, что ему и заказывали не карту собственно порта, а карту всего острова. Вот зачем двум купцам могли потребоваться две карты всего Кеса?

Никаких толковых идей на этот счёт Илмарт не имел, зато предположил, что Крейнар мог увидеть у Этрэна его карту и захотеть такую же.

Это не давало ответа на вопрос, на кой ляд Кес потребовался Этрэну, и создавала дополнительный ряд вопросов, почему эта невыясненная причина оказалась актуальной и для других купцов.

Не то чтобы Илмарта это как-то касалось; но обычно было легко понять, зачем нужна клиенту очередная карта, и Илмарт предпочитал знать эти причины, чтобы получить максимально подходящий клиенту итог. А тут сиди и гадай — может, она им вообще эстетики ради понадобилась?

Прищуриив один глаз, Илмарт оценил сам контур Кеса — поскольку ему не требовалось в этот раз тянуть время ради Олив, с наброском он уже закончил. Кес напоминал собой какую-то кривую картофелину, и Илмарт не видел никаких причин, по которым его можно было бы счесть эстетически привлекательным.

Именно за моментом этой оценки его и застали друзья: Дереку потребовался какой-то справочник, а Райтэн увязался за компанию.

Над передачей справочника завязался живой разговор: Илмарт и Дерек работали над очередной совместной картой. Райтэн, скучая, оглядывал помещение — в прошлые свои визиты сюда ему было не до того.

Внимание его привлекла акварель, которую он заметил ещё в кабинете в Кармидере. В янтарно-золотистых лучах восходящего солнца рыжела массивная горная вершина, чем-то неуловимо похожая на самого Илмарта.

От осознания этого внезапного сходства его отвлёк Дерек. Заметив, что так внимательно разглядывает друг, он тоже впервые взгляделся в акварель, присвистнул и спросил:

— Ого, ты ещё и рисуешь?

— Это подарок. — Хмуро ответил Илмарт после небольшой паузы.

Удивлённый Дерек почти неощутимо прищурил глаза, вглядываясь, затем заметно покраснел и смущённо замялся.

Райтэн попереводел взгляд с одного на другого, не понимая, чем вызваны такие эмоции. На его вопросительную мимику Илмарт только поморщился, что породило ещё больше вопросов.

Состроив надменно-недовольное выражение лица, Райтэн сложил руки на груди. Он понял, что не улавливает подтекст разговора, и что подтекст этот почему-то весьма важен, и это собственное непонимание вызывало у него глухое раздражение.

Бросив на друга беглый взгляд, Дерек разгадал его состояние и деланно-небрежно уточнил у Илмарта:

— От Руби, да?

Райтэн застыл в недоумении; ещё глубже его недоумение стало, когда Илмарт кивнул.

Здесь было непонятно решительно всё: и зачем Руби вздумалось дарить такой подарок, и с чего бы Илмарт стал его принимать, и почему подарок этот явно был ему дорог и занимал видное место в его кабинете — и он даже забрал его с собой в столицу! — и как, Великое ты моё Пламя, Дерек умудрился сразу на взгляд понять, что это рисунок Руби!

Все эти вопросы, видимо, вполне отразились на лице Райтэна, потому что, вздохнув, Дерек принялся грустно как-то объяснять:

— Смотри, это же она нас нарисовала.

Райтэн презрительно дёрнул губой.

Если в горе, занимавшей центральное место композиции, ещё можно было распознать Илмарта, то никакого такого «нас» он там точно не видел.

— Вот же я! — мягко рассмеялся Дерек, аккуратно проводя пальцем по солнечному склону горы.

Приглядевшись, Райтэн разобрал, что большая часть склона была прикрыта густыми кустами. Солнечные лучи путались в ветках этих кустов, преломлялись и отражались солнечными зайчиками в кронах.

— А ты тут совершенно неуловим! — совсем уж весело начал тыкать Дерек пальцем в места, где, как казалось Райтэну раньше, было скопление солнечных зайчиков. Теперь же он разглядел, что там и сям — и на листьях, и на камнях, и в воздухе, — короткие солнечные лучики сверкали как маленькие молнии. От них, в самом деле, начинало рябить в глазах, если смотреть слишком пристально; а вот если не вглядываться, то периферийным зрением казалось, что они, и впрямь, носятся по всей картинке, сверкая то там, то сям.

— Илмарта ты и сам нашёл, — кивнул в знак своим мыслям Дерек, — а Руби... — и враз посерьёзневшим тоном он резюмировал: — Руби — вот.

С обратной от солнца стороны горы у её подножья раскинулась долина — почти невидимая, поскольку не попадала в границы рисунка. Однако из этой долины поднимался густой и даже на взгляд холодный туман. Туман этот окутывал гору с теневой стороны; но там, где он выходил на сторону солнечную, начиналось настоящее визуальное чудо. Клубы прозрачного тумана, пронзаемые солнечными лучами, путались в ветках кустов, играли с молниями в догонялки и окутывали скалы сияющим тёплым лучистым облаком.

Райтэн сморгнул; почему-то сердце у него защемило от тоски и странного чувства, что в

картинке этой есть что-то драматично-надрывное.

— А где Олив? — наконец, тихо спросил он, чтобы как-то прервать тишину, которая стала ему казаться тревожной.

И Илмарт, и Дерек посмотрели на него с большим недоумением, изрядно приправленным жалостью, — как смотрят на больного человека, не осознающего тяжесть своей болезни.

— Это рисунок Руби, — мягко напомнил Дерек, как будто это должно было всё объяснить.

Но Райтэну это ничего не объяснило.

— Тут не может быть Олив, — по-прежнему противно-мягким тоном «расшифровал» Дерек.

Это ничего не расшифровывало.

— Тогнар! — сложив мускулистые руки на груди, фыркнул Илмарт. — Работай своими хвалёными мозгами, давай! — подначил он. — Конечно, тут нет Олливи. Ведь она заняла то место, о котором мечтала Руби.

Райтэн подскочил от возмущения и открыл было рот, чтобы это возмущение высказать — мол, как может эта лицемерная интриганка претендовать на место его замечательной и уникальной Олив! — но промолчал, оскорблённый тем, что его друзья одновременно возвели глаза к потолку в предчувствии его взрыва.

Осознав, что взрыва не последует, они снова устались на акварель.

— Очень пронзительно, — отметил Дерек.

Илмарт молча пожал плечами, не размыкая рук.

Райтэн презрительно фыркнул, но на душе у него сделалось как-то муторно. Он не видел Руби со дня их развода — и, в целом, такое положение дел его более чем устраивало. Однако где-то очень, очень глубоко в душе он, видимо, продолжал считать себя отчасти ответственным за неё — раз приняв за кого-то ответственность, Райтэн совершенно не умел отменять такого рода решений. Возможно, он потому так и бесился при одном упоминании её имени, что не мог заставить себя относиться к её судьбе безразлично.

Он даже подумал было спросить, не знают ли друзья, что с нею сейчас, но окоротил себя.

Илмарт, впрочем, всё равно ничего не знал — он в последний раз пересекался с нею в Кармидере, когда она подходила к нему в попытке поговорить, но так и не поговорила. Рисунок она оставила в кабинете картографии на его столе, и он нашёл его уже после её отъезда.

Что касается Дерекка, то он, разумеется, был в курсе. В столице ему пришлось для заведения связей постоянно мелькать на различных светских мероприятиях, и там он видел её довольно часто.

— А что, вообще, с ней? — неожиданно задал Илмарт вопрос, который так и не задал Райтэн.

— Да всё в порядке, — безразлично повёл плечами Дерек и, к полной неожиданности остальных, вдруг добавил: — Замуж недавно вышла.

На него с двух сторон устремилось два столь ошеломлённых взгляда, как будто в их картине мира Руби, совершенно точно, не могла выйти замуж больше никогда.

Удивившись такой странной реакции, Дерек пояснил:

— За местного какого-то вельможу... Тэн, наверно, знает, — и назвал фамилию.

Райтэн заморожено кивнул — мол, да, знаю таких.

— И что? — с неожиданным любопытством затребовал подробностей Илмарт.

Любопытство это вызвало у Дерекка ещё больше недоумения, чем ошарашенность Райтэна.

— Что — что? — не понял Дерек.

Он, как креатура Михара, конечно, не мог остаться в стороне от такого события, как брак его дочери, и даже преподнёс молодожёнам приличествующий случаю подарок на соответствующем приёме, но особо рассказать ему об этом было нечего. Приём как приём. Как все другие такие же.

— Ну, — неопределённо повёл плечом Илмарт, — Михар-то что?

Изрядно раздражённый этим вопросом Дерек огрызнулся:

— Почём я знаю? Я ему что, конфидент в семейных интригах?

Он резким нервным жестом сложил руки на груди — теперь все трое стояли напротив картинки в этой позе — и несколько раз резко фыркнул. Тема Михара его невероятно раздражала.

— Да я ж просто спросил, — примирительно прогудел Илмарт.

Лицо Дерекка застыло в жёсткой, неприятной гримасе; он явно не желал поддерживать разговор.

Заметив его состояние, Райтэн поспешно перевёл тему.

— А что у тебя там сейчас? — с весьма искренним любопытством спросил он, трогая пергамент на столе Илмарта.

— Кес, — охотно ответил тот, подходя ближе. Тут ему пришло в голову, что он сможет сейчас разгадать одну из заинтересовавших его загадок, поэтому он спросил: — Кстати, ты, может, знаешь, зачем твоему отцу и господину Дранкару карта Кеса?

Райтэн выглядел не шутя удивлённым.

— Карта Кеса? — переспросил он и всерьёз задумался, потом нерешительно резюмировал: — Да нет у нас там ничего, — имея в виду, что Кес не входит ни в торговые интересы Этрэна, ни в политические интриги отца.

— Господину Дранкару вроде был интересен Кес, — неожиданно вмешался в дело Дерек, тоже разглядывая карту. — Во всяком случае, он меня о нём расспрашивал как-то.

— Ммм? — заинтересовался Илмарт, почуяв, что за этим делом всё же что-то есть.

Дерек, впрочем, уже пожалел, что высказался, потому что более чем уклончиво ответил:

— Это лет десять назад было, и, кажется, его более беспокоил раздел влияния в Многоземном море.

Тут все покивали — вопрос повышения влияния Ньюна в Многоземном море беспокоил вообще всех.

— Может, наши пираты его планируют отбить, — высказал довольно очевидное предположение Райтэн.

Анджелия едва ли стала бы вмешиваться в это дело официально — воевать с Ньюном никому не хотелось — но Анджелия и не сводилась к своей официальной стороне. На южных морях и островах хватало местных маргиналов, которые не считали необходимым согласовывать свои действия с властями.

— Теоретически, — возразил Дерек, — местная крепость любой штурм выдержит. А осада... флот адмирала Кьерина недалеко, и, как показала недавняя практика, разрозненные пираты ему мало что могут противопоставить.

Завязался яркий и азартный спор. Райтэн отстаивал сторону анжельских пиратов — полагал их достаточно дерзкими и находчивыми, чтобы найти способ овладеть Кесом до прибытия подмоги, — а Дерек настаивал на хорошей организованности ньонских войск и их способности и крепость удержать, и пиратов выдворить.

Илмарт помалкивал и слушал. Из услышанного он сделал два вывода: никакого набега на Кес Тогнар и Дранкар не планируют (слишком умны для такого шага), а вот Дерек, действительно, знает о ньонской военной тактике слишком много.

15. Как узнать, что человек считает тебя своим другом?

К большому недоумению Илмарта, господин Крейнар остался полученной картой недоволен. Такое бывало редко — обычно его клиенты были удовлетворены качеством работы полностью — но, видимо, сказался тот факт, что Илмарт так и не понял, зачем Крейнару эта карта нужна.

— Господин А-Ранси, мне требуется больше подробностей, — требовал купец, который не стал никого посылать, а явился за картой самолично.

Илмарт задумчиво почесал бороду. Сам он был на Кесе лишь однажды, проездом, и чётко мог написать разве что порт. Об этом он честно и заявил заказчику, предложив сперва попробовать поискать людей, которые бывали на Кесе лично и могли бы добавить подробностей.

На это, безусловно, логичное предложение купец досадливо поморщился.

— Нет, нет! — замахал он рукой. — Не будем привлекать к этому посторонних людей.

Илмарт вконец перестал что-либо понимать. Мало того, что требуется подробная карта, так ещё и какая-то странная секретность вокруг неё!

— У меня есть партнёр, господин Анодар, — заметил тогда он, — он прекрасный аналитик, и умеет из книг и документов доставать нужные для детализации подробности.

Теперь пришёл черёд купца задумываться и чесать бороду.

— Этот ваш господин Анодар не болтлив, надеюсь? — недовольно уточнил он.

— Совершенно не болтлив, — всё более удивляясь, заверил Илмарт, после чего предупредил, что таким способом работа над картой будет идти дольше и может занять несколько недель.

Купец возмущённо подскочил и заявил, что столько ждать не может, и подробная карта нужна ему не позднее будущей недели.

Илмарт спокойно назвал цену — с соответствующей надбавкой за срочность.

Купца перекосило.

Потратив с полминуты на сомнения, он, тем не менее, согласился и выплатил задаток.

«Подробная карта Кеса, ещё и срочно, и, к тому же, секретно! — недоумевал Илмарт, запирая дом и отправляясь на поиски Дерека. — Какую-то аферу они затевают, что ли?»

Искать Дерека по вечерам можно было по всему городу. Он мог налаживать светские связи в чьей-то гостиной, мог пропадать в библиотеке университета, мог в порту подстергать прибытие корабля, а мог работать дома — или помогать Олив.

С большой долей вероятности узнать о его точных планах можно было дома — если застать там Джея — но Илмарт решил начать с университета, потому что он был рядом, и было бы жалко бродить туда-сюда.

Ему повезло; Дерек, по уши закопавшись в сводки погодных наблюдений, выписывал какие-то данные к себе в заметки.

— Привет, — подсел к нему Илмарт, с любопытством оглядывая залежи разнообразных бумаг.

— Привет! — отстранёно согласился Дерек, кажется, даже не осознавший, кто именно с ним здоровается.

Илмарт не стал торопить друга и подождал минут пять. Тот, закончив, наконец, с

каким-то сегментом информации, оторвался от своих заметок, весьма удивился, обнаружив сидящего рядом Илмарт, разулыбался и уже куда как сердечнее повторил:

— Привет!

— Ага, — кивнул Илмарт, довольный, что контакт налажен, и тут же перешёл к делу: — Ты на Кесе бывал?

Дерек пожал плечами:

— Пару раз, проездом.

— Ну вот и я, — вздохнул Илмарт. — Однажды и проездом. — И объяснил суть: — А клиент хочет подробную карту, и чтобы к следующей неделе. Задаток дал.

Дерек почесал пером бровь.

— Кес, Кес... — пробормотал он, потом вскочил: — Слушай, помоги это по местам разнести, а я пока поищу...

Кивнув, Илмарт стал собирать разбросанные по столу книги, свитки, листки и папки. Более или менее систематизировав материалы, понёс их к библиотекарю. Тот, вздохнув, разносить их по местам не стал, а общей кучей положил на полку в шкафу за своей спиной, со вздохом сказав:

— Знаю я Анодара!

Дерек, меж тем, суетился не шутя. В библиотеке он был завсегдатаем, и все местные служащие давно доверяли ему самому шариться по хранилищу — в особенности по той причине, что он во время своих поисков умудрялся неплохо сортировать материалы, что облегчало дальнейшую работу и другим.

Наконец, Дерек притащил к библиотекарю стопку разномастных книг и тетрадей, которые, на его взгляд, могли содержать информацию про Кес. Библиотекарь начал терпеливо заносить их в карточку Дерека — точнее, даже не карточку, а отдельную пухлую тетрадь. Тщательно занеся все наименования на новую чистую страничку, он поинтересовался:

— А о чём это всё?

Догадаться было непросто: в список входили биографические записки какого-то амнистированного пирата, пятый том из большой серии «История проэйттов», переписка поэта прошлого века с возлюбленной, торговые отчёты некоего анжельского корабля и ещё несколько столь же разномастных вещей.

— Про Кес, — махнул рукой Дерек.

Библиотекарь любовно вывел вверху странички: «Кес».

Тетрадку, заменявшую Дереку читательский билет, они потом использовали как тематический библиотечный каталог. Столичный университет уже не раз пытался нанять Дерека именно для этой работы — тематической классификации фонда библиотеки — но тут был неумолим и отговаривался тотальным отсутствием свободного времени. Так что оставалось вздохнуть и пользоваться хотя бы тем, что он сам для себя искал.

— К тебе забросим, и я тогда завтра займусь! — резюмировал Дерек.

На другой день они с утра взялись за работу. Илмарту сразу были вручены записки пирата — оттуда было легко почерпнуть информацию о водных подходах к острову, о небольших островках рядом с ним, о мысах и рифах. Всё было описано весьма толково, и Илмарт сразу на чистовую наносил полученные сведения на карту — соответствующим цветом, обозначающим, что контуры реконструированы по чужим записям. Составляя сводные карты такого характера, Илмарт разграничивал цветами источники информации —

ведь далеко не всегда они были надёжны.

Дерек, меж тем, закопался в проэйтский фолиант, выписывая оттуда все сведения о горной гряде и её окрестностях.

— Как думаешь, — неожиданно спросил Илмарт, — зачем им всем Кес потребовался?

Оторвавшись от своего тома, Дерек откинулся на спинку стула, вытянул ноги и всерьёз задумался, машинально постукивая пером по столешнице. Через минуту он с сомнением выдал:

— Может, у них есть какие-то договорённости с Грэхардом?

Илмарт мысленно прикинул эту версию. Договорённости, конечно, могли быть: хоть об устройстве личных складов, хоть о покупке земель. Карта-то им зачем? Да ещё подробная!

— Может, они его застраивать и заселять собираются? — развил свою идею Дерек, тоже придя к выводу, что ради пары складов или даже ради покупки земель такие карты не заказывают.

— А у Ньона что, своих людей нет? — разумно удивился Илмарт.

Как анжельские купцы могли иметь отношение к предполагаемому развитию уже ньонского острова — было неясно. Точнее, как раз очень ясно и прозрачно — торговые дела никто не отменял. Но для торговых дел карта острова тоже не нужна.

— Материалы для строительства внутрь везти? — выдвинул предположение Дерек и тут же сам поморщился глупости своей идеи; впрочем, не успев поморщиться, он тут же мучительно покраснел.

В качестве дешёвой рабочей силы в Ньоне сейчас в основном использовались обращённые в рабство марианцы, и Дереку подумалось, что они слишком близко подошли к теме, которая может задеть Илмарта — пусть он и дистанцировался обычно от своей родины и своего народа.

— Там же, должно быть, всё разрушено... — задумался, меж тем, Илмарт, вспомнив то, как выглядел Мариан после ньонских завоеваний.

— Да нет, — поспешно возразил Дерек, — Кес не сопротивлялся толком, так, граф в замке засел только.

Разговор заглох. Илмарт погрузился в воспоминания весьма неприятные, а Дереку было бесконечно неловко, что его предположения эти воспоминания оживили.

— А знаешь, — спустя пять минут неожиданно заговорил Илмарт, выходя из внутреннего созерцания, — я ведь даже не знаю, уцелел ли наш замок.

Род А-Ранси жил в типичном марианском замке — по факту представляющем собой двухэтажное поместье. Илмарт хранил о нём светлые детские воспоминания — изрядно, впрочем, испорченные тем фактом, что все обитатели этого замка постепенно умерли, кто в местной гражданской резне, а кто — отражая ньонское нашествие.

— А где он находился? — заинтересовался Дерек, который не знал о прошлом Илмарта практически ничего.

— Под Френкалью, — отмахнулся тот.

— В какую сторону от? — задумчиво разглядывая потолок, уточнил Дерек.

— На северо-запад, — прищурился Илмарт, пытаясь понять, что за странное поведение — сколько он знал друга, тот не имел привычки к допросам такого рода.

Поразмышляв несколько секунд, Дерек вынес решение:

— Я бы поставил на то, что цел, — и пояснил свою мысль, — после поражения под

Френкалью марианцы бежали, и больше крупных битв не было, как и необходимости что-то рушить. Туда Расмуса назначили, а он мужик хозяйственный... — тут он осёкся.

Устроив локти на столешнице, Илмарт тяжело опёрся подбородком на кулак и устремил на Дерек мрачный пристальный взгляд.

— Я просто читал хроники Второго Марианского похода! — открестился Дерек, слегка краснея и возвращаясь к своему талмуду.

«И как я только умудрялся принимать его за разведчика?» — с досадой думал в этот момент Илмарт.

Дерек относился к числу людей, которые умудрялись бесхитростно выбалтывать собственные секреты, даже не замечая этого, — немислимое качество для разведчика. Вот и сейчас. «Просто читал» — и он же считает это и впрямь прекрасной отговоркой!

И даже не думает о том, что хроники Второго Марианского похода существуют в единственном экземпляре, хранятся наверняка в ньонской столице, и человек со стороны получить к ним доступ точно никак не может.

«Поговорить начистоту?» — лениво размышлял Илмарт.

О чём, впрочем, поговорить-то? Сказать: «Я знаю, что ты даркиец»? Так ведь смутится и огорчится, будет потом шарахаться невесть сколько. Доказывай потом, что не хочешь его на костре сжечь — он-то небось от всех марианцев именно этого и ждёт. Сказать: «Я знаю, зачем тебе татуировки на руках»? Ещё лучше! Это уж точно не та тема, куда стоит соваться без приглашения — даже если человек тебе друг. Сказать: «Я знаю, что ты работал с повелителем Ньона»? Звучит как обвинение, да, по сути, им и является. Не то чтобы этот самый повелитель Ньона стал Илмарту хоть на йоту симпатичнее от того, что когда-то он был хозяином Дерек, — скорее как раз наоборот.

«А зачем мне с ним об этом говорить?» — переформулировал вопрос Илмарт. В голове тут же стали роиться толковые соображения: Дерек, скорее всего, переживает, что Илмарт никогда бы не стал дружить с даркийцем. И, наверно, возненавидел бы того, кто работал на Грэхарда — зная вечно сердобольного Дерек, он, видимо, к своему господину был, к тому же, крепко привязан, поэтому работал от души. И уж тем паче не простил бы того, кто участвовал в походах на Мариан — неважно, что Дерек, как небезосновательно предполагал Илмарт, не воевал сам. Наверняка же был при штабе, с этим своим Грэхардом.

«Итак, — подвёл итог этим мыслям Илмарт, — если не поговорить, то он так и будет считать, что я не принял бы его, если бы знал правду».

Такое положение дел показалось ему совершенно недопустимым.

Он, в самом деле, в жизни не завёл бы дружбы с даркийцем; уж конечно любого сподвижника Грэхарда одарил бы лишь ненавистью и презрением; и с чувством выполненного долга перерезал бы глотку каждому, кто участвовал в походах против Мариана.

Проблема была в том, что Дерек уже стал для него близким человеком; и, раз уж так сложилось, то становились уже неважны ни его религиозные, ни его политические взгляды. Илмарт в своей жизни насмотрелся на то, как самые близкие люди режут друг друга из-за различий во взглядах такого толка; поэтому ему была глубоко омерзительна сама мысль, что Дерек может думать — и наверняка думает — что Илмарт возненавидел бы его, если б знал.

Но как начать разговор столь деликатного свойства... было неясно.

Не придумав ничего лучше, Илмарт зашёл с неожиданной откровенности:

— А я дезертировал из-под Френкали, — спокойно и ровно признался он.

Дерек аж вздрогнул — и от того, что уже с головой ушёл в чтение, и от того, что признание это оказалось весьма шокирующим. Надёжный и основательный Илмарт не выглядел как человек, способный на дезертирство.

— Мне больше некого было защищать в этой паршивой стране, — объяснил свою мотивацию Илмарт, впрочем, голосом слишком мертвенным, чтобы можно было поверить, что ему этот вопрос действительно уже безразличен.

Дерек, который прекрасно умел улавливать интонации такого рода, тут же поспешил с ответным признанием: чтобы поскорее показать, что он ни в коем случае не осуждает.

— Знаешь, — чуть срывающимся голосом выдавил он, — я тоже в какой-то степени дезертир.

Он и в самом деле смотрел теперь на свой побег именно так. В конце концов, он был на государственной службе — и отговариваться тем, что он находился в рабстве, было лицемерно, потому что никто не принуждал его взваливать на себя ответственность такого рода, и это был его личный выбор и его решение. Он хотел быть полезным Грэхарду — и он стал.

Тогда он сбежал, не думая о том, кто теперь будет разбираться со всеми оставленными им делами. Конечно, не представлялось возможным всё грамотно подготовить и передать эти дела, сохранив такое в тайне от Грэхарда. Но всё же, если бы он подошёл к делу ответственно, он бы так не спешил, а хотя бы подготовил документы, распоряжения, письма.

Как бы ни сложились его личные отношения с Грэхардом — он не имел никакого права просто бросить все дела, ответственность за выполнение которых он на себя взял.

Это теперь мучило его и заставляло стыдиться своего поступка. Он понимал, конечно, что незаменимых людей нет, и там, на месте, справились и справляются со всем и без него. И всё же совесть его делала ему укор, и ему было понятно то деланное безразличие, с которым Илмарт теперь говорил о своём дезертирстве.

Уровень драматизма в их молчании достиг критической отметки.

— Не хватает Тогнара, — снизил этот уровень накала Илмарт, — чтобы сказать, что у нас у обоих нет мозгов. У меня — потому что человек не обязан умирать за идею, в которую не верит. А у тебя, — спокойно заключил он, — потому что человек не обязан быть верным тому, кто им пользуется.

Дерек нахмурился, пытаясь понять, как это Илмарт так ткнул пальцем в небо, что попал. Не понял и, сощурившись, переспросил прямо:

— А с чего ты взял, что мною пользовались?..

Неспешно перевернув страницу в пиратских мемуарах, Илмарт в ответ уточнил:

— Не считая того, что у тебя это на лице написано? — фыркнул и добавил: — Достаточно проследить, от чего Тогнара начинает особенно трясти.

Совсем помрачневший Дерек сложил руки на груди и устремил на друга взгляд требовательный и острый: он чувствовал, что разговор к чему-то должен вывести, но в упор не понимал, к чему.

— А особенно трясти его начинает, — покладисто принялся перечислять Илмарт, — когда кто-то при тебе упоминает ньонского владыку, или когда сам ты упоминаешь Ньон, или когда тебя начинает нести угождать какому-нибудь идиоту, или когда ты высказываешь полное пренебрежение собственной самооценностью и вообще начинаешь демонстрировать не то шутовские, не то рабские замашки... — по мере перечисления Дерек каменел и

бледнел. — И даже интересно теперь проверить, — хмыкнув, добил Илмарт, — как он отреагирует на упоминание даркийцев.

Дерек запыхал до самых ушей и даже прижмурился от неловкости и стыда.

— Для справки отметь где-нибудь, — мягко добавил Илмарт, — что в моей семье никто не считал, будто бы даркийцев следует сжигать.

Мучительно закашлявшись, Дерек вскочил и отвернулся к окну, пряча лицо от разговора.

— Но если ты и дальше будешь оскорблять меня предположением, — безжалостно продолжил Илмарт, — что что-то в твоём прошлом может изменить моё отношение к тебе, то я... — пару секунд демонстративно подумав, решил: — Вызову тебя на дуэль и хорошенько отметелю.

— Сначала догони, — буркнул от окна Дерек.

Хотя он не повернулся, и, судя по ушам, всё ещё полыхал всеми оттенками смущения, в тоне его слышалось заметное облегчение.

— Первым выдохнешься, — насмешливо фыркнул Илмарт, поскольку из них двоих только он регулярно занимался физическими упражнениями.

— Ну, значит, быть мне отметеленным, — с покорным вздохом поерошил себе волосы Дерек, повернулся, облокотился спиной на оконную раму и устремил на Илмарта взгляд грустный и усталый.

Тот в ответ приподнял брови в недоумении и переспросил:

— А не оскорблять друзей сомнениями — не вариант?

Уголок губ Дерек дрогнул в намёке на улыбку.

— Ну, — смущённо оправдался он, — я не был уверен, что ты считаешь меня своим другом.

Недоумение Илмарта превзошло все мыслимые пределы.

Он тоже встал, обошёл свой стол, облокотился на него бедром и уточнил:

— А я должен был выдать в этом расписку, или как?

— Ну, — продолжил неловко объясняться Дерек — впрочем, улыбка уже завладела не только уголками губ, но и скулами, — одно дело, работать вместе над какими-то проектами...

Илмарт вежливо приподнял брови и нацепил на лицо выражение: ну да, ну давай, расскажи мне тут, что мы просто вместе работаем, конечно.

— Ну, ты просто скорее дружишь с Олив, а Олив — с Райтэном, — продолжал нелепо объяснять Дерек — улыбка уже очевидно сияла в его глазах.

Илмарт сочувственно закивал и поддержал:

— Да-да, а ты идёшь в комплекте с Тогнаром, поэтому, разумеется, у меня не осталось другого выхода, кроме как терпеть... — он демонстративно щёлкнул пальцами в воздухе и выдал описание: — Побратима мужа моей подруги.

— Ну да! — с облегчением кивнул Дерек, сияя уже всем лицом.

Смерив его демонстративно скептическим взглядом — впрочем, и у него улыбка явно уже владела большей частью мимики, — Илмарт возвёл глаза к потолку и констатировал:

— Идиот!

Потом быстро добавил:

— Не ты, а я, разумеется.

Недоумение читалось с лица Дерека вполне ощутимо: он как раз полагал, что резюмирующее определение относится именно к нему.

Оторвавшись от стола, Илмарт подошёл прямо к нему, поймал взгляд и спокойно сказал:

— Я, безусловно, очень хочу считать тебя своим другом. Если ты согласен, — протянул он ему руку.

Дерек просиял и руку с большим энтузиазмом пожал.

— Конечно, согласен! — совершенно безоблачно-счастливым голосом заверил он.

Несколько секунд Илмарт смотрел на него с некоторым недоумением, а потом голосом, в котором явно слышалось удивление от сделанного открытия, заметил:

— Слушай, а я, кажется, понял, почему вы с Тогнаром вечно обсуждаете солнце!..

Дерек заливисто и счастливо рассмеялся; Илмарт незамедлительно к нему присоединился.

16. О чём мечтает Дерек?

Столичная жизнь Дереку совершенно не нравилась.

Ему не нравился новый дом — хотя он был чище, светлее и комфортабельнее особняка Тогнаров в Кармидере. Но там, в доме в Кармидере, было что-то неуловимо своё: то ли пропитанные книжной пылью портьеры, то ли узкие тёмные переходы и неудобно расположенные лестницы, то ли забитый накопленным многими поколениями хламом кабинет... В новом доме всё было аккуратно, логично и... пусто. И, к тому же, хотя, казалось бы, было радостно всем жить вместе, Дерек невольно скучал по своей кармидерской комнатухе и по возможности целыми днями являться к Тогнарам в гости. Отсутствие возможности явиться в гости — потому что он теперь жил тут же — почему-то ужасно огорчало.

Ему не нравился столичный университет. Он тоже был чище, больше и разумнее кармидерского. Там, в Кармидере, под университет приспособили замок сеньора, к тому же, тесно и беспорядочно застроив прилегающую к нему территорию. Там тоже были узкие переходы-лабиринты, сложная система расположения аудиторий, хаотичное нагромождение хлама... В столице — совсем иная история. Здесь университет строили целенаправленно: несколько расположенных рядом друг с другом корпусов. Всё аккуратно, чисто, логично. И совершенно неуютно.

Ему не нравились столичные знакомства. Людей было много, но все они почему-то были ужасно похожи — видимо, от того, что соблюдали правила этикета и вели себя, как это говорится, совершенно прилично. Дерек не видел за именами живых людей — все они сливались в какой-то круговорот из копий Михара — или копий Руби. Впрочем, нет, Руби на их фоне приятно выделялась, в ней был... какой-то протест, какой-то характер — во всяком случае, в домашней обстановке.

Ему не нравилась столичная работа. С одной стороны, проекты, в которых он участвовал, были разумны и нужны. С другой — подходили к ним... с очень странных позиций. Та же ситуация со строительством дороги! Он ещё в Кармидере подготовил аналитику по этому поводу и указал, что не стоит начинать строительство, не отправив сперва экспедицию для тщательного исследования территории, по которой дорога пройдёт. И что? Парламент, получив от Михара его бумаги, постановил, что вполне принимает указанный в бумагах приоритетный план строительства и не видит смысла что-то дополнительно исследовать.

Дерек в тот раз был зол, как демоны всех мировых религий оптом. Он закатил Михару чудовищный скандал — и добился в итоге того, что тот сам притащил его на следующее заседание Парламента. Спустя пять часов дебатов, во время которых Дерек вконец охрип, ему удалось-таки убедить эту самую экспедицию отправить. Чувства победы, впрочем, это не принесло, — скорее досаду на идиотов, с которыми приходится иметь дело.

Впрочем, свои плюсы его возмущение принесло: его заметили. Заметили, притом, не как часть команды Михара, а как самостоятельное лицо. Дерек постарался этот успех закрепить и развить: пусть больше ему и не приходилось выступать перед высокой аудиторией, отдельные связи среди членов Парламента у него завязались.

Дерек, впрочем, весьма смутно представлял, каким будет его следующий шаг. Он, совершенно точно, не был готов выступить против Михара открыто — но, как ему казалось,

у него уже заимелся какой-никакой репутационный капитал, который позволял бы ему... что именно?

Ничего толком не сообразив на этот счёт, Дерек решил посоветоваться с отцом Райтэна — тот, в конце концов, лучше понимал внутреннюю подковёрную расстановку сил.

Тогнар-старший выслушал его соображения внимательно, но отреагировал почему-то весьма несерьёзно:

— Деркэн, оставьте этот вопрос пока! — махнул он рукой, и на бегу с усмешкой добавил: — В будущем году, он, вероятно, уже не будет иметь значения.

Дерек совершенно растерялся и хотел было уточнить, но Тогнар умчался к внуку, а там уже было как-то неловко при всех поднимать политические темы.

Осталось выстраивать предположения — но для них информации было маловато. Дерек как основную выдвинул гипотезу, что то ли у самого Тогнара, то ли у Рийаров есть какие-то политические планы, которые, возможно, сделают вопрос противостояния с Михаром неактуальным.

Дерек небезосновательно предполагал наличие какой-то интриги в фирменном тогнарском духе. Было очевидно, что в подробности этой интриги никто его посвящать не намерен — хотя она и касается его напрямую — и что предполагается, что он просто будет иметь дело с конечными итогами уже осуществившегося плана.

Припомнив историю с назначением Лэнь, Дерек тяжело вздохнул. Его безумно раздражала эта манера Тогнара-старшего проворачивать какие-то многоуровневые комбинации за спиной заинтересованных лиц, не спрашивая их мнения по поводу этих самых комбинаций.

Конечно, Тогнар был отцом Райтэна, соответственно, принадлежал к союзникам, и его интриги, скорее всего, учитывали интересы Дерекка — во всяком случае, так, как эти интересы понимал сам Тогнар.

«Попытаться выяснить у него подробности?» — размышлял Дерек, отправляясь к Илмарту — поработать над картой.

Подробности не помешали бы, но едва ли Тогнар будет ими делиться. Из того, что Дерек о нём знал, следовало, что он предпочитает проворачивать такие вещи тихо, чтобы потом насладиться эффектом неожиданности и собрать ошеломлённые реакции тех, кого его интриги коснулись.

«Может быть, — продолжал выдвигать планы Дерек, — если сделать акцент на том, что моё неведение может испортить интригу, поскольку я в нужный момент поведу себя как-то не так...» Идея была богатая. Интрига, очевидно, предполагалась сложная — выдвинутые сроки и осторожное «вероятно» говорили о том, что готовится нечто масштабное и не совсем предсказуемое. Дерек мог что-то испортить по неосторожности, и было бы лучше, чтобы он знал, как себя вести.

«Да, нужно будет так и сделать», — наконец, вынес решение Дерек, засаживаясь уже за книгу про проэйттов.

Труд оказался весьма занимательным, и приходилось прикладывать усилия, чтобы пропускать не имеющие отношения к делу места и выбирать именно географические подробности. Они встречались в книге достаточно часто: автор подробно описывал времена основания обители, поиск подходящих мест для неё, первое обустройство и дальнейшие расширения. Тут и там мелькали сведения то о горном ручье, то о неудобном уступе, который приходилось огибать, то о слишком крутом подъёме — не удавалось подвезти

телегу с брёвнами, пришлось по тому самому ручью волочить против течения, что тоже было сопряжено с рядом трудностей.

Дерек постоянно увлекался, и с географических подробностей уходил в историю обители. Было ужасно интересно читать, как они обустроивались, как налаживали быт, как выстраивались отношения и связи внутри общины... особенно увлекательно оказалось описано решение начать издавать травник — сперва-то всё начиналось с бытовой необходимости обеспечить обитель лекарствами, травами для отваров и приправами!

Решив, что пара часов у него точно есть, Дерек с головой погрузился в эту историю, полную дерзких исследований, таинственных находок — а порой и опасностей. Следить за поколениями отважных женщин, которые порой рисковали жизнью, чтобы выяснить, где лежит грань между лекарством и ядом, было неимоверно увлекательно.

«Эсне бы понравилось!» — со вздохом подумал Дерек, даже всерьёз рассматривая внутри себя возможность как-нибудь переслать ей такую книгу в подарок. С анжельскими купцами, наверно, получилось бы?

С трудом оторвавшись от очередного витка приключений — проэиты испытывали одну из трав как способ отбить нюх хищникам и обезопасить птичник — Дерек заставил себя вернуться к работе над картой.

«А ведь Эсна, должно быть, туда скоро едет!» — подумалось ему. Во всяком случае, едва ли она отказалась бы разделить триумф мужа.

Мысль о том, как бы побыстрее послать ей книгу, чтобы она наверняка узнала об обители на Кесе и познакомилась с местными проэитами, настойчиво билась в голове Дерек. То, что Эсне наверняка будет интересен их опыт, было очевидно. Речь здесь шла даже не столько о женском образовании, сколько о серьёзном научном проекте, работа над которым растянулась на несколько поколений. Обитель на Кесе ярко продемонстрировала, что не для всех проектов такого рода необходим патронаж университета — если правильно организовать дело, можно и самим добиться самых выдающихся результатов.

Постукивая пером по листку с заметками, Дерек перебирал в голове, как отправить книгу быстрее, чтобы она успела прийти к солнечной до её отъезда на Кес — и в какой-то момент ему вдруг пришла в голову мысль, что Эсна, верно, и так знает о наличии такой обители.

Не то чтобы у Дерек была настолько хорошая память, чтобы мысленно реконструировать, как выглядел ньонский вариант карты Кеса — вариант, который они рассматривали вместе с Грэхардом. Тогда Дерек не очень интересовали подробности и он не вглядывался в нюансы. Однако предположить, что ньонская разведка не знала об обители, было бы абсурдно: она не являлась тайной, никто не скрывал ни факт её наличия на Кесе, ни её местоположение.

«Значит, Эсна и так должна знать», — сделал логичный вывод Дерек.

Потом ему припомнилось, что история проэитов вроде как даже имелась в библиотеке Раннидов — во всяком случае, ему казалось, что да. При любом раскладе, Милдар должен был обладать этой информацией, и Милдар точно её читал, и, соответственно, сообщил Эсне всё необходимое.

«Скорее всего, — пришёл к выводу Дерек, — она и так воспользуется случаем и съездит туда лично».

Этот вывод отдался в его сердце теплом — ему было приятно осознавать, что Эсна есть

где-то там, в Ньюне, что она продолжает вести насыщенную жизнь, что её проекты потихоньку реализуются, что она работает над ними, узнаёт новую информацию, исследует. Он даже почувствовал в этот момент некоторую сопричастность к ней и её проектам — возможно, она точно так же, как он сейчас, читала точно ту же книгу, и испытывала схожие эмоции. Возможно, она точно так же рассматривала такую же карту, планируя свою поездку, и отыскивала на этой карте ориентиры, о которых было сказано в книге.

Ему было приятно думать об этом; казалось, что Эсна, если и не прямо здесь, то в соседнем помещении, и они снова делают что-то совместно, просто сейчас он работает над своей частью её проекта.

С мечтательным вздохом Дерек перевернул пару страниц, выискивая новые географические подробности. Сердцем его завладела дерзкая мечта поехать на торжества на Кесе, чтобы хотя бы из толпы разочек полюбоваться на Грэхарда в момент его триумфа и, возможно, хоть краешком глаза увидеть Эсну.

Фантазия эта целиком и полностью захватила его воображение; прикрыв глаза, он буквально рисовал перед своим внутренним взором картину торжеств, величественного Грэхарда в парадном облачении, приветственные крики толпы... Эсны, конечно, там быть не могло — но, раз уж она приедет, можно было бы подстеречь момент в порту, когда она будет сходиться с корабля, или...

Точно, он идиот. Можно было бы притаиться где-то в окрестностях обители, а может, и в ней самой, и, возможно, не только краешком глаза увидеть, как она проезжает, а ещё и понаблюдать за ней там, в обители. В конце концов, там могут быть укромные уголки? Или, возможно, его вообще приняли бы там как представителя Кармидерского университета?

Мысли такого рода оказались столь заманчивыми, что Дерек не мог от них отделаться весь день, и вечером, когда он уже закончил с этой частью карты и отправился домой, у него начал формироваться вполне себе рабочий план. Можно было представить дело как совместный проект Кармидерского университета и обители на Кесе: масштабная карта лекарственных растений мира. С такого ракурса обитель получила бы признание со стороны официального научного мира, а у Дерека появился бы предлог поехать туда лично и провести там некоторое время — главное, придумать, как не пересечься при этом с Эсной напрямую... хотя, признаться по правде, сердце Дерека замирало от мысли, что как раз можно бы и пересечься — если, конечно, её не будет сопровождать Грэхард...

«А Грэхард, скорее всего, будет следовать по ней по пятам неразлучно», — досадливо вздохнул Дерек, осознавая, что его дерзкий план так и останется всего лишь несбывшейся мечтой. Потому что так рисковать и засвечиваться прямо под носом у Грэхарда — было бы безумием. Будь там одна Эсна, ещё можно было отговориться чем-то вроде «представитель университета заболел, с ним нельзя увидеться» — но какие там отговорки, если сам грозный повелитель захочет лицезреть заинтересовавшее его лицо!

«Ну, — тоскливо поставил крест на мечте Дерек, цепляясь за последние смутные аргументы, — остаётся только подстеречь в засаде по пути, чтобы взглянуть хоть издалека. Тут, главное, чтобы служба безопасности не приняла меня за...»

Он запнулся и встал посреди улицы. В его голове сейчас формировалась мысль, что в такой поездке, конечно, служба безопасности Грэхарда будет отслеживать подозрительных людей — и нужно было что-то придумать, чтобы его не посчитали заговорщиком, который готовит покушение. И «что-то придумать» было бы по-настоящему сложно, потому что

поездка такого плана — это та ещё уязвимость.

Дерек совсем приуныл, осознав, что шансов у него тут нет — сгребут, опознают и преподнесут Грэхарду.

«Надо уже просто оставить прошлое — прошлому!» — разозлился тут сам на себя Дерек, пнул мостовую и решительно пошёл вперёд.

17. К чему имеет или не имеет отношения Дерек?

Поймать старшего Тогнара Дереку удалось лишь через несколько дней, когда карта была уже доделана и сдана.

Вполне толково высказав свои соображения — мол, не зная сути интриги, он может всё испортить, — Дерек был более чем огорчён очередным уходом от ответа:

— Вы ничего не испортите, Деркэн, — отмахнулся Тогнар, потом добавил: — Ну разве что не обостряйте... — тут глаза его загорелись уже знакомым по истории с Лэнь предвкушающим азартом, и он весело перебил сам себя: — Впрочем, можете и обострить, если это вас развлечёт! — и тут же с живым беспокойством переспросил: — Вы бы ведь предпочли вернуться в Кармидер, так?

— Так, — заморочено кивнул Дерек, не успевая за переходами мыслей.

— Ну и прекрасно же! — выразительно всплеснул руками Тогнар. — Значит, рассчитывайте на будущий год. Вопрос с Михаром мы так или иначе решим! — покивал он и завершил на этом разговор.

Дерек недоумевал.

Он заподозрил, что в самом неблагоприятном случае Тогнар предполагает Михара попросту убить — не сказать, чтобы этот вариант так уж радовал перспективами.

Михара Дерек точно не ненавидел, а скорее уважал. Он был политиком умным и хватким, способным преодолевать кризисы и разрешать дела. Дерек, однозначно, не желал ему смерти, и хотел бы вывернуться из его хватки каким-нибудь более мирным способом. «Так или иначе» в устах Тогнара говорило, что загадочные «мы» рассматривают несколько вариантов решения — поэтому, возможно, до покушений и не дойдёт. Но всё же, поразмышляв здраво, Дерек подумал, что было бы неплохо ему самому первым решить конфликт с Михаром мирным путём — пока Тогнар ещё не перешёл к решительным действиям.

Решение конфликта мирным путём, с точки зрения Дерека, следовало разделить на несколько этапов. Первым в этом списке он назначил перепланировку своего времени: чтобы меньше внимания уделять михаровским проектам, и больше — своим.

Интрига подобного плана прошла как по нотам, поскольку Дерек взялся проворачивать её с помощью их с Илмартом карточного предприятия. Они уже были в сильной позиции — поскольку в картах был заинтересован как столичный университет, так и многие влиятельные персоны, среди которых теперь была мода на иллюстрированные изделия. Используя свои свежеприобретённые связи, Дерек протолкнул в Парламент идею о том, что неплохо было бы создать ряд карт, имеющих общегосударственное административное значение — например, ту самую карту образовательных учреждений Анджелии, о которой мечтал ректор Кармидерского университета.

Таким образом, Дерек получил вполне себе благовидный предлог, под которым мог — впрочем, не наглея, — отговариваться от новых михаровских задач и некоторых рекомендуемых им светских мероприятий. По тяжёло-мрачному взгляду непрошеного патрона Дерек понял, что его манёвр разгадан, но возразить Михару было нечего — дело государственной важности!

Довольный своей первой дипломатической победой, Дерек пребывал во вполне прекрасном расположении духа и планировал следующие хитрые ходы. Работать с картами

ему было интересно: в процессе он узнавал много нового, да и вообще, добыча и систематизация информации из разнородных источников была его любимым видом деятельности. Он как будто наводил порядок в огромном-огромном массиве всевозможных данных, и это и успокаивало, и оставляло по себе чувство удовлетворённости собственной деятельностью, и занимало мозги нужным делом.

Работая над очередной картой, Дерек аж примурлыкивал старинную даркийскую песенку от удовольствия — жизнь, определённо, налаживалась!

Его мурлыканья прервало явление Илмарта, который с порога весело заявил:

— Опять Кес! Да что ж с ним такое-то!

— Кес? — моментально заинтересовался Дерек. — А кто в этот раз?

Загадка внезапной популярности острова его весьма занимала.

— Университет, — хмыкнул Илмарт.

Дерек досадливо присвистнул. Это ничего не объясняло: университет предпочитал заказывать каждую карту, к которой Дерек прикладывал руку как аналитик. Про Кес они, конечно, не болтали, но их наверняка сдал библиотекарь.

— Не, это глушняк, — разочарованно протянул Дерек.

— Либо и в самом деле колонизация, — пожал плечами Илмарт, — либо всё-таки пиратский набег. Мимо нас так и так не пройдёт.

Дерек в ответ тоже пожал плечами и вернулся к работе.

Впрочем, мысль он уже упустил, поэтому ушёл в размышления о том, зачем старшему Тогнару карта Кеса, и не могло ли это как-то сочетаться с интригой, коя обещала избавить его от внимания Михара.

Первым делом Дерек предположил, что, в самом деле, планируется грандиозный пиратский набег, и весь Рийар-Тогнаровский клан в результате него переберётся на Кес и его, Дерек, тоже выдернут туда же.

Эта версия, правда, не сочеталась с вопросом Тогнара про Кармидер, да и для пиратских набегов нужна скорее карта вод вокруг острова, нежели детальный план его самого.

Другим вариантом была провокация, коя могла привести к конфликту с Ньюном. В планы Рийаров мог входить окончательный раздел страны: пока западная Анджелия увязнет в войне с Ньюном, восточная отделится от неё и провозгласит независимость.

Это казалось маловероятным, потому что восточная Анджелия была скорее вотчиной именно Тогнаров, а вот Рийары ширили своё влияние на западе и едва ли планировали его терять. Заставить западную Анджелию исчерпать свои силы в войне с Ньюном, а потом ударить в спину? План, конечно, рабочий, но слишком кровавый и разрушительный; сколько Дерек успел узнать Рийаров, те не были людьми кровожадными и не склонны были добиваться своих целей такими радикальными путями.

Потом Дерек всерьёз помусолил мысль, можно ли с помощью Кеса как-то подставить Михара лично, но там уж совсем не срасталось.

«Должно быть, это всё-таки никак не связано», — сделал логичный вывод Дерек.

Не преуспев с Кесом, он решил всё же попытаться разгадать загадку тогнаровских интриг вокруг Михара. То, что одним из вариантов явно было убийство, слишком тревожило Дерек, и он предпочёл бы догадаться о возможных альтернативах, чтобы способствовать претворению их в жизнь.

Кроме собственно убийства могла иметь место дискредитация — но Дерек полагал, что

Михар находится в сильной позиции, и убить его было бы куда как легче, чем дискредитировать.

Вспомнив те идеи, которые Тогнар сам высказывал ещё в Брейлине, Дерек пораздумывал, могут ли они иметь планы на Руби. Это казалось теперь совсем уж маловероятным — семья её супруга была весьма влиятельна, и связываться одновременно и с ними, и с Михаром было бы опрометчиво.

Почесав лоб, Дерек попытался вспомнить, не высказывал ли Тогнар ещё каких-то идей — но ничего другого не всплывало, кроме, собственно, абсурдного предложения убить Грэхарда. Точнее, Тогнар-то не предполагал, что предлагает устранить именно грозного ньонского повелителя, но...

Дерек замер, потому что у него вдруг пересеклись смыслы: и Кес, и устранение Михара так или иначе были связаны с Грэхардом.

«Чушь какая-то!» — нахмурился Дерек, полагая это совпадение смыслов случайным.

Однако по старой ньонской привычке человека, замешанного в придворные интриги, Дерек никогда не отбрасывал совпадения такого рода, прежде хорошенько их не осмыслив.

«Положим, если бы удалось убить Грэхарда, — отметил он, — то я бы мог вступить в прямую конфронтацию с Аренсэном хоть сейчас — больше-то у него особых рычагов давления на меня нет. Положим также, — продолжил он, — что некто, желающий убить Грэхарда, наверняка предпочёл бы использовать такой шанс, как его поездка на Кес, тем более, что...»

Тут ему стало не до шуток, потому что он с тревогой припомнил, что на Кесе, скорее всего, владыка предпримет поездку в горную обитель проэйттов.

«Какая невыносимая чушь!» — с внутренним смешком резюмировал он свои измышления и посчитал, что ему от переутомления на ровном месте заговоры мерещатся.

Было совершенно очевидно, что только человек глупый и недалёковидный предпринял бы покушение на бывалого параноика с одной из наиболее профессиональных служб безопасности в мире. Тогнар-старший на глупца такого рода никак не тянул.

Закрыв вопрос, Дерек вернулся к работе и провёл свой день более чем продуктивно.

К вечеру, однако, новые тревожные мысли пробили себе дорогу наружу. Не занятый больше работой Дерек не сумел их отогнать.

«Положим, если предполагать поездку Грэхарда в обитель, — хмурился он, разглядывая корабли в порту, — то план уже не выглядит таким уж глупым».

Даже самая распрекрасная служба безопасности не справится с внезапной многочисленной хорошо подготовленной засадой.

У него тут же возник ряд вопросов: как вообще туда планируется перекинуть толпу анжельцев в засаду, да откуда Тогнар мог узнать-то про возможную поездку Грэхарда, и как он планирует избежать последствий такого покушения в случае провала, и...

«Да им это вообще невыгодно! — наконец, насмешливо фыркнул Дерек, пиная ногой камешек так, чтобы он улетел в воду. — У них ведь с ним соглашения через Кьеринов!»

Внешне повеселев, Дерек отправился из порта домой, забивая скребущие на душе мысли насвистыванием весёлой песенки.

Нужно же было додуматься до такой дури! Тогнар никогда не стал бы замышлять покушение на Грэхарда, ведь у Аньтье прочные торговые связи с Ньоном, которые они лоббируют благодаря Кьеринам...

Споткнувшись на ровном месте, Дерек встал посреди улицы.

Если убивать Грэхарда — то наследником, соответственно, становится его сын.

А сын этот рождён от женщины из рода Къеринов.

Соответственно, Тогнару и Дранкару с их связями такая смена — а регентом при малолетнем принце стал бы адмирал Къерин — была весьма и весьма выгодна.

«Положим, — вяло бредя по улице и почему-то совершенно не узнавая знакомых мест, продолжил размышлять Дерек, — как это всё могло бы выглядеть, если бы было правдой?»

Думать об этом не хотелось — всё внутри твердило, что это чушь, просто чушь! — но Дерек решил всё же обдумать, чтобы точно доказать себе, что это и в самом деле чушь, и, таким образом, успокоиться наконец.

Размышления, впрочем, выходили неутешительными.

У Тогнара, выходит, был целый ряд мотивов. Ему, во-первых, было выгодно, чтобы правителем Ньона стал кто-то из Къеринов — это укрепило бы позиции Аньтэе и на внешнеполитической арене, и в разборках внутри Анджелии. Во-вторых, если у него имелись планы на самого Дерека — а Дерек после небрежного вопроса про Кармидер был уверен, что таковые планы имеют место, — то убийство Грэхарда помогло бы вызволить его из-под влияния Михара, который без возможного шантажа «я выдам вас ньонской разведке» терял самый опасный рычаг своего воздействия. В-третьих, коль скоро Тогнар докопался до того обстоятельства, что именно Грэхард был в прошлом хозяином Дерека, то с его стороны было логичным желание устранить возможную угрозу со стороны этого самого Грэхарда — который мог отомстить за побег Дерека и Этрэну, и Райтэну.

— Простите!.. — вяло пробормотал Дерек, налетевший нечаянно на спешащего по улице прохожего — за своими мыслями он совершенно отключился от реальности.

Происшествие это совершенно не остановило поток размышлений: они плавно текли вперёд своим чередом. Возможность узнать о поездке Грэхарда в обитель у Тогнара тоже, выходит, была: Этрэн имел самые тесные связи с анжельским просветительским кружком в Ньоне, и мог из первых рук получить информацию о готовящейся поездке.

Дерек встал и потёр переносицу. В голове что-то гудело, сбивая с мысли, но он заставил себя отбросить это невнятное «что-то» и продолжить аналитику. Ему сейчас казалось, что аналитика эта точно ему поможет и расставит всё, наконец, по своим местам.

Судя по наличию в этой истории третьего лица в виде незнакомого купца, Тогнар предполагал замести следы и обставить покушение чужими руками. Возможно — и даже вероятно — руками ньонской оппозиции, потому что им куда как проще перебросить своих людей на Кес для организации тайной засады. Соответственно, становится понятной необходимость подробной карты Кеса — а так же разрешается загадка, почему самому Тогнару хватило обычной.

Всё сходилось, и всё вполне вписывалась в модели тех интриг, которых можно было ожидать от отца Райтэна.

Дерек присел на чьё-то крыльцо в пустынном переулке — ноги стали каким-то ватными — и тяжело задумался.

«У меня слишком богатая фантазия», — нерешительно подумал он, но вывод этот ни капли не уменьшил всё больше завладевавшую его душой тревогу.

«Почему я вообще об этом думаю? — вяло мелькнула мысль. — Это меня и не касается вовсе!»

Отмести все свои соображения он, впрочем, так и не смог.

Возможные мотивы Тогнара не давали ему покоя. На примере Райтэна он знал, что люди тогнаровской породы склонны терять голову, когда речь шла о защите близких людей. Старший Тогнар, конечно, не производил впечатление человека, который ринулся бы сломя голову убивать угрозу близким — поэтому особой достоверности только что придуманной гипотетической схеме придавали политические мотивы и умелое заметание следов.

«Нет, я просто рогров параноик! — решил, в конце концов, Дерек и, хлопнув себя по коленям, встал. — Тэн прав, всё ньонское на меня ужасно влияет!»

Волевым усилием он заставил себя игнорировать сжимавший сердце страх — он и не смог бы точно назвать причину этого страха — и постановил сам с собой, что замыслы Тогнара его вообще никаким боком не касаются, и уж тем паче они не могут никаким боком относиться к Грэхарду. Просто все эти странные интриги с грядущим избавлением от Михара неудачно наложились на недавний разговор с Илмартом — о дезертирстве — вот фантазия и выдала совершенно абсурдную и неправдоподобную версию.

Следующие три дня он упорно бегал от своих мыслей, а те его столь же упорно догоняли. Стоило ему хоть на минуту отвлечься от интеллектуальной работы, и разум услужливо подсказывал ещё одно соображение в пользу реальности заговора такого рода. Дерек тряс головой, обзывал себя параноидальным болваном и тщетно пытался отвлечься: но тревога всё не отпускала его, и вылилась уже, наконец, в то, что ему даже стали сниться кошмары, в которых в той или иной форме фигурировала смерть Грэхарда.

Не преуспев с призыванием своего разума к порядку, Дерек постановил провести исследование, которое поможет ему подтвердить или опровергнуть пришедшую ему в голову схему.

«Тот купец, который заказал подробную карту, — решил он. — Если он как-то связан с Ньоном, то всё совпадает. Если нет — то всё рассыпается. Выясню это и успокоюсь».

...ещё пять дней ему потребовалось, чтобы убедиться в том, что купец этот в ньонские контрабандные делишки замешан с головой.

Открытие это привело Дерек в глубочайшее уныние: он, по правде сказать, предпочитал верить, что обнаружит обратное.

«Положим, — размышлял он, бредя по побережью за границей города, неподалёку от поместья Рийаров, — положим, заговор этот имеет место».

Остановившись на выступающем в море скалистом утёсе, он вслушался в плеск волн. Место это он помнил: когда-то сюда любил ходить ньонский принц Грэхард. Это было целую жизнь — нет, целую вечность, — назад, и казалось странным осознавать, что утёс всё тот же, и вон то дерево — всё то же, и там вон маяк — тот же самый маяк.

«Идиотский заговор, — вынес вердикт Дерек, подбирая с земли камень и со всей силы зашвыривая его в море. — Его служба безопасности размажет их на раз».

Выпинав ещё пару камней с утёса ногой, он побрёл дальше.

На душе было скверно, и он не мог отделаться от подступающей к сердцу паники.

Не без оснований он предполагал, что засаду будет устраивать адмирал Кьерин. Тёртый калач и прожжённый политик, который сто раз отмерит.

«Глупости! — Дерек раздражённо пнул ногой подвернувшийся пень. — Его службу таким не проймёшь!»

Однако, чем дальше он шёл, тем больше убеждался в мысли, что именно в этой своей поездке вглубь Кеса Грэхард будет весьма уязвим, поэтому гипотетическая засада — а тем более, засада, подготовленная старым врагом, который копил ненависть годами, — засада

такого рода может и преуспеть.

«Да-да! — продолжал беситься внутри себя Дерек, ведя спор с собственной тревогой. — Конечно, его разведка не заметит, что Кьерин сорвал откуда-то своих людей и потащил их на Кес!»

Аргумент был слабенький, если не сказать — бессильный. Не все люди Кьерина были под наблюдением, да и его пиратские связи не представлялось возможным проконтролировать — не говоря уж о том, что разведка может попросту опоздать с мерами противодействия.

Выбредя на место, где к скалистому побережью подступал куцый лесок, Дерек сел на поваленное недавней бурей дерево и уныло вытянул ноги, запихнув руки в карманы.

Некоторое время он весьма рационально и логично перечислял внутри своей головы причины, по которым вся эта история вообще никак его не касается. Даже если где-то кто-то готовит какое-то покушение на владыку Ньюна — он-то, Дерек, тут причём? Сколько их было, тех покушений! Сколько ещё будет! Что ему теперь, подрываться и нестись в Ньюн, чтобы денно и ночью охранять владыку от любых невзгод?

«Какой невысказанный бред я навывдумывал! — разозлился Дерек, стибаясь корпусом к коленям. — Скучно живу!..»

Раздражённо вскочив, он быстрым шагом отправился обратно.

Не пройдя и двух минут, резко остановился и сел прямо на каменистую тропу, опустив лицо на ладони.

— Ну что, в конце концов, я могу сделать?.. — тихо спросил он у самого себя. — Возможно, это просто его судьба!..

На владыку Ньюна покушения совершались регулярно. Как можно было понять — все они были безуспешны. Но Грэхард с юности спокойно признавал, что однажды одно из них станет последним.

Он был фаталистом — как и всякий ньонец — и верил в то, что судьба его рано или поздно его настигнет. И просто хотел успеть до этого момента как можно больше дел из тех, что роились в его голове.

Резко встав — перед глазами замелькали чёрные мушки — Дерек снова запихнул руки в карманы, ссутулился и быстрым шагом пошёл дальше.

— У него прекрасная служба безопасности!.. — бормотал он себе под нос, перечисляя и конкретные имена, и качества конкретных людей, в которых был уверен. — Подумаешь!..

Неожиданно остановившись, он обернулся и прокричал в море:

— Только безумец может полагать, что такой план сработает!

Море, конечно, не ответило, а ветер подхватил слова и разбил их о прибрежные скалы.

Тяжело дыша, Дерек смотрел в бьющиеся о камни волны, словно всё же ожидал от них ответа.

Затем крепко-крепко зажмурился и потряс головой.

— Бред! — резюмировал он так тихо, что сам едва услышал, и резко двинулся в дальнейший путь.

Перед глазами у него так и мелькали картинки неожиданной и кровавой схватки, в которой повелитель Ньюна был сражён внезапной атакой.

Нет, не повелитель Ньюна. Не повелитель Ньюна, а Грэхард — старина-Грэхард, угрюмая и мрачная громада с насупленными бровями. Чихающая и замотанная в шарф

громада, ворчащая на впихиваемые в его руки кружки с отварами — горько и кисло, мол! Язвительная и хохочущая громада, гоняющая его почём зря по тренировочной площадке своими мечами, и сияющая самым ярким светом в моменты, когда Дереку всё же удавалось его достать — что бывало исключительно редко. Азартная и мечтательная громада, склоняющаяся над книгами и картами и рассказывающая о своих амбициозных и безумных планах...

Друг, соратник и брат — и уж потом, после всего этого, ещё немного и повелитель.

Дерек шёл очень быстро, почти бежал, не замечая, что весь дрожит; достигнув памятного утёса, остановился так резко, словно налетел на стену.

Из глаз его текли слёзы, но он этого не осознавал из-за бьющего в лицо ветра, приносящего морские брызги.

— Причём тут я?! — чётко спросил Дерек у моря. — Я этого вообще не должен был знать!..

Морю, со всей очевидностью, всё ещё были более чем безразличны любые вопросы. Его интересовали игры с волнами, пенистые брызги и набеги на мокрый скалистый берег.

Не получив ответа, Дерек принялся нервным, истеричными движениями пинать в море все камни, какие попадались ему под ноги.

— Я не имею к этому решительного никакого отношения!.. — кричал при этом он.

Морю было наплевать и на летящие в него камни, и на обращённые к нему крики. И первые, и вторые оно поглощало с равным безразличием.

Осознав, в конце концов, факт этого безразличия, Дерек задрал голову к небу и заорал туда:

— Слышишь?! Я не имею к этому никакого, решительно никакого отношения!..

Оторавшись, он снова ссутулился и понёсся в город.

18. Почему опасно связываться с агентами под прикрытием?

У Дерстэна Меринара хватало тайн.

Среди них были истории совершенно тривиальные: например, то, что он изменял жене с прачкой с соседней улицы, было тайной только для жены.

Или вот, все полагали, что он не пьёт, потому что у него больная печень, но, на самом деле, всё с его печенью было в порядке, а не пил он только потому, что пьянеть и выбалтывать свои тайны ему было категорически противопоказано.

Потому что в ряду этих тайн присутствовала та, что когда-то звали его совсем не Дерстэном, и родился он вовсе не в семье Меринаров, и даже не был этой семьёй чин чинарём усыновлён. По правде сказать, он и вообще не был анжельцем, и в этом-то и состояла главная проблема и главная тайна.

Вот уже пятнадцать лет, как честный булочник Дерстэн Меринар, которого в припортовом районе столицы Анджелии каждая собака знает — лучший в городе хлеб с кориандром! — был придуман как прикрытия для ньонского агента под позывным Рыжий (надо сказать, что на деле-то из рыжего у него была разве что родинка за ухом, а так-то он был вполне себе брюнетом).

Не-рыжий не-Дерстэн за эти годы успел научиться печь хлеба и булки всех видов, часами говорить о погоде с дотошностью истинного коренного анжельца и распознавать завсегдаев по манере открывать дверь его лавки.

Клиенты побогаче, впрочем, сами не приходили, а засылали мальчишек-посыльных — их не-Дерстэн тоже всех знал. То, что сегодня к нему явился какой-то новенький, его не удивило — дело обычное — и он радушно собрал ему в корзинку заказ, попутно обсуждая направления морских ветров. Мальчишка тему не поддержал, но не-Дерстэн не расстроился — молодёжь и вообще была в погодных разговорах не слишком искусна. С возрастом придёт!

Вот то, что после ухода мальчишки за стойкой обнаружилась оброненная записка, уже было странно. Записки ему передавали — но всегда из рук в руки. И, разумеется, передача некоторых записок сопровождалась словами, которые звучали вполне уместно в ситуации подобного рода, но означали совсем не то, что мог бы понять случайный свидетель.

Впрочем, оброненная записка вполне могла быть перечнем заказываемых позиций — вдруг мальчишка что перепугает — поэтому...

Не-Дерстэн аккуратно поднял бумажку с пола — делая вид, что полез за тряпкой. В лавке никого не было, но с улицы могли наблюдать через окна, поэтому записку он развернул так, чтобы стойка закрывала его руки, и глаза скосил на текст незаметно.

«Во время поездки в горную обитель на Кесе на нашего повелителя, возможно, произойдёт нападение из засады» — по-ньонски значилось там.

«Однако!» — весьма удивился не-Дерстэн, не отражая, впрочем, своего удивления на лице и невозмутимо пряча донесение в карман.

Ни при передаче записки, ни в ней самой не содержалось никаких условленных паролей.

«Провокация? Проверка? — перебирал в голове не-Дерстэн, спокойными размеренными движениями протирая прилавок. — Точно следят!»

Основная версия у него была одна: анжельская контрразведка заподозрила его в связях с Ньюном и пытается вскрыть агентурную сеть.

Неловко подвернув ногу, не-Дерстэн, цепляясь за стойку, чтобы не упасть, повалил на пол красивую джотандскую вазу, которая услаждала взоры посетителей его лавки: на керамических боках были изображены весьма фривольные сюжеты из джотандской мифологии.

Главным назначением вазы было сообщать кому надо, что всё в порядке. Отсутствие вазы, соответственно, говорило о том, что явка провалена.

— Тэнь! — с досадой крикнул не-Дерстэн, подзывая из кухни жену — та, впрочем, и сама уже спешила сюда, услышав грохот разбившейся диковинки. — Займись тут! — велел он.

Пока жена суежилась с осколками, не-Дерстэн изображал мрачность и раздражительность: расхаживал по лавке, покрикивал, отпугивал посетителей, ругался, и однажды даже ударил кулаком по стойке, явно напугав тем дражайшую половину. В итоге, в ходе одностороннего скандала оставив лавку на жену, демонстративно ушёл в ближайший трактир — напиваться из-за неудачи с вазой.

Спина его никаких взглядов не почувствовала, но всерьёз выискивать наверняка посланный за ним «хвост» не-Дерстэн опасался. Он всё ещё играл честного булочника, который обозлился из-за чьей-то неудачной шуточки, разбил дорогую вазу и теперь, забыв про свою больную печень, идёт запивать горе.

В трактире, забившись в угол, он тщательно наблюдал из-за кружки всех входящих за ним — вели они себя на редкость естественно, но не-Дерстэн справедливо полагал, что в анжельской контрразведке идиотов не держат.

«За чёрным ходом наверняка следят», — размышлял не-Дерстэн, делая вид, что пьёт из кружки, и планируя первую фазу отхода.

Для этого ему пришлось подождать: в разгар дня в приличном трактире наблюдался дефицит пьяных компаний. Нужна была суматоха в дверях — чтобы запереть в трактире того, кто его «пасёт». Плюс один у заднего хода, пока добежит... остаётся наружный — или наружные? Едва ли их было больше двух; такая толпа точно демаскировала бы наблюдение.

Терпеливо изображая процесс поглощения спиртного, не-Дерстэн, наконец, дождался удачного шанса: в трактир зашёл знакомый забияка-матрос.

Дальше было дело техники: подойти к стойке, мол, за новой порцией, удачно подставить честного посетителя, чтобы матрос подумал, будто бы это тот его пнул, и прошмыгнуть мимо завязавшегося скандала на улицу. Драка не драка, а поди теперь быстро выскользни!

Скорым шагом не-Дерстэн отправился на портовый базар. Всё ещё изображая огорчённого булочника, он принялся на этом базаре выбирать вино: заглядывая в бутылки, можно было по отражению попытаться отследит «хвост». Впрочем, двигаться он старался по возможности быстрее, в надежде, что разделённая трактиром команда не соберётся вновь.

В какой-то момент, воспользовавшись удачным моментом — один торговец разорался и собрал вокруг себя толпу! — не-Дерстэн шмыгнул к складам. Там он пару раз свернул в совсем уж мрачные места — шагов за спиной слышно не было, что, впрочем, ничего не доказывало, — и, наконец, затаился на крыше невысокого сарая.

Так он провёл с час.

«Хвост» либо прочно потерял его, либо профессионализм агентов зашкаливал: проходившие время от времени по складским переулкам люди, казалось бы, никого тут не выискивают и не отслеживают, а идут по своим делам.

Пропетляв ещё немного меж складов, не-Дерстэн выбрел к рыбацкому причалу, демонстративно подволакивая ногу. За пару монет один из рыбаком согласился подвезти бедолагу к северной части города — мол, пешком идти домой мочи нет, а на экипаж денег в жизни не хватит.

На северном причале ничего подозрительного не наблюдалось, и не-Дерстэн посчитал, что ему удалось отделаться и от «хвоста», и от опасности быть выслеженным собаками.

Отход перешёл во вторую фазу: нужно было встретиться с другим агентом, передать ему информацию о провале и содержание провокационной записки и спланировать бегство.

В этой части всё прошло без сучка и задоринки, и уже вечером он отъезжал от анжельской столицы в пригород. По официальной версии, печень Дерстэна Меринара не вынесла расстройств по поводу разбитой вазы, и несчастный тихо помер в какой-то канаве. Найденный труп — отдалённо даже похожий на этого самого Дерстэна — был наутро отволочен туда же, куда и все помирающие бродяги и бедняки, и в тот же день, как и положено, сожжён — до того, как его сумела опознать не так уж и безутешная супруга, сделавшаяся вдруг единоличной владелицей булочной и завидной невестой.

Теперь уж точно совсем не Дерстэн, но всё ещё не-рыжий давал подробный отчёт ньонскому дипломату. Вопросы, которые интересовали их обоих, сводились к тому, когда, где и как не-рыжий засветился, и каким образом анжельская контрразведка планировала использовать свою провокацию.

Информацию о возможном покушении, впрочем, уже послали в Ньон с голубиной почтой — с пометкой, что она может быть провокацией. Продублировать сообщение должен был сам не-рыжий, которого планировалось отправить в Ньон с первым же подходящим кораблём.

— Никаких подозрительных шевелений вокруг булочной и вашей вдовы, — хмурился дипломат.

— Непонятно, почему выжидали, — добавлял не-рыжий. — Мой последний контакт с другим агентом состоялся два месяца назад.

— Возможно, вы уже давно были у них под колпаком, — размышлял дипломат, — но их правительство готовит какую-то провокацию на Кесе и решило использовать этот контакт.

Было, однако, не очень понятно, почему дезинформацию не попытались провести официальными каналами через ньонское посольство. Анжельцы не могли быть настолько идиотами, чтобы не понимать, что подброшенная без условных знаков и паролей записка вызовет меньше доверия, чем искусно организованная протечка в дипломатических кругах.

— Кто мог о вас знать? — задал дипломат вопрос в тот же момент, когда и сам не-рыжий подумал, что записка могла не быть провокацией.

— Кто-то из списанных агентов? — предположил он.

У всех действующих контактов должны были быть актуальные пароли; впрочем, что мешало старому знакомцу просто выйти на контакт? У не-рыжего была прекрасная память на лица, и знакомая физиономия поэтому имела некоторое преимущество перед подброшенной запиской.

Оставалось логичное предположение, что это был какой-то старый агент, которому в своё время дали адрес явки, но он им по ряду причин не воспользовался; сейчас же почему-

то эта явка являлась для него единственным способом связи.

— Почему не через посольство? — спросил дипломат как раз в тот момент, когда не-рыжий размышлял, что мешало возможному агенту воспользоваться официальным каналом связи.

— Может, я попробую узнать того мальчишку? — последовало предложение.

Вздыхнув, дипломат отверг его:

— Опасно, Рыжий. Это может быть провокация от лица небольшой группы, не обладающей должными связями, чтобы использовать более официальные каналы. Возможно, — пожевал он губами, — вас выдал кто-то из старых агентов.

— Я попробую вспомнить, — кивнул не-рыжий, — дадите мне бумагу?

Дипломат кивнул, и вскоре агент получил всё необходимое.

Не-рыжий задумался и принялся делать быстрые небрежные наброски — пытался вспомнить лица из числа тех, кто посещал его лавку в последние дни и не являлся притом его постоянным клиентом.

Это было не так уж сложно; своих завсегдатаев он помнил хорошо, а случайные люди заходили к нему не так часто. И не-рыжий, и дипломат, оба предполагали, что, если их сдал кто-то из агентов, он должен был сперва зайти в булочную и убедиться, что с явкой всё в порядке. Это должен был быть человек, который либо знал про вазу, либо мог узнать не-рыжего в лицо — и если первый случай был глушняком, то во втором были все шансы опознать крысу.

Закончив с набросками, не-рыжий окинул их одним взглядом. Вместе с дипломатом они одним словом резюмировали:

— Дилетант!

Среди показавшихся не-рыжему подозрительными посетителей лишь один представлял собой на вид классического шпиона: надвинутая на лоб шляпа, густая чёрная борода и такие же густые чёрные усы.

Впрочем, и борода, и шляпа вполне справлялись со своим назначением и мешали разобрать черты лица.

Сосредоточившись, не-рыжий выдал ещё несколько набросков, пытаясь воспроизвести область глаз и носа, а так же контур видневшихся в растительности губ.

К счастью, этого посетителя он запомнил очень хорошо: уже тогда он показался ему подозрительным, и дело было вовсе не в дилетантской маскировке. Сперва не-рыжий не обратил особого внимания — подумаешь, незнакомый клиент долго разглядывает ассортимент! Он успел обслужить пару человек, и, лишь когда они ушли, отметил, что чужак в шляпе смотрит на булки с каким-то странным для такой ситуации отчаянием. У не-рыжего даже мелькнула было мысль, что посетитель давно голодает, а денег на еду у него нет; но и дорогой костюм, и новенькая на вид шляпа явно не вписывались в эту версию.

Нервно вцепившись в отворот своего сюртука пальцами, чужак так пожирал булки глазами, что не-рыжий уже было решил предложить ему одну в счёт заведения — кто его знает, может, какой богатеи только что продул всё состояние в карты, и теперь размышляет, не утопиться ли ему! — но тут встретился с посетителем глазами.

Это длилось всего секунду — тот тут же отвёл взгляд, нервно передёрнул плечами и почти выбежал из булочной, явно больно ударившись по дороге о дверной косяк, — но не-рыжий успел заметить выражение твёрдой отчаянной решимости, так не сочетавшееся с

поведением чудака.

«Точно топиться надумал», — подумал тогда не-рыжий, но тут пришёл очередной клиент, а потом следующий, а там и тот мальчишка с запиской, и завертелось...

В общем, он неплохо запомнил незнакомца и сумел вполне внятно его изобразить, но это никак не помогло: ни дипломат, ни агент не могли припомнить такого человека.

— Попробуйте дорисовать разные варианты, — предложил дипломат.

Не-рыжий кивнул, и через полчаса у них появился ещё ряд набросков: совершенно разные лица, казалось, принадлежали членам одной семьи, потому что всех их роднили совершенно одинаковые глаза.

— Смотрите, — обратил внимание не-рыжего дипломат на то, что тот и так уже понял.

Если первые наброски различались весьма существенно — не-рыжий тщательно перебирал разные овалы лица, формы подбородков, виды растительности, высоту и ширину лба, — то к финальным версиям всё чаще преобладал один и тот же типаж. Округлое и гладкое юношеское лицо с встопорщенными волосами.

— Вы его знаете, но забыли, — уверенно заявил дипломат.

— Я видел его, видимо, давно, — уточнил не-рыжий, потому что получавшийся у него юношеский портрет не вязался с обликом подозрительного незнакомца, который явно приближался к сорока.

— Пробуйте эмоции, — логично предложил дипломат.

Новая череда набросков — листы уже заканчивались — и юношеское лицо всё чаще выходило улыбчивым и застенчивым.

Не-рыжий вглядывался в особенно улыбчивый портрет минут пять; дипломат не торопил. В голове не-рыжего зазвучал звонкий голос с приподнятыми интонациями — он бы точно подошёл такому мальчишке. Услужливому и дружелюбному мальчишке, который, должно бы, встречал гостей и провожал их к своему господину...

— Ординарец владыки, — сошлись в голове не-рыжего воспоминания.

Блондинистый улыбчивый мальчишка, в самом деле. Видел он его пятнадцать лет назад, как раз перед своим перебросом в Анджелию. Инструктировали его в присутствии владыки, и шустрый ординарец встретил их — не-рыжего с главой сыска — ещё у ворот Цитадели.

«Что он забыл в Анджелии?» — мелькнул у обоих нбонцев один и тот же вопрос.

— Проверка! — тут же хором провозгласили они.

Центр решил убедиться, что агенты на местах не потеряли былой хватки. Не-рыжий работал под прикрытием уже слишком давно — вполне мог начать совершать банальные ошибки.

— Что ж, — резюмировал дипломат, — ваше задание здесь теперь завершено. Отправим вас в столицу с первой же возможностью, доложите там. Я подпишу вам характеристику и отдельно отмечу образцовое прохождение этой проверки. Прекрасно проведённый отход, чёткая аналитическая работа! Думаю, то, что вы узнали вашего проверяющего, даст вам ещё очков в плюс.

— Благодарю, — сдержанно пожал ему руку не-рыжий.

В мечтах замаячила тихая и спокойная пенсия в каком-нибудь уютном поместье.

19. Как вытащить Дерека из истерики?

Райтэна царапнула какая-то неправильность в облике проскользнувшего через гостиную к лестнице на второй этаж друга, но сперва он не понял, в чём дело.

Только спустя пару минут дошло: Дерек был гладко выбрит.

Уже несколько лет он носил усы и бороду, и, кажется, был ими вполне доволен.

«Чего это ему вздумалось?» — нахмурился Райтэн и, выпутавшись из игры с сыном, тоже отправился на второй этаж.

Дверь в комнату Дерека оказалась приоткрыта; Райтэн, тем не менее, стукнул, но ответа не последовало — тогда он всё же заглянул.

Дерек сидел на кровати, облокотившись на колени и уронив руки в лицо.

— Дер?.. — лёгкое беспокойство перешло в полноценную тревогу. Райтэн зашёл внутрь и плотно закрыл за собой дверь.

Друг никак не отреагировал — будто не слышал ни шагов, ни оклика, ни стука закрытой двери. Райтэн начал слегка паниковать.

— Дер! — он сделал шаг к кровати, но тут Дерек поднял лицо от ладоней, и Райтэн словно налетел на стену: лицо это было совершеннейше бледное, и выражение его представляло смесь отчаяния и страха.

«Наши все здесь», — растерянно мелькнуло в голове Райтэна, поскольку первым его предположением в такой ситуации было, что кто-то умер. Но всех, кто был по-настоящему дорог Дереку, он только что оставил в гостиной на первом этаже!

— Тэн, послушай... — тонким, искусственным голосом сказал тут Дерек, вставая неловко и деревянно, что вызвало у Райтэна натуральный приступ паники. Он торопливо обшарил взглядом фигуру друга — ран заметно не было — и сердце его похолодело от мысли, что, возможно, Дерек только что узнал, что болен чем-то совершенно ужасным.

— Я... — меж тем, попытался предполагаемый смертельно больной что-то высказать, но так и не смог; голос его сорвался, и он рухнул в прежнюю позу, снова закрывая лицо ладонями.

Больше всего на свете Райтэн ненавидел, когда дурные новости цедили вот так, по словечку, оттягивая момент неизбежного признания. Он предпочитал сталкиваться даже с самыми страшными своими страхами лицом к лицу и немедленно; поэтому сухо и деланно спокойно уточнил:

— Ты умираешь?

Это предположение вызвало у Дерек пятисекундный приступ истеричного ломкого смеха.

— Можно сказать, и так, — согласился он, и Райтэну стало легче дышать.

Паршивый идиот без мозгов просто опять драматизирует.

А что вызывает у его долбанутого брата особо идиотские приступы неконтролируемого драматизма? Ну конечно же, этот проклятый Ньон!

Выпрямившись и сложив руки на груди, Райтэн через губу спросил:

— Только не говори, что кто-то грохнул Грэхарда!

От этих слов Дерек весь сжался в комок, вжимаясь лицом в колени, и Райтэн с ужасом решил, что, в самом деле, угадал.

Мучительно побледнев, Райтэн рванул к другу — грохнувшись на пол рядом с ним,

попытался обнять за спину.

— Пока ещё нет, — еле слышно донеслось до него от сжавшегося Дерек.

В мыслях Райтэна пронеслось несколько забористых матерных оборотов. Предполагаемая ситуация — что кто-то когда-то теоретически решит грохнуть ньонского владыку — не соответствовала степени драматизма.

Райтэн начал было раскручивать мысль — и, должно быть, и сам раскрутил бы её до правильного ответа, — но тут Дерек вдруг вжался ему в плечо и заплакал.

Совсем перепугавшись, Райтэн прижал его к себе крепче. Он никогда не видел, чтобы Дерек плакал, и даже полагал, что ему это и не свойственно: слишком живой, сильный, оптимистичный характер. В самых сложных, критичных ситуациях он только становился более собранным и твёрдым, а если и находили на него моменты, когда он бывал в унынии — как после той истории с Лэнь, — то это делало его скорее жёстче и суше.

Он, впрочем, казался человеком, который мог бы расплакаться от сентиментальности — Райтэн пару раз замечал такие моменты за ним, потому что обычно и для него самого это были такие же моменты. Но чуть прослезиться от сентиментальности — это совсем, совсем другая история, и явно не теперешний случай!

Дерек плакал сухо, тихо и отчаянно, без рыданий, но судорожно содрогаясь всем телом. Прижимая его к себе, Райтэн чувствовал, как он мелко дёргано дрожит. Это было страшно; это было по-настоящему страшно, и Райтэн совершенно не знал, что делать и как ему помочь.

— Дер... Дерри... — пытался он бормотать что-то утешительное, но в тоне его слышалась скорее бесконечная растерянность, чем утешение. — Братишка, да что ж ты...

— Братишка! — вдруг с язвительной насмешкой в голосе передразнил Дерек, отталкивая его. Слезы перешли в нервный истеричный смех; резко вскочив на ноги, он отшатнулся к окну и тяжело опёрся обеими руками на подоконник.

Райтэн с большим недоумением поразглядывал нервно дрожащую спину. Прежде, чем он успел придумать план дальнейших действий по приведению друга в чувства, тот вдруг резко развернулся к нему лицом, заводя руки за спину, чтобы по-прежнему опираться ими на подоконник — кажется, иначе ноги его не держали.

С минуту Дерек вглядывался в друга острым и пристальным взглядом, и Райтэну совершенно не хотелось знать, что за дурные мысли бродили в этот момент в этой дурной башке.

— Дер, — вставая, поднял он руки в примиряющем жесте, — давай ты просто расскажешь, что случилось?

Нервно и тяжело сглотнув, Дерек прикрыл глаза и низко опустил голову. С минуту молчал, потом неестественно спокойным на фоне предыдущей истерики голосом ответил:

— Да, ты прав.

Райтэн мысленно выдохнул с облегчением: каким бы паршивым не было мучающее друга обстоятельство, желательно было бы всё же, наконец, с ним ознакомиться.

Дерек, меж тем, потёр ладонью лоб, вздохнул, оторвался, наконец, от подоконника, отвернулся к окну и туда, в закрытое окно, начал рассказывать:

— Я выяснил, зачем всем понадобился Кес, — ровным и спокойным голосом заявил он. — Там есть одна любопытная обитель, которая входит в зону интересов солнечной госпожи. Скорее всего, она планирует туда поездку после основного торжества, и Грэхард будет её сопровождать, разумеется. — У Райтэна уже сошла картинка, но он не стал

прерывать. — Твой отец посчитал этот случай подходящим, чтобы избавиться от досадной угрозы, поэтому через третьи руки передал информацию ньонской оппозиции, чтобы та смогла подготовить покушение.

Дерек говорил спокойно, размеренно, даже чуть приподнятым тоном — как о вещах, совершенно его не касающихся, — и именно этот обычный повседневный тон казался особенно страшным — почти таким же страшным, какой была только что отбушевавшая истерика.

— Я не мог поговорить с твоим отцом, — небрежно отметил Дерек, — потому что его, очевидно, не интересовало моё мнение, да и план уже был запущен. Тем более я не мог как-то связаться с Кьерином или кем-то из ньонских князей — да и стали бы они меня слушать? С Грэхардом, впрочем, у меня тоже нет никакой связи, — задумчиво поделился он и замолчал.

Не в силах дожидаться очередной порции откровений, Райтэн поторопил:

— Не в ньонское же посольство ты пошёл?

— Ну что ты! — с лёгким смешком ответил Дерек, оборачиваясь. — Не настолько же я всё-таки идиот!

— Это радует, — сухо резюмировал Райтэн, складывая руки на груди.

Дерек фыркнул совершенно безрадостно.

— Я никогда не входил в дела внешней разведки, — продолжил, меж тем, Дерек. — И совершенно не представлял себе, как с ней связаться. Всё, что я помнил, — несколько полевых агентов. Их инструктировали при Грэхарде, поэтому и я их видал.

Райтэн отстранёно подумал, планирует ли друг обходить всю столицу и стучаться в каждый дом, чтобы найти агента методом тыка — и не разумнее ли, в таком случае, всё же попробовать через посольство?

— Всё, что я смог вспомнить, — меж тем, пожал плечами Дерек, — что один из анжельских должен был открыть булочную в столице.

Райтэн взвёл глаза к небу.

— Ты решил обойти все булочные теперь? — досадливо уточнил он.

Дерек тяжело вздохнул, вернулся к кровати, сел и посмотрел на Райтэна снизу вверх.

— Я уже нашёл, — признался он.

Он сказал это просто и сухо; но по усталому измученному взгляду его было понятно, какой глубины была его паника, что он на полном серьёзе много часов бродил по столице в поисках той самой булочной.

— Так, — принял к сведению Райтэн, наконец, уложив картину внутри своей головы. — И что?

Дерек дёрнул плечом.

— Передал предупреждение, — последовал ответ.

Райтэн нарисовал на лице недовольство и нетерпение:

— Это я понял! — вербализовал он это недовольство. — Драма-то в чём?

Дерек посмотрел на него как на идиота.

— Тэн, — наконец, мягко отметил он, — я сдал ньонской разведке заговор, организованный твоим отцом, и при этом засветился сам. Всё равно, что помахал Грэхарду рукой с криком: «Привет, я тут!», — с лёгкой истерикой в голосе расшифровал он.

Дерек не строил никаких иллюзий насчёт своего умения маскироваться. Если уж он-то

сам сумел узнать агента, которого видел лишь однажды, то тот-то наверняка вспомнит его, и никакая накладная борода тут не поможет.

Райтэн сморгнул. Настал его черёд смотреть на друга как на идиота.

— И ты из-за этого, — холодно уточнил он, — тут всю эту драму развёл?

Лицо Дерек выглядело непривычно беззащитным без бороды — Райтэн уже и забыл, сколь дурацкое выражение оно приобретает в таких ситуациях.

— Чего сразу драму-то!.. — обиженно буркнул он, защищаясь.

— Мне кажется, — с королевским видом холодно отметил Райтэн, — пусть идиотская в своей кретинской категоричности фраза «Да какие мы теперь братья!» и не прозвучала, думал ты её весьма громогласно.

Дерек покраснел, потому что, естественно, именно таким словами он и думал свои ужасные мысли о том, что теперь-то их дружбе точно пришёл конец, потому что такой подставы Райтэн ему в жизни не простит.

Впрочем, судя по всему, он опять ошибся с оценкой, и у его брата в список непростительных поступков входили какие-то другие вещи, потому что он снова возвёл глаза вверх и показательно вздохнул.

— Меня окружают сплошные идиоты, — голосом, полным глубокого смирения перед судьбой, констатировал он.

Немного помолчал.

— Впрочем, — внёс поправку, — ради разнообразия главным кретином в этой драматической самодеятельности выступает мой отец.

Кивнув сам себе, он решительно развернулся и летящим шагом унёсся наружу.

В панике Дерек вскочил. Даже такому идиоту, каким он себя чувствовал сейчас, было очевидно, что Райтэн помчался выяснять отношения с отцом.

Ёмко охарактеризовав ситуацию непечатным словом, Дерек рванул догонять.

20. Почему побег от проблемы — это не решение?

Догнать Райтэна Дереку удалось уже только у Рийаров. Единственным положительным моментом было то, что Райтэн, во всяком случае, вытащил отца из общей гостиной в отдельный кабинет; но на этом запасы его благоразумия закончились, потому что, когда Дерек до этого кабинета домчался, там уже гремел скандал.

— Ты совсем разметелил свои кретинские мозги в этих своих долбанных интригах?! — размахивая напряжёнными руками с судорожно искривлёнными пальцами, натурально орал Райтэн, перемежая более или менее приличные слова матерными.

Старший Тогнар настолько опешил от абсурдности ситуации, что просто молча попятился, отходя от разошедшегося сына на безопасное расстояние. Возможно, он полагал неразумным провоцировать очевидного безумца.

«Капец!» — пронеслось в голове у Дерека, лихорадочно соображающего, как не только остановить разогнавшийся ор, но и нивелировать его последствия.

Перепсиховавшего Райтэна несло с неудержимой силой. Это там и тогда признание Дерека не произвело на него должного эффекта на фоне уже придуманных им кошмаров; он в тот момент почувствовал облегчение от понимания, что никто не умер и не собирается, и немного упустил, в самом деле, суть проблемы. Пока же он нёсся к Рийарам, до него дошло, что Дерек, действительно, весьма неосмотрительно засветился, и ньонская разведка может теперь явиться по его душу в любой момент — не то чтобы Дерек как-то прятался и был настолько малозначительной и незаметной персоной, чтобы имелась какая-то принципиальная трудность с его поисками.

Райтэн всегда боялся за друга. Сперва это был не совсем осознанный страх: он начался в Аньтэе, когда Райтэн заметил, что Дерек сам боится, что его найдут. Он просто разделил этот страх, не задумываясь о его причинах. Потом, позже, он стал бояться и от своего лица тоже — потому что ему казалось, что Грэхард слишком значимая персона, на фоне которой он теряется, и, если начистоту, в какой-то момент Райтэн боялся не столько того, что Дерека найдут, сколько того, что он сам захочет вернуться к Грэхарду. Ещё позже, осознав, что там, в Ньоне, Дереку было плохо, и что отношения его с Грэхардом угнетали и подавляли его, Райтэн стал бояться, что Дерека принудят вернуться к этим отношениям, и это совершенно убьёт его морально. Теперь же страх его стал критически острым: он боялся, что Дерек потеряет всё, что ему дорого, и самого себя в том числе, и станет пленником при Грэхарде, где будет медленно и в тоске умирать, лишившись всего, что было важно для него.

Райтэн ещё не успел вполне обдумать этот страх и придумать, как не допустить такого варианта развития событий; эмоции бушевали в нём бешеным вихрем и требовали выхода наружу — и обрушились всей своей силой на отца.

Потому что с раннего детства Райтэн становился жертвой таких вот интриг, которые отец шутя проворачивал на каждом шагу. Чаще всего они, впрочем, были безобидными и даже не лишёнными юмора, но Райтэна безмерно, нечеловечески бесило, что он был совершенно бессилён против интриг такого рода — потому что каждый раз он чувствовал себя всего лишь очередным объектом очередной интриги.

Он позабыл об этой манере отца — слишком много лет провёл вне дома, а потом всё сгладилось чувством всепожирающей вины перед близкими, которых он попросту бросил. В последние десять лет они взаимодействовали, пожалуй, действительно на равных, без всяких

«почти», и Райтэн совершенно забыл, как оно было там и тогда, в детстве и юности.

Теперь же всё это забытое, не прожитое, отложенное в долгий ящик обиды и недовольства, заваленное сверху неподъёмными мешками собственной вины, — вырвалось наружу, освобождённое бешеным страхом за Дерёка.

Райтэн даже не кричал — он бил воздух руками и орал, выплёскивая свой страх наружу, и в этом оре было весьма проблематично разобрать что-то конструктивное.

— Ты правда, что ли, никогда никого не любил!! — доорался Райтэн до совсем уж немыслимых претензий. Напряжённые мышцы его шеи словно свело мучительной судорогой, от чего звук с трудом проталкивался сквозь сведённые голосовые связки и получался сдавленным. — Как, как тебе вообще могла прийти в голову мысль, что убийство близкого человека может быть решением проблемы!..

У Тогнара ничего не щёлкнуло в мозгу, потому что, естественно, в его картине мира «владыка Ньюна» и «близкие люди» вообще никак не пересекались смыслами. Он бросил растерянный взгляд на Дерёка — мол, мне кто-нибудь объяснит, что, вообще, происходит, и по какому поводу я получаю столь вопиющие — в прямом смысле слова — претензии?

Дерёк всю эту сцену чувствовал себя в высшей степени неловко, но уйти было страшно — он никогда не видел Райтэна настолько потерявшим контроль над эмоциями, и, хотя совершенно не знал, как теперь привести его в чувство, не мог заставить себя оставить его в таком состоянии. Поэтому, хотя ему было бесконечно и мучительно стыдно выступать свидетелем творящегося бедлама, он всё же продолжал стоять в дверях, растерянно смаргивая и пытаясь подобрать хоть какие-то слова, которые могли бы вывести Райтэна из этого неконтролируемого бешенства.

— Тэн! — сделал он пару шагов к другу.

Тот раздражённо обернулся.

— А! И ты тут! — констатировал он, и этого мгновения отвлечения ему хватило, чтобы чуть снизить градус эмоциональности. Повернувшись обратно в отца, он злым шёпотом продолжил: — Ты хоть понимаешь, чем это грозит Деру?! Ты, дурья башка, чуть не убил человека, которым он дорожит больше, чем собственной жизнью, и ему пришлось вытаскивать этого человека ценою всего, чем он дорожит! — язвительной горечи в его словах хватило бы на то, чтобы отравить небольшую армию.

Дерёк удивлённо заморгал: Райтэн крайне чётко и ёмко выразил суть той боли, которую он теперь испытывал, и Дерёк был поражён и тем, что Райтэн так быстро и глубоко его понял, и тем, что суть его терзаний выражается так просто. В его голове это раньше точно не было так просто — там и вообще стоял полный и тотальный кавардак — и теперь, несмотря на кошмарность ситуации, ему сделалось легче, потому что правильные слова были найдены и произнесены, и дали какую-никакую определённую ясность.

Тогнар, наконец уловивший, в чём суть обстоятельства, от которого его сын настолько слетел с катушек, удивлённо поднял брови.

Он, во-первых, не ожидал, что их маленький заговор станет кому-то известен, во-вторых, полагал, что реакции Райтэна переходит все грани допустимого, и, в-третьих, наконец, был недоволен столь незрелой оценкой ситуации. Убийство Грэхарда, с его точки зрения, было наиболее рациональным и удачным разрешением ситуации; то, что Дерёк такое решение не одобрил бы, было очевидно, поэтому вся комбинация рассчитывала полное устранение самого Дерёка из операции. Тогнар брал всю грязную работу на себя, и был

весьма доволен и собой, и своей комбинацией, и её предполагаемыми итогами.

То, что Дерек влез, куда не звали, разнюхал, что не следовало, да ещё и всё испортил, Тогнара изрядно выбесило — он и так-то был разгневан совершенно неподобающим поведением сына, а тут ещё и это!

— Вот и зачем вы в это влезли! — зло и раздражённо выговорил он Дереку, назначая именно его виновником всех бед.

Дерек ничего ответить не успел — впрочем, он и не знал, что на это ответить, — поскольку Райтэн явно не собирался успокаиваться:

— В самом деле! — зло и язвительно воскликнул он. — Конечно, он должен был, мать твою, растечься в благодарностях за то, что ты чуть не убил его друга!..

— Хозяина, — с милой гаденькой улыбочкой поправил Тогнар, уже тоже закусивший удила. — Его хозяина, Тэн.

Это гнусное, отвратительное слово заставило гнев Райтэна вспыхнуть с новой силой. Ему невыносима была мысль, что где-то существует система, которая позволяет считать Дерекка — живого, чувствующего Дерекка, — чьей-то вещью.

— Ты тупой?! — не в силах сдержаться, опять перешёл на оскорбления Райтэн, и тут же выразил свой протест против такой омерзительной системы: — Он никогда не был Деру хозяином!..

Тогнар поражённо замер. До этого он не рассматривал возможность наличия между Дерекком и Грэхардом каких-то личных отношений. Ситуация казалась вполне однозначной: Дерек был рабом, он сбежал от своего хозяина в Анджелию, он прячется здесь, он боится, что его найдут.

Но реакции Райтэна и его слова ясно и несомненно свидетельствовали о том, что всё оказалось гораздо сложнее.

До Тогнара дошло, что Грэхард был Дереку не только хозяином, но и другом, близким человеком, смерть которого, и в самом деле, причинит слишком много боли, чтобы считать её удачным решением какой бы то ни было проблемы.

Открытие это словно вышибло из Тогнара воздух; он сгорбился, пытаясь сделать вдох.

— И откуда я мог это узнать? — защищаясь, выдавил из себя он.

Этот простой вопрос совершенно вывел Райтэна из себя.

— А спрашивать не пробовал, нет?! — выбесился он и снова понёсся: — Нет, конечно, куда нам! Мы же тут грёбанные мастера грёбанных гениальных планов, о дремучих подробностях которых никому знать не обязательно! Мы же, демоны в задницу, всегда были самыми умными, всегда всё знали лучше всех, всегда всё устраивали единственным грёбанным верным способом!

Райтэна несло и несло дальше — невысказанные юношеские обиды наконец вырвались наружу — и он совершенно не замечал состояния отца, не видел, что тот и не пытается оправдаться, защититься или, тем паче, нападать в ответ. Он в упор не видел того, что перед ним стоит совершенно потерянный, опрокинутый горем и болью старик, — перед его внутренним взором маячил деловой, уверенный в себе, насмешливый правитель Аньтье. Всегда слишком сильнее, всегда слишком умнее, всегда недостижимый на своей высоте власти, опыта и мудрости. Райтэн яростно и горько высказывал этому — сильному, умному, властному, — то, что, конечно, не могло долететь до вершин его величия, но что ему, тем не менее, отчаянно нужно было хотя бы попытаться до этих вершин докричать. Он не видел, что отец его не просто побеждён; что он совершенно уничтожен и унижен его словами, что

каждое из них не просто долетает — попадает в самое сердце и оставляет на нём глубокий болезненный след.

Под потоком этих обличений Тогнар сгибался всё ниже.

Комбинация с убийством Грэхарда и в самом деле казалась ему гениальной. Он расценивал её как истинный шедевр своего дипломатического таланта, как вершинный аккорд своей политической карьеры — яркий и дерзкий аккорд, достойный его славной фамилии и служащий прекрасным завершением интриг его жизни.

Всего одна допущенная небрежность, ставшая фатальной: он не счёл нужным разбираться в чувствах Дереха. В своих интригах он всегда ориентировался на конечный результат, полагая, что чувствами можно и пренебречь — поскольку игра стоит свеч.

Всю свою жизнь, раз за разом, он пренебрегал чувствами вовлечённых в его интриги людей и не видел в этом ничего криминального; итог интриги всегда того стоил.

Теперь впервые он осознал, в чём слабое место его метода.

Впервые он столкнулся с тем, что эти обычно игнорируемые им чувства могли оказаться столь сильны и важны, что никакой, даже самый блестящий финал интриги, — того не стоил.

Тогнар, конечно, преследовал свою выгоду в текущем деле, но всё же не это было его приоритетом. Он по-настоящему дорожил близкими людьми, и Дереха тоже относил к членам своей семьи, поэтому первым и главнейшим его побуждением было освободить Дереха. Основной смысл интриги, базовый и краеугольный смысл, состоял в том, чтобы над Дерехом больше не висела тень его бывшего хозяина, чтобы он стал свободен — по-настоящему свободен — и чтобы никогда больше не боялся, что его настигнет его прошлое.

Но если Грэхард был Дереху не просто хозяином, а близким человеком, то вся выгода интриги сходилась на нет. Что толку освободить человека от страха, если взамен ты вкладываешь в его сердце непроходящую мучительную боль?

Игра не стоила свеч.

А он не понял этого вовремя — потому что привык действовать за спиной людей, на благо которых были направлены его интриги. Он не поговорил, не спросил, не уточнил — ему хотелось преподнести финал интриги как неожиданный подарок, как драгоценный сюрприз!..

А вместо подарка вышел нож в спину.

Тогнар почти не слушал весь тот яд, что изливал на него сын. Он слишком остро, слишком мучительно понимал, что допустил ошибку, исправить которую совершенно уже невозможно.

Болезненнее всего было понимать, что вместо помощи он причинил вред; что попытка вырвать из рук Михара орудие шантажа привела к тому, что осуществился самый неприятный итог этого возможного шантажа.

Раздражённый Тогнар тихо высказал в адрес Михара весьма нецензурное пожелание; неудачно попал в паузу между предложениями уже выдыхающегося сына.

Было излитый гнев Райтэна вскипел с новой силой. Вспомнив о Михаре, он снова погрузился в глубокое чувство беспомощности перед ним. Он так хотел избежать этого всего — всех этих идиотских политических интриг! Он не желал быть правителем Аньтэе, не желал лезть в политику, он хотел простой спокойной жизни обычного человека — и он столько для этого сделал!

Столько сделал — лишь для того, чтобы эти грёбанные интриги снова его догнали!

Взвившись от возмущения, Райтэн досадливо взмахнул руками.

Злость на отца смешалась в нём в этот момент с бессильной яростью, направленной на Михара. Они совершенно смешались в этот момент в голове Райтэна, три довлеющих над ними с Дерексом титана — отец, Грэхард и Михар, — три властных, бесчувственных чудовища, которые вмешиваются в твою жизнь только для того, чтобы всё разрушить.

— Оставьте нас уже в покое со своими долбанными интригами!.. — заорал он уже не столько отцу, сколько этому собирательному образу, и, совершенно ослеплённый яростью, схватился за ближайший предмет — им оказался стул — и с остервенением своротил его на пол и пнул, вдобавок, ногой.

Боль от этого пинка чуть отрезвила его, заставив замереть.

Тишина, следовавшая после криков и грохота, звенела напряжением.

Тяжело дыша, Райтэн переживал момент тотального опустошения. Вырвавшиеся наружу эмоции, разодрав все внутренние запреты и скрепы, оставили по себе ледяное пепелище тупого мёртвого безразличия.

Старший Тогнар застыл, упершись спиной в секретер. Видимо, только эта точка упора — отступая от сына, он, в конце концов, уткнулся в мебель, — и не давала ему упасть.

Райтэн был эмоциональным человеком, который вполне был способен решать свои конфликты криком — пусть никогда до этого он не позволял себе повышать голос на отца. Крик уже был страшным сигналом, который говорил о том, что он находится где-то за гранью своего самоконтроля.

Но швыряться предметами, швыряться мебелью!..

«Насколько же ему больно сейчас!..» — в ужасе думал старший Тогнар, глубоко мучаясь пониманием, что именно он является первопричиной этой боли. Осознание, что сын страдает из-за его поступков, накрыло его и лишило всяческих сил.

Он понимал теперь, что никак и ничем не сумеет заслужить его прощения. Он слишком долго — всю свою жизнь! — не замечал, что причиняет ему боль своей обычной манерой поведения, что Райтэн не видел за этой манерой его настоящих чувств к нему и ощущал себя отверженным и униженным.

«Он всю жизнь не чувствовал, чтобы его любили», — звенели у него в голове давние слова Дерекса, которые и тогда потрясли его, заставили преодолеть себя, научиться общаться с сыном иначе.

Как теперь оказалось, изменения эти были лишь внешними, поверхностными. Он снова подвёл сына — нет, хуже! — он подставил его самого близкого и дорогого человека, и это стало для Райтэна уже последней каплей. Он просто не смог уже терпеть.

Отстранёно наблюдая тяжело дышащего сына, Тогнар осознавал, что да: Райтэн всегда терпел эту его манеру. Терпел и сносил её молча, пытаясь тем выразить уважение к отцу; и только когда силы терпеть закончились — сбежал.

Не взбунтовался, не вступил в бой, не оспорил его право так себя вести — просто сбежал. Не считая допустимым для себя критиковать отца, не считая, что отец должен что-то менять в себе ради него — не считая себя достаточно значимым для того, чтобы отец что-то менял в себе ради него.

Тогнар никогда раньше не осознавал причин этого побега. Юношеский бунт, стремление к независимости, свободолюбие — так объяснял себе он.

И лишь теперь ясно, отчётливо видел: сын не чувствовал себя любимым и нужным, и,

когда у него кончились силы, чтобы сносить всё, что его ранило, он попросту прервал эти отношения. Прервал в одностороннем порядке — потому что был уверен, что отец не пойдёт ему навстречу и не поймёт его чувств.

Горечь до краёв затопила сердце Тогнара и сжала его горло.

Он был бесконечно слеп всю свою жизнь. И теперь, когда судьба и Дерек вернули ему шанс начать отношения с сыном заново — он упустил и этот шанс.

Потому что Райтэн никогда ему не простит интригу, причинившую боль Дереку.

Он мог бесконечно прощать то, что причиняло боль ему самому; но он не простит боль, причинённую другу. Брату.

Прикрыв глаза от мучительно выворачивающего его наизнанку раскаяния, Тогнар весь сжался, пытаясь как-то отгородиться от реальности, которая сделалась вдруг кошмарной в своей жестокой непоправимости.

Оба они — и сын, и отец, — были совершенно выбиты из колеи и не способны ни на слова, ни на действия. У них не было никаких сил говорить друг с другом.

Но в комнате, помимо них, присутствовал третий — Дерек.

Всё это время он ощущал себя лишним — совершенно ненужным свидетелем семейной ссоры. Ему было особенно стыдно перед старшим Тогнаром, да и перед Тэном тоже; и он не раз дёргался к двери — выйти — но ему было страшно оставить их вдвоём, потому что, зная их взрывной характер, можно было ожидать самых разрушительных последствий.

Впрочем, вопреки опасениям Дерека, взрывался тут только Райтэн; Тогнар почему-то принимал вопиюще недопустимое поведение сына тихо. Слишком занятый наблюдениями за другом — вдруг ещё кинется! — Дерек почти не смотрел на пассивного участника ссоры, поэтому не сразу заметил его состояние.

Лишь когда Райтэн затих — сжимая кулаки, опустив голову, он стоял посреди комнаты перед поверженным стулом и дышал так, словно до этого четверть часа бежал в гору, — лишь тогда Дерек перевёл взгляд на старшего Тогнара — и обмер.

Дрожащие губы, нервные старческие пальцы, пытающиеся сжать манжету судорожным хватом, неспособные даже на это и соскальзывающие в воздух, бессильно повисающие на секунду, чтобы снова попытаться сжать манжету на рукаве другой руки — и снова теряющие ткань из-за неконтролируемой дрожи.

В мыслях Дерека мелькнуло совершенно непечатное определение ситуации. Понимание того, насколько всё дерьмово, так рубануло по нему, что он нечаянно высказал это матерное определение вслух.

В устоявшейся тишине оно прозвучало громко и отчётливо.

И Райтэн, и старший Тогнар давно уже забыли, что находятся в кабинете не вдвоём; внезапно обнаруживший своё присутствие Дерек вывел их обоих их самосозерцательного ступора.

«Дела!» — подумал Дерек, и по многолетней привычке приближённого к гневливому холерику лица вступил на знакомый путь снижения уровня драматизма шутливой беспечностью.

Запустив руку в волосы, он обаятельно улыбнулся — из-за отсутствия привычных бороды и усов тут же приобретя сходство с собой-тридцатилетним — и принялся импровизировать:

— Вот говорили же мне с Тогнарами не связываться! — весело обратился он куда-то в

воздух между отцом и сыном. — А я, дурак, не верил, что им одного языка хватает, чтобы противника до кондрашки довести!

Глаза старшего Тогнара слегка остекленились; он впервые видел Дерек в таком амплуа, и картинка никак не сходилась с его представлениями о весьма почтенном и психологически зрелом Деркэне Анодаре.

Райтэн же, в момент осознав, что происходит, вскипел было... но из-за того, что все свои эмоции без остатка он уже вбухал в предыдущую сцену, теперь его хватило лишь на вялое:

— В каком это месте я похож на этого твоего Грэхарда?!

Ни капли не смутившийся Дерек и не подумал менять манеру; деланно и картинно поразглядывав Райтэна, он деловито отметил:

— Возможно, в том, в каком ты швыряешься стульями, друг мой! — скорым шагом он подошёл и, выхватив означенный предмет, аккуратно поставил его на место, сел и бросил на собеседника деланно весёлый взгляд снизу вверх. — Или, знаешь! — продолжил он развивать тему. — С отцом у него, конечно, не срослось, — доверительным шёпотом объяснил: — Тому помогла на тот свет уйти жена. А вот на брата... — он покрутил в воздухе рукой, словно сравнивая. — На брата он орал примерно так же, — с ласковой улыбочкой добил: — Перед тем, как убить его. И даже, — вытянув ноги, мечтательно уставился в потолок, — что-то похожее про интриги в том оре было.

Райтэн смотрел на него тупым бессмысленным взглядом. Никаких моральных сил на гнев и возмущение у него уже не осталось.

— А вот тут вы отличаетесь, да, — невозмутимо прокомментировал это бездействие Дерек. — Старина-Грэхард уже был бы в полнейшем бешенстве. Но надо же с чего-то начинать, да? — с наигранным сочувствием поинтересовался он.

Дерек, считавший себя стоящим уже одной ногой в могиле... то есть, в Ньоне... не был теперь способен на серьёзный спокойный разговор. Он, уже полностью приняв мысль, что ньонская разведка буквально на днях схватит его и доставит к Грэхарду, полностью провалился туда — в своё ньонское прошлое — и отыгрывал ситуацию так, как сыграл бы её при Грэхарде.

Пока Райтэн молча переживал осознание, что его вот прямо сейчас поставили на одну доску с ньонским владыкой — в самом дурном и пакостном смысле такого сравнения — старший Тогнар уже вполне совладал с собственными чувствами и наблюдал за игрой Дерек с изрядным любопытством. Он видел в этой игре лишь умелый, продуманный способ снять напряжение и притушить огонь разрушительных эмоций.

Райтэн же — Райтэн видел за этой игрой смирение отчаявшегося человека, который заранее признал свой проигрыш и даже не пытается бороться. Грэхард ещё даже не получил донесение — а Дерек уже сдался. Уже смирился с тем, что его снова сделают вот таким вот прежним Дерекком, каким он был в Ньоне.

— Что ты творишь?.. — тихо и горько спросил Райтэн.

В его взгляде было столько боли и тревоги, что Дерек поперхнулся уже придуманной было шуточкой и покраснел. Под серьёзным, грустным взглядом Тэна ему сделалось вдруг стыдно за разыгранный только что спектакль.

Он встал, отряхнулся — словно пытался стряхнуть с себя эту шутовскую манеру — и перевёл стрелки:

— Что ты творишь? — переспросил он, пытаясь выразительно кивнуть на Тогнара, но

понимания не достиг: Райтэн и в лучшем своём состоянии не умел улавливать такие намёки и переглядки.

— Как мне дальше жить с тем, — тихо и спокойно, артикулируя каждое слово, попытался достучаться до него Дерек, — что из-за меня ты навсегда рассорился с отцом?

Райтэн досадливо поморщился.

Эта осязаемая досада, в которой ясно читалось: «Мне больше нет до него дела!» — резанула по сердцу старшему Тогнару, наблюдавшему за сценой со стороны. Прикрыв лицо рукой, он тихо опустился в ближайшее к нему кресло, понимая, что уже ничего не исправить.

Дерек, впрочем, не согласился бы с ним в оценке этой ситуации.

— Ты хоть осознаёшь, — сердитым шёпотом продолжил он, — какое это немыслимое сокровище в нашем возрасте — живой отец? — Сердце Райтэна кольнуло глухой болью. — Ты из нас всех, Тэн, немыслимый богач. Что ты творишь?! — Дерек, видимо, тоже понесло. — Он же из любви к тебе меня, идиота, хотел из проблем вытащить! А ты!..

Взгляд, полный горечи, пронзил Райтэна насквозь.

Ему в этот момент не было дела до отца; но он с ужасом понимал, что натворил что-то настолько несусветное, что Дерек — добрый, сочувствующий, всех и всегда понимающий Дерек, — смотрит на него сейчас... со смесью горького разочарования и гнева. Что Дерек зол на него настолько, что напрямую сравнил с Грэхардом — прекрасно осознавая, как такое сравнение его заденет.

Райтэн не понимал, чем заслужил такие чувства, и это растерянное, беспомощное непонимание ярко отразилось на его лице.

Гнев в глазах Дерекса сменился терпеливым смирением.

— Он же тебя любит, идиот! Ну, сам посмотри! — он развернул его за плечи, заставляя посмотреть на отца.

С глубоким недоумением Райтэн уставился на дрожащий уголок губ: мышца там нервно и мелко дёргалась, заставляя паутинку морщинок рвано подрагивать.

Почти минуту он смотрел на этот нервный танец морщинок, и только потом, трудно и со скрипом, до него дошло, что это морщинки на лице его отца.

Райтэн сморгнул, потряс головой и снова посмотрел, отмечая теперь и нервно сжатые пальцы, и потухший отчаявшийся взгляд, и — самое нелепое, странное и никак невозможное! — отсутствие какого-либо ответа.

Не было ни гнева, ни властного призыва к порядку, ни привычной язвительной насмешки, ни лёгкой небрежности уверенного в себе и в своих силах человека, — ничего из того, к чему Райтэн привык и к чему он был готов.

Был жалкий, растерянный пожилой человек, которого он, Райтэн, не встретив сопротивления, избивал словами, пока его не остановил Дерек.

Глубокий, всепожирающий стыд захватил Райтэна с головой.

Дрожа от стыда, он смотрел на отца и видел, наконец, не засевший в его голове образ, а реальность — и все те мерзкие, отвратительные, злые слова, которые он только что с такой ядовитой тщательностью выговаривал, вонзились теперь в него самого, разодрали его собственное сердце и совершенно его опрокинули.

— Пап... — беспомощной позвал он, как ребёнок, наворотивший дел и не знающий, как теперь разгрести все эти кошмарные последствия. — Папа!..

Тогнар поднял на него удивлённый взгляд. Мучительное в своей беспомощности «Папа!», так нелепо контрастирующее с предшествовавшими ему криками, не вписывалось в его видение ситуации.

Он заставил себя заглянуть в опрокинутое лицо сына, но вместо брезгливого презрения обнаружил выражение мучительного раскаяния.

Тогнара накрыло невыносимым, глубочайшим облегчением. Это выражение раскаяния говорило, по крайней мере, о том, что Райтэн жалеет хотя бы о части произнесённых слов — и, возможно, всё-таки не ненавидит его настолько, насколько только что заявлял.

Спокойным жестом опустив руки на подлокотники, Тогнар тихо отметил:

— Так орать было совсем не обязательно. Во всём же остальном ты полностью прав.

Райтэн издал какой-то протестующий клекочущий звук. Он, совершенно точно, не считал теперь себя правым — потому что не может быть прав человек, который кричит на родного отца. От стыда ему хотелось провалиться сквозь землю, и только спокойная, надёжная рука друга, которая лежала у него на плече, придавала ему мужества.

— Хорошо, согласен, у тебя были причины именно орать, — сделал вид, что не понял, к чему относится протест, Тогнар. — Я слишком часто игнорировал твоё мнение, и ты вправе был ожидать, что я тебя не услышу. Виновен полностью и на все сто процентов.

Совершенно бурый от стыда и возмущения Райтэн лишь пару раз открыл и закрыл рот, так и не выдавив ни слова. Признающий вину отец был за гранью его представлений о реальности.

Не найдя никаких слов, он беспомощно оглянулся на Дерека. Лицо того больше не выражало ни так потрясшей Райтэна ледяной строгости, ни дурацкого шутовского веселья. Это было тёплое сочувствующее лицо друга, который понимает твою боль, разделяет её и пытается утешить.

Райтэн снова перевёл взгляд на отца — теперь уже выразив им обиженное возмущение.

Возмущение его относилось, видимо, к претензии «как ты можешь быть не таким, как я ожидал?»

Отец должен был остановить его ещё на первых криках, властно напомнить, кто здесь главный, перехватить инициативу в разговоре, отмести любые упрёки и заявить, что он был прав, а все вокруг — идиоты, которые не понимают своего же блага. В этой схеме он, Райтэн, должен был сопротивляться, отстаивать своё мнение и пытаться докричаться до отца.

Но битвы, которую он нарисовал в своём воображении, не было.

Был он, Райтэн, который ворвался сюда и наорал на отца; и был отец, который почти сразу полностью признал свою вину.

Что делать с таким отцом, Райтэн совершенно не знал.

— Теперь-то вы друг друга не поубиваете, надеюсь? — спросил вдруг Дерек.

Он всё ещё полагал себя лишним в этой сцене.

— Ну! — дружелюбно ответил старший Тогнар, хлопая себя по коленям и вставая. — Надеюсь, если у Тэна ещё остались какие-то невысказанные претензии — он сумеет всё же выразить их теперь цивилизованно.

Кивнув, Дерек похлопал напоследок друга по плечу и вышел.

Издав сперва очередной клекочущий звук — горло всё ещё сдавливалось стыдом — Райтэн, тем не менее, всё же сумел возмутиться:

— Ещё какие-то невысказанные претензии? Серьёзно?

Тогнар подошёл к нему и встал напротив, со спокойным глубоким взглядом уточнил:

— Но ты ведь их всю жизнь копил, не так ли?

Райтэн часто, беспомощно заморгал. Он всё ещё ожидал ответных ударов. Отец не мог просто взять и спустить такую выходку с рук! Здесь должны, просто обязаны сейчас быть какие-то страшные, язвительные слова, которые заставят его, Райтэна, навсегда запомнить полученный сегодня урок.

Но никаких ужасных слов так и не следовало.

— Возможно, — вместо этого неожиданно робко отметил отец, — ты ненавидишь меня всё же не настолько сильно, чтобы не позволить обнять?

Неизвестно, что потрясло в этот момент Райтэна сильнее: та робость, какую он никак не привык видеть в отце, сама мысль о том, будто он считает, что Райтэн может его ненавидеть, прямо высказанное желание обнять — отец никогда не был щедр на подобные проявления чувств! — или вполне улавливаемый в голосе страх того, что ему в этих объятьях будет отказано.

Рванув вперёд, Райтэн сгрёб отца в судорожные удушающие объятья; и с удивлением осознал, что отец в ответ вцепился в него с не меньшей силой.

— Как я могу тебя ненавидеть?!. — сдавленно пробормотал Райтэн ему в висок. — Как ты только мог поверить, что я могу тебя ненавидеть!

Он услышал лёгкий смешок.

— Кажется, — ответил на это отец, — мне просто несказанно повезло, что судьба вместо сына-интригана послала мне сына с большим и великодушным сердцем.

Большое и великодушное сердце Райтэна захлестнуло теплом.

В этот раз он поверил.

21. Как дружба меняет твою жизнь?

Домой Райтэн и Дерек, не сговариваясь, брели медленно, ковыряя ногами мостовую, молча и не глядя друг на друга. Оба были эмоционально и психологически вымотаны в край. У Райтэна, однако, это опустошение имело светлый оттенок: после стольких лет он освободился от груза обиды и боли, и теперь будущее виделось ему в оптимистичном ключе. У Дерека же, напротив, опустошение было раскрашено самыми тёмными красками: он полагал, что жизнь его теперь кончена, что ничего не исправить, и остаётся лишь покориться своей судьбе.

Дерек безумно устал за эти дни. Тревога за Грэхарда, постепенно переходящая в панический страх, истощила все его силы. Он много лет бегал от самого себя и своих чувств — словно бы закрыл Грэхарда где-то в тёмном чулане своей души, как будто его и не было никогда, как будто его, Дерека, это никогда и никак не касалось. Он, конечно, отстранёно понимал, что где-то там, в тёмном чулане на дне его сердца, есть Грэхард. Иногда оттуда даже стучались — но Дерек упорно затыкал уши и делал вид, что ничего нет.

Он предпочёл бы всю жизнь делать вид, что там, за этой дверью, ничего нет.

Но реальность сложилась так, что либо он сам открывает эту дверь и смотрит Грэхарду в глаза — либо там, за этой дверью, у него теперь будет мёртвый Грэхард. И он, Дерек, так и проходит всю жизнь с этим трупом в своём сердце — и никогда, никогда никуда от него не денется, потому что мёртвые не воскресают.

И Дерек, рывком распахнув эту страшную дверь, зажмурившись, заорал в неё: «Ты только живи, придурок!»

Орать до Ньюна было далеко; и теперь всё, чего хотелось Дереку — поскорее захлопнуть эту дверь обратно, припереть камнями и сбежать как можно дальше, чтобы никогда не слышать, стучится за нею кто-то или нет.

Ему было страшно. Он не знал, как жить теперь дальше. Он полагал, что всё теперь решено, и его водворение обратно в Ньюн — это лишь вопрос времени, потому что ньюнская разведка теперь буквально дышит ему в затылок. И на фоне этого чёрного, мучительного отчаяния страшнее всего была мысль, что он теряет — Райтэна, Кармидер, Олив и Илмарта, маленького Тогнара, Джея, каменный уголь, Лэнь и Магрэнь, карты, университетскую работу, все эти идиотские разговоры о погоде и...

Он мог бы бесконечно перечислять всё то, что стало его жизнью. Всё то, от чего в сердце его разгоралось самое яркое на свете солнце. Всё то, что делало его, просто Дерека — Деркэном Анодаром, анжельским учёным, предпринимателем и политиком.

Тут Дереку подумалось, что он не должен был открывать ту проклятую дверь. Что, открывая ту дверь, он предал самого себя и всех тех, кому он стал дорог в Анджелии. И что больше других он предал Райтэна — искреннего, честного, смелого Райтэна, который...

Споткнувшись, Дерек встал посреди дороги.

— Ну что там ещё?.. — вяло поинтересовался Райтэн, уныло запихивая руки в карманы. Хотя, казалось бы, отец простил ему всё то, что он успел наговорить, он сам, совершенно точно, этого простить себе не мог. И, ко всему, он чувствовал себя тем больше виноватым, чем яснее ему становилась мысль, что отец и впрямь... любит его?

Любит?..

— Я не должен был... — попытался объяснить Дерек, но голос его сорвался.

Райтэн, однако, понял несказанное, и устало констатировал:

— Идиот.

Потом, подумав, расщедрился на пояснение.

— Ты не мог поступить иначе, Дер, — терпеливо и спокойно, сдерживая раздражение, утвердил он. — Если бы ты не предупредил его — ты бы не смог с этим жить.

Дерек осмелился на него взглянуть — и тихий спокойный взгляд друга его приободрил.

— Но я и теперь не знаю, как дальше жить, — пожаловался он.

— Сейчас придумаем, — согласился с фактом наличия проблемы Райтэн и решительно тронулся в путь. Спустя три быстрых шага обернулся и с язвительным лёгким смешком заявил: — Кстати, именно эту хрень ты назвал «сердцем героя», дорогой брат!

Лицо Дерека вытянулось, но на душе стало посветлее — он увидел за этим ироничным подколом поддержку; скривив губы в усмешке, Райтэн тряхнул головой и зашагал дальше.

Вернувшись домой, он решительно перераспределил обязанности, свалив сына на тётушку и Джея, и потащил Олив с Илмартом наверх. Поскольку в их столичном доме кабинет отсутствовал как класс, устроились в спальне. Рассадив всех, как получилось — Дереку достался подоконник, Олив кровать, а Илмарт и вообще устроился на полу, — Райтэн встал между ними всеми и спокойно ознакомил со своим видением ситуации:

— Господа, может так статься, что в ближайшее время Деру придётся отправиться в Ньон, — на этом месте Илмарт издал какой-то удивлённый звук, потому что у него, видимо, тоже начала сходиться версия, объясняющая внезапную популярность Кеса. — В таком случае ты, Май, — обратил на него взгляд Райтэн, — хватаешь Олив и мелкого и прячешь их в Северной Анджелии, — тут слегка поперхнулась Олив, которая не совсем уловила мысль и решила уточнить:

— А почему меня прячет Май?

Во-первых, ей было неясно, куда из этой схемы делся сам Райтэн, во-вторых, по отношению к Северной Анджелии справедливее было бы сказать, что это она прячет там кого бы то ни было, нежели кто-то прячет её. И, если опасность грозила Дереку, то это ей следовало прятать его, ведь так?

— Я еду с Дером, — отмахнулся Райтэн, но высказать свой план дальше не успел, потому что тут возражения нашлись у Дерека.

— Ещё чего! — возмутился он с подоконника.

— Это не обсуждается, — строго отрезал Райтэн, которому в его состоянии меньше всего на свете хотелось сейчас сталкиваться с очередной самоуничижительной истерикой друга.

Дерек вскочил.

— Кто тебя туда пустит! — горячо воскликнул он.

— Кто меня туда посмеет не пустить? — с убийственной холодностью в голосе поинтересовался Райтэн.

Пока они препирались, у Илмарта всё сошлось — не прям, правда, всё, потому что про эксклюзивный интерес к горной обители ему было неоткуда узнать, — но достаточно, чтобы уловить суть. Дёрнув Олив за рукав, чтобы та наклонилась к нему, он принялся ей на ухо пересказывать свои догадки. Та кивала; ей в последнее время было не до интриг, поэтому её прогресс в видении ситуации застрял где-то на уровне «Дерек — даркиец, который был в рабстве в Ньоне» и не добрался ещё до Грэхарда.

— Он тебя убьёт! — весьма пылко пытался отговорить в это время Дерек друга.

— Тогнара? — сквозь раздражённый тон ощутимо пробивалась насмешка. — Райтэна Тогнара, брата правителя Аньтье и племянника адмирала Анджелии?

Илмарт и Олив отвлеклись от своих переговоров: то, что Райтэн начал козырять своими родственными связями, было тревожным признаком.

Дерек запнулся; прямое и громкое убийство такого рода, и впрямь, вызвало бы грандиозный политический скандал, а Грэхард, всё-таки, весьма заботился о своём международном престиже.

— Я упустил один момент, господа, — приподнятым тоном перебил их Илмарт, пока Дерек хватал ртом воздух. — А на каком вообще основании он претендует на Анодара? Разве он не гражданин Анджелии?

Лицо Райтэна просияло неземной благодатью, словно души его коснулось божественное откровение.

Юридически рабство существовало только на территории Ньюна. Соответственно, проблема беглых рабов, нашедших приют в соседних странах, не имела чёткого юридического решения. По общей договорённости, достигнутой между Ньюном и его соседями, ньонский рабовладелец мог разыскивать бежавшего раба на территории другой страны и, в случае удачных поисков, забирать его обратно только в том случае, если раб этот не успел получить гражданство той страны, в которую бежал. В противном случае он считался полноценным гражданином другой страны, и ньонская юрисдикция на него больше не распространялась.

Исходя из этой договорённости, Грэхард потерял на Дерека все права в тот момент, когда он получил анжельский паспорт.

— Прекрасно! — широко распахнул глаза Райтэн, совершенно позабывший об этом нюансе. Зарасхаживав по комнате — Дерек вжался обратно на подоконник — он принялся деловито продумывать новый план:

— Я еду с официальной бумагой от Парламента, как представитель Аньтье. Очень удачно, как же удачно вышло, — с лихорадочным восторгом отметил он, — что я связан напрямую и с тем правителем, который выписывал документ, и с тем, который правит сейчас! — это обстоятельство его чрезвычайно обрадовало, потому что он опасался, что в противном случае нашлась бы какая-то коварная юридическая лазейка, ставящая под сомнение его представительство. — Дер — полноценный гражданин Анджелии, и ньонский владыка не имеет права контролировать его передвижения и местоположения, потому что он находится под охраной анжельских законов!

Илмарт и Олив в унисон кивали на эту разумную речь.

Но вот Дерека она не тронула ни капли.

— Всё прекрасно, — сухо остудил Райтэна она, — но плевать он хотел на анжельские законы и моё положение относительно них.

После примирения с отцом Райтэн чувствовал себя победителем, и ему теперь казалось, что всё можно преодолеть — что нет задачи, какая была бы ему не по плечу! Какой-то там Грэхард казался ему не таким уж сложным делом на фоне его собственного отца.

Дерек же, напротив, наделял Грэхарда всесилием. Он полагал, что, если Грэхард чего-то хочет — а он наверняка хочет вернуть своё — то любое сопротивление бессмысленно.

Внутренне смирившись с тем, что он уже в любом случае проиграл — потому что выиграть у Грэхарда было невозможно — Дерек теперь испытывал раздражение, слушая

предприимчивые планы друга и имея необходимость постоянно его разочаровывать.

Разобравшийся в сути дела Илмарт скорее разделял позицию Дерека, однако полагал, что даже в безнадежной ситуации сдаваться раньше времени не стоит, и что они ещё поборются, поэтому предложения Райтэна приходились ему весьма по душе.

Олив же, напротив, скорее разделяла позицию Райтэна — что Грэхарда можно и нужно побеждать — но находила разумным пессимистичный настрой Дерека, потому что ожидала от ньонцев грязной игры.

Резко остановившись, Райтэн нахмурился. В аргументе Дерека был смысл, но он не был готов с ним согласиться. Райтэн находился теперь в состоянии, когда у него не было никакой готовности планировать и размышлять; он хотел просто получить то, что ему нужно было получить, и неважно, какой ценой и каким образом.

— Он просто затребует меня у Парламента по какой-нибудь выдуманной причине. Впрочем, — пожал плечами Дерек, — чего выдумывать? Как свидетель государственных тайн Ньона. Вполне логичное основание. Кто ему откажет?

Пихнув друга в один угол окна, Райтэн освободил тем себе кусок подоконника и тоже сел. Лицо его выражало тяжёлую готовность попросту смести силой всё, что не вписывается в его видение ситуации. Некоторое время он раздумывал, потом начал перечислять:

— Аньтье заявит, что против твоей выдачи, потому что ты не только гражданин Анджелии — ты гражданин Аньтье, — он высказал это таким тоном, будто его родина была отдельной, не связанной с Анджелией страной, и быть гражданином Аньтье значило в разы больше, чем быть просто анжельцем. — Брейлин затребует тебя как ведущего промышленника области — Данзэс вцепится в тебя руками и ногами. Мнением Северной Анджелии можно, как всегда, пренебречь, — Олив досадливо фыркнула, — а Кармидер вообще поставит на уши и райанцев, и нийцев — ректор от тебя без ума, я еле разрешение на работу из столицы из него выбил, в Ньон он тебя точно не отпустит, — а тут это прозвучало так, словно воля ректора Кармидерского университета была законом для всех, включая ньонского владыку. — Столица, конечно, себе на уме, но Филопье-то тоже наш, — торжествуя улыбнулся он, — пусть и с Михара будет толк! Нет, — уверенно резюмировал Райтэн, — Парламент тебя не отдаст, Дер. У Анджелии, знаешь ли, — тонко улыбнулся он, — тоже есть свои государственные тайны, и ты в них уже увяз по уши.

— Отлично, — буркнул Дерек, явно не разделяя оптимизма друга — он не считал себя столь уж значимой персоной, чтобы ради него что-то придумывали. — А если он поставит ультиматум: или моя выдача — или война?

На него устремилось три удивлённых взгляда. У Райтэна это удивление имело оттенок: «Ты уж определись, то ли ты никчёмное ничтожное существо, то ли ради тебя войны развязывают», у Илмарта оно выражало сомнения в том, что владыка Ньона станет так ронять свой международный престиж, а Олив полагала, что Грэхард не настолько глуп, чтобы воевать с Анджелией.

— Тогда он политический труп, — резюмировал общее мнение Илмарт.

— Однако, ребят, — смазала эффект от этого высказывания Олив, — он может и просто по-тихому прирезать Дера. Или имитировать его смерть, если ему так уж нужен именно живой Дер, — уточнила она. Большую часть взрослой жизни Олив прожила среди людей, игнорирующих законы, поэтому прекрасно представляла себе, как много обходных путей сможет найти Грэхард, если уж ему втемяшится заполучить Дерека.

— Именно поэтому, — мгновенно подхватила её мысль Райтэн, — я еду с ним.

Он не был готов сдаться — не тогда, когда речь шла о Дерек. Он хотел уже закончить всё, наконец: закончить эту идиотскую историю с Грэхардом, любой ценой, чтобы она перестала мучить Дерек.

Поехать за ним было логичным и разумным решением: в таком случае, если с ним что-то случится, ему будет легче поднять скандал до небес; а если же Грэхард решит избавиться от них обоих — скандал и без него поднимут такой, что мало никому не покажется.

— Тонуть — так вместе? — поддел Илмарт.

Райтэн с самым серьёзным видом кивнул и заявил:

— Даже не представляешь, насколько ты прав.

Все, кроме Дерек, были вполне довольны высказанным планом. Как бы ни силён был владыка Ньона — международные скандалы не были тем фактором, который он мог попросту игнорировать.

Однако Дерек всеобщего оптимизма отнюдь не разделял. Пусть реальное положение анжельских дел и сильно различалось с тем, что было написано в конституции, всё же по части демократичности Анджелия могла дать другим государствам сто очков вперёд. Дерек полагал, что его друзья слишком привыкли жить по-анжельски, поэтому просто не представляют себе, насколько грязнее играют в Ньоне, и сколько существует мерзких способов обойти все на свете законы и нормы, если у тебя есть деньги и власть.

Он не поставил бы и ломанного гроша на жизни тех безумцев, которые вздумают пытаться отнять у ньонского владыки то, что он желает получить.

Планы, которые строили друзья, казались ему глупыми и оторванными от жизни, и ему было мучительно слушать их фантазии — потому что они ещё полагали возможным что-то сделать, а он-то, он-то уже прекрасно понимал, что всё кончено.

— Вы не понимаете! — вскочил он и принялся лихорадочно объяснять. — Грэхард не будет играть честно! Он найдёт способ, Тэн! — нервно ероша себе волосы, он тоже принялся расхаживать. — Он может шантажировать меня твоей жизнью, тебе — жизнью отца, того — жизнью Кайтэнь! Да придумает что-то! — всплеснул он руками. — Ты не понимаешь! — с отчаянием повторил он, видя, что его аргументы не возымели эффекта. — Ты только сделаешь хуже, если поедешь, потому что ты — это рычаг давления на меня! Как ты не видишь...

Райтэн соскочил с подоконника и, подкараулив очередной заход по комнате, встал на траектории движения Дерек, вынуждая его остановиться. Он чувствовал недоумение и даже некоторую злость, не понимая, почему друг заранее сдаётся — не только сдаётся сам, но и отвергает любую помощь!

— И что ты предлагаешь? — прохладно уточнил он, сдерживаясь из последних сил: это постоянно мельтешение нереально его бесило. Он всё ещё видел за этим мельтешением того, ньонского, Дерек; того Дерек, которого он встретил на корабле Этрэна; того Дерек, который носился с подносами в таверне Годэна.

Жалобно моргнув, Дерек снова взъерошил свои волосы — вызвав этим жестом крайнее раздражение у Райтэна — и убеждённо утвердил:

— Вы остаётесь, все, и не пытаетесь меня искать.

Он хотел сказать что-то ещё, но его прервали тяжёлые аплодисменты Илмарта.

Убедившись, что всё внимание теперь принадлежит ему, он вербализовал:

— Bravo, Анодар! Прекрасный план! Ты подыхаешь там в одиночку, а мы тут веселимся

и поём! Зашибись идея!

Пятнами покраснев, Дерек кинулся в атаку:

— Мне будет гораздо спокойнее, если я буду знать, что у вас здесь всё хорошо!..

— Хорошо?! — резко шагнул к нему Райтэн, чуть не налетев на него. — Какое «хорошо», Дер?!

Они встретились горящими яростными взглядами; ни один не желал отступить.

«Что там у них ещё успело произойти?» — невольно задумался Илмарт. Оба они, и Райтэн, и Дерек, выглядели очевидно взвинченными, — и если истеричность Дерека вполне соответствовала ситуации и его характеру, то холодная злость в исполнении Райтэна выглядела весьма нетипично для него.

Илмарт предположил, что Райтэн бесится от того, что Дерек заранее посчитал себя проигравшим и погибшим. «Как будто от него можно было ожидать другого!» — досадливо подумал он, и сам раздражаясь, что Дерек даже не пытается бороться.

— Как у нас тут может быть «хорошо», — подала голос Олив, — если ты — там, один?

— Ша! — резко встал Илмарт, поднимая руки и пытаясь погасить конфликт. — В самом дурном случае просто прём в Ньон всем табором.

Он, на самом деле, не думал, что кто-нибудь позволил бы им последовать за Дерекком, если уж дойдёт до дела; его просто задолбало в очередной раз наблюдать самоунижительную жертвенность Дерека.

Все поглядели на него ошеломлённо; из присутствующих именно у Илмарта были самые веские причины держаться от Ньона как можно дальше — после всех-то этих войн.

Первым отмер Райтэн:

— Только через мой труп! — сложил он руки на груди и мрачным взглядом попытался пригвоздить Олив к кровати. Мол, только рыпнись!

Верно расценив этот взгляд, Олив хищно улыбнулась — вот когда подранное веко и шрамы пришлись весьма к месту! — лёгким движением встала и опасно ласковым голосом произнесла:

— Попробуй меня остановить, милый, и, клянусь, я разведусь с тобой раньше, чем ты успеешь сказать, что у меня нет мозгов!

Илмарт не выдержал и заржал. Дерек тоже не смог удержать улыбку.

Райтэну было не смешно. Вся его фигура и взгляд выражали холодное глубокое бешенство.

На грани его сознания, впрочем, мелькнула мысль, что Олив в чём-то права, и что она не хочет оставлять его точно так же, как сам он не хочет оставлять Дерека. Но Олив была не только подругой и соратницей — она являлась, к тому же, его женой и матерью его ребёнка, и поэтому о ней должно было позаботиться. Он не мог ей позволить ехать, потому что он обязан был обеспечить её безопасность.

Олив, видимо, этой мысли совсем не разделяла.

— Муж-собственник, который решает, когда и куда мне ехать, мне не нужен, — сказала она, встав напротив в симметричную с ним позу. — Как ты можешь запретить мне поехать с тобой? Это, в конце концов, — обличающе заявила она, — моё право жены!

— Жена до последует за мужем своим! — наставительным тоном поддержал Илмарт, который полагал, что Тогнар весьма глупит, и что пытаться удержать Олив — задача самоубийственная и заранее обречённая на неудачу.

Наверно, тут началась бы фееричная супружеская ссора — потому что Райтэну явно было, что ответить, и он уже даже открыл было рот! — но в дело опять вмешался Дерек.

— Вы не едете. Никто из вас. Точка. — Заявил он.

Все взгляды скрестились на нём — они теперь стояли посреди комнаты почти чётким квадратом.

— Почему это? — прищурившись, озвучила общий вопрос Олив, решив отложить вопрос со странным взвинченным состоянием мужа до того момента, как они останутся наедине.

— В самом деле! — поддержал её Илмарт.

Дерек открыл было рот, закрыл, растеряно перевёл взгляд с Олив и Илмарта на Райтэна. Тот невозмутимо приподнял брови и безразличным тоном отметил:

— Мне тоже интересен ответ на этот вопрос.

Досадливо взмахнув рукой, Дерек отвернулся к окну.

Илмарт и Олив переглянулись со значением — жалостливая жертвенность Дерека их обоих выбешивала — и кивнули друг другу.

— Нет уж, озвучь, будь добр! — потребовал у унылой спины Илмарт.

Та дрогнула.

— Потому что это опасно! — явно психуя, развернулся и рявкнул Дерек. Руки его неосознанно сжались в кулаки; этот абсурдный разговор чем дальше, тем тяжелее ему давался.

— Опасно, да. Как и для тебя, — невозмутимо парировала Олив.

Райтэн и Илмарт согласно кивнули, подтверждая, что тоже разделяют это мнение.

— Вы не должны рисковать из-за меня! — с большим отчаянием в голосе попытался переубедить их Дерек, переводя немного безумный взгляд с одного на другого.

На очередном заходе поймав зрительный контакт, Илмарт спокойно уточнил:

— Почему?

Губы Дерека задрожали.

Олив возвела глаза к потолку и нетерпеливо потребовала:

— Просто скажи уже это вслух.

Райтэн поразглядывал её и Илмарта с раздражённым недоумением. Его ощутимо выбешивало, что они оба понимают что-то, чего не понимает он, и что они оба к чему-то ведут, прекрасно понимая друг друга. Илмарт ответил ему жестом «Не лезь». Мол, сами расколем. Райтэн насмешливо дёрнул губой, но спорить не стал. Он доверял друзьям в плане тонкой психологической игры — ему-то самому такие вещи никогда не давались.

— Скажи! — продолжила настаивать Олив, делая шаг вперёд.

— Да что вам надо! — в отчаянном и усталом жесте заслонился от неё руками Дерек. — Я просто не хочу, чтобы у вас из-за меня были проблемы! — жалко выговорил он.

— Проблемы, Анодар? — сложил руки на груди Илмарт. — То есть, ты полагаешь, то, что ты будешь где-то в Ньюне, один, без поддержки, то ли в рабстве, то ли вообще в темнице, то ли трупом, — это вообще ни в одном месте не проблема для нас?

У Дерека отчаянно задрожали губы.

— Я не хочу, чтобы вы пострадали, — наконец, ответил он.

— А тебе, значит, страдать можно? — спокойно уточнил Илмарт.

Дерек неопределённо повёл плечами. Это, очевидно, стоило трактовать как «я-то что, я то-то ладно, главное, чтобы не вы».

Повернувшись к Олив, Илмарт возмущённо пожаловался:

— И это он называет дружбой!

Та согласно покивала: мол, вообще безобразие!

Дерек жалобно поморгал и снова в поисках поддержки посмотрел на Райтэна.

Тот, ссутулившись и заложив руки за спину, чуть раскачивался и не вмешивался в разговор, ожидая, когда закончится непонятный ему психологический заговор. На вопрошающий взгляд Дерек он в ответ скорчил физиономию: «А я что? Твои друзья, ты и выясняй с ними отношения!»

Илмарт, меж тем, начал развивать свою мысль. Глядя на Дерек с добродушным любопытством, он тоном донельзя любезным разъяснил:

— Такое чувство, Дер, что в твоём понимании дружба — это когда ты отдаёшь другому всё, что можешь. Но, когда что-то нужно тебе, ты будешь до последнего стараться это скрыть и по возможности обойтись. Лишь бы никого не напрягать.

— Лишь бы не создавать проблем, — мило вставила Олив.

Дерек насупился.

— Вовсе нет! — обиженно опроверг он. В их словах он увидел упрёк в том, что он является каким-то неправильным другом. Не таким, какого хотелось бы им.

Илмарт и Олив переглянулись и синхронно возвели глаза к потолку.

— Давай-ка подсчитаем, — с прежней любезностью продолжил Илмарт, — это ведь несложно проверить! Мы начали с того, что ты — в компании с Тогнаром, конечно, — дал мне работу, — он загнул палец, — и я не буду жульничать и вставлять сюда знакомство с Оливи — хотя, признай, что, если бы не ты, мы бы с ней не познакомились, ведь так? — Дерек вынужденно кивнул. — И, соответственно, мне не пришла бы в голову мысль переезжать в Кармидер. Но это, так и быть, я считать не буду. Дальше. В Кармидере ты придумал идею с иллюстрированными картами и предложил мне этот проект — два, — продолжил он. — То, что этот проект вырос до уровня научного, тоже твоя заслуга, я в этом контексте лишь удачный исполнитель, работающий под твоим руководством. Однако участие в твоём проекте повысило мой статус до уровня серьёзного научного сотрудника — три, — продолжил загигать пальцы он. — В столице, тоже благодаря тебе, Дер, наши карты стали так популярны, что превратились для меня в основной способ заработка, и мне не приходится больше искать побочную работу — четыре. И отметим для протокола, что именно ты подогнал мне моего первого ученика — пять, — Дерек нахмурился, но кивнул. — А что тебе дал я? — с милой улыбочкой поинтересовался Илмарт и добивающим тоном добавил: — Помимо того прямого в челюсть?

Дерек возмущённо открыл было рот, но не нашёл с контраргументами.

Илмарт сделал широкий жест в сторону Олив, предлагая ей продолжить.

— Посчитаем! — бодро согласилась она и принялась перечислять: — Я обязана тебе лучшим мужем на свете, — загнула она первый палец, — а также моим лучшим другом тоже, — пошёл в ход второй, — нормальной работой, верой в себя, возможностью иногда высыпаться... — пальцы так и пошли загигаться веером, и Олив без проблем насчитала ещё десяток довольно абстрактных, но всё же имеющих к Дереку непосредственное отношение пунктов. — А что мы имеем в ответ? — деланно задумалась она, выразительно постучав пальцем по собственным губам. — А, точно! Как-то ты нанял меня привести тебя в один город, а я привела в совсем другой! — нашла сомнительный «подвиг» она.

Закончив со своими не совсем справедливыми и чуточку притянутыми за уши обличениями, Илмарт и Олив выжидательно посмотрели на Райтэна — мол, твоя очередь.

Тот поднял руки и признался:

— Да у нас вроде всё честно.

Дерек выразительно перекрестился: мол, спасибо, друг, хоть ты на моей стороне!

Олив досадливо фыркнула и бросила на мужа многообещающий взгляд, а вот Илмарт быстро нашёлся. Наставительно подняв палец, он заключил:

— Вот! Нужно обладать исключительно тогнаровским упрямством и напором, чтобы заставить тебя хоть иногда хоть что-то принимать от друзей в ответ!

На этой фразе Олив прищурилась и смерила Дерека с ног до головы взглядом весьма кровожадным. По этому выразительному взгляду все как-то резко вспомнили, что она, вообще-то, теперь тоже — Тогнар. И упрямства, как и напора, ей не занимать.

Пафосный момент был смазан криком мелкого Тогнара, который явно заскучал и начал звать маму — а может, хотел внести свою лепту в беседу и напомнить, что он тоже хотел бы быть Дереку другом.

Олив было дёрнулась на зов, но тут же замерла и спокойно сказала:

— Вот. Если что, попробую в няньки наняться. Есть же у него там дети, да? — задумчиво проговорила она, пытаясь припомнить то, что ей было известно о личной жизни ньонского владыки.

— В гвардейцы точно сгожусь! — тут же радостно подхватил мысль Илмарт.

— В секретари пойду, — скривился Райтэн.

И, хотя они сказали полнейшую чушь, — потому что Грэхард, конечно, не взял бы совершенно ненадёжных незнакомых ему людей ни в няньки, ни в гвардейцы, ни в секретари, — в сердце Дерека почему-то разлилось уютное, обволакивающее, заживляющее раны тепло.

— Значит, так! — подвёл итог Илмарт нарочито басовитым и официальным тоном. — Если ньонский владыка предъявит нам какие бы то ни было претензии, то наша задача — выдвинуть ему ответный ультиматум. — Он значительно приподнял брови, выкатил грудь колесом и озвучил: — Либо он берёт всех четверых оптом — либо...

— Гулю ему! — подхватила Олив, сложив обеими руками по фиге.

Как ни вымотан был Дерек морально, как ни пытался он дистанцироваться, на этом месте он не выдержал и рассмеялся. Воображение его слишком живо и ярко нарисовало ошарашенную физиономию Грэхарда, которому в придачу к сбежавшему предателю настойчиво впаривают ещё троих очевидных шпионов со взрывоопасным свободолюбивым характером. Как он ни гнал от себя эту фантазию, каждую секунду его сознание генерировало всё новые и новые сценки, в которых его друзья ставят на уши весь Ньон, а бедняга-Грэхард только и успевает, что подписывать их очередные хотелки, отгонять мечом недоброжелателей и выдёргивать на очную встречу бесчисленных специалистов, которые потребовались «вот прямо сейчас».

И, хотя фантазия эта совершенно не решала проблему, — она делала эту проблему уже не такой страшной, она снимала то напряжение, которое скручивало нервы Дерека в тугую узел страха и боли и мешало соображать здраво, она напомнила ему о том, что он любим, ценен и важен — всегда, везде, независимо от. И никакой Грэхард никогда не сможет у него этого отнять.

И вообще никогда и никто не сможет у него этого отнять.

И это было в сотни, в тысячи, в миллионы раз важнее того, кто кому чем помог и кто кому что дал.

Дерек не умел выразить теперь своих чувств — да и не существовало на свете слов, которые могли бы их выразить, — поэтому, отсмеявшись, прибегнул к проверенному временем анжельскому средству.

— Ребят, — тихо и проникновенно сказал он, — вы превращаете моё сердце в солнце [1].

— Вот и свети! — не растерялась Олив и, прихватив одной рукой Райтэна, другой — Илмарта, завлекла всех в общие объятия.

В анжельском языке здесь имеет место неперевоаемая игра слов. «Сердце» и «солнце» в анжельском — это одно и то же слово. В женском роде (тань) оно обозначает «сердце», в мужском (тан) — «солнце». Учитывая особенности языка, фразу «превращать сердце в солнце» можно истолковывать в том числе как «переводить чувства в поступки».

III. Выбор. 1. Чего хочет Аренсэн Михар?

III. Выбор

646 год, лето-осень. Столица Анджелии

И вместо правды или лжи
Есть Истина одна,
И сквозь туман и миражи
Звездой горит она.
Она горит, она томит,
Она уже вот-вот
Весь мир, как солнце, озарит,
А может быть — сожжёт.
(из мюзикла «Анна Каренина»)

1. Чего хочет Аренсэн Михар?

Запросы Аренсэна Михара всегда шли по нарастающей. Когда ему было пятнадцать, он мечтал поднять фамильное предприятие — оно занималось выплавкой чугуна и выпуском чугунных изделий — а также привести в порядок семейные земли и выкупить обратно те из них, которые умудрился пропить дед. Когда ему было двадцать пять — и завод, и земли были благополучно подняты, — он обратил свои взоры на родной город, Филопье, в котором на тот момент существовали серьёзные проблемы с коррупцией, бюрократией и контрабандой. К тридцати пяти... нет, конечно, он не сумел победить коррупцию и бюрократию вполне — эти чудовища в высшей степени непобедимы — но, во всяком случае, ему и его соратникам удалось существенно снизить их уровень... Так вот, к тридцати пяти он обратил взоры на всю область Ан-Фило, которая более всего страдала теперь от распоясавшихся разбойников, степных волков и пожаров. С разбойниками и волками радикальными путями он справился к сорока пяти — пожары, правда, не сдавались и продолжали терзать Ан-Фило, — и к тому времени обратил внимание на то, что и в самой-то Анджелии тоже довольно много нерешённых проблем. Будучи человеком весьма ответственным и работающим, господин Михар не мог пройти мимо нерешённых проблем, поэтому, едва ему только удалось пробиться в Парламент, как он тут же погрузился в их проработку. И вот тут-то его в первый же месяц и подстерегала засада. Даже заводом невозможно управлять в одиночку — поэтому, конечно, у Михара была своя когорта помощников. Что уж говорить о городе — там он сколотил прекрасную команду чиновников, знающих своё дело. Эта команда помогла ему и в решении проблем на уровне области — естественно, в связи с увеличением масштабов, приходилось долго и упорно подбирать правильных людей на местах, чтобы спущенные из Филопье проекты претворялись в жизнь разумно и продуктивно. Михар, конечно, подозревал, что на уровне всей Анджелии знакомая и привычная вертикаль власти не будет работать. Тому было несколько причин. У каждой области, во-первых, были свои проблемы; во-вторых, каждая область пыталась тянуть одеяло на себя и извертаться так, чтобы средствами всей страны решались именно её проблемы; а

ещё все эти области управлялись не пойми-как и не пойми-кем — во всяком случае, с точки зрения Михара. У Анджелии не имелось ни единого административного деления, ни единого законодательства, ни сколько-нибудь единой системы управления. Парламент больше занимался делами столичной области, а представители других округов были озабочены тем, чтобы не дать столице вмешиваться в их дела. «Нужна централизация власти!» — подтвердил в своём уме Михар вывод, который сделал уже давно. Он, в целом, представлял, как и что нужно делать для этого. Собственно, у него уже даже были рабочие намётки — именно для того он и желал свести Руби с Райтэном, таким образом обеспечив себе лояльность Аньтье. Но тот план не сросся. Новая идея — сделать агентом своего влияния Дерек — тоже давала ощутимые сбои. Дерек, хотя и был очевидно живо заинтересован во всех тех проектах, к которым Михар его привлекал, держался с ним всё более отстранёно, если не сказать — враждебно. Михар искренне не понимал, с чем это связано. Ему, как всякому большому политику, была свойственна та же ошибка, что и старшему Тогнару: в масштабе своих интриг и планов он забывал о чувствах конкретных людей. Дерек, к тому же, произвёл на него впечатление человека, который разбирается в политике, а значит, способен оценить важность поставленных перед ним глобальных задач. Восприятие Михара весьма сильно отличалось от восприятия Дерек. Дерек видел ситуацию сквозь призму: «Я обязан подчиниться, иначе меня ждут весьма неприятные последствия, вплоть до выдачи Грэхарду». Возвращение в Ньон было одним из самых глубоких страхов Дерек, и страх этот целиком определял его точку зрения. Он видел в Михаре врага, который разведал про этот страх и шантажирует теперь его претворением в жизнь. Михар не видел в своих действиях ни шантажа, ни принуждения; он рассматривал всё как взаимовыгодную красивую комбинацию. С самого начала он преследовал не собственные цели — перед ним стояли глобальные политические задачи. Ему нужна была лояльность Аньтье; Дерек был не согласен с тем, чтобы эта лояльность достигалась за счёт брака Райтэна и Руби; Михар предложил альтернативный вариант — и Дерек согласился. Михар не видел в своих действиях шантажа, потому что не имел его в виду; он так и так согласился бы на этот развод — из любви к дочери — но ситуация позволила ему получить дополнительные выгоды. То, что Дерек пошёл на сотрудничество, с точки зрения Михара говорило о том, что его и самого устраивает такой вариант. Прозвучавшую в том разговоре угрозу — покопаться в прошлом Дерек — Михар не воспринимал как угрозу, потому что планировал покопаться там так и так, поскольку нужно же понимать, с кем приходится иметь дело! И, конечно, всё это время люди Михара это самое прошлое некоего Деркэна Анодара пытались прояснить — не потому, что Михар прямо уж планировал Дерекэна этим шантажировать, а потому, что нужно знать, кто именно работает в твоей команде. В этой области, правда, поиски его несколько застопорились: его подчинённые давно проанализировали политическую ситуацию в Даркии и составили список лиц, коими мог быть Дерек в своём прошлом. Сейчас лица эти тщательно проверялись — и вот тут-то и крылся подвох! Скажем, некий Дерек Торкийский, сосланный в свои северные земли двенадцать лет назад после неудавшегося заговора, подходил идеально — и по имени, и по внешности. Вот только люди Михара так обнаруживали его действительно находящимся в этой самой ссылке и ни в какую Анджелию не уехавшим! Был ещё герцог Энтыйский, пусть и не Дерек, зато блондин. Он числился погибшим уже без малого пятнадцать лет, и Михару стоило больших трудов разыскать тех, кто знал его лично, притащить в Анджелию и потихоньку показать им Дерекэна — не сошлось. Наконец, лишённый более десяти лет назад сана епископ Каренский — тоже не Дерек, но

блондин, — долгое время был фаворитом Михара в этом вопросе, поскольку, как ему казалось, походил на Дерекка характером. Куда этот епископ делся после грандиозного скандала вокруг его имени — обнаружилось, что у него была длительная связь с сестрой даркийского короля, — никто не знал. Люди Михара, конечно, пытались найти следы — но те раз за разом обрывались, и Михар уже потирал руки, полагая, что прошлое Дерекка у него в кармане, и та страшная тайна, которую он скрывает — это лишение сана за интимные шашни. Однако буквально месяц назад один из посланцев в Даркию епископа таки обнаружил — прочно женатым, с толпой детей, живущим инкогнито на юге страны. Компромат такого рода, конечно, тоже был нелишним — едва ли епископ желал, чтобы его нашли, значит, с него можно было что-то поиметь, — но всё же обстоятельство это вызывало у Михара досаду, сходную с зубной болью. Дерекк оказался крепким орешком, и, судя по всему, замёл следы основательно. Михар подумал, что пора расширить круг поисков и отправить свободных людей и по другим странам — в поисках пришлых даркийцев, блондинов и Дерекков, внезапно или закономерно пропавших лет десять-пятнадцать назад. Начать он решил с Ниии, потому что именно в Ниию ездил Райтэн перед тем, как господин Деркэн Анодар появился в Аньтье. В общем, с Аньтье у Михара пока не складывалось — зато внезапно сложилось со столичной областью. Потому что Руби совершенно неожиданно умудрилась выйти замуж за представителя одной из влиятельных столичных семей — это была её собственная инициатива, и в этот раз она была своим браком вполне довольна, потому что муж её и сам был мастером многоуровневых интриг, и в женщинах способность поддерживать игру такого уровня ценил более, чем что-либо иное. Так что, с точки зрения Михара, Руби теперь устроилась весьма удачно — возможно, даже более удачно, чем это было в случае с Райтэном, который, как ни крути, собственным политическим капиталом не обладал и представлял ценность исключительно как носитель славной фамилии. Новый же зять устраивал Михара куда как больше, и некоторые союзнические отношения между ними уже зародились. Но, хотя брак Руби и был весьма удачен для планов Михара, он так же создавал и ряд проблем. Последние десять лет именно Руби выполняла при отце обязанности хозяйки и спутницы на светских мероприятиях. Теперь же её отсутствие чувствовалось весьма остро. Первая и единственная жена Михара умерла сразу после родов, и за нехваткой времени он так и не женился повторно. В то время он ещё носился в рамках Филопье и был не так уж обременён светскими обязанностями. Позже, когда влияние его расширилось и превратило его в весомую политическую фигуру, уже подросла Руби, и именно она составляла пару отцу на приёмах, балах и светских мероприятиях, именно она принимала светские визиты, любезничала с жёнами партнёров Михара, выстраивала семейные связи. Теперь же всем этим она занималась для своей новой семьи, а Михар неожиданно столкнулся с рядом затруднений. И если мероприятия всех сортов можно было посещать и в одиночку, а обязанности по обмену открытками и подарками свалить на секретаря, то принимать и отдавать светские визиты Михару теперь приходилось самому. Конечно, можно было просто постепенно свести на нет эту досужую обязанность тратить по три часа в день на пустую болтовню за чашкой чая. Но Михар прекрасно понимал, что именно в такой пустой болтовне зарождаются союзы и длительные отношения; отказавшись от этой части светской жизни, он сам же выводил себя за скобки «большой игры» и неизбежно терял бы влияние. Со скрежетом зубным приходилось признать, что ему нужна новая жена. Все эти годы он предпочитал обходиться более или менее постоянными любовницами, но ни одна из них на роль жены никак не годилась — потому что политику

его уровня нужна была партнёрша умная, опытная в интригах и умеющая правильно подать и себя, и своего супруга. К любовницам же он предъявлял совсем иные требования, и похвастаться выдающимся умом они не могли. Пораскинув мозгами, Михар пришёл к выводу, что желательно подыскать такую жену, чтобы любовницы и не понадобились — потому что не хотелось бы оскорблять важного политического партнёра изменами, да и вести двойную жизнь такого рода весьма утомительно. Женщины, удовлетворяющие одновременно тем требованиям, кои Михар предъявлял к потенциальной жене, и тем требованиям, кои он предъявлял к потенциальной любовнице, в природе существовали. Но все они — вот досада! — уже были замужем. Поскольку не в характере Михара было вздыхать о том, что реальность далека от идеала, он начал аккуратно и методично составил список свободных женщин, которые подходили ему по возрасту и статусу, без оглядки на их соответствие его требованиям. Набралось около двух десятков имён — возглавляемых тётушкой Райтэна — но выбор от этого проще не стал. Та совершенно глупа, та расточительна без меры, эта просто вызывает отвращение внешне, с другой у них имеется неприятная история, вызывающая взаимную неприязнь... Чем больше он разбирал эти имена, тем паршивее становилось настроение. В конце концов, он пришёл к выводу, что лучше уж самому тратить время на визиты вежливости, чем терпеть в своём доме женщину, которая, к тому же, совсем не соответствовала тому, что ему требовалось от супруги. Впрочем, почти сразу Михару пришла в голову мысль, что он знаком далеко не с каждой анжельской женщиной, поэтому, возможно, найти подходящую жену всё же удастся — просто нужно составить подробный запрос с перечнем требований, по которым его люди смогли бы присмотреть подходящих кандидаток. Воодушевившись, Михар взялся за другой список, куда вписал тех знакомых дам, качества которых он хотел бы найти в своей будущей супруге. Список этот его несколько озадачил, поскольку в числе первых имён там оказалась и Магрэнь. Ему никогда и в голову не приходило рассматривать её в таком ключе, хотя технически она подходила под часть требований. Она была всего на девять лет младше его — разница, которую он полагал приемлемой, — и формально оставалась свободной. У Магрэнь, однако, имелось два фатальных недостатка: она была всего лишь кармидерской купчихой — и её вольный образ жизни был довольно скандальным и эпатажным. Положим, первое можно было и сбросить со счетов; в конце концов, в Анжелии сословные предрассудки считались чем-то скорее постыдным. Да, безусловно, обычно браки заключались между людьми одного круга; но мезальянс подобного рода не считался чем-то осуждаемым. Михару были известны и успешные политики, женившиеся на дочерях купцов или простых военных низкого чина, и знатные дамы, выбравшие в мужья разночинцев или учёных. Второе же обстоятельство, конечно, ставило крест на матримониальных планах. Магрэнь, хоть и не переходила известной черты, не скрывала своих любовных связей. Слухи приписывали ей в любовники половину Кармидера — Михар, конечно, предполагал, что число это было значительно преувеличено, поскольку Магрэнь была женщиной разборчивой и обладающей вкусом, что несколько сокращало круг её возможных увлечений. Однако хорош бы он был, если бы привёз в столицу такую жену! Он, однако, может, и рассмотрел бы Магрэнь всерьёз — но особенно неприятным обстоятельством было то, что в её бывших любовниках числился и Дерек. Мысль о том, что его подчинённый был бы любовником его жены — пусть и бывшим! — вызывала слишком глубокую досаду, чтобы предполагать возможность такого брака. Михар, впрочем, охотно отдал Магрэнь должное и достаточно подробно выписал те её достоинства, которые ему особенно импонировали. В них вошли,

само собой, острый и пытливый ум, способность просчитывать многоуровневые интриги, гибкость поведенческих стратегий, умение оценивать уровень противника и находить к нему подход, навык быстро адаптироваться под изменяющиеся условия, а также ещё два-три десятка не менее важных пунктов. Поскольку у остальных дам своего примечательного списка Михар выделил два-три качества — и почти все эти качества, к тому же, имелись и у Магрэнь, — ему оставалось лишь досадливо вздыхать. Если бы эта роскошная женщина, ко всем своим несомненным достоинствам, обладала бы ещё и целомудрием — о лучшей жене не приходилось бы и мечтать. Увы, чего не было, того не было, поэтому Михар передал своим людям задачу найти такую же, как Магрэнь, только без толпы бывших любовников за спиной. Как ни странно, такие нашлись. Первую кандидатку Михар сразу же отбросил — ей было всего-то лет двадцать! Она, может, и была умна, и обещала стать ещё умнее с годами — особенно, если за неё правильно взяться, но... мысль об интимной связи с девчонкой, моложе его собственной дочери, вызывала у Михара брезгливое отвращение. Вторая кандидатка, напротив, была старше его самого — впрочем, всего на пару лет, и Михара такая разница вполне устраивала. Дама эта приходилась родственницей Рийарам, что воскрешало надежду оживить интригу со связями с Аньтье. Михар возобновил это знакомство — им случалось уже пересекаться где-то в светском обществе — и принялся осторожно прощупывать почву на предмет возможного союза. Дама приятно удивила его своим умом, умением видеть скрытые смыслы и подтексты, а также глобальным стратегическим мышлением — в самом деле, она даже подала ему несколько весьма толковых идей! Однако, хотя вроде бы всё сходилось, Михар постоянно откладывал следующий шаг — начать осторожные ухаживания. Хотя во всех отношениях достойная леди и могла бы стать превосходным партнёром, она не вызывала у него ни малейших страстных порывов. Она не была некрасива, и в её одежде или манере себя держать не было ничего отталкивающего или вызывающего отвращение; но Михар уже приближался к пятидесяти годам, и супружеские отношения могли представлять для него вполне ощутимую сложность в том случае, если женщина не казалась ему достаточно привлекательной. «До чего же всё неудачно складывается!» — с досадой думал Михар, пытаясь сформулировать некую модель, которая показалась бы ему приемлемой. Допустим, если взять в жёны женщину чисто ради политического союза, и свести близкие отношения с ней на нет... тогда придётся как-то устраивать и любовницу, а у Михара зубы сводило от сопряжённых с такими обстоятельствами сложностей. Если, правда, и жена, и любовница окажутся женщинами достаточно умными... Тут Михару в голову пришла светлая мысль выбрать на роль такой вот умной любовницы Магрэнь. Картина, нарисовавшаяся в его голове, выглядела идеально: блестящая и умная жена, которая смотрит сквозь пальцы на его стороннее увлечение и не требует от него эмоциональной вовлечённости в их отношения, и не менее блестящая и умная любовница, которая прекрасно знает своё место и не выходит за отведённые для неё рамки. Магрэнь в качестве такой вот любовницы устраивала его вполне: он находил её привлекательной, и её манера держать себя вызывала в нём приятное чувство. Он знал, какими именно средствами и приёмами она пользуется, чтобы создать иллюзию особой близости и иллюзию исключительности отношений с ней, но ему, тем не менее, нравился достигаемый ею эффект. Всякий раз, как он пересекался с нею, у него возникало чувство, будто он общается со своей бывшей любовницей, связь с которой давно разорвана, но оставила по себе приятное дружеское послевкусие. Он знал, что ощущение это ложно, и что Магрэнь нарочно вызывает в нём такое ощущение — как она делала вообще со всеми

мужчинами — но ему нравилась эта игра, и он находил, что её углубление может быть интересным опытом. Оставалось решить, как устроить дело таким образом, чтобы обе дамы остались довольны. К чести Михара отметим, что, как только он из заоблачной дали своих мечтаний выбрался на поле практических планов, то в тот же момент осознал, что реализовать эту модель он не сможет, потому что обе выбранные им дамы посчитают её оскорбительной. «Досадно», — признал он, потому что в его воображении уже нарисовалась пара приятных сцен с Магрэнь в главных ролях. Он сам не заметил, как попался на её крючки — которые она всегда щедро разбрасывала вокруг себя при общении с любым мужчиной, даже если он не был ей интересен. Она машинально умела создать такую форму общения, что мужчине казалось, будто он для неё какой-то особенный, будто общение с ним для неё уникально и ценно, и будто она дорожит им несколько больше, чем любым другим. Часть её приёмов Михар видел, осознавал и отметал; но вот это ощущение особенности его зацепило — скорее всего, потому что он и впрямь считал себя особенным. Ему легко припомнился случай, который произошёл в этот сезон в Кармидере. Он, отдыхая в перерыве между разговорами, скучающе разглядывал танцующих — и взгляд его сразу зацепился за Магрэнь, потому что она, в глубоко сапфировом атласном платье, о чём-то беседуя со своим кавалером, хохотала совершенно неприлично, отчего к ней поворачивались другие пары. Её это отнюдь не смущало; она вела живую и яркую беседу. В какой-то момент она замолчала — что-то говорил её кавалер — и именно тогда она на несколько секунд встретилась глазами с Михаром. Лицо её мгновенно заиграло в короткой, но выразительной пантомиме. Лёгкий заговорщицкий прищур — выразительное движение бровями в сторону её кавалера — на мгновенье возведённые к потолку глаза, мол, вы посмотрите, с кем приходится иметь дело, — полный укоризны взгляд — независимое движение плечами. Фигура танца переменилась, она отвернулась, и скоро снова смеялась, но у Михара возникло чувство, будто она только что пожаловалась ему на то, что ей приходится иметь дело со всякими идиотами, потому что некоторые — не будем указывать пальцами — видите ли, не танцуют! Он даже тогда подумал было подойти к ней потом; но не подошёл, потому что у него не было к ней ровным счётом никакого дела. И таких случаев можно было набрать несколько десятков — он никогда не замечал этого раньше, потому что не рассматривал Магрэнь как возможную пару. Теперь же, признав такую возможность реальной, он припоминал эти случаи задним числом, и чем дальше, тем больше убеждался, что из всех знакомых ему женщин именно с Магрэнь его связывает нечто особенное. Впечатление это было связано с тем, что у него была и весьма представительная репутация, и острохарактерная манера держать себя строго, холодно и отстранёно; большинство дам, если и делало пару попыток сойтись с ним ближе, отступали, недовольные ледяным приёмом. Магрэнь же его манера не смущала ни капли; она продолжала кокетничать, флиртовать и сокращать дистанцию при всяком удобном и неудобном случае, а он — он не то чтобы как-то поощрял её, но он не запрещал и не окорачивал, что в его случае само по себе уже являлось поощрением. После размышлений такого рода Михар неизбежно пришёл к выводу, что у него имеется острый конфликт интересов: необходимость в приличной жене ставила крест на идее любовной связи с Магрэнь, а таковая связь с Магрэнь, соответственно, не могла бы привести к браку. Михар кропотливо по пунктам выписал в один столбик то, зачем ему нужна жена, в другой — то, зачем ему нужна Магрэнь. Хотя первый столбик занял два десятка пунктов, а второй — лишь три — уверенность в принятии правильного решения так на него и не снизошла. Казалось бы, было в высшей степени очевидно, что ему следует пожертвовать этой внезапно

зародившейся в его фантазии блажью... Но жертвовать ею категорически не хотелось. Михар крайне редко хотел чего-то для себя. Обычно все его помышления и желания касались глобальных общих вопросов, и он был доволен тогда, когда какое-то затеянное им большое дело шло хорошо, — даже если дело это не имело к нему лично прямого отношения. Возможно, именно поэтому, если уж у него и возникало желание личного характера, отказываться от него было чрезвычайно досадно и неприятно. «Хорошо! — решил всё-таки рассмотреть дело подробнее Михар. — Действительно ли я не могу на ней жениться?» Он выписал пункты, по которым не хотел идти на такой шаг, — их оказалось всего три. Тут же, особо не раздумывая, он вычеркнул первый пункт — про мезальянс. Этим обстоятельством можно было попросту пренебречь. Долго и с большой досадой он размышлял над третьим пунктом — фактом наличия у Магрэнь в прошлом связи с Дерекком. Отбивая пером по столу какой-то нервный ритм, он в итоге совсем попортил свой писчий прибор и был вынужден искать другой. В конце концов, он пришёл к выводу, что и Дерек, и Магрэнь — оба они люди умные, и точно не станут искать себе лишних неприятностей, поэтому, теоретически, дело вполне можно устроить так, чтобы они и вообще никак не пересекались. Дерек, в самом деле, ненавидел светскую жизнь, так что дело не должно было представлять серьёзной трудности. Со скрипом вычеркнув третий пункт, Михар мрачно уставился на оставшийся: эпатажная репутация. Подумав, он расписал пунктов на тридцать, какими именно проблемами чревата женитьба на женщине с такой репутацией, какая была у Магрэнь. Пункты эти не внушили ему оптимизма — если от нескольких он и мог отмахнуться, то иные беспокоили его весьма сильно. С большим внутренним сожалением он должен был признать, что не готов на такой безалаберный шаг. Не для того он годами тщательно и методично выстраивал свою суровую и основательную репутацию, чтобы разрушить её теперь безрассудным браком с весьма сомнительной дамой. — Да, это точно никуда не годится! — резюмировал он, смахивая пепел с сигары на составленный список, где из трёх десятков пунктов вычеркнул всего семь. Докурив, он выбросил все касающиеся Магрэнь записи и принял решение всё-таки начать ухаживания за выбранной им в подходящие супруги дамой. Это был весьма разумный и логичный шаг, но, однако ж, ни на другой день, ни на следующий, ни на третий он к его исполнению не преступил. Всякий раз то объяснялось вполне разумными и логичными причинами, и только спустя неделю Михар с досадой обнаружил, что специально находит эти причины и ввязывается в дела и мероприятия, которые позволят ему отложить ухаживания. «Так я её ещё и возненавижу, чего доброго», — сделал разумный вывод он, признав, наконец, что глупо жениться даже на самой роскошной из женщин, если у тебя совсем не лежит душа к браку с ней. Как раз в тот момент, когда он уже совсем было закрыл вопрос, его люди прислали ему информацию о том, что нашли третью подходящую под его требования даму. Мрачно вчитываясь в присланные ему бумаги, Михар осознал, что совершенно не хочет с нею сходитья ближе — они, оказывается, часто пересекались на светских мероприятиях, но он слабо её помнил, — потому что, очевидно, она обладала тем же недостатком, что и вторая кандидатка — в ней не было ничего цепляющего. Михар не внёс этот пункт — умение зацепить и заинтересовать мужчину — в свой примечательный перечень требований, потому что не считал это качество важным для своей предполагаемой супруги. Теперь же ему хватило ума признать, что среди положительно приличных дам едва ли найдётся такая, которая обращалась бы с мужчинами легко и кокетливо; а дамы, которые, соответственно, умели поставить себя с мужчиной так, чтобы вызывать у него и интерес, и живые чувства, скорее всего, обладали бы

тем же недостатком, что и Магрэнь — наличием за спиной шлейфа любовных связей. Раздражённо отбросив бумаги с информацией по третьей кандидатке, Михар закурил и подошёл к окну. Вечерело; столичные особняки окрашивались в цвета заката. Солнце золотило металлические флюгера, отражалось от них, сверкало в стёклах. Михар распахнул окно и высунулся наружу. Запах любимого табака незамедлительно смешался с лёгким ароматом недалёкого моря, и было в этой смеси что-то живое, чарующее, заставляющее запомнить именно этот момент на всю оставшуюся жизнь, — но и что-то недостаточное, не доведённое до идеала, не восполненное. Михар прищёлкнул пальцами, пытаясь поймать ассоциацию и расшифровать своё ускользающее недовольство, но оно упорно пряталось от осознанного внимания. Где-то на периферии подсознания скреблось чувство, будто чего-то не хватает, но чего именно — он понять не мог. Некоторое время он молча курил, наслаждаясь вечерней прохладой после жаркого дня. — Папа? — голос за спиной застал его врасплох. — Мне сказали, ты в кабинете... — он отодвинул занавеску, из-за которой его не было видно от входа, и Руби чуть покраснела: — Я стучала... — Я задумался, — отмахнулся от её извинений он, любуясь дочерью. Она была в тяжёлом, богато расшитом платье, и выглядела совсем взрослой и изысканной дамой. — Так ты едешь? — спросила она, чуть наклоняя голову набок и рассматривая его с улыбкой. Она собиралась с мужем на бал, и заехала по дороге к отцу. — Не сегодня, Руби, — ответил он, потушил сигару о подоконник и подошёл к ней, привычным движением проводя по прядям её красиво убранных волос. — У меня много дел, — пояснил он, хотя это и было самоочевидно. — Ты так мхом покроешься! — рассмеялась Руби, шутливо отмахиваясь от него веером. Он улыбнулся, потому что её смех — и особенно ярко сияющие счастьем глаза — напомнили ему её мать. — Езжай, езжай! — со смешком ответил он. Она с лукавой улыбкой вдруг подалась к нему, порывисто поцеловала в щёку, обдав ароматом тяжёлых вечерних духов, и, смеясь, ответила: — А вот и поеду, а ты сиди тут сычом! — и быстрым шагом устремилась наружу. Он проводил её взглядом; улыбка медленно угасала на его губах и уходила из его глаз. В том вечернем сочетании запахов ему, однозначно, не хватило тонкой древесной ноты изысканных либерийских духов — тех единственных духов, которыми пользовалась когда-то его жена, и к которым он успел так привыкнуть за то недолгое время, которое длился их брак, что теперь они отчаянно раздражали его всякий раз, когда он встречал их на другой женщине. Именно такие Магрэнь любила носить в те дни, когда у неё был деловой и рабочий настрой — то есть, практически всегда, когда Михар сталкивался с ней по торговым делам. «Ну, это уж чересчур!» — чрезвычайно раздражился он, поймав себя самого на столь идиотской и вопиющей сентиментальности. Он мог бы составить список на сто пунктов, перечисляя, почему Магрэнь совсем не похожа на мать Руби, — между ними, и в самом деле, было чрезвычайно мало общего. Помимо этих несчастных духов, пожалуй, только одно и сходилось: та лёгкость, с которой они строили с ним общение. С годами вокруг Михара не осталось уже ни одного человека, с которым он бы чувствовал себя легко — даже от дочери его отделяла весьма толстенная стена под названием «понятие должного поведения». Магрэнь небрежно и походя разбивала любые такие стены всякий раз, как их общение длилось более пяти минут. Михар вернулся к окну и долго, запихнув руки в карманы, смотрел, как гаснет закат. «Форменное безумие!» — резюмировал свои мысли он. Всю свою жизнь он поступал правильно, и, как это часто бывает с людьми, прожившими уже почти полвека, ему теперь отчаянно хотелось поступить безумно. В конце концов, он мог себе это позволить.

2. Чего хочет Магрэнь?

— Госпожа Ринар!

Любезный возглас у неё за спиной сообщал, что её подстерегли неприятности. Потому что никаких разумных причин для разговора с ней у Михара не было — срок их старого торгового соглашения закончился, а нового Магрэнь, конечно, заключать не стала. Кроме того, сезон уже давно подошёл к концу, и было вообще непонятно, что Михар забыл в это время в Кармидере — на этом тихом камерном балу, где собралась только местная публика.

— Господин Михар! — мило улыбаясь, повернулась она к нему, старательно изображая приветливое выражение на своём лице, но даже не пытаясь изгнать из взгляда несколько грубоватое недоумение.

— Чёрный вам изумительно идёт! — весьма дружелюбно отметил Михар, заставив сердце Магрэнь подскочить в тревоге. Неожиданные комплименты от этого сурового господина могли предвещать только совсем уж грандиозные беды!

— Это мой любимый цвет, — тем не менее, ответила она вполне вежливо, пытаясь остановить в голове поток панических предположений касательно того, что ему могло от неё понадобиться.

Демонстративно полюбовавшись собеседницей — Магрэнь была и впрямь обворожительна в чёрном атласном платье, облегающем сверху и расходящемся мягкими пышными юбками ниже, — Михар, к её полной неожиданности, протянул ей руку со словами:

— Позвольте вас пригласить?..

Взгляд Магрэнь растерянно метнулся к кавалеру, которому она обещала следующий танец. Тот, впрочем, увидев, кто её приглашает, решительно отвернулся и направился на выход. Магрэнь его винить не могла: кажется, именно после открытого конфликта с Михаром его брат лишился весьма высокой должности и внезапно попал в опалу.

Обмерев от ожидания неизвестных ужасов, она молча вложила свою ладонь в протянутую к ней руку и позволила себя вести.

«Мне точно конец!» — билась в её голове паническая мысль. Михар никогда не танцевал на балах, поэтому приглашение на танец с его стороны было совершенно исключительным явлением, которое могло быть только частью некой исключительно серьёзной интриги. Магрэнь не понимала, что это за интрига, против кого она направлена, и какая роль в этом деле отведена ей, но была уверена, что ничего хорошего ей это не сулит.

Михар, ко всему, танцевал весьма скверно — более чем очевидно становилось, что он, в самом деле, никогда этого не делает. Он путал фигуры, не попадал в ритм и всячески раздражал Магрэнь самым фактом своей близости к ней.

Она сама танцевала прекрасно, и умела исправлять недостатки любого, даже самого неискущённого, партнёра. Шутя и легко она могла провести мужчину по фигурам танца, которого он и вообще не знал; но Михар, совершенно точно, не был намерен передавать инициативу более опытной в этом деле партнёрше. Все попытки Магрэнь исправить их танец разбивались в прах: он с железной силой вёл её так, как полагал нужным, заставляя вслед за ним совершать все те ошибки, которые совершал сам.

К концу танца Магрэнь уже кипела от раздражения; светскую беседу они не вели,

поскольку он был слишком занят тем, чтобы хоть что-то припомнить о движениях танца, а она слишком глубоко негодовала на его ошибки, чтобы суметь выговорить что-то хоть отдалённо любезное.

Когда последние такты, наконец, смолкли, она деловым голосом потребовала отвести её к столикам.

— Мы пройдем на балкон, — уведомил её Михар, проигнорировав вспыхнувшее в ответ возмущение.

«Чего ему от меня надо!» — с досадой недоумевала Магрэнь, позволяя вести себя в указанном направлении. Оставаться с ним вдвоём на балконе ей, совершенно точно, не хотелось, не говоря уж о том, что у неё были расписаны все танцы этого вечера.

«С другой стороны, — подумалось ей, — лучше так, чем совсем наедине». В конце концов, тут вокруг была уйма людей, а это давало ей хоть какой-то простор для манёвра!

На балконе обнаружилась тихо беседующая пара; Михар смерил их таким взглядом, что они тут же поспешили ретироваться обратно в зал. Краем глаза Магрэнь заметила, что после этого вход на балкон перегородил весьма рослый кавалер, чей тяжёлый взгляд намекал, что на бал он пришёл отнюдь не развлекаться.

Мысленно закатив глаза, Магрэнь подошла к балюстраде, изящно оперлась на неё и устремила взгляд в сад.

Михар остался стоять, где был, сложив на груди руки и явно не торопясь озвучивать цель беседы.

«Накручивает!» — про себя определила Магрэнь и решила назло ему не накручиваться. В конце концов, подышать свежим воздухом после духоты бальной залы было приятно, и она решила вполне отдалиться этому времяпрепровождению.

— Впрочем, чего тянуть, — спустя пять минут, когда она уже прочно забыла о факте его присутствия за её спиной, сказал он вдруг. — У меня к вам есть предложение, Магрэнь.

«Не пронесло», — мысленно вздохнула она, поворачиваясь к нему лицом. Предложения Михара обычно не предполагали возможности от них отказаться, так что дело казалось ей всё более скверным.

Она нарисовала на лице внимательное и вопросительное выражение.

— Брачное, — дополнил свою фразу он.

Магрэнь наклонила голову набок, разглядывая его с любопытством.

«Интересно, а Дерек-то знает, что его тут снова сватают?» — подумала она.

Ситуация стала казаться ей забавной. С Дерекком они теперь общались по переписке — по его инициативе. Она сначала пыталась отговориться и отказаться — рвать так рвать! — но после втянулась. Обширные письма их были посвящены всему на свете, и Магрэнь получала от них огромное удовольствие. Дерек был человеком умным — а она очень ценила в людях это качество — поэтому его лаконичные, глубокие и парадоксальные мысли вызывали у неё самый живой отклик.

Она, впрочем, не считала возможным рассматривать возобновление любовной связи — потому что брак с Дерекком её по-прежнему не манил — однако ей было весьма радостно, что отношения с ним продолжились и после разрыва.

Это был весьма новый для неё опыт, волнующий и приятный. Было что-то до глубины души изумительное в том, чтобы осознавать, что мужчина стремится к простому интеллектуальному общению с тобой, не претендуя на роль любовника. Сам того не зная,

Дерек этой перепиской подарил Магрэнь самый ценный подарок на свете — осознание собственной самооценности.

В общем, она весьма и весьма сомневалась, что Дерек, вздумайся ему снова предлагать ей брак, отправил бы с этой новостью Михара, а не сообщил её сам. Так что, по всей видимости, это сам Михар всё ещё надеется затащить её в какие-то свои столичные интриги.

Мило улыбнувшись, она сладким голосом заметила:

— Меня всё-таки безмерно удивляет, Аренсэ, что вас до такой степени волнует личная жизнь господина Анодара!

Он, кажется, удивился.

— Причём тут господин Анодар? — нахмурился он.

«Вот те новости! — мысленно воскликнула Магрэнь. — Кого это он мне там ещё умудрился присмотреть!» — возмутилась она. Если прохаживаться по возможности её брака с Дерексом ещё было более или менее допустимым, с её точки зрения, — поскольку её связь с Дерексом была известна, — то сватать ей каких-то незнакомцев! Это уже за всякой гранью приличий!

Осознав, в чём суть непонимания между ними, Михар, меж тем, сухо уточнил:

— Я делаю вам предложение от своего имени, Магрэнь.

Она смерила его недоверчивым и возмущённым взглядом — мол, вот за дуру-то меня держать не надо! — и, как ей казалось, весьма логично отреагировала на этот бред:

— Ха-ха, — без всякого смеха в голосе чётко и уныло произнесла она.

Он, всё ещё не размыкая сложенных на груди рук, удивлённо приподнял брови.

— Помилуйте, Магрэнь! — демонстративно воскликнул он. — Я не стал бы шутить такими вещами.

Она нахмурилась.

Суть интриги упорно ускользала от её понимания.

Он, совершенно точно, не мог делать ей предложения всерьёз; здесь должна была быть какая-то ловушка. Но, скажем, затеять всё это, чтобы опозорить её, бросив после помолвки, — выглядело слишком нелепо. У него не было никаких причин претворять в жизнь столь странные и опасные и для его репутации планы — к тому же, непонятно, чего он хотел этим добиться.

Единственное, что приходило ей в голову — это могла быть какая-то изошрённая месть Дерексу. В чём именно заключалась эта месть и как именно она должна была сработать, оставалось неясным, но никаких иных причин для его странного предложения она не видела.

Он, меж тем, принялся холодно, как будто говорил о совершенно его не касающихся вещах, перечислять свои мотивы:

— Мне нужна женщина, которая сможет достойно представлять меня в столичном обществе. Умная, образованная, светская. Умеющая не стать жертвой чужих интриг, но привлекающая других в сети своих. Та, которая слышит то, что не сказано, и видит то, что незаметно.

Он продолжал в том же духе, с каждым пассажем вызывая у неё всё больше недоумения.

«Он ничего не перепутал? — мелькнула у неё ироничная мысль. — Вакансии секретаря предлагают в другом месте и другим людям!»

В её глазах он выглядел сейчас очень странно: как человек, который выбирает жену по тем же принципам, по которым нанимает работника.

— Таким образом, вы мне подходите, — заключил свой прекрасный монолог Михар.

Магрэнь стоило больших трудов не рассмеяться.

Его подход к делу показался ей настолько забавным и нелепым, что она даже не оскорбилась по поводу того, а с чего он-то взял, что он подходит ей.

— Арэнсэ! — с некоторым даже отчасти тёплым чувством в голосе воскликнула она. — Ваше состояние меня тревожит. Вы ведь должны сами прекрасно понимать, почему вы не можете на мне жениться, — с искорками смущённого веселья во взгляде попыталась она воззвать к его уму.

Он сделал приглашающий жест рукой — мол, удивите меня! — после чего вновь принял свою замкнутую позу.

Магрэнь слегка покраснела, потому что ей было неприятно и унижительно проговаривать такие вещи вслух, и она считала с его стороны вопиющей бестактностью то, что он принуждает её это сказать.

— Это мезальянс, — тихо отгородилась она тем, что позволяло ей сберечь чувство собственного достоинства.

— Я могу себе его позволить, — незамедлительно отмёл аргумент он, а после отобразил бровями предложение продолжить.

Раздражённо передёрнув плечами и осознав, что деликатности от него не дождётся, она воскликнула:

— Это был бы скандал, который слишком ударит по вашей репутации! — и с возмущением, за которым пыталась скрыть смятение, бросилась в атаку: — Вы хоть представляете, сколько любовников у меня было?!

Атака её, впрочем, совершенно не удалась. С искренним и совершенно невинным любопытством в голосе он переспросил:

— Кстати, а в самом деле — сколько?

Она смерила его недоверчивым взглядом, но ни в выражении глаз, ни в мимике не заметила насмешки.

Фыркнув, она отвернулась, дёрнув спиной, опёрлась на балюстраду и самым независимым на свете тоном озвучила:

— Девятнадцать!

В душе её, впрочем, поднялось тщеславное удовольствие: ей редко выдавался случай похвастаться своими любовными победами, и ей хотелось и щёлкнуть его этим признанием по носу, и потешить собственное самолюбие.

В следующую секунду она пожалела, что отвернулась, потому что, судя по его тону, выражение его лица было весьма интересным.

— А, теперь я понимаю ваше беспокойство! — непринуждённо признал он и с лёгким сожалением отметил: — В самом деле, мой опыт пусть ненамного, но скромнее, поэтому, признаю, вы вправе опасаться...

Подорвавшись от возмущения, она резко обернулась и встретила его искрящийся весёлый взгляд; он явно забавлялся её реакциями. Не испытывая ни капли смущения, он продолжил изгаляться тоном самым серьёзным и сокрушённым:

— Да, полагаю, вы вправе опасаться, что я не вполне соответствую вашим искушённым требованиям...

Давать ему пощёчину было, кажется, не за что, но именно этого ей сейчас хотелось больше всего на свете.

— Вас только это смущает? — язвительно переспросила она, когда он замолчал.

— Помилуйте! — он поднял руки в примиряющем жесте. — Лично меня вообще ничего не смущает. В отличие, кажется, от вас.

Она, сложив руки на груди — что не шло к её изысканному бальному платью, — смерила его недовольным взглядом. Он стоял в спокойной уверенной позе человека, которого в жизни не заботил вопрос, куда девать руки — одна, чуть согнутая в локте, спокойно размещалась вдоль тела, другая небрежно цеплялась большим пальцем за цепочку жилетных часов.

— Вы надо мной издеваетесь! — обличила его она, не понимая, что за игру он ведёт.

Он смерил её насмешливым взглядом.

— Судя по всему, — спокойно ответил он, — это вы, Магрэнь, сейчас издеваетесь надо мной, выдвигая предположение, будто бы я не способен продумать последствия своих действий, оценить свою способность совладать с этими последствиями и сделать соответствующие выводы перед тем, как кому-то что-то предлагать.

Магрэнь независимо хмыкнула, потому что возразить на это было нечего.

«В чём тут может быть ловушка? — напряжённо размышляла она. — Громкий скандальный развод по позорящим меня обстоятельствам? Так ведь и по нему он ударит не меньше...»

Даже если предположить, что у него были какие-то неведомые ей причины навредить ей именно через такой странный и извилистый путь — она не была фигурой такого масштаба, чтобы из-за неё он рисковал и своей репутацией. А брак, как ни крути, такое дело, в которое одинаково замешаны оба.

Единственной слабенькой версией Магрэнь была та, что он каким-то образом плетёт интригу против Дерека или кого-то из иных её бывших любовников — непонятно, какую, с какими целями и почему именно так. Предположение, что он таким идиотским образом самоутверждается, она отбросила — поскольку слишком уважала его ум, чтобы выдвигать настолько несоответствующие его характеру гипотезы.

— Возможно, — неожиданно для неё вновь заговорил он, — вам поможет решиться мысль о строительстве для вас самого оснащённого в мире парфюмерного завода в столице, а также устройство торговой лавки в первой линии столичного порта?

Это было настолько неожиданно, что Магрэнь несколько секунд потрясённо молчала, и лишь потом удивлённо переспросила:

— Вы меня уговариваете?

Он развёл руками: мол, выходит, что так.

— Зачем? — тупо переспросила Магрэнь, перестав вообще понимать, что происходит.

Насколько идиотский вопрос его несколько обескуражил, но он тут же взял себя в руки и ответил вполне любезно:

— Затем, что я бы предпочёл, чтобы вы согласились.

Глупо моргая, она наблюдала за тем, как он уверенным жестом достаёт из внутреннего кармана жилета сигару, оборачивается, обнаруживает отсутствие в обозримом пространстве чего-то бы то ни было, от чего можно было бы прикурить, на незначительное мгновение теряет, после чего убирает сигару обратно с таким видом, будто и предполагал вытащить её, покрутить в пальцах и заложить обратно.

У Магрэнь перестало сходитья что бы то ни было.

Мужчины его уровня никогда не предлагают брак женщинам её типа — если, конечно,

речь не идёт о совершенно безумной страсти. Магрэнь, прищурившись, даже попыталась на взгляд определить, можно ли отнести Михара к категории несчастных, которым все мозги отшибло этой самой страстью, но страсть и Михар и так-то не сочетались в её воображении — и ещё меньше укладывались в выдвигаемые им объяснения.

«Допустим, — сдалась в попытках разгадать суть обмана она, — что он действительно решил, что я ему подхожу».

Допущение это не было таким уж странным — Магрэнь и сама весьма высоко себя ценила, прекрасно понимала, что по разному набору критериев превосходит большинство других дам, и в целом легко приняла мысль, что для выдающегося политика такая женщина, как она, и впрямь была бы предпочтительной спутницей жизни.

Поэтому с пунктом «вы, Магрэнь, мне подходите» она решила всё же согласиться.

Оставался не озвученный им, но не менее важный пункт — подходит ли он ей.

Магрэнь не стремилась замуж по целому ряду причин. Она желала сохранять полную независимость и быть самой себе хозяйкой. Она, также, полагала унизительным тот набор требований, который большинство мужчин предъявляют к кандидаткам в свои жёны — и тут, к большой удаче Михара, он озвучил совершенно иные критерии. Вместо сакраментальных «уметь вести хозяйство, быть любезной и послушной, рожать и воспитывать детей» он выдал целый набор требований, которые говорили, что ему нужен партнёр, соучастник интриг и политический помощник — ещё ни один мужчина никогда не оценивал Магрэнь по этим критериям, и, пожалуй, она была польщена. Да, подумав, решила она, ей, совершенно точно, льстил его выбор.

Чем больше она размышляла, тем более польщённой себя чувствовала — поскольку осознала, что её ценность как союзницы для него столь высока, что он пренебрёт всеми аргументами, которые были против такого брака, — а аргументы эти, на взгляд Магрэнь, были весьма весомыми.

Итак, это уже получался не тот вид брака, который вызывал у неё раздражение и протест. Брак как политический союз был для неё приемлемым предложением.

Для неё самой союз такого рода открывал самые блестящие перспективы — такие, о которых она и не могла мечтать. Магрэнь была тщеславна, и мысль о том, что она войдёт в круг анжельской элиты — и будет иметь в нём влияние! — манила её и приятно грела самолюбие и гордость.

Здесь, в Кармидере, она давным-давно достигла своего потолка. Ей не к чему было стремиться, не о чем было мечтать — жизнь её катилась по старой колее. Очень приятной колее, но, всё же, уже изрядно надоевшей. Весь последний год — после разрыва с Дерекком — Магрэнь чувствовала, что эта жизнь стала ей тесна и скучна, но никак не могла понять, чего же ей хочется взамен, и даже начинала уже жалеть, что не поехала с ним в столицу — впрочем, она не знала и того, чем занялась бы там.

Предложение Михара оказалось как никогда ко двору: он открывал ей новый путь, давал новые цели и позволял вырваться за границы, которые она считала для себя непреодолимыми.

Если бы речь шла о политическом союзе, Магрэнь согласилась бы, не раздумывая.

Брачное же предложение её отчасти смущало — она не могла себе представить Михара в роли внимательного мужа, и брак с ним виделся ей предприятием весьма сомнительным, убыточным и нервным.

«Наверняка ещё и властный и деспотичный!» — с досадой поморщилась Магрэнь, раздражаясь, что он не мог быть хоть чуть более любезным в общении. Он представлялся ей холодным, закрытым и бесчувственным — что, впрочем, она вполне могла бы простить мужу; но не любовнику. Согласие же на предложение Михара автоматически делало его единственным возможным для неё любовником — ей, совершенно точно, не хотелось проверять, в какой форме проявится его гнев, если она надумает завести шашни за его спиной.

Магрэнь была большим ценителем постельных утех и привыкла самостоятельно выбирать партнёров, удовлетворяющих её требованиям. Михар этим требованиям определённо не удовлетворял — во всяком случае, вся его манера говорила о том, что в постели он будет столь же сдержан, лаконичен и деловит.

«Ах! — подумалось Магрэнь. — Как всё это неудачно сходится!»

Однако, быстро прикинув в голове, она пришла к выводу, что этот минус, каким бы жирным ни был, оставался единственным, — а вот список прилагающихся к нему плюсов — из которых многие тоже были весьма жирными — впечатлял.

Магрэнь была купчихой, поэтому очень хорошо умела считать вещи такого рода. Плюсы, однозначно, перевесили на её внутренних весах.

«В крайнем случае, если он будет совсем уж ужасен, можно будет и развестись», — решила сама с собой Магрэнь, и, таким образом, озвучила последний оставшийся у неё вопрос:

— А что с разводом?

Михар, который всё это время спокойно её разглядывал и никак не проявлял нетерпения — впрочем, и не делал новых попыток склонить её мнение в свою сторону, — хмыкнул, сделал рукой жест: «Обождите!» — и на минуту вышел.

Вернулся он с бумагами в руках и с зажжённой сигарой.

Магрэнь бумаги подхватила — это оказался брачный договор — поморщилась на сигару — он снова хмыкнул и встал по отношению к ней так, чтобы ветер относил от неё дым, — и принялась вчитываться в предложенный ей документ.

По большей части он её удовлетворил.

— Не вижу ничего про мой новый прекрасный парфюмерный завод в столице, — впрочем, капризно протянула она.

Михар спокойно взял у неё бумагу, перелистнул и молча ткнул пальцем в пункт, где значилось, что в случае развода все свадебные подарки остаются в полном и единоличном распоряжении госпожи Ринар.

Список этих подарков, правда, предметно обозначен не был.

Магрэнь прищурилась и определила сама с собой, что сегодня ничего подписывать не будет, а сперва хорошенько изучит все бумаги. Конечно, если Михару так уж приспичит этот завод отжать себе, то он может и овдоветь, поэтому так и так ей приходится полагаться лишь на его добрую волю... но бумага есть бумага, с нею надёжней!

«Михар» и «добрая воля», впрочем, сочетались в её представлениях не лучше, чем Михар и страсть.

Вдруг она замерла, ошарашенная ещё одним найденным минусом — настолько жирным минусом, что он-то перечёркивал все плюсы оптом.

Договор там или не договор, но в этом браке не могло быть равенства: Михар всё ещё оставался величиной, на порядки превосходящей её саму. До этого дня между ними было не

так уж много конфликтов — и Магрэнь ещё могла кое-как принять неизбежную необходимость ему в этих конфликтах проигрывать. Но брак! Это уже одно огромное поле для сплошных непрекращающихся конфликтов!

И в любом, в любом из них ей придётся уступать — потому что кто он и кто она!

Сама идея этого брака тут же стала казаться ей отвратительной.

По брезгливому выражению её лица и по тому, что она не стала незамедлительно углубляться в требования прописать контракт более детально, он догадался, до какой мысли она дошла.

Вздыхнув, он постучал сигарой по балюстраде, сбрасывая пепел в сад, и спокойно отметил:

— Это, как вы верно отметили, Магрэнь, всё-таки мезальянс.

Она скривилась, потому что он был кругом прав. Если уж её манит брак, который поднимает её настолько выше, — ей придётся смириться с тем, что супруг в этом браке главнее неё.

Наверно, тут бы она и отказалась бы категорически — если бы не тот набор требований, который в самом начале озвучил Михар.

Ему требовалась не покорная жена — хозяйка, мать и украшение спальни — а союзник. Это давало Магрэнь простор для манёвра.

В её душе стал подниматься азарт игрока, берущегося за неподъёмно высокую для него ставку, но готового рискнуть всем ради возможности сорвать куш.

— Ах, Арни! — капризно протянула она, постукивая пальчиками по договору. — В таком виде я этого подписать не могу, но, думаю, принципиального согласия мы достигли, — вставила она оборот из своего делового лексикона.

Она всегда использовала его в предварительном соглашении с новыми партнёрами, с которыми требовалось ещё утрясти море деталей и подписать кипу бумаг.

— Не наглейте, Магрэнь, — насмешливо предостерёг он, стряхивая пепел вниз.

Досадливо фыркнув, она принялась обмахиваться договором как веером.

Её насмешливый и выразительный взгляд говорил о том, что, конечно, она и не собиралась наглеть, но и своего, разумеется, не упустит.

Вполне разгадав значение этого взгляда, он хмыкнул. Лицо его, впрочем, было в высшей степени довольным.

3. Какой брак строят Райтэн и Олив?

Пока Михар и Магрэнь уточняли свой брачный договор — с некоторым даже азартом торгуясь по поводу отдельных спорных пунктов — в столице как раз заканчивалась драма вокруг заговора против Грэхарда.

Дерек, отбросив все свои проекты, уныло торчал дома, делая вид, что читает. Он почему-то был совершенно убеждён, что ньонская разведка уже держит его на прицеле, поэтому даже и трепыхаться нечего.

Переубедить его в этом было некому — Илмарт погряз в картах, Олив все силы отдавала ребёнку, а Райтэн глубоко переживал факт своего грандиозного выступления перед отцом. Все мысли его упорно возвращались к одному.

Так, в этот раз он подкидывал мячик, а наблюдающий за ним сын залиvisto хохотал. Ему ужасно нравилась эта игра — смотреть, как папа одной рукой подкидывает мячик снова и снова. Иногда он этот мячик отбирал и отдавал в другую руку — мол, подкидывай теперь этой.

Глядя в сияющее самым ярким счастьем лицо своего ребёнка, Райтэн отстранёно пытался представить, что вот, он однажды тоже станет взрослым сорокалетним мужчиной, у него будет своё дело, которому он отдаёт все силы, своя жена и свои дети.

Представлялось смутно — воображение Райтэна пасовало, рисуя какого-то абстрактного мужчину с расплывчатыми семейными чертами.

«И вот будет ему сорок, и как придёт он ко мне... если доживу, конечно, — всё-таки дожить до восьмидесяти ещё нужно суметь! — и как начнёт на меня орать, что я никогда его не любил...»

Несмотря на полную абстрактность нарисованного воображением мужчины, Райтэн содрогнулся и выронил мячик.

«Да глупости! — тут же разозлился он сам на себя. — Я же не буду вести себя как отец!..»

Сын радостно подхватил укатившийся прямо к нему мяч и протянул ему с требовательным вскриком — продолжай!

Райтэн вернулся к своему занятию, сын снова засмеялся.

«Но ведь и отец не думал, что что-то делает не так», — мрачно подумал Райтэн.

Он давно научился отдавать отцу должное, и прекрасно понимал, как много сил тот потратил в своё время на его воспитание и образование. И, конечно же, он понимал, как много за этими заботами было скрыто любви — то, что он этой любви не чувствовал, не означало, что её не было. Просто отец выражал её не так, как хотелось Райтэну.

«Почему я просто не поговорил с ним?» — досадовал Райтэн, снова теряя мячик — тот откатился в другой угол комнаты, и сын вскочил на ножки и деловито последовал за любимейшей игрушкой.

«Я же мог поговорить!» — продолжал внутри себя негодовать Райтэн.

Он мог. И тогда, когда ему было пятнадцать. И до того, как принял решение сбежать. И даже после побега.

И уж совсем после — когда завёл общие дела с Этрэном.

Он же понимал — просто не хотел об этом думать, но понимал! — что Этрэн за ним приглядывает по просьбе отца. Да, он предпочитал думать, что это его коммерческий талант

привёл к тому, что Этрэн его выделил из числа других торговых партнёров. Но внутри себя он всегда догадывался, что его успехи в коммерции не играли тут заглавной роли; что Этрэн в любом случае постарался бы сблизиться с ним.

Что ему мешало, в конце концов, поговорить с Этрэном, если говорить с отцом было так страшно?

Что ему мешало поговорить с Кэном — младшенький несколько раз пытался наладить контакт, и даже лично приезжал в Кармидер и отлавливал Райтэна прямо на улицах, потому что не знал адреса, — а Райтэн даже разговаривать с ним толком не пожелал?

Боялся упрёков, нравучений и того, что за интонациями любимого братишки отчётливо слышит слова, надиктованные отцом.

Боялся, боялся, постоянно боялся.

И всё-таки купил ту идиотскую лесопилку в Аньтье — как он теперь несомненно и отчётливо понимал, в основном для того, чтобы иногда сталкиваться случайно с родными.

И — не говорить. Всё равно — не говорить.

Ладно, он был идиотом.

Но потом в его жизни появился Дерек!

Дерек, который так хорошо прочистил ему мозги! И он помирился с ними со всеми!

И всё равно не поговорил.

Просто обрадовался, что они снова у него есть.

И побоялся открывать тему, которая причиняла столько боли.

Боялся потерять их снова.

И молчал ещё десять лет — и продолжил бы молчать всю свою жизнь, если бы не этот срыв!

Налюбовавшись взятым мячом, сын уронил его на пол. Раздался звук удара — это вызвало у ребёнка особый восторг. Он поднял мяч снова — и снова уронил, рассмеявшись, когда тот снова стукнул.

Райтэн смотрел на своего счастливого, любимого ребёнка и пытался сообразить, как это такое возможно, чтобы он — маленький Браэн — когда-нибудь перестал чувствовать, что папа его любит, и сбежал куда подальше, лишь бы не сталкиваться с этой нелюбовью снова.

Райтэну сделалось страшно от понимания, что он совсем, совсем не знает, как воспитывать ребёнка, чтобы он всегда чувствовал себя любимым. Райтэн знал за собой, что он язвительный, жёсткий, зачастую грубый и бесцеремонный, не способный к дипломатии и резко авторитарный, — список можно было продолжать и продолжать.

Он кое-как научился немного сдерживать себя, потому что на лице бестолковщины-Дерека всегда рисовалось беспомощное грустное выражение, когда он заявлял, что у него нет мозгов. Райтэн научился немного следить за своими словами, но получалось у него это скверно — просто Дерек замечал эти его попытки, даже неудачные, и начинал сиять как солнышко. Но ребёнок-то ведь не будет таким понимающим, да?

Он сам-то до сих пор так и не научился видеть за язвительными замечаниями отца сдерживаемую тревогу и заботу. Знал, что они там есть, но сперва обижался, а уж потом вспоминал.

Правда, он немного научился обниматься и улыбаться — благодаря Олив, которая смотрела на него с такой затягивающей нежностью в такие моменты, что ему хотелось улыбаться ей снова и снова, обнимать её снова и снова — лишь бы её глаза сияли этим теплом. И ему потому удавалось улыбаться и сыну, и обнимать его тоже — возможно, этого

достаточно?..

Размышления его прервала Олив, которая зашла посмотреть, чем так шумит сын.

— Играем в мячик? — разулыбалась она. — Давай-ка! — и протянула руку.

Сын послушно отдал ей мячик; глаза его горели предвкушением. Олив не разочаровала, затеяв какую-то игру из тех, которые она называла развивающими.

Райтэн ничего толком не понимал в этом, но любовался женой и ребёнком.

Они были его семьёй, его самой большой ценностью; и теперь он с ужасом понимал, что для его отца их семья тоже была такой же ценностью, а он, Райтэн, осознал это только теперь.

Вместо того, чтобы катить мячик так, как показывала Олив, сын снова начал громко ронять его на пол. Олив, поднимая мячик, снова и снова терпеливо объясняла и показывала, как им играть. Чётко выговаривая слова, она тем особым тоном, каким взрослые говорят с маленькими детьми, устало повторяла одно и то же — и эта усталость резанула Райтэна по сердцу.

Им обоим приходилось непросто — он принадлежал к числу отцов, которые принимали самое деятельное участие в воспитании ребёнка, — но Олив всё же уставала сильнее. У маленького часто бывали периоды, когда он и минуты не желал проводить без мамы, и несколько дней он не отпускал её от себя ни днём, ни ночью. Олив немного истерично смеялась, что её самая большая мечта теперь — поспать хоть разок пять часов без перерыва.

Райтэн несколько раз порывался нанять няню — но Олив всё время отнекивалась и отшучивалась, говоря, что у них тут и так четыре няньки на подхвате, а мелкий требует лишь маму, и всё тут. С этим нельзя было не согласиться — даже всей толпой им не всегда удавалось отвлечь закапризничавшего ребёнка от настойчивых поисков мамы и следующих за ними криков, и едва ли какая-то нанятая женщина смогла бы тут помочь.

У Райтэна не было ни одной идеи о том, как решить эту проблему — сама Олив обречённо утверждала, что тут только ждать, пока подрастёт, — и эта неспособность помочь глубоко ранила его.

Не в силах выносить этой беспомощности, он вскочил и попытался хоть что-то сделать прямо сейчас.

— Пойдём играть с Джемом? — предложил он сыну.

Тот сразу разулыбался. Джем он любил необыкновенно — возможно, потому что тот отдавался детским играм с самозабвением и азартом человека, чьё детство закончилось ещё менее десяти лет назад.

Сдав ребёнка с рук на руки, Райтэн вернулся к Олив.

Она так и осталась сидеть на полу, устало привалившись спиной к книжному шкафу и прикрыв глаза.

Райтэн молча устроился рядом, подсовывая руку ей за спину; она, завозившись, устроилась удобнее в его объятиях. Теперь ему удачно открылся ракурс на её расслабленное лицо, и он залюбовался ею.

Густые брови с чётким рисунком, тонкая линия носа, сжатые губы и мягкий подбородок — но особенно ему нравились скулы, с одной стороны испещрённые давно зажившими шрамами. Илмарт поэтично выразился о них, что они лишь подчёркивают трогательную уязвимость её женственности. Райтэн был далёк от столь возвышенных оборотов и попросту полагал, что шрамы эти лучше, чем что бы то ни было, подчёркивают боевой нрав Олив и

отображают её решительный смелый характер.

Как это всегда с ним бывало, когда он начинал смотреть на неё, он не сумел устоять и не прикоснуться к ней.

Пальцы его нежно и осторожно прошлись по её щеке, той, что со шрамами; хотя глаза её были закрыты, она не вздрогнула от этого неожиданного прикосновения, как бывало с нею раньше, а томно вздохнула и потёрлась о его руку.

В его пальцах запуталось несколько её волосков, заставив его удивлённо сморгнуть: он не видел их, пока не почувствовал кожей, потому что они были совершенно седые.

С глубоким недоумением он отметил, поправляя эти волосы, что одна из передних прядей у неё почти сплошь седая — раньше он никогда в упор не замечал этого.

Олив была младше него всего на три года; теперь ей было тридцать семь, и годы — а заодно и роды — оставили заметный след на её внешности. Складка у губ, морщинки у глаз и на лбу, седина — не только в волосах, но, как Райтэн сейчас с изумлением осознал, и в ресницах.

До этого момента ему как-то и вообще не приходило в голову, что люди седеют и ресницами. Открытие этого его поразило; и ему подумалось, что они идут Олив просто необыкновенно.

Он наклонился и поцеловал её в эти ресницы.

— Эй! — шутливо толкнулась она. — Щекотно же!

Он рассмеялся и поцеловал её в нос.

— Тогнар! — возмутилась она, но в возмущении этом ощутимо дрожал смех.

— Люблю тебя, — вдруг серьёзно сказал Райтэн и сам замер, поскольку эти слова вырвались у него непроизвольно.

Ему почему-то всегда казалось немного стыдным говорить такие вещи прямо, и обычно он избегал конкретно этой фразы — возможно, к тому же, полагая её слишком банальной и не вполне потому подходящей для выражения его безусловно уникальных и небанальных чувств.

Олив широко распахнула глаза; в них плескалось выражение такой беззащитной нежности, что Райтэн беспомощно повторил:

— Люблю! — и поцеловал её в губы.

Она ответила жарко и порывисто; потом отстранилась и тихо рассмеялась. И он по этому тихому счастливому смеху понял, что ей очень нравится слушать именно эти банальные и скучные слова — но она никогда ему об этом не говорила, потому что...

Сердце у него мучительно ёкнуло.

Потому что, видимо, не считала, что её чувства стоят того, чтобы он что-то изменил в своём поведении — а он, и впрямь, не любил всю эту сентиментальщину и полагал, что поступки говорят лучше любых слов, поэтому нечего говорить впустую там, где за тебя должны говорить твои дела.

— Мне следует чаще говорить, что я люблю тебя, да? — спокойно и даже несколько отстранёно проговорил он свой вывод.

Она посмотрела на него удивлённо; потом неловко повела плечом, улыбаясь скорее стеснительно, и, хотя она так ничего и не сказала, он убедился в верности этого вывода.

Он остро, мучительно осознал, что она не сказала бы об этой своей потребности сама — не желая стеснить его. И он мог бы так и не догадаться — потому что он не умел догадываться о таких вещах.

Резко его накрыло осознание схожести и внутреннего родства с собственным отцом. Он был совершенно деморализован пониманием, что уже повторяет его ошибки, и что его самые близкие люди — его родная, обожаемая Олив! — точно так же не решаются поговорить с ним о своих чувствах, как он всю жизнь не решался поговорить о своих с отцом.

Эмоции его вполне отражались на его лице. Олив увидела, что он шокирован пониманием чего-то, совершенно пока непонятного ей; учитывая контекст их разговора, она сделала выводы, весьма близкие к реальности, и постаралась его успокоить.

— Тэн, — она нежно провела пальцами по его лицу, — конечно же, я знаю, что ты любишь меня. Даже если ты этого не говоришь, — уверенно добавила она.

— Но тебе хотелось бы это слышать, — упрямо повторил он; лицо его приобрело решительное выражение, которое было явным предвестником того, что теперь он с присущим ему пылом будет говорить это даже слишком часто.

Олив рассмеялась и не стала отпираться:

— Хотелось бы, — согласилась она, мягко наклоняя голову набок с разглядывая его с нежностью, — очень.

Он в ответ долго смотрел на неё серьёзно и даже чуточку агрессивно, затем предложил:

— Давай ты мне всегда будешь говорить, чего тебе хочется?

Растерянность Олив заметно отразилась на её лице. Она совсем не понимала, почему его так взволновал этот вопрос.

— Я постараюсь, — тем не менее, пообещала она.

Он осторожно взял её руку, поднёс к своим губам и поцеловал.

— Тэн. — Голос её посерьёзnel. — Что-то случилось? — с лёгкой тревогой уточнила она.

Ей было очевидно, что какая-то тяжёлая эмоциональная мысль гнетёт его изнутри; она думала сперва, что он, как и все они, переживает за Дерека, но теперь заподозрила, что дело в чём-то ином.

Райтэн досадливо поморщился. Он не планировал делиться с нею подробностями своей недавней ссоры с отцом.

Он и вообще не делился с нею подробностями своих отношений с ним.

Во-первых, ему это было слишком стыдно, потому что он был весьма недоволен своим собственным поведением. Во-вторых, он полагал, что Олив начнёт переживать за него, и ему хотелось оградить её от этих переживаний.

Заметив его очевидное нежелание говорить, Олив красноречиво возвела глаза к потолку. На её лице было ярко, бескомпромиссно и жёстко написано: «Тогнар, где твои мозги?» — однако она так и не озвучила эту мысль, а только тяжело вздохнула и взглянула на него с мученическим смирением во взгляде.

За этим выражением он увидел её согласие не лезть к нему в душу, раз уж ему этого не хочется; и именно эта её готовность принимать его молчание и не доставать вопросами пробудили в нём потребность раскрыться перед ней.

— Я с отцом поссорился, — тихо признался он.

Мгновение удивления на её лице сменилось пониманием.

— Из-за Дера? — немедленно сообразила она и чуть фыркнула. — Ну, прости, но ты тут полностью прав! Твоему отцу не следовало устраивать такие фокусы у нас за спиной!

Ему сделалось тепло на душе от того, что она сразу поняла, по какой причине

вспыхнула ссора, и сразу же, не раздумывая, встала на их сторону; поэтому он поделился и тем, чем делиться не собирался.

— Я на него так о... — запнулся он, обнаружив, что это звучит совершенно кошмарно, но всё же заставил себя тихо договорить: — Так орал.

И по тому, как сдавленно и вымученно он это выговорил, она почувствовала, как ему стыдно, и больно, и тяжело, — и сердце её мгновенно отозвалось на его боль своей.

Она завозилась, выпутываясь из его рук, и он не сразу понял, как так получилось, что теперь это он сидит в её объятьях.

— Ну! — наконец, сказала она. — Твой отец умный человек, Тэн. Он поймёт, что в тебе говорил страх за друга, — уверенно утвердила она.

Райтэн деревянно замер.

Она замерла тоже, ничего не спрашивая.

Наконец, он признался:

— Да дело не только в Дере.

Она помолчала.

— Расскажешь? — тихо предложила она, глядя его по волосам.

...и он, не в силах бороться с неожиданно проснувшейся в нём потребностью открыться перед ней, рассказал — то, что не рассказывал никому.

Он рассказал, как обожал в детстве сидеть на коленях у отца, и как приятно было, когда они с мамой обнимали его с обеих сторон. Как родился Кэн и как он стал ему завидовать — потому что он сам теперь стал старшим, и все нежности со стороны отца доставались теперь младенцу, а не ему. Как с годами эта зависть только окрепла, потому что он, Райтэн, был наследником и старшим братом, и к нему отец предъявлял высокие требования, а вот от младшего никто ничего не ждал. А потом и вообще родилась Тэнь! Отец души не чаял в дочке; а с сыновьям стал строже, особенно с Райтэном, которому уже было целых десять лет — совсем взрослый!

Как он отчаянно пытался соответствовать ожиданиям отца — быть достойным продолжателем славного рода, старательным наследником и заботливым старшим братом. Как у него всегда это не получалось — точнее, теперь-то он понимал, что получалось, но тогда, в детстве, любое замечание со стороны отца казалось ему признанием его полной бездарности и несостоятельности.

Как мама — добрая, нежная, заботливая мама, — всегда сглаживала острые углы, утешала его, уверяла, что отец ценит его старания. И как всё в их семье распалось, когда мама умерла — Райтэну тогда было четырнадцать.

Он правда старался; но отец стал таким строгим и холодным! Это теперь-то, с высоты прожитых лет, Райтэн понимал, что отец тогда просто замкнулся в своём горе, отгородился от всех эмоций стеной воли и долга. Но тогда, там, ему казалось, что отец просто его не любит, что он никогда не станет достойным сыном и наследником, что он каждым своим поступком и словом только разочаровывает отца.

И как он бился, бился об эту стену воли и долга в попытках заслужить любовь своей старательностью — а получал только новые замечания и придирки.

И как он сбежал, не оставив даже записки.

Как не открыл ни одного отцовского письма.

Как не стал говорить с Кэном.

Как шараялся от любых общих знакомых — кроме Этрэна, который пришёл однажды вроде бы по делу, и ни о чём другом не говорил, как о деле, и вёл себя так, как будто это не он играл с Райтэном ещё с колыбели, как будто они и вообще раньше не были знакомы, и теперь впервые сошлись — как деловые партнёры.

Как он вцепился в Этрэна, жадно выхватывая из его оговорок любые новости о своей семье — но бескомпромиссно и холодно отгораживаясь от любых попыток поговорить.

Как он, в конце концов, перебрался в Аньтье.

Как впервые столкнулся с отцом — в одной из светских гостиных — и как гордился тем, что ему вполне удалось сделать вид, что они совершенно чужие друг другу люди.

Как научился сталкиваться со своими совершенно случайно и обмениваться с ними совершенно безликими этикетными фразами. Как вполне убедил себя, что ему нет до них дела, потому что им нет дела до него. Как упрямо не замечал многочисленные приметы того, что дело именно что есть, и что все они — и отец, и Кэн, и Тэнь, — ищут этих нечаянных встреч с ним, чтобы хоть так соприкоснуться с ним и его жизнью. Как у отца вечно приходит надобность устроить ревизию верфи именно тогда, когда там у него есть какое-то дело; как ненавидящая светские приёмы Тэнь является чуть ли ни на каждый, куда может забрести и брат; как Кэн за какими-то демонами полюбил загородные пешие прогулки — непременно в той части, где располагалась лесопилка Райтэна.

Как, в конце концов, он мучился под домом отца, когда понял, что у Дерека нет документов; как страшно, стыдно и мучительно было ему прийти туда с этой просьбой.

Как он боялся того, что Тэнь будет бросать ему в лицо многочисленные упрёки, которые он заслужил; и как ещё паче он боялся того, что она будет вести себя с ним как чужая, холодно и надменно; и как он не мог поверить, что она в самом деле ни разу не упрекнула его — не упрекнула до сих пор! — и просто сразу обдала его вихрем своей заботы, любви и доверия.

Как он испугался, что отец никогда, никогда не простит ему, что он помог ей поступить в университет; и как он не мог не помочь ей, после того, как она отнеслась к нему так великодушно.

Как он дрожал и чуть ли не плакал от страха от этого неизбежного столкновения с отцом — столкновения, которое лишит его остатков иллюзий и надежд на то, что между ними ещё возможны какие-то отношения — а после этой встречи из-за документов в Райтэне отчаянно и мощно разгорелась надежда на то, что отношения эти будут.

Как столкновения не произошло; как был лишь подавленный отец, который совсем не выглядел бесчувственным и каменным воплощением долга и родовой чести; который был просто отцом, огорчённым тем, что не понимает собственных детей.

Как, наконец, благодаря Дереку он сумел преодолеть себя и наладить контакт с отцом и братом — и как он был счастлив этому.

Как он волновался, когда отец неожиданно пропал; и как мучительно больно ему было в тот день на карьере, когда внезапно объявившийся там отец жестоко и насмешливо бросал ему в лицо его же собственные слова, какие он говорил на эмоциях в далёкой юности.

Как... он говорил, говорил и говорил — всё то, что всегда было тайной его сердца, о чём он даже сам с собой не думал прямо, что не называл истинными именами и прятал глубоко-глубоко в душе.

Поражённая, ошеломлённая этими неожиданными откровениями Олив тихо плакала и гладила его по волосам, пытаясь хоть немного утишить его боль. Оба Тогнара — и старший,

и Тэн, — казались ей такими уверенными в себе, взрослыми, умными людьми, что теперь ей было сложно осознать тот факт, что они умудрились столько лет мучить друг друга, в упор не понимая, что оба нуждаются в любви друг друга.

Наконец, Райтэн дошёл до последней ссоры, выдохся и умолк.

Внутри у него в этот момент зародилось странное, непривычное, хрупкое чувство. Он впервые в жизни так откровенно и прямо вывалил на другого человека эмоции, которые всегда казались ему досадной слабостью, недостойной человека с его уровнем интеллекта. Он раскрылся сейчас перед Олив полностью, беспомощно, незащищено, — и ему было странно ощущать тёплую нежную поддержку, которая теперь исходила от неё. Ему казалось, что никогда раньше они не были так близки, как сейчас, — возможно, потому что никогда раньше он не раскрывался перед нею так.

Хотя она за всё то время, что он говорил, не промолвила и слова, он ощущал себя таким любимым, как никогда в своей жизни, — просто потому что она обнимала его, прижимала к себе, целовала в висок и нежно перебирала пальцами его волосы. Ему казалось, что он весь растворился в её любви; что любовь эта мягким неслепящим светом залила его изнутри, залечивая собой всё то, что болело, ныло, кровоточило и жгло его все эти годы.

Наконец, помолчав немного, Олив резюмировала:

— Очень по-тогнаровски. — И тут же добавила: — Все мы вечно пытаемся из гордости скрыть, что нуждаемся в любви.

И это «все мы», с которым она причислила себя к Тогнарам, сказало о её любви больше, чем любые «я люблю тебя, Райтэн».

Перехватив её в свои объятия, он поцеловал её — горячо, глубоко, жадно, пытаясь выразить этим всё своё чувство.

Как это всегда с ними бывало, начав целоваться, они уже совсем не могли остановиться — им хотелось большего, большего, и ещё большего.

В этот раз, впрочем, Олив неожиданно вывернулась из-под его губ со словами:

— Мелкий скоро разорётся, а мы не договорили, между прочим!

Нависший над ней на руках Райтэн — они, целуясь, успели совсем уже сползти на пол — удивлённо замер. Ему одинаково хотелось и продолжить с поцелуями, и узнать, что там ещё они не договорили, — и выставить приоритетность этих желаний оказалось затруднительно.

Оценив выражение его лица и разгадав характер его затруднений, Олив рассмеялась, ловко выскользнула из-под него наружу и даже отошла на несколько шагов — потому что и ей, определённо, слишком хотелось продолжить.

Вздохнув, Райтэн сел настолько чинно, насколько это можно было сделать прямо на полу, и посмотрел на неё снизу вверх с вопросительным выражением.

Усевшись на пол напротив, Олив разъяснила:

— Смотри. Сделанного не воротишь, но, по крайней мере, мы можем научить Браэна не повторять наших ошибок, — она загнула первый палец, а Райтэн кивнул, соглашаясь, что меньше всего ему хотелось бы повторить с собственным сыном тот сценарий, в который он влип со своим отцом, — потом, мы можем постараться не делать так друг с другом, — загнула второй палец Олив, и Райтэн кивнул и тут, припомнив, как в своё время они могли бы так и не пожениться просто потому, что не решились объясниться, — далее, мы, по

крайней мере, можем теперь отдать твоему отцу всю любовь, на которую способны, — третий палец, и снова согласный кивок и тёплое чувство от очередного «мы», — и, пожалуй, — Олив прикусила губу, задумалась, тряхнула головой и решительно загнула четвёртый: — Нам стоит разобраться и с Дерексом!

— С Дерексом? — удивлённо переспросил Райтэн, не понимая, как в эту типично тогнардовскую историю оказался замешан его вечно лучащийся любовью друг.

Олив смирила его скептическим взглядом.

— С Дерексом! — возвела она глаза к потолку и раздражённо расшифровала: — Он же, кажется, вообще в упор не верит, что кто-то может его любить!

Райтэн сбледнул с лица и закашлялся.

Взглянув на него с тревожным сочувствием, Олив принялась объяснять свою точку зрения:

— Нет, он так-то, конечно, знает и понимает, что мы его любим, что он нам дорог. Мозги-то у него на месте! — постучала она себя по лбу, а потом с глубокой горечью добавила: — Но в сердце у него точно полный бедлам! Вспомни, как он всех нас гнал и требовал оставить его одного, лишь бы у нас не было проблем!

Лицо Райтэна приняло яростное и упрямое выражение. Эта манера друга самоуничижаться всякий раз, как его касалось что-то ньонское, бесила его более всего на этом свете, и он решительно боролся с этим самоуничижением всегда, когда сталкивался с ним.

Боролся как умел — язвительностью, насмешками, взыванием к логике.

И теперь ему подумалось, что потому и получалось плохо, что бороться нужно было не ими, а любовью, принятием и теплом.

— Кстати, — прервала его размышления Олив, и по её недовольному прищурю он понял, что сейчас прозвучит какая-то претензия, — я тебе ещё не припомнила, как ты пытался отослать меня в безопасное место и одному переться в Ньон!

Райтэн сжал зубы.

Он всё ещё считал, что решение такого рода и было самым правильным и единственно допустимым.

Олив была женщиной; его женой; матерью его ребёнка. Её должно было беречь. Её нужно было защищать.

Не могло идти и речи о том, чтобы тащить её за собой в смертельно опасную авантюру!

Разгадав по его упрямому взгляду, о чём он думает, Олив возмущённо заговорила:

— Ты как это себе представляешь, Тогнар?! Ты, что же, не понимаешь, что этим предлагаешь мне ад на земле?

Райтэн с негодованием вскочил:

— Я предлагаю тебе гарантию жизни!

Олив вскочила тоже:

— Гарантию жизни?! — она язвительно рассмеялась. — Тэн, ни у кого нет такой гарантии! Я могу умереть в любой момент от сотни самых разных не зависящих ни от тебя, ни от меня причин!

Райтэн побледнел. Столкнувшись с критическим недостатком атеизма — осознанием, что твоя жизнь зависит от тысячи не зависящих от тебя случайностей, — оказалось в этот раз особенно болезненно, потому что теперь речь шла не о его жизни, а о жизни Олив.

— Я хочу тебя защитить, — тем не менее, упрямо повторил он.

Она сложила руки на груди и через губу парировала:

— Я тоже. — И добавила: — Хочу защитить тебя.

Райтэн открыл было рот, чтобы заявить, что это он тут мужчина, и это его задача — защищать, но, к счастью, вовремя осознал, что ему не стоит произносить такие вещи вслух.

Олив, впрочем, прекрасно догадалась, что именно он не произнёс, и, естественно, глубоко оскорбилась.

— Тогнар, — с неожиданной злостью парировала она эту невысказанную декларацию, — я не нуждаюсь в покровительстве.

— Это не покровительство! — тоже сложив руки на груди, возмутился Райтэн и заявил: — Это забота!

Лицо Олив стало столь любезным, что он догадался, что сейчас его припрут к стенке, даже раньше, чем она переспросила:

— Забота? — и, разомкнув руки, сделала шаг к нему. — Забота — это вещь взаимная и обоюдная, если ты не знал, дорогой.

Райтэн дёрнул щекой и промолчал, опуская лицо.

— Я просто боюсь за тебя, — наконец, сказал он, глядя в пол.

— А я — за тебя, — незамедлительно отреагировала она.

Он хотел было сказать что-то ещё, но она продолжила:

— И за Дера, между прочим, я тоже ужасно боюсь, — он вскинул на неё удивлённый взгляд, и она фыркнула: — Ты что же, думаешь, ты один его любишь? А мы с Маем так, для массовки болтаемся?

Райтэн снова промолчал, потому что именно так он и думал.

Раздражённо вздохнув, Олив принялась терпеливо пояснять:

— Тэн, даже если бы тебя не существовало бы на свете, мы с Маем всё равно поехали бы за Дерекком.

Райтэн заморгал часто и беспомощно, пытаясь принять и переварить эту мысль.

Лицо его неожиданно просветлело; он не смог бы чётко объяснить, почему, но осознание того факта, что Олив и Илмарт тоже любят Дерекка — любят его просто как Дерекка, а не по цепочке «друг моего мужа» и «друг мужа моей подруги» — отозвалось в его сердце глубоким сильным теплом.

— И вообще, Тогнар! — продолжила, меж тем, возмущаться Олив. — Тебе жена нужна — или декоративной объект для приложения твоей заботы?!

Во взгляде её читались обида и отказ занимать позицию бесправного объекта — пусть даже для приложения таких, безусловно, приятных вещей, как забота, нежность и любовь.

— Жена, — уверенно заявил Райтэн, размыкая руки и обнимая её, — мне нужна жена, Се-Стирен.

Она уткнулась лицом в его шею и оттуда воинственно заявила:

— Ну вот и не выпендривайся тогда! — и язвительно добавила: — Кошечку заведи, если так неймётся!

Он рассмеялся — тепло, искренне, — поцеловал её в макушку и просто согласился:

— Не буду выпендриваться. — И серьёзно добавил: — Поступай, как знаешь, жена.

Олив ответила ему взглядом столь пламенным и глубоким, что удержаться от поцелуя оказалось совершенно невозможно.

...к счастью, в следующие четверть часа мелкий так и не разорался — им, как бы они

его ни любили, в это время было совсем не до него.

4. Что бывает, когда Тогнары работают в команде?

Старший Тогнар не принадлежал к числу людей, которые позволяют эмоциям и бесплодным сожалениям отнимать свои силы. Отложив эмоциональное в долгий ящик, он сразу же после ссоры с сыном принялся разрабатывать план, как вытащить Дерека из тех передряг, которые он сам ему и обеспечил.

Противостояние с владыкой Ньона было делом нешуточным; но Тогнары были тем родом, который не боялся сильных противников. Как бы хороша ни была ньонская разведка — не мог же владыка бросить все её силы на поиски давно пропавшего и объявленного мёртвым раба!

«В Аньтье, — пришёл к решению старший Тогнар, — я готов противостоять хоть всем демонам преисподней!»

Он быстро прикинул в голове политическую картину — по всему выходило, что Грэхард не сможет просто потребовать у анжельских властей выдачи Дерека — особенно в системе координат «подайте мне сам не знаю кого, какого-то блондина из столицы!». Соответственно, действовать он будет тёмными методами — а на своей земле Тогнару помогали бы и камни. Он мог запрятать там Дерека так, чтобы того и в жизни не нашли; он был уверен, что любого ньонского резидента, которому вздумалось бы проявить хоть малейший интерес к делу, ему выдадут жители самого Аньтье; он знал места, в которых мог бы держать осаду месяцами; ни морским путём, ни по суше никто не смог бы выкрасть Дерека так, чтобы об этом не узнали Тогнары.

Конечно, всю жизнь в Аньтье не просидишь; но Тогнар полагал, что важно исходить из нужд текущей ситуации, а уж потом, когда станут известны шаги и намерения ньонского повелителя, можно будет думать и дальше.

Итак, план был признан рабочим. Не теряя времени, Тогнар отправился в дом сына, по пути прикидывая, кого как расселить в Аньтье, куда пристроить Дерека, чем занять Райтэна, что...

Удивительным образом все срасталось идеально. По пути Тогнар чуть не начал насвистывать от удовольствия — интрига сходилась красиво и изящно, и, кажется, ему не только удалось нивелировать собственную ошибку — он ещё и удачно выхватывал Дерека из-под влияния Михара, пристраивал Райтэна к судостроению в Аньтье, привозил на родную землю нового отпрыска их славного рода, налаживал отношения между своими сыновьями...

На этом-то чувстве глубокого удовлетворения собственным умом он себя и поймал — потому что чувство это всегда сопутствовало его интригам.

Сбившись с энергичного шага, старший Тогнар затормозил.

«А что, если они не хотят в Аньтье?» — мелькнула у него в голове мысль, которую он тут же попытался вытряхнуть — потому что как можно не хотеть в Аньтье?

Тем более — как можно не хотеть в Аньтье, если ты Тогнар!

Впрочем, логика его тут же стала подсказывать верные аргументы: где ещё, как не в Аньтье, они все могут быть в наиболее безопасном положении? На своей земле им ничего не страшно, и даже владыка Ньона зубы пообломает!

Решительно кивнув сам себе — мол, дело же очевидное! — Тогнар вновь ускорил шаг.

Однако червячок сомнений всё же уже начал грызть его изнутри.

Некстати вспомнились недавние обвинения Райтэна — ты, мол, всегда думаешь, что

лучше всех всё знаешь, и всегда решаешь за всех!

Это воспоминание настолько сбило Тогнара с толку, что он запнулся и совсем встал посреди улицы.

«Глупости! Я ведь и в самом деле тут знаю лучше!» — напомнил он сам себе.

Он был в центре политической жизни Анджелии почти четыре десятка лет.

За эти годы, к тому же, он вложил всю свою душу в развитие Аньтье и его окружения. В своём городе он знал каждый дом; в своей области у него в каждом населённом пункте были свои, временем проверенные, люди.

Ни Райтэн, ни Дерек не могли похвастаться ни его опытом, ни его связями, ни его знанием людей и ситуаций.

Он объективно знал всё лучше их.

И поэтому было разумно, чтобы именно он принимал решение.

Тогнар тяжело нахмурился, разглядывая дверь в дом сына.

Он не чувствовал себя неправым, но он понимал, что если сейчас войдёт в этот дом и заявит, что все они едут в Аньтье, потому что так ему будет проще их защитить...

Он вспомнил беспомощное, полное вины и боли лицо Райтэна, каким оно стало в тот момент, когда он уже оторался и понял, что только что натворил и наговорил; не было никаких сомнений, что после такого сын просто не осмелится сказать, что его что-то не устраивает.

«Тэн унаследовал от неё свою чувствительность», — с болью подумал Тогнар, вспомнив свою покойную жену.

Им овладела такая растерянность, как никогда в жизни.

Совершенно не представляя теперь, как себя вести с сыном, он остро понимал одно: нельзя вести себя так, как он привык.

С полчаса он проторчал у дома, не решаясь войти; наконец, на лице его нарисовалось упрямое и решительное выражение.

Подойдя к крыльцу, он настойчиво и уверенно дёрнул придверный колокольчик.

Внутри раздались шум и возня — родители в это время в гостиной развлекали ребёнка.

— Тэн, откроешь? — донёсся до Тогнара голос Олив.

— Сейчас! — последовал уверенный ответ, и через несколько секунд дверь отворилась.

Отец и сын уставились друг на друга, переживая момент глубочайшей неловкости; это была первая их встреча после ссоры, и оба они совершенно не представляли, как себя вести.

— Погожий сегодня денёк! — первым сориентировался старший, прибегая к привычному анжельскому средству и входя.

— Да, вполне, — с видимым облегчением согласился Райтэн, закрывая дверь.

Они снова замолчали и замерли, опять не зная, как себя вести.

В таком виде и обнаружила их подошедшая Олив.

Ей хватило нескольких секунд, чтобы оценить ситуацию. Райтэн корчил безразличное лицо, полное чувства собственного достоинства, — верный знак того, что внутри у него бушуют эмоции, которые он не желает показывать. Старший Тогнар предпочитал немного другую тактику — у него на лице отображалась вежливая любезность, которую можно было бы тоже принять за безразличие; но теперь, после откровений Райтэна, Олив поняла, что отец его очень похож на него, и за этой вежливой любезностью скрывается всё та же попытка скрыть сильные эмоции.

«Идиоты!» — мысленно резюмировала Олив, до которой дошло, что оба они так и будут корчить свои рожи, словно оба они так ничего и не поняли.

План созрел в её голове моментально.

— Ах! — воскликнула она, хлопая в ладоши. — Пришёл наш любимый дедушка! — и бросилась старшему Тогнару на шею с объятиями.

Тот был совершенно деморализован и ошеломлён.

Олив, которая продолжала считать его — пусть бывшего, но правителя! — слишком важной персоной, обычно дичилась его, откровенно смущалась и держала сдержанную вежливую дистанцию. Она и сейчас внутренне обмирала от страха и стыда, но старательно давила в себе эти чувства, вытаскивая наружу все запасы радости и тепла.

— Тэн, а ты чего? — возмущилась она, на миг отрываясь от объятий и решительным взглядом пронзая мужа.

Тот растеряно хлопнул ресницами; затем покраснел. До него дошло, что и зачем делает Олив, и он осознал, что ей сейчас и неловко, и страшно, и она только ради него решилась быть столь непривычно фамильярной.

Ему сделалось стыдно перед ней; и он поспешно подошёл и обнял и её, и отца, прижимая их к себе крепко-крепко.

Волна тёплого, сильного, искрящегося радостью и нежностью чувства совершенно опрокинула старшего Тогнара; от волнения и облегчения у него потемнело в глазах, потом в них закололо подступающими слезами, и он, растерянный, растроганный, поспешил выпутаться из их объятий до того, как сдержанность его даст трещину и он расплачется, не в силах совладать с этим глубоким чувством любви и родства.

— Браэн так вас ждал! — не стала выпускать из своих рук инициативу Олив, подхватила старика под руку и потащила в гостиную.

Райтэн на несколько секунд отстал.

«Если Ты есть, — подумал он, обращаясь к тому Богу, в Которого верил Дерек, — то спасибо тебе за лучшую жену на свете!»

Он отчётливо понимал, что сам не сумел бы переступить через свои привычки и сдержанно-достойную манеру поведения, и не обнял бы отца первым; и что отец, конечно, тоже не смог бы переступить через себя и обнять его; и, если бы не Олив, они бы, возможно, больше никогда в жизни бы не обнялись.

Мучительно осознав это «никогда в жизни», Райтэн потряс головой, выкидывая из неё все лишние соображения, рванул за родными и там, уже в гостиной, сгрёб их в объятия снова.

Олив, уже успевшая подхватить на руки сына, радостно рассмеялась, прижимаясь к мужу всем телом. Отец, к удивлению Райтэна, тоже рассмеялся и включился в эти общие объятия.

Замирая сердцем, Райтэн впервые в жизни по-настоящему осознал, каким неизмеримо драгоценным сокровищем он обладает — любящей и понимающей его семьёй.

А дальше — дальше они играли с ребёнком, и старший Тогнар всё никак не мог найти момент, чтобы уместно вставить своё предложение припрятать всех в Аньтье — теперь-то он понимал, что высказано оно должно быть именно как предложение.

— Тэн, — наконец, попробовал он начать издалека, — мне кажется, вам сейчас небезопасно оставаться в столице...

Райтэн от неожиданности издал странный сдавленный звук, совсем сбив и без того теряющегося в формулировках отца с мысли.

— Да, — вмешалась в дело Олив, — мы рассматривали вариант с Северной Анджелией или даже Райанци.

Она умудрилась плотно увязнуть в переписке со старшим братом — точнее, скорее в переписке с одной из своих племянниц, с которой была в детстве ближе, чем с остальными, — поэтому они с Райтэном рассматривали в числе прочих и вариант «рвануть к Се-Стиренам».

— А! — протянул старший Тогнар и было замолчал, но потом всё же осторожно уточнил: — А что насчёт Аньтье?

— Слишком очевидный вариант, — спокойно ответил Райтэн.

Они с Олив переглянулись с некоторой тревогой; старший Тогнар понял, что тревога эта была связана с опасениями, что их решение ему не придётся по душе, и он будет пытаться их переубедить.

— Логично, — ошарашил он их своим ответом.

Райтэн улыбнулся робкой неверящей улыбкой; Олив опустила сияющие тёплым светом глаза, затем быстро взглянула на Райтэна и тоже улыбнулась.

Старший Тогнар, конечно, предпочёл бы, чтобы они были под боком и под его контролем — в Аньтье — но сейчас, когда аргумент об очевидности был произнесён вслух, он сам понял, что, действительно, гораздо разумнее было бы затаиться на севере, и ему самому эта мысль не пришла в голову лишь потому, что его связи заканчивались на уровне Брейлина.

— На самом деле, — вдруг заговорил Райтэн, — нам очень кстати пришлось бы твоя помощь.

Тогнар удивлённо выпрямился; просящий помощи сын был для него в такую же диковинку, как для самого Райтэна был непривычен признающий его аргументы отец.

— Всё, чем смогу, — заверил Тогнар, — и даже сверх.

— Дера наверняка будут искать, — принялся объяснять сын. — Скорее всего, по внешним приметам и знаниям языков — за это легче зацепиться. Спрятаться на время не проблема, — он нежно улыбнулся Олив, и она весело кивнула, — но не сидеть же всю жизнь в лесах? Конечно, — продолжил Райтэн, — искать начнут со столицы, а тут у тебя не так много своих... но, скорее всего, в Аньтье тоже нагрянут. Хорошо бы, — перешёл он к сути дела, — хоть отдалённо понимать, как продвигаются поиски, и, возможно, если выйдет, запутать их.

Тогнар крепко задумался.

Если бы ситуация сложилась так, что поиски ньонской разведки начались бы в Аньтье, он точно бы сумел сбить её с толку. Со столицей, конечно, такой фокус повернуть не получилось бы.

С другой стороны...

У него в голове начали складываться возможные интриги. Всё-таки «владеющий ньонским и даркийским subtilный блондин с татуировками на запястьях» — достаточно расплывчатая...

«Стоп! — мелькнула у него в голове мысль. — А разве знание языков у него на лбу написано?»

— Тэн, — тут же решил прояснить вопрос Тогнар, — а кому, вообще, известно, что

господин Деркэн Анодар владеет даркийским и ньонским языками?

Райтэн и Олив растерянно переглянулись. Они ни разу не слышали, чтобы Дерек говорил по-ньонски — он избегал этого языка — а вот поболтать с даркийскими купцами вроде как любил.

Осознав, что чёткого ответа на этот вопрос у них нет, Тогнар попросил:

— Ты можешь у него этот вопрос уточнить?

Посмотрев на него с недоумением, Райтэн спросил:

— А в чём проблема? Сам спроси, я его сейчас позову... — встал было он, но отец замахал рукой:

— Нет, нет, не стоит! — глубокое недоумение на лица сына требовало пояснений, поэтому ему пришлось со вздохом растолковать: — Полагаю, ему теперь было бы не очень-то приятно меня видеть...

Райтэн несколько раз тупо моргнул, пробормотал что-то про зашкаливающую степень идиотизма и рванул на выход.

Дерека найти было несложно — он читал в своей комнате.

Точнее, делал вид, что читает.

Лежа на кровати, он тупо смотрел в строчки, не видя их, и пытался прикинуть, убьёт его Грэхард или не убьёт.

Аргументов в пользу «не убьёт» было больше: Дерек был полезен, и сейчас даже полезнее, чем раньше, а Грэхард не был склонен разбрасываться ценными ресурсами.

Аргумент в пользу «убьёт» был один — со злости — но, учитывая нрав ньонского владыки, его следовало считать весьма весомым.

Машинально разрешив другу войти, когда тот постучался, Дерек перевёл на него задумчивый печальный взгляд.

Райтэн скривился — настроение это уже было ему привычным, но раздражало безмерно, — и объяснил цель визита:

— Там мой отец, между прочим, думает, что ты его теперь ненавидишь.

— Что? — от удивления Дерек аж сел, откладывая книгу.

Райтэн изобразил своё любимое выражение лица — смирение перед идиотизмом окружающего его мира.

Дерек вскочил.

— Ну, в самом деле! — возмущённо заявил он и рванул вниз.

По дороге, правда, он осознал, что не знает, что и как говорить, поэтому в гостиную вошёл несколько растерянно.

Растерянность его ещё усилилась, когда старший Тогнар, заметив его приход, встал ему навстречу.

— Деркэн, я должен эксплицировать вам кондоленцию по поводу... — весьма официальным тоном начал высказывать он свои сожаления по поводу сложившейся ситуации.

За его спиной Олив, зажав себе рот рукой, скорчилась от беззвучного смеха, сообразив, откуда Райтэн подхватил столь странную манеру изъясняться.

Сам Райтэн как раз догнал друга и, встав в дверях, бросил на жену укоряющий взгляд; она этого не заметила, поскольку была занята борьбой с неуместным весельем.

Дерек выслушал всю тираду старшего Тогнара — определённо, вполне отвечающую

правилам высокой дипломатии — со спокойным выражением лица и, лишь когда тот договорил, ответил:

— Помилуйте, господин Тогнар, но в этом ведь только моя вина.

Райтэн возвёл глаза к потолку; его отец нахмурился, не понимая, с чего бы это такое странное перераспределение ответственности. Со вздохом Дерек пояснил:

— Я должен был вам всё рассказать сам тогда, в Брейлине... или нет, — спохватился он, — на самом деле, я должен был рассказать сразу, ещё в Аньтэе, — добавил с глубоким убеждением. — Но уж в Брейлине-то точно! Но я промолчал, — он развёл руками. — Так что здесь только моя вина.

Старший Тогнар поймал взгляд сына, транслируя своим лицом вопрос: «Он всегда такой?» Райтэн скорчил весьма красноречивую физиономию: мол, такой и даже хуже, — после чего отошёл к жене и сыну.

Вздыхнув, Тогнар сделал к Дереку пару шагов, поймал его виноватый и растерянный взгляд и спокойно заявил:

— Деркэн, здесь только моя ошибка. Это я должен был скоординировать свои действия с вами своевременно. Вы же ни перед кем не обязаны были отчитываться в ваших личных отношениях с кем бы то ни было.

Сложив руки на груди, Дерек нахмурился и высказал мысль, которая, очевидно, давно его терзала:

— Но я должен был! Речь ведь не о каком-то... — он скривился, потерял продолжение фразы и переформулировал: — Было преступлением скрывать от вас факт этих отношений, потому что я подставлял вас, принимая подписанные вами документы.

Дерек сейчас находился в том настроении, когда искренне считал, что подвёл всех присутствующих и подставил их под возможный гнев Грэхарда; теперь он был недоволен собой и полагал, что ему не следовало принимать помощь Тогнаров.

Тогнары, впрочем, явно не разделяли его точку зрения, потому что переглянулись между собой вполне красноречиво.

Переговоры продолжил старший, любезно напомнив:

— Господин Дранкар был вполне в курсе всей подоплёки дела, и принял решение за всю нашу семью. Или, — он слегка наклонил голову набок, рассматривая Дерек с некоторым любопытством, — вы полагаете, Деркэн, если бы Тэн мне сразу всё рассказал — я бы отказал вам в легализации?

— Да он сам тогда ещё не знал, — буркнул Дерек, отворачиваясь и краснея.

— Вот как! — приподнял брови Тогнар и позвал сына: — Тэн! Стало быть, если бы ты знал с самого начала...

Райтэн, игравший на полу с ребёнком, вскочил, смерил друга раздражённым взглядом и язвительно заявил:

— Ага, конечно, пнул бы его обратно в Ньон первым рейсом! Судя по всему, — с глубокой обидой в голосе обратился к Дереку он, — ты все эти годы только спал и видел, как бы вернуться поскорее к этому своему ненаглядному Грэхарду!

Обида его относилась к предположению, что, видите ли, из сомнений Дерек следовало, что он мог бы отказаться от дружбы с человеком ввиду наличия в прошлом этого человека таких компрометирующих обстоятельств, как дружба с ньонским владыкой.

Чутко уловив эту обиду в голосе друга, Дерек порывисто подался к нему.

— Нет, конечно, нет! — пылко заверил он, пытаясь взглядом и тоном передать мысль о

том, как Райтэн важен и дорог ему — куда там какому-то Грэхарду!

Сложив руки на груди, Райтэн криво усмехнулся. По лицу его, впрочем, было видно, что он доволен таким ответом.

— Таким образом, — вернул всех к теме старший Тогнар, — мы возвращаемся к тому, что это обстоятельство было несущественным, и вы были вправе хранить его в тайне, Деркэн.

Дерек вздохнул и потёр лицо ладонями, сдаваясь. Переспорить представителей этой семейки и в одиночку-то не представлялось возможным — а уж если они собирались единой командой!..

— Так что ошибка моя, — продолжил гнуть свою линию старший, — и работать над её исправлением тоже мне.

Заметив, что Дерек смотрит на него теперь с явной опаской — по манере друга он знал, что с их фамильным упрямством «исправление» чего бы то ни было может приобрести критически разрушительный характер, — Тогнар пояснил:

— Будем думать, как сбить с толку ньонскую разведку. Скажите, Деркэн, — перешёл он к делу, — многие ли знают, что вы говорите по-даркийски и по-ньонски?

Вернувшись в рабочее русло, Дерек честно задумался и объяснился:

— По-даркийски я часто говорю с купцами, да и в университете засветился. А насчёт ньонского... — он передёрнул плечом. — Все вы, включая господина Дранкара, Ил, Рэнь... Магрэнь Ринар, — уточнил он, задумался и резюмировал: — Да и всё, наверно.

— Отлично! — аж потёр руки от удовольствия Тогнар и деловито уточнил: — А госпожа Ринар не болтлива?

Дерек вежливо приподнял брови.

— Нет, — сказал он, — но я могу отдельно её попросить не болтать.

Отмечая какие-то пункты в том плане, который выстраивался внутри его головы, Тогнар рассеяно кивнул и продолжил уточнения:

— А ваши татуировки, полагаю, вы никому не показываете?

Дерек улыбнулся, расстегнул манжеты и закатал рукава до локтя, показывая свои художества.

Глаза Тогнара загорелись огнём любопытства и азарта.

— Как интересно! — он даже подошёл ближе, разглядывая детали, и уточнил: — Джотандские?

— Именно, — кивнул Дерек.

По лицу Тогнара было заметно, что он разматывает цепь каких-то рассуждений. Наконец, у него всё сошлось. Вернувшись и сев на диванчик, он ещё покивал своим мыслям и выдал план:

— Что ж! В Аньтье мы вас прикроем основательнее. Подберём отца-джотандца...

На лице Дерек отобразилось глубочайшее удивление. Тогнар взмахнул рукой и пояснил:

— А, для иммигрантов фамилия «Анодар» достаточно распространена, хоть одного подходящего найдём! — и продолжил: — Так вот, мы прикроем вас документально. Если разведка по каким-то причинам заинтересуется конкретно Деркэном Анодаром, то легко выяснит, что ваша семья эмигрировала из Джотанды и осела в Аньтье... вы знаете джотандский? — уточнил он.

— Плохо, — покачал головой Дерек. — Но я подучу.

— Остаётся только фенотип! — Тогнар пощёлкал пальцами в воздухе и позвал: — Тэн?

Тот без слов понял, что его призывают в эксперты: оценить, сильно ли Дерек похож на самого себя.

Встав напротив друга, Райтэн придирчиво осмотрел его с ног до головы, попутно вспоминая, каким он был, когда они только познакомились.

— Осанка и манера двигаться изменились, — резюмировал он. — А борода и усы сильно затрудняют узнавание. Но глаза! — он досадливо махнул рукой и вынес вердикт: — Любой, кто видел его хоть раз, тут же узнает!

— Ну, это ещё близко подойти надо, чтобы глаза увидеть, — задумчиво протянул Тогнар, рассматривая Дерекана, потом предположил: — А если очки? Как у вас со зрением, Дерекэн?

Дерек повёл плечами нерешительно.

— Не знаю, но не очень хорошее, — признался он.

— Очки, и оттенок волос чуть изменить, — резюмировал Тогнар. — Тэнь должна быть на днях в столице, у неё спросим.

Кайтэнь и профессор Линар уже побывали в Райанци и Ниини и теперь планировали посетить столичный анжельский университет, так что их прибытия ждали со дня на день.

— Таким образом, — встав, Тогнар принялся расхаживать по комнате, заложив руки за спину. — Они будут искать в столице блондина, говорящего по-даркийски и по-ньонски, а также имеющего выход в круги, связанные с ньонской оппозицией. У нас же имеется в наличии чуть рыжеватый джотандец, который знать не знает ньонского. Конечно, — кивнул он сам себе, — они будут отрабатывать и эту версию — и упрутся рано или поздно в безупречно прикрытую документами легенду. И тут единственный слабый момент — если они всё же пришлют для опознания кого-нибудь из ваших старых знакомых, Дерекэн, — остро посмотрел он на Дерекана, и тот кивнул, признавая таковую опасность. — Но мы в любом случае будем предупреждены, — оптимистично заключил Тогнар, — потому что их шевеления в Аньте мимо нас не пройдут.

Дерек этими рассуждениями был ошеломлён. Он почему-то был до этого незыблемо уверен, что ньонская разведка просто придёт и заберёт его. Потому что чего его искать-то? Вот же он!

— Из столицы, конечно, всё же лучше убраться, — подумав, остановился у окна Тогнар. — Но и прятаться на севере, пожалуй, не обязательно.

Проморгавшись, удивлённый Дерек переспросил:

— А Михар?

— А что Михар? — незамедлительно фыркнул в ответ Тогнар. — Пусть копается, в чём хочет. Дороется до версии с джотандцами, бежавшими от кровной мести, и завянет. Впрочем, — задумчиво поправился он, — тогда придётся выждать хотя бы месяц, чтобы Кэн успел тылы прикрыть.

Дерек задумался.

Райтэн, большую часть этого разговора занятый тем, что переглядывался с Олив, отвлёкся от этого занятия и резюмировал:

— Вот этот план мне по душе!

Старший Тогнар польщёно улыбнулся.

— Но я учился джотандскому у Джея, — вдруг вспомнил Дерек. — Михар должен знать,

что я не джотандец! — огорчённо махнул рукой он.

Это соображение заставило всех помрачнеть.

Михар мог представлять проблему в том случае, если бы ему и впрямь удалось докопаться до прошлого Дерека.

— Можно попробовать отговориться, что вы пытались так замести следы... — задумчиво потёр подбородок Тогнар. — Господин Джей-Ниро же был официально приставленным к вам шпионом — классический канал для слива дезинформации.

— А ещё неизвестно, что он говорил, а чего — нет, — неожиданно вмешалась в разговор Олив.

Эту информацию было решено уточнить собственно у Джея — он находился дома, делал рабочие выписки по одному из михаровских проектов.

Зайдя в гостиную и со всеми поздоровавшись, он первым делом уселся на пол рядом с Браэном затеял с ним игру с перетягиванием разномастных верёвочек.

— Джей, — Дерек тоже устроился рядом с ними и ввязался в перетягивание, к вящему восторгу ребёнка, — скажите, а вы говорили с господином Михаром о том, что учите меня джотандскому?

Джей слегка покраснел — с ним это всегда бывало, когда в речи упоминался его бывший патрон, — и ответил:

— Нет, про джотандский вроде нет. Я ему говорил, что мы занимаемся языками, — пояснил он, — и он тут же переспросил, какие языки вы знаете. Я перечислил анжельский, нийский и даркийский, — с тревогой вскинул он глаза на Дерека. — Это плохо?

— Это отлично, — успокоил его Дерек и пояснил: — Потому что я планирую притвориться джотандцем.

Джей рассмеялся и согласился:

— Это можно, сэр, — он так и не сумел отказаться от привычки называть Дерека сэром. — У вас получится!

Тот разулыбался.

— Отлично! — хлопнул себя по коленям Тогнар, вставая. — Значит, работаем в этом направлении!

Радостные лица всех присутствующих были ему лучшим ответом.

5. Когда Магрэнь плачет?

О помолвке Магрэнь и Михара Дерек узнал совершенно неожиданно — он упустил волну связанных с этим событием сплетен, поскольку предпочитал торчать дома, так что услышал всё от Райтэна, который говорил с уже приехавшей сестрой, которая узнала от Руби — поскольку в столице она первым же делом поспешила встретиться с подругой.

Новость эта совершенно выбила Дерек из колеи — Магрэнь ничего не писала ему о планах подобного толка, — и он заподозрил очередную интригу.

Мысли его тут же радостно зацепились за возможность выкинуть из головы Грэхарда, Ньон и заговор, и он моментально додумался до варианта «Михар принуждает Магрэнь к браку шантажом». Дальше начинались совершенно безумные идеи того, зачем, собственно, ему могла потребоваться Магрэнь.

Райтэн легко зацепился за обсуждение и охотно продолжил список ужасных причин, по которым она могла понадобиться Михару.

Вдвоём они изрядно накрутили друг друга — выплёскивая в эти предположения свои тревоги совсем по другому поводу — и, разумеется, пришли к выводу, что Магрэнь нужно непременно спасать, и что они оба с этой задачей вполне могут справиться.

На другой день им пришлось, правда, повозиться, чтобы отыскать её адрес — она посчитала, что до свадьбы жить в доме жениха было бы слишком скандальным шагом, поэтому сняла жильё. Но остановить наших задумавших уже спасательную операцию героев было совершенно невозможно, так что адрес этот они раздобыли и явились с визитом.

— Райти, Дерри! — радостно встретила их Магрэнь, безупречно элегантная и на вид вполне довольная. Райтэну досталось нежное рукопожатие, а Дерек она и вообще обняла, обдав солнечным ароматом каких-то цитрусовых духов. — Как мило с вашей стороны меня навестить!

На лице её читалась самая искренняя радость; она не выглядела как женщина, которую притащили сюда насильно, удерживают против её воли, да ещё и принуждают к браку.

Райтэн и Дерек переглянулись. Им обоим пришла в голову мысль, что Магрэнь в любой ситуации всегда стремится сохранить лицо, так что, должно быть, сейчас делает хорошую мину при плохой игре.

Дальнейший светский разговор за чаем проходил весьма странно, потому что Магрэнь беззаботно щебетала, рассказывая о своих торговых успехах, хвастаясь ещё не построенным заводом и делясь забавными историями об общих кармидерских знакомых. Мужчины лишь мрачно переглядывались: за её легкомысленностью они предполагали плохо скрываемый страх.

Страх, в самом деле, имел место, поскольку Магрэнь опасалась, что её решение вступить в брак с Михаром будет воспринято этой парочкой негативно.

Отметив, наконец, хмурый вид собеседников, Магрэнь решила не юлить и выйти на откровенный разговор, резко прервала очередную кармидерскую историю, аккуратно поставила чашечку на столик и непринуждённо поинтересовалась:

— Господа, у вас какие-то проблемы?

После коротких перегибков они решили, что говорить будет Дерек.

— Рэнь, — решительно начал он, твёрдо сжимая пальцами ручку у своей чашки, — ты можешь вполне на нас рассчитывать. Мы тебе поможем.

Магрэнь наклонила голову набок, глядя на него с некоторым недоумением. В конце концов, она пришла к выводу, что они имеют в виду помощь с продвижением её парфюмерной продукции в столице.

— Спасибо! — тепло и радостно откликнулась она. Сердце её по-настоящему наполнилось теплом; ей было приятно, что они так стремятся её поддержать.

— Что бы ни было у него на уме, — включился в беседу Райтэн, — мы не дадим ему это совершить.

Тут Магрэнь поняла, что потеряла нить беседы.

— У него? — переспросила она с недоумением.

— Мы прямо сейчас работаем над этим, — решительно покивал Дерек.

— Задрал уже со своими интригами! — вторил ему Райтэн.

По этому раздражённому возгласу Магрэнь начала догадываться, что речь, кажется, идёт о Михаре; но каким образом он относится к их помощи в её парфюмерных делах, она не сообразила. Они, что ли, полагают, что он будет против их поддержки?

«Да, пожалуй, так, — чуть кивнула она себе, — из-за Дерри это было бы неловко», — имея в виду, что вмешательство её бывшего любовника в её торговые дела и впрямь могло показаться Михару компрометирующим.

— Уверена, это можно устроить, — с успокаивающей улыбкой заверила она.

Её собеседники явно воодушевились, поймав её позитивный настрой.

— У нас уже есть план! — энергично перешёл к делу Райтэн.

Всю следующую минуту Магрэнь с удивлением выслушивала, каким образом её планируется вывозить из столицы, кто и как будет её прятать и в какой стране ей лучше скрыться.

— погоди, Райти! — поморщилась она на том пассаже, где он обещал ей всяческую поддержку в Райанци. — Я упустила основную мысль. — И, хмуро глядя на них, озвучила: — Почему вам вообще пришла в голову идея куда-то меня увозить?

Дерек всплеснул руками и извиняющимся тоном принялся объяснять, что ему пока совершенно нечем настолько прижать Михара, чтобы он отказался от идеи этого брака, но что он непременно продолжит работать над этим, чтобы в своё время Магрэнь могла вернуться, не опасаясь новых интриг этого господина.

С недоумением выслушав его извинения и пояснения — он выглядел и впрямь сокрушённым — она продолжила выяснять не очевидные ей моменты:

— Но зачем тебе заставлять Арни отказываться от нашего брака? — и с тёплой улыбкой подначила: — Неужели настолько ревнуешь?

Дерек поперхнулся очередной фразой; Райтэн, смерив Магрэнь недовольным взглядом, пояснил:

— Мы не знаем, чем именно он тебя шантажирует...

Осознав, из какой логической ошибки выросли их странные идеи, она искренне рассмеялась, заставив его обиженно замолчать.

— Почему шантажирует? — наконец, отсмеявшись, спросила она. — Я сама согласилась!

В этих её словах была капля лукавства. Она и сама не была вполне уверена, что поступила правильно, соглашаясь на этот брак, и чувствовала себя несколько нервозно. Ещё в Кармидере у неё даже мелькнула мысль всё же отказаться — но мысль эта упёрлась в тот факт, что получить оскорблённого и разгневанного отказом Михара в вечные враги ей точно

не хочется. Так что внутри себя Магрэнь понимала, что была бы вынуждена согласиться, даже если бы ей и хотелось отказаться.

— Сама согласилась?! — в возмущении подскочил на месте Райтэн. — Рэнь, где ты потеряла свои мозги?!

Выразив всем лицом своё недовольство этой вспышкой, она отпила глоточек чая и капризно выговорила:

— Райти, давай без этих твоих сцен!

Он, сложив руки на груди, откинулся на спинку диванчика и смерил её взглядом острым и злым. С его точки зрения, она совершенно выжила из ума.

Магрэнь досадливо фыркнула.

— В смысле? — вдруг прервал их склоку неестественно спокойный голос Дерека. — В смысле — сама? Он разве не заставил тебя?.. — растеряно выговорил он и замолк.

Она перевела на него взгляд.

Он сидел нехарактерно для него прямо, и в глазах его плескалось глубокое и искреннее недоумение.

Ей сделалось немножко стыдно перед ним, и она отреагировала несколько резче, чем это было уместным.

— Дерри! — с укором воскликнула она. — У Арни достаточно качеств, которые делают его завидным мужем, знаешь ли!

Ей было неприятно и досадно, что они оба до такой степени не одобряют этот брак, что даже мысли не допускали, что она могла согласиться на него добровольно.

— В самом деле? — зло и холодно переспросил Дерек, подаваясь корпусом к ней и уставляясь в её лицо требовательным настойчивым взглядом. — Какие же, например?

Допрос такого рода не пришёлся ей по душе. Однако ж, защищая свой выбор, она принялась ледяным тоном перечислять:

— Великолепный ум, сильный привлекательный характер, высокое положение в обществе, целеустремлённость, богатый жизненный опыт...

По ходу перечисления лицо Дерека становилось всё холоднее; он сжал челюсти, что рельефно выделило его скулы, делая выражение его обычно приветливого непривычно злым.

В глазах его разгорались досада и обида, и до неё, наконец, дошло, что он чувствует себя изрядно задетым: ведь она неоднократно отвечала отказом на его предложения, а тут, понимаешь ли, взяла и собралась замуж за другого.

Совість проснулась в её душе и сделала ей острый и мучительный укол: она подумала, что, в самом деле, таким браком предаёт и Дерека, и Райтэна — а обоих она причисляла к своим друзьям, — ведь Михар был им обоим врагом.

Однако тут же ей сделалось досадно, что Дерек полагает себя вправе судить её выбор. Она тут же припомнила, что он-то звал её замуж только потому, что полагал необходимым узаконить отношения с женщиной, с которой делил постель; что для Дерека жена была в первую очередь тем самым, чем категорически не хотела становиться Магрэнь — матерью для детей и хранительницей домашнего очага.

Она почувствовала злость от того, что он, со своими мещанскими понятиями о браке, со своим мечтами о скромной семейной жизни смеет быть недовольным тем фактом, что она предпочла ему мужчину, который ценит её куда как выше и отдаёт должное её талантам и уму.

— А ещё, Дерри, — язвительно и остро заявила она, пронзая его раздражённым взглядом, — он, знаешь ли, не стремится сделать из меня дурацкую замужнюю клушу, вся жизнь которой посвящена детям и созданию уюта.

Укор этот задел Дерека глубоко и всерьёз — он никогда и не думал превращать Магрэнь в такую вот «клушу», но, в самом деле, мечтал о семье, в которой жена отдаёт себя дому и детям. Магрэнь походя высмеяла эту мечту, унизив её до уровня патриархального потребительства, да ещё и подчеркнула, что Михар устраивает её куда как больше, чем он сам.

— Ну, знаешь ли!.. — вскочил Дерек, собираясь высказать в ответ что-то столь же обидное и злое, но его остановил подскочивший вслед за ним Райтэн.

— Прошу прощения, у нас ещё уйма дел! — заявил он, за плечи хватая друга и увлекая его к выходу. — Были рады повидаться! — прокричал он от двери, выволакивая Дерека наружу.

Магрэнь не стала их провожать. Уронив лицо в ладони, она пыталась совладать с собственными чувствами, которые находились теперь в совершенном смятении.

Реакция Дерека задела её гораздо больше, чем она от себя ожидала.

Почему-то она предполагала, что реакция эта будет куда как мягче. Она знала, что у Дерека светлый, благородный характер, и поэтому ожидала, что он легко поймёт её мотивы и не осудит их. Ей даже казалось, что он скорее порадуетя за неё — что она нашла мужчину себе под стать, вступила в брак, который поможет ей развиваться и проявлять лучшие стороны своего характера.

Но Дерек сегодня выглядел не просто задетым, огорчённым или обиженным — он смотрел на неё так... словно она предала его.

Отняв руки от лица, Магрэнь нервно стиснула худые красивые пальцы и устремила взгляд в пустоту.

Пожалуй, да, если бы речь шла о любом другом мужчине — великодушие Дерека показало бы себя во всей красе. Он бы принял её решение, искренне порадовался за неё и от души пожелал бы счастья.

Но она выбрала не кого-нибудь, а Михара. Дерек, конечно, не ненавидел его — ненависть совсем не уживалась с его характером — но имел к нему многочисленные счёты. Магрэнь знала, что он не простил и никогда не простит ему интриг против Райтэна; что он сочувствовал Руби и полагал Михара никудышным отцом, который поломал психику своей дочери; что он был глубоко, до омерзения, возмущён его отношением к Джею; что он, в конце концов, и сам был совершенно подавлен необходимостью работать под его контролем.

С этой точки зрения Магрэнь и впрямь не могла выбрать себе более неудачного мужа; и, с глубокой внутренней тоской, она признала, что Дерек вправе полагать себя преданным.

Это понимание далось ей болезненно и трудно: они никогда не учитывала чувства других людей при принятии своих решений, и теперь ей было досадно и неприятно, что чувства Дерека шли вразрез с её решением. Она принялась нервно расхаживать по комнате, ломая руки и пытаясь придумать, можно ли тут что-то исправить. Ей мучительно не хотелось терять Дерека и его дружбу — он был человеком, которого она высоко ценила, чьим одобрением весьма дорожила и общение с которым представляло для неё большую важность. Она признавала теперь, что виновата перед ним, и он вправе лишить её своей дружбы; и ей делалось горько и больно от этой мысли.

Она, к тому же, осознала, что вместе с Дерекком теряет и Райтэна — тот не простит ей причинённой другу боли, да и сам вправе был полагать себя преданным по тем же причинам. Михар и ему был врагом, и, в отличие от Дерека, Райтэн не был щепетилен и одаривал его самой яркой и бескомпромиссной ненавистью.

Магрэнь дорожила и дружбой Райтэна тоже — пусть они и не были особо близки, и в дружбе этой было больше язвительного соперничества, нежели духовной близости. Тем не менее, она с юности привыкла, что Райтэн был неизменным атрибутом её жизни: он сваливался ей на голову всегда неожиданно, то с деловым предложением, то с безумным планом, и жизнь Магрэнь, определённо, играла более яркими красками благодаря этим явлениям.

Теперь же её внутренний мир стал с ног на голову. Она запуталась в приоритетах и перестала понимать, что для неё важнее.

С одной стороны, дружба была для неё ценным солнечным даром, который наполнял жизнь теплом. Это были дорогие, сокровенные отношения, которые напоминают тебе, что ты не зря живёшь на этом свете, и что есть люди, которым ты дорога, которые тревожатся о тебе, которые не оставят тебя в беде.

С другой стороны, брак с Михаром по-прежнему манил её богатыми перспективами. Магрэнь была из тех людей, которые всю свою жизнь развиваются, учатся новому, растут над собой. Выгодный брак становился для неё новой ступенькой в развитии, и предложение Михара было совершенно уникальным шансом в её жизни — она и рассчитывать не могла, что однажды станет супругой человеку такого уровня.

Ей было горько и обидно, что друзья не поняли, почему этот брак так важен ей, что они осудили её и отвергли. Она, конечно, вполне понимала причины, по которым их так задел её выбор, но всё же полагала, что они могли бы проявить ответное понимание и принять мотивы, которые побудили её пойти на этот шаг.

Магрэнь и самой было страшно, справится ли она с тем, во что ввязалась; мысль о том, что в столице у неё, по крайней мере, есть друзья, которые поддержат, придавала ей сил и мужества. Теперь же она понимала, что оказалась здесь совершенно одна, и что ей одной придётся бороться с тем, чтобы занять то место, о котором она мечтала.

Горькие метания её в какой-то момент были прерваны посыльным: он доставил ей письмо. От Дерека.

У Магрэнь задрожали пальцы; прикусив губу, она смотрела на это письмо со страхом и стыдом, предполагая, что найдёт в нём все те слова, которые Райтэн не позволил Дереку высказать вслух. На глаза её навернулись слёзы, но всё же она решительно и мужественно надорвала конверт. Она полагала, что обязана отвечать за свои поступки, и что, раз поступки эти вызвали гнев и обиду Дерека, она должна принять его чувства в полной мере.

Письмо, однако, оказалось совсем не таким, как она ожидала.

Вместо обвинений, обличений и презрения в нём были извинения.

Дерек просил прощения, что вспылал, объяснял, что его срыв не был связан с нею, и что он в последнее время чрезвычайно взвинчен обстоятельствами личного характера, поэтому даже на простые вещи реагирует остро и болезненно. Далее он изъявлял надежду на её снисходительность и заверял, что она по-прежнему может на него положиться — как в торговых делах, так и в личных.

Только перечитав письмо три раза, Магрэнь обнаружила, что плачет.

Слёзы облегчения и стыда текли по её щекам, а она совсем не чувствовала их, пока они

не начали неприятно капать с подбородка на грудь.

Это письмо ярко, остро, мучительно обнажало самую суть Дерека — солнечную незлобивую суть человека, который не думает о себе, своей гордости, своих потребностях, а с щедрым пылом отдаёт всё тем, кого любит.

Письмо его буквально ослепляло её своим внутренним светом; и от этого проникающего в самое сердце света она всё никак не могла перестать плакать.

Прижав ладонь к глазам — в попытках укрыться — она никак не могла собрать свои растрёпанные мысли во что-то цельное.

Одно, что она понимала чётко, так это то, что она скорее умрёт, чем когда-нибудь согласится предать Дерека.

6. Когда Дерек лжёт?

Дерек находился в глубоком раздрае с самим собой.

За последний год он уже смирился с отсутствием Магрэнь в его жизни. В отличие от неё, он совершенно не умел рвать связи подобного рода, и первое время тосковал о ней ужасно. Потом ему сделалось обидно, что, видимо, он не был ей так уж интересен, раз уж она так легко приняла решение об этом разрыве — а с его позиций казалось, что она и впрямь сделала это легко. Потом он написал ей, потому что скучал по ней; когда ему удалось уговорить её на переписку, обида и совсем прошла — он почувствовал, что по-прежнему дорог ей как человек, что её отношение к нему не ограничилось заинтересованностью в любовной интрижке.

Впрочем, он, трепетно поддерживая эту связь, не имел намерений пытаться сойтись с нею снова. Перед глазами его стоял пример Олив — которая и мысли не допускала о том, чтобы не последовать за Райтэном, куда бы его ни понесло. Ему остро и мучительно хотелось, чтобы и в его жизни была женщина, которая всегда будет следовать за ним; Магрэнь явно не была таковой.

Он смирился с мыслью о том, что Магрэнь, конечно, была восхитительной любовницей и интересным собеседником, но не могла стать такой женой, о которой он мечтал. И сосредоточил свои силы на том, чтобы развивать их отношения в той плоскости, где им обоим было хорошо и комфортно друг с другом — в интеллектуальных беседах.

Ему казалось, что всё здесь устроилось наилучшим образом.

И тут — как гром среди ясного неба! — новость об этой помолвке!

Дерек был ошарашен её неожиданным признанием — что это было её свободное решение. Гордость его была весьма уязвлена, и ему, в самом деле, показалось, что она предала его этим решением.

Он смирился с тем, что оказался не тем мужчиной, с которым она хочет провести свою жизнь, — смирился так же, как принял и тот факт, что она не хочет быть такой женщиной, в которой нуждался он. Это было честно и справедливо: они не подошли друг другу и не стали лгать друг другу в этом.

...но выбрать в супруги Михара!

Дереку было и горько, и обидно, и даже в какой-то степени унизительно, и ему казалось, что Рэнь как друг не должна была поступать так.

Он совершенно не мог справиться со всеми этими эмоциями, поэтому просто позволял Райтэну тащить его, куда тому вздумается — а тому вздумалось домой — и рассеянно слушал иногда его раздражённые пассажи, в которых рефреном повторялась мысль: «Куда она потеряла свои прекрасные мозги!»

Дерек был с ним полностью согласен: только непроходимая дура могла по доброй воле связаться с таким человеком, как Михар!

По приходу домой он, закрывшись в своей комнате, некоторое время мысленно бурчал на эту тему, обличая всю глупость и наивность Магрэнь.

Когда обида его, наконец, излилась в особо язвительных пассажах, и накал эмоций немного поутих, он припомнил, что Магрэнь не была ни дурой, ни наивной.

Ему хотелось продолжать злиться на неё и обвинять её во всех смертных грехах, но мозг его уже озадачился загадкой на тему: «А чего она, собственно, в самом деле?»

Нехотя, преодолевая раздражение и досаду, он стал перебирать варианты ответов, и довольно скоро пришёл к мысли о том, что, в самом деле, для Магрэнь брак такого рода был необыкновенно выгодным — можно сказать, он был для неё совершенно уникальным шансом.

Дереку ужасно хотелось продолжать обижаться и ныть, но уже не получалось, потому что он — понял.

За пониманием пришёл стыд.

Он подумал, что, верно, не имел никаких прав делать ей упрёки.

Ему стало весьма неприятно, что он выступил в сегодняшней сцене с позиции собственника, который полагал, что его бывшая любовница должна считаться с его мнением при выборе своего супруга.

«Как меня вообще могут касаться её отношения с ним! — злился он уже на самого себя. — И, почём я знаю, может, с нею он раскрывается совсем с других сторон!»

Дерек был человеком справедливым, поэтому признал, что наличие у него личного конфликта с Михаром совсем не означает, что Михар не умеет быть любезным с женщинами, что он не может быть привлекательным как супруг и что у Магрэнь, в самом деле, были какие-то реальные поводы отнестись к его предложению настороженно.

«В конце концов, он же её не в любовницы звал!» — привёл сам себе добивающий аргумент Дерек, и ему сделалось стыдно теперь и перед Михаром тоже — который в сложившейся ситуации заслужил скорее уважение, чем порицание. Учитывая разницу в социальном статусе, Михар, если уж ему так приглянулась Магрэнь, должен был предложить ей роль содержанки, а никак уж не жены; то, что он предлагал именно брак, говорило о том, что он человек, не лишённый благородства.

Дерек, конечно, не знал об истинных мотивах Михара, и поэтому исходил из допущения, что тот потому предложил Рэнь брак, что влюбился в неё.

То, что Магрэнь может зацепить за живое любого — даже такого сухаря, как Михар, — было Дереку очевидно. Конечно, странно было представлять себя Михара влюблённым, но, в конце концов, Дерек знал, что он любит дочь — соответственно, мог любить и жену.

Ему подумалось, что Магрэнь, как женщина умная, тоже, конечно, всё это просчитала и поняла — и именно поэтому предложение приняла.

Он знал, что она в первую очередь ценила в мужчинах ум, а Михар был весьма и весьма умён, так что, как казалось Дереку, было бы вполне естественно то, что он мог бы понравиться Магрэнь, если бы захотел.

Таким образом, нарисовав перед своим внутренним взором весьма романтическую картину, в которой Михар, влюбившись в Магрэнь, отверг все предрассудки и с самыми честными намерениями открыл перед ней своё сердце, а впечатлённая этим шагом Магрэнь согласилась эти чувства принять, он совсем уж устыдился своей вспышки и написал то самое письмо в попытках как-то исправить положение.

Дерек, как водится, судил по себе и стремился потому в каждом увидеть то, что было свойственно ему самому. От всех этих фантазий Михар даже несколько приподнялся в его глазах и стал видеться ему фигурой куда как более симпатичной — потому что человек, который сумел разглядеть, как хороша Магрэнь, не мог быть совсем уж пропащим.

В иллюзиях этих ему, правда, пребывать было суждено недолго, потому что потрясённая его великодушием Магрэнь явилась объясняться.

— Сэр, к вам тут госпожа Ринар! — ворвался в его размышления весёлый голос Джея, и, вынырнув из своих самоуничижительных переживаний, Дерек поспешил открыть.

Магрэнь выглядела весьма смущённой; он тоже был смущён, но и весьма рад — его мучило, что они поссорились, и что он так некрасиво повёл себя, и возможность загладить дело принесла ему облегчение.

— Дерри, — первой начала она голосом, полным раскаяния, — прости, я должна была написать тебе, но...

Она не решилась написать, потому что боялась его реакции, и убедила себя, что о таких вещах нельзя писать, о них нужно говорить лично. Но, приехав в столицу, она всё откладывала разговор — всё из того же страха.

— Это я виноват, — решительно перебил её Дерек, — твоя личная жизнь никак меня не касается, а я полез не в своё дело.

Магрэнь смешалась; контраст между сухой, деловой манерой Михара и порывистой искренностью Дерека глубоко её задел.

Тогда, в Кармидере, она со всей определённой решила, что им с Дерексом не по пути. Ей было непросто, и она тоже скучала по нему, но она была из тех женщин, которые поступают так, как велит разум, а не чувства.

С позиций разума ситуация была однозначна и проста: именно брак с Михаром обещал ей самые радужные перспективы.

Но сердце, смущённое и раненое этим конфликтом с Дерексом, встрепенулось в ней и горячо заявило, что с вердиктом разума не согласно.

Теперь, снова столкнувшись с Дерексом — с его яростным желанием её защитить, с его глубокой деликатностью к её чувствам, с его открытой искренностью — она осознала, как сильно ей всего этого не хватало.

Она поняла, что, сколь бы многое ни приобрела в браке с Михаром — она никогда не получит там вот такого, тёплого, яркого, живого чувства.

Её смятение сделалось совсем велико; она запуталась.

Всю жизнь, сколько её было, она принимала решения разумом, и это вполне её устраивало — она получала от жизни именно то, чего хотела. Сердце её не всегда было согласно с её решениями, но, в конце концов, всё укладывалось к лучшему, сердце успокаивалось, и Магрэнь в очередной раз убеждалась, что сделала правильный выбор.

Теперь же ей стало страшно — мысль о том, что она в этом своём разумном браке потеряет нечто весьма и весьма важное, стала исступлённо биться в её голове.

Дерек что-то говорил — простое и радостное, в своём духе, — но она не слушала и, замерев, глупо смотрела на него.

Она осознала, что ей как невесте Михара не следовало сейчас приходить сюда и оставаться с Дерексом наедине — это было совершенно недопустимо для той репутации, которую она должна была теперь поддерживать.

Она осознала, что репутация эта и вообще требует от неё никогда не встречаться с Дерексом и даже не переписываться с ним — потому что любая связь с бывшим любовником по определению является предосудительной.

Она остро, мучительно осознала, что теряет Дерека — не только как мужчину, но и как друга.

Он заметил, что она побледнела и смотрит на него с болью и ужасом.

— Рэнь? — в большой тревоге рванул он к ней, осторожно и мягко беря её руку и

машинально поглаживая её так, как привык делать во времена их связи.

Этот привычный и нежный жест заставил её содрогнуться до самой глубины её существа; она совершенно потерялась в беспомощном, мучительном желании остаться с ним и быть с ним, всегда, что бы ни произошло.

— Хочешь... — сперва произнесла она одними губами, не в силах совладать с голосом, затем повторила твёрже: — Хочешь, я откажу ему и выйду за тебя?

«Хочу!» — мелькнуло в его голове, но губы его уже совершенно автономно от ума и сердца отвечали:

— Нет, ну что ты!

Он покраснел от того, что солгал; но он не хотел и не мог признаться теперь в своих чувствах. Он полагал, что при таком раскладе им бы пришлось бежать и скрываться, потому что Михар, конечно, этого бы так не оставил, и было совершенно недопустимо разрушить жизнь Магрэнь своим эгоистичным желанием быть с нею. Он знал, что для неё действительно важно всё то, что ей мог дать Михар, — и что он сам и так-то не мог ей этого дать, а с учётом своего нынешнего положения — и подавно. И ему было ужасно стыдно, что он нечаянно всколыхнул её чувства, заставив её сомневаться в уже сделанном выборе.

Магрэнь, конечно, заметила, что он неискренен; но она решила, что это потому, что она уже не интересуется его как возможная жена, и ему неловко, что ему пришлось выразить это. Ей и самой сделалось стыдно, что она своим предложением поставила его в такое неловкое положение, заставив обижать её этим признанием — что она ему больше нежеланна. Она тоже покраснела.

— Прости... — пробормотала она, отводя глаза, потому что ей было теперь слишком мучительно осознавать, что она слишком поздно поняла, как он важен для неё.

— Ты прости, — возразил он, отпуская, впрочем, её руку. — Ты всегда...

Он хотел сказать, что она всё равно всегда может на него положиться — но осознал, что это было бы ложью, потому что для сохранения её репутации ему нужно будет держаться от неё как можно дальше.

Она, конечно, поняла, что именно он не сказал, но решила, что это потому, что он считает всякую связь между ними окончательно оборванной.

— Прости! — ещё раз сказала она и выбежала.

Застыв, он тупым взглядом смотрел на оставшуюся приоткрытой после её побега дверь.

— Зато у неё будет всё, о чем она мечтала, — спустя несколько минут тихо утвердил он, пытаясь, видимо, успокоить сам себя.

Получалось скверно.

7. Что можно сказать выбором своего наряда?

На другой день на встречу с Михаром Магрэнь собиралась как на битву — изысканно-вежливое приглашение, написанное даже не секретарём, а своею рукою, её не обмануло. Ему, конечно, уже доложили о всех этих её недопустимых для почти замужней женщины метаниях через весь город, и он наверняка имел намерение говорить об этом.

За минувший вечер и часть ночи Магрэнь уже вполне овладела собой; частично прожив, частично отложив в долгий ящик так некстати накрывшие её эмоции — а заодно от души нарыдавшись, — она снова вернулась к рациональному взгляду на вещи.

В сердце, впрочем, тлела теперь обида на Дерёка — совершенно иррациональная, поскольку она вполне признавала, что сама виновата, и что это она не принимала их отношений всерьёз тогда, когда это было важно для него. Признавать-то признавала — но всё равно было обидно. Возможно, это был не только первый, но и последний раз в её жизни, когда она решилась на порыв такого рода! И что она получила в ответ?

«Нет, ну что ты!» Подумать только!

Обида плавно перетекала в раздражение, раздражение это переносилось и на Михара — тем более, было, за что. Магрэнь полагала, что, раз уж он удосужился сделать ей предложение, то мог бы вести себя более романтично. В конце концов, отношения с торговым партнёром — это одна история, а отношения с невестой — совсем другая! Он же словно и не чувствовал разницы и продолжал вести себя так, словно брак их был не более, чем выгодной для обоих сделкой.

Безусловно, и сама Магрэнь воспринимала их брак именно так; что не мешало ей обижаться.

Скверное настроение её требовало выхода — и она заранее настраивалась на скандал, и готовилась к этому скандалу самым тщательным образом.

Она выбрала ярко-алое, слепящее взгляд, шёлковое платье на тонких бретельках — наряд совершенно неприличный для дамы её лет и положения. Дело осложнялось ещё и вызывающим разрезом, который частично терялся в юбках — но при своей ловкости Магрэнь особо любила демонстрировать в этот разрез ножку. Повертевшись перед зеркалом, она признала, что, конечно, она несказанно хороша, и каждый встреченный на её пути мужчина просто обязан упасть к её ногам, но, всё-таки, это перебор. Вздохнув, с глубоким внутренним сожалением она искусно скрепила разрез булавками — в спокойном положении теперь и вовсе стало не заметно, что платье имело такую особенность, да и при резком движении можно было не опасаться, что юбки распахнутся слишком откровенно.

Осознание собственной красоты несколько улучшило настроение Магрэнь, и она решила пойти на некоторый компромисс и не оставлять волосы совсем уж распущенными. Сперва она даже была настроена столь благобно, что велела камеристке сделать ей совершенно приличную причёску — забрав все волосы наверх и гладко уложив их. Однако так вид её потерял и дерзость, и вызывающую чувственность — она стала смотреться даже почти по-деловому.

Отпустив камеристку, Магрэнь снова взглянула на себя в зеркало. Постный приличный вид с оттенком усталости — и даже красный цвет платья тут ничего не спасал. Это разозлило Магрэнь, и сперва она просто вытащила из причёски передние пряди.

Те оказались слишком длинными, и в досаде она схватилась за ножницы, но, уже почти

щёлкнув ими, передумала.

Скривившись, она распустила волосы, потом собрала верхнюю половину их — вместе с передним прядями — и скрепила всё это на затылке. Так лицо её сделалось совершенно открыто, но оставшиеся за спиной пряди поддерживали в ней ощущение непокорности и бунта.

Совершенно не подходящие ко времени суток вечерние серьги — длинные ленты, сверкающие прозрачными камнями в четыре ряда и свисающие почти до плеч. Никаких колец, браслетов и ожерелий — впрочем, заколка из того же комплекта, что и серьги, дополнила причёску.

Сохраняя чувство меры и вкуса, она слегка припудрилась, слегка подвела глаза — и, не выдержав, пошла вразнос, ярко и вызывающе накрасив губы в тот же алый цвет, каким пылало платье.

Посмотрев на себя внимательно в зеркало, она пришла к выводу, что выглядит как куртизанка, и что Михар, едва увидит её в таком виде, должен будет прийти в полнейшее бешенство и тут же выставить её за дверь, выкинув из головы всякие идеи о браке.

С большой досадой она стёрла всю губную помаду и с такой яростью выдернула из ушей серьги, что чуть не поцарапалась о них. Что-то в её отражении всё ещё цепляло её и заставляло раздражаться — красный цвет почему-то стал казаться ей болезненным. Тогда она принялась сдирать с себя и платье — но взгляд её упал на часы, и она выругалась весьма некуртуазно. Менять образ целиком было уже некогда.

Вдев в уши первые попавшие серьги — ими оказались скромные продёвки — она с минуту поколебалась перед своим шкафчиком, полным флаконов, и, выбрав в итоге горьковато-древесный аромат, схватила из гардероба накидку и, на ходу закутываясь в неё, полетела на выход.

Стоит ли говорить, что к жениху она явилась в самом дурном расположении духа?

Тут следует отметить, что настроение самого Михара было никак не лучше. Ему стоило довольно значительных трудов направлять сейчас общественное мнение, не позволяя гулявшим в кулуарах сплетням перерастать в гласное осуждение. Он задействовал где-то деньги, где-то связи, где-то прибегал к запугиванию, где-то припоминал должок — всё для того, чтобы представить свой брак в правильном свете и подать Магрэнь с самой выгодной для неё стороны. От самой Магрэнь, естественно, требовалось не меньше усилий, чтобы сразу правильно поставить себя в свете, и со всем достоинством продемонстрировать, что она заслужила право на это место.

И в таких условиях она, видите ли, не могла придумать ничего лучше, чем наносить визит бывшему любовнику!

Михар гневался и досадовал. Он полагал Магрэнь умной женщиной, и столь демонстративное нарушение приличий виделось ему и вызовом, и прямым бунтом, и оскорблением.

Его раздражение только усилилось многократно, когда в его гостиную она вошла какой-то растрёпанной и взвинченной, да ещё и не снимая накидки — словно предполагала, что забегает лишь на минутку и сейчас пойдёт дальше по своим делам.

Не способный на выговаривание светских любезностей, он просто смерил её выразительным гневным взглядом.

Она закатила глаза.

— Не успела переодеться! — независимым тоном объяснила она свой вид, скинула накидку на софу и подошла к зеркалу, где принялась деловито и умело поправлять причёску.

Взгляд Михара невольно прикипел к платью — оно шло Магрэнь необыкновенно. Открытые белые руки изящно порхали в чёрных густых волосах, которые красивыми локонами спускались на сверкающую алым шёлком спину. Платье тонко подчёркивало стройную талию, ниже расходясь не слишком пышными, на красиво накладывающимися друг на друга юбками, напоминающими чем-то лепестки цветка.

Наконец, Магрэнь посчитала свой внешний вид приемлемым — ей по-прежнему, правда, царапала взгляд какая-то болезненность, но она решила не испытывать терпение Михара, — и она плавным шагом проплыла к софе, аккуратно присела, приняв позу, полную достоинства, и устремила на собеседника взгляд внимательный и спокойный.

Если бы речь шла о любовнице, Михар на этом месте посчитал бы, что та так хороша, что можно бы и свести претензии к минимуму, потратив время на более интересные занятия — платье, как это бывало почти со всеми нарядами в её гардеробе, вполне справлялось с задачей дразнить мужское воображение.

Но Магрэнь не была любовницей; и претензии его к ней, напротив, ещё разрослись.

— Куда же это вы ходили с утра в вечернем наряде? — тоном, в котором за светской любезностью слышалось железо, спросил он.

Магрэнь мило улыбнулась, опёрлась подбородком на указательный палец, приподняла брови и в притворном удивлении воскликнула:

— Как? Разве вам ещё не донесли?

Её игра усилила его раздражение; смерив её мрачным взглядом, он ответил:

— Так в том-то и дело, что, по моим сведениям, всё утро вы находились дома и никого не принимали.

Магрэнь изящно всплеснула рукой — мол, видите, какая незадача! — и не стала никак это комментировать. Его взгляд сделался совсем уж жёстким; она показательно вздохнула. Он лицом отобразил, что его терпению приходит конец. Она встала и развела руками, демонстрируя свою алую фигурку во всей красе, потом капризно заявила:

— Вот так стараешься, наряжаешься, чтобы произвести впечатление на жениха, и что получаешь в ответ? Сплошные претензии! — вздёрнула она нос.

— Магрэнь!.. — тоном, который говорил, что терпение его и впрямь уже закончилось, остановил её игру он.

Она, ярко отыграв досаду, села обратно, демонстративно потёрла лоб — мол, у меня от ваших претензий уже мигрень началась! — и устало проговорила:

— Да, вчера меня навестили мои друзья. Да, между нами произошло непонимание, из-за которого мы расстались в ссоре. Меня это огорчило, и я поехала поговорить с ними, чтобы примириться. Да, мне не стоило этого делать, да, я поддалась эмоциям и сглупила, да, вы вправе делать мне упрёки, но, всё же, Арни, вы будете очень милы, если сократите эти упрёки до минимума. Я не нуждаюсь в ваших выговорах, чтобы осознать, что сглупила, — досадливо морщась, завершила она.

Он смерил её взглядом, значение которого она не смогла распознать, и холодно отметил:

— Магрэнь, вы не ребёнок, чтобы я делал вам выговоры.

На самом деле, изначально именно выговор он и планировал сделать. Однако несколько нервный вид Магрэнь и её отдающее истерикой переигрывание подсказали ему, что она, и

впрямь, находится в растрёпанных чувствах, и та самая ссора с друзьями, очевидно, изрядно выбила её из колеи.

Михару было бы выгодно, чтобы Магрэнь рассорилась с Дерекком и Райтэном, поэтому он принял эту новость весьма благосклонно.

— Итак! — выразил свою благосклонность он, с довольным видом усаживаясь в кресло. — Значит, из-за меня вы поссорились с вашими друзьями, дорогая невеста?

Она смерила его любезную физиономию злым взглядом, про себя прикидывая, готова ли она променять выгоды брака с ним на возможность разодрать ему лицо ногтями. Пришла к выводу, что пока он бесит её не настолько сильно, но, если она решит порвать с ним, напоследок непременно нужно будет позволить себе это маленькое удовольствие.

Её кровожадный взгляд оказался вполне говорящим.

Он поднял руки в примиряющем жесте, соглашаясь с тем, что его язвительность была теперь неуместна.

— Уверен, — неожиданно мягко отметил он, — и господин Тогнар, и тем более господин Анодар вас вполне поймут. Мы с ними не враги, в конце-то концов.

Магрэнь изящным жестом поправила волосы, задумавшись об этой разнице восприятий. Они-то его считали, безусловно, врагом; а для него они были фигурами слишком незначительными, чтобы причислять к врагам.

— Вы меня сейчас утешаете, Арни? — вдруг сообразила она, вглядываясь в него с тревожным прищуром — ей не верилось, что он искренне может пытаться поддержать её.

Он выразительно поднял брови:

— Из-за брака со мной моя невеста поссорилась со своими друзьями. Вы полагаете, мне должно сохранять равнодушие в такой ситуации?

Откинувшись на спинку софы, Магрэнь очаровательным жестом положила руку на подлокотник, чуть склонила голову набок и сладким голосом уточнила:

— Разве такая ссора не была бы вам на руку, Арни?

Закинув нога на ногу, он почти скопировал её жест на собственном подлокотнике и непринуждённо принялся размышлять:

— С одной стороны, вы правы, Магрэнь. Если исходить из моих интересов — да, эта ссора была бы мне выгодна. Проблема в том, — с лёгкой насмешкой отметил он, — что брак предполагает необходимость учитывать интересы обеих сторон. Боюсь, — добавил он сокрушенно, — если мне вздумается методически и последовательно пренебрегать вашими интересами, мне придётся пожалеть об этом весьма скоро.

Она посмотрела на него взглядом, в котором ощутимо читалось: «Надо же, вы и впрямь умны!» — после чего мысленно прибавила ему очков своей симпатии.

Потом вспомнила, что его слова могут быть банальной манипуляцией, и очки эти отняла.

Потом подумала, что, хотя высказанное им мнение, со всей определённостью, является именно манипуляцией, оно при этом не перестаёт быть правдой, и вернула очки обратно.

Из размышлений её вывел его задумчивый голос:

— Сюда, определённо, требуются более богатые серьги, ведь так?

Осознав, что всё это время он пристально её разглядывал, она почувствовала некоторую неловкость; отстранённым тоном она описала те серьги, которые надевала первоначально.

Повернув голову направо и налево, чтобы посмотреть на неё сперва одним, потом

другим глазом, он сделал уверенный вывод:

— И алая помада, да? — после чего обличил её: — Вы шли сюда воевать, Магрэнь!

Она чуть нахмурилась; недовольство её ещё усилилось от того, что она почувствовала, что покраснела. Под его пристальным хмурым взглядом ей было весьма некомфортно.

Постучав пальцами по подлокотнику, он пробормотал:

— И воевать, очевидно, за него. — Поднял на неё острый взгляд и спокойно сказал: — Давайте обозначим мою позицию чётко, Магрэнь. Ваши отношения с кем бы то ни было, включая господина Анодара, — это ваше личное дело, которое меня не касается, — сухо отметил он. — Однако и моя репутация, и моя личная честь для меня важны. Если в результате ваших действий пострадает первая — это незамедлительно приведёт нас к разводу, вы ведь понимаете? — уточнил он, и она кивнула. — Если же вам придёт в голову идиотская мысль мне изменить, то, заверяю вас, я просто его убью, — скупающим тоном заключил он и вдруг ошарашил её финалом: — Поэтому, если вы полагаете, что не сумеете справиться со своей сердечной склонностью к господину Анодару, то нам лучше завершить всё здесь и сейчас. — Он достал из кармана сигару, встал и подошёл к свече; прикурив, небрежно продолжил: — Я не испытываю ни малейшего желания ни соперничать с ним в борьбе за ваше сердце, ни сидеть на пороховой бочке в ожидании вашей измены.

Магрэнь была в высшей степени обескуражена. Хотя сказанное им звучало весьма логично и разумно, ей сделалось отчего-то странно и неловко.

— Мы с господином Анодаром, — сухо открестилась она, — завершили нашу связь ещё полтора года назад, и, смею вас заверить, не имеем намерений её возобновлять.

Это была совсем небольшая ложь — от обиды на Дерек Магрэнь теперь предпочитала думать, что её вчерашние слова вырвались у неё под порывом эмоций, и что на самом деле ничего такого ей не хотелось, и очень славно, что Дерек прекрасно это понял и не попытался её на слове поймать.

— В самом деле? — приятственным тоном удивился Михар, стряхнул пепел прямо на пол, вернулся в своё кресло, наклонился к ней, устроив локти на коленях, и вкрадчивым тоном спросил: — И вы поэтому всю ночь ревели, Магрэнь?

От возмущения она подскочила; изящная поза её сбилась, и она села ровно.

— С чего вы взяли? — ледяным тоном спросила она.

Он посмотрел на неё с выражением, которое, мелькни оно в глазах любого другого человека, кроме него, она идентифицировала бы как жалость.

— Магрэнь, — тихо отметил он, — да у вас половина сосудов в глазах полопалась.

Она открыла было рот, чтобы возразить, но тут же его закрыла и побледнела. Так вот, что цепляло её подсознание всякий раз, как сегодня она смотрела в зеркало!

Ей так редко приходилось плакать, что она совершенно забыла о таких последствиях длительных слёз.

То, что ей не удалось скрыть степень своего расстройства от Михара, весьма её огорчило, и она подалась назад, закидывая ногу на ногу независимым жестом.

Он с любопытством уставился на скреплённый булавами разрез и мягко рассмеялся. Она, проследив за его взглядом, скривилась и сперва дёрнулась сменить позу; но затем холодно выпрямилась, отобразив лицом надменность.

— Разумное решение, — наконец, отсмеявшись и сделав затяжку, озвучил он. — Иначе бы я, чего доброго, решил, что вы пришли меня соблазнять.

Величаво одёрнув один из клиньев юбки — чтобы прикрыть разрез — она надменно

заверила:

— В таком случае я не замедлила бы указать вам на ваше заблуждение.

— В самом деле? — с любопытством уставился он на неё, поигрывая сигарой. — У вас хватило бы духу мне отказать, Магрэнь?

Она раздражённо встала; он встал тоже, продолжая разглядывать её с весёлой иронией. В глазах его играли искорки, каких она никогда у него не видела, и до неё дошло, что он нарочно провоцировал её, чтобы отвлечь от переживаний, которые причиняют ей боль.

«Арни и деликатность?!» — мелькнуло у неё в голове, но тут же она поняла, что провокации такого рода уж точно никак нельзя назвать деликатностью, и успокоилась.

Ненадолго, потому что ей тут же пришла в голову мысль, что отказать ему ей было бы и впрямь затруднительно.

До сих пор он не делал ни одной попытки сблизиться с нею. Магрэнь, с одной стороны, понимала, что спешить в таком деле и впрямь не стоит, с другой — определённо предпочла бы, чтобы сближение это происходило постепенно.

Из очередных раздумий её вывело его движение — он наклонился к пепельнице.

— Мне кажется, — отстранёно заметила она, переживая, что он сочтёт момент подходящим для резкого перехода к горизонтальной плоскости, — сперва нам следует приложить усилия для установления более личных отношений.

Он взглянул на неё с большим удивлением и насмешливо спросил:

— А что я, по-вашему, вот уже битых полчаса пытаюсь сделать?

Она поморщилась. Он раздражённо прошёлся по гостиной взад и вперёд и продолжил:

— У вас проблемы — но вы не хотите мне о них говорить. Вы запутались в своих чувствах — но вы не хотите со мной этим делиться. Вам больно, но вы предпочитаете воевать со мной, нежели просить поддержки. У нас не просто проблемы с личными отношениями, Магрэнь, — дёргано стряхнув пепел в пепельницу, остановился он против неё, — у нас их нет вообще. Вы мне не доверяете даже в каких-то малостях — хотя, казалось бы, какой мне может быть прок в том, чтобы интриговать против собственной жены! — с досадой выговорил он. — Вы обижены, — без всякого логического перехода продолжил он, — что вам пришлось сменить образ жизни, круг общения, манеру одеваться и говорить. — Он прошёл к окну и встал там. — Как будто от вас этого требовал я! Я, Магрэнь, лишь предложил вам занять соответствующее место в обществе — место, которое вас манило. Не я, а это место потребовало от вас всех этих жертв, — он с тихим рыком развернулся и указал сигарой в сторону, где на её платье был разрез. — Вы, что же, думаете, мне нравится смотреть, как вы калечите свои платья? — он резко подошёл и встал перед нею, смерив её мрачным взглядом с ног до головы. — Я, Магрэнь, предпочёл бы увидеть весь этот образ так, как он был запланирован, а не эту вот, — он взмахнул рукой с сигарой, разбрасывая пепел, — вашу попытку сделать его приличным. Но вы, конечно, — язвительно сказал он, — никогда бы мне его не показали — видимо, из страха быть немедленно изнасилованной прямо посреди гостиной! — он пару раз сильно затянулся, затем резким движением затушил сигару о пепельницу, сел в кресло, потёр лоб и уставился на неё весьма раздражённо.

Она аккуратно села на софу, пронзила его яростным взглядом и закопалась в юбках, ловко расстёгивая досужие булавки. Закончив с этим делом, она демонстративно закинула ногу на ногу — верхняя вышла в разрез почти полностью.

Он с большим удовольствием её поразглядывал и деловито уточнил:

— Это приглашение?

Она закатила глаза и ответила:

— Это жест доверия.

Он хмыкнул. Сложил пальцы перед собой домиком и резюмировал:

— Итак, вы раскрываетесь в ответ на эмоциональные монологи. Я запомню, — серьёзным тоном пообещал он.

В этот раз царапать ему лицо ей не захотелось.

Должно быть, сама его способность произносить эмоциональные монологи уже произвела на неё достаточно благоприятное впечатление.

8. Какие мысли гнетут Райтэна?

В квартире Илмарта сегодня былолюдно и нервно — сам хозяин, который планировал провести день в методичной работе над новой картой, упорно пытался это игнорировать, но получалось плохо.

Нет, Дерек ему мешал не очень — точнее, совсем не мешал. Он заявился сюда с утра с очередным справочником, сел и с тех пор сидел тихо, и вроде бы иногда даже переворачивал страницы — впрочем, Илмарт был готов поставить на то, что переворачивал он их, не читая. Во всяком случае, он не мог вообразить себе Анодара, который по четверть часа изучает одну страницу и при этом ничего оттуда не выписывает, ни о чём не бубнит себе под нос и не корчит никаких выразительных рож.

Примерно через час после Дерека сюда пришёл Райтэн, и Илмарт стал переживать, всё ли в порядке с Олив, и не выгнала ли она всех из дому в истеричном припадке.

Райтэн тоже о цели своего визита не заявил, и следующие полчаса мельтешил из угла в угол, пару раз уронив на пол попадающиеся ему на пути предметы.

Тупо разглядывающий справочник Дерек, правда, немного отвлёкся от своего созерцания и бросил на Райтэна пару тревожных взглядов, но потом вздохнул и опустил глаза обратно на страницы — мол, сам выговорится, когда созреет.

Илмарт тоже полагал, что в случае с Тогнаром самая разумная стратегия — дожидаться, когда сам расскажет, — но его беспокоил тот момент, что от тяжких раздумий порывистого гостя страдает его квартира. В итоге, недовольно хмыкнув, он встал и убрал из свободного доступа некоторые вещи, которые ему не хотелось бы видеть уроненными, разбитыми или порванными.

Райтэн и Дерек совершенно не заметили его действий: первый нервно ковырял угол шкафа, второй гипнотизировал какую-то табличку в справочнике.

Илмарту вроде удалось вернуться к рисованию, как вдруг Райтэн, созрев, нарушил тишину вопросом, в котором равно смешивались злость и истерика:

— Правда, что ли, что я делаю из Олив клушу?!

Ему, видимо, всё это время не давали покоя те слова, которые Магрэнь из вредности и обиды сказала Дереку, и он так и сяк примерял эти слова к себе самому, и в итоге пришёл к выводам совсем неутешительным.

Вопрос его отвлёк Дерека от справочника, а Илмарта — от карты.

— Нет, — уверенно ответил первый.

— Да, — одновременно с ним столь же уверенно ответил второй.

Райтэн дезориентировался и завис в попытках осмыслить противоречие.

Дерек и Илмарт переглянулись, словно сверяясь ответами.

— Да, — спустя пять секунд сменил свои показания Дерек.

Досадливо прорычав что-то нецензурное, Райтэн пнул кровать.

— Полегче, Тогнар! — поморщился на это Илмарт. — Не у себя дома!

Скривив совершенно зверскую физиономию, тот сел на кровать, опёрся локтями на колени и уныло подпёр голову руками.

— Справедливости ради, — попытался утешить его Дерек, — все молодые мамы, которые сами занимаются детьми, немного... не в форме, — мягко выразил он, потому что ему казалось совершенно невозможным употребить по отношению к Олив такое слово, как

«клуша». — Здесь нет твоей вины, Тэн.

Но Райтэн, конечно, если уж вбил себе что-то в голову, не желал слышать противоречащих его версии аргументов.

— Я превратил её в загнанную, измученную, ни о чём, кроме лишнего часа сна, не мечтающую женщину, — сухо и отчаянно выдал он вывод, который, очевидно, и привёл его к таким метаниям.

Дерек растерянно сморгнул, не зная, что на это возразить.

А вот Илмарт неожиданно иронично хмыкнул:

— Во самомнение-то! — и на два недоумевающих взгляда продолжил невозмутимо: — Не, Тогнар, корона по тебе плачет горячими слезами.

Райтэн машинально попытался откинуться, сложив руки на груди, но высота кровати не предполагала таких изысканных поз, поэтому он чуть не навернулся на спину, с досадливой злостью вскочил и принял всё же ту позу, которую хотел. Гневные взгляды его сверху вниз пронзали Илмарта как молнии, но последний отнёсся к такому обстрелу совершенно безразлично и, демонстративно вырисовывая контуры в своей карте, спокойно объяснил:

— Олливи и без тебя была совершенно измученной и ни о чём не мечтающей женщиной, так что не строй тут из себя демона преисподней, всё равно не похож.

Такая точка зрения совершенно выбила Райтэна из колеи; в его глазах Олив всегда была воплощением энергии, жизни и женственности, и он не понимал, что за чушь сейчас несёт Илмарт и куда подевались его — вообще-то, очень и очень неплохие! — мозги.

Между тем, Дерек прикрыл и отложил свой справочник, наклонил голову набок, задумчиво поразглядывал Илмарта и неожиданно согласился:

— Слушай, а ты ведь прав. Надо же, в упор же не замечал! — с удивлением на лице подёргал он себя за бороду, явно прокручивая в голове эпизоды своих взаимодействий с Олив.

В ошеломлении Райтэн перевёл взгляд на друга, не понимая, почему он поддерживает столь несусветную чушь.

— У неё защитки яркие, — степенно кивнул, меж тем, Илмарт, вступая в разговор с Дерекком. — Там иначе нельзя было, сожрали бы её и не подавались.

Дерек, задумчиво кивая, принялся раскачиваться на стуле.

Райтэн в ошеломлении попереволил взгляд с одного и другого, но так и не дождался ни улыбок, ни смеха, что намекало на серьёзность только что высказанных идей.

— Вы с ума сошли? — тихо и обречённо спросил, наконец, он.

Он смотрел на Олив совершенно особенным взглядом; он видел не то, какой она есть сейчас, а то, какой она могла бы реализовать себя.

— Ну, я бы сказал, Тогнар, — попытался успокоить его Илмарт, — что с тобой она стала менее нервной.

— Кстати да, — мгновенно подключился к теме Дерек. — Она совсем теперь не дёргается, если к ней случайно прикоснуться.

Райтэн посмотрел на него как на круглого идиота: от его собственных прикосновений Олив никогда не дёргалась, поэтому он попросту не знал об этой её черте.

— Так что я бы скорее оценил твоё влияние как позитивное, — степенно резюмировал Илмарт.

Райтэн жалобно заморгал.

— Они оба хорошо друг на друга влияют, — поддержал Дерек, задумчиво разглядывая застывшего в ошеломлении Райтэна. — Тэн вон тоже стал как-то цивилизнее выражать свои чувства.

— А раньше, что ли, нецивильно было? — буркнул тот, недовольно морщась.

Илмарт и Дерек рассмеялись.

Райтэн скорчил обиженную физиономию.

Сжалившись, Дерек заставил себя перейти на ровный спокойный тон:

— Ну, знаешь, мне действительно... немного... — старательно преуменьшил он. — Надоело слушать о том, что у меня нет мозгов.

Райтэн открыл было рот — чтобы заявить, что мозгов у друга, в самом деле, совсем нет, — но Илмарт успел первым, со смешком отметив:

— Немного? Анодар, ты просто образец деликатности. По правде сказать, — задушевым тоном признался он, — я до сих пор не врезал ему за его вечные кривлянья только потому, что грешно бить тощих интеллигентов.

Дерек с тревогой взглянул на позверевшее лицо друга — Райтэн, определённо, был оскорблён этим обсуждением до глубины души, — встал и сделал по направлению к нему пару шагов.

— Ну, ну! — примирительным тоном сказал он, переводя тревожный взгляд с Райтэна на Илмарта и обратно. — Давайте не будем ссориться!

Тяжело вздохнув, Илмарт аккуратно дочертил линию, отложил кисть, встал и подошёл к ним. Под его спокойным внимательным взглядом внутренне бушевавший Райтэн, кажется, чуть поостыл.

— Тогнар, — проникновенно начал Илмарт, — у Олливи никогда не было настоящей жизни. Поэтому ты и мелкий стали для неё всей её жизнью, вот и всё. Она зациклилась на вас, потому что у неё больше ничего и не было никогда.

Райтэн бросил на Дерекра растерянный мучительный взгляд; тот задумался, перебирая в голове всё, что знал об Олив.

А что он, собственно, о ней знал?

Она была проводником в Северной Анджелии; забросило её туда явно не от хорошей жизни, и у неё имелись проблемы с получением документов и с финансами, поэтому она выживала как и чем могла.

Она была ловкой и сильной, и прекрасно владела приёмами рукопашного боя, кинжалом и луком; но всё это, кажется, было вынужденной мерой, обеспечивающей её выживаемость.

Она получила прекрасное аристократическое образование, но, кажется, ей совершенно не была интересна светская жизнь, а к представителям высшего света она относилась настороженно и негативно.

Олив вся состояла из слоёв защиты; и характер её, и круг занятий были частями этой защиты.

По всему выходило, что да, у неё не было иной ценности в этой жизни, кроме той семьи, которую они строили с Райтэном.

Олив была идеальной женой и матерью — и всё. И Дерек в упор не понимал, что не устраивает в этой картине Райтэна. Сам Дерек, не раздумывая, отдал бы всё на свете за такую жену!

Не зная, что ответить на вопрошающий взгляд друга, Дерек неопределённо повёл

плечами: мол, ну да, Илмарт прав.

Райтэн беспомощно сморгнул.

С минуту он молчал, ошарашенный, опрокинутый, неверящий в то, что только что осознал. Он так высоко ценил Олив, что попросту не мог принять картину «хорошая жена и мать» как всё, что исчерпывало её суть.

Затем в глазах его загорелась решимость; подскочив, он бросился к двери и куда-то помчался.

Дерек и Илмарт в ужасе переглянулись.

Даже представлять себе не хотелось, какую проблему только что сформулировал в своей голове Райтэн — и какими способами он планировал решить её прямо на месте.

— Типичный Тогнар, — резюмировал Илмарт тем тоном, каким люди обычно матерятся.

Дерек кивнул дёрганно пару раз — и рванул догонять.

Возведя глаза к потолку, Илмарт тяжело вздохнул, взял ключ и отправился за ними.

9. Отличается ли женский смысл жизни от мужского?

Догнать Райтэна оказалось не так уж просто, поскольку нёсся он, определённо, на максимальных скоростях. Друзья, правда, старались хотя бы не терять его из виду — и это оказалось разумным, потому что рванул он не домой, как они ожидали, а почему-то к Рийарам.

Как вскоре оказалось, искал он конкретно сестру.

Отвлёкшись пару раз на допрос слуг — что позволило друзьям, наконец, его нагнать, — он рванул по направлению к гостиной, где, согласно показаниям, она пила чай.

Ворвавшись в гостиную, Райтэн хотел было сразу начать решать свою проблему, но его поспешное прибытие навело некоторую суматоху.

Кайтэнь спокойно попивала чай в компании Руби, и, совершенно точно, не ожидала никаких визитов. Правда, по быстрым громким шагам обе они угадали скорое появление Райтэна за несколько секунд до того, как он распахнул двери и ринулся внутрь, но, всё же, это отчасти их напугало.

— Что случилось, Тэн? — вскочила Кайтэнь, за эти секунды успев нарисовать в своей голове десяток ужасных сценариев.

Испуганное лицо сестры было первым, на чём остановился взгляд Райтэна, и тут же до него и дошло, что ему следовало притормозить перед дверью и как минимум постучать.

— Прости, — повинулся он и быстро заверил: — Всё в порядке, у меня просто есть к тебе вопрос...

От облегчения Кайтэнь рассмеялась. Нарисованные страшилки тут же покинули её воображение, сменившись узнаванием типичной райтэновской манеры.

Она так редко видела брата, что эта манера вместо логичного раздражения вызывала у неё умиление и восторг.

— Задавай! — великодушно и весело разрешила она, опускаясь обратно в кресло и забирая свою чашку.

Райтэн сморгнул, отключаясь от чувства вины за своё слишком стремительное появление, и тут же спросил то, что его теперь больше всего волновало:

— Тэнь, а чего вообще женщины хотят от жизни?

Брови сестры поползли вверх. Не высказав, впрочем, удивления, она тоном «ты идиот!» ответила:

— Того же, чего и мужчины, Тэн.

Тот сделал досадливый жест рукой.

— Да нет же! — с раздражённой отчаянностью в голосе попытался изъяснить предмет своего интереса он. — Пойми, мне нужно знать, чего хотят именно женщины!

Градус «мой брат — идиот!» на лице Тэнь чуть повысился. Она выразила своё непонимание тем, что переглянулась с Руби, — только тут Райтэн, наконец, заметил, что они тут не одни.

Лицо его вспыхнуло от досады, стыда и гнева. Он никогда бы не завёл этот разговор, если бы знал о присутствии Руби; но, как всегда спеша, он не дослушал доклад лакея, и потому не обладал информацией о том, что Тэнь пьёт чай не одна.

Идти на попятный и сбегать было бы теперь и совсем уж стыдно; Райтэн из гордости не

хотел показать, как неприятно ему то, что Руби стала свидетелем его горячего интереса. Выпрямившись, он сложил руки на груди и смерил её взглядом холодным и недовольным.

Та дернула бровью и отвернулась, демонстративно занявшись собственным чаем.

— Дорогой брат, — попыталась, меж тем, уточнить непонятную ей информацию Тэнь, — а с чего ты взял, что женщины в этом вопросе чем-то отличаются от мужчин?

Лицо Райтэна выразило растерянность.

«Потому что женщины слабее!..» — хотел сказать он, но тут же вспомнил, что Олив — которая, собственно, и была причиной его вопроса, — даст ему фору и на клинках, и в рукопашной, так что сила тут не является аргументом.

Он сморгнул.

«Потому что женщины глупее!..» — родилась в нём следующая версия, тут же и отброшенная, потому что на фоне той же Магрэнь он сам себе порой казался весьма глупым. Да и Олив, собственно, никак не была глупее его.

Он снова сморгнул.

«Потому что женщины эмоциональнее!..» — чуть было не вырвалось у него, но сразу же пришло понимание, что из всех присутствующих — включавших двух женщин — самой эмоциональной фигурой является явно он сам. И Олив, безусловно, является эмоциональной тоже, но едва ли превосходит в этом его самого.

Он опять сморгнул.

— Кажется, ты его сломала, — спокойно сообщила Руби, обращаясь к подруге.

Та оглядела брата с большой тревогой.

— Я... не знаю, — включившись, признался он и добавил: — Мне кажется, должны быть различия.

Призадумавшись, Тэнь сделала глоток чая и принялась размышлять вслух:

— Право, я особых различий не вижу. Так же, как и все наши, — она имела в виду свою учебную группу, в которой была единственной женщиной, — я хотела приносить пользу людям, лечить их, спасать жизни. Чуть позже, — она сентиментально улыбнулась, — когда я сошлась с профессором Линаром, — она всегда упоминала мужа в третьем лице весьма официально, отдавая должное его репутации учёного, — мне открылась химия как мир удивительных возможностей... мне хочется исследовать этот мир, узнать, по каким законам он живёт, направить его на пользу людям... — она пожала плечами. — И совершенно так же это ощущается и самим профессором. Нет никакой разницы, — твёрдо резюмировала она, — что он мужчина, а я женщина.

Лицо Райтэна было таково, словно он услышал божественное откровение.

— Руби? — вопросительно обратилась Тэнь к подруге, побуждая её дополнить мысль.

— О, я совсем не так благородна и возвышенна, как ты, — легко рассмеялась та, откладывая чашку и обращаясь к Райтэну вполне дружелюбно, — от жизни я хочу в первую очередь комфорта, — нимало не смущаясь, признала она, — и возможностей самореализоваться и получить признание. Как именно самореализовываться, — пожала она плечами, — мне безразлично.

— По-моему, — фыркнула Тэнь, — именно это свойственно и многим мужчинам тоже. И, в какой-то мере, Руби, — защитила позицию подруги она, — я ведь тоже занимаюсь именно этим: реализую свои таланты и получаю признание.

Руби улыбнулась светло и радостно; ей было приятно, что подруга её поддержала, и она тут же принялась горячо объяснять, почему считает, что позиция той более благородна:

— Да, Тэнь, но тебе нужна такая самореализация, которая направлена на пользу людям, а меня устроит любая.

— Где ты найдёшь самореализацию без пользы для других? — пожала плечами Тэнь, подхватывая с тарелочки печенье.

Руби задумалась, между делом доливая себе чаю.

— Самореализация, — наставительно заявила Тэнь, прожевав первый кусочек печенья, — да ещё сопряжённая с общественным признанием, всегда направлена на пользу людям.

Райтэн растерянно переводил взгляд с одной дамы на другую, не в силах осознать, что вопрос, который так занимает его самого, обсуждается ими таким лёгким бытовым тоном, перемежаемым хрустом печенья и журчанием подливаемого в чашку чая.

— Не всегда, — вдруг вмешался в разговор Дерек, обратив на себя всеобщее внимание.

С самого начала сцены они с Илмартом так и стояли в дверях, оставаясь безмолвными зрителями.

— Не всегда, — повторил Дерек, проходя вперёд и вставая рядом с Райтэном. Церемонии с приветствиями он пропустил, ограничившись двумя кивками. — Иные люди самореализуются, приобретая власть над другими, — принялся изъяснять свою точку зрения он. — И они порой объясняют себе это благами побуждениями и стремлением сделать хорошо многим, но по факту они лишь тешат свои амбиции.

Дамы синхронно поморщились.

— Деркэн, мы не рассматриваем идиотов! — досадливо пояснила Тэнь.

— Они зачастую не идиоты, — не выдержал и Илмарт, тоже подходя к друзьям. — И даже скорее как раз высоко интеллектуальны, и именно поэтому считают себя вправе решать за других.

— Причём тут интеллект? — хором возмутились подруги, переглянулись и рассмеялись.

Они не в первый раз вели беседы такого рода, хорошо знали точки зрения друг друга, понимали смыслы, которая каждая из них вкладывает в слова, придерживались тех правил, которые когда-то устанавливали по случаю. Вмешательство в их обычную беседу посторонних — которые не знали ни смысла, какой они вкладывают в слова, ни правил, по которым они ведут дискуссию, — их очень позабавило.

— В любом случае, — примирительно заметила Тэнь, — я полагала, мы говорим не о людях такого сорта.

— В самом деле? — холодно переспросил Райтэн.

Ему было досадно и больно, что Руби — лживая, мерзкая, лицемерная Руби! — смеет рассуждать о самореализации и быть весьма довольной тем, как она ей удаётся, в то время как Олив — его милая, светлая, добрая, лучшая на свете Олив! — совершенно запуталась в своей жизни и знать не знает, как себя в ней реализовать. Это было мучительно несправедливо, и ещё мучительнее от того, что его родная сестра во всём поддерживала эту отвратительную женщину и ещё пыталась ставить её на одну доску со всеми ними!

В глазах Райтэна Руби была существом, недостойным дышать с ними одним воздухом, и он отчаянно желал напомнить ей её место и указать на это место Тэнь, которая в упор не желала видеть, кого именно она так пылко защищает.

— Кажется, — ледяным тоном продолжил разъяснять свою позицию Райтэн, — мы как раз и говорили сейчас о том типе людей, которые реализуют свои амбиции за чужой счёт,

нимало не заботясь о других, — он бросил на Руби злой острый взгляд.

Кайтэнь побледнела от гнева.

— Ты не у себя дома, брат, — бесконечно холодным голосом окоротила его она, отставляя чашечку.

Они принялись мериться взглядами; уровень драматизма в комнате заметно повысился.

— Уф! — неожиданно заявил Дерек, выходя вперёд, плюхаясь в соседнее с Руби кресло и ухватывая со стола печенье. — Типичные Тогнары, да? — поделился он с Руби вроде шёпотом, но слышали его все, и демонстративно принялся грызть печенье.

У Райтэна от злости дёрнулась щека.

Пожав плечами, Руби позвонила в колокольчик, чтобы велеть подать чаю на всех. Однако даже после отданных Кайтэнь распоряжений касательно чая оставшиеся мужчины не изъявили намерений присоединиться к сидящей компании.

— В ногах правды нет! — пропел Дерек, с беззаботным видом разглядывая потолок.

Упрямое выражение на лице Райтэна демонстрировало, что за один стол с Руби он не сядет даже под страхом смертной казни. Илмарт, кажется, был с ним солидарен.

Оскорблённая Тэнь демонстративно не смотрела на них и сосредоточенно пила чай. Дерек лихорадочно пытался придумать какую-нибудь новую забавную выходку, чтобы разрядить ситуацию, но фантазия в кои-то веки ему изменила: он не простил Руби той боли, что она причинила Райтэну своим обманом, поэтому ему не очень-то хотелось её защищать.

Сама Руби, впрочем, выглядела совершенно спокойной и невозмутимой. Отпив чаю, она посмотрела на Райтэна с иронией и сладким тоном спросила:

— Так нравится чувствовать себя светлым безгрешным героем, Райтэн?

Тот раздражённо прищурился, но ничего не ответил.

Руби изящно повела рукой в воздухе и мягко продолжила развивать тему:

— Странно слышать такие претензии от человека, который однажды попросту схватил в охапку беспомощную, неспособную ему противостоять девушку, применяя силу, притащил её в ратушу и там, не считаясь с её мнением, за взятку заставил служащих оформить с нею брак.

Такая трактовка так глубоко и мощно оскорбила Райтэна, что он даже разомкнул руки, безвольно опустив их вдоль тела.

— Ну, знаешь ли!.. — со злой потрясённостью в голосе возразил он. — Вообще-то, я тебя защитить хотел!

— А! — глубокомысленно отреагировала Руби, кивая с сочувствием. — Да-да, благородный спаситель, конечно. Которому, — перешла она на серьёзный холодный тон, — было решительно всё равно, нуждается ли девушка в таком спасение. Лишь бы реализовать свои амбиции, прикрытые личиной благородства!

Взбешённый и глубоко оскорблённый Райтэн уже было рот раскрыл... но ничего не сказал.

Потому что он вспомнил недавний разговор с Олив — которая тоже пеняла ему на то, что ему лишь бы приложить свою заботу, а что об этой заботе думает сам объект её приложения, его не очень-то тревожит.

Он отмёл бы слова Руби как неслыханный идиотизм — если бы они не вторили словам Олив.

— Давай без этих игр, Руби, — вдруг вмешался в разговор Илмарт. — Ты осознанно провоцировала Тогнара, — напомнил он.

Та возвела глаза к потолку:

— Ну не на то же, чтобы он на мне тут же жениться побежал!

Мужчины поражённо переглянулись.

Лица всех троих стали совершенно ошарашенными.

— А на что же тогда? — первым переспросил Дерек.

У них у всех существовала в голове лишь одна трактовка той ситуации, возмущение Руби совершенно не вписывалось в ту картину, которую они себе представляли.

С точки же зрения Руби, ни один безумец не мог придумать план, который предполагал столь маловероятное развитие событий, как моментальный брак.

Переведя взгляд на Дерек, Руби спокойно объяснила:

— Ну как же, Деркэн! Я рассчитывала, — принялась раскрывать детали своего старого плана она, — что инсценирую позже побег от отца, а вы меня приютите. А где бы вы могли меня спрятать, с учётом того, что мой отец явно отслеживал бы все выходы из города? — она фыркнула. — У Тогнаров, конечно. И там, — наставительно пояснила она, — мы бы ближе познакомились с Райтэном, начали бы друг другу симпатизировать, постепенно стали бы возникать и расти чувства...

Райтэн насмешливо фыркнул.

— Ой, вот не надо тут! — досадливо отмахнулась от него Руби. — Я ведь тебе нравилась, на самом деле нравилась, и это был лишь вопрос времени!..

Нахмурившись, Райтэн снова сложил руки на груди, сам в себе признавая, что план был неплох. Руби ему действительно нравилась — и, если бы они и впрямь сходились медленно и постепенно...

В разговоре возникла пауза, связанная с тем, что служанка принесла чай.

— Допустим, — поднимая чашку, продолжил Дерек, когда она вышла. — Но ты ведь не могла не понимать, что обман рано или поздно вскрылся бы!..

— С чего бы? — невинно удивилась Руби и принялась защищать свою позицию: — Да и какой обман, Деркэн? Райтэн мне действительно очень понравился; и я ему тоже нравилась. Я просто организовала возможность узнать друг друга лучше и развить эти чувства.

— Неверный ход, — всё же уселся в одно из кресел Илмарт, тоже беря себе чашку, после чего пояснил для Руби: — С Тогнаром такие хитрости работают лишь во вред. Тебе стоило ему сказать о своих планах сразу и честно, это было бы продуктивнее.

Руби повела плечом и холодно отметила:

— Кажется, когда всё-таки выяснилось, что я приехала в Кармидер специально ради этого брака, ты меня чуть не придушил.

Илмарт поморщился, но не дал сбить себя с толку:

— Я злился не на цель, а на обман, Руби, — напомнил он.

Её это возражение ничуть не обескуражило.

— А что бы я ему могла сказать в самом начале, Илмарт? — разумно возразила она. — Что заинтересована в политических перспективах такого брака? — она беззаботно рассмеялась. — Отличный способ ему понравиться, о да! — затем задумчиво добавила: — Да и я не была уверена, что хочу этого брака. Мне хотелось сперва узнать Райтэна ближе.

— Узнала? — холодно переспросил Райтэн, недовольный тем, что его так небрежно обсуждают в его же присутствии.

— Не успела, — столь же холодно отрезала Руби, пронзая его острым взглядом.

Райтэн скривился.

— Ты лукавишь, — вдруг холодно отметил Дерек, обращаясь к Руби.

Та перевела на него взгляд, ставший задумчивым, и возразила:

— Я действительно не успела понять, хочу ли я этого брака, и поспешное решение Райтэна меня несколько... напугало, — призналась она.

— Ты всё равно вышла бы за него замуж, — покачал головой Дерек. — Просто теперь предъявляешь, что всё пошло не по твоему плану.

Руби раздражённо долила себе чаю.

— Отец оставил это решение за мной, — напомнила она. — Если бы в процессе сближения с Райтэном я поняла, что не хочу этого брака, его бы не было.

— Ну да, ну да! — не поверил Дерек, прихлёбывая свой чай.

— Меня в самом деле раздражает, — холодно отметила Руби, тоже делая глоток, — что ты постоянно демонизируешь моего отца.

Дерек неопределённо пожал плечами и не стал развивать разговор.

Поскольку Райтэн всё ещё был слишком оскорблён новой трактовкой его поведения, Илмарт всё ещё осмыслял новые показания и связывал их с собственными наблюдениями, а Тэнь предпочитала оставить подруге самой разбираться с бывшими друзьями и пока не считала нужным вступать в её защиту, воцарилось молчание.

Большая часть присутствующих пила чай.

— Отец, кстати, недоволен, что ты куда-то пропал, — прервала это молчание Руби, обращаясь к Дереку. — Ты бы заехал к нему сегодня?..

Тот поморщился:

— Передай, что я занят государственным проектом, — отмахнулся он, не желая объясняться с Михаром.

— Я не лакей, чтобы что-то передавать, — спокойно напомнила Руби.

Дерек сжал ручку чашки.

— Его же слова передала? — со злостью в голосе переспросил он.

Выразив лицом недовольство, Руби сделала глоток и отметила:

— Возможно, потому что я не хочу, чтобы у тебя были неприятности?

Невинное и даже дружелюбное её замечание вызвало в Дереке неожиданную бурю.

— Если бы не твои интриги, — отложив чашку, резко встал он, — у меня бы и не было никаких неприятностей.

Вежливо кивнув Тэнь на прощанье, он вышел.

Райтэн, не прощаясь, удалился вслед за ним.

Оставшиеся некоторое время пили чай. Дамы выглядели огорчёнными, а Илмарт размышлял.

Он не был согласен с той трактовкой, которую выдала Руби, поскольку был непоколебимо уверен, что, даже подхваченный своим благородным порывом, Райтэн незамедлительно остановился бы, если бы Руби высказала хоть тень, хоть какое-то подобие протеста. Он не знал наверняка, что произошло между ними после той давней сцены у ворот, и по реакции Райтэна предполагал, что, в самом деле, тот вполне мог протащить Руби по городу до ратуши, не размениваясь на слова и обсуждения, и не удосужившись обзавестись даже формальным согласием на брак. Но в этом был весь Райтэн — человек дела, а не слов.

Однако Райтэн, сколько его знал Илмарт, был органически неспособен принуждать кого бы то ни было к чему бы то ни было. Так что Илмарт был готов поставить на то, что Руби

удовлетворилась сложившейся ситуацией и сочла вариант с поспешным браком разумным, поэтому не стала останавливать Райтэна.

Но в речи Руби прозвучал ещё один аргумент, который Илмарт ранее не обдумывал: Руби сказала, что была заинтересована в медленном развитии взаимной симпатии, и что рассматривала вариант с отказом от плана, если симпатия эта не возникнет.

Райтэну и Дереку этот нюанс был решительно безразличен. Райтэн не переносил никаких интриг, вне зависимости от намерений интригана, а Дерек попросту выступал на его стороне, вне зависимости от.

Но Илмарт был марианцем — пусть и не любил этого вспоминать.

В интригах и интриганах он знал толк — пусть и ненавидел их всей душой.

То, что интрига Руби учитывала чувства — и её собственные, и райтэновские, — и то, что Руби была готова отказаться от своей интриги, если чувства эти не сложатся, несколько поднимало её в глазах Илмарта над обычными интриганами.

Она, конечно, могла теперь и соврать — переврала же она только что, не моргнув глазом, мотивы Райтэна! — но наблюдения Илмарта говорили о том, что тут, скорее всего, она была искренна. Он и раньше замечал, что чувства для неё важны, и что она огорчена холодностью Райтэна, ощутимо ревнует к Олив, испытывает боль от разрыва с ними всеми, чувствует себя виноватой и отвергнутой. Он не был уверен, что чувства эти настоящие, и что она не изображает их для того, чтобы проманипулировать ими; но теперь, спустя время, когда она вышла из интриги, устроила себе совершенно другой брак и не делала никаких попыток, чтобы наладить с ними отношения и как-то использовать их, Илмарт был склонен полагать, что никакой игры не было.

У игры такого рода всегда бывает цель — и обычно цель эта заключается в том, чтобы использовать тех, кто на игру повёлся.

Если бы Руби преследовали цели подобного рода, сегодняшнюю встречу она провела бы совсем иначе. То, как и что она говорила сейчас, буквально кричало о том, что ей больше нет до них дела, и что она не планирует налаживать с ними отношения.

«Если только это не был совсем уж хитрый план, — напомнила Илмарту паранойя, — призванный убедить именно меня, что она искренна».

Зачем бы Руби пыталась наладить отношения только с ним, жертвуя при этом Райтэном и Дерекком, было неясно, но Илмарт решил всё же проверить свою гипотезу об очень хитром плане.

Отложив чашку, он тихо заметил:

— Анодар умный мужик, но он не простит интриг против Тогнара. А Тогнар, — дополнил он, — не простит того, что ты не оценила по достоинству его благородные порывы.

Руби хмыкнула и спокойно ответила:

— Я не нуждаюсь в их прощении.

Версия про хитрый план, кажется, подтверждалась.

Наклонив голову набок, Илмарт порассматривал Руби с интересом и уточнил:

— А в моём?

Та вежливо приподняла брови, а затем выразительно потёрла шею и переспросила:

— Илмарт, ты не обнаглел ли?

Он откинулся на спинку стула и присвистнул.

— Был не прав, признаю! — примирительно поднял он руки вверх.

Она прижала пальцы к тёплым бокам чашки — он отметил это машинально, потому что знал, что у неё всегда мёрзнут руки, когда она нервничает.

— Чего уж там! — пожалала плечами она. — Теперь уже не имеет значения.

И, хотя тон её был спокойным и ровным, он всё же увидел в её глазах огорчение.

«Да какой хитрый план! — мысленно махнул он рукой. — Обычная анжельская девчонка!»

— Мне жаль, — глядя куда-то в пространство, глухо высказал он.

— Мне тоже, — глядя в чашку, согласилась она, и добавила: — Карты были хороши.

— Безмерно, — согласился Илмарт, вставая и прощаясь.

...спустя три дня Руби пришла в подарок карта.

Эта была копия той самой, последней их совместной карты, которую Руби когда-то обнаружила в каморке Илмарта изодранной и искалеченной.

С тонкой, сверхъестественной точностью на ней были воспроизведены рукой Илмарта те самые иллюстрации, которые когда-то сделала Руби и которые он так тщательно пытался соскоблить с оригинала.

...у мужа Руби потом часто спрашивали, зачем ему в гостиной сдалась подробная карта мировых рек и озёр, снабжённая иллюстрациями тех рыб, которые там водились. Тот, однако, загадочно молчал в ответ, время от времени выдавая противоречивые намёки, на основании которых общество строило самые фантастические версии.

И саму Руби, и её супруга версии эти чрезвычайно веселили.

10. Для чего живёт на свете Дерек?

Выйдя от Рийаров, Райтэн было направился домой, но Дерек дёрнул его за рукав и перенаправил к морю.

Некоторое время они шли молча, обдумывая только что произошедшую сцену.

Дерек заговорил первым.

— Она всё наврала, — уверенно резюмировал он. — Ты ни к чему её не принуждал.

Райтэн скривился; он придерживался прямо противоположной точки зрения.

— Я действительно даже не спросил её согласия, — упрямо выразил свою мысль он.

Возведя глаза к небу, Дерек парировал:

— Как будто она реально была против!

— Неважно, — Райтэн резко остановился, вынуждая тем друга тоже встать и повернуться к нему.

Они уже находились у моря, и ровный гул волн заполнял собой пространство вокруг.

— Неважно, — уверенно повторил Райтэн. — Я должен был поговорить с нею до того, как действовать. Я должен был всё обсудить, заверить её, что её безопасности ничто не угрожает, что я не претендую...

Скепсис на лице Дерека всё возрастал по мере разворачивания этого самоуничижительного монолога, и, наконец, не выдержав, он перебил:

— Мы всё ещё говорим о Руби, серьёзно? — имея в виду, что это сама же Руби и закрутила всю эту интригу, поэтому не ей жаловаться на её результаты.

Проглотив фразу про мозги, Райтэн досадливо отмахнулся:

— Да причём тут Руби! — и снова пошёл вперёд, вглядываясь куда-то в себя. Через пару минут продолжил: — На её месте могла быть хорошая, честная девушка, Дер! Но я бы всё равно поступил так же...

До Дерека дошло. Он виновато помолчал.

— Ну, у Олив же ты спросил? — попробовал вырулить на оптимистичную ноту он, но уже в сам тот момент, как произносил этот вопрос, похолодел от мысли, что, возможно, у Олив Райтэн тоже ничего не спрашивал, и просто притащил её жениться.

Опасения его отчасти подтвердились, потому что Райтэн, запихнув руки в карманы, промолчал.

Некоторое время они шагали так молча, пока не достигли того самого утёса, с которого Дерек недавно швырялся камнями.

Там Райтэн сел прямо на землю и, уставившись в море, сказал:

— Нет, про брак-то я её спросил.

Дерек облегчённо вздохнул и сел рядом, тоже уставившись в море.

Влажный ветер приятно охлаждал лицо.

Райтэн молчал как-то уж очень угрюмо, и, хотя Дерек не смотрел на него в упор, даже краем глаза по мимике его было видно, что его гнетут тяжёлые мысли.

«Про брак-то спросил, — прокрутил в голове Дерек. — А про что, выходит, не спросил?»

Тут же и пришёл ответ на вопрос, почему Олив тогда выставила Райтэна из своей комнаты, наградив званием лицемера и скотины.

Сердце Дерека сжалось от боли за друга, который, очевидно, корил себя за то, что

слишком часто сперва делает, а потом думает.

«Я тоже у Магрэнь не спрашивал!» — хотел было поддержать он, но тут же ему пришла в голову мысль, что это совершенно иная ситуация, поскольку Магрэнь первой и недвусмысленно заявила, что намерена его соблазнить.

Потом припомнилось, что и вообще, всё-таки спрашивал.

Но Дереку вообще было характерно сто раз переспросить, прежде чем что-то делать.

Он понял, что проводить параллели между ним и Райтэном бессмысленно и даже вредно, потому что они слишком отличаются, и стоит покопаться в том, что касается непосредственно друга.

Тут, к счастью, Дерек без труда мог набрать сотни примеров!

— Тэн, — позвал он, привлекая к себе внимание, и, поймав взгляд собеседника, продолжил: — Ты помнишь, как ты меня от Годэна забирал?

— Ну? — скривился Райтэн, которому до сих пор становилось досадно всякий раз, как он вспоминал, какой же несусветной чушью маялся его бестолковый друг.

Чуть откинувшись, Дерек опёрся руками на землю позади себя и, глядя в небо, обрисовал картину:

— Явился, наорал на малознакомого подавальщика, ультимативно заявил, что забираешь его себе... — лицо Райтэна совершенно перекошило, потому что он тут же добавил этот случай в копилку тех самых ситуаций, когда он не стал ни у кого ничего спрашивать. — И что я тебе на это сказал, Тэн? — бросил Дерек серьёзный и внимательный взгляд на друга.

— Не помню, — отвернулся тот.

— Что ты лезешь не в своё дело, и что я нахожу твоё вмешательство неуместным.

Дерек чуть помолчал, но до Райтэна, кажется, так и не дошло, к чему он ведёт, поэтому пришлось продолжить.

— И что тогда сделал ты, Тэн? — развил мысль Дерек.

Райтэн дёрнул плечом и буркнул:

— Извинился, естественно.

Дерек тихо, но весело рассмеялся.

— Естественно! — счастливым голосом повторил он и принялся уточнять: — Ты извинился, объяснил, почему позволил себе такую грубость, рассказал о своих мотивах и, наконец, предложил сотрудничество, и даже принялся уговаривать.

Уголок губ Райтэна дёрнулся усмешкой. Он уже понял, на что обращает его внимание Дерек.

— Да-да, богоподобная деликатность! — фыркнул он.

— Она самая! — наставительным тоном отозвался Дерек, а после принялся объяснять: — Ты человек действия, Тэн. Едва тебе приходит в голову мысль — ты тут же берёшься её воплощать в жизнь. И это восхитительное качество! — с большим чувством в голосе подчеркнул он. — И все мы — и Олив тоже, — особенно ценим в тебе это.

Райтэн отвернулся и чуть заметно покраснел.

— Иногда тебя заносит, — не стал спорить с очевидным Дерек, — но знаешь, что в тебе вызывает у меня особое восхищение? — очередное дёрганье плечом можно было растолковать как заинтересованность, и он продолжил: — Ты резко и бескомпромиссно тормозишь в тот самый момент, как только на твоём пути оказывается другой человек.

В голосе Дерека звучала убеждённая уверенность в друге и его чуткости.

В плане воплощения своих идей Райтэн был человеком совершенно неуправляемым; он не видел препятствий, не знал сомнений и никогда не отчаивался. Если он вбил себе что-то в голову — это становилось реальностью, рано или поздно.

Но если на пути этого его волевого устремления вдруг вставал другой человек — Райтэн останавливался в один момент. Аккуратно и чётко не доходя до этого человека пары шагов. И никогда — за все те годы, что Дерек знал его, — он не пытался кого-то продавить или к чему-то принудить.

Это было тем удивительнее, что у Райтэна обычно было множество возможностей и давить, и принуждать, — но он не использовал их, полагая такое совершенно недопустимым.

Дерек был до глубины души восхищён силой характера, способного переломить всё на своём пути — но останавливающегося перед другим человеком.

— Ты даже не представляешь, насколько ты уникален и прекрасен, Тэн, — с глубокой убеждённостью принялся убеждать друга Дерек. — А Руби — соврала. Потому что я знаю точно: ты остановился бы в тот же момент, как она хоть чем-то выразила своё несогласие. Но твой порыв вписался в её план, — фыркнул он, — и она решила использовать его себе на пользу.

Райтэн пробормотал что-то неразборчивое; он был ощутимо смущён.

Внутри себя он уже успел вообразить, что, сам того не замечая, превратился в копию отца, и давит на людей вокруг, не осознавая за собой этого. В каждом событии, в каждом разговоре он теперь искал подтверждения этой версии — и, конечно, легко находил, потому что истолковывал факты только в одном ключе. Слова Дерека его весьма ободрили, но ещё больше ободрила уверенность друга в том, что он, Райтэн, попросту не способен быть таким, каким он боялся стать.

— Я просто боюсь, — выразил этот страх он, — что из-за своего скверного характера потеряю вас.

Он имел в виду — как когда-то его отец потерял его самого.

Как когда-то Дерека потерял Грэхард.

Как он сам чуть не потерял Олив.

Понимая изнутри, как легко не заметить, что ты движешься к этому неотвратимому разрыву — он боялся, что становится человеком, который действительно не видит за собой, что уже теряет близких.

Страх этот был весьма далёк от реальности, но пугал Райтэна именно потому, что человек, ступивший на этот путь, сам за собой не замечает, что уже идёт по этому пути, — и у Райтэна не было никакой возможности понять, действительно ли он не идёт по нему — или просто не замечает.

Дерек, впрочем, тут же поспешил развеять его страхи:

— Пфф! — иронично шлёпнул губами он. — Смеею засвидетельствовать, что это тот редкий случай, когда мозги отказали именно тебе, дорогой мой брат. Потому что, — он посмотрел на друга в упор серьёзно и глубоко, — и характер у тебя совсем не скверный, и уж тем паче... — весело фыркнув, Дерек улёгся на спину и в небо заявил: — Меня ты точно никогда не потеряешь, даже и не сомневайся!

Слова эти отозвались в сердце Райтэна теплом столь сентиментальным, что он поскорее поспешил соскочить с чувствительной темы, и тут же ехидно отметил:

— Сказал человек, который только что планировал в одиночку свалить в Нью-Йорк, оставив

нас всех одних.

— Справедливо, — чуть улыбнулся Дерек, закладывая руки за голову и рассматривая облака. Затем оправдался: — Я просто очень перепугался.

Лицо Райтэна сделалось холодным и злым: он твёрдо переживал ту мысль, что никогда никакому владыке Ньюна не позволит причинить Дереку никакого вреда.

— Ты знаешь, я ведь всю жизнь боялся, — неожиданно принялся делиться Дерек. — В детстве — марианцев, они у нас часто разбойничали. В Ньюне — того, что со мной могли сделать. При Грэхарде — покушений и бунтов, — он усмехнулся. — В Анджелию я приехал, кажется, целиком состоящим из одного сплошного страха, что Грэхард меня найдёт.

Райтэн сорвал ближайшую травинку и нервно её зажевал.

— Потом, в Брейлине, — продолжил Дерек, — я вроде как чуть успокоился. Но стал бояться теперь другого — что я подведу тебя...

Райтэн скривился и подавил восклицание по поводу мозгов.

— Только в Кармидере понял, что это глупость, — порадовал его, меж тем, дальнейшими рассуждениями Дерек. — И, знаешь... — он сел и удивлённо посмотрел на друга. — Да, пожалуй, тогда, первые месяцы в Кармидере, был единственный период моей жизни, когда я не боялся.

Он растерянно заморгал, вспоминая то далёкое лето: знакомство с Магрэнь, работу в университете. Теперь, не сомневаясь ни капли, он бы мог с уверенностью сказать, что это был самый счастливый период его жизни.

— Пока не явилась эта стерва со своим папашей, — мрачно кивнул Райтэн, сразу догадавшись, где именно закончился «безбоязненный» период жизни друга.

— Да, — огорчённо кивнул Дерек, — пока не появились они... и я не стал снова бояться, что меня выдадут Грэхарду...

Щурясь, как от головной боли, Райтэн пощипал себя за переносицу, после уверенно и чётко декларировал:

— Грэхарду не отдадим, Михара прибьём.

Губы Дерека дрогнули улыбкой.

— Не надо никого убивать, — попросил он. — Он так-то нормальный мужик, жалко.

Райтэн упрямо промолчал. «Загасить Михара» было, на его взгляд, оптимальным планом, который решал бы все проблемы оптом. Не то чтобы Райтэн считал такой способ решения проблем приемлемым, но Михар его уже прочно и окончательно задолбал.

Райтэн был великодушен; он мог простить Руби её интригу. Но простить Михару тот страх, в котором из-за него жил теперь Дерек, Райтэн не мог.

— Тем более, — продолжил оптимистично развивать тему Дерек, — твой отец и брат всё хорошо организуют с бумагами, которые прикроют мою легенду. Так что Михара можно смело послать.

На это Райтэн согласно кивнул. Послать Михара было, определённо, его самой заветной мечтой.

— Вернёмся в Кармидер, наконец, — поддакнул он.

Дерек расслабился и прищурился на солнце; выражение лица у него стало чрезвычайно мечтательным.

— Я так соскучился по нашему университету!.. — тихо, но с глубоким чувством признался он.

— Будешь строить научную карьеру? — живо заинтересовался Райтэн.

Он был безмерно, бесконечно рад, что друг наконец заговорил о будущем и перестал выглядеть как заживо похороненный в Ньюе раб.

— И это, — уверенно кивнул Дерек, запуская руку в поросли травы и теребя стебли. Затем нерешительно спросил: — Как думаешь, я смогу... когда-нибудь... стать преподавателем?..

Сморгнув от неожиданности, Райтэн горячо заверил:

— Дер, да хоть сейчас! Тебя ж с руками оторвут!

Дерек обернулся к нему с глубоким выражением удивления на лице.

— Почему? — удивился он. — Я же не умею...

Он не знал, где и как учатся люди, чтобы стать преподавателями, но был уверен, что для этого точно необходимо долго и упорно учиться.

Смерив друга скептическим взглядом, Райтэн возвёл глаза к небу, досадливо фыркнул и выразил, наконец, свою досаду словесно:

— Великое Пламя! И это — один из умнейших людей, какого я когда-либо видел!

Заметно покраснев, Дерек демонстративно уставился в море. Солнечные блики, отражаясь от волн, образовывали над ними небольшое совершенно волшебное зарево.

Они некоторое время молчали; один любовался морем, другой — небом.

Потом Дерек вдруг заговорил, немного застенчиво:

— Знаешь, а я ведь разобрался...

— Хм? — проявил заинтересованность Райтэн, не отрываясь, впрочем, от разглядывания облаков. Вечерние косые лучи солнца расцвечивали их в золотые и розовые цвета, и переливы этих полутонов приковывали к себе взгляд и не желали отпустить.

— Помнишь, — принялся объяснять Дерек, — ты говорил, что живёшь, чтобы привнести немного порядка в этот мир победившего идиотизма?

Тут же оторвавшись от созерцания облаков, Райтэн перевёл на друга глубоко заинтересованный взгляд.

Дерек, поведя плечом, улыбнулся и продолжил:

— Кажется... кажется, я живу для того, чтобы в этот мир победившего идиотизма привнести хоть немного тепла...

Лицо Райтэна прояснилось; лучи уже начавшего спускаться к горизонту солнца придали ему совершенно сияющий оттенок.

— Да, — мягко и убеждённо подтвердил он, — в этом и вправду — весь ты!

Дерек обернул к нему лицо, несмело улыбаясь. Хотя ему теперь солнце светило в макушку, казалось, его глаза успели впитать в себя его лучи, пока он любовался морем, и теперь эти лучи рвались наружу из его взгляда.

— Тогда пойду-ка, обрадую Михара! — весело заявил он, вставая.

Райтэн подскочил следом.

Тревога, сжимавшая его сердце в последнее время, отступила. Теперь он был совершенно уверен, что вместе они — справятся со всем, что угодно.

11. Умеет ли Михар ухаживать за женщинами?

Этот день Михар полностью освободил для налаживания отношений с невестой.

К отношениям у него был самый основательный подход: Магрэнь была ему нужна не как временная любовница, не как декоративная жена, а как постоянный и надёжный партнёр. Поэтому к выстраиванию связи с ней он отнёсся как к серьёзному проекту. Он тщательно проработал весьма капитальный план по медленному и основательному сближению, и план этот был прекрасен, пожалуй, всем, кроме того, что не учитывал человеческий фактор: Михар был глубоко дисциплинирован, он привык полностью подчинять свои чувства разуму, и от других людей, коих почитал умными, ожидал того же.

Начать свои ухаживания Михар решил с приятного сюрприза, выражающего внимание ко вкусам и проблемам будущей жены. Так что Магрэнь была с порога препровождена в комнату, где её уже ожидало новое готовое к примерке платье.

Подарок оказался более чем неожиданным — вот уж чего-чего, а платьев Магрэнь точно никто никогда не дарил, — но вызвал у неё скорее досаду, потому что одежду она предпочитала всегда выбирать исключительно на свой вкус, и вмешательство в процесс отбора Михара показалось ей неуместным, неприятным и даже окрашенным попыткой досужего контроля.

Вздыхнув, Магрэнь решила платье всё же примерить — в конце концов, оно было чёрное, а никакое чёрное платье не могло бы быть совсем уж лишним в её гардеробе.

Примерка изменила взгляд Магрэнь не подарок полностью.

Платье из мягкого изысканного бархата, определённо, полностью соответствовало её новому статусу, и никакой острый язык не сумел бы к нему придраться. В пол, без всяких там вырезов, не слишком облегающее — оно было бы безумно скучным и в высшей степени приличным, если бы не...

Если бы не вставка из прозрачного тонкого материала на груди. Эта вставка начиналась сразу под шеей, треугольником спускалась вниз и, тонкой полоской проходя по центру груди, доходила почти до талии.

Магрэнь с минуту смотрела на себя в зеркало в глубоком недоумении.

Если бы природа одарила её пышными формами, вставка такого рода стала бы скандально провокационной, потому что под должным ракурсом полушария груди были бы видны в ней весьма отчётливо. Но именно на фигуре Магрэнь такой крой смотрелся безупречно элегантно и сдержанно.

Платье оказалось удивительно тонко подобрано: полностью сохраняя приличия, оно подчёркивало бунтарский характер Магрэнь, обнажая её любовь к провокациям и эпатажу, но при этом ни на йоту не являясь вульгарным.

Повертевшись перед зеркалом так и сяк, она с глубоким недоумением была вынуждена признать, что это, определённо, теперь её любимое платье, которое настолько полно, открыто и ярко демонстрирует саму её суть, что ни один другой её наряд не сможет с ним сравниться.

И, хотя сперва Магрэнь намеревалась после примерки переодеться в своё и выразить жениху формальные благодарности, теперь ей захотелось отблагодарить его по-настоящему: она не ожидала, что он применит всю роскошь своего ума для такой тривиальной задачи, как подбор для неё подходящего платья.

— Аренсэн! — порывисто выскочила она в гостиную и даже немного покружилась по ней, демонстрируя себя. — Так вы, оказывается, ещё и модельер?

Он отложил газету, которую читал до её появления, встал и окинул её довольным взглядом.

— Это едва ли, — с усмешкой открестился он, но не стал отказываться от её похвалы, отметив: — Но я давал модельеру самые подробные указания.

Результат ему понравился; платье сидело на Магрэнь именно так, как он ожидал.

— Вам удивительным образом удалось сочетать элегантность с дерзостью! — с большой теплотой отметила она, желая сделать ему приятное.

— Элегантность с дерзостью в себе сочетаете вы, дорогая, — любезно ответил он, подошёл и взял её ладонь. — Я лишь помог вам выразить это, — и, наклонившись, поцеловал её руку.

У Магрэнь остро, мучительно и катастрофично порвался шаблон.

Галантный Михар не вписывался в её картину мира вообще никаким образом.

Выпрямившись, он обнаружил её опарашенное лицо.

Приподняв брови, он ворчливо сказал:

— Что? Разве не так положено себя вести с невестами?

— Так, — согласилась она, отнимая у него руку и непринуждённо подходя к зеркалу, якобы чтобы оглядеть себя ещё раз — на деле же для того, чтобы сбежать от него.

Она знать не знала, что делать с галантным Михаром. Совершенно не представляла себе, какую линию поведения теперь избрать. Чувства её так же находились в смятении, и ей нужно было время, чтобы разобраться, что со всем этим делать.

Сложив руки на груди, Михар наблюдал за тем, как она красуется перед зеркалом. Ему было досадно и неприятно, что она видит в его ухаживаниях какой-то подвох. В плане, который он нарисовал в своём воображении, всё было просто: он постепенно менял линию поведения с официально-деловой на дружественно-интимную, Магрэнь подстраивалась под изменения этой линии, и они успешно переходили к близким отношениям.

Он мысленно отметил, что план нуждается в детализации — возможно, он пропустил какой-то важный шаг? — и продолжил выполнять придуманную программу: повёз Магрэнь смотреть помещение, которое он купил и теперь начинал оборудовать под её новый парфюмерный завод.

Поездка эта вызвала у Магрэнь заметное оживление; она охотно принялась рассказывать, почему ей так интересно её дело.

— Аромат говорит без слов, — вдохновенно вещала она, — он создаёт настроение, он в какой-то степени — создаёт саму личность. Понимаете, Арни? — он не стал лукавить и сделал лёгкий отрицательный жест. — Чувствуете фиалки? — тут же сунула она к нему своё запястье. — Это ведь совсем не то же самое, что ирис или шафран! — лицо её сияло искренним восторгом. — Каждый новый аромат создаёт новую женщину — всегда другую, всегда особую!

— Обычно от вас пахнет чем-то древесным, — сдержанно отметил Михар.

— Для делового настроения! — мягко рассмеялась Магрэнь и тут же ударилась в перечисления. Михар с удивлением узнал, что у неё более пятнадцати любимых древесных ароматов — это не считая экспериментальных! — и каждый из них выражает какой-то свой неповторимый оттенок.

По правде сказать, сам Михар всегда предпочитал один и тот же проверенный временем одеколон, но после столь вдохновенной рекламы ему захотелось попробовать что-то иное, чтобы проверить, насколько Магрэнь права, и будет ли он сам чувствовать себя иначе, если от него будет пахнуть чем-то другим.

Наконец, они прибыли к будущему заводу.

Что бы сама Магрэнь не говорила о том, что иные духи создают каждый раз иную личность, романтический фиалковый аромат не помешал ей перейти на деловой настрой. Она с порога засыпала управляющего десятками вопросов и тут же, велев взять блокнот, принялась давать указания, сыпать уточнениями и перечислять важные нюансы.

Михар со скучающим видом стоял у окна. Парфюмерия никогда его не интересовала всерьёз — если не говорить о самой торговле ею — и он не вполне понимал, о чём именно говорит Магрэнь. Не меняя безразличного выражения лица, он, впрочем, скорее любовался ею, чем просто наблюдал: ему нравилось, как на ней сидит придуманное им платье, его привлекала живость, с которой она входила во все дела своего предприятия, ему импонировали её ум и её деловая хватка. «Всё-таки удачный выбор», — мысленно хвалил он сам себя, довольный тем, что всё же решился на этот брак. Магрэнь, чем больше он узнавал её, тем больше казалась ему идеальной спутницей жизни, способной справиться со всем, что требовалось от его супруги.

Меж тем, живой поток её речи обогатился недовольными нотками; Михар, отвлекаясь от своих размышлений, прислушался.

Она была недовольна... как он разобрал, расходными материалами для какого-то мудрёного аппарата. По её упрёкам выходило, что он не совсем справится с температурными перегрузками; управляющий, горячась, доказывал, что материал — отличный, проверенный разными испытаниями и зарекомендовавший себя с лучшей стороны.

Михара насторожило, что голос управляющего стал чуть выше, хотя сам он выглядел спокойным и собранным: выверенные жесты, уверенная поза, глаза не бегают. Демонстративно уставившись в окно, Михар продолжил следить за ним боковым зрением.

Магрэнь уже всю листала толстую папку, полную разнокалиберных бумаг; управляющий, уверенно тыкая пальцем в нужные места, отстаивал свою точку зрения. Михар не столько смотрел, сколько слушал, и ему всё острее чудилось в ещё чуть повышенном тоне напряжение.

Раздражённо оттолкнув папку, Магрэнь затребовала финансовые документы.

— Сей момент! — совсем высоким голосом ответил управляющий, доставая из ящика нужный талмуд.

Михар сделал в голове пометку, что нужно велеть проинспектировать, всё ли тут в порядке с расходами. На всякий случай.

«Всякий случай» настал раньше, чем он думал, потому что Магрэнь, покопавшись в отчётах с четверть часа, вдруг позвала его:

— Аренсэн, вы не посмотрите? — она чуть хмурилась, вертя в руках писчее перо. — Я не совсем ещё разобралась со столичными ценами...

Подходя, он уже был почти уверен, что с финансами что-то не так: у управляющего уж очень подозрительно забегали пальцы одной руки по манжетам другой. Вроде бы и подумаешь — поправляет человек одежду! — но слишком уж резко он замер, стоило Михару подойти.

Бросив на управляющего тяжёлый взгляд — тот совсем уж напрягся — Михар сел и

углубился в отчёт.

Читал он его с показательным вниманием к деталям: чуть слышно хмыкал, очерчивал ногтем подозрительные моменты, и всякий раз после такого высверкивал на управляющего острым взглядом. Тот переминался с ноги на ногу, тревожно сглатывал и пару раз открывал было рот — что-то объяснить — но так и не решался.

Причины нервничать у него явно были самые серьёзные: к указанным в ведомостях ценам у Михара и впрямь возникали многочисленные вопросы. Впрочем, он допускал, что на эти вопросы могут найтись вполне удобоваримые ответы, но вот поведение провинившегося работника ясно говорило о том, что ответы у него так себе.

— Сколько наворовал? — не поднимая взгляда от колонок цифр, холодно поинтересовался Михар.

Сдавленно выдохнув, управляющий засуетился:

— Ну что вы, господин, как можно!.. — заелозил по ушам его совсем уже высокий нервный голос.

Поморщившись, Михар всё же взглянул на собеседника и тоном дружелюбным, почти весёлым, уточнил:

— Намерен лгать?

Управляющий побледнел стремительно и жалко замотал головой.

Михар поставил себе внутреннюю пометку выразить недовольство тому из своих помощников, кто нанял этого идиота.

— Орс! — негромко позвал Михар.

От дверей отделился массивный детина.

Нервно проследив взглядом, как он подходит к столу, управляющий залепетал:

— Помилуйте, господин!.. — но осёкся под ледяным взглядом Михара.

Тот не терпел, чтобы у него воровали, и управляющий, на самом деле, об этом был наслышан, — просто полагал, что сам хозяин не будет входить в нюансы этого дела, а кармидерской бабе он уж как-нибудь зубы заговорит, не может же женщина и впрямь что-то смыслить в делах такого рода!

— Орс, — вставая, дружелюбным голосом обратился Михар к детине, — полагаю, временная потеря одной руки поможет нашему другу, — ещё один вымораживающий взгляд на управляющего, — правильно переоценить свои приоритеты.

Неудавшийся вор в ужасе рухнул на колени и заголосил. Михар досадливо поморщился, и понятливый Орс быстро заткнул источник шума, слегка его придушив.

— Ты помолчи пока, — басовито велел он управляющему, — ещё наорёшься, когда господин уйдёт.

Смерив композицию с придушенным управляющим безразличным взглядом, Михар повернулся к совсем не участвующей в сцене Магрэнь и подал ей руку.

— Дорогая? — вопросительной интонацией поторопил он её.

Магрэнь, мазнув по нему взглядом недовольным и хмурым, руку всё же приняла и позволила довести себя до кареты. Лишь там, оставшись с ним наедине, она позволила себе высказать критику:

— Полагаю, вы всё же хватили через край, Аренсэн.

Лицо его застыло в холодном строгом выражении. Он не считал для неё допустимым вмешиваться в его дела и тем более критиковать его стратегию управления людьми.

— Все воруют, — продолжила развивать свою мысль Магрэнь, которой претила жестокость того рода, которую проявил теперь Михар. — Это не повод ломать людям руки.

Он холодно парировал:

— Если не ломать им за это руки — они и не прекратят, Магрэнь.

Она отвернулась к окну, не видя смысла объяснять ему вещи, которые ей казались очевидными.

За те годы, что она вела своё дело, она не раз сталкивалась с воровством среди своих приказчиков и продавцов, и давно привыкла воспринимать его как неизбежное зло. Уволить человека, иной раз шепнуть там и сям, что не стоит его нанимать, — было, с её точки зрения, достаточно.

Михар придерживался иной позиции. Он предпочитал иметь репутацию человека, воровать у которого опасно — и репутацию такого рода приходилось поддерживать постоянно, но и выгоды от неё были очевидны. Его проекты были слишком разнообразны и разбросаны по стране, он не мог всеми ими управлять лично, и ему требовалось, чтобы те люди, которых он оставлял на местах, не подводили его. Ничто так не дисциплинирует, как понимание того, что ошибка такого рода может стать фатальной — это мелкой шушере вроде нынешнего управляющего он всего лишь ломал руки.

Магрэнь, в целом, понимала, почему он придерживается столь жёсткой позиции, но всё же его действия вызывали в ней протест, и особенно неприятно было то, что дело оказалось связано с заводом, которого она так ждала. Она предпочла бы, чтобы в её предприятии и управление велось так, как привычно ей, а не так, как обычно делает он.

Она полагала, что он не прислушается к её мнению, поэтому и заикаться об этом глупо. Однако ж, её злило, что её дело — её любимое парфюмерное дело! — строится теперь по его правилам!

Не имея возможности противостоять ему прямо, она выразила свою злость досадливым:

— Мне вы, стало быть, тоже руку сломаете, если я что-то возьму без спроса?

Он не понял ни того, с чем связана её досада, ни того, почему она выдвинула столь странную претензию.

— Магрэнь, — с некоторым раздражением ответил он, — я вас не в управляющие нанимаю.

«Надо же!» — фыркнула она про себя, поскольку сама придерживалась как раз противоположной точки зрения. Она видела, что Михар смотрит на брак как на совместный проект, и строит его, как строил бы любой другой проект, — поэтому её и в самом деле тревожило, во что ей может обойтись в браке такого рода какая-нибудь оплошность.

Взгляд её, как всегда это с ней бывало, оказался весьма выразительным.

Михар возвёл глаза к потолку, пробормотал еле слышно что-то ругательное, затем посмотрел на неё спокойно и, произнося слова медленно и веско, словно ему было сложно их говорить, заверил:

— Ваши руки я точно ломать не буду, Магрэнь, — на секунду запнувшись, добавил: — В конце концов, если вам так захочется чего-то моего — почему бы, в самом деле, не спросить? Не вижу резона отказывать жене, — повёл он плечом.

Фыркнув уже вслух, Магрэнь взглянула на него почти весело — ей понравилось, что она поставила его в неловкую ситуацию, и ему пришлось подбирать непривычные ему слова, чтобы вывести этот разговор на уровень выбранной им стратегии «заботливый жених».

Отловив направление её мысли, он предупреждающе поднял брови, и она посчитала,

что стоит удовольствоваться достигнутым и не испытывать его терпение дальше.

«В конце концов, большие дела всегда делаются постепенно», — оптимистично подумала Магрэнь, полагая, что из Михара ещё получится сделать человека — если, конечно, взяться за него правильно.

А уж она-то, с её опытом общения с мужчинами, взяться правильно сумеет!

12. Когда человек становится свободным?

Закончив свою программу по сближению совместным обедом и приглашением завтра с утра продолжить обсуждение дел завода, Михар распрощался с невестой и засел за корректировку своих планов. Он видел, что Магрэнь настороженно воспринимает его попытки ухаживать за нею, и полагал это именно ошибкой планирования.

Тщательно перепроверив свои выкладки три раза, он так и не нашёл, где бы он мог ошибиться. Поле для вступления в брак подготовлено? Да, он изучил вопрос, учёл и социальные, и материальные факторы, всё просчитал. Пропозиция выдана полностью? Да, он ничего от неё не утаивал, объяснил свои мотивы достаточно подробно, брачным договором — после всех внесённых поправок — она осталась довольна. В дальнейшем Михар рассматривал своё поведение по отношению к ней как безупречное — где там могла быть ошибка?

Нет, Михар не был глуп и учитывал и чувства тоже. Но он полагал, что чувства не возникают на ровном месте, и тут тоже требуется работать — собственно, к этому этапу он и приступил. Он пытался начать демонстрировать чувства, которые полагал уместными в ухаживаниях за невестой, — но что-то шло не совсем так, как он рассчитывал.

Его недовольные размышления были прерваны докладом слуги, сообщившем о приходе господина Анодара.

Поскольку Дерек в последнее время явно его избегал, Михар был заинтригован. Спрятав бумаги со своими магрэневскими заметками в ящик, он сообщил, что примет гостя в кабинете.

Это оказалось нелишним, потому что Дерек заявился с ворохом папок, книг и бумаг, которые тут же сгрузил на михаровский стол. Сразу же, без всяких вступлений, он принялся всё это сортировать, объясняя, где и что.

Подперев подбородок переплетёнными пальцами, Михар слушал с любезным выражением лица, пытаясь понять, что, вообще, происходит. Он был уверен, что не высказывал требований о таком полном отчёте — а Дерек, кажется, вознамерился отчитаться вообще обо всём, чем занимался.

Прерывать подчинённого Михар, впрочем, не стал: слушать его было довольно интересно. Как обычно с ним это бывало, Дерек весьма увлёкся, рассказывая о том, чем занимался. Он эмоционально и красочно погружался в каждый проект, ворошил бумаги, бурно жестикулировал, постоянно привлекал собеседника к пассивному участию в разговоре («Вы же понимаете!», «Как вы и говорили!», «Да вы и сами увидите!») — в общем, на него было просто приятно смотреть, его было просто приятно слушать.

В какой-то момент, однако, Михар поймал себя на том, что испытывает досаду. Досада эта ощутимо имела привкус ревности: глядя на живого, яркого, открытого Дерек, он вполне понимал, почему тот мог нравиться женщинам.

Почему он мог нравиться Магрэнь — конечно, дело было не столько в женщинах вообще, сколько в Магрэнь.

Наверняка у Дерек, когда он ухаживал за ней, не возникало и тени тех проблем, записи о которых теперь теснились спрятанными в ящик стола.

Михар понимал, что не обладает обаянием Дерек, и никогда не сможет вести себя так легко и непринуждённо. Ему, в принципе, это и не нужно было, и обычно он относился к

манере Дерека с оттенком снисхождения — большие дела так не делаются! Но теперь, когда Михару важно стало добиться близкого контакта с Магрэнь, Дерек стал раздражать его тем, что олицетворяет собой все те качества, которые обычно привлекают к мужчине женщин.

«Как ей вообще может такое нравиться!» — досадовал Михар, пытаясь сам себя убедить, что такой умной женщине, как Магрэнь, конечно, не могут нравиться такие легкомысленные шалопаи, как Дерек.

«Только поверхностные женщины могут на это купиться», — убеждал сам себя Михар, пытаясь заглушить внутреннюю тревогу.

Увлёкшийся Дерек, смеясь, в лицах пересказывал, как «вот по поводу этого» он сцепился с одним из членов Парламента, которого встретил случайно на музыкальном вечере, и как их ссору неожиданно сумел разрешить местный скрипач, который — вот удивительное совпадение!..

...история была на редкость дурацкой, нелепой, неправдоподобной — Михар подумал бы, что Дерек сам её и придумал, если бы ему уже не пересказывали её три или четыре раза разные люди. Но то, что в устах других звучало как идиотское совпадение (скрипач оказался нийским помещиком, захавшим в Анджелию к дальним родственникам), у Дерека выходило совершенно фантастическим приключением. Из которого, почему-то, к тому же, вытекало, что суровый член Парламента, осознав свои заблуждения, всё же поддержал этот проект... на стол легла открытая папка, Дерек принялся уверенно указывать на графики в ней, возвращаясь к деловому слогу.

«Да как он это делает!..» — с негодованием подумал Михар, понимая, что он всю историю посмеивался вполне искренне, и теперь с большим интересом изучает предложенный проект — про который Дерек рассказывал ему впервые, — и что точно так же был покорён и привлечён к сотрудничеству член Парламента, и что, очевидно, и Магрэнь...

Он скрипнул зубами. Внутри него зарождался смутный страх, который едко поднимался со дна души: страх, что он женится на Магрэнь, а та заведёт себе любовника.

Вполне конкретного белобрысого любовника.

— Господин Анодар, — холодно перебил Михар очередной вдохновенный монолог, — не припоминаю, чтобы я требовал от вас столь подробного отчёта.

Разом посерьёзнев и словно потухнув, Дерек прикрыл пару папок, подравнял стопку книг, сел на стул для посетителей, посмотрел на Михара спокойно и твёрдо, после чего возразил:

— А это и не отчёт, Аренсэн. — И, вернувшись к лёгкому тону, пояснил: — Это я вам дела сдаю.

Михар приподнял брови. Он совсем перестал понимать, что происходит.

— Сдаёте дела? — обманчиво мягким голосом переспросил он.

Дерек пожал плечами. Нетипичным для него движением потёр внутренний уголок глаза. Вздыхнул. Видимо, так и не придумав ни подходящих слов, ни, тем более, подходящей манеры, сказал просто:

— Полагаю, наше сотрудничество можно считать оконченным. Я уезжаю, Аренсэн.

Заявление это было в высшей степени революционным: от Михара никогда и никто не уезжал. Бунт Дерека был столь внезапен и уникален, что Михар даже растерялся на несколько секунд, пытаясь подобрать реплику, несомненно утверждающую незыблемость его авторитета.

По лицу его догадавшись об этом, Дерек досадливо взмахнул рукой:

— В самом деле, Арэнсэн! Вы меня не покупали, — холодно напомнил он, — и даже договоров мы не заключали.

Формально Дерек был прав, но фактически Михар обладал слишком широкой властью, чтобы его приказы можно было игнорировать.

— Вы, кажется, забыли, с кем говорите, — ледяным голосом отметил Михар, прокручивая уже в голове способы, которыми можно было бы вернуть взбунтовавшееся орудие к послушанию.

Ни капли не впечатлившись, Дерек спокойно парировал:

— Так ведь и вы, кажется, забыли, — и с лёгким нажимом подчеркнул, — с кем говорите вы.

Такая запредельная наглость вызвала у Михара глухой, глубокий приступ гнева.

— Вы всё смотрите на это дело, — спокойно и устало принялся растолковывать свою точку зрения Дерек, — как на потенциальный конфликт Филопье и Аньтэе. Вам он не выгоден, конечно, но точно так же он не выгоден и нам, — отметил он, объединяя себя в одно с Тогнарами. — Однако в деле замешаны не только Филопье и Аньтэе, а вы это упорно упускаете из виду.

Михар не прерывал его речь, но атмосфера сдерживаемого гнева, казалось, стояла вокруг него душным облаком.

Дерек продолжил говорить — голос его был ровен и спокоен, как если бы он втолковывал обыденные вещи:

— Брейлин не останется в стороне, — пояснил он и вставил запомнившиеся ему слова Райтэна: — Я ведущий промышленник области, и Данзэс и так-то недоволен, что я забрался так далеко на запад. Кроме того, благодаря проекту моего брата, наши связи и с Брейтином, и с Северной Анджелией весьма укрепились, — он заметил, что на этом месте губы Михара изогнулись усмешкой, и с лёгким смешком пояснил: — О, многие недооценивают Северную Анджелию! Вы едва ли представляете себе её истинный потенциал, а вот я, — он наклонился вперёд, опираясь на стол локтями, и ровно отметил: — Я не только представляю, я обладаю в этой области самыми широкими связями, — он имел в виду и свои соглашения по углю, и старые контрабандистские связи Олив, и новые торговые соглашения Райтэна. — Не стоит так же сбрасывать со счетов и Кармидер, — продолжил перечислять Дерек. — Господин ректор, как вы знаете, мне благоволит.

— Господин ректор — это ещё не весь Кармидер, — сухо оборвал его Михар.

Его гнев тем возрастал, чем отчётливее он понимал, что просто отмахнуться от аргументов Дерек не сможет. Дерек обещал ему в случае конфликта полномасштабную войну — и были все основания предполагать, что в войне этой он сумеет поднять за себя и весь восток, и север.

— Так ведь и мои кармидерские связи не ограничиваются одним лишь ректором, — небрежно повёл плечами Дерек.

Он уже вдоль и поперёк изучил все вовлеченные в игру силы. Да, сам по себе он, Дерек, не был фигурой столь значимой, чтобы из-за него начиналась война. Но у востока и запада были свои долговременные конфликты, которые, конечно, удавалось так или иначе гасить... Но и разжечь их можно было из одной искры.

Если Михар попробует удержать Дерек против его воли — это выведет его на прямой

конфликт с Тогнарами. В широком смысле это конфликт Филопье и Аньтье — весьма нежелательный для обоих исход. Но, если на стороне Аньтье выступают ещё и Брейлин, и север...

На стороне Филопье останется лишь столица — а их объединённых сил не хватит, если только и Кармидер не выступит с ними.

Кармидер был областью спорной. Находясь в центре анжельских земель, он поддерживал добрые отношения со всеми соседями, и было решительно невозможно предсказать, на чьей стороне он выступит в случае конфликта.

— Кармидер покуда не ваш, — холодно напомнил Михар. — Мои связи там тоже весьма велики.

Дерек хмыкнул и уточнил:

— Вы хотели сказать — связи госпожи Ринар?

Михар уделял кармидерской жизни не так уж много времени и, действительно, считал теперь Кармидер скорее своим по той причине, что он собирался жениться на женщине, которая обладала там влиянием на самом высоком уровне.

— Мои связи или связи моей жены — это не имеет значения, — утвердил свою позицию Михар, торжествуя, что на этом поле он Дерекка победил несомненно, и что Магрэнь со всеми её связями принадлежит теперь ему всецело.

Это уверенное «моей жены» и впрямь выбесило Дерекка. Он, осознавая рациональные причины, побудившие Магрэнь желать этого брака, сердцем так и не смог принять её решения, и был её выбором оскорблён и ранен. Торжество, которое проскользнуло в голосе Михара, показалось ему особенно отвратительным, и он, прищурившись и поймав взгляд противника, медленно произнёс:

— А вы так уверены, Аренсэ, что в случае нашего противостояния госпожа Ринар использует свои связи в вашу пользу?

Смятение мелькнуло в глазах Михара лишь на секунду — он тут же овладел и взглядом, и выражением лица, — но Дерекку и того хватило. Оттолкнувшись от стола ладонями, он пружинистым движением встал и заключил:

— Так что на этом месте мы всё-таки с вами прощаемся, господин Михар.

Ответом ему была тишина и взгляд, которого он спиной уже не увидел — жёсткий взгляд человека, только что вычеркнувшего в каком-то невидимом списке одну уже ненужную ему строчку.

Первое, что почувствовал Дерек, выйдя на улицу — влажный порыв ударившего его в лицо ветра.

Стоял прохладный летний вечер; от мостовой, нагретой жарким солнцем, ещё исходило тепло, но в воздухе неуловимо пахло дождём. Не спеша возвращаться домой, Дерек двинулся к порту: ему всегда нравилось сидеть там, разглядывая корабли, и сегодня стояла именно такая погода, которую он особо любил.

Чем ближе он подходил к порту — тем прохладнее становился воздух, тем отчётливее в нём слышался запах дождя и моря, и Дерек уже предвкушал лёгкие холодные капли, которые вот-вот почувствует кожей. Он с удовольствием подставлял лицо этому влажному ветру — и заходящему, ещё чуть тёплому, солнцу. Блики закатных лучей путались в его светлых

ресницах, словно глаза его светились.

Внутри Дерека зарождалось новое, совсем не знакомое ему чувство, которое он не сумел бы внятно определить. Чувство это сплошь состояло из преломляемых каплями лучиков солнца, из несущегося в открытые небеса крика чаек, из этого самого ветра, который, крепчая, казалось, превращал всё его тело в парус, летящий по морским волнам. Дерек был и ветром, и солнцем, и морем одновременно: он чувствовал глубокое, всесокрушающее родство с тем воздухом, которым дышал, с тем светом, который позволял ему видеть, с теми волнами, которые плескались теперь о берег, донося до него свои брызги.

Как он и надеялся, начался дождь.

Дерек не пытался спрятаться, напротив, лёг на шершавых досках пристани, глядя в небо и наслаждаясь каждой каплей, что ударялась о его кожу. Звуки шелестящих об него и вокруг него капель казались ему самой прекрасной симфонией на свете.

Он ни о чём не думал, просто провожал взглядом догорающий закат.

В это время суток порт был уже почти пуст. Никто его не тревожил; и ему казалось, что он сейчас один в целом свете, один, полностью принадлежащий морю и ветру, слившийся с ними и совершенно растворившийся в каплях дождя.

Это было больше, чем просто счастье: это было — быть собой.

...лёгкий летний дождь закончился, и на город стали опускаться сумерки.

— Господин? Вам плохо? — раздался над Дерекком тревожный старческий голос.

Вздрагнув, Дерек вернулся в реальность, внезапно понимая, что успел уже и продрогнуть.

Опершись руками, он порывисто сел:

— Нет, всё в порядке!.. — поспешил он успокоить внезапно обнаружившегося доброхота.

Замерший над ним сухонький дедок растерянно заморгал.

— Вы даже не представляете, насколько всё в порядке! — вставая, пылко заверил его Дерек и, в совершенно неожиданном порыве, сжал дедусю в своих объятиях.

Тот, видимо, решил, что имеет дело с пьяным. Похлопав Дерека по плечу, он ворчливо сказал:

— Вы поосторожнее, добрый господин, а то простудитесь!

Дерек, отстраняясь, рассмеялся.

— Благодарю за заботу! — солнечно улыбнулся он, быстрым шагом направляясь к нужной ему улице.

Дедок проводил его взглядом, пожал плечами и сел на пристань. Он тоже любил смотреть на море именно отсюда.

IV. Свобода. 1. Что всё-таки важнее для Магрэнь?

IV. Свобода

646 год, осень. Столица Анджелии

Надо мною — тишина,
Небо, полное огня.
Свет проходит сквозь меня -
И я свободен вновь.
Я свободен от любви,
От вражды и от молвы,
От предсказанной судьбы
И от земных оков...
В.Кипелов, «Я свободен»

1. Что всё-таки важнее для Магрэнь?

На утро следующего дня Магрэнь отправилась к Михару — уточнять нюансы, которые касались её парфюмерного предприятия. Недовольный тем, как пошло дело, Михар решил более жёстко проконтролировать, что там происходит, поэтому требовал подробных пояснений по поводу того, что, в целом-то, Магрэнь надобно.

Утро можно было назвать проведённым удачно. Занятый делом Михар позабыл о своих планах по сближению с невестой, поэтому держался в привычной для той отстранённой манере. С таким Михаром она понимала, как себя вести, и ей даже было, пожалуй, комфортно: его хваткий и острый ум ей импонировал, и обсуждать с ним интересную ей тему оказалось весьма приятно. Он умел внимательно слушать то, что ему непонятно или неизвестно, быстро вылавливал суть, задавал точные и лаконичные вопросы, чтобы прояснить ситуацию, тут же соотносил новые сведения с тем, что уже хранилось в его памяти... на взгляд Магрэнь, он был попросту идеальным партнёром. Лучше не придумаешь, как ни старайся.

Закончив, наконец, обсуждение, Михар позвал:

— Орс!

Хотя он не кричал, давешний детина, ожидавший, видимо, за дверями, услышал и тут же вошёл, с поклоном подавая Магрэнь бумаги.

«Подслушивал, что ли?» — подивилась его слуху она, бумаги принимая и узнавая в них те, которые проверяла вчера на стройке. Орс, выполнив свою миссию, немедленно удалился.

— Сделайте отметки касательно закупок, — объяснил необходимость этих бумаг Михар.

Чуть нахмурившись, Магрэнь углубилась в чтение. Время от времени она что-то поправляла, обозначая, сколько и чего ей требуется. Наконец, закончив с этим делом, она передала документы Михару.

Тот всё это время наблюдал за ней, вертя в пальцах сигару, но, впрочем, не делая попыток закурить. Приняв бумаги, он бегло просмотрел их и с лёгким смешком спросил:

— Зачем же вам столько меди, Магрэнь?

«Ты мне поэкономь ещё» — фыркнула про себя она, изящным жестом поправила волосы и с тёплой улыбкой объяснила:

— Есть идеи по поводу баков в купажном цехе.

В быстром взгляде, который он бросил на неё, блеснуло любопытство.

— Вы разбираетесь и в баках? — переспросил он.

Хотя он планировал выразить этой фразой восхищение, по привычке он окрасил свой голос в насмешливые тона, и Магрэнь не уловила первичного посыла.

Мягко приподняв брови — мол, а в своё ли вы дело лезете, дорогой? — она с лёгким нажимом отметила:

— Полагаю, хороший руководитель должен входить во все нюансы своего дела.

Он досадливо поморщился и отложил бумаги.

— Хороший руководитель должен уметь делегировать задачи исполнителям, — весьма сухо и жёстко возразил он, потом добавил недовольно: — У вас здоровья не хватит за всем следить лично, Магрэнь!

Такая вспышка вызвала у неё недоумение. Она, однако, холодно парировала:

— В настоящий момент не испытываю никаких проблем с нагрузкой, так что, право, вы напрасно так горячитесь, Арни.

Он резко крутанул в руках сигару; кажется, он едва удержался от фразы: «Я не горячусь!» — и лишь в последний момент остановил эти слова внутри себя.

Потому что первоначально его вспышка была связана скорее с заботой о ней; и теперь ему было досадно, что она вместо заботы увидела посягательство на свою территорию и начала защищаться.

— Что ж, — сухо резюмировал он, — я вам сообщу, когда мы подберём нового управляющего.

Магрэнь мило улыбнулась, поблагодарила и встала. Внутри неё кипели негодование и обида: он, видите ли, и управляющего подберёт без неё!

Михар, разумеется, даже не подумал о том, что его решение может быть ей неприятно. Напротив, он полагал промах с предыдущим управляющим своей ошибкой — ведь это он не проконтролировал, кого там выбрал его помощник, — и теперь, по его разумению, именно ему следовало эту ошибку исправить, избавив Магрэнь от всех хлопот.

Любезно проводив невесту до дверей гостиной, Михар попрощался с нею и подозвал ожидающего в проходной Орса.

Хмыкнув, Магрэнь направилась к выходу из проходной, громко цокая каблуками. Однако с каждым шагом она ступала всё тише, отчего стук становился всё глуше. Подойдя к распахнутым дверям, ведущим в следующую проходную — тут имелась целая анфилада — она выглянула, обнаружила отсутствие слуг и на цыпочках вернулась обратно к гостиной.

Она привыкла сама контролировать детали своих торговых проектов, и возникшую с управляющим проблему предпочла бы решать самостоятельно. Ей было уже неприятно то, что эту проблему взялся решать Михар; но уж способ, которым он это сделал!

Магрэнь решила, что неплохо бы разжиться информацией из первых рук — Орс ведь наверняка будет делать доклад! — и убедиться, что Михар худо-бедно контролирует ситуацию и не допустит, во всяком случае, слухов вокруг её будущего завода. Кто ж к ней работать пойдёт, если начнут говорить, что там людей за оплошности рук лишают!

Ещё раз оглянувшись в сторону анфилады — слуг по-прежнему не было видно —

Магрэнь наклонилась к замочной скважине.

— ...как с Толстым? — разобрала она обрывок фразы, сказанной басовитым голосом Орс.

Несколько секунд стояло молчание. Магрэнь пока не смогла уловить, о чём вообще идёт разговор.

— Как с Плешивым или с Кочергой, — наконец, сухо отрезал Михар.

Что бы ни значили эти загадочные прозвища, Орс такое решение явно удивило: он сдавленно кашлянул, но при его басы Магрэнь расслышала этот звук вполне отчётливо.

«Кажется, только зря рискую», — разочарованно подумала она, потому что разговор, если и касался как-то её завода, оставался решительно непонятным.

— Но с Плешивым... — в голосе Орс звучали непривычно неуверенные интонации. Магрэнь удивилась, потому что, сколько она замечала, Орс никогда не возражал своему господину.

— Не имеет значения, — холодно оборвал его Михар и спокойным голосом прибавил: — Господин Анодар исчерпал свою полезность.

Похолодев, Магрэнь отпрянула от замочной скважины.

«Нужно бы узнать больше информации», — нерешительно ударилась в её голову мысль.

«Нужно срочно бежать!» — оборвала она саму себя, и на цыпочках рванула на выход.

Подслушивать разговоры такого толка, как теперь услышала она, определённо, было слишком опасно. Даже если ты находишься в статусе невесты.

«Глупости! — пыталась успокоить саму себя Магрэнь, выходя из особняка. — Быть не может, чтобы он задумал избавиться от Дерека!»

Она сделала вывод, что неверно расшифровала услышанную информацию. Мало ли, что может стоять за «исчерпал свою полезность!»

Однако, добравшись до своей кареты, она так и не смогла придумать варианты этого самого «что может стоять». Кроме одного-единственного и весьма неутешительного: с загадочным Плешивым произошло нечто весьма нехорошее, и Дереку грозит нечто недвусмысленно опасное. Возможно, даже смертельное.

— В галантерею на углу! — велела Магрэнь кучеру, решив, во всяком случае, понаблюдать за особняком Михара, пока в голове её раскручиваются тревожные мысли.

«Вводная первая: у Орс есть некое задание, которое предполагает разные пути решения», — принялась размышлять она, с порога отправив галантерейщика на склад за «такой же шляпкой, только голубого оттенка!»

Подобные задания у него уже бывали, и сам Орс считал приоритетным тот путь решения, который использовал с неким Толстым. Михар, однако, не был уверен в своём решении выбрать варианты, произошедшие с Плешивым и с Кочергой, — об этом говорит пауза, которую он сделал. Значит, решение либо непростое, либо принято недавно.

«Задание оказалось неожиданным для Орс», — добавила вывод Магрэнь, интерпретируя услышанный ею сдавленный звук. Это был довод в пользу того, что решение, которое принимал Михар, было свежим и неожиданным, не вписывающимся в его привычную стратегию.

«И Орс даже уточнил его границы», — продолжала прикидывать Магрэнь, примеряя принесённую шляпку и крутясь перед зеркалом: в зеркало сквозь витрину было прекрасно видно лицо.

Итак, что выходило? Михар принял какое-то решение, которое напрямую касалось Дерека и вызывало удивление у одного из михаровских боевиков. Очевидно, Плешивому в своё время досталось неслабо, и Дереку с его положением при Михаре такой судьбы грозить не могло — иначе зачем бы Михару теперь обозначать отсутствие границ фразой «исчерпал свою полезность»?

— Нет, голубой делает моё лицо каким-то болезненным, — капризно протянула Магрэнь, снимая шляпку. — Есть у вас персиковый?

Продавец, поклонившись, принял голубую шляпку и снова ушёл.

«Задание для боевика с обозначением, что Дерек может пострадать сколь угодно тяжело, поскольку Арнсэну это уже безразлично, — сформулировала свою основную гипотезу Магрэнь. — Но зачем?..»

Она не могла понять, как осторожный и умный Дерек мог влипнуть в ситуацию, где не менее осторожный и умный Михар пошёл бы на столь радикальные шаги.

«Либо я что-то не так поняла, — всё же предположила Магрэнь, примеряя принесённую персиковую шляпку, — либо мне неизвестны какие-то обстоятельства».

Пока она вертелась перед зеркалом, поправляя волосы под шляпкой так и этак, она увидела, как по улице прошли Орс в сопровождении ещё двух дюжих мужиков.

Мысленно Магрэнь выругалась. Дело походило на то, что Михар решил то ли основательно проучить Дерека, то ли вообще его ликвидировать. И, хотя оба они — и Михар, и Дерек, — казались ей людьми здравомыслящими, она допускала мысль, что один может перейти всякие границы в своей дерзости, а второй может дать волю своему гневу.

«Но что же делать?!» — в ужасе подумала она, лицом выражая улыбку и высказывая просьбу упаковать шляпку.

Проследовать за Орсом с его товарищами — зачем? Предупредить жандармерию? Ну, уж совсем идиотская идея!

Лучше всего было бы найти Дерека и поговорить с ним — хотя бы выяснить, есть ли, в самом деле, причина для конфликта, — но где ж его найдёшь посреди дня?

«Если они устраивают засаду у тогнаровского дома, — направление движения Орса свидетельствовало о таком предположении, — то можно подождать в тех же окрестностях...»

Но до вечера было ещё далеко, а Дерек мог вернуться домой и в поздних сумерках, и ночью — зависело от его планов. Торчать много часов на улице в ожидании не пойми-чего не было в характере Магрэнь, и она решила попытать счастья и поискать Дерека в городе. Проверить хотя бы самые очевидные места — а уж там, если не найдёт, устраивать засаду по соседству с боевиками Михара.

«Как бы ещё это проверить так, чтобы Арнсэн не узнал», — с досадой подумала она. Вот хорош будет фокус, если она накрутила себя на ровном месте, а все эти загадочные дела и яйца выеденного не стоят! Зато Михару будет доложено, что его невеста носилась по всему городу в поисках своего старого любовника!

Магрэнь даже стала всерьёз рассматривать альтернативный план «послать записку Дереку или Райтэну» — в конце концов, что она им, нянька или телохранитель? Но фраза «исчерпал свою полезность» её бесконечно тревожила. В устах Михара такие слова звучали как приговор, и могло так стать, что у Дерека вообще больше нет никакого времени, и опасность уже стоит у него на пороге.

«В одном дурном случае я просто всё вообразила, и Арнсэн будет ужасно злиться, что я

опять веду себя легкомысленно, — поставила альтернативу Магрэнь. — В другом дурном случае я всё поняла так, и с Дерекком может случиться беда, если я его не предупрежу немедленно».

Разглядев эту альтернативу внятно, она тут же успокоилась и приняла решение. Мало ли, что Михар будет злиться! В конце концов, она теперь вон тоже из-за него переволновалась!

Разобравшись в своих приоритетах, Магрэнь велела кучеру везти к университету: начинать поиски было логично именно оттуда.

2. Какова лучшая версия Магрэнь?

С направлением поисков Магрэнь угадала: Дерек обретался в университетской библиотеке.

— Рэнь? — удивлённо встал он ей навстречу. Глаза его сияли тёплыми смешинками. Он этим улыбочивым искрящимся взглядом пробежал сверху вниз и обратно по её платью — она надела то, которое ей вчера подарил Михар, — и даже без слов было понятно, что он восхищён. Магрэнь подала ему руку для поцелуя — он взял её жестом вполне непринуждённым и лишь едва коснулся губами её кожи, и тут же отпустил. Её чуть кольнуло разочарованием — как если бы она ожидала от него какой-то вольности.

Он бросил на неё вопросительный взгляд, так и не дождался ни приветствий, ни изъяснения цели визита, поэтому просто предложил ей стул и сам вернулся к своей работе с какими-то выписками.

Некоторое время она сидела рядом, наблюдая за ним. Быстро увлечённый делом Дерек, кажется, тут же забыл о её присутствии: он что-то бормотал невнятно, чесал пером бровь, подёргивал себя за бороду, постукивал пальцами по страницам и, в целом, выглядел как человек, который занят тем, что ему весьма и весьма интересно.

— Дерри, — неожиданно всё же вступила в разговор она — он, вздрогнув, отвлёкся от книги и взглянул на неё, — скажи, вы не ссорились на днях с Аренсэном?

Он скривился — будто само это имя было ему неприятно — неопределённо повёл плечами и буркнул:

— Ну, было.

Магрэнь почувствовала, как сердце её подскочило от страха и тревоги; она постаралась дышать размеренно и ровно, чтобы вернуть себе самообладание.

— А что, он в это решил тебя впутать? — недовольно уточнил Дерек, придавливая её взглядом весьма мрачным.

— Нет, — почти беззвучно ответила она и уточнила: — А... сильно поссорились?

Дерек, отложив перо, развернулся к ней всем корпусом, подпёр подбородок и устремил на неё взгляд изучающий и острый. Ему казалось странным, что она была столь взволнована этим вопросом, и, к тому же, ещё более странным то, что она с этим вопросом так настойчиво к нему лезла.

В конце концов, он решил, что хорошо информированная Магрэнь всяко лучше Магрэнь, которая теряется в догадках и начинает изобретать дурные способы получить нужную ей информацию, поэтому принялся рассказывать:

— Рэнь, мы с Тэном планируем возвращаться в Кармидер, — она аккуратно приподняла брови. — И вчера я сообщил Аренсэну, что наше сотрудничество на этом кончается.

Говорящий взгляд Магрэнь приобрёл выражение «Дер, но разве же можно быть таким идиотом?!»

— Кажется, он был несколько недоволен, — безразличным тоном резюмировал Дерек, пожал плечами и вернулся к своей книге.

Магрэнь с большим удивлением поняла, что он, в самом деле, полагает, что тут нет никакой проблемы.

«Да он с ума сошёл!» — вынесла она вердикт внутри своей головы.

Теперь ей стало понятно, что да, Михар и в самом деле мог посчитать, что Дерек

нужно проучить самым жёстким образом.

«Нет, едва ли он планирует его убить», — принялась размышлять Магрэнь, поскольку Дерек, выдав интересующую её информацию, снова о ней забыл, погрузившись в работу.

Дерек мог быть полезен, и убивать его было бы глупо. А вот припугнуть, чтобы сделать послушным, — сколько угодно.

Можно, конечно, было понадеяться, что михаровские методы запугивания не включают поломанные конечности, и Дереку ничего серьёзного не грозит, но Магрэнь не была настроена столь оптимистично.

Некоторое время она рассматривала вопрос, сколь вероятно, что припугивать будут через близких Дереку людей — но Михар всё же упоминал именно господина Анодара, а не, скажем, Тогнара.

Нет, скорее всего, дело всё же касалось запугивания Дерекы, и притом вариант «как с Плешивым» мог иметь самые неприятные последствия.

Магрэнь почувствовала досаду и раздражение, причём чувства эти в равной степени адресовались как бывшему любовнику, так и жениху. Она не понимала, как Дерек, с его умом, мог так сглупить и столь бездумно спровоцировать Михара на радикальные действия. Она так же не понимала, как Михар, с его расчётливостью и зрелым взглядом на жизнь, умудряется действовать столь жёстко и нецивилизованно.

«Впрочем, сами заварили кашу — сами пусть и разбираются!» — решила она, в конце концов, внутри себя. Ей совершенно не улыбалась мысль вмешаться в эти глупые петушинные бои и огрести от обоих.

Она встала, намереваясь уйти. Отвлёкшись от книги, Дерек бросил на неё взгляд тёплый и ободряющий.

— Платье совершенно фантастическое! — всё-таки высказал он пусть банальный, но явно рвущийся у него изнутри комплимент.

— Жених подарил! — вредным голосом уточнила Магрэнь, чуть покругившись, чтобы продемонстрировать наряд и себя в нём во всей красе.

— Ого! — уважительно присвистнул Дерек, против её ожиданий не выглядевший задетым. Напротив, задорным голосом он продолжил: — Я смотрю, ты и Арэнсэна уже обучила искусству дарить соблазняющие подарки?

Она невольно рассмеялась, припомнив его далёкий приход с камелиями.

— Всегда знал, что он не безнадёжен! — довольным голосом резюмировал Дерек и вернулся к книге.

Веселье спало с Магрэнь; она похолодела. В отличие от Дерекы, она не считала Михара небезнадёжным.

«Хорошо, если всего лишь избыют», — с тоской прикинула она вечерние перспективы Дерекы, разглядывая его светлую макушку. Методы михаровских боевиков были ей достаточно знакомы, чтобы вызывать отвращение.

— Дерри, — севшим голосом позвала она, приняв решение. — Ты мне доверяешь?

Он взглянул на неё с большим удивлением, чувствуя подвох.

— Такие вопросы обычно заканчиваются редкостной пакостью, — нахмурился он, но тут же заверил: — Конечно, я тебе доверяю, Рэнь.

Её сосредоточенный серьёзный взгляд и её бледность изрядно его встревожили. Однако, ему не удалось выдвинуть ни одного предположения, чем может быть вызвано её волнение.

Она, меж тем, не облегчила ему задачу с пониманием.

— Тогда поедем сейчас со мной! — потребовала она.

С сожалением взглянув на раскрытую книгу — тема была ему весьма интересна — он пожал плечами, встал и отвесил ей лёгкий поклон со словами:

— Как изволит миледи!

Магрэнь, впрочем, шутливый настрой не поддержала. Передёрнув плечами нервно и беспомощно, она резко развернулась и направилась на выход. Тихо вздохнув, Дерек пошёл за ней, пытаясь понять, в какую ещё интригу он теперь ввязывается.

В молчании он сел в её карету; она, что-то тихо обговорив с кучером, тоже села, не спеша объяснять свой замысел.

«Теперь он меня точно убьёт», — раздражённо думала она о Михаре. Она не видела ни одного варианта, в котором столь дерзкое похищение Дерека прямо из-под его носа сошло бы ей с рук. Михар не переносил, чтобы кто-либо вмешивался в его планы и тем паче нарушал их, а тут ещё и такое отягчающее обстоятельство, как оставленная в прошлом любовная связь.

Скрыть, что это именно она предупредила Дерека и помогла ему уехать, у неё едва ли получится. Магрэнь не заметила соглядатаев во дворе университета, но была совершенно уверена, что кто-то из людей Михара должен был приглядывать за ней самой, а кто-то — за Дерекком. Положим, второй теперь потерял след, потому что полагает, что Дерек так и сидит в университете. Но её собственный «хвост» наверняка следует за ней по пятам!

Привезти Дерека к Тогнарам не казалось ей здоровой идеей: их дом никак не охранялся, а вероятность того, что Дерек возьмётся за ум и рванёт от Михара куда подальше, желательно в Аньтье, — была минимальной. Положим, сегодня она его вытащит; только нарвётся этим на конфликт с Михаром, а Дерека он благополучно поймает завтра или послезавтра.

«Сдать его Рийарам, что ли?» — прошлась Магрэнь оценивающим взглядом по фигуре сидящего напротив Дерека. Тот, сложив руки на груди, соорудил мрачное выражение лица: мол, может, наконец, объяснишь, куда ты меня везёшь?

Магрэнь не могла объяснить, потому что сама ещё не придумала план.

Рийары были хорошим вариантом, но усидит ли там Дерек?

Досадливо вздохнув, Магрэнь отвернулась к окну и переформулировала задачу.

Точнее — поставила себе две конкретных задачи.

Ей нужно было сделать так, чтобы Дерек перестал нарываться и, желательно, свалил из столицы, чтобы лишний раз не дразнить Михара.

И ей нужно было, чтобы сам Михар перестал преследовать Дерека и отказался от идеи воздействовать на него силой.

С пять минут они ехали молча. Дерек демонстративно смотрел в окно: мол, раз объяснений не предвидится, сочтём, что меня здесь нет. Магрэнь размышляла.

Наконец, она нащупала план, который помог бы ей решить обе поставленные задачи. План этот, придуманный на скорую руку, был не оптимален и вызывал у Магрэнь зубовой скрежет от понимания, сколько всего в нём может пойти не так.

Дёрнув за сигнальный шнурок, она велела кучеру заехать к ней на квартиру. Там, оставив Дерека дожидаться в карете, она поднялась к себе, захватила деньги и карманное зеркальце, и осторожно выглянула в окно. Улица в это время была достаточно оживлённой, но она присмотрела пару подозрительных людей, которые казались хорошими кандидатами

на роль соглядатаев Михара.

Выйдя на улицу, она отдала кучеру новые распоряжения, устроилась в карете и достала зеркальце, чтобы с его помощью разобраться, следят ли за ней.

Спустя три поворота губы её искривились в довольной улыбке: она обнаружила «хвост» в виде юркого оборванного мальчишки. Идеально, чтобы отслеживать её перемещения по городу, но совершенно не подойдёт, чтобы преследовать её по тракту.

Дерек, наблюдавший за её шпионскими играми с некоторым недоумением, забеспокоился. У него в голове родилось предположение, зачем Магрэнь всё это понадобилось: скорее всего, она решила, что жених недостаточно её ценит, и надумала подстегнуть его чувства с помощью ревности. Идея обострять конфликт с Михаром ещё и этим совсем не пришлась ему по душе.

— Рэнь, — решительно начал он высказывать свой протест, — я не думаю, что...

— Ах! — перебила она его, отрываясь от своих наблюдений, — да ты и вообще не думаешь, Дерри!

Он бросил на неё укоризненный взгляд.

Она, возведя глаза к потолку, приступила к реализации следующей части своего плана.

— Что ты конкретно сказал Арнсэну? — требовательно уставилась она на Дерка.

Он нахмурился пуще, полагая, что она лезет не в своё дело.

— Дер! — она нагнулась к нему; в голосе её зазвучало железо: — Это действительно важно. Ты сам-то понимаешь, во что влип?

— Во что? — раздражённо переспросил он.

Все эти интеллектуальные игры теперь, когда они были оторваны от любовного противостояния, перестали ему казаться интересными. Он предпочёл бы, чтобы она говорила прямо и избавила его от этих многочисленных загадок.

Она, раздражённо фыркнув, откинулась на спинку и, подняв ноги, упёрлась ими в его сидение. Из-под подола выглянули мыски красивых туфелек.

— Он тебя убить решил, Дер, — спокойно объяснила она ему.

Дерек ответил ей недоверчивым и мрачным взглядом. Ему не верилось, что Михар станет действовать столь радикально.

— Я слышала, как он с утра отдавал приказ, — дёрнула плечом Магрэнь.

Лицо Дерка закаменело; он снова уставился в окно.

Пользуясь паузой, Магрэнь проверила в зеркальце наличие «хвоста». Отлично, не отстал.

— Это весьма недальновидно с его стороны, — наконец, отметил очевидное Дерек.

Он допускал, что Михар может пойти на какие-то враждебные шаги в отношении него — но чтобы настолько? Очевидно же, что в случайность его смерти Тогнары не поверят, и что Михар получит толпу неуравновешенных разгневанных мстителей на свою голову.

— Более чем недальновидно! — раздражённо согласилась Магрэнь, вкладывая в свой голос вполне искреннее недовольство Михаром. — Поэтому я и пытаюсь понять, чем ты мог настолько его взбесить?

Дерек передёрнулся и не ответил.

Для себя он установил, что дело было в его последней фразе — мол, что Магрэнь в случае конфликта предпочтёт его сторону, — но заявлять об этом гласно он не собирался.

«Идиот, — мрачно подумал он, — опять наступаешь на те же грабли».

Ему теперь припомнилось, что и Грэхарда он в своё время довёл именно неосторожными словами об Эсне.

Версия о том, что Михара настолько выбесило предположение, что Магрэнь может предпочесть не его, что он решил попросту избавиться от возможного соперника, виделась Дереку вполне правдоподобной. Было весьма досадно понимать, что во всём виноват его собственный длинный язык. Чего ему стоило сдержаться! Нет, видите ли, его задело, что Михар говорить о Магрэнь как о своей супруге!

Сдержав эту расплывающуюся в нём досаду, он уточнил:

— И каков твой план?

Она, не забывая подглядывать в окошко, пояснила:

— Вывезу тебя за черту города, выдам деньги и дам пинка до Кармидера.

Он хмыкнул. План не пришёлся ему по душе, но ничего альтернативного он предложить не мог, поскольку опасался навлечь опасность на дом Райтэна.

Тот, впрочем, теперь наверняка переполошится, если он не вернётся домой вовремя...

— Тэн... — начал было Дерек.

— Я ему сообщу, — перебила Магрэнь, привычно отловив ход его мыслей.

Некоторое время они ехали молча.

Магрэнь поздравила себя с успешной реализацией этой части плана: Дерек был впечатлён, вывезен и замотивирован держаться от столицы вообще и от Михара в частности подальше. Впрочем, за эту часть она и не переживала; вот как убедить Михара отказаться от преследований и мести...

Дерек уныло размышлял о том, что придётся, видимо, нанимать телохранителей. А лучше и вообще окопаться в университете и не вылезать из него. Глядишь, Михар о нём и забудет. Грэхард же вон забыл, а тот-то куда как более мстителен и вспыльчив был.

Они уже с полчаса как выехали за границу города, и Магрэнь, наконец, убедилась, что «хвост» отстал и, вероятно, возвращается теперь назад для доклада.

Дёрнув за шнурок, она велела остановиться.

— Я поеду дальше, чтобы он потерял след и преследовал меня, — объяснила она нюансы своего плана, — а ты ступай подальше от тракта, там к югу есть другая дорога, — кивнула она головой в нужном направлении и передала ему деньги.

— У тебя будут из-за этого неприятности, — мрачно отметил он, недовольный таким вариантом плана.

— Дерри, — она ослепительно улыбнулась, — ну уж свои проблемы с собственным женихом я точно в состоянии решить!

Он выразительно вскинул брови: мол, ну да, ну да, расскажи мне тут!

Она, изящно выпрямившись, изобразила собой королеву.

Он взвёл глаза к потолку.

Она вздохнула.

— Как знаешь, — наконец, сухо согласился он, открывая дверцу и выходя.

Её накрыло острое в своей мучительности осознание: это последняя их встреча наедине, а может, и вообще — последняя встреча. Даже если они и пересекутся однажды в Кармидере на бальном сезоне — у них уже не будет возможности говорить так, как сейчас.

Она теряла его сейчас и навсегда: живого, настоящего, тёплого...

— Дер! — она высунулась за ним следом, и в голосе её слышалась боль.

Он обернулся и встретил её серьёзный и глубокий взгляд.

Ей нужно было так много сказать ему — так много того, что она никогда ему не говорила! Никогда не говорила, хотя было столько возможностей...

— Я хотела сказать... — она замялась, на миг опустила глаза, потом подняла их снова: — С тобой я была лучшей версией себя, — попыталась она выразить то, что теперь разрывало ей сердце на части.

Она никогда, ни с одним мужчиной в своей жизни не была такой, какой была с ним. Всем она демонстрировала тот яркий, сильный образ, который сама и придумала; а Дерек один смотрел сквозь этот образ и видел её настоящую — и отказывался иметь дело не с ней-настоящей.

Именно в отношениях с ним она впервые осмелилась быть собой.

Именно благодаря ему она поняла, что её можно любить — такой, какая она есть, а не такой, какую она придумала.

На губах его заиграла тёплая понимающая улыбка; плечи его расслабленно опустились.

— Рэнь, — проникновенно ответил он, — тебе не нужен я, чтобы быть лучшей версией себя. Ты уже и есть лучшая версия себя, — убеждённо утвердил он.

Она дрогнула; спустила ноги и спрыгнула на землю.

— Нет, я хочу сказать... — она закусила губу, пытаясь подобрать слова. — Ты совершенно необыкновенный человек, Дерек! — высказала она. — В тебе так много света и искренности, что рядом с тобой все светлеют и становятся настоящими...

Он опёрся плечом на колесо кареты и с сентиментальной усмешкой подавил чуть не вырвавшееся из него: «Поехали со мной?»

Призрак Эсны встал перед его внутренним взором в полный рост; настолько живой, полнокровный и яркий призрак, как будто он говорил с нею только вчера.

— Почему женщинам так нравятся драматичные прощания? — риторически спросил он.

Она вздрогнула и подняла на него вопросительный взгляд; по тому отчаянному выражению, с каким он смотрел теперь, она догадалась, что он вспоминает какую-то другую женщину. Ей сделалось больно — за него.

Ей сделалось за него настолько больно, что она, кажется, согласилась бы бежать теперь с ним, если бы он всё-таки предложил, — но он не предложил, потому что в сложившихся обстоятельствах это было бы безумием. Он не был морально готов на убийство — а как ещё остановить в такой ситуации Михара от мести, не знал.

Умом Магрэнь тоже всё это понимала; более того, её план по спасению Дерека предполагал, что теперь ей нужно взять удар на себя и выбить из Михара отказ от кровожадных планов. Ей нужно было охладить и успокоить Михара, а не подстегнуть его гнев своим побегом.

Смятение её, однако, ясно отражалось на её лице.

Ей показалось в этот момент, что, если теперь она потеряет Дерека — она потеряет саму себя.

Он догадался, что она хочет сказать, ещё до того, как она начала говорить, — потому что он уже видел однажды точно такое же выражение на другом дорогом ему лице.

— Я... — начала было произносить Магрэнь, но он сухо перебил:

— Не любишь меня, Рэнь. — Она осеклась под его взглядом, полном спокойного

сожаления. — Тебе просто ужасно не хватает тепла.

С этими словами он сделал шаг к ней и обнял её крепко и уверенно. Высказанная им мысль потрясла её, и она вжалась в него всем телом — в поисках того самого тепла.

Он дышал спокойно и размеренно, и она сама успокаивалась рядом с ним.

— Но ты просто не понимаешь пока, сколько тепла скрыто в тебе самой, — спустя минуту продолжил развивать свою идею он, а затем отстранился и сделал шаг от неё.

— Тебе не нужен я, — повторил он уверенно, — ты уже — лучшая версия себя, и всё так необходимое тебе тепло имеется внутри тебя самой.

Он говорил тоном, которого она никогда не слышала у него раньше; что-то в его мимике, в его взгляде, в его осанке изменилось неувлимо — как будто она не видела его несколько лет, как будто он успел стать другим человеком. Это не был тот Дерек, к которому она привыкла, которого она целовала, с которым они вместе шутили и флиртовали, предавались любовным утехам и дразнили друг друга. Это был Дерек, которого она совсем не знала, и чьи простые и уверенные слова давали ей опору, смысл и покой.

Вдруг в глазах его зажглись озорные искорки; он улыбнулся весело и легко, и старым шутливым тоном сказал:

— И, клянусь честью, Рэнь, у Арэнсэна нет против тебя ни единого шанса. Ты ещё увидишь его однажды у своих ног, изнывающим от любви, — весело предрёк он, снова шагнул к ней, порывисто обнял, оставил беглый поцелуй на её виске и, ещё разок поймав на прощанье её взгляд и улыбнувшись, развернулся и лёгкой пружинистой походкой отправился в южном направлении.

Она так и не смогла ничего сказать, и некоторое время ещё смотрела ему вослед, а после вернулась в карету, вжалась в угол сидения и прикрыла глаза.

Ею овладело чувство, что, возможно, только что она совершила самую страшную ошибку в своей жизни.

3. Что привлекает Магрэнь и Михара друг в друге?

Она ехала так ещё с полчаса, потом снаружи раздались голоса, шум. Карета остановилась. В окошко постучали со словами:

— Госпожа Ринар, простите за беспокойство...

Она узнала одного из наёмников Михара и открыла дверцу.

— Господин Прегар? — холодно обозначила она своё недовольство.

Взгляд означенного господина метнулся в недра кареты; не обнаружив там искомого объекта, зашарил по тёмным углам. Магрэнь едва не рассмеялась: наёмнику явно хотелось забраться внутрь и посмотреть под сидениями.

— Прошу прощения, госпожа, — сдержал свой порыв наёмник и объяснил цель своего явления: — Господин просил вас незамедлительно вернуться в столицу.

Магрэнь выверенным жестом приподняла брови. Она была сильно не уверена, что слово «просил» адекватно выражает михаровский посыл.

— Какая жалость! — с оттенком язвительности ответила она. — Увы, передайте вашему господину, что...

Договорить она не успела.

— Зачем же передавать, если можно сказать прямо? — отодвинув наёмника, Михар смерил её холодным и безразличным взглядом, забрался в её карету и велел разворачивать. Под сидения он, к огорчению хозяйки кареты, заглядывать не стал.

Магрэнь скривилась: она не ожидала, что он поедет за ней самолично, и у неё не было заготовок на такой случай. По её прикидкам, её ожидала стычка с его людьми, в ходе которой она либо отстоит своё право ехать дальше (и прочно займёт всё его ближайшее время таким демаршем), либо вынудит их применить силу (и тогда явится к нему обиженной стороной, требующей объяснений).

Было неприятно понимать, что Михар, очевидно, просчитал эти варианты и предпочёл приехать сам, чтобы лишить её возможности повести игру по одному из этих сценариев.

Ещё неприятнее было понимать, что он тут, видите ли, раскомандовался в её карете, отдаёт распоряжения её кучеру — и вообще, решает, куда и когда ей ехать!

Приняв достойную позу и изобразив надменное лицо, она всё же вырулила на сценарий обиженной стороны, пусть и не с таких выгодных позиций, как предполагала сперва.

— Я требую объяснений, Аренсэн, — холодно уведомила она.

Он достал из кармана сигару, повертел её в пальцах и столь же холодно парировал:

— Я тоже.

Она чуть прищурилась, не желая сдаваться.

— Я не потерплю претензий на контроль над моими передвижениями, — продолжала гнуть свою линию Магрэнь.

Пожав плечами, Михар в том же тоне ответил:

— А я не потерплю, чтобы вы разъезжали с вашими любовниками, когда и как вам вздумается.

Крыть было нечем, поэтому она перешла в атаку:

— Мне не пришлось бы никуда ехать с моим бывшим, — подчеркнула она голосом, — любовником, если бы вы не надумали его убить.

Он приподнял брови в вежливом недоумении, затем бесстрастно возразил:

— Вы не додумывали бы такой несусветный бред, Магрэнь, если бы не брались подслушивать разговоры, не предназначенные для ваших ушей.

Она вошла в раж.

— Мне не пришлось бы подслушивать не предназначенные для моих ушей разговоры, Арни, если бы вы изволили снабжать меня полной информацией по мере её возникновения, — с большим ядом в голосе уколола она.

Он щёлкнул по сигаре пальцем и задумчиво отметил:

— Информация о моих взаимоотношениях с господином Анодаром не относится к вам вообще никаким образом, Магрэнь.

Она не позволила ему перенести акценты и возразила:

— Меня не касаются ваши отношения, но меня, определённо, касаются ситуации, в которых жизнь или здоровье моего друга подвергаются угрозе.

Он сморщился и брезгливо отметил:

— До чего же это пошло, Магрэнь, прикрывать словом «дружба» ваш явно недружеский интерес.

У неё, конечно, было, что ответить, но он не дал ей такой возможности. Дёрнув шнур, он велел остановиться, потом приказал в окно:

— Трэн, огня!

Она взвилась от возмущения. Курить в её прекрасной карете?!

— Я решительно запрещаю вам здесь дымить! — твёрдо обозначила она свою позицию, с трудом сдерживая гнев.

Он смерил её безразличным взглядом и холодно отметил:

— Не тешьте себя иллюзиями, Магрэнь. Вы ничего не можете мне запретить.

Ей было трудно сделать вдох — грудь сдавило негодованием, бешенством и обидой, — но она всё же взяла себя в руки. Смерив его презрительным взглядом, она резюмировала:

— Что ж, прекрасно.

После чего открыла дверцу и, не дожидаясь подножки, спрыгнула на землю и, обогнув всадников из его сопровождения, отправилась вперёд по тракту.

— Магрэнь, — он высунулся за ней вслед, — тут пешком два часа.

Она не ответила и не обернулась. Обида и возмущение всё ещё клокотали в её душе.

— У вас каблучки! — напомнил он, однако она проигнорировала и этот аргумент.

Пару минут она так и шла вперёд, внутри себя прикидывая, что туфли всё же придётся снять, потому что на её роскошных очаровательных каблучках она едва ли сможет одолеть и четверть пути.

Затем её нагнала её же карета; остановилась, чуть обогнав её. Из кареты выскочил давешний наёмник, с которым она уже говорила. Поклонившись, он придержал открытую дверь:

— Прошу вас, госпожа.

Магрэнь обернулась назад.

Михар сидел верхом среди своих сопровождающих — тоже сплошь конных — и угрюмо курил, демонстративно не глядя в её сторону.

Независимо фыркнув, она забралась обратно в карету и придирчиво повела носом, но не уловила и тени табачного запаха.

«Ладно, будем считать, что этот раунд за мной!» — решительно подумала она, хотя подсознание и пыталось подсказать ей ту мысль, что пешком она вряд ли смогла бы

вернуться, не угодив в какие-нибудь опасные неприятности, поэтому раунд она выиграла только по той причине, что Михар ей его уступил.

Всю обратную дорогу до столицы она определялась со стратегией. Положение у неё было в высшей степени проигрышное: подслушивала, нарушила планы, встала на защиту врага (наличие в прошлом любовной связи с Дерекком только оттягало ситуацию), повела себя импульсивно... По факту, у Магрэнь не было ни единого козыря, которым она могла бы выправить ситуацию в свою пользу. У неё был всего один настоящий, имеющий силу аргумент: что Дерек был её другом, и что Михар не должен был замышлять дурное против друзей своей невесты. Но даже этот аргумент был скомпрометирован уже обозначенным Михаром обстоятельством: «дружба» с бывшим любовником всегда выглядит предосудительно.

Магрэнь, конечно, постаралась нанизать на этот аргумент десяток притянутых за уши, от «вы за мной следите!» до «почему вы постоянно от меня всё скрываете?» — но всё это едва ли могло ей помочь в противостоянии с таким умелым противником, как Михар.

Что оставалось? Притягивать за уши политику. Занять позицию той самой идеальной партнёрши, которую он ей и предлагал, и объяснить свои действия заботой о его репутации. «Ах, Арни, вы напрасно поддались эмоциям! — порепетировала она внутри себя. — Тогнары этого бы так не оставили!»

«Да, пожалуй, это может меня спасти», — кивнула она, почувствовав, наконец, некоторую уверенность в себе и своих силах.

В гостиную в его доме она входила уже вполне успокоившись, с гордо поднятой головой, готовая отстаивать свою позицию.

Однако Михар не был склонен вступать в переговоры и дискуссии. Поступок Магрэнь совершенно вывел его из себя, поскольку ярко свидетельствовал о том, что в конфликте между ним и Дерекком она предпочтёт Дерекка. С бешенством и горечью он признал внутри себя, что план с этим браком полностью провалился, и что Магрэнь оказалась совсем не так умна, как он себе вообразил.

Смерив её ледяным пронзительным взглядом, он чётко обозначил свою позицию:

— Ваши метания совершенно неприемлемы, Магрэнь. Я разочарован, — она хотела было пылко вклинуться в его монолог, но он оборвал её резким жестом. — Разорвать помолвку без репутационных потерь теперь было бы проблематично, поэтому мы всё же поженимся в свой срок. Однако, — невозмутимо заключил он, — вскоре после свадьбы ваше здоровье ухудшится, и я отправлю вас на юг, в Филопье, где вы и останетесь.

Ненадолго онемев от возмущения, Магрэнь, однако, взяла себя в руки и выдала на эти фантазии свой раздражённый ответ:

— С чего вы взяли, Аренсэн, что я с вами соглашусь?

Он пожал плечами и бесцветным голосом обозначил:

— О, вы согласитесь со мной, Магрэнь. Иначе нам придётся столкнуться с тем фактом, что сегодня вас похитили и увезли за город разбойники, а я, как ни старался, не смог прийти вам на помощь вовремя, и лишь спустя три дня обнаружил ваш пребывающий в весьма плохом состоянии труп.

Магрэнь шокировано застыла, глядя на него как на полного идиота.

— Я, конечно, буду безутешен, — заверил он, хотя голос его скорее приближался к эталону безразличия, нежели к сожалениям.

Магрэнь подавила вопрос про «вы там не обкурились, часом?»

Нет, она, конечно, знала, что Михар — человек жёсткий и даже в какой-то мере жестокий, особенно в вопросах поддержания порядка. Но всё же в рамках светского общения он обычно вёл себя цивилизованно. Не говоря уж о том, что он, при своём уме, прекрасно умел просчитывать последствия своих решений.

Радикальный ход с нападением на Дерека уже не вписывался в то, что она о нём знала, — слишком много неоправданных рисков. Если уж Дерек настолько его взбесил, для него было бы логичнее расправиться с ним позже и исподтишка, а не сразу после ссоры и буквально на пороге своих политических противников.

Прямые угрозы, которыми он потчевал теперь её, тоже не вписывались в её ожидания. Потратить столько усилий на то, чтобы сформировать ей правильную репутацию в свете, — а потом выкинуть всё это псу под хвост, то ли сослав её, то ли убив?

«Нет, тут что-то нечисто!» — прищурилась Магрэнь, пытаясь уловить мысль за хвост.

Михар вёл себя... не так, как обычно. Не расчётливо, а импульсивно.

«Что же должно было настолько его разгневать?» — задалась вопросом она, и тут в её памяти всплыл тот факт, что и Дерек не стал отвечать ей на этот вопрос, хотя явно сам для себя понял ответ и оценил его как логичный.

«Для него очевидно, что у Арэнсэна и впрямь была причина его убить, — нахмурилась Магрэнь. — Но мне он эту причину называть не стал».

Хотя существовало множество возможностей объяснить такую странность, Магрэнь не стала множить сущности и предположила, что конфликт был связан непосредственно с ней.

Такое открытие сперва привело её в недоумение, но потом она признала, что да, это, в самом деле, всё объясняет. Михар был человеком властным и не терпел посягательств на его авторитет; должно быть, Дерек в своей типичной идиотской манере ляпнул что-то про их отношения, что могло Михара взбесить. Она же, кинувшись спасти Дерека, только подлила масла в огонь, вот теперь и имеет последствия с совершенно непредсказуемым в своём гневе Михаром.

Ею опять овладела досада: и на Дерека, который совершенно не контролирует свой язык, а отдуваться теперь ей, и на Михара, который психует на ровном месте и начинает строить из себе жёсткого тирана, чтобы только подтвердить свой авторитет.

Однако из ситуации нужно было как-то выкручиваться — и желательно до того, как она пойдёт по сценарию с разбойничьим похищением.

Магрэнь, вздёрнув подбородок, сделала пару шагов к Михару.

Всё это время он разглядывал её мрачно и безразлично, ожидая неизбежной капитуляции, но не мешая ей лихорадочно искать лазейки и выходы — видимо, чтобы она полнее и лучше могла проникнуться безнадёжностью своего положения.

Прищурившись, Магрэнь поймала его взгляд — весьма неприятный рыбий взгляд человека, который смотрит на вас, как на пустое место.

Чуть улыбнувшись, она пошла в атаку.

— Как вы думаете, Арэнсэн, — обманчиво мягким тоном проговорила она, — почему я согласилась выйти за вас замуж?

Он чуть заметно приподнял брови, предлагая развить мысль; взгляд его потерял рыбью слепоту и стал острым.

— О, нет, — с лёгким смешком покачала она головой. — Мне бы хотелось услышать вашу версию.

— Чтобы вам было проще её опровергнуть? — насмешливо отказался отвечать он, понимая, что она пытается подготовить какую-то словесную ловушку, чтобы проманипулировать им.

Недовольно дёрнув плечом, она прошла мимо него, села в кресло и снова спокойно поймала его взгляд.

— Меня никогда не интересовали ваши деньги, Аренсэн, — мягко и медленно принялась говорить она. — Да, вы значительно богаче меня, но мне вполне хватало и моих — я никогда не отказывала себе ни в чём, чего бы мне хотелось.

Он чуть скривил уголок рта, что долженствовало обозначить невозможность опровергнуть её аргумент.

— Положение в обществе... — она задумчиво облокотилась подбородком на ладонь, зная, что теперь её взгляд на него снизу вверх приобрёл особое очарование. — Аренсэн, вы ведь понимаете, что вы не единственный холостой политик из высшего эшелона власти? — он снова скривил губы в знак согласия, и она продолжила развивать свою мысль: — Если бы мне действительно хотелось занять столь высокое место — я могла начать действовать и пять, и десять лет назад, когда моя тогдашняя молодость дала бы мне несколько очков преимущества. В самом деле! — она легко рассмеялась, выпрямилась и бросила на него весёлый взгляд. — Аренсэн, если бы меня манил этот путь, я бы не стала вести столь вольный образ жизни, вы же понимаете?

— Допустим, — холодно согласился он, складывая руки на груди и придавливая её мрачным взглядом. Он чувствовал, что она готовит атаку на его позиции, но у него не получалось предугадать, в каком именно направлении она намерена атаковать, поэтому он изрядно раздражался.

— Есть у вас ещё какие-то версии? — лёгким тоном уточнила она.

Не размыкая сложенных на груди рук, он сделал нетерпеливое движение пальцами: мол, нет, никаких других версий.

Она элегантно встала и подошла к нему.

— Я согласилась выйти за вас замуж, — глядя ему в глаза, спокойно объяснила она, — потому что вы чрезвычайно умны, Арни. И мне показалась заманчивой идея строить брак со столь умным человеком в качестве партнёра.

Слова её его удивили, но он уже был готов окоротить её насмешливой и язвительной репликой, однако не успел.

В дверях гостиной поклонился слуга, подавая визитку:

— Господин, к вам господин Райтэн Тогнар пожаловали.

Магрэнь и Михар обменялись взглядами: оба не успели проконтролировать выражение этих взглядов, поэтому оба отчётливо различили в глазах друг друга глубокое удивление.

— Проводите в кабинет!.. — отрывисто велел Михар, выходя.

Уже в дверях он обернулся и посмотрел на Магрэнь недовольно и сурово. Она демонстративно возвела глаза к потолку и села в кресло, сложив руки на коленях самым примерным жестом: мол, так и быть, я вас подожду.

Скривив губы и пробормотав что-то ругательное, Михар вышел.

4. От чего прятался Дерек?

Расставшись с Магрэнь, Дерек двинулся к югу по ручью — она специально высадила его здесь, чтобы ему было проще держать направление и чтобы он не сбился с пути в буреломах. Ручей, так или иначе, вёл к морю, а значит, и южную приморскую дорогу он не минует.

Все мысли, чувства, переживания Дерека, до последнего нерва, до последнего импульса, были заняты Эсной. Взгляд Магрэнь так напомнил ему сегодня её, что он с головой рухнул туда — в свой последний день в Ньоне.

Он обычно запрещал себе думать об Эсне; если мысли его и обращались к ней, он заставлял себя выкинуть их из головы и переключиться на что-то иное. Было слишком больно осознавать, что он потерял её, что он никогда больше её не увидит. Легче было притвориться, что её никогда и не существовало.

Но теперь у него это не получалось. Казалось, даже ветер в ветвях высвистывал: «Эс-на, Эс-на», даже солнечные лучи, скользящие по его лицу, были лёгкими касаниями её пальцев, даже воздух пах ею.

Прижмуриваясь от солнца, он растворялся в этом ощущении её близости, он позволял себе наслаждаться иллюзией её присутствия, он всем сердцем растворялся в любви к ней.

Снова и снова он перебирал в голове каждую встречу с ней, вспоминал её интонации, улыбки, взгляды, прикосновения, золото её волос, серебро её смеха. Эти воспоминания были самыми ценными его сокровищами, и он прикасался к ним мыслями осторожно и благоговейно, как к святыне.

Эсна была в его жизни явлением совершенно особенным, примерно тем же, чем он сам стал для Магрэнь. Эсна была первой, кто увидел его-настоящего и полюбил его-настоящего — и весь нынешний живой Дерек и вырос из того, ею увиденного, понятого и принятого.

Он, должно быть, подсознательно воспринимал связь с Магрэнь как измену Эсне; он ни разу не позволил себе осознать и обдумать эту мысль, но теперь, простившись с Магрэнь, он словно освободил внутри своей души то место, которое она занимала в ней, — и теперь туда светом ринулось чувство к Эсне, подавляемое, запертое, почти забытое, но ни капли не ослабевшее за все эти годы.

Он упивался этим светлым чувством, напивался им изнутри, растворялся в нём всем своим сердцем.

Ему было легко и сладко; но постепенно этот восторг вырвавшегося наружу чувства покидал его, и его место занимала тревога.

Дерек пытался отогнать от себя эту тревогу и сосредоточиться на тёплых воспоминаниях о том, как они с Эсной сидели вместе в библиотеке ньонской Цитадели и исследовали исторические хроники; но мысли его так и стремились перескочить вперёд, к последней их встрече.

Он не хотел вспоминать тот вечер, слишком мучительно это было; но прощание с Магрэнь слишком сильно напомнило ему тот далёкий, последний их с Эсной разговор, и он невольно снова и снова припоминал — её полные тревоги глаза, её тёплые нежные губы на его губах, её тихое «Я люблю тебя»...

Её «Я люблю тебя», которое она сказала точь-в-точь с таким выражением, которое он только что видел на лице Магрэнь, и про которое он только что сказал, что она не любит его, а просто ищет тепла.

Дерек встал и потряс головой.

«Глупости, что за глупости лезут мне в голову!» — недовольно подумал он, ускоряя шаг.

Однако сердце его сжалось от горечи мучительно и болезненно. Он уже знал, что понял всё правильно, — но не желал признавать этого прямо.

Эсна не любила его — точно так же, как Магрэнь, она изнывала без тепла и потянулась к первому же человеку, который ей это тепло дал.

Он снова встал как вкопанный, тупо разглядывая ствол массивного дерева. Взгляд его упёрся в трещину на коре, разглядывая в малейших делателях пушок мха, влажную глубину расщепа, бороздки древесных извилин.

«Ей просто не хватало тепла», — глухо и глупо билась в его голове эта мысль.

Ей просто не хватало тепла — и это всё объясняло.

Сердце Дерек забилося так гулко, словно вмиг сделалось пустым и полым, и эта пустота эхом разносила звон по всей грудной клетке.

Он медленно побрёл вперёд, впрочем, совсем не замечая, куда ступает, словно путеводная звезда, всегда освещающая его путь, в этот миг погасла — навсегда.

Он верил в любовь Эсны, как верил в Бога. Он верил, что любовь эта оберегает его, что он чувствует её прикосновение, несмотря на разделяющие их расстояние и годы. Эсна никогда не была для него прошлым — она всегда оставалась здесь и сейчас.

...но ей — просто не хватало тепла.

Откуда ей было его взять там, в Ньоне? Не у грозного же адмирала Кьерина, её отца! И тем паче не у грозного ньонского повелителя, её мужа!

Грэхард и тепло — это вообще в голове не укладывается! Грэхард был сталью, камнем, тьмою и льдом — никак не теплом! Дерек знал это лучше любых других, потому что именно он согревал этот лёд своим весельем, развеивал эту тьму своим светлым взглядом, размягчал этот камень своими шутками и прятал эту сталь в ножны своих уговоров.

Дерек и был грэхардовским теплом, которое по причудливой прихоти судьбы имело своё тело и звалось отдельным человеком. И Грэхард, привычно оперируя Дерекком как частью собственной души, направил это тепло на жену.

Это Грэхард велел Дереку заботиться об Эсне, устраивать её досуг, вести её расследование, развлекать её и следить за тем, чтобы она всем была довольна, чтобы ей всего хватало. Грэхард не умел заботиться сам, да и государственные дела не давали ему столько времени, сколько было бы необходимо. И Грэхард вместо себя послал Дерекка: заботиться и оберегать ту, кто была ему дороже всего на этой земле.

А что сделал Дерек?

Пнув ногой подвернувшийся корень, он выругался.

Он не только сам влюбился в Эсну — он позволил и ей привязаться к нему. Ему так нравилось ловить на себе её восхищённый взгляд, что он из кожи вон лез, чтобы вызывать её восхищение снова и снова. Она так расцветала, так сияла от каждого его комплимента, от каждого его жеста заботы, что ему только и хотелось, что заваливать её и комплиментами, и заботой — чтобы она сияла ярче и ярче.

Он не думал о Грэхарде и его чувствах; он совсем не думал. Он жадно и неудержимо отдавал Эсне всё тепло, какое у него было, — потому что Грэхарду никогда не нужно было столько, и оно копилось в нём годами, никому не нужное, даже самому Дерекку не нужное, пока не пришла в его жизнь Эсна.

Он отдал ей всё своё тепло и всего себя, не думая о том, что она — жена его друга. Что он обольщает её, уводит у Грэхарда, отнимает её у него — а он ведь чуть не отнял её и на самом деле, предложив бежать вместе!

Дерек замер и привалился к ближайшему дереву, чувствуя дрожь в ногах.

Он никогда не возвращался мыслями к тому роковому вечеру перед своим побегом, поэтому из сознания его как-то совершенно выветрилось это обстоятельство. Он... просто забыл, что...

Он предложил Эсне бежать с ним вместе.

Эсне, которая была в первую очередь женой его друга.

Любимой и драгоценной женой — ведь кто как не Дерек знал, как долго и безуспешно Грэхард пытался выкинуть её из головы, но не преуспел в этом. Как тяжело было ему, суровому и сильному повелителю, решиться и пойти на поводу своих чувств, задвинуть подальше соображения о гордости и чести, поставить себя в уязвимое положение...

«Он доверил её мне, — горько подумал Дерек, — а я и сам влюбился, и её чуть не соблазнил».

Особенно остро и мучительно его кололо понимание того факта, что Грэхард ни на миг не усомнился в нём, когда поручал ему заботу об Эсне. Грэхарду, этому бешеному ревнивцу и собственнику, не закралась даже тень подозрения в адрес Дерека — потому что он доверял ему всецело и не допускал мысли о том, что он может предать.

Опустившись на землю, Дерек обнял себя за колени и сжался в комочек. Ему было невыносимо, бесконечно больно понимать, что он обманул доверие Грэхарда. Что он — предал — друга.

Никогда раньше он не думал об этом, потому что запрещал себе мысли о том периоде своей жизни и не хотел думать о нём, вспоминать о нём, осознавать, что это и вправду было его частью. Он всё, всё запер в тот дальний чулан подсознания — и оно лишь угнетало его изнутри, но не доходило до разума. Он не давал оценку своим прежним поступкам: он просто радовался, что сбежал, и боялся, что его найдут.

Теперь же, когда дверь в этот чулан оказалась открыта, и оттуда мощным потоком хлынули воспоминания, он в ужасе смотрел на то, каким был десять лет назад, и не мог поверить, что это был действительно он.

«Неужели я впрямь был настолько глуп?» — поражённо размышлял он, припоминая, что ему, в самом деле, даже не забредала в голову мысль, что сближение с Эсной может закончиться бедой.

«И я в самом деле был настолько подл?» — с содроганием думал он, снова и снова вспоминая, как предложил Эсне побег, как уговаривал её, как пытался убедить её ехать с ним. Её — жену друга! Друга, который доверял ему как себе!

Ему было омерзительно и гадко понимать, что тот тридцатилетний Дерек — это он сам и есть, и что его поступки — это его собственные поступки, а его решения — это его собственные решения.

«Совершенно невыносимо!..» — не в силах принять, что он не таков, как думал о себе, воскликнул про себя он, резко встал и двинулся в дальнейший путь, пытаясь за быстрой ходьбой отбросить все эти неприятные мысли.

Но мысли отбрасываться не желали, они упорно лезли ему в голову, снова и снова. Он видел теперь свои поступки совсем под другим углом, и расценивал их как поступки

трусливого глупого человека, который не желает брать ответственность за свою жизнь в свои руки.

В своём самоуничижении Дерек, как обычно, не знал удержу. Его несло, несло неудержимо, он не мог теперь остановиться в этом самоосуждении. Не прошло и пяти минут, как он додумался до вывода: «И как это Грэхард только терпел меня!..» — и на этом выводе замер, потрясённый.

Грэхард доверил ему своё самое ценное сокровище — Эсну. Доверил как другу, как брату, зная, что Дерек никогда не предаст и не подведёт.

А Дерек — подвёл. Он полюбил Эсну — и, хуже того, поощрил её привязаться к нему больше, чем она была привязана к мужу. Он прекрасно помнил истерику Эсны на тему: «Всем со мной занимаешься ты, а Грэхард со мной только спит!» — и знал, что она прямо высказала и мужу этот упрёк. Но Грэхард ни разу не сказал ему и слова по поводу той истерики — по умолчанию полагая, что Дерек не может быть ни в чём виновным.

Потому что... это же Дерек — самый близкий, самый родной, самый дорогой человек.

...Грэхард не мог не видеть, не мог не понимать, как растёт эта непрошенная связь и симпатия. Но он не сомневался в Дереке — до самого конца не сомневался.

И только когда Эсна отвергла его окончательно, когда она заявила, что всеми правдами и неправдами добьётся развода, — только тогда придавленного этим горем Грэхарда прорвало. Когда он понял, что она не просто уйдёт от него — она уйдёт к Дереку.

Потому что она предпочла его.

Он, Грэхард, так любил её, — но она предпочла другого.

«Он не раба ударил, — медленно и холодно подумал Дерек. — Он ударил соперника. Соперника в любви. Друга, который обольстил его жену».

Он сам не заметил, что стоит как вкопанный, глядя в одну точку.

«Он друга ударил», — билось в его голове снова и снова, отзываясь пронзительным звоном в ушах.

«Друга», — заткнул он уши руками, не в силах выносить этот звон.

«Друга», — зажмурился он, но и в этой темноте перед ним продолжали сиять полные боли и разочарования глаза Грэхарда.

«Друга, друга, друга...» — выстукивало его сердце, вбивая этим словом гвозди в его раскалывающуюся болью голову.

Осознание истины оказалось кошмарно нестерпимым.

До этого Дерек видел эту ситуацию лишь с одной стороны: хозяин призвал к ответу зарвавшегося раба и напомнил ему его место. Из этого толкования росла его чёрная, жгучая обида, приправленная разочарованием и горечью, обида, которую он не позволял себе испытывать — потому что не по чину рабу обижаться на хозяина — но которая, не спрашивая этого позволения, точила изнутри его сердце.

«Он не раба, он друга, друга ударил», — продолжало набатом стучать в голове Дерек и, не выдержав этого стука, он сел на землю и обхватил голову руками, не чувствуя, как из глаз полились слёзы сожаления и боли.

Все эти годы он боялся, обижался, ненавидел, негодовал, страдал, — чувствуя себя сбежавшим от господина рабом. Страх перед Грэхардом, который однажды непременно нагонит, найдёт, накажет, отравлял всю его жизнь.

«С чего я вообще взял, что он видел во мне раба?» — с ужасом и горечью спросил у

самого себя Дерек.

Грэхард был деспотичен и властен, это так; но он был таким не только с Дерекком — он был таким абсолютно со всеми. С высокими князьями собственной страны, со священниками своей религии, с представителями королевских семей иных стран, с родной матерью, с любимой женой... со всеми, решительно со всеми, ни для кого не делая исключения...

Тут мысль Дерекка запнулась.

Он задохнулся, не в силах справиться с пониманием.

Грэхард делал единственное исключение только для одного человека: для него самого.

Это он, Дерек, мог возражать, критиковать, негодовать, уговаривать, переубеждать, обзывать идиотом, отказываться выполнять приказы, саботировать распоряжения, делать всё по-своему... Он мог всё то, за что любого другого Грэхард бы попросту казнил.

Грэхард никогда не позволил бы ничего подобного не то что рабу — самому знатному из князей Ньюна. Дерек сам не раз видел, как Грэхард одним взглядом затыкает тех, кто осмелится хоть слово ему поперёк возразить.

Крупная мучительная дрожь сотрясла всё тело Дерекка. Он впервые смотрел в глаза этой правде, и она оказалась выше того, что он мог вынести.

«Я сам всё это придумал», — с глубокой горечью заключил он, утыкаясь мокрым от пота лбом в колени.

Ему хотелось оправдать своё предательство — и он сам всё придумал.

Ему хотелось оправдать свой побег, свои чувства к Эсне, своё предложение ей — и он нашёл способ это оправдание придумать.

Он придумал Грэхарда — мрачного и жестокого хозяина, который видит в нём, Дерекке, только раба, у которого нет чувств, которому чужда привязанность. Этот кошмарный злобный Грэхард, конечно, не стоил такой жены, как Эсна; более того, он мог только разрушить и уничтожить её, поэтому Эсну следовало от него спасти. Этот деспотичный суровый Грэхард не питал к Дерекку никаких чувств, видел в нём лишь свою вещь, требовал от него лишь покорности, и от этого чудовища должно было сбежать.

Но — он — сам — всё придумал.

Чтобы оправдать себя.

И потратил десять лет своей жизни на страх перед собственной выдумкой.

Сотрясаясь рыданиями, Дерек обхватил свои колени руками, пытаясь съежиться, сжаться, спрятаться от чувств, которые захватили его теперь с головой. Несмотря на тёплую летнюю погоду, его бил озноб. Отвращение к себе, осознание собственного предательства, собственной мелочности и эгоизма, своей трусости, стыд и осуждение, разочарование и горечь мешались в его душе бешеной бурей.

И в этой буре мучительное, острое понимание раздирало его сердце на ошмётки: понимание невозможности исправить уже совершённое.

«Если бы я знал, если бы я только знал...» — дрожа, повторял сам себе Дерек, толком не понимая, что именно он должен был знать.

Что чувства Эсны к нему были ненастоящими? Что ей просто не хватало тепла? Что она не любила его — никогда, никогда не любила, а только искала понимания и сочувствия?

Воображение его рвануло сквозь года и расстояния — туда, к Грэхарду. Туда, где он должен был помочь другу наладить отношения с женой. Туда, где он должен был поддержать брата в трудную для него минуту. Туда, где он должен был быть рядом, заодно, вместе.

Туда, где в реальности он выступил против, он стал врагом, он ударил в незащищённую спину, в самое больное и уязвимое место, он, в конце концов...

Дерек замер, и его мертвенная неподвижность была в разы страшнее той дрожи, которая сопровождала его судорожные рыдания.

Дерек замер, потому что он понял, что сделал с Грэхардом самое страшное из всего, что только можно было с ним сделать: он сбежал от него.

Не поговорив, не объяснившись, не оставив даже паршивой записки.

Сбежал после тяжёлой ссоры, не примирившись, не оставив ни единого шанса извиниться, искупить, выразить раскаяние.

Сбежал, оставив Грэхарда мучиться не только от боли потери, не только от осознания предательства, но и с чувством вины — глубокой, всепожирающей вины, от которой Грэхарду некуда было деться, с которой он ничего бы не смог сделать.

Он отомстил Грэхарду самым страшным из способов: погрузив его сердце в ад.

Безжалостно, без права на пересмотр, смягчение или помилование.

Он не оставил Грэхарду ни единого шанса — ни оправдаться, ни попросить прощения.

Он не оставил ни единого шанса ни Грэхарду, ни себе.

Из-за пустой фантазии, из-за мелочного эгоизма он принял решение за них обоих и разрушил их дружбу.

Дружбу, которую — как теперь он осознавал чётко и ясно — Грэхард ценил так же высоко, как и он сам.

Потому что Грэхард — его — любил.

Любил, как умел — неловкий, суровый, неспособный выражать свои чувства прямо, постоянно таящий их внутри, прячущий их за маской холодности, — но любил всем сердцем, так, как и сам Дерек любил его.

Не выдержав, Дерек отодрал лицо от насквозь промокшей от слёз и пота ткани штанов, задрал голову и закричал — бессмысленно, по-звериному, мучительно, пока не закончился воздух в лёгких, пока не засадило горло, пока, закашлявшись от невозможности сделать вдох, он не повалился на землю на бок.

Тяжело дыша, он тупо рассматривал травинку, по которой ползла какая-то букашка. Целеустремлённо она перебирала лапками, туда, наверх, к солнцу и небу; достигнув вершины травинки, она на секунду замерла, потом резко выпустила наружу крылья — и взлетела.

Он растерянно сморгнул.

Он был совершенно опустошён. Поледевшие пальцы едва ощутимо дрожали; он с трудом сумел опереться на землю и сесть.

Голова звенела болью и пустотой.

Он встал — и тут же опёрся рукой на ближайшее дерево, потому что ноги его плохо держали.

Некоторое время он стоял вот так, бессмысленным взглядом уперевшись в землю.

Затем, шаркая по траве, продолжил свой путь.

5. Чем опасны Тогнары?

Когда Дерек всё же достиг южной дороги, он свернул направо.

К столице.

У него не было сил на очередной побег — но более всего остального он был совершенно неспособен теперь остаться в одиночестве. Сердце его кровоточило чувством вины и отчаянием; ему было невыносимо больно и страшно наедине с собой, и он, как раненый зверь, хотел только заползти в свою берлогу и укрыться в ней.

Совершенно забыв о Михаре, о плане Магрэнь, о засаде, которая должна была ждать его где-то у дома, — он брёл к этому дому из последних сил.

На его счастье, эмоциональное потрясение выпило из него все соки, и он не сумел добрести до города. Тупо остановившись перед поместьем Рийаров — которое располагалось на окраине — он осознал, что скорее рухнет по дороге, чем сумеет доковылять домой.

У Рийаров его считали за своего человека и члена семьи.

Он решил переждать период слабости здесь — его радушно приняли и не стали допытывать расспросами.

Однако, сидя в одной из гостиных этого большого дома, он снова оказался предоставлен на растерзание собственной совести.

Не в силах вынести этого болезненного, раздирающего душу одиночества, он попросил лакея сходить за Райтэном и сообщить ему, что он ждёт его здесь по срочному делу.

Лакей, если и удивился, ничего переспрашивать не стал, и спустя полчаса изрядно встревоженный Райтэн влетел в рийаровскую гостиную.

Окинув друга тревожным взглядом с головы до ног и обратно и не обнаружив никаких причин для столь странных шпионских игр, он нахмурился и переспросил:

— Дер?

Уже само появление друга — сильного, уверенного, надёжного — немного прочистило Дереку мозги. Растерянно заморгав, словно просыпаясь после кошмарного сна, он осознал вдруг, что должен теперь говорить не о том вопросе, который по-настоящему его волновал и занимал все его мысли — не о его прозрениях касательно Грэхарда — а об опасности, которая исходит от Михара.

Удивительное дело! Теперь, среди всех бушевавших в его душе чувств, мысль о Михаре казалась мелкой, незначительной и глупой, а исходящая от него угроза — смешной и несущественной.

Однако Дерек понимал, что с Райтэном нужно в первую очередь поговорить именно об этой угрозе, а вовсе не о всех его потрясающих прозрениях, поэтому, чуть вздохнув, принялся пересказывать сегодняшнюю встречу с Магрэнь и полученную от неё информацию.

По мере развёртывания рассказа челюсти Райтэна сжимались всё жёстче. Лицо его приобретало гордое и злое выражение: как если бы его оскорбляла сама мысль о том, что Михар смеет что-то замышлять против Дерекы.

Выслушав рассказ до конца, Райтэн сдержанно кивнул:

— Ты правильно сделал, что приехал сюда, — резюмировал он и добавил: — Сиди пока здесь и никуда не выходи, в это поместье он точно не сунется, а я пойду соберу всех наших, посоветуемся.

Дерек облегчённо кивнул: он ожидал куда как более бурной реакции. Сдержанность друга оказалась приятным сюрпризом.

«Не я один меняюсь с годами», — сентиментально подумал Дерек, глядя вслед спокойно выходящему, а отнюдь не выбегающему с криками и угрозами Райтэну.

Впрочем, он не был бы так оптимистично настроен, если бы наблюдал не спину, а лицо. Едва отвернувшись, Райтэн скривился в оскал совершенно зверский. В прищуренных глазах его заиграло опасное пламя; нахмуренные брови разлетались крыльями хищной птицы, готовой к броску. Лицо его полыхало ненавистью и решимостью; и вместо того, чтобы идти собирать «всех наших», как он обещал Дереку, он отправился к дому Михара.

С каждым шагом сердце его билось всё громче; ярость заполняла каждую клеточку его существа. Лишь не дойдя одного поворота до дома, он остановился, принуждая себя отдышаться и овладеть лицом. Пусть не сразу, но ему удалось это.

В прихожую он вступал с видом самым что ни на есть любезным и деловым — собрав в кулак всю свою неважную способность к лицемерию. Чтобы показать себя человеком цивилизованным, который пришёл по важному вопросу, он даже откопал в жилете визитку — закинул себе парочку, когда ещё к Магрэнь собирался.

Визитка оказалась как нельзя кстати; лакей спокойно принял её, с поклоном попросил подождать и вышел.

Осторожно и медленно сжав кулаки, Райтэн заставил ледяную ярость в своей душе затаиться до поры до времени.

Наконец, получив ответ, что его готовы принять в кабинете, он сделал несколько глубоких вдохов, овладевая собой и заставляя ненависть и злобу отступить на периферию, оставляя на переднем плане холодный расчёт и острый разум.

В этом состоянии заледеневшего гнева он и вступил в кабинет.

Михар, непринуждённо устроившийся за своим столом, наблюдал за ним с любопытством и таким выражением, которое Райтэну показалось снисходительным. Его, впрочем, мало волновало, в какую игру планирует играть противник — он сам не был силён в интригах и не планировал начинать.

Не размениваясь на приветствия, Райтэн медленно подошёл к столу, встал напротив Михара, опёрся ладонями на столешницу и холодно спросил:

— Как вы думаете, почему вы до сих пор живы?

Такое вступление оказалось настолько неожиданным, что Михар на несколько секунд растерялся, подбирая оптимальную стратегию по призыванию к порядку зарвавшихся самоубийц.

Райтэн, впрочем, не дал ему времени на это, с ходу принявшись развивать свою мысль:

— Мой отец, узнав о ситуации, первым делом предложил ликвидировать вас. Мой дядюшка, — он имел в виду, разумеется, Этрэна, — тоже сразу предложил именно это решение, — в голосе его слышалось отчётливое шипение гнева. — Муж моей сестры предложил мне десяток необнаруживаемых ядов.

Справившийся с удивлением Михар хотел было прервать этот впечатляющий монолог и призвать посетителя к порядку, но вклинить в быструю чёткую речь Райтэна оказалось невозможно.

— Моя жена, — продолжил он, — предлагала попросту пристрелить вас с крыши, а её лучший друг построил уже более пятидесяти прекрасных планов по вашему устранению. Так знаете, почему вы до сих пор живы, Михар? — со злой ледяной усмешкой повторил свой

вопрос он.

Посчитав беседу с очевидным сумасшедшим тем, что было ниже его достоинства, Михар потянулся к колокольчику — вызвать слуг — но Райтэн стремительным движением этот колокольчик перехватил, наклонился к противнику и свистящим шёпотом ответил:

— Вы живы, потому что за вас просил Деркэн.

Михар хотел было позвать Орса — обычно именно он дежурил у дверей — но с досадой вспомнил, что Орса он как раз отослал в засаду. У него, конечно, были и другие боевики, но часть из них сейчас разыскивала Дерека на тракте, оставшиеся охраняли дом снаружи, и внутри была только пара человек — и те теперь стояли у гостиной, где он оставил Магрэнь. Дозваться он сумел бы разве что лакея — и совсем не факт, что тот сумел бы справиться с наглым визитёром.

В Михаре поднялась глубокая досада на самого себя — он не рассматривал Тогнара всерьёз, поэтому недооценил его. Это была грубейшая ошибка, которую, конечно, он в жизни бы не совершил, если бы не позволил эмоциям взять верх над разумом.

— Мы как-то говорили с вами о Рийарах и их прекрасных традициях, — спокойно продолжил развивать свою мысль Райтэн, который даже не подумал о том, что обычно его противник окружён внушительной охраной, и угрожать ему так прямо может дорогого стоить, — но сегодня речь идёт о Тогнарах и о том, чем мы отличаемся от старшей ветви. — Он гордо выпрямился и через губу отметил: — Тогнарам наплевать, какую цену придётся платить, если речь идёт об их близких. С тех пор, как вы перешли нам дорогу, Михар, между вами и вашей смертью стоит только Деркэн и его слово. — Он смерил противника злым взглядом: — Знаете, почему я не убью вас прямо сейчас?

Михар с неверием и негодованием отметил, что этот вопрос вызвал у него страх; он не был уверен, что справится с Райтэном в рукопашной, и не был уверен, что его люди успеют прийти ему на помощь.

Незаметно он попытался дотянуться рукой до ящика стола, в котором лежал нож. Безразличным взглядом он при этом следил за противником, чтобы убедиться, что его манёвр не разгадан.

— Деркэн расстроится, — спокойно объяснил Райтэн и добавил: — Но, если вы позволите себе ещё хоть одну интригу против него, Михар, — клянусь, я перестану волноваться о его расстройстве. К тому же, — светским тоном отметил он, — я всё же полагаю, что вы умны, и что вы понимаете, чего вам будет стоить продолжение конфликта. Сегодня, — ровно заключил Райтэн, — Тогнары вынесли вам первое и единственное предупреждение. В следующий раз вы умрёте, — будничным тоном обозначил он, резко развернулся и вышел.

Михар скрипнул зубами от ярости.

Понимание того, что ему пришлось всё это выслушивать, потому что по собственному растяпству он не обеспечил себе достойное силовое прикрытие, вызывало у него бессильный гнев и злобу.

Но ещё глубже и острее эту злобу делало понимание того факта, что он не может просто сбросить угрозы Райтэна со счетов.

Пусть Михар и относился к самому Райтэну весьма презрительно и не считал его ни за достойного противника, ни за политическую силу, — за ним стояла его семья.

И у него не было возможности уничтожить всю эту семью. А это, как верно отметил

Райтэн, означало, что кто-то из Тогнаров убьёт его — просто потому, что Тогнары не будут заботиться о том, чтобы сделать это тайно и избежать ответственности.

Михар почувствовал, как по спине потекла струйка липкого пота: он осознал, насколько близок был к смерти только что.

Такой бешеный человек, как Тогнар, и впрямь мог попросту его зарезать прямо сейчас. Даже если бы Михар не сгруппировал и выставил положенный заслон боевиков перед кабинетом. Те просто не успели бы вбежать внутрь — а сам Михар не ожидал покушения во время светского визита.

Не стоило отмахиваться и от угрозы отравления — зять Райтэна и впрямь был весьма известным химиком. А его жена, сестрица этого бешеного, была лучшей подругой Руби...

Михар снова скрипнул зубами; угрозы дочери сегодня не прозвучали, но было очевидно, что Тогнары могут расправиться и с ней.

Эта партия была ему не по зубам, и он не видел теперь никаких иных вариантов, кроме как отступить.

«Я привык к тому, что они не идут на конфликт, — с холодным спокойствием сам себе попенял Михар. — И заигрался».

Первоначальная его интрига не предполагала прямого противостояния — Райтэн должен был полюбить Руби и участвовать в деле добровольно. Переигранный вариант — заполучить в агенты Дерек — тоже казался Михару добровольным. Во всяком случае, поведение Дерек всегда ярко отражало, что ему интересно то, чем он занимается; и, к тому же, во всём этом отвратительном тогнаровском монологе так и не прозвучал ответ на главный вопрос: почему Дерек вдруг решил взбрыкнуть именно сейчас?

Встав, Михар подошёл к окну и распахнул его. Тяжёлый душный воздух не принёс прохлады и облегчения, напротив, пахнул в лицо летним зноем.

«Если он так не хотел на меня работать, кто ему мешал сразу обострить вопрос с Тогнарами?» — задумался Михар.

Он даже всерьёз порассматривал вариант, что это в Дерек сыграла ревность, и это Дерек не сумел простить Магрэнь её выбора и потому теперь не захотел продолжить свою работу.

Однако против этой версии говорил тот факт, что Дерек уже несколько месяцев постепенно отстранялся от порученных ему проектов и находил поводы ими не заниматься.

«Нет, здесь дело не в Магрэнь, — принялся досадливо постукивать пальцами по подоконнику Михар. — Хотя и это наложило». Ему на миг сделалось забавно от осознания того факта, что привязанность к Магрэнь стала тем фактором, который одинаково выбивает из колеи и Дерек, которого он почитал весьма умным человеком, и его самого, совершенно не склонного к таким эмоциональным и радикальным решениям, как принятое сегодня утром.

Задумчиво глядя на оживлённую улицу, он принялся перебирать другие причины, которые могли привести к тому, что Дерек не стал обострять конфликт сразу же, в тот день, что они обсуждали развод Руби.

Михар помнил тот разговор достаточно сносно — как и любой важный разговор — и потому легко припомнил, что Дерек в принципе не считал себя способным дать ему отпор.

«Сомневался в том, что Тогнары будут на его стороне?» — с глубоким сомнением предположил Михар.

Дерек произвёл на него впечатление человека самоуверенного, потому что начал с того, что вмешался в его игру на своих условиях. Он говорил и действовал так, будто имел основания считать себя равным Михару — и сам Михар полагал, что такое искаженное восприятие связано с тем, что в своём прошлом Дерек привык чувствовать себя значительной политической фигурой.

Дальнейшие факты наблюдений подтверждали этот вывод; Дерек раз за разом отказывался вставать на позицию подчинённого, принимал эту позицию весьма неохотно и в любом, абсолютно любом проекте, демонстрировал осведомлённость, знакомство со специфическими тонкостями и уверенность человека, которому уже приходилось над подобным работать.

Он определённо должен был быть политиком высокого уровня — и именно поэтому Михар искал его в первую очередь среди крупных фигур вроде владетельных герцогов и приближённых даркийского короля.

Но, если исходить из этого достроенного воображением Михара образа, — картинка не сходилась.

Человек такого уровня, человек, который в прошлом был влиятельным политиком, не стал бы терпеть вынужденное сотрудничество, имея за спиной силовое обеспечение своего решения это сотрудничество прервать. Если господин Анодар так уж хотел от него, Михара, отделаться, и ежели у господина Анодара всё это время стояли за спиной эти бешеные Тогнары с готовностью ринуться в бой...

Михар раздражённо пощёлкал в воздухе пальцами, пытаясь вспомнить конкретную фразу... что же он ему сказал тогда? Нет, точных слов не припомнить, сохранилось лишь весёлое ощущение... какой-то лёгкой шуточки в его духе.

«Общее ощущение было такое, — напомнил сам себе Михар, — будто бы он полагает, что у него нет иного выхода, кроме как принять любые мои условия».

Там и тогда Михара это не насторожило; он и впрямь не считал Анодара фигурой такого уровня, чтобы тот мог ему всерьёз противостоять. Но теперь, после напряжённой совместной работы, отдавая себя полный отчёт в умениях и навыках противника...

Досадливо ударив ладонью по подоконнику, Михар снова отступил вглубь кабинета. «Глупости! — опроверг он единственный приходящий ему на ум вывод. — Он не мог... сомневаться... в Тогнарах!»

Даже звучало нелепо.

Некстати Михару припомнилось, с каким наслаждением Дерек выговаривал ему в лицо тот факт, что Райтэн решил поехать за ним в столицу — и теперь, припомнив этот момент, Михар всё же заставил себя рассмотреть гипотезу, что ранее Дерек сомневался даже и в друге, не говоря уж о прочих Тогнарах.

«Забавно!» — отметил Михар, закладывая руки за спину и прохаживаясь по кабинету взад и вперёд. В голове его выстраивались в колонки разнородные факты о Дерекке, которые он копил всё то время, что наблюдал его. Факты эти упрямо не складывались в единую картинку, как Михар ни вертел их внутри своих мыслей.

Как при таком количестве впечатляющих навыков, при такой глубине ума и при явно выдающемся опыте управления Дерек умудрялся оставаться настолько неуверенным в себе, а зачастую и вовсе робким? Управленческая деятельность высокого уровня — а в прошлом он явно был задействован именно в ней — требует жёсткой руки и способности подать себя правильно.

Как его умение просчитывать многоуровневые интриги и адекватно оценивать противника сочетается с запредельной безалаберностью в поведенческих привычках? Его бесстрашие граничило с безмозглостью, и Михар бы даже предположил, что в нём есть какое-то самоубийственное начало, что вообще никак не вязалось с вроде бы открыто жизнелюбивым характером Дереха.

Наконец, вся эта лёгкая шутовская манера — привычная ему, как разношенный костюм! Где он умудрился...

Михар застыл напротив окна, связав, наконец, свои наблюдения в цельную картину.

Глубинная неуверенность в себе была тем фактом, которого ему не хватало для того, чтобы теперь всё срослось, наконец: в прошлом Дерек не был самостоятельной политической фигурой. Он был чьим-то помощником — приближённым и доверенным лицом — и вот как раз господин его и должен был отличаться политической мощью и жёсткостью, и именно от совместной работы с ним Дерек и вынес и свой багаж знаний, и выдающийся набор навыков, и шутовскую манеру, и... неуверенность в себе.

«Жёсткий, возможно, деспотичный характер, — пожевал губами Михар, рисуя в голове портрет этого неведомого господина. — И большая власть. Мы не там ищем», — с досадой признал он.

За дверью раздался и смолк стук каблуков.

«Магрэнь», — с некоторой досадой опознал Михар.

Требовалось решить ещё и этот вопрос, но теперь, поскольку эмоции его уже схлынули, и он осознал, что в ближайшее время получит беспроегрешный рычаг давления на Дереха, он не был склонен разбрасываться столь ценным человеческим ресурсом, как Магрэнь.

Михар умел не проигрывать, и теперь мозг его привычно заработал, анализируя ситуацию и решая, как именно обратить её в свою пользу.

6. О чём Михар умолчал, когда делал Магрэнь предложение?

В гостинной Магрэнь не усидела.

Неожиданное явление Райтэна было событием из ряда вон, и ей понадобилось лишь несколько минут, чтобы распутать логическую цепочку и осознать, что Дерек, идиот этакий, не последовал её совету и вернулся в столицу.

Тут же она пришла к выводу, что Райтэн явился выяснять отношения, и что ситуация эта может выйти из-под контроля — учитывая эмоциональность одной стороны и жёсткость другой.

Надумав перебраться поближе к центру событий, Магрэнь решительно встала и направилась к кабинету. Боевиков пришлось прихватить с собой, потому что они явно были проинструктированы глаз с неё не спускать.

К кабинету Магрэнь подошла как раз тогда, когда Райтэн из него вылетал. Увидев её, он резко остановился, смерил её с ног до головы пронзительным взглядом, затем решительно и твёрдо заявил:

— Ты можешь на нас положиться, мы тебя защитим. Поехали отсюда, — кивнул он ей на выход.

Магрэнь чуть прикусила губу, чтобы не рассмеяться.

Сердце её согрелось трогательным пониманием, что Райтэн осознаёт, какую яму она себе вырыла, вытаскивая Дерек, и готов вытащить её любой ценой — даже похитить прямо из михаровского особняка.

Эта решительная забота была ей весьма приятна, согрела её изнутри, и, впервые за долгое время, она почувствовала, наконец, себя спокойной и радостной.

— Спасибо за предложение, Тэн, — мягко сказала она и стрельнула на него лукавым и весёлым взглядом, — но давай я уж как-нибудь сама разберусь со своим женихом?

Он скривил губы, недовольный тем, что она всё ещё считает это решение удачным.

— Как знаешь, — буркнул он и добавил: — Просто помни, Рэнь, что мы тебя никогда не оставим в беде.

— Я очень это ценю, дорогой! — заверила она его, лёгким и быстрым движением обнимая его.

Он сжал её в ответ и вздохнул. Она поняла, что он и впрямь тревожится за неё.

— Не ходи к нему сейчас, — отстраняясь, посоветовал он. — Я его обозлил.

Она благодарно улыбнулась и кивнула.

Проследив взглядом за тем, как он уходит, она снова развернулась к двери в кабинет и сделала несколько глубоких вдохов.

«Дерек решил выйти из игры, — принялась перебирать она в голове условия, выстраивающие текущее положение, — а Тогнары осуществляют его силовое прикрытие. Конфликт Арэнсэна с Дерекком обострён ещё и из-за меня, и особенно от того, что сегодня я вытаскила Дерек».

Магрэнь полагала, что, если в текущей ситуации она попытается избежать разговора, это будет заведомо проигрышная стратегия: Михар и так теперь видит в ней союзницу противников. Избегание будет равняться признанию, что она играет против него, а Магрэнь не планировала играть против.

Если она вернётся в гостиную и будет дожидаться его, это, конечно, даст ему возможность вести ситуацию, что будет ему, определённо, приятно, но ухудшит её положение: провинившаяся невеста, упорствующая в своём выборе.

Единственной выигрышной, на взгляд Магрэнь, стратегией, было бы теперь самой явиться в его кабинет — что показало бы, что она видит себя как часть его команды, — и именно эту стратегию она и выбрала.

На стук он ей не ответил, но её это не остановило и не обескуражило — она была уверена, что по цокоту её каблучков он прекрасно понял, кто именно к нему пожаловал. Не колеблясь, она вошла.

Он стоял у окна, к ней спиной, и даже не повернулся на шум.

Закрыв за собой двери, она прислонилась к ним, разглядывая его спину и надеясь, что он проявит какую-то инициативу, которая задаст тон игры. Она полагала вежливым отдать первый ход ему — чтобы подчеркнуть, что она не пытается покуситься на его авторитет.

Он, очевидно, вполне понял, почему она молчит. По его губам скользнула усмешка: ему действительно нравилось в ней то, на каком уровне она играла, и как быстро она находила именно такой вариант действий, который был ей наиболее выгоден. Михар и сам гордился умением быстро подбирать максимально выигрышную стратегию, поэтому и в Магрэнь это качество он особо ценил.

Тем досаднее было осознавать, что женщина, умеющая вести игру на таком уровне, осознанно рискнула его расположением ради какого-то безалаберного шута.

Михар впервые в своей жизни столкнулся с ревностью, поэтому не узнал её. Он принял её за чувство оскорблённого достоинства.

Магрэнь нанесла ему оскорбление — и теперь её должно было поставить на место.

— Я не позволял вам войти, — холодно обозначил он свой гнев и свою доминирующую позицию, продолжая смотреть в окно.

Магрэнь на несколько секунд замерла, принимая правила игры и выбирая ответ.

— Но и не запрещали, — спокойно отметила она, с одной стороны, отказываясь признавать своё подчинённое положение, с другой — не желая идти на конфликт.

Он, так и не повернувшись, досадливо скривился. В конце концов, он не запретил ей войти именно потому, что хотел, чтобы она вошла, и она, очевидно, прекрасно это поняла.

— Вы совсем страх потеряли, Магрэнь, — сухо отметил он, намекая, что ей не стоило бы провоцировать его гнев своей дерзостью.

— Чего ж ещё мне бояться? — незамедлительно отреагировала она, имея в виду, что после его сегодняшних угроз терять ей уже нечего.

В её вопросе явно дрожали обида, и негодование, и вызов: мол, вы что, только тем и будете заниматься, что угрожать мне всякими мерзостями!

От этой её совершенно неприкрытой обиды ему сделалось весело; он ясно дал ей сегодня понять и осознать, что её судьба и даже сама жизнь — полностью в его руках, и что судьба эта будет теперь весьма незавидной из-за того, что она оскорбила его. Он неоднократно ломал так людей, и теперь его невольно восхищало то, с каким мужеством она продолжала бороться, даже со своих незавидных позиций продолжая выводить игру себе на пользу.

Он догадался, что она потому и пришла теперь к нему сама, чтобы отыграть себе пару очков за счёт его восхищения — и что она, очевидно, планирует демонстрировать силу своего характера во всей его красе, чтобы очаровать его и перехватить инициативу в этой

партии.

Это было забавно.

Это было... непривычно приятно.

Он знал, что она потому и сделала ставку на дерзость, что догадалась, что ему это будет приятно; но это только усиливало его восхищение ею.

«Никаких ссылок! — твёрдо решил он в этот момент. — Слишком хороша, чтобы от неё отказаться!»

Однако уступить сразу он и не подумал; ему было интересно схлестнуться с нею в противостоянии и посмотреть, как она шаг за шагом отвоюет у него свои позиции.

С трудом подавив улыбку, он старательно привёл лицо к холодному и безразличному выражению, убедился в отражении, что взгляд его выражает злость, обернулся к ней, сложил руки на груди, осмотрел её с ледяной строгостью и в самых вульгарных выражениях изъясил намерение незамедлительно овладеть ею в весьма грубой форме.

С большим недовольством он отметил, что она инстинктивно дёрнулась было назад, а в глазах её мелькнул страх; однако, она почти тотчас овладела собой и замерла, выразив взглядом холодную настороженность.

Не дождавшись от неё ответа, он пожал плечами и отвернулся обратно к окну, высказывая таким образом позволение ей удалиться, коль скоро к игре с высокими ставками она не готова.

Она, впрочем, не ушла. С минуту она так и стояла у дверей, раздумывая. Быстро осознав, что вульгарная его угроза была осознанной провокацией, она чуть заметно улыбнулась, догадавшись, что ей предлагается игра, а значит, ссылка отменяется.

Она подошла к нему — ступая довольно тихо, но каблуки, однако, чётко обозначили её перемещение в пространстве.

Он с любопытством ждал, что она будет делать дальше; она, подойдя к нему вплотную, обняла его со спины и прижалась к нему.

Этот жест весьма его удивил, если не сказать — потряс. Её недавний инстинктивный страх ярко свидетельствовал, что она не готова к физической близости с ним, и поэтому он ждал словесной баталии, а не прямого контакта.

Тут до него дошло, что она потому и обняла его, что хотела ошарашить этим неожиданным жестом.

— Это согласие? — насмешливо и язвительно переспросил он, имея в виду своё ранее грубо высказанное намерение и желая ошарашить её в ответ.

Однако, вопреки выбранному тону, рука его поднялась и легла поверх её руки, бывшей теперь у него на груди. Он движением почти незаметным, если не сказать — нежным — сжал её ладонь, выражая этим жестом и восхищение, и уважение.

Она улыбнулась; он, конечно, этого не видел, но считал улыбку из её голоса, когда она мягко ответила:

— Это поддержка.

Михар хмыкнул. Он прекрасно отдавал себе отчёт в том, что она теперь отчаянно юлила, пытаясь улучшить своё положение при нём после высказанных им сегодня угроз, но ему всё же было приятно то, каким образом она пыталась к нему подольститься.

С минуту они молчали.

Потом он спросил:

— Что это за запах на вас?

Духи её успели чуть выветриться за день, но они стояли теперь вплотную, поэтому он ощущал их весьма ясно.

— Это апельсин, — с лёгким звенящим смешком объяснила она, — и немного сандала.

— Сладко и свежо, — отметил он, затем уточнил: — Вы хотели выразить своё удовольствие от того, что я обсуждаю с вами дела вашего завода?

Она моргнула, с трудом принимая ту мысль, что его не просто заинтересовал язык её духов — что он так легко научился его расшифровывать. Потому что, конечно, она выбрала с утра этот аромат именно потому, что ей было радостно, что она предвкушала это утреннее обсуждение и, действительно, хотела выразить и благодарность, и удовольствие.

Его пронизательность так поразила её, что она призналась в том, что планировала удержать при себе:

— И фрезия.

— Фрезия? — непритворно удивился он, оборачиваясь, но не отпуская ту её руку, которую держал, и вглядываясь в её чуть смущённое лицо.

В Анджелии фрезии было принято дарить на помолвку, выражая тем симпатию и доверие.

Не то чтобы Михар хорошо разбирался в языке цветов, но в связи со сделанным им Магрэнь предложением он освежил в памяти соответствующие параграфы учебника по этикету, поскольку ему предстояло публично оказывать ей знаки внимания, полагающиеся любимой невесте.

— Это слишком тонкий намёк, Магрэнь, — с огорчением и досадой высказал он и уточнил: — Я не умею отличать все эти ваши запахи.

Она почувствовала себя в высшей степени странно.

Он находился слишком близко — почти обнимал её — и лицо, и глаза его теперь были слишком близко, гораздо ближе, чем она привыкла, и поэтому ей было некомфортно и даже немного страшно смотреть ему в глаза.

Её, к том же, смущало отчётливое недовольство в выражении этих глаз — и ещё больше смущало то, что недовольство это он обращает к самому себе, и связано оно с тем, что он не умеет считывать её намёки ароматами во всей полноте её задумки.

— Может быть, мне просто нравится запах фрезии? — из вредности возразила она.

К её глубокому удивлению, он улыбнулся. Потом отпустил ту её руку, которую всё держал — ей показалось, что от того, что он хотел было поднять её и провести по её волосам. Но он поймал себя на этом жесте и тут же руку опустил. Спокойно, чуть насмешливо сказал:

— Если бы так, Магрэнь, вы бы мне сейчас не назвали этот аромат прямо.

От неожиданности и удовольствия она рассмеялась, всей кожей чувствуя, что он ею любит.

Он сделал несколько шагов от неё, в сторону своего стола, потом обернулся и сказал:

— Вы восхитительны, Магрэнь, и умеете этим пользоваться. Я вижу приёмы, которые вы используете, — он сложил руки на груди и телом опёрся на стол, — но, вместо того, чтобы раздражаться, всё восхищаюсь и восхищаюсь... — задумчиво пожевал губами он, уходя в свои мысли.

Она осталась стоять у окна, обернувшись к нему. В спину ей теперь светили солнечные лучи, отчего с его позиции казалось, что она светится. Магрэнь, в самом деле, рассчитывала

именно на такой эффект.

Наконец, выйдя из своих размышлений, Михар бросил на неё долгий изучающий взгляд — в нём совсем не было того восхищения, о котором он говорил только что, но, тем не менее, она в самой пристальности этого взгляда увидела подтверждение того интереса, который она в нём вызывала.

— Кажется, — мятежно тряхнув головой, она прошла мимо него и прислонилась к другому концу его стола, — когда вы перечисляли те причины, по которым решили жениться на мне, одну вы забыли указать.

Не поворачивая лица к нему, она бросила на него косой лукавый взгляд из-под ресниц. Это был прямой вызов: признаешь ты или нет, что я тебе попросту нравлюсь? Он, тоже не поворачиваясь к ней, вполне осознал суть вызова, ответил на него лёгкой усмешкой, и после спокойно согласился:

— Да, про одну я и в самом деле умолчал.

Моментально перестроившись со стратегии «коварная интриганка» на образ «соблазнительная возлюбленная», она хмыкнула, села на его стол и с громким стуком скинула туфли:

— Ох, как же они мне надоели! — томно пожаловалась она, непринуждёнными движениями начиная выпутывать и шпильки из своей деловой причёски.

При этом она весьма удачно расположила ноги в воздухе так, чтобы изящные ухоженные пальчики слегка выглядывали из-под подола.

Михар с интересом понаблюдал за соблазнительным представлением — она мягкими движениями расправляла освобождённые волосы — затем поддел:

— И на этих каблуках вы планировали идти до города?

Она, обдав его кокетливым взглядом, наставительным тоном ответила:

— Я бы подождала попутчика и попросилась бы отвезти меня!

Он улыбнулся краешком губ. Ему нравилось в ней всё: и дерзость, и находчивость, и сильный характер, и очаровательная манера.

Закончив с разбором волос, она капризно протянула:

— Арни, я скоро умру от голода!

Он потянулся за колокольчиком, но она перебила его намерение новым уточнением:

— Только пусть подают сюда!

Михар недовольно приподнял брови: он никогда не трапезничал в кабинете. Кабинет был исключительно рабочей зоной, в которой он либо занимался бумажными делами, либо принимал визитёров.

Верно расценив его недовольство, Магрэнь оперлась руками на стол позади себя, откинула голову — волосы заструилась красивым водопадом — и в потолок произнесла:

— Так хочется немного романтики!

Усмехнувшись краешком губ, Михар пробормотал: «И в чём тут романтика?» — но всё же пошёл у неё на поводу и, вызвав лакея, велел принести обед и закуски в кабинет. Потом, подумав, ненадолго вышел, чтобы отдать одному из боевиков приказ вернуть Орса: затея с засадой явно потеряла актуальность.

Воспоминания о дерзости Дерека и наглости Райтэна снова ухудшили его настроение, однако вид сидящей на столе Магрэнь чуть примирил его с реальностью. Воспользовавшись его коротким выходом, она успела сменить позу на более выгодную: теперь она устроилась

на краешке стола, изящно закинув нога на ногу и чуть подоткнув платье, отчего из-под подола ножки теперь выглядывали по щиколотку. Она выглядела в высшей степени очаровательно и соблазнительно, и Михар не отказал себе в удовольствии её поразглядывать. Её ответный взгляд столь ярко и красноречиво транслировал вопрос: "Что, хороша?" — что он, смеясь, поднял руки и признал:

— Безмерно хороша!

Лицо её выразило самодовольство.

Он, сдвинув кресло для посетителей так, чтобы было удобнее наблюдать её, сел и посмотрел на неё снизу вверх. Она разыграла кокетливое представление, изящно оправляя волосы и демонстрируя себя с самой выгодной стороны.

— Как гибко вы подстраиваетесь, — наконец, задумчиво отметил он. — Ещё час назад вы были настроены воевать, а теперь!.. — он окинул её выразительным взглядом.

Магрэнь повела плечом и мягко ответила:

— Мне невыгодно воевать с вами, Арнсэн.

Он вежливо приподнял брови и отметил:

— Тогда что же вы с утра, вместо того, чтобы поговорить со мной прямо, устроили все эти шпионские игры?

Она не дала себя провести и разумно возразила:

— А вы стали бы меня слушать, Арнсэн?

Он откинулся на спинку кресла, сложил руки домиком перед собой и разъяснил:

— Я хотел устроить это дело без шума и скрыть его от вас, Магрэнь, это правда. Но, если бы вы, подслушав, прямо явились бы ко мне с разговором — мне пришлось бы учесть ваше мнение.

Она смерила его скептическим взглядом и выразила свои сомнения:

— Мне кажется, Арни, вы были в таком настроении, что не только не стали бы меня слушать, но и обозлились бы ещё пуще за то, что я лезу в ваши дела.

Он холодно поправил:

— Я был бы очень зол, Магрэнь, это так. Но всё же, — сдержанно отметил он, — я был бы менее зол, чем сейчас.

Она неопределённо повела плечами, имея тем в виду, что она не собирается заниматься оценкой того, в каком случае он будет более зол.

— Тогда бы это был конфликт между нами, в семейном кругу, — продолжил объяснять свою точку зрения Михар, впрочем, не забыв выбором слов подчеркнуть, что снова вернул её на позицию «моя дорогая супруга». — Теперь же вы впутали в этот конфликт моих врагов, и, более того, показали перед ними, что поддерживаете их, а не меня.

Магрэнь с тревогой отметила, что Дерек и Райтэн, про которых он ещё недавно говорил: «Мы же не враги!» — теперь однозначно перешли в разряд именно врагов.

Соскочив на пол, она ледяным тоном отметила:

— Я полагала, Арни, что, явись я к вам прямо, вы бы могли ограничить мои передвижения и помешать мне предупредить господина Анодара.

Он тоже встал и спокойно резюмировал:

— Что возвращает нас к вопросу с доверием, дорогая.

Она поморщилась и отошла от стола и от него к окну. Его стремительный переход к стратегии «заботливый муж откровенно говорит с любимой женой» сбил её с толку, потому что она всё ещё не видела в нём своего мужа и не была готова к такому уровню

взаимодействия. Постояв немного у окна, она решила выразить недовольство его резкой сменой взаимоисключающих друг друга стратегий, обернулась, сложила руки на груди и недовольно отметила:

— Странно слышать такие претензии от человека, который только что обещал выслать меня на юг и держать там взаперти.

С её точки зрения, он не должен был ожидать от неё, что она согласится принять его как мужа, если он будет позволять себе скатываться в образ безжалостного тирана.

Он тоже сложил руки на груди, приподнял брови и насмешливо ответил, отказываясь принимать её претензии:

— Надо же! А мне-то казалось, что вы ни в грош не ставите мои угрозы и позволяете себе игнорировать любые мои предупреждения!

Магрэнь прищурилась и возразила:

— Я игнорирую ваши угрозы, Аренсэн, потому что знаю, что вы не планируете претворять их в жизнь. Однако я ни на миг не забываю, — холодно подчеркнула она, — что вы можете их исполнить, если вашему терпению придёт конец.

Хмыкнув, Михар отметил очевидное:

— Что не мешает вам испытывать моё терпение снова и снова.

Возразить было нечего, поэтому она перешла в атаку:

— А про моё терпение вы не подумали, нет? — разомкнув руки, она сделала шаг к нему, нападая. — Знаете ли, Аренсэн!..

— Магрэнь, — мягко перебил он её, но она оборвала его реплику гневным:

— Нет уж, я вам всё выскажу!..

Он поморщился и с железным нажимом в голосе повторил:

— Магрэнь.

Она не рискнула снова перебивать, но и взглядом, и лицом, и позой выразила своё негодование.

Чуть приподняв брови, он мягко сказал:

— Сядьте, пожалуйста, а потом уж продолжайте... высказывать всё, — с усмешкой повторил он её слова.

Она выглядела слегка дезориентировано, поэтому он спокойно пояснил:

— Вы ноги застудите.

С некоторым смутением она осознала, что в запале, в самом деле, не заметила, что её босые ноги — летом она не надевала чулки — стали ощутимо мёрзнуть.

Гордо и независимо хмыкнув, она задрала подбородок, прошествовала к софе и села на неё с ногами, моментально и тут приняв выгодную красивую позу.

«Высказывать всё», ей, впрочем, и совсем расхотелось.

Она всегда концентрировалась не на том, что и каким тоном сказано, а на то, что за этими словами стоит, и Михар, определённо, с каждым разговором становился ей симпатичнее.

Пока она раздумывала, что и как сказать теперь, он небрежным жестом переставил кресло для посетителей так, чтобы ему удобнее было смотреть на неё, и сел.

Некоторое время они просто молча смотрели друг на друга, затем Магрэнь произнесла голосом на редкость отстранённым:

— Вы меня напугали сегодня, Арни.

Он досадливо поморщился, постучал пальцами по подлокотнику кресла и холодно уточнил:

— Угрозой ссылки?

Бросив на него взгляд, который ясно свидетельствовал о её недоумении, как можно быть таким недогадливым, она возразила:

— Вашим странным порывом решать конфликт с господином Анодаром радикально.

По лицу его скользнула мрачная тень; теперь он и сам был весьма недоволен своим решением. Он действовал на эмоциях; Дерек обозлил его и своей дерзостью, и тем, что посмел намекать на симпатию Магрэнь к нему, — и Михар, вместо того, чтобы всё тщательно обдумать и взвесить, как он это делал обычно, предпочёл дать волю своему гневу. Это была серьёзная политическая ошибка, которая дорого ему стоила — он потерял сдержанный нейтралитет Тогнаров, и это здорово портило ему его долгосрочные планы.

Быстро прикинув варианты, Михар решил, что ему выгоднее объяснить свои действия так, чтобы это польстило Магрэнь.

— Давайте сойдёмся на том, — медленно проговорил он, гипнотизируя её пристальным взглядом, — что с непривычки я не очень хорошо устраиваю сцены ревности.

«Сцены ревности?» — чуть не переспросила она, но удержала этот вопрос в себе, поскольку такая трактовка и впрямь объясняла ситуацию.

Магрэнь допускала, что, в самом деле, Михар мог перейти к импульсивным жёстким действиям в том случае, если Дерек умудрился ляпнуть что-то, что компрометировало её.

«Почему же он вечно болтает, не думая!» — раздражённо повела плечом она, недовольная, что за болтовню Дерек отдуваться приходится ей.

Меж тем, хотя она понимала, что Михар не назвал ей настоящую причину своих действий, но он выбрал ту часть, которая была бы ей приятна, и поэтому она посчитала себя польщённой и захотела ответить ему аналогичной любезностью.

— Арни, — мягко заговорила она, взглядываясь в лицо Михара серьёзно и спокойно, — знаете, сколько мужчин делало мне предложение за годы моего вдовства?

Он сделал рукой жест, который обозначил его интерес к этому вопросу.

— Тридцать семь, — бледно улыбнулась Магрэнь и добавила: — Последним из них был господин Анодар, и конкретно он делал мне предложение шестнадцать раз.

Михар усмехнулся краешком губ и насмешливо отметил:

— Я вижу, вы считали с большим тщанием!

Однако по тому, как расслабленно его рука легла на подлокотник кресла, она догадалась, что он весьма доволен.

— Это льстило моему самолюбию, — легко признала Магрэнь, изящно оправляя платье на ногах.

Затем, бросив на него весёлый и насмешливый взгляд, она подначила:

— Ну же, Аренсэн, жду от вас ответного признания! Сколько же дам было в том списке, из которого вы выбирали себе жену?

Она была несомненно уверена, что такой список имел место, потому что совершенно невозможно было представить, чтобы он действовал в столь важном деле без тщательного планирования.

Он не стал закипать:

— Около двух десятков, — потом отметил: — И вас, естественно, в их числе не было.

Она искренне рассмеялась от удовольствия. Ей было приятно получать из его

собственных уст подтверждения того, что она так сильно его заинтересовала.

— Что ж! — отсмеявшись, предложила она. — Согласна расценивать произошедшее как сцену ревности, но только в том случае, Арни, если и вы зачтёте мне сегодняшние метания как попытку уберечь вас от политической ошибки.

Осознав симметричность её ответа, он тоже рассмеялся и протянул ей ладонь:

— По рукам, дорогая! — в глазах его отчётливо читались восхищение и удовольствие.

Магрэнь охотно подала ему руку и отметила:

— Ваша любезность стала бы и вообще запредельной, если бы вы поторопили с обедом.

Не выпуская её руки, Михар снова рассмеялся:

— Они уже за дверями, опасаются нас побеспокоить.

— И вы молчите!.. — возмутилась уже изрядно голодная Магрэнь, отнимая у него руку.

В его улыбке и голосе явно читались извинения, когда он ответил:

— Не мог устоять перед искушением послушать, скольким мужчинам вы отказали до того, как принять моё предложение.

Он выглядел настолько непривычно человеческим в этот момент, что она с ошеломительной несомненностью осознала удивительный для неё факт: флиртовать с ним ей нравится куда как больше, чем ругаться.

7. Когда сбываются мечты?

Довольно долго Дерек просто сидел в гостиной дома Рийаров, уныло вытянув ноги, и разглядывал пустой камин. Мыслями он пребывал весьма далеко — перебирал всю свою прошлую жизнь и пытался добраться до ответа, почему она сложилась так, как сложилась.

Однако найти этот ответ он не успел, поскольку в гостиную стали подтягиваться созванные Райтэном «все наши».

Первыми, споря о чём-то непонятном, явились Илмарт и Джей — они оба выглядели весьма встрёпанными, потому что Райтэн застал их в момент тренировки.

Не прекращая спора, они прошли к письменному столу, где Илмарт, не садясь, начал что-то торопливо писать. Джей, постоянно подлезая ему под локоть, поправлял; они явно не могли договориться, но из-за того, что в спорах звучали лишь отдельные невнятные слова вроде «после обеда», «при порте» и «по чётным», Дерек так и не сумел разобраться, что вызвало столько бурных эмоций.

Терзаться догадками, ему, правда, пришлось недолго, потому что, в конце концов, согласованный листочек ему передали из рук в руки.

С некоторым недоумением Дерек разобрал в корявых записях нечто, похожее на его примерный распорядок дня — с различными вариациями. Распорядок этот сопровождался крупными «И» и «Дж», иногда перечёркнутыми и переправленными друг на друга, что делало понимание того, где «И», а где «Дж», весьма затруднённым.

Дерек поднял на Илмарта вопросительный взгляд.

Тот хмыкнул и торжественным голосом возгласил:

— Теперь у тебя два телохранителя, Анодар!

По весьма довольным лицам друзей — а выражение у них обоих было совершенно одинаковым — Дерек понял, что отбиться не выйдет.

Обнаружив, что сопротивления не предвидится, Илмарт начал толково рассказывать, кого бы ещё стоило принанять для охраны дома, но эти объяснения были прерваны приходом новых действующих лиц.

Весьма быстрым шагом в гостиную ворвался заметно встревоженный старший Тогнар — в элегантном костюме, поскольку его Райтэн сорвал с вечернего визита к старым друзьям.

— Подробности, Деркэн! — с порога затребовал Тогнар, проносясь, однако, к письменному столу, где, усевшись, он тут же начал что-то быстро записывать.

Следом за Тогнаром в гостиную тихо просочился Этрэн, пойманный другом по дороге. Он, ни слова не говоря, тоже уселся за стол и тоже принялся быстро и уверенно делать записи.

Дерек, как мог, поделился теми подробностями, которые знал. Тогнар энергично кивал в такт каждой фразе, что-то попутно помечая в своих записях и порою пихая Этрэна в бок с тихим:

— Я же говорил!..

Только Дерек успел расправиться с объяснениями, как к присутствующим присоединились Кайтэнь и профессор, одетые в уличные костюмы, — Райтэн выловил их во время романтической прогулки по городу.

Профессор невозмутимо и спокойно поздоровался с каждым, каждому пожал руку, потом подвёл жену к креслам у окна. Кайтэнь выглядела весьма воинственно; глаза её ярко

сияли негодованием и возмущением. Она полагала, что Руби, как хороший друг, должна была повлиять на отца и удержать его от радикальных шагов.

— Я ей всё выскажу!.. — зло бурчала она, подсакивая на кресле.

Профессор нежно гладил её по руке, успокаивая. Сам он пребывал мыслями весьма далеко — припоминал свои зарубежные связи. Ему думалось, что привлечение авторитетов из Райанского и Нийского университетов упрочат позиции Дерека в намечающемся противостоянии. В конце концов, проект с иллюстрированными картами вызвал широкий резонанс, и даже в случае серьёзного конфликта Дерека с правительством Анджелии другие страны предоставили бы ему политическое убежище без всяких проблем. Профессор видел в Дерекe перспективного коллегу, и хотел поддержать его из чувства профессиональной общности. По его глубокому разумению, учёные были слишком важны для мира, чтобы оказываться вовлечёнными в политические склоки.

Пока профессор перебирал в голове свои международные связи, старший Тогнар и Этрэн занимались примерно тем же: составляли списки своих влиятельных знакомым и оценивали, на чьей стороне они выступят в случае возможного конфликта. Илмарт тихо подошёл к ним, тоже вставив пару соображений: среди его заказчиков бывали люди весьма влиятельные, и он был осведомлён об их настроениях, потому что был человеком весьма наблюдательным и умел делать выводы из случайных обмолвок, изменений интонации и других мелочей.

Джей же, продолжая комментировать Дереку составленный впопыхах план, толково объяснял, какие меры по обеспечению безопасности они с Илмартом считают необходимыми.

В какой-то момент эти обсуждения прервались приходом заключительной группы «наших»: Райтэн привёл Олив и тётушку. Мелкий Тогнар, конечно, был с ними, потому что все, с кем можно было бы его оставить, уже были здесь.

Оставив исписанный график Дереку, Джей тут же взял ребёнка на себя: из стоящей на камине дребедени его воображение изобрело прекрасные игрушки. Малыш, устроившись прямо на полу, с удовольствием наблюдал, как Джей выстраивает пирамидки из диковинных шкатулок и безделушек.

Олив с Райтэном уселись на софу рядом с креслом Дерека. Райтэн, тяжело вздохнув откинул голову и прикрыл глаза с чувством хорошо выполненного долга: набегался он сегодня знатно, разыскивая всех необходимых ему лиц.

Толком отдохнуть ему, однако, не пришлось: подошедший лакей передал ему какую-то записку.

С большим недоумением Райтэн поднялся, принял её с выражением лица недовольным и брезгливым, развернул и скривил губы.

Почерком Магрэнь там было написано всего три слова: «Он тебя услышал».

Пробормотав что-то ругательное про эту чокнутую женщину, чьи мозги работают совершенно непредсказуемым образом, Райтэн смял записку, запихнул её в карман и вернулся на софу, к жене. На её вопросительный и обеспокоенный взгляд он лишь махнул рукой: мол, ерунда! — и снова устало прикрыл глаза.

Заметив явление друзей, Илмарт отошёл от угла, где работали над списками Тогнар и Этрэн, и встал за софой, одной рукой опираясь на неё, другой — на кресло, в котором сидел Дерек. Олив переглянулась с ним весьма хищно; губы их совершенно одинаково скривились усмешками. Оба они готовы были перейти от слов к делу.

Что касается тётушки, она с хмурым видом уселась в кресло у камина, рядом с письменным столом. Иногда она обменивалась с братом мрачными взглядами; её плотно сжатые губы отражали недовольство, а глаза пылали решительностью, не сулившей врагам ничего хорошего. Тётушка тоже была из Тогнаров, и вполне умела действовать жёстко там, где того требовала ситуация.

— Так, — наконец, начал общий разговор старший Тогнар, вставая и опираясь руками на стол, — завтра я нанесу официальный визит господину Михару с целью уведомить, что его дальнейшие враждебные действия будут иметь для него фатальные последствия.

Этрэн, продолжая ставить в свои списки различные отметки, довольно кивал почти на каждое слово — ему давно хотелось прищучить Михара. Тётушка отбивала в такт словам брата воинственный марш на подлокотнике. Тэнь гневно стреляла глазами по окружающим, убеждаясь в их готовности дать отпор общему врагу.

Развить свою мысль старший Тогнар не успел, потому что Райтэн вдруг глухо закашлялся, вызвав тревогу у Олив и Дерека.

Илмарт, сразу догадавшись о причинах внезапного смущения, возвёл глаза к потолку и пробурчал:

— Так я и знал!

Всё ещё полный тревоги взгляд Олив метнулся к нему; лицо её сделалось удивлённым, потому что она тоже догадалась о причинах внезапного кашля.

Остальные не могли похвастаться столь быстрой способностью понимать Райтэна, поэтому он, неохотно и вяло, расшифровал:

— Да я уже. — И уточнил: — Нанёс визит. — И ещё уточнил: — И уведомил о фатальности последствий.

Дерек, застонав, прикрыл лицо рукой. А ведь только сегодня думал, что Тэн, наконец, научился сперва думать, а потом уж делать!

— Тэн! — возмущённо воскликнул отец, поражённый таким очевидным политически невыгодным ходом. Он-то уже выстроил в голове вполне толковый и элегантный монолог, составленный по всем правилам высокой дипломатии!..

— Он хоть жив остался? — одновременно с ним с любопытством переспросил Илмарт, но тут же заткнулся, поскольку возмущение старшего Тогнара переместилось на него, впрочем, почти тут же обратившись обратно на сына.

— В высшей степени безрассудно!.. — с гневным укором резюмировал отец.

С его выводом, пожалуй, были согласны все. На лице тётушки отчётливо читалось: «И в кого он только таким уродился?», профессор утомлённо и раздражённо потирал лоб, Олив скорчила досадливую гримасу и пнула мужа локтем, и даже Дерек посмотрел на Райтэна с разочарованным укором.

Этого взгляда Райтэн не выдержал; лицо его, застывшее в холодной уверенности в собственной правоте, скривилось.

Он, впрочем, нашарив в кармане смятую записку, передал её Дереку; тот развернул и чуть нахмурился, узнав почерк. Осознав, что резкий ход Райтэна возымел-таки ожидаемый эффект, Дерек бросил на друга виноватый взгляд: мол, прости, что не сразу поддержал. Тот дёрнул плечом вроде как безразлично и презрительно, но лицо его разгладилось.

Между тем, старший Тогнар хотел было продолжить развивать своё недовольство, но

Илмарт, наблюдавший переглядки друзей, сделал из них выводы и перебил течение разговора, неожиданно заявив:

— А что, пожалуй, это был самый разумный ход.

Негодующие взгляды собравшихся перенаправились на него, но Илмарту было наплевать на всеобщее неодобрение, потому что Олив, обернувшись, улыбнулась ему с благодарностью.

— Михар интриган, — спокойно объяснил свою позицию Илмарт, — и ждёт и от других вдумчивой игры, которая даёт время и простор для манёвров. Райтэн совершенно правильно дал ему понять, что никто с ним играть не будет.

Лицо Райтэна выразило ошеломление: он совершенно не ждал поддержки и даже не предполагал, что кто-то оценит его порыв по достоинству и увидит в нём разумный ход.

Старший Тогнар и Этрэн растерянно переглянулись, обдумывая предложенную интерпретацию, а потом синхронно кивнули. Тогнар, впрочем, тут же скривившись, с досадой возразил:

— Но как теперь убедиться, что он всё понял правильно!

Ситуация стала вызывать у него тревогу. Райтэн, совершенно точно, не умел проводить политических переговоров, не знал законов, по которым они строятся, и, соответственно, не было никаких гарантий, что Михар сделал из его визита правильные выводы.

По тревожным взглядам, которыми обменивались все присутствующие, Дерек понял, что просто так никто этот вопрос закрывать не собирается, и дело грозит затянуться.

В том состоянии, в котором он сейчас находился, интриги Михара занимали его в последнюю очередь — особенно с учётом записки от Магрэнь, потому что, по его скромному разумению, уж Магрэнь-то точно могла оценить, продолжает ли ситуацию нести угрозу.

Досадливо вздохнув, Дерек встал и сделал шаг вперёд — всё внимание незамедлительно обратилось к нему.

Дерек поймал взгляд старшего Тогнара — как признанного среди них лидера — и медленно, веско, нажимая на каждое слово, сказал:

— Он. Всё. Понял.

Мрачное лицо его было наполнено уверенностью в том, что он говорил.

Кивнув сам себе, Дерек тихо заключил:

— Вопрос с предупреждением можно считать закрытым, — и вернулся на своё место.

Тогнар хотел было возразить, поскольку не был уверен, что молодое поколение в состоянии адекватно оценивать вещи подобного рода; но, встретив спокойный уверенный взгляд Дерека, который явно считал разговор окончанным, вспомнил неожиданно, кем Дерек был раньше, в Ньюне, и согласился с его способностью давать оценки намерениям противника.

— В самом деле, — резюмировала их мысли присоединившаяся к переглядкам старшего поколения тётюшка, — мы слишком привыкли к тонкой игре, — она имела в виду себя с братом, — а Арэнсэну было бы недурно понимать, что он ходит по лезвию, и что тонкой игры не будет.

— Просто пристрелим, — с хищной улыбкой подтвердила Олив, которую Михар давно бесил.

— Или отравим, — щуря глаза, не отстала от неё Кайтэнь, обычно не столь

кровожадная, но сейчас увлечённая чувством сообщества и желающая ничем не отставать от остальных.

Обеим достались восхищённые взгляды от мужей.

— Берегись женщин, Джей, — наставительно заявил Илмарт, — они куда опаснее мужчин из-за того, что мы их обычно недооцениваем.

Присутствующие дамы приосанились; чуть покрасневший Джей отвлёкся от пирамидок и смущённо отметил:

— Простите, мастер, но, кажется, господин Михар как раз не склонен недооценивать женщин. Их много в его агентуре, и даже среди охраны.

Старший Тогнар резко подобрался, готовясь, видимо, устроить столь хорошо информированному парню плотный допрос. Дерек, бросив на Тогнара беглый тревожный взгляд, вмешался в разговор:

— Джей, возможно, вам некомфортно принимать участие в нашем совете?

Тогнар досадливо скривился: он полагал, что этот источник информации следует использовать по полной. Тётушка, перегнувшись через подлокотник своего кресла, наклонилась к нему и что-то шепнула, после чего он со вздохом кивнул.

На лице Джея отразилась строгая решительность, когда он твёрдо ответил:

— Вы ведь знаете, сэр, что он не стал бы у меня ничего спрашивать, а просто бы приказал. Так что я предпочту сражаться за ту сторону, на которой ко мне относятся по-человечески.

Тётушка бросила на брата насмешливый и торжествующий взгляд; тот поднял руки, признавая своё поражение. Одновременно с ним Райтэн перегнулся к Дереку и шепнул:

— Был неправ, признаю.

Лицо Дерек а отразило крайнюю степень ошеломления; наблюдавший за ними Илмарт тихо хмыкнул и обменялся лукавыми взглядами с Олив.

— В любом случае, — резюмировала тётушка, — никто из присутствующих не желает Аренсэну зла, — Этрэн недовольно скривился, — мы лишь хотим обезопасить Деркэна от его притязаний. Тэн, милый, — ласково обратилась она к племяннику, — что именно ты ему сказал?

Тот с надменным видом через губу уведомил:

— Что мы его убьём, если он позволит себе ещё хоть одну интригу против Деркэна.

Тётушка легко рассмеялась и обратилась к старшему Тогнару:

— Что-то мне подсказывает, дорогой брат, что выразил он это не в твоей любимой манере говорить околичностями, а так прямо и сказал.

Райтэн раздражённо повёл плечом в знак подтверждения этой догадки. Выглядел он так, как будто готов сражаться со всем миром, отстаивая своё право поступить так, как поступил. Дерек, склонив голову, ушёл глубоко в свои мысли. Олив бросила на него тревожный взгляд в ожидании очередной самоуничижительной реплики; но той не последовало. Тогда она с некоторым удивлением перевела взор на Илмарта; тот, мигом поняв причину её растерянности, пожал плечами и возвёл глаза к небу: мол, неисповедимы пути дерековской логики.

— Илмарт прав, — неожиданно вмешался в дело Этрэн, — Михару стоило услышать это прямо. Без обид, Тэн, — виновато взглянул он на друга, — но твоя дипломатичная манера не вполне отражает серьёзность наших намерений.

Старший Тогнар сделал нетерпеливый жест рукой, отметая ненужные извинения; он и

сам уже согласился с разумностью такого хода, однако теперь тревога его относилась к возможным реакциям противника. Ему не верилось, что политик такого уровня, как Михар, может оставить прямолинейные угрозы без соответствующего ответа.

Сентиментально улыбнувшись, тётушка прибавила:

— Аренсэн, к тому же, никогда и не понимал всех этих тонких разговоров о сгущающихся тучах и сверкающих молниях.

На последних словах она лукаво взглянула на племянника; тот в ответ улыбнулся краешком губ, отмечая, что одобрил этот изящный каламбур [1].

— Ну, молнии сверкнули так сверкнули, — с добродушным смешком подтвердил старший Тогнар и признал: — Я так, в самом деле, не умею.

Райтэн посмотрел на отца с удивлением; ему было дико и странно слышать, что тот открыто говорит, что в чём-то сын его превзошёл.

— Молния хороша, когда нужно сверкнуть, — степенно отметил Этрэн, — а ветер хорош, когда нужно снести мусор в сторону. Всему своё время и своё назначение! — наставительно заключил он. Старший Тогнар бросил на него тёплый благодарный взгляд.

— Разумный человек, — вмешалась в дело Тэнь, — понимает, что вслед за сильным ветром последуют и молнии.

Урождённые Тогнары дружно рассмеялись, довольные удачной погодной метафорой.

Отсмеявшись, Райтэн наклонился к Дереку:

— Если ты и здесь ляпнешь что-то про солнце...

Тот хмыкнул и заверил:

— Нет-нет, что ты, никакого солнца! — потом с самой серьёзной миной добавил: — Лишь тучи, и ливень, и мрак!

— «И навел Он тьму и мрак, ибо отвергли они слова Его...» — эхом тихо отозвался Илмарт.

Подобрав ноги под кресло, Дерек резко и тревожно обернулся; на лице его читалось смятение.

— Май!.. — сквозь зубы прошипел Райтэн, недовольный, что друга опять сбивают на путь всепонимания и всепрощения.

— А этих метафор уже и я не понимаю, — наклонившись к Этрэну, пожаловался старший Тогнар.

— Это Священное Писание, — пояснил для него Дерек, отворачиваясь от Илмарта. — Здесь говорится, что отвергнувших Бога ожидает ад.

Лица всех коренных анжельцев — кроме Райтэна — выразили лёгкое снисхождение в адрес тех бедолаг, которые верят в такую чушь. Райтэн же поглядел на друга тревожно и растерянно — до него дошло, что Дерек полагает, что он сам погружается в ад, желая зла Михару.

— Даркийцы с их вечно вольной интерпретацией! — разрядил обстановку ироничный голос Илмарта.

Дерек раздражённо обернулся.

— Здесь говорится, Деркэн, — снисходительно принялся объяснять Илмарт, — что Господь наслал мрак на тех, кто не послушал предупреждений Его.

Лицо Дерекы вытянулось от недоумения; Райтэн же откровенно заржал, потом сквозь смех выдавил:

— Если и этот назовёт меня богоподобным атеистом... — имея в виду, что в текущей

ситуации именно он стал выразителем предупреждений, то бишь, практически гласом Божиим.

Хмыкнув, Илмарт перевёл на него всё ещё снисходительный взгляд и повторил свой вывод:

— Корона по тебе плачет, Тогнар, с такой-то верой, что весь мир вертится вокруг тебя.

В разговор с весёлым хмыканьем вмешался профессор:

— Если мир по какой-то ошибке и не вертится ещё вокруг Айта, то он поспешит это исправить.

Райтэн обернулся к нему с выражением весёлого удивления.

— Подтверждаю! — незамедлительно отозвался Дерек, и Райтэн повернулся уже к нему, улыбаясь вполне открыто.

— Увы, Май, — поджимая под себя ноги, подвела итог этой теме Олив, — но тут никаких сомнений нет: мир действительно вертится вокруг Тогнара!

Не выдержав, Райтэн поцеловал её весьма пылко; окружающие в смущении отвернулись. Впрочем, Кайтэнь, кажется, поглядывала на мужа с некоторой надеждой, но он этот момент бездарно упустил, потому что как раз принялся выяснять подробности конфликта у Дерекка:

— Деркэн, по правде сказать, с той поддержкой, которую вам готов оказать Кармидерской университет... и мировое научное сообщество в целом, — подчеркнул он, поскольку в своей поездке по другим странам успел убедиться, что кармидерские карты интересуют всех его коллег. — Возможно, господину Михару следует напомнить, что на вашей стороне выступает не только семейство Тогнаров?

Дерек, зардевшись от удовольствия, что его заслуги оценены так высоко, поспешил отметить:

— Да, я обращал внимание Аренсэна на тот факт, что господин ректор окажет мне при необходимости поддержку, но Аренсэн в ответ разумно возразил, что господин ректор — это ещё не весь Кармидер.

На этом месте тётушка расфыркалась от возмущения, а потом и вовсе рассмеялась. Уловив направленное на неё всеобщее любопытство, она тоном, в котором очевидно сквозили смешинки, растолковала Дерекку:

— Знаете, Деркэн, не Аренсэну рассуждать о влиянии на Кармидер. Совет города ещё не позабыл, что это после его выдающейся кампании против разбойников в Филопье все эти асоциальные элементы рванули именно к нам.

Все рассмеялись; с каждой минутой атмосфера в гостиной становилась всё светлее: перебирая аргументы, они видели, что Михару невыгодно связываться с ними, и радовались, что вместе они представляют из себя силу, с которой нельзя не считаться.

— Что ж, — разобравшись в деле, отметил профессор, — полагаю, мне стоило бы вынести господину Михару предупреждение и от лица мировой научной общности.

— Это, пожалуй, будет излишне, — пожевав губами, возразила ему тётушка и добавила: — В свете уже высказанных угроз не стоит перебарщивать.

Профессор согласно развёл руками, но в выражении его было заметно некоторое огорчение: ему хотелось использовать свой авторитет в защиту коллеги. Тэнь чутко уловила настроение мужа и быстро предложила:

— Можно обойтись без прямых угроз. Я могу аккуратно намекнуть Руби...

— Восхитительная идея, милая! — с тёплым смешком поддержала её тётушка. Она была

в высшей степени довольна обоими племянниками, и постоянно лукаво поглядывала на брата: мол, видел, каковы твои? Хороши, хороши! Тот в ответ жмурился с выражением удовольствия.

Профессор сжал руку супруги с благодарностью; она нежным движением положила и вторую ладонь поверх их переплетённых пальцев.

Райтэн решил, что это хороший момент, чтобы подтолкнуть друга к исполнению его мечты — поскольку очевидно было, что сам Дерек застесняется об этом говорить.

— К слову, Сэн, — привлёк он внимание профессора, — не знаешь, как на кафедре истории отнеслись бы к желанию Деркэна стать преподавателем?

Дерек подскочил от возмущения и смущения, но делать что-то было уже поздно: общее внимание теперь разделилось между ним и профессором.

Тот оказался в своей оценке весьма однозначен:

— С руками оторвут. И отпляшут на радостях. — Чуть подумав, добавил: — Прямо на главной площади и отпляшут, во главе с ректором.

Чрезвычайно довольный Райтэн искренне заржал; Дерек покраснел всем лицом и даже ушами.

— Право, — отметил он, — я не уверен...

— Не начинай! — сурово пнул его в плечо Илмарт. — Ты великолепный специалист, и это совершенно объективная оценка.

— А ещё вы прекрасный педагог, сэр! — пылко добавил Джей, который до сих пор жадно впитывал те многочисленные знания, которыми Дерек охотно с ним делился во всякую свободную минуту.

Старший Тогнар и Этрэн переглянулись весьма довольными: планы Дерекэна превосходно накладывались на их желание расширить влияние семьи в Кармидере.

— Профессор Анодар — звучит прекрасно! — резюмировал профессор Линар, вставая и подходя к Дереку. — Буду рад видеть вас в числе полноправных коллег! — протянул он ему ладонь.

Дерек встал и руку пожал; лицо его почти светилось от счастья, поскольку профессор был для него весомым авторитетом, чьё одобрение дорогого стоило. Кроме того, теперь, в кругу друзей, он почувствовал прилив сил и веры в себя; когда все смотрели на него такими тёплыми, добрыми глазами, он верил, что у него точно получится всё то, о чём он мечтал. Сердце его согрелось пониманием, что он стал дорог им, что они — все — встали на его защиту, что они любят и поддерживают его, как если бы он в самом деле был членом их семьи — и, возможно, он наконец не только умом, но и сердцем принял тот факт, что в самом деле стал частью этой семьи.

Общий разговор совсем распался; профессор и Тэнь собрались уходить. Пока один наскоро уточнял общие с Райтэном планы, другая прощалась с племянником — который, впрочем, заметно утомился и уже зевал.

— Я завтра зайду! — с улыбкой обещала Тэнь Олив, которая подошла взять уставшего сына на руки.

— Спасибо! — тепло улыбнулась та.

— Мы зайдём, — прибавил профессор, подходя и обнимая жену за талию, затем уточняя для тётушки: — Госпожа Тогнар, я договорился насчёт тех либерийских лилий!

— С меня — твой любимый рыбник, Сэн! — рассиялась от удовольствия та.

Пользуясь своими научными связями, зять привозил ей редкие семена и саженцы,

которые выводили селекционеры разных стран.

После ухода профессора и Тэнь засобирались и тётушка.

— Пора укладываться! — сделала вывод она и, обратившись к Олив, велела: — Оставайтесь сегодня с Тэном здесь, день был нервный, нужно выспаться. Мы с Джейм справимся.

На лице Олив отразилось заметное облегчение; хотя мелкий подрост уже достаточно, чтобы вполне прилично спать по ночам, она всё же была рада лишней передышке.

— Что бы мы без вас делали, тётя! — пылко высказался подскочивший к ним Райтэн, уверенно обнимая и тётушку, и жену. Теперь, когда он открыл для себя, что люди очень любят, когда их обнимают, он хотел обнимать всех, кто был ему дорог, снова и снова.

Тут взгляд его обратился к сонному сыну, которого уже взял на руки Джей. Малыш был уже весьма тяжёл, но парень обладал развитой мускулатурой, поэтому охотно таскал его целыми днями.

— Джей, вы тоже настоящее чудо! — с большим чувством заявил неожиданно Райтэн, которому теперь было стыдно за то, как он себя когда-то вёл с михаровским шпионом.

Джей покраснел от смущения и удовольствия.

— Ани, — вмешался в разговор, подходя к сестре, старший Тогнар, — возьми всё же пару парней на охрану.

Он переживал, что, несмотря на уверенность Дерека, Михар может всё-таки выступить с прямой агрессией, и предпочитал перестраховаться.

Вскинувшись было, Джей хотел сказать, что и сам прекрасно справится с охраной, но тётушка, остановив его весёлым взглядом, согласилась:

— Да, будет нелишним.

Простившись со всеми, они ушли вместе с ребёнком. Олив прижалась к Райтэну теснее, а он с удовольствием уткнулся носом в её волосы. Оба запредвкушали романтическое продолжение вечера.

Между тем, Этрэн, деловито собрав свои бумаги, подошёл и передал их Илмарту: мол, дальше сами разбирайтесь. Тот с интересом зарылся в пометки о предполагаемой боевой мощи возможных союзников и противников.

Поймав взгляд Дерека, Этрэн со смешком отметил:

— Ну что ж, Деркэн, кажется, вы не столько Свой-собственный, сколько тогнарровский!

Тот, на секунду замерев от удивления — он уже давно отвык замечать в своей анжельской фамилии первичный смысловой корень, — искренне рассмеялся.

Встав, он порывисто пожал Этрэну руку:

— За что я искренне вас благодарю, господин Дранкар! — лицо его, определённо, светилось от удовольствия при мысли, что он и в самом деле совсем «тогнарровский».

— Присоединяюсь к благодарностям, — неожиданно отметил старший Тогнар, тоже подходя и пожимая руку другу. — Ты оказал нам всем большую услугу, Трэн!

Он полагал, что им все чрезвычайно повезло, что Дерек стал частью их семьи; и что именно Дерека следует благодарить за то, что теперь эта семья стала такой большой и счастливой.

Наконец, Тогнар и Этрэн тоже ушли.

В гостиной осталось только четверо друзей.

Напоминаю, что в анжельском «райт» — это «молния», поэтому «сверкающая молния» и «гнев Райтэна» звучит примерно одинаково.

8. Как любит Олив?

«Не план, а анжельская муть какая-то!» — негодовал Илмарт, вчитываясь в оставленные ему Этрэном листы. По этим записям выходило, что оценить расстановку сил заранее у них никак не получится, потому что чуть ли ни к каждому роду Этрэн поставил пометки, что при таких-то обстоятельствах они поддержат Тогнаров, при таких-то — Михара, при таких-то — сохраняют нейтралитет... и количество этих обстоятельств было слишком велико, а ещё они взаимовлияли друг на друга, а некоторые взаимоисключали друг друга...

Недовольный Илмарт, пытаясь вникнуть в суть, уселся на оставленную друзьями софу. Хмурое лицо его казалось весьма сосредоточенным, он пытался всё-таки связать противоречивые факты в цельную картину.

Дерек, меж тем, отошёл к окну. Радостное оживление его оставило; навалилась глубокая усталость. Он вымотался и эмоционально, и интеллектуально, но чувствовал, что не сможет уснуть, потому что нервы его были слишком скручены сегодняшними потрясениями. Однако теперь он всё же чувствовал себя лучше, чем днём: семейный совет оставил в его душе тёплые искорки радости, которые питали теперь его силы.

Райтэн и Олив просто стояли обнявшись. Несколько минут они наслаждались этой нежной близостью, затем оторвались друг от друга.

— Мне нужно две недели, чтобы закончить дела здесь, — деловитым тоном заявил Райтэн, оборачиваясь на Дерек. Тот, вынырнув из своих размышлений, вяло повёл плечом и отметил:

— Мне нужно три.

У него оставались незаконченные дела в университете, а ещё должны были вернуться из экспедиции на север люди, которые разведывали пути для новой дороги, а Дерек давно ещё обещал им помочь со сведением и анализом полученной информации.

— Май? — вопросительно повернулся к другу Райтэн.

Тот, не отрываясь от чтения, отмахнулся:

— Я не еду.

— В смысле? — хмурясь, не понял Райтэн и уточнил: — Потом догонишь, что ли?

Илмарт сложил лист, который читал, поднял глаза и сказал спокойно и веско:

— Нет, я совсем не еду. — И, поскольку лицо собеседника всё ещё отражало глубочайшее недоумение, пояснил: — Мне столица понравилась.

Райтэн замер, несколько секунд глядя на Илмарта — тот сохранял совершенно невозмутимое выражение лица — затем перевёл растерянный взгляд на Олив, но та его не заметила, поскольку сама смотрела на Илмарта беспомощно и потеряно.

В комнате ощутимо устанавливалось трагичное настроение.

— А чем Кармидер хуже столицы? — вдруг тихо вмешался в разговор от окна Дерек.

Он не стал поворачиваться вполне, лишь чуть обернулся к Илмарту; и лицо, и голос его были совершенно спокойны.

— В Кармидере заказов на порядок меньше, — охотно пояснил Илмарт, — да и задачи в столице поинтереснее стоят...

Голос его оживился; он принялся довольно подробно объяснять, почему ему нравится работать со столичными вельможами.

Тональность эта — живая и даже радостная — насторожила Дерек, и, чуть

прищурившись, он всё же отвернулся от окна к центру комнаты, и принялся рассматривать активно жестикулирующего Илмарта весьма придирчиво.

По мере разворачивания яркого его монолога о том, что в захолустном Кармидере невозможно достойно реализовать свои творческие порывы, тогда как богатая столица представляет самые широкие к тому возможности, лицо Дерек становилось всё более скептическим, а лица Райтэна и Олив — всё более трагичными. Мысль о том, что дру твёрдо намерен остаться здесь, выбила из них воздух; и даже возражений у них не находилось, потому что приведённый им аргумент — возможность творческой самореализации — казался им слишком веским, чтобы пытаться уговаривать и возражать.

Дерек, бросив на потрясённую парочку беглый взгляд и рассмотрев бледность их одинаково застывших в упрямо-страдательном выражении лиц, посмотрел на Илмарта с некоторым укором. Тот, дёрнув плечом, свой прекрасный монолог закруглил.

Повисло тягостное молчание.

— Аа, понятно... — наконец, вяло отреагировал Райтэн, отводя взгляд в сторону.

Олив ничего не сказала, но он чувствовал, как дрожит в его руке её враз похолодевшая ладонь. В голове Райтэна стал тут же выстраиваться план, как перестроить свои торговые дела таким образом, чтобы они с Олив могли постоянно мотаться из Кармидера в столицу и обратно, не теряя, таким образом, ни одного друга, ни другого. Мысли эти ясно отобразились в том решительном выражении, которое приняло его лицо, и встревоженный этой решительностью Илмарт взглянул на Дерек раздражённо и недовольно.

Тот слегка поднял брови — мол, а от меня ты чего хочешь? Раз уж не посвятил в свою интригу заранее, так уж не обессудь, как я тебе её подхвачу!

Илмарт едва заметно кивнул на Олив; Дерек несколько секунд моргал с недоумением, но потом до него дошло. Взгляд его ясно отразил: «Господи, и нужно же тебе было разводиться эти шпионские игры!» — но, разобрав, наконец в чём дело, он неохотно включился в дело.

— Мне кажется, — ровным голосом вмешался он, — при Кармидерском университете, Ил, у тебя как раз будут лучшие перспективы.

Райтэн и Олив — оба тут же посмотрели на Дерек с надеждой. Вдруг у него и в самом деле найдутся веские аргументы?

— Анодар, — сложив руки на груди, возразил Илмарт, — ну что ты говоришь такое? Сам знаешь, какие там перспективы! — скривился он.

Дерек сделал несколько шагов к центру комнаты, выходя на свет свечей.

— Так ведь я не только про карты, — невозмутимо продолжил свою линию он.

Илмарт отобразил мимикой вопрос.

— В столице у тебя нипочём не выйдет открыть твою школу, — тихо отметил Дерек.

На лицо Илмарта легла заметная тень. Его давняя мечта, всегда бывшая слишком абстрактной, при приложении к реальности оказалась совершенно невыполнимой. Это в его родном Мариане оружием владели вообще все, включая детей, женщин и стариков. В Анджелии же существовали строгие законы, чётко регламентирующие, кому и какое оружие дозволяется носить. Для того, чтобы обучать кого-то искусству боя вне государственных учреждений, нужна была специальная лицензия; но, даже если бы Илмарт её и получил, ему это ничего бы не дало: ему было бы просто не для кого открывать эту школу. Люди, имеющие легальное право носить что-то посерьёзнее ножа и находившиеся вне государственной службы, нанимали частных учителей, а не в школы боевых искусств ходили.

Были, конечно, маргиналы вроде тех, кто обитал в Северной Анджелии, — однако у людей такого сорта точно не было денег на обучение.

Были так же и случаи вроде Дерека — который просто не задумывался о том, на каком основании ему продали мечи, потому что он и не думал, что для этого нужны какие-то особые основания, а что там у Райтэна за странные договорённости, и почему за этими мечами пришлось идти ночью...

В общем, как ни браться за это дело, по всему выходило, что Илмарт может разве что частным учителем наниматься — что совсем не было похоже на то, что рисовали ему его мечты.

— И чем Кармидер тут лучше столицы, по-твоему? — выпустив в голос давнюю горечь, возразил Илмарт.

— Гвардией Кармидерского университета, — пожал плечами Дерек.

Услышав этот аргумент, Райтэн посветлел лицом: пристроить Илмарта наставником для обучения кармидерских гвардейцев виделось ему задачей вполне посильной.

Однако сам Илмарт его оптимизма явно не разделял:

— Гвардии Кармидерского университета, — язвительно отметил он, — нужны, в числе прочего, занятия для лучников.

Сейчас у гвардейцев не было никакого своего наставника, потому что принимали в их ряды лишь бывших жандармов; Илмарт, и впрямь, тренировал мечному бою тех из них, кто хотел, но всё же основной интерес для гвардейцев представляла именно стрельба.

— Ты же умеешь стрелять, — впервые за разговор тихо вмешалась в спор Олив.

Желание Илмарта остаться в столице оказалось для неё полнейшей неожиданностью, и она теперь совсем не могла совладать со своими эмоциями и едва удерживалась от того, чтоб не расплакаться.

— У меня зрение уже не то, — отмахнулся Илмарт. — Да и не практиковался я, считай, полжизни.

Зрение его, и впрямь, из-за постоянной работы над картами в зыбком свечном свете потеряло былую остроту, и он был совсем не уверен, что мог бы вернуться к меткой стрельбе.

— Не создавай проблем на ровном месте, — возразил ему Дерек. — Ты вполне можешь официально преподавать гвардейцам рукопашный и мечной бой, а для обучению стрельбе можно и второго человека нанять.

Лицо Райтэна просветлело; обернувшись к жене, он с большим воодушевлением посмотрел на неё:

— Олив!

Та совершенно опешила от такого перевода стрелок. Она сама не занималась боёвкой с тех пор, как перебралась в Кармидер, и совершенно растеряла большую часть навыков.

— Нет, ну если Олливи... — протянул, показательно задумываясь, Илмарт.

Олив перевела на него растерянный взгляд: мол, что ты несёшь?

— В самом деле! — присоединился к общему напору Дерек. — Мне кажется, из вас двоих выйдет отличный преподавательский тандем!

Ещё более удивлённый взгляд Олив перешёл на него; потом вернулся к Райтэну, чьё лицо было полно восторгом и готовностью немедленно нестись в Кармидер, чтобы обо всём договориться; потом к Илмарту, который, сложив руки на груди, выглядел подозрительно

довольным...

Прищурившись, Олив заподозрила заговор.

Прикинув расклад, она определила слабое звено и обиженно уставилась на Дерек.

Тот недовольно взглянул на Илмарта — что подтвердило подозрения Олив — и деланно спокойно развёл руками: мол, да, я с ними заодно, а что делать-то?

Поняв, что игра запорота, Илмарт вздохнул и раскололся:

— Да Тогнар переживает, что ты не реализуешь свои таланты.

Олив опешила. Райтэн нахмурился: он, как всегда, пропустил факт психологической игры и принял разговор за чистую монету. Мысль, что Илмарт нарочно повёл эту беседу так, вызывала у него досаду.

Досада эта ясно отразилась и в сверкнувшем остро взгляде, и в плотно сжатой челюсти, и в дёрнувшихся пальцах, и в выпрямившейся моментально спине...

Примирительно подняв руки, Илмарт извиняющимся тоном отметил:

— Иначе она бы точно отказалась...

— Я и так, и так отказалась бы, — резко перебила его Олив, переводя острый и гневный взгляд с друга на мужа и обратно.

К её полной неожиданности, Райтэн поник и беспомощным жестом потёр лоб рукой, а Илмарт стал выглядеть совсем виноватым.

Олив обратила вопросительный взгляд на Дерек, который казался ей теперь самым адекватным в этой компании заговорщиков.

Он оправдал её ожидания; чуть прокашлявшись, смущённо объяснил:

— Да Тэн переживает, что слишком давит на тебя, и ты, чтобы угодить ему, отдаёшь всё своё время семье, и, возможно, тебе бы хотелось заниматься чем-то ещё, но ты ему об этом не говоришь.

Взгляд Олив приобрёл оттенок «что за чушь ты несёшь?» Дерек ответил выражением: «Ну, какая есть чушь, ту и несущ».

Олив растерянно посмотрела на Райтэна.

Он стоял, опустив мрачное лицо, и упрямо сведённые брови рождали не менее упрямые морщины на его лбу.

Беспомощно обернувшись к Илмарту, Олив увидела, как тот чуть пожал плечами с выражением: ну да, как-то так.

— Тэн! — жалобно и укоризненно вернула она внимание мужу, требуя объяснений.

Губы Райтэна жёстко скривились; всё ещё глядя куда-то вниз, он спокойным холодным тоном отметил:

— Сперва ты ушла со своей работы, чтобы заниматься моими проектами. Потом, — по лицу его прошла мимическая волна недовольства собой, — всё твоё время стал съедать Браэн... или я, — подняв на неё безразличный тяжёлый взгляд, заключил он, и задал тот острый, мучительный вопрос, который жёг его сердце болью за неё: — А как же ты сама? Как же твоя жизнь, Олив?

Та лишь жалобно поморгала ресницами. Ей и в голову не приходила мысль, что он может переживать о чём-то подобном; и теперь ей было и досадно, что она за усталостью не заметила, что его что-то гнетёт, и тепло на душе от того, что он так о ней заботится, и неприятно, что он не поговорил с ней сразу прямо, и жалко его, и...

— Тэн, — беспомощно возразила она, не зная, как прорваться за безнадёжную волну холода в его глазах, — но вы и есть моя жизнь.

— Вот! — резко взмахнул руками Райтэн, получив от неё подтверждение своим самым страшным самообвинениям. — Вот! — повторил он, лихорадочно пройдясь по комнате до угла и обратно. — Я так и знал! — с глубокой внутренней горечью возвестил он.

Илмарт и Дерек переглянулись, явно сойдясь во мнениях, что другу их его великолепные мозги отказали совершенно.

Олив совершенно не поняла, что такого трагичного супруг умудрился увидеть в её любовном признании.

— Да что не так!.. — раздражаясь, схватила она его за руку, чтобы помешать ему и дальше метаться по комнате.

Он тут же замер, вглядываясь в её лицо с выражением раскаяния и нежности.

Дерек смущённо отвернулся обратно к окну. Илмарт, подумав, подошёл к нему и тоже стал разглядывать вид — с учётом того, что на улице было уже темно, оба они так ничего и не увидели там.

— Но у тебя ведь должна быть жизнь помимо нас! — меж тем, с глубокой убеждённостью утвердил Райтэн, а затем опять ударился в самоуничижение: — Но я тебя её лишил!..

Осознав, наконец, в чём суть мучающего его обстоятельства, она весьма раздражилась.

— Ну, знаешь ли, Тогнар! — даже выпустила она его руку и сделала шагок назад.

Он, однако, выглядел таким несчастным, что она тут же вернулась обратно и взяла его руки в свои движением мягким и нежным.

— Тэн, — поймав его взгляд, принялась втолковывать она, — ты дал мне мою настоящую жизнь, понимаешь? — лицо его упрямо выражало прежнее мнение, но он смотрел на неё очень внимательно, и она продолжила: — До тебя я выживала. Жила, как несло. Не жила, а так, — сморщилась она, но после глаза её зажглись тёплым ласковым светом, когда она продолжила: — Твоя любовь дала мне веры в себя, ты стал моим ангелом-хранителем... я начала жить благодаря тебе, Тэн! — пылко воскликнула она, радуясь, что лицо его постепенно разглаживается под светом её влюблённого взгляда. — И я хочу, — упрямо утвердила она, — сейчас я хочу отдавать всю себя тебе и Браэну. — Она вздёрнула подбородок: — И, что бы ты там себе не напридумывал, Тогнар, — мышцы её лица дёрнулись, рельефно выделяя старые шрамы, — даже не надейся, что мы ограничимся одним Браэном!

Она уже позабыла, как после родов клялась и божилась, что больше никогда в жизни на такое не пойдёт. Она уже позабыла, как тяжелы были долгие бессонные дни и ночи, наполненные заботой о младенце. Как, бесконечно вымотанная, уставшая, измученная, она и думать не желала о втором ребёнке.

Теперь — теперь её переполняла такая глубокая, сильная, всеобъемлющая любовь к Райтэну, что ей стало мало одного сына как продолжения и воплощения этой любви.

Ей хотелось всю себя отдавать Райтэну — полностью, без границ, без конца, — и, чем больше она отдавала ему, тем глубже ей казался тот источник любви, который она в себе обнаружила. Каждый раз, сталкиваясь с его взглядом, с его прикосновениями, с его голосом, с его нежностью к ней — она чувствовала, как переполняющее её чувство любви хочет, требует выхода наружу, и ей совершенно недостаточно было всего лишь смотреть на него, всего лишь говорить с ним, всего лишь целовать его.

— Я хочу отдавать тебе всю свою жизнь... — глядя на него, тихо выразила своё чувство

она.

Райтэн, потрясённый и опрокинутый той любовью, которая теперь чувствовалась в каждом её слове и во всём выражении её лица, лишь чуть прикрыл глаза, словно стараясь скрыться от слишком слепящего его солнца.

Потом он всё же взглянул на неё, и тихо, робко сказал:

— Я просто боюсь... — не найдя подходящего слова, выразил с немного вопросительной интонацией: — Сломать тебя?

— О, Тэн! — откликнулась она, прижимаясь к его груди и пряча лицо в его волосах.

— По-моему, нам пора валить, — наклонившись к Дереку, тихо отметил Илмарт.

Дерек бегло оглянулся, обнаружил обнявшуюся парочку и кивнул. Ему, правда, хотелось ещё поговорить с Райтэном, но у того явно были сейчас дела поважнее.

Они оба осторожно двинулись к выходу, стараясь не спугнуть занятых друг другом влюблённых, однако чуткая Олив уловила их перемещение.

— Май! — возмущённо воскликнула она, выворачиваясь в руках Райтэна, чтобы быть теперь к ним лицом, не покидая, впрочем, объятий мужа.

Илмарт остановился и вопросительно приподнял брови.

— Так что там с Кармидером? — привередливо потребовала разъяснений Олив.

Поведя плечами, Илмарт ответил:

— Куда я от вас денусь? — затем, хмыкнув, прибавил: — Но помощь со стрельбой мне бы и впрямь там не помешала.

Олив возвела глаза к небу, давая улыбку.

— И нужно было тебе разводить эти интриги? — раздражённо попенял Райтэн.

Но, хотя обращался он явно к Илмарту, тревожный взгляд его то и дело норовил свернуть на Дерек. Тот совсем не замечал этого внимания, потому что опять ушёл глубоко в себя.

— Для тебя, Тогнар, старался, между прочим, — перевёл стрелки Илмарт.

Райтэн поморщился; но было непонятно, относится ли эта гримаса к словам друга — или к мрачной задумчивости Дерек.

Оставив тему, Райтэн что-то решил внутри себя и подтолкнул жену в спину со словами:

— Ложись пока без меня.

Она обернула к нему удивлённое лицо.

— Мне с Дером нужно поговорить, — объяснил ей он.

Она обернулась на Дерек и обнаружила, что тот так и стоит в своей мрачной задумчивости, заложив руки за спину, покачиваясь с пятки на носок и явно не замечая окружающих. Признав, что дело тут явно нечисто, Олив кивнула, и, коснувшись щеки мужа лёгким поцелуем, вышла вместе с Илмартом.

В гостинной остались только Дерек и Райтэн.

9. Как любит Райтэн?

Некоторое время Райтэн в упор рассматривал Дерёка, но так и не добился ответного внимания. Тогда, не в силах справиться с тревогой, он язвительно спросил:

— Ну и что опять не так в этом проклятом Ньюне? — ни капли не сомневаясь, что никакой Михар не смог бы погрузить друга в такие дебри переживаний, которые теперь ясно отражались на его лице.

Дерек вздрогнул, выходя из своих мыслей; растерянно оглянулся, обнаружил отсутствие Илмарта и Олив, удивился, осознал, что не смог скрыть свои терзания от Райтэна, смущённо покраснел от того, что заставил его волноваться, затем почувствовал облегчение от того, что может, наконец, хоть с кем-то поделиться тем, что мучительно сжимало ему сердце — тем настоящим, важным вопросом, который ломал его теперь изнутри и который не имел ни малейшего отношения к сегодняшнему вечернему обсуждению.

— Я его придумал, — тихо выразил самую суть своего внутреннего кошмара Дерек и, не достигнув понимания, пояснил: — Грэхарда.

Райтэн тревожно нахмурился, всё ещё не улавливая суть. Владыка Ньюна был объективно существующим лицом; что значит — придумал?

«Он не мог придумать Грэхарда, потому что он есть на самом деле, — подумал Райтэн. — Но что тогда он мог придумать?»

После грамотно сформулированного вопроса ответ найти оказалось просто: он придумал, каков Грэхард.

Дерек чётко уловил этот момент понимания, потому что лицо Тэна отразило глубокое удивление.

Сам Райтэн не был знаком с владыкой, видел его лишь однажды, в деловой обстановке, и строил своё мнение о нём исключительно со слов друга.

— Я придумал, — с горечью повторил Дерек и чуть развернул свою мысль: — Придумал жестокого господина, который видит во мне свою вещь, которого должно бояться и от которого нужно сбежать.

Застыв, Райтэн обдумывал полученную информацию. Картина не сходилась в его голове: он знал Дерёка как человека объективного и светлого, который, если и придумывает что-то о людях внутри своей головы, то скорее уж приукрашивает их и видит более благородными и великодушными, чем они есть на самом деле.

— Но зачем? — озадаченно переспросил Райтэн, пытаясь свести мысли воедино.

Дерек посмотрел на него потрясённо; затем вспомнил, что никогда не рассказывал ему всю историю — слишком больно было...

И стыдно.

И теперь, осознав, что нужно сказать всё, он замер от стыда, не зная, как открыть другу то, на какие дурные и скверные поступки он оказался способен.

Но Райтэн ждал этого ответа, глядя на него спокойно и невозмутимо; и нужно было дать ему этот ответ; и Дерек ответил, впрочем, позволив себе отвернуться, потому что ему было слишком страшно смотреть в глаза брата в этот момент:

— Я... ты знаешь о моём отношении к... — он не сумел произнести имя Эсны и не знал, как говорить о ней теперь, — к его жене. Я... Тэн, я не только сам... я и ей позволил увлечься мною... — и совсем тихо признался в самом страшном и постыдном: — И я

предлагал ей сбежать со мной.

Райтэн поражённо сморгнул.

— Совсем не похоже на тебя! — с возмущением воскликнул он, словно считал, что Дерек теперь нарочно пытается сам себя оклеветать.

Но тот лишь нервно передёрнул плечами — мол, да, я оказался именно таков.

В гостиной повисла тягостная тишина. Райтэн пытался обмыслить полученное признание, Дерек снова переживал всю глубину своего падения.

— И я даже не смог взглянуть в лицо собственной подлости, — горько резюмировал свои размышления он. — И попытался оправдать себя, придумав Грэхарда таким, каким он никогда не был.

Райтэн молчал, не зная, где найти слова, способные ободрить друга. Он не считал поступок Дерека таким уж страшным — ну, пытался увести жену! но ведь не увёл же! в конце концов, она же не вещь, а самостоятельная личность, вправе сама решать, с кем хочет быть! — однако ясно понимал, что сам Дерек видит это как нечто совершенно катастрофическое, поэтому нельзя просто отмахнуться от него банальными «не стоит из-за этого переживать».

Дерек задумчиво прошёлся по гостиной и продолжил:

— Он ведь никогда не был таким, Тэн... авторитарный, резкий, да! Суровый правитель Ньюна, он умел навести жуть... Но не на меня, — остановившись против камина, Дерек рассеянно пожевал губы и пустился в дальнейшие откровения, глядя на кладку: — Со мной он всегда был другим, Тэн. Живым, — губ его коснулась сентиментальная улыбка, а в голосе ощутимо послышалась тоска по потерянном другу, всё ещё дорогому, всё ещё любимому, — азартным, упрямым в своей готовности горы свернуть, мудрым в своей способности сомневаться, тревожным, ранимым... — он всё больше распалялся, и, чем дальше уходили его перечисления, тем сильнее удивлялся Райтэн, который никак не предполагал, что это старое чувство к Грэхарду всю ещё живёт в Дерекe. — Даже каким-то беспомощным в своей чувствительности!.. — он тихо рассмеялся, умиляясь, потому что перед внутренним его взором вставали всё новые и новые эпизоды прошлого: тёплые, домашние, искренние. Но вдруг, дойдя до этой верхней точки воодушевления, он весь погас и убито заключил: — А я его предал.

Райтэн осторожно откашлялся, затем позволил себе вмешаться со спокойным:

— Ну, не так уж и предал.

— Я хотел соблазнить её! — резко развернулся к нему Дерек, пронзая его гневным взглядом, как будто его злила мысль, что он может быть не столь виновным, как ему кажется.

Устало потерев лоб, Райтэн вздохнул. Он полагал, что женщина вполне вправе решать такие вопросы, и Дерек передёргивает, взваливая на себя ответственность не за свои поступки и не за свой выбор. Осознав, что прямо тут не выйдет, он попробовал зайти издалека:

— Дер, вот скажи мне, что бы было, если бы ты влюбился в Олив?

Лицо Дерека приобрело оскорблённое выражение; прежде, чем он успел сказать что-то возмущённое, Райтэн продолжил:

— Нет, ты всё же изволь подключить фантазию, Дер. Представь, что ты влюбился бы в Олив и попытался бы её соблазнить.

Тогда Дерек подключил воображение, и картина, нарисовавшаяся перед ним, заставила

его тепло рассмеяться. Он честно нарисовал внутри себя эту сценку: как он признаётся ей в любви и предлагает ей вместе бежать от Райтэна — и перед его мысленным взором ясно взлетел несущийся ему в лицо кулак разгневанной Олив.

— Да она бы меня пристукнула! — со смехом открестился он.

— Вот! — торжествующе согласился Райтэн, добившись от друга верной оценки ситуации.

Дерек, подавившись смехом, замолк, глядя на него растерянно и жалко.

До него дошла та мысль, которую пытался донести до него друг.

Даже если бы Дерек вдруг влюбился в Олив — представить себе было невозможно, чтобы она ответила на его чувство, потому что любовь её к мужу была очевидна.

Невозможно соблазнить женщину, которая влюблена в другого.

— Не знаю, что у них там было, — с надменным и поучительным видом развил свою мысль Райтэн, — но, если бы она и впрямь его любила, она бы тобой не увлеклась, Дер.

Смущённо дёрнув плечом, Дерек согласился:

— Да она и не любила... а вот он...

Осознав, что теперь Дерек взваливает на себя ответственность за то, что Грэхард был влюблён безответно, Райтэн возвёл глаза к потолку — что за привычка придумывать проблемы на ровном месте! — и предложил новую вводную:

— Предположим, Олив меня не любит. И поэтому может увлечься тобой.

Дерек скривился: мысленные эксперименты такого рода казались ему омерзительными.

— Предположим, — с нажимом повторил Райтэн, — ты в неё влюбился, а она ответила тебе взаимностью, и я об этом узнал.

Лицо Дерек стало совсем несчастным, и он оправдывающимся тоном — как будто это он предложил нарисовать такую гадкую умозрительную картинку — заверил:

— Я бы уехал куда-нибудь, конечно.

Райтэн посмотрел на него как на полнейшего идиота. «Серьёзно? — буквально кричал его взгляд. — Ты серьёзно так ничего и не понял, Дер?»

Дерек покраснел, осознав, что повторяет свою старую ошибку, пытаясь сбежать от проблемы.

Райтэн выразительно постучал себя костяшками пальцев по виску, но всё же удержался от своей любимой фразы. Она, однако, была написана на его лице вполне ясно.

Совсем смутившийся Дерек принялся оправдываться:

— Ну а что тут ещё сделаешь? Только уехать же.

В его глазах тут не могло быть иного выхода: он должен был исчезнуть, перестать быть, перестать портить Райтэну жизнь самым фактом своего существования.

Тяжело вздохнув, Райтэн сложил руки на груди и резюмировал:

— Болван. — Затем изволил расшифровать: — Если бы вы с Олив полюбили друг друга, я бы дал ей развод. Чтобы вы могли быть вместе.

Дерек посмотрел на него с таким ошеломлением, будто воочию увидел второе пришествие Спасителя.

«В смысле?!» — красноречиво кричало всё выражение его лица.

Райтэн снова постучал себя по виску и устало пояснил:

— С чего бы мне мучить и её, и тебя, и себя? Что хорошего в том, чтобы удерживать при себе жену, которая тебя больше не любит, которая любит другого?

У Дерека явно не укладывалась в голове эта концепция. Он полагал, что это он должен тогда исчезнуть, а никак не Райтэн должен отказываться от своего ради него.

— Так что это только вина Грэхарда, — продолжил, меж тем, упрямо гнуть свою линию Райтэн, — что он не только не сумел принять своё любовное поражение с достоинством, но ещё и назначил виноватым тебя.

— Он не... — попытался было защитить Грэхарда Дерек, но Райтэн перебил:

— Он тебя ударил, насколько я помню. — И сухо добавил: — Ударил за то, что его жена полюбила тебя.

С точки зрения Райтэна, этот поступок был недопустимым и непростительным, и, хотя он мог понять, как великодушный и добрый Дерек всё-таки сумел это простить, он, во всяком случае, полагал, что Грэхард тем потерял любые права на какие бы то ни было претензии.

Между тем, Дерек был вынужден признать, что в той отвратительно трагичной картине, в которой Олив полюбила бы его, совершенно невозможно было представить, чтобы Райтэн...

Чтобы Райтэн ударил его?..

Совершенно невозможно!

— Понял, — коротко признал Дерек, до которого, наконец, и впрямь дошло, что имеет в виду друг.

Это озарение было удивительным. Дерек понял, что он, в самом деле, не отвечал ни за выбор Грэхарда, ни за выбор Эсны. И это не он был виноват в том, что Эсна полюбила его, и что Грэхард не сумел этого принять. Потому что Эсна имела полное право самой решать, кому дарить свои чувства, а Грэхард имел сотни возможностей поговорить с Дерексом прямо, а не ждать молчаливо, когда он сам решит пожертвовать собой.

— Хвала Великому Пламени! — расслабился Райтэн, опуская руки, и после проникновенно добавил: — И Богу твоему слава!

Дерек несмело улыбнулся; на сердце у него стало чуть легче.

— Ещё что-то? — приподнял брови Райтэн.

С удивлением Дерек понял, что да, есть ещё что-то, и ему действительно легчает при мысли, что он может поделиться этим.

— Я его бросил, — с исповедальной болью поведал он, — ни слова не сказав, после ссоры, после того удара... даже записки не оставил... — совсем сорвался от стыда и боли его голос.

Опустив голову, Райтэн полностью разделил эту боль — внутри него она совсем слилась с его собственным раскаянием по поводу того, как он тоже бросил свою семью, не оставив и записки.

— Как же я тебя понимаю, брат, — глухо пробормотал он, и, сделав три резких шага, сгрёб Дерека в объятия.

С минуту они стояли так, ощущая глубокое, истинное родство, и с удивлением понимая, что каждому из них в его собственной боли стало теперь легче.

— Спасибо, Тэн, — наконец, с большим чувством в голосе произнёс Дерек, отстраняясь.

Отойдя на пару шагов, чтобы увеличить дистанцию до привычного комфортного уровня, Райтэн деловито уточнил:

— В Ньон едем?

Сперва не поняв, чем вызвано такое странное предложение, Дерек, однако, почти сразу сообразил, что друг, видимо, подозревает, что после всех этих открытий и откровений ему нужно непременно теперь нестись в Нью-Йорк, объясняться с Грэхардом лично.

Райтэн всегда смотрел на проблемы такого рода конкретно и, не мудрствуя лукаво, предлагал самое простое и очевидное решение.

Он видел, что Дерек страдает, что он не может просто отпустить эту ситуацию, — и он предложил самое простое решение: поехать и поговорить с Грэхардом.

На сердце у Дерека стало совсем тепло и радостно — как будто этот разговор с Грэхардом уже состоялся прямо сейчас.

— Не стоит, — тихо улыбнулся он, разглядывая Райтэна светлым и открытым взглядом. — Десять лет прошло, Тэн. И я, и он уже — другие люди.

Сердце его кольнуло горечью от понимания, что ту, старую, дружбу никогда и никак не вернуть, даже если бы и предположить, что у Грэхарда могло быть такое желание — чего Дерек точно предположить не мог.

Райтэн пожал плечами — мол, ну как знаешь! — и ещё раз спросил:

— Что-то ещё?

Дерек, рассиявшись совсем уж счастливо, покачал головой.

— Вот и чудненько! — довольно кивнул Райтэн. — Значит, можно, наконец, и спать разойтись!

Вместе они рассмеялись; их общее солнце, которое зажглось в день их знакомства, сияло теперь так ярко и тепло, как никогда раньше.

10. Умеет ли Грэхард любить?

Спустя несколько недель Дерек разгребал завалы бумаг на своём рабочем месте в библиотеке столичного университета. Он, наконец, закончил все свои дела, и спустя пару дней они собирались всей компанией возвращаться в Кармидер.

Настроение Дерек было самым солнечным — он был очень доволен и тем, как пристроил все свои столичные проекты, и предвкушением предстоящей поездки, и, ещё больше, — самым фактом возвращения в город, который, определённо, запал ему в душу сильнее, чем все прочие анжельские города.

Хотя он несколько волновался по поводу того, удастся ли ему договориться с кармидерским ректором, в душе его крепла уверенность — да, удастся. Возможно, впервые в жизни он был совершенно уверен в своих силах, и это было новое для него, непривычное, но чрезвычайно приятное чувство.

В мечтах Дереку рисовались картины его будущей преподавательской деятельности. Он даже начал уже пересказывать в голове какие-то любимые свои исторические эпизоды, фантазируя о том, будто преподносит их студентам; и фантазии эти были более яркими, заманчивыми и затягивающими, чем любые другие, когда-то имевшие место в его жизни.

Сердце Дерек пело и рвалось навстречу будущему — состояние, в которое он погрузился впервые. Отсутствие страха перед этим самым будущим было настолько непривычным, что пьянило; и он даже напевал себе под нос песни, не в силах держать эту радость внутри себя.

Впрочем, как оказалось, у судьбы ещё имелись для него неприятные сюрпризы.

Он почти уже разгрёб свои бумаги, как в библиотеке вдруг появилось новое и совершенно неожиданное здесь лицо — господин Михар.

Не терпящим возражений жестом он отослал библиотекаря вон и спокойно прошествовал к столу Дерек. Выхватив по дороге стул, уверенным движением установил его перед столом и сел напротив.

У Дерек аж зубы занули от досады и неприязни. Вот уж кого он точно надеялся больше не увидеть!

Господин Михар, меж тем, поморозив его ледяным взглядом, насмешливо уточнил:

— Стало быть, планируете уехать, господин Анодар?

Мысленно скривившись, Дерек нарисовал на лице фальшивое дружелюбие и ответил коротко:

— Именно так.

Михар вежливо приподнял брови: мол, какая незадача!

«Чего ты опять ко мне лезешь-то!» — раздражённо подумал Дерек, начиная опасаться, что о нынешнем визите прознает Райтэн, и это будет иметь самые неприятные для Михара последствия.

Тот, впрочем, о возможных последствиях ни капли не волновался; любезное лицо его оставалось совершенно спокойным, когда он ровным тоном заявил:

— Боюсь, вам придётся распрощаться с этими планами, глас владыки.

Старое, совсем забытое ньонское обращение настолько выбило Дерек из колеи, что он не сумел скрыть своих реакций и невольно всем выражением своего лица подтвердил, что догадка Михара была истинной.

Тот насмешливо скривил губы.

Осознав, что искать Дерека нужно не среди сильных мира сего, а среди их помощников, он напал на след в первые же дни: блондинистого ординарца младшего ньонского принца, когда-то проживающего здесь, помнили и некоторые столичные жители. Михару даже не требовалось особых интриг: он просто нашёл людей, которые помнили юного Дерека и смогли засвидетельствовать, что таки да, господин Анодар весьма на него похож.

Версия «личный раб грозного ньонского владыки» объяснила все странности, и Михар полагал, что Тогнары со всеми своими ультиматумами могут ими теперь подтереться: тайна Дерека оказалась слишком компрометирующей, и шантажировать его доносом Грэхарду было беспроигрышной стратегией.

Ни сам Дерек, ни даже Тогнары не решатся связываться с Грэхардом.

Теперь Михару стало вполне понятно, отчего Дерек так боялся копаний в его прошлом; это и впрямь был рычаг давления такой величины, что невозможно и мечтать о лучшем.

Осознав, что своим изумлением и страхом выдал себя — впрочем, отрицать тождественность с самим собой в этой ситуации у него едва ли вышло бы, — Дерек недовольно скривился и прокомментировал:

— Охота же вам была в этом копаться!..

В глазах Михара отразилось сдержанное ликование. Он полагал, что и сам Дерек, и приютившие его Тогнары теперь у него в кармане.

— Полезно, знаете ли, иногда покопаться в такого рода вещах, — весьма самодовольным тоном утвердил Михар, наслаждаясь желанной победой.

Дерек никак не отреагировал на эту реплику; он лихорадочно искал способов выкрутиться из этой ловушки — и не находил.

Меж тем, чувствуя всю полноту контроля над ситуацией Михар закинул ногу на ногу и небрежно оперся локтем о стол.

— Полагаю, — вкрадчиво произнёс он, вступая в торги, — вы предпочли бы, чтобы ваш хозяин и впредь пребывал в неведении относительно вашего местоположения?

Неизвестно, что в этот момент выбесило Дерека больше: его уверенность в своих силах, очередная грёбаная интрига, которая подрезала ему крылья именно в тот момент, когда он вознамерился уже улететь на свободу, небрежно брошенное «хозяин»...

Анжельцы всегда избегали этого слова или же запинаясь перед ним; Михар, напротив, выговорил его с большим наслаждением, поскольку видел в этом обстоятельстве рычаг давления.

«Но он мне не хозяин!» — поднялась со дна души Дерека волна возмущения и гнева.

В волне этой равно слились два всепоглощающих чувства: самоубийственная готовность сражаться за свою свободу до конца — и неколебимая уверенность в том, что Грэхард никогда, никогда не считал его своим рабом.

Переполненный этими чувствами Дерек со смелостью, которая никогда раньше не была ему свойственна, кинулся защищать — то ли свою свободу, то ли самого Грэхарда, а может, и то, и другое сразу. Откинувшись на спинку своего стула, он смерил противника насмешливым взглядом и холодно заявил:

— Аренсэн, не старайтесь, я никогда не поверю, что вы настолько глупы.

И слова, и манера изрядно сбили Михара с толку. Он полагал, что загнал Дерека в угол, и реагировать он теперь будет так, как и положено затравленной и побеждённой жертве. Однако поведение Дерека теперь никак не вязалось с тем, что он нарисовал в своих

ожиданиях, и он был обескуражен.

Однако, он слишком хорошо владел своим лицом, и не позволил этим чувствам выйти наружу; лишь слегка приподнял брови, побуждая развить мысль.

Неприятно усмехнувшись, Дерек подался к нему, облокотился на стол и тихим вкрадчивым голосом спросил:

— Вы ведь не можете в самом деле полагать, что ньонский владыка не знает, где я теперь?

Это был неожиданный ход; Михар исходил из того посыла, что Дерек сбежал и прячется, и отчаянно боится быть найденным.

По молчанию своего оппонента Дерек догадался, что выбрал верную стратегию, и продолжил наступление:

— В самом деле, Аренсэн! Одна из лучших разведок мира, управляемая умным и дальновидным параноиком. Как вы могли предположить, что он может не знать, кто я и где я?

Голос его звучал холодно и насмешливо. Перед глазами его вставали многочисленные работники этой самой разведки, люди ушлые и опытные. Дерек позволил своей уверенности в них отразиться и в голосе, и на лице, придавая правдивости своей фантазии.

Первое ошеломление Михара, впрочем, уже прошло, поэтому он отнёсся к новым вводным скептически: они не соотносились с очевидным страхом Дерекка. Насмешливо улыбнувшись, он уверенно произнёс:

— Вы так и не научились блефовать, Деркэн.

Дерек в вежливом удивлении приподнял брови и снисходительно уточнил:

— А вы готовы так рискнуть, Аренсэн?

— Помилуйте! — в столь же снисходительном ключе отозвался тот. — Чем же я рискую?

Выпрямившись, Дерек, поймав взгляд оппонента, спокойно уведомил:

— Гневом грозного ньонского владыки.

— Который будет направлен на вас, Деркэн, — невозмутимо парировал Михар.

Дерек тихо рассмеялся.

— Вы безумны! — наконец, резюмировал он, потирая уголок глаза. — Нужно совершенно не знать Грэхарда, чтобы предположить, что после вашей попытки доноса вы останетесь в живых.

Та лёгкость, с которой он это произнёс, заставила Михара испытать смутное беспокойство, однако он не собирался упускать инициативу в этом разговоре.

— А теперь уже я не поверю, что вы так глупы, Деркэн, — с прохладцей в голосе отметил он, — чтобы предположить, что я как-то засвечусь в этой истории.

Посмотрев на него с заметной жалостью, Дерек тоном «я что, с ребёнком разговариваю?» отметил очевидное:

— Вы уже засветились, Аренсэн. Прямо сейчас.

Михар нахмурился, не совсем улавливая логику.

— Или вы думаете, — снова наклоняясь к нему, спросил Дерек, — что я буду благородно молчать, выгораживая вас перед ним?

Михар всё ещё не понимал, к чему ведёт противник, поэтому начинал нервничать.

Погибнотизировав Михара уверенным взглядом, Дерек откинулся на спинку стула и постулировал мечтательным голосом:

— Да старина-Грэхард будет в бешенстве, что какой-то наглый анжелец посмел угрожать его доверенному лицу!

Невольно он произнёс это «старина-Грэхард» с той самой теплотой и любовью, как говорил это в ньонский период своей жизни; и эта теплота поразила Михара весьма неприятно. Он считал Дерекка никудышным притворщиком; и он не верил, что Дерек сумел бы теперь изобразить привязанность и симпатию, каких на самом деле не испытывал.

Дерек, меж тем, вспомнил, как однажды его воображению уже рисовалась «битва титанов», в которой он пожаловался Грэхарду на надоедливую Михара. Воспоминания эти заставили его мягко рассмеяться, что ещё повысило уровень беспокойства противника.

Смешинки ещё звучали в голосе Дерекка, когда он сделал приглашающий жест рукой:

— Доносите, Аренсэн, доносите. Вы в самом деле перешли уже всякие границы моего терпения, поэтому я с удовольствием посмотрю, что с вами сделает мой господин.

Полностью потеряв контроль над разговором, Михар чувствовал себя теперь совсем не так уверенно, и в голову его закралась мысль, что основной аргумент Дерекка, и впрямь, справедлив. Если предположить, что Дерек в самом деле беглый раб, боящийся разоблачения, то совершенно непонятно ни почему он не скрывается всерьёз, ни почему его до сих пор не схватила ньонская разведка.

Михар полагал, что даже ему его ресурсов хватило бы на то, чтобы найти Дерекка в Анджелии; в конце концов, он почти не изменил имени, совсем не маскировал внешность, да ещё и занимался видными общественными проектами! Сложно было сделать допущение, что владыка Ньона является таким идиотом, а его разведка — такой толпой бездарей, чтобы за десять лет не найти одного чрезмерно наглого беглого раба.

«Ньонский агент?» — сделал поразительный вывод Михар.

Он должен был признать, что никогда не заподозрил бы в Дерекке ни агента, ни разведчика, — что могло свидетельствовать лишь о том, что Дерек является профессионалом высочайшего уровня.

«Нарочно строит из себя простака!» — «прозрел» Михар, уже находя в своём уме многочисленные подтверждения того, что Дерек ведёт совершенно проньонскую политику. Дружба с Тогнарами только подтверждала это — их связи с Ньоном были известны.

Осознав, что ходит по краю, провоцируя доверенное лицо владыки Ньона, Михар ступил на путь сглаживания ситуации:

— Я не заинтересован в конфликте с владыкой, Деркэн, — мягко обозначил он, прикидывая, как теперь выйти из дела живым и невредимым.

Хотя он и пытался сохранить уверенную позу и уверенный вид, взгляд его ушёл в сторону, и Дерек догадался, что противник его нервничает и считает себя проигравшим.

«Нда, и как теперь выпутаться-то?» — подумал он с тоской.

Интриги никогда не были его сильной стороной, но он понимал, что, исходя из той роли, которую он себе только что сочинил, ему и отвечать нужно соответственно. Вообразив, что за его спиной стоит разгневанный Грэхард, и отвечать ему нужно от его лица, он озвучил то, что мог бы продекларировать сам Грэхард:

— Меня вполне устраивает то место, которое вы сейчас заняли, Аренсэн, — холодно и властно отметил он, — и те проекты, которыми вы занимаетесь. Я не вижу поводов для конфликта, если только, — прибавил он в голос железа, — вы сами мне их не дадите.

Последняя фраза ему особенно удалась, потому что он сумел чётко скопировать фирменный мрачный тон Грэхарда.

Михара проняло. Изъявив полагающиеся в такой ситуации сожаления, извинения и заверения, он удалился.

Убедившись, что остался в библиотеке один, Дерек со вздохом уронил лицо на ладони.

Напряжение, которое он испытывал во время всей этой сцены, дало о себе знать: руки его отчётливо задрожали.

Он понял, что на рабочие дела сегодня больше не способен, и, прибрав бумаги, отправился на выход. Попрощавшись с вернувшимся библиотекарем, он прихватил в предбаннике своё пальто — но улице уже было весьма промозгло — и отправился прогуляться в порт.

С каждым шагом нервное напряжение его оставляло; он даже начал чувствовать воодушевление. Эта победа над Михаром была приятна; и Дерек проникся и гордостью за то, как ему удалось себя держать, и торжеством победителя, и чувством собственного достоинства. Ему удалось и отстоять свою свободу, и заставить врага отступить, и даже проманипулировать своей связью с Грэхардом...

Тут Дерек споткнулся, осознав, что именно он только что наплёл Михару.

Там и тогда оно было первым, что пришло ему в голову, и он весьма обрадовался, что этого хватило, чтобы Михар поверил, проникся и отступил.

Теперь же он понимал, что высказанные им мысли звучат и впрямь логично.

Разведка Грэхарда была и в самом деле весьма хороша.

Застыв посреди улицы, Дерек с глубочайшим потрясением осознал, что не знает ни одной причины, по которой Грэхард мог бы его не обнаружить. За десять-то лет! И сбежал-то недалеко. И очевидным путём. И не скрывался совсем.

«Он знает», — набатом ударило в голове Дерека.

«Он знает», — в священном ужасе повторил он одними губами, пытаясь осмыслить и принять эту мысль.

Грэхард не мог ни упустить его след, ни потерять его во время шатаний по Анджелии. Он должен был знать — всё.

«Он знает», — твёрдо окрепло в нём это убеждение, вызывая, однако, скорее не страх, а изумление.

Он знает, да, но он ничего не предпринял. За все эти годы он не сделал ни одной попытки вернуть Дерека. Потому что...

Отбросив самое очевидное объяснение — даже не задумавшись над его возможной реальностью! — он стал изобретать причины совершенно нереалистичные.

«Должно быть, он счёл этот вопрос слишком незначительным», — с сомнением сделал вывод Дерек, закинув руки в карманы и отправляясь в дальнейший путь. Вывод этот отдавал горечью и тоскою.

В конце концов, в самом деле, зачем бы Грэхарду сдался предавший его и сбежавший друг? Должно быть, ему и думать было противно о мерзком предателе, который так обманул его доверие!

Можно было удивиться, что его не настигла страшная месть; но, с другой стороны, Дерек знал, что Грэхарду не чужд некий личный кодекс чести. Должно быть, он счёл, что Дерек в своё время сделал слишком много полезного и нужного, и на основании этого он помиловал его и позволил ему жить.

Такое объяснение вообще никак, никаком боком, ни с каким допущениями не вписывалось в характер Грэхарда; но Дерек этого в упор не видел.

Сделанный им вывод, конечно, был горьким и болезненным, но... а чего он ещё ждал? Что Грэхард — что? Приедет с ним поговорить? Письмо ему пошлёт?

Дерек аж расфыркался, вообразив себе нелепое сентиментальное письмо и отказываясь признавать, что именно на что-то такое он и надеялся внутри своего сердца, надеялся исступлённо, тоскливо, жадно. Хоть пара строк, которая говорила бы, что между ними нет счётов, что Дерек прощён за свой побег...

«Он позволил тебе жить; чего ещё?» — недовольно дёрнул Дерек плечом, неприятно поражаясь своей собственной потребности в том, чтобы хоть раз ещё поговорить с Грэхардом, чтобы ощутить, что он прощён, что Грэхарду всё ещё не всё равно, что с ним и...

«Ну ещё сам в Ньюн явись теперь!» — разозлился на себя Дерек, пиная попавшийся на дороге камень. Он отчаянно и яростно злился теперь на эту надежду — что Грэхард, возможно...

...даже в самых сокровенных мыслях он так и не озвучил самое очевидное объяснение бездействия Грэхарда: было слишком страшно поверить — и разочароваться.

Нет уж, эту историю нужно оставить, наконец, в прошлом! Разнылся тут! Слишком много, понимаешь ли, хочешь! Грэхард, видите ли, знает, где он, но ему совершенно на это насрать! Эка беда!

И слава Богу, что насрать. И пусть и впредь так и будет; и он, Дерек, поживёт наконец спокойно. Так, как ему хочется.

Покивав с досадой, Дерек вытащил руки из карманов и обнаружил, что уронил какой-то листок.

Он не помнил, чтобы оставлял в пальто какие-то записки.

Нахмурившись, он поднял листок и прочитал на нём: «Причал № 5».

Почерк был незнаком; людей, с которыми он планировал бы встречаться в порту, он припомнить не мог.

Он уже было чуть не выбросил эту записку — мало ли, по ошибке попала! — как вдруг ему пришла в голову мысль, что это Магрэнь могла таким странным образом назначить ему встречу.

«Ну точно!» — раскрутил он в своей голове потенциальную цепочку. Магрэнь могла узнать, что Михар снова начал плести свои интриги, и отправить за ним своего человека, а тот мог подкинуть записку в пальто Дерека!

Приободрившись, он зашагал в порт с удвоенной скоростью: ему хотелось успокоить Магрэнь и заверить, что с Михаром больше проблем не будет.

Мысль о том, что с Михаром реально больше проблем не будет, наполняла его сердце особой радостью, и к порту он подошёл в самом прекрасном расположении духа.

Причал № 5, однако, был пуст; впрочем, и время в записке не было указано, так что Дерек решил подождать, заодно оглядываясь в так полюбившемся ему месте. Если о чём он и жалел, уезжая из столицы, — так это о порте. Ему нравилось здесь: нравился запах моря, скрип снастей, гомон торговцев и моряков, порывы резкого и холодного ветра...

Дерек гулял взад и вперёд по набережной, наслаждаясь пьянящим воздухом, который пах, как сама свобода. Особо ему нравилось рассматривать корабли — ныне в порту их было несколько, и один из них как раз пришвартовался на том самом причале, который его интересовал.

Убранные паруса не позволили Дереку узнать этот корабль издалека; только находясь уже у причала, он осознал, что перед ним — ньонская каравелла.

Сердце его сжалось нехорошим предчувствием и страхом.

Он поскорее вытащил из кармана ту самую записку — нет, надпись была сделана на анжельском.

Впрочем, если это была ловушка...

«Какая ловушка? — окоротил сам себя Дерек. — Если бы он и в самом деле планировал бы что-то, ему не нужны были бы ловушки».

Не было никакого прока заманивать Дерек на ньонскую каравеллу, если его можно было просто схватить и погрузить на неё силой.

«Всё ньонское плохо на меня влияет», — со смешком повторил Дерек старые слова Райтэна, в который раз убеждаясь в их правдивости.

Поскольку никакой Магрэнь — или её посыльных — на причале не наблюдалось, Дерек гуляющей походкой прошёл дальше, снова отдаваясь тому удовольствию, какое ему доставляла прогулка. Лёгкая насмешка над самим собой прогнала мрачные мысли; в какой-то момент он подумал, что давно не видел каравелл, и было бы интересно понять, узнает ли он ту, которая стоит теперь в порту. В конце концов, все они отличались друг от друга, и в ньонской столице он провёл на них достаточно времени, чтоб знать эти отличия!

«Да и название!» — мелькнуло у него в голове, и он обернулся.

С этого ракурса корма каравеллы была ему прекрасно видна, и он без проблем прочёл золотящиеся в осеннем мягком солнце буквы.

Несколько секунд он стоял, ошеломлённый, не в силах поверить, что видит то, что видит.

Он сморгнул; глаза его заслезились, он машинальным жестом протёр их; но искрящиеся солнечными лучиками буквы всё ещё упрямо складывались в слова «Неудержимый голубь».

Дерек издал сдавленный беспомощный звук.

Там, в Ньоне, было в обычае давать людям звучные прозвища. Но он, Дерек, был там пришлым, да к тому же — отчасти и шутом — поэтому он использовал по отношению к себе десятки забавных прозвищ, чтобы повеселить Грэхарда.

Неудержимым голубем он звал себя всякий раз, когда затевал носить личную переписку владыки.

Дерек снова поморгал; сердце его заходило истошным бешеным стуком, грудь сдавливало от нехватки воздуха — он пытался сделать вдох, но у него этого совершенно не получалось, пока, наконец, он не закашлялся от нехватки кислорода.

Писать сентиментальные письма было, определённо, не в характере Грэхарда.

Поэтому с присущим ему размахом он прислал целую каравеллу, на которой лаконично написал всё, что имел сказать.

И Дерек увидел за двумя словами куда как больше, чем можно было бы написать в самом даже подробном письме.

Неудержимый голубь — это и признание его права на свободу, и восхищение им, и указание на бывшую между ними близость — на близость, от которой Грэхард не отказывался, несмотря ни на что, — и пожелание удачи, и...

Дерек так и стоял столбом, не чувствуя, как по щекам бегут слёзы, и совершенно забыв, что где-то здесь, на пристани, должен теперь находиться и зловецкий ньонский агент, который по приказу Грэхарда подбросил ему эту записку и должен был теперь убедиться, что послание получено.

В голове Дерек не было сейчас и вообще ни одной мысли; потому что весь он, без

остатка, превратился в этот момент в собственное сердце — и сердце это билось, несло, задыхалось, захлёбывалось глубокой, искренней, бесконечной любовью.

Той самой любовью, Которую Дерек называл Богом.

Послесловие

Дерек уедет в Кармидер и станет преподавателем истории в Кармидерском университете. Он проживёт ещё долгую жизнь, и студенты будут обожать его всей душой. Он станет тем преподавателем, чьих пар не прогуливают, потому что получают там нечто гораздо большее, чем простое знание — получают там то, что делает человека — человеком.

Спустя несколько лет Дерек обретёт всё же семейное счастье; правда, его избранница тоже будет уже немолода, так что его мечты о многодетной семье не сбудутся. Однако он не будет чувствовать себя обделённым: ему хватит и студентов, и детей друзей.

С Грэхардом Дерек больше никогда не увидится, но в своё время он примет большое участие в устройении судьбы его дочери.

Райтэн и Олив родят ещё одного ребёнка, девочку. Когда ей исполнится два года, они снова подорвутся носиться по всей Анджелии, с двумя детьми в охапке. Дочка будет от такого образа жизни в восторге, а вот Браэн окажется недоволен этим раскладом. Он вообще вырастет более спокойным и рассудительным, чем родители, и в своё время — к полнейшему ужасу Райтэна — станет правителем Аньгье. Памятуя о собственных ошибках, Райтэн сумеет сохранить с сыном тёплые и доверительные отношения, несмотря на разницу во взглядах.

Олив со временем найдёт своё дело и реализует себя в нём. Любовь к семье останется прочным фундаментом, на котором она выстроила свою жизнь, но жизнь эта не будет исчерпываться только семьёй.

Илмарт будет продолжать заниматься своим карточным проектом, а также, и впрямь, станет наставником гвардейцев Кармидерского университета, к вящей славе сего заведения. В будущем показательные выступления его учеников будут иметь огромный успех.

Также Илмарт умудрится обзавестись женой и несколькими детьми. С учётом того, что Тэнь и профессор с грехом пополам умудряются между своими научными изысканиями родить одного ребёнка, но не найдут времени им заниматься, в кармидерском доме Тогнаров одно время будет базироваться настоящий детский сад — к полному восторгу тётушки.

Джей долгие годы будет личным помощником Дерека, пока сам не женится. После он подхватит дело Илмарта с тренировкой гвардии.

Руби однажды вернётся в проект с картами в качестве иллюстратора. Это произойдёт через несколько лет, после того, как её супруг обзаведётся владениями неподалёку от Кармидера, и они переберутся туда. Ей удастся установить весьма тёплые отношения с Илмартом и Дерекком, а вот между нею и Райтэном и Олив так и останется холодная и настороженная враждебность.

Михар и Магрэнь — оба будут весьма довольны своим браком, потому что каждый получит от него именно то, что хотел. Через несколько лет Михара изберут правителем Анджелии, и Магрэнь будет при нём отнюдь не декоративной спутницей. Она станет принимать в государственных делах самое живое участие, и их тандем окажется весьма продуктивным и войдёт в историю.

Особо важной их реформой станет введение на территории Анджелии единого свода законов и единой законодательной системы.

Некто господин Анодар всё-таки будет им помогать в разработке этого проекта — и Магрэнь отказывается давать комментарии по поводу того, как ей удалось это устроить.

...а спустя двадцать лет встретятся в одном месте четыре уникальные и яркие девушки: беглая дочь бывшего ньонского владыки, избалованная дочка бывшей правительницы Анджелии, дерзкая сестричка правителя Аньтье и рассудительная наследница правителя Канлейрона... И солнце, зажжённое их дружбой, осветит весь Срединный мир!

Дорогие друзья!

Этот роман значит для меня гораздо больше, чем все мои остальные книги: сюда я вложила, по сути, то главное, что успела понять за первые тридцать лет моей жизни. Мне хотелось поделиться с вами тем солнцем, которое горит в моем сердце, и, надеюсь, мне это удалось.

БЛАГОДАРНОСТИ

Роман посвящается двум самым важным людям в моей жизни: моей названной сестре, Марине Керре (известна так же как мой консультант по психологии), и моему названному брату, Максиму Алиеву (известен так же как мой консультант по матчасти). Ни в русском, ни в анжельском языке нет слов, которые могли бы выразить мои чувства к ним, поэтому я написала целый роман — в надежде передать, что именно они для меня значат.

Оба они вот уже много лет помогают мне с моим творчеством и активно консультируют меня во время написания моих книг; но в работе над романом "В поисках солнца" они участвовали особенно активно и серьезно. Без их советов и идей роман никогда не стал бы таким, каким вы его сейчас прочли. Многие сцены мы прорабатывали многократно, я переписывала их по пять-шесть раз, и всякий раз на три головы мы находили способ сделать эти сцены еще лучше. Мне хотелось бы отдельно отметить их вклад в работу, чтобы вы понимали, что такие вещи, как "В поисках солнца", невозможно написать в одиночку — будь у тебя хоть два филологических образования.

Максим, читавший черновики романа по мере написания, постоянно пинал меня и не давал снизить планку. Довольно часто меня одолевало искушение "да просто написать уже, как выйдет" — и каждый раз в ответ на такую попытку меня ожидал очень сердитый телефонный звонок с гневным вопросом на том конце провода: "Маш, что я сейчас прочитал?!" Халтура категорически не проходила! Максим раз за разом терпеливо напоминал мне, что роман выходит слишком хорош, поэтому мне нужно продолжать держать выбранную планку и не лениться прорабатывать все нюансы.

Особенно активное участие Максим принимал в разработке заговора против Грэхарда, вообще в линии Дерек-Грэхард, в линии Райтэн-отец, в линии Михара и в разработке характера Михара. Линия с татуировками Дерека — тоже чисто его заслуга, а еще он существенно расширил роль Илмарта и его раскрытие в тексте, а также не позволил мне слить образ Магрэнь.

Марина работала над романом по темам. Мы брали с ней какую-то одну линию и зачитывали эпизоды из нее сплошняком, а она задавала уточняющие вопросы и вносила коррективы по ходу текста. По первоначальному замыслу, характеры в романе были более плоскими и простыми (это и до сих пор видно по первым частям), и именно Марине мы обязаны тем, что персонажи стали многогранными, объемными и живыми. Она буквально отслеживала текст по строчкам, к каждой строчке выдывая мне целый вагон психологических комментариев. Мы даже с ней смеялись, что это похоже на психотерапию, только с книгой ("А что он почувствовал? А что он подумал? А почему он поступил так?")

Особенно много сил Марина вложила в помощь с проработкой линий Райтэн-отец, Райтэн-Олив, Дерек-Магрэнь, Дерек-Михар и Дерек-Грэхард.

Хотя в основном Максим и Марина работали автономно друг от друга, в нескольких случаях мы объединяли усилия. Три эпизода в книге мы прорабатывали почти в соавторстве: сцену, в которой Михар пришел угрожать Магрэнь, сцену, в которой Дерек понимает, что против Грэхарда организуют заговор, и сцену ссоры Райтэна с отцом. Некоторые фразы и обороты в этих сценах придуманы ими и с их разрешения вставлены в текст.

Также хочу выразить благодарность моему консультанту по истории, кандидату исторических наук Василию Короткову. С ним мы обсуждали только отдельные эпизоды, но его помощь была воистину бесценна, особенно в проработке заговора против Грэхарда. Заговор мне также помогали прорабатывать и другие мои друзья, за что им огромное спасибо.

Еще одна волна благодарностей отходит моим подписчикам и зрителям в ТикТоке. Я часто делилась там своими трудностями по мере написания романа, и многие отзывчивые люди охотно делились со мной идеями и советами. Некоторые из них и впрямь были использованы в романе.

Отдельно хочу выделить писателя и тиктокера Jack Gelb. Если бы не ее ТикТоки, в романе не было бы господина Михара. Понимаю, сейчас вам трудно в это поверить, но первоначально такой персонаж не был запланирован, и текст выстраивался совсем иначе. На создание господина Михара меня вдохновила именно Jack — своими яркими и удивительными скетчами про злодеев и антагонистов. Она же дала персонажу имя.

ТВОРЧЕСКИЕ ПЛАНЫ

Конечно, я, как всегда, не могу остановиться на написанном.

Роман планируется сопроводить целым циклом повестей "Солнечные брызги". Эти повести будут более подробно раскрывать внутренний мир отдельных персонажей романа (большая часть будет, к тому же, написана от первого лица). Первая повесть — "Грэхард" — уже готова и будет выложена на днях. В ней вы узнаете, чем все это время занимался грозный владыка Ньюна. Также уже начата повесть от лица Олив, которая покажет события романа совсем с другого ракурса. Планируются повести, посвященные Райтэну, Магрэнь, Илмарту и Джею.

Совершенно точно будет написан отдельный роман про то, что было дальше с Михаром и Магрэнь (уж слишком интересная там вырисовывается картинка). Если результат можно будет причислить к любовным романам, то он войдет в цикл "Королевы Срединного мира".

Вообще, хотелось бы что-то рассказать и о преподавательской деятельности Дерекка — полагаю, он будет в этом просто безмерно хорош!

Совсем вбоквельно: в цикл "Принцессы Срединного мира" планируется включить повесть об адмирале, дядюшке Райтэна, и нийской принцессе.

Совсем-совсем нескоро: вас еще ждет чумовой роман про четырех девчонок, большая часть из которых является дочерьми персонажей "В поисках солнца". Задумано нечто совершенно грандиозное и сравнимое по проработке и силе с текущим романом.

А еще мой консультант по психологии грозит написать фанфик, в котором Магрэнь осталась с Дерекком.

ЛИТЕРАТУРНЫЕ ПРЕДШЕСТВЕННИКИ

Роман писался в полемике со знаменитыми "Тремя мушкетерами" А.Дюма. Мне хотелось показать, как вижу дружбу я. Отдельные эпизоды вдохновлены Дюма, но раскрыты

совсем иначе. А еще кардинал Ришелье немного наследил в образе господина Михара.

Совершенно точно, мне не давали покоя лавры Л.Н.Толстого и его романа "Война и мир". До эпопеи я не дотянула, зато оторвалась на психологии. Думаю, мои попытки подражать Л.Н. и развивать заложенные им принципы очевидны и заметны.

Очень большое влияние на текст оказал В.Гюго. Я использовала его манеру вкладывать противопоставление в противопоставление и множить контрасты для усиления драматичности.

В отдельных эпизодах вам могут вспомниться тексты Э.Г.Раткевич. Да, я определенно ссылаюсь на них. Да, я обожаю этого автора, и постоянно вставляю на нее отсылки. Особенно ярко они видны в теме верности, теме побега и теме ученик/учитель.

Где-то в образе Магрэнь наследила незабвенная Скарлетт О'Хара.

При желании вы найдете тему Овода и Монтанелли во взаимоотношениях Райтэна с отцом и Дерека — с Грэхардом.

Если вы увидели что-то общее с фанфиком Tansan "Команда" — вам не показалось.

Сюжет нагло стырен из мономифа Кэмпбелла и "Морфологии волшебной сказки" Проппа. Характеры не менее нагло стырены из типологии Майерс-Бриггс. Над драматизмом работал Жорж Польшти.

КОММЕНТАРИИ К МАТЧАСТИ

1. Я не знаю, как текут анжельские реки, и вам выяснять не советую. Кажется, на них не действуют законы физики.

2. Без понятия, на какой пороховой бочке планирует сидеть Михар в ожидании измены Магрэнь, но порох в Срединный мир по-прежнему не завезли.

3. У меня нет ни одного толкового объяснения по поводу того, какова все-таки мода в Анджелии в описываемый мною период. У меня нет ни одной идеи, почему в эпоху открытия каменного угля мужчины носят костюмы-тройки, а Магрэнь и вообще щеголяет нарядами с дерзкими разрезами, а Олив не снимает брюк, а у Руби при этом многослойные платья с нижними рубашками. Это загадочный анжельский менталитет. У них своя атмосфера.

4. Если вам кажется, что для своей эпохи Кармидерский университет слишком крут — вам не кажется. Это имба. У нормальных авторов какая-то супермагия на пустом месте, а у меня суперуниверситет, который на уровне условного XVII-го века проводит исследования уровня XIX-го.

5. Автор не экуменист. Автор православен до мозга костей. То, что автор явно симпатизирует Дереку, не означает, что он питает симпатии и к протестантской вере.

6. Без малейшего понятия, откуда у Джея настолько роскошные татуировки. По идее, он был слишком юн, чтобы успеть такими обзавестись. Возможно, однажды я либо поправлю этот момент, либо придумаю обоснуй.

7. Все имена в романе говорящие. На моем сайте создана отдельная энциклопедия по роману, где даны толкования имен и названий: [mariaberestova. rf/v-poiskah-solnca/](http://mariaberestova.rf/v-poiskah-solnca/)

8. Местами наблюдается несоответствие времени, требующегося для преодоления одного и того же расстояния. Впрочем, мы можем предположить, что разведка Грэхарда реально настолько крута, и преодолевает расстояния гораздо быстрее, чем все остальные. Почему бы и нет?

9. У знатоков могут возникнуть вопросы к обшивке судна свинцом (точнее, к тому, как

это себе представляет Райтэн). Вы не поверите, но это тот случай, когда мое объяснение — «это магия!» В Либерии магия существует, но ее тщательно скрывают от посторонних. Одно из проявлений этой магии наблюдает Райтэн: обшивку либерийских кораблей. Как бы Райтэн ни старался, у него не получилось бы повторить этот фокус, потому что либерийцы поддерживают эту обшивку магией. Не зная о магии, Райтэн исходит из неверных вводных и делает неправильные выводы.

10. Часть объяснений тонкостей матчасти и логики происходящего была безжалостно вырезана, поскольку объем романа и так оказался слишком велик. В частности, сильно пошли под сокращения эпизоды с побегом Дерека, эпизод с нападением степных волков и описание заговора против Грэхарда. Возможно, со временем я напишу для своего сайта подробные статьи, раскрывающие то, что не вошло в текст романа. В целом, это возможно и по поводу каких-то нюансов психологии и биографии персонажей — здесь тоже многое оставлено за кадром, в пользу большей лаконичности повествования.